

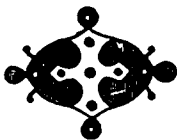
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

Мих. Ив. Семевскимъ.

1892 г.

ЮЛЬ — АВГУСТЪ — СЕНТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., д. № 80.
1892.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій.

ІЮЛѢ.

1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русские достопамятные люди. Записки в восьми. Рубинскіе къ собранію С. Д. Полторацкаго. (Окончаніе).	1	VII. Дмитрій Петровичъ Лебедевъ. 1851—1891 гг. Сообщ. Е. Н. Некрасова	217
II. Письма императора Павла Петровича къ ген.-лейт. П. И. Бердлеву, екатеринославскому военному губернатору, 1796—1797 гг.	49	VIII. Изъ политическаго быта XVIII в.: 1) Смерть боярыня Савина. — 2) Сексуальнаго Рюшионъ в его эпоху империализма. — 3) Сексуальнаго Амикова. Сообщ. А. Г. Пушаревъ	225
III. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ. 1757—1835 гг. Очеркъ изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX в. Главы III и IV. Сообщ. Н. Морозовъ.	71	IX. Иванъ Андреевичъ Крыловъ: первое изданіе его басенъ, 1809 г. Сообщ. Н. В. Масловичъ	182
IV. Императорскій московскій университетъ въ воспоминаніяхъ Николая Прохоровича Третьякова, 1798—1830 гг. Главы I—II.	105	X. Харьковскіе баснописцы: Григорій Сковорода. А. И. Нахимовъ и В. Г. Масловичъ. Сообщ. Н. В. Масловичъ.	136
V. Станиславъ Романовичъ Лепарскій, новгородскій поручикъ въ рязанскомъ и чигиринскомъ острогахъ, 1759—1838 гг. Биографическій очеркъ. Состав. В. Н. Тихомировъ.	143	XI. Материалы и записки: Чесобитые холота на своего боярина, 1709 г. (47). — Дѣло о битвѣ пудачаго, 1709 г. (178). — Сенатскій указъ о назначеніи къ службѣ неграмотныхъ людей, 1831 г. (70). — Гор. Оленскіе (235). — Поправки (180 и 224).	
VI. Въ Завиской области. Воспоминаніе о Михаилѣ Дмитриевичѣ Скобелевѣ врача О. Ф. Гейфельдера, 1879—1887 гг.	181	XII. Библиографическій листокъ (на обратнѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Николая Дмитриевича Слободина, † 25-го июля 1862 г., съ фотографіи, изданной 5-го февраля 1861 г., по слѣдъ штурма Геокъ-Тепе. Гравировалъ художникъ Н. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно получить: «Русскую Старину» изд. 1891 г. (Осталось 47 экз.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, л. № 80.

1892.

Императрица Марія Теодоровна (1759—1828). Ея біографія. Сост. К. С. Шумигорскій. Томъ I. Спб. 1892.

Выдающаяся личность супруга Павла I и матери двухъ, послѣдовательно царствовавшихъ другъ за другомъ, императоровъ давно уже ожидала своего біографа. Отрывочныя о ней воспоминанія и замѣтки, разбросанныя въ разныхъ журналахъ и выѣздахъ, не давали читателю возможности составить себѣ ясное понятіе объ этой, во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательной, женщинѣ. Восстановить передъ нами величайшій образъ ея вылася теперь г. Шумигорскій, и — судя по I тому его труда — можно надѣяться, что онъ вполне удачно справится съ возложенною имъ на себя задачей. По намѣченному авторомъ плану, біографія императрицы Маріи Теодоровны будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Первый томъ, нынѣ выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, заключаетъ въ себѣ разсказы о жизни Маріи Теодоровны до вступленія на престолъ Павла I и выѣзду цалю выслать тѣ условія, при которыхъ создавалась ея нравственная личность въ періодъ времени, предшествовавшій ея самостоятельной политической и благотворительной дѣятельности. Послѣдующіе три тома авторъ выѣзетъ въ виду посвящать изложенію этой дѣятельности въ связи съ исторіею учрежденій вѣдомства императрицы Маріи и культурнымъ состояніемъ современнаго ей русскаго общества. Программа, какъ видно, — широкая. Можно лишь пожелать, чтобы г. Шумигорскій столь-же удачно выполнялъ остальные ея части, какъ исполнена изъ первая. Обширный историческій матеріалъ (въ массѣ котораго не мало документовъ, впервые появляющихся въ печати) вылася изъ-подъ пера автора въ стройный и, въ высшей степени, занимательный разсказъ. Передъ нами ясно распрямается картина дѣтства и молодости блудной привѣдной принцессы, которой, волею Провиданія, суждено было стать супругою и матерью владетелей величайшей имперіи въ свѣтѣ; искусно обрисована авторомъ та обстановка, подъ впечатліемъ которой развивалась будущая царица, и та внутренняя работа, которую ей пришлось возложить на себя при перенесеніи въ совершенно

новую, чуждую ей, среду. Попутно съ графическимъ разсказомъ говорится современными политическими обстоятельствахъ Россіи, и о томъ, какъ отражались они на жизни великокняжеской четы, совершенно расквашенной характеромъ и сантиментализмомъ императрицы Екатерины. Вся книга, повторять, въ высшей степени занимательная и являетъ собою прекрасный выѣздъ въ нашу историческую литературу.

Очерки Кореи. Составлено по запискамъ М. А. Поджіо. Съ прилож. карты полуостр. Кореи. Спб., 1892 г.

Корея, ставшая нашею непосредственною сосѣдкою, вслѣдствіе приобретенія нами Уссурийскаго края, была до сего времени совершенно „terra incognita“ для европейцевъ. Проникнула туда, съ конца прошлаго столѣтія, лишь католическія миссіонеры; но они, вслѣдствіе гонимій на христіанъ, поставленны были въ крайне неблагоприятныя условія для изученія края, и большинство ихъ погубило мученическою смертію. Только въ 80-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія корейскій правитель рѣшился заключить торговыя договоры съ Северо-Американскими штатами и нѣкоторыми европейскими державами, въ томъ числѣ и съ Россіею (въ 1886 г.). Михаилъ Александровичъ Поджіо, прослуживъ 5 лѣтъ при нашей миссіи въ Пеканѣ, былъ въ 1881 г. назначенъ, для занятій по дипломатической части, въ распоряженіе начальника нашихъ морскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ, генералъ-адъютанта Лесовскаго, которому, помимо особой политической миссіи въ Китай и Японію, вѣщено въ обязанности войти въ сношенія съ нашими сосѣдами по Приморской области — корейцами. Новое служебное положеніе дало возможность М. А. Поджіо собрать обширныя и разнообразныя свѣдѣнія о Корей и ее жителяхъ и возвратиться въ Россію (1882) съ богатѣйшими матеріалами личными наблюденій, записанными въ ведомствѣ изъ дневникѣ. Дополнить эти наблюденія вышбогѣ достоверными свѣдѣніями о названной странѣ, разбросанными въ европейской литературѣ (изъ томъ числа, въ нынѣшнѣхъ „Запискахъ географическаго общества“), М. А. Поджіо окончилъ свой интересный трудъ, который и посланъ былъ имъ (въ 1886 г.) въ Б

МИХАИЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ

СЪ ФОТОГРАФИИ ИСПОЛНЕННОЙ 5 ФЕВРАЛЯ 1881
ПОСЛѢ ШТУРМА ГЕОКТЕПИ.

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ.

Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, изд. 1847 г., Спб., и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени.

[Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго].

„Иллюстрація“ и цензура въ 1847 г. ¹⁾.

Въ іюля мѣсяца настоящаго (1847) года журналъ „Иллюстрація“ поступилъ отъ Кукольника подъ редакцію А. П. Башуцкаго (д. ст. сов., камергера и помощника статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ). Онъ принялся за дѣло со свойственною ему горячностію. Желая придать журналу характеръ народнаго изданія, онъ заказалъ статьи и доски, изображающія станцію московско-петербургской желѣзной дороги (embarscadègre) и другіе виды на протяженіи ея въ первой станціи—Колпино. Когда ихъ оттиснули и послали къ цензору, онъ возвратилъ редактору, отозвавшись, что не смѣетъ пропустить статьи безъ особеннаго дозволенія главноуправляющаго надъ путями сообщеній. Башуцкій бросился въ товарищу его Рокасовскому, по случаю отсутствія самого гр. Клейнмихеля. Рокасовскій ужаснулся желанію редактора и объявилъ ему, что все, что можетъ онъ для него

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, май, стр. 217 — 245; июнь, стр. 457—487.

сдѣлать, это отослать къ графу. Сказано—сдѣлано. Черезъ нѣсколько дней возвратился посланный съ отвѣтомъ: „отнюдь не печатать“.

Та-же исторія повторилась со статьею и рисунками строящагося на Невѣ каменнаго моста, съ такимъ, говорятъ, прибавленіемъ: „какая надобность имъ знать напередъ что дѣлается,—когда будетъ кончено—увидать“.

Найдутся, вѣроятно, и есть люди, которые скажутъ, что гр. Клейнмихель поступилъ весьма благоразумно и самобытно, національно, памятуя, что мы живемъ не во Франціи и Англии, и что требовать иного образа дѣйствій отъ русской администраціи значить не понимать нашего положенія и быть между небомъ и землею. Можетъ быть, все это и такъ, но тогда для чего-же утверждать было программу „Иллюстраціи“, въ которую именно входило все, что касается государственныхъ сооруженій и построекъ. Для чего-же было публиковать цензурный уставъ, весьма умѣренный и довольно пространный, если существуютъ секретныя статьи, уничтожающія въ основаніи публично извѣстное его содержаніе и сущность?...

Тутъ есть немного мистицизма, Анахарсизъ - Клоотства, но это не бѣда. Бѣда въ томъ, что графу Петру Андреевичу Клейнмихелю и въ голову не входило имѣть этавія „завиральныя идеи“, а ворочаетъ онъ просто въ своемъ бругу „какъ чортъ въ болотѣ“, по народной поговоркѣ. Здѣсь, какъ видимъ, поговорка имѣетъ свое простѣйшее и ближайшее приложеніе. Новая желѣзная дорога пройдетъ черезъ болота, если они ее пропустятъ, въ чемъ многіе скептики сомнѣваются. Еще объясняю я себѣ выходку Клейнмихеля тѣмъ, что онъ имѣетъ противъ „Иллюстраціи“ злопамятованіе. Имя ея противно ему, какъ полагаю

Памятенъ также имъ Башуцкій съ статьею своею „Водовозъ“, появившеюся въ иллюстрированномъ изданіи „Наши“, въ началѣ 1842 года. Статья была открыто возмутительная въ смыслѣ христіанства, социализма, коммунизма. Написана тепло, одушевленно, если нѣсколько, можетъ быть, и односторонне. Его звали къ Бенкендорфу, въ то время, какъ умерла его теща (М-те Квитка), сдѣлали выговоръ по особому повелѣнію „за

возстановленіе низшихъ классовъ противъ высшихъ, аристократіи“; говорятъ, будто Башуцкій отвѣчалъ, что онъ не имѣлъ въ виду аристократіи, по той простой причинѣ, что ея у насъ не существуетъ, а есть чиновники... Я плохо этому вѣрю. Не жить-бы ему на бѣломъ свѣтѣ, не видать-бы ни камергерства, ни государственнаго совѣта и не печатать вовсе „Иллюстраціи“. Изданіе „Наши“ вскорѣ прекратилось.

Пословица говорить: „куда конь съ конькомъ, туда и рабъ съ клешней“. У насъ выходитъ наоборотъ. Клейнмихель, котораго, конечно, никто не назоветъ конемъ, въ смыслѣ построенія дорогъ, ибо онѣ подвигаются въ родѣ рака, исправляясь и переправляясь съизнова,—Клейнмихель запретилъ, какъ я сказалъ выше, двѣ статьи въ „Иллюстраціи“; вотъ за нимъ и другіе тянутся туда-же

По поводу возмущенія крестьянъ въ Витебской губерніи въ 1847 г.

23-го сентября 1847 г.

Сегодня двое витебскихъ помѣщиковъ X. и I. рассказывали мнѣ объ ужасахъ, у нихъ въ губерніи происходившихъ весною нынѣшняго года и жертвою которыхъ одинъ изъ нихъ едва было не сдѣлался. Число возмущившихся крестьянъ они полагаютъ до 25-ти тысячъ въ уѣздахъ Дриссенскомъ, Невельскомъ и Себежскомъ. Насилій и убійствъ совершенно ими не было, но сопротивленіе мѣстнымъ властямъ и даже вооруженной силѣ было ожесточенное. Многіе были изъ нихъ убиты солдатами, сопротивляясь имъ съ оружіемъ въ рукахъ. Многія женщины показывали свое участіе. Цѣль возстанія ихъ была, кажется, непосредственное освобожденіе изъ-подъ власти помѣщиковъ, чему подало поводъ составленіе инвентарей, отъ которыхъ они надѣются облегченія своего положенія. „Намъ будетъ лучше, говорили эти несчастливцы, — когда прійдетъ господинъ Инвентарь“. Они, кажется, считаютъ его лицомъ одушевленнымъ и не предполагаютъ, что подобно тому, какъ есть уже въ другихъ мѣстахъ, положеніе ихъ будетъ еще тягостнѣе. Инвентари приводятъ въ неумолимую ясность обязанности крестьянъ, мало

облегчая ихъ, мало возвышая личное ихъ значеніе и мало увеличивая права ихъ. Теперь нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ за себя невѣдѣніе помѣщиками всего пространства правъ своихъ; имѣютъ за себя какое-то еще старинное, патріархальное безразличіе пользованія владѣніями. Между ними не проведена еще та рѣшительная и безвозвратная черта отчужденія, которая лишитъ ихъ со временемъ участія и состраданія къ положенію ихъ, какъ людей совершенно чуждыхъ помѣщику, наемниковъ— не болѣе, а не семейныхъ, не домочадцевъ. Это слово, столько лѣтъ смягчавшее что было жестокаго и колющаго въ учрежденіяхъ нашихъ о крестьянствѣ, исчезаетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изъ нашего словаря гражданской жизни. Мы смотримъ (1847 г.) другъ на друга, господа и крестьяне, съ подозрѣніемъ.

Я, живши и служа долго въ губерніяхъ, не тороплюсь обвинять начальство, зная какія у него средства въ рукахъ и какъ въ Петербургѣ не любятъ печальныхъ извѣстій, почитая ихъ преувеличенными. Какія средства имѣютъ губернаторы во внутреннихъ юго-восточныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ? Сотни гарнизонныхъ солдатъ и казаковъ—и только.

Мы были свидѣтелями въ 1841 году, по Саратовской губерніи, во время бунта крестьянъ въ трехъ уѣздахъ, какія у насъ средства къ усмиренію. Едва могли послать изъ губернскаго города сотню солдатъ, да 40 казаковъ. Ослабить уѣздныя команды, безъ опасности распустить арестантовъ изъ остроговъ, было невозможно. Поневолѣ должны были обратиться въ командиру конно-артиллерійскаго резерва, генералу А** (извѣстному потерю ноги и плутовствомъ), и просить на усмиреніе его батареи. Сперва было онъ отказалъ, имѣя въ виду запрещеніе употреблять артиллерію на усмиреніе и экзекуцію, но послѣ убѣдилса не столько, полагаю, нашими доводами, сколько мыслью, что губернаторъ доѣдетъ его справочными цѣнами и отводомъ пастбищъ. Одиѣнь видъ войска регулярнаго и съ пушками произвелъ огромное вліяніе на крестьянъ—и они вездѣ покорились волѣ начальства и не довели до дѣйствія. Нѣсколько ударовъ нагайками да розги сдѣлали свое дѣло. Впрочемъ, мы играли въ игру опасную. Артиллерія не имѣла при себѣ боевыхъ зарядовъ, или, по крайности, орудій не заряжала....

Послѣ примѣра, бывшаго въ Тамбовѣ при усмирении бунта въ 1831 году, во время холеры, невольно станешь сомнѣваться, что самые солдаты могутъ измѣнить своему знамени и протянуть руку мятежникамъ. Что въ такомъ случаѣ ожидаетъ высшіе классы и управляющихъ—извѣстно одному Богу. Симптомы становятся (1847г.) страшны и многозначительны. Въ Витебской губерніи нѣкоторые грамотные крестьяне читали своимъ братьямъ публичные листы, въ которыхъ рассказывались ужасы, происшедшіе въ Галиціи въ 1846 году. Одинъ пошелъ далѣе и, вѣроятно, по тайному наущенію эмиссаровъ Польши, рассказывалъ крестьянамъ притчу о зернахъ... Грозная, многозначительная притча. Въ ней заключена, можетъ статься, вся будущая судьба царства и всего міра. Кто поживетъ, тотъ увидитъ, но, къ сожалѣнію, нельзя тутъ сказать, какъ сказывалъ нѣкогда Вольтеръ въ письмѣ къ маркизу д'Аржансону, пророчествуя о революціи: „Des jeunes gens sont bien heureux: ils verront des belles choses“...¹⁾ И онъ даже обманулся во многомъ, потому что дорого куплены тѣ прекрасныя вещи, которыхъ еще зарю видитъ его отечество

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ.

28-го октября 1847 г.

Примѣчанія къ исторіи Пугачевского бунта А. С. Пушкина, имъ писанныя и оставшіяся въ рукописи.

Стр. 16. Пугачевъ былъ уже пятый самозванецъ, принявшій на себя имя императора Петра III. Не только въ простомъ народѣ, но и въ высшемъ сословіи существовало мнѣніе, что будто государь живъ и находится въ заключеніи. Самъ великій князь Павелъ Петровичъ долго вѣрилъ, или желалъ вѣрить сему слуху. По восшествіи на престолъ, первый вопросъ государя гр. Гудовичу былъ: „живъ-ли мой отецъ?“

Стр. 18. Пугачевъ говорилъ, что сама императрица помогла ему скрыться.

Стр. 20. Первое возмутительное воззваніе Пугачева къ яцкиимъ казакамъ есть удивительный образецъ народнаго красно-

¹⁾ „Счастливы молодые люди: они увидятъ прекрасныя вещи“.

рѣчія, хотя и безграмотнаго. Оно тѣмъ болѣе подѣйствовало, что объявленія или публикаціи Рейнсдорпа были писаны столь-же вяло, какъ и правильно, длинными обиняками, съ глаголами на концѣ періодовъ.

Стр. 34. Упоминаемый здѣсь Нащовинъ былъ тотъ самый, который далъ пощечину Суворову (послѣ того, Суворовъ, встрѣчая его, всегда крестился и говорилъ: „боюсь, боюсь, онъ дерется“). Нащовинъ былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей того времени. Сынъ его написалъ его записки; отроду не читывалъ и ничего забавнаго. Государь Павелъ Петровичъ любилъ его и, при восшествіи своемъ на престолъ, звалъ его въ службу. Нащовинъ отвѣчалъ государю:

„Вы горячи, и я горячъ: служба впрокъ мнѣ не пойдетъ“.

Государь пожаловалъ ему деревни въ Костромской губерніи, куда онъ и удалился. Онъ былъ крестникъ императрицы Елисаветы и умеръ въ 1809 году.

Стр. 56. Императрица уважала Бибикова и увѣрена была въ его усердіи, но никогда его не любила. Въ началѣ ея царствованія былъ онъ посланъ въ Холмогоры, гдѣ содержалось семейство несчастнаго Іоанна Антоновича, для тайныхъ переговоровъ. Бибиковъ, возвратился влюбленнымъ безъ памяти въ принцессу Екатерину, что весьма не понравилось государынѣ. Бибикова подозрѣвали благопріятствующимъ той партіи, которая будто-бы желала возвести на престолъ вел. кн. Павла Петровича. Сямъ призракомъ безпрестанно смущали государыню, и тѣмъ отравляли сношеніе между матерью и сыномъ, котораго раздражали и ожесточали ежедневныя мелочныя досады и подлая дерзость временщиковъ.

Бибиковъ не разъ бывалъ посредникомъ между императрицею и великимъ княземъ. Вотъ одинъ изъ тысячи примѣровъ: великій князь, разговаривая однажды о военныхъ движеніяхъ, подозвалъ полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросилъ—во сколько времени полкъ его (въ случаѣ тревоги) можетъ поспѣть въ Гатчину? На другой день Александръ Ильичъ узнаетъ, что о вопросѣ великаго князя донесено и что у брата его отнимаютъ полкъ. Александръ Ильичъ, распросивъ брата, бросился къ императрицѣ и объяснилъ ей, что слова великаго князя были не что иное, какъ военное сужденіе, а не заговоръ. Государыня успокоилась, но сказала:

— „Скажи брату своему, что, въ случаѣ тревоги, полкъ его долженъ идти въ Петербургъ, а не въ Гатчино“.

Стр. 78. Уральскіе казаки (особливо старыя люди) до нынѣ привязаны къ памяти Пугачева: „грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ти-лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся: онъ намъ зла не сдѣлалъ“.

Когда упоминалъ я объ его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: „не его воля была: наши пьяницы его мучили“.

Стр. 84. Казни, производимыя въ Башкиріи генераломъ княземъ Урусовымъ, невѣроятны.

Стр. 93. Князь Голицынъ, нанесшій первый ударъ Пугачеву, былъ молодой человекъ и красавецъ. Императрица замѣтила его въ Москвѣ на балу (въ 1775 г.) и сказала: „какъ онъ хорошъ! настоящая буколка“.

Стр. 137. Кто были сіи смышленные сообщники, управлявшіе дѣйствіями самозванца? Перфильевъ? Шигаевъ? Это должно явствовать изъ процесса Пугачева, но, къ сожалѣнію, я его не читалъ, не смѣлъ распечатать безъ высочайшаго на то соизволенія.

Стр. 157. Настоящая причина, по которой Румянцевъ не захотѣлъ отпустить Суворова, была зависть, которую питалъ онъ къ Бибикову, какъ вообще ко всѣмъ людямъ, коихъ соперничество казалось ему опаснымъ.

Стр. 164. Падуровъ, какъ депутатъ, въ силу привилегій, данныхъ вмяннымъ указомъ, не могъ ни въ какомъ случаѣ быть казненъ смертію. Не знаю, прибѣгнулъ-ли онъ къ защитѣ сего закона: можетъ быть, онъ его не зналъ; можетъ быть, судьи о томъ не подумали; тѣмъ не менѣе, казнь сего злодѣя противозаконна.

Общія замѣчанія. Пугачевъ имѣлъ въ народѣ множество сторонниковъ. Одно дворянство было открытымъ образомъ на сторонѣ правительства. Пугачевъ и его сообщники хотѣли сперва и дворянъ склонить на свою сторону, но выгоды ихъ были слишкомъ противоположны. NB. Классъ приказныхъ и чиновниковъ былъ еще малочисленъ и рѣшительно принадлежалъ простому народу. То-же можно сказать и о выслужившихся изъ солдатъ офицерахъ. Множество изъ сихъ послѣднихъ были въ шайкахъ Пугачева. Шванвичъ одинъ былъ изъ хорошихъ дворянъ.

Всѣ нѣмцы, находившіеся въ среднихъ чинахъ, сдѣлали честно свое дѣло. Михельсонъ, Муфель, Меллинъ, Дидъ, Демаринъ, Дуве и пр. Но всѣ тѣ, которые были въ бригадирскихъ и генеральскихъ, дѣйствовали слабо, робко, безъ усердія: Рейнсдорпъ, Брантъ, Каръ, Фрейманъ, Корфъ, Валленштернъ, Биловъ, Декалонгъ и пр. и пр. Разбирая мѣры, предпринятыя Пугачевымъ и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самыя надежныя и дѣйствительныя къ своей цѣли; правительство, съ своей стороны, дѣйствовало слабо, медленно, ошибочно.

Нѣтъ зла безъ добра: Пугачевскій бунтъ доказалъ правительству необходимость многихъ перемѣнъ, и въ 1775 году послѣдовало новое учрежденіе о губерніяхъ. Государственная власть была сосредоточена; губерніи слишкомъ пространныя раздѣлились; сообщеніе всѣхъ частей государства сдѣлалось быстрѣе etc.

Замѣтка о двухъ статуяхъ, находящихся въ музеяхъ Италіи.

О точильщикѣ и гладіаторѣ—статуяхъ во Флоренціи и Римѣ, представляющихъ типы славянина, какъ думаютъ Мицкевичъ и Байронъ, смотри Шевырева „Исторію русской словесности“, лекція вторая; Мицкевича „L'eglise officielle et le messianisme“, 1842—43, partie 1-re, и „Child-Harold“ Байрона.

Мецены благо времени.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ № 26-й, отъ 3-го февраля 1848 г., напечатано парижское письмо Н. И. Греча, въ которомъ онъ называетъ представительное правленіе кукольною комедіею.

Въ той-же „Пчелѣ“ отъ 9-го февраля 1848 г. № 31, въ фельетонѣ, по случаю драмы А. Дюма „Монте-Кристо“, рѣчи Одильона-Барро названы лаемъ.

Любопытно сравнить эти выходки съ мнѣніемъ Пушкина, написавшаго, между прочимъ, и „Къ клеветникамъ“, и „Бородинскую годовщину“, и „Родословную моего героя“, и „О ценсурѣ“,—любопытно, говорю, сравнить съ стихотвореніемъ его

„Къ вельможѣ“ (Собр. сочин. 1838 г., т. III, стр. 173), гдѣ онъ, говоря о представительномъ правленіи, выражается такъ:

„Но Лондонъ звать твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натяскъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружинны смѣлыя гражданственности новой“.

Можно только улыбнуться тому, что съ этими политическими разсужденіями Пушкинъ обратился къ человѣку, оставившему по себѣ память одного изъ неисправимыхъ представителей времени регентства (*du bon vieux temps*), которому въ голову, вѣроятно, никогда не входили такаія отвлеченности. Мнѣ осталось памятно то представленіе меня князю Н. Б. Юсупову (вельможа) въ 1824 году, которое имѣло цѣлю опредѣленіе меня въ училище какое-то (кажется дворцовое), находившееся въ его завѣдываніи. Помню эти огромныя залы, убранныя во вкусъ Людовика XV, множество картинъ и статуй, множество грубой челяди; наконецъ, кабинетъ сибарита, его пресыщенную, сонную фигуру, бѣлый шлафоръ и церемонію его пудренія головы.

Странно, что Пушкинъ не нашель въ Россіи къ кому обратиться съ прекрасными своими стихами. Тогда еще живы были и Мордвиновъ и Витгенштейнъ... Конечно, нельзя задавать поэтамъ темъ для ихъ сочиненій; но неужели нельзя требовать, чтобы они оставались вѣрными дѣйствительности, времени, лицу... Намъ непремѣнно хочется имѣть представителей по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, *célébrités de tous genres*¹⁾, и, благодаря этому усилію, мы производимъ въ меценаты и покровители искусства людей тщеславныхъ и самыхъ незначительныхъ. Пора-бы намъ опомниться и опредѣлить ясно что такое были покровители свободныхъ искусствъ во времена Екатерины, Александра I-го и наше (1848 г.). По всему можно, кажется, заключить, что мало, если вовсе не было людей, понимавшихъ искусство въ высшемъ его значеніи. Чтобы убѣдиться въ томъ, надобно припомнить исторію Тредьяковскаго съ Волынскимъ, участь Бернардень-де-Сенъ-Пьера, пріѣзжавшаго

¹⁾ Знаменитостей всякаго рода.

въ Россію и вовсе не оцѣненнаго; обращеніе Вяземскаго (генераль-прокурора) съ Державинимъ; положеніе Карамзина, самого Пушкина... Что-же касается до искусствъ, то можно убѣдиться сколько понимали въ немъ толку по коллекціямъ Эрмитажа, академіи, дворцовъ и домовъ нашихъ вельможъ, гдѣ на сто посредственностей едва-ли приходится одна порядочная. Много въ этомъ отношеніи открылъ глаза Л. Віардо (мужъ пѣвицы, переводчикъ на французскій языкъ съ помощію другихъ, части „Героя нашего времени“, „Тараса Бульбы“ и „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“) своею книгою „Musées de l'Europe“¹⁾, гдѣ онъ рассказываетъ исторію основанія нашего Эрмитажа. Что мы до сихъ поръ едва лепечемъ въ искусствахъ—доказательство тому отсутствіе народной школы въ живописи и архитектурѣ и жалкое состояніе академіи художествъ, едва доступной (1848 г.) безъ разныхъ формальностей и протекцій. Монферанъ въ великолѣпномъ (парижскомъ) изданіи „L'église de St. Isaak“ пресерьезно увѣряетъ, что съ построеніемъ ея началась новая эра для искусствъ въ Россіи, долженствующая прославить настоящее царствованіе. Я позволяю себѣ сомнѣваться и укажу г. Монферану, что вѣкъ Людовика XIV, конечно столь громкій постройками и предпріятіями, едва не стоившими погибели государству, ничего не произвелъ безсмертнаго и общевсѣмірнаго. Два-три имени всплыли изъ рѣки забвенія, поглотившей посредственности, трудившіяся исполнять причуды и фантазіи Людовика XIV: Мансаръ, Перольтъ... можетъ быть еще Ле-Бренъ, Ле-Нотръ, но и то какъ хорошіе спеціалисты. Еслибъ мнѣ не указали на конныя группы, стоящія у входа въ Елисейскія поля и Тюльерійскій садъ, знаменитаго и прославленнаго Куту (Coustou)—я право и не догадался-бы... такъ это все ложно и оляповато.

¹⁾ „Музеи Европы“.

Изъ библиографіи переводныхъ и отечественныхъ изданій сочиненій А. С. Пушкина.

Въ библиографіи, помѣщенной въ № 31-мъ отъ 7-го февраля 1848 г. „Спб. Вѣдомостей“, подписанной К. П. (Ксенофонтъ Полевой) находится извѣстіе о переводѣ Евстафіемъ Ольдекопомъ, извѣстнымъ нашимъ лексикографомъ, на нѣмецкій языкъ „Кавказскаго Плѣнника“ съ текстомъ русскимъ (en regard), едва не подавшемъ поводъ къ процессу между поэтомъ и переводчикомъ. Полевой находитъ, что эта черта любопытная. Въ чемъ-же? Неужели Пушкину должно было оставаться равнодушнымъ къ этому, едва-ли и нынѣ законами опредѣленному, нарушенію права авторской собственности? Я удивляюсь даже, что онъ не имѣлъ дѣла насчетъ этого. Вспомнимъ процессы Вольтера съ издателями Байрона, Шатобриана et tant d'autres. Ксенофонтъ Полевому не слѣдовало-бы трогать этихъ щекотливыхъ предметовъ, чтобы не тревожить праха покойнаго брата Николая Алексѣевича. Лучше-бы онъ сдѣлалъ, еслибъ означилъ съ точностію—когда и гдѣ именно сдѣлано изданіе нѣмецкаго перевода Ольдекопомъ?

Кстати объ изданіяхъ Пушкина:

Въ Росписи російскимъ книгамъ Смирдина (изд. 1828 г.) изданія разныхъ сочиненій Пушкина означены такъ:

1) № 6637. Стихотворенія Александра Пушкина. Спб., въ тип. Деп. Народн. Просвѣщ. 1826 г. (8).

2) № 6751. „Бахчисарайскій фонтанъ“, соч. Ал. Пушкина. М., въ т. Семена, 1824 г. (8). То-же, изданіе 2-е, исправленное. Спб., въ т. Деп. Народн. Просв. 1827 г. (16). (NB. Кажется, въ 1827 г. или 1826 г. вышелъ въ свѣтъ переводъ на нѣмецкій или французскій языкъ. Такъ-ли и чей онъ?).

3) № 6752. „Братья разбойники“, соч. Ал. Пушкина. М., въ тип. Семена, 1827 г. (8).

Въ переводѣ соч. Пушкина, вышедшемъ въ Парижѣ въ концѣ 1846 года (*Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine par H. Dupont, 1847*), въ библиографической статьѣ, кажется сообщенной переводчику Плетневымъ (П. А.), см. стр. IX предисловія, я нашелъ на стр. 20-й слѣдующее: „il ajouta au second („Les frères brigands“) une introduction courte, il est vrai, mais si remar-

quable par la nouveauté de son caractère, qu'elle pourrait soutenir le parallèle avec les fragments du plus grand mérite¹⁾. Что это за интродукція? Если здѣсь говорится о введеніи или прологѣ въ „Братьямъ разбойникамъ“, начинавшемся такъ: „Не стая вороновъ слеталась“ и проч., то онъ былъ напечатанъ еще въ „Поларной Звѣздѣ“ на 1825 годъ, гдѣ вся, кажется, помѣщена была и поэма, кромѣ развѣ нѣсколькихъ стиховъ. Вѣроятно, съ нея печаталось изданіе и 1827 года. Нужно сличить: „Поларную Звѣзду“ изд. 1827 г. и изд. 1838—1841 гг.

4) „Евгеній Онѣгинъ“, романъ въ стихахъ, соч. Ал. Пушкина. Шесть главъ. Спб., въ тип. Дец. Народн. Просвѣщ., и М., въ тип. Семена, 1825—1828 гг. (12).

Странно, что здѣсь не различено съ ясностью въ какому году отнеси должно появленіе каждой главы. Это важно для историка Пушкина. Теперь нужно рыться и доставать подлинники. Когда-же вышли послѣднія? Осьмая, кажется, явилась въ концѣ 1831 г. или началѣ 1832 г.

Здѣсь встаетъ упомянуть: сотрудникъ „Сѣверной Пчелы“ Я. Я. Я. (псевдонимъ Бранта, автора „Аристократки“, „Жизнь какъ она есть“ и „Русской критики или критиковъ русскихъ“), помѣщая въ „Сѣверной Пчелѣ“, 19-го января 1848 г., № 14, девятую (IX) главу своего разсказа: „Черезъ десять лѣтъ“, избралъ къ ней эпиграфомъ стихи Пушкина изъ IX главы „Онѣгина“, не изданной:

Пора: перо покоя просить;
Я восемь пѣсень написалъ;
На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валъ.

Надъ словомъ валъ г. Брантъ поставилъ звѣздочку (*) и внизу сдѣлалъ слѣдующую оговорку или примѣчаніе: „Авторъ обязанъ оговориться въ ничтожномъ, впрочемъ, измѣненіи одного цифернаго слова въ этихъ четырехъ стихахъ знаменитаго поэта:

¹⁾ Онъ предпослалъ второму сочиненію („Братья разбойники“) предисловіе, которое, несмотря на его краткость, настолько замѣчательно по новизнѣ изложенія, что оно могло-бы выдержать сравненіе съ самыми выдающимися отрывками (изъ лучшихъ произведеній).

у Пушкина сказано не восемь, а девять пѣсень; но въ послѣднемъ случаѣ выносилъ-бы пѣвца на „радостный берегъ“ не девятый, а уже десятый, не опасный, валъ, и стихи не представляли-бы точнаго эпиграфа для окончательной пѣсни разсказа“ и проч.

Авторъ „разсказа“ хотѣлъ, кажется, въ этомъ сближеніи и примѣчаніи быть остроумнымъ, но намѣреніе это не удалось. Пушкинъ назвалъ именно девятымъ валомъ свою послѣднюю пѣсню „Онѣгина“ (если-бы она была окончена), именно потому, что конецъ сочиненія—вещь самая трудная и опасная. Только истинные художники и поэты выдерживаютъ до конца, не уставая, не выдыхаясь и не задыхаясь. Слѣдовало г. Бранту обратить вниманіе на то примѣчаніе Пушкина о „неизданныхъ строфахъ Онѣгина“, гдѣ онъ именно говоритъ, что „онъ исключилъ цѣлую главу романа „Путешествіе Онѣгина“, поставилъ вмѣсто IX восьмой нумеръ и пожертвовалъ окончательными строфами: „Пора: перо покоя просить... Хвала вамъ, девяти Каменамъ“ и проч.

Г. Бранту хочется, кажется, доказать, что онъ обладаетъ ббльшимъ логическимъ смысломъ, нежели Пушкинъ. Ему и книги въ руки. Только я нахожу оговорку его объ измѣненіи стиховъ Пушкина—не важнымъ, ничтожнымъ, по его мнѣнію—безподобною. Elle est d'une naïveté charmante ¹⁾. Чтò если мы примемъ безъ оговорокъ измѣнять стихи Пушкина?..

5) № 6762. „Кавказскій дѣлнникъ“, повѣсть, соч. Ал. Пушкина. Спб., въ тип. Греча, 1822 г. (8). То-же изданіе на російскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Спб., въ тип., состоящей при особенной канцеларіи мин. внутр. дѣлъ, 1824 г. (8). Послѣднее, вѣроятно, есть переводъ Евст. Ольдекопа, о которомъ говоритъ К. А. Полевой въ своемъ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ отъ 7-го февраля 1848 г., № 31. NB. Въ росписи Смирдина г. Ольдекопъ (Евстафій) означенъ на стр. 469, подъ № 5962 (Карманный словарь російско-нѣмецкій) и только. Чтò изъ этого заключить? Или Смирдинъ пропустилъ по ошибкѣ его имя, какъ переводчика, или на переводѣ вовсе не было

¹⁾ Она очаровательно наивна.

означено имени переводчика, но тогда на какомъ основаніи г. Полевой приписываетъ ему этотъ переводъ, и дѣйствительно-ли вѣрно его замѣчаніе или предположеніе. Требуется поясненія.

6) № 6773. „Русланъ и Людмила“, въ 6-ти пѣсняхъ, соч. Ал. Пушкина. Спб., въ тип. Греча, 1820 г. (8). Нужно имѣть въ виду, что въ первомъ изданіи не было эпилога, начинающагося словами: „У лукоморья дубъ зеленый, на дубѣ томъ златая цѣпь“ и проч. Эпилогъ этотъ явился гораздо позже, въ одномъ, кажется, изъ журналовъ или альманаховъ¹⁾. А можетъ статья и прямо въ полномъ собраніи сочиненій 1838—1841 гг. Не утверждаю навѣрное. Еще пунктъ, требующій справки и подтвержденія. Дюпонъ переводитъ слово лукоморье: „un lieu circulaire sur le bord de la mer“ (Oeuvres choisies, 1847, tome I, pag. 323). Не правда-ли, какъ вѣрно и поэтически?

7) № 6778. „Цыганы“, соч. Ал. Пушкина. М., въ тип. Семена, 1827 г. (12). Теперь нужно обратиться къ каталогу Ольхина. Увидимъ.

Библиографическія замѣтки о сочиненіяхъ кн. А. Д. Кантемира.

Кантемиръ, Антиохъ Дмитріевичъ, князь. Родился въ Константинополѣ, въ 1709 г., скончался 11 апрѣля 1744 г. (гдѣ?).

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (8-го февраля 1848 г., № 32) есть статья (И. И—а) подъ заглавіемъ: „Кантемиръ и его сатира“. Въ ней, между прочимъ, означены сочиненія и переводы его на русскій языкъ, отчасти напечатанные при жизни, отчасти оставшіеся въ рукописяхъ, а именно:

1) Первое его произведеніе: „Симфонія“ или согласіе на Боговдохновенную книгу псалмовъ царя и пророка Давида (у Смирдина въ Росписи подъ № 117, 1727 г. (2). То-же, изданіе 2-е, М., въ Синодальной тип., 1821 г. (4). 2) Неоконченная поэма „Петриада“ (у Смирдина одна „Петриада“, Грузинцева, подъ № 6695). 3) „Изложеніе алгебры“ (у Смирдина не показано).

¹⁾ Не въ „Телескопѣ“-ли, „Наблюдателѣ“, „Московскомъ Вѣстникѣ“, или не было-ли новаго изданія „Руслана и Людмилы“? Авт.

4) „Разсужденіе о стихосложеніи“, въ которомъ онъ опровергаетъ Тредьяковскаго и проч. (нѣтъ у Смирдина). 5) Сатиры и другія стихотворныя сочиненія вн. Ант. Кантемира съ историческими примѣчаніями и съ краткимъ описаніемъ его жизни. Спб., въ тип. Акад. Наукъ, 1762 г. (у Смирдина подъ № 8188). НВ. Сочинитель статьи говоритъ, что въ эту книгу вошли: нѣсколько пѣсенъ (одъ), писемъ (посланій и басенъ въ стихахъ, 8 сатиръ, писанныхъ силлабическимъ размѣромъ съ римами). 6) „Разговоры о множествѣ міровъ“, соч. Фонтенеля, перев. съ франц. кн. Ант. Кантемиръ, изд. 2-е, Спб., въ тип. Академіи Наукъ, 1761 г. То-же, изданіе 3-е, Спб., въ тип. Академіи Наукъ, 1802 г. (по Смирдину, у коего значится подъ № 4123). Авторъ статьи говоритъ, что было изданіе въ Спб., 1740 г., но въмъ и въ какой типографіи—не объясняетъ. Онъ также замѣчаетъ, что при этой книгѣ особеннаго стоютъ вниманія примѣчанія, въ которыхъ Кантемиръ объясняетъ значеніе словъ, употребляемыхъ на русскомъ языкѣ. 7) „Персидскія письма“, сочиненіе Монтескье (у Смирдина есть, подъ № 9,176, подъ этимъ заглавіемъ переводъ Ефима Разнотовскаго. Спб., въ типографіи Шнора, 1792 г. (8). 8) „Исторія Юстина“ (у Смирдина означено: а) подъ № 3,262, Юстинъ, древней универсальной исторіи Трога Помпея сократитель, перев. съ латинскаго Нивита Поповъ. Спб., въ тип. акад. наукъ, 1768 г. (8); в) подъ № 3,263 „Всеобщая исторія“ Юстина и пр., перев. съ лат. Семенъ Борзцовскій. Спб., въ тип. Иоанеслова, 1824 г. (8). Кантемировскаго перевода нѣтъ). 9) „Корнелій Непотъ“ (у Смирдина значатся переводы Корнелія Непота подъ № 3,253, Василія Лебедева, 1748 и 1785 гг.; подъ № 3,254, Н. Кошанскаго, 1816 г., и № 5,918 того-же Кошанскаго, 1816 г., вѣроятно, измененный, сказано: изданіе учебное. 10) „Нравоученіе Епиктета“ (у Смирдина есть подъ № 1,274: Епиктета, стоическаго философа картина и пр., перев. съ греческаго Григорія Полевити. Спб., въ тип. акад. наукъ, 1759 и 1767 гг. (12). 11) Картина Кивитова (у Смирдина подъ № 1,288, есть книга точно подъ этимъ-же заглавіемъ, но сказано, что переводъ съ нѣмецъ., Спб., въ тип. Плавильщикова, 1818 г. (12). Въ азбучной росписи именъ сочинителей и переводчиковъ, при словѣ Кивитъ, сказано: см. Кевитъ, а при семъ послѣднемъ есть ссылка на № 1274 и

1288. Подъ № же 1274 показано, какъ значитъ выше, Епиктетъ. 12) „Разговоры Альгаротти“. Подъ симъ названіемъ у Смирдина не показано книги, а есть подъ № 3,099: „Опытъ исторіи Инковъ“, соч. гр. Альгаротти, перев. съ итальянскаго Александръ Рихтеръ¹⁾, Спб., въ тип. Воспит. дома, 1825 г. (8). При имени Алгаротти (графъ) въ азбучной росписи только и есть одинъ этотъ нумеръ. 13) „Оды Анакреонтовы“. Подъ симъ названіемъ книги у Смирдина не показано, а есть подъ №№ 6,671 и 6,672: „Стихотворенія Анакреона Тійскаго на русс. и греч. языкъ., Спб., въ типогр. чужестранныхъ единоврѣцовъ, 1794 г., безъ имени переводчика (4) и Анакреонови стихотворенія, перев. съ греческ. Ивана Мартынова, Спб., въ имп. тип., 1801 г. (12). 14) „Посланія Гораціевы“ (Квинта Горація Флакка, десять писемъ первой книги, перев. съ лат. и примѣчаніями, изъяснены отъ знатнаго нѣкотораго охотника до стихотворства, съ приобщеннымъ при томъ нисъмомъ о сложеніи русскыхъ стиховъ, Спб., 1744 г.). У Смирдина, подъ № 8045, есть книга, но безъ означенія имени переводчика и съ нѣкоторымъ измѣненіемъ заглавія въ началѣ, а именно: „Квинта Горація Флакка десять писемъ“ и пр., а не „Посланія Гораціевы“. Спб., въ тип. акад. наукъ, 1744 и 1788 гг. (стало быть, было два изданія?) (4).

Странно и жаль, что переводчикъ, взявшись говорить о сочиненіяхъ и переводахъ Кантемира, упоминаетъ о нихъ такъ неясно и неполно. Какъ не объяснить было, откуда заимствованы имъ библиографическія его извѣстія, и гдѣ именно и у кого находятся рукописи. Особенно интересно должно быть сочиненіе объ Альгаротти. Вѣдь онъ сказалъ о Петрѣ, что имъ прорублено въ Европу окно. Пушкинъ взялъ у него въ своемъ стихотвореніи: „Мѣдный Всадникъ“.

Авторъ статьи о Кантемирѣ говоритъ, что онъ началъ было составлять русскій словарь и хотѣлъ написать русскую исторію. Все это голословно, не доказано.

Въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, 10-го февраля № 33, въ окончаніи

¹⁾ Какой Александръ Рихтеръ? Тотъ-ли, который теперь, въ 1848 г., директоромъ медиц. деп. (Алекс. Андр.) или нашъ знакомый Алекс. Борис. (служ. въ мин. вн. дѣлъ)? думаю—первый. А вт.

статьи: „Кантемиръ и его сатиры“, между прочимъ, говорится, что восемь сатиръ, вмѣстѣ съ нѣсколькими посланіями и одами въ одной книгѣ in 4°, вышли въ свѣтъ въ 1762 г. въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Сатиры и другія стихотворныя сочиненія князя Антіоха Кантемира; потомъ въ собраніи русскихъ классиковъ, предпринято (?) І. Г. Языковымъ, Толстымъ и Есиповымъ, съ портретомъ и биографіею автора (какого года?). Теперь вновь они являются вмѣстѣ съ баснями Хемницера въ изданіи Смирдина (1847 г.).

Дѣльны замѣчанія автора статьи о неговоренныхъ отгнѣнках стариннаго языка и ошибкахъ въ новомъ изданіи и пропускѣ „Письма Кантемирова о сложеніи русскихъ стиховъ“, написанныхъ подъ вымышленнымъ именемъ Харитона Макентина, помѣщеннаго при его-же переводѣ Гораціевыхъ посланій. Видно также, что переводы Кантемира, напр., „О множествѣ міровъ“ и „Персидскихъ писемъ“ не удостоились Смирдинскаго изданія.

Здѣсь встаетъ упомянуть, что Булгаринъ издалъ „Избранныя оды Гораціевы“, съ комментаріями. Часть I, Спб., въ тип. Греча. 1821. 8 д. (См. роспись Смирдина книгамъ 1828 г., стр. 577, № 7844). Я не имѣлъ объ этомъ понятія.

Иностранные журналы о русскихъ дѣлахъ.

9-го февраля 1848 г. Спб.

Въ политической статьѣ („Premier Paris“) журнала „La Presse“, отъ 8-го февраля 1848 г., между прочимъ, нахожу слѣдующій грамматическій оборотъ: „Nous sommes dans l'opposition, nous ne sommes pas de l'opposition. Pour être de l'opposition, il faudrait que nous partageassions ses illusions. Or, nous ne les partageons pas“ etc. ¹⁾

Этимъ примѣромъ, полагаю, достаточно разрѣшается споръ относительно этого оборота, длящійся цѣлые годы entre mes honorables amis Serge P—ky et Serge d'Oubrit ²⁾, изъ

¹⁾ Мы въ оппозиціи, но мы не принадлежимъ къ оппозиціи. Чтобы принадлежать къ оппозиціи, надобно было-бы раздѣлять ея заблужденія, а мы ихъ не раздѣляемъ, и т. д.

²⁾ Между достопочтенными моими друзьями Сергѣемъ П—кимъ и Сергѣемъ Убри.

которыхъ послѣдній никогда не можетъ равнодушно слышать: „il faudrait que nous nous aimassions“ и проч. и проч.

Кстати. Въ этой-же самой статьѣ „Presse“ нашелъ слѣдующія строки: „donnez à la Russie, sans préparation, la liberté de la presse telle, qu'elle existe en France, la Russie en abusera.

Donnez nous la liberté d'association telle, qu'elle existe en Angleterre, et nous en abuserons, si nous passons sans transitions du régime de la prohibition à l'importation des meetings!“ ¹⁾.

И то и другое для меня еще вопросъ. Никто не даетъ намъ уроковъ какъ обращаться съ ножами и бритвами, и, однако, мы ходимъ всѣ еще съ неповрежденными горами. Въ настоящее-же время (1848 г.), законы о книгопечатаніи, съ сентября 1835 г., таковы во Франціи, что больше, кажется, опасности страдать отъ тупости бритвы и просекоблить себѣ кожу, нежели перерѣзать себѣ горло. Другое дѣло Англія, гдѣ именно, при чрезвычайной политической свободѣ, существуетъ необъяснимое и тяжкое невольничество обычаевъ, нравовъ и преданій,—невольничества, какого, можетъ статься, нѣтъ не только въ Россіи, но и въ самой Хивѣ или Китаѣ.

12-го февраля 1848 г., четвергъ.

Вчера въ „Sièclé“, отъ 12-го февраля, въ „Revue“ (par Guinot Pierre Dugand) нашелъ разныя враки насчетъ прибытія Балзака въ Россію (en Volynie) ²⁾, съ молодою женою, родственницею будто-бы Мнишекъ и Ржевущкихъ. Встрѣча его на таможи ³⁾.

Въ „Presse“, отъ 14-го февраля, напечатано слѣдующее: „on écrit de Turin à la gazette d'Augsbourg: „il parait décidément faux que la rédaction de la dernière note des puissances, adressée à la diète suisse, ait reçu aussi la participation de la Russie, comme l'a dit le „Journal de Debats“. Au contraire, on

¹⁾ Дайте Россіи, безъ подготовки, свободу печати, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ во Франціи, Россія злоупотребить ею.

Дайте намъ свободу ассоціацій въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ Англіи, и мы злоупотребимъ ею, ежели мы перейдемъ непосредственно отъ системы запрещеній къ митингамъ.

²⁾ На Волынѣ.

³⁾ Есть объ этомъ въ фельетонѣ „Сиб. Вѣдомостей“, 15 февр. 1848, № 38.

dit que M. Krudener a reçu l'ordre formel de ne rien signer sans ordre spécial de l'Empereur. On ne veut plus à Saint-Pétersbourg compromettre l'autorité des pouvoirs légaux par demi-mesures, et l'on déclare catégoriquement que, pour rétablir d'une manière durable l'état légal en Europe, la Russie met toute son armée et toutes ses ressources à la disposition des autres puissances continentales¹⁾.

Я не знаю забавѣе этого журнальнаго пуфа. И есть люди,— между прочимъ, славящіеся своимъ остроуміемъ, Сергій Александровичъ Соболевскій, пріятель Пушкина, авторъ внаменитой парады, помѣщенной въ 1832 году, кажется, княземъ Шаликовымъ, въ его „Дамскомъ Журналѣ“, заключающей акrostихъ: „Шаликовъ глупъ какъ волода“,—находятся люди, говорю я, которые считаютъ „Аугсбургскую газету“ газетою „la mieux redigée et la mieux instruite“²⁾. Есть-ли здравый смыслъ писать подобныя вещи и говорить, что Россія представитъ другимъ державамъ „всю свою армію и всё средства“, для водворенія ниспровергнутаго порядка. Нужно потерять всю память и не знать, что въ 1832 году Россія признала отдѣленіе Бельгіи, потомъ конституцію въ Португаліи помимо Донъ-Мигеля; дозволила провозгласить королевою испанскою Изабеллу помимо Дон-Карлоса и мужской линіи, и хотя не пишетъ ея въ академическомъ календарѣ королевою, но въ газетахъ дозволяетъ ей давать сей титулъ. Мы даже не протестовали по сему случаю противъ брака герц. Монпансьерскаго, хотя этого очень хотѣлось Англій. Мы уже видѣли много перемѣнъ въ правительственныхъ формахъ и благоразумно никому не навязываемъ своего образа мыслей. Не пойдемъ навязывать его и

¹⁾ Изъ Турива въ Аугсбургскую газету пишутъ: „Извѣстіе, сообщенное въ „Journal des Debats“, объ участіи Россіи въ редакціи послѣдней ноты, съ которою державы обратились къ швейцарскому сейму, оказывается совершенно ложнымъ. Напротивъ того, говорятъ, будто, г. Крюднеръ получилъ положительное приказаніе ничего не подписывать безъ особаго разрѣшенія императора. Въ С.-Петербургѣ не хотятъ болѣе компрометировать авторитетъ законной власти полуѣрами, и заявляютъ категорически, что, желая содѣйствовать прочному восстановленію законнаго порядка въ Европѣ, Россія предоставляетъ всю свою армію и всё свои средства въ распоряженіе континентальныхъ державъ“.

²⁾ Наилучше редактируемою и получающею наиболѣе вѣрныя свѣдѣнія.

Италіи и Швейцаріи. Это вѣрно, что-бы ни говорили петербургскіе политики, посадившіе уже на корабли въ Черномъ морѣ 65,000 войска для Неаполя и учредившіе лазареты на границахъ Австріи на 45,000. Мы не тронемъ, пока насъ не задѣнутъ—и дѣльно. Вчера у Доминика два господина громогласно разсуждали объ интервенціи и разсматривали карту. Дай только намъ волю!

Кстати объ Испаніи. Булгаринъ, разбирая академическій календарь на 1848 годъ, выставилъ наружу это противорѣчіе съ дѣйствительностію и замѣтилъ, что академія въ одной книгѣ называетъ Изабеллу и королевою и дочерью Фердинанда VІІ. Потѣха!

Сочиненія И. В. Лопухина.

Въ Росписи книгамъ Смирдина (1828 г.) значатся принадлежащими Ив. Влад. Лопухину (тайн. совѣтнику и сенатору) разные сочиненія и переводы подъ №№ 330, 370, 1135, 2228, 6548, 6555 и 7612. Замѣтить здѣсь должно, что одно его сочиненіе: „Изліяніе сердца“ и проч. напечатано въ Калугѣ, 1794 г., въ тип. Пономарева. Нетерпѣливо ожидаемъ изданія „Записовъ“ Лопухина, недавно мною читанныхъ въ рукописи. Изданіе ихъ возвѣщено „Сыномъ Отечества“ въ объявленіи его объ изданіи сего журнала на 1848 г. (см. „Сынъ Отечества“, ноябрь 1847 г., объявленіе, стр. 6). Печатаніе предполагается въ журналѣ. Издатели объявляютъ, что доставленіемъ этой любопытной рукописи редакція „Сына Отечества“ обязана Ѡ. В. Булгарину. Я имѣлъ въ рукахъ рукопись, принадлежащую кн. Петру Андреевичу Вяземскому. Любопытнаго много, особенно слѣдствія надъ авторомъ при Еватеринѣ; свѣдѣнія о кн. Прозоровскомъ, о раскольникахъ, о милиціи, объ ополченіи, объ Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ. Любопытно-бы прочесть сочиненіе Лопухина, означенное у Смирдина подъ № 6555, „Отрывки“, сочиненія одного стариннаго судьи, и его-же замѣчанія на извѣстную книгу Руссо: „Du contrat social“, Москва, въ университетской тип., 1809 г.

Лопухинъ не отличается блестящими мыслями, глубиностью и изяществомъ слога, но у него видно здравомысліе, большая

начитанность и много благонамѣренности. У Бантыша-Каменскаго, въ его Словарѣ достопримѣчательныхъ россіянъ, нѣтъ этого имени и только въ біографіи митрополита Платона слегка упоминается о „порученномъ ему разсмотрѣніи книгъ, изданныхъ масонами и возбудившихъ подозрѣніе правительства“ (см. „Слов. достопамятн. людей“ Бантыша-Каменскаго, изд. 1847 г., т. II, стр. 17, дополненія). Лопухинъ говоритъ объ этомъ подробно. Извѣстнаго Новикова поручено было испытать въ вѣрѣ, и Платонъ отозвался, что желалъ-бы видѣть всѣхъ такими христіанами. Я читалъ объ этомъ и прежде гдѣ-то, не у Лопухина, а въ біографіи Новикова, чуть-ли не напечатанной когда-то. Въ новомъ словарѣ Бантыша-Каменскаго нѣтъ и біографіи Новикова. Имена все, какъ видимъ, неудобныя къ печати. Было что-то въ „Москвитянинѣ“.

О нѣмецкихъ переводахъ «Бориса Годунова».

Пушкинъ (Алекс. Серг.). Въ „Сынѣ Отечества“ (февраль 1848 г.) есть статья барона Розена: „Прогулка по Рейну“, гдѣ онъ говоритъ о переводѣ „Бориса Годунова“ на нѣмецкій языкъ его собственномъ и другомъ — Кнорринга, не объясняя, изданы-ли эти оба перевода, когда и гдѣ именно. Тамъ-же упоминается о сочиненіяхъ и переводахъ съ русскаго, между прочимъ, А. Мельгунова „Кенига“ и „Варнгагенъ-фонъ-Энзе“. Нужно имѣть въ виду эти книги, чтобы видѣть что именно персведено изъ Пушкина.

Въ №№ 4 и 6 „Литературной Газеты“ на 1848 годъ есть двѣ статьи, заключающія большія разсужденія и планы относительно классификаціи книгъ и бібліографіи.

Банпротство Плита. — Общество «Саламандра».

Въ „Сѣверномъ Обзорѣніи“ (бывшій „Финскій Вѣстникъ“) за январь 1848 г., въ смѣси, на стр. 44-й, есть забавная статья объ открытіи, будто-бы сдѣланномъ однимъ ученымъ, что миеологическія саламандры, считавшіяся доселѣ несгораемыми, могутъ быть сжигаемы на плитѣ. (Это слово напечатано курси-

вомъ). Для вразумленія незнающихъ и будущаго потомства, замѣчу здѣсь, что это намекъ на банкротство купца Плита (Иоганна, выборгскаго и временнаго петербургскаго 1-й гильдіи купца), бывшаго однимъ изъ директоровъ страховаго общества отъ огня „Саламандры“. Сей мужъ и прежде, какъ говорятъ, имѣвшій подобныя дѣла, несмотря на то, былъ выбранъ въ директоры и велъ дѣла такъ, что въ кассѣ не оказалось 160 тысячъ рублей, да на нѣсколько сотъ тысячъ акцій, проданныхъ имъ, будто-бы, за-границею въ кредитъ и погибшихъ въ переломѣ торговомъ 1847 года, отразившемся на всѣхъ рынкахъ Европы. О банкротствѣ Плита и арестованіи его возвѣщено въ январскихъ и февральскихъ журналахъ 1848 г.: „Débats“, „Presse“, „Journal de Francfort“, пропущенныхъ цензурою. Наконецъ, въ объявленіи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, 13-го февраля 1848 г., № 36, напечатано отъ губернскаго правленія объявленіе о наложеніи запрещенія на всѣ его имѣнія „по откырившимся важнымъ безпорядкамъ въ управленіи страховаго общества“. Общественное мнѣніе этою мѣрою нисколько не успокоено и открыто обвиняетъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ другихъ директоровъ.... Всѣ знаютъ напередъ, что они выйдутъ цѣлы и невредимы, а пострадаетъ одинъ Плитъ, котораго уже и посадили было подъ арестъ, но послѣ выпустили. Рассказываютъ, что комиссія, учрежденная по особому повелѣнію по сему случаю, предположила было покрыть преимущественно и прежде всего убытки общества, но одинъ изъ заграничныхъ кредиторовъ Плита подалъ просьбу, гдѣ выставилъ всю несправедливость подобной мѣры. Вѣроятно, будетъ сдѣлана ликвидация и общество понесетъ огромныя потери и, вѣроятно, лопнетъ. Вотъ какъ уничтожаются самыя благія предпріятія тамъ, гдѣ не существуетъ гласности и гдѣ всякое дѣло можетъ быть прикрито извѣстнымъ именемъ. Статья „Сѣвернаго Обзорѣнія“ не иное что, какъ слабое и возможное отраженіе общественнаго негодованія въ шутливой формѣ. Мнѣ говорятъ, что это ровно не произведетъ никакого вліянія. Я противнаго мнѣнія. Завтра можетъ явиться новый намекъ, послѣзавтра другой и т. д. У насъ начинается развиваться страсть къ памфлетамъ и карикатурамъ.

Пусть взглянуть на сцену и Ералашъ, карикатурный аль-

бомъ. Въ немъ уже открыто смѣются надъ холерою и докторами. Таеъ начиналось во Франціи при Ришелье и Мазарини. Кончилось отцомъ Дюшеномъ и „другомъ народа“. Самое худое въ этомъ, что у насъ всякая насмѣшка и хула неминуемо должна восходить до высшей власти, начала и конца всѣхъ вещей. Chez nous c'est le principe, qui est toujours attaqué ¹⁾. Статья „Сѣвернаго Обзорѣнія“ пропущена двумя цензорами: Никитенко и Кутургою. Богъ знаетъ—сойдетъ-ли имъ это еще съ рукъ.

Б ю ф ф о н ъ .

Buffon. Въ „Revue Etrangère“ (Février, № 4) есть статья Арсена Гуссе (Arsène Houssaye) подъ заглавіемъ „Buffon“. Въ ней, между прочимъ, находятся слѣдующія любопытныя строки ²⁾:

„Его имя внушало уваженіе иноземнымъ монархамъ, которые тщетно дѣлали ему всевозможныя предложенія съ цѣлью привлечь его въ свои государства. Бюффонъ послалъ императрицѣ Екатеринѣ II часть самого себя,—свой бюстъ, работы Гудона; „цифра 74 года, высѣченная на этомъ мраморѣ“, писалъ онъ ея величеству, „способна только еще болѣе охладить его“. Бюффонъ скончался за годъ до революціи (7-го апрѣля 1788 года, въ Парижѣ). Сынъ Бюффона былъ пораженъ потокомъ крови, разлившимся надъ могилою его отца. Знаменитый естествоиспытатель, написавшій исторію древнихъ потоковъ, не предвидѣлъ этого послѣдняго. Сынъ Бюффона путешествовалъ по Европѣ. Русская императрица принимала его и привѣтствовала въ своихъ владѣніяхъ.

„Вольтеръ ставилъ Бюффону въ упрекъ его слишкомъ напыщенный и торжественный слогъ. Всѣмъ извѣстенъ стихъ, направленный имъ противъ автора „Теоріи мірозданія“.

„Напыщеннымъ слогомъ говорите намъ объ естествознаніи. (Dans un style ampoulé parlez nous de physique). Однажды, когда въ присутствіи Вольтера упомянули объ „Естественной исто-

¹⁾ У насъ всегда нападаютъ на принципъ.

²⁾ Приводятся онѣ здѣсь въ переводѣ.

риі“— „которая вовсе не такъ естественна“, возразилъ онъ. Наконецъ Вольтеръ, негодуя на потопись, позволилъ себѣ оспаривать взглядъ Бюффона на счетъ наслоеній раковинъ, встрѣчающихся на земной поверхности, которыя, по мнѣнію естествоиспытателя, были отложены морскою водою. По мнѣнію Вольтера, раковины, которыя мы находимъ во Франціи, въ нѣдрахъ земли, были нанесены богомольцами изъ Сиріи, во время крестовыхъ походовъ. Только человекъ ученый, какимъ былъ Бюффонъ, могъ отнестись къ этой шуткѣ серьезно. Сначала онъ разсердился, но потомъ сознался, что сердился напрасно. Эта маленькая ссора вскорѣ была забыта; каждый изъ противниковъ окончилъ ее по своему. Вольтеръ прекратилъ ее сразу: „Я не хочу быть въ ссорѣ съ Бюффономъ изъ-за раковинъ“, сказалъ онъ, а Бюффонъ сказалъ по этому случаю красивую фразу: „Многимъ могло показаться“, замѣтилъ онъ, „какъ то кажется и мнѣ самому, что я отнесся къ Вольтеру не достаточно серьезно; сознаюсь, что мнѣ слѣдовало лучше игнорировать это мнѣніе, нежели опровергать его шуткою, это было - бы лучше какъ для Вольтера, такъ и для потомства“. Обмѣнъ любезностей на этомъ не остановился. Бюффонъ послалъ Вольтеру экземпляръ своихъ произведеній, Вольтеръ написалъ благодарственное письмо, въ которомъ онъ упомянулъ о предшественникѣ Бюффона — Архимедѣ II. Бюффонъ отвѣчалъ, что никогда не будетъ втораго Вольтера.

„Бюффонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ писателей, воими восхищаются, но не къ числу тѣхъ, которыхъ особенно любить. „Въ слогѣ высказывается весь человекъ“, сказалъ Бюффонъ, и я объ этомъ сожалею, такъ какъ въ слогѣ этого естествоиспытателя не достааетъ болѣе всего чувства; когда онъ говоритъ о построении птицами гнѣздъ, называя этотъ трудъ ихъ дорогимъ дѣломъ, я не чувствую ни трепета крыльевъ, ни біенія сердца матери (будущихъ птенцовъ). Когда онъ перечисляетъ собакъ всѣхъ породъ и, такъ сказать, всѣхъ словъ, онъ умѣетъ, правда, заинтересовать меня овчаркой, но онъ забываетъ о собакѣ, ведущей слѣпца. Шатобрианъ находить, что Бюффонъ-христианинъ былъ-бы чувствительнѣе, — я этому не вѣрю: въ немъ не было чистоты сердца, которая одна дѣлаетъ человека истинно религіознымъ. На первомъ чтеніи „Павла и

Виргини“, происходившемъ у г-жи Невкеръ, Бюффонъ привелъ въ смущеніе автора этого сочиненія нескромными зѣвками и когда Бернарденъ де-Сенъ Пьеръ продолжалъ чтеніе, естествоиспытатель громко потребовалъ карету, чтобы не слышать подобныхъ глупостей. Бюффонъ не въ состояніи былъ понять всей прелести зарождающейся первой любви. „Эта глупость поидетъ далеко“, сказала по этому случаю одна умная дама.

„Бюффона спросили однажды сколько онъ насчитываетъ великихъ людей, онъ отвѣчалъ: „пять: Ньютонъ, Бэконъ, Лейбницъ, Монтескье и я“.

„Живя уединенно, Бюффонъ интересовался, однако, толками и злословіемъ современниковъ: „вамъ писали, можетъ быть, сообщалъ онъ аббату Бефону, что у Вольтера исполняютъ всѣ пьесы, забракованныя артистами. Онъ доказываетъ, что они были правы“.

„Ривароль, несмотря на свое восхищеніе Бюффономъ, не хвалилъ всѣхъ произведеній этого великаго человѣка; онъ говорилъ о его сынѣ: „это самая плохая глава изъ естественной исторіи его отца: между сыномъ и отцомъ лежитъ цѣлая бездна“.

„Бюффонъ занимаетъ въ XVIII вѣкѣ особое мѣсто: философъ по преимуществу, въ эпоху господства философіи, онъ превосходно изложилъ гармонію Творца и вселенной. Уступая по уму Вольтеру и въ смѣлости Жанъ Жаку Руссо, онъ былъ равенъ Монтескье по силѣ мышленія и по искусству излагать свои мысли письменно; по мнѣнію Гримма, у Монтескье былъ „слогъ генія“, а Бюффонъ обладалъ „гениемъ слога“.

А. С. Пушкинъ у душетснаго городничаго.

Вчера, между прочимъ, рассказалъ мнѣ въ Царскомъ Селѣ живущимъ тамъ ст. сов. Ник. Ник. Геслингомъ забавный анекдотъ о Пушкинѣ, который можно поставить въ pendant къ анекдоту, недавно рассказанному въ газетахъ о Викторѣ Гюго и А. Дюма, бывшихъ свидѣтелями на одной деревенской свадьбѣ и оставшихся вовсе неизвѣстными для мера деревни.

Пушкинъ во время поѣздки въ Грузію и Закавказье, имѣлъ спутникомъ молодого графа Мусина-Пушкина, съ которымъ поссорился въ дорогѣ, тѣмъ болѣе, что экипажъ принадлежалъ Мусину-Пушкину, — онъ взялъ свои вещи и отпра-

вился пѣшкомъ до первой станціи, которая была г. Душетъ, (въ 52-хъ верстахъ отъ Тифлиса), надѣясь найти по дорогѣ какую-нибудь телѣгу или арбу, чтобы доплетись до города. Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ и принужденный нести на себѣ свои вещи подь солнцемъ Грузіи (это было весною), онъ едва имѣлъ силъ добрести до города. Узнавъ, что въ городѣ нѣтъ ни трактира, ни гостинницы, ничего кромѣ отвратительнаго нечистотою грузинскаго духана, онъ рѣшился отправиться прямо въ домъ городничаго, твердо надѣясь найти у него обычное русское гостепрѣимство. Городничаго не было дома: путешественника встрѣтила ключница или управительница и ввела его въ комнаты. Пушкинъ едва доплелся до дивана, упалъ какъ полумертвый, снялъ съ себя платье и въ однихъ кальсонахъ растянулся на диванѣ. По просьбѣ его, ключница подала ему для утоленія жажды стакана два чихири (краснаго вина), и онъ уже началъ засыпать. Внезапно возвращается хозяинъ дома и, узнавъ отъ людей о неизвѣстномъ человѣкѣ, расположившемся въ его гостинной, съ шумомъ и яростію врывается туда и спрашиваетъ у Пушкина что онъ за человѣкъ и какъ смѣлъ войти къ нему? Тотъ преспокойно, и не думая одѣваться, рассказываетъ ему все какъ случилось и проситъ извиненія въ его смѣлости и нецеремонности. Городничій, не внимая ничему, требуетъ, чтобы онъ ту-же минуту оставилъ его домъ, грозя въ противномъ случаѣ велѣть его вывести.

Тутъ уже Пушкинъ рѣшился объявить ему свое имя, надѣясь несомнѣнно на магическое его вліяніе. Каково-же было его замѣшательство, когда городничій, не измѣняя своего тона, объявилъ ему, что это все равно, что онъ какой-то Пушкинъ и что много ихъ братьевъ сочинителей таскается тамъ, и что ему не принимать-же всѣхъ.

Послѣ такого приѣма, разумѣется, Пушкинъ не заставилъ себя долго просить и, пріѣхавъ въ Тифлисъ, не могъ не рассказать анекдота въ смѣхъ, а не въ жалобу. Геслингъ (товарищъ Пушкину по лицу), бывшій въ то время правителемъ канцеляріи военнаго губернатора (ген.-адъют. Сипягина), послалъ предписаніе душетскому городничему явиться въ Тифлисъ для объясненій по дѣламъ службы. Можно себѣ представить что было съ бѣдняжкою и какъ ему досталось отъ неумолимой

молодежи. Его напоили допьяна и заставили на когѣняхъ просить прощенія у поэта, который больше всѣхъ забавлялся приключеніемъ. Дѣйствующее лицо сей комедіи, вѣроятно не однажды повторявшейся съ знаменитостями, былъ отставной изъ кавалеріи маіоръ Ягушовъ или Егушовъ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Еще анекдотъ почти въ томъ-же родѣ, случившійся съ знаменитымъ баснописцемъ, рассказанный мнѣ тѣмъ-же Геслингомъ, а ему переданный М. Н. Коншинымъ, короткимъ пріятелемъ Крылова.

Иванъ Андреевичъ, жившій, какъ извѣстно, долгое время въ зданіи Публичной бібліотеки, имѣлъ привычку ежедневно прохаживаться вокругъ Гостиннаго двора. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Надобно-бы полагать, что всѣ купцы и лавочники должны уже привыкнуть къ его лицу и узнать его, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ. Вышло напротивъ.

Однажды Крыловъ, имѣя надобность купить какую-то бездѣлицу, вошелъ въ одну лавку и, сторговавъ вещь, сказалъ, что съ нимъ денегъ нѣтъ, но что вынесетъ ихъ послѣ. Отказъ хозяина лавки. Удивленный Крыловъ спрашиваетъ у него—неужели онъ не узнаетъ кто онъ, и на отрицательный отвѣтъ объявляетъ, что онъ Крыловъ, который пишетъ басни.

Новое отрицаніе невѣдѣніемъ.

Изумленный Крыловъ оставилъ вещь и тутъ-же первому попавшемуся рассказалъ о случившемся.

— „Ну, признаюсь, добавилъ онъ, это меня удивило; я думалъ, что тутъ-то, по крайней мѣрѣ, меня знаютъ. Вижу, что ошибся“.

Я готовъ вѣрить этому рассказу и всегда утверждалъ подобное въ спорахъ нашихъ въ началѣ 1845 года, когда дѣло шло о подпискѣ на сооруженіе памятника И. А. Крылову. Пышная программа, написанная княземъ Вяземскимъ и Плетневымъ, разслана была по всей Россіи и не могла не показаться инымъ смѣшною. Вотъ уже три года тому прошло; подписка еще не кончена; собрано, правда, 100 тыс. руб. асс., но не должно забывать, что въ ней принимаютъ участіе лица служеб-

ныя и казенныя вѣдомства. Сколько я видѣлъ, мнѣ кажется, что двѣ трети подписчиковъ принадлежатъ сему классу, нашему tiers-état. Мало купцовъ, еще менѣе крестьянъ, духовныхъ и дворовыхъ людей. Камердинеръ графа Соллогуба (В. А.), котораго мы мучили насчетъ Крылова, откровенно и добродушно сознался, что не слышалъ о немъ и никогда не читывалъ басенъ. Вотъ такъ перевозосимая народность и извѣстность... и еще въ Петербургѣ, въ центрѣ просвѣщенія, въ домѣ литератора! „Нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ“. Крыловъ лучше и остроумнѣ всѣхъ объяснялъ множество изданій его басенъ: „меня читають дѣти, а извѣстно какъ они обращаются съ книгами“.

Впечатлѣніе, произведенное у насъ февральскими событіями.

Сегодня вечеромъ достигла до всего Петербурга вѣсть по телеграфу объ удаленіи министерства Гизо, вслѣдствіе бывшихъ демонстрацій со стороны оппозиціи и волненія въ Парижѣ. Государь объявилъ объ этомъ на утреннемъ балѣ, бывшемъ у него на половинѣ. Новое министерство поручено составить гр. Моле подъ его предсѣдательствомъ. Гизо, несмотря на его способности, не унесетъ съ собою большихъ сожалѣній. Подъ конецъ его управленія, оно приняло слишкомъ сильный отпечатокъ его личнаго характера и малаго уваженія къ общественному мнѣнію.

Г. А. Папахристо.

20-го февраля 1848 г.

Въ газетахъ нашихъ (см. „Сѣв. Пчелу“ и „Спб. Вѣдомости“ сего 19-го февраля) возвѣщено о кончинѣ вице-адмирала Григорія Аргировича Папахристо („Сѣв. Пчела“ напечатала Папа а „Спб. Вѣдом.“ Папо), на 68-мъ году отъ рожденія, 16-го февраля послѣдовавшей. Онъ не сочли нужнымъ замѣтить необыкновенность этой кончины. Онъ умеръ въ Зимнемъ дворцѣ, послѣ большаго придворнаго бала и поужинавъ прелюбополучно. Его

снесли въ швейцарскую полумертваго, пробовали пустить кровь, но все было уже бесполезно. У покойнива высыпались даже изъ кармана конфекты, взятые отъ царскаго стола.

Государь, узнавъ о случившемся, самъ сходилъ внизъ и отдавалъ приказанія.

Это случилось во 2-мъ часу утра 16-го февраля; 19-го числа его отгѣвали въ адмиралтейской церкви и похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ. Императоръ присутствовалъ при отгѣваніи и шелъ за гробомъ до Исаакіевскаго моста. Всѣ удивлены были этою почестію.

Теперь рассказываютъ случай изъ жизни Папахристо довольно замѣчательный.

Въ 1828 году этотъ адмиралъ командовалъ кораблемъ, на которомъ плылъ императоръ Николай Павловичъ изъ Варны въ Одессу, спѣша въ Петербургъ къ умирающей императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Всѣ помнятъ, что этотъ корабль былъ застигнутъ страшною бурей, продолжавшеюся три дня. Всѣ отчаялись въ спасеніи и потеряли голову. Одинъ Папахристо оставался твердъ и отдавалъ приказанія экипажу спокойно и хладнокровно. Свита государя, видя его равнодушіе и относя это къ потерѣ всякой надежды, покушалась было вмѣшаться въ управленіе кораблемъ, но, получивъ отказъ, сочла долгомъ довести до свѣдѣнія государя и умолять его принять команду. Царь, говорятъ, поколебался и сталъ отдавать приказанія, но Папахристо послалъ офицера доложить ему, что по регламенту онъ одинъ начальствуетъ, а всѣ прочіе должны повиноваться. Государь, видя непреклонность его, оставилъ его дѣйствовать, и корабль благополучно достигъ берега. Но съ того времени, говорятъ, запало къ нему въ душу неблаговоленіе къ Папахристо, продолжавшееся будто-бы до кончины его.

Не знаю, насколько справедливъ этотъ рассказъ, но невольно припоминаешь стихъ Пушкина въ его „Мѣщанинъ“ или „Моей родословной“: „не любитъ спора властелинъ“.

Спектакль у гр. П. А. Клейнмихела.

21-го февраля 1349 г.

Третьяго дня, т. е. въ четвергъ 19-го февраля, былъ данъ балъ главноуправляющимъ путями сообщеній, графомъ П. А. Клейнмихелемъ, а предъ нимъ спектакль и живыя картины. Мнѣ не умѣли хорошо передать названіе и содержаніе пьесы, писанной нарочно для этого случая по-французски аматерами и, между прочимъ, гр. Сологубомъ (В. А.). Знаю, что въ ней игралъ Ѳ. М. Толстой, нашъ даровитый музыкантъ, пѣвецъ и остроумный разсказчикъ. Мнѣ совѣстно было его разспрашивать подробно и показать свое любопытство. Весь дворъ присутствовалъ при представленіи. Изволили хлопать, смѣяться, и вызывать автора. Никто не вышелъ, и объявлено, что не одинъ, а четыре: „qu'ils se sont mis en quatre pour amuser les spectateurs“¹⁾. Не достало, видно, духу выйти. Напрасно. Надо-бы идти до конца. У насъ даже нѣтъ убѣжденія въ этихъ вещахъ: „nous n'avons pas le courage de notre crime“²⁾.

... Вечеръ совершенно во вкусъ временъ Людовика XIV. Это дѣлаетъ честь начитанности хозяина дома и гг. авторовъ. Не знаю только, какъ нашли ихъ пьесу и стихи и хоры — гости. Какъ увижу Сологуба, то спрошу, подходилъ-ли онъ и спрашивалъ-ли, какъ нѣкогда Вольтеръ спросилъ: „Trojan est-il content?“ и получалъ въ отвѣтъ одно холодное молчаніе (см. Biographie de Voltaire въ Encyclopédie du dix-neuvième siècle (1846), article Voltaire, par Philarète Chasles, p. 494 du tome XXV). Утѣшительна должна быть для гг. авторовъ слѣдующая фраза Филарета Шаль: „bientôt madame de Pompadour, succédant à mademoiselle de Châteauroux comme sultane favorite, fit obtenir à Voltaire le brevet d'historiographe en France et la charge de gentilhomme du roi, qu'il eut le droit de revendre sans en quitter le titre“³⁾. Здѣсь кстати замѣ-

¹⁾ Игра словъ, означаетъ: 1) что пьеса сочинена четырьмя авторами и 2) что они приложили всѣ старанія къ тому, чтобы позабавить зрителей.

²⁾ У насъ даже не хватаетъ мужества сознаться въ своемъ преступленіи.

³⁾ Вскорѣ госпожа Помпадуръ смѣнила mademoiselle де-Шатору въ чествѣ любимой султанши; она выхлопотала Вольтеру патентъ на званіе историографа Франціи и должность камергера, которую онъ получилъ право перепродать, не лишаясь самаго званія.

тить, что г. Моленъ въ знаменитомъ фельетонѣ своемъ 17-го ноября 1846 г. въ „Journal des Débats“, по случаю перевода на французскій языкъ сочиненій Пушкина ¹⁾, вотъ что говорилъ на счетъ этого: „si jamais un homme subit une domination dans toute sa vie, dans ses actions et dans son âme, ce fut Pouchkine. Il mourut gentilhomme de l'Empereur, et non pas gentilhomme comme Voltaire l'était de Louis XV, c'est à dire ne vaquant point à son service, vivant dans ses terres et faisant prudemment d'y vivre. Pouchkine était à Saint-Petersbourg, où il remplissait très exactement les devoirs de sa charge quand il fut atteint de la balle qui l'envoya dans la mort“ ²⁾...

Мнѣ рассказывалъ также въ 1838 году Гончаровъ, братъ Пушкиной, сцену, бывшую у Пушкина съ графомъ Литтою, оберъ-церемоніймейстеромъ. Литта однажды вздумалъ сдѣлать Пушкину замѣчаніе насчетъ несоблюденія имъ формъ и сказалъ: — „Il y a des règles pour tout, mon cher ami“ ³⁾.

Пушкинъ вспыхнулъ и отвѣчалъ ему: „pardon, monsieur le comte, je pensais toujours qu'il n'y avait de règles que pour les mesdemoiselles d'honneur!“ ⁴⁾.

Вотъ какъ онъ исполнялъ свою должность.

Господа біографы не хотятъ держаться середины и не могутъ понять того, что Пушкинъ добивался должности скорѣе для поправленія своихъ денежныхъ дѣлъ, если это можетъ извинять отступничество отъ прежнихъ идей и правилъ, весьма, впрочемъ, непрочныхъ и шаткихъ въ Пушкинѣ, что оправдывается его воспитаніемъ и примѣрами, имъ видѣнными... Пушкинъ — камеръ-юнкеръ, въ его небрежной одеждѣ, съ его смѣлою по-

¹⁾ Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, traduites par H. Dupont à Petersbourg et à Paris. 2 t. 1847. Авт.

²⁾ „Ежели кому-нибудь приходилось подчиняться въ своей жизни, въ своихъ поступкахъ и убѣжденіяхъ, такъ это Пушкину. Онъ скончался въ должности камеръ-юнкера, но исполнялъ ее не такъ, какъ Вольтеръ при Людовикѣ XV, который не отправлялъ своихъ обязанностей и жилъ въ своемъ помѣстьи, поступаая въ этомъ случаѣ весьма осмотрительно. Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ весьма точно отправлялъ обязанности своей должности, въ то время, когда его настигла пуля, пресѣвшая его жизнь“.

³⁾ Есть правила на все, любовный другъ.

⁴⁾ Извините, графъ, я полагаю всегда, что существуютъ только для фрейлинь.

ступью и необдуманною рѣчью,—былъ, можетъ статья, опаснѣе и тяжелѣе для нѣкоторыхъ, нежели гдѣ-нибудь на краю Россіи, съ его вольнолюбивыми рѣчами и одою „На вольность“. Я такъ думаю. Взвѣсивъ все, едва-ли не найдемъ, что былъ въ проигрышѣ не онъ. Ему также обѣщано, говорить, было мѣсто историографа, оставшееся послѣ Карамзина незанятымъ доселѣ...

Польскія симпатіи французовъ въ 1848 г.

21-го февраля 1848 г.

Въ засѣданіи французской палаты депутатовъ 4-го февраля 1848 г. (нов. ст.), по поводу адреса королю § 7, заключавшагося въ словахъ ¹⁾:

„Сочувствуя національному дѣлу храбраго народа, Франція напоминаетъ Европѣ о правахъ польской націи, столь торжественно провозглашенныхъ трактатами“. Одинъ изъ депутатовъ оппозиціи, г. Вавенг, произнесъ, между прочимъ, слѣдующее: „Поляки имѣютъ обыкновеніе собираться ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ утромъ у подножія алтарей, а вечеромъ—на обѣдъ, въ ознаменованіе годовщины ихъ революціи, не столь счастливой, но не менѣе славной, нежели была наша революція. Мнѣ не разъ довелось предсѣдательствовать на этомъ банкетѣ и я могу утверждать, что никогда въ произнесенныхъ на немъ рѣчахъ не было сказано ни слова противъ правительства: у поляковъ довольно ихъ собственного дѣла и нѣтъ надобности заботиться о нашихъ дѣлахъ. Въ настоящемъ году одинъ изъ эмигрантовъ, преслѣдуемый Австрією (sic), г. Бакунинъ, былъ вынужденъ оставить Парижъ... Когда г. министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтитъ на этотъ первый фактъ, я приведу другой.

Нѣсколько голосовъ. „Говорите тотчасъ“.

Г. Вавенгъ. „Вотъ этотъ фактъ: нѣсколько времени тому назадъ польскіе эмигранты, желая выразить свою признательность князю Чарторыйскому, желая почтить его предлонныя лѣта и услуги, оказанныя имъ народному дѣлу, рѣшили поднести ему медаль и дать въ честь его обѣдъ. Князя Чарторыйскаго, безъ сомнѣнія, нельзя назвать человѣкомъ слишкомъ

¹⁾ Приводятся здѣсь въ переводѣ.

крайнихъ взглядовъ, такъ какъ онъ говорилъ своимъ соотечественникамъ: „будемъ благодарны королю прусскому за гласность, допущенную имъ при разборѣ дѣла нашихъ несчастныхъ друзей“. И что-же, господа, когда приглашенные явились въ назначенный часъ, они нашли двери запертыми, и имъ было воспрещено собраться со столь невинною цѣлью, хотя распорядители обѣда объ этомъ не были вовсе предуведомлены. Таковы факты, по поводу которыхъ я требую объясненій“.

Г. Дюшатель, министръ внутреннихъ дѣлъ: „Я ограничусь отвѣтомъ на факты, приведенные почтеннымъ ораторомъ. Г. Вавенъ высказалъ, во-первыхъ, что польскіе эмигранты не получаютъ отъ правительства тѣхъ пособій, которыя имъ были обѣщаны во имя великодушнаго гостепрѣимства. Палатѣ извѣстно, что она утверждаетъ ежегодно на этотъ предметъ отъ 12-ти до 15-ти тысячъ франковъ. Мнѣ кажется, это довольно щедрая плата за гостепрѣимство. Почтенный членъ палаты говорилъ вслѣдъ затѣмъ объ изгнаніи одного русскаго, произнесшаго рѣчь въ общественномъ собраніи. Во-первыхъ, г. Бакунинъ не политическій эмигрантъ (?), онъ также и не русскій эмигрантъ, такъ какъ въ Россіи нѣтъ эмиграціи. Онъ проживалъ во Франціи просто въ качествѣ иностранца; правительство имѣло весьма серьезныя причины не терпѣть его дальнѣйшаго пребыванія. Я не могу входить въ подробности, но полагаю, что съ моей стороны достаточно будетъ сказать, что этотъ фактъ вовсе не относится къ вопросу о польской эмиграціи.“

„Третій фактъ касается обѣда, который нѣкоторые изъ польскихъ эмигрантовъ желаютъ дать кн. Адаму Чарторыйскому,—человѣку, коего я, со своей стороны, глубоко уважаю. Во-первыхъ невѣрно, будто распорядители этого обѣда не были предуведомлены о несогласіи на него со стороны властей. Лишь только было заявлено о намѣреніи устроить этотъ обѣдъ, полицейскій префектъ извѣстилъ ихъ, что онъ состояться не можетъ, и въ этомъ случаѣ правительство дѣйствовало, мнѣ кажется, въ интересахъ самого польскаго дѣла (?).“

„Дѣйствительно, что могло-бы произойти, ежели-бы правительство допустило этотъ банкетъ? Различныя фракціи польской эмиграціи приняли-бы участіе въ разныхъ банкетахъ и тѣмъ

самымъ выказали-бы свое разномысліе (!!). Ничто, по моему мнѣнію, не могло быть противнѣ ихъ интересамъ“.

Г. Вавенъ. „Позвольте мнѣ возразить, г. министр: мнѣ казалось, что г. Бакунинъ былъ вынужденъ удалиться изъ Парижа вслѣдствіе рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи 29-го ноября, поэтому я и довелъ объ этомъ фактѣ до свѣдѣнія палаты; мнѣ вѣжется, что, поступая подобнымъ образомъ по отношенію къ человѣку, мы не только нарушили права людей, но дѣйствовали также вопреки сочувствію, нами ежегодно высказываемому къ Польшѣ. Какъ, вы принуждаете человѣка оставить Парижъ на томъ основаніи, что онъ, русскій подданный, высказалъ въ собраніи мысли, благопріятныя Польшѣ! Это неподражаемо! Поэтому-то я и счелъ долгомъ обратить на это вниманіе палаты“.

Г. Фердинандъ Лабейри. „Я долженъ обратить вниманіе палаты на успѣхи, сдѣланные нами съ того дня, когда намъ было сказано, что порядокъ возстановленъ въ Варшавѣ (шумъ), до того дня, когда намъ могли сказать также вѣрно, что порядокъ возстановленъ въ Краковѣ. Припомните, господа, съ какимъ восторгомъ поляки были приняты во Франціи при ихъ эмиграціи; они были приняты съ распростертыми объятіями и вначалѣ французамъ и полякамъ было дозволено безпрепятственно собираться для празднованія годовщины ихъ достопамятной революціи. Но вскорѣ отъ нихъ начали требовать, чтобы рѣчи произносились только на польскомъ языкѣ и, наконецъ, дошли до того, что, когда русскій подданный высказалъ нѣкоторыя мнѣнія, дѣйствительно не особенно почтительныя по отношенію къ русскому правительству, то сочли долгомъ принудить этого русскаго подданнаго немедленно оставить Парижъ и Францію.“

„Я обращаю по этому случаю вниманіе на то, что произошло во вчерашнемъ засѣданіи; въ этой залѣ были произнесены слова оскорбительныя для союзнаго намъ правительства, а немного раньше человѣкъ былъ наказанъ за нѣсколько словъ, произнесенныхъ имъ противъ русскаго правительства. Правда, что положеніе этихъ двухъ правительствъ не одинаково: . . . одно слабое, другое имѣетъ восемьсотъ-тысячное войско“ (движеніе).

Г. Вавенъ. „Я принимаю во вниманіе сказанное мнѣ г. министромъ иностранныхъ дѣлъ, что г. Бакунинъ изгнанъ изъ

Франціи не потому, что онъ дурно отозвался о русскомъ правительствѣ“.

Г. Шербеттъ. „Я понимаю, что правительства стараются внушить къ себѣ уваженіе и что они требуютъ, чтобы въ каждому изъ нихъ относились съ тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ должны относиться другъ къ другу порядочные люди. Но я спрашиваю г. министра иностранныхъ дѣлъ, можетъ-ли онъ сказать, на основаніи имѣющихся у него свѣдѣній, что за-границею соблюдаютъ по отношенію къ императору французовъ ту осторожность въ словахъ, съ какою онъ требуетъ, чтобы относились здѣсь къ прочимъ монархамъ!“ (очень хорошо!).

Г. Гизо, президентъ совѣта. „Мой отвѣтъ будетъ весьма простъ. Почтенный ораторъ правъ, говоря, что уваженіе къ правамъ людей должно быть одинаково для всѣхъ государствъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что если-бы кто-нибудь выказалъ неуваженіе къ императору французовъ, то мы протестовали-бы немедленно“.

„... Но позвольте предложить вамъ одинъ вопросъ, вызванный, если хотите, простымъ любопытствомъ: какъ-бы вы отнеслись къ тому, ежели-бы кто-нибудь сказалъ это нынѣ про швейцарское правительство?“ (продолжительный шумъ).

Г. Гизо. „Никто не говорилъ ничего подобнаго о швейцарскомъ правительствѣ“ (протестующіе возгласы).

Г. Тьеръ. А „Journal des Débats?“

Когда подумаешь, что это преніе происходило за 17 дней до дня, рѣшившаго участь министерства, династіи, Франціи, можетъ быть Европы и всего міра,—невольно приходитъ на память тѣ риторы Царьграда, разсуждавшіе объ этимологіи, когда варвары стучались у воротъ... Сколько лжи, сколько недобросовѣстности, забвенія правъ и своего долга... а для чего.. чтобы упасть съ болѣшею силою и болѣшимъ шумомъ!

Въ „Journal des Débats“, въ отвѣтъ Гизо, кажется есть измѣненія; его заставляютъ сказать такъ: „я не думаю, что въ Петербургѣ позволили-бы отзываться неправильно о комъ-бы то ни было! (sic) Жаль, что онъ не читалъ „Свѣ. Пчелы“.

Принципъ невмѣшательства.

Въ теченіе десяти послѣднихъ дней общественное мнѣніе сдѣлало новый шагъ. Всѣ, кромѣ les aristocrates endurcis ¹⁾, желаютъ оставаться на мѣстѣ et se prononcent hautement pour e non-intervention ²⁾. Кажется, этому много способствовали, кромѣ циркуляра Ламартиновскаго (voy. „Presse“, mars 5), и послѣднія событія въ Германіи, съ изумительною быстротою одно за другимъ слѣдовавшія. Тамъ всѣ боятся, пуще коммунизма и санкюотовъ, нашего вмѣшательства... Кто это такъ намъ удружилъ? Рассказываютъ сегодня даже, что король прусскій согласился на нѣкоторыя уступки и далъ повелѣніе о срокахъ собранія сейма. Онъ будто-бы пишетъ къ императору, чтобы мы, ради Аллаха, оставались тихими и покойными; что всякая демонстрація, а еще пуще переходъ нашихъ солдатъ Вислы, — будетъ сигналомъ ихъ паденія и всеобщей гибели...

Обресковъ о Паскевичѣ.

Въ „Débats“ отъ 9-го марта н. с. помѣщено, при письмѣ къ редактору изъ Неаполя отъ 27-го февр., письмо Обрескова (въ „Débats“ напечатано Abreskaw), тайнаго совѣтника и камергера, ancien-employé ministre à Stuthgard, Turin ³⁾ и пр., къ Толстому (Якову Николаевичу), нашему корреспонденту министерства народнаго просвѣщенія въ Парижѣ, гдѣ онъ, разбирая его давнишнюю брошюру, вышедшую въ маломъ числѣ экземпляровъ: „Essai biographique sur le comte Eriwansky-Paskevitch“ ⁴⁾, изъявляетъ свое удивленіе и негодованіе о томъ, что въ ней не упоминается ни слова объ участіи его въ заключеніи Туркменчайскаго мира съ Персіею въ 1827 году (февраль), какъ дипломатическаго чиновника, и, между прочимъ, говоритъ, что „онъ не раздѣляетъ его мнѣній насчетъ военныхъ достоинствъ и заслугъ героя его, хотя вѣрить искренности похвалъ; что такъ

¹⁾ Ярыхъ аристократовъ.

²⁾ И высказываются за невмѣшательство.

³⁾ Бывшаго посланникомъ въ Штутгардѣ, Туринѣ.

⁴⁾ Біографическій очеркъ графа Паскевича Эривавскаго.

какъ брошюра, вѣроятно, была читана кн. Паскевичемъ и одобрена къ печати, то онъ считаетъ его виновнымъ въ непростительномъ и обидномъ пропускѣ (omission), и что на сей конецъ онъ издастъ особое сочиненіе, появленіе котораго, вѣроятно, не слишкомъ будетъ приятно фельдмаршалу“. Всѣ поражены небывалою смѣлостью и непривычнымъ тономъ этого письма и предсказываютъ автору онаго всевозможные ужасы... Забавное положеніе общества... Я съ моей стороны убѣжденъ, что г. Обресковъ заперъ этимъ письмомъ для себя навсегда двери въ Россію. Говорятъ, онъ и безъ того не думалъ возвращаться въ сага patria. Хорошо еще, если не потребуютъ и, въ случаѣ послушанія, не (сдѣлають распоряженія) какъ въ 1845 г. о Головинѣ и Бакунинѣ...

La grande nouvelle.

22-го февраля 1848 г.

Сегодня утромъ, во 2-мъ часу, поѣхалъ съ визитомъ къ А. А. Грессеру, съ тѣмъ, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ брату его П. Александровичу, директору Дворянскаго полка, которому онъ хотѣлъ меня представить. Его не было еще дома. Пока я ходилъ наверхъ въ 5-ю роту, чтобы повидаться съ племянникомъ моимъ, онъ возвратился съ развода. Оба они встрѣтили меня извѣстіемъ, что Людовикъ Филиппъ отрекся въ пользу внука своего графа Парижскаго подъ регентствомъ герцогини Орлеанской, матери его, помимо принца Немурскаго. Тутъ-же сообщилъ мнѣ вратцѣ его прокламацію къ французамъ.

Отъ нихъ я заѣхалъ въ кафе Доминика, чтобы прочесть журналы. Почты не было. Мнѣ это показалось странно. Туда-же пришелъ гр. Сологубъ и потомъ полковникъ Кноррингъ. Стали толковать о происшествіи. Сологубъ отзывался съ величайшимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ о случившемся, между прочимъ, сказалъ, что это все кончится чистою монархіею... monarchie pure (textuel)... и что призваны будутъ вновь Бурбоны ¹⁾. Это происходило въ 4 часа съ 1/4 пополудни. Отъ Доми-

¹⁾ Я говорилъ, что даю три года до республики. Всѣ мы хороши пророки.

Авт.

ника поѣхалъ къ Пашковымъ обѣдать. Войдя, нашелъ всѣхъ въ галлерей о чемъ-то съ жаромъ толкующихъ. Увидя меня, они всѣ закричали: „ахъ, какъ встать вы приходите, мы хотѣли послать за вами, *pour vous annoncer une grande nouvelle* ¹⁾)... но подумали, что будете обѣдать"... Я сказалъ имъ, что уже знаю... Пошли толпа, предположенія, безпокойства о своихъ, въ Парижѣ находящихся... Съѣли обѣдать, а потомъ сей-же часъ за карты, по той причинѣ, что дамамъ нужно было ѣхать на балъ во дворецъ. Въ 7^{1/4} ч. внезапно вбѣгаетъ къ намъ флиг-адъют. Т — въ и говоритъ: „знаете, знаете, ужасныя новости!“ Что еще такое, отвѣчаемъ мы равнодушно. „Стрѣляли по Людовику Филиппу, когда онъ вышелъ объявить народу о своемъ отреченіи и представить новаго короля. Стрѣляли по графу Парижскому и герцогинѣ Орлеанской; все семейство оставило Парижъ и отправилось къ прусской границѣ... *La République était déclarée*... ²⁾. (Тутъ уже мы всѣ положили карты и привстали кажется... дамы поблѣднѣли...). Лувръ и Тюльери разграблены и сожжены (?). Часть муниципальной гвардіи истреблена... какъ швейцарцы въ 1792 году... *Hôtel du ministère des affaires étrangères* ³⁾ тоже разграбленъ. Домъ княгини Ливенъ тоже... Гизо успѣлъ выѣхать изъ Парижа, что только, вѣроятно, спасло его отъ ярости народной... Народъ бросился во дворецъ, опрокинулъ тронъ, выбросилъ его на площадь и тамъ предалъ сожженію... Генераль Себастьяни убитъ... множество избито и изранено... Волненіе неописанное... Обо всемъ этомъ будто-бы императоръ передалъ лично обѣдавшимъ у него особамъ (въ этотъ день у наслѣдника на половинѣ былъ *déjeuner dapsant*... ⁴⁾). Онъ, говорятъ, твердъ, но рассказъ былъ веденъ *d'une voix émue*... ⁵⁾. Цесаревна, говорятъ, разстроена .. Онъ вчера еще говорилъ многимъ изъ военныхъ, что скоро понадобятся... Сегодня будто отправленъ уже курьеръ въ Вѣну, чтобы увѣрить императора, что онъ можетъ считать на помощь нашу и на наши войска, какъ на свои собственныя... Всѣ эти извѣстія

¹⁾ Чтобы сообщить вамъ великую новость.

²⁾ Провозглашена была республика.

³⁾ Домъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁴⁾ Завтракъ съ танцами.

⁵⁾ Вволнованнымъ голосомъ.

привезъ курьеръ изъ Берлина. Сообщенія по Сѣверной дорогѣ изъ Парижа будто прекращены; въ нѣсколькихъ мѣстахъ она сломана, какъ и вѣзмъ—еще неизвѣстно“...

Отъ Пашковыхъ заѣхалъ къ Беру и Бибиковымъ—перваго не засталъ, послѣдніе еще ничего не знали... *grande consternation*... ¹⁾). Отъ нихъ къ Доминику... Почты еще нѣтъ... Множество лицъ и, кажется, всеиностранны, входятъ съ безпокойствомъ, спрашиваютъ журналы—и уходятъ... вѣрно, еще всего не знали.

Возвратясь домой въ 11^{1/4}, нашелъ письмо отъ С. Д. П. изъ Парижа отъ 23-го (11-го) февраля. Въ немъ описаніе перваго дня безпокойствъ, подробное, бывшихъ 22-го числа, о которомъ мы съ нѣкоторыми измѣненіями знали уже изъ журналовъ отъ 23-го февраля. Одну фразу стоитъ подчеркнуть: „сегодня утромъ барабанять, сзываютъ національную гвардію, но я надѣюсь и полагаю, что ничего не будетъ и что мутители (возмутителями, *à la rigueur* ²⁾), вельзя еще ихъ назвать) образумятся и мутить перестанутъ“...

Вотъ человѣческія предвидѣнія и предусмотрительность! Въ то время, какъ писалось это письмо, туча уже созрѣвала и чрезъ нѣсколько часовъ разразилась надъ Парижемъ и Франціею.

Въ этой тучѣ, можетъ статья, заключена была участь Европы, участь человѣчества!!!

А человѣкъ еще надѣялся и полагалъ! Занавѣсъ поднять, великая драма начинается... Что ждетъ человѣчество?

Февральскія событія во Франціи.

1848 г., 24-го февраля, вечеръ.

Иностранная почта не привезла парижскихъ журналовъ. „*Journal de Transfort*“ 28 fevr. оканчивается словами: „*La République est proclamée. La famille royale est en fuite. Les Tuilleries étaient saccagées*“ ³⁾). „*Journal de St.-Petersbourg*“,

¹⁾ Всеобщій ужась.

²⁾ Собственно.

³⁾ Республика провозглашена. Королевская фамилія бѣжала. Тюльери разграблено.

сегодня появившійся, сообщаетъ вкратцѣ подробности 22-го и 24-го февраля, говоря, что получены парижскіе журналы только отъ 24-го. Оканчиваетъ тоже извѣстіемъ о провозглашеніи республики и прибытіи королевской фамиліи въ Фолькстонъ (Англию). Сегодня разнесся слухъ, что Гизо былъ повѣшенъ или убитъ чернью. „Journal de S.-Pétersbourg“ упоминаетъ объ этомъ тоже какъ о слухѣ, прибавляя, что, по другимъ извѣстіямъ, онъ тоже спасся въ Англию.

Вчера и сегодня только и разговоры что о случившихся событіяхъ. Всѣ въ изумленіи, что нѣтъ журналовъ, кромѣ нѣмецкихъ ¹⁾. Не хотятъ понять, что въ Парижѣ бѣлая часть прежнихъ, здѣсь дозволенныхъ, журналовъ уже, вѣроятно, не существуетъ. Писемъ тоже, говорятъ, не получили. Письмо ко мнѣ отъ 23-го изъ Парижа провалялось гдѣ-то двое сутокъ. Меня всѣ увѣряютъ, что было читано. Плохо вѣрю. Былъ на почтѣ объявить о семъ. Извинялись и обѣщали наказать за это почталюна. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ отъ 23-го числа напечатали вкратку о событіяхъ 22-го (10-го) февраля, присовокупивъ, что „подробности объ этихъ движеніяхъ, описанныхъ очевидцемъ (Гречемъ, вѣроятно) сообщать въ завтрашнемъ номерѣ“. Окончено извѣстіемъ объ отставкѣ, поданной министрами, и что съ послѣднею поштою не получено парижскихъ газетъ. Завтрашній номеръ (24-го февраля, вторникъ, № 42) явился, а обѣщаннаго письма не было. „Пчела“ описала засѣданіе палаты депутатовъ 22 ч., когда положенъ былъ обвинительный актъ противъ министерства, и присовокупила слѣдующія строки: „мы должны ограничиться сообщеніемъ извѣстій, изъ которыхъ многіе уже имѣютъ нынѣ лишь историческое значеніе“... Богъ знаетъ что значитъ подобная фраза. *M. Boulgarin voulait être profond, il n'était que naïf* ²⁾. Какое-же правительственное событіе не имѣетъ историческаго значенія? Просто нужно было сказать, что эти разсужденія не повели ни къ чему.

„Спб. Вѣдомости“, вышедшія сегодня (№ 43) въ первый разъ послѣ карнавала, гораздо откровеннѣе и смѣлѣе. Онѣ выходятъ безъ цензуры, подъ отвѣтственностію редактора. Извѣстивъ вкратцѣ о событіяхъ 22-го и утра 23-го февраля, они потомъ

¹⁾ „Journal de Francfort“ истрепанъ въ лоскутки.

Авт.

²⁾ Булгаринъ хотѣлъ быть глубокомысленъ, но былъ только глупъ.

извѣщаютъ объ удаленіи министерства Гизо, отреченіи Людовика-Филиппа, провозглашеніи королемъ графа Парижскаго, регентшею герцогинею Орлеанскою, первымъ министромъ Одилльона-Барро. Потомъ въ припискѣ телеграфическую депешу изъ Берлина отъ 28-го: „Регентство въ Парижѣ было очень не продолжительно (!!). Тамъ провозглашена республика и учреждено временное правленіе, состоящее изъ гг. Одилльона-Барро ¹⁾, Ламартина, Ледрю-Роллена и проч.“. Это извѣстіе по сличенію съ „Journal de St.-Petersbourg“ оказывается совершенно ложнымъ. Въ Парижѣ, повидимому, все кончилось иначе. 23-е прошло бы благополучно, если бы войска не вздумали вечеромъ стрѣлять по народу, окружавшему Hôtel du ministère des affaires étrangères (des Carucines). Это рѣшило участь династіи, Франціи и, можетъ быть, всего міра. Король отрекся 24-го утромъ. Герцогиня Орлеанская отправилась съ сыновьями пѣшкомъ въ палату и тамъ провозглашена была регентшею, а сынъ ея—королемъ. Но ворвавшійся народъ не далъ привести этого въ дѣйствіе. Ледрю-Ролленъ взомель на кафедру и провозгласилъ республику. Женщина какаля-то выставила трехдѣльное знамя. Палата признала новый образъ правленія подъ наведенными на нихъ ружьями и поднятыми саблями. Регентшѣ закричали: „il est trop tard“ ²⁾ и, говорятъ, освистали. Новое правительство образовалось подъ предсѣдательствомъ не Одилльона-Барро, а Дюпонъ де Л'ёръ (я такъ и ожидалъ и удивлялся, что имени его не было видно), изъ Араго, Ламартина, Ледрю-Роллена, Марраста, Сюбервика, Кремье и Мари и одного ремесленника (ouvrier) Альбера. Гарнье Пажесъ назначенъ меромъ Парижа (пророчествую, что будетъ человекомъ историческимъ), Ламорисьеръ—начальникомъ національной гвардіи. Какъ согласить всѣ эти извѣстія, разнорѣчащія уже, ничего не вида. Имена Дюпона и Ламартина служатъ нѣкоторою порукою, что не будетъ кровопролитія законнаго, но я не увѣренъ въ томъ, чтобы они могли остаться. Ils se verront bientôt dépassés, и тогда Богъ знаетъ что будетъ... Имя Марраста (редактора National) и другаго редактора de la Reforme (Flocon, кажется) и ремесленника

¹⁾ Съ чего это взяли всѣ журналы?

²⁾ Слишкомъ поздно.

Альбера, особенно послѣдняго, знаменательно и многозначительно. Франція 1848 года начинается съ того, чѣмъ только кончила Франція 1789 года послѣ трехъ лѣтъ попытокъ и пробъ. Начинается царство народа, такъ называемыхъ *saracités*... Увидимъ. По моему мнѣнію, все это рановременно и ни въ чему доброму повести не можетъ.

Правительство, возникающее подъ выстрѣлами и поднятыми саблями, погибнетъ отъ нихъ-же. Загвѣчательно сближеніе, не знаю—умышленное-ли, сдѣланное въ „Сѣверной Пчелѣ“ (№ 41, февраль, 23, понедѣльникъ, стр. 162, въ смѣси): это извѣстіе о просьбѣ марсельскаго палача въ палатѣ депутатовъ о принятіи улучшенной имъ гильотины, посредствомъ которой можно будетъ казнить разомъ до десяти преступниковъ, щадя ихъ отъ ужасовъ видѣть казнь другихъ. Я объ этомъ не читалъ нигдѣ въ иностранныхъ газетахъ французскихъ. Если это выдумка „Сѣверной Пчелы“, то она крайне неумѣстна и въ дурномъ тонѣ. Можно утвердительно сказать, что весь настоящій переворотъ есть слѣдствіе книги Луи-Блана: „*Dix ans*“, обнаружившей безпощадно всю безнравственную сторону іюльскаго правительства. Жирондисты Ламартяна также много распалили воображеніе молодаго поколѣнія, особенно женщинъ. На нихъ лежитъ страшная отвѣтственность. Имя Дюпона де-Л'эра, полагаю, рѣшительно вышло наружу по милости Блана, представившаго его какимъ-то героемъ древнихъ республикъ. Я признаюсь, ничего не нахожу. Увидимъ, что сдѣлаютъ съ Луи-Бланомъ новые правители и попадетъ-ли онъ во что-нибудь въ народномъ переворотѣ послѣ своего памфлета *contre la bourgeoisie* ¹⁾). Это въ некоторомъ образомъ укажетъ чего должно ждать. Я убѣжденъ, что буржуазія, т. е. богатство, всплыветъ снова и все захватитъ. Мнѣ уже не понравился первый фактъ, что народъ пошелъ къ Ротшильду, заставилъ его освѣтить домъ и кричать: „*vive la réformé*“ ¹⁾ и пр. Это значитъ невольное признаніе значенія и силы богатства. Если-же шли грабить, какъ говорятъ, то еще хуже. Нетерпѣливо тоже желаю знать—кто и что причиною истребленія будто пожаромъ Пале-Рояля и ограбленія Тюльери, т. е. случай, буйство, неистовство или желаніе грабить? Если правда послѣд-

¹⁾ Да здравствуетъ переворотъ.

нсе, то чего ждать отъ революціи, начинающей грабежомъ и пожаромъ!

При осадѣ Тюльери въ 1792 году, вѣшали за воровство подсвѣчника. Это не должно забывать французамъ. Я вообще сомнѣваюсь, чтобы единодушно во всемъ государствѣ была признана республика... Никто не приготовился, не ожидалъ, застало всѣхъ врасплохъ... Сама оппозиція не мечтала... Нѣсколько радикаловъ можетъ, статья, помышляли, внутренно не надѣясь... И въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ-ли положеніи развращенные и изнѣженные удобствами нынѣшняго комфорта люди, люди торговцы и чувственники, чтобы помышлять о республикѣ... Это вещь не своевременная и едва-ли во Франціи когда-либо, прежде 100 лѣтъ, возможная. У нихъ у всѣхъ въ крови аристократизмъ и изящество формъ; нѣтъ простоты правовъ, нѣтъ спокойствія и стойкости. Желаю обмануться въ моихъ предположеніяхъ. Если они будутъ продолжать какъ начали, то ожидать должно эмиграціи богачей, буржуазіи. Останутся чернь и *ci-devant aristocrates*, которымъ терять, кажется, много нечего. Имъ можетъ быть предназначена великая роль примиренія народа съ аристократіею и облагороженіе его дикости и кровожадности. Во всякомъ случаѣ, это было-бы два чистѣйшихъ элемента во Франціи. Буржуазія если останется и захватитъ власть (что крайне вѣроятно)—развертитъ все вновь, хоть и не скоро. Увидимъ, что скажутъ въ новой конституціи о религіозномъ вопросѣ... вѣроятно, всѣ религіи будутъ терпимы и ни одна не назовется „*religion de la majorité des français*“¹⁾, какъ было въ хартіи 1830 года, оказавшейся уже не „правдою“ послѣ 17-ти лѣтъ и 6-ти мѣсяцевъ. Я предвижу великія вещи въ этомъ отношеніи и не удивлюсь, если провозглашена будетъ „натуральная религія“ или что-нибудь въ этомъ родѣ...

Сегодня уже положительно рассказываютъ о повелѣніи сблизить войска къ границамъ и даже о приказѣ идти гвардейской кавалеріи легкой. Если это только демонстрація, мѣра осторожности противъ покушеній, то сказать нечего. Но если это рѣшенный планъ пособлять Австріи и защищать ее противъ ломбардцевъ... Въ это время, какъ пишу, можетъ быть, нѣтъ уже

¹⁾ Религія большинства французовъ.

нѣмцевъ въ Италіи. Но если это зародышъ коалиціи 1790-хъ годовъ? Неужели мы втунѣ читали и учили исторію... тогда можно будетъ сказать: nous n'avons rien appris et tout oubliés¹⁾. Безъ сомнѣнія, Англія призвала уже или признаетъ республику... Италія тоже. Бельгія, говорятъ, сама уже провозгласила себя республикою; мелкія нѣмецкія государства представительныя— тоже... Остаются: Испанія (которая, вѣроятно, сама кончитъ тѣмъ-же не нынче—завтра); Пруссія (у которой рейнска провинція и Польша); Австрія, у которой Польша и Ломбардія... Остаемся мы одни, можно сказать, отъ голоса которыхъ рѣшится участь всего міра. Если мы признаемъ республику (разумѣется, признанную Франціею) и объявимъ ей, что будемъ пріятелями, буде она не вмѣшается въ чужія дѣла, то дѣла въ Европѣ могутъ пойти еще кое-какъ... но если-же нѣтъ и мы составимъ коалицію съ Австріею и Пруссіею, то нельзя предвидѣть конца бѣдствіямъ... *se sera un embrasement et conflagration générales*²⁾. Спокойствіе государя и умѣренность его выражений при объявленіи о случившемся, наконецъ, обдуманность и умѣренность газетъ, представляютъ нѣкоторыя ручательства. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось. Военная молодежь, напротивъ, куражится и бушуетъ... также было и въ Пильницѣ и въ Кобленцѣ. Знаю только, что Луи-Филиппъ не вмѣшается ни во что явно и не попроситъ сажать внука его на престолъ. Къ счастью-же, его и не жалуютъ самого. Онъ будетъ сидѣть у моря и ждать погоды. Графъ Парижскій еще ребенокъ и можетъ ждать лѣтъ десятокъ и побольше... много еще воды утечетъ... Погубилъ себя старикъ и всѣхъ ни за грошъ... онъ могъ спокойно умереть въ Тюльери, это вѣрно, и похороненнымъ быть въ Дрѣ, въ приготовленной имъ для себя могилѣ. Тяжело будетъ умирать ему, изгнаннику... Рассказываютъ, что депеша его отъ 24-го числа къ королю прусскому заключалась въ двухъ строкахъ: „*siège mon frère, j'ai abdiqué. Que Dieu vous garde*“³⁾. Ужъ точно, да сохранить Господь! Каламбуръ многозначачій.

1) Мы ничему не научились и все позабыли.

2) Наставетъ всеобщее смятеніе, всеобщее волненіе.

3) Ваше величество, братъ мой. Я отрекся отъ престола. Да сохранить васъ Господь.

Переводъ Пушкина на нѣмецкій языкъ.

Пушкинъ, А. С. Въ мартовской книжкѣ (1848 г.) „Современника“, по случаю разбора появившейся книги К. Павловой, урожденной Янипъ, „Двойная жизнь“, замѣчено, что она извѣстна, между прочимъ, какъ переводчица нѣкоторыхъ стихотвореній Пушкина на нѣмецкій языкъ. Какія именно, когда и гдѣ напечатаны — не сказано. Нужно спросить мужа ея Н. Ф. Павлова.

Насчетъ перевода ея пушкинскихъ стихотвореній, изъ которыхъ мнѣ извѣстны только „Полководецъ“ (въ „Отечественныхъ Запискахъ“, июнь, 1839 г.), мнѣнія чрезвычайно раздѣлены. Кажется, она перевела тоже Лермонтова „Послѣднее новоселье“ на французскій языкъ. Здѣсь кстати замѣтить, что въ новомъ изданіи Лермонтова Смирдинымъ, „Русскіе классики“, эта пьеса напечатана неисправно, и что листовъ этотъ былъ перепечатанъ, но не извѣстно, доставленъ-ли всѣмъ подписчикамъ и купившимъ эту книгу. Не знаю даже—всѣми-ли замѣченъ пропускъ и ошибка.

Гласное Жуковскаго и манифестъ 14-го марта 1848 г. по поводу февральскихъ событій.

Теперь всѣ умы заняты двумя печатными документами: а) письмомъ русскаго изъ Франкфурта, напечатаннымъ въ 57-мъ № „Сѣверной Пчелы“, приписываемымъ Жуковскому, и б) высочайшимъ манифестомъ отъ 14-го марта. Въ первомъ поразило многихъ выраженіе, что мы должны оградить себя отъ вѣшной заразы Китайскою стѣною и что не будемъ отброшены въ Азію, какъ кричатъ нѣмецкіе журналы; въ послѣднемъ фраза: „Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и Нашей, Богомъ намъ ввѣренной, Россіи“.

ЦЕНЗУРИИ КОМИТЕТЪ.

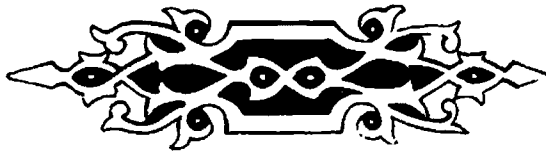
24-го марта 1848 г.

Въ мартовской книжѣ (1848 г.) „Сѣвернаго Обзорѣнія“, по случаю выхода въ свѣтъ новаго изданія (Смирдина) сочиненій Лермонтова, находится оцѣнка сего поэта. Между прочимъ, говорится, что извѣстность его началась пѣсню, раздавшеюся надъ могилою могучаго его предшественника, никогда не напечатанною. Это намекъ на оду, по случаю смерти Пушкина, оканчивавшеюся словами: „и вы не смаете всей вашей черной кровью поэта пламенную кровь“, за которую, будто-бы, Лермонтовъ былъ переведенъ на Кавказъ изъ гвардіи. Удивительно, какъ при теперешней строгости цензуры могъ пройти этотъ намекъ. Учрежденіе тайнаго комитета (тайнаго на бумагахъ) для цензуры, подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова (морскаго министра, сдѣлавшаго себѣ имя островами, каламбурами и вольнодумными выходками), изъ гг. Корфа, Модеста Андреевича, члена государственнаго совѣта, Павла Ивановича Дегаля, сенатора, и графа Александра Григорьевича Строгонова (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ), начинаетъ свои дѣйствія тѣмъ, что въ той-же книжѣ „Сѣвернаго Обзорѣнія“ не пропущена статья „Орфей“, юмористическая, и на особой страницѣ крупными словами сказано: „не могла быть напечатана по независящимъ отъ редакціи причинамъ“ (sic)! Увидимъ, что будетъ дальше.

24-го апрѣля 1848 г.

Секретный комитетъ измѣнился въ своемъ составѣ. Окончивъ пересмотръ журналовъ за послѣднее время, призвавъ редакторовъ и сдѣлавъ имъ внушеніе и наставленіе „какъ и что писать“, предсѣдателемъ сдѣланъ директоръ бібліотеки публичной (никѣмъ не посѣщаемой), членъ государственнаго совѣта, Д. П. Бутурлинъ (авторъ Исторіи 1812 года, на французскомъ языкѣ, и Исторіи смутнаго времени), принадлежащей, какъ въ свѣтѣ думаютъ, не знаю почему, къ русской партіи... Сей мужъ обязанъ подавать, будто-бы, ежедневнѣе замѣчанія обо всемъ напечатанномъ... да объ чемъ-же? Кто-же и что пишетъ теперь кромѣ льсгивыхъ, ложныхъ и угрожающихъ статей, напол-

ненныхъ грубыми, неприличными выходками противъ всего дѣлающагося въ Европѣ.... Хотѣли отдать подѣ сюркупъ Башудкаго за то, что въ одномъ номерѣ „Иллюстраціи“ статьи о постѣ и молитвѣ раздѣлены портретомъ піанистки Софіи Бореръ, что найдено высшимъ неуваженіемъ къ святынѣ. Вотъ каковы! Краевскій, говорятъ, на волоскѣ; у Никитенко отната, будто, редакція „Современника“; „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ данъ съ 9-го апрѣля цензоръ, чего прежде не было. Редакторъ Очкинъ будетъ, яко-бы, отставленъ. Журналисты въ отчаяніи—какъ довести до окончанія года свои дѣла....

Явочное челобитье холопа на своего боярина ¹⁾

1709 г.

Въ подбрѣ 1709 года билъ челомъ въ московскомъ судномъ приказѣ Илья Григорьевичъ Сандыревъ о дачѣ ему крѣпости на его человѣка Іуду Гурьева съ женою и дѣтми по отпускнуой князя Петра Михайловича Долгорукого; въ свою очередь, Іуда Гурьевъ на судѣ объяснилъ, что онъ поступилъ на службу къ Сандыреву въ мартѣ того-же года какъ вольный человѣкъ, и радился служить на годъ, а отпускнуую, свою онъ далъ Сандыреву вмѣсто порукъ, крѣпости-же на себя дать вовсе не хотѣлъ.

Несмотря на это объясненіе, по приговору боярина Алексѣя Петровича Салтыкова, Іуда былъ битъ кнутомъ и крѣпость на него Сандыреву была выдана. Тогда Гурьевъ подалъ въ московскій судный приказъ челобитную, въ которой писалъ:

„Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! Въ прошломъ, государь, въ 1704 году, вѣдомо буди, на Москвѣ живеть стольникъ Илья Григорьевъ сынъ Сандыревъ, а на службу твою великаго государя не ходитъ, сказываетъ, что нога болитъ, а лекарей къ ногѣ никого не приводитъ. А знатно, что онъ ногу затравливаетъ, не хотя бытъ на службѣ твоей государевой, все дома лежить, Богу не молится, все пьетъ; зачнетъ съ половина дня пить, да и всю ночь пьетъ, и ходитъ всю ночь по снѣмамъ съ передняго крыльца на

¹⁾ Моск. Арх. М-ва Юст. Разрядныя вѣаки, № 4.

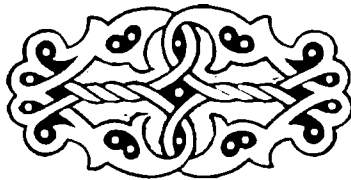
заднее, и сторожатъ дву человекамъ все велить по двору ходить съ копьемъ, да съ бердышемъ. А когда Богу молится, никто не видаеть, и не ходить въ церковь Божию къ вечернѣ, и къ заутренѣ, и къ обѣднѣ въ воскресные дни, и въ праздники Господскіе, и въ Свѣтлое Воскресенье не ходить и жены не пускаеть молится. А ему, государь, подобаеть безпрестанно за государское здравіе Бога молить! И никто его и жены его не видали въ церкви Божіей или гдѣ въ людѣхъ или у него кто былъ въ дому: и ворота обон велить запираеть и не велить людей своихъ пускать и въ день. А какую онъ, Илья Григорьевъ, сынъ Сандыревъ вѣру вѣруеть, Богъ вѣсть, потому что по вся дни обѣдни и въ праздники все просыпаетъ. А буде кто станеть приказныхъ людей спрашивать наъ приказовъ, и онъ дома не велить сказывать, сказывайте де, что стольникъ на службѣ. А какъ напьется пьянъ, только людей бьеть, да мучить. Всемилютивѣйшій государь! прошу вашего величества, вели государь, вять въ приказъ его, Илью Григорьева, сына Сандырева, да которыя у него вверху живутъ: баба Авдотья, да трехъ дѣвокъ Степаниду, да Окулину, да Маланю, и допросить, что отъ его рукъ померло дворовыхъ людей и крестьянъ отъ его битя; Будеть, что онъ, Илья, скажетъ бабѣ и дѣвкамъ не велить сказывать, прикази, государь, иль пытать, чтобъ правду сказали и не запирались, сколько отъ его рукъ людей померло. А хотя-бы онъ, Илья Григорьевъ сынъ, и воюю худо ходилъ, а въ приказѣ-бы явился, а то никому не кажется. Прикази, государь, отъ него, Илья Григорьева, сына Сандырева, съ женою и съ дѣтьми и съ рухлядью! А мѣ у него жить, государь, такое-же мученье принять, что бабѣ и дѣвкамъ его: на всякіе сутки бьеть и мучить по дважды и по трижды, и такою-же смертью умереть, что и прежніе его люди. Вашего величества вжайшій рабъ Иуда Гурьевъ. 709 ноабря въ—день. Къ сей челобитной Иуда Гурьевъ сынъ руку приложилъ“.

Помѣта внизу челобитной: „1709 года ноабря въ 9-й день. По указу великаго государя, бояринъ Алексѣй Петровичъ Салтыковъ съ товарищи сіе челобитье и того человека Иуду Гурьева приказалъ отослать въ разрядъ съ памятью“.

Разрядная помѣта: „Занисавъ, вять къ списку и того человека привесть и роспросить и выписать; а Сандырева поставить къ смотру и роспросить и выписать-же“.

Дальнѣйшаго производства по этому дѣлу пока не найдено.

Сообщ. А. Востоковъ.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

къ Н. М. Бердяеву, екатеринославскому военному губернатору,

1796 — 1797 гг.

Сиб., 21-го декабря 1796 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. При нынѣшнемъ отправленіи вашему къ мѣсту, вамъ вѣренному, нужнымъ почитаемъ предписать вамъ, чтобъ всѣ нижніе военные чины, которые по прежнимъ злоупотребленіямъ найдутся у кого-либо по домамъ, дачамъ и деревнямъ въ разныхъ партикулярныхъ услугахъ и употребленіяхъ, какъ нѣискорѣ собраны были къ ихъ полкамъ и командамъ, и чтобъ впредь отнюдь никто не осмѣливался людей военныхъ употреблять въ свои услуги и работы, зачѣмъ вы по званію своему наблюдать не оставьте.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Сиб., 17-го генваря 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и новороссійскій губернаторъ Бердяевъ. Инженеръ-капитана Игнатьева, бывшаго въ вознесенской казенной палатѣ совѣтникомъ и недавно умершаго, вдовѣ Надеждѣ Игнатьевой, которая ново-московскому казенному магазейну осталась должна разнаго хлѣба до шестидесяти четвертей, сей долгъ всемилостивѣйше прощаемъ, повелѣвая онаго съ нею не взыскивать.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Спб., 27-го января 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Препровождая при семъ прошеніе, дошедшее къ намъ отъ славянина Бечича, содержащее жалобу на находящихся въ Черноморскомъ греческомъ дивизионѣ маіоровъ Бечилли и Буа, которые, во время служенія ихъ въ послѣднюю войну на флотѣ нашемъ въ Средиземномъ морѣ, будто-бы продали просителя съ двѣнадцатю его товарищами въ неволю, изъ коей онъ родственникомъ его искупленъ, а прочіе понинѣ въ оной страдаютъ, повелѣваемъ вамъ, отыскавъ къ себѣ какъ жалобщика, такъ и отвѣтчиковъ, изслѣдовать сіе дѣло и, приведа оное въ ясность, намъ донести, въ удовлетвореніи-же обиженнаго и въ наказаніи виновныхъ поступить по законамъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Спб., 30-го января 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Увидѣли мы, что издавна отпускается ежегодно семьдесятъ пять тысячъ на содержаніе албанцевъ, поселенныхъ въ Екатеринославской губерніи, для чего, желая узнать о точномъ существѣ, числѣ и мѣстѣ ихъ пребыванія, повелѣваемъ вамъ, справясь обо всемъ предписанномъ, намъ не медля донести.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Спб., 2-го февраля 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Узнавъ о смерти запорожскихъ казаковъ войсковаго старшины Чепѣги, повелѣваемъ вамъ, избравъ на мѣсто его достойныхъ кандидатовъ, донести намъ.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Спб., 8-го февраля 1797 г. ¹⁾

По полученнымъ, Николой Михайловичъ, отъ Оболенскаго извѣстіямъ долженъ быть какъ въ Крыму, такъ и у васъ по губерніи заговоръ между татаръ и турковъ, о чемъ получите отъ генераль-прокурора свѣдѣніе, то и имѣйте о семъ наблюденіе и назначенныхъ Оболенскимъ людей заарестуйте, возьмите должныя мѣры и наблюденія, имѣйте доносы о всемъ мнѣ.

Вашъ благосклонный Павелъ.

¹⁾ Все письмо писано имп. Павломъ собственноручно.

Слб., 27-го февраля 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По поводу послѣдняго рапорта вашего нужнымъ нахожу дать вамъ примѣтить, что донесенія ко мнѣ о состояніи крѣпостей, по силѣ военнаго устава, относятся непосредственно до комендантовъ тѣхъ крѣпостей.

Вашъ благосклонный Павелъ.

Павловское, 2-го марта 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Взятыхъ вами подъ караулъ вслѣдствіе доносу губернатора князя Оболенскаго всѣхъ выпустить, ибо ни заговоръ, ни подозрѣніе не существуютъ. Обозрѣніе губерніи вашей находя нужнымъ, позволяю вамъ оное провозвести въ дѣйство.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Павловское, 3-го марта 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Изъ рапорта дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Оболенскаго усмотрѣвъ, что онъ отправилъ къ вамъ подъ стражею грека Панаіоти и переводчика Пасхали, повелѣваемъ вамъ отпустить оныхъ къ прежнимъ ихъ должностямъ, объявля имъ, что мы не полагаемъ, чтобъ они имѣли какой-либо умыселъ въ живыхъ переводахъ присланныхъ къ намъ бумагъ княземъ Оболенскимъ, но что сіе могло только случиться отъ невѣдѣнія ихъ татарскаго и турецкаго языковъ, подтверждая имъ поступать впредь съ большею осмотрительностію въ дѣлахъ, имъ поручаемыхъ. Бумаги же, присланныя съ переводчикомъ Пасхали, имѣете прислать къ намъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Валдай, 12-го марта 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Донесеніе ваше отъ 5 марта получилъ, поселенные въ Тавріи греки, названные Греческимъ егерскимъ баталіономъ, остаются въ разсужденіи жалованья, имъ опредѣленнаго, на прежнемъ положеніи. Провіантъ же имъ провозводить сообразуясь съ ихъ основаніемъ.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Тверь, 14-го марта 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. По присланному отъ васъ списку найденнымъ въ партикулярныхъ услугахъ воинскимъ

нижнимъ чинамъ, возьмите немедля нимаго безъ зачету рекрутъ: съ тайнаго совѣтника Попова одного, съ коллежскаго ассесора Цнихина одного, съ генераль-маіорши Синельниковой двухъ, съ казенной деревни Волоской одного, съ генераль-маіора Сталя пять, съ маіора Клейна три, съ поручика Панкратьева одного и генераль-лейтенанши Гейкиной семь.

Пребывая вамъ благосклонный Павель.

Москва, 21-го марта 1797 г. ¹⁾.

По присланному отъ васъ донесенію, Николай Михайловичъ, нѣтъ сумнѣнію о выборѣ въ войсковые атаманъ Головатаго, (въ) чемъ его и утверждаю, о чемъ и указъ даю.

Вашъ благосклонный Павель.

Москва, 31-го марта 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По рапорту вашему отъ 12-го сего мѣсяца я предписалъ генераль-лейтенанту херсонскому коменданту графу Де-Витту пойманныхъ изъ бѣговъ Херсонскаго гренадерскаго полку казначея Липоля, адъютанта Алексѣева и унтеръ-офицеровъ Васильева, Леонтьева и Лукьянова за похищеніе казны, побѣгъ и смертоубійство предать на мѣстѣ воинскому суду для поступленія съ ними по всей строгости законовъ.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павель.

Москва, 19-го апрѣля 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. По дѣлу Обескому нарядить военный судъ, состава его изъ военныхъ и изъ морскихъ, и производить надъ всѣми тѣми, на коихъ были и есть доносы, стараясь какъ возможно найти и обнаружить совершенно виновныхъ и тѣхъ, кои оклеветаны были ложными доносами.

Пребывая вамъ благосклонный Павель.

Троице-Сергіева лавра, 24-го апрѣля 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Изъ находящихся въ губерніи, вамъ ввѣренной, казенныхъ строеній, тѣ, которыя за помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ останутся празды, повелѣваемъ обратить на казармы для воинскихъ чиновъ или на шпитали и тому подобное, донеся намъ гдѣ, какія и на что именно употреблены будутъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павель.

¹⁾ Все письмо писано ими. Павломъ собственноручно.

Москва, 30-го апрѣля 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Новоміргородскаго уѣзда деревни Новогригорьевскую и Сердечную, умершимъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ подаренныя племянницѣ его княгинѣ Голициной, рожденной Энгельгардтъ, и потомъ, какъ она въ прилагаемомъ у сего поданомъ намъ прошеніи доноситъ, сенатомъ за нею утвержденныя съ принадлежащими къ нимъ дачами всего пять тысячъ четыреста девяносто десятинъ, повелѣваемъ отдать ей, княгинѣ Голициной, во владѣніе, а о числѣ собранныхъ съ 791-го года по нынѣ съ тѣхъ деревень доходовъ и куда оныя поступили намъ донести.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Смоленскъ, 6-го мая 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Препровождая при семъ прошеніе, поданное въ проѣздъ мой чрезъ Вязьму, отъ тамошняго мѣщанина Чамова съ жалобою на волокиту, какая дѣлается ему екатеринославскою гражданскою палатою по дѣлу его съ умершимъ Фалѣевымъ, повелѣваемъ вамъ понудить кого слѣдуетъ о немедленномъ рѣшеніи сего дѣла и о доставленіи обиженному законнаго удовлетворенія, не оставя безъ должнаго взысканія и тѣхъ, кто причиною таковой волокиты и неисполненія прежнихъ по тому дѣлу указовъ.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

20-го мая 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Въ резолюцію на рапортъ вашъ отъ 18-го апрѣля о состояніи города Одессы предписываю слѣдующее: первое: когда жители сего города по родамъ и званіямъ ихъ уже сочтены и переписаны, то и въ новой ревизіи не настоятъ никакой надобности; второе: грековъ, албанцевъ, молдаванъ, болгаръ и прочихъ иностранцевъ, причисля въ купцы и мѣщане, кто изъ нихъ въ какое состояніе по капиталамъ, промысламъ и ремесламъ своимъ записаться пожелаетъ, учредить для нихъ магистратъ на томъ самомъ основаніи, какъ оный существуетъ въ нѣмецкихъ нашихъ городахъ: Ригѣ, Ревелѣ и тому подобныхъ; греки же хотя и могутъ быть вѣдомы особо избранными изъ ихъ рода магистратскими судьями, но состоять должны въ зависимости общаго городского магистрата и не по примѣру нѣжинскаго, который имѣетъ собствен-

ныя свои древнія привилегіи, кои жителямъ одесскимъ присвоены быть не могутъ; третье: войска черноморскаго старшинъ и казакъ, которые уже въ Одессѣ завели хозяйство и домостроительство, сходно съ ихъ желаніями оставить тутъ навсегда и изъ войска черноморскаго исключить, землю же должныствуютъ они довольствоваться вообще съ прочими обитателями города Одессы, коему по примѣру прочихъ назначить узаконенную препорцію выгодныхъ земель, а тѣмъ изъ нихъ, которые объявили желаніе переселиться на пожалованныя черноморскому войску земли въ Фанагоріи, дозволить таковое переселеніе, что-же касается до неполученныхъ всѣми рядовыми казаками за работы и за кампанію 1795 года денегъ трехъ тысячъ двухъ сотъ девяноста трехъ рублей, какъ суммы для того отпускались въ распоряженіе бывшаго екатеринославскаго генералъ-губернатора князя Зубова, то и взыскать оныя деньги изъ имѣнія его, князя Зубова, безъ малѣйшаго продолженія времени, и по взысканіи раздать оныя кому что слѣдуетъ; четвертое: Греческій дивизионъ совсѣмъ уничтожить, исчислявшихся въ ономъ обратитъ въ то состояніе, кто куда вписаться пожелаетъ; пятое: изъ числа безпаспортныхъ бродягъ, изъ разныхъ мѣстъ и въ разныя времена бѣжавшихъ, оказавшихся по разбору вашему купцовъ, мѣщанъ и другихъ вольныхъ людей оставить въ Одессѣ, причисля ихъ по ихъ званіямъ и состояніямъ, крестьянъ же казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ возвратитъ на прежнія жилища, а буде первыхъ селенія, а послѣднихъ владѣльцы ихъ принять не пожелаютъ, въ такомъ случаѣ оставить и сихъ въ Одессѣ; шестое: сохраненіе въ городѣ всякаго порядка и тишины относится къ военному коменданту, коего званіе приѣмлетъ на себя начальникъ того полку, который тутъ непремѣнныя квартиры имѣетъ. Полиціймейстеромъ же въ семь городѣ быть избранному вами бывшаго черноморскаго гренадерскаго корпуса маіору Кирьянову.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Рига, 23-го мая 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Находящагося въ Одессѣ греческаго архимандрита Валсамаки по прошенію его повелѣваемъ уволить съ абшитою въ Букарестъ къ мѣсту, которое ему тамъ синайскимъ архіепископомъ назначено.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Вольмаръ, 24-го мая 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Я получилъ единовременно три прошенія отъ офицеровъ Сибирскаго гренадерскаго полку, а именно: подпоручиковъ Карели и Маркелова и прапорщика Писаренкова о причисленіи ихъ по прежнему въ Бѣлозерскій мушкетерскій полкъ. Отказавъ имъ въ таковомъ недѣльномъ прошеніи, арестовать ихъ не надолго ¹⁾, объ ономъ васъ извѣщаю.

Пребывая впрочемъ вашъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 29-го мая 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Въ резолюцію на рапортъ вашъ отъ 1-го сего мая предписываю: находящагося въ Николаевѣ турка Ибрагима возвратить безпрепятственно въ его отечество, подаря ему тѣ деньги триста двадцать рублей, кои ему изъ казны заимообразно выданы были.

Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 1-го іюня 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Полученную мною отъ находящагося въ Ладожскомъ мушкетерскомъ полку священника Григорьева жалобу на шефа того полку генерала-маіора Шишкова препровождаю при семъ къ вамъ въ оригиналъ для надлежащаго по инспекторскому вашему званію изслѣдованія прекращенія злоупотребленій, есть-ли подлинно какія въ поминutomъ полку найдутся, и доставленія просителю справедливой защиты и удовлетворенія.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Павловское, 6-го іюня 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Изъ приложеннаго при семъ письма увидите, что венгерскій дворянинъ Моластерли со всею своею фамилією, въ двадцати душахъ состоящею, выѣхалъ въ нашу имперію, желая основать въ ней вѣчное пребываніе и въ нашемъ подданствѣ остаться. Мы всемилостивѣйше снисходя на прошеніе сей фамиліи, повелѣваемъ вамъ отвѣсть ей мѣста и земли свободныя и для нихъ

¹⁾ Напечатанныя разрядкою слова приписаны собственноручно императоромъ Павломъ.

способныя въ Екатеринбургской губерніи по усмотрѣнію вашему, и при томъ объявить старику Монастерли, что дѣтей и племянниковъ его мы охотно примемъ въ нашу службу, какую они изберутъ въ лейбъ-гусарскомъ-ли или - же въ другихъ полкахъ, для чего и могутъ они пріѣхать въ здѣшнюю нашу столицу, а остающимся на мѣстѣ вы имѣете подавать всякое пособіе и покровительство.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловское, 7-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и военный губернаторъ екатеринославскій Бердяевъ. Изъ приложеннаго при семъ въ копіи указа отъ насъ къ тайному совѣтнику Алопеусу посланнаго усмотрите, что дѣло состоитъ о переходѣ войскъ французскихъ, подъ командой принца Конде состоящихъ, въ нашу имперію; а какъ многіе изъ нихъ пожелаютъ, можетъ быть, основать у насъ свое поселеніе, а съ нимъ выѣдутъ и другіе оставшіеся въ вѣрности къ королю французскому и его дому, кои въ прежнее ихъ отечество возвратиться не смѣютъ; то мы для такового поселенія и назначаемъ въ новороссійской губерніи тѣ самыя земли, кои въ 1794 году на подобное употребленіе предопредѣлены были, и именно: близъ Азовскаго моря между рѣки Берды и Молочныхъ водъ, гдѣ болѣе шести сотъ тысячъ десятинъ земли считается, разумѣя, чтобъ желающимъ селиться количество оной отводимо было участками, сообразно первоначальнымъ планамъ, для Новороссійской губерніи изданнымъ. Для новыхъ таковыхъ поселенцевъ потребна и помощь на обзаведеніе ихъ въ хозяйствѣ, которую и располагаемъ мы, первое: въ построеніи домовъ, второе: въ снабдѣніи скотомъ и деньгами на покупку необходимо нужныхъ земледѣльческихъ орудій и прочихъ домашнихъ надобностей. Что до перваго касается, мы будемъ ожидать отъ васъ увѣдомленія въ какую сумму обойдется таковой домъ для поселенца, располагая оный безъ излишества и принимая мѣры хозяйственныя для доставленія водою лѣсовъ и прочаго къ тому потребнаго, а равнымъ образомъ и относительно скота, ограничивая снабдѣніе онымъ всякаго полнаго хозяина въ двухъ лошадахъ или кобылахъ, двухъ коровахъ и шести овцахъ, которыя въ донскихъ селеніяхъ или близъ оныхъ по способности дешевыми цѣнами пріобрѣсть удобно; деньгами-же полагая на инструменты земледѣльческіе и всякія домашнія надобности на дворъ отъ двѣнадцати до пятнадцати рублей. Возвратъ такимъ образомъ употребленныхъ суммъ можетъ расположенъ быть на поселянъ по прошествіи двѣнадцати льготныхъ лѣтъ, расчисляя оный съ податью на восемь

или на десять лѣтъ. На семь основаніи мы будемъ ожидать отъ васъ подробнаго донесенія, какія сдѣлаете распоряженія къ производству того въ дѣйство, а между тѣмъ, есть-ли бы сіи колонисты явились такъ скоро, что еще съ исполненіемъ того и успѣть было нельзя, въ такомъ случаѣ надобно вамъ принять мѣры къ расположенію ихъ по частямъ въ другихъ селеніяхъ, гдѣ удобнѣе и неотяготительно для обывателей найдете.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловское, 6-го іюня 1797 г.

Копія. Господинъ тайный совѣтникъ Алопеусъ. Въ 1794 году настояло дѣло о дачѣ убѣжища въ имперіи нашей принцу Конде съ фамилією и подъ его начальствомъ служившимъ войскамъ, и въ то-же время назначены были мѣры къ переводу ихъ въ Россію. Предпріятія между тѣмъ усиленныя со стороны державъ, противу Франціи воевавшихъ, особливо-же вознамѣренная отъ Англіи диверсія на сѣверные французскіе берега и разныя другія обстоятельства, хотя и не лучшіе успѣхи принесли, остановили исполненіе того, и деньги, на переходъ помянутаго принца и его войска отпущенныя, обращены были бесплодно на новое его вооруженіе и содержаніе. Нынѣ, когда, съ приближающимся общимъ примиреніемъ, дѣла пріемлютъ иной видъ и когда принцъ Конде и подчиненные ему не имѣютъ другой цѣли, какъ искать для себя безопаснаго пристанища, мы не можемъ отказать имъ онаго въ предѣлахъ нашихъ какъ по сродному намъ человеколюбію, такъ и изъ уваженія въ принцу Конде по его личнымъ качествамъ и по тому усердію, которое онъ и ему приверженные доказали до самой крайности къ законному ихъ государю и его дому; а потому чтобъ дѣло сіе наилучше распорядить, признали мы за благо поручить вамъ въ настоящихъ вашихъ путешествіяхъ по Германіи поѣхать къ принцу Конде, вручить ему прилагаемое у сего письмо и сообщить, что мы васъ уполномочили вступить съ нимъ въ соглашеніе и распорядить, когда и какимъ образомъ произвести въ дѣйство переселеніе его одноземцевъ. Въ ожиданіи покуда вы рѣшительно отъ него отберете желанія его, на первый случай сдѣлайте ему отъ имени нашего обнадеживаніе: 1-ое, что онъ и вся фамилія его приняты будутъ со всѣми принадлежащими породѣ и сану ихъ уваженіями, и что мы по возможности потщимся учинить ему выгодное пристроеніе. 2-ое, что войска его въ нашу службу приняты и наравнѣ съ нашими трактованы будутъ. 3-е, что для поселенія его одноземцевъ опредѣлятся земли, въ Новороссійской губерніи лежащія, тѣ самыя,

кои въ 1794 году были имъ назначены, съ надлежащею помощію въ устройствѣ ихъ домашнемъ и съ двѣнадцати-лѣтней льготою по установленіямъ о той губерніи, положенной для новыхъ поселенцевъ. 4-ое, что наконецъ и сумма, потребная на переходъ его войска, ассигнована будетъ въ ваше распоряженіе, какъ скоро узнаемъ отъ васъ, сколько именно потребно по вѣрному и подробному разсчету. Переходъ сей не иначе можетъ имѣть мѣсто, какъ малыми партіями, достигая Галиціи, а оттуда вступая въ губерніи наши: Волынскую и Подольскую: для сего вы не оставите вступить въ сношеніе съ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ графомъ Разумовскимъ, дабы получить дозволеніе пройти чрезъ земли императора римскаго, да и съ другими министрами, буде нужно, чтобъ одержать таковую-же свободу; но впрочемъ по полученіи отъ васъ обстоятельнаго донесенія, мы не преминемъ какъ означеннаго посла, такъ особливо нашихъ военныхъ и земскихъ начальниковъ снабдить потребными наставленіями относительно перехода и препровожденія сихъ войскъ.

Пребываемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственной его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

Павловское, 7-го іюня 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Получивъ изъ Чернигова рапортъ, что 17-го минувшаго мая прошелъ мимо того города по рѣкѣ Деснѣ водяною коммуникаціею, на девяти военныхъ баркасахъ, лейбъ-гвардіи прапорщикъ Демидовъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ изъ Брянска въ Херсонъ, и зная, что изъ полковъ гвардіи ни одного офицера нѣтъ ни въ какой командировкѣ, не могу домыслиться, кто-бы такой былъ вышесказанный плаватель, съ какимъ грузомъ и куда отправился и какая съ нимъ есть военная команда? И для того повелѣваю вамъ послать въ Херсонъ освѣдомиться подробно, что за человекъ означенный Демидовъ, съ чѣмъ, за чѣмъ и на какихъ судахъ онъ туда прибылъ и какая при немъ команда? И что явится—немедленно ко мнѣ донести. Павелъ.

Павловское, 11-го іюня 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Препровождая при семъ прошеніе бывшей польской службы поручика Ибрагимовича съ жалобою, что имѣніе умершаго въ Херсонѣ брата его полковника Ибрагимовича тамошнимъ начальникомъ отдано невѣдомо кому и по требованію литов-

скаго губернскаго правленія, не дано знать ни объ имени того, кто получилъ оное, ни въ чемъ точно состояло имѣніе, ему отданное, повелѣваемъ вамъ истребовать отъ кого слѣдуетъ подробное о семъ имуществѣ свѣдѣніе и доставить его прямо отъ себя къ генералъ-фельдмаршалу князю Рѣпинну.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловское, 21-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и новороссійскій военный губернаторъ. Приемля съ благоволеніемъ представленіе ваше относительно поселенія въ порученной вамъ губерніи открывшихся бѣглыхъ рекрутъ и солдатъ до четырехъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ большая часть совершенно къ воинской службѣ неспособныхъ, на пустопорожжихъ казенныхъ земляхъ, къ большимъ дорогамъ прилежащихъ особенными селеніями, устроив оныя на счетъ тѣхъ, у кого бѣгле сии рекруты и солдаты укрывались, повелѣваемъ вамъ: во всемъ согласно сему вашему представленію приступить немедленно къ прочному ихъ на мѣстахъ удобныхъ водворенію, взыскавъ сверхъ того со всѣхъ владѣльцевъ, у коихъ сии люди понынѣ укрывались и въ работахъ и въ услугахъ находились, за каждаго человѣка натурою по одному рекруту.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловскъ, 23-го іюня 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Донесеніе ваше отъ 5-го іюня я получилъ и апробую мѣры, вами предлагаемыя для починки казармъ въ городѣ Очаковѣ. Сдѣлайте смѣту, что будутъ стоить новыя и пришлите планъ мѣсту, признанному вами способнымъ для построенія оныхъ. Позволяю вамъ также расположить одинъ цѣлый полкъ или отъ двухъ по баталіону въ ближайшихъ отъ Очакова селеніяхъ. Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Петергофъ, 3-го іюля 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По содержанію рапорта вашего отъ 10-го іюня я не могу ничего инаго сказать вамъ, какъ только возложить на собственное ваше попеченіе и осмотрительность разборъ переселяющихся въ нашу имперію подданныхъ венеціанскихъ склавонцевъ, дабы подъ видомъ населенія добрыхъ и полезныхъ, не напустить бродягъ, а еще больше людей безпокойныхъ или подозрительныхъ или же и правилами какими-либо неистовыми зараженныхъ. При

таковомъ разборѣ вы можете приѣзжающимъ семействамъ назначить свободныя мѣста для поселенія въ околичности Одессы или-же и въ Крыму по сношенію вашему о томъ съ генераломъ отъ инфантеріи графомъ Каховскимъ, но въ томъ и другомъ мѣстѣ ничего имъ на заведеніе изъ казны не давать.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклоннымъ Павелъ.

Петергофъ, 23-го іюля 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По обстоятельствамъ, изъясненнымъ въ рапортѣ вашемъ отъ 30-го іюня, повелѣваемъ Новоміргородскаго уѣзда деревень Новогригорьевской и Сердечной, подаренныхъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ племянницѣ его княгинѣ Голицыной, не отдавать ей, а оставить оныя въ нынѣшнемъ ихъ положеніи.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловскъ, 2-го августа 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По доходящимъ до насъ разнымъ извѣстіямъ заблагоразсудили мы предписать вамъ имѣть наблюденіе, чтобы со стороны турковъ не были дѣлаемы у насъ большія воинскія заготовленія какъ-то провіантомъ, такъ и другимъ чѣмъ, остерегаясь, однакожь, всячески, чтобы торговлю не затруднить чрезмѣрно и не лишить чрезъ то нашихъ подданныхъ единого и обыкновеннаго ихъ промысла.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Павловскъ, 5-го августа 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Вслѣдствіе получаемыхъ извѣстій объ усиливающейся моровой язвѣ, за-границу перешедшей, примите всевозможныя предосторожности отъ сего зла, подтвердивъ приказаніе по кордону и по карантинамъ.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Павловскъ, 16-го августа 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Пришлите мнѣ свѣдѣніе, есть-ли возможность помѣстить Сибирскій гренадерскій полкъ въ Екатеринославль и въ окрестныхъ селеніяхъ по-рогтю.

Пребывая вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 29-го августа 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Донесенія ваши отъ 21-го августа я получилъ. Бунтующихъ казаковъ черноморскаго войска судить, поступая во всемъ по примѣру сдѣланнаго при покойной императрицѣ въ подобномъ случаѣ надъ донскими казаками, и прислать мнѣ на конфирмацію. Пользъ-же Вятскій мушкетерскій, для приведенія бунтующихъ скорѣй въ повиновеніе, можете оставить доколь нужда въ ономъ предвидится будетъ.

Пребывая вамъ благословный Павелъ.

Гатчино, 5-го сентября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и Екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Установленное вами управленіе надъ нагайскими татарами Джембулцкой, Едисанской и Едичкулской орды мы апробуемъ, тѣмъ болѣе что таковымъ управленіемъ и сами нагайцы остаются довольны.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 12-го сентября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Вы имѣете уже сообщеніе отъ черноморскаго адмиралтейскаго правленія объ открывшейся заразительной болѣзни на прибывшемъ изъ Константинополя въ Одессу российскомъ купеческомъ суднѣ «Св. Николай», изъ коего нѣсколько матросовъ со шкиперомъ 22-го августа на шлюпѣ бѣжали. Для соблюденія строжайшей предосторожности отъ внесенія сей смертоносной заразы внутрь предѣловъ нашихъ, повелѣваемъ принять всѣ надежныя мѣры, дабы вышепомянутые бѣжавшіе матросы со шкиперомъ гдѣ-либо на берегахъ ввѣренной вашему наблюденію дистанціи выйтить и въ селеніяхъ пристанища взять не могли, но коль скоро покажутся, то, не допуская ихъ ни до малѣйшаго сообщенія, проводить въ карантинъ, и какъ съ ними, такъ и вообще съ приѣзжающими изъ турецкихъ предѣловъ поступать со всевозможною осторожностью по тѣмъ правиламъ и предписаніямъ, какія на подобныя несчастныя случаи предписаны, и о всемъ, что въ мѣстахъ вашего пребыванія происходитъ будетъ, намъ доносить.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 22-го сентября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринсславскій военный губернаторъ Бердяевъ. Получивъ вновь донесенія о продолжаю-

щейся въ Молдавіи моровой язвъ, которая распространяется къ стонамъ Могилева, что на Днѣстрѣ, нужнымъ считаю еще подтвердить вамъ о усугубленіи всевозможнаго бдѣнія и о принятіи строжайшихъ мѣръ осторожности пограничной, дабы сія зараза внутрь предѣловъ нашихъ, отъ чего Боже сохрани, прорваться не могла. О послѣдствіяхъ-же таковой осторожности, о всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ къ наблюденію оной и вообще о происшествіяхъ тамошняго края и объ извѣстіяхъ, вами изъ вѣй получаемыхъ, не оставьте намъ обстоятельно доносить.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, сентября... 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ Бердяевъ. Донесенія ваши отъ 5-го сентября я получилъ. Апробую распредѣленіе, вами сдѣланное, земель для поселенія французскихъ выходцевъ. Признаю нужнымъ приступить къ приготовленію лесовъ (?), для чего распоряженія ваши сдѣлать вы имѣете, состава къ свѣдѣнію моему смѣту во что станутъ всѣ сія поселенія.

Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 10-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Получивъ прошеніе отъ бывшаго Греческаго полку поручика Страти объ увольненіи его по старости отъ службы съ пенсіономъ и объ отводѣ ему для фамиліи и родственниковъ его, изъ венеціанскаго владѣнія сюда переселяющихся, трехъ тысячъ десятинъ земли, въ мѣстахъ имъ означаемыхъ, препровождаю оное къ вамъ въ оригиналѣ съ тѣмъ, чтобы вы донесли мнѣ о качествахъ и службѣ просителя и чѣмъ его удовлетворить можно.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 10-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По содержанію препровождаемаго при семъ прошенія, дошедшаго ко мнѣ изъ Одессы, отъ одного маіора бывшаго командиромъ надъ уничтоженнымъ Греческимъ дивизиономъ, о неполученныхъ тѣми греками понынѣ деньгахъ, еще въ 1795 году пожалованныхъ имъ какъ на хозяйственныя заведенія, такъ и на займообразную ссуду, повелѣваю вамъ доставить ко мнѣ о сихъ деньгахъ надлежащее свѣдѣніе и объясненіе, почему оныя по сю пору не дошли до рукъ тѣхъ людей, коимъ были пожалованы?

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 12-го октября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По случаю распространения извы въ окружностяхъ Каменца-Подольскаго, сверхъ тѣхъ предосторожностей, которыя уже отъ васъ предписаны, нужнымъ находимъ подтвердить вамъ о принятии надлежащихъ мѣръ въ разсужденіи сообщенія прѣвѣжающихъ съ той стороны и пропуску какъ товаровъ, такъ и почтъ, поступая въ осмотръ оныхъ по правиламъ карантиннымъ и употребляя всевозможное бдѣніе и попеченіе къ пресѣченію сей опасной болѣзни и къ недопущенію ея далѣе простираться.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 18-го октября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Запрета нашимъ пограничнымъ начальникамъ вступать въ переписку съ министрами нашими безъ предварительнаго дозволенія нашего, имѣли мы свои достаточныя причины, министрамъ-же предоставили мы, по всѣмъ нужнымъ и службѣ полезнымъ дѣламъ, относиться къ пограничнымъ начальникамъ, увѣдомляя ихъ о всемъ происходящемъ, вслѣдствіе чего вамъ и не возбраняемъ, по текущимъ или время не терпящимъ дѣламъ, имѣть переписку съ сосѣдними начальниками, а особливо въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вы можете требовать исполненія трактатовъ; а таковую вашу переписку и отповѣди имѣете вы представлять при донесеніяхъ вашихъ на усмотрѣніе наше.

Пребываемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 19-го октября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По рапорту вашему о жалобѣ, принесенной Портою Оттоманскою, на грабежъ, учиненный за Кубанью нашими казаками, какое послано отъ меня повелѣніе генералу отъ-инфантеріи графу Гудовичу прилагается при семь копія, по содержанію коего равномѣрное обвѣщеніе сдѣлайте и въ черноморскомъ войскѣ и не оставьте имѣть и съ своей стороны должное о томъ наблюденіе.

Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 19-го октября 1797 г.

Копія. Господинъ генералъ отъ-инфантеріи графъ Гудовичъ. Вамъ уже сообщилъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ объ изслѣдованіи въ семейномъ казначействѣ Кубанскомъ полку, не изъ его-ли селеній сдѣланъ пере-

ходъ за Кубань трехсотъ человекъ, коими захвачено у поколѣнія, именуемаго „Демиръ Кеміон“, пять тысячъ барановъ, а потому и подтверждаю вамъ таковое изслѣдованіе со всею должною строгостію и справедливостію учинить для наказанія виновныхъ и для возвращенія захваченнаго. Впрочемъ ради сохраненія сосѣдственнаго спокойствія, нужнымъ почитаю, чтобъ въ селеніяхъ какъ казачьихъ, такъ и другихъ пограничныхъ, объявлено было именемъ моимъ всѣмъ и каждому, что есть-ли впредь дойдутъ до меня на подобныя хищничества жалобы, я прикажу виновныхъ, въ примѣръ и страхъ прочихъ, отдать головою въ руки тѣмъ, на конихъ они набѣги дѣлали, а когда таковыхъ виновныхъ въ селеніяхъ скрывать будутъ, въ такомъ случаѣ принужденнымъ найдусь выдать изъ селенія, гдѣ виновные утаены, толикое число людей, сколько переходило на противную сторону, и то же количество общаго ихъ скота возвратитъ, каковое ограблено самовольцами. О семъ способѣ, необходимостію вынужденномъ, потщитесь внушить волю можно сильнѣе, дабы отвратить всякіе поводы къ ссорамъ съ сосѣдними народами и къ взаимнымъ съ ихъ стороны набѣгамъ, и о всѣхъ сего рода происшествіяхъ мнѣ доносите. Пребываю вамъ благосклонный.

Подлинный подписанъ собственною его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

Гатчино, 24-го октября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. За неисполненіе объявленной воли нашей, чтобъ воинскихъ нижнихъ чиновъ въ партикулярныхъ услугахъ не держать, капитана Якунина, коллежскаго совѣтника Алтегія, полковника Куликовского и корнета Чернова, взявъ подъ арестъ, отошлите подъ присмотромъ къ генераль-фельдмаршалу графу Салтыкову второму. Пребываемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 26-го октября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Указомъ нашимъ отъ 7-го іюня текущаго года къ вамъ посланнымъ, поручили мы вашему попеченію поселеніе французскихъ выходцевъ на земляхъ, лежащихъ около Азовскаго моря, между рѣки Берды и Молочныхъ водъ. Предоставляя окончаніе сего дѣла наилучшимъ вашимъ распоряженіямъ, повелѣваемъ держаться относительно раздѣленія земли на участки конфирмованному плану Новороссійской губерніи и, вступая въ сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ, требовать силой сею (?) зависящую отъ него помощь къ скорѣйшему и наилуч-

шему пристроенію помянутыхъ выходцевъ; изъ приложеннаго здѣсь списка съ указа, нынѣ-же отправляемаго къ нашему тайному совѣтнику Алопеусу, вы усмотрите какія мѣры брать вамъ надлежитъ къ отвращенію всякихъ неудобствъ по прибытіи тѣхъ выходцевъ. Оставляя въ полной силѣ указъ нашъ отъ 7-го іюня, мы ожидать будемъ вашихъ донесеній касательно распоряженій, дѣлаемыхъ вами какъ въ построеніи домовъ, такъ и обзавоженіи ихъ всѣмъ, въ помянутомъ указѣ имъ назначаемымъ; буде-же, по числу колонистовъ, въ землѣ покажется недостатокъ или же есть ли оная мѣстами неудобна найдется по какимъ-либо причинамъ, мы вамъ дозволяемъ отводить ту-же самую пропорцію на каждаго хозяина въ другихъ мѣстахъ изъ земель, впустѣ и колико можно ближе къ назначеннымъ прежде лежащихъ, истребовавъ предварительно нашихъ повелѣній.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 26-го октября 1797 г.

Копія. Господинъ тайный совѣтникъ Алопеусъ. Изъ списка указа, отъ насъ даннаго нашему генералу-лейтенанту Бердяеву отъ 7-го прошедшаго іюня мѣсяца, вы усмотрите подробно на какомъ положеніи принять мы положили въ предѣлы наши французскихъ поселенцевъ и какія имъ помощи и выгоды сдѣлать повелѣли съ самаго прибытія ихъ въ Россію; мы дозволяемъ вамъ о томъ извѣстить тѣхъ, которые пожелаютъ воспользоваться даруемымъ нами имъ убѣжищемъ.

Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего отъ 5-го (16-го) сего мѣсяца, что множество французовъ какъ земледѣльцевъ, такъ и ремесленниковъ, бѣжавшихъ изъ своего отечества, желаютъ поселиться въ Россіи, уполномочивая васъ выдать подъ росписку каждому хозяину, разумѣется старшему въ семьѣ, съ женою и малолѣтними дѣтьми, отъ тридцати до пятидесяти рублей на проѣздъ ихъ до земель, имъ показанныхъ, холостымъ-же отъ двадцати пяти до тридцати рублей на человѣка, дали мы нынѣ-же указъ нашъ по поводу сего генералу-лейтенанту Бердяеву, въ списокѣ для вѣдѣнія вашего у сего приложенный. Отъ вашей осторожности и усердія зависѣть будетъ: во-первыхъ, чтобъ кромѣ самыхъ честныхъ и прямо добродушныхъ людей не вкрались подъ именемъ поселенцевъ какіе-либо люди неспокойные или-же злонамѣренныя, а во-вторыхъ: выдачу денежной помощи разложить по разнымъ городамъ пути, такъ, чтобъ иногда нѣкоторые изъ нихъ, взявъ оную, не вздумали по дорогѣ остаться гдѣ-нибудь и перемѣнить намѣренія

своего. Выходцамъ, коиъ отъ васъ будетъ сдѣлана денежная помощь, объявите, что тѣ деньги даются имъ заимообразно и что по прошествіи льготныхъ 12-ти лѣтъ тѣ, кои получаютъ только то, что сказано въ указѣ къ генералу-лейтенанту Бердяеву отъ 7-го прошедшаго іюня мѣсяца, должны выплатить долги свои въ теченіе восьми или десяти лѣтъ; тѣхъ-же, которые сверхъ того еще отъ васъ получаютъ нынѣ денежную помощь на проѣздъ, должны непремѣнно выплатить какъ сію сумму, такъ и употребленную на заведеніе ихъ въ теченіе 15 лѣтъ, разумѣя однакожъ по истеченіи первыхъ льготныхъ 12 годовъ. Мы повелѣли нашему тайному совѣтнику и государственному казначею барону Васильеву доставить къ вамъ на первое время сто тысячъ рублей, въ которыхъ обязаны вы прислать какъ прямо къ намъ, такъ и къ нему подробные отчеты, и которые назначаемъ для сего употребленія во ожиданіи отъ васъ донесеній сколько точно выходцевъ отправятся въ предѣлы наши, дабы въ случаѣ надобности перевести еще къ вамъ сколько потребно будетъ денегъ. Поименныя списки выходцамъ и семействамъ ихъ, съ означеніемъ кто какого состоянія, поручаемъ вамъ прислать къ намъ по мѣрѣ отправленія ихъ и доставлять такіе-жъ къ генералу отъ инфантеріи Беклешову для препровожденія оныхъ въ назначенныя мѣста чрезъ губерніи, управленію вашему ввѣренныя, такъ и генералу-лейтенанту Бердяеву для принятія надлежащихъ мѣръ къ пристроенію ихъ сходственно намѣреніямъ нашимъ.

Мы ожидаемъ, что въ исполненіи порученнаго вамъ нынѣ дѣла сбережете поколику возможно выгоды нашей казны и тѣмъ удостоитесь нашего монаршаго благоволенія, и пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

Собственноручная имп. Павла I приписка на особомъ листѣ:

„Прошу васъ изъ виду не выпустить того, что съ колонистами при Потемкинѣ здѣлалось, которые померли съ голоду и колоду.

Павелъ“.

Гатчино, 29-го октября 1797 г.

Господинъ генералъ-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. По донесенію вашему относительно французскихъ выходцевъ, какъ неизвѣстно еще точное ихъ число, то и предписалъ я съ нарочнымъ курьеромъ подполковнику князю Горчакову, чтобы онъ прямо къ вамъ доставилъ вѣрное свѣдѣніе

сколько по его счету семей и въ каждой обоего пола душъ выйдетъ въ Россію французовъ, разумѣя однихъ мастеровыхъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, кромѣ военнослужащихъ, а во ожиданіи такового свѣдѣнія, вамъ должно приступить къ нужнымъ заготовленіямъ для построенія имъ жилищъ, располагая селенія и въ нихъ число домовъ по своему усмотрѣнію и по лучшей удобности положенія мѣста. Но, между тѣмъ, покуда все устроено будетъ, выходцы сіи найдутся уже въ мѣстахъ своего назначенія, то и нужно вамъ теперь-же распорядить гдѣ ихъ на временное пребываніе помѣстити и какъ продовольствовать, донеся мнѣ о мѣрахъ, для сего вами принятыхъ и доставя счетъ, сколько хотя на первыя приготовленія и содержаніе ихъ потребно денегъ, дабы по прибытіи къ мѣсту не остались они внѣ всякаго призрѣнія.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный Павелъ.

Гатчино, 31-го октября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ и екатеринославскій военный губернаторъ Бердяевъ. Разсмотрѣвъ представленныя отъ васъ справки по содержанію прошенія доктора Севи, повелѣваемъ назначенную ему въ Тавридѣ въ окружности татарской деревни Усеинъ-Аджи землю треста десятинъ, на которой онъ уже завелъ строенія и посадилъ нѣсколько тысячъ виноградныхъ лозъ, утвердить за нимъ въ вѣчное и потомственное владѣніе, а капитану Саятъ-Агѣ отдать другія сто семь десятинъ, принадлежація ему послѣ выѣхавшихъ за-границу братьевъ его Али-Аги и Мурать-Мурзы; оставшіяся-же затѣмъ уже въ той окружности земли предоставить во владѣніе татарскимъ деревнямъ.

Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Павелъ.

Гатчино, 3-го ноября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Бердяевъ. Какое наставленіе заблагоразсудили мы дать нашему флигель-адъютанту и лейбъ-гвардіи коннаго полку ротмистру Кутузову при отправленіи его къ вамъ—для свѣдѣнія вашего въ копіи у сего прилагаемъ; мы надѣемся, что вы употребите съ вашей стороны всевозможныя средства къ скорѣйшему, выгоднѣйшему и для казны нашей неотяготительному устроенію всего потребнаго для французскихъ выходцевъ; вручитель сего будетъ вамъ наилучшимъ помощникомъ, ему-же отъ насъ поручается слѣдовать на встрѣчу къ помянутымъ выходцамъ и оныхъ довести до мѣстъ, къ принятію ихъ приготовленныхъ, а вы не оставьте сдѣлать съ вашей стороны нужныя

распоряженія соразмѣрно числу поселянъ, идущихъ для продовольствія ихъ какъ по пути, такъ и на первое время въ домашнемъ ихъ хозяйствѣ, доколѣ они трудами своими судя по времени въ состояннн будутъ себя кормить.

Объ успѣхахъ сего дѣла мы будемъ ожидать дальнихъ вашихъ донесеній, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Гатчино, ноября 1797 г.

Копія. Господинъ лейбъ-гвардіи коннаго полку ротмистръ Кутузовъ. По прибытіи вашемъ въ мѣсто пребываніе нашего генераль-лейтенанта Бердяева, поручается вашему особливому попеченію распорядить пристроеніе французскихъ выходцевъ, о коихъ повелѣнія наши помянутому генераль-лейтенанту во всемъ пространствѣ уже даны и которыя онъ сообщитъ вамъ. Вы изъ тѣхъ предписаній усмотрите, что мы назначили для таковыхъ поселенцевъ земли, лежація около Азовскаго моря между Молочныхъ водъ и рѣки Берды, участки земли на каждый домъ повелѣли отводить, слѣдуя конфирмованному плану о Новороссійской губерніи; устроеніе жилищъ ихъ предоставили мы въ распоряженіе генераль-лейтенанта Бердяева по сношенію его съ гражданскимъ губернаторомъ; инструментами земледѣльческими повелѣли мы ему же снабдить ихъ по возможности, а хозяйственная часть каждаго поселенца состоятъ имѣть—изъ двухъ лошадей, двухъ коровъ и шести овецъ на правилахъ нами принятыхъ относительно возвращенія употребленныхъ суммъ по прошествіи льготныхъ первыхъ 12-ти годовъ.

Изъ донесенія тайнаго совѣтника Алопеуса усмотрѣли мы, что принцъ Конде отправилъ, вслѣдствіе нашей съ нимъ переписки, нѣсколько особъ, въ списокъ здѣсь для свѣдѣнія вашего приложенномъ поименованныхъ, для наилучшаго соображенія выгодъ ихъ соотчичей, въ предѣлы ваши идущихъ, отъ коихъ узнаете вы для собственнаго вашего руководства и для донесенія намъ о числѣ выходцевъ и состояннн ихъ. Мы поспѣшаемъ отправить васъ, дабы вы, заставъ оныхъ еще тамъ, могли облегчить генераль-лейтенанта Бердяева въ исполненнн воли нашей и отправиться, когда уже все готово будетъ къ принятію поселянъ, на встрѣчу къ нимъ, предпринявъ путь вашъ чрезъ мѣсто пребыванія генерала отъ инфантеріи Беклешева, которому указомъ нашимъ, отъ 26-го октября, повелѣли мы расположить до весны тѣхъ выходцевъ по губерніямъ, управленію его ввѣреннымъ, имѣя, между тѣмъ, сношеніе съ генераль-лейтенантомъ Бердяевымъ объ успѣхахъ части,

ему порученной. Вашему-же попеченію мы предоставляемъ часто упоминаемыхъ поселенцевъ проводить до мѣстъ для жилища ихъ устроенныхъ и, сдавъ тогда всѣхъ гражданскому начальству, отправиться къ намъ. Доволь-же комиссія ваша будетъ продолжаться, а особливо по прибытіи на мѣсто, не оставьте намъ доносить что именно уже сдѣлано и съ какимъ успѣхомъ впредь будетъ сіе устроиваться.

Пребываемъ вамъ благосклонны.

Подлинный подписанъ собственною его императорскаго величества рукою тако: Павелъ.

С.-Петербургъ, 17-го ноября 1797 г.

Господинъ генераль-лейтенантъ Вердаевъ. По причинѣ отдаленности мѣста пребыванія генерала отъ инфантеріи Беклешева, поручается вамъ инспекція надъ всѣми гарнизонными полками днѣстровской дивизіи, почему вы съ полученія сего и въ отправленіе должности инспектора вступить имѣете.

Пребывая вамъ благосклонный. Павелъ.

Сообщ. А. Вердаевъ.

Указъ изъ правительствующаго сената

о наблюденіи, чтобы нъ статскимъ дѣламъ не были опредѣляемы люди,
не умѣющіе грамотъ,

1831 г.

По указу его императорскаго величества, правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ, слушавъ записку изъ дѣла о состоявшемъ на службѣ титулярномъ совѣтникѣ Федоровѣ, не умѣющемъ грамотъ, и постановивъ въ разрѣшеніе сего случая свое опредѣленіе, между прочимъ, приказали: дабы на будущее время не могло вкраться подобнаго безпорядка въ опредѣленіи нъ статскимъ дѣламъ людей безграмотныхъ, и въ представленіи ихъ къ производству въ классные чины, вопреки указа 1731 года ноября 23-го дня, то подтвердить отъ правительствующаго сената о непремѣнномъ и неослабномъ наблюденіи сего узаконенія. И о томъ послать указы: во всѣ губерскія правленія, палаты, равныя имъ мѣста привилегированныхъ губерній, присутственные мѣста, къ гг. министрамъ, военнымъ генералъ-губернаторамъ, военнымъ губернаторамъ, управляющимъ и гражданскою частію, генералъ-губернаторамъ и градоначальникамъ; а во всѣ департаменты правительствующаго сената, общія оныхъ собранія и святѣйшій правительствующій синодъ, сообщить вѣдѣнія. Февраля 10 дня 1831 г.

Сообщ. А. П. Пупаревъ.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ІВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

1757—1835 гг.

Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX вѣка.

III ¹⁾).

Графъ Хвостовъ, при жизни своей, нѣсколько разъ издавалъ полныя собранія своихъ стихотвореній, причемъ всякій разъ передѣлывалъ и дополнялъ ихъ, снабжая каждое стихотвореніе обширными примѣчаніями и вариантами. Первое изданіе сдѣлано было имъ въ 1818 г. въ 4 томахъ, и затѣмъ повторено въ 1821—22 гг.; въ 1827 г. вышелъ 5-й томъ, подъ заглавіемъ „Разныя стихотворенія гр. Хвостова, сочиненныя послѣ полного изданія“, съ портретомъ автора. Въ 1828—29 гг. эти пять томовъ были изданы вновь съ прибавленіемъ шестаго, въ которомъ помѣщены прозаическія статьи; наконецъ, уже черезъ четыре года послѣ смерти гр. Хвостова, въ 1839 г. кто-то издалъ небольшую книжку его стихотвореній. Кромѣ того, по нѣскольку разъ были изданы его „Притчи“ (1-е изд. 1802 г.), переводъ „Науки Стихотворной“ Буало (1804 г.) и „Андромахи“ Расина. Всѣ эти книги расходились очень плохо, такъ-что самъ авторъ скупалъ и уничтожалъ прежнія изданія и вслѣдъ за тѣмъ дѣлалъ новыя, чтобы показать, что на его сочиненія существуетъ большой запросъ въ публикѣ, которая въ то время знала уже лучшія произведенія Жуковскаго и Пушкина. При 4-мъ томѣ „Полнаго Со-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, стр. 569—589.

бранинъ... приложенъ, по обычаю того времени, списокъ подписанныхъ на эту книгу—всего только на 55 экземпляровъ: отсюда можно было бы избрать лицъ, получившихъ даровые экземпляры, напр. гг. Зуманцева, А. И. Красовскаго, интр. Евгенія и др., число истинныхъ подписчиковъ едва-ли можно считать больше 20. Дико, что „творенія“ графа Хвостова лежали въ книжныхъ лавкахъ, „не оскверняемы дерзновенною рукою читателей“, какъ сказано о нихъ Пушкинъ. Немногие изъ современниковъ графа читали его произведенія: теперь, когда прошло уже болѣе 50 лѣтъ послѣ его смерти, онъ забытъ совершенно, такъ что смѣло можно сказать, что послѣднія два поколѣнія вовсе незнакомы съ его трудами. Между тѣмъ, для того, чтобы наглядно представить себѣ тѣ причины, изъ-за которыхъ почтенный и заслуженный сенаторъ навлекъ на себя такое гоненіе въ литературѣ и въ обществѣ, необходимо хотъ нѣсколько познакомиться съ его авторскою дѣятельностью. Этотъ бѣглый пересмотръ полнаго собранія его стихотвореній будетъ еще нужнѣе, если принять въ соображеніе, что гр. Хвостовъ въ своихъ стихахъ является послѣднимъ представителемъ ложно-классической теоріи, оставаясь до конца вѣрнымъ послѣдователемъ французской пѣнстики, видѣвшей въ поэзіи только стихотворную науку, т. е. искусство писать стихи правильнымъ размѣромъ. Стихотворенія гр. Хвостова служатъ нагляднымъ доказательствомъ крайняго упадка этой литературной школы, правила которой, благодаря раздражательному характеру нашей литературы, тяготѣли надъ нею въ продолженіе цѣлаго столѣтія.

I-й томъ „Полнаго Собранія“ 1821 года заключаетъ въ себѣ „Лирическія творенія“. Эпиграфомъ къ нему поставленъ стихъ:

„За трудъ не требую и не чуждаюсь славы“.

Въ предисловіи гр. Хвостовъ говоритъ о себѣ:

„При скудости моихъ дарованій, любя словесность и почитая высокую цѣль оной, т. е. просвѣщеніе, благонравіе и распространеніе вкуса, я могъ, подобно другимъ, въ счастливыя минуты моего, хотя недостаточнаго восторга, чувствовать поразительныя красоты міра тѣлеснаго и духовнаго. Безъ всякаго притязанія на право стихотворца, по чувству любви, долженствующей оживлять каждаго человѣка и особенно писателя, не запрещено мнѣ ввѣрять мои понятія и чувства бумагѣ и раздѣлять оныя съ моими пріятелями и современниками. Вотъ исторія моего авторства. Есть-ли непреодолимое пѣкое влеченіе можетъ позволить каждому съ посредственными и слабыми дарованіями писать въ стихахъ или прозѣ, то не

слѣдуетъ изъ сего, чтобы каждый могъ оставлять свои сочиненія въ томъ видѣ, какъ они въ первомъ жару выльются изъ-подъ пера сочинителя. Многие, можетъ быть, порицали меня за часто повторенныя изданія. Я дѣлалъ оныя, и есть-ли жизнь моя продолжится, всегда дѣлать буду насчетъ авторскаго славолубія, единственно для удобнѣйшаго исправленія погрѣшностей...“.

„Лирическія творенія“ открываются одою „Богъ“. Эта ода написана въ 1795 г., черезъ 11 лѣтъ послѣ знаменитой оды Державина. Какъ высоко Хвостовъ самъ цѣнилъ свое твореніе, видно изъ слѣдующаго анекдота: разъ, отправляясь въ Царское Село, онъ взялъ съ собою секретаря своего, Ильинскаго, и дорогою требовалъ, чтобы тотъ откровенно сказалъ ему—которую изъ двухъ одъ, Державина или Хвостова, онъ находитъ выше. Услышавъ искреннее мнѣніе своего сопутника, которое было въ пользу Державинской оды, оскорбленный пѣтъ хотѣлъ было высадить его середь дороги, и съ трудомъ согласился везти его дальше ¹⁾).

Вотъ начало этой оды:

„Громада велегѣнна свѣта,
Волшебной прелестью одѣта,
Какою силою течеть?
Кто цѣпь содержитъ чина вѣчна
Среди пространства безконечна?
Кѣмъ бѣгъ равняется планетъ?
Одна другую танеть, клонить,
Не тратя разстоянья, гонить
Въ ненамѣримомъ полѣ звѣздъ;
А солнце, во едино время
На множество сіяя мѣсть,
Міровъ свободно движеть бремя“, и т. д.

Извѣстна эпиграмма Державина на эту оду:

„Какъ нравится тебѣ моя о Богѣ ода?“
Самхваловъ у меня съ надменностью спросилъ:
„Я фантастическа не написалъ урода,
„О коемъ намъ въ письмѣ Гораций говорилъ;
„Но всяку строку я набилъ глубокой мыслью
„И должный моему далъ Богу видъ и ростъ“.
— „То правда, я скавалъ: нелѣпицу ты кистью
„И быть-бы гдѣ главѣ, нарисовалъ тутъ... хвостъ“ ²⁾).

¹⁾ Соч. Державина, 1-е акад. изд., I, 191.

²⁾ Ibid., III, 518.

За этою одою слѣдуютъ разныя духовныя стихотворенія, большею частью переложенія псалмовъ; затѣмъ, во второмъ отдѣлѣ, помѣщены „Оды на разные случаи“. Здѣсь есть, напр., ода Ломоносову, въ которой гр. Хвостовъ обращается къ нему такъ:

„Валети на Пиндѣ высокимъ духомъ,
 Парящимъ вѣтра на крылахъ;
 Пѣвецъ! сердцами смертныхъ, слухомъ
 Владѣй въ невѣдомыхъ странахъ;
 Высокіе утесы, горы,
 Свирѣность бурь, стихіевъ споры
 Ты въявь кистью предъявлялъ;
 Ты, силы воспріавъ орлины,
 Черезъ степи, ровный путь, стремнины
 Неустрашимо пролеталъ.

Вступи въ смиренную обитель,
 Гдѣ солнце ты зарѣлъ, пѣвецъ,
 Гдѣ сребровласый твой родитель
 Былъ въ царствѣ влажномъ рыбъ ловець,
 Гдѣ мужъ прельщенному красю
 Тебѣ назначено судьбою
 Отвергнуть множество препонъ
 И року вопреки сурову,
 Шагнуть, оставя сѣнь отцову,
 Отъ Бѣлыхъ водъ на Геликонъ“.

Здѣсь-же (стр. 90) находится пресловутая ода „Рѣкъ Кубрѣ“, за которую гр. Хвостовъ всегда называлъ себя „пѣвцомъ Кубры“:

„Кубра! ты первая поила
 Меня пермесскою водой,
 Младое чувство возбудила
 Прельщаться нѣжныхъ зирь игрой!

Хребеть свирѣлаго Нептуна
 Лети, кто хочетъ попить
 И стрѣлу грозную Перуна
 Дерзай, кичливецъ, отражать!
 Треугодемъ богъ вооруженный
 Смиряетъ мысли напыщенны;
 Когда наскутитъ бурный валь,
 Къ пенатамъ корчій возвратится;
 Тогда раскаянье родится,
 Что тщетно въ подвигѣ страдалъ“.

Въ другомъ стихотвореніи „Деревня и сельскій праздникъ“ наступленіе августа мѣсяца описывается такимъ образомъ (стр. 121):

„Ужасну челюсть затворяетъ
 Огнемъ дышашій въ небѣ левъ;

Уже смиренно водворяет
 Коней въ обитель дѣвы Фебъ;
 Палящи знои удалились,
 Прохладны вѣтерки явились,
 Волнують класы какъ моря.
 Тамъ жатвы нимфами любимы,
 Тряхнувъ кудрями золотыми,
 Спѣшать встрѣчать свѣтилъ царя“.

Во второмъ томѣ, съ эпиграфомъ:

„Люблю писать стихи и отдавать въ печать“
 помѣщены „Послания“: „О красотѣ россійскаго слога“, „О пользѣ словесности“, „О притчахъ“ и др., за которыя гр. Хвостовъ требовалъ себѣ „непосыднаго мѣста среди поэтовъ-дидактиковъ“. Въ послани „О красотѣ россійскаго слога“ интересны слѣдующіе стихи:

„У насъ Мароны всѣ, и всѣ восторгомъ дышутъ;
 Возьмутъ чернильницу, перо, бумагу—пишутъ.
 Въ искусствѣ не узнавъ ни правилъ, ни конца,
 Печатаютъ стихи и ждуть отъ музъ вѣнца.
 Но если бредни ихъ вѣнчаетъ смѣхъ народный,—
 Творецъ не виноватъ;—а кто-жъ?—языкъ бесплодный!
 Не диво, что у насъ стиховъ негодныхъ тьма,
 Въ которыхъ смысла нѣтъ, ни вкуса, ни ума“.

Далѣе авторъ даетъ молодому стихотворцу такой совѣтъ:

„Будь мыслями высокъ, а въ слогѣ плавень, чистъ;
 Являя бурн гнѣвъ, представь намъ вѣтровъ свистъ;
 Коль чуждъ тебѣ языкъ или скуденъ даръ природный,
 Простися съ музами, твой будетъ трудъ бесплодный;
 Отъ стихотворнаго отстань ты ремесла,
 Полуцихъ на Парнасъ не умножай числа“.

Изъ этихъ стиховъ видно, что гр. Хвостовъ отлично понималъ всю неумѣстность и нелѣпость рифмоплетства, но замѣчая этотъ порокъ въ другихъ, никогда и не думалъ, что самъ онъ грѣшитъ тѣмъ-же, надъ чѣмъ смѣется. Напротивъ, онъ нисколько не стѣсняется печатно говорить о себѣ:

„ступай теперь, Хвостовъ,
 Награду получить достойную трудовъ;
 Стань смѣло на ряду съ бессмертными творцами,
 И, скромность отложя, красуйся ихъ вѣнцами“.

Особенно интересны посланія „Къ А. А. Писареву о ложныхъ критикахъ“, „Н. И. Гнѣдичу о истинномъ критикѣ“,

ему-же „О мелкихъ критикахъ“. Здѣсь довольно опредѣленно высказывается взглядъ автора на мучившихъ его „зоиловъ“, въ отместку которымъ, какъ видно, и написаны эти посланія. Вотъ что говоритъ онъ о новѣйшей критикѣ:

„Сей судъ, благодаря проворнымъ языкамъ,
Невѣжи равнеся въ столицѣ по домамъ,
Безъ доказательства худое превозносятъ,
Безъ доказательства хорошее поносятъ;
А книга бѣдная, стѣсненная судьбою,
На время долгое покрытая стыдомъ,
Отъ невскихъ береговъ, бѣжа поносной брани,
Летитъ на почтовыхъ до Вятки и Казани.
Прямую критику, чистѣйшій музъ свѣтъ,
Миръ, имена смѣшавъ, насквилами воветъ“.

Примѣчаніе. Изъ всѣхъ золь самое опаснѣйшее для словесности есть подобные критики. Не смысла оцѣнить сочиненіе, не умѣя обратиться на оное вниманіе публики, они разносятъ повсюду кривые и вредные свои толки, и сколько отъ сего погибло сочиненій достойныхъ! сколько, по крайней мѣрѣ, на время находится въ забвеніи! и сколько молодыхъ писателей, устранныхъ сими ядовитыми эхиднами, оставили поприще поэзій! Злоба и безуміе покидаютъ славу, единственное одобреніе и награду талантовъ, и преграждаютъ успѣхи словесности. Это, смѣю сказать, преступники, достойныя всеобщаго омерзѣнія“.

При этомъ гр. Хвостовъ замѣчаетъ о себѣ:

„Не ставя въ рядъ себя къ пѣвцамъ, вѣнчаннымъ славой,
Довольно, что стихи считаю я забавой.
Хвала правительству!—на рифмы пошлѣнъ нѣтъ!
Ни чей отъ нихъ меня не отвратитъ совѣтъ.
Пусть Бавій на меня сатирой злобной гринетъ,—
Ругать мои стихи и опечатки станеть;
Пусть скоро въ городѣ раслутишь глупый бредъ:
Въ мое твореніе онъ свой геній не вдохнетъ.
Мнѣ будетъ жаль его, а не за что сердиться:
Кто Бавія уиметъ—съ рассудкомъ не бранится!“

Тутъ-же помѣщено „Посланіе къ Ломоносову о рудо-словіи“, читанное въ минералогическомъ обществѣ — стихотвореніе, которое особенно превозносили хвалители гр. Хвостова. Все это написано стихами въ родѣ слѣдующихъ:

„Металловъ, камней онъ вдругъ мірады зреть;
Звѣздятся соли тамъ,—и въ каждой лучъ горитъ.
Вникаетъ ревностно въ ихъ образъ перемѣну,

И свойство внутренно, и тягость, блескъ и цѣну.
 Срѣтаеть множество блистательныхъ рядовъ
 Отъ сущей древности нѣвѣстѣйшихъ родовъ:
 Кремнистый, глинистый, цирконный и глицинный!
 Истрийскій, тальковый, торинный, стронцинный,
 Тяжелый, названный по-гречески баритъ,
 Затѣмъ галлитовый, какъ Вернеръ говоритъ“, и проч.

Въ третьемъ томѣ помѣщены басни, раздѣленныя на 4 книги, съ эпиграфомъ:

„Вотъ книга рѣдкая: подъ видомъ небылицъ
 Она уроками богато испещрена;
 Она—комедія; въ ней много разныхъ лицъ,
 А мѣсто дѣйствія—пространная вселенна“¹⁾.

Виньетка изображаетъ лавровое дерево, на вѣтвяхъ котораго виситъ медальонъ съ портретомъ гр. Хвостова; подъ деревомъ сидитъ муза съ свирѣлю, а вокругъ нея стоятъ и лежатъ разные звѣри. Подъ этимъ подпись:

„Всѣ звѣри говорятъ, а самъ молчитъ поэтъ“.

Объ этихъ басняхъ гр. Хвостовъ былъ очень высокаго мнѣнія. Въ биографіи говорится, что „басни его суть первыя послѣ Сумарокова“; въ письмѣ къ дерптскому профессору Вас. Мих. Перевозчикову гр. Хвостовъ замѣчаетъ:

„Одинъ остроумецъ, вечеркомъ, въ веселой компаніи сказалъ, что Сумароковъ нашелъ басню на полѣ, Хемницеръ привелъ ее въ городъ, Дмитріевъ ввелъ ее во дворецъ, Крыловъ вывелъ на площадь, а Измаиловъ повелъ въ кабакъ. Я нахожу, что мои басенки.. не безъ достоинства; а что касается до 1-й и 3-й книги, въ коихъ всѣ 60 басенъ переложены съ французскаго славнаго баснописца (Лафонтена), то мнѣ кажется, что оныя могутъ быть переведены снова (какъ уже и есть) кѣмъ угодно, и едва-ли затмятъ мой переводъ, который имѣетъ достоинство при сохраненіи мыслей автора и собственной по языку оригинальности“.

Въ автобіографической запискѣ онъ высказывается откровеннѣе:

„Вотъ стихи изъ притчей моихъ: говоря о женщинахъ—

„За ихъ вины у нихъ прощенья не просить“.

говоря о кражѣ стихотворцевъ:

„Выирадывать стихи не важное искусство:
 Украдь Корнелеевъ духъ, а у Расина чувство“.

¹⁾ Подражаніе Лафонтену:

Une ample comédie en cent actes divers
 Et dont la scène est l'univers“.

еще:

„Поля
Унасть нелзя“

или:

„Козлоглаголпвыжъ органоъ
Витійствуеть передь болваномъ“.

Ежели-бы я прожилъ на свѣтѣ сто лѣтъ, и тутъ отъ сихъ стиховъ не откажуся и надѣюся, что будетъ мнѣ много товарищей. Но бѣда вся въ томъ, что не слѣдоваль стиху Буало: „Съ серединой согласи начало и конецъ“. Вотъ отчего притчи мои, исполненныя—смѣло скажу—оригинальностью, живостью и простотою, подобною Хемницеровой, имѣють честь десять лѣтъ, какъ Федровы, лежать въ книжной лавкѣ. Я надѣюся ихъ скоро, исправя, выдать въ свѣтъ, и тогда, можетъ быть, о нихъ заговорять. Я на сіе и не сержусь, и до тѣхъ поръ, пока не зыдамъ ихъ вторымъ изданіемъ, молчу“.

Митрополитъ Евгеній, къ которому гр. Хвостовъ часто обращался съ просьбами высказать свое мнѣніе о его сочиненіяхъ, писалъ ему:

„Любя и почитая васъ, я вижу только хорошее въ вашихъ сочиненіяхъ. Въ одахъ вашихъ я многимъ любовался, а въ притчахъ большую часть оныхъ полюбилъ, и твердо увѣренъ, что въ храмѣ вкуса притчи ваши будутъ на ряду съ Сумароковыми. Никакой Вольтеръ не исключитъ васъ изъ класса почтенныхъ фэбулистовъ, и это вашъ преимущественный классъ въ авторствѣ“.

Въ другомъ письмѣ о томъ-же предметѣ онъ говоритъ:

„Что о притчахъ вашихъ никто о сю пору ничего не говорить—это само по себѣ ясный гласъ, увѣщающій васъ и ихъ во многомъ поправить, передѣлать и поубавить ихъ къ новому изданію. Тогда сами заживо услышите, что заговорять о нихъ. Не нужно много писать, чтобы много заслужить славы. Пиндаръ, Гораций, Федръ—всѣ въ маленькомъ карманѣ помѣстятъ; но кто не носилъ ихъ въ своихъ карманахъ? А Сумарокова нынѣ уже не могутъ и изъ книжныхъ лавокъ выжить, несмотря на то, что современники величали его и Расиномъ, и Ла-Фонтемомъ и пр. и пр... Не все надобно писать что хочется:

Le moyen le plus sûr d'ennuyer, c'est tout dire“.

Одну изъ своихъ басенъ гр. Хвостовъ начинаетъ такъ:

„Я въ царствѣ басенокъ пчела:
Вездѣ летаю,
Читателей своихъ

Чужимъ питаю.
 Видали Федра и другихъ
 Въ стихахъ моихъ;
 Признаюсь, люблю я очень Лафонтена
 И вымыслы его стараюсь перенять.
 Нещастіе—оно горче хрѣна:
 Нѣтъ дарованія такъ ловко рассказать“, и проч.

О слогѣ переводныхъ басенъ можно составить себѣ понятіе по оригинальнымъ, которыя интересны различными намеками автора на собственное положеніе въ литературѣ. Напр.:

Осель, хозяинъ и собачка.

„Хозяинъ въ милости собачку содержалъ
 И ей лизать себя подчасъ не запрещалъ.
 На бархатной она подушкѣ почивала
 И космы у нея служанка завивала.
 Увидя то
 Осель ушами хлопъ, и говоритъ: „я что?
 И чѣмъ собаки хуже?
 Не все голоднымъ быть и избнута вѣкъ на стужѣ“.
 Осель, раздумавшись о томъ,
 Какъ миленькій прыгнувъ хозяину на шею
 И громко заревѣлъ: „ласкаться я умѣю“.
 Ставъ барина лизать широкимъ языкомъ,
 Визжать открытымъ ртомъ.
 Слуги помѣщика отъ друга свободили,
 А длинноухаго дубиной проводили.
 Хоть близко и ко мнѣ, а, право, грѣхъ смолчать:
 Нельзя безногому въ балетѣ
 И прыгать, и скакать;
 Коль дара нѣтъ въ поэтѣ,
 Нельзя ему на Пиндѣ смекать“.

Въ другой баснѣ онъ говоритъ:

„Пѣвцы надменны! Ступя на Геликонъ,
 Снимайте балахонъ!
 Пусть вы богаты вдохновеньемъ;
 Но если услаждать своимъ хотите пѣньемъ
 Священныхъ музъ,
 Старайтесь, чтобъ была вездѣ своя отдѣлка,
 Блудите чистый слогъ, любите вѣрный вкусъ;
 А вкусъ въ словесности,—ну, право, не бездѣла“.

Интересна еще слѣдующая басня:

Змѣя и Пила.

„Лежала на столѣ у слесаря пила.
 Не вѣдаю, зачѣмъ туда змѣя пришла,
 Не бывши никогда въ знакомствѣ съ слесарями.
 Но лишь увидѣла, что солнышко лучами,
 Рѣвываясь съ пилой,
 По ней равсыпало чудесный отливъ свой,
 Богатый, водотой
 (Бѣда завистнику смотрѣть на блескъ такой) —
 Трудится надъ пилой хотя змѣя усердно, —
 Ея стараніе пилѣ вредить не вредно.
 Пила сказала ей: „мой свѣтъ!
 Ты пощади себя, оставь ухватки грубы“.

А мой сатирику отвѣтъ:
 Брани мои стихи, когда тебѣ не любви“.

„Примѣчаніе. Симъ совѣтомъ автора хорошіе писатели могутъ воспользоваться. Дѣльно говорить Буало Расину:

„Мимотекущему посмѣйся воплю ихъ“,
 „или въ томъ-же посланіи:

„Хорошіе стихи отъ толковъ не погибнуть“.

Для любителей стихотворныхъ курьезовъ каждая басня гр. Хвостова представляетъ достаточный матеріалъ; выбирать изъ нихъ примѣры—значило-бы переписать всю книгу. Вотъ нѣсколько отрывковъ, взятыхъ на удачу:

„Въ сосѣдствѣ межъ собой искусство и природа.
 Трубами изъ пруда
 Была проведена вода
 Въ потѣху для народа.
 Умовъ затѣйливыхъ на свѣтѣ семь не нѣтъ.
 Богатый водометь
 Успѣлъ въ мигъ нарядиться
 И возгордиться.
 Пускаетъ воду въ ростъ,
 Несется къ облакамъ высоко;
 Оттолѣ, захвата пространство мѣсть широко,
 Стучить о жестяной помость.
 Или, провратными илчами
 Играя солнышка съ лучами,
 Приноситъ съ высоты
 На землю радуги цвѣты“.

„Мужикъ представленъ на картинѣ:
 Благодаря дубинѣ,
 Онъ льва огромнаго терзалъ.
 Всѣ врителн въ обвинѣ
 Сплетали множество художнику похвалъ“.

Въ баснѣ „Пѣтухъ и Лисица“
 „Летать собаки
 Пята съ пятой“.

Наконецъ, вотъ нѣсколько стиховъ изъ басни „Щука и Уда“:

„Щука уду проглотила;
 Оттого въ тоскѣ была,—
 И рвалася, и вопила.
 Влияз ея плотва жила;
 Вопрошаетъ щуку:
 Мнѣ, кума, повѣдай муку,
 Рветъ которая тебя.
 —Неавижу я себя,
 Щука отвѣчаетъ:
 Все меня здѣсь огорчаетъ,
 И въ другую я рѣку
 Плыть хочу прогнать тоску“, и пр.

Эпиграфомъ къ четвертому тому служить двустишіе:

„Что само по себѣ естественно, прекрасно,
 То вновь переродать и украшать опасно“.

Въ этомъ томѣ помѣщены переводы „Науки о стихотворствѣ“ Буало, нѣсколькихъ сатиръ и посланій Буало и Ламартина и трагедія Расина „Андромаха“. Въ началѣ книги помѣщено небольшое предисловіе, подписанное: „издатель Андрей Ивановъ“; здѣсь, между прочимъ, говорится:

„Что касается до достоинства перевода, то можно справедливо сказать, что трудъ гр. Хвостова въ предложеніи Стихотворной Науки г. Боало заслуживаетъ признательность любителей словесности. Многія мѣста сего творенія, заключающаго въ себѣ правила, принятія всѣми просвѣщенными народами, выражены на русскомъ языкѣ столь удачно, что имѣютъ всю живость и красоту, свойственную оригиналу. Напр., какъ хорошо сказано объ основаніи и достоинствѣ оды:

„Богато чувствіе и мыслей быстрота
 Суть лирна пѣнія источникъ, красота.
 Слогъ въ одѣ пламенецъ, а ходъ въ пути не гладокъ;
 Искусство часто въ ней—прекрасный безпорядокъ“.

Или о разстановкѣ буквъ:

„Смотри, чтобъ гласная, спѣша, не спотынулася
И съ гласною другой въ дорогѣ не столыулася“.

Намѣренно или ненамѣренно, „издатель“ приводитъ такіе образцы красоты Хвостовскаго перевода, которые сразу даютъ читателю понять съ какою книгою онъ имѣетъ дѣло. Впрочемъ, вотъ еще нѣсколько отрывковъ изъ этого перевода, которымъ такъ гордился гр. Хвостовъ:

„Слогъ ровной, все одно имѣя направленье,
Хоть гладокъ и красивъ—наводитъ усыпленье:
Нельзя съ пріятностію тѣхъ авторовъ читать,
Чей столповой напѣвъ способенъ докучать.
Счастливы, кто лирой насъ къ веселію приводитъ,
Свободно съ пиру въ бой, въ садъ съ бури переходить.
Творенью этому читатель очень радъ;
У Слѣнина ¹⁾ его берутъ всѣ на расхватъ“.

„Вильонъ въ толпѣ невѣждъ сталъ первый затѣвать,
Какъ лады пѣвуновъ старинныхъ очищать;
Марогъ, всѣхъ прича любить его баллады,
Затѣялъ триолеть, на рифмахъ маскарады;
Припѣвавъ правильнымъ рондо поработялъ,
Не битва троцу поэтамъ проложилъ.
Лишь возгремѣлъ Малгербъ, одолѣвая трудность,
Прелестную въ стихахъ открылъ на Сейнѣ звучность“.

„Спѣши медлительно, имѣй въ трудахъ терпѣнье;
Сто разъ пересмотри стиховъ своихъ творенье,
Гладь, чисти въ равные безперестанно дни;
Ты иногда прибавь, но чаще ихъ черни.
Ошибокъ множество когда стихи являютъ,
То мало, что красы въ нихъ нарѣдка сіяютъ.
Всѣ вещи по мѣстамъ расположи, пѣвецъ,

¹⁾ Московскій книгопродавецъ того времени.

Съ серединой согласи начало и конецъ.
Составъ, сливая быль и вмѣстѣ небылицу,
Изъ множества частей ты въ цѣломъ единицу,
Чтобъ содержанію приличный духъ стиховъ
Не сталъ отыскивать въ дали кудрявыхъ словъ“.

„Средь шума школьныхъ бурь возросшіи Ювеналъ
Гипербола колкій свой чрезъ мѣру простиралъ;
Въ твореніяхъ его всѣ истинны жестоки,
Хотя отрывки есть прекрасны и высоки“.

Слѣдующій отрывокъ интересенъ какъ по складу стиха, такъ и потому, что представляетъ невольную эпиграмму гр. Хвостова на самого себя:

„Иные обуявъ надменіемъ цѣвцы,
Сладкорѣчивые стиховъ своихъ писцы,
Гостей баладами усердно угощаютъ,
Протопресвитерамъ элегій читаютъ;
Въ самой обители у алтарей святыхъ
Нельзя забавиться отъ наглои мумы ихъ“.

Переводъ „Андромахи“ сдѣланъ такими-же неуязжими стихами, какими переводились и писались въ то время почти всѣ ~~ложно-~~классическія трагедіи. Въ предисловіи переводчика сохранился намекъ, что актеры передѣлывали многіе стихи, вѣроятно, для того, чтобы скрыть въ представленіи слишкомъ явные недостатки текста. Достаточно выписать одну небольшую сцену, чтобы дать понятіе о стилѣ цѣлаго произведенія:

Дѣйствіе III, явленіе VI.

Пирръ, Андромаха, Фениксъ и Сефиза.

п. Гдѣ дщерь Атридова? она мнѣ душу гнѣвну
И боля воспазить.

А. Се взоровъ власть моихъ!

п. Что говорить она?

А. Ахъ! всѣ въ напастяхъ злыхъ
Оставили меня.

Ф. Пойдемъ, царь, къ Гермионѣ.

с. Прерви молчаніе! что пользы въ тщетномъ стоиѣ?

А. Пирръ сына обѣщалъ...

С. И не вручилъ его.

А. Слезами не спасу я сына моего.

П. Не хочеть вворами своими удостоить.

Клячливая! пойдѣмъ.

А. Пойдемъ царя споконить ¹⁾.

П. Н. Араповъ рассказываетъ, что экземпляры „Андромахи“ во время ея представленія продавались при входѣ въ театръ. Авторъ спросилъ у продавца піесь: „Много-ли вы продали экземпляровъ моей Андромахи?“ — „Да всего одинъ“. — „Какъ это? у меня въ недѣлю разошлось больше пятидесяти“. — „Это дѣло другое, в. с-во, отвѣчалъ книгопродавецъ: вы сами изволите раздавать, такъ у васъ всякій возьметъ книжку, а здѣсь другой посмотреть, да и положить“.

Въ пятомъ томѣ помѣщены „разныя стихотворенія“ — переложенія псалмовъ, посланія, басни, мадригалы и пр. Нѣтъ нужды выбирать особенно курьезныя стихотворенія, и въ этомъ томѣ ихъ не меньше, чѣмъ прежде. Едва-ли не самое замѣчательное въ этомъ отношеніи — „Описаніе майскаго гулянья въ Екатерингофѣ“. Вотъ здѣсь, напр., пароходъ изображается такъ:

„Огнемъ богатая гора,
Крута пучину волнъ, серебра,
Вмигъ силой пламени прибавить,
Непокоренная вѣтрамъ,
Умѣетъ скорый бѣгъ судамъ.
Поднявъ на рамена громады,
Въ рѣкахъ не опасаясь бѣдъ,
Петрополю дара отрады,
Клокочеть, опѣняя слѣдъ.
За нею скоро вѣтръ стремится,
И дымъ, несясь столбомъ, курится;
Летаетъ по равнинѣ водъ
Полевный Берта пароходъ.
На быстроогненное зданье
Идетъ и дама, и герой,
А съ палубы и на гулянье,
Любуясь видовъ красотой.

Интересенъ также слѣдующій мадригалъ „На представленіе Поликсены, трагедіи г. Озерова“:

„Когда-бы ты цѣла въ Пергамахъ, Поликсена,

¹⁾ Лѣтопись русскаго театра, стр. 300.

Тебя, прекрасную, Пирръ страстно-бъ полюбилъ,
Завѣтъ родителя навѣрное-бъ забылъ,
И къ намъ-бы безъ вѣнца явилась Мельпомена“.

Наконецъ, вотъ еще эпиграмма:

„Рифмушкинъ говорить:

Я славою не сытъ;

Собранье полное моихъ стиховъ представлю,

По смерти я себя превозносить заставлю:

Изданье полное — прямой вѣнецъ труда!

Нѣтъ нужды въ справкѣ,

Остаться я хочу, остаться навсегда...

Пріятель возразилъ:—у Глазунова въ лавкѣ“

Приведенными выписками изъ сочиненій гр. Хвостова достаточно опредѣляется его значеніе въ литературѣ и становится понятнымъ, почему этотъ трудолюбивый стихотворецъ служилъ посмѣшищемъ для своихъ современниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ эпоху Жуковского и Пушкина нельзя было безнаказанно писать такіе стихи. Было-бы ошибкою сказать, что въ то время уже не было такихъ плохихъ поэтовъ; ихъ всегда много, а во времена Хвостова было много и такихъ, которые по своимъ дарованіямъ стоятъ гораздо ниже его; но они давно забыты, да и въ свое время едва-ли многимъ были извѣстны, между тѣмъ, какъ гр. Хвостовъ, именно благодаря своему страстному желанію прославиться, приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность. Желая во что-бы то ни стало добиться безсмертія, онъ не щадилъ никакихъ трудовъ и издержекъ для осуществленія своей завѣтной мечты—и публика невольно знакомясь съ его произведеніями, потому что видѣла ихъ всюду, куда только могъ доставить ихъ заботливый авторъ. Въ результатѣ получилась слава совершенно особаго рода: имя гр. Хвостова перешло въ потомство какъ нарицательное и затмило имена другихъ версификаторовъ, можетъ быть еще болѣе бездарныхъ, но зато и болѣе скромныхъ. Страсть его къ стихотворству, доходившая до такихъ крайностей, конечно, сама по себѣ, не возбудила-бы такого гоненія, если-бы онъ самъ не подалъ къ тому повода немилосерднымъ навязываніемъ своихъ стиховъ всѣмъ и каждому. Кажется, ни на кого не писалось такого множества эпиграммъ, какъ на гр. Хвостова ни о чемъ не рассказывалось такихъ смѣшныхъ анекдотовъ, какъ объ его неудержимой стихоманіи. Не даромъ талантливый водевилистъ А. А. Писаревъ въ сатирѣ своей „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнасса“, гдѣ одинаково досталось Воейкову и Грибодову Полевому и Каченовскому, сказала о Хвостовѣ:

„Хвостову нашему хвала!
 Онъ славно сочиняетъ;
 Его Россія не прочла —
 Онъ самъ себя читаетъ.
 Онъ всѣмъ извѣстенъ, какъ уродъ
 Физическій, моральный
 И будетъ славенъ въ родъ и родъ,
 Какъ мученикъ журнальный“¹⁾.

Что касается до его литературныхъ мнѣній, то они, въ сущности, представляютъ мало оригинальнаго; это мнѣнія—общія цѣлому литературному лагерю, къ которому принадлежалъ гр. Хвостовъ, воспитанный на произведеніяхъ ложно-классической поэзіи XVIII вѣка. Разсматривая эти мнѣнія, необходимо имѣть въ виду положеніе русской литературы и взаимныя отношенія различныхъ литературныхъ школъ въ то время, когда жилъ гр. Хвостовъ.

IV.

Первая четверть XIX вѣка представляетъ въ высшей степени интересный періодъ въ исторіи русской литературы и общественной жизни—періодъ, только еще недавно сдѣлавшійся предметомъ серьезнаго изученія. Характерныя черты литературы этого періода—быстрая смѣна направленій, разнообразіе и обиліе выдающихся фактовъ, стремленіе къ самобытности. Въ XVIII в. французская литература, безспорно, была первою въ Европѣ какъ по числу талантливыхъ дѣятелей, такъ и по своему общественному значенію; потому понятно, что она должна была имѣть рѣшительное вліяніе на литературы другихъ странъ, и особенно на русскую, тогда только-что вступившую въ новый, европейскій фазисъ развитія. Первые представители нашей новой литературы: Тредьяковскій, Ломоносовъ, Кантемиръ, подчиняясь вліянію господствовавшего въ то время литературнаго вкуса, должны были подражать французскимъ образцамъ — и съ тѣхъ поръ литературное направленіе, достигшее во Франціи при Людовикѣ XIV своего апогея, надолго утвердилось у насъ и достигло высшаго развитія въ царствованіе Екатерины II. Это направленіе, извѣстное подъ именемъ псевдоклассицизма и получившее строгую регламентацію въ теоретическихъ трудахъ Буало (1636—1711) и Баттё, почти исключительно господствуетъ въ русской поэзіи XVIII в., такъ что всякое

¹⁾ Библиогр. Записки, II (1859), 613.

нарушение правил поэтического уложения считается доказательством отсутствия вкуса. Форма до такой степени беретъ верхъ надъ содержаніемъ, условный способъ выраженія — надъ мыслью, что эстетическая критика развивается въ направленіи исключительно формальномъ, обращая вниманіе только на ви́шнюю сторону поэтического произведенія и находя его совершенно достойнымъ занять мѣсто въ ряду образцовыхъ, если оно удовлетворяетъ условіямъ правильности въ стилѣ и въ построеніи стиха. Писателямъ щедро раздаются громкіе титулы россійскихъ Пиндаровъ, Гомеровъ, Расиновъ, Лафонтеновъ и пр.; публика, не привыкшая отличать поэзію отъ стихотворства, видитъ во всякой мѣрной рѣчи „языкъ боговъ“; при общей безсодержательности и безжизненности псевдоклассическаго направленія, развивается въ литературѣ страсть къ громкимъ фразамъ, лишенымъ всякаго реального содержанія; эта страсть находитъ свое выраженіе въ огромномъ количествѣ высокопарныхъ и хвалебныхъ одъ на всевозможные случаи; ода считается необходимою принадлежностью всякаго торжества, общественнаго или частнаго, и, несмотря на постоянныя нападки на нее въ литературѣ, продолжаетъ существовать до 30-хъ годовъ XIX в. Большая часть произведеній этой торжественной лирики представляется только наборомъ рифмъ; рифмѣ и стиху нерѣдко жертвовали смысломъ, сочиняя необыкновенныя слова или, по выраженію Пушкина, ломая ихъ въ упрямый стихъ. Ничего не стоило, напримеръ, перенести въ словѣ удареніе на другой слогъ, сказать „Аршеневскъ“ вм. Аршеневскій или даже „Кольбакъ“ вм. Колюбакинъ, какъ у Петрова въ одѣ на Кагульскую баталію. Такое предпочтеніе формы содержанію замѣтно не только у заурядныхъ стихотворцевъ, но даже и у лучшихъ поэтовъ того времени, напримеръ, у Петрова и у Державина. Впрочемъ, наиболѣе талантливые представители литературы чувствуютъ бессодержательность такого направленія и стараются освободиться отъ его вліянія, создать нѣчто новое, болѣе соотвѣтствующее требованіямъ настоящей поэзіи и условіямъ дѣйствительной жизни. Нападки, сначала направляемыя исключительно на формы лирики, направляются теперь уже и на ея содержаніе; съ началомъ XIX в. старому направленію противопоставляется новое, тоже подражательное, но уже болѣе реальное—такъ называемый сентиментализмъ, главнымъ представителемъ котораго является, какъ извѣстно, Карамзинъ. Это новое направленіе, и по формѣ и по содержанію рѣзко отличавшееся отъ стараго, вызвало въ средѣ защитниковъ старинны дѣлюю бурю; новая литературная школа считалась ересью, пред-

ставителей ея обвиняли не только въ непониманіи основныхъ законовъ поэтическаго творчества, не только въ искаженіи и въ профанациі „высокаго штиля“, но даже въ политической неблагонадежности, въ вольнодумствѣ, въ якобинствѣ, въ развратѣ. Борьба стараго направленія съ новымъ велась не только въ книгахъ и журналахъ; гдѣ не помогала антикритика, тамъ часто, нисколько не затрудняясь, прибѣгали къ другимъ, совершенно не литературнымъ, средствамъ. Извѣстно, что попечитель московскаго университета П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (1767—1827), другъ графа Хвостова и родственникъ Шишкова, не разъ „торжественно представлялъ министру народнаго просвѣщенія“ выписки изъ сочиненій Карамзина съ указаніемъ мѣстъ, „гдѣ открывается пагубное о вѣрѣ и нравственности ученіе“ и не разъ писалъ гр. Аракчееву¹⁾. Подобныя-же средства пускались въ ходъ и впоследствии, и не всегда оставались безъ успѣха...

Въ борьбѣ литературныхъ партій неизмѣннымъ защитникомъ старины явился А. С. Шишковъ, авторъ знаменитаго „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ російскаго языка“, видѣвшій въ вопросѣ о слогѣ вопросъ религіозный и политическій; Карамзинъ стоитъ въ сторонѣ отъ этого спора, и сторонниками „новаго слога“ являются его послѣдователи. Рядомъ съ споромъ о слогѣ идетъ война изъ-за содержанія поэтическихъ произведеній: классики отстаиваютъ Буало и французскую пѣтику, ратуютъ за Расина и Корнеля противъ Шекспира и „мѣщанской драмы“; сторонники новаго направленія требуютъ естественности, реальности и нападаютъ на напыщенную псевдо-классическую ходульность. Сентиментализмъ скоро мельчаетъ; бездарные послѣдователи Карамзина доводятъ свою поддѣльную чувствительность до пошлости, вмѣсто

¹⁾ П. И. Голенищевъ-Кутузовъ былъ попечителемъ московскаго университета и округа съ 1810 по 1817 г. Одинъ изъ его доносовъ на Карамзина напечатанъ въ „Чт. Общ. Ист. и Др.“ 1858 г., кн II, смѣсь, стр. 185—186. Припомнимъ злой куплетъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“ Воейкова („Русская Старина“, изд. 1874 г., т. IX, стр. 610):

Вотъ Кутузовъ: онъ зубами
 Бюсть грызеть Карамзина;
 Пѣна съ устъ течетъ клубами,
 Кровью грудь обагрена.
 Но напрасно мраморъ гложетъ,
 Только время тратитъ въ томъ:
 Онъ вредить ему не можетъ
 Ни зубами, ни перомъ.

классической безсодержательной фразы является фраза сентиментальная, может быть еще болѣе лишенная содержания и смысла. Послѣдніе представители сентиментализма поражаютъ отсутствіемъ всякаго пониманія дѣйствительной жизни и ея потребностей; въ этомъ не трудно убѣдиться всякому, кто потрудится заглянуть, напримѣръ, въ „Журналъ для милыхъ“, издававшійся въ 1804 г. М. Н. Макаровымъ или въ „Сентиментальныя путешествія“ кн. П. И. Шаликова, издателя „Аглаи“ (1808—1812) и „Дамскаго Журнала“ (1823—32). Князь Шаликовъ, извѣстный въ эпиграммахъ того времени подъ именемъ Вдыхалова, можетъ считаться послѣднимъ представителемъ сентиментализма въ нашей литературѣ, какъ гр. Хвостовъ—послѣднимъ классикомъ; оба они—живой примѣръ того, до чего, въ концѣ концовъ, дошло то и другое направленіе; при совершенной бездарности, сочиненія кн. Шаликова представляютъ такой-же наборъ сентиментальныхъ фразъ, какъ сочиненія гр. Хвостова—наборъ громкихъ словъ и рифмъ, часто не только безъ содержания, но и безъ смысла. Они доживаютъ свой вѣкъ подъ градомъ насмѣшекъ со стороны представителей новаго направленія, во главѣ котораго стоятъ Жуковскій и Пушкинъ. Это новое направленіе, въ то время не совсѣмъ удачно названное романтическимъ, скоро привлекаетъ на свою сторону наиболѣе талантливыхъ литературныхъ дѣятелей и пріобрѣтаетъ симпатіи лучшей части публики. Одновременно съ нимъ развивается новая критика, основанная на серьезномъ изученіи внутренняго содержания литературныхъ произведеній. Являются новыя философскіе и эстетическіе взгляды, новыя требованія; поднимается вопросъ о литературѣ, какъ силѣ, имѣющей общественное значеніе... Старое литературное развитіе окончательно осуждено и забыто; немногіе, оставшіеся въ живыхъ, представители его чувствуютъ, что ихъ время прошло, и прошло безвозвратно, сѣтуютъ на быстрое распространеніе новаго „развращеннаго“ вкуса, но въ то-же время должны сознаваться, что борьба съ этою новизною становится для нихъ все болѣе и болѣе непосильною. Среди этихъ представителей прошлаго времени, гр. Хвостовъ неутомимо продолжаетъ свою авторскую дѣятельность все въ томъ-же направленіи, въ какомъ онъ началъ ее за полвѣка предъ тѣмъ, и съ тѣмъ-же „неувядающимъ гениемъ“, который такъ превозносился его панегиристами. Недовольный равнодушіемъ публики и насмѣшливыми отзывами журналовъ, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что „новая развращенная мода“ скоро пройдетъ и тогда талантъ его найдетъ себѣ достойныхъ цѣнителей. Считая себя лирикомъ по преимуществу,

онъ называетъ своими образцами Ломоносова и Петрова, и особенно высоко цѣнить послѣдняго, вѣроятно потому, что высокопарный языкъ его одѣ приходился Хвостову болѣе по вкусу чѣмъ, сравнительно простой способъ выраженія Ломоносова. По мнѣнію гр. Хвостова и другихъ писателей того-же лагеря, „лирикъ долженъ быть благонаравенъ, любить свое отечество и выставять примѣры знаменитыя. Онъ долженъ пѣть Екатерину, Суворова или подобныхъ имъ“. Вотъ почему онъ не совсѣмъ благопріятно отзывался о Сумароковѣ:

„Сумарокова лучше опредѣлить нельзя, какъ мнѣ то удалось сдѣлать въ первомъ посланіи о критикѣ:

„Гремѣла на зарѣ его въ Россіи лира!“

„Онъ былъ поэтъ; но, къ сожалѣнію, мало былъ просвѣщенъ, поздно сталъ изучать языкъ своему и совсѣмъ не былъ философъ. Нравственность его не соотвѣтствовала пѣтическому достоинству, а Буало говоритъ:

„Душевной подлости не скроетъ гордый стихъ“.

Такого мнѣнія о сущности и значеніи лирики гр. Хвостовъ держался всю свою жизнь и старался подтверждать его своими лирическими произведеніями.

Въ 1804 г. гр. Хвостовъ, вмѣстѣ съ гр. Григоріемъ Сергѣевичемъ Салтыковымъ (1777—1814) и П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ началъ издавать въ Москвѣ журналъ „Другъ Просвѣщенія“, гдѣ всѣ трое стали помѣщать свои стихи. Каждый изъ трехъ издателей всегда восхвалялъ напередъ стихи своихъ товарищей, и притомъ самыя плохіе, въ надеждѣ, что собственные стихи его покажутся лучше, если рядомъ прочтутъ еще худшіе. На этотъ журналъ тотчасъ-же явилась эпиграмма:

„Кутузовъ (т. е. Кутузовъ) другомъ просвѣщенья
Въ листкахъ провозгласилъ себя:
О времена! О превращенья! —
Вотъ каковы въ нашъ вѣкъ друзья!“

Заглавіе журнала плохо оправдывалось его содержаніемъ. Онъ издавался крайне неопратно, былъ наполненъ опечатками и имѣлъ только 62 подписчика, въ числѣ которыхъ было не мало и такихъ, которые получали его даромъ. Для историка литературы „Другъ Просвѣщенія“ важенъ по сотрудничеству въ немъ митр. Евгенія (Болховитинова), который печаталъ тамъ свой словарь русскихъ

писателей (отъ А до К); изъ другихъ сотрудниковъ уважемъ на вв. Дашкову, помѣстившую тамъ двѣ—три статьи и доставившую митр. Евгенію свою автобіографію. Въ стихотворномъ отдѣлѣ, кромѣ самихъ издателей, участвовали: извѣстный сатирикъ кн. Д. П. Горчаковъ (р. 1756 г., † 1824 г.), родственникъ гр. Хвостова, впослѣдствіи членъ „Бесѣды любителей росс. слова“, и Державинъ, который, по просьбѣ гр. Хвостова, прислалъ ему нѣсколько піесъ. Въ 1806 г. журналъ прекратился, „по причинѣ обстоятельствъ“, какъ сказано было въ заявленіи издателей, а въ слѣдующемъ году гр. Хвостовъ переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, у Державина и Шишкова, собирались иногда писатели для чтенія своихъ сочиненій. Въ концѣ 1810 г. явилась мысль сдѣлать эти собранія правильными и публичными, устроить, какъ тогда говорили, лицей или атеней. Составленъ былъ проектъ устава, и въ ожиданіи высочайшаго утвержденія шли приготовленія къ открытію засѣданій. Гр. Хвостовъ подробно описалъ всѣ эти проекты и разсужденія. По словамъ его, „главныя черты лицея суть четыре разряда, въ коихъ 16 членовъ. Предсѣдатели разрядовъ: Державинъ, сенаторъ Захаровъ († 1816), А. С. Хвостовъ и Шишковъ. Цѣль сего заявленія — чтобы пріохотить публику, а особливо дамъ, къ русской словесности и языку. Публичное чтеніе будетъ каждомѣсячно. Всѣ разряды по очереди готовятъ сие чтеніе, потомъ назначается общее собраніе, которое, утвердя статьи для чтенія, объявляетъ о публичномъ лицей съ приглашеніемъ гостей по билетамъ. Сверхъ 16-ти членовъ, называемыхъ должностными, назначается еще 16-ть членовъ при нихъ, называемыхъ сотрудниками, кои на убыльнѣ мѣста поступаютъ въ дѣйствительные члены. Еще будутъ почетные члены лицея. Въ лицей будетъ издаваться два журнала—одинъ собственно о языкѣ, а другой о словесности“.

„2-го декабря было собраніе предполагаемаго лицея въ домѣ Г. Р. Державина. Определено быть въ каждомъ разрядѣ по 6 членовъ, кои суть: Державинъ, гр. Хвостовъ, Ив. Матв. Муравьевъ, Лабзинъ, Ф. П. Львовъ, Д. Барановъ; Захаровъ, Политковский, Карабановъ, Дружининъ, П. Ю. Львовъ, А. А. Писаревъ; Шишковъ, Оленинъ, кн. Д. П. Горчаковъ, кн. С. А. Шихматовъ, Крыловъ, Кикинъ; А. С. Хвостовъ, кн. Голицынъ, кн. Шаховской, Филатовъ, Соколовъ, Маринъ. Нѣкоторые предлагали назвать собраніе Афинеемъ; князь Горчаковъ сказалъ, что Атеней—хорошо, но не надобно выговаривать Афиней, ибо скажутъ—ахиней!“

Наконецъ, по настоянію Шишкова, не любившаго иностранныхъ

словъ, рѣшено было назвать новое общество „Бесѣдою любителей русскаго слова“; но утвержденія все еще не было: „сказывали, замѣчаетъ гр. Хвостовъ, что у государя за столомъ, говоря о новой Бесѣдѣ, сказано было, что она вмѣсто слова билетъ намѣрена употреблять звалъце. Сіе произвело всеобщій хохоть, и Бесѣда остается безъ утвержденія“. Утвержденіе послѣдовало въ мартѣ 1811 г., а 14-го числа происходило первое публичное чтеніе въ Бесѣдѣ, которое, по словамъ гр. Хвостова, „всѣмъ полюбилось и попало въ моду“. Съ тѣхъ поръ гр. Хвостовъ сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ этого „литерернаго собранія“ или „обители Невскихъ музъ и кореннаго слова“, какъ называетъ онъ „Бесѣду“. Онъ не пропускалъ ни одного засѣданія и подробно записывалъ въ своихъ тетрадяхъ все, что тамъ происходило, прибавляя свои замѣчанія о читанныхъ въ собраніяхъ статьяхъ ¹⁾, напр.: „1811 г. апрѣля 22-го числа читаны были:

1. Трактатъ Державина о лирической поэзіи — никуда не годится.

2. Ода „Истина“, его-же,—мистическая и такъ-же плоха, какъ и трактатъ.

3. Первая сатира Гораціева, съ маленькимъ предисловіемъ о его философіи, переводъ въ прозѣ г. Муравьева — очень хороша только жаль, что въ прозѣ, ибо такъ можно перевести каждому ученику.

4. „Письмо о критикѣ“, гр. Хвостова.

5. Двѣ идилліи Ф. П. Львова—безъ вымысла, огня и чувствъ, только очень щеголевато, напр. теплицы онъ называетъ стеклянными латами цвѣтовъ, и пр.

„8-го декабря, на посмѣяніе здраваго разсудка и вкуса было чтеніе въ „Бесѣдѣ“ г. Захарова, въ коемъ не было метровъ и цесуръ, и, наконецъ,—подлое и вялое стихотвореніе Карабанова. Въ заключеніе—басни (по обычаю) Крылова, о коихъ говорить нечего: право, хороши“ и т. п.

Вскорѣ, однако, у гр. Хвостова начались непріятности съ членами „Бесѣды“, особенно съ Державинимъ, котораго нашъ поэтъ не долюбивалъ за несовсѣмъ лестные отзывы о его произведеніяхъ. Гр. Хвостову, конечно, извѣстны были эпиграммы Державина: „На Скриплева“ и „На Самохвалова ²⁾“; въ 1803 г., когда епископъ

¹⁾ Сочиненія, читанныя въ этомъ обществѣ, составили особое изданіе; „Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“ (19 книжекъ, 1811—1815 гг.).

²⁾ Соч. Державина, 2-е акад. изд., III, 392, 406 и слѣд.

Евгеній (Болховитиновъ) жилъ въ Новгородѣ, гр. Хвостовъ заѣхалъ къ нему, и, не заставъ его дома, началъ перелистывать лежавшую на столѣ рукопись „Ключа къ стихотвореніямъ Державина“, причемъ наткнулся на замѣчаніе не особенно лестное для своего авторскаго самолюбія; онъ тотчасъ-же написалъ на поляхъ: „Гѣвріла Романовичъ, кажется, ошибается, полагая, что названный имъ поэтъ неспособенъ къ лирическому роду“, и въ доказательство тутъ-же исчислилъ нѣкоторыя свои оды¹⁾. Державинъ совѣтовалъ гр. Хвостову „не торопиться писать скоро стиховъ, а паче не предавать скоро въ печать“; „что прибыли,—говоритъ онъ къ одному изъ своихъ немногихъ писемъ къ неутомимому стихотворцу, — что прибыли отдавать себя безъ строгой осмотрительности суду критиковъ? Вы знаете, что не количество, а качество парнасскихъ произведеній вѣнчаетъ авторовъ“. Въ то-же время Державинъ писалъ Дмитріеву: „Относительно стиховъ Д. И. и прочихъ господъ, коими они спѣшатъ наводнять ихъ журналы, я ничего другаго сказать не могу, какъ предать ихъ волѣ Божіей, ибо публика равнодушно ихъ терпитъ“. Оскорбленное самолюбіе, а отчасти и зависть, нашли себѣ выраженіе въ многочисленныхъ замѣткахъ гр. Хвостова о произведеніяхъ Державина. Напр., вотъ что говоритъ онъ по поводу извѣстнаго разсужденія Державина о лирической поэзіи:

„Сочиненіе сіе такъ огромно по наружности, что надобно быть хорошему горлу, чтобы прочитать въ три битыхъ часа, а по существу такъ мелко, что не займетъ разумъ и душу ни на одну минуту. Оное есть слѣпокъ несообразный изъ разныхъ учебныхъ книгъ, а большею частью изъ нѣмецкихъ эстетикъ, и не представляетъ въ себѣ ни духа, ни мысли; словомъ, сочиненіе голое, безъ красокъ, безъ толка, наполненное примѣрами, по большей части, неудачными и такое, которое можетъ составить всякій шеольникъ“.

Въ той-же тетради находится слѣдующая замѣтка: „Сказывали мнѣ, что Д. всѣ предполагавшіяся къ чтенію въ 3-мъ разрядѣ статьи отворачиваетъ по недостатку изящества, а сообщаетъ повѣствованіе Терамена изъ трагедіи Расиновой о кончинѣ Ипполита, имъ переведенное. О, невѣжественное самолюбіе!“

При разныхъ мелкихъ недоразумѣніяхъ, большею частью изъ-за стиховъ гр. Хвостова, которыхъ Державинъ иногда не допускалъ до публичнаго чтенія, легко могъ явиться поводъ къ настоящей ссорѣ. Дѣло было такъ: Дмитрій Ивановичъ написалъ „Посланіе

¹⁾ Ibid., 307—308.

къ Стамбулову“, въ которомъ явно мѣтилъ на своего двоюроднаго брата и члена „Бесѣды“, Александра Семеновича Хвостова, бывшаго одно время при посольствѣ въ Константинополь. На просьбу прочитатъ въ „Бесѣдѣ“ это посланіе, Державинъ отвѣчалъ автору (3-го января 1813 г.):

„Предлагалъ я вчерась собранію Посланіе ваше къ Стамбулову, но, къ сожалѣнію моему, примѣчена тутъ личность нащеть члена, который тутъ-же присутствовалъ; то это весьма непріятно. А для того и возвращаю оное къ вамъ обратно, прося покорнѣйше уволить меня и впредь отъ такихъ сочиненій, гдѣ чья-либо уязвляется честь... Богъ съ вами, ссорьтесь какъ хотите, только меня въ ссоры ваши не вмѣшивайте. Вѣрьте, что очень прискорбно мнѣ видѣть не токмо письменныя колкости другъ другу, но и тайныя насмѣшки и переговоры между сочинителями, которыхъ у насъ еще такъ мало. Мое правило: сказать правду въ глаза что хорошо или дурно по моему разумѣнію; а заочно пересмѣхать и научать противъ ближняго какія-либо писать сатиры или критики несправедливыя право не могу и не терплю, тѣмъ больше, что самъ никогда на это не поупущу. Я желаю отъ искренняго сердца, чтобъ съ новымъ годомъ водворился между нашими авторами миръ и согласіе, о чемъ и васъ покорнѣйше прося, пребываю и проч. Гавріиль Державинъ“.

Гр. Хвостовъ, обидѣвшись этимъ письмомъ, поссорился съ Державинимъ, говоря, что Державинъ называетъ его пасквилянтомъ. Державинъ написалъ ему второе письмо слѣдующаго содержанія:

„Я пасквиломъ сочиненія вашего не называлъ и въ томъ на письмо мое къ вамъ ссылаюся. Что-же касается до Стамбулина и до сочиненія эпиграммъ, то извѣстно кто былъ въ Стамбулѣ и кто сочиняетъ эпиграммы; а потому и очевидно на кого вы метили. Я и прежде это видѣлъ; но дабы васъ не огорчить, не хотѣлъ вамъ отказать въ прочтеніи онаго въ „Бесѣдѣ“, думая, что мое заключеніе несправедливо. Когда-же это всѣмъ въ глаза бросилось, то, признаюся, что не могу себѣ позволить кого-либо обижать съ намереніемъ (sic). Извините меня въ томъ, графъ, да и вы, кажется мнѣ, напрасно обидѣлись моею искренностью. Пѣчатъ-же (!) или не пѣчатъ (!) въ томъ воля ваша, лишь-бы я къ тому былъ незамешень (sic). Вашего сіятельства и проч. Гавріиль Державинъ“.

Ссора эта продолжалась года два; потомъ Хвостовъ помирился съ Державинимъ и записалъ въ одну изъ своихъ тетрадей слѣдующій разговоръ объ этомъ случаѣ:

„Державинъ, по хитрому наущенію другихъ и по семидесяти-лѣтней вѣтренности своей, почелъ посланіе мое къ Стамбулову сатирою на А. С. Хвостова и отпотчивалъ меня оскорбительнымъ письмомъ. Я не ѣздилъ къ нему два года; но кто можетъ сердиться на Державина? У сего знаменитаго современника часто погрѣшала голова, а не сердце. А. С. Хвостовъ, тотъ самый, за котораго онъ при чтеніи Стамбулова такъ горячо вступился, выпустилъ на него въ рукописи весьма обидное сатирическое сочиненіе подъ именемъ „Весна въ 1801 году“. Державинъ, не разобравъ который Хвостовъ то былъ, во дворцѣ сильно на меня напалъ, хотя я сатирическо-пасквильными произведеніями всегда гнушался, а особливо безыменными. Что-же я сдѣлалъ? Убѣди неосмотрительнаго поэта, что не я былъ сочинителемъ творенія тьмы, простилъ Державина въ его ошибкѣ, и мы помирились“.

Но гр. Хвостовъ и послѣ смерти Державина долго еще не могъ простить ему его славы и его неелстныхъ отзывовъ о Хвостовѣ-лирикѣ; когда въ 1829 г. Городчаниновъ сообщилъ нашему поэту, что казанское общество задумало поставить Державину памятникъ, гр. Хвостовъ отмѣтилъ на этомъ письмѣ: „сей памятникъ, какъ видно, сооружается, только не знаю, по недостатку въ логикѣ и по небрежности слога будетъ-ли памятникъ памятенъ“.

Въ „Биографіи“ говорится, что гр. Хвостовъ „Сумарокова и Державина разумѣлъ стихотворцами, только не образцовыми, по недостатку въ нихъ вкуса, а въ послѣднемъ—по недостатку знанія въ языкѣ и большимъ ошибкамъ противъ правильности языка. Державинъ не умѣлъ ни въ молодости, ни подъ старость писать по-русски“.

Александръ Семеновичъ Хвостовъ ¹⁾, изъ-за котораго произошла эта ссора, двоюродный братъ гр. Дмитрія Ивановича, былъ въ короткой пріязни съ Державинимъ и Шеншковымъ и славился своими остроумными эпиграммами, которыя нерѣдко касались гр. Хвостова и его стиховъ. Обиженный поэтъ мстилъ ему по своему—нескладными эпиграммами, которыя старательно вносилъ въ свои записныя тетради. Вотъ нѣсколько такихъ замѣчаній:

¹⁾ Род. 13-го ноября 1873 г., учился въ академической гимназій, въ 1772 г. поступилъ на службу въ коллегію иностр. дѣлъ, потомъ, при генералъ-прокурорѣ кн. Вяземскомъ, былъ секретаремъ въ сенатѣ; въ 1779 г. перешелъ въ военную службу подполковникомъ; въ 1791 г. былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ; впоследствии былъ директоромъ государственнаго заемнаго банка; умеръ 14-го іюня 1820 г.

„А. С. Хвостовъ на меня, какъ сказываютъ, нѣгдѣ (sic), между прочимъ, помѣстилъ:

„А графъ—сказать-ли безъ укоръ?
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ!“¹⁾

„Я ту-же минуту, вспомни о похищеніи его у Шуазель-Гуфье денегъ, къ сему Екатериною II посланныхъ, за что ему и худо было, сказалъ:

„Конечно, графъ Хвостовъ въ дарахъ Хвостова ниже;
Объ этомъ вѣдаютъ въ Царьградѣ и Парижѣ:
Извѣстный въ наши дни посольствомъ при дворахъ,
Любитель Греціи, защитникъ Періандра,
Писатель Шуазель Хвостова Александра
Европѣ показалъ въ разительныхъ чертахъ“.

Черезъ нѣсколько страницъ гр. Хвостовъ замѣчаетъ:

„Хвостовъ говоритъ, что эпитаграмма „Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ“,—не его, а Княжнина. Богъ ихъ души вѣдаетъ“.

„Я сочинилъ оду на освященіе Казанскія церкви (1812 г.). Амвросій митрополитъ (Подобѣдовъ) сказалъ кн. Голицыну, что прочитайъ прежде мою оду, не говорилъ самъ проповѣди, затѣмъ, что новаго нечего было сказать. Сказываютъ, впрочемъ, что А. С. Хвостовъ, хваля сію оду мою, слѣдующее сдѣлалъ двустипшіе:

„О, храма новаго неизрѣченно чудо!
Хвостовъ стихи скропалъ—и, говорятъ, не худо!“

Вотъ отвѣтъ:

„Я вѣрю чудесамъ
То вѣрно, графъ Хвостовъ воспѣлъ Казанскій храмъ;
Другой Хвостовъ, хотъ грѣмъ небесный гранетъ,
Отъ чуда не воспрянетъ:
Онъ сердцемъ и умомъ,
Рукой и языкомъ
Грѣшить не перестанетъ“.

Александръ Семеновичъ не оставался въ долгу у графа и скоро отвѣтилъ ему экспромптомъ, подписавъ на одной изъ новыхъ его одъ:

„Когда сіи стихи покажутся въ столицу,
То первые пойдутъ обертывать корицу“.

¹⁾ Знаменитый въ свое время танцоръ. См. Воспоминанія Виггелъ („Русск. Вѣстн.“ 1864 г., августъ стр. 452).

Другіе члены „Бесѣды“, напротивъ, писали гр. Хвостову похвальныя письма, ни по формѣ, ни по содержанию нисколько не уступавшія наименѣе слабымъ изъ его произведеній. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ очень длиннаго посланія А. Д. Боровкова (1788—1856 гг.), которое трудно принять за насмѣшку надъ стихотворцемъ уже и потому, что авторъ—членъ „Бесѣды“—былъ въ близкомъ отношеніи съ гр. Хвостовымъ.

„Тонкій твой очистилъ вкусъ
Для тебя стези Парнасскія,
Мхомъ заросши и утесисты;
Музы праведны, разборчивы,
Въ сонмъ пѣнцовъ знаменитѣйшихъ
Помѣстили тамъ давно тебя,
Всѣ отрывши свои тайнства.
Твои оды философскія,
Услаждая разумъ-сердце вдругъ,
Всѣхъ склоняютъ къ восхищенію;
Твоей вѣжностью влечешь ты всѣхъ
Къ берегамъ Кубры сребристыя
Предаваться меланхоліи...

Ты возноспнсья, какъ быстръ орель,
Разсѣвая воздухъ крыльями,
Прославляешь дѣла славныя
Гроше барда вдохновеннаго.

Иногда-жь уроки нравственны
Стихамъ легкимъ, вразумительнымъ
Подаешь намъ въ острыхъ басенкахъ;
Иногда-же, звуки лирные
Согласуя съ Боало-Деспрэ,
Научаешь ты соотчичей
Основаніямъ словесности,
Вкусу тонкому, изящному
И пути имъ отрываешь тѣмъ
Къ Геликову неприступному“, и пр.

Въ 1813 г. Шишковъ назначенъ былъ президентомъ Россійской академіи, и вслѣдъ затѣмъ многіе изъ „бесѣдистовъ“ сдѣлались академиками. Въ это время извѣстный споръ о старомъ и новомъ слогѣ достигъ крайнихъ предѣловъ, и „бесѣдисты“ за одно съ академиками не скупились на обвиненія своихъ противниковъ въ порчѣ языка и нравовъ. Гр. Хвостовъ, постоянно ратовавшій за чистоту и правильность слога, однако, не принималъ активнаго участія въ этомъ спорѣ, хотя, какъ защитникъ стараго направленія вообще, долженъ былъ стоять на сторонѣ „любослововъ“ Бесѣды

и Академіи. Онъ оставилъ нѣсколько замѣтокъ объ этомъ вопросѣ и въ одной изъ нихъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Сей Парнасской враждѣ я оставался чуждъ. Начальники сего: стихотворческаго (?) пренія были Шишковъ и Карамзинъ — и оба, какъ я думаю, правы. Все дѣло испортили ревностные ихъ подражатели и ратоборцы, а особливо со стороны Карамзина: В. Л. Пушкинъ, А. Е. Измайловъ, Д. В. Дашковъ — нескромными и колкими насмѣшками, а другіе — какъ-то: московскій Измайловъ ¹⁾, князь Шаликовъ и подобные до безчисленности — неискуснымъ подражаніемъ пріятному слогу сочинителя „Марфы посадницы“. Зараза распространилась даже до безмолвныхъ обитателей, гдѣ святые отцы гласили о сентиментальности и о милой.. Ничего писать нельзя достойнаго печати и потомства, не изучая прежде, какъ толкуетъ Шишковъ, книжному языку, который находится у насъ въ Св. Писаніи. Языкъ Ломоносова въ самыхъ одахъ его есть удобопонятный, и именно оттого, что основалъ онъ языкъ свой на знаніи языка церковнаго. Послѣдователи Карамзина хотятъ быть сочинителями, не учая ничему, и почитаютъ за большую премудрость отверженіе словъ славянскихъ единственно оттого, что не вникаютъ въ силу ихъ и не умѣютъ кстати употреблять. По моему мнѣнію, смѣшно быть кн. Шихматовымъ ²⁾ и жалко — кн. Шаликовымъ: первый будетъ надуть, а второй, не читая псалтыри, скуденъ не только въ выраженіяхъ, но даже въ мысляхъ и оборотахъ“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается откровеннѣе: „Желаю убѣдить питомцевъ музъ, что неистовыя ополченія на А. С. Шишкова, знаменитаго благодѣтеля русской словесности, на меня и на другихъ почтенныхъ по авторству собраній не иное что въ виду имѣли, какъ цѣль безначалія, препятствующую разсматривать и видѣть достоинство въ тѣхъ людяхъ, кои не могли по талантамъ, по совѣсти, по разуму и опытамъ быть ихъ соучастниками.. Зачѣмъ напоминать объ эпиграммахъ, которыя съ торжествующимъ удовольствіемъ отступники порядка и въ самой словесности разсыпали?“

Въ „Біографіи“ то-же мнѣніе подкрѣпляется ссылкой на сочиненія графа, „ибо въ разныхъ родахъ, лирическомъ, басенномъ и

¹⁾ Владиміръ Васильевичъ (р. 1773 г., † 1830 г.), издатель журналовъ: „Патріотъ“ (1804), „Вѣстникъ Европы“ (1814) и „Россійскій музеумъ“ (1815), авторъ сентиментальнаго „Путешествія въ полуденную Россію“ (1800—1802).

²⁾ Сергій Александровичъ (р. 1783 г., † 1837 г.), авторъ сочиненій: „Ночь на гробахъ“ (Спб., 1812) и „Ночь на размышленія“ (Спб., 1814), членъ „Бесѣды“ стихотворецъ и вѣрный сторонникъ Шишкова.

учебномъ — вездѣ виденъ одинъ, такъ сказать, почеркъ, т. е. точность, правильность мыслей и словъ. Онъ среди молвы и жаркихъ споровъ на Парнассѣ, и, можетъ быть, вражды на себя отъ непросвѣщенныхъ защитниковъ моднаго краснорѣчія, умѣлъ сохранить дружбу и уваженіе знаменитыхъ своихъ современниковъ: Державина, Шишкова, Карамзина, Н. М. Муравьева, Ив.-Ив. Дмитриева и другихъ, что доказываетъ огромная переписка его со всѣми этими особами, коихъ письма у него хранились⁴.

Къ Карамзину гр. Хвостовъ относился, какъ видно, не особенно дружелюбно, что объясняется, между прочимъ, близкими отношеніями нашего поэта къ заклтому врагу исторіографа, П. И. Голенищеву-Кутузову; тѣмъ не менѣе, онъ считалъ нужнымъ постоянно посылать ему свои произведенія, о которыхъ Карамзинъ еще въ 1791 г. писалъ Дмитриеву: „то-то поэзія! то-то вкусъ! то-то языкъ — Боже! умилосердися надъ нами!“¹⁾ Въ 1811 г., по поводу одной стихотворной присылки, гр. Хвостовъ получилъ отъ Карамзина такую записку:

„Искренно благодарю ваше сіятельство за обязательное письмо и за доставленіе мнѣ оды достойнаго произведенія вашей музы. Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаю прекрасные стихи: три послѣдніе во второй строкѣ, два первые въ пятой, седьмой, восьмой и девятый въ шестой, шесть послѣднихъ въ седьмой, два послѣдніе въ восьмой и средніе въ девятой. Вотъ какъ надобно писать нашимъ стихотворцамъ: учите ихъ“.

Дмитриевъ укорялъ Карамзина за это письмо, говоря, что Хвостовъ будетъ всѣмъ его показывать и имъ хвастаться; что оно будетъ принято одними за чистую правду, другими — за лесть; что и то, и другое не хорошо. „А какъ-же ты пишешь?“ спросилъ Карамзинъ. — „Я пишу очень просто. Онъ пришлетъ ко мнѣ оду или басню, я отвѣчаю ему: ваша ода или басня ни въ чемъ не уступаетъ старшимъ сестрамъ своимъ!“ Онъ и доволенъ, а между тѣмъ это правда²⁾. Гр. Хвостовъ, дѣйствительно, поступилъ съ письмомъ Карамзина такъ, какъ предсказалъ Дмитриевъ, т. е. сталъ вездѣ его показывать, приписавъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: „Безуменъ-бы я былъ, когда-бы дерзнулъ при жизни выдать сіе письмо въ печать, но не менѣе чувствую лестнѣйшій отзывъ о моей поэзіи знаменитаго исторіографа. Онъ совѣтуетъ юнымъ

¹⁾ Письма Карамзина въ Дмитриеву, стр. 19.

²⁾ Ibid., стр. 65.

поэтамъ у меня учиться, а, вмѣсто того, они меня переучить хотѣли и понынѣ хотятъ“.

Письма Дмитріева всѣ очень коротки и написаны по приведенному выше рецепту, напримѣръ:

„Москва, 4-го августа 1812 г. Спѣшу принести чувствительнѣйшую мою благодарность вашему сіятельству за присланныя мнѣ стихотворенія, изъ которыхъ оду вашу я успѣлъ уже прочесть съ необыкновеннымъ удовольствіемъ, какое всегда мнѣ приносятъ произведенія вашей музы“.

„Москва, 31-го августа 1815 г. Напрасно вы по скромности вашей не довѣряете вашему гению. Новѣйшее произведеніе вашей музы во всѣхъ отношеніяхъ не уступаетъ прежнимъ“.

„Москва, 7-го апрѣля 1827 г. Спѣшу изъявить вашему сіятельству чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и подарокъ шестымъ томамъ вашихъ новыхъ и старыхъ стихотвореній, котораго цѣну чувствую въ полной мѣрѣ“.

Всѣ подобныя изъявленія благодарности гр. Хвостовъ принималъ за чистую монету, усердно награждалъ Дмитріева своими стихами и гордился своею продолжительною дружбою съ нимъ, несмотря на то, что ему извѣстна была эпиграмма на переводъ Буало, помѣщенная въ „Учебной книгѣ“ Греча съ полною подписью Дмитріева:

„Ты-ль это, Буало? какой смѣшной нарядъ!

Тебя узнать нельзя: совсѣмъ перемѣнился!“

— „Молчи! нарочно я Графовымъ наряжился:

Сбираюсь въ маскарадъ“.

Дмитріеву-же, вообще не упускавшему случая за глаза уязвить кого-бы то ни было, принадлежитъ слѣдующая эпиграмма, едва-ли не самая злая изъ всѣхъ, обижавшихъ злополучнаго поэта:

„Пегасъ подъ тяжестью лирическихъ стиховъ

Съ надысаду — и выскочилъ Хвостовъ“.

Разсылая свои произведенія своимъ знакомымъ, гр. Хвостовъ требовалъ отъ нихъ самой строгой критики; но такъ какъ критиковать ихъ было очень затруднительно, то этимъ занимались только панегиристы нашего поэта, посылавшіе ему хвалебные разборы и восторженные похвалы; другіе-же всегда находили какой-нибудь благовидный предлогъ къ отказу отъ критики. Напримѣръ, въ 1811 г. Каченовскій отвѣчалъ на подобное требованіе такъ:

„Вы изволите требовать, чтобы я сдѣлалъ свои замѣчанія на Андромаху. Къ чему они послужили-бы? Я передъ вами ученикъ,

котораго мнѣнія не должны и не могутъ имѣть никакой важности. Самую справедливую похвалу мою сочтутъ за ласкательство; а покаяніе погрѣшностей (если-бы предположить, что они находятся въ Андромахѣ) вмѣнять мнѣ въ дерзость“.

Подобные-же благовидные предлоги отыскивались издателями журналовъ, чтобы не печатать присылаемыхъ гр. Хвостовымъ стиховъ, которые, несмотря на всѣ его старанія, рѣдко появлялись гдѣ-нибудь кромѣ „Дамскаго Журнала“ вн. Шаликова и „Сѣверной Минервы“ Вѣтринскаго, находившаго въ нихъ „счастливое сочетаніе религіи, философіи и поэзіи“. Въ числѣ писемъ Каченовскаго есть одно, показывающее какииъ путемъ нашъ поэтъ иногда добивался того, что стихи его печатались въ наиболѣе распространенныхъ журналахъ: „Надѣюсь (пишетъ Каченовскій), что ваше с—ство позволите мнѣ просить васъ объ одномъ дѣлѣ. Ежели заблагоразсудите удостоявать меня присылкою вашихъ сочиненій, то покорнѣйше прошу доставлять ихъ прямо ко мнѣ. Употребляемое вами посредство начальника моего и благодѣтеля, Павла Ивановича ¹⁾, очень много затрудняетъ меня и ставить въ положеніи весьма неприятомъ. Просьбы его пр—ства о немедленномъ напечатаніи стиховъ въ журналѣ имѣютъ всю силу приказаній, коиъ я, какъ подчиненный по службѣ, долженъ повиноваться; между тѣмъ, какъ изданіе „Вѣстника Европы“ есть такое дѣло, которымъ я занимаюсь по доброй моей волѣ и съ которымъ совмѣстны однѣ только литературныя отношенія, а не какиа-либо другія. Я заключилъ съ типографіею письменный договоръ и одному себѣ предоставилъ распоряженіе касательно прозы и стиховъ, о помѣщеніи коиъ совѣтуюсь съ моими сотрудниками, людьми для меня необходимыми по изданію журнала. Сверхъ того, будучи занятъ службою и нужнѣйшими по моему профессорскому званію упражненіями (не говорю уже о продолжительной болѣзни, которая отнимаетъ у меня много времени), я не могу исполнять срочныхъ требованій, возлагаемыхъ на меня нашими литераторами“.

Другой издатель „Вѣстника Европы“, Вл. Измайловъ (1814), также умѣлъ отдѣлываться отъ притязательнаго поэта. Напримѣръ, вотъ что писалъ онъ однажды гр. Хвостову:

„Въ разсужденіи вашей рукописной піесы „Даръ“ я не могу, въ великому моему сожалѣнію, помѣстить ее въ „Вѣстникъ“, ибо она не входитъ въ планъ моего журнала по нѣкоторымъ уваже-

¹⁾ Голенящева-Кутузова, попечителя московскаго университета и округа.

ніямъ, о которыхъ долго было-бы говорить въ письмѣ. Надѣюсь, что при личномъ свиданіи и объясненіи, вы оправдаете и сами мои побужденія“.

Объ Измайловѣ „петербургскомъ“ (Александрѣ Ефимовичѣ), котораго гр. Хвостовъ побаивался и старался задобрить, въ одной изъ его записныхъ тетрадей есть такая замѣтка: „сей Измайловъ на меня писалъ многіе пасквили и сочинилъ на мое лицо басню „Чортъ и Поэтъ“, которая у него изъ лучшихъ. Я всегда отвѣчалъ ему молчаніемъ и радушнымъ доброжелательствомъ“.

Въ журналѣ „Благонамѣренный“, издателемъ котораго былъ А. Е. Измайловъ, нерѣдко являлись эпиграммы на бездарныхъ стихотворцевъ и полу-серьезныя, полу-комическія рецензіи на сочиненія гр. Хвостова, который иногда рѣшался опровергать эти рецензіи въ частныхъ письмахъ къ Измайлову. Въ публичныхъ засѣданіяхъ разныхъ литературныхъ обществъ, Измайловъ, иногда въ присутствіи Хвостова, брался читать его стихи, и читалъ ихъ такъ карикатурно, что публика покатывалась со смѣху, а авторъ выходилъ изъ себя, но, не рѣшаясь высказать прямо свою досаду, вѣрялъ ее своей записной тетрадью, въ которой осталось нѣсколько замѣтокъ о „пересмѣшливомъ буянѣ“. Вотъ одна изъ такихъ замѣтокъ:

„Измайловъ, сочинитель чего?—не знаю, пустился на пасквили на Шишкова, Захарова, многихъ другихъ и на меня. Между прочимъ, Анастасевича за похвалу мнѣ называетъ подлымъ. Анастасевичъ отдѣлался остро:

„Достоинства люблю,
Такъ вѣтъ диковянки, что ихъ хвалю;
За что-же пасквилянтъ меня ругаетъ
И подлымъ называетъ?
У пасквилянта вы спросите самого:
Хвалилъ-ли я его? ¹⁾).

Измайловъ былъ предсѣдателемъ „Спб. общества любителей словесности, наукъ и художествъ“ и въ 1812 г. предложилъ избрать гр. Хвостова въ почетные члены этого общества. Когда, извѣщенный объ этомъ избраніи, поэтъ явился въ собраніе общества (14-го марта), тогда одинъ изъ молодыхъ его членовъ, Дм. Вас. Дашковъ, талантливый противникъ Шишкова въ спорѣ о слогѣ и въпослѣдствіи членъ „Арзамаса“, привѣтствовалъ гр. Хвостова тор-

¹⁾ Эта эпиграмма сочинена самимъ гр. Хвостовымъ, какъ ясно видно изъ поправокъ и передѣлокъ въ стихахъ. П. М.

жественно-комическою рѣчью, въ которой слогомъ „Бесѣды“ иронически превозносилъ его творенія. Рѣчь эта разошлась по рукамъ во множествѣ списковъ и была уже напечатана вполнѣ (въ „Чтен. Общ. Ист. и Др.“, 1861, кн. IV). Вотъ главные мѣста изъ нея:

„Любезные сочлены! Нынѣшній день пребудеть всегда незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего общества. Нынѣ въ первый разъ возсѣдаетъ съ нами краса и честь російскаго Парнасса, счастливый любимецъ Аонидъ и Феба, гений, единственный по быстрому своему паренію и по разнообразію тѣмочисленныхъ произведеній. Тщетно мрачныя облака сокрывали на время сіяніе солнца: оно расторгнуло ихъ и снова озарило землю. Такъ и зависть тщетно старалась помрачить блистательный полетъ почтеннѣйшаго сочлена нашего, гр. Д. И. Хвостова. Труды его необъятны: единый взоръ на нихъ утомляетъ память и воображеніе; а знаменія побѣдъ его изумляютъ насъ, поражаютъ. Онъ вознесся превыше Пиндара, унижилъ Горація, посрамилъ Лафонтена, побѣдилъ Мольера, уничтожилъ Расина... Хранилища всѣхъ російскихъ книгопродавцевъ, исполненныя его твореніями, служатъ прочнѣйшимъ основаніемъ его славы“.

Далѣе слѣдуетъ характеристика сочиненій гр. Хвостова, конечно, въ такихъ-же двусмысленныхъ, высокопарныхъ выраженіяхъ, причемъ Дашковъ предлагаетъ своимъ сочленамъ заняться подробнымъ разборомъ и комментированіемъ сочиненій этого великаго поэта и такимъ образомъ воздвигнуть ему достойный литературный памятникъ. Самъ онъ беретъ на себя часть драматическую и тотчасъ-же разбираетъ нѣсколько стиховъ изъ Андромахи и такъ заключаетъ свою рѣчь:

„Такимъ образомъ, занимаясь каждое засѣданіе разборомъ нѣсколькихъ страницъ изъ Андромахи, мы откроемъ, можетъ быть, глаза многимъ изъ соотечественниковъ нашихъ, которые имѣютъ еще слабость предпочитать Расина русскому переводчику, потому только, что первый писалъ по-французски“.

Разсказъ объ этомъ происшествіи занесенъ гр. Хвостовымъ въ одну изъ его записныхъ тетрадей, а оттуда попалъ и въ „Біографію“. Оскорбленный стихотворецъ передаетъ это дѣло такъ:

„Дм. Вас. Дашковъ, извѣстный антагонистъ Шишкова (въ „Біографіи“: „одинъ молодой человѣкъ, Сеидъ новословія и ревностный наперсникъ оракуловъ онаго“), знакомый мнѣ по дому Ив. Ив. Дмитріева и служащій въ томъ-же департаментѣ экзекуторомъ, гдѣ я сенаторомъ ¹⁾, кромѣ вѣжливости и ласки отъ меня

¹⁾ Д. В. Дашковъ род. въ 1784 г., воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, служилъ въ архивѣ министерства иностранныхъ

ничего не видалъ; приносить мнѣ отъ г. Измайлова, писавшаго на меня прежде пасквили, которыхъ я не читывалъ, официальное, какъ отъ президента, письмо, что я избранъ въ почетные члены общества любителей словесности. Я прѣѣзжаю въ собраніе, послѣ котораго, думая меня разсердить или считая, что я похвалу его приму за наличныя деньги, Дашковъ сталъ заикаться и читать, что я великій человѣкъ, что я потопталъ Горація и Лафонтена; я послѣ чтенія улыбнулся и сказалъ, что сіи похвалы мнѣ не принадлежать; потомъ, приглася къ себѣ г. Дашкова, помылъ ему въ прозѣ голову. Вотъ чѣмъ кончилась съ моей стороны непростительная шутка г. Дашкова. Но общество иначе на сіе посмотрѣло и выключило Дашкова за дерзкій его поступокъ“.

П. О. Морозовъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

дѣлъ, въ министерствѣ юстиціи, въ сенатѣ, состоялъ при нашей миссіи въ Константинополѣ (1818—1820 гг.). Въ 1826 г. назначенъ статсъ-секретаремъ. въ 1832 г.—министромъ юстиціи, въ 1839 г.—членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Скончался въ Петербургѣ, 26-го ноября 1839 г.

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова

1798—1830.

„Другу не дружить и не другу не мстить“.
Слова изъ древней русской присяги.

Сынъ чиновника почтоваго вѣдомства, Михаилъ Прохоровичъ Третьяковъ родился въ Москвѣ, 5 сентября 1786 г., но вскорѣ переѣхалъ съ родителями въ г. Елецъ, гдѣ отецъ его получилъ мѣсто почтмейстера; съ семи лѣтъ посѣщалъ тамошнее народное училище; когда же семейство его переѣхало обратно въ Москву, то онъ былъ помѣщенъ въ одну изъ гимназій московскаго университета. Рано лишившись отца, онъ долженъ былъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба въ томъ юномъ возрастѣ, когда сверстники его занимались одиными только науками, и по недостатку средствъ былъ лишень возможности получить высшее образованіе. Такимъ образомъ, имѣя всего 14 лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ 1799 г. на службу въ университетскую канцелярію писцомъ, со скуднымъ жалованьемъ 50 р. въ годъ, но въ то же время продолжалъ посѣщать гимназію, что, разумѣется, было для него весьма не легко; съ этихъ поръ начинается многолѣтняя служебная дѣятельность Третьякова, протекшая въ стѣнахъ московскаго университета.

Въ 1805 г. онъ былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора, продолжая служить въ правленіи университета до 1817 года, когда онъ занялъ должность старшаго письмоводителя или правителя канцеляріи помощника московскаго учебнаго округа, коимъ былъ въ то время кн. А. П. Оболенскій; въ этой должности Третьяковъ состоялъ до выхода своего въ отставку въ 1828 году.

Въ этотъ длинный, тридцатилѣтній, періодъ своей службы, стоя все время близко къ московскому университету, зная въ подробности всѣ происходившія въ немъ перемены, преобразованія, отношенія профессоровъ другъ къ другу; вида вблизи всю мелкую игру страстей, зависти, честолюбія, подчасъ и недоброжелательства, присущихъ, впрочемъ, каждому человѣческому обществу, Третьяковъ имѣлъ случай также близко ознакомиться съ бытомъ студентовъ, съ правилами, примѣнявшимися къ нимъ и къ воспитав-

никакъ подвѣдомственныхъ московскому университету гимназій и благороднаго пенсіона, и результатомъ всѣхъ этихъ наблюденій явились помѣщаемыя нынѣ на страницахъ „Русской Старины“ его воспоминанія, въ которыхъ событіямъ его частной жизни отведено весьма мало мѣста, а главную роль играютъ воспоминанія о московскомъ университетѣ и о другихъ учебныхъ заведеніяхъ московскаго учебнаго округа 1798—1830-хъ годовъ, въ силу чего онѣ представляютъ весьма значительный интересъ.

Лично для М. П. Третьякова наиболѣе счастливымъ и наиболѣе благотворнымъ періодомъ его служебной дѣятельности слѣдуетъ считать время попечительства кн. А. П. Оболенскаго, съ 1817 по 1825 гг.; изъ всѣхъ попечителей, при которыхъ ему довелось служить, кн. Оболенскій наиболѣе оцѣнилъ его трудолюбіе и усердіе къ дѣлу, относился къ нему постоянно съ довѣріемъ, съ особымъ расположеніемъ и, оставляя постъ попечителя, хлопоталъ ему пожизненную пенсію 1000 р. въ годъ. Генералъ-маіоръ Писаревъ, заступившій мѣсто кн. Оболенскаго, относился вначалѣ къ правителю своей канцеляріи также съ полнымъ доброжелательствомъ и довѣріемъ, но ватѣмъ онъ поддался мало по малу вліянію партіи, интриговавшей противъ Третьякова, завидовавшей его положенію и близости къ попечителю, что и было причиною выхода Михаила Прохоровича въ отставку въ то время, когда онъ былъ еще полонъ силъ и могъ-бы продолжать службу съ пользой для себя и для служебнаго дѣла, которое онъ въ теченіе тридцатилѣтняго служенія зналъ, конечно, въ совершенствѣ. Ред.

I.

Дѣтство.—Несчастье, постигшее моего отца.—Поступленіе въ гимназію.—Я поступаю на службу.—Московскій университетъ.—Профессора университета.—Оклады.—Матеріальныя средства университета.—Университетскія гимназіи.—Правила, въ нихъ соблюдавшіяся.—Попеченія о студентахъ И. П. Тургенева.—Надворъ за учащими и за учащимися.—Публичныя испытанія.—Вакаціи и праздники.—Высочайшая грамота университету.

По сказанію родителей моихъ—Прохора Козьмича Третьякова и матери Марьи Ивановны, рожденной Булатовой, я родился въ Москвѣ, 5 сентября 1786 года. Отецъ мой служилъ тогда въ московскомъ почтамтѣ и вскорѣ, по распоряженію начальства, отправился въ городъ Елецъ почтмейстеромъ. Такимъ образомъ, и я, пеленами обвитый, переведенъ былъ родителями моими въ тотъ же городъ. Первые лѣта каждаго человѣка проходятъ обыкновенно въ незвѣстности для него самого. Въ это время все вниманіе роди-

телей обращено бываетъ на то, чтобъ дитя ихъ было сыто, здорово и почивало сладкимъ сномъ,—такъ поживалъ и я. Отецъ мой и мать моя, Марья Ивановна, любили меня чрезвычайно: я былъ у нихъ единственный сынъ, надежда ихъ и радость. На седьмомъ году заставили меня приняться за ученье. Помню еще теперь какъ учитель Елецкаго народнаго училища Садыковъ сажалъ меня и товарищей моихъ Петра и Константина Калайдовичей ¹⁾ не первыя мѣста и обращалъ на насъ особое вниманіе свое; помню и то, что я очень неохотно принялся за книгу. Несмотря на всѣ трудности, сопряженныя для мальчика съ первоначальнымъ ученьемъ, я выучился читать и писать по-русски и по-славянски, прошелъ краткій катехизисъ, узналъ первыя правила ариѳметики и даже награжденъ былъ книгою за прилежаніе.

Отецъ мой, по должности елецкаго почтмейстера, имѣлъ большое знакомство и въ уѣздѣ и въ городѣ; но ни съ кѣмъ онъ не былъ такъ друженъ, какъ съ кумомъ своимъ, протоколистомъ елецкой дворянской опеки Поздѣвымъ. Этотъ человекъ умѣлъ снискать себѣ полную довѣренность отца моего, приходилъ къ нему весьма часто, ѣлъ, пилъ и веселился. Однажды вечеромъ, отецъ мой, разбирая при Поздѣвѣ орловскую почту, усмотрѣлъ адресованный изъ орловской дворянской опеки въ елецкую пакетъ, и тогда же отдалъ его Поздѣву безъ росписки. Такая оплошность отца моего имѣла гибельныя для насъ послѣдствія, ибо Поздѣвъ заперся въ полученіи имъ означеннаго пакета. Почтовое начальство, найдя отца моего виновнымъ по должности, предало его за то уголовному суду! Орловская уголовная палата, не принявъ въ уваженіе чистосердечнаго показанія отца моего, что пакетъ дѣйствительно отданъ имъ былъ лично Поздѣву, лишила его права на поступленіе вновь на службу по почтовому вѣдомству. Во время производства этого несчастнаго для насъ дѣла, мать моя переѣхала со мною въ Москву къ отцу своему, коллежскому секретарю Ивану Артемьевичу Булатову, имѣвшему близъ Таганки собственный домикъ, куда по прошествіи года явился изъ Орла и отецъ мой, истратившій въ уголовной палатѣ и послѣднее небольшое имущество свое.

¹⁾ Отецъ ихъ тогда служилъ въ городѣ Ельцѣ штабъ-лекаремъ.

Первою заботою отца моего было опредѣлить меня въ гимназію московскаго университета, на казенное содержаніе, въ чемъ, однакожь, не имѣлъ онъ успѣха; меня приняли въ гимназію своекоштнымъ ученикомъ. Много гори перенесъ я въ ежедневныхъ переходахъ изъ Таганки на Моховую, особливо въ зимнее время. Ученье начиналось въ университетѣ поутру въ восемь часовъ, а оканчивалось вечеромъ въ шесть, слѣдовательно, я долженъ былъ выходить изъ дому зимою до разсвѣта, а возвращаться поздно вечеромъ. На завтракъ и обѣдъ родители мои выдавали мнѣ по двѣ копейки, да добрая нянька моя снабжала меня копейкою, а иногда и двумя, о чемъ я всегда вспоминаю съ особенною благодарностію. На эти-то копейки я покупалъ себѣ ситный хлѣбъ, выпивалъ стаканчикъ сбитню и даже лакомился. Въ то время въ Москвѣ все было дешево.

Отецъ мой, пріискивая себѣ новую должность, простудился, занемогъ горячкою и 26 августа 1798 г. скончался въ цвѣтѣ лѣтъ, въ то самое время, когда попеченія его и совѣты были для меня необходимо нужны. Вѣчная память ему! Онъ былъ добрый человѣкъ, конечно, съ слабостями, но кто же изъ смертныхъ не имѣетъ ихъ, въ томъ или другомъ видѣ? Почтенный дѣдъ мой, Булатовъ, несмотря на слабое здоровье свое и самое посредственное состояніе, поусердствовалъ матери моей предать землѣ прахъ несчастнаго супруга ея по приличію на Калитинскомъ кладбищѣ за Покровской заставой, и былъ столько добръ, что не лишилъ насъ своего покровительства и пособія. Мать моя осталась вдовою 28 лѣтъ, безъ всякаго состоянія, и не имѣла никакихъ средствъ снабжать меня ни учебными книгами, ни приличною одеждою, ни обувью. Тщетно хлопотала она о помѣщеніи меня въ гимназію на казенное содержаніе: просьбы ея не были уважены подъ разными предлогами, и я, оставаясь своекоштнымъ ученикомъ, терпѣлъ во всемъ большую нужду. Однажды мать моя пришла въ университетъ освѣдомиться объ успѣхахъ моего ученія. Тутъ она встрѣтилась съ однимъ изъ чиновниковъ, служившимъ въ университетской канцеляріи, и рассказала ему про свое горе. Этотъ чиновникъ далъ совѣтъ матери моей опредѣлить меня въ упомянутую канцелярію писцомъ и вызвался быть ходатаемъ по этому дѣлу у своихъ начальниковъ, въ томъ предположеніи, что я, сверхъ занятій по службѣ,

найду еще время продолжать и начатое мною въ гимназїи ученіе. Эту мысль мать моя успѣшила передать отцу своему, а онъ рѣшился привести ее немедленно въ исполненіе. Такимъ образомъ, я, имѣя отъ роду только 14 лѣтъ, вступилъ, въ концѣ 1799 года, въ университетскую службу, съ жалованіемъ по 50-ти рублей въ годъ. Въ скоромъ времени членъ канцеляріи Крупениновъ обратилъ на меня благодѣтельное вниманіе свое и дозволилъ мнѣ обѣдать и ужинать съ находившимися подъ его начальствомъ сверхкомплектными учениками, а почивалъ я въ самой канцеляріи, и за всѣхъ дежурилъ. Многому начиналъ я учиться во время службы, но своя воля и шаткость мыслей отталкивали меня въ другую сторону, часто грязную и для молодого человѣка неприличную. Несмотря, однакожь, ни на что, я въ каждое воскресенье посѣщалъ мать свою и давалъ ей отчетъ во всемъ, до меня касавшемся, и, увы, часто несправедливый. О, какъ нѣжно, горячо любила меня мать моя и какъ краснорѣчиво напутствовала на всякое добро. Такъ,—ея святой образъ носился надо мною и въ отдаленїи; ея сердечныя молитвы ко Всевышнему сохраняли меня отъ послѣдняго ниспаденїа въ бездну нечестїа и разврата, и если я остался живъ еще на бѣломъ свѣтѣ и имѣю что-нибудь, то всѣмъ обязанъ доброй и разсудительной матери моей. Да будетъ же память ея благословляема мною отнынѣ и до вѣка!

Проведя большую часть жизни въ московскомъ университетѣ, я съ душевнымъ удовольствіемъ вспоминаю теперь все, что относится въ сему первому въ Россїи святилищу наукъ.

Московскій университетъ и при немъ двѣ гимназїи: дворянская и разночинская основаны были въ 1755 г. императрицею Елисаветою Петровною, по предстательству знаменитаго любителя наукъ Ивана Ивановича Шувалова, и находились до 1804 г. подъ управленіемъ трехъ господъ кураторовъ, пользовавшихся довѣріемъ высочайшей власти; но ближайшимъ начальникомъ университета былъ директоръ изъ гражданскихъ чиновниковъ. Для совѣщанїа по дѣламъ ученымъ, профессора присутствовали въ университетской конференціи подъ предсѣдательствомъ директора, и мнѣнія свои, утвержденныя большинствомъ голосовъ, по разнымъ предметамъ, представляли кураторамъ на разрѣшеніе. Дѣла же хозяйственныя возло-

жены были на канцелярію университета, имѣвшую особыхъ членовъ изъ гражданскихъ чиновниковъ: Лихарева, Перелыкина, Крутеникова, Наумова и Невзорова, пожалованнаго въ 1801 г. изъ студентовъ въ коллежскіе ассесоры. Канцелярія открыта была ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ праздниковъ подъ предсѣдательствомъ директора. Эту многотрудную и многозаботливую должность исправлялъ, съ 15 ноября 1796 г. до новаго преобразованія университета, дѣйств. ст. сов. и кавалеръ И. П. Тургеневъ, начальникъ добрый, честный и справедливый ¹⁾.

Кромѣ директора находился въ университетѣ и вице-директоръ, изъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ университетѣ преподавались лекціи по всѣмъ отраслямъ наукъ, удовлетворявшимъ современнымъ требованіямъ. Профессора были, по большей части, русскіе, извѣстные въ ученомъ свѣтѣ: Чеботаревъ, Страховъ, Прокоповичъ-Антонскій, Политковскій, Забѣлинъ, Брянцевъ, Панкевичъ, Аршеневскій, Сохацкій, Снигиревъ, Гавриловъ, Черепановъ, Горюшкинъ, Венсовичъ, Барсукъ-Моисеевъ, Андреевскій, Данилевскій; изъ иностранныхъ: Баузе, Керестури, Свѣданъ, Рихтеръ; да лекторы языковъ: нѣмецкаго Геймъ, французскаго Авія-Деватай и англійскаго Белли; исчисляя имена профессоровъ, слѣдуетъ присовокупить въ нимъ и почтеннѣйшаго протоіерея Архангельскаго собора Алексѣева, преподававшаго студентамъ богословіе и церковную исторію.

¹⁾ Тургеневъ имѣлъ 4 сыновей: Андрея, Александра, Николая и Сергія. Всѣ они получили отличное воспитаніе. Старшій изъ нихъ, Андрей, перевелъ съ нѣмецкаго языка библейскую правоучительную книжку для взрослыхъ дѣтей въ селѣ Тургеневѣ, которая и напечатана въ Москвѣ въ 1795 г. въ университетской типографіи; но скоро по вступленіи въ службу умеръ; второй сынъ, Александръ, былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ и пользовался полнымъ довѣріемъ министра кн. А. Н. Голицына; третій Николай служилъ въ государственномъ совѣтѣ и надалъ книгу своего сочиненія: Теорія налоговъ. Экземпляръ этой книги Ник. Тургеневъ прислалъ въ даръ, если не ошибаюсь въ 1815 г., бывшему своему наставнику, почтенному ректору московскаго университета Ив. А. Гейму, а Геймъ отдавалъ ее для прочтенія профессору російскаго законоискусства Н. Н. Сандунову. Сандуновъ отозвался о сочиненіи Тургенева съ самой невыгодной стороны. О четвертомъ сынѣ, Сергѣѣ, я не имѣлъ никакого свѣдѣнія.

Жалованье производилось гг. профессорамъ по рѣшеніямъ кураторовъ, смотря по времени службы и заслугамъ каждаго лица. Самый значительный окладъ жалованья получалъ старшій профессоръ Чеботаревъ, по 1,300 р. въ годъ. Профессору Страхову производилось за двѣ должности, профессорскую и инспекторскую въ гимназіяхъ, по 1,000 рублей, и прочимъ отъ шести до семи сотъ рублей. Кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ имѣли казенныя квартиры, столь бѣдныя, что въ нынѣшнее роскошное время едвали кто изъ профессоровъ согласился-бы пользоваться такими квартирами. Замѣчательно, что изъ всѣхъ профессоровъ украшены были орденомъ св. Владимира 4-й степени только двое: Страховъ и Забѣлинъ.

До 1804 г. находилось въ университетѣ 40 студентовъ на опредѣленномъ жалованьи отъ 90 до 110 руб. въ годъ; да нѣкоторые изъ нихъ получали еще по 20 руб. за надзоръ въ комнатахъ за казенными учениками. На эти-то деньги студенты обязаны были имѣть приличную одежду, обувь и столъ! Выдавая студентамъ жалованье, начальство имѣло въ виду пріучать ихъ заблаговременно къ заботамъ общественной жизни. Кромѣ жалованья, многіе изъ студентовъ умѣли пріобрѣтать себѣ деньжонки на сторонѣ: давали уроки дѣтямъ богатыхъ родителей и переводили съ иностранныхъ языковъ книги для содержателей типографій и книгопродавцевъ.

Сверхъ казенныхъ студентовъ, учились въ университетѣ и своекоштные. Сколько было таковыхъ студентовъ—утвердительно сказать теперь нѣтъ никакой возможности; однакожь, извѣстно, что въ прежнее время не такъ-то легко было получить званіе студента: ибо всякій, гдѣ бы онъ ни учился и какія-бы ни имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ языкахъ и наукахъ, не имѣлъ право вступить прямо въ университетъ студентомъ, а въ гимназію ученикомъ, хотя на самое короткое время! Было еще нѣсколько бакалавровъ, приготовлявшихся для занятія профессорскихъ кафедръ. Вообще, должно сказать, что до 1804 г. университетъ не могъ похвалиться большимъ числомъ студентовъ, но могъ похвалиться тѣмъ, что всѣ они имѣли прекрасныя свѣдѣнія въ языкахъ и наукахъ, были душевно преданы государю и отечеству, и по вступленіи въ службу многіе изъ нихъ занимали важныя должности въ государствѣ! Къ чести универ-

ситета слѣдуетъ присовокупить еще и то, что онъ, приготовляя питомцевъ своихъ къ разнымъ отраслямъ государственной службы, въ то же время заботился и о замѣщеніи профессорскихъ кафедръ русскими учеными, возросшими въ нѣдрахъ самаго университета! Кому не извѣстны имена профессоровъ: Мудрова, Двигубскаго, Цвѣтаева, Болдырева, Ивашовскаго, Тимковскаго, Ризенко, Грузинова, Давыдова и пр.

Кураторы и директоръ получали жалованья по 1875 руб. въ годъ, университетъ-же и гимназіи по 60 тысячъ; да типографія, отдававшаяся до 1806 г. на откупъ, приносила университету ежегодно по 23,100 руб., да и то въ послѣднее четырехлѣтіе. Изъ этихъ денегъ производилось жалованье профессорамъ, учителямъ, студентамъ, чиновникамъ по хозяйственной части и сторожамъ. На эти-же деньги содержимы были 150 учениковъ и болѣе ста сверхъ-комплектныхъ. Такимъ образомъ, университетъ, имѣя въ распоряженіи своемъ 83 тысячи рублей, умѣлъ дѣлать очень много добра: ибо благотворилъ тремъ стамъ юношамъ самобѣднѣйшаго состоянія, и поддерживалъ всѣ зданія свои въ должномъ порядкѣ и чистотѣ.

Гимназіи открыты были для дѣтей всѣхъ состояній и всѣхъ возрастовъ. Число ихъ простиралось болѣе 1,000 человекъ. Ученики раздѣлялись на казенноконтныхъ, сверхъ-комплектныхъ, пансіонеровъ и своекоштныхъ. Предметы ученія были слѣдующіе: законъ Божій; языки: русскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій и англійскій; исторія отечественная и всеобщая; математика; гражданская архитектура; искусства: чистописаніе, рисованіе, танцы, фехтованіе, вокальная и инструментальная музыка. Ученики вступали въ гимназіи во всякое время года и избирали себѣ предметы ученія по своему выбору, кромѣ казенныхъ, для которыхъ существовалъ особый порядокъ! Да иначе и быть не могло, ибо въ гимназіяхъ обучались дѣти всѣхъ состояній.

На полномъ казенномъ содержаніи находилось 150 воспитанниковъ изъ дворянъ и разночинцевъ. Они жили въ двухъ отдѣленіяхъ, именовавшихся: одно дворянскимъ, а другое—разночинскимъ; но учились и обѣдали всѣ вмѣстѣ. Въ каждой комнатѣ помѣщалось отъ 10 до 15 человекъ, подъ надзоромъ избранныхъ студентовъ. Поутру ученики вставали въ шесть ча-

совъ и занимались повтореніемъ уроковъ; въ половинѣ осьмага сходились въ столовую, гдѣ, по принесеніи Господу Богу утреннихъ молитвъ, получали на завтракъ по ситной булѣ и расходились по классамъ. Въ 12 часовъ оканчивалось утреннее ученіе, затѣмъ слѣдовала обѣда, состоявшій въ будничные дни изъ трехъ, а въ праздники изъ четырехъ блюдъ. Для учениковъ, отличавшихся особеннымъ прилежаніемъ и поведеніемъ, былъ такъ называемый прилежный столъ, за которымъ подавали ученикамъ какое-либо лакомство. Всѣ посты, а также среда и пятница, соблюдаемы были по правиламъ нашей православной церкви. Въ два часа послѣ обѣда ученики снова расходились по классамъ и оставались тамъ до 6-ти часовъ. Возвратясь въ комнаты, ученики занимались нѣкоторое время невинными играми или гуляли по двору, разумѣется, въ хорошую погоду. Въ 7 часовъ принимались за уроки; въ восемь ужинали, а въ 9 час. ложились спать. Послѣ того, такъ называемый, урядникъ осматривалъ всѣ комнаты и замѣчалъ имена отсутствовавшихъ студентовъ. Съ уходомъ урядника, двери наружныя запирались сторожами и водворялась тишина и спокойствіе. По утрамъ, въ 6-мъ часу, тотъ-же урядникъ ходилъ по комнатамъ и если узнавалъ, что кто-либо изъ студентовъ не ночевалъ дома или поздно приходилъ, то о такомъ доносилъ кому слѣдуетъ.

Всѣ казенные студенты и ученики находились подъ надзоромъ двухъ эфоровъ, изъ которыхъ одинъ наблюдалъ за успѣхами въ ученіи, а другой—за нравственностью. Эти многозаботливыя должности исправляли до 1804 г. профессора, безъ особаго за то жалованья: первую—Андр. Михайловичъ Брянцовъ, а вторую—Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ. Ботъ его-то особенно опасались и студенты и ученики, ибо онъ никому потачки не давалъ и отличался неусыпною дѣятельностью и прозорливостью. Не проходило почти ни одного дня безъ того, чтобы Гавриловъ не посѣтилъ всѣхъ комнатъ и притомъ всегда въ неизвѣстное время. Да и ученики, съ своей стороны, не зѣвали и зорко слѣдили за каждымъ шагомъ строгаго блюстителя ихъ нравственности. Слова: „Гавриловъ ходитъ по комнатамъ“ разносились вездѣ съ неимоверною быстротою. Въ случаяхъ, превышающихъ власть эфоровъ, они обо всякомъ значительномъ происшествіи доносили директору, который, какъ чадолюбивый

отець, употреблялъ надъ провинившимися однѣ только исправительныя мѣры и никого не сдѣлалъ несчастнымъ. Любимый выговоръ почтеннаго директора состоялъ, по большей части, въ словахъ: „экой ты шатуны, впередъ того не дѣлай!“ Нерѣдко и сами гг. кураторы осматривали университетъ и дѣлали нѣкоторыя замѣчанія.

Кромѣ казенныхъ студентовъ и учениковъ, помѣщалось въ университетѣ болѣе ста юношей, подъ именемъ сверхъ-комплектныхъ. Добрый Тургеневъ, желая по возможности облегчить участь самобѣднѣйшихъ сиротъ, придумалъ новое средство благодѣлать несчастнымъ. Сначала онъ принялъ на попеченіе университета человѣкъ двадцать; потомъ еще нѣсколько и, наконецъ, число ихъ возрасло болѣе ста человѣкъ. Скажемъ правду, что они тѣсно помѣщались въ комнатахъ, однако-жъ, имѣли казенный столъ, а нѣкоторые одежду и обувь на счетъ благоразумной бережливости отъ содержанія штатныхъ казенныхъ учениковъ. Такимъ благотворительнымъ подвигомъ, основаннымъ на истинной любви къ ближнему, спасено было много дѣтей отъ гибели и разврата, и имъ указанъ путь къ благородной цѣли—посвятить себя на службу государю и отечеству. Обладательствовавъ бѣдныхъ сиротъ высокимъ покровительствомъ своимъ, Тургеневъ обратилъ вниманіе и на тѣхъ дѣтей, которыхъ родители имѣли хотя небольшое состояніе. Онъ открылъ въ особо выстроенномъ, по Никитской улицѣ, домѣ пансіонъ, гдѣ за самую умѣренную цѣну ученики воспитывались наравнѣ съ казенными. Этимъ пансіономъ, а также сверхъ-комплектными учениками завѣдывалъ членъ канцеляріи университета Крупениковъ и, подъ его начальствомъ, нѣсколько студентовъ, въ числѣ которыхъ находился извѣстный впоследствии попечитель Одесскаго учебнаго округа,—Н. Ф. Покровский. Въ этомъ же пансіонѣ воспитывался Н. И. Гнѣдичъ, переводчикъ Иліады.

Казенные ученики имѣли форменную одежду: въ будни—суконный сюртукъ верблюжьяго цвѣта, а въ торжественные дни темно-зеленый мундиръ съ малиновымъ воротникомъ, обшлагами и бѣлыми пуговицами съ гербомъ имперіи и атрибутами ученичества. За чистотою въ комнатахъ надзиралъ урядникъ. Бѣлье перемѣняли ученики разъ въ недѣлю, а въ баню ходили чрезъ двѣ недѣли.

Начальство университета, имѣя въ виду, что просвѣщеніе юношества должно быть основано на благочестіи, поставляло всѣмъ своимъ воспитанникамъ обучаться закону Божію. Сверхъ того, въ главномъ корпусѣ существовала до 1812 г. церковь во имя великомученицы Татьяны, празднуемой 12-го января. Въ этотъ день въ 1755 г. императрица Елисавета Петровна подписала указъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета. Богослуженіе совершалъ въ воскресные и праздничные дни, при отличномъ хорѣ пѣвчихъ изъ воспитанниковъ, извѣстный протоіерей Ф. Ав. Малиновскій. Всѣ казенные ученики и студенты находились въ церкви при богослуженіи, а во время великаго поста исповѣдывались и приобщались Святымъ Тайнамъ. Самъ почтенный директоръ, не смотря на слабое здоровье свое, весьма часто присутствовалъ въ церкви и съ благоговѣніемъ читывалъ Апостолъ. Повторю еще разъ, что Тургеневъ, начальствуя надъ университетомъ семь лѣтъ, былъ одинъ изъ самыхъ добрыхъ честныхъ и справедливыхъ начальниковъ. Зная лично достоинства и слабости гг. профессоровъ, учителей и другихъ чиновниковъ, Тургеневъ умѣлъ вести каждого изъ нихъ къ предполагаемой цѣли и самое высканіе его по службѣ не сдѣлало ни одного изъ служившихъ въ университетѣ несчастнымъ. Нужно ли послѣ того говорить, что всѣ любили и уважали Тургенева какъ своего отца и благодѣтеля.

Кромѣ казенныхъ учениковъ, сверхъ-комплектныхъ и пансіонеровъ, жившихъ въ самомъ университетѣ, весьма много было учениковъ и своекоштныхъ. Они приходили въ классы въ назначенное время, учились вмѣстѣ съ прочими и одѣвались во что имъ Богъ посылалъ: о форменномъ платьѣ для своекоштныхъ учениковъ ни кто и не думалъ, да и къ чему оно?

Пріемъ въ гимназію во всякое время производился очень просто: директоръ, принявъ просьбу отъ желающаго учиться, посылалъ его къ инспектору гимназій. Инспекторъ, сдѣлавъ просителю испытаніе, записывалъ его въ тотъ или другой классъ, выдавалъ табель, съ которою новиціатъ являлся къ учителямъ, въ табели поименованнымъ, и дѣлу конецъ. Всѣ своекоштные ученики находились подѣ вѣдѣніемъ особаго инспектора. Эту многотрудную должность исправлялъ профессоръ физики Страховъ. Не имѣя при себѣ ни помощника ни даже писца, Стра-

ховъ самъ занимался составленіемъ алфавитной книги всѣмъ ученикамъ; экзаменовалъ ихъ при вступленіи въ гимназіи; переписывалъ ихъ изъ одного класса въ другой, что отдавалось на волю каждаго ученика, и выдавалъ свидѣтельства тѣмъ изъ нихъ, которые, не кончивъ ученія, выходили изъ гимназіи во всякое время. Поистинѣ должно сказать, что никто изъ профессоровъ не трудился столь много по дѣламъ службы, сколько трудился Страховъ.

Былъ еще въ университетѣ особый, можно сказать, полицейскій надзоръ за всѣми учащими и учащимися. Этотъ надзоръ производился ежедневно во время ученія чрезъ очередныхъ, опредѣленныхъ для того, гражданскихъ чиновниковъ слѣдующимъ порядкомъ: по утру въ 8 часовъ, по пробитіи звонка, дежурные посѣщали всѣ классы и замѣчали — всѣ-ли профессора и учителя находились при своихъ мѣстахъ, и въ случаѣ отсутствія кого-либо изъ нихъ дежурные размѣщали учащихся по другимъ классамъ, и каждую субботу доносили обо всемъ директору, а онъ кураторамъ. Во время перемѣны классовъ, бывшей по утру въ 10, а послѣ обѣда въ 4 часа, а также и по окончаніи ученія, дежурные наблюдали за поведеніемъ учениковъ и замѣченныхъ ими въ неприличныхъ шалостяхъ препровождали къ инспекторамъ. Всѣхъ дежурныхъ находилось въ университетѣ 8, а иногда и больше. Они дежурили по очереди по два. Въ числѣ ихъ были люди и богатые: Демидовъ, Хозиковъ, кн. Долгорукій—шуринъ куратора Голенищева-Кутузова, Безобразовъ и др.

При окончаніи годоваго ученія, директоръ и профессора производили въ большой аудиторіи всѣмъ учащимся публичное испытаніе, начиная съ низшихъ классовъ. Каждый учитель приводилъ учениковъ своихъ по два въ рядъ въ аудиторію и представлялъ директору и профессорамъ именные ихъ списки. Послѣ сего начиналось испытаніе. Профессора, вызывая къ себѣ по одному или по два ученика, предлагали имъ вопросы изъ пройденныхъ предметовъ и тутъ-же назначали заслуженную каждымъ ученикомъ награду. Наконецъ, начиналось испытаніе вышшаго класса изъ греческаго и латинскаго языковъ для производства въ студенты. Это испытаніе, смотря по числу учениковъ, продолжалось иногда по нѣсколько дней и было самое трудное

для учащихся. Всѣ-же испытанія заключались танцами, музыкою, фехтованіемъ и разсматриваніемъ ученическихъ прописей, рисунковъ и архитектурныхъ чертежей.

Испытанія студентовъ, уже слушавшихъ профессорскія лекціи, происходили тѣмъ-же порядкомъ и оканчивались прекрасными физическими опытами изъ класса физики проф. Страхова, читавшаго лекціи съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

Директоръ, сдѣлавъ съ профессорами окончательное совѣщаніе по всѣмъ частямъ годоваго ученія, назначалъ въ университетѣ торжественное собраніе почти всегда 30-го іюня.

Наканунѣ этого дня университетъ разсылалъ печатныя приглашенія къ именитымъ особамъ, въ Москвѣ находившимся. По утру 30-го іюня, въ присутствіи директора, учащихся и учащихся, совершаема была въ университетской церкви божественная литургія и молебствіе о здравіи государя и августѣйшаго его дома. Въ шесть часовъ вечера, по прибытіи въ большую аудиторію кураторовъ и многочисленныхъ посѣтителей, которые встрѣчались игрою на трубахъ и литаврахъ, торжество открывалось оркестромъ музыки съ хоромъ пѣвчихъ. Послѣ того очередные профессора произносили рѣчи: одинъ на русскомъ, а другой на латинскомъ языкѣ, а также нѣкоторые изъ студентовъ и учениковъ читали сочиненія свои въ стихахъ и прозѣ. Въ промежутокъ между чтеніями посѣтители угощаемы были прохладительными напитками. Наконецъ, провозглашались имена студентовъ, удостоенныхъ награды золотыми и серебряными медалями, имена новопроизведенныхъ студентовъ и учениковъ, получавшихъ книги за прилежаніе, а также и переводимыхъ изъ низшихъ въ высшіе классы. Для большей торжественности, медали и шпаги вручали студентамъ сами кураторы и именитыя особы, всегда съ удовольствіемъ посѣщавшія университетъ въ этотъ торжественный для него день.

Почитаю не излишнимъ сказать здѣсь, что начальство университета столь высоко цѣнило благонравное поведеніе студентовъ и учениковъ, что ежегодно награждало за то самыхъ отличнѣйшихъ изъ нихъ золотою и серебряною медалью. Торжество заключалось благодарственной рѣчью къ посѣтителямъ и открытіемъ для нихъ ученыхъ совровищъ, т. е. кабинета естественной исторіи и библіотеки.

Во время вакаціи, продолжавшейся съ 30-го іюня по 17-го августа, оставшіеся въ университетѣ ученики занимались военною экзерциціею; затѣмъ часто подъ надзоромъ камерныхъ студентовъ, выходили за городъ подышать чистымъ воздухомъ. Любимымъ мѣстомъ для таковыхъ прогулокъ назначались Воробьевы горы, бывшія тогда во всей красѣ своей и великолѣпнн. Проведя тамъ цѣлый день въ разнообразныхъ забавахъ, ученики поздно вечеромъ возвращались домой. Нечего таить грѣха,— надобно сказать, что нѣкоторые изъ взрослыхъ учениковъ умѣли находить въ окрестностяхъ Воробьевыхъ горъ и запрещенное. Обѣдъ-же и ужинъ для всѣхъ вообще состоялъ изъ холодныхъ кушаній, привозимыхъ туда заранѣе изъ университета помощникомъ эконома съ прислугою.

Въ другія вакаціи о святкахъ и масленицѣ студенты и ученики устраивали въ столовой театръ и давали на немъ нѣсколько представленій. Зрителями были профессора съ семействами. Въ другіе дни, свободные отъ театральныхъ представленій, студенты и ученики разыгрывали музыкальныя піесы, танцевали, играли въ фанты, а иногда давали и маскарады съ прнличнымъ угощеніемъ! Да, въ прежнее время любили и—умѣли веселиться.

Вотъ краткая исторія Московскаго университета за время съ 1799 по 1804 годъ. Остается мнѣ только присовокупить къ ней, что всѣ гг. профессора, учителя и чиновники по хозяйственной части, вѣрные святому долгу гражданина предъ Богомъ и отечествомъ, проходили должности свои не за страхъ, а за совѣсть; отличались правотою, добродушіемъ, любовью другъ къ другу и тою патріархальною простотою, которая неизвѣстна уже въ наше время, подавленное лицемѣріемъ и коварствомъ. Русскіе ученые, получая самое посредственное жалованье, проводили полезную жизнь свою въ тишинѣ, довольствуясь тѣмъ, что Богъ имъ посылалъ, а о другихъ наградахъ никто изъ нихъ и не думалъ!

Императоръ Александръ I, учреждая новые университеты, гимназіи и училища, удостоилъ въ грамотѣ своей изъявить торжественно московскому университету высокомонаршую признательность „за великое участіе его въ образованіи людей способныхъ для государственной службы, въ распространеніи знаній

и наипаче въ усовершенствованіи отечественнаго языка“ (подлинныя слова изъ высочайше дарованной грамоты). Итакъ, цѣль учрежденія московскаго университета была достигнута самымъ блестящимъ образомъ.

II.

Преобразование университета.—Первый попечитель.—Выборъ ректора.—Новый уставъ.—Юбилей университета.—Ректорство Страхова.—Мой дѣдъ Булатовъ.—Продажа имъ дома.—Совмѣстная жизнь съ матерью.—Кончина М. Н. Муравьева.—Попечительство гр. Разумовскаго.—Переходъ „Московскихъ Вѣдомостей“ къ новому редактору.—Дѣйствія новаго попечителя.—Увольненіе Чеботарева.—Мои занятія въ канцеляріи попечителя.—Занятія у Бекова.—Новый законъ о производствѣ въ чины.—Лекціи, читанныя чиновникамъ.—Поступленіе въ университетъ В. И. Оболенскаго.

Въ 1804 г. университетъ преобразованъ былъ по новому уставу и штату. Въмѣсто трехъ кураторовъ, которые до того времени начальствовали надъ университетомъ, назначенъ попечитель; вмѣсто постояннаго директора, допущено избраніе ежегодно ректора изъ профессоровъ; канцелярія университета, имѣвшая особыхъ членовъ изъ гражданскихъ чиновниковъ, переименована въ правленіе; мѣста совѣтниковъ заступали непремѣнный засѣдатель изъ старшихъ профессоровъ, по назначенію попечителя, и деканы отдѣленій; гимназіи были уничтожены. Въ то-же время поступили въ распоряженіе университета вновь заводимыя въ 10-ти губерніяхъ гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Для управленія этими заведеніями, открытъ былъ при университетѣ, подъ предсѣдательствомъ ректора, училищный комитетъ, а для цензуры книгъ—цензурный. Итакъ, сколько дѣятельности и опытности въ дѣлахъ надлежало имѣть профессорамъ и въ особенности ректору при исполненіи столь важныхъ и разнообразныхъ обязанностей.

Первымъ попечителемъ университета и учебнаго его округа назначенъ былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, обучавшійся нѣкогда и самъ въ этомъ же университетѣ. Любя и почитая мѣсто воспитанія своего, Муравьевъ всемѣрно старался о возведеніи его на высшую степень совершенства. Съ этою цѣлію пригласилъ онъ изъ Гер-

мані въ Москву 11 ученыхъ мужей по разнымъ отраслямъ наукъ. Для помѣщенія новопривывшихъ на казенныхъ квартирахъ, куплены были смежные съ университетомъ два дома: первый—у Мосоловой, по Никитской улицѣ, а другой—у Пушкиной, по переулку.

Выборъ въ ректоры, по новому уставу на одинъ годъ, палъ по баллотировкѣ на старшаго проф.—Харитона Андреевича Чеботарева. Для большаго почета къ сану ректора, присвоенъ ему чинъ 5-го класса заурядъ ¹⁾. Завелись партіи, интриги, и лицо временнаго начальника не имѣло уже для служащихъ въ университетѣ того достоинства, какое привыкли мы видѣть въ постоянномъ директорѣ. Облеченный въ это званіе высочайшею властію, знавшій порядокъ службы и не имѣвшій равнаго себѣ по чину между подчиненными, директоръ имѣлъ всѣ средства быть истиннымъ начальникомъ. Хотя всѣмъ извѣстно было, что новый ректоръ отличался примѣрною честностію, простотою, добродушіемъ, обходился со всѣми по-дружески, говорилъ каждому ты; однако-же, извѣстно было и то, что онъ нерѣдко впадалъ въ нѣкоторую слабость и велъ жизнь беспечную. Не странно ли было смотрѣть на почтеннаго ректора, когда онъ, часовъ въ семь послѣ обѣда, одѣтый въ длиннополый скюртукъ, обутый въ спальные сафьяновые сапоги, имѣя на головѣ трехъ-угольную шляпу съ плюмажемъ, а въ рукахъ длинную натуральную трость, посѣщалъ студенческія комнаты. Могъ-ли начальникъ въ такомъ нарядѣ снискать себѣ должное уваженіе отъ подчиненныхъ ему лицъ? Зналъ-ли онъ хоть сколько-нибудь хозяйственную часть и канцелярскій порядокъ? Смѣло отвѣчаю—нѣтъ, не зналъ.

Въ то время засѣданія въ правленіи университета происходили два раза въ недѣлю; въ промежутокъ этого времени, секретарь правленія Тимоновъ, получая отъ ректора разныя входящія бумаги, заготовлялъ по нимъ резолюціи и составлялъ журналъ для наступающаго присутствія. Ректоръ, прибывъ въ назначенный день въ правленіе и потолковавъ кое о чемъ съ деканами, обращался къ секретарю съ вопросомъ: „готовъ ли журналъ?“ Тогда опытный секретарь представлялъ ректору

¹⁾ До 1804 г. никто изъ профессоровъ не имѣлъ чина выше коллежскаго совѣтника.
М. Т.

изготовленный заранѣе журналъ, и—дѣлу конецъ! Да и при другихъ ректорахъ дѣлопроизводство въ правленіи шло немного лучше описаннаго мною, такъ что деканъ Панкевичъ дѣлалъ попечителю гр. Разумовскому доносъ о замѣченномъ имъ, Панкевичемъ, въ правленіи отступленіи отъ законнаго порядка.

Новый уставъ университета даровалъ молодымъ людямъ право получать званіе студента гдѣ-бы они ни учились и даже подвергать себя экзамену на высшія ученые степени кандидата, магистра и доктора, которымъ присвоены слѣдующіе классные чины: кандидату 12-й, магистру 9-й, доктору 8-й, а студентамъ, кончившимъ курсъ наукъ—14-й классъ. Цѣль правительства была, конечно, самая благонамѣренная—привлечь молодыхъ богатыхъ дворянъ къ образованію въ университетѣ; но слѣдствіемъ такого распорядженія было, однако-же, то, что многіе юноши начали входить въ университетъ студентами съ самыми ограниченными свѣдѣніями въ языкахъ и наукахъ ¹⁾). Прослушавъ годъ, а много два профессорскія лекціи, они получали безъ экзамена студентскіе аттестаты съ правомъ на чинъ 14-го класса, ибо тогда не было еще издано особенныхъ правилъ, по которымъ назначался срокъ для производства по экзамену въ ученые степени.

30-го іюня 1805 г. университетъ торжественно праздновалъ полулѣтнюю юбилей своего основанія. По утру, въ присутствіи ректора Чеботарева, профессоровъ и студентовъ, совершена была въ университетской церкви божественная литургія и молебствіе о здравіи и благоденствіи августѣйшаго покровителя наукъ государя императора Александра I-го и всего царскаго дома. Въ 6 часовъ пополудни по прибытіи въ большую аудиторию университета многихъ именитыхъ особъ и прочихъ любителей народнаго просвѣщенія, торжество открыто было огромнымъ оркестромъ музыки съ хоромъ пѣвчихъ, а затѣмъ избранные профессора произнесли приличныя этому торжеству рѣчи, обратившія на себя особенное вниманіе всѣхъ почтенныхъ посѣтителей, а особливо рѣчь профессора Сохацкаго. Ораторъ, исчисливъ въ ней заслуги московскаго университета на

¹⁾ Лекторъ французскаго языка Виллерсъ содержалъ по близости университета свой частный пансіонъ, изъ котораго богатые юноши и поступали въ университетъ студентами. Виллерсъ имѣлъ особенную способность вести это дѣло самымъ выгоднымъ для себя образомъ. М. Т.

пользу воспитанія и образованія юношества, сказавъ, что „отличительныя черты характера воспитанниковъ университета и поведенія суть честность, прямодушіе, вѣрность и любовь къ отечеству—плоды истиннаго просвѣщенія“.

По окончаніи ученаго торжества, профессорá собрались на дружескую бесѣду къ ректору Чеботареву, во время которой посреди университетскаго двора горѣлъ великолѣпный щитъ съ приличными изображеніями.

Ректоръ Чеботаревъ, выслуживъ въ этой должности опредѣленный срокъ, сдалъ ее вновь избранному университетскимъ совѣтомъ въ ректоры ординарному профессору физики Петру Ивановичу Страхову, а самъ, по распоряженію попечителя, опредѣленъ безсмѣннымъ засѣдателемъ въ правленіе университета.

Въ ректорство Страхова послѣдовали въ университетѣ слѣдующія крупныя перемѣны.

Совѣтъ университета, основываясь на 9 § Устава, высочайше утвержденнаго 5-го ноября 1804 г., открылъ въ зданіяхъ своихъ, по плану попечителя Муравьева, новую гимназію подъ названіемъ академической, для которой 28-го октября 1806 г. министромъ народнаго просвѣщенія утверждено было особое постановленіе. Число гимназистовъ ограничивалось средствами хозяйства университетскаго, но никогда не должно было быть менѣе 60-ти, дабы, послѣ четырехъ-годичнаго курса ученія, гимназія могла снабжать университетъ ежегодно 15-ю студентами для замѣщенія ими праздныхъ мѣстъ въ числѣ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ университетскаго содержанія, составляя какъ-бы разсадникъ ученыхъ чиновниковъ московскаго учебнаго округа. Кромѣ содержимыхъ университетомъ 60-ти воспитанниковъ, дозволено было учиться и своекоштнымъ ученикамъ, по усмотрѣнію инспектора гимназіи, безъ всякой за то платы ¹⁾. Ученье производилось чрезъ адъюнговъ, лекторовъ и магистровъ университета за опредѣленное имъ штатное жалованье и раздѣлялось на четыре года.

Замѣчательно, что въ этой гимназіи началъ свое поприще

¹⁾ Препрежне благоудѣтельное училищное начальство никогда и не думало взымать какую-либо плату съ учащихъ какъ въ университетахъ, такъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. А теперь что мы видимъ? М. Т.

извѣстный въ послѣдствіи времени ординарный профессоръ и литераторъ Каченовскій, преподававшій въ 1805 году ученикамъ риторикъ.

Послѣ 1812 г. это прекрасное и полезное заведеніе, стоившее университету небольшихъ издержекъ, не было уже восстановлено, и новое начальство университета не обратило на него никакого вниманія.

Принадлежавшая университету типографія, отдававшаяся на откупъ содержателямъ: Люби, Гари и Попову за 23,000 руб. въ годъ, поступила съ 1-го января 1806 г., по предложенію попечителя Муравьева, въ полное распоряженіе университетскаго правленія на особыхъ правилахъ, утвержденныхъ главнымъ правленіемъ училищъ 11-го октября 1806 г., и поручена особому чиновнику подъ названіемъ начальника типографіи. Отъ такой перемены въ управленіи типографіею доходы университета ежегодно увеличивались и дошли, наконецъ, до ста тысячъ рублей ассигнаціями.

Страховъ, любимый и уважаемый и учащими и учащимися въ университетѣ, исправлялъ должность ректора два года, и 14-го іюля 1807 г. сдалъ ее вновь избранному ректору—ординарному профессору Федору Григорьевичу Баузе.

Продолжая службу въ правленіи университета, а въ 1805 г. награжденъ былъ чиномъ коллежскаго регистратора. Мать моя жила въ это время въ Таганѣ, въ домѣ отца своего, куда приходилъ и я въ свободное отъ служебныхъ занятій время и выслушивалъ отъ нея превосходные совѣты къ огражденію себя отъ сѣтей разврата, весьма часто погубляющаго неопытнаго юношу.

Долгъ благодарности велитъ мнѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ о дѣдѣ моемъ съ матерней стороны, изъ дворянъ, коллежскомъ секретарѣ Иванѣ Артемьевичѣ Булатовѣ. Получая жалованья по 150 рублей въ годъ и владѣя небольшимъ домомъ, Булатовъ проводилъ жизнь свою въ уединеніи, чуждый свѣтской разсѣянности и роскоши. Этотъ почтенный мужъ вставалъ поутру весьма рано, прочитывалъ утреннія молитвы, потомъ отправлялся къ ранней обѣднѣ, а потомъ къ должности. Нынѣшнее молодое чиновное поколѣніе можетъ предложить мнѣ вопросъ: „да когда-же дѣдъ мой пилъ чай?“ отвѣчаю, что дѣдъ мой и все

смейство его пили чай только по воскресеньямъ и праздникамъ, и то послѣ обѣда. Вечеръ оканчивалъ Булатовъ чтеніемъ вечернихъ молитвъ. Когда я приходилъ къ матери, то Булатовъ заставлялъ меня молиться съ нимъ вмѣстѣ и читать псалтирь и акаѣисты. Признаюсь откровенно, что я весьма неохотно исполнялъ волю Булатова; ворчаньямъ и выговорамъ его мнѣ не было конца, а больше всего доставалось бѣдной матери моей, которая, по словамъ Булатова, избаловала меня. И дѣйствительно, я баловался, но не отъ матери. Живя по своей волѣ, я рано познакомился съ разгульною жизнью. И кто-же были первою причиною моего соблазна? Люди семейные, пожилые, старшіе меня по службѣ. Они-то, ввели меня, неопытнаго юношу, въ трактиры; они-то поднесли мнѣ первую чашу того питья, которое дѣлаетъ человѣка хуже скота. Въ Москвѣ до 1812 года было гораздо больше разгула, нежели теперь: во всѣхъ трактирахъ гремѣла музыка и раздавались веселые клики цыгановъ; во всѣхъ трактирахъ разурмяненные нимфы разгуливали по комнатамъ и прельщали посѣтителей безстыдными своими взглядами и тѣлодвиженіями. Мудрено-ли, что и я полюбилъ эти вертепы разврата и безславія. Горе юношѣ, у котораго преждевременная смерть похитила отца его; еще болѣе ему горя, если онъ лишился и матери. Къ счастью моему, я имѣлъ у себя добрую, умную мать и мысль, что она блюдетъ за мною и въ отдаленіи, возвращала меня на путь правды и чести.

Наконецъ, непредвидѣнные обстоятельства поставили меня въ самое затруднительное положеніе. Дѣдъ мой, Булатовъ, отстраняя отъ себя, по старости лѣтъ и по слабости зрѣнія, хлопоты по дому, продалъ этотъ домъ въ другія руки и въ то-же время передалъ мнѣ мать мою на мое попеченіе. Долго думалъ я съ нею—гдѣ и чѣмъ намъ жить; жалованье производилось мнѣ по 150 руб., особой квартиры въ университетѣ я не имѣлъ, ну, право, мы не знали какъ-бы намъ повыгоднѣе устроить себя. Одинъ счастливый случай привелъ мать мою въ домъ пономаря церкви Николая Чудотворца, что въ Хлыновѣ. Тамъ наняли мы небольшую комнату за 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ и мать моя завелась въ третій разъ своимъ хозяйствомъ. Я ходилъ къ ней обѣдать и ужинать, что продолжалось около года. Въ то время (1807 г.) находился въ университетѣ ввезуторскимъ

помощникомъ чиновникъ Осипъ Игнатьевичъ Янковскій, выходецъ изъ Польши, плохо знавшій русскій письменный языкъ. Янковскій полюбилъ меня и поручалъ мнѣ составлять и переписывать разныя бумаги, до должности его касавшіяся. Этотъ-то добрый человекъ прискалъ для меня съ матерью въ самомъ университетѣ небольшую квартиру, которою мы, съ дозволенія ректора, и воспользовались съ особенною благодарностью.

Доселѣ мать моя не знала за мною никакихъ шалостей; теперь-же она замѣчала, что я приходилъ иногда на квартиру въ нетрезвомъ видѣ. О! какъ больно, какъ тяжело было смотрѣть матери моей на любимаго ею сына въ такомъ отвратительномъ видѣ. Но я былъ вспыльчивъ, упрямъ и хотѣлъ жить, какъ и прежде, по своей волѣ. Увы: много, очень много виноватъ я былъ предъ доброю матерью моею, о чемъ вспоминаю всегда съ душевнымъ раскаяніемъ и собоулъзнованіемъ. Только одно обстоятельство можетъ хотя нѣсколько извинить меня въ прежней разгульной жизни моей, что я въ должности былъ усерденъ и всегда являлся въ правленіе въ положенное время.

28-го іюля 1807 года скончался въ С.-Петербургѣ добрый, великодушный попечитель московскаго учебнаго округа Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Имя Муравьева дважды дорого для московскаго университета: какъ имя славнаго его воспитанника и какъ перваго попечителя, преобразовавшаго университетъ по всѣмъ его частямъ. Кандидатъ Н. Ф. Кошанскій (впослѣдствіи извѣстный профессоръ Царскосельскаго лицея) сочинилъ и напечаталъ въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ 1807 г. прекрасную элегію на преждевременную кончину Михаила Никитича, незабвеннаго въ лѣтописяхъ московскаго университета.

Мѣсто Муравьева заступилъ, 2-го ноября того-же 1807 года, проживавшій въ Москвѣ, богатый вельможа гр. Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, пожалованный изъ тайныхъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Этотъ новый начальникъ рѣдко посѣщалъ университетъ, развѣ только во дни торжественныхъ его собраній; но зато правитель попечительской канцеляріи Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ университетѣ и его учебномъ округѣ и всемѣрно старался, чтобы всѣ профессора, директора гимназій и учителя дѣйствовали сообразно съ изданными по ученой части узаконе-

ніями. Такимъ образомъ, попечительство гр. Разумовскаго надъ университетомъ и его учебнымъ округомъ было довольно строго, но вмѣстѣ съ тѣмъ благородно и справедливо.

14-го апрѣля 1808 г. гр. Разумовскій всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго. 11-го декабря 1809 г. графъ имѣлъ счастье принимать въ университетѣ государя императора Александра Павловича и удостоился получить отъ е. в. высокою наршее благоволеніе. Хотя многіе изъ чиновниковъ университета считали графа человѣкомъ гордымъ и недоступнымъ, однакоже, извѣстно было, что нѣкоторые изъ профессоровъ пользовались благосклоннымъ его расположеніемъ и нерѣдко трапезовали за графскимъ столомъ. Въ то время графъ воспитывалъ у себя трехъ юношей, именовавшихся Перовскими. Всѣ они включены были въ число дворянъ бывшихъ польскихъ губерній и имѣли грамоты на дворянское достоинство. Старшій Перовскій, Алексѣй, получилъ отъ университета (разумѣется, по экзамену) ученую степень доктора физико-математическихъ наукъ; а другіе Перовскіе, Левъ и Василій, выпущены были изъ университета кандидатами. Изъ этого обстоятельства можно заключить, что графъ имѣлъ причину угощать у себя обѣдами нѣкоторыхъ ученыхъ мужей московскаго университета.

11-го апрѣля 1810 г. гр. Разумовскій всемилостивѣйше пожалованъ министромъ народнаго просвѣщенія и переселился на житье въ С.-Петербургъ. 14-го мая того-же 1810 г. назначенъ попечителемъ московскаго учебнаго округа сенаторъ, тайный совѣтникъ, Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, тотъ самый, который до преобразования университета въ 1804 году находился въ числѣ трехъ кураторовъ, управлявшихъ этимъ заведеніемъ.

Первыя замѣчательныя или, вѣрнѣе сказать, самовластныя дѣйствія новаго начальника были слѣдующія:

По случаю кончины въ 1809 г. почтеннаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей“ В. П. Иванова, помощникъ его г. Ильинскій принялъ на себя эту многотрудную обязанность въ томъ предположеніи, что университетъ не замедлитъ утвердить его настоящимъ редакторомъ означенныхъ Вѣдомостей; но попечитель, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1810 г., заблагоразсудилъ опре-

дѣлать на мѣсто Иванова шурина своего, коллежскаго ассесора кн. Владиміра Долгоруваго, который до преобразованія университета находился въ числѣ дежурныхъ офицеровъ, имѣвшихъ надзоръ за поведеніемъ учениковъ въ прежнихъ университетскихъ гимназіяхъ. Хотя почтенный князь и воспользовался тѣми выгодами, которыя предоставлены редакторамъ „Московскихъ Вѣдомостей“; но при всемъ томъ всѣ труды и хлопоты по этому изданію остались на г. Ильинскомъ, уже помощникѣ кн. Долгоруваго. За что-же Кутузовъ обидѣлъ г. Ильинскаго, бывшаго въ числѣ отличныхъ студентовъ университета?

Пользуясь довѣріемъ къ себѣ министра, попечитель представлялъ ему, что занимающій въ университетѣ каеэдру россійскаго практическаго законоискусства и вмѣстѣ съ тѣмъ исправляющій должность синдика въ правленіи университета Захарій Аникѣвичъ Горюшкинъ, по старости лѣтъ своихъ, не можетъ уже съ успѣхомъ исправлять возложенныхъ на него должностей, а потому убѣдилъ министра уволить Горюшкина вовсе отъ службы, съ пенсіономъ по положенію, что и было исполнено 10-го февраля 1811 года. Но такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ. Кутузовъ желалъ имѣть въ университетѣ такого профессора-юриста, который-бы пользовался полнымъ его довѣріемъ и поддерживалъ-бы всѣ его распоряженія. Съ этою цѣлью Кутузовъ опредѣлялъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же 1811 года на мѣсто Горюшкина любимца своего, сенатскаго оберъ-секретаря, Сандунова, человѣка дерзкаго и неуступчиваго.

Предсѣдатель состоявшаго при университетѣ Общества исторіи и древностей россійскихъ заслуженный профессоръ Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ не угодилъ чѣмъ-то Кутузову, и по его интригамъ принужденъ былъ сложить съ себя это почетное званіе, въ которомъ находился онъ со времени открытія общества въ 1804 г. Мѣсто предсѣдателя въ этомъ обществѣ занялъ отставной маіоръ Платонъ Петровичъ Бекетовъ, находившійся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Кутузовымъ.

Не довольствуясь такимъ униженіемъ стараго Чеботарева, Кутузовъ обрушился гнѣвомъ своимъ и на сына его, адъюнта московскаго университета, Андрея Чеботарева. Этотъ молодой человѣкъ обучался первоначально въ университетской гимназіи и, по полученіи ученой степени, былъ посланъ, на счетъ универ-

ситета, въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ. По возвращеніи-же оттуда, удостоенъ начальствомъ званія адъюнкта по части химіи и технологіи. Отличаясь острымъ умомъ и прекраснымъ даромъ слова, Чеботаревъ отзывался иногда о нѣкоторыхъ особахъ нашихъ не такъ-то хорошо, въ томъ числѣ, вѣроятно, и о Кутузовѣ. Это-ли обстоятельство или другое мнѣ не извѣстное раздражило Кутузова до того, что онъ въ представленіяхъ своихъ къ министру назвалъ Чеботарева вреднымъ не только для учащихся въ университетѣ, но и для общества. Министръ, уваживъ представленіе Кутузова о Чеботаревѣ, изъявилъ согласіе свое на перемѣщеніе его учителемъ въ одну изъ гимназій московскаго учебнаго округа, чего, однако, не сдѣлали, а уволили Чеботарева изъ университета для поступленія въ другой родъ службы.

Продолжая заниматься письменными дѣлами въ правленіи университета, я, сверхъ ожиданія моего, сдѣлался извѣстенъ Кутузову по слѣдующему обстоятельству: однажды, вечеромъ, въ концѣ 1810 г., а котораго мѣсяца и числа не упомяну, секретарь правленія Тимоновъ прислалъ мнѣ на квартиру приказъ явиться немедленно къ е. пр—ству попечителю, жившему у Покровскихъ воротъ. Доселѣ я зналъ главнаго начальника своего издали; теперь-же предсталъ предъ него лично со страхомъ и трепетомъ въ сердцѣ. Узнавъ отъ меня чинъ мой, фамилію и службу, Кутузовъ велѣлъ мнѣ переписать набѣло нѣсколько бумагъ, подъ наблюденіемъ находившагося при немъ сенатскаго чиновника Матвѣева. Кончивъ эту работу часу въ 11-мъ, я получилъ за нее начальническое спасибо. Черезъ нѣкоторое время Кутузовъ потребовалъ меня опять къ себѣ и приказалъ являться къ нему всякій день въ назначенное время. Кутузовъ былъ человекъ гордый, вспыльчивый, любившій дѣлать все съ неимоверною скоростью, часто безтолковою и для исполненія приказаній его невыносимою. Самая канцелярія его была расположена въ столовой въ безпорядкѣ. Правитель канцеляріи Облеуховъ и помощникъ его Волоцкой, сыновья богатыхъ родителей, приходили къ Кутузову когда имъ было угодно и, поговоривъ съ е. пр—ствомъ кое-о чемъ, расходились въ разныя стороны. Рѣдко принимались они за дѣло и то на короткое время. Оставался въ запасѣ еще одинъ чиновникъ Матвѣевъ,

но и онъ, служа въ то время въ сенатѣ, являлся къ Кутузову въ два часа и занимался по большей части переписываніемъ самаважнѣйшихъ бумагъ. Такимъ образомъ, я частенько одинъ исправлялъ всѣ дѣла канцеляріи попечителя и, право, смѣшно теперь вспомнить, сколько выговоровъ и угрозъ досталось на мою долю отъ его пр—ства. Почитая себя за великаго и опытнаго знатока въ дѣлахъ, Кутузовъ весьма часто самъ, какъ будто вдохновенный какою-либо важною мыслью, принимался за перо и связнымъ почеркомъ сочинялъ разныя представленія къ министру и другія бумаги. Переписывать ихъ набѣло скоро, безъ ошибокъ, не было для меня никакой возможности; ошибиться—бѣда, спросить Кутузова—другая бѣда, ибо онъ и самъ не всегда могъ разбирать свое рукописаніе. Впрочемъ, долгъ справедливости заставляеть меня сказать здѣсь, что Кутузовъ, хотя и былъ очень вспыльчивъ, но, однако-же, скоро приходилъ въ себя и все предавалъ забвенію. Къ чести его слѣдуетъ при-совокупить еще и то, что когда случалось много дѣла, то Кутузовъ оставлялъ меня обѣдать за своимъ столомъ.

Кромѣ занятій моихъ у Кутузова, я, по приказанію его, исправлялъ за небольшую плату письменныя дѣла у предсѣдателя состоящаго при университетѣ Общества исторіи и древностей русскіихъ Платона Петровича Бекетова, друга Кутузова. Платонъ Петровичъ жилъ тогда уединенно на дачѣ своей за Симоновымъ монастыремъ, на высочомъ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи. Пріѣзжая къ Платону Петровичу раза два или три въ мѣсяцъ въ назначаемое имъ время и на его счетъ, я иногда довольно долго просиживалъ у него за бумагами и оставался обѣдать, разумѣется, по его приглашенію. Платонъ Петровичъ обходился со мною ласково и привѣтливо, о чемъ я вспоминаю всегда съ особеннымъ удовольствіемъ.

Незадолго до вступленія Кутузова въ должность попечителя, послѣдовалъ, 6 августа 1809 г., высочайшій указъ, преграждавшій производство въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника всѣмъ тѣмъ чиновникамъ, которые не представляютъ аттестата отъ университета въ знаніи поименованныхъ въ томъ указѣ наукъ и языковъ. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ достопамятный указъ могъ относиться къ чиновникамъ, находившимся уже въ службѣ, но только къ тѣмъ молодымъ

людямъ, готовившимся вновь на службу, ибо всѣмъ было извѣстно, что новый законъ воспринимаетъ свое дѣйствіе со дня публікаціи и имѣетъ силу только на будущее время. Многіе даже ожидали скорого поясненія означеннаго указа, что у насъ нерѣдко и случается. Но такое толкованіе уничтожилъ московскій университетъ открытіемъ у себя, въ лѣтніе мѣсяцы 1810 и 1811 гг., чтенія лекцій именно для чиновниковъ, службою обязанныхъ. Я объявилъ желаніе посвятить себя новому ученію. Насъ собралось около ста человекъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ, большею частію бѣдняковъ. Намъ объясняли профессора слѣдующіе предметы: логику, ораторію, всеобщую исторію, російскую исторію, права и политическую экономію, статистику, географію, математику, опытную физику и французскій языкъ. Ученье начиналось ежедневно въ два часа пополудни, то есть въ такое время, въ которое чиновники оканчивали служебныя занятія свои, слѣдовательно должны были приходиться въ университетъ усталые, голодные и оставаться тамъ до 6-ти часовъ. Можно-ли было ожидать хорошаго успѣха въ ученіи отъ людей, находившихся въ такомъ невыгодномъ положеніи и притомъ плохо приготовленныхъ къ слушанію такихъ важныхъ предметовъ. Хотя-же всѣ чиновники посѣщали лекціи прилежно, въ чемъ и выданы имъ отъ университета, 16 декабря 1811 года, свидѣтельства; но при всемъ томъ никто изъ нихъ не рѣшился въ то время подвергнуть себя экзамену для полученія аттестата на основаніи указа 6-го августа 1809 г., ибо программа этого указа требовала основательныхъ свѣдѣній во всѣхъ наукахъ кромѣ богословскихъ и медицинскихъ, чего въ одинъ сокращенный курсъ никто, даже изъ лучшихъ студентовъ, исполнить не можетъ.

Нѣсколько позже молодые достаточные дворяне и чиновники нашли для себя другой способъ получить отъ университета аттестаты, открывавшіе имъ дорогу къ чинамъ и почестямъ. Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что экзаменаторы читали для нихъ особыя приватныя лекціи за условленную плату.

Въ числѣ молодыхъ людей, изъявившихъ желаніе слушать лекціи на основаніи указа 6-го августа 1809 г., находился канцелярскій служитель московскаго губернскаго правленія Василій Ивановичъ Оболенскій, родомъ изъ духовнаго званія. Посѣтивъ

раза три означенныя лекціи, Оболенскій счелъ за лучшее вступить въ университетъ студентомъ. Являсь съ прошеніемъ и аттестатомъ къ секретарю правленія Тимонову, Оболенскій получилъ отъ него отказъ въ принятіи просьбы своей потому, что онъ одѣтъ былъ бѣдно. Не зная какъ поступить ему въ такомъ неожиданномъ и, можно сказать, несчастномъ обстоятельствѣ, Оболенскій прибѣгнулъ къ моей помощи. Я скрытно отъ секретаря представилъ просьбу Оболенскаго находившемуся въ то время въ присутствіи правленія ректору Гейму. Онъ потребовалъ просителя къ себѣ, проэкзаменовалъ его вмѣстѣ съ деканами въ языкахъ и наукахъ и тогда-же удостоилъ званія студента. Впослѣдствіи времени Оболенскій находился старшимъ учителемъ въ Тверской гимназіи, а послѣ въ московской и, наконецъ, въ самомъ университетѣ адъюнктомъ по кафедрѣ греческаго языка. Въ 1827 г. Оболенскій принесъ мнѣ въ даръ изданную имъ книгу „Платоновы разговоры“ и изъяснилъ, что онъ всегда помнить и никогда не забудетъ сдѣланнаго ему мною одолженія при вступленіи его въ университетъ студентомъ. Удивленный такимъ рѣдкимъ и благороднымъ поступкомъ почтеннаго Василя Ивановича, я только могъ благодарить его за сдѣланную имъ мнѣ честь, и съ того времени находился съ Оболенскимъ въ дружескихъ отношеніяхъ по самую смерть его, въ 1847 году послѣдовавшую.

М. П. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

Первое изданіе его басенъ, 1809 г.

Въ антикварномъ отдѣлѣ моей домашней библіотеки есть рѣдкій экземпляръ собранія басенъ нашего славнаго баснописца „Дѣдушки Крылова“ — первое изданіе его басенъ: „Басни Ивана Крылова. С.-Петербургъ, въ типографіи губернскаго правленія. 1809 г.“. На оборотѣ: „Съ дозволенія с.-петербургскаго цензурнаго комитета“.

Всѣхъ басенъ въ сборникѣ XXIII, изъ которыхъ оригинальныхъ двѣнадцать, а одиннадцать переводныхъ. Вотъ ихъ перечень:

„*Ворона и лисица“¹⁾, „*Дубъ и Трость“, „Музыканты“, „*Два голубя“, „*Лагушка и Волкъ“, „Ларчикъ“, „*Морь звѣрей“, „*Пѣтухъ и жемчужное зерно“, „Невѣста“, „*Волкъ и Ягненокъ“, „Парнасъ“, „*Левъ и Комаръ“, „*Стрекава“²⁾ и Муравей“, „Оракулъ“, „Левъ на ловлѣ“, „Роша и Огонь“, „*Лагушки, просящія царя“, „Человѣкъ и Левъ“, „Старикъ и трое молодыхъ“, „Орелъ и Куры“, „Муха и дорожные“, „Обезьяны“, „*Пустынникъ и медвѣдь“.

Всѣ эти басни представляютъ болѣе или менѣе значительные варианты въ сравненіи съ редакціею ихъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Отмѣтимъ варианты въ яѣкоторыхъ изъ этихъ басенъ, случивъ изданіе первое—1809 г. и тринадцатое полное изданіе Юнгмейстера и Веймара, вышедшее въ Петербургѣ въ 1873 году, съ рисунками В. Шпака.

Н. Масловичъ.

1) Знакомъ * обозначены переводныя басни.

2) Сохраняемъ тогдашнее правописаніе.

Н. М.

Ворона и Лисица.

По изданію 1809 г., послѣ строки: „Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру“ слѣдуетъ ¹⁾:

Ворона, сидя на суку
Сбиралась ужъ влывать кусочекъ свой сыру,
Да призадумалась, и проч.

Послѣ: „Разсказывать такъ, право, сказки!“ по первому изданію:

„Какой умильченкой носокъ!
И вѣрно ангельской быть долженъ голосокъ.
Спой, свѣтликъ, не стыдись, будь съ лисичкой дружище
Я чай вѣдь ты поешь и соловья иѣжище“.
Вѣщунья съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу духъ сперло
И вадумавъ оправдать лисицыны слова,
Ворона, и проч.

Дубъ и Трость.

Басню эту списываю всю по изданію 1809 г., такъ такъ въ ней только нѣсколько строкъ остались неизмѣненными.

Тростинкѣ какъ-то дубъ позволилъ сдѣлать честь,
Съ ней разговоръ завести.
„Куда тебя обидѣла природа!
Онъ началъ, вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка;
Чуть мелкой рябью лишь погода,
Подерветъ по водѣ съ легка,
Нагнешься такъ ты сиротливо,
Не такъ какъ я—чело подьема горделиво,
До мѣсть, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтви вокругъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю,
И посмѣваясь порывамъ влѣйшихъ бурь
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стнхій войны.“

¹⁾ Набраны разрядковъ—варианты по изданію 1809 г.

Какъ равно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя-бъ ужъ ты въ окружности росла
Моею тѣнью покрытой,
То былъ-бы я тебѣ защитой.
Но вась природа разнесла.

По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья.
Конечно, въ ней о вась ни мало нѣтъ радѣнья“.
„Ты очень жалостливъ, сказала трость въ отвѣтъ,
Однако, не крушись; мнѣ столько худа нѣтъ,
Не за себя я вихрей опасаясь:
Хотя я гнусь, но не ломаюсь;
А ты, такъ ты еще не уклоняя лица,
Какъ вдерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны;
Но подождемъ конца“.

Едва лишь это трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Вавивая пылъ столбомъ, рѣвущій Аквильонъ.
Уперся дубъ; къ землѣ тростиночка припала,
Бунтуетъ вѣтръ—всѣ силы собралъ онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главою своею касался
И въ области тѣней пятою упирался.

Два голубя.

Въ баснѣ „Два голубя“ передъ строкою: „Диковинки земнаго круга“ въ повдвѣйшихъ изданіяхъ прибавлена строка: „Увидѣть, осмотрѣть“, а послѣ строки: „Диковинки земнаго круга“, въ изданіи 1809 г. напечатано:

Судить и видѣть самъ собой;
Ложь съ истинной сличить, повѣрить былъ съ молвой.
Во снѣ и на яву походъ лишь видѣть свой
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта разинуть.
„Куда ты?“, говорить сквозь слезъ ему другой
Иль братца хочешь ты повинуть?
Жестокый! ежели меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, снаки, грозы ужасны
И все, чемъ странствія опасны,
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль,

Ужь я тебя тогда упрашивать не буду ¹⁾.
 Теперь и корнѣ такъ скуденъ, малъ —
 Да, чу! п воронѣ прокричалъ:
 Вѣдь это вѣрно еъ худу.
 Остаься, другъ любовный мой...

Черезъ три строки, вмѣсто: „да коршунъ“, въ первомъ изданіи: „да астреба“.

Послѣ словъ: „замѣчу на полетѣ“, въ первомъ изданіи: „И лучшіе узнавъ диковинки на свѣтѣ“, вмѣсто позднѣйшей поправки: „И осмотръвъ что есть диковиннѣй на свѣтѣ“. Послѣ словъ: „каждое мѣстечко“ — въ первомъ изданіи:

Тамъ это слышалъ я, тамъ то попалось мнѣ,
 А тамъ такое видѣлъ диво! и проч.
 . со мной въ той сторонѣ.
 По сихъ словахъ, друзья и проч.

Послѣ словъ: „прижался подѣ плетнемъ“, въ первомъ изданіи такъ:

И тутѣ не всѣ бѣды окончились на немъ—
 Мальчишка въ близости рѣзвился:
 Набравши камушковъ, онъ въ цѣль метать учился
 И, чтобъ узнать вѣрна-ль рука,
 Хватъ камнемъ въ голубка—
 Какъ срѣзалъ съ ногъ онъ бѣдняка,
 Тогда-то, и проч.

Ограничусь приведенными примѣрами того, какъ Крыловъ тщательно просматривалъ и совершенствовалъ свои басни для послѣдующихъ изданій: отдѣльныя слова замѣнялъ онъ болѣе удачными и подходящими; цѣлыя стихи — болѣе звучными и гладкими. Въ первомъ изданіи нѣтъ ни одной басни, которая-бы не подверглась поправкѣ для послѣдующихъ изданій.

Н. Масловичъ.

¹⁾ По изд. 1873 г. „удерживать“.

ХАРЬКОВСКІЕ БАСНОПЛОЦЫ.

I.

Григорій Сковорода.

Въ 1787 году, по распоряженію императорскаго человеколюбиваго общества, московскимъ попечительнымъ комитетомъ были изданы: „Харьковскія басни“ Г. В. Сковороды. Басни эти посвящены авторомъ „Любевному другу Леонасію Кондратовичу Панкову“. Всѣ тридцать басенъ изложены въ прозѣ, причемъ каждая сопровождается иногда очень пространнымъ разсужденіемъ на тему духовно-нравственнаго содержанія, многочисленными ссылками и выписками изъ книгъ Священнаго Писанія, вслѣдствіе чего и вся книжка подвергалась цензурѣ ректора виазанской семинаріи архимандрита Агапита. Въ началѣ книжки, авторъ, вмѣсто предисловія, обращается къ другу своему и говоритъ, между прочимъ, о себѣ слѣдующее: „Любезный пріятель! Въ седьмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка ¹⁾, отставъ отъ учительской должности и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчелнбахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библии; притомъ благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего 1774 года, въ селѣ Бабаяхъ ²⁾, умножилъ оныя до тридцати. Между тѣмъ какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто, ты всегда притомъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую-жь тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и—подобнымъ тебѣ!

Отеческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость; а мудрая игрушка утаиваетъ въ себѣ силу“.

Далѣе Г. Сковорода говоритъ своему пріятелю о баснѣ:

„Картинка сверху смѣшна: но внутрь боголѣнна. Другъ мой! Не презирай

¹⁾ XVIII-го.

²⁾ 10 верстъ отъ Харькова.

баснословія. Басня и притча есть то-же. „Не по кошельку суди сокровище“ Праведенъ судъ судить! Басня тогда бываетъ скверная, и бабья, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ“.

„Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ“.

„Не одни краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса столько живо, сколько благогѣпно у нихъ образуетъ невидимую Божию истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюда родились символы, притчи, басни, подобія, пословицы“...

„Самое солнце всѣхъ планетъ и царица библія, изъ тайно-образующихъ фигуръ, притчей и подобій есть Богосозданна“.

Кончаетъ Г. Сковорода свое обращеніе къ пріятелю такъ:

„Притаймо-жъ дружбу! Прими и кушай четвероногая, вѣрря, гади и птицы. Богъ тебѣ да благословляетъ! Съ нимъ не вредить и самый адъ земскій. Они ни что суть, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусишь съ Богомъ лучше“.

Подписано: „Любитель Священныя Библія Григорій Сковорода 1774 г. Въ селѣ Бабаахъ, наканунѣ патидесятницъ“.

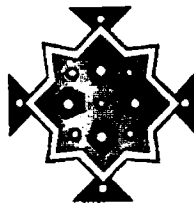
Вышесказанный сборникъ басенъ Г. В. Сковороды составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. Беремъ изъ него три басни: I, XX и XXIX.

Собаки.

Въ селѣ у хозяина жили двѣ собаки. Случилось мимо воротъ проѣзжать незнакомому.

Одна съ нихъ вскочивъ и полаявъ, поколь онъ съ виду ушелъ, вернулась на дворъ. „Что тебѣ изъ сего прибыло!“ спросила другая. „По крайней мѣрѣ не столько скучно“, отвѣчала она. „Вишь не всѣ-жъ, сказала разумная, проеажіе таковы, чтобъ ихъ почитать за неприятели нашего хозяина; а то бы я и сама должности своей не оставила, несмотря на то, что прошедшей ночи нога моя волчьими зубами повреждена“. Собакою быть дѣло не худое, но безъ причины лаять на всякаго дурно.

Сила: разумный человекъ знаетъ, что осуждать, а безумный болтаетъ безъ разбора!

Верблюды и Олень.

Африканскій олень часто питается змїями. Сей направся ихъ досыта и не терпя внутрь палиціа адомъ жажды, быстрѣе птицъ въ полудни пустился на источники водныя и на горы высокія. Тутъ увидѣлъ онъ верблюда, піющаго въ поточкѣ мутную воду. „Куда спѣшишь, господинъ рогаачъ?“ отоввался верблюдъ, „напійся со мной въ семь ручайкѣ“. Олень отвѣчалъ, что онъ мутной пить въ сладость воды не можетъ. „То-то ваша братья чрезмѣрно нѣжны и замисловати. А я нарочно смущаю: для меня мутная вода слаще“. — „Вѣрю, сказалъ олень, но я родился пить самую прозрачнѣйшую изъ родника воду. Сей меня поточекъ доведеть до самой своей головы. Оставайся, господинъ горбачъ“.

Сила: Библия есть источникъ. Сей живыя воды фонтанъ подобенъ янту, испущающему выспрь изъ ноздрей сокровенную нетлѣннѣю воду, о коей писано: иже пїеть отъ воды, юже азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущїя въ животь вѣчный. Иоан. 4, 14. Кто верблюдъ, тотъ возмущенїе потопныхъ глаголовъ пьеть, не достигая къ той источничей главѣ. А елень къ чистой водѣ востекаетъ съ Давидомъ: „Кто напоитъ мя водою изъ рова, иже въ Внелеемѣ при вратѣхъ?“ 2 Царствъ, 23, ст. 15. Кто не раздѣляетъ словесныя знаки на плоть и духъ. сей не можетъ различить, между водою и водою, красотъ небесныхъ и росы. Вглянь на 14 главу Второз.: „тамъ есть скоть не чистый, нераздвающїй копыто“. А каковъ есть самъ: такова ему и библия. О ней-то точно сказано: Съ преподобнымъ преподобенъ будещи, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будещи, со строптивымъ напротивъ. Пс. 17, 27. Описатели звѣрей пишуть, что верблюдъ, пить приступаа, всегда возмущаетъ воду. Но елень чистыя воды любитель. — Сїя басня писана въ свѣтлое Воскресенье по пополудни 1774 г., въ Бабахъ.

Старуха и Горшечникъ.

Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отыгались. „А что за сей хорошенькій?“ За того, за того возму хоть три полушки, отябчалъ горшечникъ. „А за того гнуснаго: конечно, полушка?“ За того ниже двухъ копѣекъ не возьму... „Что за чудо?...“ У насъ, бабка, сказать мастеръ, не глазами выбираютъ: мы испытуемъ, чисто-ли звонить? Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако, не могла больше говорить, а только сказала: что и сама она давно сіе знала, да вадумать не могла!

Сила: конечно сія премудрая Ева есть прабабою вѣсьмъ тѣмъ вострякамъ, которые человека цѣнять по одеждѣ, по тѣлу, по деньгамъ, по угламъ, по имени: не по его житїа плодамъ. Сїи правнуки, имѣя тотъ-же вкусъ, совершенно доказуютъ, что они суть плодъ отъ сей райской яблони. Чистое и неавистное сердце, милосердное, терпѣливое, куражное, прозорливое, востержное, мирное, вѣрующее въ Бога и уповающее на Него во всемъ: вотъ

чистый звонъ и честная души нашей цѣна! Воспоминаетъ и сосудъ избранный Павелъ о сосудахъ честныхъ и благочестивыхъ. 2 въ Тим., гл. 2. ст. 20, и въ Рим. 9, ст. 21: „Утроба буюго, яко сосудъ сокрушенъ и всякаго разума не удержитъ“. Сирахъ 21, ст. 17. Израдная великороссійская пословица сія: „Не красна хата углами, красна пирогами!“ Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми эмблематами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій написанъ, схожій на черепаху, гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяеть большая золотая звѣзда, украшая оной. Но подъ нимъ толкъ написанъ слѣдующій: „подъ сіяніемъ язва!“ Сюда принадлежить пословица, находящаяся въ Евангеліи: „гробы новапленныи“.

II.

А. Н. Нахимовъ,

1782 — 1814 гг.

Объ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ, одномъ изъ харьковскихъ сатириковъ-баснописцевъ, въ „Русской Старинѣ“, изд. 1880 г., томъ XXIX, помѣщена была обстоятельная статья Г. С. Чирякова, поэтому мы объ А. Н. Нахимовѣ только упоминаемъ.

III.

Василій Григорьевичъ Масловичъ,

1793 — 1841 гг.

В. Г. Масловичъ род. въ 1793 году. Окончилъ курсъ въ харьковской гимназіи въ 1810 году и тогда-же поступилъ въ харьковскій университетъ, по словесному отдѣленію. Вскорѣ послѣ окончанія курса выдержалъ онъ экзаменъ на степень доктора изящныхъ наукъ (ex-lettres), которой и былъ удостоенъ университетомъ въ 1815 году. Тогда-же издалъ онъ книжку „О баснѣ и баснописцахъ разныхъ народовъ“, опытъ распространенный изъ первой его лекціи, читанной въ университетѣ по случаю докторскаго экзамена. Опытъ этотъ посвященъ авторомъ достопочтеннымъ мужамъ и дѣйствительнымъ членамъ харьковскаго университета. Въ томъ-же году, В. Г. Масловичъ поступилъ въ число членовъ харьковскаго общества наукъ. Во время пребыванія въ университетѣ, В. Масловичъ усленно занимался литературою, написалъ нѣсколько театральныхъ пьесъ во вкусѣ того времени пасторалей, комедій; но излюбленнымъ его родомъ поэзіи была басня ⁽¹⁾.

Басень В. Масловича было два изданія, послѣднее въ 1825 г., -- первое въ 1814 г.

Въ 1816 году, В. Масловичъ издавалъ въ Харьковѣ юмористическій сборникъ „Харьковскій Демокритъ“, въ которомъ сотрудничалъ Г. Ф. Квитка (Основьяненко) и въ которомъ впервые напечатаны были многія изъ произведеній Акима Нахимова, скончавшагося въ 1814 году. „Харьковскій Демокритъ“ просуществовалъ недолго: всего вышло шесть ежемѣсячныхъ

¹⁾ См. отрывокъ изъ автобіографіи В. Масловича „Мои стихи“: Харьковскій календарь—Альманахъ на 1888 г., стр. 62. Н. М.

выпусковъ (Ливарь—Іюнь). Крімъ того, В. Масловичъ написалъ біографію А. Нахимова, вышедшую особою книжкою, и издалъ сочиненія А. Нахимова, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Скончался В. Г. Масловичъ въ 1841 г., 15-го іюня. Помѣщаемъ нѣсколько его басенъ.

Кукушка и Скворецъ.

Кукушка нѣкогда спросила у скворца:
 „Что говорятъ про соловья—пѣвца?“
 —Любителямъ давно извѣстно,
 Что онъ поетъ прелестно.
 „А о чижѣ какъ идетъ толкъ?“
 —Жалѣютъ, что умолкъ.
 „Неужели? кукушка вопрошала.
 Я-бы весьма обязана вамъ стала,
 Когда-бъ,—нельзя-ли мнѣ открыть,
 Что слышно обо мнѣ, позвольте васъ спросить?
 Признаться вамъ, и я пѣвала
 И на Парнасъ не разъ летала.“
 ..Объ васъ, сударыня? но я боюсь сказать..
 „Не бойтесь, ну что-же-съ, что-же-съ?“
 —О вашихъ пѣсенкахъ все что-то не пригоже-съ
 Изволятъ толковать.
 „Добро-жъ, когда такіе люди стали,
 Мои всѣ пѣсни освистали
 И не хотятъ меня хвалить;
 Такъ всѣхъ поставлю ни въ полушку
 И буду о себѣ сама я говорить“..
 Есть много авторовъ, похожихъ на кукушку.

Полевой цвѣтокъ.

Однажды полевой цвѣтокъ
 Нечаянно попалъ въ вѣвочъ,
 Изъ розъ пастушкою сплетенный,
 И сталъ какъ роза благовонный.
 Большая польза въ томъ,
 Когда кто съ умными знакомъ.

Молодой Осель.

Младый осель фонъ-Долгоухъ,
 Узнавши о своемъ признаменитомъ родѣ,
 Когда ходилъ пастись на лугъ,
 Все только думалъ о породѣ.
 Сколь былъ его почетень дѣдъ,
 Ему такъ вѣни толковали:
 Его святые папы знали —
 Садились на его хребетъ!
 Фонъ-Долгоухъ нашъ симъ кичился;
 И этихъ словъ не проронилъ—
 Ужъ съ лошаками не рѣввился,
 Когда пастись на лугъ ходилъ.
 Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ учиться
 И быть знакомымъ лошакамъ.
 „Ученье черны лишь годится,
 Оно не нужно знатнымъ намъ“.
 Такъ думалъ онъ и билъ баклуши,
 А, между тѣмъ, все росъ, да росъ.
 Чѣмъ больше становились уши,
 Тѣмъ выше задиралъ онъ носъ.
 Межъ тѣмъ какъ велъ онъ жизнь такую,
 Ученье кончилось коняхъ
 И повели ихъ въ Коренную ¹⁾,
 Продать чтобъ съ Долгоухомъ тамъ.
 Коней одинъ баронъ богатой
 Велѣлъ прикащику купить,
 Какой-бы ни было то платой—
 Въ золотую сбрую нарядить.
 Осла-жъ за цѣну небольшую
 Сердитый мельникъ сторговалъ,
 Надѣлъ веревочную сбрую
 И за упряжество отхлесталъ.
 Фонъ-Долгоухъ мой пуще злился
 И уши вверхъ приподымалъ,
 Весьма барону онъ дивился,
 Что онъ осла въ цѣны не зналъ!
 Качалъ со злости головою,
 Глаза съ досады закрывалъ,
 Быракъ, бросалъ на всѣхъ землею,
 I-a, i-a, i-a кричалъ,
 Что значило на ихъ языкѣ:
 „Въ какихъ рожденъ я временахъ!
 Бывало грозные владыки
 Ъзжали гордо на ослахъ!

¹⁾ Ярмарка при Знаменскомъ монастырѣ въ Курскомъ уѣздѣ.

Теперь осламъ предпочитаютъ,
Кого-же? подлыхъ лошадей,
Въ алатую сбрую наряжаютъ—
Вотъ справедливость у людей!“

Дуриль и Лоръ.

Дуриль, узя при смерти Лора,
Ему такъ началъ говорить:
Дружокъ, нельзя-ли возратить
Тобою ваяты четыре лудора!
—Оставь меня спокойно умереть,
Отъ Лора слабый былъ отвѣтъ.
„Не слушаю сего я вадора,
Пустое братъ, пустое лжешь!
Отдай четыре лудора,
Или ты прежде не умрешь!“

Какъ тяжело, когда долгами заведешься:
Отъ нихъ и смертію никакъ не отобьешься!

Быкъ и Корова.

„Ахъ, какъ судьба твоя сурова,
Сказала такъ быку корова,
Ты день и ночь въ трудахъ
И чужъ зари, опять потѣшь на работѣ,
Какъ, между тѣмъ, я на лугахъ
Пасуся по своей охотѣ!“
Черезъ день ведутъ корову въ зевсовъ храмъ,
Чтобы принести ее Юпитеру на жертву.
Увидя быкъ ее увылу, полумертву,
Сказалъ со свойственной холодностью воламъ:
„Какъ не завидовать твоей, корова, долѣ?
Тебя ведутъ на пирь богамъ,
Меня-же работать опять погонять въ поле“.

Сообщ. Н. В. Масловичъ.

СТАНИСЛАВЪ РОМАНОВИЧЪ ЛЕПАРСКІЙ,

комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ и Читинскаго острога

1759—1838 гг.

Биографическій очеркъ.

Нмя Станислава Романовича Лепарскаго, бывшаго въ теченіе двѣнадцати лѣтъ комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ близкимъ къ декабристамъ лицомъ во время ихъ ссылки въ восточную Сибирь, мало извѣстно въ Россіи, несмотря на то, что оно тѣсно связано съ исторіею русской общественной жизни 1825—1840-хъ годовъ.

Занявъ должность коменданта въ Нерчинскѣ, заключавшуюся въ томъ, чтобы имѣть главный надзоръ за лицами, сосланными въ этотъ край за участіе ихъ въ событіи 14-го декабря 1825 г., Лепарскій, какъ человекъ безупречной чистоты и притомъ несомнѣнно доброй души, представлявшей совершенную противоположность съ его непривлекательною, угрюмою и даже суровою наружностью, былъ поставленъ въ самое затруднительное положеніе: ему приходилось постоянно согласовать долгъ службы, возложенный на него государемъ лично, съ чувствами гуманнаго человека, приходилось вести постоянную борьбу между строгими предписаніями, коими онъ былъ снабженъ въ Петербургѣ, и внушеніями своего добраго сердца, и надобно отдать ему полную справедливость—онъ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ, снискавъ уваженіе и искреннее расположеніе узниковъ, вѣрнѣйшихъ его попеченію,

которые сохранили о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія, какъ свидѣтельствуютъ собственноручныя ихъ письма къ племяннику коменданта, Осипу Адамовичу Лепарскому, бывшему плацъ-маіоромъ Читинскаго острога; то-же самое подтверждаютъ и многочисленныя воспоминанія и записки декабристовъ и ихъ женъ, появившіяся на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій; всѣ эти лица, какъ увидимъ — за исключеніемъ одного только Дмитрія Ирнарховича Завалишина, рассказывая о пребываніи своемъ въ Сибири, помянули добрымъ словомъ своего старика коменданта и всѣ они подтверждаютъ единогласно, что ихъ жизнь въ острогѣ была сносна и возможна только благодаря его человѣчному къ нимъ отношенію, тогда какъ, при иныхъ обстоятельствахъ, она сдѣлалась бы совершенно невыносимою. Несмотря на свою ворчливость и педантичную строгость и требовательность, С. Р. Лепарскій никогда не отказывался удовлетворить, въ предѣлахъ возможнаго, справедливыя требованія узниковъ, доставлялъ имъ разныя удобства и льготы, заботился объ ихъ матеріальномъ благосостояніи и, входя въ ихъ положеніе, терпѣливо переносилъ всѣ нападки съ ихъ стороны и укоры, коими они осыпали его вначалѣ.

Полякъ по происхожденію, Станиславъ Романовичъ родился въ прошломъ столѣтіи, въ 1754 г., въ нынѣшней Могилевской губерніи, воспитывался въ полоцкой іезуитской школѣ, и для своего времени былъ человѣкъ весьма образованный: зналъ латинскій языкъ, свободно и правильно писалъ и объяснялся по-французски и по нѣмецки и читалъ даже классическихъ писателей на этихъ языкахъ ¹⁾. Служебное поприще свое Лепарскій началъ въ 1775 г., поступивъ рядовымъ, по вольному найму, въ Каргопольскій карабинерный полкъ; 22-го сентября 1779 г. онъ былъ произведенъ изъ вахмистровъ въ первый офицерскій чинъ; во время конфедератской войны былъ уже маіоромъ и съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе—отвести въ Сибирь партію польскихъ конфедератовъ, чѣмъ приобрѣлъ извѣстность въ арміи. Большая часть его служебной карьеры протекла въ Сѣверскомъ конноегерскомъ полку, съ которымъ Лепарскій участвовалъ во всѣхъ походахъ 1806—1810 гг.; въ 1808 г., въ чинѣ подполковника, онъ былъ назначенъ комендантомъ въ Яссы, гдѣ находилась въ то время главная квартира дѣйствующей арміи, а въ 1810 г. получилъ командованіе конно-егерскимъ Сѣверскимъ полкомъ и исполнялъ эту обязанность вплоть до производства въ генералы,

¹⁾ Зап. бар. Ровена, стр. 215.

19 марта 1826 г., и до назначенія своего комендантомъ Нерчинскихъ рудниковъ.

Во время долгодѣтнаго командованія полкомъ, Лепарскій пріобрѣлъ славу человека безупречно честнаго и обладавшаго замѣчательнымъ умѣніемъ ладить съ подчиненными; „когда въ полкахъ гвардіи случались непріятности между офицерами, вслѣдствіе конхъ приходилось перевести ихъ въ другіе полки, армейскіе, то такъ называемыхъ безпокойныхъ перемѣщали обыкновенно въ полкъ Лепарскаго, который умѣлъ обходиться со всѣми, умѣлъ жить не наживая себѣ личныхъ враговъ и даже на печати своей вырѣзалъ ёлку съ надписью: „не перемѣняется“ ¹⁾). Во время командованія имъ полкомъ, ни одинъ рядовой его полка не былъ оштрафованъ или наказанъ по суду, ни одинъ офицеръ не подвергся взысканію или непріятностямъ по службѣ“ ²⁾). Всѣ эти факты характеризуютъ, безъ сомнѣнія, полковаго командира Сѣверскаго полка съ самой лучшей стороны; „строгий и малосообщительный со своими подчиненными, даже нѣсколько придирчивый и ворчунъ въ требованіяхъ служебнаго дѣла, крайне ревнивый и взыскательный къ обязанностямъ чести офицеровъ, Станиславъ Романовичъ, при упорномъ, непоколебимомъ исполненіи своего дѣла, могъ въ то-же время служить образцомъ кротости, доброты и человеколюбія“

Шефомъ Сѣверскаго полка, во время командованія имъ Лепарскимъ, былъ великій князь Николай Павловичъ; интересовался не только фронтовою службою, но и малѣйшими подробностями внутренняго быта своего полка, который великій князь желалъ довести до возможной степени совершенства, онъ нерѣдко удостоивалъ полковаго командира собственноручными письмами, весьма интересными какъ для характеристики заботливости Николая Павловича и строгой требовательности его въ дѣлѣ военной службы, такъ и его личныхъ отношеній къ командиру Сѣверскаго полка, къ которому вел. князь питалъ высокое уваженіе за его честность и педантичное исполненіе служебныхъ обязанностей; эти письма сохранились въ бумагахъ покойнаго Лепарскаго въ оригиналахъ вмѣстѣ съ двумя, тремя письмами къ нему-же великаго князя Михаила Павловича и графа В. Ѳ. Адлерберга, адъютанта Николая Павловича, и свидѣтельствуютъ о превосходномъ состояніи Сѣверскаго полка, заслужившаго, во время командованія имъ Лепарскимъ, одобренія такого строгаго судьи, въ военномъ дѣлѣ, какимъ былъ

¹⁾ Зап. бар. Розена, стр. 215.

²⁾ С. Р. Лепарскій. „Русск. Ст.“ 1880 г., т. XXIX, стр. 712.

•РУССКАЯ СТАРИНА•, 1892 г., томъ LXXV, июль.

великій князь Михаилъ Павловичъ, о чемъ его августѣйшій братъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщилъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, Станиславу Романовичу.

Во время своей поѣздки на югъ Россіи въ 1816 г., для инспектированія войскъ, великій князь Николай Павловичъ, находясь близъ мѣста расположенія Сѣверскаго полка, пожелалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть полеъ лично.

„Станиславъ Романовичъ“,—писалъ великій князь по этому случаю изъ Кіева, 30 мая 1816 года,—„проѣзжая столь близко отъ квартиръ нашего полка, прискорбно было-бы мнѣ его не видать; итакъ, съ позволенія Е. И. В. и фельдмаршала, буду я къ вамъ, если мнѣ возможно будетъ, 5-го числа.

„Я желаю видѣть сей полкъ въ настоящемъ его видѣ и до послѣдней мелочи, сначала въ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе вы найдете — я-бы желалъ въ Крыловѣ, потому что мнѣ далеко нельзя отдаляться отъ Полтавы—потомъ 1-й дивизионъ обстоятельно, и какъ пѣше по конному, такъ и по манежному.

„Я не считаю нужнымъ о томъ увѣдомлять дивизионнаго и бригаднаго командировъ; впрочемъ дѣлайте, какъ вамъ долгъ повелѣваетъ. Николай“.

Оставшись вполнѣ доволенъ произведеннымъ смотромъ, найдя въ полку все въ должномъ порядкѣ, великій князь, по возвращеніи въ Москву, былъ озабоченъ нѣкоторыми хозяйственными распоряженіями по полку, о которыхъ онъ увѣдомилъ Лепарскаго письмомъ отъ 18-го іюля, слѣдующаго содержанія:

Москва, 18 іюля 1816 г.

„Станиславъ Романовичъ, я получилъ здѣсь письмо ваше и вотъ вамъ отвѣтъ мой:

1) Серебряныя трубы съ кистями въ скоромъ времени будутъ вамъ доставлены.

2) Закревскій и также государь изволилъ мнѣ сказывать, что всѣ формы для конно-егерскихъ полковъ утверждены; итакъ касательное сего поступайте по точно присылаемой вамъ формѣ.

3) Касательно лошадей офицеры могутъ рубить хвосты и не рубить, какъ хотятъ; отъ государя и то и другое позволено.

4) Какъ вы переходите въ Курскую губернію, то манежъ вамъ дѣлается ненужнымъ; старайтесь его продать; ежели-же нельзя, то Богъ съ нимъ, другой постараемся построить.

5) Люди ваши прибыли и поступили въ науку.

6) Лекаръ отиѣнно хорошій, отъ Виаліе скоро будетъ къ вамъ присланъ.

7) 8,000 будутъ вамъ доплачены, но болѣе денегъ нѣтъ и конемъ образомъ достать нельзя.

8) Кантонистовъ не отдавайте, а будутъ записаны въ полкъ Закревскимъ.

9) Вотъ 2,500 руб. отъ тульского купечества, которые вы раздавайте выходящимъ нижнимъ чинамъ, смотря по ихъ поведенію; унтеръ-офицерамъ по 70 руб., рядовымъ по 50 р. единовременно.

10) Вотъ форменная дощечка для крестовъ и медалей.

11) Вы получите англійское суено въ будущій срокъ.

Старайтесь, чтобы на маршѣ ни исторій, ни жалобъ не было, и чтобы вы и вами довольны были.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ и не забывайте своего товарища. Николай¹⁾.

Подобнымъ-же мелкимъ распоряженіямъ по полку посвящены и слѣдующія два письма великаго князя, изъ коихъ видны, между прочимъ, его заботы о подготовкѣ для полка хорошихъ ветеринаровъ, берейторовъ и о закупкѣ для полка хорошихъ лошадей.

„Письмо ваше, Станиславъ Романовичъ, получилъ я въ Воронежѣ“, пишетъ великій князь изъ Орла, 24-го іюля 1816 г., „и благодарю за успѣшную покупку лошадей, равно и за капельмейстера; боюсь только, чтобы арзамасцы не разсердились на меня за это. Я совершенно согласенъ на все то, что мнѣ писали вы; только не забудьте прислать берейторскаго и ветеринарнаго учениковъ въ Петербургъ.

„Я обо всемъ писалъ къ Петру Петровичу и къ Закревскому; впрочемъ, государь уже все то знаетъ чрезъ мои письма.

„Прошу васъ продолжать увѣдомлять меня обо всемъ происходящемъ въ полку и кланяться всѣмъ нашимъ. Я получилъ приказъ о переводѣ къ намъ поручика кн. Шелешпанскаго; какъ прибудетъ въ полкъ, равно и Хлоповъ, то напишите каковы будутъ.

„Прощайте, будьте увѣрены въ истинномъ моемъ уваженіи. Николай²⁾.

12-го сентября того-же 1816 года, великій князь сообщилъ Лепарскому о приобрѣтеніи для полка лошадей:

„Станиславъ Романовичъ,—читаемъ мы,—честь имѣю вамъ объявить, что ремонтеры лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка приведутъ къ вамъ 16 или 18 лошадей, мною выбранныхъ для полка, опись конемъ получитъ отъ Михаила Павловича. Есть гвѣдыя, есть и

¹⁾ На письмѣ помѣта: „Получено 26-го іюля“.

²⁾ Помѣта: „Получено 4-го августа“.

воронья—добрыя лошади. Оставьте мой эскадронъ гнѣдымъ, какъ прежде, но предлагаю вамъ перевести рыжій—пятый ко мнѣ въ первый дивизионъ; тогда старайтесь сдѣлать третій и четвертый сѣрыми, а третій дивизионъ весь на темныхъ. Трубочей посадите на пѣгихъ лошадей. Регентенко учится теперь у Левашева; а когда будетъ знать новое учрежденіе и посадку, будетъ къ вамъ возвращенъ братомъ. Молодые всѣ учатся и, надѣюсь, черезъ годъ сдѣлать ихъ годными къ службѣ. Лекаря вамъ дали прекраснаго.

„Я завтра ѣду въ чужіе края и не буду назадъ по апрѣль мѣсяцъ; продолжайте присылать сюда рапорты попрежнему. Николай* 1).

Слѣдующее письмо великаго князя адресовано Лепарскому уже изъ-за-границы, изъ Гласкова; несмотря на новыя впечатлѣнія, на недостатокъ времени, занятаго постоянными переѣздами, Николай Павловичъ продолжалъ изъ своего далека живо интересоваться полковыми дѣлами и попрежнему не оставлялъ полковаго командира безъ своихъ распоряженій, вновь подтверждая ему, между прочимъ, высказанное имъ уже однажды желаніе, чтобы переходъ полка въ Курскую губернію и расположеніе его на новыхъ квартирахъ совершились благополучно и въ должномъ порядкѣ.

„Станиславъ Романовичъ“,—пишетъ Николай Павловичъ по этому поводу изъ Гласкова 14-го (26-го) декабря 1816 г.,—„мнѣ сообщенъ маршрутъ нашъ, по которому вы выступаете 2-го февраля; надѣюсь, что будетъ все благополучно и что нигдѣ ни отъ кого жалобъ не будетъ, за чѣмъ предписываю вамъ строго смотрѣть; равно и по прибытіи на мѣсто старайтесь о томъ-же. Займитесь также (вопросомъ) о доставленіи себѣ манежа; мѣста для ученій есть неподобныя; итакъ, всѣ способы есть довести полкъ до совершенства.

„Пришли-ли къ вамъ лошади? Ежели не годятся, продайте, но думаю, что лошадей 10 будетъ очень хорошихъ. Регентенко, говорятъ, учится славно. Какова наша музыка? Я для васъ купилъ серебряныя трубы, которыя будутъ къ вамъ присланы. Какъ вы довольны успѣхами нашими? Что лучше-ли ѣздить по даннымъ правиламъ и хорошо-ли стрѣляютъ? Поздравляю съ новымъ корпуснымъ росписаніемъ.

„Хорошо-ли ведутъ себя офицеры и довольны-ли новыми? Въ Курскѣ найдете вы стараго шефа, что должно вамъ быть пріятно. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ. Николай“ 2).

1) Помѣта: „Получено 12-го октября“.

2) Помѣта: „Получено 27-го января“.

Приведенныя нами пять писемъ великаго князя Николая Павловича не имѣютъ, какъ мы видимъ, прямаго отношенія къ характеристикѣ С. Р. Лепарскаго, но такъ какъ они подтверждаютъ частыя письменныя сношенія съ нимъ шефа полка и обрисовываютъ весьма характерно личность великаго князя въ его заботахъ о Сѣверскомъ полку и о военномъ дѣлѣ вообще, то мы сочли вполне уместнымъ помѣстить ихъ въ настоящемъ очеркѣ, въ связи съ нижеслѣдующими письмами великаго князя Николая Павловича къ Станиславу Романовичу, въ которыхъ августѣйшій шефъ полка неоднократно высказываетъ ему свое полное удовольствіе за порядокъ, соблюдаемый въ полку, за точное исполненіе всѣхъ его распоряженій и за то прекрасное состояніе, въ которомъ нашель Сѣверскій полкъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

„Станиславъ Романовичъ“,—пишетъ великій князь изъ С.-Петербурга, 10-го мая 1817 года,—„только сегодня получилъ я три ваши рапорта съ вашими записками и планомъ манежа, за которое все вамъ очень благодаренъ; изъ всего вижу ваше и господъ офицеровъ стараніе довести полкъ до должнаго порядка; оно тѣмъ нужнѣе, что весьма быть можетъ, что государь самъ всѣ наши полки смотрѣть станетъ.

„Мнѣ остается благодарить васъ за соблюденный порядокъ; равно и за мѣры, принятыя для постройки манежа и госпиталя. Теперь прошу заняться посадкою людей, выѣздкою лошадей и тогда уже сводить эскадроны и полкъ; наиболѣе наблюдать за тишиною и равенствомъ во фронтѣ; за правильностью аллюровъ и, какъ государь требуетъ, въ церемоніальномъ маршѣ по эскадронно и по полуэскадронно, чтобы рысь и галопъ были правильны и чтобы офицеры всегда наблюдали сами тотъ-же аллюръ, какъ и эскадронъ; чтобы тишина и равеніе были совершенны и проч.

„Подтверждаю вамъ насчетъ офицеровъ: нерадивыхъ и дурнаго поведенія отнюдь не терпѣть и тотчасъ рапортовать Арсенію Андреевичу Закревскому, а въ кондуитныхъ спискахъ атестовать по достоинствамъ.

„Трубы будутъ вамъ присланы тотчасъ по полученіи; я радъ слышать, что музыка такъ успѣваетъ и отнюдь не отдавайте капельмейстера. Насчетъ ремонта я буду стараться вамъ доставить способы достать хорошихъ.

„Соблюдайте во всемъ форму по государевымъ образцамъ; получили-ли вы новыя бляхи? довольно красиво.

„Новые два офицера Чаплыгинъ и Беренсъ очень порядочны и ѣздятъ хорошо; маіоръ Х. находится у ген.-маіора Левашева

для узнанія кавалерійской службы; впрочемъ, очень хорошій и благородный офицеръ. Равно и капитанъ Бервиль, бывший долго и отличнымъ адъютантомъ у генерала Василичкиова.

„Сія деньги можете употребить или на ремонтъ, или на другія полковыя надобности.

„Прошу кланяться господамъ офицерамъ; если можно мнѣ будетъ, то изъ Москвы отправлюсь на нѣсколько дней къ вамъ. Николай.

„Если-бы можно было, не разстроив полка, сдѣлать такъ, чтобы всѣ вторые эскадроны были сѣрые, то весьма-бы хорошо было; а между тѣмъ, могли-бы сдѣлать третій—сѣрымъ, четвертый—темнымъ, пятый—сѣрымъ, а шестой оставить какъ есть; впрочемъ, дѣлайте, какъ вамъ лучше кажется“¹⁾.

„Получивъ отъ Михайла Павловича извѣстіе, сколь онъ былъ доволенъ взводомъ нашимъ, который у него былъ въ караулѣ, равно и ученьемъ и вѣдою ихъ въ манежѣ²⁾, объявляю вамъ искреннюю мою признательность и желаю, чтобы всегда доходили до меня подобныя о васъ слухи.

„Присылаю вамъ прекрасную коллекцію маршей на трубахъ. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ и Бороздину за труды его. Я постараюсь пріѣхать къ вамъ, когда можно будетъ. Вашъ навсегда Николай“³⁾.

И далѣе⁴⁾: „Я имѣлъ вторично удовольствіе получить отъ брата письмо, въ которомъ онъ не можетъ довольно нахвалиться слышаннымъ и видѣннымъ имъ въ нашемъ полку. Онъ сказываетъ, что васъ самого видѣлъ въ Воронежѣ и что вы ему поручили меня увѣдомить, что стараніемъ вашимъ трубачи уже всѣ на пѣгихъ, а третій эскадронъ почти весь на сѣрыхъ лошадяхъ.

„Покуда я буду имѣть честь командовать полкомъ, нельзя мнѣ будетъ согласиться дать эскадронъ полковнику Зыбину; что даже не можетъ отъ меня зависѣть, ибо надъ нимъ приказано имѣть особенный присмотръ, какъ надъ человѣкомъ вовсе ненадежнымъ. Что-же касается до майора Хлопова, я его давно зналъ хорошимъ офицеромъ и былъ совершенно увѣренъ въ скоромъ его усовершенствованіи по новому роду службы. Прошу васъ вручить ему тотчасъ который эскадронъ захотите; я думаю—бывшій Береса, которому

¹⁾ Помѣта: „Получено 21-го мая“.

²⁾ Писано изъ С.-Петербурга отъ 18-го сентября 1817 г.

³⁾ Помѣта: „Получено 2-го октября“.

⁴⁾ Письмо изъ Москвы отъ 8-го октября 1817 г.

не слѣдуетъ носить о сѣ пору его имя, а съ назначеніемъ Хлопова газываться его именемъ.

„Братъ въ восхищеніи отъ трубачей и музыки, особливо отъ первыхъ; вотъ перстень для капельмейстера за труды.

„Я рѣдко имѣлъ большее удовольствіе, какъ когда получилъ это письмо отъ брата. Продолжайте такъ и вѣрно заслужите особенную благодарность государя, когда будетъ смотрѣть вашъ корпусъ.

„Прилагаю присемь просьбу бывшего берейтора; онъ хочетъ опредѣлить старшаго сына въ военную службу; если можно, примите вольноопредѣляющимся.

„Прошу кланяться Николаю Михайловичу Бороздину и благодарить за его стараніе для полка. Равно поручаю вамъ благодарить моимъ именемъ всѣхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ за порядокъ, устройство и ревность ихъ къ доведенію полка до должной исправности. Вамъ преданный Николай“¹⁾.

„Не будете-ли въ отпуску въ Москву?“

Этимъ отпускомъ Лепарскій не замедлилъ, повидимому, воспользоваться; предположеніе о поѣздкѣ его въ Москву подтверждается коротенькою запискою великаго князя, писанною, какъ видно изъ помѣты на ней Лепарскаго, въ томъ-же 1817 году²⁾.

„При отправленіи вашемъ сюда въ отпускъ, говорится въ этой запискѣ, прошу васъ взять съ собою нашего капельмейстера и, если можно, одного изъ лучшихъ трубачей; капельмейстеръ нуженъ будетъ для музыки измайловской, да и для него полезно будетъ послушать методу нашу гвардейскую. Николай“.

Рядъ писемъ бывшего августѣйшаго шефа Сѣверскаго полка, бережно сохраненныхъ генераломъ Лепарскимъ до самой своей кончины, оканчивается слѣдующимъ письмомъ изъ Москвы отъ 23-го февраля 1818 года:

„Станиславъ Романовичъ, получивъ отъ государя императора позволеніе ѣхать смотрѣть полкъ нашъ, отправлюсь отсюда около 14-го или 15-го чиселъ на Тулу, гдѣ, осмотрѣвъ находящійся тамъ 1-й саперный баталіонъ, сейчасъ-же къ вамъ отѣду; такъ что надѣюсь быть въ Ельцѣ около 18-го или поздно 19-го числа, и хочу непремѣнно³⁾ у васъ остановиться на квартирѣ; со мною ѣдетъ

¹⁾ Помѣта: „Получено 16-го октября“.

²⁾ Получено изъ Москвы 1817 года.

³⁾ Подчеркнуто въ подлинникѣ.

одинъ адъютантъ и два человѣка; итакъ, мнѣ немного надо мѣста. Прошу васъ дать знать объ этомъ дивизионному командиру. Если трудно полкъ свести, то буду смотрѣть по-дивизионно; во фронтъ не выводить ни рекрутъ, ни молодыхъ лошадей; даже такъ, чтобы болѣе 12-ти рядовъ во взводѣ не было, но, однако, не менѣе; буду смотрѣть всѣхъ унтеръ-офицеровъ и карабинеровъ въ манежѣ, равно и офицеровъ, весь ремонтъ и рекрутъ и резервный эскадронъ: пѣшій строй или разводъ и проч.

„Приготовьте все какъ слѣдуетъ; мнѣ прошу выбрать хорошую фронтную лошадь, хотя изъ-подъ вахмистра моего эскадрона.

„Чтобы никакихъ пріемовъ отъ города, ни другихъ никакихъ приготовленій не было, о томъ всѣмъ предписываю дать знать.

„О полученіи сего письма увѣдомьте меня тотчасъ какъ получите, а также о мѣрахъ, вами взятыхъ, и можно-ли будетъ полкъ собрать. Вашъ на вѣки Николай“.

Какъ видно изъ этой переписки, Лепарскій, какъ командиръ кавалерійскаго полка, вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ строгаго и взыскательнаго своего шефа и своими распоряженіями постоянно заслуживалъ его одобреніе; то-же подтверждаютъ и письма, адресованныя ему адъютантомъ великаго князя, графомъ Адлербергомъ; сообщая Станиславу Романовичу, въ одномъ изъ этихъ писемъ (отъ 25-го сентября 1818 г.), различныя распоряженія великаго князя по полку, графъ пишетъ, что его высочество вполнѣ одобрилъ всѣ предложенныя Лепарскимъ мѣры для переформировки эскадроновъ и проч. и присовокупляетъ:

„Великій князь чрезвычайно радъ, что главнокомандующій при смотрѣ полка былъ доволенъ, и приказалъ вамъ сказать, что никогда въ томъ не сомнѣвался, зная всѣ усердныя старанія, которыя вы прилагаете къ усовершенствованію полка“...

Другой разъ ¹⁾ графъ пишетъ Станиславу Романовичу по порученію великаго князя: „поставляю себѣ въ удовольствіе объявить вамъ благодарность его высочества за всѣ старанія, прилагаемыя вами въ покупкѣ лошадей, вамъ порученной; сверхъ того, великій князь объявляетъ вамъ и всѣмъ гг. эскадроннымъ командирамъ совершенное свое удовольствіе и признательность за хорошія видѣ людей, выбранныхъ въ гвардію изъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка, кои отличились отъ всѣхъ прочихъ полковъ выправкою, стойкою и одеждою, что было замѣчено и самимъ государемъ императоромъ. Особливо обратили на себя вниманіе люди изъ эскадрона

¹⁾ 10-го ноября 1819 г.

его высочества, за что и объявляет особенное свое благоволеніе командиру онаго, капитану Гофману“.

Наконецъ, извѣщая Лепарскаго, 28-го апрѣля 1820 г., о посылкѣ за ремонтъ прапорщика Ладыженскаго и передавая ему просьбу великаго князя взять этого офицера подъ свое покровительство и помочь ему въ исполненіи возложенныхъ на него порученій своими совѣтами и опытностью, графъ еще разъ передаетъ ему лестное о немъ мнѣніе Николая Павловича: „его высочество въ ревности и усердіи вашемъ совершенно увѣренъ, пишетъ онъ, но зная сколь много у васъ уже своихъ обязанностей по командируемому вами полку, не желаетъ обременять васъ еще посторонними“ и т. д.

Эти выписки достаточно объясняютъ намъ причину, вызвавшую назначеніе Лепарскаго, въ 1826 г., на трудную и отвѣтственную должность коменданта нерчинскихъ рудниковъ; оцѣнивъ его рѣдкія нравственныя качества, во время своихъ частыхъ сношеній съ нимъ, какъ съ командиромъ Сѣверскаго полка, Николай Павловичъ, по восшествіи на престолъ, въ трудную для него годину внутреннихъ неурядицъ, вспомнилъ о своемъ прежнемъ товарищѣ по службѣ, извѣстномъ ему съ такой прекрасной стороны, и на немъ остановилъ свой выборъ.

Назначеніе это, сдѣланное по личному выбору государя, притомъ выбору, прибавимъ мы, вполне сознательному, основанному на совершенномъ знакомствѣ съ нравственными качествами избраннаго лица, служить вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣннымъ доказательствомъ рыцарскихъ чувствъ императора Николая Павловича: назначая Лепарскаго комендантомъ нерчинскихъ рудниковъ и дѣлая его ближайшимъ лицомъ къ ссылаемымъ туда государственнымъ преступникамъ, императоръ былъ вполне убѣжденъ, что онъ будетъ имѣть въ немъ не только ревностнаго и точнаго исполнителя своихъ повелѣній, но, главное, исполнителя гуманнаго, способнаго разумно понять его цѣли и намѣренія и привести ихъ въ исполненіе, за что ручалась вся его прошлая жизнь. Поэтому далеко несправедливы слова декабриста Михаила Александровича Бестужева, который говоритъ по поводу назначенія Лепарскаго комендантомъ въ Нерчинскъ слѣдующее:

„Государь зналъ его (Лепарскаго) потому только, что онъ когда-то въ польскую войну счумѣлъ огромную партію конфедератовъ, его соотчичей, довести до мѣста заключенія подъ весьма малымъ конвоемъ. Это обстоятельство дало ему большую цѣну въ глазахъ императора, но мудрое предвидѣніе ошиблось въ одномъ. Подъ генеральскою звѣздою билось благородное сердце. Эту

ошибкою онъ остался въ потерѣ, потому что мы остались живы, а мы выиграли, приобрѣта добраго, умнаго, снисходительнаго тюремщика“. Что государь зналъ Лепарскаго гораздо лучше, нежели предполагалъ М. А. Бестужевъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, а что онъ былъ далекъ отъ мысли стереть декабристовъ съ лица земли—доказываютъ тѣ секретныя предписанія, коими были снабжены лица, приставленные къ этимъ узникамъ; эти предписанія, коими повелѣвалось всячески щадить и оберегать здоровье и жизнь ссыльныхъ, между прочимъ, крайне стѣсняли дѣйствія начальника нерчинскихъ заводовъ, Бурнашева, чело-вѣка въ высшей степени жестокаго и безжалостнаго, который довелъ своихъ узниковъ до открытаго возмущенія¹⁾; онъ неоднократно жаловался и сѣтовалъ на эти секретныя предписанія, не зналъ какъ согласовать ихъ съ другими, официальными, предписаніями и говорилъ, что не будь ихъ, онъ счумѣлъ-бы „вывести всѣхъ узниковъ въ расходъ“.

Подобныхъ, не въ мѣру ревностныхъ, исполнителей царской воли можно было-бы найти не мало.

Слѣдующій рассказъ Муравьева подтверждаетъ какъ нельзя лучше тотъ фактъ, что императоръ Николай Павловичъ, желая казаться, по отношенію къ политическимъ преступникамъ суровымъ и непреклоннымъ, въ душѣ относился къ нимъ съ состраданіемъ и желалъ хоть чѣмъ-нибудь усладить ихъ жизнь въ ссылкѣ.

„Его (государя) вниманіе къ сосланнымъ иногда выражалось въ формѣ весьма своеобразной, пишетъ Муравьевъ, и съ принятіемъ всѣхъ мѣръ, чтобы не возникли слухи о его мягкосердіи; слѣдующій случай подтверждаетъ это.

Бывшій эзекуторъ въ управѣ благочинія, П. Г. Подгорный, служившій прежде въ фельдъегерскомъ корпусѣ, незадолго предъ своею смертію рассказывалъ: „бывъ неоднократно посылаемъ е. в. съ бумагами въ Сибирь, предъ отправленіемъ я обыкновенно призывался въ кабинетъ государя; онъ выдавалъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей съ приказаніемъ купить пудъ чаю, а на остальные деньги Жукова табуку и все раздать въ Сибири сосланнымъ по 14-му декабрю. Отпуская меня, его величество грозилъ пальцемъ, при-молвливая: „но да сохранить тебя Богъ примѣшивать тутъ мое имя,—чтобы ни одна живая душа не знала, что посылка идетъ отъ меня, а если спросятъ отъ кого, то отвѣчай, что изъ Москвы отъ неизвѣстныхъ благодотворителей“.

¹⁾ Известное дѣло Сухинова.

II.

Генераль майоръ С. Р. Лепарскій былъ извѣщенъ о послѣдовавшемъ назначеніи его въ Сибирь слѣдующимъ письмомъ отъ начальника главнаго штаба, барона Дибича, полученнымъ имъ 24-го іюля 1826 г. въ Курскѣ, гдѣ онъ проживалъ послѣ сдачи Сѣверскаго полка новому командиру.

17-го іюля 1826 г.

„М. г. Станиславъ Романовичъ. Государь императоръ, полагаясь въ полной мѣрѣ на правоту вашего лревосходительства, строгія правила чести и преданность вашу къ Престолу, намѣренъ ввѣрить вамъ весьма важный, особенно по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, постъ въ Нерчинскѣ, ибо государственные преступники, требующіе особеннаго надзора строгаго и благоразумнаго, большею частію будутъ находиться въ работахъ въ тамошнихъ рудникахъ,—мѣсто, представляющее вамъ случай обратить на себя особенное вниманіе государя императора и оправдать высочайшую довѣренность. При такомъ назначеніи на сіе мѣсто его величество соизволилъ опредѣлить вамъ жалованья по 8,000 руб. и столовыя деньги по 12,000 р. въ годъ и, сверхъ того, вы можете надѣяться, что его величество уважить просьбу вашу о всемъ томъ, что признаеть нужнымъ къ успокоенію вашему при семъ назначеніи.

„Посему его величеству угодно знать: согласны-ли ваше превосходительство принять сіе мѣсто? О чемъ прошу покорно увѣдомить меня, съ симъ-же фельдъегеремъ, для доклада его величеству. Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр. Иванъ Дибичъ“.

Отвѣчая на это письмо въ тотъ-же день по полученіи его, т. е. 24-го іюля, Лепарскій извѣстилъ барона Дибича о своемъ согласіи принять новое назначеніе, выражая только опасеніе „дозволятъ-ли малыя его способности и пожилая лѣта (ему было въ то время 70 лѣтъ) исполнить порученную обязанность съ такимъ успѣхомъ, каковаго онъ желать долженъ“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ начальника главнаго штаба „объ исходатайствованіи у государя императора отпуска, кромѣ путевыхъ издержекъ, 25 тысячъ рублей“, въ виду его крайне стѣсненныхъ домашнихъ обстоятельствъ, требующихъ, по случаю удаленія его изъ Россіи, уплаты долговъ и устроенія дѣлъ, „съ тѣмъ, чтобы таковая сумма ежегодно пополнялась третью частью изъ назначенныхъ ему жалованья и столовыхъ денегъ“.

На первый взглядъ кажется удивительнымъ, что Лепарскій, командуя тамъ долго кавалерійскимъ полкомъ, веди жизнь умѣренную, не позволяя себѣ никакихъ излишествъ, притомъ не имѣя даже родныхъ, которыхъ ему приходилось-бы поддерживать, не только имѣлъ крупный долгъ, уплатою котораго былъ озабоченъ, но былъ даже вынужденъ продать для устройства своихъ дѣлъ домъ и движимое имущество, которое онъ имѣлъ въ Кіевѣ. „Это обстоятельство объясняется отчасти добротой и снисходительностью старика, который расходовалъ всѣ свои сбереженія на дѣло благотворительности и на помощь ближнему: говорить, что ни одинъ солдатъ его полка не выходилъ въ отставку не обеспеченнымъ для дальнѣйшаго своего существованія“¹⁾, кромѣ того, Лепарскому пришлось, однажды, взять займообразно изрядную сумму денегъ (до 21,000 руб.) на заготовку фуража для полка, вслѣдствіе невысмысли его комиссіею кіевскаго комиссаріатскаго депо; онъ доносилъ объ этомъ своевременно начальству, но хотя переписка по этому дѣлу, какъ видно изъ подлинныхъ документовъ, продолжалась съ 1815 по 1826 г., однако, къ желаемому результату она не привела; денегъ, въ возвратъ израсходованныхъ суммъ, Лепарскій не получилъ, и при сдачѣ полка долженъ былъ пополнить ихъ изъ своего кармана.

Изъ отношенія главнаго штаба отъ 29-го сентября 1826 г., воинъ С. Р. Лепарскій былъ официально извѣщенъ о назначеніи ему по новому мѣсту вышеупомянутаго оклада жалованья и столовыхъ денегъ, мы узнаемъ объ условіяхъ, на которыхъ формировалось новое комендантское управленіе нерчинскихъ рудниковъ.

„Плацъ-маіору, двумъ плацъ-адъютантамъ и лекарю, при назначеніи въ Читѣ, повелѣно производить четверное жалованье, говорится въ этомъ отношеніи, и, сверхъ того, при опредѣленіи дать имъ слѣдующіе чины и выдать не въ зачетъ третное жалованіе по четверному окладу. Послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ службы, по засвидѣтельствѣрованіи начальства, производить въ чины: плацъ-маіора до генераль-маіора, а плацъ-адъютантовъ до маіорскаго чина. Треть писарямъ по канцеляріи (которыхъ Лепарскому разрѣшалось взять изъ иркутскаго военно-сиротскаго отдѣленія по его выбору), назначеннымъ изъ кантонистовъ — жалованье двойное по окладу писарей, одному старшаго и двумъ — младшаго, и по положенію провіантъ и аммуницію“.

¹⁾ Станиславъ Романовичъ Лепарскій. „Русск. Ст.“ 1880 г., т. XXVIII, стр. 723—724.

„Выборъ плацъ-маіора, по высочайшей государя императора волѣ, предоставляется вашему превосходительству изъ армейскихъ капитановъ, въ случаѣ-же, если изъ нихъ желающихъ не будетъ, то дозволяется вамъ въ проѣздъ вашъ на пути пригласить изъ плацъ-маіоровъ городовъ на пути лежащихъ или другихъ офицеровъ капитанскаго чина съ тѣмъ, чтобы того, кто согласится, мѣстное начальство отправило въ то-же время къ новому назначенію, не ожидая отданія въ приказъ и донеся только отъ себя своему начальству“.

Какъ видно, назначеніе должностныхъ лицъ нерчинскаго комендантскаго управленія было обставлено самыми выгодными, съ матеріальной стороны, условіями, что давало возможность привлечь на эту службу лицъ вполне достойныхъ, каковыми и оказались на дѣлѣ всѣ ближайшіе помощники Станислава Романовича. Однимъ изъ первыхъ былъ приглашенъ имъ на должность плацъ-маіора единственный близкій къ нему человекъ, горячо имъ. любимый родной племянникъ его, Осипъ Адамовичъ Лепарскій, служившій въ то время, въ чинѣ капитана, въ Сѣверскомъ полку; предлагая ему служить вмѣстѣ съ нимъ въ Сибири, Станиславъ Романовичъ писалъ ему, 25-го сентября 1826 г., изъ Москвы, слѣдующее: „бывъ назначеннымъ комендантомъ въ Нерчинскъ, соблюдаю по привязанности моея къ тебѣ долгъ родства, дѣлаю тебѣ предложеніе принять тамъ мѣсто плацъ-маіора, ни мало не совѣтуя послѣдовать оному или нѣтъ, ибо ты въ такихъ дѣлахъ, что уже можешь располагать собою весьма зрѣло. Согласіе твое въ томъ мнѣ сдѣлаетъ удовольствіе, а противное тому не обратитъ къ тебѣ моего негодованія и не уменьшитъ моея привязанности“. Перечисливъ извѣстныя уже намъ преимущества, связаннаго съ этою службою, Лепарскій продолжаетъ: „это выгоды; теперь обязанности: надо жить въ отдаленныхъ краяхъ безъ общества благородныхъ людей и находить только удовольствіе въ исполненіи долга службы. Непокоримость вѣрности къ монарху и исполненіе правилъ по моей инструкціи, строгой и человекѣлюбивой“. Перечисленныя въ этомъ письмѣ обязанности ни мало не утрашили Осипа Адамовича, и онъ съ благодарностью принялъ мѣсто, предложенное ему дядею, съ которымъ его связывали самыя искреннія, дружескія отношенія. Какъ человекъ весьма добрый, наслѣдовавшій въ значительной мѣрѣ качества своего дяди, онъ заслужилъ, въ бытность свою въ Сибири, расположеніе всѣхъ декабристовъ, являлся ихъ всегдашнимъ парламентаромъ, ходатаемъ и заступникомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было добиться какой-нибудь уступки или

льготы со стороны коменданта; по смерти Лепарскаго, Осипъ Адамовичъ занималъ нѣкоторое время его мѣсто въ Нерчинскѣ, впоследствии былъ комендантомъ въ Смоленскѣ и Шлиссельбургѣ и въ теченіе своей многолѣтней службы (О. А. скончался 4-го апрѣля 1876 г.) былъ всегда всѣми любимъ и уважаемъ за доброту, ласку и привѣтливость¹⁾.

Итакъ, ближайшимъ, непосредственнымъ начальствомъ декабристовъ во время ихъ ссылки на отдаленной окраинѣ ихъ отечества явились двѣ прекрасныя по своимъ нравственнымъ качествамъ личности, каковыми были С. Р. Лепарскій и его племянникъ. Осипъ Адамовичъ. Въ должность плацъ-адъютантовъ были назначены, по представленію Лепарскаго, штабъ-ротмистръ Куломзинъ, его племянникъ по сестрѣ, уволенный изъ Новгородскаго кирасирскаго полка, и поручикъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка Розенбергъ, произведенный въ штабъ-капитаны. Впоследствии изъ Иркутска были прикомандированы: штабъ-лекаръ Ильинскій²⁾ и священникъ Петръ Громовъ. Вотъ весь составъ комендантскаго управленія нерчинскихъ рудниковъ, не считая писарей, служителей и роты пѣхоты, да полсотни сибирскихъ казаковъ съ ихъ офицерами, которые занимали караулы въ острогѣ.

Генераль-майоръ Лепарскій, снабженный въ Петербургѣ подробною и строгою инструкціею, поспѣшилъ отправиться въ Восточную Сибирь въ томъ-же 1826 году, съ цѣлью приготовить для своихъ узниковъ казематъ тамъ, гдѣ найдетъ болѣе удобнымъ. Передъ отъѣздомъ, онъ представлялся государю въ Москвѣ. „Государь, во время разговора одѣвался и аудіенція продолжалась около часа. Станиславъ Романовичъ вышелъ изъ кабинета очень взволнованнымъ и растроганнымъ; но въ чемъ именно заключались указанія, данныя ему государемъ, объ этомъ онъ никому ничего не сообщилъ“³⁾.

Мысль содержать декабристовъ въ одномъ общемъ острогѣ принадлежитъ бывшему генераль-губернатору Восточной Сибири Лавинскому. Государь, прощаясь съ нимъ послѣ коронаціи въ Москвѣ и разговаривая съ нимъ о декабристахъ, сказала ему между прочимъ:

„Смотри-же, ты отвѣчаешь мнѣ за этихъ господъ!“

¹⁾ С. Р. Лепарскій, „Русск. Стар.“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 723.

²⁾ Ильинскій, уроженецъ Сибири, происходилъ изъ духовнаго званія окончивъ курсъ въ медико-хирургич. отдѣленія Московскаго университета.

³⁾ С. Р. Лепарскій, „Русск. Ст.“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 714.

На это генералъ-губернаторъ отвѣчалъ, что всякій надзоръ за ними будетъ невозможенъ, ежели они будутъ распределены въ различныхъ мѣстахъ различныхъ рудниковъ Сибири; такимъ образомъ, возникла благодѣтельная мысль помѣстить ихъ въ одномъ острогѣ, что, по словамъ самихъ заключенныхъ, было для нихъ спасеніемъ: „соединивъ насъ вмѣстѣ, это дало намъ опору другъ въ другъ, говоритъ М. А. Бестужевъ, и черезъ нашихъ хранителей-дамъ соединило насъ съ тѣмъ міромъ, отъ котораго мы были навсегда оторваны политической смертію, соединило насъ съ родными, дало намъ охоту жить, чтобы не убивать любящихъ насъ и любимыхъ нами, наконецъ, дало намъ матеріальныхъ средства къ существованію; казematъ далъ намъ политическое существованіе за предѣлами политической смерти“.

Во исполненіе этой благой для декабристовъ мѣры, С. Р. Лепарскій, по обозрѣніи Нерчинскаго края, избралъ для нихъ временнаго пріюта селеніе Читу, гдѣ находился старинный острогъ, который можно было приспособить наскоро для пріема первой партіи декабристовъ; впоследствии предполагалось выстроить въ подходящей мѣстности обширную тюрьму, по образцу американской пенитенціарной системы.

„Небольшое селеніе горнозаводскаго вѣдомства, въ 400 верстахъ отъ Нерчинска, лежавшее на большомъ почтовомъ трактѣ, съ ветхою церковью, съ 20 дворами горнозаводскихъ крестьянъ и домоу ихъ управителя, Смольянинова, да съ небольшимъ хлѣбнымъ магазиномъ и амбаромъ для склада угольевъ“—вотъ что представляла собою въ 1826 г., по словамъ декабристовъ, Чита, гдѣ они провели три съ половиною года.

„Селеніе это было расположено между Байкальскими и Нерчинскими горами, на возвышенной мѣстности, съ двухъ сторонъ окруженной горами, при впаденіи р. Читы въ Ингоду климатъ этой мѣстности былъ довольно суровъ, но весьма благоприятный для здоровья, небо почти всегда ясное, за исключеніемъ августа мѣсяца, когда бывали сильныя грозы, а растительная сила почвы неизмѣрная; вообще Читинская долина славилась во всей Сибири своимъ плодородіемъ; читатели „Русской Старины“ помнятъ, безъ сомнѣнія, то, что рассказывала въ своихъ интересныхъ запискахъ, помѣщенныхъ на страницахъ этого изданія, жена декабриста, Прасковья Егоровна Анненкова объ изумительныхъ результатахъ, полученныхъ ею отъ перваго посѣва огородныхъ овощей, изъ коихъ многіе не только не разводились до тѣхъ поръ мѣстными жителями, но были имъ даже совершенно незнакомы.

Жители Читы, „несмотря на самыя благоприятныя условія климата и почвы, были малочисленны и бѣдны“; за время пребыванія декабристовъ въ Читѣ, мѣстечко это совершенно преобразилось и разрослось въ цѣлый городокъ, но благосостояніе его жителей оказалось непрочнымъ; привыкнувъ въ это время къ легкому пріобрѣтенію денегъ, вскорѣ по отъѣздѣ декабристовъ въ Петровскъ они „впали опять въ бѣдность, еще болшую прежней; гнѣвъ пошла объ руку съ пьянствомъ, и такъ прогрессивно упадая, они дожили до той эпохи, когда ихъ бѣдная деревушка была переименована въ уѣздный городъ Забайкальскаго края, а сами они переименованы въ казаковъ и выселены въ Атамановку, въ 12 верстахъ отъ Читы“ ¹⁾).

Генералу Лепарскому, въ самомъ началѣ его служебной дѣятельности въ Читѣ, пришлось быть исполнителемъ весьма тяжелой для него обязанности.

24 мая 1828 г., Нерчинскаго горнаго вѣдомства въ Зарентуйскомъ рудникѣ былъ открытъ, посредствомъ доноса ссыльнаго Казакова, заговоръ ссыльно-каторжныхъ къ побѣгу и произведенію разнаго рода буйствъ, подъ руководствомъ ссыльнаго Ивана Сухинова. Надобно замѣтить, что первые изъ декабристовъ (числомъ двадцать), были отправлены изъ Петербурга не въ Читу, а въ Нерчинскіе заводы, гдѣ содержались и работали разныя другіе преступники; начальникомъ этихъ заводовъ былъ нѣкто Бурнашевъ, человекъ въ высшей степени грубый и жестокий, который всячески притѣснялъ заключенныхъ, доводя строгость до несправедливости; особенно натерѣлись отъ него княгини Трубецкая и Волконская, первая изъ женъ декабристовъ, которыя послѣдовали за своими мужьями въ Сибирь. „Изъ писемъ этихъ лицъ къ роднымъ, въ Петербургъ, тамъ узнали о неистовствахъ Бурнашева, которыя были приняты совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ, потому что онъ потерялъ свое мѣсто и только черезъ длинный промежутокъ времени получилъ другое мѣсто въ Барнаулѣ, гдѣ и умеръ“ ²⁾).

Между тѣмъ ссыльные, выведенные изъ терпѣнія всѣми строгостями и притѣсненіями Бурнашева, рѣшились, подстрекаемые къ тому Сухиновымъ, поднять всѣхъ каторжныхъ, „взять насильственно въ Зарентуйскомъ рудникѣ порохъ, пушки, денежную

¹⁾ Записки М. А. Бестужева (рукопись)

²⁾ Записки Прасковьи Егоровны Анненковой. „Русск. Ст.“ изд. 1888 г., т. LVIII, стр. 373.

казну и идти по прочимъ рудникамъ и заводамъ, разбивать всюду тюрьмы для присоединенія къ себѣ колодниковъ, приглашать и принуждать проживающихъ отдѣльно въ казармахъ рабочихъ ссыльныхъ и ихъ жителей къ общему бунту, истребляя все, что только имъ будетъ противиться, а чиновниковъ, находившихся въ Зарентуйскомъ рудникѣ, забрать въ тюрьму и зажечь оную; усиливъ-же свою разбойничью шайку, пробраться въ Читинскій острогъ, гдѣ освободить государственныхъ преступниковъ, и принять тогда съ ними рѣшительныя мѣры къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ“¹⁾).

Большинство нерчинскихъ рудопоповъ согласилось принять участіе въ возмущеніи и все было уже условлено, когда за день до того утра, въ которое было рѣшено обезоружить караулъ и начать дѣйствовать, одинъ изъ ссыльныхъ, Козаковъ²⁾, открылъ начальнику заводовъ о заговорѣ, и Сухиновъ, съ главными сообщниками, были захвачены и закованы. По донесеніи о случившемся въ Петербургъ, былъ наряженъ военный судъ, коего председателемъ былъ назначенъ комендантъ Лепарскій. Изъ числа обвиняемыхъ шестеро было приговорено (13-го августа 1828 г.) къ смертной казни разстрѣляніемъ, но приговоръ могъ быть исполненъ только по отношенію къ 5 преступникамъ³⁾, такъ какъ шестой, Сухиновъ, наказанъ исполненія приговора, повѣсился въ тюрьмѣ; 13 человекъ были наказаны кнутомъ и плетью и оставлены въ каторжныхъ работахъ. Лепарскому, по должности коменданта Нерчинскихъ рудниковъ, пришлось исполнить приговоръ военного суда по этому дѣлу, что, безъ сомнѣнія, было для него обязанностью весьма тяжелою: „добрѣйшій Лепарскій былъ жестоко разстроенъ этимъ печальнымъ событіемъ, говорила Прасковья Егоровна Анненкова, тѣмъ болѣе, что ему пришлось присутствовать при самомъ исполненіи приговора. Мнѣ пришлось видѣть его тотчасъ по возвращеніи изъ Нерчинска: онъ весь еще находился подъ впечатлѣніемъ казни, и, право, жаль было смотрѣть на бѣднаго старика“.

Послѣ этого событія, трое декабристовъ, находившихся еще въ то время въ нерчинскихъ рудникахъ: Соловьевъ, Мозалевскій и Быстрицкій были немедленно переведены въ Читу.

¹⁾ Изъ доклада коменданта Лепарскаго исправляющему должность начальника Нерчинскихъ заводовъ, бергтауптману фонъ-Фришу, по военно судному дѣлу о возмущеніи ссыльнаго Сухинова съ его сообщниками въ Зарентуйскомъ рудникѣ отъ 29 ноября 1828 г.

²⁾ Онъ былъ убитъ за доносъ другимъ ссыльнымъ—однимъ изъ главныхъ сообщниковъ Сухинова—Голыковымъ.

³⁾ Записки Анненковой, „Русск. Ст.“ изд. 1868 г. т. LVIII, стр. 374.

Въ сентябрѣ 1827 г. былъ оконченъ постройкою новый, но все еще временный Читинскій острогъ, имѣвшій всего четыре комнаты, общія сѣни и дежурную для офицера комнату; въ него была немедленно переведена часть заключенныхъ. Въ началѣ ихъ пребыванія въ Читѣ соблюдались по отношенію къ нимъ большія строгости, смягчаемыя до известной степени справедливымъ и великодушнымъ комендантомъ, но, мало по малу, они начали пользоваться разными льготами и облегченіями, а въ 1828 г., черезъ полтора года по приѣздѣ ихъ въ острогъ, съ заключенныхъ были сняты, по повелѣнію государя, оковы. „8-го іюля, въ день Казанской Божіей Матери, выходя изъ храма, государь приказалъ отправить фельдъегеря въ Читу, съ повелѣніемъ снять желѣзы съ тѣхъ государственныхъ преступниковъ, которые того заслуживали своимъ хорошимъ поведеніемъ. Получивъ это повелѣніе въ началѣ августа, комендантъ рѣшился утайть его на время, пока не получитъ отвѣта на свой запросъ. Онъ донесъ, что всѣ равно отличаются хорошимъ поведеніемъ и испрашивалъ позволенія снять желѣзы со всѣхъ преступниковъ безъ исключенія, что и было ему дозволено ¹⁾, и исполнено съ большою торжественностью, въ его присутствіи.

Въ томъ-же году заключеннымъ было разрѣшено получать русскіе и иностранные журналы и газеты.

Между тѣмъ, приближалась къ концу постройка постоянного острога; сначала предполагали перевести декабристовъ изъ Читы въ Агую, гдѣ находятся главные серебряные рудники, но комендантъ Лепарскій и тутъ явился на стражѣ интересовъ своихъ заключенныхъ и, по осмотрѣ мѣстности, успѣвши донести, что воздухъ ея, постоянно насыщенный вредными испареніями, будетъ пагубнымъ для ихъ здоровья, и вслѣдъ засимъ избралъ для постройки постоянного каземата Петровскій желѣзный заводъ, находившійся недалеко отъ Верхнеудинска, всего въ 200 в. отъ Иркутска, въ весьма здоровой, гористой мѣстности, гдѣ и былъ, наконецъ, выстроенъ обширный острогъ; въ сентябрѣ мѣсяцѣ декабристы простились съ Читой и пустились въ путь на новое мѣсто ихъ жительства, въ Петровскій заводъ.

¹⁾ Зап. бар. Розена, стр. 233,

III.

Вновь построенный въ Петровскомъ заводѣ казематъ представлялъ собою „огромное строеніе, на высокомъ каменномъ фундаментѣ о трехъ фасадахъ, изъ коихъ главный былъ вдвое длиннѣе боковыхъ; наружныя стѣны его не имѣли оконъ, только въ срединѣ передняго фасада было продѣлано нѣсколько оконъ въ выдавшейся пристройкѣ, гдѣ была караульня, гауптвахта и единственный входъ. Высокій частоколь раздѣлялъ все внутреннее пространство на 8 отдѣльныхъ дворовъ; каждый дворъ имѣлъ свои особенныя ворота; въ каждомъ отдѣленіи было помѣщено 5 или 6 арестантовъ. Каждое крыльцо вело въ свѣтлый коридоръ, шириною въ 4 арш.; въ немъ, на разстояніи 2-хъ сажень, находились двери въ отдѣльныя кельи, каждая изъ нихъ имѣла 7 арш. длины и 6 ширины, но онѣ были почти совершенно темныя, оттого что получали свѣтъ изъ коридора чрезъ окно, прорубленное надъ дверью и забитое рѣшеткою ¹⁾. Два отдѣленія въ тюрьмѣ, 1-е и 12-е, какъ крайнія, были назначены для женатыхъ“ ²⁾.

Въ бумагахъ С. Р. Лепарскаго сохранился общій видъ Петровскаго завода и 7 отдѣльныхъ его видовъ, а также видъ Читинскаго острога; изъ нѣсколькихъ официальныхъ бумагъ, за собственноручною подписью коменданта, сохранившихся вмѣстѣ съ этими видами, мы знакомимся съ порядками, соблюдавшимися въ Петровскомъ казематѣ.

Таковы: а) инструкція дежурному по карауламъ при арестантской казармѣ офицеру ко всегдашнему исполненію (отъ 17-го сентября 1830 г.), б) приказъ дежурному по карауламъ офицеру, какому порядкомъ приказать топить печи арестантскихъ комнатъ и во всѣхъ караульныхъ (отъ 4-го октября 1830 г.), в) приказъ дежурнымъ офицерамъ при караулахъ арестантской казармы (отъ 15-го октября 1831 г.), г) приказъ отъ 22-го іюня 1832 г., относительно порядка свиданія женатыхъ заключенныхъ съ ихъ семействами, д) списокъ государственныхъ преступниковъ, съ означеніемъ очередной работы (отъ 21-го марта 1837 г.), и нѣкоторыя другія бумаги.

Изъ этихъ документовъ мы узнаемъ, напр., что дежурному по карауламъ офицеру строго вмѣнялось въ обязанность ни въ какомъ

¹⁾ Впослѣдствіи, по просьбѣ декабристовъ, изъ коихъ многіе начали страдать глазами, въ казематахъ были прорублены окна.

²⁾ Записки бар. Розена, стр. 252.

случаѣ не отлучаться изъ казармы, ни днемъ, ни ночью. Въ 10 часовъ вечера, во всѣхъ арестантскихъ казематахъ предписывалось тушить свѣчи и запирать двери задвижками и замками, кромѣ тѣхъ, гдѣ будутъ тяжело больные; по утру, въ 6 часовъ, отпирать всѣ комнаты и дозволять зажигать свѣчи, но, до пробитія зари, арестанты не имѣли право ходить изъ одного отдѣленія въ другое, равнымъ образомъ и послѣ пробитія вечерней зари. Въ 6 часовъ утра было приказано затапливать всѣ печи, полагая по 8 полѣнъ въ каждую печь; если-же кто изъ арестантовъ пожелаетъ другой разъ топить въ сутки, говорилось въ инструкціи, то сіе дѣлать послѣ обѣда, въ 4 часа, и отнюдь не позже. Въ 7 часовъ утра дежурный офицеръ долженъ былъ обойти всѣ комнаты, осмотрѣть всѣ-ли арестанты по мѣстамъ, не заболѣлъ-ли кто изъ нихъ. Днемъ онъ былъ обязанъ посылать чрезъ каждыя часъ младшаго унтеръ-офицера или ефрейтора съ рядовымъ по всѣмъ отдѣленіямъ, для смотрѣнія за порядкомъ; ночью-же, съ унтеръ-офицеромъ долженъ былъ посылать по два рядовыхъ въ обходъ съ фонарями каждыя часъ, для порядка и смотрѣнія не зажегъ-ли кто изъ арестантовъ въ комнатахъ огня.

Весьма подробно изложены въ этихъ инструкціяхъ обязанности сторожей и правила для часовыхъ, которымъ предписывалось лишняго съ арестантами не говорить и не разсуждать ничего; никому изъ солдатъ не дѣлать преступникамъ грубостей, не заводить съ ними ссоръ, не чинить имъ ни въ чемъ упрековъ, не принимать отъ нихъ и ихъ женъ подарковъ вещами или съѣстными припасами.

Вначалѣ было предписано комендантомъ всѣ комнаты запирать на ночь замками, но это распоряженіе было вскорѣ отмѣнено, какъ занимавшее слишкомъ много времени, и велѣно было запирать только дворы отдѣленій, а на кухнѣ разрѣшалось имѣть ночью на очагѣ небольшой огонь для теплой воды и припарокъ для больныхъ.

Два раза въ день арестантовъ выводили на работы земляныя, внѣ стѣнъ острога; но они „работали по силамъ, безъ принужденія, и этимъ снисхожденіемъ были обязаны коменданту, который на свое представленіе о томъ, что декабристы, послѣ продолжительнаго путешествія и долговременнаго содержанія въ крѣпости, не въ состояніи совершать усиленную работу, что между ними есть люди пожилые и слабago здоровья и раненые, получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе, за подписью А. Х. Бенкендорфа, поступать относительно работъ по своему соображенію.

Послѣ этого декабристы de facto были освобождены отъ работъ,

но для соблюденія правилъ, наложенныхъ въ инструкціяхъ въ Петровскомъ заводѣ, было устроено нѣсколько мельницъ въ саду казармы, куда, по очередному списку, преступники, въ сопровожденіи конвойныхъ, отправлялись на работу, хотя эту работу производили тѣ-же конвойные, а ихъ спутники занимались садоводствомъ, огородничествомъ или-же просто прогулкою¹⁾.

Что касается внутренняго быта декабристовъ, во время ихъ пребыванія въ Сибири, то они не были стѣснены комендантомъ въ выборѣ занятій и въ препровожденіи времени; во дворѣ Петровскаго острога было разрѣшено впослѣдствіи выстроить два домика, въ которыхъ помѣстили станки столярные, токарные и переплетные, рояль и фортепiano²⁾; нѣкоторые узники имѣли тамъ и другіе инструменты; такъ, напр., *Θ. Θ. Вадковскій* игралъ на скрипкѣ, *П. Н. Свистуновъ* на виолончель, *А. П. Юшневскій* на рояль; иные, какъ, напр., *Н. А. Бестужевъ*, занимались живописью, писали со своихъ товарищей портреты; нѣкоторые изучали языки; *Ф. Б. Вольфъ*, бывший докторъ медицины, получилъ разрѣшеніе лечить въ острогѣ и его окрестностяхъ, для чего могъ во всякое время выходить изъ тюрьмы, въ сопровожденіи караульнаго вѣстового³⁾.

Въ свиданію мужей съ женами Лепарскій относился довольно снисходительно; вначалѣ ихъ отпускали къ женамъ только въ случаѣ серьезной болѣзни послѣднихъ, а жены имѣли право ходить на свиданіе черезъ два дня въ третій; но уже на второй годъ мужей стали отпускать къ женамъ на квартиру каждый день; только на ночь они должны были возвращаться въ острогъ⁴⁾.

Необходимо, наконецъ, отмѣтить заботы коменданта объ устройствѣ артельнаго хозяйства въ казематѣ; но такъ какъ объ этомъ предметѣ писали весьма подробно въ своихъ запискахъ рѣшительно всѣ декабристы, то было-бы излишне повторять здѣсь весь ходъ организаціи этой артели; достаточно напомнить, что, несмотря на огромныя суммы, которыя тратились казною на содержаніе петровскихъ узниковъ⁵⁾, однимъ казеннымъ содержаніемъ пропитать и

¹⁾ Станисл. Роман. Лепарскій. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 618.

²⁾ Зап. бар. Розена, стр. 230.

³⁾ Зап. бар. Розена, стр. 257.

⁴⁾ Зап. Анненковой. „Русск. Стар.“ 1888 г., т. LVIII, стр. 24 и 371.

⁵⁾ На содержаніе ихъ съ 1827 по 1838 годъ надержано казною 70,032 р. 51 к., слѣдовательно, на каждый годъ среднимъ числомъ приходилось 6,371 р. 14 коп. Кроме того, постройка Петровскаго каземата обошлась 33,689 р. 83 к.

одѣтъ себя имъ было невозможно, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, „по бѣдности родныхъ, не получали отъ нихъ никакого вспоможенія и бывъ, по постановленію, всегда запертыми въ казематѣ, лишены были способовъ что-либо заработать трудами рукъ своихъ“¹⁾; просить отъ казны прибавки содержанія небогатымъ Лепарскій не рѣшался, опасаясь повредить этимъ другимъ, такъ какъ это могло-бы повести къ „ограниченію новыми правилами присылки въ Сибирь денегъ для арестантовъ и ихъ женъ“; на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, онъ предложилъ имъ устроить хозяйство на артельныхъ началахъ.

Любопытны цифры, приводимыя Лепарскимъ о количествѣ денегъ, которыя тратились узниками въ Сибири, гдѣ, какъ извѣстно, богатые дѣлились всѣмъ, что имѣли, съ неимущими своими товарищами. Съ 1827 по 1833 годъ декабристами было получено, кромѣ массы посылокъ книгами и вещами, 183,272 р., въ общей сложности на 66 человѣкъ, а съ 1833 по 1838 г., по выходѣ многихъ на поселеніе, оставшіеся 39 человѣкъ получили изъ Россіи 163,350 руб., что составляетъ въ общемъ, съ 1827 по 1838 г., до 346,622 р. (съ копейками); въ то-же время женами ихъ получено отъ родныхъ 778,135 р. Всѣ эти деньги отсылались, въ бытность преступниковъ въ читинскомъ острогѣ, къ находившемуся тамъ комиссіонеру нерчинскихъ горныхъ заводовъ, а по перемѣщеніи ихъ въ Петровскій заводъ—къ управляющему онымъ, для храненія съ прочими заводскими казенными суммами и для употребленія, съ разрѣшенія коменданта, на ихъ необходимыя потребности. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1833 г. послѣдовало отъ шефа жандармовъ предписаніе коменданту рудниковъ пересылать деньги, получаемыя на имя государственныхъ преступниковъ, если сумма ихъ превыситъ 10,000 рублей, на храненіе въ иркутскій приказъ общественнаго призрѣнія.

Относительно храненія и расходованія этихъ денегъ велась строгая отчетность; выдавая ихъ узникамъ и женамъ ихъ, по мѣрѣ надобности, Лепарскій требовалъ отъ нихъ всякій разъ письменнаго отчета въ израсходованной суммѣ. Въ казематѣ были придуманы для этого разныя уловки, на которыя комендантъ смотрѣлъ сквозь пальцы, требуя только, чтобы ему былъ представленъ подробный отчетъ въ истраченныхъ деньгахъ и не заботясь, истрачены-ли

¹⁾ Предложеніе Лепарскаго заключеннымъ объ устройствѣ хозяйства на артельномъ началѣ, 1830 г.

онъ именно на тотъ предметъ, на который были показаны въ отчетѣ ¹⁾).

Кромѣ контроля за денежными расходами декабристовъ, Лепарскій былъ обязавъ прочитывать ихъ письма, которыя они должны были отдавать ему не запечатанными; эти письма шли затѣмъ черезъ III отдѣленіе; наконецъ, онъ долженъ былъ просматривать и всѣ книги, высылаемыясылынымъ изъ Россіи. Не имѣя физической возможности исполнить это предписаніе, тѣмъ болѣе, что иногда попадались книги на иностранныхъ языкахъ, ему неизвѣстныхъ, Лепарскій не желалъ въ то-же время удерживать книгу у себя и тѣмъ лишать узниковъ единственнаго ихъ утѣшенія—что многіе сдѣлали-бы, вѣроятно, на его мѣстѣ—онъ придумалъ для себя формулу, разрѣшавшую недоразумѣніе, къ обоюдному удовольствію,—и въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣсть не позволяла ему писать на книгѣ „читалъ“, онъ писалъ характеристичное слово „выдалъ“; „книги съ этою надписью нѣсколько разъ попадались мнѣ въ руки въ Сибири“, говоритъ очевидецъ, М. Л. Дубецкій, въ своей замѣткѣ о портретѣ С. Р. Лепарскаго, сообщенной имъ редакціи „Русской Старини“.

Всѣ приведенные нами факты характеризуютъ глубокую и сердечную заботливость Станислава Романовича о своихъ узникахъ, заботливость чисто отеческую, клонившуюся къ тому, чтобы облегчить имъ, по мѣрѣ возможности, пребываніе въ острогѣ; судя по нимъ, можно сказать, что личность его была двойственная: съ формальной, такъ сказать съ официальной стороны, это былъ угрюмый, неприступный генералъ, привыкшій командовать и требовать непрекословнаго повиновенія; въ обыденной жизни—старикъ образованный, внимательный и снисходительный, способный горячо сочувствовать горю“. „Онъ былъ строгъ и придирчивъ къ малѣйшимъ мелочамъ внѣшняго порядка, къ исполненію установленныхъ формальностей и обрядовъ; но зато не стѣснялъ свободы внутренней жизни каземата“. „Въ помѣщеніе декабристовъ Станиславъ Романовичъ заходилъ рѣдко и всегда во всеоружіи власти и комендантскаго достоинства. Различныя просьбы отъ декабристовъ онъ выслушивалъ угрюмо и строго, и для всѣхъ у него былъ всегда одинъ отвѣтъ: „не могу“. Это прозвище было дано ему жителями каземата и за нимъ осталось. Жень декабристовъ комендантъ принималъ не иначе, какъ стоя, съ угрюмостью стараго солдата; но отправляясь къ нимъ съ визитомъ, онъ держалъ себя

¹⁾ Записки Якушкина

свѣтскимъ человѣкомъ, былъ любезенъ и доступенъ ко всевозможнымъ просьбамъ и желаніямъ“¹⁾).

Кромѣ врожденной доброты и гуманности, старикъ Лепарскій обладалъ удивительнымъ хладнокровіемъ и умѣніемъ владѣть собою,—качество неощнимое при его частыхъ столкновеніяхъ съ узниками, которые вначалѣ относились къ нему недоувѣрчиво и даже враждебно, и при посѣщеніи имъ каземата осыпали его градомъ упрековъ и укоризнъ, на что онъ съ кротостью говорилъ имъ: „Messieurs, je vous en prie, grondez - moi en français, les soldats peuvent vous entendre“, или: „messieurs, venez chez moi, alors vous pouvez me gronder même en russe“²⁾).

„Всякій другой генералъ,—русскій, нѣмецъ, полякъ, но не Лепарскій,—не въ состояніи былъ-бы сохранить настолько хладнокровія и терпѣнія, чтобы выдерживать ежедневно, ежечасно бурныя столкновенія съ сотнею горячихъ головъ, раздражительныхъ, съ неугомонившимся самолюбіемъ и поставленныхъ въ неестественное, напряженное состояніе. Половина изъ насъ была-бы разстрѣлена, другая еще того хуже—была-бы обречена на болѣе постыдное наказаніе“, такъ говорилъ въ своихъ запискахъ декабристъ М. А. Бестужевъ.

Трудность и щекотливость своего положенія какъ нельзя лучше понималъ самъ Лепарскій; по словамъ барона Розена, когда ему, въ качествѣ хозяина или старосты артели, приходилось бывать у коменданта по общимъ нуждамъ, тотъ часто заговаривалъ съ нимъ о своемъ странномъ положеніи: „что скажутъ и напишутъ обо мнѣ въ Европѣ? говорилъ онъ. Скажутъ, что я бездушный тюремщикъ, палачъ, притѣснитель, а я дорожу этимъ мѣстомъ только для того, чтобы защитить васъ отъ худшихъ притѣснителей, отъ несправедливостей безсовѣстныхъ чиновниковъ. Какая польза мнѣ отъ полученныхъ чиновъ и звѣздъ, когда здѣсь некому показать? Дай Богъ, чтобы меня скорѣе освободили отсюда, но только вмѣстѣ съ вами“³⁾).

Эти слова были непритворны, они шли у старика изъ глубины души; такимъ онъ остался до самой кончины своей, заслуживъ, съ теченіемъ времени, искреннее, неподдѣльное расположеніе своихъ узниковъ.

¹⁾ Ст. Р. Лепарскій. „Русск. Стар.“ 1880 т., т. XXIX, стр. 719.

²⁾ „Господа, прошу васъ, браните меня по-французски, солдаты могутъ васъ услышать“, или: „господа, приходите ко мнѣ, тогда вы можете бранить меня даже по-русски“.

³⁾ Зап. бар. Розена, стр. 234.

Впрочемъ, Лепарскій не ограничивалъ своихъ заботъ о декабристахъ только временемъ ихъ пребыванія подъ непосредственнымъ его начальствомъ: какъ видно изъ писемъ его къ генераль-губернатору Восточной Сибири, Броневскому и къ родственникамъ самихъ декабристовъ, онъ принималъ живое участіе въ ихъ дальнѣйшей судьбѣ и по выходѣ ихъ изъ каземата, въ бытность ихъ на поселеніи.

Такъ, напримѣръ, отвѣчая 6-го января 1835 г. на письмо отца декабриста кн. Оболенскаго и поблагодаривъ его за поздравленіе съ Новымъ годомъ, онъ пишетъ:

„Затѣмъ обращаюсь къ предмету наиболѣе близкому сердцу нѣжнаго отца, оплакивающаго судьбу несчастнаго сына, въ которомъ, по долгу человѣчества, принимаю искреннее участіе. Помышляя объ его будущности, я всегда обращалъ вниманіе на тѣ-же самыя обстоятельства, которыя ваше сіятельство въ письмѣ своемъ изъясняете. При недавнемъ свиданіи съ И. Б. Цейдлеромъ, я просилъ его внушить сыну вашему отъ моего имени, сколько необходимо убѣдить тетушку его, Варвару Александровну, дабы обезпечили будущее его содержаніе; къ сему представляется одно только средство, состоящее въ томъ, чтобы при жизни своей она положила въ сохранную казну капиталъ, съ такою оговоркою, чтобы слѣдующіе съ онаго проценты выдаваемы были ежегодно на содержаніе сына вашего, по жизнь его; а дабы еще болѣе упрочить его будущность, надлежитъ распространить полученіе сихъ процентовъ на его дѣтей и на все его потомство (если-бы онъ вздумалъ когда-либо жениться). Безъ такого распоряженія ожидаетъ сына вашего въ заточеніи совершенная нищета... Я совѣтую черезъ Ивана Богдановича представить все это Варварѣ Александровнѣ не въ однихъ только законическихъ выраженіяхъ, а именно въ такомъ видѣ, какъ оно дѣйствительно быть можетъ. О дозволеніи-же учинить таковое распоряженіе нѣтъ никакой надобности утруждать правительство, такъ какъ каждому предоставлено право располагать своими деньгами, отдавая оныя кому заблагоразсудится... Сынъ вашъ лишенъ, по законамъ, права на прежнее свое имущество, но не лишенъ права на состраданіе ближнихъ и родственниковъ. Правительство, вмѣсто того, чтобы возбранять ему пользоваться ихъ вспомошествованіемъ, напротивъ, само подаетъ тому примѣръ, опредѣляя пособіе всѣмъ ссыльнымъ и нуждающимся поселенцамъ“.

По счастливому, для декабристовъ, стеченію обстоятельствъ, генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, во время ихъ ссылки въ этотъ край, былъ назначенъ ген.-лейт. Сем. Богд. Броневскій, человѣкъ весьма образованный и развитый, который также принялъ

въ ихъ судьбѣ большое участіе и былъ готовъ со своей стороны оказать имъ и ихъ женамъ всякое содѣйствіе.

Семенъ Богдановичъ Броневскій прибылъ на службу въ Сибирь въ 1808 г., 22-хъ лѣтъ отъ роду, въ чинѣ поручика; во время поѣздки въ этотъ край Сперанскаго, имѣвшей цѣлью составленіе для Сибири новаго положенія, молодой офицеръ, своими способностями обратилъ на себя вниманіе этого сановника и по его представленію былъ назначенъ, уже въ чинѣ полковника, первымъ начальникомъ вновь открытой Омской области; будучи впоследствии лично извѣстенъ императору Николаю Павловичу, онъ былъ назначенъ имъ на постъ генераль-губернатора Восточной Сибири, и ознаменовалъ свою дѣятельность многими благими мѣропріятіями; между прочимъ, онъ первый основалъ русскія колоніи въ Сибирской степи и привелъ въ исполненіе мысль правительства объ образованіи военныхъ силъ въ Восточной Сибири. Прослуживъ въ Сибири 29 лѣтъ, Семенъ Богдановичъ возвратился въ Россію въ 1837 г. генераль-лейтенантомъ и сенаторомъ, и остатокъ дней своихъ провелъ въ отставкѣ, въ Петербургѣ, гдѣ онъ скончался 14-го февраля 1858 г.

Во время пребыванія въ Сибири декабристовъ, Семенъ Богдановичъ по службѣ имѣлъ частыя сношенія съ комендантомъ перчинскихъ рудниковъ и велъ съ нимъ довольно частую, неофициальную переписку по поводу его узниковъ, для которыхъ онъ исполнялъ разныя порученія. Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ, хотя не имѣющихъ особеннаго интереса, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ для насъ какъ доказательство того сердечнаго участія, которое принималъ въ декабристахъ генераль-губернаторъ, что, безъ сомнѣнія, также не мало способствовало къ облегченію ихъ участи, доставляя имъ нѣкоторыя удобства и льготы, которыми они иначе не могли-бы воспользоваться.

30-го сентября 1830 г. генераль-губернаторъ писалъ С. Р. Лепарскому: „хотя всякое приличіе требуетъ, чтобы я отвѣчалъ княгинямъ Волконской и Трубецкой на ихъ письма, но, слѣдуя установленнымъ правиламъ, я долженъ воздержаться и ходатайствую позволенія вашего превосходительства чрезъ васъ засвидѣтельствовать имъ мое почтеніе и благодарность за привѣтливость и увѣрить ихъ, что я ничего не упущу, что по правиламъ представится возможнымъ сдѣлать къ ихъ удовольствію... Покупки, какія для нихъ нужно сдѣлать въ Иркутскѣ, если будетъ ваше дозволеніе, пусть мнѣ заказываютъ, я поручу надежному человѣку,

который купить и отправить къ вамъ... Транспортъ для княгини (Трубецкой) изъ Петербурга, съ разными предметами, пришелъ сегодня и я тороплю отправить, чтобы жидкости не померзли. Корреспонденція въ Россію и оттуда взаимно идетъ и будетъ идти исправно, безъ всякаго промедленія, ибо я знаю по себѣ, какъ это пріятно на чужбинѣ“.

Въ 1836 г., когда большая часть петровскихъ узниковъ собиралась оставить казематъ и отправиться на поселенія, Броневскій не отказался принять на себя нѣкоторыя хлопоты по ихъ перемѣщенію; между прочимъ, онъ былъ озабоченъ присканіемъ экипажа для г-жи Муравьевой.

„Прощенные преступники, я чаю, нетерпѣливо ожидаютъ своего выѣзда, пишетъ онъ по этому поводу Лепарскому 22 апрѣля 1836 г., но это не можетъ послѣдовать прежде утвержденія мѣстъ ихъ водворенія, что въ скорости должно быть отъ гр. Бенкендорфа...

„Позвольте обременить васъ, Станиславъ Романовичъ, нѣкоторыми обстоятельствами, до вашихъ узниковъ касающимися. Сильныя хлопоты я имѣлъ отыскать и исправить разможденную карету для внучки г-жи Муравьевой. Это угодно было г-жѣ Уваровой, которая, зная, что новая карета отправлена на долгихъ изъ Москвы и по скорому разрѣшенію, воспослѣдовавшему „о прощеніи“, не успѣвъ во-время, обязала меня какъ можно скорѣе отправить ее къ вамъ. Я уѣхалъ въ Якутскъ, отдавъ нужныя здѣсь приказанія поспѣшить отправленіемъ кареты, а между тѣмъ и новая пріѣхала и теперь вмѣсто одной — двѣ. И я, право, не виноватъ, что ввелъ въ излишнія издержки“.

„Узники, бывшіе у васъ, кое-какъ размѣстились ¹⁾, извѣщаетъ онъ коменданта 14 декабря 1836 г., „но не совершенно довольны мѣстами. Муравьевы въ 18 верстахъ отъ Иркутска, въ селеніи Урикѣ, и съ ними Вольфъ, Лунинъ, да ожидаемъ Волконскихъ. Эта позиція обращаетъ вниманіе разныхъ иркутскихъ мудрецовъ. Митьковъ недавно по самой удобной дорогѣ переѣхалъ на житье въ Красноярскъ, но здоровье его не весьма удовлетворительно“, и т. д.

Четыре съ небольшимъ мѣсяца спустя по полученіи этого письма, Станислава Романовича не стало: 30 мая 1837 года его поразилъ ударъ и ровно черезъ двадцать сутокъ, т. е. 17-го іюня, онъ тихо скончался на рукахъ своего племянника Осипа Адамовича Лепарскаго, 84-хъ лѣтъ отъ роду, и похороненъ въ оградѣ

¹⁾ На поселеніи.

церкви св. Петра и Павла въ Петровскомъ соборѣ; могила его украшена памятникомъ, въ видѣ чугунаго креста съ якоремъ. Замѣчательно, что Лепарскій, будучи полякомъ, во всю свою жизнь ни одной строки не написалъ, ни одного слова не сказалъ на польскомъ языкѣ, и только передъ смертію, за нѣсколько часовъ до того, когда онъ лишился языка, онъ заговорилъ съ племянникомъ ласково и тепло на своемъ родномъ языкѣ¹⁾.

О томъ, какъ относились декабристы къ памяти своего покойнаго коменданта, съ какою любовью вспоминали о немъ послѣ его смерти—свидѣтельствуютъ письма и записочки ихъ, найденныя въ бумагахъ Осипа Адамовича, писанныя ими въ 1838 г., по случаю его отъѣзда изъ Петровскаго завода, который онъ покинулъ, напутствуемый благословеніями декабристовъ. Таковы письма Арт. Зах. Муравьева, Якубовича, Давыдова, Энтальцевой, позднѣе (1858 г.) письмо Оболенскаго и др.

„Не могу до сей минуты привыкнуть къ мысли, что съ вами, добрѣйшій и благороднѣйшій другъ мой Осипъ Адамовичъ, расстаемся, и расстаемся, вѣроятно, на вѣки, пишетъ ему Артамонъ Захарьевичъ Муравьевъ; прощайте-же, почтеннѣйшій мой другъ, не забывайте того, который близокъ вамъ по многимъ обстоятельствамъ; одно то, что мы стояли вмѣстѣ у смертнаго одра незабвеннаго Станислава Романовича, достаточно, чтобы сблизить насъ, какъ родныхъ. Дай вамъ Богъ всѣхъ благъ, всего счастья, вами такъ заслуженнаго. Вы оставили память прочную въ Петровской тюрьмѣ, жители которой за васъ вѣрно всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ будутъ молиться... Не забывайте, повторяю вамъ со слезами, того, который всею душою любитъ и чтитъ васъ какъ почтеннѣйшаго человека. По гробъ вашъ Артамонъ Муравьевъ“.

Не менѣе тепло и дружественно отнесся къ Осипу Адамовичу и Якубовичъ.

„Добрѣйшій Осипъ Адамовичъ“,—пишетъ онъ, узнавъ объ отъѣздѣ изъ Петровска плацъ-маіора Лепарскаго,—„Петръ Александровичъ увѣдомилъ меня, что вы будете не одинъ дома; это извѣстіе лишаетъ меня истиннаго сердечнаго удовольствія подъ вашимъ кровомъ сказать, что чувствую и буду чувствовать до могилы къ памяти добродѣтельнаго Станислава Романовича и къ вамъ за все, что вы дѣлали для меня. Душою васъ уважающій и преданный А. Якубовичъ“.

Эта записочка безъ даты, но писана, очевидно, 18 февраля

¹⁾ С. Р. Лепарскій, ст. Кучаева. „Р.;Ст.“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 719.

1838 г., такъ какъ этимъ числомъ помѣчена приписка, сдѣланная на ней рукою Давыдова, который просилъ Осипа Адамовича сдѣлать ему „удовольствіе отобѣдать у него на слѣдующій день или назначить какой-либо другой на этой недѣлѣ — для насъ все равно, говоритъ Давыдовъ, лишь-бы васъ залучить къ себѣ и побесѣдовать на просторѣ съ человѣкомъ, котораго мы любимъ и уважаемъ всею душою“.

„Вы насъ оставляете, добрѣйшій Осипъ Адамовичъ, пишетъ Якубовичъ въ письмѣ (отъ 15 марта 1838 г.) и я быть можетъ въ послѣдній разъ пишу къ вамъ, а навѣрно могу полагать, что до гробовой доски не увидимся и потому позволяю себѣ сказа ть что память добродѣтельнаго покойнаго вашего дяди и вы никогда не изгладится изъ памяти моей души; бѣдный узникъ, послѣ 12 лѣтъ заключенія и каторжной работы, если призна-телемъ къ памяти умершаго коменданта и бывшаго плацъ-маіора, то, вѣрно, ихъ обоихъ Богъ одарилъ душою возвышенною, сердцемъ благороднымъ“. Кромѣ этихъ двухъ писемъ Якубовича, свидѣтельствующихъ о доброй памяти, которую оставили въ его сердцѣ оба Лепарскіе, дядя и племянникъ, сохранилась еще одна записочка, указывающая на дружественныя отношенія, существовавшія между нимъ и Осипомъ Адамовичемъ. Записка эта была написана имъ еще при жизни коменданта Лепарскаго; онъ поздравляетъ въ ней плацъ-маіора съ Пасхою ¹⁾, благодаритъ за присланный куличъ и проситъ передать отъ него поздравленіе Станиславу Романовичу.

Надъ письмомъ находится виньетка, изображающая ангела, изъ котораго вылетаютъ слова: „Христосъ Воскресе!“

„Не только я, но и мой ангелъ хранитель Христа славить“, поясняетъ Якубовичъ эту виньетку.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ сохранилась шутливая картинка, рисованная также Якубовичемъ, въ которой фигурируетъ маіоръ Казимірскій, преемникъ Осипа Адамовича въ должности плацъ-маіора Петровскаго острога; по свидѣтельству декабристовъ, онъ былъ человѣкъ „въ полномъ смыслѣ благородный и заслужилъ всеобщую пріязнь, несмотря на свой голубой мундиръ“. Особеннымъ расположеніемъ Казимірскаго пользовались братья Николай и Михаилъ Александровичи Бестужевы, которые часто бывали у него въ Петровскѣ и продолжали съ нимъ знакомство по выходѣ на поселеніе. По его усиленнымъ просьбамъ, Н. А. Бестужевъ ѣздилъ для свиданія съ нимъ даже въ Иркутскъ, когда онъ, какъ окруж-

¹⁾ Какого года—неизвѣстно, такъ какъ письмо не имѣетъ даты.

ной жандармскій генераль, объѣзжалъ по обязанности службы свой округъ. Вышеупомянутая картинка изображаетъ Якубовича въ колоды, которую затягиваетъ цѣпью Казимірскій, одѣтый въ полную форму и въ треугольной шляпѣ. Портреты того и другаго отличаются большимъ сходствомъ.

Всѣ эти картинки и письма декабристовъ указываютъ несомнѣнно на дружественныя отношенія, существовавшія между казематскимъ начальствомъ и его узниками. Чтобы исчерпать находящійся передъ нами матеріалъ для характеристики отношенія декабристовъ къ памяти С. Р. Лепарскаго, намъ остается привести еще двѣ записки В. Давыдова и княгини Трубецкой, писанныя тому-же Осипу Адамовичу Лепарскому, по поводу его отъѣзда, и письмо, въ нему-же, князя Е. П. Оболенскаго, особенно интересное потому, что оно помѣчено 1858 годомъ, слѣдовательно, было писано 21 годъ спустя послѣ отъѣзда Осипа Адамовича изъ Сибири; если кто-либо могъ-бы заподозрить искренность всѣхъ прочихъ писемъ, на томъ основаніи, что декабристы, при отъѣздѣ Осипа Адамовича изъ Петровскаго завода, могли еще находиться подъ его вліяніемъ и, можетъ быть, до извѣстной степени нуждались въ немъ, такъ какъ ему были даны различныя порученія въ Россію, то этого отнюдь нельзя сказать о письмѣ, адресованномъ ему по прошествіи 20-ти слишкомъ лѣтъ; вотъ это интересное, во многихъ отношеніяхъ, письмо, продиктованное, несомнѣнно, самымъ искреннимъ чувствомъ, сохранившимся неизмѣнно въ теченіе долгихъ лѣтъ.

Калуга, 24-го мая 1858 г.

„Почтеннѣйшій и многоуважаемый Осипъ Адамовичъ, хочу вамъ напомнить вашего стараго знакомаго, во времена былыя, давно прошедшія, имѣвшаго случай неоднократно видѣть въ васъ и участіе искреннее и сердце готовое отвѣтить чувству искреннему и и готовность всегдашнюю помочь въ скорби и оказать услугу, и скажу вамъ, что ваша память сохранилась неизмѣнно во всѣхъ сибирскихъ вашихъ знакомыхъ, съ тою-же свѣжестью чувства, съ которымъ они васъ встрѣчали, когда въ дни труда и години испытанія вы приходили къ нимъ со словомъ утѣшенія и съ готовымъ отвѣтомъ на всякое доброе. Не одинъ разъ старался узнать о вашей послѣдующей службѣ, когда мы съ вами разстались, едва-ли не въ 1837 г., и послѣ нѣсколько лѣтъ; наконецъ, съ радостью увидѣлъ я ваше назначеніе комендантомъ въ Смоленскъ. Вслѣдъ затѣмъ услышалъ и о вашей женитьбѣ и порадовался за васъ. Между тѣмъ, года протекли и вотъ уже болѣе 20-ти лѣтъ протекло

со дня нашего разстанія: и вы и я—мы постарѣли: я болѣе вашего, потому что былъ во время нашего знакомства не однимъ годомъ старше васъ и мнѣ теперь 62 года и я женатъ съ 1846 года и у меня дѣти—четверыхъ оставилъ въ землѣ сибирской, двухъ молодыхъ князей—милостію государя получившихъ княжескій титулъ, привезъ сюда; здѣсь у меня родилась дочь Елена и скоро еще жду того, кого Богъ пошлетъ намъ...

„Не стану говорить вамъ о многихъ и многихъ вашихъ знакомыхъ, чтобы вамъ не повторить давно уже вамъ извѣстное... я-же спрошу васъ единственно о васъ самихъ: желаю знать—давно-ли вы вступили въ супружеское состояніе, давно-ли пользуетесь счастіемъ семейнаго быта, сколько у васъ дѣтей, какъ и гдѣ вы живете... Васъ самихъ обниму крѣпко, въ память искренняго чувства, которое хранить къ вамъ искренно васъ любящій и уважающій Е. Оболенскій“.

Письмо это говоритъ само за себя, и чувства, выраженные въ немъ, безъ сомнѣнія, должны были порадовать получившаго его; а вотъ и записки Давыдова и княгини Трубецкой, о которыхъ мы упоминали выше:

„Не стану вамъ болѣе говорить о томъ, что на сердцѣ у меня и у жены,—такъ пишетъ Давыдовъ (1837 г.),—Богъ видитъ, что незабвенный почтенный дядя вашъ и вы никогда не могли найти людей, которые-бы такъ цѣнили благородныя сердца ваши, какъ мы. Да воздастъ вамъ Богъ за изгнанниковъ!“

„При разставаніи съ вами, не умѣла я вамъ передать всего того, что чувствовала, писала Осипу Адамовичу вскорѣ послѣ его отъѣзда княгиня Трубецкая, примите-же искреннѣйшее желаніе вамъ всего хорошаго. Да наградитъ васъ Богъ за чистое, благородное ваше постоянное къ намъ участіе. Память ваша всегда сохранится въ сердцѣ моемъ, и гдѣ-бы я ни была, мнѣ радостно будетъ узнать, что вы пользуетесь тѣмъ счастіемъ, какаго я вамъ желаю“.

Отрадное впечатлѣніе, производимое приведенною нами перепискою, поддерживается при чтеніи многочисленныхъ записокъ и воспоминаній декабристовъ и ихъ женъ, относящихся до пребыванія ихъ въ Сибири; всѣ они единодушно отзываются о своемъ бывшемъ комендантѣ какъ нельзя болѣе тепло; одинъ только Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ подалъ голосъ противъ него, поэтому слова его звучатъ какъ рѣзкій диссонансъ между похвальными отзывами, коими узники Петровскаго завода почтили старика Лепарскаго въ воздаяніяхъ за его гуманное къ нимъ отношеніе.

Завалишинъ называетъ остальныхъ декабристовъ панегиристами

Лепарскаго и его племянника и говорить: „это былъ опытный и хитрый тюремщикъ, котораго главною задачею было сдѣлать насъ неопасными и уничтожить наше нравственное значеніе, не забывая и своихъ личныхъ расчетовъ, и въ этомъ смыслѣ онъ дѣйствовалъ, конечно, искусно.

„Онъ содѣйствовалъ всему, что только могло поддерживать между нами несогласіе, убаюкивалъ ложными надеждами и былъ преступно снисходителенъ къ тѣмъ, которые своими дѣйствіями бросали тѣнь на казематское общество. Зная чьи голоса имѣютъ наиболѣе значенія въ Петербургѣ, онъ доставлялъ всевозможныя льготы съ нарушеніемъ всякаго порядка богатымъ и имѣющимъ важныя связи, но о массѣ насъ, не имѣлъ никакой заботы, какую обязанъ имѣть всякій тюремщикъ по человѣчеству“.

Этой выписки достаточно, чтобы напомнить читателямъ въ общихъ чертахъ то, что было высказано Д. И. Завалишинымъ въ его Запискахъ ¹⁾; немногіе изъ его товарищей по заключенію были живы въ то время, когда появились (1882 г.) на страницахъ „Русской Старины“ его Записки, тѣмъ не менѣе одинъ изъ нихъ, Фроловъ, тотчасъ отделинулся на нихъ отъ себя лично и отъ имени оставшихся еще въ живыхъ декабристовъ, желая опровергнуть высказанное въ нихъ авторомъ суровое обвиненіе противъ достойной личности С. Р. Лепарскаго.

„Непонятны ни мнѣ, ни кому-либо изъ насъ выходки автора (Д. И. Завалишина) противъ коменданта Лепарскаго,—говоритъ Фроловъ,—который снискалъ нашу общую любовь и оставилъ по себѣ добрую память среди жителей чтигинскихъ и петровскихъ. Никто изъ насъ въ казематѣ не подозрѣвалъ скрытой ненависти автора къ Лепарскому, которую онъ никогда не высказывалъ; проявленіе этой ненависти скорбно поразило насъ всѣхъ“.

По словамъ Фролова, Д. И. Завалишинъ самъ пользовался въ казематѣ снисходительностію коменданта, часто уходилъ подъ разными предлогами изъ тюрьмы къ управителю завода, Смольянинову, дочь котораго была его невѣстою, и это дѣлалось въ то время, когда узниковъ содержали еще строго; „кстати, не могу умолчать о себѣ,—прибавляетъ Фроловъ,—я никогда не имѣлъ никакой руки, не только въ Петербургѣ, но даже въ Иркутскѣ, и несмотря на это, Лепарскій разрѣшилъ мнѣ устроить мастерскую внѣ каземата, гдѣ я и работалъ. Правда, при мнѣ постоянно былъ часовой, который большею частію все спалъ. Однажды, комендантъ вошелъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ изд. 1882 г., т. XXXVI, стр. 432.

неожиданно въ мастерскую, я бросился будить часового, но онъ остановилъ меня, сказавъ: „оставьте его, я знаю, что не онъ, а вы его караулите. Онъ усталъ, не спавши ночь“.

Вотъ примѣръ истинно гуманнаго отношенія къ людямъ.

Почему именно Дмитрій Иринарховичъ называетъ Лепарскаго опытнымъ тюремщикомъ въ своихъ Запискахъ — онъ не объясняетъ; совершенно непонятно, какимъ образомъ могъ Станиславъ Романовичъ приобрести эту опытность во время командованія Сѣверскимъ полкомъ? — дѣятельность, съ ролью тюремщика ничего общаго не имѣющая. Съ другой стороны, обвиненіе въ томъ, будто бы Лепарскій старался уничтожить нравственное значеніе декабристовъ — поражаетъ своею несостоятельностью. Желая этого достигнуть, неужели комендантъ разрѣшилъ-бы ссыльнымъ чтеніе книгъ, занятіе рисованіемъ, музыкою, разными ремеслами — словомъ, все то, что могло поддержать въ нихъ энергію и бодрость духа, что не давало уснуть и притупиться ихъ умственнымъ способностямъ; даже на письменныя ихъ занятія, строго запрещенныя инструкціею, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, говоря при случаѣ: „не вижу“; смѣло можно сказать, что, только благодаря этимъ льготамъ, благодаря этому гуманному отношенію, тѣ изъ декабристовъ, которые дожили до манифеста 1856 года, сохранили такую бодрость духа и отзывчивость ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, остались, можно сказать, настолько вѣрны своимъ идеаламъ, что могли явиться полезными и дѣятельными участниками великихъ реформъ императора Александра II.

Вѣра Тимошукъ.

Дѣло о «смертномъ боѣ» подъячаго Микульшина

1709 г.¹⁾.

1709 года марта въ 30-й день великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу былъ челомъ, а въ разрядѣ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи словесно разрядный подъячій Митрофанъ Микульшинъ, а въ словесномъ своемъ челобитѣхъ сказалъ: сего-жъ де марта вышесказаннаго числа въ приказѣ, въ азовскомъ столѣ, того-жъ приказа подъячій Андрианъ Тороповъ бранилъ его, Митрофана, и былъ смертнымъ боемъ въ томъ азовскомъ столѣ при подъячихъ Федорѣ Максимовѣ сынѣ Навимовѣ съ товарищи. А сидитъ де онъ, Митрофанъ, въ разрядѣ въ приказномъ столѣ въ подъячихъ съ 201 года (1693), а его, великаго государя, жалованьемъ, помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ неверстанъ; а отецъ-де его служилъ по Рязани съ городомъ и обладѣ отцу его былъ четыреста четей, денегъ изъ чети двѣнадцать рублей. И великій государь пожаловалъ-бы его, велѣлъ въ разрядѣ челобитые его записать и бой на немъ, Митрофанѣ, осмотритъ и описать и въ томъ бою противъ своего великаго государя указа и уложеня и новоуказныхъ статей указъ учинить.

А по осмотру въ разрядѣ боярина Тихона Никитича Стрешнева съ товарищи бою на немъ, Митрофанѣ: выше бровя съ лѣвой стороны разбито до крови и рана знатна. А у досмотру онъ, Митрофанъ Микульшинъ, сказалъ, что билъ его въ разрядѣ подъячій Андрианъ Тороповъ въ то время, какъ въ разрядѣ сидѣлъ бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ съ товарищи, не звано за что. Митрофанъ Микульшинъ руку приложилъ.

Помѣта: „допросить отвѣтчика и свидѣтелей по указу и выписать“.

И того-жъ числа Андрианъ Тороповъ противъ того челобитя въ разрядѣ передъ бояриномъ Тихономъ Никитичемъ Стрешневымъ съ товарищи допрашиванъ словесно, и въ томъ бою не заирался и сказалъ, что де онъ, Андрианъ, для самаго нужнаго и скорога дѣла просилъ у него, Митрофана книги уложеня и посмалъ къ нему молодого подъячаго Андрея Некрасова дважды, и самъ къ нему въ столъ приходилъ; и онъ той книги не далъ и просилъ росписки. И онъ, Андрианъ, на него, Митрофана, дьяку Федору Ефимьеву сказывалъ, и дьякъ велѣлъ ему книгу отдать. И онъ, Митрофанъ вышедъ изъ судейскаго въ азовской столъ, тою книгу въ руку ему, Андриану сунулъ съ невѣжествомъ и называлъ его, Андриана, пьянымъ, и онъ де, Ан-

¹⁾ Московскій Архивъ Мин. Юстиціи, Разрядныя вязки, № 4.

дріанъ, взявъ у него тою книгу, и тою книгою тенуль его въ голову, а никакю бранью его, Митрофана, не бранилъ. Андріанъ Тороповъ руку приложилъ.

А свидѣтель Федоръ Назимовъ сказалъ по евангельской заповѣди Господней въ правду: подъячій де Андріанъ Тороповъ Митрофану Микульшину говоритъ, для чего онъ ему книги уложенья не даетъ? и онъ, Митрофанъ, сказалъ: безъ росписки де уложенья давать ему никому не велѣно! И онъ, Андріанъ, назвалъ его, Митрофана, пьянымъ, а онъ, Митрофанъ, сказалъ ему Андріану: „самъ де ты пьянъ!“ и онъ, Андріанъ, тою книгою ударилъ его въ лобъ совкомъ и его, Митрофана, оеровянилъ. А иной брани межъ ими не было. Федоръ Назимовъ руку приложилъ.

А въ разрядѣ въ подъяческомъ спискѣ нынѣшняго 709 году написанъ онъ, Митрофанъ, неверстаннымъ.

А по справкѣ въ разрядѣ въ язанскомъ списку 187 г. написано: Иванъ Степановъ сынъ Микульшинъ написанъ съ городомъ; помѣстный ему окладъ 400 четь, денегъ изъ чети 12 рублей.

А Митрофанъ Микульшинъ сказалъ, что де вышепоказанный Иванъ Степановъ сынъ Микульшинъ отецъ ему родной.

А въ указѣ великаго государя и въ уложенъи 10-й гл. 105-я статья на печатано: „кого судьи велать оставить въ суду, и истцу и отвѣтчику, ставъ передъ судьями, искать и отвѣчать вѣжливо, и смирно и не шумно, и передъ судьями никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорить и межъ себя не браниться; а буде передъ судьями истецъ или отвѣтчикъ межъ себя побранятся, и кто кого изъ нихъ обезчеститъ словомъ передъ судьями, за судейское безчестье посадить въ тюрьму на недѣлю, а кого онъ словомъ обезчеститъ, и тому велѣтъ на немъ доправить безчестье по указу. А будетъ кто кого передъ судьями съ дерзости рукою зашибеть, а не ранитъ, и на томъ велѣтъ тому, кого онъ зашибеть, доправить безчестье вдвое, и буде онъ передъ судьями на кого замахнется какимъ-нибудь оружіемъ или ножемъ, а не ранитъ, и ему за то учинити наказаніе—бити батоги, а буде ранитъ — и его бити кнутомъ“.

Въ 136-й ст.: „и буде кто на комъ учнетъ исвать бою и грабежу, и отвѣтчикъ въ бою не запрется, а про грабежъ скажетъ, что не грабилъ, и на немъ велѣтъ истцу за увѣче и за безчестье доправить противъ окладу вдвое, а въ пенѣ его, что государь уважетъ“. Справилъ Акимъ Вырновъ.

„1709 г. апрѣля въ 1-й день. По указу великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ съ товарищи, слушавъ сей выписки, приговорили: истца, разряднаго подъячаго Митрофана Микульшина оправить, а отвѣтника, того-же приказа подъячаго Андріана Торопова обвинить и за бой и за безчестье его, истцова, противъ отцовскаго оклада вполнѣ и того за бой и за безчестье двѣнадцать рублей, и съ того иску пошлины по указу и по уложенъи на немъ, отвѣтчикѣ, доправить, а доправя, пошлины записать въ приходъ, а истцовъ искъ отдать истцу съ роспискою, и о томъ дать выписъ на правезь“. Оуминъ.

И апрѣля въ 1-й день, противъ сей похѣты, для правезу того иску и съ того иску пошлины дана о томъ выписъ на правезь расрядному сыну боярскому Юву Башпиринову, велѣно тотъ искъ и съ того иску пошлины на немъ, Андріанѣ доправить. И апрѣля съ 1-го апрѣля по 30 число нынѣшняго

709 года по той праведной памяти сынъ боярскій Іовъ Башириновъ истцовъ иску и съ того иску пошлинѣ въ разрядѣ не приносилъ.

А мая во 2-мъ числѣ нынѣшняго-жъ 709 г. билъ челомъ Митрофанъ Миклушинъ, чтобъ тотъ его искъ на немъ, отвѣтчикѣ, доправить по презнему, а что не платилъ, и о томъ-бы у сына боярскаго взять сказку.

А сынъ боярскій Іовъ Башириновъ сказалъ, что де тотъ искъ Митрофана Миклушина и съ того иску пошлинѣ апрѣля съ 1-го мая по 2-е число нынѣшняго 709 года, онъ, Андрианъ Тороповъ, по той праведной памяти ему, Іову, не приносилъ и упрямствомъ своимъ на праведѣ не стоялъ..

Примѣчаніе. На этомъ производствѣ дѣла оканчивается; стоялъ-ли отвѣтчикъ на праведѣ или примирился съ истцомъ — неизвѣстно.

Сообщ. А. Востокъ.

Къ Запискамъ доктора де-ла-Флиза

[См. Русскую Старину“ изд. 1892 г., книга III, стр. 575—604].

Въ „Русской Старинѣ“ за мартъ мѣсяцъ 1892 г., на стр. 578, 579, 580 и 592, вкратцѣ опечатка: вмѣсто—„пожилой полякъ, по фамилиі Галинскій“ слѣдуетъ читать: „Голынскій“. Бывшій губернскаго предводитель дворянства Могилевской губерніи Михаилъ Голынскій проживалъ, въ описываемое Флизо время, въ своемъ имѣніи Холобинѣ, Чериковскаго уѣзда, близъ мѣстечка Кричева. Фамилія Голынскихъ, старинная, дворянская, принадлежитъ и теперь въ разрядъ богатыхъ и вліятельныхъ землевладѣльцевъ Могилевской губерніи. Имѣнія Голынскихъ расположены въ уѣздахъ Климовичскомъ, Мстиславскомъ, Чериковскомъ и отчасти въ Рогачевскомъ и Чаусовскомъ. (См. Опытъ описанія Могилевской губерніи Дембовецкаго изд. 1882—1884 гг., книга III).

Ө. А. Рахунковичъ.

г. Витебскъ.

ВЪ ЗАКАСПІЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ врача О. Ф. Гейфельдера

1879—1887 гг.

Въ 1887 г. мнѣ довелось посѣтить вновь тѣ самыя мѣста, гдѣ мы пережили и испытали такъ много въ 1880—1881 годахъ. Во время этого путешествія знакомые не разъ выражали мнѣ желаніе видѣть продолженіе моихъ „Воспоминаній“, для которыхъ обильная пища встрѣчалась тутъ на каждомъ шагу. Побуждаемый въ этому также со стороны многоуважаемаго редактора „Русской Старины“, я рѣшился вновь взяться за перо.

О. Ф. Гейфельдеръ.

I.

Мои воспоминанія о Каспійскомъ морѣ, о походахъ, совершенныхъ въ Закаспійской области, и о моемъ участіи въ нихъ начнутся съ 1879 г. и первыя впечатлѣнія связаны съ портомъ Петровскимъ.

Петровскъ, въ настоящее время незначительный, мирный городокъ, съ слабымъ гарнизономъ, былъ, во время обѣихъ экспедицій, при Лазаревѣ (1879 г.) и при Скобелевѣ (1880 г.), военнымъ центромъ. Въ немъ помѣщался въ то время штабъ и находился командиръ 19-й дивизіи, участвовавшей въ обѣихъ походахъ. Оттуда наши войска переправлялись на судахъ на восточный берегъ Каспійскаго моря, и туда-же, во время обѣихъ похо-

довъ, направлялись раненные и больные. Вотъ почему я прибылъ въ Петровскъ осенью 1879 г., гдѣ и начались мои сношенія съ войсками, участвовавшими въ экспедиціи, и съ главнымъ уполномоченнымъ отъ Краснаго Креста, камергеромъ Н. Окружнымъ медицинскимъ инспекторомъ мнѣ было поручено принимать раненныхъ изъ разбитаго отряда и оказывать имъ хирургическую помощь. Въ Петровскѣ существовалъ тогда еще военный госпиталь, образцовое учрежденіе, помѣщавшееся въ весьма красивомъ зданіи, вполне соотвѣтствовавшемъ своему назначенію. Главнымъ врачомъ госпиталя былъ тогда докторъ Адамовичъ, еще питомецъ виленскаго университета, который, какъ всѣ бывшіе виленскіе студенты, прекрасно владѣлъ латинскимъ языкомъ. Изъ Ахаль-Теке нѣсколько сотъ раненныхъ солдатъ и офицеровъ были доставлены въ Петровскъ на судахъ; по прибытіи въ госпиталь, разсортированы и частью эвакуированы далѣе въ госпиталь Темиръ-ханъ-Шуры и Хассавъ-Юрты, частью оставлены въ Петровскѣ. Осмотръ больныхъ, изслѣдованіе, діагнозъ и операціи заняли почти цѣлую недѣлю. Затѣмъ я исполнялъ тѣ-же самыя обязанности хирурга-консультанта въ темиръ-ханъ-шуринскомъ и хассавъ-юртскомъ госпиталѣ. Эта командировка оказалась для меня въ высшей степени интересною и, кромѣ того, полезною, какъ подготовка къ будущей дѣятельности въ Ахаль-Текѣ. Мы наслушались разказовъ офицерства объ испытанныхъ ими бѣдствіяхъ, объ особенностяхъ этой негостеприимной страны, объ отступленіи отряда и проч.

Всѣ раненные, которые не умерли тотчасъ отъ полученныхъ ими поврежденій, выздоравливали замѣчательно быстро: раны ихъ заживали необыкновенно скоро, что слѣдуетъ приписать пребыванію на свѣжемъ воздухѣ и замѣчательной сухости атмосферы и почвы въ этой мѣстности. Въ 1880—1881 гг. наши раненные были поставлены въ менѣе благоприятныя условія, во-1-хъ потому, что дороги были заражены тысячами разлагавшихся труповъ, и во-2-хъ потому, что войскамъ пришлось дѣйствовать въ ноябрѣ и декабрѣ, самое дождливое время года; въ тому-же февраль и мартъ мѣсяцы въ томъ году также были обильны дождями.

Въ Баку опять новыя воспоминанія. Я извѣстилъ о своемъ приѣздѣ жившаго тамъ сотоварища моего Шимановскаго, вмѣстѣ съ которымъ мы служили въ турецкую кампанію въ 1877 году и участвовали въ Ахаль-Текинской экспедиціи въ 1880 году но онъ не встрѣтилъ меня на желѣзнодорожной станціи — моя телеграмма не застала его въ живыхъ. Зато я увидѣлся тутъ съ городскимъ головою, Деспотъ-Зеновичемъ, оказавшимъ намъ.

во время войны самое дѣятельное и просвѣщенное содѣйствіе при устройствѣ въ городѣ Баку помѣщенія для больныхъ и раненныхъ.

Во время втораго похода было принято за правило оставлять больныхъ какъ можно меньше на восточномъ, негостепримномъ берегу Каспійскаго моря, эвакуируя ихъ постоянно въ Баку и Петровскъ. Съ этою цѣлю въ Баку былъ расширенъ мѣстный военный лазаретъ. Сверхъ того, городской голова предоставилъ въ наше распоряженіе пустое зданіе (нынѣ прекрасно отстроено), стоявшее возлѣ гавани и пароходной пристани, которое, при помощи Краснаго Креста, было приспособлено для временнаго помѣщенія нашихъ больныхъ воиновъ. Мы быстро съ нимъ согласились относительно распредѣленія и приспособленія зданія къ нашей цѣли, а также относительно приѣма и продовольствія больныхъ и способа дальнѣйшей ихъ эвакуаціи или возвращенія къ отряду. Уже при вторичномъ моемъ посѣщеніи, я нашелъ зданіе занятымъ больными и вполне соответствовавшимъ своему назначенію. По этимъ воспоминаніямъ, г. Баку мнѣ показался не чужимъ городомъ. Съ приятнымъ удивленіемъ я замѣтилъ, что за это короткое время онъ сдѣлалъ замѣчательный шагъ впередъ какъ въ своемъ наружномъ видѣ и благоустройствѣ, такъ и въ торговлѣ.

О Каспійскомъ морѣ приходилось не разъ слышать, что оно иногда бываетъ очень бурное, но за всѣ мои десять переѣздовъ я его видѣлъ всегда спокойнымъ. Переѣздъ изъ Баку въ Узунъ-Ада продолжался всего 18 часовъ. Тогда какъ прежде мы сворачивали у пловучаго мала влѣво, чтобы подойти къ Красноводску и выѣхать затѣмъ на маленькомъ пароходѣ въ излучины Михайловской бухты; теперь нашъ „Цесаревичъ Александръ“ держалъ почти прямо между Красноводскою косою и островомъ Чекелентъ, въ желтоватому песчаному берегу. Дымившійся передъ нами какой-то пароходъ внезапно исчезъ, какъ-бы утонувъ между двумя песчаными холмами. „Тамъ лежитъ Узунъ-Ада“, заявили мнѣ спутники, но пока ничего еще не было видно. Наконецъ, мы описали большой полукругъ вправо и передъ нами открылся рейдъ и небольшой городокъ.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ: намъ случалось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣзжать мимо этой пустынной группы песчаныхъ острововъ и холмовъ, на которыхъ не было видно тогда никакого жилья, и взоръ нигдѣ не встрѣчалъ на этомъ пустынномъ берегу ни одного кустика, ни одного живаго существа; теперь-же передъ нами лежалъ цѣлый городокъ, съ деревянными домами, бѣлѣющими вилами, съ пароходными пристанями, оживленными толпою народа,

вышедшею на встрѣчу пароходу. У берега, идущаго полукругомъ, стояло, какъ въ гавани, множество барокъ и судовъ; мы насчитали не менѣе 9-ти большихъ пароходовъ, принадлежавшихъ разнымъ обществамъ. Справа и слѣва высились золотисто-желтые песчаные холмы, а впереди разстилалось лазуревое море. Панорама, открывшаяся передъ нашими глазами, могла-бы послужить И. К. Айвазовскому или Гильдебрандту сюжетомъ роскошной картины.

Что за суматоха и толкотня начались лишь только мы пристали! Представители разныхъ торговыхъ конторъ и транспортныхъ обществъ разыскивали среди пассажировъ своихъ патроновъ или агентовъ, освѣдомлялись о прибывшей владѣ и корреспонденціи. На пароходъ явились флотскіе офицеры и таможенные чиновники; смуглолицые носильщики-персы, атлетическаго сложенія, предлагали свои услуги для разгрузки судна; пассажиры спѣшили на берегъ. На берегу-же различныя конторы совершали дѣловыя сдѣлки подъ своими деревянными крышами съ такою правильностію, какъ будто онѣ существовали тутъ уже десятки лѣтъ. Среди песковъ возвышается телеграфная станція, почтовая контора и управленіе желѣзной дороги. Служба въ нихъ идетъ также исправно, какъ во всякомъ давно заселенномъ городѣ. Нѣкоторые изъ служащихъ поселились тутъ даже со своими семьями. На маленькомъ базарѣ можно получить все необходимое. Прѣсную воду доставляетъ желѣзная дорога изъ Казань-Джикскихъ источниковъ и изъ „опрѣснителя“, находящагося въ Михайловскѣ. Словомъ, этотъ городокъ, возникшій всего два года тому назадъ, поразилъ пріѣзжихъ.

Мы вспомнили, что на пустынномъ берегу этой бухты стоялъ, еще во времена Столѣтова, близъ Михайловска, передовой постъ и что молодой Скобелевъ, бывшій въ то время офицеромъ генеральнаго штаба, познакомился съ этою песчаню мѣстностію впервые въ 1872 году. Невольно припомнилось, сколько времени требовалось тогда (въ 1880—1881 гг.) для перевоза людей, орудій, аммуницій, съѣстныхъ припасовъ и матеріаловъ для строившейся тогда Закаспійской дороги; тогда приходилось направляться въ Красноводскъ и, послѣ перегрузки въ Михайловской бухтѣ, къ тогдашнему мѣсту выгрузки, гдѣ стоитъ теперь Михайловская станція. Теперь мы садимся въ вагонъ и ѣдемъ быстро и безъ малѣйшаго утомленія по пустынной, безводной степи, черезъ которую мы нѣкогда совершали путь въ потѣ лица своего, а за нами слѣдовали и постоянно тревожили насъ летучіе конные отряды текинцевъ. Теперь трудно себѣ и представить, какъ все это происходило въ то время, хотя передъ нами высились, на подобіе воротъ, тѣ-же горныя

очертанія обонихъ Балханъ, между которыми мы проходили, и до нашего слуха долетали все тѣ-же названія: Мулла-Кара, Балла-Ишемъ, Айдинъ и другія. Разница въ томъ, что теперь стоитъ станція и привѣтливо кипитъ самоваръ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы располагались прежде на плоской равнинѣ на ночлегъ, безъ всякихъ удобствъ, и зачастую должны были довольствоваться солоноватою водою, добытою изъ лужи или цистерны.

Въ настоящую поѣздку я прибылъ на восточный берегъ Каспійскаго моря 16-го іюля 1887 г. въ самый разгаръ лѣта, точно также, какъ и семь лѣтъ тому назадъ, но все окружающее произвело теперь на меня совершенно иное впечатлѣніе.

Нигдѣ желѣзная дорога не является столь крупною побѣдою, одержанною человѣкомъ надъ стихіями, какъ въ этой негостеприимной мѣстности, на протяженіи отъ моря до оазиса, гдѣ ни одинъ кустикъ, ни одно деревцо не манитъ усталаго путника отдохнуть и освѣжиться подъ его тѣнью и гдѣ все пространство, доступное взору, представляетъ безконечную сѣрую равнину, которая своимъ убійственнымъ однообразіемъ наводитъ на путешественника уныніе.

Въ 1880 году мы и не подозрѣвали значенія и послѣдствій похода, а думали, что дѣло идетъ только о реваншѣ за неудачную экспедицію 1879 г. и о наказаніи непокойныхъ ахаль-текинцевъ, хотя Анненковъ и Хилковъ строили уже свою стратегическую дорогу, преодолевая съ рѣдкимъ терпѣніемъ и настойчивостью всѣ встрѣчавшіяся на пути ихъ естественныя препятствія, и хотя Скобелевъ часто говорилъ о постройкѣ этой дороги и о будущемъ ея значеніи для русской торговли.

На бивакахъ или во время переходовъ намъ не разъ приходилось слышать мнѣніе о походѣ солдатъ, говорившихъ: „должно быть генералы невѣрно представили царю о здѣшной землѣ, иначе онъ не послалъ-бы насъ завоевывать ее. На что русскимъ эта пустыня? Такихъ у насъ самихъ довольно“. Подобно тому, какъ солдаты высказывали при этомъ втихомолку предположеніе, что побудительною причиною ахаль-текинской экспедиціи было стремленіе къ завоеваніямъ и личное честолюбіе военныхъ, точно такъ-же смотрѣла на нее и вся Европа; этотъ взглядъ ясно выразился въ отзывахъ современной прессы и въ дипломатической тревогѣ, поднятой Англіею. Судя по обнародованнымъ нынѣ документамъ, канцлеръ кн. Горчаковъ и само правительство не имѣли въ 1880 г. иной цѣли, кромѣ наказанія туркменъ-текинцевъ; занятіе Мерва, напр., отнюдь не входило въ планы нашихъ полководцевъ и государственныхъ

людей. (См. Афганское разграничение, переговоры между Россією и Великобританією 1872—1885 гг. С.-Петербургъ, 1886. № 2. Письмо сэръ Эдуарда Торнтонъ статсъ-секретарю Гирсу, стр. 37, 39, 41).

Въ этомъ письмѣ говорится:

„18-го іюля, ваше высокопр.—во въ денешѣ къ графу Шувалову отвѣтили, что единственною цѣлью экспедиціи было наказаніе туркменскихъ скопищъ, совершенно отдѣльныхъ отъ мервскихъ текинцевъ; что начальнику колонны строго предписано не переступить инструкцій, обязывающихъ его ограничиться поддержаніемъ порядка на границѣ. Весною 1879 г. съ восточнаго берега Каспійскаго моря отправилась, подъ начальствомъ г. Лазарева, экспедиція, единственною цѣлью коей, согласно даннымъ графомъ Шуваловымъ 16-го мая лорду Салисбюри увѣреніямъ, было установленіе, посредствомъ укрѣпленныхъ постовъ, сухопутнаго сообщенія между Краснодарскою и Чилишларомъ (стр. 41). Отпоръ, встрѣченный русскими въ сентябрѣ 1879 г. подъ Геокъ-Тепе, повлекъ за собою въ слѣдующемъ году снаряженіе экспедиціи въ болѣе широкихъ размѣрахъ, начальство надъ которою было ввѣрено г. Скобелеву. В. высокопр.—во признавалъ, что дѣлаются приготовленія для вышеупомянутой экспедиціи, но что таковая предпринимается Россією крайне не охотно... и что прежнія положенія нисколько не измѣнились... Послѣ побѣды, одержанной г. Скобелевымъ подъ Геокъ-Тепе въ январѣ 1881 г., ваше высокопр.—во замѣтилъ лорду Дефферину, что для русскаго правительства настало время доказать свою умѣренность и позаботиться о томъ, чтобы не быть втянутыми въ дальнѣйшія военныя дѣйствія въ этой части свѣта“.

Читая эти документы и сравнивая съ ними тогдашнія газеты, становится понятнымъ, что намъ и въ голову не могла придти мысль о томъ, что наша экспедиція будетъ имѣть столь важныя послѣдствія, каковыми оказались расширеніе нашихъ владѣній и постройка желѣзной дороги до Самарканда. Впрочемъ, и въ то время находились люди, обращавшіе наше вниманіе на громадное значеніе этого военнаго предпріятія. Французскій генеральный консулъ графъ Шаппеделенъ (Charpedelaine) сказалъ мнѣ въ Тифлисѣ прямо: „вы идете на Мервъ, а не на Геокъ-Тепе“, и Скобелевъ тогда уже обсуждалъ въ Краснодарскѣ значеніе желѣзной дороги, если она будетъ проведена далѣе.

Когда я посѣтилъ берега Каспійскаго моря вторично въ 1887 г., то переѣзды, происшедшія въ этой мѣстности, были слишкомъ велики, чтобы не вызвать моего удивленія и не наводить ежеминутно на сравненіе настоящаго съ прошлымъ. Среди пустынныхъ песчаныхъ холмовъ выросъ городокъ съ хорошею гаванью; переѣздъ моремъ сократился болѣе, нежели на 24 часа; отъ Узунъ-Ада мы ѣхали по пустынѣ въ удобныхъ вагонахъ, защищенные отъ жары, пыли и песка, и черезъ 10 часовъ были уже въ Кизиль-Арватѣ, до котораго въ 1880 г. приходилось ѣхать изъ Красноводска 3—4 дня,

употребляя 2 дня на переходъ отъ берега моря. Кизиль-Арватъ, со своими прохладными горными источниками, былъ уже въ то время для насъ идеальной ночною стоянкою. Возможность напиться вволю, выкупаться, освѣжить и умыть воспаленные, полные пыли, глаза, проспать хотя одну ночь подъ крышею въ стѣнахъ укрѣпленнаго лагеря было истинною отрадою, величайшимъ счастьемъ послѣ всѣхъ невгодъ и лишеній, испытанныхъ во время перехода. Это можетъ понять только человекъ, испытавшій, подобно намъ, голодъ и жару, спавшій безъ палатки и кровли на голой землѣ и которому приходилось, какъ намъ, отказаться на время отъ всѣхъ привычекъ чистоплотности и комфорта.

Когда я вступилъ, въ началѣ октября 1880 г., съ моимъ войскомъ въ Кизиль-Арватъ, нашъ укрѣпленный лагерь лежалъ на обнаженномъ плоскогорьѣ. Комендантомъ его былъ полковникъ Навроцкій, человекъ опытный и весьма уважаемый всѣми нами. Въ 1887 году мы уже съ удивленіемъ смотрѣли здѣсь на красивые дома, вполне приспособленные для жилья, на сады и палисадники, на станціонный порядочный буфетъ, и удивлялись многочисленному населенію. Начальникъ станціи, бывший офицеръ Скобелевскаго отряда, привѣтствовалъ меня какъ стараго знакомаго... Особенно привлекательнымъ кажется Кизиль-Арватъ, когда въѣзжаешь въ него ночью. Непроглядная тьма и безмолвіе степи смѣняются вдругъ электрическимъ освѣщеніемъ улицъ и желѣзнодорожной станціи, производя поразительное впечатлѣніе.

Отъ Кизиль-Арвата до Баи 54 версты; мы проѣхали этотъ путь въ 2 часа 10 мин., тогда какъ прежде онъ требовалъ цѣлаго дня усиленной ѣзды верхомъ и двухдневнаго перехода по степи. Нашъ лагерь и большая госпитальная палатка стояли ближе къ горамъ, на скалистой почвѣ. Тутъ оканчивалась въ Бендесенскомъ ущельи атрекская линія, иначе говоря, военная дорога, шедшая по теченію Атрева, и соединялась съ Михайловскою линіею. Начальникомъ атрекской военной дороги былъ командиръ казачаго полка, полковникъ Арцишевскій, неутомимый наѣздникъ и искусный организаторъ. Онъ умѣлъ найти при всякихъ обстоятельствахъ и всегда имѣлъ подъ рукою то, что требовалось въ данную минуту.

Мнѣ довелось посѣтить Баи впервые во время объѣзда лазаретовъ и госпиталей обѣихъ военныхъ линій въ октябрѣ 1880 г., когда Баи былъ еще нашимъ передовымъ пунктомъ. Старшимъ офицеромъ былъ въ немъ артиллерійскій полковникъ Вержбицкій, нынѣ покойный. Онъ скончался почти одновременно со Скобелевымъ въ 1882 году. Баминскій гарнизонъ, состоявшій изъ пѣхоты,

артиллеріи и сотни казаковъ, укрѣпиль небольшой четырехугольный, т. е. обнесъ его стѣною, окопалъ ровомъ и помѣщаясь самъ въ кибиткахъ. Текинцы тревожили его почти каждую ночь. Несмотря на это обстоятельство, настроеніе маленькаго гарнизона было самое веселое и вечернія собранія офицерства оживлялись пѣніемъ и декламаціею.

Бами былъ избранъ пунктомъ, гдѣ Скобелевъ велѣлъ сосредоточить всякаго рода запасы для 7,000 человекъ на два мѣсяца, прежде чѣмъ двинуться далѣе. Какъ мѣсто соединенія обѣихъ военныхъ дорогъ и какъ богатая житница, Бами какъ нельзя болѣе соответствовалъ этой цѣли. Помимо муки, зерноваго хлѣба и сѣна, доставленнаго туда изъ Россіи съ большимъ трудомъ на верблюдахъ, мы тамъ нашли обширныя, хорошо воздѣланныя поля, засѣяныя пшеницею, кукурузою и клеверомъ.

Такъ какъ мы заняли Бами въ началѣ іюня и оттѣсненные текинцы не успѣли еще собрать жатву, то въ нашихъ рукахъ неожиданно очутились огромные запасы. Поэтому Скобелевъ, въ своемъ приказѣ за № 93-й, даннымъ въ Бами 11-го іюня 1880 г., дѣлаетъ распоряженіе какимъ образомъ поступить съ этою жатвою, предписывая сдать все то, что не потребуется немедленно для продовольствія войска, въ Баминскій складъ, исправить водяныя мельницы въ Беурмѣ, смолоть на нихъ зерно и, наконецъ, озаботиться поливкою клеверныхъ и джугурныхъ полей.

Въ томъ-же Бами, отъ 10-го іюня, былъ данъ приказъ за № 91-мъ, которымъ возвѣщалось начало враждебныхъ дѣйствій противъ текинцевъ: „послѣ девяти-мѣсячной остановки, августѣйшему главнокомандующему угодно повелѣть вновь вступить въ предѣлы Ахаль-Текинской земли“ и т. д. 21-го іюня произошло серьезное дѣло на Бендесенскомъ перевалѣ, стоившее намъ сравнительно весьма дорого ранеными и убитыми. Получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ, его императорское высочество главнокомандующій телеграфировалъ: „жалую отъ себя знаки военнаго ордена первой степени всѣмъ оставшимся въ живыхъ казакамъ, геройски защищавшимся 21 іюня. Семействамъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ назначаю одновременно по 100 рублей пособія“.

Всѣ участвовавшіе въ экспедиціи помнятъ, что во время лѣтней пріостановки военныхъ дѣйствій гарнизоны обѣихъ военныхъ дорогъ, и въ особенности баминскій гарнизонъ были постоянно тревожимы текинцами и вслѣдствіе своей малочисленности несли весьма тяжелую службу. Скобелевъ былъ вынужденъ сформировать летучій отрядъ изъ команды охотниковъ 4-й сотни Таманскаго

коннаго полка (см. приказъ за № 216 отъ 21-го августа 1880 г. изъ Бами). „Назначеніе летучаго отряда“, по собственнымъ словамъ Скобелевскаго приказа, было „оборонять, отъ могущихъ вторгаться текинскихъ шаекъ, районъ Маргизъ—Каракала—Нукуръ—Арчманъ—Егинъ и западнѣе; предупреждать гарнизоны Бами, Бендесена и Ходжамъ-Калы о появленіи непріятеля“. Начальникъ этого летучаго отряда долженъ былъ широко пользоваться лазутчиками для ознакомленія съ намѣреніями противника, и получалъ для уплаты лазутчикамъ даже нѣсколько сотъ рублей. Однако, этотъ расчетъ оправдался не совсѣмъ. Лазутчиковъ не было; за все время экспедиціи текинцы никогда не являлись въ нашей средѣ въ качествѣ бѣглецовъ или шпионовъ.

Впрочемъ, летучій отрядъ охотниковъ оказалъ большія услуги войску: онъ поддерживалъ въ горахъ сообщеніе между гарнизонами Бендесена, Ходжамъ-калы, Бами и Кизиль-Арвата, охранялъ гелиографическія станціи ¹⁾ и во время извѣстнаго дѣла подъ Келатомъ доставилъ обратно въ отряду пропавшаго ночью начальника нашего, Михаила Дмитріевича Скобелева, какъ рассказано о томъ въ предыдущей статьѣ (см. „Русская Старина“, 1885 г., апрѣль, май, іюнь. Очеркъ Шаховскаго: „Экспедиція противъ ахаль-текинцевъ“, 1880—1881 г.). Отрядъ этотъ существовалъ до ноября мѣсяца 1880 г., до тѣхъ поръ, пока наши главные силы не отступили въ Бами, и отсюда въ декабрѣ войска двинулись окончательно противъ Геокъ-Тепе. Весною 1881 г. мы возвратились опять въ Бами, гдѣ находился военный госпиталь № 5, подъ завѣдываніемъ доктора Крестникова. Я распорядился совершенно отдѣлить хирургическое отдѣленіе, для изолированія раненыхъ отъ тифозныхъ больныхъ. Оно было перемѣщено за $\frac{1}{2}$ версты отъ остальныхъ частей госпиталя. Благодаря содѣйствію Краснаго Креста, хирургическое отдѣленіе было снабжено въ изобиліи всѣмъ, что для него требовалось, и вообще представляло собою вполне образцовое учрежденіе. Почва, на которой оно стояло, была чрезвычайно каменистая,—обстоятельство весьма благопріятное въ гигиеническомъ отношеніи. Только желтыя кибитки Краснаго

¹⁾ Для солнечнаго телеграфа. Упомянутое о гелиографическомъ телеграфѣ требуетъ нѣкотораго объясненія. На высокихъ пунктахъ—горѣ или башнѣ ставится зеркало, которое отражаетъ солнечные лучи съ одного пункта и передаетъ отраженіе въ другой такой-же высокой пунктъ; извѣстные знаки съ одного пункта передаются на другой; эти знаки соотвѣтствуютъ извѣстнымъ буквамъ. Такимъ образомъ происходитъ передача извѣстій съ одного мѣста въ другое.

Креста стояли на изолированномъ мѣстѣ, поросшемъ абрикосовыми деревьями.

Проѣзжая въ 1887 году по желѣзной дорогѣ, я увидѣлъ изъ вагона это зеленѣющее мѣстечко и оно показалось мнѣ этотъ разъ такимъ ничтожнымъ и незначительнымъ, тогда какъ прежде оно было въ нашихъ глазахъ уголкомъ рая. Мѣсто, на которомъ стоялъ прежде лагерь, выгладить снова пустынно, и даже казармы и дома, построенные повднѣ, имѣютъ видъ заброшенныхъ и развалившихся зданій. Европейская жизнь сосредоточилась вблизи желѣзной дороги, не оказавъ никакого вліянія на текинцевъ, которые и теперь живутъ въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ.

Въ теченіе пути и другія поселенія, мелькавшія мимо насъ, какъ-то: Дурунъ съ каменною мечетью, Арчманъ съ его теплыми сѣрными источниками, Бахарденъ съ фруктовими садами и Келета съ башней, которую намъ пришлось въ 1880 году брать приступомъ, казались въ 1887 г., изъ окна вагона, ничтожными мѣстечками, тогда какъ, послѣ перехода черезъ степь, всѣ эти заселенныя и воздѣланныя поселенія производили на насъ гораздо болѣе внушительное впечатлѣніе. Ихъ постройки все-же представляютъ собою не болѣе какъ глиняныя мазанки,—контрастъ большой съ красивыми каменными зданіями, украшающими въ настоящее время желѣзнодорожныя станціи. Текинцевъ почти не видно было по пути, что объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что ихъ много погибло во время бѣгства и преслѣдованія ихъ войсками Скобелева послѣ взятія Геокъ-Тепе. Не берусь рѣшить, дѣйствительно-ли ихъ племя такъ уменьшилось или-же они стали такъ робки и боязливы, и поэтому держатся въ сторонѣ, но фактъ налицо: проѣхавъ въ 1887 году по желѣзной дорогѣ черезъ всю Закаспійскую область, мы видѣли весьма мало текинцевъ: тамъ и сямъ мелькнетъ на необозримой равнинѣ одинъ или два всадника или погонщикъ верблюдовъ; иногда явится на станцію желѣзной дороги текинецъ, предлагающій вамъ купить у него пару яицъ, живую курочку или молока, налитаго въ бутылку изъ-подъ водки, поднятую на желѣзнодорожной насыпи. Въ Бахарденѣ мы купили у мальчика-текинца въ чаю бутылку молока. Черномазый мальчуганъ, въ своей высокой лохматой бараньей шапкѣ, не выпуская руки отца, обошелъ вокругъ веранды, на которой мы сидѣли, и принялся караулить свою бутылку. Когда мы опорожнили ее, я всталъ съ тѣмъ, чтобы отдать ее мальчику. Въ эту минуту онъ выскочилъ изъ своей засады, подобно хищному звѣрьку, вырвалъ бутылку у меня изъ рукъ, взглянулъ съ радостною улыбкою на

отца и исчезъ вмѣстѣ съ нимъ за ближайшимъ угломъ. Хищническіе инстинкты, какъ видите, все еще присущи этому племени и сдерживаются только страхомъ.

II.

На разстояніи часа ѣзды отъ Келата, у самаго полотна желѣзной дороги, мы увидѣли обширный треугольникъ, окруженный стѣнами и рвомъ. Это Геокъ-Тепе! Всѣ взоры были обращены на остатки знаменитой крѣпости. Въ сторонѣ виднѣлись намъ, при проѣздѣ въ 1887 г., зеленныя деревья и отдѣльно стоящія зданія,— это Мельничная кала ¹⁾, отъ которой храбрый полковникъ Гайдаровъ двинулся на приступъ съ третьею штурмовою колонною.

„Развѣ стѣны Геокъ-Тепе не были выше?“, спросилъ меня одинъ изъ спутниковъ.

— „Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, но верхняя часть ихъ была употреблена на засыпку многочисленныхъ группъ людей, лошадей и верблюдовъ. Я испросилъ у Скобелева разрѣшеніе сдѣлать подобное употребленіе изъ верхней части этихъ стѣнъ, и самъ первый приступилъ къ ихъ разрушенію“.

Въ передней стѣнѣ видна еще брешь, произведенная нами взрывомъ пороха, а направо отъ нея другая брешь, произведенная динамитомъ, который своимъ взрывомъ поселилъ панику среди текинцевъ. Черезъ эту брешь наши войска ворвались въ крѣпость и этимъ-же путемъ впослѣдствіи мы постоянно въѣзжали и выѣзжали изъ крѣпости. При воспламененіи динамита былъ тяжело раненъ текинскими пулями мичманъ Мейеръ, во время приступа раненъ въ голову полковникъ Поповъ, благополучно излечившійся отъ этой раны, а графъ Орловъ-Денисовъ получилъ поврежденіе бедра, отъ котораго онъ умеръ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль. Масса раненыхъ, тысячи труповъ, усѣявшихъ крѣпостныя стѣны, женщины, взятыя въ плѣнъ, и покинутыя дѣти—все это воскресаетъ въ моей памяти. Вотъ и памятникъ, возвышающійся надъ могилою убитыхъ. Много горестнаго припомнилось при видѣ этихъ мѣстъ; мои спутники были также подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о всѣхъ страданіяхъ, трудахъ и опасностяхъ, которые пришлось испытать на этомъ мѣстѣ русскимъ войскамъ.

¹⁾ Кала значитъ форты: у насъ были Ольгинская кала, Великокняжеская кала, Мельничная кала, Опорная кала, окружавшія крѣпость Геокъ-Тепе.

Буфетъ на станціи содержалъ армянинъ, участвовавшій въ походахъ въ качествѣ маркитанта. Мы у него завтракали, сидя въ верандѣ; позади насъ, въ станціонномъ саду, игралъ фонтанъ, цвѣли цвѣты,—нельзя было узнать этого мѣста.

Начальникъ станціи, офицеръ, бывшій въ 1880 г. молоденькимъ юнкеромъ въ отрядѣ Скобелева, привѣтствовалъ меня какъ стараго знакомаго. Мы съ нимъ быстро осмотрѣли окрестности и старались узнать среди этихъ большихъ пережвѣнъ гдѣ былъ фронтъ лагера, гдѣ проходили траншеи, гдѣ находился Ставропольскій редутъ, гдѣ Великокняжеская каля.

Вдругъ онъ прервалъ: „пора садиться въ вагонъ, третій звонокъ“. Воспоминанія наши были прерваны, мы пожали другъ другу руки—и машина умчала поѣздъ далѣе.

Исторія всего человѣчества аналогична съ нашею исторіею на этомъ клочкѣ земли, на поляхъ Геокъ-Тепе. Хищническое племя владѣло этою странною, наводя страхъ на всѣ окрестные народы. Земля эта должна была сдѣлаться нашимъ достояніемъ, кровь должна была пролиться для того, чтобы здѣсь были водворены порядокъ и законность, чтобы были проложены рельсы, по которымъ можно было-бы двинуться далѣе на востокъ. Безъ тѣхъ жертвъ, которыя покоятся подъ могильнымъ памятникомъ въ Геокъ-Тепе, не было-бы русско-азіатской желѣзной дороги. Ихъ память почтена не только надписью, высѣченною на этомъ памятникѣ, но и всѣми слѣдами культуры и цивилизаціи, намѣченными въ этой варварской странѣ.

Къ чести Россіи служить разница, существующая между настоящимъ и прошедшимъ, весьма лестная и для всякаго участника славнаго похода 1880—1881 гг.

Мои обязанности какъ отряднаго врача привели меня въ соприкосновеніе съ самою печальною стороною похода. Безконечно было поле, усыянное трупами, безчисленны мертвыя тѣла, усыявшія землю въ самой крѣпости и внѣ ея стѣнъ, также безчисленны были трупы вѣрныхъ спутниковъ челоуѣка—лошадей, которыя убитыя и раненыя валялись во рвахъ, заражая воздухъ. Въ этомъ случаѣ на мнѣ лежала суровая обязанность врача и гигиениста. Я не участвовалъ въ движеніи войска на Асхабадъ, не объѣзжалъ военныхъ дорогъ и тыла арміи, но цѣлыхъ два мѣсяца не отлучался изъ Геокъ-Тепе и исполнилъ свое дѣло до конца: похоронилъ или сжегъ тѣла умершихъ, ассенизировалъ рѣки и почву, настоялъ на томъ, чтобы лагерь былъ перенесенъ на другое мѣсто и предохранилъ наше отечество (прежде всего Кавказъ, а затѣмъ, быть можетъ, привле-

гающія губерніи остальной юго-восточной Россіи) отъ тифозной эпидеміи, которая могла быть занесена въ нее войсками, возвращавшимися изъ похода, какъ это случилось послѣ турецкой кампаніи 1877—1878 гг.

По словамъ Марвина, Скобелевъ исчислялъ, въ его присутствіи, число текинцевъ, убитыхъ во время бѣгства и преслѣдованія, въ 16,000. Допуская, что число это было вдвое меньше, все-же получается страшная картина убитыхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей, животныхъ, усѣявшихъ своими трупами тотъ путь, по которому они бѣжали въ пустынь; такое огромное количество труповъ должно было неминуемо оказать весьма вредное вліяніе на здоровье войскъ. Въ стѣнахъ крѣпости Геовъ-Тене мы нашли до 7,000 убитыхъ, почти столько-же труповъ было зарыто около крѣпости, едва засыпанныхъ землею, или подвергалось разложенію въ рѣкахъ. Вотъ на какой почвѣ стоялъ нашъ лагерь, съ семью—восемью тысячами человекъ войска; тутъ-же кутилось подъ открытымъ небомъ до 3,000 женщинъ и дѣтей, взятыхъ нами въ плѣнъ или, лучше сказать, оставшихся на нашихъ рюкахъ.

13-го января 1881 г., по утру, я явился къ Михаилу Дмитріевичу и подалъ ему рапортъ съ самымъ добрымъ стзывомъ о дѣятельности моихъ коллегъ-докторовъ и подчиненныхъ; генераль разрѣшилъ мнѣ представить всѣхъ къ наградамъ. Но пока это представленіе составлялось и переписывалосі, Скобелевъ уже былъ въ Асхабадѣ и, словомъ, генераль подписалъ его такъ поздно, что оно прибыло въ Петербургъ 3-го марта 1881 г., т. е. два дня послѣ смерти государя.

13-го января, Михаилъ Дмитріевичъ, въ теченіе нашего разговора, сказалъ мнѣ:

— „Ахъ, какъ я скучаю!“

— Какъ, воскликнулъ я въ изумленіи, вы скучаете на другой день послѣ побѣды? какая-же тому причина?

— „Потому что болѣе нечего дѣлать. Я скучаю, когда пули не свистятъ и когда болѣе не предвидится никакихъ дѣйствій“.

Я тогда-же указалъ на необходимость ассенизаци и начерталъ планъ необходимыхъ для этой цѣли работъ. Михаилъ Дмитріевичъ изъявилъ на него свое согласіе съ тою быстрою проицательностью, съ какою онъ схватывалъ всякій новый, даже до тѣхъ поръ чуждый ему, вопросъ. Онъ предоставилъ въ мое распоряженіе нѣсколько тысячъ рублей и назначилъ меня предсѣдательствующимъ ассенизационной комиссіи, которая была составлена изъ коменданта лагеря, одного

офицера Ставропольскаго полка, одного врача отъ общества „Краснаго Креста“, одного фармацевта и одного переводчика.

Когда войско двинулось 18-го января 1881 г. въ Асхабадъ, то офицеръ и докторъ отправились вмѣстѣ съ нимъ; нѣсколько дней спустя, туда-же былъ откомандированъ переводчикъ, старый кавказецъ, и такъ какъ комендантъ былъ заваленъ другими занятіями, то я остался, въ сущности, единственнымъ представителемъ комиссіи. Впослѣдствіи я взялъ себѣ въ помощники военнаго доктора, въ которомъ я встрѣтилъ усерднаго и знающаго сотрудника. Вмѣстѣ съ нимъ я обратился къ медицинскому инспектору въ Тифлисъ съ просьбою о присылкѣ дезинфекціонныхъ средствъ, такъ какъ весь запасъ, заготовленный мною съ этою цѣлью въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1880 г., оказался весьма незначительнымъ въ сравненіи съ ужасающею потребностью. Изъ Тифлиса немедленно были посланы большіе запасы, доставленные намъ со всевозможною поспѣшностью, но такъ какъ желѣзная дорога доходила только до Айдына, то дезинфекціонныя средства получены были лишь по прошествіи 5 недѣль. Тѣмъ временемъ приходилось какъ -нибудь изворачиваться. Я отправилъ нѣсколько посланцевъ въ Персію закупить сѣры и извести.

Генералъ Скобелевъ не нашель возможнымъ дать солдатъ для этой работы; оставалось нанимать рабочихъ, а такъ какъ въ степи не было иныхъ работниковъ, кромѣ бывшихъ въ плѣну у текинцевъ и нами освобожденныхъ персовъ, то я и обратился къ нимъ (многимъ изъ нихъ, по моему личному приказанію, были перепилены ножныя оковы). Персы оказались, однако, плохими работниками. Они вырывали ямы такъ неглубоко и засыпали трупы столь тонкимъ слоемъ земли, что намъ пришлось большинство изъ нихъ закапывать вновь, на этотъ разъ болѣе глубоко. Между тѣмъ, пока мы надсматривали за одними рабочими, другіе приняли участіе въ грабежѣ, снимали иной разъ съ труповъ одежду, причемъ въ оправданіе своихъ поступковъ говорили: „текинцы много лѣтъ грабили насъ, теперь нашъ чередъ вернуть то, что намъ принадлежитъ“.

Если кому-либо изъ нихъ удавалось стянуть пару ковровъ, халатъ или оружіе, то онъ исчезалъ ночью и бѣжалъ съ добычею домой. По прошествіи восьми дней, у насъ не осталось ни одного рабочаго. Наконецъ, мнѣ была дана въ распоряженіе, временно, небольшая команда пѣхоты и казаковъ. Послѣднихъ я заставилъ осмотрѣть и очистить рѣчки, изъ которыхъ мы брали воду для питья и варки кушанья. Въ чертѣ лагеря изъ этихъ ручейковъ было вытаснено и предано землѣ 32 трупа. По прошествіи нѣкотораго вре-

мени, текинцы начали возвращаться въ свои аулы и занимались къ намъ въ работники. Но, несмотря на хорошую плату, они исполняли это дѣло неохотно, смотрѣли на него какъ на барщину и каждая группа въ четыреста—пятьсотъ человекъ, проработавъ нѣсколько дней и приучившись къ порядку, непременно являлась къ намъ съ просьбою освободить ее и вызвать рабочихъ изъ другихъ ауловъ. Вслѣдствіе постоянной смѣны рабочихъ, безъ того сложное и трудное дѣло ассенизаціи становилось еще болѣе затруднительнымъ; при этомъ только часть текинцевъ являлась со своими лопатами; персы и наши солдаты таковыхъ не имѣли, поэтому я получалъ каждое утро лопаты, заступы, кирки отъ саперной команды и долженъ былъ сдавать ихъ вечеромъ обратно. Когда-же саперы сами выходили на работу, то мнѣ выдавали лишь половину или четверть нужныхъ мнѣ лопатъ и кирокъ. Въ такіе дни работа подвигалась у насъ медленно. По вечерамъ рабочіе сходились на площадку передъ моею кибиткою, усаживались на землю полукругомъ и клали передъ собою инструменты, которые отъ нихъ отбирались и сдавались по принадлежности. Тогда-же имъ выдавались заработанные деньги. Азіаты не брали нашихъ бумажекъ, поэтому мнѣ приходилось каждый вечеръ имѣть наготовѣ отъ ста до двухсотъ рублей звонкою монетою. Вначалѣ меня снабжало ею отрядное казначейство, но затѣмъ кассиръ заявилъ, что я одинъ потребляю весь запасъ серебра и что они не могутъ выдавать его въ такомъ количествѣ. Тогда я сталъ посылать каждое утро своего денщика и одного писаря, фельдшера или унтеръ-офицера на базаръ и въ лагерь, чтобы они намѣняли требуемую сумму русскою или персидскою серебряною монетою. Они бывали въ отсутствіи всегда по нѣсколько часовъ, а иногда и цѣлыми днями. Вечеромъ, нѣсколько человекъ насъ раздавало сидѣвшимъ въ кругу рабочимъ ихъ дневной заработокъ серебряною монетою, причемъ отъ нихъ требовалась квитанція въ полученіи денегъ. Иногда между ними оказывался грамотный, который и писалъ квитанцію отъ имени всѣхъ на татарскомъ или на персидскомъ языкѣ; иногда надо было искать писца на базарѣ. Квитанція препровождалась немедленно въ управление коменданта лагеря, гдѣ она переводилась на русскій языкъ и скрѣплялась подписью коменданта и приложеніемъ казенной печати. Безъ исполненія этой процедуры контроль не признавалъ израсходованною мною суммы законною; если у меня не хватало серебряной монеты, то рабочіе не являлись на слѣдующій день. Такимъ образомъ, я былъ связанъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока происходили ассенизаціонныя работы, и не могъ отлучиться ни на одинъ день.

Рабочіе исполняли свое дѣло какъ слѣдуетъ только тогда, когда за ними былъ строгій надзоръ. Я ѣздилъ изъ лагеря въ крѣпость рано утромъ и послѣ полудня и проводилъ ежедневно часовъ семь или восемь, наблюдая за этою ужасною работою. Мало помалу у меня выработалась цѣлесообразная метода. Вначалѣ дѣло это было для меня совершенно незнакомое. Все то, что мнѣ пришлось видѣть и примѣнять на дѣлѣ во время франко-прусской войны, не могло служить образцомъ здѣсь, въ Азіи. Тамъ мы имѣли въ достаточномъ количествѣ, даже въ изобиліи, перевозочныя средства, всѣ нужные инструменты, дезинфекціонныя средства и рабочихъ. Сосѣднія государства, въ особенности Бельгія, выслали намъ на помощь нѣсколько колоннъ своихъ собственныхъ могильщиковъ, которые привезли съ собою повозки, дезинфекціонныя средства и всевозможныя принадлежности. Всего этого не было теперь въ нашемъ распоряженіи. Дезинфекціонныхъ средствъ, закуленныхъ, по моему распоряженію, въ Баку, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1880 г., не хватило для огромнаго и непредвидѣннаго количества человѣческихъ и животныхъ труповъ, которые лежали незарытыми или были зарыты слишкомъ поверхностно, и для той массы грязи, которая накопилась въ крѣпости Геокъ-Тепе отъ пребыванія въ ней во время осады этой крѣпости 35,000 человѣкъ съ ихъ стадами. Я рассчитывалъ быстро достигнуть своей цѣли при помощи огня, но былъ знакомъ лишь съ устройствомъ герметическихъ печей, употребляемыхъ для сжиганія за-границею, и не зналъ, какъ производится сжиганіе труповъ на открытомъ воздухѣ. 14-го января 1881 г., въ присутствіи цѣлой комиссіи, мы сложили первый костеръ, положили на него до десяти труповъ и подожгли его. Пламя взвилось высоко, дерево быстро сгорѣло, но трупы были только до нѣкоторой степени обуглены. На костеръ былъ, между прочимъ, положенъ одинъ текинецъ въ полномъ одѣяніи; когда подпорки рушились, онъ чуть не вывалился изъ огня.

Въ ту минуту, какъ я толкнулъ этотъ трупъ обратно въ пламя съ помощью длиннаго шеста, патроны, бывшіе у него за поясомъ, воспламенились; сотрясеніе воздуха отбросило меня аршина на три отъ этого мѣста; вокругъ меня засвистали пули, но я остался невредимъ на этотъ разъ, точно также какъ и во все время похода. Этотъ способъ сжиганія требовалъ слишкомъ много дровъ, которыхъ у насъ было весьма мало, и не разрушалъ окончательно человѣческихъ труповъ, большіе-же трупы животныхъ оставались совсѣмъ нетронутыми. Впослѣдствіи я изыскалъ другой, вполне цѣлесообразный, способъ, который и предлагаю примѣнять во всѣхъ

походахъ. Въ одномъ изъ рововъ, коихъ было много въ крѣпости, я приказалъ сложить другъ на друга два и отнюдь не болѣе четырехъ труповъ, и завалить ихъ всевозможными вещами, подлежащими истребленію, соломою, навозомъ, домашнею утварью, прутьями, тряпками, а подъ ними оставить каналъ для притока воздуха. Все это прикрывалось войлокомъ со всѣхъ зараженныхъ кибитокъ, которыя я также долженъ былъ истребить. Такую кучу, устроенную на подобіе обыкновенныхъ угольныхъ ямъ, мы поджигали съ вечера и уходили. Огонь тлѣлъ подъ войлочнымъ покровомъ цѣлую ночь и на утро мы находили только обуглившіеся комки въ грудѣ зола. Огромное преимущество этого способа сжиганія заключалось въ отсутствіи того нестерпимаго запаха жаренаго мяса, который при открытомъ огнѣ былъ неустрашимъ. Такимъ способомъ я ежедневно сжигалъ по нѣсколько труповъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Но для массы мертвыхъ тѣлъ, лежавшихъ незарытыми слѣдовало придумать что-нибудь иное. Глинистая почва была слишкомъ тверда, наши инструменты слишкомъ для нея слабы, а рабочіе черезъ чуръ неумѣлые. Могила вырывалась не довольно глубока, а сжиганіе труповъ по нѣсколько въ день занимало много времени, въ этомъ случаѣ надобно было придумать что-либо иное. Поэтому мы запрудили воду въ одномъ изъ каналовъ, окружавшихъ Геокъ-Тепе, и, осушивъ его, получили такимъ образомъ глубокую и широкую яму, которая могла служить обширною общею могилою. Половину ея мы наполнили человѣческими трупами, а въ другую половину стащили трупы верблюдовъ. Нерѣдко приходилось 20-ти и даже 30-ти человѣкамъ приложить свои силы къ такому исполненію животному, чтобы стащить его съ мѣста. Дабы имѣть достаточно земли для засыпки этой громадной могилы, я испросилъ у Скобелева разрѣшеніе разрушить верхній этажъ глиняныхъ стѣнъ Геокъ-Тепе. Итакъ, стѣны знаменитой текинской крѣпости были разрушены частью для санитарныхъ цѣлей; вотъ причина, вслѣдствіе которой онѣ кажутся теперь столь незначительными. Я самъ направилъ на нихъ первый ударъ лома. Не зная тогда ни одного азіатскаго языка, мнѣ приходилось постоянно объяснять всякое дѣло, лично прилагая къ нему руки. Я поставилъ, на верхней стѣнѣ около сотни рабочихъ, другую сотню на средней террасѣ и третью на землѣ, между тѣмъ какъ остальные рабочіе были заняты въ другомъ мѣстѣ. Верхнимъ ста рабочимъ я показалъ собственноручно какъ разбивать стѣну и бросать землю на среднюю террасу, затѣмъ я спустился ко второму ряду рабочихъ, схватилъ лопату передняго изъ нихъ и откинулъ

землю далѣе къ тому мѣсту, гдѣ стояла третья сотня. Сойдя къ ней, я взялъ снова въ руку лопату и бросилъ нѣсколько комовъ земли на трупы, лежавшіе въ ямѣ, затѣмъ спросилъ рабочихъ: поняли-ли они меня? Громкое алла или ура было мнѣ отвѣтомъ и въ полъ-дня значительная часть стѣны была разрушена и обширная могила съ ея печальнымъ содержимымъ наполовину засыпана землею. Этотъ способъ далъ въ теченіе недѣли ббльшіе и лучшіе результаты, нежели сжиганіе труповъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

Когда Скобелевъ возвратился изъ Асхабада, то, объѣзжая съ нимъ крѣпость, я могъ показать ему, что въ стѣнахъ ея не было болѣе труповъ.

На площадкѣ самой высокой стѣны я нашелъ пять убитыхъ воиновъ, въ сидячемъ и лежащемъ положеніи, вокругъ недоконченнаго обѣда. Посреди нихъ стоялъ еще треножникъ на угольяхъ, а на немъ желѣзная сковорода съ кашею; одинъ изъ убитыхъ стоялъ возлѣ него на колѣняхъ, прислонившись къ стѣнѣ, другой упалъ прямо на лицо, третій лежалъ, вытянувшись на спинѣ, Граната застигла ихъ во время ѣды и всѣхъ уложила на мѣстѣ. Никто изъ текинцевъ не позаботился во время осады и канонады похоронить этихъ несчастныхъ; я нашелъ ихъ въ этомъ положеніи и приказалъ снести полуразложившіеся ихъ трупы внизъ и сжечь ихъ въ одеждѣ и съ вооруженіемъ.

Между прочимъ, были и такіе случаи: внутри крѣпости, на открытой равнинѣ, на всемъ пространствѣ, доступномъ взору, не было ничего видно, и, однако, сильный трупный запахъ обнаруживалъ присутствіе вблизи мертваго тѣла. Наконецъ, мы открыли чрезъ маленькое отверстіе въ землѣ, что въ одной саклѣ, входъ въ которую былъ заваленъ, лежалъ непогребенный одинъ или нѣсколько труповъ.

Работы, казалось, близились уже къ концу, когда я посѣтилъ отдѣльно стоявшій фортъ на западной сторонѣ внѣ крѣпостныхъ стѣнъ. Я нашелъ все внутреннее пространство этого форта наполненнымъ трупами людей, лошадей и коровъ, лежавшихъ на соломѣ и навозѣ. Этотъ фортъ былъ атакованъ 12-го января 1881 года утромъ, съ внѣшней стороны, третью штурмовою колонною, подъ командою подполковника Гайдарова. Большая часть гарнизона успѣла спастись, перелѣзши черезъ стѣны, но животные были заперты въ немъ, такъ какъ доступъ въ фортъ находился съ внѣшней стороны. Поэтому текинцы перерѣзали своимъ чуднымъ скакунамъ горло, чтобы они не достались въ руки непріятеля, но они

такъ сгѣшили, что не имѣли времени снять съ лошадей сѣдель и серебряной сбруи. Такимъ образомъ, мы не поживились ни одною порядочною лошадыю,—текинцы или увели ихъ вмѣстѣ съ собою, или сами убили ихъ на мѣстѣ.

Этотъ фортъ представлялъ ужасное зрѣлище. Я приказалъ сжечь всю его внутренность, а затѣмъ мы разломали одну стѣну и засыпали этою землею все то, что не было уничтожено пламенемъ. Нашъ лагерь былъ также усѣянъ только-что зарытыми трупами. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы часто ходили или ѣздили, изъ земли высовывались черепа и нерѣдко чья-нибудь палатка стояла надъ свѣжею могилою, въ которой трупъ былъ засыпанъ самымъ тонкимъ слоемъ земли.

При работахъ въ крѣпости намъ мѣшали, между прочимъ, безчисленныя собаки текинцевъ. Онѣ были двухъ породъ: знаменитыя, красивыя борзые и большія, сильныя дворовыя собаки. Собаки днемъ обменовенно убѣгали отъ насъ, но по ночамъ возвращались въ крѣпость, вырывали своихъ хозяевъ изъ земли, ложились возлѣ нихъ и караулили ихъ.

III.

Вслѣдствіе ассенизаціонныхъ работъ, мнѣ пришлось быть вдали отъ раненыхъ и отказаться на время отъ моей спеціальнойности—хирургин. Только рано утромъ, принявъ холодную душу и переѣвнивъ ту одежду, въ которой былъ на ассенизаціонныхъ работахъ, я посѣщалъ раненыхъ и справлялся объ ихъ здоровьи. Полковникъ Ципринскій, нынѣшній комендантъ Пятигорска, получилъ во время штурма незначительную, повидимому, пулевую рану въ плечо, но съ пораженіемъ главнаго нерва, причѣмъ рука его оказалась парализована. Понятно, что онъ былъ крайне огорченъ этимъ и я выслушивалъ каждое утро его горькое сѣтованье на судьбу; зато князь Андрониковъ встрѣчалъ меня всегда съ одинаково любезною улыбкою. Ему раздробила пуля кости предплечья; онъ страдалъ сильно и долго, но отдѣлался отъ своей раны благополучнѣе, нежели Ципринскій. Они служили оба въ Ставропольскомъ полку. Моряки Шемакъ и Майеръ, также тяжело раненые, переносившіе свои страданія мужественно, оба принадлежали къ Кронштадтской морской батарее. Полковникъ Апшеронскаго полка Поповъ былъ раненъ при штурмѣ въ голову и получилъ сотрясеніе мозга. Жизнь его внушала намъ долгое

время серьезныя опасенія, однако, онъ выздоровѣлъ и посѣтилъ меня въ послѣдствіи въ Пятигорскѣ совершенно здоровый и цвѣтущій, съ живѣйшею благодарностью вспоминая о нашихъ заботахъ о немъ. Онъ не позабылъ того, какъ я нашелъ его вечеромъ, въ день штурма, облитого кровью, перевязалъ рану, очистилъ и переодѣлъ его. При этой перевязкѣ помогала мнѣ сестра милосердія Стрякова, всѣми глубоко уважаемая, весьма дѣльная женщина. При пользованіи Шемама я примѣнилъ съ успѣхомъ чисто консервативный способъ леченія подъ струпу.

Въ общемъ, пребываніе на мѣстности, покрытой трупами, было неблагопріятно для исхода леченія ранъ. Весьма опасно было также появленіе во всѣхъ палаткахъ и кибиткахъ захваченныхъ у непріятелей вещей, въ особенности ковровъ и халатовъ, которые находились, можетъ быть, по нѣсколько недѣль въ соприкосновеніи съ трупами.

Трехдневное разграбленіе Геокъ-Тепе было такою мѣрою, которая въ нравственномъ и физическомъ отношеніи принесла побѣдителямъ не менѣе вреда, нежели побѣжденному. Она распространила среди насъ въ первые-же дни сыпной или, такъ называемый, военный тифъ. Въмѣсто того, чтобы содѣйствовать устраненію заразы и грязи, солдаты, принимавшіе участіе въ разграбленіи, перерыли всѣ уголки, такъ какъ нѣкоторымъ изъ нихъ удалось найти спрятанные или зарытые горшки съ серебряною монетою, что и возбудило алчность прочихъ. Единственное что мнѣ оставалось дѣлать, было то, что я не позволилъ никому, изъ находившихся со мною въ непосредственныхъ сношеніяхъ по службѣ или изъ подчиненныхъ мнѣ, принять участіе въ разграбленіи, и не скрывалъ моего негодованія по этому поводу отъ генерала.

— „Вы этого не понимаете, любезный докторъ, это особенность азіатской войны“, сказалъ на это Михаилъ Дмитріевичъ.

— Она кажется мнѣ черезчуръ азіатскою. Единственнымъ оправданіемъ нашего появленія въ этой странѣ и того, что мы внесли сюда войну, служить распространеніе европейской цивилизаціи; въ такомъ случаѣ, мы не должны, кажется, поступать хуже, нежели сами азіатцы.

— „Вотъ этого-то именно вы и не можете вполне понять, такъ какъ вы не жили въ Азіи. Если-бы я не разрѣшилъ разграбленія Геокъ-Тепе, то азіатцы не считали-бы себя побѣжденными. Разрушеніе и разграбленіе должны сопровождать побѣду, иначе они не будутъ считать ее побѣдою“.

Я долженъ сознаться, что теперь, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря прибрѣтенной опытности и знакомству съ азіатскою жизнію, мнѣ понятнѣе аргументація Скобелева въ этомъ отношеніи, но въ то время онъ не могъ убѣдить меня.

Кромѣ поистинѣ ужасныхъ и крайне противныхъ ассенизаціонныхъ работъ, въ то время приходилось переносить вообще много неприятнаго и тяжелаго. Эвакуація раненыхъ шла, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, какъ-то: дурныхъ дорогъ, недостаточныхъ перевозочныхъ средствъ и т. п., весьма медленно, а я считалъ пребываніе въ Геокъ-Тепе раненыхъ опаснымъ для ихъ жизни, и тогда же предложилъ Михаилу Дмитріевичу перенести нашъ лагерь выше по теченію рѣкъ, на здоровую почву, что было разрѣшено мнѣ впоследствии, въ началѣ марта 1881 г. Но въ первый разъ слова мои привели Скобелева въ совершенную ярость и онъ воскликнулъ:

— „Какъ, вы рѣшаетесь предложить мнѣ подобную вещь, вы, участвовавшій въ столькихъ войнахъ. Я долженъ, видите-ли, оставить Геокъ-Тепе, этотъ символъ побѣды, изъ за однихъ только санитарныхъ соображеній. Никогда!“

— Я не говорю о томъ, чтобы оставить его, мы отодвинемъ только лагерь нѣсколько верстъ ближе къ Копеть-Дагу, гдѣ въ рѣкахъ нѣтъ труповъ, гдѣ земля не переполнена убитыми, подальше отъ ужасной, смертоносной атмосферы этой крѣпости; здѣсь можетъ оставаться усиленный караулъ, который смѣняется черезъ день или ежедневно; мы будемъ являться каждое утро съ рабочими, а вечеромъ будемъ возвращаться назадъ. Но госпиталь слѣдуетъ удалить отсюда, точно также какъ войска и нашихъ офицеровъ; вамъ самимъ не слѣдуетъ жить на этой зараженной почвѣ.

— „Примите инныя мѣры противъ тифа, но мы должны пробыть еще нѣкоторое время на мѣстѣ побѣды, на завоеванномъ полѣ битвы“.

Точно также нельзя было добиться вначалѣ строгаго исполненія приказанія не держать въ палаткахъ текинской одежды и ковровъ и наблюдать извѣстную скромность на счетъ питанія. Солдаты съ наслажденіемъ предавались давно неизвѣданному удовольствію полакомиться обильною пищею. Двое изъ нихъ съѣли въ одинъ день цѣлаго барана. Другіе пекли цѣлыми днями пышекъ изъ найденныхъ запасовъ муки и жира и, обременя желудокъ, тѣмъ самымъ подготавливали благопріятную почву для тифа. Первымъ заболѣлъ тотъ баталіонъ Апшеронскаго полка, который первый вступилъ въ караулъ въ крѣпость, за нимъ заболѣла часть Дагестанскаго полка. Въ первый день было 30 заболѣваній, во второй 40, на третій 50. Я уединилъ тифозныхъ больныхъ отъ раненыхъ; они не только лежали въ совершенно отдѣльныхъ палаткахъ, но и санитарному персоналу не было дозволено сообщаться между собою. Военно-временный госпиталь № 4 былъ переведенъ изъ Самурска

въ Геовъ-Тепе; палатки дезинфицированы и ежедневно обкуривались карболкою.

Скобелевъ подтрунивалъ надо мною за то, что я потребовалъ, между прочими дезинфекціонными средствами, карболоваго мыла.

— Не желаете-ли вы выписать одеколону и туалетнаго уксуса? спросилъ онъ меня шута.

— Почему-же нѣтъ, если бы это было возможно? возразилъ я. Во время франко-прусской войны, когда я былъ главнымъ врачомъ въ Нейвидѣ, мнѣ прислали изъ Кёльна такъ много одеколону, что я дѣйствительно могъ употреблять его для больныхъ. Когда я путешествовалъ впослѣдствіи по Швеціи, то король шведскій спросилъ меня:—, правда-ли, что у меня въ госпиталяхъ дамы натирали больныхъ и раненыхъ одеколономъ? Дѣло было такъ. Сотни раненыхъ, по большей части французовъ, которые, по сдачѣ Меца, прибыли изъ тамошнихъ госпиталей, не были перевязываемы, какъ оказалось, по нѣсколько дней, иногда даже по нѣсколько недѣль. Они были покрыты запекшеюся кровью, присохшимъ гноемъ и липкимъ пластыремъ. Весь санитарный персоналъ Нейвида: врачи, сестры милосердія и члены дамскаго кружка, цѣлые три дня были заняты отчисткою этихъ несчастныхъ: приготовляли для нихъ ванны, перевязывали и переодѣвали ихъ. По этому случаю я пустилъ въ ходъ мой запасъ одеколону и, соединяя пріятное съ полезнымъ, посоветовалъ намачивать въ него вату и оттирать ею пластырь и т. п.

Скобелевъ посмѣялся надъ моимъ разсказомъ, найдя, что съ моей стороны было весьма любезно облегчить дамамъ ихъ тяжелую работу благоуханіемъ.

— Я вижу, что вы избаловались въ школѣ европейской войны. Вы предъявляете слишкомъ большія требованія. Я считаю ложною всю современную систему черезъ чуръ большаго нѣжничанья съ ранеными солдатами ¹⁾. Но какимъ образомъ король шведскій могъ узвать этотъ маленькій анекдотъ?

— Нашъ госпиталь въ Нейвидѣ считался образцовымъ и былъ извѣстенъ русскими шатрами, присланными императрицею Марією Александровною; шатры эти я снабдилъ къ зимѣ печами и окнами. Изъ Америки, Россіи и Германіи пріѣзжали врачи осматривать это заведеніе, между ними было 4 доктора изъ Швеціи, командированныхъ правительствомъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Они находились у насъ, въ Нейвидѣ, въ то время, когда были привезены

¹⁾ Приблизительно то-же самое говорилъ императоръ Вильгельмъ I, когда онъ принималъ въ Берлинѣ депутата санитарнаго конгресса.

раненные изъ Меца. Кромѣ того, предсѣдательницею женскаго кружка и владѣтельницею Нейвида была принцесса Видская, сестра королевы шведской и мать королевы румынской. Она принимала постоянно участіе въ уходѣ за больными. Если я не ошибаюсь, то принцесса сама была свидѣтельницею наводненія „госпиталя одеколономъ“.

Тифъ добрался, мало по малу, до врачей, офицеровъ и ординарцевъ генерала Скобелева. Наконецъ, 27-го февраля 1881 года, Михаилъ Дмитріевичъ, прощаясь со мною на персидской территоріи, сказалъ мнѣ:

— „Передайте начальнику штаба полковнику Гродекову, чтобы лагерь былъ перенесенъ на новую территорію, и возьмите на себя выборъ наиболѣе удобнаго для него мѣста“.

Въ началѣ марта 1881 г. мы переселились на здоровую почву, и эпидемія прекратилась.

Между мною и Скобелевымъ возникали разногласія и по поводу другихъ санитарныхъ мѣропріятій. Когда вопросъ о дислокаціи и распущеніи войска былъ рѣшенъ, то Михаилъ Дмитріевичъ заявилъ мнѣ:

— „Я отправлю прямо на тотъ берегъ зараженные баталіоны Апшеронскаго, Дагестанскаго, Самурскаго и Ширванскаго полковъ, которые находятся уже такъ долго на этомъ берегу“.

— Мы не имѣемъ права этого сдѣлать, ваше пр—во, мы рисковали-бы этимъ заразить Кавказскую армію и, быть можетъ, занести тифъ въ населеніе края. Мы не смѣемъ повторить ошибку, сдѣланную послѣ турецкой войны, вслѣдствіе которой войска, возвращавшіяся съ театра военныхъ дѣйствій, распространили тифъ по всей Россіи. Почему знать, можетъ быть ветлянская чума была не что иное, какъ самая тяжелая форма сыпнаго тифа?

— „Ваше дѣло, сказалъ командующій, только заботиться о здоровьи ввѣренныхъ мнѣ войскъ. На то вы и отрядный врачъ; вѣдь мы согласны съ вами относительно дислокаціи въ принципѣ“.

— Михаилъ Дмитріевичъ, не сердитесь, если я не соглашаюсь съ вами. Мы можемъ совершить дислокацію инымъ способомъ, не отправляя войска немедленно на тотъ берегъ. Мы можемъ дать заразъ развиться здѣсь, дать войскамъ переболѣть во время ихъ медленнаго передвиженія на родину. Мы имѣемъ на обѣихъ военныхъ дорогахъ достаточно госпиталей для приѣма больныхъ. Баталіоны должны быть еще дезинфицированы и надобно дать властямъ на томъ берегу время принять съ своей стороны необходимыя мѣры предосторожности.

Скобелевъ не хотѣлъ уступить. Я не могъ уступить. Мы разстались, не придя къ соглашенію, и генераль былъ сердитъ на меня. Полчаса спустя, онъ прислалъ за мною ординарца Д.

— *Voyons, docteur, il faut pourtant trouver le moyen de nous entendre.* Присядьте и изложите мнѣ письменно вашъ планъ и ваши доводы, противорѣчащія моему намѣренію.

Такъ и было. Прочтя написанное мною, генераль сказалъ по нѣмецки:

— Превосходно; вотъ это я понимаю. Теперь отправимте одинакаго содержанія телеграммы, подобно тому, какъ дипломаты пишутъ одинакія ноты, я—великому князю главнокомандующему, а вы—медицинскому инспектору; тогда на томъ берегу могутъ быть приняты необходимыя мѣры предосторожности, а мы двинемъ тѣмъ временемъ войска медленно къ морю.

Войска, подлежащія отправленію на тотъ берегъ, были двинуты по Атрекской и Михайловской дорогамъ къ приморскимъ пунктамъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились госпитали или лазареты, они имѣли 2—3 дневную дневку, какъ-то: въ Дурунѣ, Бами, Ходжамъ-Калѣ, Чикишлярѣ и на Михайловской дорогѣ въ Кизиль-Арватѣ, Айдинѣ, Михайловскѣ и Красноводскѣ. Больные поступали тутъ въ госпитали, выздоравливающіе выписывались и присоединялись къ войску. Я объѣзжалъ въ это время объ дороги и контролировалъ выполненіе этой мѣры. На берегу моря, въ Чикишлярѣ и Михайловскѣ, были устроены дезинфекціонныя камеры и бани. Солдаты должны были сжигать всѣ старыя тряпки и мундиры, раздѣваться до-нага и вымыться въ банѣ. Тѣмъ временемъ ихъ вещи дезинфецировались въ сѣрныхъ парахъ и, по выходѣ изъ бани, имъ выдавались на другой сторонѣ свѣжее бѣлье и дезинфецированная ихъ одежда. Для перевозки солдатъ были наняты особыя суда, на которыхъ пассажировъ и товаръ не перевозили. Когда войска достигали берега моря послѣ 3—4-хъ-недѣльнаго перехода по степямъ Закаспійской области, къ нимъ успѣли уже присоединиться не мало выздоровѣвшихъ отъ тифа, а въ самомъ батальонѣ не осталось болѣе людей зараженныхъ. Они справились съ болѣзнью на пройденной территоріи, такъ сказать, на вольномъ воздухѣ. Среди нашихъ войскъ, когда они прибыли на другой берегъ, не было уже ни одного случая заболѣванія сыпнымъ тифомъ, точно также мы не занесли болѣзни ни въ Кавказскую армію, ни въ среду туземнаго населенія края. Я считаю этотъ фактъ торжествомъ гигиены и смотрю на него, какъ на награду за все тяжелое и трудное, что довелось перенести.

Скобелевъ былъ слишкомъ уменъ, развитъ и хорошо образованъ, а потому быстро понялъ правильность моихъ медицинскихъ и гигиеническихъ мѣропріятій и, въ концѣ концовъ, изъявилъ на нихъ свое согласіе.

Но тотъ фактъ, что для примѣненія ихъ мнѣ часто приходилось вначалѣ выдерживать борьбу, изъясняется тѣмъ, что, 7 — 8 лѣтъ тому назадъ, принципы гигиены, ихъ важность для народнаго здоровья еще не такъ вошли въ общее сознаніе, какъ теперь. Съ другой стороны, мое противорѣчіе командующему войсками принималось военными какъ нарушение дисциплины. Эти столкновения между медицинскими требованиями съ одной стороны и военною дисциплиною съ другой — всегда существовали и до извѣстной степени всегда будутъ. Но я надѣюсь, что важность предупредительныхъ гигиеническихъ мѣръ будетъ болѣе и болѣе признаваема какъ обществомъ, такъ и военною администраціею.

Изъ восточной войны припоминаю подобный-же случай, гдѣ мое заступничество за раненыхъ и больныхъ едва не вызвало столкновения съ военнымъ начальникомъ, генераломъ Тергукасовымъ, бывшимъ старшимъ по лѣтамъ Михаила Дмитріевича Скобелева и болѣе его опытнымъ. Тергукасовъ принялъ дѣло иначе и далъ ему другой оборотъ.

Лѣтомъ 1877 года, по личному приказанію е. и. высочества великаго князя главнокомандующаго, я отправился изъ Александрополя въ Эривань и въ Игдиръ, въ качествѣ полевого хирурга, и исполнялъ операціи, особенно резекціи на раненыхъ. Когда командиръ Эриванскаго отряда, генералъ Тергукасовъ, посѣтилъ госпиталь и, собравъ медицинскій персоналъ, объявилъ, что раненые и больные должны быть эвакуированы въ Эривань въ теченіе сутокъ и что для этой цѣли извѣстное число арбъ будетъ въ распоряженіи врачей къ слѣдующему утру, въ 4 часа,—я вступился за вновь резекціонныхъ, исцѣленіе которыхъ вполне зависитъ отъ спокойствія и недвижности, и просилъ для нихъ исключенія. Помню, что у меня въ разговорѣ проскользнуло слово: „я не позволю ихъ тащить на арбахъ“.

Тергукасовъ посмотрѣлъ на меня весьма серьезно, почти строго, но потомъ спросилъ:

— А если я ихъ велю на рукахъ нести въ носилкахъ, это вы позволите?

Такъ и было сдѣлано. Резекціонныхъ я опять встрѣтилъ въ Эривани; переноску на рукахъ они вынесли хорошо.

IV.

Тяжелое было время, пережитое нами въ Геокъ-Тепе. Не легко было перенести пребываніе среди скучной, пустынной равнины, быть оторваннымъ отъ культурнаго міра, отъ семьи, общества музыки, литературы и науки. Вся бібліотека заключалась въ XIII-мъ томѣ свода законовъ. Всякая книга была такимъ сокровищемъ, что я помню малѣйшія подробности, при которыхъ я получилъ ту или другую книгу или кто именно затерялъ мнѣ какое-нибудь сочиненіе.

Моя семья выслала мнѣ „Les lois en exil“, Дод е, книгу, которая тогда только-что вышла. Она перешла отъ меня къ Михаилу Дмитріенчу, а отъ него попала въ другія руки и такъ обошла весь лагерь; обратно я получилъ книгу отъ полковника Куропаткина. У покойнаго NN. находилось „Путешествіе Вамбери по Средней Азіи“; особенно интересно было прочесть эту книгу на мѣстѣ; онъ одолжилъ намъ ее всѣмъ поочереді. Я получалъ во все время похода медицинскую и политическую газету весьма аккуратно, т. е. съ каждою почтою, а это случалось разъ, а впоследствии два раза въ недѣлю. Какъ только приходила полевая почта, въ мою палатку являлись гости.

„Почта пришла“, говорилъ одинъ.

„Получили вы уже газету?“ освѣдомлялся другой.

Третій являлся одновременно съ почталіономъ. Офицеры, врачи, фармацевты наполняли мою маленькую юламейку; пока я проглатывалъ письма, они читали газеты; двое просматривали главный листъ, третій—прибавленіе. Телеграммы читались вслухъ. Но газету никто не смѣлъ брать съ собою, такъ какъ поздно вечеромъ или ночью Скобелевъ присылалъ ординарца или кого другаго съ просьбою одолжить ему газету. Я отмѣчалъ для него болѣе важныя статьи.

Я почти одинъ во всемъ отрядѣ получалъ газеты и письма такъ аккуратно, и это стоило мнѣ много денегъ, хлопотъ и не мало заботъ, но зато я не оставался безъ извѣстій изъ дома и изъ Европы. Всякій разъ, какъ мы мѣняли мѣсто стоянки, я оставлялъ на почтѣ письменное заявленіе, съ просьбою пересылать мнѣ письма и газеты въ новое наше мѣстопробываніе; въ то-же время я сообщалъ по телеграфу эту просьбу и мой новый адресъ въ Бакінскій почтамтъ, въ Петербургъ, въ редакціи газетъ и моему семейству. Скобелевъ-же выписывалъ 15 журналовъ и газетъ, на русскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, и французскомъ языкахъ, между

прочимъ, разныя спеціальныя и политическія газеты, но они выслались вначалѣ въ Красноводскъ и адресъ этотъ не измѣнялся въ теченіе цѣлыхъ десяти мѣсяцевъ. Когда мы прибыли, по окончаніи похода въ Красноводскъ, Михайлѣ Дмитріевичѣ привелъ меня въ залу, у стѣвъ которой были наложены цѣлыя груды его журналовъ.

— „Предлагаю вамъ вознаградить себя за ваши газеты. Вы можете теперь получить все это“, сказалъ онъ, улыбаясь.

V.

Во время нашего пребыванія въ Геокъ-Тепе, случилось еще нѣсколько интересныхъ эпизодовъ.

Вскорѣ послѣ умиротворенія Ахалскаго оазиса, Скобелевъ пришель однажды ко мнѣ, сіяющій, съ письмомъ въ рукахъ, и сказалъ:

— Вотъ первый политическій результатъ нашей побѣды! Персидскій шахъ отправилъ посланцевъ, чтобы привѣтствовать насъ. Меня спрашиваютъ письменно, приму-ли я посольство. Разумѣется, приму. Пусть только пріѣдетъ!

Онъ отправилъ джигита съ пригласительнымъ письмомъ къ персидскому послу, Шуджаудъ-Дауле-хану, дядѣ шаха и губернатору Киджана, который былъ уже въ пути съ большою свитой.

Въ лагерѣ начались приготовления. Въ чертѣ нашей стоянки былъ отдѣленъ четырехугольникъ для персовъ; музыканты разучивали персидскій національный гимнъ; казаки упражнялись въ джигитовѣ; наводились справки—кто изъ переводчиковъ или офицеровъ понималъ по-персидски. Оказалось, что подполковникъ Самурскаго полка Гайдаровъ былъ превосходный знатокъ персидскаго языка. Когда все было приготовлено какъ слѣдуетъ, для персовъ отведено нѣсколько кибитокъ, убранныхъ коврами, и получено извѣстіе, что Шуджаудъ-Дауле-ханъ, сопровождаемый 300 всадниковъ, находится уже въ Копетъ-Дагѣ, на разстояніи одного только дня ѣзды, Скобелевъ внезапно уѣхалъ въ Асхабадъ, отдавъ приказаніе принять персидскаго сановника съ подобающею почестью, выставить почетный караулъ и т. д., и когда посоль пріѣдетъ въ лагерь, послать о томъ гонца съ извѣстіемъ къ нему, Михайлу Дмитріевичу, въ Асхабадъ.

Узнавъ черезъ своихъ шпіоновъ, что Скобелевъ уѣхалъ изъ лагеря, Шуджаудъ-Дауле-ханъ не двинулся съ мѣста. На слѣдующій день отъ Михайла Дмитріевича явился гонецъ съ вопросомъ: „прибыли-ли персы?“ Ему отвѣчаютъ: „нѣтъ“.

Вслѣдъ затѣмъ явился посланный отъ Шуджаудъ-Дауле-хана, съ вопросомъ: „вернулся-ли генераль“, ему также отвѣчаютъ: „нѣтъ“.

Такимъ образомъ оба посылали джигитовъ, справляясь другъ о другѣ; каждому изъ нихъ хотѣлось, чтобы другой пріѣхалъ сперва, а затѣмъ уже совершить свой собственный вѣздъ. Наконецъ, персамъ стало въ горахъ холодно — тогда былъ февраль мѣсяць (1881 г.)—и они рѣшились пріѣхать въ лагерь. На встрѣчу имъ выѣхала казацкая сотня. Мы видѣли изъ лагеря, какъ они встрѣтились у подошвы горной цѣпи, какъ казаки произвели джигитовку, и вслѣдъ затѣмъ весь поѣздъ тронулся; Арцишевскій ѣхалъ рядомъ съ ханомъ, за ними адъютанты и офицеры хана, потомъ сотня казаковъ и обозъ: сокольничьи, повара, тѣлохранители, верблюды, ослы, лошади, бараны. Такимъ образомъ, составилъ большой караванъ. Когда они подѣхали къ лагерю, наши музыканты заиграли персидскій маршь, ханъ далъ знакъ своему шталмейстеру Рамазанъ-хану и нѣсколькимъ слугамъ снять его съ лошади и направился къ намъ, ожидавшимъ его близъ устроенной для него палатки. Послѣдовало взаимное представленіе; ханъ освѣдомился о томъ, гдѣ находится генераль и скоро-ли онъ возвратится. Въ его присутствіи, къ Михаилу Дмитріевичу былъ отправленъ джигитъ съ извѣстіемъ о прибытіи посольства.

Шуджаудъ-Дауле-хану было лѣтъ подъ пятьдесятъ, но на видъ онъ былъ гораздо старше, въ высшей степени худошавъ; лицо имѣлъ продолговатое, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, прищуренными глазами и весьма пріятною улыбкою. Выраженіе его лица было интеллигентное и разговоръ былъ пріятенъ, какъ рѣчь чловѣка образованнаго. Руки и ноги у него были длинныя, узкія, и послѣднія, очевидно, не привыкли къ ходьбѣ. Онъ опирался при ходьбѣ на двухъ приближенныхъ, которые почти тащили его. Лицо его было обрамлено длинными крашенными усами, по персидской модѣ. Онъ носилъ восточную саблю, усыпанную драгоценными камнями; одежда его была сдѣлана изъ темной шелковой матеріи, опушенная дорогимъ мѣхомъ; на ногахъ были обыкновенныя башмаки и бѣлые англійскіе нитяные чулки; въ торжественныхъ случаяхъ онъ надѣвалъ высокіе сапоги. На персидской мѣховой шапкѣ у него былъ аграфъ изъ рубинъ и брилліантовъ. Хана сопровождали два сына, 23-хъ и 16-ти лѣтъ; дядя его, слабенькій старичекъ, одинъ артиллерійскій генераль исполинскаго роста, шталмейстеръ Рамазанъ-ханъ и изрядное количество офицеровъ и чиновниковъ, все болѣе или менѣе богато одѣтые и вооруженные. Въ нашемъ

отрядъ находился одинъ подполковникъ персидской службы Сульфагаръ-ханъ, совершившій съ нами весь походъ и говорившій по-французски. Онъ перезнакомилъ насъ съ персами. Между тѣмъ, ихъ свита прибыла также въ лагерь и начала устраиваться по домашнему. Мигомъ были разбиты красивыя четырехугольныя, двойныя палатки, разложенъ огонь, вбиты колья для лошадей, сдѣланы загороди для коровъ и овецъ. Среди прислуги мы замѣтили негровъ, музыкантовъ въ мундирахъ и погонщиковъ верблюдовъ въ пестрыхъ одѣяніяхъ. У нихъ было съ собою все необходимое для большаго хозяйства и они устраивались ловко и проворно.

Мы предложили гостямъ чаю; они достали свонизящныя чубуки. Слуга-негръ подалъ чубукъ камерлакею, тотъ передалъ его шталмейстеру, а шталмейстеръ — хану. Затянувшись нѣсколько разъ, ханъ предложилъ намъ курить, и чубукъ передавался по очереди всѣмъ присутствующимъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, начался фейерверкъ, спущенный по этому случаю артиллеристами. Для Геокъ-Тепе въ 1881 году фейерверкъ былъ довольно сносный. Въ настоящее время въ Закаспійской области можно увидѣть что-нибудь лучше и поэффектнѣе въ области пиротехники.

Нашимъ гостямъ фейерверкъ понравился чрезвычайно; точно также имъ доставили большое удовольствіе русскія, нѣмецкія и итальянскія мелодіи, размыгранныя нашими музыкантами. Наконецъ мы сѣли за столъ. Хозяева были голодны не менѣе гостей. За войскомъ слѣдовалъ итальянецъ-маркитантъ, который за хорошую плату доставлялъ намъ хорошія вина и сносную їду¹⁾. Столъ былъ накрытъ въ трехъ соединенныхъ кибиткахъ. Ханъ былъ посаженъ на почетное мѣсто, прочіе сидѣли по чинамъ, каждый изъ русскихъ рядомъ съ персомъ. Позади насъ стояли переводчики и переводили. Съ Сульфагаръ-ханомъ, говорившимъ по-французски, мы могли бесѣдовать безъ переводчика; съ Гайдаровымъ могли говорить персы безъ посторонней помощи. Было весьма оживленно. Гости пили вино также охотно, какъ и мы, и въ особенности дѣлали честь шампанскому.

На слѣдующее утро я поѣхалъ къ Шуджаудъ-Дауле-хану освѣдниться объ его здоровьи. Въ то-же время я сказалъ ему, что если онъ или его слутники будутъ нуждаться въ медицинсой помощи или совѣтѣ, то они могутъ обращаться ко мнѣ и что я считаю

¹⁾ Этотъ самый итальянецъ живетъ теперь въ Кланъ-Арватѣ, а его сынъ содержитъ заводъ сельтерской воды въ Чарджуѣ (1887 г.). О. Г.

себя отвѣтственнымъ за ихъ благополучіе въ этомъ отношеніи. Наши восточные гости охотно воспользовались моимъ предложеніемъ, совѣтывались со мною по дѣльнымъ часамъ и затѣмъ преспокойно прятали рецепты или лекарства въ карманъ, говоря, что займутся ими дома на покоѣ, теперь-же, во время празднествъ, неудобно лечиться. Тогда я имѣлъ случай убѣдиться впервые въ томъ, что впоследствии подтверждалось постоянно на моихъ глазахъ на Востокѣ, а именно, что посѣщеніе врача, прикосновеніе его, дотрогиваніе до больного рукою или полученіе отъ него какой-нибудь вещи, почитаеваемой амулетомъ (рецептъ, лекарство и т. п.), считается главнымъ, а сами пациенты отнюдь не думаютъ что-нибудь предпринимать для своего излеченія или исполнять предписанія врача. „Ты врачъ, одаренный отъ Бога искусствомъ врачеванія, ты долженъ помочь мнѣ, а не я самъ“, говорятъ восточные люди. Такимъ образомъ, больной носитъ при себѣ изреченіе Корана, пришитое къ шапкѣ или привѣшенное на шнуркѣ на шеѣ, или прячетъ рецептъ европейскаго врача въ халатъ, но упорно не хочетъ ни брать ваннъ, ни глотать пилюль или дѣлать гимнастику.

Въ то-же утро ханъ отдалъ намъ официальные визиты, пріѣхавъ верхомъ, и подарилъ каждому изъ насъ верховаго коня хорошей персидской породы ¹⁾. Въ этотъ день ханъ пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ, отвѣдать персидской страпни. Столъ былъ накрытъ по-европейски и кругомъ были поставлены стулья. Насъ сѣло за обѣдъ 12 человекъ. На столѣ стояло нѣсколько сладкихъ блюдъ, фрукты и желтое хиросское вино въ нестрыхъ хрустальныхъ графинахъ. Передъ каждымъ приборомъ лежалъ круглый плоскій хлѣбъ, похожій на еврейскую мацу. Этотъ хлѣбъ часто замѣняетъ на Востокѣ тарелки; но для насъ были поставлены фарфоровыя тарелки, вилки, ножи и ложки. Къ этому обѣду утромъ былъ заколотъ баранъ, и сокольничьи хана выѣзжали на охоту на фазановъ. Во время обѣденнаго стола, оркестръ струнныхъ инструментовъ и барабановъ, напоминавшій кавказскую зурну, игралъ попережѣнно съ нашимъ военнымъ оркестромъ.

— „Вчера въ честь васъ я старался ѣсть вилкою, сказала Шуджаудъ - Дауле, — сегодня позвольте мнѣ ѣсть по-азіятски, пальцами“.

¹⁾ Теперь, когда желѣзная дорога проходитъ черезъ Закаспійскій край. Бухарское ханство до Самарканда, когда европейцы сотнями ежегодно посѣщаютъ Бухару и представляются эмиру, — подарки халатами, лошадыми, уборами и проч. представляются уже анахронизмомъ.

Дѣйствительно, онъ принялся ѣсть руками, предварительно обмывъ и обтеревъ свои тонкія руки тутъ-же за столомъ, причѣмъ Рамазанъ-ханъ держалъ передъ нимъ металлическую чашку, въ которой онъ мылся. Ханъ ѣлъ такъ прилично, пользовался пальцами такъ искусно, что его способъ ѣды вовсе не казался грубымъ или дикимъ. Жаркое подавалось слѣдующимъ образомъ: у входа палатки появился поварь съ большимъ вертеломъ, на которомъ было насажено штукъ восемь фазановъ. Одинъ изъ лицъ свиты взялъ у него вертелъ изъ рукъ и передалъ шталмейстеру, тотъ вручилъ его, подобно шпагѣ, хану, который снялъ собственноручно верхняго фазана съ вертела, разорвалъ его пополамъ и положилъ своимъ сосѣдямъ, каждому по половинѣ фазана, на тарелку. Для насъ было подано французское вино. Тосты были предложены ханомъ съ шампанскимъ. Онъ пилъ за здоровье Скобелева и каждаго изъ насъ въ отдѣльности. Подъ конецъ обѣда онъ выразилъ свое удовольствіе, по поводу знакомства съ нами и благодарилъ за радушнѣйшій пріемъ, но затѣмъ прибавилъ:

— „Но такъ какъ я посланъ сюда моимъ монархомъ, чтобы привѣтствовать лично генерала Скобелева, а его здѣсь нѣтъ, то я уѣду завтра рано утромъ“.

Что Скобелевъ отлично понималъ въ какое затруднительное положеніе онъ поставилъ своимъ отсутствіемъ стараго сановника, officialнаго посланника дружественной намъ державы, о томъ свидѣтельствуетъ его письмо къ коменданту лагеря Арцишевскому, сообщенное этимъ генераломъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1883 г., кн. май. Скобелевъ писалъ 19-го февраля 1881 года изъ Луфтабада:

„21-го февраля буду въ лагерѣ подъ Геокъ-Тепе; Шуджаудъ-Дауле настоятельно прошу удержатъ, во что-бы то ни стало, безпрерывнымъ угощеніемъ и тамошой“, а 21-го февраля 1881 года онъ извѣщалъ изъ Асхабада:

„Передайте Шуджаудъ-Дауле, что я вчера вечеромъ выѣхалъ изъ Луфтабада, гдѣ задержанъ былъ крайне важными и благоприятными извѣстіями изъ Мерва. Въмѣсто вечера 22-го февраля, какъ предполагалъ сначала быть въ Геокъ-Тепе, буду завтра утромъ. Передайте ему, какъ я доволенъ его прибытіемъ въ нашу страну и какъ пріятно будетъ государю императору и великому князю доказательство его дружбы къ русскимъ властямъ. М. Скобелевъ“.

Комендантъ лагеря послалъ вновь нарочнаго въ Асхабадъ къ Миханлу Дмитріевичу, прося его болѣе не медлить и возвратиться

какъ можно скорѣе, такъ какъ въ персидскомъ лагерѣ дѣйствительно дѣлались приготовления къ отъѣзду. Рано утромъ прибылъ изъ Асхабада гонецъ съ извѣстіемъ, что генераль слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Въ 11 или 12 часовъ прискакалъ Скобелевъ, забрызганный грязью, весь въ поту: онъ проѣхалъ 40 верстъ отъ Асхабада до Геокъ-Тепе, перемѣняя по пути лошадей.

Генераль успѣшилъ первый сдѣлать визитъ хану; они долго бесѣдовали между собою. Затѣмъ Шуджаудъ-Дауле поѣхалъ со своею свитою къ кибиткѣ генерала, отдалъ ему визитъ и также подарилъ ему лошадь, само собою разумѣется, бѣлаго цвѣта. Вечеромъ Шуджаудъ-Дауле посѣтилъ госпиталь и лазаретъ, поздоровался отдѣльно съ каждымъ офицеромъ и хотѣлъ вручить мнѣ для раздачи солдатамъ нѣкоторую сумму денегъ. Я отказался отъ этого, поблагодаривъ, и прибавилъ: „русскій солдатъ получаетъ все необходимое отъ казны; о нѣкоторой возможной роскоши заботится „Красный Крестъ“. Я не считаю себя вправѣ принять для нихъ денежный подарокъ“.

Нѣкоторые изъ военныхъ не одобрили моего отказа, но Скобелевъ нашель, что я поступилъ совершенно согласно его взгляду.

Персамъ чрезвычайно понравились у насъ больничныя палаты, желѣзныя кровати, чистое бѣлье, хорошо обставленная отрядная аптека. Но присутствіе сестеръ милосердія вызвало съ ихъ стороны улыбку удивленія. Ханъ разговаривалъ весьма любезно со всѣми сестрами и врачами, которыхъ я представилъ ему, и откровенно высказывалъ свое удивленіе по поводу всего видѣннаго. Изъ разговора съ нимъ я узналъ, что въ Геокъ-Тепе свирѣпствовала каждый годъ какая-то эпидемія, похожая на тифозную. Названіе тифъ было ему незнакомо, но онъ описывалъ эту болѣзнь такъ подробно, что мы признали ее за тифъ. Вообще азіаты отличаются тонкою наблюдательностью; старій сановникъ говорилъ хорошо и охотно рассказывалъ. Онъ описалъ мнѣ постоянныя пограничныя столкновенія, происходившія между текинцами и персами, набѣги текинцевъ на сосѣднія земли и экспедиціи, которыя предпринимались персами для наказанія ихъ. Въ одной изъ нихъ онъ самъ участвовалъ въ качествѣ командующаго. „Благодаря умиротворенію оазиса, персы будутъ пользоваться спокойствіемъ, говорилъ онъ, оживится торговля и поправится земледѣліе“. Поэтому они имѣли полное основаніе желать намъ успѣха и поздравить насъ съ побѣдою. Дѣйствительно, между нами и Хороссаномъ происходили оживленныя сношенія. Черезъ Копеть-Дагъ переходили ежедневно караваны, привозившіе намъ муку, зерновой хлѣбъ, фрукты, сушеные

плоды, дичь и т. д. Персы торговали у насъ бирюзой, шелковыми матеріями. Базаръ въ Геокъ-Тепе заключалъ въ себѣ три ряда лавокъ и магазиновъ.

На другой день по пріѣздѣ Михаила Дмитріевича, въ честь персидскихъ гостей долженъ былъ состояться маневръ войскъ и парадный обѣдъ у Скобелева.

Я присутствовалъ на многихъ парадахъ и маневрахъ, гораздо болѣе величественныхъ и блестящихъ, въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Парижѣ, но болѣе интереснаго, своеобразнаго и увлекательнаго какъ этотъ, никогда не видалъ. Тутъ былъ изображенъ, въ концентрическомъ масштабѣ, штурмъ и взятіе Геокъ-Тепе. Справа, слѣва и съ фронта были двинуты въ атаку, точно также какъ въ дѣйствительности, три колонны, меньшія только численностью; на заднемъ планѣ былъ выстроенъ резервъ и артиллерія. Въ довершеніе иллюзіи, внутри крѣпости собралась масса текинцевъ, свита персовъ верхами, словомъ, многочисленная толпа зрителей, среди которыхъ преобладали азіятцы. Когда штурмующія колонны ворвались въ крѣпость черезъ бреша, то зрителямъ пришлось отступить. Иллюзія была полная. Скобелевъ находился посреди маневрирующихъ войскъ и командовалъ сраженіемъ. Во время битвы онъ воодушевился до такой степени, что всѣхъ увлекъ за собою. Я былъ болѣе взволнованъ во время этихъ маневровъ, нежели во время дѣйствительнаго штурма. Въ эту минуту можно было понять, до какой степени появленіе Скобелева и его дѣйствія должны были воодушевлять и увлекать массу. Ни прежде, ни послѣ я не видѣлъ его до такой степени въ своей сферѣ и не любовался имъ такъ, какъ въ это утро. Насколько я могъ замѣтить, пріѣзжіе гости также были совершенно увлечены этимъ зрѣлищемъ.

Нѣсколько часовъ спустя, мы собрались у генерала на обѣдъ. Онъ приказалъ соединить двѣ кибитки вмѣстѣ, такъ что столъ могъ быть накрытъ на 16 персонъ. Онъ былъ накрытъ ослѣпительно бѣлою камчатною скатертью и уставленъ хрусталемъ и серебромъ. Откуда досталъ Михаилъ Дмитріевичъ такъ быстро всѣ эти предметы роскоши—осталось загадкою; по всей вѣроятности, они были привезены наскоро изъ Красноводска. Это было возможно только потому, что желѣзная дорога шла уже отъ Михайловска до Айдина, сокративъ такимъ образомъ длинный и трудный путь.

Возлѣ палатки стоялъ оркестръ военныхъ музыкантовъ и оттуда доносились вальсы Штрауса и мелодіи Верди, Чайковскаго и Глинки.

Скобелевъ сидѣлъ во главѣ стола, по правую руку отъ него Даудъ-Дауле, за нимъ я, далѣе старшій сынъ хана, полковникъ Вержбицкій; по лѣвую руку Скобелева сидѣлъ дядя хана, далѣе полковникъ Гродековъ, далѣе персидскій артиллерійскій генералъ; подполковникъ Меллеръ-Закомельскій, пріѣхавшій передъ самымъ обѣдомъ и привезшій генералу Георгіевскій крестъ 2-й ст.

Едва успѣли подать двѣ пережѣны, какъ Михаилъ Дмитріевичъ оставилъ свое мѣсто, подъ предлогомъ будто ему дуется въ спину, и сѣлъ возлѣ молодаго флигель-адъютанта Меллера, а на почетное мѣсто, въ концѣ стола, Скобелевъ посадилъ одного полковника. Ханъ, видимо, былъ смущенъ этимъ поступкомъ; съ минуту все общество сидѣло молча, до того всѣ были удивлены случившимся.

Такъ прошло съ четверть часа; затѣмъ Шуджаудъ-Дауле-ханъ поднялся съ своего мѣста, а вслѣдъ за нимъ и всѣ персы; поклонившись вѣжливо генералу, онъ приказалъ переводчику сказать, что онъ находитъ, что ему пора удалиться. Услыхавъ это, Скобелевъ воскликнулъ:

„Какъ, посреди обѣда, это невозможно!“

Но замѣтивъ обиженное лицо посланника и смущеніе всѣхъ присутствовавшихъ, онъ приказалъ переводчику передать его извѣненіе хану и просить его снова занять оставленное имъ мѣсто.

— Я забылся, но я не могъ устоять передъ желаніемъ поговорить о Петербургѣ и о важныхъ мнѣ дѣлахъ съ пріѣхавшимъ флигель-адъютантомъ. Прошу извинить меня за это нарушеніе этикета.

Когда-же переводчикъ, также крайне смущенный, началъ, запинаясь, передавать его слова, то Михаилъ Дмитріевичъ закричалъ на него:

— Вы говорите совсѣмъ не то, что я сказалъ. Вы не можете переводить. Полковникъ Гайдаровъ, будьте такъ добры, передайте хану мои слова совершенно точно, безъ малѣйшаго измѣненія.

Гайдаровъ перевелъ слова Скобелева и ханъ, послѣ минутнаго замѣшательства, занялъ снова свое мѣсто. Скобелевъ сѣлъ противъ него, присутствующіе оживились и обѣдъ окончился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа.

На слѣдующее утро персидское посольство отправилось назадъ на родину.

Теперь, послѣ почти десятилѣтняго періода, можно сказать, что Персія болѣе всѣхъ выиграла отъ русской побѣды при Геокъ-Тепе. Сѣверная граница Персіи нынѣ спокойна; торговля развилась и даже часть индійской торговли съ Бухарою идетъ черезъ Персію.

Желѣзная дорога, проходящая недалеко отъ персидской границы, и колесныя дороги изъ Персіи къ ней облегчили путешествіе и увеличили взаимныя сношенія народовъ. По всему Закаспійскому краю и Бухарѣ встрѣчаются во множествѣ персы, какъ рабочіе, ремесленники и торговцы. При устройствѣ закаспійской военной желѣзной дороги, персидскіе рабочіе тысячами находили занятіе и хлѣбъ. Тысячи изъ нихъ возвратились на родину, унося съ собою заработанныя деньги, и это на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ текинцы до 1880 года грабили людей и увозили ихъ въ плѣнъ. Если русскимъ настоящее состояніе края все еще кажется весьма дикимъ, то персы должны восхищаться неожиданнымъ и непредвидѣннымъ въ той странѣ благосостояніемъ, за которое они всецѣло обязаны Россіи и ея героямъ-сынамъ, павшимъ при взятіи Геокъ-Тепе.

О. Гейфельдеръ.

1887 г.

Примѣчаніе. Составителю настоящихъ очерковъ и воспоминаній — О. Ф. Гейфельдеру принадлежитъ рядъ другихъ воспоминаній о Михаилѣ Дмитріевичѣ Скобелевѣ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г., томъ LII, стр. 391—404; изд. 1887 г., томъ LIV, стр. 217 — 239; томъ LV, стр. 203—225.

Сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ этихъ Воспоминаній, нынѣ покойномъ († въ 1890 г.):

„Гейфельдеръ, Оскаръ, докторъ, родился 7-го апрѣля 1828 г. въ Трирѣ, гдѣ отецъ его занимался врачебною практикою, изучалъ медицину въ Германіи, въ университетахъ вюрцбургскомъ, гейдельбергскомъ и эрлангенскомъ. Отецъ его, Фердинандъ Гейфельдеръ, бывшій профессоръ хирургіи въ Эрлангенѣ, былъ вызванъ имп. Николаемъ I въ Россію. Нѣсколько лѣтъ спустя, послѣдовала за нимъ туда и вся его семья. Оскаръ Гейфельдеръ началъ карьеру военнаго хирурга въ Польшѣ (Варшавѣ и Ивангородѣ); участвовалъ впоследствии во франко-прусской войнѣ 1870—1871 гг., въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 гг., затѣмъ служилъ на Кавказѣ и принималъ участіе въ Ахаль-Текинской экспедиціи, подъ начальствомъ Скобелева, въ 1880 — 1881 гг. Былъ главнымъ врачомъ Пятигорскаго госпиталя до 1885 г., когда этотъ госпиталь былъ закрытъ. Вышелъ въ отставку по болѣзни, будучи контуженъ въ голову, при взятіи Геокъ-Тепе. Писалъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ о хирургіи, и статьи его были переведены на языки—французскій, голландскій и итальянскій“. („Альбомъ М. И. Семевскаго: Знакомые“. Спб. 1888).

Сверхъ записокъ О. Ф. Гейфельдера, о Мих. Дм. Скобелевѣ были помѣщены въ „Русской Старинѣ“ Воспоминанія извѣстнаго нашего художника В. В. Верещагина:

„Набѣгъ на Адрианополь въ 1877 г.“ („Русская Старина“ изд. 1888 г., т. LX, стр. 445—468, 671—688);

„Переходъ черезъ Балканы.—М. Д. Скобелевъ, 1877—1878 гг.“ („Русская Старина“ 1889 г., т. LXI, стр. 587—630);

„Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ 1870—1882 гг.“ („Русская Старина“ 1889 г., т. LXII, стр. 389—410).

См. также замѣтку М. Богаевского о могилѣ М. Д. Скобелева („Русск. Стар.“ изд. 1891 г., т. LXIX, стр. 467—468).

Къ настоящей, июльской, книгѣ „Русской Старины“ мы прилагаемъ портретъ Михаила Дмитріевича Скобелева, † 25-го іюня 1882 г., съ фотографіи, исполненной 5-го февраля 1881 г., послѣ штурма Геокъ-Тепе.

Ред.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЛЕБЕДЕВЪ

1851 — 1891.

се также твердо, непоколебимо стоитъ бѣлое красивое зданіе Московскаго Румянцевскаго музея на своемъ зеленомъ холмѣ, какъ стояло и много лѣтъ тому назадъ. Ничего не перемѣнилось въ наружномъ видѣ зданія, оно все то-же: красивое, величавое, спокойное. Ничего не говоритъ оно прохожему о томъ, что творится подъ его кровлею. А тамъ, въ стѣнахъ самаго зданія, ядуть свои перемѣны, рядъ сдѣлающихся жизнию утратъ. Утраты эти преимущественно сосредоточиваются на рукописномъ отдѣленіи музея. Давно-ли оно лишилось своего хранителя Алексѣя Егоровича Викторова. А не прошло еще десяти лѣтъ, какъ пришлось хоронить и другаго: Дмитрія Петровича Лебедева. Онъ скончался 8-го декабря 1891-го года, послѣ долгой мучительной болѣзни.

На службу въ музей онъ былъ приглашенъ еще А. Е. Викторовымъ, въ качествѣ помощника хранителя отдѣленія. Дмитрій Петровичъ представлялъ для музея рѣдчайшаго человѣка, а для Викторова — идеальнаго помощника. При необычайной любви къ древне-русскимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, любви безкорыстной, беззаветной, при которой занятіе любимымъ дѣломъ обращается въ наслажденіе, Дмитрій Петровичъ обладалъ тою спеціальною подготовкою, найти которую въ своемъ помощникѣ такъ долго мечталъ Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. Дмитрій Петровичъ, кромѣ окончанія курса въ московскомъ университетѣ на филологическомъ факультетѣ и спеціальныхъ занятій русскою литературою, подъ руководствомъ дорогаго профессора и учителя Ѳ. И. Буслаева, совѣтами и указаніями котораго онъ не переставалъ пользоваться до конца жизни, прошелъ еще курсъ Археологическаго института въ Петербургѣ, занимаясь спеціально подготовкою къ тому дѣлу, которому

съ такою любовью преданъ по поступленіи въ Румянцовскій музей. Еще въ институтѣ Дмитрій Петровичъ выдѣлялся своими археологическими трудами. Онъ былъ награжденъ серебряною медалью за два спеціальныя сочиненія: «О мировыя сдѣлкахъ въ древней Руси» и «Обзоръ документовъ, выбранныхъ для ученаго архива при Археологическомъ институтѣ изъ уничтожаемыхъ дѣлъ въ рязанскомъ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ».

Поступивъ 1-го февраля 1880 года въ музей въ помощники хранителя отдѣленія рукописей, онъ считалъ себя счастливымъ, что ему пришлось быть помощникомъ у такого знатока рукописнаго дѣла, какимъ былъ А. Е. Викторовъ. Дмитрій Петровичъ одинаково уважалъ его какъ человѣка и какъ ученаго, хотя самъ какъ человѣкъ составлялъ съ нимъ во многомъ большую противоположность. Мягкій, тихій, въ высшей степени деликатный, скромный по натурѣ, всегда готовый къ услугамъ другихъ, онъ приобрѣлъ любовь всѣхъ служащихъ въ музей, съ которыми А. Е. Викторовъ не рѣдко принужденъ бывалъ ссориться, близко принимая къ сердцу всѣ дѣла музея. Дмитрій Петровичъ уже въ силу мягкости своей природы, въ силу врожденной деликатности, которая сквозила во всѣхъ его манерахъ, голосѣ, движеніяхъ, даже въ походкѣ, держался въ сторонѣ отъ тѣхъ дѣлъ музея, которыя не касались его отдѣленія; зато дѣла рукописнаго отдѣленія были ему не менѣе близки и дороги, чѣмъ дѣла его родной семьи, и въ такихъ случаяхъ онъ поступалъ съ рыцарскою прямою и рѣшительностью.

Онъ занимался дѣлами рукописей и старопечатныхъ книгъ со всею любовью, не ограничиваясь временемъ обязательныхъ часовъ, съ 11-ти до 3-хъ. Онъ весь, всю душою отдавался тому кропотливому дѣлу, которое ни для кого не видно, которое не даетъ ни славы, ни богатства, а только облегчаетъ другимъ ихъ ученые изслѣдованія. До наступленія болѣзни, его можно было застать въ отдѣленіи рукописей въ каждый праздникъ, въ каждое воскресенье. «Никакъ не справиться со всѣми дѣлами въ будни, да отчего не поработать и въ праздникъ?», говаривалъ онъ, когда бывало его станутъ убѣждать не утомлять себя такъ работою. Музейскимъ-же дѣломъ занимался и вечеромъ, придя домой. И все-таки постоянно жаловался на недостатокъ времени: «Не знаю, куда это такъ торопится время?», писалъ онъ въ сентябрѣ 1884 года.

Еще при жизни А. Е. Викторова онъ занятъ былъ составленіемъ отчетовъ по рукописному отдѣленію музея, а по смерти Алексѣя Кюговича, когда занялъ его мѣсто, составленіе отчетовъ заняло у него массу времени. Имъ составлены были отчеты за слѣдующіе года: 1879—1882, 1883—1885, 1886—1888; было составлено «Описаніе историко-юридическихъ актовъ собранія И. Д. Бѣляева», а въ послѣднее время въ 1890 году—«Описи рукописныхъ собраній въ книгохранилищѣ сѣверной Россіи», по матеріаламъ, собраннымъ А. Е. Викторовымъ.

Последняя работа есть замѣчательный трудъ, какъ по своей серьезности, такъ и характерной для Дмитрія Петровича скромности и безкорыстію. Вотъ исторія этого труда. А. Е. Викторовъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ лѣтнее каникулярное время, предпринималъ поѣздки въ разные города и монастыри сѣверной Россіи, съ цѣлью сдѣлать описаніе тамошнихъ хранилищъ. Между прочимъ, съ этою-же цѣлью имъ была совершена поѣздка и въ Соловецкій монастырь. Матеріалъ собирался долго, собирался беспорядочно по клочкамъ, на отдѣльныхъ листкахъ, въ разныхъ тетрадкахъ... Самому собирателю, разумеется, не представило-бы большой трудности справиться и разобраться во всемъ хаосѣ этихъ разрозненныхъ записей. Но внезапная смерть не позволила Алексѣю Егоровичу воспользоваться собраннымъ матеріаломъ.

Послѣ смерти всѣ его бумаги пришлось разбирать Дмитрію Петровичу. Найдя всю эту беспорядочную груду матеріала, котораго, казалось, положительно невозможно къ восстановленію, Дмитрій Петровичъ рѣшилъ употребить всѣ старанія, чтобы не дать погибнуть собранному матеріалу. «Развѣ возможно дать пропасть такому богатству труда?! Сколько силъ, любви, энергій было положено дорогимъ Алексѣемъ Егоровичемъ на это дѣло!» И насколько это была утомительная, кропотливая работа, за которую такъ рѣшительно брался Дмитрій Петровичъ, но которая и его минутами, кажется, чуть не приводила въ отчаяніе,—сдва-ли въ снахъ представить себѣ тотъ, кому не приходилось дѣлать или видѣть что-нибудь подобное. Дмитрій Петровичъ упорно принялся за трудъ. Онъ положилъ на него массу времени, убилъ массу силъ, и добился, несмотря на всю трудность дѣла, что «Описи рукописныхъ собраній» были готовы, и петербургская археографическая коммиссія въ 1890 году издала ихъ въ прекрасномъ большомъ фоліантѣ.

Вотъ какой большой памятникъ воздвигъ Алексѣю Егоровичу Д. П. Лебедевъ! И какъ скромно, безкорыстно была сдѣлана эта постановка! Весь трудъ приписывался покойному Викторову, а о своемъ громадномъ участіи, которое единственно сдѣлало возможнымъ появленіе этого труда, объ этомъ нигдѣ не подчеркивалось и даже не упоминалось.

Вотъ что говорить объ этомъ трудѣ С. О. Долговъ, бывший помощникъ Дмитрія Петровича по отдѣленію рукописей, а теперь занявшій его мѣсто: «Изданіе труда Алексѣя Егоровича онъ (Дмитрій Петровичъ) сдѣлалъ по отрывочнымъ замѣткамъ Алексѣя Егоровича и употребилъ массу труда на справки, помѣстилъ нѣсколько приложеній, составилъ указатель, и все вполнѣ безкорыстно приписалъ Алексѣю Егоровичу» ¹⁾.

¹⁾ Матеріаломъ для настоящаго некролога, кромѣ моихъ личныхъ воспоминаній о покойномъ Дмитріи Петровичѣ, послужили любезно доставленные мнѣ свѣдѣнія: С. О. Долговымъ, черезъ него-же г. Шенрокомъ и вѣтѣмъ братомъ покойнаго И. П. Лебедевымъ. Всѣмъ этимъ лицамъ привошу мою глубокую благодарность.

Это рѣдчайшее безкорыстіе, эта необычайная скромность составляли отличительную черту Дмитрія Петровича еще чуть не съ ранняго дѣтства. „Еще будучи гимназистомъ, какъ передаетъ о немъ его школьный товарищъ В. И. Шенрокъ, онъ не имѣлъ привычки выставляться или выдвигать себя. Держался всегда незаметно и скромно“. Эта черта съ теченіемъ времени становилась все рельефнѣе, словно съ каждымъ годомъ крѣпла и усиливалась. Для него всегда, прежде всего, важно было самое дѣло, а не шумъ и слава, которые являются наградою честолюбію. Онъ съ дѣтства приучилъ себя обходиться и дѣйствовать безъ такихъ стимуловъ. Въ данномъ-же случаѣ, по поводу котораго я заговорилъ объ его характерѣ, ему важно было, съ помощью собственныхъ усилій и трудовъ, воздвигнуть еще одинъ лишній памятникъ въ честь любимаго и глубокоуважаемаго человѣка. И когда «Опися рукописныхъ собраній» появляются въ печати, онъ снимаетъ съ карточки покойнаго Алексѣя Егоровича недалёонные портреты и приклеиваетъ ихъ на эвезипляры, предназначенные для подарковъ, и только при такомъ аксессуарѣ скромно улоиннаетъ въ дѣлаемой надписи о своемъ трудѣ: «На память о покойномъ другѣ трудъ его и свой трудъ подноситъ Д. Лебедевъ, 24-го ноября 1890 года».

Дмитрій Петровичъ былъ скромнень и какъ ученый и какъ хранитель рукописнаго отдѣленія, съ которыми многимъ посѣтителямъ пришлось имѣть дѣло. И кто не вспомнить его пріятливый пріемъ, скромную до конфузливости обязательность и безконечную услугу? Его должны хорошо помнить и посѣтители изъ простаго народа, крестьяне-старообрядцы. Они должны живо помнить этого высокаго, худаго блондина, всегда безукоризненно и даже нѣсколько щеголевато одѣтаго, какъ онъ весело, пріятливо встрѣчаетъ ихъ, боязливо отворяющая дверь въ отдѣленіе и осторожно ступающая по паркетному полу въ своихъ смазныхъ сапогахъ или въ деревенскихъ лаптяхъ. Господинъ провожаетъ ихъ въ слѣдующую комнату—читальный залъ, доводитъ до мѣста и не рѣдко самъ выдвигаетъ имъ изъ-подъ стола стулья и приглашаетъ садиться. Усадивъ и успокоивъ непривычныхъ посѣтителей, словно хорошій докторъ своего пациента, быстро отыскиваетъ и подаетъ требуемыя книги или рукописи. Читатели удовлетворены, книги выданы, теперь, казалось, Дмитрій Петровичъ можетъ идти и сѣсть за свою работу, отъ которой его оторвали новые посѣтители. Но онъ никогда не успокоивался на этомъ, никогда не забывалъ о своихъ «новичкахъ». Я сама не разъ была свидѣтельницею, какъ онъ, спустя 10—15 минутъ, снова отрывался отъ работы, вскакивалъ, подбѣгалъ къ нимъ своею быстрою, осторожною, едва слышною походкою. Низко нагибался къ нимъ и, словно старый знакомый, заботливо шепталъ: «Ну все-ли разбираете?.. Все-ли понятно?..»

Такъ онъ относился къ читателямъ изъ простаго народа ¹⁾. А вотъ что

¹⁾ Не даромъ всѣ крестьяне въ имѣніи его жены со слезами встрѣтили вѣстие объ его смерти. Е. Н.

писать о немъ въ некрологѣ «Русскихъ Вѣдомостей» интеллигентный посѣ-
титель рукописнаго отдѣленія:

„Его привѣтливость и полная готовность помочь совѣтомъ каждому, кто къ нему обращался, по поводу какой-либо рукописи или старопечатной книги даютъ ему право на память и признательность со стороны всѣхъ работавшихъ за послѣдніе годы въ рукописномъ отдѣленіи Румянцевскаго музея“...

И я вполне присоединяюсь къ высказаннымъ мыслямъ. Я знаю по себѣ, какъ свободно и легко было обращаться къ нему за тѣми или другими указаніями, за требованіемъ той или другой даже изъ современныхъ книгъ, доставленіе которыхъ уже совсѣмъ не входило въ его обязанность. Никогда не страшно и даже не неловко было оторвать его для этого отъ занятій. Сидитъ-ли онъ, приводя въ порядокъ разрозненные вѣтки какой-нибудь рукописи, нагнувшись надъ своимъ столомъ, до верку заваленнымъ грудями большихъ и маленькихъ книгъ, огромныхъ фолиантовъ въ кожаныхъ почернѣлыхъ переплеткахъ, или занятъ описаніемъ новаго полученнаго собранія рукописей, онъ всякую минуту на готовъ служить всѣмъ и каждому. Эта готовность не могла не привлекать читателя, и онъ шелъ въ рукописное отдѣленіе какъ въ такой кабинетъ, гдѣ ему хорошо и удобно какъ дома.

«Такой молодой—и такъ рано!», сказала какая-то низенькая старушка, покрытая чернымъ платкомъ, стоя въ церкви Бориса и Глѣба, когда происходило отпѣваніе тѣла Дмитрія Петровича, заглянувъ въ гробъ, гдѣ лежалъ онъ, худой, блѣдный съ почернѣвшими за время болѣзни волосы.

Да, въ самомъ дѣлѣ: отчего такъ рано? Такой вопросъ задавали и задать многие, не близко знавшіе покойнаго.

Отвѣтомъ на это служить все прошлое, вся жизнь бѣдности и труда въ дѣтствѣ и въ юные годы.

Дмитрій Петровичъ родился въ Рязани; былъ вторымъ сыномъ въ многочисленной бѣдной семьѣ канцелярскаго служителя, Петра Алексѣевича Лебедева, котораго самый большой заработокъ, даже въ самые счастливые годы, никогда не превышалъ 50-ти руб. Возможно-ли было отъ такихъ средствъ, при семьѣ въ двѣнадцать человѣкъ, удѣлять что-нибудь на воспитаніе дѣтей, хотя необходимость воспитанія и образованія прекрасно сознавалась отцемъ, нѣкогда учившимся въ семинаріи. Петръ Алексѣевичъ нашелъ единственный выходъ въ своемъ затруднительномъ положеніи: «учатся-же другія дѣти въ приходскомъ и уѣздномъ училищамъ! Ну, пусть и мои мальчуганы идутъ этою-же дорогою. А если силы окажутся выше, сами выбьются». Разсужденія отца оказались вѣрными: оба первыхъ мальчика прекрасно прошли оба училища. Дмитрій Петровичъ выдѣлился съ первыхъ-же мѣсяцевъ и скоро занялъ мѣсто перваго ученика, которое осталось за нимъ и по вступленіи въ гимназію. Окончивъ курсъ въ первыхъ двухъ училищахъ, онъ вышелъ съ награ-

даки первой степени. Въ гимназіи былъ не только первымъ по счету, но и однимъ изъ выдающихся по уму и способностямъ учениковъ.

«Отвѣты его отличались осмысленностью, говорить о немъ его школьный товарищъ, г. Шенрокъ. Въ концѣ гимназическаго курса Лебедевъ сталъ обращать на себя общее вниманіе и имъ интересовались... Въ древнихъ языкахъ онъ также оказывалъ большіе успѣхи, такъ что могъ безъ затрудненія переводить экспромтомъ трудныя мѣста, а на выпускномъ экзаменѣ отличился особенно. Когда очередь дошла до него, то учителя, желая подвергнуть его особому испытанію и считая для него излишнимъ обыкновенный экзаменъ, предложили ему произнести что-нибудь наизусть изъ Энеиды, и были очень озадачены его вопросомъ: «Изъ какой пѣсни?» Оказалось, что при богатой памяти и нѣкоторой начетанности онъ зналъ кое-что наизусть изъ разныхъ мѣстъ Энеиды, изъ разныхъ пѣсень».

И въ гимназіи Дмитрій Петровичъ кончилъ съ золотою медалью, хотя во время гимназическаго ученья уже съ 3-го класса ему пришлось давать частные уроки. «Вотъ какъ распредѣлялся его день за это время (по словамъ его любимаго старшаго брата): съ утра до трехъ онъ въ гимназіи, затѣмъ наскоро обѣдъ, частные уроки до восьми или девяти часовъ вечера, а тамъ занятія съ младшими братьями и сестрами и большая часть ночи на приготовленіе своихъ уроковъ (въ большинствѣ по чужимъ учебникамъ)».

Кончивъ курсъ въ гимназіи, онъ переехалъ въ Москву, поступилъ въ московскій университетъ на филологическій факультетъ, и здѣсь былъ въ большей еще необходимости давать частные уроки, такъ какъ самъ долженъ былъ содержать себя. А тутъ еще въ 1873 году, когда перешелъ на третій курсъ, разразилась новая бѣда: умеръ отецъ. Семья изъ одиннадцати человекъ (мать, семь человекъ дѣтей, бабушка, тетка съ сыномъ) остались всѣ разомъ безъ средствъ. Теперь вся эта семья всюю своею тяжестью легла на юнаго студента, у котораго былъ только одинъ помощникъ, старшій братъ Иванъ Петровичъ—онъ только что кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ (въ настоящее время онъ состоитъ членомъ рязанскаго окружнаго суда).

Теперь работать приходилось сверхъ силъ, а силъ, казалось, такъ безконечно много! И вотъ тутъ-то именно онъ и былъ окончательно подорванъ. «Поступивъ въ университетъ, говоритъ В. И. Шенрокъ, Лебедевъ не столько жилъ въ Москвѣ, сколько въ какомъ-то мнѣніи въ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ давалъ уроки, получая, какъ я слышалъ, около или болѣе 1000 рублей». Но экзамены, тѣмъ не менѣе, онъ сдавалъ удачно. Въ 1874 году онъ кончилъ курсъ вторымъ кандидатомъ и тотчасъ, не давая себѣ отдыха, уѣхалъ на мѣсто учителя русскаго языка въ реальное училище въ Иваново-Вознесенскъ.

Силы растрачивались безъ всякой жалости и безъ всякаго сбереженія!

Пріѣзжая въ свободное отъ занятій время къ роднымъ въ Рязань, онъ сильно привязался къ своей прежней ученицѣ, молоденькой красивой блон-

дникъ, Марья Константиновна, дочери помѣщицы Протопоповой. Въ 1876 году женился на ней, и только черезъ годъ, въ сентябрѣ 1877 года, покинулъ мѣсто учителя въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. И будучи уже женатымъ, въ 1878 году, онъ позволяетъ себѣ маленькую роскошь, надѣясь на неисчерпаемый запасъ своихъ умственныхъ и физическихъ силъ,—поступаетъ въ только что открывшійся въ Петербургѣ Археологическій институтъ, гдѣ кончаетъ курсъ, а въ 1880 году на службу въ Румянцевскій музей.

Теперь, благодаря опредѣленному жалованью, а также и средствамъ жены, можно-бы было отдохнуть, хотя-бы помѣниться немого, чтобы оправиться, окрѣпнуть, такъ какъ непосильная работа дѣтства и юности стали уже рѣзко сказываться на силахъ. Но Дмитрій Петровичъ словно боялся, что не переждаетъ всего дѣла, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ, когда смерть не дала ему докончить много начатыхъ работъ и довести до конца много задуманныхъ плановъ,—онъ изо всѣхъ силъ работалъ. Работалъ днемъ, работалъ ночью, работалъ въ будни и въ праздники, зимою и лѣтомъ, и, наконецъ, дошелъ до такого состоянія, что докторъ въ 1888 г. послалъ его на лѣто въ Кисловодскъ, запретивши всякія занятія. Онъ былъ дѣйствительно плохъ. И безъ того всегда худой, онъ тутъ осунулся еще больше, ослабъ и грустилъ, что не можетъ работать. Вотъ что онъ писалъ изъ Кисловодска: «Виѣстѣ съ кисловодскими цвѣточками шлетъ.... сердечный свой привѣтъ и старый московскій грибъ, занесенный случаемъ на Кавказъ. Грибъ этотъ въ настоящее время въ такомъ положеніи, что не только читать что-либо (хотя-бы и корректуру), но даже и писать письма ему запрещено... Подробности не пишу, не могу. Извините, Христа ради. Вы не повѣрите, что, написавши эти десять строкъ, я почувствовалъ головокруженіе».

Понятно, что при такомъ положеніи надо было бросить всѣ занятія, а онъ, въ августѣ, за нихъ снова принялся и работалъ съ прежнею лихорадочностью и запоемъ. Лѣтомъ 1889 года онъ чувствовалъ себя не лучше. Докторъ предписалъ ему физическія упражненія и никакихъ занятій. Понятно, что при такомъ положеніи онъ чуть не захандрилъ. «Моя жизнь, писалъ онъ, 16-го іюля 1889 г., изъ деревни Егольниeki Рязанской губерніи, такъ однообразна и даже безобразна (даже, если хотите, «безобразна»; какъ не читайте, все будетъ вѣрно); вдали отъ всѣхъ, съ запрещеніемъ не только заниматься, но даже и читать что-либо, отъ меня трудно услышать что новое. Живу, обрѣтаюсь въ деревнѣ, изрѣдка развлекаюсь корректурою (и то противъ приказанія слугъ ескулаповыхъ), совершаю маленькія поѣздки по Рязанской губ... Въ началѣ августа думаю отправиться въ путешествіе по мордовскимъ землямъ Тамбовской губерніи; сначала, конечно, по Окѣ. Вотъ вамъ и все. Даже писать болѣе боюсь».

Въ 1890 году онъ чувствовалъ себя еще хуже и продолжалъ черезъ силу работать, а въ 1891-нъ въ музей приходилъ уже рѣдко, двигался едва-едва, совсѣмъ черезъ силу, а 8-го декабря его не стало.

Его спокойное, блѣдное лицо въ гробу, съ неподвижно-скрещенными на груди руками, и молодая жена, колѣнопреклоненная со свѣчей въ рукахъ у изголовья гроба, и рядомъ съ ней три крошечныя дѣтскія ручки съ поднятыми вверхъ восковыми свѣчами... являются олицетвореніемъ жизненной трагедіи, которая трудно, да и едва-ли когда забывается.

Медленно задвигался балдахинъ по направленію къ рязанскому вокзалу: гробъ должны опустить въ могилу на родинѣ въ Рязани, гдѣ его встрѣтитъ и проведетъ на покой горемъ убитая старушка мать и родные.

За гробомъ не тянулся кортежъ экипажей и не много было провожатыхъ, — только тѣ, кто случайно узналъ о похоронахъ. Не было ни публикацій въ газетахъ, ни отдѣльныхъ приглашеній. Дмитрій Петровичъ и уходилъ въ вѣчное жилище такъ-же скромно и тихо, какъ жилъ и трудился. И слава ему, скромному и вѣрному себѣ до конца труженнику!

Е. Некрасова.

Изъ статьи Е. С. Некрасовой: „Н. А. Герценъ въ перепискѣ съ А. Г. Клиентовой“.

[См. „Русскую Старину“ изд. 1892 т., книга III, стр. 771—792].

Е. С. Некрасова, въ предисловіи къ сообщеннымъ ею письмамъ Н. А. Герценъ къ Александрѣ Григорьевнѣ Клиентовой (стр. 771), говоритъ, между прочимъ, о поэтессѣ Антонинѣ Григ. Клиентовой, сестрѣ корреспондентки Н. А. Герценъ, и приводитъ для характеристики ея таланта стихотвореніе: „А годы проходятъ, а годы летятъ“. Это стихотвореніе авторъ предисловія неправильно приписалъ Клиентовой: оно принадлежитъ М. Розенгейму и въ первый разъ было напечатано въ 1856 году въ 14-мъ № „Русскаго Вѣстника“ за Лермонтовское. Впослѣдствіи оно вошло въ собраніе стихотвореній Розенгейма, изданное въ 1858 году. Здѣсь оно напечатано въ исправленномъ видѣ и озаглавлено „Дума“, въ позднѣйшихъ-же изданіяхъ сочиненій Розенгейма перепечатывалось уже безъ перемѣнъ и съ сохраненіемъ этого заглавія.

Москва.

Изъ Непомянутого.

ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЯГО БЫТА КОНЦА XVIII В.

Смерть помѣщика Савина.

Дѣло 1796—1797 г.

Троизъ 7-го сентабря 1796 года сотскому села Долгаго въ Ливенской округѣ дано было знать, что помѣщикъ этого села, отставной подпоручикъ Иванъ Абрамовичъ Савинъ, ночью, скоростижно умеръ. Сотскій осмотрѣлъ умершаго. Видѣлъ, что онъ лежитъ въ своей горницѣ, на кровати, въ бѣльѣ и сапогахъ.

Сотскій донесъ объ этомъ нижнему земскому суду. Оттуда посланъ былъ для изслѣдованія дворянскій засѣдатель Скуридинъ. На мертвомъ боевыхъ знаковъ не оказалось; по вскрытіи-же внутренностей, докторъ Бватковскій по долгу присяги, удостовѣрилъ, что «отъ привключившагося сильнѣйшаго въ груди стѣсненія воспослѣдовало въ легкомъ возженіе, а оттого и смерть».

Слѣдствіе Скуридина не выяснило обстоятельствъ событія; } выѣхалъ на дѣло исправникъ Есковъ и обнаружилъ слѣдующее:

Савинъ былъ изъ мелкопомѣстныхъ; ему, кажется, и принадлежало всего только двѣ мужскія души, по крайней мѣрѣ, о другихъ его крестьянахъ мы не встрѣтили ни разу упоминанія. Былъ онъ женатъ на священнической дочери Матренѣ Даниловнѣ и имѣлъ малолѣтнюю дочку Татьяну. Теща жила въ домѣ-же Савина.

Особо отъ сына, жила, въ селѣ Долгомъ, мать Савина, помѣщица Алекснья Андреевна.

Утромъ, въ субботу, 6-го сентабря, Иванъ Абрамовичъ позвалъ къ себѣ въ горницу крестьянъ своихъ Илью Снапкова и Фому Семенова, разбранилъ ихъ за то, что они поздно встали въ тотъ день, не свозили съ загоновъ гречи, и побилъ палкою. Досталось также и 12-ти лѣтней дочери

Оому, Елизаветѣ. Дѣвушка скрылась отъ барина, но онъ приказалъ отцу отыскать ее и привести. Крестьяне отправились возить снопы; дѣвушка перевязывала ихъ на гумнѣ и къ барину не пошла.

Вскорѣ послѣ полдень, Савинъ приказалъ своей женѣ позвать крестьянъ съ гумна. Какъ только они пришли въ горницу, онъ спросилъ Оому о дочери; тотъ отозвался, что не нашелъ ея; Савинъ разбранилъ Оому, принялся таскать его за волосы, затѣмъ велѣлъ Ильѣ принести палку, заставилъ его держать Оому, и билъ его палкою.

Матрена Даниловна попробовала было остановить безчинства мужа, но онъ пригрозилъ, что и ее пообьетъ. Характеръ мужа ей уже былъ извѣстенъ; она поскорѣе скрылась изъ дому, зашла было къ свекрови, но и тутъ боялась остаться, опасаясь, что мужъ тамъ найдетъ ее, возьметъ къ себѣ и станетъ бить. Матрена Даниловна отправилась въ лѣсъ, оттуда къ одноворцу Савину, а когда уже стемнѣло, воротилась къ свекрови и у нея ночевала. Туда же съ гумна пришла ночевать и дѣвушка Елизавета.

Теща Савина ушла также ночевать въ чужой домъ, къ одноворцу. Оставалась въ барскомъ домѣ еще 85-тилѣтняя нянька дочери Савина и мать Ильи, Марья. Баринъ приказалъ ей идти съ дочкой въ деревню помѣщицы Русановой и тамъ остаться ночевать.

Скоро Савинъ хватился жены своей; послалъ за ней къ матери, тамъ сказали, что Матрена Даниловна ушла въ лѣсъ. Ему пришло въ голову объявить о побѣгѣ жены сотскому, и онъ приказалъ приготовить лошадей и ѣхать съ нимъ обонимъ своимъ крестьянамъ. Домъ оставленъ былъ на пованную съ огорода работницу, одноворку Агафью Рудневу, женщину еще не старую. Ей было 32 года.

Хотя нехитрый вкряжъ—сноповозная телѣга—и безъ того уже былъ заложень, но Савинъ послѣшилъ, предварительно, справиться о женѣ у матери и вмѣстѣ съ Ильею прошолъ къ ней. Мать сказала, что жена его приходила къ ней и ушла неизвѣстно куда.

Между тѣмъ подѣлала телѣга съ Оомою. Савинъ отправился на ней съ своими людьми къ помѣщицѣ Русановой. Ея не оказалось дома. Савинъ зашолъ къ сыну Русановой, рассказалъ ему, что люди его не слушаютъ и онъ нахѣренъ просить ливинскихъ властей, чтобъ наказали ихъ.

Побывъ недолго у Русанова, Савинъ заѣхалъ въ питейный домъ въ селѣ Долгомъ. Денегъ при Савинѣ не случилось и онъ, требуя водки, заложилъ сидѣльцу свою опояску. Это былъ простой, самодѣльный, шерстяной полсатый кушакъ. Савинъ взялъ, сначала, вина на 15 коп., но какъ вскорѣ пришли въ кабакъ двое одноворцевъ, то онъ спросилъ вина еще на 17 коп., выпилъ его съ одноворцами и затѣмъ, уѣзжая, выпросилъ у сидѣльца, также въ счетъ заложенаго кушака, бутылку вина на 18 коп.; и взялъ ее съ собою.

Въ закатъ солнца, Савинъ прїѣхалъ къ сотскому, въ село Долгій Колодезь, и объявилъ о побѣгѣ изъ дому своей жены.

Домой воротился Савинъ уже ночью; велѣлъ работницѣ Агафѣе подать огня, Илью послалъ разыскивать Матрону Даниловну, а Оомѣ приказалъ привести къ нему дочь Елизавету. Оома отказался исполнить барскїй приказъ и получилъ за это четыре пощечины. Вырвавшись, наконецъ, изъ барскихъ рукъ, Оома бѣжалъ изъ комнаты; Савинъ бросилъ вслѣдъ ему топоръ. Онъ угодилъ въ притолоку.

Оставшись съ Агафеей, Савинъ потребовалъ, чтобъ она ложилась съ нимъ. Получивъ также нѣсколько пощечинъ за непослушаніе, она бѣжала на дворъ и тамъ встрѣтилась съ Ильей и Оомой.

Снова всѣ трое слугъ пришли въ горницу, къ Савину. Онъ спросилъ Илью: «вашоль-ли ты барыню?»

Илья отозвался, что осведомлялся о ней у старушки Савиной и въ другія мѣстахъ, но нигдѣ не нашоль. Савинъ его выбранилъ, а Оому сталъ опять бить, уже палкой, за то, что не привелъ дочь.

По предварительному-ли уговору на дворѣ, или просто не выдержавъ барскаго безобразія, Илья въ это время кинулся на Савина, повалилъ его на кровать, схватилъ руками за шею и сталъ душить; Оома помогъ ему въ томъ, такъ что Савинъ успѣлъ крикнуть только одинъ разъ, и то слабо.

Видѣла все это Агафья, на которую убійцы закричали, чтобъ она шла вонъ. Агафья отправилась ночевать къ одводворцу и сказала тамъ, что баринъ согналъ ее со двора.

Но была еще другая свидѣтельница, дочь Оомы, Елизавета. Она, вечеромъ, прибѣгала домой изъ дома старой барыни, и изъ сѣней передъ горницею видѣла послѣднюю сцену, незамѣченная никѣмъ, а когда отецъ ея и Илья закричали работницѣ, чтобъ она шла вонъ, то опять убѣжала обратно. Тамъ она даже не сказала, что бѣгала на барскїй дворъ.

Оома провелъ остатокъ ночи въ соломѣ на гумнѣ, а Илья заходилъ ночью въ разные дворы, будто для розысковъ барыни и, наконецъ, зашоль, передъ свѣтомъ, къ одводворцу Демидову. Тамъ также спрашивалъ барыню и просилъ, чтобъ ему позволили отдохнуть.

—У тебя свой дворъ, тамъ отдохнешь, говорилъ ему Демидовъ.

Илья, однакожь, легъ подлѣ него на дворѣ, полежалъ недолго, и на разсвѣтѣ ушоль. По восходѣ солнца, онъ заходилъ въ домъ къ старой барынѣ, справился—тамъ-ли Матрона Даниловна и привелъ къ ней мать свою, няньку Марю, съ барскою дочкою.

Прошло еще часа три; извѣстій изъ дома Савина не было, и мать послала Марю справиться всталъ-ли Иванъ Абрамовичъ. Марю принесла отвѣтъ, что онъ спитъ, запершись изнутри. Анисья Андреевна опять послала Марю съ приказомъ, чтобъ Илья влезъ въ окно и разбудилъ барина. Едва

Марса успѣла уйти, какъ на дворѣ Савиной послышался крикъ Фомы и Ильи, что баринъ умеръ. Семейные кинулись къ нему въ домъ и застали всѣ двери уже растворенными.

Дѣло это представляетъ интересный образецъ изъ быта мелкопомѣстныхъ дворянъ конца XVIII вѣка и ихъ отношеній къ своимъ крестьянамъ. Помимо этого, оно замѣчательно и въ юридическомъ отношеніи. Ни при первомъ, ни при второмъ слѣдствіяхъ отъ семейныхъ Савина не было заявлено даже предположенія, что онъ умеръ насильственною смертію. Объ этомъ не упоминается и въ отзывѣ доктора Квятковскаго. Свѣдѣнія о катастрофѣ съ Савинимъ исправникъ получалъ, первоначально, отъ дѣвушки Елизаветы, затѣмъ и однодворца Руднева высказала обстоятельства смерти Савина. На первомъ же слѣдствіи она говорила, что Савинъ воротился домой очень пьяный, послалъ Илью разыскивать жену, а Фома и Руднева раздѣли, разули барина и уложили въ постель. Разказавъ потомъ исправнику извѣстныя уже намъ подробности, она объясняла, что Илья и Фома угрожали убить ее, если она на нихъ покажетъ, и завѣрили ее также, что, въ такомъ случаѣ, она во всемъ останется только одна въ бѣдѣ, потому что при допросѣ они скажутъ, что Фома почевалъ въ соломѣ, а Илья ходилъ по селу искать барыню.

Такъ, дѣйствительно, они и сказали потомъ, при слѣдствіи, отвергая взводимое на нихъ обвиненіе въ убійствѣ.

Присланная вѣстѣ съ ними въ уѣздный судъ, Руднева отвергнула тамъ данное исправнику показаніе и возвратилась къ первоначальному. Она доказывала, что исправникъ допрашивалъ ее пристрастно: велѣлъ обзажится ей по поясъ, и когда она не хотѣла было этого исполнить, то ударилъ ее въ подбородокъ и продержалъ ее цѣлую ночь привязанною къ кадушкѣ. Впрочемъ, извѣтъ этотъ никѣмъ не былъ подтвержденъ.

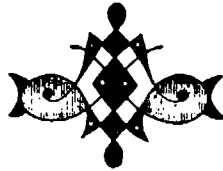
Ливенскій уѣздный судъ постановилъ: всѣхъ обвиняемыхъ учинить отъ дѣла свободными, а смерть Савина, дондѣ-же сама послѣ откроется — предать волѣ Божіей.

Совершенно иначе отнесся къ этому дѣлу 1-й департаментъ орловской палаты суда и расправы. Въ приговорѣ 26-го іюня 1797 года палата приняла основаніемъ, что дѣвушка Елизавета—родная дочь Фомы и, конечно, не сказала-бы на отца напрасно¹⁾, что показаніе Рудневой исправнику сходно съ разказомъ Елизаветы, что Руднева сама собою выдунать не могла, какъ потомъ покажутъ о себѣ Фома и Илья, что въ допросахъ ихъ вышло равнорѣчіе и ясно видно ожесточеніе на господина своего, Савина, за побой, дѣланные имъ въ тотъ день. Потому палата пришла въ заключенію, что «нѣтъ сомнѣнія почестъ ихъ виновными въ здушеніи помѣщика своего, и запрятельство ихъ въ томъ недостойно никакого уваженія».

¹⁾ Она въ судъ не представлялась и передопроса ей не было.

Послѣдствіемъ этого было для Ильи Снапкова и Фомы Семенова наказаніе 25-ю ударами кнута, вырѣзаніе ноздрей, поставленіе штемпельныхъ знаковъ и ссылка вѣчно въ каторгу. Рудневу за ложное показаніе велѣно наказать, при собраніи довольнаго количества людей, плетью и отдать въ жительство.

Уѣздному суду за неосновательное рѣшеніе сдѣлано замѣчаніе съ внушеніемъ, чтобы онъ основывалъ рѣшенія свои на существѣ дѣла и законахъ.

Секундъ-маюръ Ромашовъ и его домоправительница.

Дѣло 1796—1801 гг.

Утромъ 29-го ноября 1796 г., священникъ Троицкой церкви въ г. Бромахъ, Николай Григорьевъ, получилъ приглашеніе отъ своего прихожанина, секундъ-маюра Ромашова, притти къ нему. Для чего нуженъ былъ священникъ—посланный Ромашова не упоминалъ.

Отецъ Николай посѣтилъ Ромашова, который рассказалъ, что у него въ домѣ умерла восьмилѣтняя дѣвочка Дарья, его крѣпостная, и просилъ похоронить ее. Ромашовъ говорилъ, что пришлетъ вновь за священникомъ, когда будутъ готовы гробъ и могила.

Въ тотъ-же день, къ вечеру, священникъ былъ позванъ для похоронъ и пришелъ съ діакономъ. Ромашова они не застали дома, домоправительница его просила ихъ о похоронахъ и привела ихъ въ людскую избу, находившуюся черезъ сѣни отъ барскихъ комнатъ. Въ избѣ, на лавкѣ подъ образами, лежала въ гробу мертвая; она была накрыта. Служители церкви раскрыли покойницу, замѣтили на лицѣ и головѣ ея боевые знаки и отказались хоронить дѣвочку безъ осмотра полиціи, ссылаясь и на то, что она не была исповѣдана.

Ромашовъ уѣзжалъ въ тотъ день за городъ и воротился домой послѣ полуночи. Извѣстіе, что священникъ отказался хоронить, было для него неприятно. Онъ приказалъ своимъ людямъ тотчасъ отвезти гробъ къ священнику на домъ.

— Если попь васъ къ себѣ не пустить, расколите у него дверь, поставьте тѣло въ горницу или бросьте у дверей его, строго наказалъ людямъ Ромашовъ, и велѣлъ имъ на этотъ случай взять топорь.

Брѣвостной Ромашова Андрей Тимофеевъ и наемный работникъ Потапъ Абакумовъ положили гробъ на салазки и отправились къ дому священника. Разбуженный стукомъ въ сѣбную дверь, онъ вышелъ къ нимъ и спросилъ:

— Зачѣмъ вы пришли?

Тимофеевъ передалъ приказаніе барина, и когда священникъ отказался хоронить и принять въ себѣ въ домъ мертвую,—оставили салазки съ гробомъ у сѣней, а сами ушли.

— Пусть попь что хочеть, то и дѣлаеть, сказалъ имъ Ромашовъ, когда они доложили объ исполненіи его приказанія.

Утромъ, 30-го ноября, священникъ объявилъ о случившемся городничему, секундъ-маіору Осипову.

Умершая была осмотрѣна. На головѣ ея, въ двухъ мѣстахъ, кожа оказалась пробитою до кости; на правомъ вискѣ къ глазу, на лбу выше лѣваго глаза, на лѣвомъ вискѣ—раны; на носу, на груди, на обѣихъ рукахъ выше локтей—синія боевыя пятна; на правомъ паху—тоже; правое лядвее все синее, а правое коѣно вспухло и въ ранахъ; палева лѣвой ноги вспухла же и синяя; подошвы и пальцы обѣихъ ногъ всѣ озноблены; на спинѣ мелкіе знаки отъ сѣченья; заднепроходная кишка выдавлена; у правой ноги, подъ сгибомъ коѣна, примѣтна старая рана.

Штабъ-лекарь Филиповичъ удостовѣрилъ, что дѣвочка умерла отъ разныхъ на ея тѣлѣ ранъ и боевыхъ знаковъ, также и отъ выдавленія кишки.

Дѣвочку похоронили и началось слѣдствіе. Вотъ добытыя имъ свѣдѣнія.

Дворянинъ Осипъ Петровичъ Ромашовъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и потомъ служилъ въ арміи; былъ при осадѣ и взятіи штурмомъ Вендербурга, при взятіи Мачина и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ съ турками. Въ 1775 г. онъ вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ, а съ 1793 г. находился въ г. Кромехъ расправнымъ судьей ¹⁾. Въ 1796 г. ему было 48 лѣтъ.

Ромашовъ имѣлъ населенное имѣніе въ селѣ Ржавѣ, Кромскаго уѣзда; впрочемъ, крестьяне по ревизіи числились не за нимъ, а за братомъ его, да и сами считали себя принадлежащими послѣднему. Въ 1795 г. между ними обнаруживалось непослушаніе помѣщичьей власти, и еще за годъ до того бѣжалъ изъ Ржавы крестьянинъ Степанъ Максимовъ съ семействомъ.

¹⁾ По учрежденію о губерніяхъ 1775 г., нижняя расправа была первою судебною инстанціею по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, для однодворцевъ, крестьянъ: государственныхъ, приписанныхъ къ заводамъ, экономическихъ, дворцовыхъ, ямщиковъ и прочихъ, временно въ коронномъ управленіи состоящихъ (ст. 335).

Отъ него осталась малолѣтняя дочь Дарья. Эту Дарью Ромашовъ взялъ къ себѣ въ Кромь, для ухода за домашнею птицею и скотомъ.

Въ Кромахъ Ромашовъ жилъ въ своемъ домѣ, въ однихъ комнатахъ съ своею 30-ти-лѣтнею дворовою дѣвкою Дарьею Ильиною. Она находилась при немъ уже лѣтъ 18 и завѣдывала всѣмъ его хозяйствомъ. Домоправительница, по общему отзыву, тирански и безчеловѣчно обходилась съ людьми Ромашова, бывала къ нимъ немилосердно, безъ всякой пощады. Но болѣе всего доставалось беззащитной дѣвочкѣ. Ильина была ее чѣмъ попадо. Слѣды побоевъ, въ видѣ гнойныхъ струпуевъ, и раны на лицѣ и на головѣ не сходили у ней. Это рассказываютъ всѣ, кто видалъ ее, въ томъ числѣ и священникъ, приглашенный для ея похоронъ. Губернскій регистраторъ Приваловъ жилъ обзгородъ съ Ромашовымъ и почти всякій день видалъ какъ Ромашовъ и Ильина наказывали дѣвочку розгою, палкою; были также и руками.

Для дѣвочки заведена была цѣпь. Одинъ конецъ ея оканчивался заправшимся на замокъ ошейникомъ, а другой ввинчивался въ стѣну или въ столбъ. Изъ сосѣдей, одни видали дѣвочку на этой цѣпи при конюшнѣ, другіе — въ сѣняхъ,—тамъ видѣлъ ее также и священникъ, наконецъ, третьи — въ саду, оставленною на цѣпи на всю ночь.

Дѣвочку морили голодомъ и холодомъ. Весною, когда она сторожила гусей и утокъ, она имѣла возможность отлучаться изъ дому, и тогда нерѣдко прибѣгала къ сосѣдямъ, чтобъ выпросить кусокъ хлѣба. Она сказывала, что Ильина и самъ Ромашовъ не приказываютъ давать ей ѣсть.

Иногда дѣвочка убѣгала изъ дому; но ее находили и снова тиранили. Посадскій Звѣгнцовъ видѣлъ однажды, какъ крестьянинъ и женщина вели ее по улицѣ къ дому Ромашова. Дѣвочка умоляла ихъ, чтобъ не водили ее домой къ господину на шуку. Изъ сожалѣнія къ дѣвочкѣ, Звѣгнцовъ пошелъ съ ними попросить Ромашова, чтобъ ея не наказывалъ. Ромашова дома не случилось, а домоправительница, какъ только увидѣла дѣвочку, схватила ее за волосы, ударила о-земь и была, пока сама не устала.

Показанія домашней прислуги ярко обрисовываютъ бѣдственное житье дѣвочки въ послѣднее время. Хотя прислуга эта находилась при Ромашовѣ не долго, но на многое удалось ей насмотрѣться.

За двѣ недѣли до смерти дѣвочки, былъ вытребованъ изъ села Ржавы, для работъ при домѣ, молодой парень Андрей Тимофеевъ, племянникъ Ильиной. При немъ домоправительница постоянно была дѣвочку кулаками, а иногда палками, и одинъ разъ рубалемъ, которымъ катаютъ бѣлье; колода ее и жгла хватомъ для горшковъ, топтала ногами, поднимая за волосы, бывала о-земь. Вообще была всѣмъ, что только попадалось въ руки. Сама не давала и другимъ запрещала давать ей ѣсть.

18-го ноября привезена изъ Ржавы въ домъ къ Ромашову родная бабушка

дѣвочки, 70-ти-лѣтняя Домна Матвѣева. Она застала на дѣвочкѣ множество знаковъ отъ побоевъ; голова была въ двухъ мѣстахъ проломана и кровь запеклась. Дѣвочка была больна и сказывала, что Ильина всегда ее бьетъ. Последняя запрещала Домнѣ давать внучкѣ ѣсть и пить. Дѣвочка, по большей части, находилась на дворѣ, для корму и прибору птицы и скота. 23-го ноября домоправительнице ударила ногою дѣвочку такъ сильно, что та упала и поползла. Ильина схватила палку и еще шесть разъ, изо всей силы, ударила ея дѣвочку по боку. Слабая дѣвочка только дважды крикнула.

При этомъ былъ въ избѣ нанявшійся къ Ромашову въ работники Потапъ Абакумовъ. Для него показалось страннымъ, отчего дѣвочка едва ходитъ и когда бьютъ ее, не кричитъ. Онъ обратился съ вопросомъ объ этомъ къ Андрею и Домнѣ, и тѣ рассказали, что дѣвочка измучена побоями Дарьи, которая каждый день ее бьетъ.

Утромъ, въ пятницу, 28-го ноября, больная дѣвочка обмаралась. Увидѣла это Ильина, избилла ее и въ одной ветхой рубашкѣ, босую, посадила на цѣпь въ холодныхъ сѣняхъ, общихъ для избы и барскаго помѣщенія. Слабые крики ребенка: «тетушка Дарья, выпусти меня, я иззябла», слышали и посторонніе, проходившіе сѣнями. Уже передъ обѣдомъ она была спущена съ цѣпи. Едва незамерзшая дѣвочка ползкомъ пробралась въ избу. Ей хотѣлось пить и она, по земляному полу избы, поползла къ тазу съ грязною водою. Поступившій окончателью въ этотъ день въ работники къ Ромашову, Абакумовъ хотѣлъ было подать ей чистой воды, но бабушка Домна сказала, чтобъ онъ этого не дѣлалъ, потому что Ильина запретила давать дѣвочкѣ давать пить и ѣсть, и если увидитъ, что онъ давалъ ей пить, то прибить ихъ.

Дѣвочка начала пить изъ таза. Въ это время вошелъ въ избу возвращавшійся изъ присутствія Ромашовъ. Онъ схватилъ ее за рубашку, оттащилъ отъ таза, ударилъ подъ животъ ногою. Она отлетѣла подъ печной пристунокъ.

— Сиди тутъ, сказалъ Ромашовъ и вышелъ.

Дѣвочка разъ вскрикнула. Сидѣть она не могла, упала внизъ лицомъ, стонала и дрожала. Бабушка прикрыла ее кафтаномъ.

Ильина подтвердила прислугѣ, чтобы провинившейся не давали ни пить, ни ѣсть.

Долго-ли еще мучилась несчастная—неизвѣстно. Повидимому, въ этотъ день на нее никто уже не обращалъ вниманія, но на слѣдующій, еще до разсвѣта, Ильина пришла въ избу съ огнемъ и осмотрѣла дѣвочку.

— Насилу твою внучку чортъ задавилъ и наши руки опростались, — сказала она старухѣ Домнѣ. Дѣвочка, дѣйствительно, была уже мертвою. Бабушка обмыла ее, надѣла на нее чистую рубашку, положила на скамейку подъ образа и закрыла.

Разсвѣтало; пришелъ въ избу Ромашовъ и послалъ за священникомъ. Читатель уже знаетъ, что еще происходило въ этотъ день.

На слѣдующее утро, когда народъ собирался ко двору священника для осмотра жертвой, Ромашовъ приказалъ Тимофееву вытащить изъ стѣны цѣпь, на которой держали дѣвочку, и спрятать. Тимофеевъ забросалъ ее надъ потолкомъ сѣней. Тамъ она и найдена потомъ городничимъ и стряпчимъ. Цѣпь была въ полтора аршина, съ пробоемъ и желѣзнымъ ошейникомъ. Судя по незначительной величинѣ послѣдняго, слѣдователи пришли къ убѣжденію, что она была сдѣлана исключительно для малолѣтняго. На стѣнѣ въ сѣняхъ они видѣли слѣды отъ вытащенной цѣпи.

Дарья Ильина высказала на допросахъ, что за шалости и за то, что дѣвочка маралась въ избѣ, она сбѣла ее розгами и за волосы дѣрала. Весною 1796 г., она раза два, на короткое время, садила дѣвочку на цѣпь, для острастки, потому что дѣвочка плохо смотрѣла за утками. Все это Ильина дѣлала безъ вѣдома барина. Въ пятницу, передъ обѣдомъ, дѣвочка обмаралась и Домна высадила ее на улицу. Вскорѣ дѣвочка воротилась въ избу и почему-то упала на землю. Случившійся въ это время въ избѣ Ромашовъ «прикапнулъ ее ногою къ полу».

Ромашовъ сказалъ, что цѣпь, дѣйствительно, была у него года съ два для людей. Онъ не знаетъ какъ поступала Дарья съ дѣвочкою и приказанія наказывать ребенка не давала. Въ пятницу, онъ, изъ сожалѣнія, чтобъ кто не раздавилъ больную, ползавшую по земляному полу избы, дѣвочку, хотѣлъ ее помѣстить въ безопасное мѣсто и для того потащилъ за рубашку, а «потомъ тихонько пододвинулъ ногою не подъ приступокъ у печи, а къ полу». Ромашовъ старался доказать, что дѣвочка была повреждена умомъ, страдала припадками падучей болѣзни и изметками по головѣ и по тѣлу, отъ которыхъ на головѣ и лицѣ ея были гнойвшіеся струнья. Струнья эти потомъ прогнали до кости и получили видъ ранъ. Ознобъ на ногахъ, по мнѣнію Ромашова, произошелъ оттого, что дѣвочка, по словамъ старухи Домны, въ безумствѣ часто забивалась подъ печь, выскакивала оттуда и затѣмъ находили ее на дворѣ. Онъ утверждалъ, что кишка у дѣвочки не выдавлена, но еще назадъ тому четыре года, когда дѣвочка жила въ деревнѣ, она упала съ печи, и съ того времени кишка у ней тронулась и начала выходить. Въ этомъ онъ опять ссылался на Домну и на находившихся въ бѣгахъ отца и мать дѣвочки. Ромашовъ потомъ доказывалъ ссылкой на разныхъ лицъ, что дѣвочка съ первыхъ чиселъ ноября была такъ больна, что едва могла ходить. Священникъ не былъ приглашенъ къ ней для исповѣди потому, что «она хотя и слаба была отъ падучей болѣзни, но имѣла движеніе».

Никто, однако-же, кромѣ Домны, не высказалъ того, что хотѣлось доказать Ромашову. Случай паденія дѣвочки съ печи и тѣхъ послѣдствій, о

которыхъ говорилъ Ромашовъ, въ домѣ, гдѣ жила дѣвочка при отцѣ, да и вообще въ селѣ Ржавѣ, не было извѣстно. Указанная Домною женщина, которая будто-бы лечила дѣвочку отъ выпаденія кишки, отозвалась, что она дѣвочку не лечила ни отъ чего. Въ с. Ржавѣ утверждали, что за два года до того дѣвочка доставлена была въ домъ Ромашова совершенно здоровою.

Въ городѣ также свазали, что она имѣла умъ соотвѣтственный возрасту, казалась изнуренною голодомъ и холодомъ; струнья на лицѣ и головѣ ея были не отъ болѣзни, а отъ побоевъ; падучей болѣзней она не имѣла; о выпаденіи у ней кишки никто не слыхалъ.

Ромашовъ объяснялъ еще, что просилъ священника похоронить дѣвочку въ день ея смерти потому, что слѣдующій день, воскресенье, былъ табельный, а по церковнымъ уставамъ въ табельные дни не хоронятъ. Пришлось-бы держать покойницу у себя въ домѣ до понедѣльника, а онъ «имѣеть къ мертвымъ великій, боязливый страхъ». Эта-же причина заставила его ночью отослать гробъ съ покойницею къ священнику. Онъ приказывалъ людямъ просить священника поставить гробъ въ церкви, и если, по позднему времени, священникъ не захочетъ идти въ церковь, то поставилъ-бы мертвую у себя. Тимофеевъ взялъ топоръ безъ приказанія; впрочемъ, Ромашовъ слышалъ, какъ Тимофеевъ говорилъ Абакумову:

— Если священникъ не возьметъ тѣла, то расколемъ у него дверь и насильно ему отдадимъ.

На время производства суда, велѣно Ромашова содержать подъ присмотромъ, «яко штабъ-офицера»; Дарья Ильина заключена въ тюремную избу. Содержалась также въ тюрьмѣ и прочая прислуга Ромашова, т. е. Тимофеевъ, Абакумовъ и Домна; но они вскорѣ были выпущены на поруки.

29-го апрѣля 1797 г. состоялся приговоръ орловской палаты суда и расправы. Палата нашла, что Ромашовъ не только далъ поводъ къ жестокостямъ Ильиной, о которыхъ, какъ хозяинъ дома не могъ не знать, но и самъ, когда дѣвочка спущена была съ цѣпи и отъ изнуренія и ознобленія ногъ едва могла только ползати, поднялъ ее за рубашку и отбросилъ къ печкѣ, удари подъ животъ ногою. Послѣдствіемъ этого поступка палата признала выходъ кишки, а оттого и смерть дѣвочки. Палата опредѣлила Ромашова, вмѣсто смертной казни, по лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ, наказати кнутомъ 20-ю ударами, вырѣзати ему ноздри, поставить штемпельные знаки и сослати навѣчно въ каторжную работу ¹⁾; Ильину

¹⁾ „Какъ скоро снято дворянство, то уже и привиллегія до него не касается“. Слова собственноручнаго указа императора Павла, 3-го января 1797 г. П. С. З. Т. XXIV, № 17916.

также наказать на мѣстѣ преступленія кнутомъ, давъ ей 40 ударовъ, и потомъ сослать въ Сибирь.

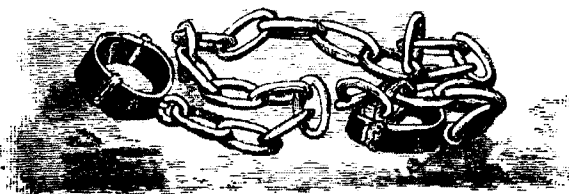
Губернаторъ, дѣйств. ст. сов. Вас. Ив. Воейковъ, нашель Ильину достойною присужденнаго ей наказанія и возвратилъ опредѣленіе о ней къ исполненію. Что-же касается до Ромашова, то, представляя дѣло о немъ, какъ о дворянинѣ, въ сенатъ, онъ писалъ:

«Послужу Ромашовъ и самъ неправъ, что допустилъ оной дѣвкѣ надъ малолѣтнею дѣвочкою производить по дѣлу выведенныя жестокости и тиранства, то непосредственно надлежитъ и съ него учинить за то взысканіе, токмо соразмѣрное винѣ, хотя опредѣленіемъ на церковное покаяніе, а не такимъ наказаніемъ, къ какому приговорила палата суда и расправы, не принявъ въ соображеніе ни лѣтъ, ни понесенныхъ имъ трудовъ въ сраженіи».

Не ближе, какъ черезъ полгода по восшествіи на престолъ императора Александра I, состоялся приговоръ сената:

«Какъ изъ обстоятельствъ дѣла сего видно, что означенная дѣвочка умерла дѣйствительно отъ производимыхъ ей дѣвкою Ильиною безчеловѣчныхъ побой и изнуреній, что Ромашовъ попускалъ, вмѣсто того, чтобы, по обязанности хозяина и господина, отъ онаго отвращать и зло такое прервать, и что ясно открываетъ его жестокость, которая весьма еще обнаруживается чрезъ самимъ имъ признанный поступокъ его съ тою малолѣтнею дѣвкою, о коей онъ показалъ самъ, что, видя ее больною, поподзшую къ тазу пить, отодвинулъ ее отъ онаго ногою, каковой поступокъ съ младенцемъ и страждущимъ свойственъ только тиранской холодности и безчеловѣчной души, и ежели она дѣвочка и не отъ толчка точно умерла, но все-же онъ, Ромашовъ, долженъ быть наказанъ за свою жестокость и небреженіе о челоувѣчествѣ, лишень средствъ къ вреднымъ дѣйствіямъ, по такому расположенію своему, впредь и очиститься долженъ пованніемъ въ разсужденіи участія, которое онъ могъ имѣть въ причинахъ смерти той невинной дѣвочки. А для того, онаго Ромашова заключить въ тюрьму на одинъ годъ, а потомъ предать церковному покаянію, послѣ чего учинить его свободнымъ. Но дабы онъ, Ромашовъ, впредь не могъ впасть въ подобное преступленіе, то, въ отвращеніе сего, ему, Ромашову, отъ исправленія мѣнѣемъ съ людьми и крестьянами отказать, опредѣлявъ къ оному опеку».

Указъ объ исполненіи посланъ изъ сената 28-го сентября 1801 года.

Секундъ-маіоръ Анненковъ.

Дѣло 1799—1802 гг.

Въ концѣ 1788 года вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ орловскій помѣщикъ Николай Анненковъ.

Въ началѣ 1799 г. мы встрѣчаемъ его въ собственныхъ деревняхъ. 20-го января, подъ вечеръ, онъ пріѣхалъ въ имѣніе свое, Новую Слободку. Здѣсь господскій докъ не былъ еще отстроенъ, и Анненковъ расположился въ людской избѣ, гдѣ жилъ, завѣдывавшій господскимъ хозяйствомъ, крестьянинъ Иванъ Макаровъ. Важное дѣло занимало въ то время барина. Возвратился изъ побѣговъ дворовый Степанъ Осиповъ. Его Анненковъ назначилъ къ отдачѣ въ рекруты и велѣлъ беречь пуще глаза. Случилось, что Осиповъ успѣлъ опять скрыться. Барское негодованіе по этому случаю отразилось на всѣхъ, кого Анненковъ считалъ прямо или косвенно виновными въ упускѣ Осипова. Какъ только Анненковъ пріѣхалъ въ свою деревню, у Макарова и другаго крестьянина Дмитрія Федорова тотчасъ слетѣли волосы съ головы и бороды; у крестьянки Павловой острижены волосы на головѣ. Федорова, Павлову и крестьянина Ивана Тимофеева баринъ приказалъ привязать на дворѣ къ сохамъ и оставить на морозѣ. Впрочемъ, Федоровъ возвращенъ былъ въ избу къ барину. Анненковъ велѣлъ его, Макарова, и десятикаго Емельяна Петрова бить по голымъ патамъ лубочною дощечкою, затѣмъ Федорова посадилъ въ сѣняхъ въ стулъ ¹⁾, а Макарова приказалъ скрутить, притянуть веревкою верхнія части тѣла къ ногамъ насколько было возможно. При этомъ, чтобы ту же натянуть веревку, для скручиванія ея была употреблена палка. Должно быть плохо выполнялъ барское приказаніе скручивавшій Макарова дворовый Евграфъ Петровъ. Въ избѣ подъ лавкою лежалъ осиноый подъемъ для телѣга, употребляемый для смазки колесъ. Анненковъ ударилъ по головѣ Петрова подъемомъ.

Скрученный Макаровъ сидѣлъ на полу; Анненковъ продолжалъ бранить его за упускъ Осипова и три удара тѣмъ-же подъемомъ по головѣ Макарова были дополненіемъ къ брани. Макаровъ упалъ, даже не крикнуть; отвѣчать на спросы барскіе онъ не могъ. Анненковъ ударилъ его нѣсколько разъ каблучкомъ сапога.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня пріѣхалъ къ Анненкову посланный отъ помѣщика Каратаева—дворовый человекъ Николаевъ. Онъ видѣлъ въ избѣ на полу связаннаго. Макаровъ тогда шевелилъ еще ногою.

¹⁾ Мы уже объясняли значеніе стула. См. „Русскую Старину“ 1871 г., т. IV, стр. 418. А. П.

Скрюченный умеръ тутъ-же въ избѣ, а скрывшійся дворовый Оспповъ подалъ извѣтъ въ убійствѣ.

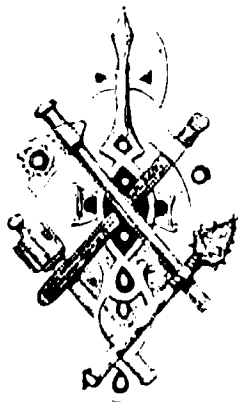
Члены орловскаго нижняго земскаго суда нашли, что Макаровъ былъ битъ подъемомъ и оттого умеръ. Въ избѣ, гдѣ совершилось преступленіе, они видѣли кровь на полу и на палкѣ, которою былъ скрюченъ Макаровъ, также на печи и на ножкахъ стола, стоявшаго подлѣ лавки, гдѣ была постель убитаго, и на простынѣ постели; у Макарова и другихъ оказались остриженными волосы на головѣ и бородѣ, у двороваго Петрова—знакъ на головѣ отъ удара подъемомъ.

Анненковъ не сознался. При слѣдствіи онъ сказалъ, что пріѣхалъ въ деревню Новую Слободку утопленный отъ худой дороги, никого въ тотъ день изъ людей не призывалъ, легъ спать, и во время сна кто-то принесъ къ нему убитаго; въ уѣздномъ судѣ Анненковъ припоминалъ, что Макаровъ приходилъ къ нему однажды за приказаніями, а въ орловской палатѣ суда и расправы заявилъ предположеніе, что крестьяне сами убили Макарова за доносы на нихъ барину, и обвиняютъ барина, чтобы избавиться отъ повиновенія ему. Но этого предположенія онъ не могъ доказать. Двухъ женщинъ, которыя находились въ избѣ, вмѣстѣ съ Анненковымъ, онъ не допускалъ къ свидѣтельству: одну потому, что она его крѣпостная, а другую, солдатку, обвиняя ее въ прелюбодѣйствіи; двороваго человека Николаева, видѣвшаго Макарова живымъ утромъ, свидѣтелемъ также не хотѣлъ признать, потому что у отца Анненкова была приказная ссора съ Каратаевымъ.

Сенатъ согласился съ мнѣніемъ орловскихъ судебныхъ мѣстъ и призналъ Анненкова виновнымъ въ «оказанной имъ надѣ людѣмъ своимъ, въ битѣхъ, жестокости, отъ чего крестьянину Макарову смерть приключилась», и опредѣлилъ: «лиша всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, сослать на поселеніе въ Сибирь».

Это заключеніе утверждено имп. Александромъ I 9-го августа 1802 г. Въ томъ-же мѣсяцѣ въ Орлѣ полученъ указъ сената. Содержавшійся съ 8 мая этого года въ тюрьмѣ Анненковъ былъ сосланъ.

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

ГОРОДЪ ОЛЕНСКЪ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., т. LXV, въ февральской книгѣ, — помѣщены «Посмертныя записки Николая Васильевича Берга». Статья эта, написанная очень живо и интересно, въ первой своей главѣ заключаетъ довольно подробное описаніе постройки города Оленска, составленное, главнымъ образомъ, изъ воспоминаній матери автора, — г-жи Бергъ, родившейся и проведшей свою молодость въ Оленскѣ.

Отсутствие указанія на мѣсто и на время постройки города, нѣкоторыя неточности въ самомъ описаніи возбудили у Н. В. Латкина сомнѣніе въ существованіи когда-либо подобнаго города, что вызвало возраженіе со стороны Г. К. Рѣпинскаго. Эта легкая полемика, отсутствие указанія на мѣсто нахождения Оленска возбудили у меня желаніе узнать — дѣйствительно-ли, de facto, существовалъ городъ Оленскъ, гдѣ именно и чѣмъ съ нимъ стало, или, какъ выражается самъ Николай Васильевичъ (стр. 302): «что теперь на ого мѣстѣ? Поселились-ли якуты или опять засѣли прежнія тайги, поросли травы — и режутъ тамъ только медвѣди, волки да лисицы — сказать трудно». Попытаемся приподнять завѣсу прошедшаго, порыться въ событіяхъ, относящихся къ описываемой эпохѣ края, — можетъ быть и найдемъ мы въ нихъ удовлетворительный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, и рѣшеніе его не такъ трудно. Такъ какъ мнѣ придется сослаться не только на данныя Н. В. Берга, указывающія на мѣсто постройки города Оленска, но и на нѣкоторыя неточности самаго разсказа, дающія ошибочное представленіе объ описанной имъ мѣстности, то я считаю необходимымъ сдѣлать полную выборку всего, относящагося до описанія постройки города. Вотъ что говорятъ объ этомъ Н. В. Бергъ: «немного раньше того времени, когда отецъ мой отправился изъ Петербурга въ Томскъ съ чиновниками, отправился точно также одинъ чиновникъ изъ Малороссіи, Ефремъ Ѳеодоровичъ Ромадинъ въ Якутскую область. Ему, какъ имѣвшему понятіе о стройкѣ извѣ, дѣланіи телѣгъ и т. п., и даже лично владѣвшему топоромъ и рубанкомъ, было поручено, по повелѣнію государыни, выстроить въ тысячѣ верстахъ отъ Якутска на сѣверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, кедровыхъ и другихъ хвойныхъ (по-сибирски въ тайгѣ), гдѣ жили одни только якуты — городъ Оленскъ, руками сосланныхъ въ тѣ страны уральскихъ казаковъ и башкиръ Пугачева. Подъ нихъ топорами, и отчасти подъ топоромъ самого начальника Ромадина, очень скоро выросъ небольшой городокъ въ 15 богатыхъ извѣ, названный Оленскомъ. Ефремъ Ѳеодоровичъ принадлежалъ къ такимъ личностямъ, которыхъ нельзя было не слушать... По окончаніи постройки жилихъ и нежи-

лыкъ строевій, часть ихъ назначена подъ присутственныя мѣста: уѣздный судъ, полицію, врачебную управу и т. д., часть на житье чиновникамъ... Зныи были суровыя, но лѣто почти тропическое. Все росло быстро: хлѣбъ, травы чрезвычайныя... Лѣса и луга, тянувшіеся на необъятное пространство и принадлежавшіе жителямъ города настолько, насколько кто могъ захватить, дышали дѣвственною, дикою поэзіею и были полны звѣрей и птицъ, никогда еще не пуганныхъ человѣкомъ... Дикіе гуси и утки прилетали на городской прудъ, вырытый строителемъ. Чернобурыя лисцы грѣлись на солнцѣ по соломеннымъ крышамъ домовъ, медвѣдь ходилъ въ одинъ дворъ изъ лѣсу пить молоко... При необыкновенномъ изобиліи молока (такъ какъ каждый чиновникъ имѣлъ большое количество коровъ, которыхъ содержаніе стоило немало), никто не смущался шалостями Мишии... Лѣто представляло еще для этого (развлеченія) средства: ѣздили всею гурьбою, всѣмъ населеніемъ города, въ лѣсъ, верхами на дикихъ лошадяхъ... Въ лѣсахъ—сбораніе ягодъ, грибовъ... Какое имѣлъ официальное положеніе въ Оленскѣ Ефремъ Федоровичъ—это мнѣ въ точности неизвѣстно. Знаю только то, что его всѣ боялись и всѣ слушались. Высшее начальство губернскаго города Якутска знало о жестокихъ, своеобразныхъ и рѣзкихъ свойствахъ строителя Оленска и потому рѣшилось поручить ему въ окрестностяхъ новаго города, на довольно большомъ пространствѣ, въ районѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, что по-сибирски вовсе не много,—вводить въ употребленіе картофель, тогда еще очень мало извѣстный въ Сибири. Ефремъ Федоровичъ, названный засѣдателемъ (по якутски «отъ»), сѣлъ на телѣгу, въ другую посадилъ двухъ казаковъ съ хорошими нагайками и началъ скакать по разнымъ окрестнымъ селамъ, деревнямъ и городкамъ, заглядывая въ печи простыхъ обывателей, мѣщанъ и крестьянъ, русскихъ и якутовъ... Нѣсколько позже, точно такимъ-же образомъ, тотъ-же самый «отъ» вводилъ въ Оленскѣ и окрестностяхъ употребленіе телѣгъ... Вскорѣ затѣмъ правительство нашло невыгоднымъ имѣть городъ въ такихъ лѣсныхъ трущобахъ; чиновникамъ предписано, по выдачѣ известной суммы на подъемъ каждому, оставить Оленскъ и отправиться на службу или на житье кому куда угодно.. Такъ мудреный городокъ, какаютю прихотливая фата-моргана, явившаяся по мановенію волшебнаго жезла среди непроходимой тайги и тундръ, пересталъ вдругъ существовать, имѣвъ въ 15 лѣтъ жизни, всего на всего, только 8 дѣлъ».

Названіе города—«Оленскъ», указанія г. Берга о постройкѣ его на сѣверъ отъ Якутска въ тысячѣ верстахъ, указъ 2 марта 1783 г. (т. XXI, № 15675) объ учрежденіи Оленскаго уѣзда и указъ 1790 г. (т. XXIII, № 16913) о дарованіи городу Оленску, съ другими городами Якутской области, Жиганскомъ, Зашиверскомъ, Средне-Колымскомъ и Олекминскомъ, герба, (причемъ указано на оставленіе въ послѣднемъ городѣ прежняго), приводятъ невольню къ заключенію о нахожденіи Оленска на рѣкѣ Оленскѣ. Изъ упомянутыхъ городовъ Жиганскъ и Зашиверскъ болѣе не существуютъ и хотя имѣютъ только нѣ-

сколько жалкихъ полуразрушенныхъ лачугъ, но значатся заштатными городами, остальные два города—Олекминскъ и Средне-Колымскъ нынѣ—окололежащие города; объ одномъ только Оленскѣ не осталось никакого воспоминанія; служа въ Якутской области въ 1859 и 1860 гг., мы никогда не приходилось при распросахъ о край слышать этого названія. Гдѣ причина этого забвенія? Справки, относящіяся къ наиболѣе близкой эпохѣ существованія Оленска, категорически указываютъ на нахожденіе этого города на рѣкѣ Оленскѣ, у Ледовитого океана, т. е. на мѣстѣ нынѣ существующаго селенія Усть-Оленскаго или Валкалакъ, основаннаго въ концѣ XVII вѣка казаками, какъ говоритъ Н. В. Латкинъ. Въ «Новомъ полномъ географическомъ словарѣ» и т. д. (Льва Максимовича), 1788 г., Москва, ч. IV, мы читаемъ: «Оленскъ, городъ Иркутскаго намѣстничества, лежитъ при рѣкѣ Оленскѣ, впадающей въ Ледовитое море, разстояніемъ отъ С.-Петербурга 9,309 в., отъ Москвы 8,579, а отъ Иркутска 3,496 в.». Въ этомъ-же словарѣ разстояніе г. Якутска отъ Иркутска показано въ 2,486 в., а Верхне-Виллюйское зимовье, при р. Виллюѣ, въ Якутскомъ уѣздѣ, отъ города въ 500 в. Затѣмъ, въ словарѣ Аф. Щекатова и Максимовича, 1805 г., въ ч. IV, говорится: «Оленскъ, новоучрежденный уѣздный городъ Иркутской губерніи, Якутской области, лежитъ при рѣкѣ Оленскѣ, впадающей въ Ледовитое море, разстояніемъ отъ С.-Петербурга 9,214 в., Москвы 8,486, отъ губернскаго города Иркутска, къ сѣверу 3,198 в. Верхне-Виллюйское зимовье (ч. 1-я, 1801 г.) показано уже въ Олекминскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу р. Виллюя; а въ описаніи рѣки Виллюя говорится, что она стечетъ по границамъ Олекминскаго съ Оленскимъ и Жиганскаго съ Якутскимъ уѣздами. Въ древней «Россійской Виллюйскѣ» и т. д. Н. Новикова, 1791 г., въ XVIII ч., въ топографическомъ описаніи Иркутскаго намѣстничества, о Якутской области, между прочимъ, указано на то, что Оленскій уѣздъ составленъ будто-бы изъ бывшаго Верхоянскаго и Жиганскаго комиссарствъ; а Жиганскій уѣздъ—изъ Верхоянскаго, Верховиллюйскаго и Жиганскаго комиссарствъ. Въ «Землеописаніи Россійской Имперіи» и т. д. Е. Забловскаго, 1810 г., въ V ч., Якутскъ значится областнымъ городомъ, въ разстояніи отъ Иркутска 2,588 в., и далѣе говорится: «въ Якутскомъ уѣздѣ имѣются слѣдующіе приписные города: Олекминскъ (отъ Иркутска 1,997 в.), Оленскъ, при устьѣ Оленска, въ сосѣдствѣ коего кочуютъ якуты, разстояніемъ отъ Иркутска 3,198 в., Жиганскъ (3,988 в.), Зашиверскъ и Олотскъ»; кромѣ этихъ городовъ перечислены имѣвшіеся въ Якутскомъ уѣздѣ—остроги и указано на нахожденіе соляныхъ промысловъ—Виллюйскаго ключа, въ бывшемъ Оленскомъ уѣздѣ. Затѣмъ въ этомъ-же описаніи говорится, что Якутскій уѣздъ по великому пространству раздѣленъ на семь частныхъ комиссарствъ: Удское, Ангинское, Олекминское, Верховиллюйское, Жиганское, Зашиверское и Средне-Колымское, а объ Оленскѣ не упоминается. Вся эта путаница, съ неправильнымъ указаніемъ на мѣсто нахожденія Оленска, произошла отъ смутнаго понятія, которое имѣли объ этомъ отдаленномъ край

составители статей, пользовавшіеся для своихъ описаній исключительно появившимися указами, которые, какъ увидимъ ниже, не всегда были приводимы въ исполненіе.

Обращаясь къ исторіи XVIII в., т. е. во времени сильной ломки стараго порядка по устройству управленія въ Сибири, видимъ, что первоначально и довольно продолжительное время Якутская область составляла отдѣльное воеводство, причисленное въ 1708 г. къ Сибирской губерніи; въ 1764 г. Якутскъ значится уѣзднымъ городомъ Иркутской губерніи, а въ 1775 г. переименованъ въ провинціальный городъ, подчиненный иркутскому губернатору. При учрежденіи въ 1783 г. иркутскаго наместничества, Якутская провинція переименована въ область и управлялась комендантами, въ 1796 комендантство упразднено и съ 1797 г. Якутскъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Иркутской губерніи и управлялся городничимъ. Въ 1805 г. въ Якутскѣ открыто областное правленіе, и область раздѣлена на комиссарства. Затѣмъ въ 1822 г., при раздѣленіи Сибири на Восточную и Западную, Якутская область раздѣлена на пять округовъ, причемъ Якутскъ отнесенъ къ категоріи среднихъ городовъ, а остальные города области—къ малолюднымъ, въ которыхъ управленіе соединено въ одною званіи исправника. Изъ всѣхъ этихъ распоряженій для насъ наибольшій интересъ имѣетъ высочайше утвержденный докладъ сената отъ 31 января 1776 г. (т. XX, № 14,242), по которому въ тогдашнемъ Якутскомъ уѣздѣ, составлявшемъ часть Иркутской губерніи, велѣно было учредить: одинъ провинціальный городъ—въ Якутскѣ, а другой—воеводскій, въ 329 верстахъ отъ перваго, по Охотскому тракту, на рѣкѣ Алданѣ, въ 70 в. ниже впаденія рѣки Бѣлой; эта воеводская канцелярія должна была называться по рѣкѣ—Алданскою, съ причисленіемъ къ ней Удскаго острога; кромя того, велѣно образовать 4 комиссарства: Жиганское, Верхоянское, Среднеколымское и Олѣкинское. 13 марта 1777 г. (т. XX, № 14,598) утвержденъ былъ и гербъ для города на рѣкѣ Алданѣ: «въ серебряномъ полѣ протекающая по срединѣ щита голубая извитая полоса, показывающая самую ту рѣку, по которой сіе правительство наименовано и учреждено». Но ни городу, ни воеводству не суждено было появиться въ назначенной мѣстности, вѣроятно, вслѣдствіе, встрѣченныгъ затрудненій въ приведеніи этого распоряженія въ исполненіе; мы дозволяемъ себѣ высказать это предположеніе потому, что въ слѣдующихъ затѣмъ преобразованіяхъ нигдѣ не упоминается о городѣ Алданскѣ и о воеводствѣ. Точно такъ-же и управленіе Оленскимъ округомъ никогда не было въ Усть-Оленскомъ или Оленскомъ селеніи, а находилось въ Верхне-Вилуйскѣ, гдѣ, по указу 31 января 1775 г., назначено было открыть комиссарство, а въ указѣ 2 марта 1783 г., объ учрежденіи въ Якутской области пяти уѣздовъ, въ томъ числѣ и Оленскаго, предоставлено: «селенія въ оныхъ уѣздахъ, кои къ тому способіе окажутся, переименовать городани»; мы полагаемъ, что наиболѣе подходящимъ селеніемъ мѣстнымъ

начальствомъ и было признано Верховилійское комиссарство, переименованное въ городъ Оленскъ; что это такъ и было—подтверждаютъ и слѣдующіе данныя: А. Уклонскій въ своемъ медико-топографическомъ описаніи Вилюйскаго округа (Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ, 1841 г., ч. XXXIX, № 1), указывая на важнѣйшія рѣки въ округѣ Вилюй и Оленскъ, прибавляетъ: «о званію которыхъ и самый округъ удерживаетъ двойное именованіе—Вилюйскаго и Оленскаго». Въ памятныхъ книжкахъ Якутской области на 1863 и 1867 гг., мы находимъ въ статьѣ: «Хронологическій перечень различныхъ событій Якутской области» у города Вилюйска, въ скобкахъ, наименованіе—Оленскъ. Но наиболѣе близкое разъясненіе высказаннаго нами предположенія о мѣстонахожденіи Оленска мы имѣемъ въ статьѣ о Верхневилійскѣ, помѣщенной въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, (изданіе Плюшара, въ 9 т., 1837 г.), гдѣ говорится: «Верхневилійскъ или Оленскъ, городъ Якутской области, на правой сторонѣ рѣки Вилюя, въ 610 верст. отъ Якутска; въ немъ 30 домовъ и 1 церковь. Власть земская по уѣзду и полицейская по городу сосредоточена въ лицѣ одного исправника. Верне-Вилюйское зимовье построено нагазейскими казаками въ 1630 г., затѣмъ учреждено здѣсь комиссарство (годъ не показанъ, но это было, какъ выше нами указано, въ 1775 г.), а въ 1774 г.—городъ (ошибка—городъ учрежденъ въ 1783 г.), которому въ 1790 г. пожалованъ гербъ съ изображеніемъ на зеленомъ полѣ (ошибочно въ указѣ сказано: въ нижней части въ голубомъ полѣ серебряный олень...) бѣгущаго оленя. Въ 1805 г. городъ уничтоженъ, и учреждено комиссарство, которое въ 1822 г. опять возведено на степень города. Вилюйскъ назывался Оленскимъ еще потому, что сначала предположено было помѣстить городское управленіе въ Оленскѣ,—мѣстечкѣ, которое лежитъ при рѣкѣ Оленскѣ, впадающей въ Ледовитое море». Жаль только, что составителемъ не указаны источники, на основаніи которыхъ имъ сдѣлано это изложеніе. Это указаніе на мѣстонахожденіе Оленска въ Вилюйскѣ находитъ себѣ подтвержденіе и въ картинномъ и живомъ описаніи г. Бергомъ, въ его Запискахъ, мѣстности постройки Оленска, а именно: богатой травяною растительностію и дремучими хвойными лѣсами, съ континентальнымъ климатомъ, т. е. суровою зимою и жаркимъ лѣтомъ, съ значительно развитымъ скотоводствомъ среди якутскаго населенія,—все это указываетъ на нахожденіе города въ отдаленіи отъ Ледовитаго океана, у береговъ котораго, какъ извѣстно, растиается голья, болотистая тундра, совершенно лишняя лѣсной растительности, съ довольно холоднымъ лѣтомъ. И дѣйствительно, какъ могли-бы остаться въ воспоминаніяхъ г-жи Бергъ, если-бы она провела молодость свою у береговъ Ледовитаго океана,—дремучіе лѣса, собраніе въ нихъ ягодъ и грибовъ, скачки на дняхъ лошадаяхъ..., скорѣе остались-бы у ней воспоминанія о ѣздѣ на собакахъ или оленяхъ, не заходящее лѣтомъ солнце и продолжительная зинная ночь, съ ея чудными сѣверными сіяніями... Указаніе г. Берга на положеніе города на сѣверъ отъ Якутска и въ тысячѣ верстахъ, а также и нѣко-

торыя другія неточности, о которыхъ мы ниже упомянемъ, явились вслѣдствіе его незнанія описанной имъ мѣстности, въ которой онъ никогда самъ не былъ, а многое допущено имъ и ради картинности изображенія.

Такъ, мы видимъ, что и раньше было здѣсь поселеніе, а г. Ромадину, вѣроятно, поручено было выстроить нѣсколько только зданій для управленія уѣзднаго города, но никакъ не подъ врачебную управу, которой нигдѣ въ уѣздныхъ городахъ никогда не было. Едва-ли лѣса были полны звѣрей и птицъ, никогда еще не пуганныхъ человѣкомъ..., такъ какъ звѣриный промыселъ составлялъ съ незапамятныхъ временъ главный источникъ существованія тунгусовъ, аборигеновъ этого края; а ради самой пушнины, отчасти двигались и сами казаки все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ. Чернобурыя лисицы не могли грѣться на соломенныхъ крышахъ домовъ, такъ какъ таковыхъ крышъ не было, по крайней мѣрѣ, а ихъ нигдѣ не видѣлъ въ Якутской области въ 1859 и 1860 гг. Да и вообще рассказъ о лисицѣ и медвѣдѣ носитъ легендарный характеръ и сильно напоминаетъ распространенное въ былое время мѣстныя о богатствѣ Сибири пушнинною, гдѣ, какъ говорится, и бабы были корышками соборей. «При введеніи картофеля, Ефремъ Федоровичъ, названный засѣдателемъ (по якутски «отъ»), сѣлъ на телѣгу, въ другую посадилъ двухъ казаковъ»..., а черезъ нѣсколько строкъ г. Бергъ говоритъ: «нѣсколько позже тотъ-же «отъ» вводилъ въ Оленскіе и окрестностяхъ употребленіе телѣгъ...», — это какъ-то не вяжется, да и скакать въ телѣгахъ, какъ сказано, по разнымъ окрестнымъ селамъ, деревнямъ и городкамъ.... г. Ромадинъ не могъ: во-первыхъ, и по настоящее время все сообщеніе въ Вилюйскомъ округѣ производится лѣтомъ — верхомъ, или водою — въ лодкахъ, а зимою въ небольшихъ саняхъ, такъ какъ никакихъ дорогъ черезъ лѣса и болота не проложено, а ведутъ только — тропы; во-вторыхъ, ни сѣлъ, ни деревень, а тѣмъ болѣе трактовъ не было въ Вилюйскомъ или Оленскомъ округѣ, а все населеніе состояло изъ бродячихъ тунгусовъ, да осѣдло, но разсѣянно жившихъ въ своихъ ночлегахъ, якутовъ, среди которыхъ была и небольшая горсть русскихъ. Въ настоящее время все русское населеніе Вилюйскаго округа, кромя небольшого числа казаковъ и служащихъ, состоитъ изъ 458 д. об. пола крестьянъ и 526 д. ссыльныхъ всѣхъ категорій. Причемъ все крестьянское населеніе собрано впервые въ 1848 г., въ двѣ неб. деревушки, на оз. Норьбѣ, лежащемъ въ 250 в. отъ города, и въ Сунтирѣ въ 470 в. отъ Вилюйска. Существовавшее въ то время Оленское (Усть-Оленское) селеніе русскихъ находилось отъ Вилюйска не менѣе какъ въ 2,000 верстахъ и добраться до него можно было только черезъ Якутскъ или по рр. Вилюю и Ленѣ, а затѣмъ отъ Булуна перевалить черезъ тундру къ устью Оленска. Никакихъ печей у населенія, жившаго среди якутовъ, не могло быть, такъ какъ въ якутскихъ жилищахъ — «юртахъ» отопленіе производится посредствомъ особаго рода камня (саха-осохъ), который служитъ и для варки пищи и въ которомъ зимою огонь почти-что не гаснетъ,

иначе въ юртѣ дѣлается невыносимо холодно. Слово «отъ» по-якутски значить не засѣдатель, а огонь, и это иѣткое названіе дали якуты — г. Ромадину за его вѣбалишный, горячій характеръ, какъ можно судить изъ описанія г. Берга, который самъ называетъ его самогуромъ и деспотомъ; естественно, что такого человѣка якуты боялись, какъ говорится, «цуце огня». Хлѣбонашество и разведеніе картофеля хотя и имѣетъ мѣсто въ Вилюйскомъ округѣ, но въ очень ограниченныхъ размѣрахъ: такъ, въ 1889 г. засеяно было до 1185¹/₄ дес., а подъ огородными овощами и картофелемъ только 127 дес., причемъ изъ хлѣбовъ сѣется преимущественно ячмень; но, вообще, хлѣба часто страдаютъ отъ рано наступающихъ лѣтнихъ холодовъ (инеевъ), появляющихся иногда въ концѣ іюля и вліяющихъ на недородъ хлѣбовъ.

Изъ Записокъ г. Берга видно, что Е. О. Ромадинъ прожилъ въ Оленскѣ 15 лѣтъ, слѣдовательно прибылъ въ городъ около 1790 г.; принимая въ видъзъ его въ 1805 году, при переименованіи Оленска въ Вилюйское комиссарство, это обстоятельство опять указываетъ, что онъ не былъ строителемъ новаго города, который до его пріѣзда просуществовалъ уже около 7 лѣтъ. Въ указѣ отъ 6 марта 1783 г. (т. XXI, № 15680) объ устройствѣ Иркутскаго на-мѣстничества сказано: «Въ Якутской области состоятъ коменданту. По великой обширности уѣздовъ, для пособія земскимъ исправникамъ въ удобнѣйшемъ отправленіи должности ихъ, назначили мы въ нижниѣ земскимъ судамъ всѣхъ четырехъ областей Иркутской губерніи дворянскихъ засѣдателей; а какъ тамъ жительствующихъ дворянъ нѣтъ, то и наполнять сіи мѣста со стороны правленія дворянами другихъ губерній; то-же разумѣется и о засѣдателяхъ дворянскихъ совѣстнаго суда». На основаніи этого распоряженія можно предположить, что Ромадинъ былъ назначенъ въ Оленскъ засѣдателемъ земскаго суда.

Такъ какъ Верхне-Вилюйское зимовье (волость) до переименованія въ городъ Оленскъ носило названіе Верхне-Вилюйскаго, а, за упраздненіемъ города, Вилюйскаго комиссарства и, наконецъ, города Вилюйска, то вполне понятно совершенное забвеніе мѣстнымъ населеніемъ названія Оленскъ—города, некогда существовавшаго.

Фр Шпергъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ¹ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ отсылки при этомъ денегъ и получать книги по почте съ наложеннымъ платежомъ.

Альмедигетъ, А. На всякій случай! Научно-практическіе совѣты. Ч. II. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Ан—въ, Е. П. Сваговая настольная книжка на 1892 г. М. Ц. 1 р.

Арсеиновъ, А. В. Старья бывальщины. Историческіе очерки и картинки. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Безобразова, М. В. Философскіе этюды. М., 1892 г. Ц. 80 к.

Бонъ, А. и Опель, А. Compendium микроскопической техники. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бордяиловъ, И. О воспріимчивости при крещеніи и о духовномъ родствѣ какъ прететви къ браку. Казань, 1892 г. Ц. 40 к.

Борендтъ, Э., проф. Меркантилисты и флягократы въ Швеци въ 18-мъ столѣтіи. Ярославль, 1892 г. Ц. 60 к.

Berkovich, S. M. Nouveau vocabulaire systematique français-russe. Одесса, 1892 г. Ц. 75 к.

Биографическая библиотека Ф. Павленкова: Ф. Шопень.—Аристотель. Съ портретами. Спб., 1892 г. Ц. кажд. т. 25 к.

Биографія профессора А. П. Доброславина. Спб., 1891 г. Ц. 30 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ. Его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ и пр. М., Ц. 2 р.

Борисовъ, Н. О главнѣйшихъ врачебныхъ растеніяхъ, находящихся въ дикомъ видѣ въ предѣлахъ средней Россіи. М., 1892 г. Ц. 30 к.

Берингеръ, М. О вліяніи хозяйственныхъ мѣръ на ходъ прироста и доходность лѣсного хозяйства. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Бубиновъ, С. Ф., д-ръ. Фотометрическія наблюденія надъ распредѣленіемъ дневнаго свѣта въ комнатахъ. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Будринъ, П. В. Опыты съ земнымъ удобреніемъ и замѣтки о значеніи его для русскаго сельскаго хозяйства. Спб., 1892 г. Цѣна 40 к.

Буренинъ, В. Пѣсни и шаржи. Изданіе 2-е дополн. новыми стихотвореніями. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бухаревъ, І. священ. Житія всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ православною церковью. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Бѣлозерскій, Е.** Правда и вымыселъ. Рассказы. М., 1892 Ц. 1 р.

Васильевъ, А. проф. Изъ исторіи и философіи. Понятія о цѣломъ положительномъ числѣ. Казань. Ц. 30 к.

Вась, Б. А. Вольно—оправиться! Сборникъ анекдотовъ изъ военнаго быта. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Веберъ, К. К. Нужды нашего народнаго хозяйства. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* Этими знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

Ведровъ, С. В., проф. Иванъ Ефимовичъ Андреевскій. Спб., 1891 г. Ц. 20 к.

Вендряхъ, Фомъ, А. Центральныя желѣзнодорожныя расчетныя конторы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Виланскій, Д. А. Бытовые охотничьи разсказы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Витбергъ, Ф. А. Н. В. Гоголь и его новый биографъ. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Вознесенскій, Н. Къ вопросу о роли правительства и частной инициативы въ дѣлѣ устройства, оборудованія и эксплуатаціи нашихъ торгов. портовъ. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Вознесенскій, Н. Портовые бассейны. 3 листа чертеж. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Газенинскій, К. Б. Государство жалованье послужившимъ сибирскимъ. Къ исторіи Сибири XVII в. Тобольскъ, 1892 г. Ц. 30 к.

Гейслеръ, Ф. К. Историческое развитіе ученія о болѣзнетворныхъ бактеріяхъ. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Гидичъ, П. П. Семнадцать разсказовъ. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

* **Гоголь, Н. В.**, и его новый биографъ. (По поводу книги г. Шенрока: «Матеріалы для біографіи Гоголя». Т. I. Москва. 1892 г. Витберга. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.)

* **Гольмстедтъ, В.**, д-ръ. Холера. Предохранительныя мѣры противъ холеры въ домахъ и семьяхъ. Съ предисловіемъ проф. Н. Ф. Здекауера. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Горбуновъ. Программы, учебные планы и правила реальн. училищъ. М., 1892 г. Ц. 35 к.

Гринъ, Дж. Р. Исторія англійскаго народа. Т. III. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Давыдова, Софія. Русское кружево и русскія кружевницы. Исслѣдованіе историческое, техническое и статистическое. Спб., 1892 г. Ц. за 2 т. 20 р.

Давыдовъ, А. О. Краткія указанія о посадкѣ и обрѣзкѣ плодовыхъ деревьевъ и о защитѣ отъ мороза. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

* **Дманіишвиль, Гр.** Изъ эпохи великихъ реформъ. (Освобожденіе крестьянъ.—Огнѣна тѣлеснаго наказанія.—Цензурная реформа.—Новый судъ и пр.). Историческія справки. 2-е дополи. изд. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Дементьевъ, П. М. Справочная книжка

Фотограф. Ежегодника. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Демисовъ, Я. Дохмія. Глава изъ греческой метрики. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Десницкій, Н. В. Курорты и водолечебницы. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Добротворенскій, П. Разсказы, очерки и наброски. (Мысли въ картинахъ и образахъ). М., 1892 г. Ц. 1 р.

Дьяконовъ, Д. И., и **Лермантовъ, В. В.** Руководство къ обработкѣ стекла в пальномъ столѣ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Жиринскій, М. С., д-ръ. Краткое руководство къ ушнымъ болѣзнямъ. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 20 к.

Заводская книга русскихъ рискомъ. Подъ редакц. Ю. И. Юрлова. Т. XIII. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Зденауеръ, Н. Ф., проф. О рыбномъ лѣтѣ. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

Зиминъ, Н. П. Хозяйственно-противоужарная водопроводная система. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Знаменскій, П. На память о Николѣ Ивановичѣ Ильминскомъ. Съ портретомъ и факсимиле. Казань, 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общ. при Импер. Спб. университетѣ. Подъ редакц. Н. Я. Карпова. Т. IV. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Иайгородовъ, Дмитрій. Изъ зеленого искусства. Популярныя очерки изъ міра растений. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправл. и дополи. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Книга о книгахъ. Толковый указатель для выбора книгъ по важнѣйшимъ отраслямъ знаній подъ редакц. И. И. Янжула. М., 1892 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Ковальковскій, К. П., проф. Санитарныя учрежденія Берлина, Парижа и Лондона. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Кореняильтъ, А. И. Нѣмецко-русскій технич. словарь. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Краевскій, Д. М. Дешевыя огнестойкія краски и чернила, на жидкомъ (фуксовомъ) стеклѣ приготвл. Спб., 1892 г. Ц. 10 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Собраніе сочиненій. Т. IV. Спб., 1892 г. Ц. за 5 т. по подлинскѣ 12 р.

Семно, Н. Бесѣды о регатомъ свотѣ.
 Мункиа. М., 1892 г. Ц. 70 к.

Семинъ, Н. А. Наши загранично. Юмо-
 щное описание побѣды супруговъ,
 Василь Ивановича и Глафиры Семен-
 ны, въ Парижъ и обратно. Изд. 5-е.
 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Семинъ, Н. А. Медаль. Шуточныя сказы.
 2-е. Сиб. Ц. 25 коп.

Семинъ, Н. Волжскій спутникъ. Съ
 рисункомъ. Изд. 4-е. Сиб., 1892 г. Ц. 75 к.

Семинъ, Н. Личный составъ Уральского Обще-
 ства любителей естествознанія, учреж-
 даннаго 11-го сентября 1870 года, въ
 Екатеринбургѣ. Екатеринбургъ, 1892 г.
 Изд. Андр. Наслѣдникъ Робинсона. Съ
 рисункомъ. М., 1892 г. 1 р. 60 к.

Семинъ, В. И., кн. Хлопковое дѣло
 Средней Азии и его будущее. Сиб.,
 1892 г. Ц. 1 р.

Семинъ, Ф. Собраніе трактатовъ и
 статей, заключенныхъ Россіею съ ино-
 странными державами. По порученію Ми-
 нистерства иностр. дѣлъ. Т. IX (X). Тракт-
 атъ съ Англіею. 1710—1801. Сиб., 1892 г.

Семинъ, Г. Руководство ѣзды на вело-
 циклѣ. Сиб., 1891 г. Ц. 50 к.

Семинъ, К. И. Постройка саманно-
 земныхъ огнеупорныхъ зданий. Съ ри-
 сункомъ. Сиб., 1892 г. Ц. 40 к.

Семинъ, И. П. Опытъ руководства по
 учебной географіи. Киевъ, 1892 г.
 1 р. 30 к.

Семинъ, Ф. Иезуитъ. Черный папа.
 Французскій романъ. Перев. съ итальян.
 М. Попова. Сиб., 1892 г. Ц. 1 р.

Семинъ, А., проф. Гибридизація вино-
 градной лозы. Ц. 40 к.

Семинъ, А. (Шеллеръ). Хлѣба и зрѣ-
 ния. Романъ. Изд. 2. Сиб. Ц. 1 р. 25 к.

Семинъ, С. Я. Сѣра въ подвальномъ хо-
 дѣ. (Магарач. лабораторія). Ц. 20 к.

Семинъ, С. К. Спутникъ мельника-
 чина. Одесса, 1892 г. Ц. 3 р.

Семинъ, М. Новые элементы въ южно-
 рускомъ писанствѣ. Сиб. Ц. 20 к.

Семинъ, Д. Семь чудесъ свѣта. Пу-
 тешествіе въ семь чудесамъ свѣта съ
 рисункомъ. Сиб., 1892 г. Ц. 1 р.

Памяти Николая Ивановича Студескаго.
 Сборникъ статей врачей Казанской губ.
 земской больницы. Казань, 1892 г. Ц. 2 р.

Полетаевъ, Н. Искы изъ незаконнаго
 обогащенія. Сиб. Ц. 40 к.

Полный карманный путеводитель по Рос-
 сии. Лѣто и осень 1892 г. Сиб. Ц. 50 к.

Предтеченскій, Е. А. На память о Волгѣ.
 Съ рисункомъ. Сиб., 1892 г. Ц. 15 к.

Программа наслѣдованій по медицинской
 зоологій Бланшара. Перев. и дополненіе
 д-ръ Н. Слюнинъ. Сиб., 1892 г. Ц. 50 к.

Плутаркъ. Сравнительныя жизнеописанія.
 Т. III, вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ
 старшій. (Дешевая библ.) Сиб. Ц. 15 к.

Путеръ-Ванъ, М. Д. Значеніе и спо-
 собы искусственнаго вскармливанія дѣтей.
 Публичная лекція. Сиб., 1892 г. Ц. 35 к.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство.
 М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Реварсовъ, И. Очеркъ западной аполо-
 гетической литературы II и III вв. Ка-
 зань, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рибо, Ш., д-ръ. Психологія вниманія.
 Изд. 2-е. Сиб., 1892 г. Ц. 40 к.

Русскіе народы. Рисунки Л. Л. Бѣлин-
 кина. Текстъ подъ редакціею проф. Н. Ю.
 Зографа. Ч. I. Вып. 2-й. М. Ц. 60 к.

С. А. Э. Жизнь миссіонера отца Даміана
 Вейстеръ. (Весь чистый доходъ посту-
 паетъ въ пользу прокаженныхъ Якутской
 области). Сиб., 1892 г. Ц. 20 к.

Сабантеевъ, Л. П. Рыбы Россіи. Жизнь
 и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ.
 Т. II. Изд. 2-е, передѣл. М., 1892 г.
 Ц. за 2 т. 6 р.

Сабантеевъ, Л. П. Охотничій календарь.
 Справочная книга для ружейныхъ и по-
 совныхъ охотниковъ. Изд. 2-е, дополн. Съ
 рисункомъ. М., 1892 г. Ц. 5 р.

Салтыковъ, М. Е. Дневникъ провинціала
 въ Петербургѣ.—За рубежомъ. (Полное
 собр. соч. т. VIII). Сиб., 1892 г. Ц. 2 р.

Сборникъ узаконеній объ охотѣ, дѣй-
 ствующихъ въ Россійской имперіи, съ
 разъясненіями и приложеніемъ уставовъ
 охотничьихъ обществъ. Сиб. Ц. 1 р.

Семеновъ, А. М. Заслуги женщинъ на

- врачебно-фармацевтическомъ поприщѣ. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Сениговъ, І. Народное воззрѣніе на дѣятельность Іоанна Гр. Спб., 1892 г. Ц. 60 г.
- Симанскій, К. К. Спутникъ петербуржца. Спб., 1892 г. Ц. 15 к.
- Сниткинъ, М. Н. Уходъ за здоровыми и больными дѣтьми. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. Ц. 2 р.
- Слабичевскій, А. М. Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 гг.). Спб., 1892 г. Цѣна 2 р.
- Соколовъ, А. Замѣчанія на словарь русскаго языка, издаваемый Академіею. Казань, 1892 г. Ц. 15 к.
- Соколовъ, В. А. Елизавета Тюдоръ, королева англ. Серіевъ посадъ. 1892 г. Ц. 1 р.
- Сообщенія Спб. отдѣленія комитета о сельскихъ судео-охранительныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Вып. 4-й. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Сорель, А. Европа и французская революція. Перев. съ французскаго, съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Спб., 1892 г. Ц. за 2 т. 6 р.
- Спенсеръ, Гербертъ. Философія въ сокращенномъ изложеніи г. Коллинса, съ пред. Г. Спенсера. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Справочная книжка велосипедиста. Спб. Цѣна 50 коп.
- Старчевскій, А. В. Русскій морской переводчикъ во всѣхъ портахъ Азии на 25 языкахъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Стелановъ, П. В. Деревяскій домъ-дача: главн. условія постройки домовъ. Ц. 20 к.
- Стопановская, А. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Съ прилож. рецензій на стат. В. С. Соловьева. Китай и Европа. М., 1891. Ц. 3 р.
- Субботинъ, А. П. Чай и чайная торговля въ Россіи и др. государствахъ. Съ прил. картъ и рис. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Судейкинъ, Власій. Битва и бѣдныя операціи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Саломонъ, Д. Домашнее электрическое освѣщеніе и уходъ за аккумуляторами. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- * Титовъ, А. А. Рукописи славы и русскія, принадлежащія члену Императорскаго Русскаго Археол. Общ. Н. Вахрамѣеву. Вып. II. Москва, 1892 г.
- Томсонъ, Сильванусъ. Электромагнитныя, электромагнитныя механичныя. Съ 240 фигурами въ текстѣ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Торнау, баронъ. Особенности преступнаго права. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Тьерри, Огюстенъ. Рассказы изъ жизни Меровинговъ. Переводъ Н. Трескина (Дешева библіотека). Спб. Ц. 35 к.
- Указатель русской литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1890 г. Подъ ред. В. К. Шишкина. Годъ 19-й. Кіевъ, 1892 г. Ц. 4 р.
- Утмиъ, Е. П. Вильгельмъ I и Висла. Историческіе очерки. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Фарина, С. Запрещенные плоды. Романъ. Перев. съ итальян. Н. А. Попова. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
- Чеховъ, Александръ. Историческій очеркъ пожарнаго дѣла въ Россіи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шелонскій, Н. П. Въ мірѣ будуще. Фантастическій романъ. Съ рисунками. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Шереметевъ, А. Д., гр. Краткій историческій обзоръ пожарныхъ войскъ Россійской имперіи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Эбштейнъ, проф. Объ искусствѣ и о чело-вѣческой жизни. Кіевъ. Ц. 15 к.
- Эльпе. Обиходная рецептура. Вып. 1-й. Серія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Яроцкій, В. Г. Обеспеченіе продовольствія въ связи съ хлебопашествомъ. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старинѣ» высылаетъ книги и въ переплетѣ. Цѣна переплетовъ: шпалерный съ колденкоромъ—80 коп. сафьяннокоричневый—50 коп.

Всѣ вообще заказы о выемкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старинѣ» безъ малѣйшаго замедленія.

(как был в то время состоял секретарем русской миссии), в ре-
в „Русского Вестника“. По своему
в печати ему не суждено было уви-
мского писателя отиравки рукописа
мы „Русского Вестника“, М. Н. Кат-
урьер, и долголетний труд г. Под-
судков в редакционных пучках.
85 г., провадомъ изъ Валграда на
служебное званіе въ Тегеранъ, онъ
изъ редакціи „Русскаго Вестника“,
шарлся уже въ Петербургъ, и ему
и отменить часть ватерлиной руко-
во желанію его—возстановить пре-
чищеніе и выдать его отдаленно вы-
гоме не пришлось быть исполнен-
нъ какъ сама онъ скоро сошелъ
глы (13 декабря 1889 г.).

вобку оставшихся подлѣ него части
ни в черновыхъ замятокъ приняла
на аннотации надатели,—и нельзя не
говорить ихъ за это. Хотя, по соб-
вонувъ сознанию, вавтория части
на“ вышла далеко не полными; но в
изъ видъ, въ законъ является какъ
иная книга, она исполнена большого
ка, записана шило в сѣбло можетъ
рекомендована не только лицамъ,
любо занимающимся генеалогіею,
казову просвѣщенному читателю.

сторія Аншеронскаго полка.
1892 г. Составилъ А. Богуслав-
штабъ-капитанъ 81-го пѣхотнаго
русскаго полка. 3 тома. Сиб. 1892.
последніе годы военная литература
ею болѣе и болѣе обогащается нето-
отдаленныхъ полковъ. Важность та-
воловыхъ бытописаній нельзя отри-
Подвѣтанъ о прошлой жизни полка,
истахъ, изъ совершенныхъ, историкъ
малетъ своихъ товарищѣй гордиться
прошь той части, къ которой они при-
вѣтъ, и поддерживать честь, ею заслу-
ю. Въ особенности можно отнести
и малая, подобнымъ Аншеронскому,
мѣ стналь себя блестящую репу-
въ русской арміи. Сформированъ
изъ въ 1724 г., изъ расположенныхъ
изъ изъ войсковыхъ частей, и сначала
изъ Астрабадскихъ полковъ; настоя-
въ названіе присвоено ему въ 1732 г.,
чтывавшіе императрицы Анны Иоан-
в. Съ тѣхъ поръ исторія его пред-

ствалеть рядъ незабвенныхъ военныхъ
подвиговъ. Дрался онъ съ горцами, крым-
скими татарамъ, турками, французами,
пруссакими, шведами — и всегда являлъ
себя достойнымъ. Особенно же прочно
утвердилась за полковъ его репутація во
время постоянного квартированія на Ка-
вказѣ (съ 1818 года). Имя аншеронцевъ
тѣсно связано со всею кавказскою эпо-
пеею, и одного уже такого подвига, какъ
штурмъ Гузиба, причесть аншеронцы по-
ложили начало успѣху, взобравшись на
почти отвѣснѣй утѣсъ,—одного такого по-
двигъ достаточно для того, чтобы имя полка
никогда не выгладилось со свѣтлицей воен-
ной исторіи.

Какъ видно, трудъ г. Богуславскаго
изъль подъ собою благодарную почву, и,
надо отдать справедливость автору, онъ
удачно воспользовался изъвшисей въ его
распоряженіи матеріалами. Книга богата
содержаніемъ и читается легко. Визшій
изъль изданія, благодаръ содѣйствию авгу-
стѣйшаго шефа Аншеронскаго полка, вел.
и князя Георгія Михайловича, не оставляетъ
желать ничего лучшаго. Портреты членовъ
императорской фамиліи, а также извоторъ
ихъ полководцевъ, подъ начальствомъ
которыхъ приходилось сражаться анше-
ронцамъ (Суворовъ, Милорадовичъ), вполнѣ
удачны. Также хорошо исполнены изобра-
женія современной одежды, присвоенной
полку въ разные эпохи его существованія.

Списки титулованныхъ родовъ
и лицъ Россійской имперіи. —
Изданіе департамента герольдіи прави-
тельствующаго сената. С.-Петербургъ,
1892 г.

Изданіе весьма полезное, какъ справоч-
ная книга, не только для правительствен-
ныхъ учрежденій, но и для частныхъ лицъ,
интересующихся происхожденіемъ тѣхъ или
другихъ титулованныхъ особъ. За вѣр-
ность помѣщенныхъ въ этомъ изданіи свѣ-
даній, сосредоточенныхъ теперь въ депар-
тамента герольдіи, ручается то, что права
каждого рода на пользованіе почетнымъ
титуломъ своевременно разсматривались
соотвѣтствующими правительственными
органами. Книга раздѣлена на слѣдующіе
пять отдѣловъ: 1) князья, 2) графы, 3) ба-
роны, 4) тагарскіе и надимскіе князья и
5) ирланды. И. О.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городовыхъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Невскій просп., д. № 70 у Полицейскаго моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦИВЕРЛИНГА (бывшій Моляе и К^о). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Мохомъ, д. Козелъ Н. Н. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Нижегородцые обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Вальвову Паше-цескую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Животописанія и матеріалы къ біографіямъ выдающихся русскихъ дѣятелей—людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки дѣятели русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—VII. Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная словесность.—IX. Родословныя

Можно заказать въ конторахъ расплатою слѣдующія изданія журнала.

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (10 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (51 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (28 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (53 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (37 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кв. изд. второе (50 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (59 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (47 экз.), съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

№ двадцать третій. **АВГУСТЪ.**

1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Сорокдять до Свѣтъ - Вѣрь. 1738—1814 гг., в его письма къ императрицѣ Маріи Федоровнѣ Сидишъ къ Н. Давиду 297
- II. Императорскій повелѣній университетъ въ основаніи князя Михаила Притворска Третьякова, 1784—1820 гг. Главы III—V 307
- III. Императоръ Александр I в прорывъ врусствѣ въ Англію въ 1814 г. Императрица въ англіи-срѣдѣ галлѣ Юлія Николаевна Тихонова 347
- IV. Марія Федоровна Шодеракъ, 1747—1819 гг. Биографическій очеркъ съ Н. Н. Тихонова, 368
- V. Адмиралъ Федоръ Владиміръ Болломегаракъ, 1778—1862 гг. Сидишъ Юрѣя П. Г. 373
- VI. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, 1787—1835 гг. Очеркъ о старин русскій литературы первъ четверти XIX в. (Окончательно). Сидишъ П. О. Мирозовъ. 396
- VII. Путешествіи очерки и воспоминанія. Повесть на языкѣ минеральныхъ водъ. Рукопись въ гдѣрахъ С. Д. Шосторайкина. 416
- VIII. Александръ Петровичъ Хрущовъ, 1808—1875 гг. Выдержки изъ его писемъ 1853—1869 гг 431
- IX. Уголубанія воспоминанія Н. И. Куликова: с.-петербургскій театры въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ. 451
- X. Доброе старое время. Главы I и II. Сидишъ П. С. 479
- XI. Изъ помѣщичьего быта XVIII в.: 1) Воспоминанія крестьянъ помѣщика Арсеньева въ 1724 г. — 2) Торголя волынскими льнами, 1727 и 1791 гг. 496
- XII. Материалы и замѣтки къ характеристикѣ под. кн. Константина Николаевича (346). — Артемы ипп. русскія театры въ Сиб., въ 1858 г. (478).
- XIII. Библиографическій листокъ (на обратѣ).

УКЛОЖЕНІЕ: Портреты-гравюры артистовъ императорскихъ русскія театровъ въ Сиб., въ 1858 г. Фотографическія снимки.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно заказать «Русскую Старину» изд. 1891 г. (Осталось 15 экз.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, з. № 80.

ВМОС.

VIII-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1892 г.

Д. Н. Эварипакія. Історія Запорозьких казаків. Томъ I, съ 22 рисунками. С.-Петербургъ. 1892.

Вольная запорожская община, просуществовавшая больше двухъ вѣковъ, представляетъ весьма своеобразное историческое явленіе, особенно интересное для насъ, русскихъ. Гоголь обезсмертилъ главныя характеристическія черты южно-русскихъ „лицарей“ въ своей величавой повѣсти „Тарасъ Бульба“; но полнаго, всесторонняго изслѣдованія бытъ запорожцевъ, равно какъ причинъ, повліявшихъ на возникновеніе, развитіе и, наконецъ, паденіе знаменитой „Січи“—до сихъ поръ у насъ не было. Г. Эварипакій еще въ дѣтствѣ пораженъ былъ чтеніемъ вышеупомянутой повѣсти, и красота ея, очевидно, глубоко запала ему въ сердце, такъ какъ, затѣвъ, все молодые годы свои онъ провелъ не только въ штудированіи историческихъ документовъ, касавшихся до излюбленной имъ темы, но и въ личномъ изслѣдованіи того района мѣстности по изволю Днѣпра и Буга, гдѣ возникло и развилось запорожское казачество. Отдѣльными монографіями его по этому предмету напечатаны были уже въ предшествовавшіе годы; настоящій-же трудъ является сводомъ всего обработаннаго авторомъ матеріала. Вся „Исторія запорожскихъ казаковъ“, по плану г. Эварипакія, будетъ заключаться въ трехъ томахъ; причѣмъ второй и третій томы посвятятся фактическому изложенію событій казачьихъ драмій, начиная съ конца XV и кончая второю половиною XVIII вѣка. Писанъ вышедшій первый томъ раздѣляется на слѣдующія 26 главъ: 1) границы вольностей запорожскихъ казаковъ, 2) гидрографія, топографія и климатъ запорожскаго края, 3) производительность земли: озира, сауна и времена года въ запорожскомъ краѣ, 4) исторія и топографія восьми запорожскихъ Свечей, 5) составъ, основаніе и число славянаго запорожскаго пивоваго товариства, 6) воѣсконое и территориальное дѣленіе Запорожья, 7) войсковыя, куренныя и паланочныя рады у запорожскихъ казаковъ, 8) административныя и судебныя власти въ запорожскомъ пивовомъ вѣбскѣ, 9) суды, навазашія и казни у запорожскихъ казаковъ, 10) одежда и вооруженіе, 11) запорожское войсковое

калейноды, 12) харас герствана запорожскаго казака, 13) донашныя шиты запорожскихъ казаковъ въ Сечи, на зимовникахъ и бурдюгахъ, 14) церковное устройство у запорожскихъ казаковъ, 15) Самарскій Путьяно-Николаевскій монастырь, 16) окрѣпа границъ вольностей запорожскихъ сульманскіе сосѣди запорожскихъ, 17) попоменіе христіанъ-манской неволи, 18) хриоті запорожскихъ казаковъ, 19) сілми и боевыя средства сухопутныя и морскіе походы, шашество, скотоводство, роловодство, огородничество и каваковъ, 20) торговля, прощель, 21) доходы войска запорожскаго, 22) грамотность, канцелярскія, 23) почтовыя учрежденія у

Изъ вышеупомянутого уже богата содержаніемъ и занятая часть труда г. Эварипакія дѣлается, что въ этойъ отащивъ пять ей и послѣдующіе два

Исторія 13-го лейбъ-герцога Дриванскаго его вѣбъ: 250 лѣтъ (1642—1892). Сиб.

25-го іюля сего года вѣбъ лѣтъ со времени основанія пѣхотнаго полка—родоначальнаго лейбъ-гренадерскаго Въ этому времени и повѣдана первая часть исторіи, подъ „Выборныя Московскія полки-строя, извѣстный годъ сикаго“. Впослѣдствіи принадлежать пору генералъ П. О. Бобровскаго, извѣстнаго воспользоваться богатныя казны военныя, такъ и дружи и доведеть имъ до 1699 г.—генерала Гордона, двѣнадцата довавшего бутырцама. Вѣбъ Бутырскаго полка выдѣлается вѣбъ войска, дѣйствовавшія вѣбъ, при чемъ за нею вѣбъ полку отличія, которыя она вѣбъ несла до послѣдняго вѣбъ ея вѣбъ, подъ названіемъ „Гренадъ Дриванскаго полка. Долговременное пребываніе ея на Кавказѣ ознаменовано блестящимъ подвѣганіемъ, описаніе котораго вѣбъ войска въ послѣдующія части исторіи.

М. Максимовъ, И. И. Сосницкі, П. А. Каратынъ, Н. Е. Чернышевъ, И. Ф. Горбуновъ, П. И. Мазышевъ,
А. А. Александровъ, П. И. Григорьевъ.

АРТИСТЫ ИМПЕРАТОРСКИХЪ РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ, ВЪ С. - ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ 1858 Г.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Поѣздка на Экскія минеральныя воды.

(Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго).

Сборы или предисловіе.

Чтобъ ни сулило вамъ воображеніе,
Но вѣрьте, той земли не сыщете вы
краще,
Гдѣ ваша милая или гдѣ живетъ вашъ
другъ.

Крыловъ.

Въ концѣ іюня ¹⁾ рѣшился я оставить Парижъ и ѣхать на воды въ Эксъ-Савойскій. Тамъ, думалъ я, сѣрныя ванны, подобно жуванскому ключу, возвратятъ мнѣ молодость или, по крайней мѣрѣ, здоровье. Но зачѣмъ сравнивать съ жуванскимъ ключемъ? Наши народныя преданія упоминаютъ также о какой-то живой и мертвой водѣ, имѣвшей свойство воскрешать мертвыхъ. Какъ-бы то ни было, а все это еще не весьма ободрительно для больного, ѣдущаго черпать здорovie въ минеральныхъ источникахъ.

О! еслибъ не эти понудительныя причины, я-бы не рѣшился оставить Парижа, гдѣ я прожилъ два года въ истинныхъ наслажденіяхъ и столько привыкъ къ сему несравненному городу, что продолжалъ-бы жить въ немъ по самое нельзя: „какъ трудно

¹⁾ Годъ поѣздки въ точности не извѣстенъ, но надо полагать, что поѣздка эта совершена въ началѣ 1850-хъ годовъ.

Ред.

быть своихъ привычекъ властелиномъ!“ Сначала думалъ я ѣхать въ своей коляскѣ, на почтовыхъ и со всѣми прихотями избалованнаго туриста; но строгій взглядъ на домашній бюджетъ заставилъ меня помышлять о дилижантѣ. Я утѣшалъ себя мыслию, что, такъ какъ я еще никогда не ѣзжалъ въ публичныхъ каретахъ, для меня будетъ любопытно и занимательно испытать новаго рода поѣздки. Въ таковомъ расположеніи духа отправился я въ улицу Notre Dame de Victoires, гдѣ контора дилижансовъ, взялъ мѣсто до Женевы, и сѣлъ на каменную скамью, чтобы отдохнуть и посмотреть на отъѣзжающія лица. Картина любопытная для наблюдателя! Здѣсь мать прощается съ сыномъ, снабжаетъ его съѣстными припасами и проситъ беречься отъ сквозныхъ вѣтровъ. Тутъ юная прелестница въ слезахъ обнимаетъ молодаго человѣка въ дорожномъ платьѣ; тамъ сестра разстается съ братомъ:

„Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ-ли, сытъ-ли онъ, уврять-ли отъ невасты?“

Безпрестанно слышны слова: „пишите мнѣ какъ скоро пріѣдете на мѣсто.“ „Будемъ-ли мы къ утру въ Реймсѣ?“ „Послѣ завтра мы пріѣдемъ въ Кале и, можетъ быть, застанемъ ихъ“ и т. д.

Но я заслушался, а мнѣ пора приготовляться. Приготовляться. Мои сборы незначительны; я ѣду налегѣ; мнѣ оставалось только застаться дорожнымъ картузомъ, зонтикомъ и записною книжкою. За первыми предметами я отправилъ слугу, а книжку пошелъ покупать самъ. Я вошелъ въ лавку, гдѣ весьма пригожая, словоохотливая и живая дѣвица предлагала мнѣ на выборъ 12 разнообразныхъ книжекъ.

„Tenez, monsieur, voyez, monsieur, choisissez; voici du cuir de Russie“... ¹⁾).

Я выбралъ одну, на коей напечатано было золотыми буквами „Mes confessions“.

„Съ какимъ-бы любопытствомъ я прочла, воскликнула дѣвица, завертывая мою книжку, то, что будетъ написано на этихъ листкахъ“.

--

¹⁾ Вотъ, милостивый государь, извольте, выбирайте, это русская кожа.

Я шутилъ съ нею и предлагалъ удариться объ закладъ, что она ничего не пойметъ.

„О, конечно, вы пишете по-англійски, а я не много понимаю этотъ языкъ“.

— „Нѣтъ, по-русски!“

„Я знаю нѣсколько словъ и по-русски; впрочемъ, чтобъ выиграть закладъ, я-бы стала учиться, и черезъ 2 или 3 мѣсяца выучилась-бы“.

— „Что-же вы понимаете по-русски?“, спросилъ я.

„Я знаю нѣсколько словъ“, отвѣчала она, и дѣйствительно произнесла два слова, которыя, вѣроятно, выучилъ какой-нибудь повѣса, которыя я, ради благопристойности, конечно, не повторю. Провожая меня изъ лавки, она сказала мнѣ:

„Surtout tâchez de n'écrire que la pure vérité“¹⁾.

— „О! безъ всякаго сомнѣнія, возразилъ я, святая истина будетъ управлять карандашемъ моимъ“.

„Descends du haut des cieux auguste vérité,
Fait briller dans mes écrits ton style et la clareté“.

Итакъ, прошу читателя не сомнѣваться въ моемъ повѣствованіи. Онъ не найдетъ большихъ чудесъ; но правдоподобное изложеніе нѣсколькихъ забавныхъ происшествій весьма значительныхъ, но и не вымышленныхъ, хотя иногда и приукрашенныхъ.

Если-бы я призвалъ на помощь мое воображеніе, то, можетъ быть, написалъ-бы что-нибудь занимательнѣе; но я повторяю: въ мою записную книжку помѣщалась одна правда съ нѣкоторою позолотою. Послѣ этого читатель воленъ вѣрить или не вѣрить. Впрочемъ, бѣда не велика, ежели путешествіе въ дилижансѣ и съ ветуринами описано не со всею историческою достовѣрностію; никто отъ этого не въ потерѣ, никому нѣтъ отъ этого безславія. Мы видимъ и въ исторіи вымышленныя происшествія, коимъ вѣрили цѣлыя тысячелѣтія. По сію пору не рѣшено, существовалъ-ли Гомеръ или Омиръ (и мы поставимъ или—чтобы журналы не бранили). Ежели существовалъ, то былъ-ли онъ слѣпъ или кривъ, или видѣлъ обоими глазами.

¹⁾ Всего богѣ старайтесь вписывать одну чистую истину.

Многіе ученые слагають трудъ Илиады на рапсодовъ. Одиъ же славянофилъ утверждалъ, что Омиръ былъ русскій пѣвчій или запѣвало и что послѣ взятія Трои онъ воспѣвалъ въ славянскомъ государствѣ бѣдствія Троянской войны; народъ-же, слыша ужасы кровопролитія, восклицалъ „О миръ“, отколѣ проистекаетъ прозваніе Омиръ или Гомеръ. Велисарій также былъ ослѣпленъ какимъ-то историкомъ XII-го столѣтія, кажется, Сипесомъ. Мармонтель, опираясь на эту сказку, написалъ романъ, въ коемъ онъ изобразилъ его слѣпцомъ, и всѣ стали вѣрить этой выдумкѣ; лучшіе художники подтвердили сію неблицу; живописцы, ваятели, граверы представляли Велисарія безъ глазъ, въ рубищѣ; но достовѣрнѣйшія повѣствованія современныхъ историковъ утверждаютъ противное: „Велисарій не лишился милостей императора Юстиніана, былъ чрезвычайно богатъ и въ глубокой старости начальствовалъ войсками“.

Впрочемъ, немудрено, ежели въ отдаленныя историческія событія, скрывающіяся во мракѣ временъ, вѣряться нѣкоторые погрѣшности; но странно то, что въ происшествіяхъ ближайшихъ временъ мы встрѣчаемъ точно то-же. Сожженіе Іоанны д'Аркъ, орлеанской дѣвицы или, какъ нѣкоторые наши писатели называютъ ее, дѣвственницы (какъ будто выраженіе дѣвицы или дѣвы недостаточно для перевода французскаго эпитета), оспариваемо было многими сочинителями. Во французскомъ „Меркуріи“, 1683 года, въ ноябрѣ, была помѣщена статья, въ коей утверждали, что Іоанна д'Аркъ, сожженная англичанами за колдовство въ Руанѣ въ 1431-мъ году, вышла замужъ въ Метцѣ въ 1436 г. за Шевалье десь-Армуазъ¹⁾.

Редакторъ „Меркурія“ г-нъ Визе основывается на слѣдующихъ документахъ. Отецъ Винье отыскалъ въ Метцѣ рукопись, списанную въ присутствіи королевскаго нотаріуса, который скрѣпилъ и засвидѣтельствовалъ точность списка съ подлинникомъ, написанномъ на старинномъ французскомъ языкѣ. Вольтеръ въ своемъ философическомъ лексиконѣ утверждаетъ, что прото-

¹⁾ Не помню, какой-то писатель, упоминая о древнихъ колдунахъ, сказалъ: „въ старинныя времена появлялись весьма часто колдуны; наши добрые предки сожигали ихъ; но, не взирая на то, они не переводились; съ тѣхъ же поръ, какъ ихъ не жгутъ, о нихъ не слышать. Изъ этого должно заключить, что колдуны любили, чтобъ ихъ жарили“
Авт.

воля суда и казни сей героини существуетъ и что та, которая вышла замужъ въ Реймсѣ за Шевалье десь-Армуазъ, должна быть самозванка; но Вольтеръ написалъ поэму, основанную на прежнихъ преданіяхъ; слѣдовательно, выгоды его требовали опроверженія противныхъ открытій. Во всякомъ случаѣ, мудро рѣшить, кто изъ нихъ ошибся, болѣе-же всѣхъ, мнѣ кажется, обманулся г. рыцарь десь Армуазъ, который думалъ жениться на настоящей дѣвицѣ Орлеанской ¹⁾.

Но я прошу извиненія у читателя за то, что отклонился отъ предмета и подъ статью сборы написалъ длинную диссертацію объ историческихъ заблужденіяхъ. Впрочемъ, я уже собрался; итакъ, прощайте до утра!

Отъѣздъ.

Non si ama un amico, quando
la sua assenza non affligge molto!

Прощайте, мои милые! Прощай очаровательный Парижъ! Какъ грустно разставаться съ первымъ городомъ въ мірѣ, особенно, когда предметомъ путешествія предстоить скучный маленькій городишко, гдѣ большая часть лицъ изображаетъ страданіе, гдѣ пахнетъ все могилою. Поѣзжайте куда угодно, объѣздивъ весь шаръ земный, вы найдете прекрасные города, великолѣпныя столицы; но всѣ должны уступить Парижу. Эта мысль омрачаетъ ваши чувства, когда вы оставляете прелестную Лютецію.

Я сѣлъ въ ветхій и безпокойный дилижансъ, едва кинулъ

¹⁾ Англійскій историкъ (кажется Юмъ) писалъ однажды исторію свою. сѣда у овна, какъ вдругъ сдѣлался шумъ на улицѣ. Юмъ послалъ узнать причину этого шума; ему довели, что все произошло отъ пустой ссоры между мужчиною и женщиною. Черезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ къ нему знакомый и спросилъ: „неужели ты не слышалъ что случилось въ твоёмъ сосѣдствѣ насупротивъ твоихъ окошекъ?“ И тутъ рассказалъ ему самое ужасное происшествіе, вовсе не схожее съ ссорой мужчины съ женщиною. Тогда Юмъ съ отчаяніемъ бросилъ перо и сказалъ: „могу-ли я писать событія давнопрошедшихъ временъ, когда въ глазахъ моихъ, подъ носомъ моимъ, случилось происшествіе и мнѣ передають его въ двухъ противоположныхъ видахъ.“

А вт.

смущенный взгляд на моихъ спутниковъ и снова обратилъ оный на улицы покидаемой столицы. Вотъ великолѣпные бульвары; вотъ пассажъ панорамы, черезъ который я часто хаживалъ въ единственный Пале-Рояль; вотъ театръ Варіете, гдѣ я столько разъ хохоталъ отъ души, слушая уморительныя пьесы; вотъ клубъ мой, въ которомъ я проводилъ пріятныя минуты; но вотъ и Жимназъ — и здѣсь восхищался я прелестными водевилями Сериба. Несносный дилижансъ не даетъ мнѣ времени вполне насытиться воспоминаніями—и уже ворота Сенъ-Мартенъ предъ моими глазами: и тутъ нѣбогда утѣшалъ меня Фредерикъ Леметръ и другіе актеры, и тутъ..., но вотъ уже бульваръ дю-Тамплъ, театры Амбигю-Комикъ, Гейте, Франкони и проч. и проч. и проч., куда я иногда захаживалъ поплакать и посмѣяться. Вотъ садъ и кофейный домъ, называемый турецкимъ! Такъ пожиралъ я взорами и мыслями панораму бульваровъ и улицъ съ ними смежныхъ, доколѣ не переѣхалъ заставы. „Нечего дѣлать“, сказалъ я про себя и, вынувъ дорожный платокъ, на коемъ изображена карта Европы, отеръ послѣднюю слезу тѣмъ мѣстомъ, гдѣ напечатано „Парижъ“.

Теперь время заняться внутреннею частію дилижанса и сдѣлать описаніе моихъ состранствователей. Рядомъ со мною сидитъ морской французскій офицеръ, лѣтъ 25-ти, ѣдущій въ Дижонъ для свиданія съ родственниками. Еслибъ на немъ и не было мундира, то и тогда-бы можно было угадать его ремесло. Во Франціи (да и въ другихъ государствахъ) существуетъ обычай, въ силу коего морской офицеръ долженъ быть крутъ, грубъ и пьянъ; но добродушенъ и откровененъ, а не то называютъ его „*marin à l'eau douce*“. Въ Англіи этотъ обычай также съ давнихъ временъ существуетъ; еще Шекспиръ сказалъ, описывая военнаго: „*full of strange oaths, and bearded like the pard, jealous in honour, sudden and quick in quarrel, seeking the bubble reputation*“...

Древніе также считали моряковъ людьми грубыми „*statique in limine barbibus herentibus nauta*“, говоритъ Лукіанъ въ своемъ трагическомъ Юпитерѣ. Гомеръ въ Одиссеѣ говоритъ то-же о оеакахъ, нынѣшнихъ корфіотахъ.

Нашъ флотскій офицеръ съ истиннымъ талантомъ комическаго актера поддерживалъ нравъ и обычаи, присвоенные питом-

цамъ овеана. Напримѣръ, онъ, ѣдучи изъ Бреста, заѣзжалъ въ Парижъ, гдѣ пробылъ только четыре дня, прожилъ три лудора, имѣлъ двѣ ссоры и сдѣлалъ одно замѣчаніе, а именно, что въ вофейныхъ домахъ и эстаминетахъ слуги слишкомъ жеманны, а посѣтители слишкомъ чинны.

Подлѣ него сидѣла нянька, незначительная особа. Насупротивъ насъ двѣ дамы и одинъ мужчина. Вы спросите: „кто та-кіе?“ По одеждѣ и лицамъ не возможно ошибиться въ породѣ ихъ,—одни островитяне могутъ смотрѣть такими чудами:

„Отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ британцахъ есть особый отпечатокъ“.

Этотъ длинный, рыжій, сухощавый, криворотый, но притомъ добродушный человекъ одѣтъ въ синемъ фракѣ, на который надѣтъ спенсеръ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, когда поля фрака износятся, можно было сдѣлать изъ него другой спенсеръ; вмѣсто сапогъ на немъ штилеты; въ рукахъ держитъ онъ шляпу съ длинными полями и низкою тульею; на головѣ-же картузь; зато бѣлье на немъ превосходное; имя его мистеръ Арчибалдъ. По обѣимъ сторонамъ его сидятъ дамы, называющія себя другъ друга миссами, слѣдственно дѣвицы; одна изъ нихъ не дурна, лѣтъ 20-ти, миссъ Перкъ; другой-же имени не упомяну, ибо она мало говорила и все почти хворала.

Я заглядѣлся на деревню Шарантонъ, какъ вдругъ слышу шумъ въ каретѣ: что-жъ тому причиною? Англичанинъ, разговаривая съ флотскимъ офицеромъ, назвалъ его, по незнанію: „m-g le matelot“ (г-нъ матрость); офицеръ вспыхнулъ, бранился непощадно, клялся стопушечнымъ кораблемъ, что не намѣренъ спускать такихъ обидъ, называлъ англичанина: „m-g le corsaire, l'agabe, le chameau“ ¹⁾ и проч. Англичанинъ извинялся; мнѣ стало его жаль и я взялъ его сторону, замѣчая французу, что это была ошибка отъ незнанія языка: „hé! qu'il vienne l'étudier à fond de cole!“ ²⁾, возразилъ обиженный; но, въ счастью, морякъ поступалъ систематически: ему слѣдовало по всѣмъ правиламъ вспыхнуть, сильно ругаться и въ одно мгновеніе

¹⁾ Корсаръ, арабъ, верблюды.

²⁾ Такъ пусть-же онъ его изучитъ основательно!

все забыть; такъ и случилось къ великому утѣшенію мистера Арчибалда, который съ этой минуты сталъ моимъ большимъ пріателемъ.

Часто въ продолженіе нашего путешествія я имѣлъ случай вступаться за него; французъ безпреставно надъ нимъ трунилъ; особенно надъ его произношеніемъ, ежеминутно вопрошалъ его: „въ какой улицѣ онъ жилъ въ Парижѣ“? Англичанинъ, не замѣчая насмѣшки, отвѣчалъ: „въ Рю де-ла-Шексъ“, вмѣсто де-ла-Пе, и т. п.

Впереди, въ такъ называемомъ купѣ, сидѣла французенка не первой, не второй и даже не третьей молодости, съ 10-ти лѣтнею дочерью и собачкою, прозванною „комъ-ву“. Няня-же, сидѣвшая близъ моряка, принадлежала также къ ихъ обществу. Съ двумя первыми мы познакомились за столомъ. Англичанинъ, пользуясь минутою отдохновенія, просилъ провожатаго позволить дамамъ его влѣзть на имперьялъ, т. е. верхъ делижанса, куда онѣ и отправились. Французенка, выглядывая изъ купѣ, пожимала плечами, произнося сквозь зубы, славной работы извѣстнаго дантиста Дезирабода: „quelle inconvenance!“¹⁾

Намъ сдѣлалось просторнѣе; я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить у мистера Арчибалда—не сестры-ли его эти дамы? И весьма удивился, когда онъ мнѣ объявилъ, что онъ вовсе съ ними не былъ знакомъ, что онѣ дѣвицы изъ графства Лейстерскаго, откуда и онъ тоже родомъ; онѣ встрѣтились съ нимъ нечаянно и, узнавъ, что ѣдутъ въ тѣ-же почти мѣста путешествовать, пригласили его въ свои сопутники.

О б ѣ д ѣ .

Devant moi justement on plante un grand
potage
D'où les mouches à jeun se sauvaient à
la nage.
Regnier.

Изъ всѣхъ пословицъ и поговорокъ, употребляемыхъ для изображенія голода, ни одна мнѣ не правится. Самая правильная изъ нихъ: „голодный волкъ—и обертки рветъ“, кажется,

¹⁾ Какое неприличіе.

еще не совѣмъ достигла своей цѣли; ежели голодный волкъ и рветъ обертки, то, конечно, не съ тѣмъ, чтобы насытиться, а болѣе отъ злости: „голодь—не тетка“ также невыразительно: если-бы тетушки нынѣшняго вѣка были также гостепріимны, какъ древнія наши прапратетки, то, можетъ статья, поговорка эта сохранила-бы свой смыслъ, ибо наши прапраотцы, вѣроятно, разумѣли подъ сими словами: тетка накормитъ, у нея дескать не умрешь съ голода, ergo—голодь не тетка. Но самая неправильная, по моему мнѣнію, есть слѣдующая: „голодному Ѳедоту и шти въ охоту“. Шти, какъ писалъ Ломоносовъ, или, какъ нынѣ произносятъ, щи, есть одно изъ вкуснѣйшихъ и сытнѣйшихъ кушаній русскаго стрипанія; прямой руссакъ предпочитаетъ ихъ самымъ затѣйливымъ блюдамъ новѣйшихъ гастрономовъ.

Такъ разсуждалъ я, возбуждаемъ будучи ежеминутно возрастающимъ ропотомъ брюзгливаго моего желудка. Переменная лошадей въ мѣстечкѣ Нанжисѣ, всѣ поочереди вопрошали проводника дилижанса: „скоро-ли мы будемъ обѣдать?“ „Въ Провенъ (Provins),“ отвѣчалъ безжалостный возничій, не прежде 8-ми часовъ“. Морской офицеръ клялся штурмомъ и ураганами Атлантическаго океана, что онъ съѣстъ самого проводника и поглотитъ весь дилижансъ, ежели онъ не накормитъ насъ прежде. Я просилъ шута француза не кушать всѣхъ вдругъ, *roug éviter une indigestion* (дабы не разстроить желудка), а начать съ лошадей, которыя едва насъ тащили, а слѣдовательно не были ни къ чему годны. Онъ былъ очень ко мнѣ благосклоненъ, полагаю по той причинѣ, что я владѣлъ хорошо французскимъ языкомъ; а потому, внявъ моему совѣту, не тронулъ никого.

Англичанинъ съ своимъ причетомъ грызъ какой-то *plum cake*, приговаривая: „shocking“; подчивалъ насъ, но мы, по разнымъ причинамъ, рѣшили не прикасаться къ этому карманному блюду. Наконецъ, показался городъ Provins: „берегъ, берегъ!“, закричалъ морякъ, „обѣдъ, обѣдъ!“, повторили всѣ прочіе. Съ поспѣшностію всѣ сѣли мы за столъ. Скатерть и салфетки, имѣя видъ географическихъ раскрашенныхъ картъ, явно свидѣтельствовали, что мы не первые обѣдали въ этомъ трактирѣ. Супъ неподобный для госпиталя, постный предвѣстникъ прочаго обѣда, не весьма утѣшилъ наши желудки; говядина подобная гнилому пню, по первому удару тупаго ножа,

развалилась на тонкія и длинныя частицы; дыня, которую здѣсь ѣдятъ съ говядиною, имѣла вкусъ сырой рѣпы; рыба была столь костлява, что казалось будто-бы ее нарочно начинили иглками, чтобы отучить странниковъ отъ этого блюда. Пара голубей, по сухощавости своей, заставила насъ думать, что жестокая кухарка убила двухъ нѣжныхъ любовниковъ, сохнувшихъ отъ любви другъ къ другу. Всѣ прочія блюда походили на вышеописанныя. Вино!... гдѣ-жъ? на границахъ Шампаніи... было во сто кратъ хуже того, которое мнѣ подали на почтѣ въ Зимогорьѣ, за 5 лѣтъ тому назадъ. О, благодатная промышленность, съ помощью твоею мы даже и въ степяхъ пьемъ нектаръ! Когда я замѣтилъ нашему кондуктору, что въ Россіи, даже въ азійскихъ ея предѣлахъ, пьютъ вино лучше этого, онъ отвѣчалъ мнѣ: „тамошнее вино поддѣльное, а здѣшнее—настоящее“. Дайте намъ поддѣльнаго, лишь-бы было вкусно. Какое мнѣ дѣло, что въ русскомъ городѣ Остапковѣ, на вывѣскѣ погреба написано было: „здѣсь продается самоиграющее шемпанское вино, не уступающее нѣмецкому“. Я-бы охотно помѣнялся на здѣшнее, которое, подобно уксусу, разѣло мнѣ ротъ, горло и желудокъ. Французъ, казалось, не замѣчалъ кислоты напитка; онъ пилъ за всѣхъ, говоря, что на кораблѣ пьютъ хуже этого, а именно воду съ уксусомъ. Я замѣтилъ ему, что уксусъ съ водою гораздо сноснѣе голаго уксуса.

„Паукъ, паукъ въ шпинатѣ!“ , закричала французенка, и воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы упасть въ обморокъ. Англичанинъ, желая показать усердіе, вылилъ на нее цѣлый графинъ воды и притомъ съ такою поспѣшностію, что французенка не успѣла остановить его дѣйствія. Если вылить графинъ спирта на огонь, то, конечно, пламя не вспыхнетъ съ такою силою, съ каковою вспыхнулъ яростный гнѣвъ французенки; персикъ, вѣжнй фруктъ, выросшій для услажденія вкуса нашего, первый попался ей въ руки и сдѣлался орудіемъ ея изступленія; онъ ударился прямо о багряную щеку несчастнаго британца и отъ сильнаго отраженія утратилъ свою первобытную круглость. Трогательныя именованія полились изъ устъ французенки: „chien d'anglais, bougru polichinel, ogre“ и проч. Сіи отборныя эпитеты привели бѣднаго Арчибалда въ какое-то окаменѣлое положеніе. Желая оказать услугу, онъ ни мало не

воображалъ, что можно было по произволу безъ всякихъ приготовленій упасть въ искусственный обморокъ.

„Messieurs et dames, à vos places!“¹⁾, прокричалъ возничій и тѣмъ прекратилъ бой, который могъ-бы имѣть пагубнѣйшія послѣдствія. Дама просила дать ей двѣ минуты сроку для перемѣны платья и бѣлья, а мы усѣлись по мѣстамъ и долго хохотали насчетъ этой дамы.

Метеоръ.

Je regardai le ciel! une étoile tombante
Vint à fendre les airs!

Empedocles par J. Polonius.

Ранній часъ отъѣзда, хлопоты, качка экипажа, а можетъ быть и дурной обѣдъ— скоро усыпили насъ. Англичанинъ, желая дать намъ болѣе простора, сѣлъ на имперіалъ; однако-же, мы не совсѣмъ избавились его. Часу въ третьемъ ночи, дилижансъ, подъѣзжая къ Pont-sur-Seine, остановился; мы спали такъ крѣпко, что даже не слышали, какъ посадили къ намъ еще одну спутницу. Вдругъ сильный крикъ разбудилъ насъ; англичанинъ толкалъ насъ всѣхъ по одиночкѣ, крича во все горло на дурномъ французскомъ языкѣ: „посмотрите! ради Бога, посмотрите!“ Мы перепугались, протерли глаза, смотримъ.... и не видимъ ничего. Признаюсь, этотъ разъ и я не много разсердился на мастера Арчибалда: погруженный въ глубокой сонъ, сладкія грезы переносили меня въ міръ истинныхъ наслажденій, коихъ вкушать наяву мнѣ не дано. Вдругъ просыпаюсь съ невольнымъ страхомъ,—обыкновенное ощущеніе внезапнаго пробужденія. Но что тому было причиною?

Англичанинъ нашъ, великій астрономъ или, по крайней мѣрѣ, страстный охотникъ до этой науки, увидѣлъ, какъ онъ увѣрлялъ насъ, метеоръ, который зажегся въ небѣ и пролетѣлъ медленно, огненною струею. Усердный любитель воздушныхъ явленій, онъ воображалъ, что и мы предпочтемъ метеоръ сладкому сну, и жалѣлъ только, что мы поздно проснулись и не видѣли огненного шара....

¹⁾ Господа, по мѣстамъ!

Морякъ воспользовался опять этимъ случаемъ, чтобы показать свой морской характеръ; но вышедъ нѣсколько изъ предѣловъ учтивости, я напомнилъ ему, что онъ не на кораблѣ. Хотя я и самъ былъ въ досадѣ на неловкаго британца, но жалкое положеніе и извиненія раскаянія тронули меня и я взялъ сторону слабого. Я говорю это не для того, чтобы показать предъ вами, любезные читатели, мое молодечество и храбрость; повѣрьте, что нѣтъ; но я на опытѣ видѣлъ неоднократно въ продолженіе моей жизни, что на свѣтѣ существуютъ два рода людей весьма неопасныхъ и которымъ много спускаютъ, благодаря ихъ наружности и наглости. Подъ первымъ родомъ я разумѣю тѣхъ, которые носятъ огромные усы, хмурятъ брови и смотрятъ тиграми; эти люди въ сраженіи большею частію дѣйствуютъ какъ агнята: они подобны дурной книгѣ въ пышномъ переплетѣ. Подъ другимъ родомъ (впрочемъ, сіи два рода часто сливаются въ одинъ) я разумѣю людей, которые громко кричатъ и рассказываютъ свои подвиги. Истинно неустрашимый человѣкъ не превозноситъ самого себя; ему не нужно этого, чтобы заставить себя уважать; слушая сихъ крикуновъ, не трудно угадать ихъ свойства и невольно скажешь: „ай моська! знать она сильна, что лааетъ на слона!“

Эти люди подобны дурной книгѣ съ привлекательнымъ предисловіемъ. Если кто-нибудь, говоря о себѣ, скажетъ: „божусь! я прескромный человѣкъ“,—повѣритъ-ли кто его скромности? Точно также и тому, который увѣряетъ, что онъ неустрашимъ, рѣдко кто повѣритъ.

Я далъ почувствовать мичману мой образъ мыслей на сей счетъ, и онъ хотя приправлялъ свои рѣчи сто тысячами бомбъ и не помню сколькоими милліонами ядеръ, кончилъ, однако-же, тѣмъ, что сказалъ: „du reste, je suis bon enfant“ (впрочемъ, я добрый малый), и мы снова заснули крѣпкимъ сномъ.

Тайства туалета.

Que chez toi se prodigue et le rouge et
 le fard
 Et qu'une main savante, avec tant d'artifice,
 Bâtit de tes cheveux le galant édifice.
 Boileau. Satir X.

Въ 7 часовъ утра пріѣхали мы въ Трою или въ Труа, столицу Шампани, а не древній Иліонъ. Вожатый объявилъ, что мы можемъ отдохнуть здѣсь $\frac{3}{4}$ часа. Всѣ путники слѣпили въ трактиръ, чтобы умыться и выпить чашку кофе. Дама, сидѣвшая въ передней части дилижанса съ молодою дочерью, вылѣзая оттуда, уронила свертокъ чего-то. Англичанинъ—тутъ какъ тутъ, желая услужить, поднялъ упавшій свертокъ, но столь не осторожно, что салфетка развернулась, коробка, обращенная верхомъ внизъ, отдѣлилась отъ крышки, которая упала, а за нею и вещи, состоявшія изъ фальшивыхъ зубовъ, горшечковъ румянъ и бѣлилъ, накладокъ, парика и прочихъ снарядовъ, употребляемыхъ на заблужденіе себя и на обманъ другихъ въ настоящемъ итогѣ прожитыхъ лѣтъ:

„Pour réparer de l'âge
 L'irréparable outrage“.

Натуральная краска выступила на лицѣ француженки. Однако-же она не бранила бѣднаго англичанина, а только съ досадою и съ замѣшательствомъ говорила: „с'est un ratelier et un faux touré que j'ai acheté pour une de mes amies ¹⁾“. Англичанинъ былъ внѣ себя отъ радости, что ему сошла съ рукъ такая веловность; онъ прыгаль и похожъ былъ на медвѣдя; да и надо согласиться, что онъ поступилъ какъ сущій Мишенька, который

„Не говоря ни слова,
 Увѣсистый булженикъ въ лапы сгрѣбъ,

Что силы есть, хватъ друга камнемъ въ лобъ“.

Комната, въ коей мылась француженка, была отдѣлена отъ

¹⁾ Эти зубы и накладку я купила для одной изъ моихъ подругъ.

моей деревянною перегородкою, и я слышалъ, какъ она говорила нянькѣ: „oh! mon Dieu, mon Dieu, quelle imprudence! J'ai cru que j'étais partie avec tant de précipitation que j'avais oublié toutes ces vetilles à Paris“¹⁾). Я вспомнилъ слѣдующую эпиграму одного моего пріятеля:

Намедни Дарьюшка такъ скоро укутала
Въ весносный дальній путь,
Что на столѣ она забыла:
Платокъ, перчатки, зубы, грудь“.

Радость англичанина увеличилась, когда за завтракомъ французенка, вмѣсто упрека, говорила съ нимъ, противъ обыкновенія, ласково; она спросила какой у него платокъ на шеѣ. Это былъ огромный галстухъ, застегивающійся пряжкой сзади, съ длинными концами, покрывающими грудь; онъ былъ изъ алаго плюша. Англичанинъ надѣлъ его на ночь для предохраненія себя отъ холода во время астрономическихъ наблюденій; онъ съ улыбкою снялъ его съ шеи и, подавая его французенкѣ, обмакнулъ концы въ чашку кофе, передъ нею стоявшею. Французенка вздохнула, подняла брови и плечи и покривила голову, съ досадою приказавъ подать другую чашку, за что слѣдовало заплатить. Мистеръ Арчибальдъ, съ радости не замѣчая новой пеловкости, увѣрялъ, что этотъ галстухъ неподобная вещь для дороги и, пристегнувъ концы въ задъ, составилъ шапку, которую надѣлъ на голову. Никакой гнѣвъ не могъ устоять предъ этою фигурою! Я видѣлъ Потье въ водевилѣ: „Je fais mes farces“. Я видѣлъ актера, имени коего не упомяну, выглядывающаго изъ слуховаго окошка въ „Казакѣ стихотворцѣ“; но вѣрно никогда столько не смѣялся. Молодая дочь французенки хохотала до слезъ и мать боялась, чтобы съ ней не сдѣлался обморокъ; однѣ англичанки съ удивленіемъ смотрѣли на всѣхъ, выпуча глаза.

¹⁾ Боже мой, Боже мой, какая неосторожность. Мнѣ казалось, что въ торопяхъ я позабыла всѣ эти принадлежности въ Парижѣ.

Земной метеоръ.

Игорный духъ исчезъ
 Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ не-
 бесъ,
 Какъ дымъ, какъ метеоръ, какъ призракъ
 полуночи!
 Батюшковъ.

Хочу садиться въ карету и вижу, что входитъ въ нее какая-то воздушная сифида, какъ пальма стройная и гибкая какъ лоза, легка какъ вѣтръ пустынный, а ножка!... чудо изъ чудесъ!

О вѣрно, думалъ я, садясь на свое мѣсто, розы съ лиліями слились на ея лицѣ. Гляжу, и густое покрывало препятствуетъ удовлетворить мое любопытство; но предести природы видны иногда изъ-за густаго тумана. Сколько могъ я замѣтить сквозь дымку, скрывавшую ея черты, онѣ казались очаровательны! Это была спутница, сѣвипая въ нашъ дилижансъ въ прошедшую ночь; она не завтракала съ нами, хранила глубокое молчаніе, вздыхала и часто плакала. Сердце мое билось, глядя на нее. Прочіе товарищи наши еще не пришли; я хотѣлъ начать разговоръ; но сильное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ необыкновенною красотою, волновало мои чувства и я не находилъ словъ. Спусти нѣсколько минутъ, я, однако-же, собрался съ духомъ, но только лишь разинулъ ротъ, какъ подошелъ морской офицеръ и занялъ свое мѣсто. На первой станціи, думалъ я, буду искать случая непременно съ нею поговорить; между тѣмъ не сводилъ съ нея глазъ. Но вотъ уже всѣ успѣлись и дилижансъ повалился:

„Куда вы ѣдете сударыня?“ спросилъ морякъ. Ахъ! я услышу (вѣроятно) сладкозвучный ея голосъ, мыслилъ я про себя...

Красавица ничего не отвѣчала.

— „Я не думалъ, что обезпкою васъ столь обыкновеннымъ вопросомъ“, продолжалъ французъ...

Красавица молчала.

„Извините меня сударыня, я морякъ и откровененъ, обычаевъ свѣтскихъ вашихъ не знаю; а любопытенъ какъ и сухопутный или какъ и всѣ люди, чортъ меня возьми!...“

Красавица хранила глубокое молчаніе, сильные вздохи вол-

новали грудь ея и часто, отворотясь въ сторону, она утирала слезы.

Неужели не услышу нивогда ея голоса и не узнаю кто она? думаль я; вѣтъ, она со мною не поступить такъ жестоко. На первой станціи подойду я къ ней съ почтеніемъ, изъясню участіе съ благоговѣніемъ и тогда, можетъ быть... Невольный трепеть овладѣлъ мною, когда мы подъѣзжали къ Шатильонъ-сюръ-Сенъ, гдѣ надлежало остановиться; я далъ время всѣмъ вылѣзть, и остался съ нею наединѣ..., но въ эту самую минуту, англичанинъ, сошедъ съ имперіала, вступилъ во внутренность дилижанса, чтобы взять стѣлянку съ ромомъ, и такъ сильно наступилъ на ногу невѣдомой дѣвы, что она громко вскрикнула и въ то-же мгновеніе, какъ серна быстрая, выпрыгнула изъ кареты и исчезла! Я слышалъ ея голосъ или, лучше сказать, крикъ, благодаря неловкости г. Арчибалда. Мисъ Перъ была счастливѣе насъ; она видѣла ея прелестныя черты и утверждала, что она отъ роду не встрѣчала такой красавицы. Мы вопрошали проводника о семъ неизвѣстномъ существѣ; но тщетно; онъ былъ неумолимъ и отвѣчалъ, что не можетъ объявить ея имени, ни кто она, потому что она требовала отъ него молчанія, а онъ далъ честное слово не говорить; но что она уже далѣе не поѣдетъ съ нами. Какъ часто въ жизни сей пролетаютъ мимо насъ подобные метеоры!

Памическій страхъ.

Ils étaient au moins cinq cents. — Allons donc!
 Il y en avait toujours bien cinquante.—
 Vous exagérez.
 Toujours est-il que j'en ai compté cinq.
 M. de Crac.

Такъ какъ я выше замѣтилъ, звѣрская наружность и буйныя слова не всегда служатъ вывѣскою истинной отважности; кроткія черты чаще скрываютъ неустрашимую душу. Морякъ, который угрожалъ поглотить весь дилижансъ и, казалось, однимъ перстомъ въ состояніи былъ поднять на воздухъ линейный корабль, за обѣдомъ въ Шатильонѣ показывалъ нѣкоторое безповойство,

говоря, что намъ придется ночью проѣзжать Валь-де-Сюзонъ, мѣсто опасное, гдѣ часто шалаютъ: „родственники мои, говорилъ онъ, увѣдомляютъ меня о частыхъ грабежахъ и убійствахъ, тамъ происходившихъ, и даже недавно поймали одного разбойника, котораго казнили“. Тщетно проводникъ увѣрялъ насъ, что съ казнью сего разбойника прекратились всѣ грабежи и водворилась тишина,—мичманъ продолжалъ сокрушаться, и боязнь, прилипчивая болѣзнь, овладѣла всѣмъ обществомъ; я тоже заплатилъ дань робости и помышлялъ о своей защитѣ. Но всѣхъ болѣе, послѣ флотскаго офицера, достойна была жалости французенка; а юная дочь ея тряслась (говоря языкомъ нынѣшнихъ поэтовъ) „какъ цвѣтъ полей, волеблемый грозой освирипѣлой“.

Впрочемъ, дѣлать было нечего, остаться невозможно; итакъ, мы рѣшились привести весь экипажъ въ оборонительное положеніе. Англичанинъ, вооружась двумя пистолетами, отправился на имперьялъ и взялъ на себя обязанность наблюдать непріятеля; а для большаго хладнокровія выпилъ семь стакановъ грогу. Морякъ выпилъ также добрую порцію водки, приготовилъ два пистолета и обнажилъ шпагу. Я тоже, но безъ нащитковъ, вынулъ изъ чемодана два заржавленныхъ пистолета, родомъ изъ Тулы, на коихъ оружейный мастеръ, вѣроятно, великій проказникъ, вырѣзалъ русскими буквами: „Парижъ“.

Одинъ нашъ Автомедонъ смѣялся надъ нами и напоминалъ ироническимъ тономъ быть осторожнѣе. Первую милю ѣхали мы въ совершенномъ порядкѣ, оглядывались, осматривались и никто не смѣлъ дремать. Въ морскомъ офицерѣ таился скрытый талантъ, который доселѣ не былъ межъ нами никому извѣстенъ,—онъ славно пѣлъ, густымъ басомъ. До сей минуты онъ не угощаль еще насъ вокальнымъ концертомъ; а тутъ вдругъ безумолку распѣлся. Приятно подъ вечеръ слушать пѣсни соловьевъ; но слушать напѣвы испуганнаго человѣка—не всякому по вкусу. Еслибъ это продолжалось только четверть часа, но вотъ уже часъ цѣлый какъ морякъ распѣваетъ.

Мнѣ случалось быть (во время оно) на концертахъ контръ-басиста д'Алоко, и я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его четверь часа; но далѣе никакъ не могъ. Еслибъ перенести д'Алоко съ контръ-басомъ въ дилижансъ и заставить его цѣлую ночь играть, я увѣренъ, что ни чьи-бы уши не выдержали по-

добной гармоніи. Несмотря на то, морякъ нашъ пѣлъ, и часть отъ часу хуже. Я хотѣлъ было сказать ему:

„Сосѣдшка! поешь ты славно.
Но жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ!“

Однакожь, вспомнилъ, что французъ не понимаетъ по-русски, а чтобы перевестъ Крылова стихи на французскій языкъ, надо родиться Лафонтеномъ; итакъ, я прибѣгнулъ къ другому средству и увѣрилъ француза, что ежели и есть разбойники, то они легко могутъ проспять дилижансъ когда онъ проѣдетъ въ тишинѣ; но пѣсни его разбудятъ самаго заспаннаго разбойника. Съ симъ словомъ мгновенно кончилась серенада и все утихло. Я уже начивалъ засыпать; во воображеніе мое, встревоженное картинами ужаса, описанными наканунѣ флотскимъ офицеромъ, составляло страшныя сновидѣнія, и въ самую ту минуту, когда мнѣ снилось, что разбойники напали на насъ и что я, объятый трепетомъ, хотѣлъ обратиться въ бѣгство, но ноги мои отказывались спасти меня:

„Вѣшать хотѣлъ, моя нога
Дрожить, недвижима замѣла;
Махнулъ рукой, моя рука
Подъята вверхъ... окостенѣла!....“

Въ самую ту минуту просыпаюсь и слышу выстрѣлы, визгъ женщинъ, лай собачки и вопль мужичпъ. Признаюсь, неопытный ужасъ овладѣлъ мною; всѣ члены мои трепетали и я не помнилъ гдѣ я.

„Они бѣжали, трусы“, воскликнулъ морякъ.

— „Много-ли ихъ было?“ спросила французенка.

„Семь человѣкъ“, отвѣчалъ англичанинъ.

— „Двадцать“, прервалъ мичманъ.

„Семь“, повторилъ англичанинъ.

— „Двадцать семь!“ закричала французенка. „О ужась!“ И оправдала пословицу, что у страха глаза велики. Одинъ проводникъ хохоталъ во все горло, и подлинно было о чемъ.

Вотъ какъ дѣло произошло: передъ нами ѣхала какал-то коляска; слуга сидѣвшаго въ ней господина, сидя на запяткахъ дремалъ, заснулъ и свалился. Коляска уѣхала и онъ остался

на дорогѣ. Когда-же проѣзжалъ мимо его нашъ дилижансъ, онъ просилъ остановиться и взять его съ собою; но такъ какъ никто не внималъ ему, онъ сильно заревѣлъ, разбудилъ мистера Арчибальда, который выстрѣломъ подалъ сигналъ; морской офицеръ выстрѣлилъ изъ окошка вверхъ, пуля пролетѣла мимо носа британца и задѣла козырекъ его картуза.

Арчибальдъ, полагая, что выстрѣлъ со стороны непріятеля, отвѣчалъ другимъ и—поднялась потѣха! Съ трудомъ успокоили мы нашихъ дамъ; французенка лишилась чувствъ, ее надобно было оттирать; миссъ Перкъ повторяла ежeminутно: „shocking!“ Наконецъ, пріѣхали мы на почту.

Завтракъ.

„И дымъ отчества намъ сладокъ и пріятенъ!“

За двѣ мили не доѣзжая Дижона, мы остановились переминыть лошадей и нѣсколько отдохнуть.

„Я подъѣзжаю къ моей родинѣ, сказалъ мнѣ морякъ, и долженъ васъ попотчевать національнымъ завтракомъ; здѣшняя деревня славится превосходными лепешками (galettes) и барбарисовыми мармелодами, на особый манеръ изготовляемыми“.

Онъ повелъ меня въ избу и приказалъ подать вышесказанныя лакомства. Если-бы я не боялся сдѣлать неучтивости, то, конечно-бы, выбросилъ лепешки и ягоды за окошко. Я въ жизни моей не ѣдалъ ничего жестче и безвкуснѣе выхваленной лепешки, и никогда языкъ мой не прикасался къ ягодамъ приторнѣе и кислѣе варварскаго барбариса. Морякъ-же ѣлъ съ величайшимъ аппетитомъ, приговаривая: „ахъ! какъ вкусно, какъ пріятно! мнѣ кажется, какъ будто я никогда отсюда не выѣзжалъ“. Я морщился, давился, но ѣлъ изъ приличія, проклиная безвкусіе жителей департамента Золотога берега (de la côte d'or). Я говорю безвкусіе, но что-бы сказалъ французъ, отвѣдавъ русскую грешневую кашу, которую миліоны людей считаютъ усладительнѣйшимъ блюдомъ! Я помню, что одинъ французъ, котораго я потчевалъ кашею, дѣлалъ точно такую гримасу, какъ и я въ теперешнемъ случаѣ, увѣряя, что ему сдѣлалось тошно, и называлъ ее катаплазмомъ. Изъ сего должно заклю-

читать, что вкусъ есть вещь условная. Англичане съ французами самые близкіе сосѣди, а, между тѣмъ, какая чувствительная разница въ ихъ вкусахъ, даже въ съѣстныхъ предметахъ. Англичанинъ долго не можетъ привыкнуть къ супамъ, фрикасеямъ и другимъ замысловатымъ блюдамъ французской кухни. Равнымъ образомъ, французы съ трудомъ привыкаютъ къ ростбифамъ, безупнымъ обѣдамъ, разнообразнымъ картофелямъ и прочимъ блюдамъ англійскаго стряпанія. Какъ-бы то ни было, я хотя имѣю космополитный желудокъ, но радъ радехонекъ былъ, когда избавился отъ несноснаго завтрака бургонскаго Амфитріона.

Дижонъ.

„Zie könnt, des Meeres stoltze Flotte,
Der Ocean sah ihres gleichen nie,
Unüberwindlich nennt man sie.

Schiller.

Здѣсь разстались мы съ храбрымъ и неустрашимымъ мичманомъ. Прощаясь со мною, онъ просилъ меня дать ему мой адресъ: „я-бы охотно далъ вамъ, отвѣчалъ я, если-бы онъ могъ быть вамъ полезнымъ; но такъ какъ флотъ вашъ не скоро отправится въ Балтійское море, на устьяхъ коего я обитаю, то и адресъ мой не можетъ вамъ служить ни къ чему“.

— „Какъ! вы не парижанинъ, воскликнулъ морякъ, а знаете, Парижъ какъ свои карманы“.

„Нѣтъ, сударь, я русскій“.

— „О! это мистификація. Я по произношенію угадалъ, что вы французъ, и никогда въ этихъ случаяхъ не ошибался“.

„Вотъ мой паспортъ“.

— „Ну, теперь понимаю, вы мой соотечественникъ и находитесь въ русской службѣ; ибо имя ваше французское“. Тщетно старался я истолковать значеніе моей фамиліи, мичманъ утверждалъ, что она составлена изъ двухъ французскихъ словъ, и что первый слогъ означаетъ желѣзные листы, а послѣдній, который онъ произносилъ своимъ манеромъ, значитъ крыша.

Во время сего разговора подошелъ Арчибальдъ и, простясь съ морякомъ, заключилъ свои желанія тѣмъ, чтобы французскій флотъ достигъ-бы когда-нибудь совершенства англійскаго.

Французъ взбѣсился и началъ доказывать, что ихъ морская сила превосходитъ аллійской, что ихъ матросы храбрѣе и что отъ нихъ зависитъ сжечь всѣ великобританскіе порты и дови и обратитъ въ пепель всѣ корабли. Мистръ Арчибальдъ доселѣ былъ образцомъ кротости; но при сихъ словахъ ретивое сердце его вспыхнуло, онъ вышелъ изъ себя, патриотизмъ электризовалъ всѣ душевныя его силы и онъ заставилъ молчать моряка. Къ нему присоединилась миссъ Перкъ и когда морской офицеръ, уступивъ на сушѣ поле сраженія, удалялся, говоря: „je vous attendrai au premier abordage!“¹⁾, англичанинъ съ своими спутницами торжественно запѣлъ самымъ фальшивымъ и хриплымъ голосомъ: „Rule Britannia“. Все это происходило на улицѣ, передъ почтою, въ 5 часовъ утра. Всѣ жители, уже возставшіе отъ сна, выбѣжали изъ домовъ; тѣ-же, которые спали, проснувшись отъ шума, отворяли окна и, въ колпакахъ, въ спальныхъ чепцахъ выглядывали на улицу; но пѣвцы наши, не заботясь тревогою, пропѣли всѣ куплеты отъ доски до доски; послѣ сего концерта хладнокровно усѣлись по своимъ мѣстамъ.

Коротко да ясно.

„Si la persone, objet de votre hommage,
Ne peut pour vous des mêmes feux brûler,
Cherchez ailleurs un plus doux esclavage:
On trouve assez de quoi se consoler“.

Voltaire.

Стеченіе забавныхъ происшествій, о коихъ я отдалъ подробный отчетъ въ предыдущихъ страницахъ, отвлекло меня отъ романтическихъ помышленій; но будучи чистосердеченъ, не умолчу и о нихъ и не скрою ничего. Миссъ Перкъ, наша спутница, хотя не одарена была блестящею красотою, имѣла, однако-же, весьма пріятную наружность и сильную вспомогательницу — молодость! Сначала скромно мы обращались другъ съ другомъ, она—по застѣнчивости, приличной женскому полу, а я—по враждебной неловкости обращаться съ незнакомыми дамами; однако-же, вскорѣ сношенія наши сдѣлались свободнѣе и, наконецъ, я

¹⁾ Мы встрѣтимся при первомъ абордажѣ.

удостоверился, что она весьма образованная дѣвица, много читала, знаетъ почти всего Байрона и Шекспира наизусть, читаетъ цѣлыя тирады изъ его трагедій, а также отрывки изъ Байрона, Мура и проч. Узнавъ, что я русскій, объявила, что она читала Буринга „Русскую антологию“ и въ доказательство прочла нѣсколько стиховъ изъ Батюшкова „Мои певаты“, — пѣса, которая ей болѣе всѣхъ нравилась.

Но это все еще не то: я замѣтилъ, что она смотрѣла на меня съ большимъ вниманіемъ; часто, проснувшись внезапно отъ дремоты, я встрѣчалъ взоры ея, быстро на меня направленные. Что-жъ? думалъ я, миссъ Перкъ не совершенная красавица, однако-же, можетъ послужить героинею дилижанснаго романа! Я началъ составлять въ воображеніи моемъ различные планы волокитства, но ни одинъ мнѣ не нравился; оригинальность англичанки противилась всякому сентиментализму, а безъ него нельзя приступить ни къ какой интригѣ. Какъ-бы то ни было, я сталъ взглядывать на нее нѣжнѣе, давалъ ей чувствовать, что я къ ней неравнодушенъ и надѣюсь, что она ко мнѣ тоже. Вдругъ представился благопріятный случай. Мистеръ Арчибальдъ съ другою англичанкою отправился на имперіаль; я-же остался во внутренней части дилижанса съ миссъ Перкъ и нянею, которая спала богатырскимъ сномъ. Долго не рѣшался я сдѣлать деклараціи; разныя фразы рождались на устахъ моихъ и съ послѣдностію умирали.... Надо-же было кончить когда-нибудь!

Итакъ, я собрался съ духомъ, понюхалъ табаку, три раза прокашлялъ и дерзнулъ ей сказать слѣдующія слова, въ надеждѣ, что она не пойметъ и половины. „Участіе, которое вы принимали во мнѣ..., ваше любезное обхожденіе..., ваши милые взгляды..., все удостоверило меня, что я...“.

Я не успѣлъ кончить фразы, какъ миссъ Перкъ прервала меня слѣдующими словами: „да, я давно хотѣла съ вами объ этомъ переговорить“.

Восхищеніе мое было неизяснимо! Сама миссъ хочетъ сдѣлать мнѣ декларацію и дѣло въ шляпѣ! Я просилъ ее говорить тише и не разбудить няни. „Nonsense! ¹⁾“, зачѣмъ-же, отвѣ-

¹⁾ Пустяки.

чала миссь Первъ, она успѣеть выспаться. Но вотъ въ чемъ дѣло: я на васъ смотрѣла съ большимъ участіемъ и даже нѣжностью, потому что мой родной братъ чрезвычайно на васъ похожъ; я съ роду не видывала такого сходства: лицо, ростъ, голосъ; словомъ сказать, все, и если-бы мой братъ не былъ горбатъ, то я-бы приняла васъ за него: бѣдный Джонъ, продолжала она, онъ такъ дурень и безобразенъ, что дамы наши толпою бѣгали отъ него, когда онъ появлялся въ какомъ-нибудь обществѣ; его иначе не называли, какъ уродомъ изъ уродовъ, ванибаломъ, пугали имъ даже дѣтей. О! вы чрезвычайно на него похожи! Но безобразная наружность его скрывала прекрасную душу“.

И какъ будто желая смягчить язвительный ударъ, мнѣ нанесенный, она присовокупила: „впрочемъ, вы попригожѣе его; но за то въ душевныхъ и нравственныхъ качествахъ вы, конечно, должны уступить ему, потому что онъ сущій ангелъ“. Всякій можетъ догадаться, что такого рода объявленіе заградило мнѣ уста; тѣмъ и кончилась моя интрига.

Умный человѣкъ.

De Paris au Pérou, du Japon
jusqu' à Rome,
Le plus sot animal, à mon avis,
c'est l'homme.
Boileau.

Ничто не можетъ быть глупѣе умнаго человѣка, когда онъ находится внѣ своей сферы: онъ умствуетъ тамъ, гдѣ надо просто поступать, и напоминаетъ Крылова басню „Ларчикъ“. Какъ часто въ продолженіе жизни моей домогался я знакомства, такъ называемыхъ, умныхъ людей, „luminum mundi“, и всегда почти былъ въ дуракахъ. Берегитесь, любезные друзья, избѣгающіе свуку и досаду, берегитесь бесѣды умныхъ людей, особенно такихъ, которые знаютъ, что ихъ считаютъ таковыми. Вы являетесь передъ ними съ полною недовѣрчивостью къ своимъ собственнымъ достоинствамъ и познаніямъ, ожидаете чего-то необыкновеннаго, надѣетесь услышать что-нибудь образцовое, перенять кое-что чудесное и всегда почти обмануты въ ожида-

ни своемъ; слушаете и... *nascetur ridiculus... mus*. замѣтите, какъ эти люди стараются выставить свои умственные способности; они знаютъ, что ихъ слушаютъ съ приуготовительнымъ мнѣніемъ объ ихъ превосходствѣ и думаютъ превзойти себя; силится парить умомъ и часто, часто впадаютъ въ серебряную посредственность.

Вы слышите сужденія, тысячу разъ изложенныя, писанныя, печатанныя въ прозѣ и стихахъ, слышите выпренную болтовню, такъ что умъ ихъ заходитъ за разумъ. Если-бы мнѣ довелось когда-нибудь играть роль умнаго человѣка, я-бы поступилъ точь въ точь, какъ сдѣлалъ однажды Мольеръ, котораго одинъ вельможа пригласилъ къ обѣду напоказъ: я-бы, какъ и онъ, упрямымъ молчаніемъ отыгрался отъ труднаго званія умнаго человѣка хорошо слыть мудрецомъ тихомолкомъ, а разговорами поддерживать свою репутацію—Боже упаси! Ну, если, неравно, проврешь! Прощай слава, прибрѣтенная долгою удачею! Впрочемъ, что называютъ умнымъ человѣкомъ? Умъ имѣетъ столько отраслей, что мудрено рѣшить эту задачу. Можно, однако-же, разбить его на нѣкоторые разряды, гдѣ, по моему мнѣнію, здравый смыслъ занимаетъ первый чинъ; потомъ слѣдуетъ уже не по порядку: тонкость, дальновидность, присутствіе духа, острота ума, память, воображеніе, расчетливость, способность переимчивости, соображеніе и проч., всѣми-же разрядами руководствуетъ умъ. Виновать, я забылъ одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей ума, французы называютъ ее *esprit de conduite* (умъ поведенія). Жаль, что мы не имѣемъ яснаго слова для выраженія этого дара. Тѣмъ болѣе, что, какъ я могъ замѣтить, въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо встрѣчаемъ мы людей, одаренныхъ умомъ поведенія. Сколько я знавалъ особъ, лишенныхъ всѣхъ вышеупомянутыхъ отраслей ума и поддерживающихъ себя умомъ поведенія. Рѣшительно можно сказать, что эти разные отпрыски ума никогда не соединяются въ одной и той-же головѣ; но въ Россіи часто здравый смыслъ, генералъ всѣхъ отраслей, присоединяется къ одному изъ нихъ.

За всѣмъ тѣмъ, не разъ въ жизни, встрѣчалъ я людей, принимающихъ титулъ умныхъ и, дѣйствительно, кажущихся таковыми, когда смотрѣть на нихъ съ одной точки зрѣнія. Напримеръ, А. разсуждаетъ прекрасно, отпускаетъ метафизическія

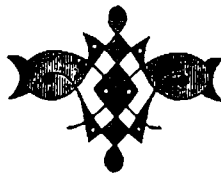
фразы и часто кстати; но зато какъ безтолково ведетъ онъ свои домашнія дѣла! Б. имѣетъ дарованія судить съ тонкостью о предметахъ современной политики; онъ изъясняется сладко и даже красно; но прочтите его мадригалъ въ Софіи, его элегіи, сатиры, Праздное время и скажите: есть-ли что глупѣе? В. славный экономистъ, агрономъ, расчетливый хозяинъ; вы заслушаетесь, когда онъ говоритъ объ этихъ предметахъ; но не дуракъ-ли онъ, когда цѣлый вѣкъ терзаетъ себя расчетами, которые его отнюдь не обогатили? онъ не жилъ, а страдалъ. Сверхъ того, В. слѣпо повинуется своей женѣ, трепещетъ передъ нею; она-же, замѣтимъ мимоходомъ, слыветъ самую простою женщиною. Но оставлю въ покоѣ Г., Д., Е., Ж., З., И., К., Л. и всѣхъ прочихъ умниковъ до буквы Ѡ. включительно, потому что между ними нѣкоторые могутъ себя узнать, а я боюсь „гусей раздразнить“. Итакъ, буду продолжать описаніе моего путешествія.

Къ величайшему нашему горю, попалъ въ нашъ дилижансъ какой-то геній здѣшняго околodka. Въ городѣ Доль простились мы съ французенкою, съ дочерью ея, нянею и собачкою; а на ея мѣсто въ купе сѣлъ мужчина лѣтъ 45-ти, дородной наружности, въ очкахъ, съ обширнымъ лбомъ, ширвою головою, (а отъ умной головы отъемлются волосы), съ важнымъ взглядомъ, съ подавшимися впередъ губами; словомъ связать, онъ имѣлъ наружность умнаго человѣка, а на носу его написана была кровавыми чертами склонность его къ вѣрпкимъ напиткамъ. Путеводитель, спустя нѣсколько минутъ подошедъ къ намъ, сказалъ, что господинъ, сидящій въ купе, скучаетъ одинъ и, желая присоединиться къ нашему обществу, приказалъ справиться, есть-ли мѣсто на передней лавкѣ, ибо онъ на задней ѣхать никакъ не можетъ? Путеводитель присовокушилъ къ этому, что онъ умный, весьма умный человѣкъ, что весь Дольскій уѣздъ считаетъ его первокласснымъ мудрецомъ нашего вѣка и, что всего хуже, что онъ отличный поэтъ и пишетъ стихи не хуже Вольтера. Добрый мистеръ Арчибальдъ сейчасъ-же уступилъ ему свое мѣсто, перешедши на заднюю лавку, и нашъ умникъ съ важностью втащился въ карету.

Съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ морякомъ, миръ и тишина царствовали въ дилижансѣ и продолжались все время, доколѣ въ немъ не было слишкомъ много ума. Все было хорошо;

толковали о предметахъ доступныхъ общему понятію; каждый изъ насъ, не полагая быть умнѣе другаго, излагалъ свои мнѣнія не въ видѣ законовъ, а часто въ спорахъ соглашался въ истинахъ своего противника. Читатель могъ выше сего замѣтить, что мистеръ Арчибалдъ, впрочемъ, кроткій и добродушный человѣкъ, выходилъ изъ себя какъ скоро разговоръ касался отечественной славы. Умный человѣкъ не проникъ этого таинства англійскаго характера; онъ началъ говорить о политикѣ...

Друзья мои! позвольте мнѣ сдѣлать небольшое отступленіе и дать вамъ совѣтъ: въ бесѣдѣ съ незнакомыми людьми избѣгайте елико возможно разговоровъ, относящихся до политики и религіи; въ противномъ случаѣ вы подвергаетесь опасности наткнуться на фанатиковъ, отъ коихъ, какъ отъ пожара, избави Боже! Умный человѣкъ, при всемъ своемъ умѣ, задѣлъ сіи двѣ нѣжныя струны—и внутренность дилижанса превратилась въ шумное позорище! Дипломатическія и ѳеологическія теоремы, смѣшанныя съ колкими и бранными словами, лились со всѣхъ сторонъ, текли, смѣшивались и волновались подобно бурному морю или... Я хотѣлъ было сдѣлать еще маленькое метеорологическое или психологическое сравненіе, но боюсь попасть въ романтики или въ послѣдователи натуральной школы; а потому прекращу и воздержусь отъ духовныхъ сравненій. О, зачѣмъ я не могу, какъ Осиповъ въ „Энеидѣ, вывороченной наизнанку“, уподобить бурю кипящему горшку со щами! Я искалъ какого-нибудь оригинальнаго сравненія; но воображеніе мое отозвалось неурожаемъ. Дѣло въ томъ, что чуть не дошло до драки. Къ счастью, вскорѣ приѣхали въ Полинью, гдѣ избавились умнаго человѣка, который снова пересѣлъ въ купе и тишина паки водворилась въ дилижансѣ. Избави, Боже, насъ отъ ума такого!

Еще умный человекъ.

Philosophen verderben die Sprache,
Poeten—die Logik,
Und mit den Menschverstand kommt
man durch's Leben nicht mehr.
Schiller.

Читатель, видя это заглавіе, безъ сомнѣнія, перепугается; онъ скажетъ: „одинъ умъ надѣлалъ столько тревоги, что-же надѣлаютъ два?“ И, въ самомъ дѣлѣ, не обошлось безъ смятенія. Мы обѣдали въ Полиньи. Почтовая коляска, ѣхавшая съ нами по одному тракту, остановилась здѣсь и путешественники присоединились къ намъ для обѣда. Между ними находилась одна замѣчательная особа,—высокій, сухощавый, блѣдный и рабой человекъ. Изъ первыхъ словъ его узнали мы, что онъ докторъ философіи и членъ всѣхъ ліонскихъ, дижонскихъ и марсельскихъ ученыхъ обществъ; слѣдственно, умный человекъ. „Рыбакъ рыбака видитъ изъ далека“, гласитъ пословица. За обѣдомъ, не знаю, по чутью, инстинкту или другому сочувствію, сухощавый философъ сѣлъ рядомъ съ дороднымъ пѣитомъ. Всякій догадается (а можетъ быть и не всякій), что разговоръ между ними происходилъ объ ученыхъ и литературныхъ предметахъ. Дородный разумникъ развернулъ всѣ свои познанія въ философіи, направляя аргументы свои исковерканными цитатами изъ Горація, Виргилія и проч. Онъ сталъ доказывать, что ученость остановилась на Декартѣ и далѣе никакъ уже не подвигалась. Блѣдный философъ толковалъ ему о нѣмецкихъ ученыхъ и, что удивительно въ французѣ, имѣлъ понятія, хотя поверхностныя, о системахъ Фихте, Шеллинга, Окена, Якобіа и проч., но имена ихъ произносилъ по-своему. Дужій-же мудрецъ не подозрѣвалъ даже ихъ существованія и отдѣлывался все каламбурами, да стихами.

Послѣ долгихъ и горячихъ споровъ, сухощавая философія разгнѣвалась до такой степени невѣжествомъ жирнаго поэта, что не утерпѣла и въ пылу спора воскликнула: „je pense, que monsieur n'a point achevé ses études!“¹⁾ Обида смертельная

¹⁾ „Я полагаю, м. г., что вы не окончили курса“.

для самолюбиваго умнаго человѣка. Зато уже толстякъ нашъ не щадилъ ругательствъ и кончилъ тѣмъ, что вызвалъ сухощаваго на дуэль. Сей послѣдній, не будучи одаренъ воинственнымъ духомъ, рѣшительно отказался, хотя породный и говорилъ ему, что онъ будетъ считать его за послѣдняго человѣка (*pour le dernier des hommes*); тщедушный педантъ заключилъ ссору слѣдующими словами: „милостивый государь, ежели-бы я рѣшился драться съ вами на поединкѣ, тогда-бы всякій былъ въ правѣ назвать меня безчестнымъ человѣкомъ: вы здоровы, я—боленъ; вы располагаете прожить еще, по малой мѣрѣ, тридцать лѣтъ, мнѣ-же медицинскій факультетъ не позволяетъ прожить болѣе полугода. Чахотка, отъ коей я ѣду лечиться въ Ниццу, не дастъ прожить мнѣ болѣе шести мѣсяцевъ; слѣдовательно, стрѣляясь со мною, вы рискуете 30 лѣтъ, а можетъ быть и болѣе, а я только полгода: бой не равенъ! Я хочу быть великодушнымъ на закатѣ жизни моей, вашъ слуга покорный!“

Съ сими словами хилый философъ взялъ свой картузъ, поклонился всѣмъ и уѣхалъ, оставя умнаго человѣка въ дуракахъ.

А л ь б о м ь .

Die Weisheit wohnte sonst auf grossen
Folirbogen,
Der Freundschaft war ein Taschenbuch
bestimmt.

Что значить альбомъ? Книжка, въ которую вписываютъ для памяти знакомые и незнакомые, знаменитые и незнаменитые люди всякую всячину въ прозѣ и въ стихахъ, остроумныя, чаще-же пошлыя, иногда новыя, по большей части-же старыя мысли; кто-же учился рисовать—рисуетъ аллегорическія и другія изображенія. Но я хочу знать, откуда взялось слово альбомъ? На латинскомъ языкѣ *album* означаетъ бѣлые листы, списокъ, регистръ, въ который вписывали имена чиновниковъ или вымарывали недостойныхъ, если вѣрить Тациту, *albo senatorio cingere aliquem*. Французы, не умѣя выразить латинскій умъ (*um*) какъ слѣдуетъ, выговариваютъ вмѣсто умъ — омъ; а вмѣсто альбумъ—альбомъ; мы-же, усердные подражатели французскаго произношенія, усыновили на своемъ языкѣ искаженное латин-

свое слово и воспользовались галлицизмомъ. Извините, любезные читатели, меня въ томъ, что я посвятилъ нѣсколько строчекъ на истолкованіе слова извѣстнаго всякому образованному чело-вѣку, но, признаюсь, я не зналъ съ чего начать эту главу и прибѣгнулъ къ пустой диссертаціи, въ видѣ вступленія, надѣясь на ваше снисхожденіе.

Теперь приступимъ къ дѣлу: въ Шампаниюлѣ присталъ къ намъ еще англичанинъ, весьма молодой чело-вѣкъ, 19-ти или 20-ти лѣтъ, скромный и даже застѣнчивый, однако-же, оригиналъ, какъ и всѣ его соотечественники. Спускаясь съ горы Жюра, мы вышли изъ кареты и восхищались прелестями природы, которыхъ я, однако-же, описывать не буду, а прошу читателей, ежели они хотятъ имѣть понятіе объ окрестностяхъ Женевы, прочесть путешествія многихъ нашихъ соотечественниковъ и иностранцевъ, которые въ подробности описали всѣ горы, горки, пригорки, холмы, холмики, курганы, курганчики и даже камешки, разсѣянные по швейцарскимъ предѣламъ; а я скажу вамъ, что мы благополучно доѣхали до Женевы. Мистеръ Арчибальдъ съ дѣвцами остановился за городомъ, не доѣзжая Женевы за пол-мили, въ трактирѣ, называемомъ „Сетеронъ“ („Sécheron“); а я съ молодымъ англичаниномъ въ самомъ городѣ, въ трактирѣ „Aux Balances“.

Часу въ 9-мъ вечера, сидѣлъ я въ нашей комнатѣ и приво-дилъ въ порядокъ записки и наблюденія, дѣланныя мною во время забавнаго моего путешествія, и помышлялъ о поѣздкѣ моей въ Эксъ, куда я ѣду на водопой или на воды; вдругъ отворяются двери и мистеръ Арчибальдъ съ миссъ Перкъ являются передо мною: „завтра ѣдемъ мы въ Шамуни, сказалъ мнѣ добрый англи-чанинъ, а оттуда въ Швейцарію; мы долго, можетъ быть, не уви-димся, итакъ, я пришелъ проститься съ вами и поблагодарить за ласки, которыя вы намъ оказывали во время нашего путеше-ствія“. Я не стану описывать нашего разговора, мой отвѣтъ, мое привѣтствіе; все это ничуть не занимательно. Мистеръ Арчи-бальдъ замѣтилъ на столѣ мою записную книжку, которую я купилъ въ Парижѣ, подъ заглавіемъ: „Mes confessions“, и спро-силъ, не альбомъ-ли это мой? Я отвѣчалъ машинально „да“, хотя никто кромѣ меня ничего въ немъ не писалъ. „А! въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ что-нибудь въ немъ написать на

память". Тщетно старался я его отклонить, говоря, что я называл эту книжку альбомомъ только потому, что всѣ почти листы въ ней бѣлые; англичанинъ говорилъ, что у нихъ такой обычай; онъ присѣлъ къ столу, сталъ думать, потирать лобъ и дѣлать всѣ прочія тѣлодвиженія человѣка сочиняющаго.

Надо замѣтить, что г. Арчибальдъ имѣлъ слабость воображать, что онъ отлично владѣетъ французскимъ языкомъ, хотя коверкалъ его безъ всякаго милосердія. Я сначала ожидалъ англійскихъ стиховъ или прозы, но онъ предупредилъ меня, говоря: „я намѣренъ оставить вамъ доказательство, что и англичанинъ можетъ писать на французскомъ языкѣ; впрочемъ, не прогнѣвайтесь, если стихи мои будутъ дурны,—на чуждомъ языкѣ мудрено писать, какъ на своемъ собственномъ; черезъ пять минутъ сверпаль онъ слѣдующіе два стиха:

„Je désire beaucoup, qu'en arrivant à Aix
Vous y trouviez santé, bonheur et paix“.

Послѣ чего выпулъ онъ изъ кармапа свой альбомъ, подавъ мнѣ его, прося написать тоже что-нибудь; признаюсь, я сначала былъ въ нѣкоторомъ затрудненіи, самолюбіе шептало мнѣ: надо написать что-нибудь хорошее, что не легко!... но, впрочемъ, думалъ я, напишу такіе-же стихи и мы будемъ квиты, вѣрно никто не прочтетъ ихъ; если-же и прочтетъ, то, конечно, незнакомый; я взялъ перо и написалъ:

„Je fais des vœux qu'en voyageant en Suisse
Vous menagiez vos pieds et votre cuisse!“

(NB. Г-нъ Арчибальдъ подѣ Ватерло былъ раненъ въ ляжку). Кажется, я не остался въ долгу и оправдалъ пословицу: „долгъ платежемъ красенъ“. Миссъ Перкъ со слезами повторяла: „God bless you!“¹⁾).

¹⁾ Да благословитъ васъ Господь!

Лунатикиъ.

Quid quid luce fuit, tenebris agit.
Petronius.

Какія чудеса рассказываютъ о лунатикахъ! Иные ползаютъ по стѣнамъ какъ мухи, другіе по крышамъ на самомъ краю, не спотыкаясь; нѣкоторые-же отличаются разными талантами, коихъ они лишены въ бдительномъ состояніи: играютъ отлично на фортепіано, а на яву не имѣютъ никакого понятія о музыкѣ, рисуютъ неподобно, пишутъ стихи, говорятъ по-латыни, по-гречески и, словомъ сказать, риторствуютъ на всѣхъ живыхъ и усопшихъ языкахъ; проснулись—и снова становятся бездарными невѣждами. Мудрѣйшіе люди подтверждаютъ всѣ эти сверхъестественныя явленія. Въ энциклопедіи описаны о лунатикахъ такіе чудесные случаи, что волосы становятся дыбомъ. Потомъ появился Месснеръ съ животнымъ магнетизмомъ и усилилъ вѣру къ этому странному чудотворству. До сихъ поръ, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ сколько людей, не совсѣмъ животныхъ, поклоняются животному магнетизму и слѣпо уповаютъ на него. Что-жъ касается до меня, не имѣвъ чести въ продолженіе моей жизни быть знакомымъ ни съ однимъ лунатикомъ, ни даже съ проказникомъ, выдающимъ себя за такового, я, въ этомъ случаѣ, совершенный скептикъ, и полагаю, что суевѣріе и воображеніе было основаніемъ всѣхъ этихъ басней; предрасудки, вкравшіеся съ дурнымъ воспитаніемъ, усилили упованіе слабыхъ людей и, наконецъ, наклонность человѣка видѣть вездѣ сверхъестественное сохранила и предала потомству безчисленныя сказки о чудесахъ лунатизма. Читатель увидитъ изъ этой статьи, какъ легко люди обманываются.

Мистеръ Арчибальдъ со своими спутниками, какъ я выше сказалъ, остановился въ загородномъ постояломъ домѣ; мы-же вѣхали въ Женеву вдвоемъ, т. е. я и молодой англичанинъ, и пошли искать квартиры въ гостинницахъ; мы пришли въ трактиръ „A l'Escu de Genève“, знакомый мнѣ по письмамъ почтеннаго друга моего Н. И. Греча; намъ отвѣчали, что всѣ комнаты заняты; мы отправились „A la Couronne“, гдѣ намъ отвѣчали

то-же. Вообще, принимали насъ весьма дурно, ибо мы шли пѣшкомъ, а передъ нами на тележкѣ везли наши пожитки:

„О, бѣдность! горько жить съ тобою,
Нельзя и чувствовать воли дать!“

Такъ выражается князь Н. М. Долгорукой простымъ и чувствительнымъ языкомъ. Многіе ему подражали, хотя съ неравною удачею; но ни о какомъ предметѣ столько не писали въ прозѣ и стихахъ, какъ о богатствѣ, и что всего страннѣе, всегда и вездѣ не порицали, а превозносили богачей. Мы безпрестанно читаемъ и слышимъ всюду: брѣньность, ничтожество золота, живой металлъ и проч. „L'or est une chimère“¹⁾, пѣлъ однажды въ оперѣ „Robert Diable“ актеръ Нури, а изъ партера голосъ отвѣчалъ ему: „surtout quand on n'en a pas!“²⁾. Браните сколько хотите, гг. Катоны, золото и изобиліе, но я никакъ не соглашусь съ вами и буду вѣчно повторять, что богатство—безподобнѣйшая вещь! Наконецъ, въ гостинницѣ „Aux Balances“ были къ намъ снисходительнѣе и объявили, что въ соѣдствѣ съ облавами есть одна комната, въ коей находятся двѣ постели. Не желая почевать на чистомъ воздухѣ, мы рѣшились поселиться близъ чердака и попирать ногами всѣхъ прочихъ обитателей дома. Мы взошли по лѣстницѣ высокой, кривчоватой и основали тамъ свой ночлегъ. Вовсе не зная другъ друга, кажется, трудно было согласиться; но нужда, властительница смертныхъ, разрушила всѣ препятствія. Поужинавъ плотно въ общей залѣ, мы снова вскарабкались наверхъ. Я принялся писать, англичанинъ-же, помолясь Богу, сѣлъ и началъ дремать.

„Что-же вы не ложитесь спать?“ спрашивалъ я у него нѣсколько разъ.

— „Я лягу тотчасъ“, отвѣчалъ мнѣ каждый разъ мой юноша. Наконецъ, полагая, что онъ дожидаетъ меня, я оставилъ свою работу и хотѣлъ раздѣваться; въ это самое время британецъ подошелъ ко мнѣ съ робкимъ видомъ, потупя глаза, и сказалъ: „я хотѣлъ спросить у васъ объ одной вещи, но боюсь васъ разсердить“.

¹⁾ Золото—химера.

²⁾ Въ особенности, когда его не имѣемъ.

„Говорите, не бойтесь“, былъ мой отвѣтъ.

— „Извините, продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ, ... но... но... не лунатикъ-ли вы?“

Съ симъ словомъ я громко расхохотался и объявилъ ему, что за мною, кажется, такой причуды не водится, впрочемъ, присовокупили я шутя, — „не отвѣчаю, — я слыхалъ, что лунатики сами не знаютъ своей болѣзни“.

— „Я такъ напуганъ былъ лунатиками, возразилъ юноша, что нынѣ одна мысль о нихъ приводитъ меня въ трепетъ“.

Послѣ сего разговора мы улеглись. Англичанинъ въ мигъ заснулъ. Что-же касается до меня, лишь только я началъ засыпать, какъ вдругъ почувствовалъ сильную боль въ ногахъ: три ночи и четыре дня, проведенные въ дилижансѣ, гдѣ я принужденъ былъ держать ноги въ вертикальномъ положеніи, произвели въ нихъ столь жестокия судороги, что я закричалъ во все горло и, вспомнивъ, что лучшее средство для избавленія себя отъ судорогъ въ ногахъ состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе стать на ноги, я ни мало не медля выскочилъ изъ постели и продолжалъ кричать. Англичанинъ проснулся, протеръ глаза и, увидя меня въ одной рубашкѣ, стоящаго передъ нимъ и вопіющаго дикимъ голосомъ, испугался, закрылъ голову одѣяломъ и спряталъ ее въ подушку. Какъ скоро судороги мои унялись, я подошелъ къ нему и, вида по волненію его тѣла, съ силою воздымавшагося, до какой степени онъ перепугался, я хотѣлъ успокоить его, толкалъ, кричалъ ему, но онъ видно полагая, что я дѣлалъ все это въ лунатизмѣ, не внималъ мнѣ, крѣпко уцѣпившись за одѣяло; такъ что, не предвидя успѣха, я снова легъ въ постель, заснулъ и проспалъ до семи часовъ утра. При пробужденіи моемъ, первая мысль моя была разувѣрить моего товарища и доказать ему, что я былъ въ полной памяти и въ сознаніи самого себя, а не въ магнетическомъ бреду. Взглянулъ на его кровать — она пуста! окинулъ взоромъ комнату — и не вижу ни чемодана, ни другихъ вещей, ему принадлежавшихъ! Вскорѣ послѣ того я кликнулъ слугу, который объявилъ мнѣ, что молодой человекъ въ 5 часовъ утра расплатился съ хозяиномъ за ночлегъ и ужинъ, съ величайшею осторожностію вынесъ свои вещи и отправился искать другой квартиры. Съ тѣхъ поръ, онъ какъ въ воду канулъ, и я не имѣлъ о немъ никакого слуха, хотя всячески старался

узнать гдѣ онъ поселился; я-же во мнѣніи его остался луна-тикомъ.

Ферней.

Son cœur se trouve ici, et son esprit partout.

Какое-то уваженіе къ памяти великихъ людей невольно влечетъ насъ въ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они обитали во время ихъ жизни. Мы вступаемъ въ ихъ комнаты съ благоговѣніемъ, какъ будто въ святилище мудрости или въ храмъ генія; каждый уголокъ, каждая дощечка, которую они попирали, намъ важутся освященными духомъ этихъ мужей. Многіе надѣются однимъ прикосновеніемъ почерпнуть нѣсколько унцій ума. Какія странныя, можно даже сказать смѣшныя, чувства объемлютъ воображеніе смертныхъ! Не все-ли равно, ежели Вольтеръ или другой мудрецъ писалъ свои сочиненія тамъ, а не здѣсь, спалъ, ѣлъ и думалъ тутъ или въ другомъ мѣстѣ? Мы ищемъ въ пустыхъ комнатахъ слѣдовъ генія, давно угасшаго во мракѣ гробовомъ. Вольтеръ господствовалъ надъ мнѣніями своихъ современниковъ, управлялъ ими, удивлялъ свѣтъ своею дивною умственною дѣятельностію; но палъ какъ и прочіе смертные, а со временемъ, можетъ статься, попадетъ въ посредственные писатели, если умъ человѣческій разовьется болѣе и болѣе. И теперь уже не такъ гремитъ его имя, какъ въ прошедшемъ столѣтіи. Коллективная умственность, подъ формою журнализма, нынѣ управляетъ мнѣніями съ болѣшимъ самовластіемъ, нежели могъ управлять одинъ человѣкъ. Говорятъ, что болѣе 100 тысячи листовъ появляются во всѣхъ частяхъ свѣта ежедневно, ежечасно и даютъ направленіе мыслямъ и дѣйствіямъ людей и часто затмѣваютъ разсудокъ, волнуютъ смыслъ народный, возмущаютъ порядокъ, и что-же? Отвѣтственность не падаетъ ни на кого, ибо имя ихъ легионъ! При этомъ нашествіи журнализма, вліяніе Вольтера исчезаетъ яко дымъ отъ лица огня. Теперь уже мода во Франціи порицать Вольтера и смѣяться надъ вольтеріянцами: Вольтера въ Парижѣ называютъ рококо: „sic transit gloria mundi!“

Такъ рассуждалъ я про себя, шедши нанимать шаръ-а-банъ или, какъ здѣсь называютъ, просто шаръ, въ коемъ намѣренъ былъ покатиться въ Ферней. Покуда я торговался, подошелъ

опять таки англичанинъ съ такимъ-же намѣреніемъ; я предложилъ ему изъ экономіи нанять экипажъ пополамъ и ѣхать вмѣстѣ; онъ согласился, и мы отправились. Читатель не долженъ удивляться частымъ встрѣчамъ моимъ съ англичанами. Кто путешествовалъ по Швейцаріи, особенно около сентября, тотъ безъ сомнѣнія знаетъ какое здѣсь множество ихъ. Въ трактирѣ „Aux Balances“ за обѣдомъ насъ сидѣло 36 человѣкъ, въ числѣ коихъ 23 человѣка англичанъ обоого пола.

Взошедъ въ комнаты Вольтера, я не могъ воздержаться отъ нѣкотораго душевнаго волненія. Здѣсь, думалъ я, зародились въ его необыкновенной головѣ очаровательныя мысли; здѣсь обработалъ онъ ихъ сильнымъ и рѣзкимъ своимъ краснорѣчіемъ; здѣсь изобильное воображеніе его служило имъ источникомъ; отсюда разлились его мнѣнія, подобно наводненію, и потопили весь міръ! Кровать, картины, портреты и аллея, по которой онъ любилъ прогуливаться, не разгорячили моего воображенія и, послѣ мгновеннаго энтузіазма, я глядѣлъ на все прочее какъ на домъ, садъ и утварь посредственнаго помѣщика. Кто хочетъ имѣть понятіе о селѣ Фернейскомъ, тотъ пусть прочтетъ письма остроумнаго пріятеля моего Н. И. Греча, В. А. Жуковскаго и другихъ туристовъ; первые описали все достойное замѣчанія умно, достовѣрно и увлекательно; а я скажу вамъ, что англичанинъ не былъ такъ равнодушенъ, какъ я. Подъѣзжая къ калиткѣ, онъ уже прыгалъ отъ восхищенія, взошедъ въ комнаты, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку огромнаго формата и началъ дѣлать подробную опись комнатамъ, мебели, словомъ сказать, всему, что только хранилось въ домѣ; потомъ, отозвавъ въ сторону женщину, водившую насъ, онъ просилъ ее украдкой о чемъ-то; когда-же мы, кончивъ посѣщеніе, пошли опять къ своему экипажу, замѣтивъ, что мой англичанинъ шелъ тише и не съ такою свободою какъ прежде, я взглянулъ и увидѣлъ, что одинъ карманъ у него пооттопырился. Я не утерпѣлъ и сталъ терзать его нескромными вопросами. Мой чудакъ сперва не хотѣлъ удовлетворить моего любопытства, но когда мы отъѣхали съ полверсты, онъ связалъ мнѣ: „впрочемъ, я могу удѣлить вамъ часть пріобрѣтеннаго мною...“

Какъ вы думаете, любезные читатели, чего? Кто не знаетъ англичанъ, тотъ вѣрно скорѣе угадаетъ дюжину загадокъ, лого-

грифовъ и сотню шарадъ, помѣщаемыхъ въ „Инвалидѣ“ и въ другихъ благонамѣренныхъ журналахъ: это былъ огромный камень, вѣсомъ въ 30 фунтовъ по крайней мѣрѣ, тяжелый образчикъ помѣщичьяго дома усадьбы покойнаго дѣйствительнаго камергера и прусскаго ордена „За достоинства“ кавалера Франца Францевича Вольтера. Я смѣялся отъ души и благодарилъ моего товарища за щедрое предложеніе вовсе не драгоценнаго камня.

„Ежели въ продолженіе путешествія вашего по Европѣ, сказалъ я ему, вы будете брать по камню съ каждаго дома, служившаго жилищемъ какому-нибудь знаменитому человѣку, я увѣренъ, что, возвратясь въ Англію, вы наберетесь довольнымъ запасомъ, чтобы выстроить домъ“.

— „О! это мысль неподобная, отвѣчалъ онъ, впрочемъ, ежели я не выстрою дома, то, по крайней мѣрѣ, сооружу памятникъ въ паркѣ отца моего близъ Ливерпуля“.

Мы заѣзжали въ Копетъ, село, принадлежавшее его превосходительству г. министру финансовъ... Некеру и доставшееся по наслѣдству дочери его баронессѣ Сталь-Гольстейнъ; нынѣ же принадлежитъ оно дочери баронессы—ея сіятельству княгинѣ Брогліевой. Англичанинъ и тутъ умудрился и выпросилъ камень, за который заплатилъ 1 франкъ. Ежели-бы княгиня, нынѣшняя помѣщица, захотѣла разбогатѣть, то, конечно, лучшее средство было-бы сломать домъ и продавать камни по франку англичанамъ, подобнымъ моему спутнику; эта спекуляція была-бы лучше всѣхъ финансовыхъ системъ покойнаго ея дѣдушки.

— „Вы смѣетесь, сказалъ англичанинъ,—это происходитъ отъ того, что вы не знаете цѣны такимъ вещамъ; Россія не достигла еще до такой степени просвѣщенія, чтобы чтить память великихъ мужей; а у насъ это въ обыкновеніи, и всякій путешественникъ англичанинъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность пріобрѣтеніе подобныхъ памятниковъ“.

Британецъ мой горячился, а я смѣялся усердно.

„Ежели высочайшая степень просвѣщенія состоитъ въ томъ, чтобы собирать камни строеній, служившихъ жилищемъ знаменитымъ покойникамъ, въ такомъ случаѣ я долго останусь въ числѣ варваровъ. Пугай любопытные путешественники нагружаютъ свои чемоданы подобными рѣдкостями и запасаются камнями сколько имъ угодно; что-жъ касается до меня, то я не намѣ-

ренъ участвовать въ столь тяжелой работѣ и предоставляю другимъ честь собирать камни и даже, ежели хотять, вымачивать классическую мостовую.

Сумасшедшій, актеръ и министръ.

All the world's a stage
And all the men and women merely players

Изъ Женевы пустился я въ путь рано по утру; мракъ мѣшалъ мнѣ разсмотрѣть моихъ товарищей, но, проѣхавъ предмѣстье Каружъ, стало нѣсколько разсвѣтать и я счелъ трехъ мужчинъ и одну даму съ мальчикомъ; триумвиратъ состоялъ изъ женеваго судьи, часоваго мастера и негоціанта. Кинувъ на нихъ взглядъ, я снова опустилъ его и задремалъ. И вотъ, Аврора розовыми перстами отверзла врата востока, и алая черта, подернувшая небесную синеву, рисовалась на грязныхъ стеклахъ дилижанса. Ночь въ маковомъ вѣнцѣ удалялась...

„Тише, тише! закричалъ сухощавый купецъ, сидѣвшій на-супротивъ меня, не видишь развѣ какой оврагъ!“ Сія слова прервали мое романтическое размышленіе, и уже

„Изъ за горъ глядитъ заря,
Брусничный морсъ льетъ на моря.
И вотъ ужъ Фебъ огнистый, лучезарный!...“

„Какой вздоръ, какой сумбуръ я видѣла во снѣ“, сказала, пробуждаясь, гренобльская дама, покрывая шалью девятилѣтняго сына своего, который, въ счастье нашему, еще почивалъ.

— „А что вы видѣли во снѣ?“, спросилъ ее женеваскій судья.

„Представьте, мнѣ снилось, что минеральныя воды Экса возвратили бѣдному сыну моему умственныя его способности и что .. о прочемъ вздорѣ умолчу“.

— „Какъ, сынъ вашъ страдаетъ сумасшествіемъ и вы надѣетесь исцѣлить его въ Эксѣ?“

„Безъ сомнѣнія, сильныя души ¹⁾ приводятъ въ движеніе усмиренныя чувства ума“.

¹⁾ Прошу читателей не думать, что здѣсь дѣло идетъ о душѣ, живящей человѣческой составъ; это просто водометъ, который играетъ и ниспадаетъ на болѣзненную часть тѣла. Я говорю играетъ, какъ говорится здѣсь, а не бьетъ, какъ говорятъ у насъ, потому что только у насъ фонтаны и души бьютъ; а сія послѣднія не рѣдко бывають биты.

— „Повѣрьте мнѣ, что воды не въ силахъ дать того, чего лишила природа“.

— „Многіе наши женевцы по сосѣдству должны-бы въ такомъ случаѣ съѣздить за умомъ въ Эксъ“, сказалъ смѣючись женевскій часовыхъ дѣлъ мастеръ.

Но вотъ и дуракъ нашъ пробудился; окинувъ двумя взорами путешественниковъ, онъ началъ плакать и притомъ такъ громко, что мы принуждены были затыкать уши. Часовщикъ, сидѣвшій близъ дурачка, спустилъ колпакъ и картузь на глаза и на уши; эта предосторожность не понравилась умалишенному мальчику, который винулся на него, сорвалъ съ него картузь и выбросилъ за окно.

Чрезвычайное возмущеніе вспыхнуло въ дилижансѣ: часовыхъ дѣлъ мастеръ хотѣлъ остановить карету, проводникъ не слушался; судья отгонялъ мальчика, который силился и съ него сорвать шляпу. Сухощавый купецъ бранился съ дамою... Мой слабый духъ, боясь малѣйшаго волненія, подъ ваточнымъ плащомъ искалъ себѣ спасенія!... Навонецъ, дамѣ удалось успокоить сына коврижкой; послѣ чего, она въ самыхъ жалостныхъ выраженіяхъ извинялась передъ пассажирами и обѣщала, что сцена эта не возобновится и что по пріѣздѣ въ Эксъ, часовщикъ получитъ новый картузь и, сверхъ того, она доставитъ ему случай продать нѣсколько часовъ. Но коврижка имѣетъ свой конецъ, какъ и все въ подлунномъ мірѣ. Мы съ ужасомъ взирали на приближеніе кончины сего пряника; но мать тотчасъ-же замѣнила коврижку, и дала ребенку книжку. Не думайте, чтобы я помѣстилъ книжку для рюмы коврижкѣ; нѣтъ, я пишу не въ стихахъ, мнѣ рюма не нужна, не такъ какъ покойному князю П. М. Долгорукому въ прекрасномъ стихотвореніи его „Пиръ“; хотя онъ тоже увѣряетъ, что взялъ книжку не для рюмы:

„Не рюму здѣсь хочу для книжки прибирать,
Нѣтъ, истинно люблю я пряники жевать“.

Книжка съ картинками развлекала на время дурь сумасшедшаго ребенка, какъ вдругъ, за грѣхи мои, вздумалось понюхать табакъ; мальчикъ, увидѣвъ табакерку мою, украшенную портретомъ славнаго графа Платова, которую я хранилъ въ продол-

женіе многихъ лѣтъ, употребляя лишь въ дорогѣ, бросился отнимать у меня табакерку; я-же, не желая подвергнуть ее участи картуза, защищался *unguibus et gostro*, угрожая выбросить его самого за окошко, но повѣса сорвалъ съ меня очки и не премѣнно выбросилъ-бы ихъ, подобно картузу, еслибъ окошко съ моей стороны не было заперто; очки ударились о стекло, расшибли его и сами разбились. Тутъ началась опять тревога! Вожатый, видя разбитое окно, этотъ разъ остановился; весь дилижансъ былъ въ бунтѣ. Къ счастью, были мѣста: одно на имперіалѣ, куда я поспѣшно вскарабкался, другое въ купе, куда сѣлъ судья, а часовой мастеръ въ одномъ волнаѣ, съ купцемъ, пошли пѣшкомъ. Проводникъ хотѣлъ заставить даму выйти, но она горько плакала и, изъ уваженія къ ея нѣжному полу, всѣ согласились оставить ее въ каретѣ. Однако-же купецъ и часовщикъ, которые съ горяча рѣшились итти пѣшкомъ, покуда дилижансъ вѣзжалъ на гору, не говорили ни слова, но потомъ стали кричать, чтобы остановились и предложили просить единогласно двухъ вояжеровъ, сидѣвшихъ въ купе уступить свои мѣста дамѣ съ сыномъ, а самимъ пересѣсть во внутренность дилижанса; послѣ нѣкоторыхъ затрудненій все устроилось благополучно.

О новыхъ нашихъ товарищахъ, покуда пересаживались, я успѣлъ спросить у кучера—кто они? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „одинъ изъ нихъ министръ, а другой комическій актеръ Шамберійскаго театра“. Такимъ образомъ дилижансъ снова тронулся; всѣ смѣялись кромѣ меня и часоваго мастера, ибо намъ жаль было нашихъ вещей. Одинъ изъ новыхъ спутниковъ нашихъ, веселый и словоохотливый старичекъ, забавлялъ своими рассказами всѣхъ странствующихъ. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ касательно Шамберійскаго театра; меня удивило то, что онъ отвѣчалъ неудовлетворительно, какъ будто вовсе въ немъ не бывалъ; слѣдовательно, думалъ я, онъ принадлежитъ къ другому театру и причисленъ къ Шамберійскому недавно. Сказалъ нѣсколько словъ насчетъ сценическаго искусства и декламациі, на что онъ мнѣ не отвѣчалъ. Потомъ я обратился къ моему, сосѣду мрачному, пасмурному человѣку лѣтъ 50-ти. Это долженъ быть министръ, думалъ я, и, вѣроятно, министръ финансовъ, ибо погруженъ въ глубокое размышленіе, надо полагать,

что онъ занимается государственными расчетами. Обернувшись, толкнулъ я его нечаянно и, желая завести разговоръ, сказалъ: „извините, ваше превосходительство!“ Пасмурный человекъ взглянулъ на меня изъ-подлобія и спросилъ: „что значить выраженіе ваше превосходительство? я иногда бываю имъ, продолжалъ онъ, но не болѣе какъ на одинъ вечеръ“.

Громкій смѣхъ прервалъ нашъ разговоръ, и что-жъ? Оказалось, что пасмурный мой сосѣдъ былъ комическій актеръ, а весельчакъ министр; однако-же, не финансовъ, не юстиціи, не народнаго просвѣщенія, не военный и даже не морской, а министръ слова Божія, т. е. пасторъ, которыхъ здѣсь называютъ, не знаю почему, министрами.

Послѣ сего разговора завелъ я другой съ сухощавымъ купцомъ о Россіи; купецъ весьма неосторожно изъяснялся насчетъ любезнаго моего отечества, отчего между нами разгорѣлась сильная ссора и чуть было не дошло до поединка. Дерзкій женевецъ сказалъ мнѣ: „*au fait il vaut mieux être russe que rustre*“. На что я тотчасъ-же возразилъ: „*il vaut mieux être suisse que suistre*“. Хотя онъ и извинялся, говоря, что выраженія эти вырвались невольно и что онъ не имѣлъ умысла обидѣть меня, но онъ задѣлъ мой родимый край, славу русскихъ, и я уже въ продолженіе всего пути съ нимъ ни слова не говорилъ и мы даже не глядѣли другъ на друга.

Эльз-Савойскій.

Питая злость ко мнѣ, Микстуривъ далъ
мнѣ жпть;
Онъ вылечилъ меня, желая уморить.

Уже среди высокихъ Савойскихъ Альпъ, между живописною природою, видны крышки Экса. Прелестная природа, кою восхищался Иванъ Яковъ Руссо, восхищала и меня. Шарметье, Шамуни! никогда не забуду васъ. Но не взирая на красоту природы, часто говорилъ я самъ про себя: „все прекрасно, все величественно! Но, ахъ! отдайте мнѣ родныя ели, русскія сосны и рябины; онѣ растутъ среди людей мнѣ по сердцу и милѣе для меня образцовой природы Швейцаріи и Савои, гдѣ не рѣдко между ароматомъ прелестныхъ цвѣтовъ и очарователь-

ныхъ фруктовъ встрѣчаешь людей похожихъ на дурманъ, чертополохъ и тринъ-траву! Восхищаться природою хорошо; но восхищеніе мгновенно, человѣкъ ищетъ другихъ наслажденій...

Виновать, я, кажется, общалъ описывать только одну бѣлу, а не горы, горки и ручейки, а потому не сказалъ вамъ ни слова даже о Монбланѣ, да что и говорить? Гора она превысокая, дорога къ ней не гладкая; но вотъ и все тутъ. Однако-же, хочется вамъ сказать, что между разными надписями прозою и стихами, вписанными путешественниками, я нашелъ тамъ одну родную надпись; рука русскаго патріота начертала слѣдующіе стихи:

„Какъ Бѣлая гора предъ прочими горами,
Такъ точно Бѣлый царь предъ прочими царями“.

Впрочемъ, не воображайте, чтобы она была вся бѣлая, какъ сахарная голова, нѣтъ, она такого-же цвѣта, какъ и наши валдайскіе карлики; съ тою разницею, что на вершинѣ ея снѣгъ никогда не таетъ, какъ и на многихъ другихъ альпійскихъ горахъ. Въ дѣтствѣ моемъ, когда я учился географіи, юное воображеніе представляло мнѣ ее всю бѣлую, какъ мѣль; Красное море—краснымъ какъ кровь, а Черное море какъ чернила. Какъ часто и въ зрѣломъ возрастѣ воображеніе насъ обманываетъ! Какъ часто мы по названію судимъ о сущности! Но вотъ мы уже въ Эксѣ. Первый визитъ мой былъ сдѣланъ доктору М.... Живое воображеніе медицинскаго ветерана. Онъ принялъ меня съ важностью, прилично главному врачу здѣшняго заведенія; я-же привѣтствовалъ его съ благоговѣніемъ больнаго, чающаго движенія минеральной воды и воображающаго, что жизнь его въ рукахъ лѣкаря.

„Всѣ больные мои вообще, сказалъ мнѣ хирургъ, получили исцѣленіе отъ нашихъ водъ, особенно-же отъ образа леченія моего; вы счастливы, что попали въ мои руки“...

— „Вы погубили меня!“ прервалъ грубый голосъ, и съ словомъ симъ отворилась дверь; я увидѣлъ вошедшаго на костыляхъ пожилаго піемонтскаго офицера; „вашими лекарствами, продолжалъ онъ, недуги мои усилились до нестерпимой степени; я почти совсѣмъ потерялъ движеніе ногъ“.

„Это происходитъ отъ того, что вы не слѣдовали буквально моимъ наставленіямъ“, отвѣчалъ равнодушно докторъ.

— „Слишкомъ, сударь, слишкомъ!“

„Впрочемъ“, присовокупилъ врачъ, прошу меня оставить и взять другаго доктора, ежели я вамъ не нравлюсь“.

— „Ты испортилъ мою болѣзнь и гонишь меня вонъ!“ воскликнулъ съ гнѣвомъ офицеръ. „Я ѣду; но знай, сынъ язвы и чумы, блѣдный данникъ ада! Знай, что вся Европа извѣстится о твоёмъ невѣжествѣ, весь шаръ земной узнаеть, что ты шарлатанъ!“.

Офицеръ хлопнулъ дверью и удалился.

„Это сумасшедшій“, сказалъ докторъ М....

Опять сумасшедшій, думалъ я; когда я отъ нихъ отдѣляюсь! Между тѣмъ, этотъ діалогъ разсѣялъ мои мечты о будущемъ здоровіи и я, раскланявшись съ штабъ-лекаремъ, пошелъ съ рекомендательнымъ письмомъ къ другому доктору, г-ну Д.... По дорогѣ зашелъ также съ такимъ-же письмомъ, которое мнѣ дали въ Парижѣ къ здѣшнему негоціанту. Я вхожу въ прекрасные покои; обо мнѣ докладываютъ, я вступаю въ кабинетъ; въ вечернемъ сумрачѣ не могу разобрать лица хозяина дома, но подошедши ближе и вручая ему письмо, взглянулъ—и что-же? узнаю сухощаваго купца моего спутника, съ коимъ я повздорилъ за Россію; быстрымъ движеніемъ вырвалъ я письмо изъ рукъ его, положилъ опять въ карманъ, обернулся—и поминай какъ звали!

Ванны.

Non ha in voi fatta alcuna impressione,
E già dimenticaste, a quel che osservo,
L'esempio di Calisto e d'Atteone,
Quella cangiata in orsa, e questi in cervo.

Casti, Novella XXIII.

Докторъ Дес..., хотя и пользуется меньшею славою, чѣмъ лекаръ М..., съ перваго взгляда показался мнѣ человѣкомъ свѣдущимъ, искуснымъ и образованнымъ, а впоследствии и дѣйствительно оправдалъ доброе мнѣніе, которое я возымѣлъ о немъ при первой встрѣчѣ, излечивъ совершенно мои страданія.

Я хотѣлъ было умолчать объ одномъ забавномъ происшествіи, но такъ какъ я обѣщалъ читателямъ писать обо всемъ оторо-

венно и ничего не таить, рѣшаюсь слѣдовать моему обѣщанію и приступаю въ разсказу. Докторъ Дес...., къ второму я имѣлъ особенное рекомендательное письмо, принялъ меня весьма ласково; онъ предложилъ показать мнѣ заведеніе бань. Мы отправились съ нимъ туда около трехъ часовъ пополудни, осматривали строеніе, источники, души. Наконецъ, онъ сказалъ мнѣ, указывая на дверь: „этотъ бассейнъ имѣетъ самую высокую душу, она называется шотландскою“; съ симъ словомъ отворилъ онъ дверь и ввелъ меня въ эту избу, но что-жъ мы увидѣли? восемь дамъ, купающихся болѣе, нежели

„Dans le simple appareil
D'une beauté qu'on arrache au sommeil“¹⁾.

Громкіе крики и звонкіе визги раздались въ сѣрной атмосферѣ. Докторъ-же не потерялъ присутствія духа и съ важностью сказалъ громкимъ голосомъ: „mesdames, soyez tranquilles, ce monsieur est complètement aveugle; il a la goutte sereine (будьте покойны, сударыни, этотъ господинъ совершенно слѣпъ; у него темная вода); хотя онъ вытаращилъ глаза и ежится будто смотреть на васъ съ любопытствомъ и жадностью; но я увѣряю васъ, онъ ни зги не видитъ“.

Крики умоляли; мы намѣревались выйти вонъ, я не утерпѣлъ, обернулся опять назадъ—и крики снова начались, но вскорѣ успокоились. Докторъ понуждалъ меня скорѣе итти, но я выпятилъ глаза, говоря: „куда-же вы меня ведете? дайте мнѣ, слѣпцу, вздохнуть“ и проч., а, между тѣмъ, смотрѣлъ, какъ:

„Allo specchio d'un chiaro ruscelletto,
Lascia ondeggiar nuda le braccio e il getto“.

Наконецъ, однако-же, мы вышли; докторъ хохоталъ до слезъ. „Но, присовокупилъ онъ, я не виноватъ, что больныя мои, по лѣности и вопреки моему приказанію, выбрали такой поздній часъ для купанія; я имъ ежедневно твержу и предписываю принимать ванны не позже шести часовъ утра“.

Иногда случается, что мы радуемся болѣзни; эту радость я вкусилъ. Въ самый день посѣщенія мною баннаго заведенія я

¹⁾ Въ простомъ одѣяніи красавицы, пробужденной отъ сна.

къ вечеру занемогъ простудою и пролежалъ двѣ недѣли; между тѣмъ изъ восьми купавшихся дамъ семь уѣхали и осталась только одна и самая пригожая изъ нрхъ, г-жа де К... Ну если-бы онѣ остались и встрѣтили-бы меня въ редутъ? я-бы, новый актеонъ, испытадъ-бы, можетъ быть, гнѣвъ ихъ и тогда-бы онѣ могли выцарапать мнѣ глаза и сдѣлать истинно слѣпымъ, что мнѣ и объявила г-жа де К., та, которая осталась въ Эксѣ. Надо было видѣть съ какимъ миловиднымъ гнѣвомъ она на меня бросилась, воскликнуувъ: „да вы, сударь, вовсе не слѣпы! Это непростительная насмѣшка доктора. C'est un guet-à-pan!“ ¹⁾ Я началъ увѣрять ее, что докторъ возвратилъ мнѣ зрѣніе и что я никогда не былъ ему такъ благодаренъ какъ сегодня, потому что онъ доставилъ мнѣ наслажденіе видѣть одну изъ прелестнѣйшихъ дамъ въ мірѣ..., но кончилъ тѣмъ, что разсказалъ ей все откровенно и мы черезъ нѣсколько дней сдѣлались съ нею самыми закадычными друзьями.

Ламартинъ.

„Que j'aime le tableau de ta barque incertaine.

Cédant en vers si doux au souffle qui l'entraîne!“

Casimir Delavigne, Epitre à Lamartine.

Будучи въ Дрезденѣ, я смотрѣлъ въ Grüne Gewölde драгоцѣнные камни королевской сокровищницы; мнѣ показывали огромный брильянтъ и я восхищался имъ, полагая, что это былъ настоящий; но когда мнѣ сказали, что для публики выставлены были фальшивыя модели настоящихъ, которые хранятся подъ спудомъ, заблужденіе мое рушилось, и я въ воображеніи искалъ недостатки, которыхъ не замѣтилъ прежде. Точно то-же можно сказать и о людяхъ; укажите мнѣ на человѣка и скажите: это такой-то; онъ прославился такимъ-то подвигомъ или такимъ-то гениальнымъ произведеніемъ; подойдя къ нему, я объять буду особеннымъ чувствомъ уваженія и въ каждомъ движеніи, въ каждомъ словѣ буду искать искры дарованія его. Еслижъ не

¹⁾ Это ловушка.

зналъ его я подступлю къ нему, то стану смотрѣть на него какъ на обыкновеннаго смертнаго, буду вести съ нимъ разговоръ, какъ съ послѣднимъ Ванькою. Впрочемъ, бываютъ исключенія; есть люди, одаренные необыкновеннымъ умомъ, познаніями, соединенными съ сладкимъ краснорѣчіемъ; эти люди съ перваго прикосновенія поражаютъ васъ. Другіе-же, изучившіе нѣкоторыя спеціальности, толкуя о нихъ велерѣчиво, производятъ также впечатлѣніе. Надо признаться, что даръ слова много благопріятствуетъ людямъ, даже и такимъ, которые только схватили вершки, но съ искусствомъ выставляя ихъ и прикрашивая разговорами, могутъ прослыть даровитыми людьми. Одинъ круглый невѣжда молча взглядываетъ пасмурно и думаетъ про себя—не производятъ-ли на другихъ какого-либо благопріятнаго дѣйствія.

Вотъ что случилось со мною, когда за общимъ столомъ посадили меня рядомъ съ мужчиною, наружность коего, хотя и означала умнаго человѣка, но не имѣла особеннаго типа и казалось чуждою поэтическаго пламени, которое-бы я однако-же непремѣнно замѣтилъ, когда-бы приступилъ къ нему будучи предупрежденъ. Я сѣлъ рядомъ съ человѣкомъ весьма порядочнымъ, лѣтъ подъ сорокъ, и сначала не заводилъ съ нимъ рѣчи, по обыкновенной привычкѣ моей какъ можно менѣе вступать въ разговоръ съ незнакомыми. Но за третьимъ блюдомъ сосѣдь мой спросилъ меня: „слышали-ли вы сильный ураганъ въ прошедшую ночь?“

„Нѣтъ, не слышалъ, я спалъ богатырскимъ сномъ“.

— „Возможно-ли, страшные перебаты грома, ужасный вой вихря не разбудили васъ?“

„О! я такъ усталъ съ дороги, что если-бы поставили пушки около ушей моихъ и стали-бы палить изъ нихъ, я-бы и тогда не проснулся“, отвѣчалъ я моему сосѣду, съ видомъ не очень довольнымъ; мнѣ не нравились его высprenнія фразы.

— „Гроза, продолжалъ онъ, ужаснѣе и величественнѣе гремитъ въ горахъ; я хотѣлъ воспользоваться этимъ зрѣлищемъ и отпра-вился, при свѣтѣ молніи, къ подошвѣ горы *Le dent du chat*“.

„Дивлюсь любопытству вашему и никакъ бы не согласился быть вашимъ спутникомъ въ этомъ ночномъ сентиментальномъ путешествіи“.

— „Вы, вѣроятно, не любите повѣвъ?“ продолжалъ онъ.

„Люблю страстно читать хорошіе стихи, но только дома, сидя за письменнымъ столомъ или лежа на диванѣ. J'aime assez peu les vers, j'adore la poésie“¹⁾.

— „Кого вы предпочитаете изъ нынѣшнихъ французскихъ поэтовъ?“ спросилъ онъ.

„Никого, отвѣчалъ я, ни одинъ рѣшительно мнѣ не нравится: Беранже начинилъ патриотизмомъ и радикализмомъ застольныя и плясовыя пѣсни. Я люблю за столомъ хорошо ѣсть и пить, въ шумномъ обществѣ отъ души веселиться и въ это время запираю политику подъ замокъ, и вѣдь Беранже могъ бы избрать другую форму для изображенія несомнѣнной храбрости французскихъ солдатъ и другихъ воинскихъ добродѣтелей. Ламартинъ пишетъ весьма милые стишки, но имѣетъ болѣе вдохновенія, нежели мысли; впрочемъ, онъ родился вѣкомъ позже: въ XVII-мъ столѣтіи Ламартину соорудили-бы статую, а въ нашъ прозаическій вѣкъ онъ можетъ раззориться изданіемъ своихъ сочиненій. Что-же касается до Казимира Делавиня, я до него вовсе неохотникъ: онъ наводитъ на меня стужу, его „Месеньени“ не что иное, какъ журналъ „Le Constitutionnel“ въ стихахъ“.

— „Какъ вы строго судите о двухъ первыхъ поэтахъ нашихъ“, возразилъ съ нѣкоторымъ жаромъ сосѣдь мой.

„Я ни слова не говорю о Ламартинѣ, je vous le livre (я предаю вамъ его), но за Беранже и Делавиня постою горюю“.

— „А я, напротивъ, предпочитаю Ламартина двумъ другимъ: у него есть, по крайней мѣрѣ, пѣнический жаръ, пылкое воображеніе. Однако-же и у него встрѣчаются иногда странные стихи. Напримѣръ, въ его „Chant d'amour“, въ коемъ онъ, обращаясь къ женѣ своей, восклицаетъ:

„Que ton sommeil est doux, o vierge, o ma colombe!“

Далѣе въ той-же строфѣ:

„Deux vagues que blanchit le rayon de la lune,
D'un mouvement moins doux viennent l'une après l'une...
Murmurer ou mourir“.

Надежало-бы сказать: l'une après l'autre; но злодѣйка рима заставила поэта написать бессмыслицу“.

¹⁾ Я не особенно люблю стихи, но обожаю поэзію.

Я замѣтилъ, что сосѣдъ мой перемѣнился въ лицѣ, но, не обращая вниманія, я продолжалъ: „Впрочемъ, по мнѣнію моему, стихосложеніе всегда будетъ препятствовать развитію воображенія; истинная поэзія должна выражаться въ прозѣ. Когда вы пишете стихами, вы часто должны жертвовать прекрасными мыслями, порождающимися въ воображеніи вашемъ, потому что нельзя пригнать ихъ въ мѣру, ни прибавить къ нимъ рѣзны, чего въ прозѣ не можетъ случиться. Древніе поэты Гомерова вѣка писали свои поэмы для пѣнія, гексаметры то-же, что гаммы въ музыкѣ. По-моему Шатобріанова проза имѣетъ болѣе поэзіи, чѣмъ стихи Делавина...“

— „Въ этомъ я совершенно съ вами согласенъ, но замѣчу только, что прозу Шатобріана нельзя положить на музыку“...

Въ это время подъ окнами заиграла шарманка и фальшивый голосъ затянулъ заунывную пѣсню (*Une complainte*), какъ недавно братъ убилъ свою сестру, за что былъ казненъ:

„Messieurs et dames. pour vous complaire,
Je vais chanter l'amour d'un frère! ¹⁾).

Мы посмотрѣли другъ на друга и громко расхохотались.

„Et l'orgue même poussa un long mugissement!“ ²⁾).

Вскорѣ пришелъ слуга и позвалъ моего сосѣда, который, поклонясь и пожавъ мнѣ руку, сказалъ: „Вы не знаете сколько вы мнѣ доставили удовольствія; можетъ быть, когда-нибудь встрѣтимся и вы вспомните нашъ разговоръ!“

Я собирался спросить имя моего сосѣда когда мы встанемъ изъ-за стола. Еще съ полчаса сидѣли мы, съ обѣихъ сторонъ подлѣ меня мѣста были пусты. Вдругъ раздались удары бича почталіона, коляска тронулась, почти всѣ обѣдавшіе вскочили и подбѣжали къ окошку, говоря: „г. Ламартинъ уѣзжаетъ!“ Я взглянулъ—въ коляскѣ сидѣлъ мой застольный сосѣдъ!

¹⁾ Господа, чтобы потѣшить васъ, я намѣренъ воспѣть любовь брата.

²⁾ И даже самая шарманка испустила глубокой вопль.

Шарметы. (Les charmettes).

Ce séjour est celui du bonheur et de l'innocence. Si nous ne les trouvons pas ici, il ne les faut chercher nulle part.

J. J. Rousseau. „Confessions“.

Между посѣтителами эвскихъ бань встрѣтилъ я трехъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ графа Дев..., весьма милого и образованнаго молодого человѣка, но влюбчиваго и метромона, такъ что онъ не успѣвалъ лечиться,—вся дѣятельность его истощалась въ волокитствѣ и въ сочиненіи мадригаловъ. Онъ страстно влюбился въ одну русскую барышню, которая съ матерью должна была вскорѣ ѣхать въ Римъ, и онъ рѣшился ѣхать за ними вслѣдъ и уже готовилъ стансы на отъѣздъ ихъ подъ заглавіемъ „Отлетающему ангелу“. Я помню, что онъ однажды, сидя въ ваннѣ, прискивалъ рѣмому къ желѣзу и, вмѣсто предписаннаго одного часа, просидѣлъ въ ней два часа; вышелъ изъ нея, простудился и не нашелъ рѣемы. Если кто-нибудь будетъ справляться о достоинствахъ эвскихъ минеральныхъ ключей, то не совѣтую спрашивать объ этомъ людей не исключительно занятыхъ пользованіемъ своихъ болѣзней; они навѣрное скажутъ, что воды ни куда не годятся! Стихи графа Дев... отзывались желаніемъ всегда отыскивать трудныя рѣемы. Долго онъ ломалъ себѣ голову, чтобы найти рѣемы къ колесо и память и, наконецъ, рѣшилъ, что этотъ подвигъ невозможенъ.

Въ одно прекрасное утро условились мы съ нимъ съѣздить въ Шарметы. Осмотрѣвъ жилище женевскаго философа, гдѣ онъ велъ цѣломудренную жизнь съ г-жею де-Варенсъ, намъ подали книжку, въ которую путешественники, посѣщающіе это капище, вписываютъ на память имена свои, стихи и всякую дребедень ¹⁾. Я взялъ перо и написалъ слѣдующее четверостишіе:

„Время вертится колесо.
Его нельзя переупрямить:
Погибъ и ты, Жавъ-Жакъ Руссо,
Но о тебѣ не гибнетъ память!“

¹⁾ Тутъ нашелъ я нѣкоторыя русскія замысловатости; выписываю нѣкоторыя, которыя показались мнѣ поострѣе:

Поэтъ мой, прочтя эти стишонки, вздрогнулъ.

„Какъ! воскликнулъ онъ, я вѣкъ свой мучалъ воображеніе, истощалъ силы и не могъ до сихъ поръ найти этихъ двухъ трудныхъ риомъ; а вы, не записной поэтъ, какъ разъ ихъ отыскали!“

Тутъ сталъ онъ просить меня найти риому къ желѣзу. Признаюсь, мнѣ хотѣлось поддержать мнѣніе его о моемъ дарованіи и я сказалъ ему: „въ родительномъ падежѣ сколько угодно“.

„А я искалъ всегда, возразилъ онъ, въ именительномъ!“

Послѣ чего я тотчасъ-же скропалъ стихи; вотъ они:

„Любовь къ красавицѣ твоей
Прочнѣй гранита и желѣза;
Она чужда другихъ страстей;
Къ чему тебѣ богатства Креза?
Ты милымъ ангеломъ любишь,
И самъ ты любишь до зарѣза;
За нею скачешь въ древній Римъ...
Все прочее—мечта и греза,
Все сущій вздоръ, все прахъ и дымъ!“

Графъ Д..... прочелъ эти плохіе стихи съ неизъяснимымъ восхищеніемъ и провозгласилъ меня гениальнымъ стихотворцемъ; въ заключеніе-же съ жаромъ вдохновенія импровизировалъ слѣдующіе два стиха:

„Ваша теза
Стѣбитъ алата, не желѣза!“

Послѣ этого онъ чуть самъ себя не помѣстилъ въ число гениевъ.

Написавъ стихи въ альбомѣ, составленномъ для посѣтителей бывшего жилища Ж.-Ж. Руссо, я отнюдь не полагалъ выхва-

„Ты гениемъ своимъ довольно истинъ завѣсилъ,
Но много также начудесилъ!“

Другіе:

„Скажи, премудрый, мнѣ, Жанъ-Жакъ:
Зачѣмъ ты взялъ жену невѣжду?
Зачѣмъ ты, снявъ французскій фракъ,
Надѣлъ армянскую одежду?“

лять этого премудраго дурака и долженъ сознаться, что я до него не большой охотникъ. Онъ имѣлъ великія дарованія и обладалъ необыкновенными способностями мыслить и писать, но писалъ вредныя и пагубныя книги. Его „Общественный контрактъ“ („*Contrat social*“), его „Эмилій“, о воспитаніи, его „Новая Элоиза“ и самыя его „Исповѣди“ не скрываютъ-ли ядовитыхъ правилъ подъ прелестью очаровательнаго слога и силы выраженій? Онъ употребилъ во зло безцѣнный даръ слова или, лучше сказать, писанія и рѣзкими софизмами вскружилъ многія головы и возмутилъ воображенія, особенно юнаго тогдашняго поколѣнія. Въ „*Discours sur l'inégalité des conditions*“ ¹⁾ онъ заставляетъ ненавидѣть родъ человѣческій, ставя выше его состояніе скотовъ. Въ „*Contrat social*“ онъ изложилъ пагубныя теоріи, которыя впоследствии сдѣлались источникомъ дѣйствій главныхъ основателей царства ужаса (*règne de la terreur*). Въ „Исповѣдахъ“ своихъ, злословя благодѣтелей своихъ, клеветая многихъ и сознаваясь въ порокахъ, слабостяхъ и грязныхъ страстяхъ своихъ, онъ начерталъ пагубныя примѣры, коимъ многіе молодые люди послѣдовали, говоря: „Если Ж.-Ж. Руссо, столь знаменитый философъ, лгалъ, кралъ, обманывалъ, то почему-же и намъ не дѣлать того-же?“

Г-жа де-Варенсъ, которая приняла его въ свой домъ, обходилась съ нимъ какъ съ сыномъ, была оклеветана имъ. Г. де-Северенъ зналъ ее и утвердительно говоритъ, что она была добродѣтельная и цѣломудренная женщина и что въ то время, когда Жанъ-Жакъ познакомился съ нею, ей было 50 лѣтъ. За гостепріимство, оказанное ему, онъ заплатилъ ей самую низкою неблагодарностью: укралъ ея травникъ (*herbier*), деньги и ушелъ и, въ довершенію всего, представилъ ее въ своихъ „Запискахъ“ распутною женщиною и предалъ поруганію потомства.

Служа лакеемъ у графа де-Гувона и у графини де-Верселісъ, онъ былъ выгнанъ изъ дома перваго; въ домѣ-же послѣдней онъ укралъ ленточку и въ покражѣ обвинилъ молодую служанку Маріонъ, которую выгнали изъ дому, какъ воровку, и которая, можетъ быть, отъ этого погибла навсегда. Въ этомъ

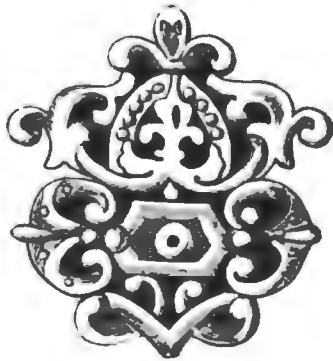
¹⁾ Рѣчь о неравенствѣ состояній.

онъ сознается и раскаивается въ своихъ „Исповѣдяхъ“. Но г. де-Севеленжъ увѣряетъ, что по наведеннымъ справкамъ на мѣстѣ оказалось, что Жанъ-Жакъ укралъ не розовую ленту съ серебряною каймою, а серебряный приборъ. Онъ перемѣнилъ религію и потомъ снова обратился къ прежнему закону. Женился на кухаркѣ Терезѣ Левасёръ, которая была пошлая, безграмотная и не могла никогда выучиться читать и писать. Прежде женитьбы своей, прижилъ съ нею пятерыхъ дѣтей, которыхъ отдалъ въ воспитательный домъ и не хотѣлъ никогда ихъ видѣть, и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Гр. де-Жерарденъ хотѣлъ увѣрить, что это неправда, что онъ умеръ натуральною смертію и по этому случаю напечаталъ письмо. Но г. Мюсе-Пате возразилъ ему и доказалъ неопровержимыми доводами, что онъ дѣйствительно убилъ себя, опираясь въ этомъ случаѣ на мнѣнія доктора Короназа, Лебего де-Прель и другихъ лекарей, которые осматривали его тѣло, а также и на знаменитую г-жу де-Сталь, которая положительно утверждаетъ, что онъ самъ лишилъ себя жизни.

Причиною сего самоубійства были не только мизантропическій характеръ женеваго философа, но и подозрѣніе въ невѣрности безграмотной Терезы, которая влюбилась въ конюха графа Жирардена и, не дождавшись года послѣ смерти знаменитаго мужа своего, вышла за него замужъ, не постыдясь промѣнять прославленное имя на имя Монретона (Николая), пьянаго лакея,—порокъ, въ которому она сама имѣла склонность, придерживаясь крѣпкихъ напитковъ. Впрочемъ, любить было трудно такого чудака, каковъ былъ Ж.-Ж. Руссо, со всѣми его причудами, капризами, недугами, и который, особенно въ послѣдніе годы жизни своей, былъ просто отвратителенъ; отростивъ себѣ бороду, онъ нарядился въ армянскую одежду. Въ Шамбери, гдѣ еще есть старожилы, которые помнятъ его, гдѣ много такихъ людей, конхъ отцовъ и матерей онъ порицаетъ въ своихъ „Исповѣдяхъ“, Жанъ-Жакъ ненавидимъ почти всѣми обывателями этого околodka. Надобно согласиться, что его слишкомъ баловали; за нимъ ухаживали и льстили ему самыя важнѣйшія особы того времени и онъ всѣмъ платилъ неблагодарностью и дерзостями. Если-бы онъ жилъ въ нашъ вѣкъ, когда на дарованія смотрятъ какъ на вещь обыкновенную, то его-бы, конечно,

заперли въ сумасшедшій домъ. Но это-бы его не исправило и не было-бы для него наказаніемъ. Вольтеръ справедливо говорить о немъ въ письмѣ своемъ къ д'Аламберу: „Jean Jacques est un maître fou et aussi fou que vous êtes sage. La lettre de m-r Hume me prouve que les anglais ne sont point de tout hospitaliers, puisqu'ils n'ont pas donné une place dans Bedlam à Jean Jacques. Ce petit bon homme aurait été enchanté d'y être logé, pourvu qu'on eût mis son nom sur la porte et que les gazettes en eussent parlé“¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Жанъ-Жакъ человекъ безумный и столь-же безумный, сколь вы умны. Письмо г. Юма доказываетъ мнѣ, что англичане отнюдь не гостепріимны, такъ какъ они не дали Жанъ-Жаку мѣста въ Бедламѣ. Этотъ человекъ былъ-бы въ восторгѣ тамъ пріютиться, лишь-бы на дверяхъ было написано его имя и газеты-бы объ этомъ говорили.

БЕРНАРДЕНЪ ДЕ-СЕНЪ-ШЬЕРЪ,

род. 1739 г., † 1814 г.,

и его письмо къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Кто читалъ „Поля и Виржини“—преlestную идиллію, которою когда-то увлекалось современное общество, кто восторгался картинами тропической природы, щедро расточавшей цвѣты и благоуханія передъ трогательно наивнымъ чувствомъ дѣтской любви, тому едва-ли придетъ мысль, что авторъ этого произведенія, такъ поэтично изображавшій тихія семейныя радости и счастье въ уединеніи, провелъ свою жизнь, чуть-ли не съ самаго дѣтства, среди неудачъ, суеты, тревогъ и бурь всякаго рода и что только въ глубокой старости ему пришлось осуществить тотъ идеалъ, къ которому онъ не переставалъ стремиться...

Бернарденъ де-Сенъ-Шьеръ родился въ 1739 году, въ Гаврѣ де Грассѣ. Родители его, изъ небогатой буржуазной аристократіи, старались дать ему приличное образованіе; но ученіе пришлось ему не по вкусу, и двѣнадцатилѣтній мальчикъ предпочелъ отправиться со своимъ дядею, капитаномъ коммерческаго судна, на островъ Мартинику. Казалось, роскошная южная природа и новыя условія жизни должны были, по крайней мѣрѣ на время, привязать его къ себѣ. Но, напротивъ, Бернарденю овладѣла безотчетная тоска; къ ней присоединилась размолвка съ своимъ родственникомъ, и онъ возвратился во Францію.

По пріѣздѣ на родину, Бернарденъ де-Сенъ-Шьеръ былъ помѣ-

щенъ въ школу въ Жизорѣ, откуда вскорѣ былъ переведенъ къ о.о. іезуитамъ, въ Руанъ; здѣсь онъ впервые почувствовалъ влеченіе къ литературѣ. Окончилъ онъ свое ученіе въ Канскомъ (Саен) университетѣ. Готовясь вступить въ жизнь, Бернарденъ де-Сень-Пьеръ пришелъ къ сознанию, что полученное имъ образованіе не обезпечиваетъ его будущности, и что только одни техническія познанія могутъ способствовать приобрѣтенію матеріальныхъ средствъ. Съ цѣлію пополнить этотъ пробѣлъ, онъ началъ посѣщать курсы въ школѣ путей сообщенія, а потомъ поступилъ въ институтъ военныхъ инженеровъ. Черезъ годъ Бернарденъ де-Сень-Пьеръ отправился въ Мальту, ожидавшую вторженія турокъ. Съ турками, однако-же, не удалось воевать молодому искателю приключеній: у него вышли серьезныя непріятности съ сослуживцами, съ которыми онъ не хотѣлъ сближаться. Онъ долженъ былъ оставить Мальту.

Бернарденъ де-Сень-Пьеръ отправился въ Голландію, откуда хотѣлъ проѣхать въ Португалію, бывшую въ войнѣ съ Испанією; въ Португаліи онъ намѣревался искать снова счастья на военномъ поприщѣ. Въ это-же время разгоралась война и на сѣверѣ. По повелѣнію императора Петра III, русскія войска готовились занять Голштейнъ. Опасность угрожала и Любеку, гдѣ начальствовалъ французскій генералъ кавалеръ Пассо. Не долго думая, Бернарденъ де-Сень-Пьеръ предложилъ свои услуги соотечественнику и поступилъ въ мѣстныя войска. Въ Любекѣ со дня на день ожидали прибытія русскихъ; но вмѣсто нихъ пришло извѣщеніе о восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II и полученъ приказъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Русская государыня, всегда покровительствовавшая наукамъ и искусствамъ, не замедлила предложить мѣсто директора академіи художествъ Торелли, тестю защитника Любека. Съ нимъ отправился въ Петербургъ Бернарденъ де-Сень-Пьеръ. Въ слѣдующихъ строкахъ онъ описываетъ свое пребываніе въ Россіи.

„Въ концѣ сентября мы уже были въ Кронштадтѣ, откуда немедленно выѣхали въ Петербургъ. Тамъ намъ сообщили, что императрица находится въ Москвѣ. Это обстоятельство было причиною, что я могъ воспользоваться моими рекомендательными письмами только въ январѣ, по пріѣздѣ въ Москву. Я былъ весьма привѣтливо принятъ фельдцейхмейстеромъ (*grandmaître d'artillerie*) ¹⁾ и, благодаря его покровительству, поступилъ въ инженерное вѣдом-

¹⁾ Князь Григорій Орловъ.

ство съ чиномъ поручика. Быть можетъ, я остался-бы въ Россіи навсегда, если-бы мое здоровье могло выносить суровыя зимы этой страны, продолжающіяся почти шесть мѣсяцевъ, и если-бы не грубые нравы жителей“ ¹⁾).

Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ умалчиваетъ о неудачѣ, постигшей его проектъ колоніи на Аральскомъ озерѣ. Подобно другимъ реформаторамъ своего времени, и въ ихъ числѣ Ж. Ж. Руссо, не мирившихся съ окружавшею дѣйствительностію, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ хотѣлъ основать новое общество людей, для счастья которыхъ были необходимы хорошія климатическія условія и республиканское устройство. Избирая для своей колоніи берега Аральскаго озера, онъ рассчитывалъ на покровительство русскаго правительства, которому указывалъ на торговые интересы и на путь въ Индію. Но проекту колоніи не суждено было осуществиться, также точно какъ и другимъ его предположеніямъ относительно защиты Финляндіи. Разочарованный въ своихъ надеждахъ, никогда не подчинившійся охотно военной дисциплинѣ и непостоянный въ своихъ сношеніяхъ съ людьми, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ подалъ въ отставку. Его тревожный характеръ и жажда новизны и приключеній то и дѣло создавали въ его воображеніи другія, болѣе счастливыя, страны и другихъ людей, среди которыхъ могли безпрепятственно осуществиться мечты реформатора. Онъ спѣшилъ оставить Россію, гдѣ находился всего полтора года, намѣреваясь посвятить свою дѣятельность и свои способности родинѣ. Но по пути во Францію Бернарденъ де-Сенъ-Пьеру пришлось проѣзжать черезъ Польшу. Тамъ въ то время боролись различныя политическія партіи. Не теряя времени, онъ вступилъ въ отрядъ Радзивила и въ первой-же стычкѣ съ русскими войсками былъ взятъ въ плѣнъ. Получивъ вскорѣ свободу подъ условіемъ оставленія военной службы, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ отправился въ Варшаву, гдѣ провелъ цѣлый годъ, принимая самое дѣятельное участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, плѣняясь красавицами-аристократками и, въ свою очередь, плѣняя ихъ. Романическое приключеніе съ одною изъ нихъ заставило черезъ-чуръ пылкаго героя разстаться съ веселою столянцею, гдѣ, среди очарованій всякаго рода, легко забывались всѣ проекты, имѣвшіе въ виду счастье человѣчества.

Что-же дѣлать теперь? И куда направить свои благодѣтельные порывы и намѣренія? Бернарденъ уже помышлялъ о Турціи, кото-

¹⁾ Notice de Bernardin de Saint Pierre, écrite par lui-même.

рую почему-то считалъ „прекраснѣйшею страной въ мірѣ“.... Но вдругъ попалъ въ Дрезденъ, городъ веселья и разгула, откуда переѣхалъ въ Берлинъ, по его словамъ, представлявшій одну безконечную казарму. Здѣсь ему предстояла служба въ корпусѣ инженеровъ; но офицерское содержаніе было такъ ничтожно, что имъ не обезпечивались даже самыя необходимыя средства къ жизни, и онъ отказался. Не понравилась Бернардену де-Сень-Пьеру и великолѣпная Вѣна: необычайная гордость и недоступность вѣнской аристократіи, кажется, были особенно чувствительны для его самолюбія. Немедля онъ отправился во Францію. Мысль о колонизаціи, завѣтная мысль, тѣсно связанная съ мечтою о человѣческомъ счастьи, снова овладѣла имъ. И вотъ реформаторъ на пути въ Иль-де-Франсъ (Ile de France), съ цѣлю принять участіе въ устройствѣ на Мадагаскарѣ французской колоніи. Онъ былъ назначенъ въ штатъ инженеровъ крѣпости Дофенъ (Ze Dauphin). Два года провелъ Бернарденъ де-Сень-Пьеръ въ этой должности. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, онъ разошелся и съ властями и съ товарищами по службѣ. Кромѣ того, ограниченность содержанія, выдававшася бумажными знаками, цѣнность которыхъ постоянно падала, не покрывала его расходовъ; а безчеловѣчное обращеніе съ туземцами неграми, противъ чего онъ тщетно возставалъ, породило въ немъ сильное душевное разстройство. Бернарденъ рѣшился оставить островъ.

Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ ни къ чему серьезно не привязывался и нигдѣ не уживался,—ни въ гарнизонной жизни офицеровъ товарищей, ни въ придворныхъ сферахъ Петербурга, ни среди свѣтскихъ развлеченій Варшавы и Дрездена. Вездѣ ему было не по себѣ, и онъ не переставалъ жаловаться то на несправедливость начальства, то на нецрїязнь своихъ сослуживцевъ, то на грубость нравовъ окружавшаго его общества. Эти жалобы дѣйствительно были воплемъ страдающей души. Подобно Ж. Ж. Руссо, онъ не питалъ симпатій къ отдѣльнымъ личностямъ; но будучи по природѣ своей болѣе общительнымъ, чѣмъ женевскій философъ, онъ не скрывался отъ людей, не убѣгалъ отъ нихъ, а напротивъ, живя съ ними, стремился быть имъ полезнымъ. Но не имѣя въ себѣ ни терпимости, ни способности прощать, онъ постоянно возмущался недостатками своей среды и постоянно былъ ею недоволенъ. „Если-бы вы знали въ какой пустотѣ я вращаюсь, писалъ Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ своему другу, если-бы вы знали какъ эти танцы и празднества одуряютъ меня“¹⁾. И посреди шумныхъ свѣтскихъ удовольствій

¹⁾ Correspondance, oeuvres compl.

передъ нимъ постоянно носился его идеаль счастья челоѣчества, манившій въ невѣдомую даль...

Въ 1771 году Бернаденъ де Сень-Пьеръ находится въ Парижѣ. Съ твердымъ намѣреніемъ не обращаться болѣе къ другимъ, онъ рѣшается въ себѣ, самомъ искать опоры и необходимыхъ для существованія средствъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Провидѣніе, управляющее законами вселенной, располагаетъ и судьбою людей, и что оно придетъ и къ нему на помощь.

Занятія литературою составляли давнишнюю мечту Бернаденъ де Сень-Пьера. Первое его произведеніе, написанное послѣ знакомства съ сѣверомъ Европы, имѣло политическій характеръ. Авторъ, изображая современное положеніе Голландіи, Пруссіи, Польши и Россіи, предсказываетъ раздѣлъ Польши между тремя окружающими ее государствами. Вслѣдъ за этимъ появляется описаніе его путешествія на Иль-де-Франсъ (*Voyage à l'île de France, 1773*), въ которомъ, между прочимъ, говорится о существовавшихъ во французской колоніи безпорядкахъ и о заслуживающемъ горячаго сочувствія положеніи негровъ. Этотъ трудъ былъ встрѣченъ въ Версалѣ крайне неблагопріятно: въ немъ увидѣли порицаніе принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. Около этого времени послѣдовало сближеніе Бернаденъ де Сень-Пьера съ Ж. Ж. Руссо, съ которымъ у него было много общаго какъ въ любви къ природѣ, такъ и въ самомъ языкѣ. Спусти нѣсколько лѣтъ, Бернаденъ де Сень-Пьеръ напечаталъ свои знаменитыя Этюды (*Etudes de la Nature, 1784*). Въ нихъ авторъ, также какъ и Ж. Ж. Руссо, вооружается противъ господствующихъ въ обществѣ предрасудковъ и злоупотребленій, и для успѣшной борьбы съ ними указываетъ на необходимость жизни, устроенной согласно съ неизмѣнными законами природы. Между прочимъ, онъ говоритъ о неизбѣжности революціи, на которую смотреть какъ на естественное послѣдствіе истощенія силъ и терпѣнія народа. Къ сожалѣнію, у Бернаденъ де Сень-Пьера не доставало основательнаго образованія и положительныхъ знаній, вслѣдствіе чего онъ нерѣдко выдавалъ мечты своей фантазіи за непреложный законъ вселенной. Тѣмъ не менѣе, „Этюды природы“ имѣли громадный успѣхъ. Искренность и сердечность, съ которыми авторъ высказываетъ свои положенія, горячее участіе къ страданіямъ народа и образцовый языкъ сразу поставили его на ряду съ первоклассными писателями. Это сочиненіе доставило Бернаденъ де Сень-Пьеру пенсію и должность директора *Jardin des Plantes* и музея естественной исторіи. Черезъ три года появился другой его трудъ—знаменитая поэма-идиллія, привлекавшая къ себѣ

вниманіе всей образованной Европы. Въ „Paul et Virginie“ (1787) представлены съ поразительнымъ чувствомъ правды картины тропической растительности, море, ласкающее подножіе прибрежныхъ скалъ, стоящія на нихъ банановыя рощи, съ высоко поднявшимися пальмами; струящійся въ воздухъ аромать цвѣтущихъ лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ, повсемѣстно золотое отраженіе южнаго солнца, повсюду свѣтло и радостно... И среди этого торжества природы... два идеально прекрасныхъ существа, въ душѣ которыхъ распускаются пышные и благоухающіе цвѣты дѣтски наивной первой любви!... Далѣе ихъ разлука, исполненная глубокаго горя... И все это рассказано съ удивительною простотою и спокойствіемъ тона, какъ будто слышится не человѣческая рѣчь, имѣющая свою страстность, но тихое, ничѣмъ не возмущенное бѣненіе сердце младенца... По мнѣнію Бернаденъ де Сенъ-Пьера, природа вызываетъ въ человѣкѣ нравственныя стремленія, и жизнь на лонѣ ея, сообразно съ господствующимъ въ ней закономъ, ведетъ къ добродѣтели (vertu). Эта мысль лежитъ въ основаніи „Paul et Virginie“ Она высказывается авторомъ и въ слѣдующихъ его произведеніяхъ: „L'Arcadie“ (неоконченный романъ), „Voeux d'un solitaire“ (1791) и „Harmonies de la Nature“ (1796).

Казалось, что прежнимъ житейскимъ тревогамъ Бернадена де Сенъ-Пьера настала конецъ и счастье начало окружать его своими дарами. Бернаденъ женился; его двое дѣтей носили поэтическія имена Поля и Виржини. Къ несчастію, сдѣланному имъ предсказанію¹⁾ суждено было осуществиться: вспыхнула революція и въ своемъ бурномъ потокѣ унесла его пенсію, правительственную должность и всѣ трудовыя сбереженія... Осталась только одна жизнь, да и въ ней былъ волею каждый народный трибунъ, прехотливо заботящійся объ общественной безопасности. Сильное раздумье овладѣваетъ Бернаденомъ. Невольно онъ обращается къ своему прошедшему. Онъ сравниваетъ свою жизнь съ продолжительнымъ мореплаваніемъ: его настигаютъ бури; преслѣдуютъ людская несправедливость и всякія неудачи и болѣзни; по временамъ раздаются вокругъ него грома сраженій и стоны умирающихъ; ихъ смѣняютъ клеветы, вражда и процессы; повсюду царитъ полная нравственная несостоятельность. На рукахъ у него жена съ зародышемъ смертельнаго недуга и маленькія дѣти. Ему пошелъ 65-й годъ. Изданія его сочиненій подвергаются безчисленнымъ контрафакціямъ. Всѣ средства жизни приходятъ къ концу... Что дѣлать?

¹⁾ „Etudes de la Nature“.

Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ минутъ Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ вспомнилъ о Россіи, куда въ молодые годы манили его честолюбивыя мечты и благодѣтельныя для счастья человѣчества надежды; тамъ многіе его соотечественники, также какъ и онъ, жертвы общественнаго переворота, нашли радушный пріютъ. Вспомнилъ онъ снова о странѣ шестимѣсячнаго суроваго холода, но тутъ-же воспоминаніе подсказало ему, что и подъ ледянымъ покровомъ были горячія сердца, искреннимъ участіемъ которыхъ онъ когда-то пользовался... До него доходили вѣсти, что на престолѣ могущественной имперіи сіяетъ счастливое сочетаніе просвѣщеннаго ума и великодушнаго, обильнаго любовью сердца. И Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ обратился къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ и откровенно изложилъ передъ нею свое плачевное положеніе въ слѣдующемъ письмѣ.

Парижъ, 24 вандеміера ¹⁾, годъ 12.

„Государыня! Я служилъ въ Россіи въ корпусѣ инженеровъ, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Полагая, что моя дѣятельность на пользу человѣчеству можетъ имѣть болѣе широкое примѣненіе, я возвратился на родину и промѣнялъ оружіе на занятія литературою. Радушный пріемъ, оказанный мнѣ въ моей молодости въ Россіи, заставлялъ меня не разъ думать о ней, въ надеждѣ найти послѣднее убѣжище для моей старости, въ особенности, когда мнѣ стало извѣстно, что всѣ добродѣтели воссѣдаютъ тамъ на тронѣ, въ лицѣ вашего величества и вашего августѣйшаго сына императора Александра.

„Но меня привязываютъ къ моей родинѣ трое малолѣтнихъ дѣтей, которыя тѣмъ болѣе мнѣ дороги, что бури, волновавшія мою жизнь, начинаютъ подниматься и на ихъ горизонтѣ: несостоятельность одного торговаго дома отняла у нихъ всѣ плоды моихъ сбереженій. Желая возвратить имъ хоть часть того, что они потеряли, я предпринялъ послѣднее изданіе „Поля и Виржини“, имя которыхъ носятъ мои старшіе. Вольтеръ убѣдилъ Екатерину Побѣдительницу принять участіе въ подпискѣ на изданіе трагедій Пьера Корнеля, съ цѣлію выдать замужъ внучку великаго поэта, я-же осмѣливаюсь обратиться къ вамъ, государыня, во имя моихъ дѣтей, съ просьбою подписаться на изданіе хотя и обыкновенной идилліи, но имѣющей право на вниманіе, ибо она удостоилась, какъ мнѣ

¹⁾ Vendemiaire, отъ латинскаго vindemiae—сборъ винограда. Этимъ названіемъ обозначался первый мѣсяцъ республиканскаго календаря во Франціи, начинавшійся 22-го сентября и оканчивавшійся 21 октября.

Кн. В. Д.

передавали, вашего одобренія. Если вы соблагovolите оказать ему ваше участіе и если добродѣтельная Марія приметъ подъ свое покровительство колыбель монхъ дѣтей, то я сочту себя болѣе счастливымъ чѣмъ Вольтеръ, и болѣе польщеннымъ, чѣмъ Корнель.

„Пребываю съ почтеніемъ ва шего величества низжайшій и послушнѣйшій слуга Бернардень де Сенъ-Пьеръ“¹⁾.

Ярко взошедшее солнце императора Наполеона окончательно разсѣяло тучи, нависшія надъ знаменитымъ писателемъ. Его пенсія была восстановлена, а литературныя заслуги почтены орденомъ Почетнаго Легіона. Король испанскій, Жозефъ Бонапартъ, назначилъ ему отъ себя пенсію въ 6,000 франковъ. Счастіе снова улыбнулось писателю.

¹⁾ Приводимъ французскій оригиналъ этого письма, находящійся въ архивѣ собственной е. и. в. канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи.

A Paris. Ce 24 vendemiaire, an 12,
17 (5) octobre 1803.

Madame. J'ai servi en Russie dans le corps du génie au commencement du règne de Catherine II; depuis, croyant être plus utile aux hommes, je revins dans ma patrie et je quittai les armes pour les lettres. Le bon accueil que j'avais reçu en Russie dans ma jeunesse, m'a fait songer plus d'une fois à y chercher un dernier asile dans ma vieillesse, surtout lorsque j'ai appris que toutes les vertus étaient sur le trône dans la personne de Votre Majesté et dans celle de votre auguste fils l'empereur Alexandre.

Cependant je tiens à ma patrie par trois enfans en bas âge; ils me sont d'autant plus chers, que les orages, qui ont agité ma vie, s'élèvent déjà sur leur horizon: une banqueroute vient de leur enlever tout le fruit de mes économies. Afin de leur rendre une partie de ce qu'il ont perdu, j'ai entrepris une dernière édition de „Paul et Virginie“ dont les deux aînés portent les noms. Voltaire fit agréer à Catherine Victorieuse des souscriptions des tragedies de Pierre Corneille pour marier la petite nièce de ce grand poète. Je prends la liberté Madame, de vous adresser en faveur de mes enfans, des souscriptions pour une simple pastorale à la vérité, mais qui ne peut être d'un faible intérêt puisqu'elle a, dit-on, déjà obtenu votre suffrage: si vous avez la bonté de vous y intéresser, si la vertueuse Marie prend sous sa protection le berceau de mes enfans, je me trouverai plus heureux, que Voltaire et plus honoré que Corneille.

Je suis avec respect de Votre Majesté le très-humble et très obéissant serviteur Bernardin de St-Pierre.

Примѣчаніе. Въ дѣлѣ, изъ котораго извлечено это письмо, вѣтъ указаній о послѣдствіяхъ ходатайства Бернарденъ де Сенъ-Пьера. Но можно съ увѣренностью предположить, что просьба писателя, пронавѣденія котораго пользовались сочувствіемъ повсюду въ образованномъ обществѣ, получила полное удовлетвореніе.

Кн. В. Д.

Обезпеченный матеріально, любящій отецъ, нашедшій для своихъ дѣтей нѣжную мать въ молодой красавицѣ-женѣ, бодро несшій свои 72 года, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ имѣлъ полное основаніе считать себя счастливымъ. Любимыми его занятіями, попрежнему, были философія и поэзія. Въ своемъ Эрмитажѣ, живописномъ и удобномъ помѣстьѣ на берегу Уазы, въ 7-ми миляхъ отъ Парижа, окруженный семьей, онъ проводилъ дни, мѣсяцы и годы. „Итакъ, говорить Бернарденъ, мой корабль, долго носившійся по бурнымъ волнамъ, подвигается теперь, благодаря попутнымъ вѣтрамъ, къ жизненной пристани. Но прежде чѣмъ бросить мертвый якорь, я стараюсь украшать его свѣжими цвѣтами“.

Но этому уединенію поэта и философа угрожала серьезная опасность. Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ уступилъ убѣжденіямъ друзей и принялъ должность профессора въ Нормальной школѣ. Онъ вступалъ въ знаменитую среду, членами которой были Лагранжъ, Монжъ, Лапласъ, Вольней, Добантонъ... Понятно, что имъ овладѣла боязнь за свою репутацію, за свои болѣе чѣмъ скромныя познанія... Между нимъ, никогда систематически не учившимся, и его сослуживцами, въ полномъ смыслѣ свѣтилами науки, уровень былъ черезъ-чуръ не подходящий... Въ не меньшей мѣрѣ смущала его и мысль, что авторъ „Поля и Виржини“ и „Этюдовъ“ можетъ показаться ниже своихъ произведеній. Какъ-бы то ни было, но шагъ сдѣланъ. Громадный залъ полонъ и массы слушателей нетерпѣливо ожидали творца „Поля и Виржини“. И вотъ онъ, блѣдный, дрожащій, съ рассыпавшимися по плечамъ бѣлоснѣжными кудрями, входитъ на кафедру. При видѣ его водаряется глубокое молчаніе... На мгновеніе Бернарденъ сосредоточивается и тихимъ, разстроганнымъ голосомъ говорить:

„Я отецъ семейства и живу въ деревнѣ—Je suis père de famille et j'habite la campagne“... И едва послышались эти два слова — семейство и деревня, слова, выразившія его идеалъ и смыслъ дѣятельности всей его жизни — слова, всю правду которыхъ инстинктивно сознавали присутствующіе, какъ раздались оглушительные аплодисменты... Бернарденъ, потрясенный до глубины души, заплакалъ. Онъ хотѣлъ продолжать, но новыя выраженія восторга заглушали его голосъ... Такъ закончилась его первая и послѣдняя лекція. Но благодаря ей, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ приобрѣлъ не только славу великаго оратора, но и выказалъ себя очень умнымъ человѣкомъ.

Многіе обвиняли Бернардена де Сенъ-Пьера за его холодность и эгоизмъ, упрекали его въ желаніи рисоваться. Говорили, что онъ

принадлежить къ числу людей, которые любятъ однихъ себя и, подобно Гёте, милостиво допускаютъ любовь другихъ... Въ послѣднемъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго, тѣмъ болѣе, что и Бернадень, какъ и гениальный германскій поэтъ, внушалъ юнымъ сердцамаъ серьезныя привязанности, несмотря даже на восьмой десятокъ своихъ годовъ. Но независимо отъ его человѣческихъ слабостей, Бернадень де-Сень-Пьеръ обладалъ великими достоинствами какъ писатель, поэтъ и моралистъ. Онъ способствовалъ пробужденію въ обществѣ любви къ природѣ, энергически вооружался противъ господствовавшихъ въ его время искусственности и ходульности, вмѣсто которыхъ требовалъ отъ людей правды въ жизни и простоты. Онъ училъ понимать природу и находить въ ней истину и красоту, отъ которыхъ такъ далеко стоятъ наши измѣнчивые вкусы и условные обычаи. Не даромъ онъ сказалъ, что „на нашихъ лугахъ растутъ исполненные чудной прелести и чарующаго благоуханія цвѣты, мимо которыхъ, къ сожалѣнію, многіе проходятъ равнодушно и не замѣчая ихъ“¹⁾. Въ этомъ заключается неоспоримая заслуга Бернадень де Сень-Шьера, и эта заслуга даетъ ему право на признательность потомства.

Бернадень де Сень-Шьеръ умеръ 21-го января 1814 года.

Сообщ. кн. В. Дабизжа.

¹⁾ „Paul et Virginie“, lettre de Virginie.

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова

1799—1830.

III ¹⁾.

Появленіе кометы.—Назначеніе въ Москву главнокомандующимъ гр. Ф. В. Растопчина.—Высочайшій рескриптъ.—Рѣчь Наполеона, распространенная въ Москвѣ.—Какимъ образомъ понятился за нее В. Верещагинъ.—Пріѣздъ въ Москву императора, пожертвованія дворянства и купечества.—Роль Москвы въ войну 1812 г.—Отъѣздъ изъ Москвы ея жителей.—Мѣры предосторожности, принятія гр. Растопчинимъ.—Извѣстіе Москвы о Бородинскомъ сраженіи.—Отправка университетскаго имущества въ Новгородъ.—Отъѣздъ попечителя.—Дѣла университетской типографіи.—Созывъ народа на три горы.—Афиша гр. Растопчина.—Отъѣздъ ректора.—Студентъ Лидинъ.—Мы уѣзжаемъ въ Коломну.—Вѣсть о взятіи Москвы.—Мы укрываемся въ Радонцкій монастырь.—Возвращеніе въ Москву.—Печальный конецъ Верещагина.—Отъѣздъ изъ Москвы главнокомандующаго.

1812 г.

Въ сентябрь 1811 г. появилась на московскомъ горизонтѣ великолѣпная комета краснаго цвѣта съ длиннымъ хвостомъ. Смотря на это рѣдкое явленіе природы, многіе изъ жителей Москвы предавались тревожнымъ опасеніямъ и ожидали для себя какихъ то неминуемыхъ бѣдствій. Хотя мы знали по слухамъ, что между Россією и Францією возникли тогда важныя несогласія, и что обѣ державы вооружаются и увеличиваютъ ратныя силы свои, однакоже,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., томъ LXXV, іюль, стр. 105.

надѣялись, что властелинъ Франціи Наполеонъ не осмѣлится напасть на Россію въ собственныхъ ея предѣлахъ.

Весною достопамятнаго 1812 года выступила изъ Москвы съ поспѣшностію къ городу Смоленску вновь сформированная пѣхотная дивизія генерала Невѣровскаго. 14-го мая главнокомандовавшій въ Москвѣ, престарѣлый генералъ-фельдмаршалъ гр. Н. В. Гудовичъ, по прошенію, былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности. 29 того-же мая опредѣленъ на мѣсто Гудовича оберъ-камергеръ гр. Ф. В. Раstopчинъ, съ переименованіемъ его въ генералы-отъ-инфантеріи. Гр. Раstopчинъ былъ нѣкогда въ числѣ любимцевъ императора Павла I, отличался умомъ, краснорѣчіемъ, твердостью характера и пламенною любовью къ отечеству. Такая переимѣна въ управленіи Москвою была тогда какъ-бы сигналомъ въ предстоящей жестокой войнѣ съ властолюбивымъ императоромъ французомъ Наполеономъ I, ибо едва графъ Раstopчинъ вступилъ въ исправленіе назначенной ему должности, особенно важной по тогдашнимъ обстоятельствамъ, какъ получено было извѣстіе, что Наполеонъ, 12 іюня, съ многочисленною арміею, собранною съ двадцати покорныхъ ему народовъ, перешелъ черезъ границы имперіи нашей и быстро началъ непріятельскія дѣйствія. Императоръ Александръ I, присутствуя лично въ главной квартирѣ первой арміи въ Вильнѣ, высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 13-го іюня на имя предсѣдателя государственнаго совѣта гр. Салтыкова, извѣстилъ Россію о начавшейся войнѣ съ французами и заключилъ тотъ рескриптъ слѣдующими достопамятными словами: „я не положу оружія доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ!“

Жители Москвы внимали съ восторгомъ словамъ возлюбленнаго монарха и ожидали отъ твердости души его счастливыхъ для Россіи событий... Войска наши, несравненно малочисленнѣйшія противъ непріятельскихъ, расположенныя вдоль западной границы, раздѣленныя на двѣ арміи, должны были отступать для соединенія одной арміи съ другою, и на каждомъ шагѣ отражать нападенія отважнаго непріятели. Въ это смутное время появилась въ Москвѣ на русскомъ языкѣ рѣчь Наполеона, говоренная имъ въ Дрезденѣ владѣтельнымъ княземъ рейнскаго союза не задолго до вторженія его въ Россію и заключающая

въ себѣ предсказаніе, что, прежде шести мѣсяцевъ, двѣ сѣверныя столицы, Москва и Петербургъ, увидятъ въ стѣнахъ своихъ цѣлителей свѣта. Я имѣлъ у себя эту рѣчь, и откровенно скажу, что большая часть жителей Москвы шутили надъ нею и отпускали насчетъ Наполеона разныя остроты. Если-бы и градоначальникъ Москвы гр. Растопчинъ потрудился въ то время публично осмѣять Наполеоново хвастовство, то, конечно, поселилъ-бы въ жителяхъ новую ненависть къ человѣку, возмечтавшему покорить подъ свое владычество всю Россію. Но гр. Растопчинъ смотрѣлъ на это происшествіе съ другой точки зрѣнія. Онъ, 3-го іюля, издалъ слѣдующее объявленіе: „Графъ Растопчинъ симъ извѣщаетъ, что въ Москвѣ показалась дерзкая бумага, гдѣ, между прочимъ вздоромъ, сказано, что французскій императоръ Наполеонъ обѣщается чрезъ 6 мѣсяцевъ быть въ обѣихъ россійскихъ столицахъ. Въ 14 часовъ полиція отыскала и сочинителя и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ московскаго 2-ой гильдіи купца Верещагина, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою. Гр. Растопчинъ признаетъ нужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія и легковѣрныхъ и наклонныхъ вѣрить невозможному. Верещагинъ-же, сочинитель, и губернской секретарь Мѣшковъ, переписчикъ, преданы суду и получаютъ должное наказаніе за ихъ преступленіе!“

По прочтеніи этого объявленія, тѣ изъ жителей Москвы, которые по легкомыслію своему и невѣжеству всегда готовы вѣрить всякому печатному вздору, проклинали Верещагина какъ измѣнника государю и отечеству; а другіе, поумнѣе и разсудительнѣе, никакъ не соглашались, чтобы молодой купеческій сынъ могъ сочинить нагубную для него рѣчь, что вскорѣ и объяснилось тѣмъ, что Верещагинъ, получивъ по дружбѣ отъ одного изъ чиновниковъ московскаго почтамта для прочтенія тотъ номеръ запрещенныхъ иностранныхъ газетъ, въ которыхъ напечатана была хвастливая рѣчь Наполеона, перевелъ ее на русскій языкъ, подѣлился ею съ своими друзьями, и она быстро распространилась по всей Москвѣ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и московскій почтъ-директоръ Федоръ Петровичъ Ключаревъ, по приказанію гр. Растопчина, былъ арестованъ и подъ стражею увезенъ въ Воронежъ. Все это доказываетъ, что гр. Растопчинъ

въ 1812 году имѣлъ неограниченную власть дѣлать все, что онъ заблагоразсуждалъ!...

Императоръ Александръ, оставивъ воинскій станъ первой арміи при Полоцкѣ, изволилъ прибыть въ Москву ночью на 12-е іюля и остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ. Жители первопрестольнаго града привѣтствовали возлюбленнаго государя своего съ чувствами безпредѣльной къ нему любви и преданности. 15-го іюля собрано было въ Слободскомъ дворцѣ дворянство и купечество, гдѣ, по прочтеніи воззванія къ Москвѣ, даннаго государемъ императоромъ 6-го іюля въ лагерѣ близъ Полоцка о составленіи по всей Россіи ополченія, для защиты отечества отъ нашествія иноплеменниковъ, дворянство опредѣлило вооружить отъ 9-ти десятаго человѣка, съ провіантомъ на три мѣсяца. Купцы и другіе граждане спѣшили другъ передъ другомъ жертвовать имуществомъ своимъ на военныя потребности. 18-го іюля, передъ отъѣздомъ государя императора въ С.-Петербургъ, обнародованы были правила о составленіи московскаго ополченія. Съ того времени Москва представляла величественную картину народной любви къ отечеству, и превратилась, можно сказать, въ шумный воинскій станъ: въ ней формировалось московское ополченіе; въ ней вербовались молодые люди свободныхъ состояній въ конные полки графовъ Мамонова и Салтыкова; чрезъ нее проходили разные отряды войскъ въ дѣйствовавшую противъ непріятеля армію, и, наконецъ, изъ Москвы распространилась по всѣмъ предѣламъ отечества нашего та пламенная любовь къ родинѣ, тотъ воинскій жаръ и мщеніе противъ враговъ, дерзнувшихъ нарушить наше спокойствіе!

Хотя въ московскомъ университетѣ и не было въ описываемое мною время ученія, и многіе изъ питомцевъ его разѣхались по разнымъ мѣстамъ, однако-же, тѣ, которые оставались въ университетѣ, охотно жертвовали собою для спасенія отечества въ минуту величайшей для него опасности. Такъ, кандидаты: Кон. Калайдовичъ, Шелеховъ, чиновникъ университетскаго правленія Глушицкій, студенты: Кувичинскій, Шубинъ, Азбукинъ, Ефановъ, Маслениковъ, Соболевъ стали въ ряды храбраго русскаго воинства; а обучавшіеся медицинѣ и получившіе званіе лекаря: Рыбчиковъ, Грѣшинцевъ, Добровъ, Пантѣевъ, а равно знаменитый профессоръ анатоміи

Грузиновъ посвятили себя военно-медицинской службѣ. Я самъ порывался вступить въ московское ополченіе, но горькія слезы бывшей на моемъ попеченіи матери и слова ея: „на кого-же ты меня, несчастную, оставишь“, положили предѣлъ моей храбрости.

Между тѣмъ, пламя гибельной войны все ближе и ближе приближалось въ Москвѣ; палъ, наконецъ, и Смоленскъ, древняя, крѣпкая защита Россіи съ западной стороны. Вотъ съ этого-то времени нѣкоторые изъ жителей Москвы, не обязанные никакою должностію, начали выѣзжать въ разныя стороны налегкѣ, съ одними только необходимо нужными вещами, а остальное имущество запирали въ кладовыя и подвалы, изъ числа которыхъ рѣдкіе остались цѣлы отъ хищныхъ рукъ непріятелей. Грустно было смотрѣть, какъ народъ нашъ, встрѣчая на улицахъ отъѣзжавшихъ, указывалъ на нихъ пальцами и называлъ трусами и измѣнниками. Да и въ самомъ дѣлѣ: бѣлая часть жителей Москвы не думала еще и не воображала, чтобы непріятель могъ когда-либо овладѣть нашею первопрестольною столицею, что подтвердилъ и графъ Раstopчинъ въ выданномъ имъ 18-го августа печатномъ объявленіи, въ которомъ помѣстилъ слѣдующія достопамятныя слова: „я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москву не будетъ!“

Вспомнимъ, что эти слова произнесены были доблестнымъ графомъ тогда, когда еще не было между нашею арміею и непріятельскою генеральнаго сраженія, отъ котораго зависѣла и участь Москвы. Съ какимъ-же намѣреніемъ графъ Раstopчинъ отвѣчалъ жизнью своею, что злодѣй въ Москву не будетъ? Если съ тѣмъ, чтобы укрѣпить сердца малодушныхъ, колебавшихся между страхомъ и надеждою, то цѣль графа была достигнута, ибо, дѣйствительно, многіе изъ достаточныхъ жителей Москвы, какъ будто очарованные словами графа, не брали уже для спасенія своего никакихъ мѣръ предосторожности—и дорого заплатили за свое легковѣріе. Напротивъ того, другіе, несмотря на краснобайство гр. Раstopчина, спѣшили искать себѣ убѣжища въ мѣстахъ менѣе опасныхъ отъ пашествія непріятелей, что, по тогдашней чрезвычайной дороговизнѣ найма лошадей, было очень трудно, а для многихъ и невозможно.

Хотя гр. Раstopчинъ и отвѣчалъ жизнью своею, что злодѣй въ Москву не будетъ, однако-же, самъ графъ принималъ въ то-же

время и мѣры осторожности. Съ этою цѣлью онъ, 18-го августа, отнесся ко всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ, чтобы они, въ случаѣ нужды, изготовили къ вывозу, куда назначено будетъ, находящіяся въ вѣдѣніи ихъ драгоценности и важныя бумаги, обѣщая съ своей стороны доставить въ свое время необходимое для каждаго мѣста число лошадей съ подводами. Такое отношеніе было прислано и къ нашему попечителю, а отъ него передано въ совѣтъ университета для исполненія.

Пользуясь свободнымъ отъ должности временемъ, я бродилъ ежедневно по улицамъ и площадямъ московскимъ, прислушивался къ говору разнаго званія людей, просиживалъ вечера за бутылкою пива въ публичныхъ мѣстахъ и все болѣе и болѣе увѣрялся, что такъ названныя афиши гр. Растопчина произвели въ народѣ необыкновенный восторгъ и самонадѣянность, готовые на всякое пожертвованіе. Не разъ мнѣ случалось видѣть, какъ эти патріоты дѣлали разныя глупыя придирки къ проживавшимъ въ Москвѣ иностранцамъ, говорившимъ плохо по-русски, придирки, которыя, кромѣ нѣкоторыхъ, не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій, ибо полиція тотчасъ мирила ссорившихся и, вообще, бдительно наблюдала за всѣмъ происходившимъ въ городѣ. Кромѣ того, по приказанію гр. Растопчина, отослано было въ Нижній-Новгородъ, подъ надзоромъ квартальнаго надзирателя Тверской части, болѣе ста человекъ иностранцевъ, вѣроятно, сомнительнаго поведенія.

27-го августа гр. Растопчинъ извѣстилъ жителей о сраженіи съ французами при селѣ Бородинѣ слѣдующимъ объявленіемъ:

„Вчерашній день, 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе; съ помощью Божіею русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я (кн. Кутузовъ), возлагая мое упованіе на Бога и на московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться. Потеря непріятели неисчетная; онъ далъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать (да и брать некого) и что французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня, съ помощью Божіею, онъ отраженъ еще разъ будетъ, то и злодѣи и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча. Я посылаю въ армію 4,000 человекъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на

250 пушекъ снаряды и провіанта. Православные, будьте спокойны, кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества; наша готова, и если придетъ время, то мы подерѣдимъ войска; Богъ уврѣпитъ силы наши, и злодѣй положить кости свои въ землѣ русской!“

Не смѣя дѣлать никакого замѣчанія на такое объявленіе гр. Раstopчина, я только спрошу: „можно-ли было намъ, жителямъ Москвы, быть спокойными тогда, когда армія наша, послѣ ужаснаго Бородинскаго сраженія, отступала къ Москвѣ, а вслѣдъ за нею стремился и многочисленный непріятель, о чемъ мы знали очень вѣрно отъ лицъ, нарочно посланныхъ въ армію отъ московскаго купечества по нѣскольку разъ ежедневно, а равно и отъ раненыхъ, привозимыхъ въ Москву тысячами въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Да, мы очень беспокоились насчетъ судьбы первопрестольнаго града и насъ самихъ, томимыхъ неизвѣстностію, тѣмъ болѣе мучительною, что и самъ гр. Раstopчинъ уже рѣшительно распоряжался о вывозѣ изъ Москвы казеннаго имущества.

Выше сего я объяснялъ, что попечитель нашъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, исполняя отношеніе къ нему гр. Раstopчина, предлагалъ совѣту московскаго университета отобрать и изготовить къ вывозу изъ Москвы принадлежавшія ему драгоценныя вещи и бумаги. Трудно было профессорамъ рѣшить—какія-же вещи спасать отъ непріятели, ибо университетъ имѣлъ тогда въ распоряженіи своемъ множество разныхъ учебныхъ пособій? Наконецъ, университетъ, послѣ бородинской битвы, испросивъ отъ мѣстнаго начальства лошадей съ подводами, отправилъ на нихъ избранныя вещи въ самомъ ограниченномъ числѣ въ Нижній-Новгородъ, подъ надзоромъ одного изъ профессоровъ. Приводя въ исполненіе эту важную, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, мѣру, начальство университета оплошало тѣмъ, что изъ числа присланныхъ въ его распоряженіе лошадей съ подводами отослало обратно до 30-ти, какъ будто-бы ненужныхъ. Вообще должно сказать, что попечитель нашъ дѣйствовалъ въ то время довольно странно и, какъ-бы не довѣряя гр. Раstopчину, испрашивалъ во всѣхъ случаяхъ разрѣшенія отъ министра народнаго просвѣщенія гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, такъ что графъ былъ принужденъ пред-

писать Кутузову исполнять немедленно всѣ распоряженія градоначальника Москвы, ибо онъ гораздо скорѣе получаетъ извѣстія о тогдашнемъ положеніи военныхъ дѣлъ. Наконецъ, Кутузовъ, заботясь единственно о своей безопасности, вытребовалъ изъ принадлежавшей университету денежной казны 2,000 руб., а 30-го августа, поздно вечеромъ, выѣхалъ съ семействомъ своимъ въ городъ Кострому, оставивъ на произволъ случая ректора Гейма, нѣсколькихъ профессоровъ, чиновниковъ и учениковъ академической при университетѣ гимназіи. 30-го и 31-го августа правленіе университета имѣло два послѣднихъ засѣданія: въ первомъ оно выдало всѣмъ находившимся налицо чиновникамъ жалованье за два мѣсяца впередъ, и то на половину мѣдною монетою, полученною правленіемъ не задолго передъ тѣмъ изъ московской казенной палаты на содержаніе университета на сентябрьскую 1812 года треть, въ числѣ 20,000 руб. Во второмъ засѣданіи правленіе, соболѣзнуя объ участи типографскихъ чиновниковъ и рабочихъ людей, отпустило подѣ росписку начальника типографіи Невзорова, для раздачи тѣмъ чиновникамъ жалованья за августъ и сентябрь, а рабочимъ сверхъ жалованья и задѣльныхъ за августъ всего 6,000 руб., по недостатку въ то время типографскихъ доходовъ, изъ суммы, назначенной въ уплату купцу Колокольникову за поставленную имъ для типографіи бумагу, и за неявку его къ полученію хранящейся на лицо въ правленіи ¹⁾).

Недостатокъ въ типографскихъ доходахъ въ августѣ мѣсяцѣ

¹⁾ Деньги сіи 6,000 руб. возвращены были 25-го іюля 1813 г. въ суму Колокольникова изъ типографскихъ доходовъ; напротивъ того, начальникъ типографіи отъ 19-го мая 1814 года увѣрялъ г. попечителя, что будто-бы, по жестокости и невниманію членовъ правленія къ бѣдности чиновниковъ и рабочихъ людей типографіи, онъ долженъ былъ на выдачу имъ жалованья и заработныхъ денегъ за августъ и сентябрь мѣсяцы 1812 года пожертвовать собственныхъ процентныхъ денегъ 6,000 руб. Этотъ замѣчательный случай правленіе объяснило г. попечителю слѣдующимъ образомъ, что жертвовалъ-ли Невзоровъ типографскимъ чинамъ и рабочимъ своими 6,000 руб., и единственно яко-бы потому, что люди сіи не могли получить отъ правленія по заслугѣ принадлежащихъ денегъ, о томъ ни временной комиссіи, бывшей при университетѣ, ни правленію извѣстно не было. Такое тщеславіе Невзорова опровергается тѣмъ, что типографскіе чины и рабочіе если-бы получили отъ него такое пожертвованіе въ видѣ подаянія, конечно, не оставили-бы просить заслуженнаго отъ мѣстнаго начальства, но сего ими не сдѣлаво. Къ этому объясненію было-бы инаишне присоединять что-либо другое.

М. Т.

1812 г. произошелъ отъ того, что типографія, помѣщавшаяся до 1811 г. въ одномъ зданіи съ университетскимъ благороднымъ пансіономъ на Тверской улицѣ весьма тѣсно и неудобно, купила въ этомъ году, по дозволенію бачальства, особый домъ для распространенія типографскихъ работъ за сорокъ тысячъ рублей. Половина этой суммы заплачена была продавцу г. Власову при совершеніи купчей изъ доходовъ университетскаго благороднаго пансіона, а другую половину, двадцать тысячъ рублей, типографія въ началѣ 1812 года уплатила изъ своихъ доходовъ; да на передѣлку дома издержала около десяти тысячъ рублей. Въ этомъ-же 1812 г. правленіе университета, по предварительномъ обревизованіи прихода-расходныхъ книгъ типографіи за 1806, 1807, 1808 и 1809 годы, выдало чиновникамъ процентныя деньги съ чистаго дохода, принесеннаго въ тѣхъ годахъ типографіею, 3,212 руб., и назначило въ выдачу начальнику типографіи Невзорову 4,316 руб., но г. Невзоровъ пожертвовалъ ихъ въ пользу университета, за что всемилостивѣйше пожалованъ, въ томъ-же 1812 г., драгоценнымъ перстнемъ.

А какъ въ вывозу изъ Москвы громоздкихъ и тяжелыхъ типографскихъ принадлежностей никакихъ распоряженій сдѣлать было невозможно, да онѣ и не заключали въ себѣ тѣхъ драгоценностей, которыя предполагалось тогда спасти отъ непріятеля; притомъ участь Москвы никому еще не была извѣстна и университетъ не имѣлъ права прекратить печатанія „Московскихъ Вѣдомостей“, читаемыхъ во всѣхъ концахъ обширной Россійской имперіи, то по этимъ обстоятельствамъ ректоръ Геймъ предписалъ начальнику типографіи Невзорову не отлучаться отъ должности впредь до приказанія. Что-же касается до выѣзда изъ Москвы какъ самого ректора Гейма, такъ и другихъ, то мы не имѣли о томъ никакого свѣдѣнія.

Желая спасти мать свою и тетку отъ угрожавшей имъ опасности, я прежде этого времени, и именно 28-го августа, отыскалъ на Яблочной площади малоюрославскаго крестьянина, изъявившаго желаніе отвезти меня въ Коломну на двухъ небольшихъ подводкахъ за 38 руб. съ тѣмъ, однако-же, что онъ отправится со мною въ путь не прежде какъ въ субботу 31-го августа, ибо онъ долженъ былъ отвезти въ подмосковную деревню кого-то изъ своихъ родныхъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Я при-

вель крестьянина въ университетъ на свою квартиру, угостилъ водкою и далъ ему въ задатокъ 5 руб. Паспорта у него не было, я повѣрилъ его совѣсти и только записалъ гдѣ отыскать его въ случаѣ, если онъ не пріѣдетъ ко мнѣ въ назначенное время, 31-го августа.

Гр. Растопчинъ, все еще не объявляя жителямъ Москвы объ угрожающей имъ опасности, вздумалъ сзывать народъ съ оружіемъ въ рукахъ, какимъ-бы то ни было, на Три горы, для подрѣпленія арміи нашей въ рѣшительной битвѣ съ непріятелемъ, куда и самъ обѣщалъ явиться предводительствовать народомъ. 31-го августа вооруженныя толпы народа спѣшили за Прѣсенскую заставу на Три горы и Москва представляла уже картину всеобщаго смятенія, своеволія, пьянства и дракъ. Я боялся не за себя, а за мать свою: мысль, что она подвергается явной опасности, приводила меня въ совершенное уныніе и разстройство. Я даже полагалъ, что гр. Растопчинъ, предъ сраженіемъ съ французами подъ Москвою, вышлетъ изъ нея всѣхъ женщинъ и дѣтей, ибо и въ этотъ день, т. е. 31-го августа, графъ увѣренъ былъ, что непріатели погибнутъ въ сраженіи съ русскою арміею, подрѣпленною народомъ, что видю изъ слѣдующаго, уже послѣдняго, объявленія его жителямъ Москвы:

„Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ; станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять; я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, обдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ!“

Ѣздили-ли гр. Растопчинъ къ свѣтлѣйшему князю и какое сдѣлали они рѣшеніе насчетъ Москвы, намъ уже не было объявлено.

Въ такомъ затруднительномъ для меня положеніи я рѣшился на отчаянное средство выйти изъ Москвы съ матерью и теткою куда глаза глядятъ; но и для этого путешествія мнѣ нужно было имѣть какой-либо письменный видъ отъ своего начальства. Съ этою цѣлью я въ тотъ-же день, т. е. 31-го августа вечеромъ, пришелъ къ ректору Гейму и засталъ его за разборкою бумагъ, книгъ и проч. Объяснивъ ему всѣ обстоятельства, до себя и матери моей касающіяся, я просилъ его сказать мнѣ откровенно: „можно-ли мнѣ надѣяться, что онъ возьметъ меня съ собою при

выѣздѣ его изъ Москвы?“ На этотъ вопросъ ректоръ Геймъ изъяснилъ мнѣ, что онъ и самъ не имѣетъ еще никакого свѣдѣнія насчетъ выѣзда своего изъ Москвы, потому что мѣстное начальство не выслало ему въ то время ни одной подводы. Не надѣясь уже болѣе ни въ чемъ на ректора Гейма, я просилъ его подписать мнѣ билетъ на всѣ четыре стороны, что онъ и исполнилъ, простился со мною и пожелалъ мнѣ счастливаго пути.

1-го сентября поутру, я, въ удивленію моему, узналъ, что ректора Гейма нѣтъ уже въ Москвѣ. Какъ-же это случилось? Очень просто. Московскій гражданскій губернаторъ, по личному уваженію къ Гейму (такъ объяснилъ мнѣ эзекуторскій помощникъ Янковскій, провожавшій Гейма съ университетскаго двора) прислалъ въ университетъ, уже ночью, 22 подводы съ лошадьми, на которыхъ 1-го сентября передъ разсвѣтомъ ректоръ Геймъ съ профессорами Страховымъ и Брянцевымъ, докторомъ Ромодановскимъ, кандидатомъ Каменецкимъ (любимцемъ Гейма), секретаремъ правленія Тимоновымъ, казначеемъ Лазаревымъ и немногими студентами и гимназистами отправились въ Нижній-Новгородъ. Для охраненія-же зданій университета съ невывезенными вещами и мѣдною монетою до 5,000 рублей оставлены: эзекуторъ Артемьевъ, помощникъ его Янковскій и смотритель музея Ришардъ. Я не могу винить ректора Гейма въ томъ, что онъ не взялъ меня съ собою, потому что въ то время находились при мнѣ двѣ женщины; но нельзя похвалить его за то, что онъ оставилъ въ Москвѣ на произволь случая нѣсколькихъ чиновниковъ безсемейныхъ, а именно: архиваріуса правленія Карнопелева, который и погибъ во время пребыванія въ Москвѣ французовъ; писмоводителей: Подхватова, Карасева и Персона. Первый изъ нихъ много пострадалъ отъ непріятелей, а послѣдніе, вмѣстѣ съ корректорами университетской типографіи Войновымъ и Правиковымъ, добрались пѣшкомъ до Нижняго-Новгорода и вступили въ тамошнее ополченіе. Въ то-же ополченіе вступили студенты Петровъ, Тито, Серафимовъ, Завойчинскій, Фоглеръ и другіе.

Имѣя въ рукахъ своихъ билетъ на всѣ четыре стороны, я, прежде всего, побѣжалъ въ малоярославскому крестьянину, взявшемуся отвезти меня въ Коломну, и засталъ его за уборкою

лошадей. Увидѣвъ меня, онъ сказалъ, что до Коломны давали ему за пару лошадей 100 руб., но онъ не захотѣлъ обмануть меня. Поблагодаривъ крестьянина за его честность, мы въ скоромъ времени пріѣхали въ университетъ. Дорогою, нѣкоторые изъ жителей упрасивали крестьянина продать имъ хотя одну лошадь, а другіе, какъ будто въ отчаяніи, грозили отнять насильно и обвѣхъ лошадей; но я счастливо отдѣлался отъ тѣхъ и другихъ и обрадовалъ мать мою извѣстіемъ, что мы скоро удалимся изъ Москвы, въ которой не было уже никакого благоустройства. Уложивъ въ тележки самонужнѣйшія вещи и помолившись со слезами Господу Богу, я съ матерью и теткою готовы были отправиться въ подлежащій путь. Въ это самое время вошелъ къ намъ въ комнату студентъ Лидинъ. Онъ жилъ у меня на хлѣбахъ и на лѣтнее, свободное отъ ученія, время ѣздилъ въ Коломну къ дядѣ своему, архимандриту тамошняго монастыря Іоанникію. Поздоровавшись съ Лидинымъ, я спросилъ его, зачѣмъ онъ воротился въ Москву? „Учиться“, отвѣчалъ мнѣ Лидинъ. Я объяснилъ ему весь ходъ тогдашнихъ событій и намѣреніе мое искать въ Коломнѣ временнаго пристанища.

„Такъ отправимся туда всѣ вмѣстѣ“, отвѣчалъ мнѣ Лидинъ.

Мы очень обрадовались столь благопріятному для насъ случаю, тѣмъ болѣе, что Лидинъ обѣщалъ помѣстити меня съ матерью и теткою въ монастырскомъ зданіи. Въ два часа пополудни мы выѣхали изъ квартиры моей въ университетъ и остановились на короткое время у дѣда моего Булатова, жившаго у Яузскаго моста. Тяжело было почтенному старцу прощаться со мною и съ двумя дочерьми своими, но дѣлать было нечего; „поѣзжайте съ Богомъ, сказалъ намъ Булатовъ, а я остаюсь въ Москвѣ,—не имѣю средствъ выбраться изъ нея; я старъ, слѣпъ и бѣденъ; не думаю, чтобы французы обидѣли меня“.

Увы, онъ не предвидѣлъ тогда какая плачевная участь ожидала его впереди.

Простившись съ дѣдомъ, мы съ большою остановкою и опасностью перебрались черезъ Яузскій мостъ, загроможденный въ то время военными обозами, артиллеріею и подводами съ вещами того знаменитаго шара, которымъ гр. Раstopчинъ надѣялся истребить французскую армію, стремившуюся къ заставѣ съ величайшею поспѣшностью. Не теряя времени, мы надѣялись тотчасъ

выѣхать на большую рязанскую дорогу, но у Покровской заставы насъ остановили и велѣли представить караульному офицеру увольнительные наши билеты для записки ихъ въ книгу по заведенной формѣ, что исполнить тогда было уже довольно трудно, ибо у заставы собралось множество разнаго рода экипажей. Преодолевъ и это, можно сказать, стѣснительное распоряженіе графа Растопчина, мы, наконецъ, оставили Москву въ самомъ грустномъ расположеніи духа. Предавъ себя во власть Божію и отѣхавъ отъ заставы четыре версты, мы остановились для корма лошадей въ деревнѣ Хохловкѣ. Видя жителей этой деревни укладывавшими на телѣги пожитки свои и готовившимися къ чему-то чрезвычайному, я спросилъ у хозяина дома, въ которомъ мы остановились, куда они собираются?

На этотъ вопросъ крестьянинъ отвѣчалъ мнѣ, что казаки выгоняютъ ихъ изъ деревни и готовятся зажечь ее.

Расплатившись съ хозяиномъ дома за постой и кормъ лошадамъ, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Впереди ѣхалъ студентъ Лидинъ въ вибиткѣ на парѣ видныхъ монастырскихъ лошадей; съ нимъ помѣстилась мать моя; за кибиткою слѣдовалъ нанятый мною малоярославскій крестьянинъ съ теткою моею; а на послѣдней подводѣ расположился я самъ. Надобно знать, что мнѣ никогда не случалось править лошадьми, а потому положеніе мое въ то время было очень трудное, а подчасъ и смѣшное. Какъ-бы то ни было, однако-же, мы доѣхали до Бронницъ 2-го сентября, довольно рано, благополучно; но по выѣздѣ изъ этого города, мы нѣсколько разъ подвергались грубымъ уворизнамъ и даже остановкамъ отъ разнаго рода войскъ, спѣшившихъ къ Москвѣ по Рязанской дорогѣ. Прибывъ въ Коломну ночью на 3-е сентября, студентъ Лидинъ тотчасъ увѣдомилъ дядю своего, престарѣлаго архимандрита, какъ о самомъ себѣ, такъ и о насъ, бѣдныхъ странникахъ. Почтенный старецъ былъ въ недоумѣніи, какъ помѣстить ему двухъ женщинъ въ монастырскомъ зданіи? Однако-же, уваживъ тогдашнее положеніе дѣлъ, приказалъ племяннику своему, студенту Лидину, помѣстить насъ въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ, выходящихъ окнами въ садъ.

3-го сентября ужасная вѣсть, что Москва оставлена нашими войсками, занята французами и предана пламени, разнеслась въ Коломнѣ съ быстротою молніи. Это плачевное событіе

погрузило меня въ совершенное разстройство и уныніе, ибо я не имѣлъ средствъ прожить долгое время на чужой сторонѣ. Теперь, когда извѣстны намъ всѣ послѣдствія отечественной войны съ могущественнымъ Наполеономъ, кажется, и случай отдачи Москвы непріятелю былъ обыкновенный; но тогда какой-то невыразимый страхъ и ужасъ распространился по всей Россіи, и казалось, что она подпала надолго постыдному безславію.

Вскорѣ получено было въ Коломнѣ извѣстіе, что французы подходятъ къ Бронницамъ. Страхъ и смятеніе объяли коломенскихъ жителей до такой степени, что городъ въ нѣсколько часовъ опустѣлъ. Самъ архимандритъ началъ собираться въ дорогу, предполагая взять меня съ собою, а мать мою и тетку оставить въ Коломенскомъ женскомъ монастырѣ. Я былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи и не зналъ на что мнѣ рѣшиться. Въ это самое время, одинъ изъ коломенскихъ мужиковъ вызвался отвезти меня въ Радовицкій монастырь въ Егорьевскомъ уѣздѣ, куда и отецъ архимандритъ направлялъ свой путь. Я съ радостію согласился на предложеніе ямщика, уговорился съ нимъ въ цѣнѣ и вмѣстѣ съ архимандритомъ выѣхалъ изъ Коломны, взявъ съ собою мать мою и тетку. На другой день мы прибыли въ Радовицы, въ 60-ти верстахъ отъ Коломны. Игуменъ тамошняго монастыря отецъ Аврамій, по просьбѣ архимандрита, велѣлъ помѣститъ насъ въ монастырской гостинницѣ. Радовицкій монастырь расположенъ въ мѣстѣ лѣсистомъ и болотномъ. Несмотря на то, двѣ довольно обширныя гостинницы и деревушка близъ монастыря наполнены были разными выходцами, искавшими убѣжища въ мѣстахъ, можно сказать, пустынныхъ, куда и я попалъ по милости всемогущаго тогда Наполеона. Черезъ нѣсколько времени отецъ архимандритъ получилъ извѣстіе, что Коломна избавилась отъ непріятельскаго нашествія, отправился въ свой монастырь и на прощаньи со мною подарилъ мнѣ 10 руб.

Въ Радовицахъ я познакомился съ архимандритомъ Софроніемъ Грибовскимъ. Онъ нѣкогда находился іеродіакономъ въ университетской церкви, а послѣ прожилъ 11 лѣтъ въ Цезинѣ, столицѣ Китайской имперіи, настоятелемъ тамошней православной русской церкви, и, получивъ пенсію, пребывалъ на покой въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ. Узнавъ, что я изъ

университета, Софроній обходился со мною самымъ дружескимъ образомъ! Отслушавъ обѣдню, я заходилъ къ отцу архимандриту. „Что новаго?“ былъ первый его вопросъ.

„Увы, ничего не знаю“, отвѣчалъ я почтенному старцу.

„Такъ садись-же, братъ, да давай выпьемъ горилки“, продолжалъ добрый Софроній.

Между тѣмъ, время летѣло; важныя событія на театрѣ войны быстро слѣдовали одно за другимъ; наконецъ, и радостная вѣсть объ освобожденіи Москвы отъ лютаго врага достигла до нашего пустыннаго жилища. Мнѣ оставалась одна только забота, какъ-бы скорѣе выѣхать изъ Радовицъ; но неимовѣрно высокая цѣна за наемъ двухъ лошадей и худая проселочная дорога удержали меня тамъ до 21-го ноября. Въ этотъ день мы дотащились кое-какъ до Коломны и остановились въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ у знакомаго мнѣ учителя. Войдя въ переписку со зрителемъ университетской больницы Полубояриновымъ, уже возвратившимся въ Москву, я получилъ отъ него извѣстіе, что начальство наше также находится въ Москвѣ и вступило въ управленіе по всѣмъ частямъ университета, а потому слѣдуетъ и мнѣ явиться немедленно къ своей должности. Это извѣстіе очень обрадовало меня и мать мою, тѣмъ болѣе, что Полубояриновъ предлагалъ мнѣ остановиться у него на квартирѣ, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ было для меня чрезвычайно важно, ибо тотъ домъ, въ которомъ я квартировалъ, сгорѣлъ до основанія. Продавъ за безцѣнокъ кое-что, мы пріѣхали въ Москву 3-го января 1813 г. Кто опишетъ изумленіе наше и ужасъ при видѣ древней столицы русскаго государства, недавно блиставшей изящнымъ величіемъ своимъ и красотою, а теперь сожженной, опустошенной и разграбленной? Со слезами на глазахъ въѣхали мы въ открытый со всѣхъ сторонъ обширный дворъ университета и помѣстились весьма тѣсно въ больничномъ корпусѣ, въ одной комнатѣ, и то проходной.

Изъ всѣхъ зданій университета уцѣлѣли отъ московскаго пожара только два: первое, больничное, по Никитской улицѣ; другое на дворѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Пушкинскаго, въ которомъ помѣщались до вторженія французовъ въ Москву: ректоръ Геймъ и профессоръ Штельднеръ. Послѣдній оставался въ квартирѣ своей во все время пребыванія непріятеля

въ Москвѣ и утверждалъ, что онъ спасъ тотъ домъ отъ зажигателей. Главный-же корпусъ университета, по Моховой улицѣ, съ большею частію ученыхъ его сокровищъ и такъ называемые два корпуса Барятинскій и Мосоловскій, а также анатомическій театръ и всѣ деревянныя постройки сдѣлались добычею пламени.

Я старался имѣть достовѣрное свѣдѣніе о томъ, кто-же первый зажегъ Москву—французы или русскіе? Между многими разсказами объ этомъ ужасномъ событіи оказались такіе, которые заслуживаютъ полнаго вниманія, напримѣръ: смотритель университетскаго музея Ришардъ объяснялъ по секрету, что, незадолго до пожара, засталъ онъ, Ришардъ, на чердакѣ главнаго университетскаго корпуса переодѣтаго подозрительнаго чело-вѣка, что-то раскидывавшаго по чердаку. Другіе самовидцы увѣряли меня, что 2-го сентября поутру были уже зажжены находившіяся противъ Кремля москательныя лавки, а по вступленіи непріятели въ Москву такой-же участи подвергся и каретный рядъ, чтобы ни одинъ экипажъ не достался въ руки французскихъ генераловъ и офицеровъ. Были, конечно, и другіе поджоги, но уже по большей части отъ непріятельскихъ войскъ, бродившихъ по всей Москвѣ для снисканія себѣ пищи и грабежа и обращавшихся съ огнемъ безъ всякой предосторожности, отъ чего во многихъ частяхъ города повторялись пожары. Тушить ихъ было не кому, да и не чѣмъ, ибо гр. Растопчинъ, наканунѣ вторженія наполеоновыхъ полчищъ въ Москву, выпроводилъ изъ нея во Владиміръ всю пожарную команду и всѣ пожарныя трубы. Такимъ образомъ, огонь при сильномъ вѣтрѣ истребилъ въ Москвѣ въ три или четыре дня болѣе семи тысячъ домовъ.

Далѣе узналъ я, что армія наша, обезсиленная ужаснымъ Бородинскимъ сраженіемъ, не могла уже вступить въ повую битву съ многочисленнымъ непріателемъ и, отступая къ Москвѣ, расположилась у Поклонной горы, въ трехъ верстахъ отъ Дорогомиловской заставы. Поутру 1-го сентября, главнокомандовавшій арміею фельдмаршалъ Голенищевъ-Кутузовъ имѣлъ у заставы свиданіе съ гр. Растопчинымъ и увѣрялъ его о намѣреніи своемъ дать еще сраженіе; но вечеромъ того-же 1-го сентября на военномъ совѣтѣ, происходившемъ въ главной квартирѣ арміи, деревнѣ Филихъ, положено было оставить Москву безъ сраженія и отступить на разанскую дорогу.

Гр. Растопчинъ не былъ приглашенъ Кутузовымъ на военный совѣтъ, рѣшившій участь первопрестольнаго града. Многие утверждали, будто-бы Кутузовъ опасался, чтобы Растопчинъ не привлекъ членовъ военнаго совѣта къ тому, чтобы еще разъ сразиться съ непріятелемъ подъ самою Москвою. Съ этою цѣлю гр. Растопчинъ 31-го августа даже созвалъ на Три горы, предметіе за Прѣсенскою заставою, многочисленный и кто чѣмъ могъ вооруженный народъ. Утверждали еще и то, что Кутузовъ находился съ Растопчинымъ въ непріязни со временъ императора Павла I, когда Растопчинъ былъ любимцемъ этого государя. Какъ-бы то ни было, однако-же, я долженъ сказать здѣсь, что и начальникъ нашъ, Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, будучи родственникомъ главнокомандующаго арміею, отзывался о Растопчинѣ не такъ-то уважительно или, лучше сказать, съ пренебреженіемъ.

Но ничто такъ не удивило меня, какъ рассказъ очевидца о выѣздѣ самого гр. Растопчина изъ Москвы 2-го сентября. Въ этотъ достопамятный день, поутру, толпы вооруженнаго народа, по большей части пьянаго, не дождавшись графа на Трехъ горахъ, согласно обѣщанію его сіятельства предводительствовать ими во время отраженія французской арміи отъ Москвы, явились къ нему на дворъ, находившійся на Лубянской улицѣ, и съ крикомъ требовали, чтобы гр. Растопчинъ велъ ихъ противъ непріятеля. Графъ, уже готовый къ выѣзду изъ Москвы, рѣшился прекратить народное волненіе самымъ варварскимъ образомъ. Вышедъ на крыльцо дома своего и указывая народу на несчастнаго молодого купеческаго сына Верещагина (о которомъ я уже говорилъ выше сего), приведеннаго на дворъ графа изъ тюрьмы, объявилъ его измѣнникомъ и что отъ него погибаетъ Москва. Верещагинъ едва успѣлъ выговорить нѣсколько словъ въ свое оправданіе, какъ гр. Растопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій подлѣ Верещагина ординарецъ Бурдаевъ ударилъ его саблею въ лице; несчастный упалъ на землю, испуская стоны. Въ ту-же минуту народъ бросился добывать его и уже мертвого волочилъ по Лубянской улицѣ. Растопчинъ, занявъ народъ исполненіемъ кровавой воли своей, сошелъ съ крыльца и выѣхалъ въ заднія ворота дома своего на дрожкахъ. Вотъ какимъ подвигомъ отличилъ себя тотъ знаменитый мужъ, который 18-го августа

отвѣчалъ жизнію своею, что злодѣй, т. е. Наполеонъ, въ Москву не будетъ, и даже послѣ Бородинской битвы хвасталъ, что этотъ злодѣй положить кости свои въ землѣ русской.

IV.

Участь, постигшая казенное и частное имущество г. Москвы. — Положеніе университетской типографіи во время пребыванія въ Москвѣ непріятеля. — Бѣдствія, постигшія старика Булатова. — Смерть его. — Приведеніе въ порядокъ дѣлъ московскаго учебнаго округа. — Торжественное собраніе университета 10 июля 1814 г. — Ода, сочиненная попечителемъ. — Назначеніе новаго главнокомандующаго. — Услужливость попечителя передъ ген. Тормасовымъ. — Побѣда Кутузова въ С.-Петербургѣ. — Какимъ образомъ получилъ Виноградовъ ученую степень. — Мои служебныя дѣла. — Назначеніе министромъ кн. Голицына. — Попечитель кн. Оболенскій. — Его семейныя отношенія. — Я получаю новую должность.

Теперь, по собраннымъ свѣдѣніямъ, скажемъ нѣсколько словъ объ оставшемся въ Москвѣ казенномъ и частномъ имуществѣ и о числѣ жителей, имѣвшихъ несчастье попасть въ руки непріятельскихъ войскъ на жестокія мученія. Хотя главнокомандовавшій арміею фельдмаршалъ Голенищевъ-Кутузовъ доносилъ государю императору отъ 4-го сентября, изъ селенія Жилина, на Рязанской дорогѣ, между прочимъ, что всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества какъ казенныя, такъ и частныя изъ Москвы вывезены и ни одинъ почти житель въ ней не остался; но желательно знать—отъ кого-же Кутузовъ получилъ столь подробныя свѣдѣнія? Если отъ гр. Раstopчина, то они уже слишкомъ преувеличены по слѣдующимъ обстоятельствамъ: всѣмъ было извѣстно, что казенныя имущества начали вывозить изъ Москвы послѣ Бородинской битвы. Такимъ образомъ, 31 августа, ночью, по распоряженію духовнаго начальства были отправлены въ Вологду соборныя и нѣкоторыя монастырскія драгоценности, а равно древнія рукописи и книги синодальной бібліотеки. Прочія-же вещи какъ соборныя, такъ и принадлежавшія монастырямъ и приходскимъ церквамъ оставались на своихъ мѣстахъ по неимѣнію, вѣроятно, ни времени, ни средствъ къ ихъ спасенію или по другимъ какимъ-либо важнымъ обстоятельствамъ. То-же самое случилось и съ казеннымъ имуществомъ: много изъ этого имущества было спасено,

а нѣкоторое оставлено; въ томъ числѣ и весь архивъ вотчиннаго департамента. Что-же касается до частнаго имущества, то оно потерпѣло огромный ущербъ, такъ что многіе богатые люди сдѣлались надолго нищими.

Наконецъ, сколько-же жителей оставалось въ Москвѣ 2-го сентября? Кутузовъ провозглашалъ, что ни одинъ почти житель въ ней не остался. Графъ-же Растопчинъ утверждалъ, что число такихъ несчастливцевъ простиралось отъ 12 до 15 тысячъ человекъ, которые, по увѣренію графа, были изъ простаго званія народа и ни одного значительнаго человѣка изъ дворянства, духовенства или купечества. Но и это исчисленіе очень, очень сомнительно, ибо при выѣздѣ самого графа изъ Москвы и по выходѣ изъ нея полиціи не было уже возможности имѣть ему вѣрное свѣдѣніе о числѣ оставшихся жителей и въ какомъ классу они принадлежали. Только по выходѣ изъ Москвы непріятельскихъ войскъ открылось, что 2-го сентября оставались въ ней начальникъ воспитательнаго дома Тутолминъ, членъ вотчиннаго департамента Бестужевъ - Рюминъ, профессоръ Штельднеръ и нѣкоторые другіе чиновники, а особливо служившіе въ университетской типографіи; оставались многіе священники, кушцы ¹⁾, мѣщане, рабочіе въ типографіяхъ, сторожа въ казенныхъ заведеніяхъ и прислуга во многихъ частныхъ домахъ. Большая часть этихъ несчастливцевъ были ограблены солдатами, многіе изнурены подъ ношами, а нѣкоторые приняли и самую смерть. Кого-же винили москвичи въ постигшихъ ихъ бѣдствіяхъ?—гр. Растопчина и фельдмаршала Кутузова: перваго за то, что онъ ни одного раза не объявилъ имъ объ угрожавшей Москвѣ опасности, а напротивъ того отвѣчалъ жизнію своею, что злодѣи въ Москву не будутъ, и, не зная плана полководца, собравъ, по своему произволу, на Три горы огромную толпу народа съ оружіемъ въ рукахъ для подкрѣпленія арміи нашей въ рѣшительной битвѣ съ непріателемъ, которой, однако-же, не было. Кутузова-же за то, что онъ, отступая отъ Бородина въ продолженіе шести дней къ самой Москвѣ, не далъ гр.

¹⁾ Въ учрежденномъ французами муниципалитетѣ находился градскимъ головою московскій, 1-ой гильдіи кушецъ Находкинъ и 65 членовъ пазъ разнаго сословія жителей Москвы.

Растопчину хотя секретнаго предписанія о принятіи на всякій случай дѣятельныхъ мѣръ къ удаленію остававшихся въ Москвѣ жителей въ другія безопасныя мѣста, а равно и къ вывозу изъ нея остальнаго казеннаго и частнаго имущества.

Кромѣ потерь, понесенныхъ московскимъ университетомъ отъ пожара и расхищенія ученыхъ его сокровищъ во время пребыванія въ Москвѣ непріятельскихъ войскъ, подверглись той-же участи и всѣ подвѣдомственныя университету воспитательныя заведенія, какъ-то: благородный пансіонъ на Тверской улицѣ, губернская гимназія у Варварскихъ воротъ, уѣздное и частныя училища. Только одна университетская типографія, находящаяся противъ Петровскаго бульвара, потерпѣла убытка менѣе другихъ заведеній. Этимъ, можно сказать, счастіемъ она обязана была присутствію нѣкоторыхъ чиновниковъ и рабочихъ людей, остававшихся, по распоряженію университетскаго начальства, при своихъ мѣстахъ. Одинъ изъ этихъ чиновниковъ, помощникъ издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ Ильинскій, описалъ мнѣ происшествія, до типографіи касающіяся, со дня вступленія въ Москву французскихъ войскъ, въ слѣдующемъ видѣ:

2-го сентября, въ четвертомъ часу пополудни, потянулась мимо типографіи отъ Тверскихъ къ Петровскимъ воротамъ французская конница съ обнаженными саблями. А какъ незадолго до этого времени распуцены были по Москвѣ слухи, что скоро вступать въ нее англійскія вспомогательныя войска, то нѣкоторые изъ чиновниковъ типографіи, почитая проходившую мимо ихъ французскую конницу за союзную англійскую, спрашивали у офицеровъ и солдатъ: „далеко-ли непріятель?“, — отвѣта не было. Наконецъ, одинъ изъ проѣзжавшихъ офицеровъ, и вѣрно ужъ полякъ, махнувъ грозно саблею, вскричалъ по-русски: „мы непріатели“.

Къ вечеру явился въ типографію французскій жандармъ и принялъ ее подъ свое охраненіе. Вскорѣ прислана была въ типографію для напечатанія наполеоновская прокламація къ жителямъ Москвы. Чиновники и рабочіе, сохраняя свято вѣрность свою къ государю и отечеству, не рѣшились сами собою исполнить требованія французовъ, а чрезъ посланныхъ рабочихъ людей испрашивали на то дозволенія у начальника типографіи Невзорова, квартировавшаго тогда близъ Покровки, въ домѣ из-

вѣстнаго Лопухина. Невзоровъ объявилъ посланнымъ, что онъ уже не начальникъ типографіи и ни въ какое распоряженіе вступать не можетъ. Послѣ такого отказа Невзорова, чиновники и рабочіе принуждены были напечатать въ типографіи первую непріятельскую прокламацію къ жителямъ Москвы. Во вторникъ и среду хотя и беспокоили типографію разныя партіи мародеровъ французской арміи, но онѣ каждый разъ были отгоняемы жандармомъ, который велѣлъ даже снять съ главнаго типографскаго дома государственный гербъ, ибо по этому гербу непріятельскіе солдаты принимали типографію за кабакъ¹⁾. Въ четвергъ жандармъ получилъ другое назначеніе. Съ отбытіемъ его изъ типографіи, отряды непріятельскихъ полчищъ начали грабить чиновниковъ и рабочихъ столь жестоко, что они уже не знали что предпринять имъ для своего спасенія. Въ такомъ ужасномъ положеніи одинъ изъ чиновниковъ присовѣтовалъ пробраться всѣмъ имъ на Никольскую улицу и укрыться до времени въ известномъ ему домѣ. Предводимые помощникомъ издателя „Вѣдомостей“ Ильинскимъ, свободно объяснявшимся на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, чиновники и большая часть рабочихъ вышли изъ типографіи и, на пути къ Никольской улицѣ, подвергались отъ французовъ неоднократнымъ грабежамъ. Подходя къ Воскресенскимъ воротамъ, непріятельскіе пикеты вернули несчастныхъ странниковъ къ Кузнецкому мосту и, наконецъ, другіе пикеты, впереди этого моста расположенные, прогнали ихъ на Рождественку въ домъ медико-хирургической академіи. По прекращеніи-же въ Москвѣ пожара и водвореніи кое-какого порядка, нѣкоторые изъ чиновниковъ и рабочихъ, подвергая жизнь свою явной опасности, вышли изъ опустошенной и разграбленной столицы, а другіе, возвратясь въ типографію, дождались въ ней до радостнаго дня освобожденія Москвы отъ лютаго врага.

Мать моя имѣла счастье отыскать слѣпнаго престарѣлаго отца своего. Булатовъ и жена его очень много пострадали отъ французовъ; но Всевышнему благоугодно было спасти невинныхъ страдальцевъ отъ совершенной гибели. Они, посреди всеобщаго пожара и грабежа, остались живы и нашли себѣ пріютъ въ домѣ

Въ 1812 г. кабаки украшены были московскимъ гербомъ.

священника церкви Гавріила Архангела, близь почтамта. Этотъ священникъ былъ родной братъ второй жены Булатова, оставался въ Москвѣ, битъ французами и вскорѣ умеръ. Новый священникъ отказалъ Булатовымъ отъ квартиры, и они, не имѣя средствъ прожить въ Москвѣ, отправились на время къ родному племяннику Булатовой, діакону въ селѣ Пятницы - Берендѣевой, въ 60-ти верстахъ отъ столицы. Пробывъ тамъ около мѣсяца, Булатову не понравилось ни обхожденіе съ нимъ хозяина, ни самый образъ жизни его, а потому почелъ онъ за лучшее возвратиться въ Москву и вступить съ женою въ Екатерининскую богадѣльню. Казалось-бы, что несчастія ихъ должны были этимъ и кончиться, но, кому изъ насъ неизвѣстно, что въ жизни нашей встрѣчаются иногда такіа гибельныя обстоятельства, которыхъ никакой умъ человѣческій предотвратить и уничтожить не можетъ. Такъ случилось и съ Булатовыми. Они, не зная, найдутъ-ли себѣ пристанище въ богадѣльнѣ, оставили у діакона нѣкоторыя вещи, по цѣнѣ весьма мало значущія. За этими-то вещами Булатова, вопреки совѣта мужа своего, отправилась въ село Пятницы - Берендѣевой. Племянникъ принялъ тетку чрезвычайно ласково; пенялъ ей за то, что мужъ ея не долго гостилъ у него и старался удерживать ее у себя, подъ предлогомъ неимѣнія въ виду надежнаго попутчика. Наконецъ, объявилъ ей, что знакомый ему крестьянинъ согласился отвезти ее въ Москву за условленную цѣну, обѣщая проводить ее и самъ на нѣкоторое разстояніе. Въ назначенный день, рано по утру, всѣ трое выѣхали изъ селенія, и, отѣхавъ верстъ пять, злодѣй-діаконъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ напалъ на старую, беззащитную женщину, родную тетку свою, и варварски умертвилъ ее, зарывъ тѣло въ оврагъ. Впослѣдствіи открылось, что такое неслыханное злодѣйство сдѣлано было діакономъ по подозрѣнію, что родная тетка его, и вмѣстѣ съ тѣмъ и крестная мать, имѣла при себѣ значительную сумму денегъ, взятую, будто-бы, ею при смерти брата ея, которою убійцы и хотѣли воспользоваться. Долго Булатовъ не имѣлъ вѣрнаго свѣдѣнія о плачевной участи жены своей; но, наконецъ, истина открылась; злодѣи были схвачены, признались въ содѣянномъ ими преступленіи и, когда правосудіе уже готово было наказать ихъ за неповинную кровь страдальцы, въ то время извергъ-діаконъ умеръ въ тюрьмѣ отъ

принятаго имъ, будто-бы, яда, а о товарищѣ его, крестьянинѣ, мы свѣдѣнія не имѣли, равно и о томъ, куда дѣвались вещи Булатовой. Хлопотать по этому дѣлу было некому: Булатовъ, по старости лѣтъ своихъ и слѣпотѣ, не могъ ѣхать въ зимнее время на мѣсто преступленія; притомъ-же онъ твердо былъ увѣренъ, что жена его не имѣла при себѣ ни денегъ, ни цѣнныхъ вещей. Предавъ себя въ волю Всевышняго Творца, Булатовъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ прекращенія и своей многострадальной жизни. Это время наступило скоро: Богъ услышалъ молитву земнаго труженика, и душа его воспарила на небо осенью 1814 г., на 72-мъ году отъ рожденія. Я много обязанъ былъ Булатову; вспоминаю о немъ всегда съ благодарностью и крайне сожалею, что, въ тяжкое время всеобщаго бѣдствія, мнѣ невозможно было принять его на свое попеченіе. Увы, онъ умеръ въ богадѣльномъ домѣ.

Являсь къ попечителю университета, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову, я получилъ отъ него замѣчаніе за опоздалое возвращеніе мое въ Москву, въ чемъ легко мнѣ было оправдаться предъ его превосходительствомъ. Надобно знать, что Кутузовъ открылъ уже до меня, съ разрѣшенія министра, въ ущѣлѣвшемъ отъ пожара домѣ своемъ, у Покровскихъ воротъ, временную комиссію для управленія текущими дѣлами московскаго учебнаго округа, въ которой и я занялся письмоводствомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ канцеляріи попечителя.

Въ это время Кутузовъ усердно принялся за приведеніе въ возможный порядокъ университета, благороднаго пансіона, гимназій и училищъ, въ Москвѣ находящихся, и всякую почту доносилъ министру объ успѣхахъ своихъ дѣйствій. Однажды, министръ прислалъ Кутузову собственноручное письмо на полулистѣ. Кутузовъ до того восхитился этимъ письмомъ, что, показывая его приближеннымъ своимъ, восклицалъ съ восторгомъ: „графъ ни къ кому такъ много не писывалъ своею рукою!“

Въ то-же время Кутузовъ заботился и о своихъ выгодахъ, чему можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство: калужскій первостатейный купецъ Билибинъ пожертвовалъ въ пользу общества исторіи и древностей россійскихъ 10,000 руб., за что, по представленію Кутузова, и награжденъ былъ золотою медалью на Анненской лентѣ. Деньги эти Куту-

зовъ употребилъ въ свою пользу и уже послѣ смерти его преступлено было ко взысканію ихъ съ имѣнія Кутузова въ Тверской губерніи.

10-го іюля 1814 г. университетъ имѣлъ торжественное собраніе на Кисловѣѣ, въ домѣ Ланга, гдѣ помѣщалась московская губернская гимназія по найму. Рѣчи профессоровъ обращены были на занятіе русскими войсками Парижа и другія славныя событія. Градоначальникъ Москвы гр. Растопчинъ не былъ въ собраніи. Кутузовъ, какъ-бы въ укоръ графу, хотѣлъ доставить ему въ тотъ-же вечеръ экземпляръ читанныхъ въ собраніи рѣчей, но такое намѣреніе его было уничтожено самымъ страннымъ образомъ: предъ окончаніемъ собранія, въ которомъ находился и я, Кутузовъ приказалъ мнѣ чрезъ экзекутора явиться къ его превосходительству на Покровку. Скорымъ шагомъ пришелъ я къ Кутузову и засталъ у него кн. Шаховскаго, извѣстнаго драматическаго писателя. Они критиковали тогда похвальное слово императору Александру I, произнесенное въ собраніи профессоромъ Мерзляковымъ и извлекшее у слушателей слезы сердечнаго умиленія. Кутузовъ, отдавая мнѣ экземпляръ рѣчей, приказалъ задѣлать ихъ въ конвертъ и адресовать графу, а какому не сказалъ. Я исполнилъ приказаніе Кутузова, но въ конвертѣ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, въ С.-Петербургѣ“.

Кутузовъ, прочтя надпись, вспылилъ на меня и сказалъ уже очень громко: „графу Растопчину; сдѣлай другой конвертъ“; а сдѣлать-то его было не изъ чего, ибо не нашлось другаго листа бумаги, годнаго для конверта. Такимъ образомъ, гр. Растопчинъ получилъ экземпляръ рѣчей на другой уже день.

Точно такія-же собранія, по предписанію Кутузова, происходили и во всѣхъ гимназіяхъ московскаго учебнаго округа. Самъ Кутузовъ сочинилъ въ честь императора Александра торжественную оду и представилъ въ общее собраніе московскихъ правительствующаго сената департаментовъ мнѣніе свое о присоединеніи къ священному имени императора Александра титула Великаго. Ода разослана была ко всѣмъ министрамъ и даже въ главную квартиру дѣйствовавшей арміи къ государственному секретарю Шишкову, котораго Кутузовъ называлъ „милостивымъ государемъ дядюшкою!“

30-го августа 1814 г. знаменитый гр. Растопчинъ былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго въ Москвѣ и на его мѣсто поступилъ генераль-отъ-кавалеріи Тормасовъ. Кутузовъ не пощадилъ ничего, чтобы польстить и угодить новому градоначальнику. Однажды, Кутузовъ устроилъ въ столовой дома своего театръ; главными дѣйствующими лицами были сынъ и дочь хозяина, Иванъ Павловичъ и Авдотья Павловна, да студенты Корецкій и Александровъ. Разучили оперу: „Ямъ или посидѣлки“. Въ назначенный для представленія день Кутузовъ пригласилъ въ себѣ генерала Тормасова и другихъ особъ. Представленіе оперы шло обыкновеннымъ порядкомъ; зрители восхищались прекрасною игрою дѣйствовавшихъ лицъ, а особливо русскими плясками, исполненными сыномъ и дочерью хозяина. Но вотъ что обратило на себя всеобщее вниманіе зрителей: въ одномъ изъ дѣйствій игранный пьесы входитъ въ станціонному смотрителю проѣзжій офицеръ для перемѣны лошадей. Смотритель, видя изъ подорожной, что офицеръ ѣхалъ черезъ Москву, спрашиваетъ у него: „скажите-ка, ваше благородіе, что новаго въ Москвѣ?“ На этотъ вопросъ офицеръ объясняетъ съ восторгомъ смотрителю: „о, въ Москвѣ, слава Богу, все хорошо теперь и благополучно; всѣ жители веселы, довольны и не нахвалятся новымъ своимъ градоначальникомъ!“

Эти слова были вставлены въ пьесу самимъ Кутузовымъ и произнесены въ присутствіи самого новаго градоначальника генерала Тормасова. Какова лесть!

Въ 1815 г., въ августѣ мѣсяцѣ, Кутузовъ отправился въ С.-Петербургъ съ женою, сыномъ и дочерью. Главная цѣль поѣздки Кутузова состояла въ надеждѣ получить царскую милость за усердную службу свою по должностямъ: попечителя московскаго учебнаго округа и сенатора, что казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что Кутузовъ былъ родственникомъ умершаго незадолго передъ тѣмъ свѣтлѣйшаго князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Въ свитѣ Кутузова находились: докторъ медицины Сидорацкій и сенатскій чиновникъ Матвѣевъ. Вскорѣ пріѣхалъ къ Кутузову докторъ словесныхъ наукъ Бекетовъ, пользовавшійся особеннымъ его расположеніемъ, и съ Бекетовымъ явко Виноградовъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ побочный сынъ богатаго барина, слушалъ въ университетѣ профессорскія лекціи и находился

съ Бекетовымъ въ самыхъ короткихъ сношеніяхъ Бекетовъ, представляя Виноградова Кутузову, убѣдилъ е. пр—ство (а какими средствами—неизвѣстно) оказать ему, Виноградову, начальническое покровительство свое въ полученіи имъ отъ университета ученой степени доктора словесныхъ наукъ, на каковой конецъ представлена была Кутузову сочиненная будто-бы Виноградовымъ на латинскомъ языкѣ диссертація. Кутузовъ, препроводивъ ее въ совѣтъ университета, изъяснилъ, что такъ какъ Виноградовъ, находясь въ С.-Петербургѣ, не можетъ лично явиться въ совѣтъ университета для защищенія диссертаціи своей, то, по мнѣнію Кутузова, совѣтъ можетъ и безъ этой формальности удостоить Виноградова искомой имъ степени доктора словесныхъ наукъ, что совѣтъ, къ удовольствію Кутузова, и исполнилъ. Такимъ образомъ Виноградовъ получилъ или, вѣрнѣе сказать, приобрѣлъ высшую ученую степень доктора словесныхъ наукъ, а съ нею и право на чинъ 8-го класса и сопряженное съ нимъ дворянское достоинство.

Хотя Кутузовъ и пробылъ въ С.-Петербургѣ болѣе полугода, однако-же, не получилъ себѣ никакой награды и даже не имѣлъ удачи въ доставленіи сыну своему званія камеръ-юнкера, а дочери—званія фрейлны. Равнымъ образомъ, и ходатайство Кутузова объ ассигнованіи на возобновленіе зданія университета исчисленныхъ по смѣтѣ 500 тыс. руб. осталось безъ всякаго дѣйствія.

Не задолго до отъѣзда Кутузова въ С.-Петербургъ, непремѣнный засѣдатель университетскаго правленія профессоръ російскаго практическаго законовѣдѣнія Сандуновъ, довѣренная особа Кутузова, опытный въ дѣлахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дерзкій на словахъ, привыкшій дѣлать все по своему произволу, напалъ на устарѣлаго уже секретаря нашего Тимонова и принудилъ его оставить службу при университетѣ. Я, какъ старшій изъ чиновниковъ правленія, вступилъ въ должность секретаря и исправлялъ ее съ 16-го августа 1815 г. по 28-е іюля 1816 г. Сандуновъ, повидимому, былъ доволенъ мною по службѣ, такъ что правленіе, по его ходатайству, увеличило мое жалованье 150-ю рублями, но скрылъ отъ меня одно важное обстоятельство, состоявшее въ томъ, что Кутузовъ уже давно пазначилъ секретаремъ правленія находившагося съ нимъ въ С.-Петербургѣ сенат-

скаго чиновника Матвѣева. Много трудился я въ правленіи, стараясь угодить Сандунову; много получалъ отъ него пылкихъ замѣчаній по производству дѣлъ; но, при всемъ томъ, по возвращеніи Кутузова въ Москву и по вступленіи Матвѣева въ означенную должность, я остался ни причѣмъ и уже думалъ принскывать себѣ занятіе въ другомъ вѣдомствѣ; но, къ счастью моему, послѣдовала въ скоромъ времени въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія перемѣна: это министерство въ 1816 г. было поручено оберъ-прокурору синода кн. А. Н. Голицыну, а потомъ вошло въ составъ новаго министерства—духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Само собою разумѣется, что Кутузовъ всемѣрно старался угодить новому начальнику и снискать себѣ доброе его расположеніе; но, при всемъ томъ, сношенія кн. Голицына съ Кутузовымъ были какъ-то холодны и недовѣрчивы. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1816 г., Кутузовъ послалъ кн. Голицыну пышное донесеніе о томъ, что главный корпусъ университетской типографіи оконченъ былъ постройкою вчернѣ въ самое короткое время, а потому Кутузовъ и просилъ кн. Голицына объ исходатайствованіи университетскому архитектору Соболевскому за бдительный надзоръ его за означеннымъ строеніемъ, послужившимъ украшеніемъ Москвы, ордена св. Владиміра 4-й ст. ¹⁾ Князь Голицынъ, какъ будто ожидавшій какой-либо оплошности въ дѣйствіяхъ Кутузова по службѣ, замѣтилъ ему, что каменные работы, въ позднюю осень, обширнаго типографскаго зданія не могутъ быть прочны (что и сбылось на самомъ дѣлѣ, ибо весною 1817 г. обрушились въ новомъ зданіи своды). Послѣ сдѣланнаго кн. Голицынымъ замѣчанія, Кутузовъ уже не могъ удержать за собою должности попечителя московскаго учебнаго округа. Въ эту должность былъ назначенъ, 1-го января 1817 г., другъ новаго министра, отставной д. ст. сов. кн. Андрей Петро-

¹⁾ Назначеніе такой щедрой награды объясняется слѣдующими обстоятельствами: до 1816 г. находился въ университетѣ архитекторъ Бужинскій. Кутузовъ поручилъ ему смотрѣніе за домомъ типографіи, а въ университетѣ, на мѣсто Бужинскаго, опредѣлилъ молодого архитектора Соболевскаго. Этотъ Соболевскій былъ двоюроднымъ братомъ близкой къ графу Разумовскому особы, Марьи Михайловны Перовской. Вотъ и причина особеннаго благорасположенія Кутузова къ Соболевскому. М. Т.

вичъ Оболенскій. Отецъ этого достопримѣчательнаго человека, кн. Петръ Александровичъ, былъ женатъ на княгинѣ Вяземской и имѣлъ 6 сыновей и 4-хъ дочерей. Владѣя небольшимъ селомъ Акулининымъ, по каширской дорогѣ, въ которомъ считалось до 60 душъ крестьянъ, кн. Петръ Александровичъ старался по возможности дать дѣтямъ своимъ приличное воспитаніе. Такимъ образомъ старшій сынъ его, кн. Андрей Петровичъ, въ царствованіе Екатерины II служилъ въ гвардіи въ оберъ-офицерскихъ чинахъ; потомъ взятъ ко двору ея вел. камеръ-юнкеромъ ¹⁾. Императоръ Павелъ I пожаловалъ его церемоніймейстеромъ ордена св. Анны, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и съ тѣмъ-же чиномъ и званіемъ въ 1799 г. Онъ уволенъ отъ службы. Что-же понудило князя чрезъ 17 лѣтъ вступить опять на служебную дѣятельность? Этотъ вопросъ я разрѣшаю описаніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ: князь Андрей Петровичъ вступалъ въ супружество два раза. Первая супруга его, урожденная Маслова, имѣла за собою болѣе 4-хъ тысячъ душъ крестьянъ, много денегъ и вещей; но чрезъ годъ послѣ замужества умерла, оставивъ на попеченіе отца дочь, княжну Екатерину, и все принадлежащее ей родовое имѣніе. Вторая супруга князя была княжна Софья Павловна Гагарина, родственница оберъ-гофмейстера Родіона Александровича Кошелева, извѣстнаго масона, находившагося въ самыхъ дружескихъ связяхъ съ министромъ нашимъ кн. Голицынымъ. По этимъ-ли отношеніямъ или по другому тонкому расчету, князь Андрей Петровичъ выдалъ въ 1816 г. дочь свою, отъ перваго брака, княжну Екатерину за роднаго племянника Кошелева, Николая Аполлоновича Волкова, служившаго тогда адъютантомъ у московскаго военнаго генералъ-губернатора Тормасова. При этомъ случаѣ новобрачная сдѣлала мачихѣ своей, княгинѣ Софьѣ Павловнѣ, богатый подарокъ; да и самъ князь Андрей Петро-

¹⁾ Однажды, за обѣдомъ въ селѣ Троицкомъ, князь разсказывалъ, что овъ, служа въ гвардіи, терпѣлъ большую нужду въ деньгахъ и черѣдко питался однимъ только варенымъ картофелемъ, и, будучи при дворѣ государыни камеръ-юнкеромъ, частенько дежурилъ въ Гатчинѣ у наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича и не въ очередь, потому что другіе камеръ-юнкеры, случайные и богатые, пренебрегали дежурствомъ въ Гатчинѣ и сказывались большими.

вичъ не остался въ накладѣ, ибо онъ, управляя имѣніемъ дочери своей во время ея малолѣтства и не давъ въ этомъ управленіи подробнаго отчета, умѣлъ благопріобрѣсть лично для себя тысячи три душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Эти свѣдѣнія вѣрны; вѣрно и то, что Кошелевъ и кн. Голицынъ убѣдили государя назначить кн. А. П. Оболенскаго попечителемъ московскаго учебнаго округа.

Прежній попечитель, Голенищевъ-Кутузовъ, уволивъ заблаговременно отъ должности письмоводителей своихъ, прислалъ къ кн. Оболенскому дѣла попечительской канцеляріи въ совершенномъ беспорядкѣ, и то съ 1813 года. Итакъ первую заботою князя было избрать себѣ способнаго правителя дѣлъ его канцеляріи. Въ эту должность напрашивались С. Д. Нечаевъ, впоследствии сенаторъ, бывшій въ то время адъюнктомъ И. И. Давыдовъ; но князь почелъ за лучшее имѣть при себѣ чиновника не развлеченнаго никакими другими занятіями. Такимъ образомъ я, по отличному обо мнѣ отзыву ректора Гейма и профессоровъ: Прокоповича, Антонскаго и Сандунова, поступилъ къ его сіятельству старшимъ письмоводителемъ и исправлялъ эту хлопотливую должность во все время начальства князя надъ московскимъ учебнымъ округомъ, т. е. съ января 1817 г. по 12-е августа 1825 г.

Князь Андрей Петровичъ отличался превосходнымъ природнымъ умомъ; умѣлъ владѣть собою; обходился со всѣми ласково и привѣтливо; былъ любимъ и уважаемъ въ обществѣ, и, располагая довольно значительнымъ богатствомъ, соблюдалъ въ хозяйствѣ своемъ довольно значительный порядокъ и бережливость.

V.

Отношеніе кв. Оболенскаго къ профессорамъ. — Катастрофа въ университетской типографіи. — Дѣло Невзорова; назначеніе ему пенсіи. — Награды по университету. — Вопросъ объ увеличеніи стипендіатовъ медиковъ. — Проекты профессоровъ Мухина и Мудрова. — Назначеніе Мудрова директоромъ медицинскаго института. — Назначеніе ему помощниковъ. — Возобновленіе университетскихъ зданій. — Вопросъ объ университетской церквѣ. — Покупка у Лодера анатомическихъ препаратовъ. — Образование въ университетѣ двухъ партій.

Желая поближе познакомиться со всѣми гг. профессорами московскаго университета, князь приглашалъ ихъ къ себѣ по очереди на обѣдъ по два человѣка. Инспекторъ университетскаго благороднаго собранія, Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, болѣе всѣхъ понравился князю и въ скоромъ времени снискалъ себѣ полную довѣренность и расположеніе его сіятельства. Я предполагалъ, что князь дастъ мнѣ квартиру въ своемъ домѣ, но такое предположеніе мое не исполнилось: я остался попрежнему въ однокомнатной квартирѣ въ университетскомъ домѣ, и скоро убѣдился, что при исполненіи возложенной на меня должности предстоятъ мнѣ большіе труды и терпѣніе. Князь, по какому-то непонятному для меня распоряженію, приказалъ мнѣ являться къ должности по два раза въ день: поутру въ 8 и послѣ обѣда въ 5 часовъ, не исключая воскресныхъ и табельныхъ дней. Такое распоряженіе князя было для меня и тягостно и убыточно, ибо, дѣлая четыре конца въ день съ Моховой на Рождественку, мѣстопробываніе князя, и притомъ во всякую погоду, я поневолѣ долженъ былъ имѣть лишнее платье, обувь и тратить иногда деньги на наемъ извозчиковъ. Жалованья назначено мнѣ было на первый годъ 1,000 руб., а послѣ увеличено постепенно до 1,500, изъ тѣхъ 4,000 рублей, которые отпускались изъ казначейства на содержаніе канцеляріи попечителя московскаго учебнаго округа.

Два обстоятельства, представившіяся князю при самомъ вступленіи его въ должность попечителя, могутъ послужить доказательствомъ того, что его сіятельство обладалъ возвышеннымъ, благороднымъ характеромъ и охотно дѣлалъ добро при каждомъ удобномъ случаѣ.

Въ 1817 году, весною, во вновь выстроенномъ обширномъ каменномъ корпусѣ университетской типографіи обрушились своды. Строеніе производилось при прежнемъ попечителѣ Голицевѣ-Кутузовѣ, подъ надзоромъ архитектора Соболевскаго и начальника типографіи Курбатова. И тотъ и другой подвергались строгой отвѣтственности за причиненный ими ущербъ казенному интересу. Что-же сдѣлалъ князь послѣ осмотра означенныхъ сводовъ? Онъ далъ предложеніе правленію университета, что для лучшей удобности размѣщенія во вновь отстроенномъ типографскомъ корпусѣ признано его сіятельствомъ за полезное произвестъ въ немъ нѣкоторыя передѣлки и поправки, съ употребленіемъ на нихъ исчисленной по смѣтѣ суммы изъ типографскихъ доходовъ. Такимъ образомъ упавшіе своды перестроены были вновь и—всѣ концы въ воду.

Бывшій начальникъ университетской типографіи, кол. сов. Невзоровъ, отъ 21-го августа 1816 г. просилъ управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія кн. Александра Николаевича Голицына о возвращеніи ему, Невзорову, прежней должности начальника типографіи ¹⁾. Князь Голицынъ удержалъ

¹⁾ Причины, по которымъ Невзоровъ уволенъ былъ отъ должности, изъяснены въ отношеніи бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. Рауковскаго, отъ 11-го февраля 1815 г., къ попечителю слѣдующимъ образомъ: „По неоднократнымъ представленіямъ вашего превосходительства, вида безпокойный нравъ начальника типографіи кол. сов. Невзорова, неповиновеніе его начальству, странныя мысли и выраженія въ доставленныхъ имъ непосредственно къ нему, министру, рапортахъ и основывався на заключеніяхъ вашихъ и университетскаго правленія насчетъ сего чиновника, также убѣждалась тѣмъ, что члены правленія, оскорбительными насчетъ ихъ отъзывами принужденными нашлись просить или удаленія его отъ университета или увольненія ихъ самихъ отъ своихъ должностей, я согласенъ на увольненіе Невзорова. Посему прошу стараться о прискаваніи другаго способнаго чиновника на мѣсто начальника университетской типографіи; а между тѣмъ поручить оное временно кому-либо изъ профессоровъ или другихъ чиновниковъ университета. Что-же касается до испрашиваемой вамъ Невзорову пенсін въ вознагражденіе долговременной его службы, то не могу приступить къ ходатайству о семъ, не имѣя въ виду постановленія, на основаніи коего можно-бы производить ему пенсію, притомъ всей его службы при университетѣ только 14 лѣтъ“.

Я сохранилъ въ бумагахъ своихъ выписку изъ одного донесенія Невзорова къ попечителю Кутузову, замѣчательнаго по многимъ отношеніямъ, инакаго послѣ 1812 г.:

„Вашему превосходительству осмѣливаюсь по самой чистой христіанской

у себя просьбу Невзорова, вѣроятно, потому, что главный обвинитель его, попечитель университета Голешицевъ-Кутузовъ, не былъ еще уволенъ отъ этой должности. 5-го апрѣля 1817 года Невзоровъ повторилъ свою просьбу. Голицынъ, бывши уже министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, отъ 24-го апрѣля того-же 1817 года потребовалъ отъ кн. Оболенскаго мнѣнія: „какое пособіе можно-бы сдѣлать Невзорову?“ Кн. Оболенскій, отъ 10-го мая того-же 1817 г., отвѣчалъ министру, что входя въ совершенно бѣдственное положеніе Невзорова и отдавая справедливость его правиламъ, отъ которыхъ иногда природная запальчивость его отступать заставляла, просилъ министра исходатайствовать ему въ пенсіонъ хотя половинную часть изъ тысячерублеваго оклада, положеннаго по штату начальнику типографіи. Мнѣніе это было утверждено 11-го іюля того-же 1817 года главнымъ правленіемъ училищъ, а 17-го октября послѣдовалъ высочайшій указъ о производствѣ Невзорову

совѣсти объявить, что вышѣ Ветхій деньми воссѣлъ на пламенный свой престолъ, одежда его бѣла какъ снѣгъ, власы главы его чисты какъ вола и очеса его огонь палащъ, предъ нимъ течетъ огненная рѣка; тысяща тысячъ служатъ ему и тьмы тьмъ предстоятъ ему; судище открыто. и книги дѣвий всѣхъ отверсты, и Вышній дастъ судъ святымъ своимъ, которые приемиутъ царство; время приспѣло и путь нечестивыхъ погибаетъ. Смыъ человѣческій, сидя на облацѣхъ небесныхъ, дошелъ до Ветхаго деньми, которой дастъ ему власть, честь и царство; вси людіе, племена и языки поработаютъ ему: власть его—власть вѣчная, которая не преидеть, и царство его не разсчитается. Воскресаетъ въ небѣ Богъ, враги его расточаются и нечестивыхъ въ царствѣ видимомъ и невидимомъ объемлетъ страхъ и ужасъ. Понимъ Господи, славно бо прославися. Предъ вами предстоитъ огонь и вода. Я стою теперь на Иосифатовой долици, куда созываются и созваны уже всѣ съ Гороховаго поля и съ Покровка, съ Моховой и изъ Заиконоспасскаго монастыря. изъ Чудова и съ Лубянки. Я смѣлъ предлагать истинны Великой Екатериныъ чрезъ гр. Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина и Степава Ивановича Шишковскаго; меня не нажарилъ Наполеонъ, а теперь пройду сквозъ огонь и воду! Съ нами Богъ!

Должность Невзорова была поручена на время проф. Каченовскому. Кутузовъ назначилъ было на мѣсто Невзорова отставнаго кол. секретаря Венкстерна, собрата своего по масонству; но министръ гр. Разумовскій утвердилъ начальникомъ типографіи надв. сов. Петра А. Курбатова, жеватаго на побочной дочери графа. Для Венкстерна-же придумали новую должность въ типографіи—смотрителя за матеріалами. Эта должность была совершенно лишняя и Венкстернъ не имѣлъ нужды ею заниматься, а между тѣмъ бралъ жалованье очень исправно.

М. Т.

въ пенсіонъ по 500 руб. въ годъ изъ университетской типографской суммы.

Въ другомъ именномъ указѣ, данномъ правительствующему сенату въ Москвѣ въ 1-й день декабря того-же 1817 года, изображено: „Въ вознагражденіе усердной службы по министерству народнаго просвѣщенія, начальствомъ засвидѣтельствованной, кол. сов. Невзорова, всемилостивѣйше повелѣваемъ: производить ему въ пожизненный пенсіонъ по 1,000 руб. въ годъ изъ государственнаго казначейства“.

Замѣчательно, что бывший министръ народнаго просвѣщенія, гр. Разумовскій, увольняя Невзорова отъ должности, отказалъ ему въ пенсіи, а другой министръ, кн. Голицынъ, подѣ начальствомъ котораго Невзоровъ и не служилъ, выпросилъ ему въ пенсіонъ все содержаніе по прежней его должности, т. е. жалованье по 1,000 руб. и квартирныхъ по 500 р. Чѣмъ-же объяснить такую милость? Развѣ тѣмъ, что Невзоровъ принадлежалъ къ обществу масоновъ!

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля я отправился съ княземъ въ подмосковное село его Троицкое по серпуховской дорогѣ. Мы имѣли съ университетомъ безпрестанныя сношенія, и, сверхъ того, каждую недѣлю ѣздили въ Москву для осмотра построекъ главнаго университетскаго корпуса. Я употреблялъ все стараніе и дѣятельность, чтобы заслужить милостивое въ себѣ благорасположеніе начальника своего, и былъ столь счастливъ, что князь, будучи доволенъ отличнымъ усердіемъ моимъ къ службѣ и поведеніемъ, а равно и разборомъ дѣлъ попечительской канцеляріи за прежніе четыре года, присланныхъ отъ Кутузова въ безпорядкѣ, самъ вызвался представить меня къ ордену при первомъ удобномъ случаѣ. Осенью 1817 г. государь императоръ прибылъ въ Москву, а также и министръ нашъ кн. Голицынъ. Попечитель, желая обратить вниманіе министра на профессоровъ московскаго университета, не получавшихъ долгое время никакихъ наградъ, испросилъ дозволенія представить нѣкоторыхъ изъ нихъ къ знакамъ отличія и къ чинамъ. Однажды по утру князь призвалъ меня въ свой кабинетъ, приказалъ сѣсть за столъ противъ себя и писать чтó онъ будетъ днествовать. Это былъ списокъ тѣмъ чиновникамъ, которыхъ князь находилъ достойными высокомонаршей милости. Я уже заранѣе восхищался мыслью, что

услышу и свое имя, но, къ удивленію моему, удостовѣрился, что князь, несмотря на свое обѣщаніе, не назначилъ мнѣ никакой награды. Смущеніе мое столь было явно, что его сіятельство спросилъ меня: „растолкуй-же ты мнѣ, что все это значитъ?“

Не умѣя владѣть собою, я отвѣчалъ князю довольно вспыльчиво, что смущеніе мое произошло отъ того, что я лишился обѣщанной мнѣ его сіятельствомъ награды. Съ того времени князь началъ обходиться со мною очень холодно, такъ что я едва не лишился своего мѣста. Скажу откровенно, что означенный списокъ былъ составленъ съ большимъ искусствомъ и знаніемъ не только профессоровъ, но и чиновниковъ московскаго учебнаго округа. Это дѣло не князя, а Антонскаго. Выпрашивая себѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чинъ, которымъ прежде никто изъ профессоровъ жалованъ не былъ, Антонскій убѣдилъ князя удостоить такой-же награды и проф. Сандунова потому, чтобы онъ впослѣдствіи времени не кричалъ во все горло на мнимую свою обиду, ибо онъ находился при университетѣ не болѣе шести лѣтъ; назначая помощнику своему по должности инспектора благороднаго пансіона, адъюнкту Давыдову, орденъ св. Анны 3-й степени, Антонскій присоединилъ къ Давыдову и любимца ректора Гейма—Каменецкаго ¹⁾). Много было включено и другихъ и все по разнымъ отношеніямъ или самого князя или Антонскаго, но ничто такъ не удивило меня какъ то, что въ числѣ представленныхъ къ ордену св. Владиміра 4-й степени находился издатель „Московскихъ Вѣдомостей“ вн. Владиміръ Долгорукій, шурина прежняго попечителя Кутузова, поступившій въ университетскую типографію въ 1810 г. и ничѣмъ не занимавшійся. Вѣроятно, что Антонскій угождалъ этую продѣлкою Кутузову, а также и то, что князь, по внушенію Антонскаго, не назначилъ мнѣ никакой награды.

Недостатокъ въ арміи врачей заставилъ правительство вновь обратить вниманіе свое на этотъ важный предметъ. Министръ

¹⁾ Князь, уважая заслуги ректора Гейма, приказалъ мнѣ спросить его: „какую награду желаетъ онъ получить—чинъ-ли дѣйствительнаго статскаго совѣтника или орденъ св. Владиміра 3-й степени?“ Геймъ пожелалъ имѣть орденъ, говоря, что титулъ превосходительства тяжелъ для профессора.

потребовалъ отъ попечителя свѣдѣнія: „нѣтъ-ли возможности увеличить въ московскомъ университетѣ число казенныхъ студентовъ по медицинской части?“ Это обстоятельство приблизило къ князю двухъ старшихъ профессоровъ медицинскаго факультета: Мухина и Мудрова. Первый изъ нихъ хотя и честолюбивый ¹⁾, но вмѣстѣ съ тѣмъ усердный, дѣятельный до излишества, любившій все русское и желавшій имѣть во всей Россіи русскихъ врачей; другой, хитрый масонъ, льстивый, лицемерный, искаательный, готовый пожертвовать всѣмъ для своего честолюбія. Отъ этихъ-то ученыхъ мужей попечитель потребовалъ мнѣнія ихъ насчетъ увеличенія въ московскомъ университетѣ числа казенно-коштныхъ студентовъ. Мухинъ предлагалъ устроить въ покровскихъ казармахъ обширное медицинское училище, какъ-бы отдѣльное отъ университета. Легко было понять, что Мухинъ назначалъ себя въ начальники этого училища. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, до предмета сего касающихся, оказалось, что предположеніе Мухина, какъ требующее большихъ издержекъ и взятія у города военныхъ казармъ, не могло приведено быть въ исполненіе и оставлено безъ вниманія.

Что-же касается до Мудрова, то онъ признавалъ за лучшее устроить при самомъ университетѣ особый медицинскій институтъ, имѣя воспитанниковъ подъ надзоромъ директора изъ профессоровъ. Предположеніе Мудрова было одобрено попечителемъ, министромъ и, наконецъ, самимъ государемъ. Само собою разумѣется, что Мудровъ получилъ должность директора этого

¹⁾ Однажды князь приказалъ мнѣ запечатать письмо его къ Мухину. Исполняя волю начальника, я сдѣлалъ на конвертѣ слѣдующую надпись: «Его высокоблагородію милостивому государю Ефрему Осиповичу Мухину». То-же самое повторилъ я и въ другой разъ. Спустя нѣкоторое время князь говоритъ мнѣ, что я обидѣлъ Мухина и долженъ просить у него прощенія; „вы, продолжалъ князь, написали къ нему на конвертѣ „его высокоблагородію“, а слѣдовало-бы надписать его высокоблагородію, что онъ почелъ за насмѣшку и даже не хотѣлъ принимать другаго письма“.

Я остолебѣлъ отъ удивленія и не зналъ что отвѣчать мнѣ князю на такую вину. Ошибка моя произошла отъ того, что Мухинъ, по представленію московской медико-хирургической академіи, получилъ незадолго предъ сношеніемъ съ нимъ князя чинъ статскаго совѣтника, о чемъ не было еще объявлено въ газетахъ и не дано знать университету. Каково честолюбіе ученаго мужа!

заведенія. При этомъ случаѣ я нелишнимъ почитаю изъяснить, что ни совѣтъ университета, ни врачебное отдѣленіе не участвовали въ разсмотрѣніи предложеній Мудрова объ учрежденіи при университетѣ означеннаго института. Равнымъ образомъ не участвовали они и въ назначеніи Мудрову трехъ помощниковъ по должности директора этого института: первымъ помощникомъ своимъ Мудровъ избралъ приближеннаго къ нему доктора Страхова ¹⁾, вторымъ—доктора Терновскаго, а въ третьи, сверхъ желанія Мудрова, поступилъ лекарь Тихоновичъ, о чемъ я буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Въ 1819 г. окончательно возобновленъ главный университетскій корпусъ по Моховой улицѣ, на всемилостивѣйше пожалованную государемъ императоромъ 26-го января 1817 г. сумму, простиравшуюся до пяти сотъ тысячъ рублей, и 4-го іюля того-же 1819 г. университетъ, въ общему удовольствію, имѣлъ годовое торжественное собраніе свое въ этомъ возобновленномъ уже корпусѣ. При этомъ случаѣ ректоръ и гг. профессора принесли сердечную дань благодарности попечителю московскаго учебнаго округа князю А. П. Оболенскому, за особенные труды его и полезныя наставленія при производствѣ разныхъ работъ въ означенномъ корпусѣ. Жалѣли только о томъ, что кн. Оболенскій, внявъ совѣту любимца своего, заслуженнаго профессора Прокоповича-Антонскаго, не заблаго-разсудилъ возобновить бывшей въ томъ корпусѣ церкви во имя великомученицы Татіаны, празднуемой 12-го января, а призналъ за лучшее ходатайствовать у духовнаго начальства о присоединеніи къ университету смежной съ нимъ приходской церкви великомученика Георгія, имѣвшей два предѣла—верхній во имя архангела Михаила, выгорѣвшій въ 1812 году, и нижній во имя великомученика Георгія, находившійся въ самомъ бѣдномъ положеніи. Такое предположеніе основано было на томъ, что какъ церковь великомученика Георгія, такъ и дома церковниковъ входили нѣсколько въ задній дворъ университета, отъ чего происходилъ съ обѣихъ сторонъ разныя неудовольствія, да и самъ дворъ университета представлялъ безобразный видъ; по этому

¹⁾ У профессора Харитова Андр. Чеботарева была законная дочь Софья Харитоновна, да воспитанница Варвара Харитоновна. На первой былъ женатъ Мудровъ, а на второй Страховъ.

обстоятельству составлено было отношеніе князя къ архіепископу московскому Августину и испрашивается согласіе его на присоединеніе къ университету навсегда церкви великомученика Георгія съ землею. Мнѣ поручено было вручить лично его высокопреосвященству означенное отношеніе князя, что, разумѣется, я и исполнилъ. Высокопреосвященный владыка, прочтя это отношеніе, изволилъ сказать: „князь пишетъ хорошо“.

Потомъ продолжалъ: „возьмите любую изъ двухъ церквей или Георгіевскую или Ильинскую, находящуюся въ переулкѣ къ Тверской улицѣ, тоже смежную съ заднимъ дворомъ университета“, о чемъ и общалъ дать консисторіи надлежащее предписаніе.

Хотя кн. Оболенскій и остался очень доволенъ рѣшеніемъ Августина, но, къ удивленію своему, встрѣтилъ въ скоромъ времени препятствіе на присоединеніе къ университету Георгіевской церкви со стороны приходскаго священника Захарія Яковлевича и прихожанъ. Первый отклонилъ отъ себя перемѣщеніе въ другой выгоднѣйшій приходъ, а пожелалъ умереть при церкви Георгія; а вторые обязались возобновить и расширить эту церковь въ другомъ лучшемъ видѣ. Этотъ новый неожиданный оборотъ дѣла утвержденъ былъ консисторіею и самимъ владыкою съ тѣмъ, однако-же, чтобы верхній престолъ церкви Георгія, выгорѣвшій въ 1812 году, отданъ былъ въ вѣдомство и содержаніе университета, а нижній оставался-бы для прихожанъ.

Такимъ образомъ, университетъ принужденъ былъ въ 1820 г. возобновить и благолѣпно украсить верхній престолъ церкви Георгія, посвятивъ его имени великомученицы Татіаны, въ воспоминаніе дня основанія университета.

Въ 1834 г. присоединены къ университету, купленные на счетъ казны у г. Пашкова, два обширныхъ дома, изъ коихъ въ одномъ, по Никитской улицѣ, университетъ устроилъ свою уже церковь во имя той-же св. великомученицы Татіаны. Причисленная-же къ университету приходская Георгіевская церковь, на основаніи высочайшаго повелѣнія, возвращена въ духовное вѣдомство.

Итакъ, все пришло въ тотъ-же порядокъ, въ какомъ находилось и въ 1812 году.

Въ то самое время, какъ производилась отстройка главнаго

университетскаго корпуса подь непосредственнымъ распоряженіемъ самого попечителя, кн. Оболенскаго, и избраннаго имъ архитектора Жилларди, началъ увиваться около князя старичекъ небольшого роста, худощавый, льстивый, бойкій на словахъ, бывшій старшиною въ какой-то масонской ложѣ. Этотъ старичекъ былъ лейбъ-медикъ Лодеръ. Онъ просилъ князя о покупкѣ у него для университета собранія анатомическихъ препаратовъ за сто тысячъ рублей. Князь, соображая, что университетъ лишился въ 1812 году почти всѣхъ ученыхъ сокровищъ своихъ, убѣдилъ министра кн. Голицына приобрести у Лодера продаваемое имъ собраніе анатомическихъ препаратовъ за 125,000 рублей на счетъ суммъ, принадлежавшихъ департаменту министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, Лодеръ, положи въ свой карманъ весьма значительный капиталъ и какъ будто проникнутый патріотизмомъ, вызвался преподавать медицинскимъ студентамъ анатомію шесть разъ въ недѣлю, по два часа, безъ жалованья, что и было принято попечителемъ и министромъ съ признательностью. Для лучшаго-же въ этомъ дѣлѣ успѣха, Лодеръ принялъ участіе въ отстройкѣ анатомическаго театра и убѣдилъ князя вызвать въ университетъ изъ Іены извѣстнаго ему, Лодеру, прозектора Гумбурга съ профессорскимъ жалованьемъ по 2,000 руб. въ годъ и казенною квартирою. (Русскій прозекторъ не годился Лодеру). При этомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что Лодеръ, какъ лейбъ-медикъ, уклонился отъ сношеній своихъ съ университетомъ и велъ переписку съ однимъ только попечителемъ, слѣдовательно ни совѣтъ университета, ни правленіе не имѣли права разсуждать о всѣхъ затѣяхъ Лодера, влонившихся къ личной его пользѣ.

Доселѣ чтеніе анатомическихъ лекцій въ университетѣ возложено было на профессора Мухина, теперь это чтеніе перешло къ Лодеру. Мухинъ не могъ уже равнодушно смотрѣть на своего соперника—и они стали въ непріязненные другъ къ другу отношенія. Зато директоръ медицинскаго при университетѣ института, проф. Мудровъ, взялъ явно сторону Лодера, посѣщалъ его лекціи и отзывался о нихъ вездѣ съ величайшею похвалою. Это происшествіе основало въ медицинскомъ факультетѣ московскаго университета двѣ партіи: лодеро-мудровскую и мухинскую, что имѣло для студентовъ дурныя послѣдствія.

Лодеръ—какъ хитрый политикъ, втершись въ университетъ, оставилъ въ своемъ завѣдываніи и проданный имъ анатомическій кабинетъ; слѣдовательно, никто изъ профессоровъ не принималъ отъ него всего кабинета по описи. Говорили съ достовѣрностью, что нѣкоторые дорогіе препараты были утрачены. Чтобы замѣнить ихъ новыми, Лодеръ и вызвалъ къ себѣ нѣмецкаго прозектора Гумбурга. Что-же касается до безмезднаго чтенія Лодеромъ анатомическихъ лекцій, то и оно вскорѣ, по ходатайству попечителя, было вознаграждено самымъ блистательнымъ образомъ: Лодеръ получилъ аренду въ 1,000 руб. сер. При этомъ случаѣ невольно вспомнишь стихи Пушкина:

„Не вѣрю я чести игрока;
 Не вѣрю я французской дружбѣ,
 Любви къ Россіи поляка
 И нѣмца безкорыстной службѣ!“

М. П. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ характеристикѣ вел. князя Константина Николаевича

† 13-го января 1892 г.

Къ числу множества фактовъ, характеризующихъ свѣтлую личность въ Бозѣ почившаго 13-го января 1892 г. сотрудника Царя-Освободителя—великаго князя Константина Николаевича, можетъ быть отнесенъ нижеслѣдующій, рѣзко противорѣчащій общему настроенію того времени, къ которому онъ относится.

Въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Норова, по цензурѣ вѣдомства народнаго просвѣщенія, отъ 23-го апрѣля 1854 г., сказано:

„Въ одной рукописи, предназначавшейся къ напечатанію, оказались, между прочимъ, разсужденія о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ русскаго флота въ нынѣ начавшейся войнѣ съ Англією и Францією. Разсужденія эти имѣли патріотическій характеръ, но состояли, большею частію, изъ предсказаній нашему флоту и его августѣйшему начальнику блистательныхъ успѣховъ въ этой войнѣ. Вслѣдствіе изъявленнаго е. и. выс. государемъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ желанія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить по цензурѣ ввѣреннаго вамъ, милостивый государь, округа, чтобъ впредь были отклоняемы отъ печатанія похвалъ будущимъ, т. е. не состоявшимся еще, дѣйствіямъ нашего флота, и положительно не допускаемы похвалы и одобренія дѣйствіямъ и намѣреніямъ его императорскаго высочества“. (Акты, собранные кавказскою археографическою комиссією, Тифлисъ, 1888 г., томъ XI, 755).

Сообщ. С. И. Е.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И КОРОЛЬ ПРУССКІЙ ВЪ АНГЛІИ

въ 1814 году.

Выдержка Юрія Васильевича Толстаго изъ английскихъ газетъ.
„Times“. Среда, 8-го іюня 1814 г.

рибытіе ихъ величествъ императора російскаго и короля прусскаго. Эти два великіе государя, которымъ Европа столь глубоко обязана за ихъ достославное участіе въ сверженіи великаго колебателя образованнаго свѣта и за возобновленіе благословеннаго мира, вступили на британскій берегъ въ Дувръ въ понедѣльникъ, въ половинѣ седьмаго часа пополудни. Это второй разъ, что русскій императоръ и первый, что король прусскій посѣщаютъ нашу страну.

Ихъ величества сѣли на корабль „Impregnable“ („Неприступный“) въ Булонѣ, около часа пополудни, при усиленныхъ залпахъ артиллеріи. Какъ только они были въ виду флота, корабль его величества „Монархъ“ (Monarch of Deal) выкинулъ королевскій флагъ и разныя другіе флаги и далъ королевскій салютъ. Флотъ состоялъ изъ „Impregnable“ („Неприступный“), на которомъ сидѣлъ его королевское высочество герцогъ Кларенскій, фрегата „Язонъ“, „Royal Sovereign“, „Royal Charlotte“ и нѣсколькихъ другихъ кораблей. Вѣтеръ дулъ довольно сильный, но входъ кораблей въ рейдъ задержался на нѣкоторое время до начатія прилива. „Impregnable“ бросилъ якорь гдѣ-то около полуторы мили отъ берега, почти напротивъ входа въ гавань, около $\frac{3}{4}$ пятаго. Вѣтеръ дулъ съ вос-

тока и море поднялось на значительную высоту. Герцога Кларенскій послалъ на берегъ свой катеръ, чтобы найти лучшее мѣсто для высадки, и платформа, по данному приказанію, была въ скорости выстроена для большаго удобства именитыхъ посѣтителей. Однако-же, случилась неудача: во время этихъ приготовленій отливъ до того удалился, что безопасная высадка на назначенномъ мѣстѣ была-бы чрезвычайно затруднительна; поэтому избрали болѣе удобное мѣсто и высадка совершилась легко въ половинѣ седьмаго. Пушки „Impregnable“ и другихъ военныхъ кораблей выпалили салютъ въ самую минуту, когда государи сошли съ корабля, и повторили то-же, когда они вступили на берегъ, причемъ имъ отвѣчалъ полный залпъ артиллеріи съ береговыхъ батарей и радостныя восклицанія тысячъ британскаго народа, раздиравшія воздухъ. Видъ былъ великолѣпный: матросы, всѣ одѣтые въ новыя голубыя куртки и бѣлые штаны, стоя на реяхъ, присоединяли свои громкія, искреннія привѣтствія къ рукоплесканію толпы.

Главныя лица изъ высадившихся на берегъ съ императоромъ Александромъ и королемъ прусскимъ были: наслѣдннй принцъ прусскій принцъ Вильгельмъ, второй сынъ короля, принцъ Фридрихъ, племянникъ короля, принцъ Августъ, двоюродный братъ его величества, марш. Блюхеръ, бар. Гумбольдтъ, королевскій камергеръ гр. Гарденбергъ, гр. Нессельроде, бар. Анштетъ, князь Адамъ Чарторижскій, ген. Чернышевъ, д-ръ Виллье, медикъ императора російскаго, сэръ Чарльсъ Стюартъ, полковн. Кукъ, кап. Вудъ и проч.

Менѣе чѣмъ полчаса спустя, знаменитые государи вмѣстѣ отправились къ принцу регенту въ его покои въ Christ Church; канцлеръ и деканъ приняли ихъ у воротъ, съ обнаженною головою. Принцъ, одѣтый въ академическую форму, въ черной бархатной шапкѣ, съ золотою кистью, вышелъ въ сопровожденіи императора и его сестры, герцога Йоркскаго и короля прусскаго, молодыхъ прусскихъ принцевъ, принца Оранскаго и множества иностранныхъ благородныхъ особъ; ихъ сопровождали герцогъ Девонширскій, графъ Фортескью, графъ Эссексъ, и нѣсколько другихъ знаменитыхъ лицъ. Прежде всего пошли въ залу Christ Church, которая, повидимому, чрезвычайно имъ понравилась; осматривали соборъ и библіотеку; оттуда прошли въ Мертонъ (Merton), гдѣ директоръ д-ръ Воганъ (Voughan) провелъ ихъ по коллегіуму и по садамъ и вывелъ чрезъ садовыя ворота въ Brood Walk Christ Church'a. Вниманіе ихъ было занято попережѣнно коллегіумами Magdalen (Магдалина), Queen (королевы), All Souls; но долѣе всего высокіе посѣтители оставались и болѣе

всего показали удовольствія при осмотрѣ церкви въ New College (новый коллегіумъ). Они почтили посѣщеніемъ и Clarendon Press и оттуда прошли въ Bodleian Library (библіотека Бодлея), которая весьма имъ понравилась.

Потомъ предметомъ любопытства публики былъ банкетъ въ Radcliffe Library. Свиты государей собрались въ библіотекѣ коллегіума All Souls. Въ половинѣ восьмага они пошли въ библіотеку по ковру, посланному черезъ улицу, и сѣли за обѣдъ. Верхняя галерея была открыта для народа; видъ поистинѣ былъ любопытенъ. Посреди зданія, прямо надъ куполомъ, былъ поставленъ столъ, покрытый серебряною посудю. Кругомъ былъ поставленъ почти круглый столъ, столъ обширный, что онъ занималъ весь кругъ внутри зданія; идя вѣтвями отъ него, въ видѣ радіусовъ, протянутыхъ отъ центра, были поставлены пять столовъ въ промежуткахъ восьми арокъ, которыми раздѣленъ наружный фасадъ библіотеки. По серединѣ круглаго стола сидѣлъ канцлеръ со своими высокими посѣтителями. Гостей было до двухсотъ чловѣкъ, изъ коихъ пятьдесятъ составляли свиту принца и занимали часть стола ближайшую отъ его королевскаго высочества. Столы были заставлены красивыми сосудами; одежды посѣтителей были великолѣпны; многіе были въ военныхъ мундирахъ или въ придворныхъ платьяхъ, на которыя наброшены были алыя академическія мантіи (gobes). Все представляло зрѣлище ни съ чѣмъ несравнимое, благодаря красотѣ зданія, удобному размѣщенію зрителей, знатности гостей и единственному и классическому эффекту, придаваемому всей сценѣ ихъ парадными одеждами. Принцъ былъ весьма веселъ и всякій разъ, по провозглашеніи какого-нибудь любимаго тоста, когда зрители громко изъявляли одобреніе, его королевское высочество милостиво по нѣсколько разъ, съ веселымъ и восторженнымъ видомъ, дѣлалъ одобрителный знакъ рукою. Гости разошлись около одиннадцати, чтобы смотрѣть на иллюминаціи, которыя были зажжены по всѣмъ улицамъ Оксфорда. Между двѣнадцатью и часомъ, ужасная гроза съ громомъ и молніею внезапно разразилась надъ городомъ и проливной дождь вскорѣ погасилъ всѣ огни.

„The Gentleman's Magazine“, іюнь 1814. стр. 612—619.

Diary of the proceedings of the Allied Sovereigns. (Дневникъ преепровожденія времени союзныхъ монарховъ).

Іюня 6-го. Понедѣльникъ. Два государя, императоръ російскій и король прусскій, коимъ Европа столь много обязана за участіе

ихъ въ свергнутіи всеобщаго поработителя образованнаго міра и за восстановленіе благословеннаго мира, сошли на британскіе берега въ Дувръ, съ кораблей „Impregnable“ и „Язонъ“, сегодня, въ половинѣ седьмаго часа пополудни. Это второй разъ, что русскій императоръ и первый, что прусскій король посѣщаютъ нашу страну. Ихъ величества были въ сопровожденіи двухъ старшихъ сыновей короля прусскаго, принца Вильгельма (его брата), принца Фридриха (его племянника), пр. Августа (его двоюроднаго брата), фельдмарш. Блюхера, бар. Гумбольдта, графовъ Гарденберга и Нессельроде, бар. Анштета, князя Чарторыйскаго (Galdriske), ген. Чернышева, д-ра Виллье (мед. императора), сэра Ч. Стюарта, полк. Кука (Cooke), кап. Вуда (Woode) и т. д. Ихъ величества были приняты на берегу лордами Ярмутъ, С. Бентинкъ и граф. Рослицъ. Герцогъ Кларенскій, который привезъ ихъ изъ Булоня, распорядился великолѣпнымъ угощеніемъ, которымъ воспользовалась большая часть августѣйшихъ и знаменитыхъ особъ. Графы Платовъ, Барелай-де-Толли, Толстой и кн. Меттернихъ (австрійск. министръ) высадились прежде. Императоръ Александръ, принявъ адресъ жителей Дувра, отвѣчалъ депутаціи по-англійски слѣдующими словами: „although, gentlemen, I understand your language. I dont feel myself sufficiently acquainted with it to reply you in english, and I must therefore request those gentlemen of the Deputation who speak french to be my interpreters to those who do not (хотя, джентельмены, я и понимаю вашъ языкъ, но недостаточно знакомъ съ нимъ, чтобы отвѣчать вамъ по-англійски, и поэтому я прошу тѣхъ господъ депутатовъ, которые говорятъ по-французски, передать мои слова всѣмъ остальнымъ). Остальная часть отвѣта его величества была сказана по-французски, въ такомъ смыслѣ:

— „Я много доволенъ видѣть по чувствамъ, вами выраженнымъ, что заслуги, оказанныя моими войсками въ великомъ дѣлѣ (grande cause), въ которомъ мы участвовали, столь высоко оцѣнены британскою націею. Могу васъ увѣрить, что отнюдь не малое удовольствіе, полученное мною отъ послѣдней войны, состоитъ въ возможности, которую она мнѣ доставила посѣтить Англію, страну, которую я издавна высоко почитаю. Господа, прошу васъ принять мою благодарность за этотъ знакъ вашего вниманія и мои лучшія пожеланія о благѣ вашего города, и будьте увѣрены, что я всегда буду стараться сохранить искреннюю дружбу между Англіею и Россіею“.

7-го іюня. Съ ранняго утра дорога отъ Лондона до Дувра представляла ни съ чѣмъ въ своемъ родѣ несравненное зрѣлище. Все окрестное народонаселеніе, казалось, высыпало для привѣтствованія

нашихъ союзниковъ, благодѣтельныхъ монарховъ, принцевъ патриотовъ и генераловъ, отличившихся мужествомъ и успѣхомъ. Въ три часа толпа сдѣлалась нетерпѣливою, когда въ Shooters' Hill пришло извѣстiе, что въ Welling'ѣ докторъ Чарльзъ Стюартъ сказалъ, что ихъ величества, два часа тому назадъ, вѣхали въ городъ совершенно частнымъ образомъ. Дѣйствительно, императоръ вѣхалъ въ Лондонъ около половины втораго, въ запряженной четвернею каретѣ гр. Ливена, русскаго посланника, не имѣя ни одного провожатаго; впереди его, въ почтовой каретѣ, ѣхали лорды Ярмутъ и Бентинкъ. Когда узнали, что императоръ прибылъ въ Puttney hotel (отель Путтне) въ Пикадилли, народъ выразилъ свою радость криками „ура“ и „да здравствуетъ императоръ“. Его императорское величество вскорѣ вышелъ на балконъ и самымъ благосклоннымъ образомъ кланялся (что онъ, по временамъ, повторялъ до одиннадцати часовъ ночи), причемъ народъ отвѣчалъ радостными восклицанiями. Въ половинѣ пятаго императоръ, въ сопровожденiи гр. Ливена, отправился посѣтить принца регента въ Carlton house. Онъ былъ принятъ частнымъ образомъ регентомъ, который отъ всего сердца прiвѣтствовалъ его величество. Король прусскiй, его сыновья и ихъ многочисленныя свиты также приватно прiѣхали и остановились въ Clarendon house (приготовленный для ихъ прiема), въ Сентъ-Джемскомъ предмѣстьѣ, около трехъ часовъ. Около 4-хъ, его величество поѣхалъ въ Carlton house и былъ дружески принятъ регентомъ, съ которымъ онъ оставался полчаса. Потомъ его величество посѣтилъ герцога и герцогиню Юркскихъ, которыхъ домъ стоялъ напротивъ. Въ 6 ч. марш. Блюхеръ прiѣхалъ въ Сентъ-Джемскiй паркъ черезъ Horse Guards въ открытомъ экипажѣ принца регента. Его наружность чрезвычайно мужественна и выразительна и носить слѣды воинскихъ трудовъ и лишенiй, имъ понесенныхъ; усы замѣтно выдаются надъ его верхнею губою. Его прямо повезли въ Carlton house. Какъ только ворота были отворены, люди верхомъ и пѣшая публика ринулись во дворъ; не было никакой возможности удержать ихъ; двое часовыхъ у воротъ, съ ихъ ружьями, были сбиты съ ногъ и привратникъ также былъ не въ силахъ сопротивляться. Толпа ринулась во дворъ, оглашая воздухъ криками въ честь Блюхера. Полковники Блумфильдъ и Конгревъ вышли на встрѣчу генералу съ непокрытыми головами и такимъ образомъ проводили его до главнаго входа въ Carlton house. Толпа, собравшаяся въ Pall Mall, потеряла всякое уваженiе къ благопристойности мѣста; въ одну минуту она взобралась на стѣны; въ удовлетворенiе ихъ восторженнаго усердiя, главныя двери въ залу были отворены.

Послѣ перваго свиданія генерала съ принцемъ замѣчательная сцена имѣла мѣсто. Принцъ регентъ возвратился съ доблестнымъ Блюхеромъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ и посрединѣ главной залы, окруженной народомъ, собственноручно навязалъ на его плечо голубую ленту, на которой висѣлъ медаліонъ съ портретомъ принца, богато украшеннымъ алмазами. Маршалъ Блюхеръ преклонилъ колѣно, пока принцъ отдавалъ ему эту почесть и, вставъ, поцѣловалъ его руку. Принцъ и генералъ послѣ того кланялись публикѣ, которой восклицанія присемъ превосходятъ всякое описаніе. Потомъ генералъ, сопровождаемый огромною толпою, отправился въ домъ г. Гортина (М-г Gortin) въ Сентъ-Джемскій дворецъ, возлѣ дома герцога Кумберляндскаго.

8-го іюня. Препровожденіе времени императора Александра, равно какъ и сестры его, великой княгини Ольденбургской, являетъ очевидныя доказательства достохвальной ихъ любознательности и хорошаго вкуса. Императоръ вполне равнодушенъ ко всякой пышности и параду, до того дѣятеленъ, что, дабы за нимъ хорошо наблюдать, нужно вставать, по крайней мѣрѣ, такъ-же рано, какъ и онъ. Утромъ онъ завтракалъ въ восемь, и гулялъ со своею сестрою въ садахъ Кензингтонскаго дворца. Возвратившись въ Putney House въ десять, отправился осмотрѣть Westminster Hall and Abbey (Вестминстерское аббатство), гробницы именитыхъ умершихъ, и потомъ посѣтилъ Британскій музей.

Въ часть у него былъ приемъ въ Cumberland House, который отведенъ ему для парадныхъ покоевъ, и былъ посѣщенъ принцемъ регентомъ, который потомъ отправился къ приему прусскаго короля въ Clarence House. Между пятью и шестью, оба знаменитые государя со своими свитами отправились на выходъ ея величества, назначенный нарочно для свиданія съ ними, въ королевскомъ дворцѣ. Потомъ ея высочества принцессы, союзные государи, ихъ семейные и прочія лица обѣдали у принца регента въ Carlton House.

9-го іюня. Между семью и восемью часами императоръ Александръ и другіе ѣздили въ Гайдъ-паркъ въ сопровожденіи лорда Ярмута и полковн. Блумфельда. Оттуда они проѣхали въ Вестминстеръ, и черезъ Саутваркъ (Southwark) въ Сити, проѣхавъ черезъ королевскую биржу, и черезъ скверъ Финсбери и New Road возвратились черезъ Edgeware road и Гайдъ-паркъ въ отель Путтне. Послѣ завтрака императоръ съ великою княгинею и нѣкоторыми почетными лицами выѣхали изъ отеля въ каретахъ безъ воинскаго конвоя и поѣхали черезъ набережную и Сити къ лондонскимъ докамъ, этимъ великимъ сооруженіямъ,—символу безпри-
мѣрнаго коммерческаго благосостоянія.

10-го іюня. Союзные государи завтракали вмѣстѣ въ отелѣ Путте съ великою княгиней и потомъ отправились на скачки въ Аскотъ, въ сопровожденіи маршала Блюхера, ген. Платова и многочисленной свиты; они ѣхали по Фульгамской дорогѣ, и прибыли въ девять въ Richmond Hill'ю, въ Stor и Garter tavern (трактиръ), гдѣ имѣли холодную закуску. Потомъ всѣ отправились на террасу и были восхищены великолѣпнымъ видомъ. Государь былъ въ простомъ коричневомъ сюртукѣ, съ маленькимъ крестомъ, въ гусарскихъ сапогахъ. Король прусскій въ синемъ пальто. Между 10 и 11 часами они поѣхали въ Гамптонъ Кортъ (Hampton Court) и осматривали красоты онаго съ тѣмъ вниманіемъ, какое допускала краткость времени. Императоръ російскій со своею сестрою прибыли въ Аскотъ около часа. Король прусскій и его свита вслѣдъ за ними; потомъ пріѣхали королева англійская и принцессы; вслѣдъ затѣмъ принцъ регентъ со свитою. Всѣ августѣйшія особы занимали королевскую ложу. Около четырехъ именитыя лица отправились въ Фрагморъ, гдѣ королевою былъ заказанъ обѣдъ на сто персонъ.

11-го іюня. Около одиннадцати часовъ императоръ російскій и герцогиня Ольденбургская, въ сопровожденіи принца Оранскаго, гр. Ливена, лорда Ярмута и другихъ почетныхъ особъ, проѣхали черезъ Сити и остановились у воротъ банка въ Лотбери (Lothbury). Смотритель и директоръ проводили посѣтителей черезъ разныя отдѣленія этого огромнаго зданія. Его императорское величество слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ данныя ему объясненія разныхъ частей управления и выразилъ удивленіе систематическому распредѣленію дѣлопроизводства. Онъ прибавилъ съ большою привѣтливостію и снисхожденіемъ, что онъ много обязанъ за вѣжливое вниманіе, оказываемое ему и его сестрѣ, и что по тому, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ убѣжденъ, что значеніе, пріобрѣтенное англійскимъ народомъ черезъ ихъ обширную торговлю, его богатство и его щедрость, нисколько не преувеличено противъ дѣйствительности. Въ пять часовъ, его императорское величество со свитою отправился въ парадные покои Сентъ-Джемса. Около шести къ нему представился лордъ меръ, городской судья, шерифы, всѣ алдерманы и вся городская дума, въ торжественныхъ одеждахъ, съ поздравительнымъ адресомъ. Его имп. величество милостиво благодарилъ за оказанную ему честь короткою англійскою рѣчью, произнесенною чрезвычайно изящно и ловко.

Вечеромъ гр. Ливерпуль давалъ обѣдъ принцу регенту, союзнымъ государямъ и прочимъ знаменитымъ лицамъ, которыя такъ

украшаютъ британскій дворъ. Въ семь часовъ принцъ регентъ выѣхалъ одинъ въ своей каретѣ въ Carlton House, съ обыкновеннымъ конвоемъ; его сопровождали громкія восклицанія народа. Императоръ Россіи съ великою княгинею вскорѣ появились, сопровождаемые конвоемъ голубыхъ (of the Blues); онъ былъ въ британскомъ мундирѣ, въ томъ-же, въ какомъ принималъ адресъ въ Сити. Потомъ пріѣхалъ король прусскій, въ сопровожденіи коннаго конвоя, герцоги Йоркскій и Кентскій, ген. Платовъ и пр.

По публичномъ объявленіи намѣренія союзныхъ государей посѣтить оперу, какъ только двери были отворены, зданіе наполнилось и театръ представилъ блестящее и безпримѣрное зрѣлище собравшихся сановниковъ и знати. Знаменитые посѣтители прибыли не прежде половины одиннадцатаго. Первый вошелъ въ ложу принцъ регентъ, посреди самыхъ восторженныхъ привѣтственныхъ кликовъ, за нимъ слѣдовали императоръ русскій и герцогиня Ольденбургская, король прусскій, его два сына и прочія сановныя лица, обѣдавшія въ Fife House. Клики зрителей продолжались нѣсколько минутъ. Гимнъ, сочиненный въ честь нашихъ августѣйшихъ гостей, отлично пропѣтый, былъ принятъ съ восторгомъ. „God save the King“ былъ два раза пропѣтъ. Передъ самымъ началомъ втораго акта оперы, принцесса Валійская съ леди Шарлотою Кампбелъ (Campbell) вошла въ свою ложу, на противоположной сторонѣ театра. Зрители вновь огласили театръ громкими и много разъ повторенными кликами, причемъ принцъ регентъ и два знаменитые государя встали и поклонились принцессѣ Валлійской, которая отвѣчала граціознымъ поклономъ. Удовольствіе зрителей было невыразимо. Благодаря огромной толпѣ, внутреннія двери опернаго зданія были изломаны и до двухъ тысячъ человекъ ворвалось въ театръ.

„Times“, 14-го іюня. Вечеромъ въ субботу, виконтъ и виконтесса Кастлеро (Castlereugh) давали большой ужинъ императору русскому, королю прусскому, герцогини Ольденбургской, принцу регенту и ихъ многочисленнымъ свитамъ, по возвращеніи ихъ изъ оперы. Августѣйшіе посѣтители разѣхались не прежде трехъ часовъ утра.

Представленіе было: „Opera of Aristodemo“, поставленная синьоромъ Вуоповоглио, музыка д-ра Руситта.

Въ концѣ перваго акта, шотландскій дявертиссементъ; послѣ оперы новый балетъ „Le Calife voleur“.

Между оперою и балетомъ будетъ пропѣтъ въ первый разъ г-жею Грассини, синьоромъ Трамедрони и Марцонки гимнъ въ честь пріѣзда въ Англію императора Александра Благо-

словеннаго (sic) и его величества короля прусскаго. Слова Бонавоглю, музыка Пудитта.

12-го іюня. Въ полдень союзные государи являлись въ Гайдъ-Паркъ верхомъ, чтобы удовлетворить любопытству публики. Императоръ выѣхалъ изъ отеля Путтне верхомъ на отличномъ конѣ, одѣтый въ красный англійскій мундиръ, съ большимъ султаномъ изъ перьевъ на шляпѣ. Онъ проѣхалъ въ Сентъ-Джемскій дворецъ и заѣхалъ въ Clarence House за прусскимъ королемъ, но такъ какъ его лошади не были готовы, то онъ отправился одинъ въ Гайдъ-Паркъ, а его величество поѣхалъ за нимъ. По приказанію принца регента, лордъ Сидней, его смотритель парка, въ виндзорскомъ мундирѣ, ѣхалъ во главѣ всадниковъ. Тутъ-же ѣхалъ герцогъ Монтрозъ (Montrose), оберъ-шталмейстеръ, въ полномъ мундирѣ, со знаками ордена подвязки, полк. Мелишъ, дежурный шталмейстеръ и др. Оставались въ паркѣ до пяти часовъ, къ великому удовольствію Джонъ Буля и его многочисленной семьи, которые принимали монарховъ самыми восторженными возгласами, чѣмъ они, повидимому, были весьма тронуты. Вечеромъ принцъ регентъ далъ второй банкетъ знаменитымъ монархамъ и ихъ свитамъ, причемъ пажы явились въ новыхъ мундирахъ, а тѣлохранители — гвардейцы и прислуга, въ парадныхъ платьяхъ. Принцъ регентъ и государи потомъ съ отборнымъ обществомъ были у маркиза Салисбери.

13-го іюня. Именитые гости и принцъ регентъ сѣли въ Вайтъ-Голъ (White hall) на катера и шлюпки и направились въ Вульвичъ. Всего было семнадцать катеровъ, а съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку лодокъ съ военныхъ кораблей, для содержанія порядка, съ двумя большими оркестрами музыки. Зрѣлище было великолѣпное. По прибытіи къ новой пристани въ королев. Арколъ, его королевское высочество принцъ регентъ высадился при пушечномъ салютѣ и повелъ наверхъ по лѣстницѣ принцессу Ольденбургскую, императора и короля. Почетный караулъ конной гвардіи и королевской артиллеріи стоялъ въ гавани. Ген. Ллойдъ и офицеры гарнизона приняли августѣйшихъ посѣтителей и сперва повели ихъ по кладовымъ, гдѣ всевозможныя военныя принадлежности хранятся въ величайшемъ порядкѣ. Въ модельной комнатѣ они осматривали любопытную модель Квебека и оттуда отправились на Ракетный плацъ (Rocket Ground), гдѣ были приготовлены нѣкоторые опыты, чтобы показать силу и дѣйствіе ракетъ полковника Конгрева (Congreve). Великолѣпная палатка была раскинута на возвышеніи для именитыхъ посѣтителей и ихъ свиты, и когда они заняли свои мѣста, началось весьма занимательное зрѣлище. По знаку, данному

полк. Конгревомъ, начальникомъ ракетнаго отдѣленія, былъ показанъ опытъ силы ракетнаго состава; на разстояніи около двухъ сотъ ярдовъ къ с.-в. отъ возвышенія, на которомъ стояли августѣйшіе посѣтителѣ, нѣкоторое количество этого состава, положенное на трехъ деревянныхъ пластинкахъ, было взорвано и произвело три огромныхъ столпа пламени. Взрывъ имѣлъ видъ изверженія вулкана и сопровождался страшнымъ шумомъ, но замѣчательнѣе всего было горючее свойство состава. Послѣ взрыва, пластинки продолжали горѣть, пока не истлѣли въ зоду. Затѣмъ были показаны опыты употребленія ракетъ при осадахъ. Онѣ поднимались довольно высоко, унося съ собою на значительное разстояніе трубку, наполненную горючимъ составомъ, и производили страшную палъбу. Слѣдующій опытъ служилъ доказательствомъ разрушенія, которое эти ракеты могутъ произвести на полѣ сраженія. Ими палили съ противоположнаго берега Темзы горизонтально по береговой низменности, на разстояніи 800 или 1000 ярдъ. Невозможно описать дѣйствіе, произведенное этими выстрѣлами. Зрители изъявили изумленіе. Гранаты, выкидываемыя ракетами, пролетѣвъ назначенное разстояніе, разрывались съ ужаснымъ трескомъ. Нѣтъ сомнѣнія что одного выстрѣла достаточно, чтобы разстроить кавалерійскій отрядъ. Онѣ особенно дѣйствительны противъ конницы, потому что не только убиваютъ, но и пугаютъ лошадей. Иностранные офицеры были поражены дѣйствіемъ этого новаго военнаго снаряда. Полюбовавшись этимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, августѣйшія особы отправились въ новую пыльную мельницу, гдѣ человѣческая изобрѣтательность, кажется, достигла весьма высокой степени. Пилва какъ вертикальная, такъ и горизонтальная, производится здѣсь посредствомъ механизма, приводимаго въ движеніе единственно паромъ. При этомъ огромныя, еловые бревна были распилены на доски, съ изумительнымъ порядкомъ и точностью. Потомъ ихъ провели въ Royal Carriage Departement, гдѣ былъ дежурнымъ ген-майоръ Кеппеджъ (Cuppage), и, осмотрѣвъ другіе механическіе приводы, они прошли въ казармы кадетовъ, гдѣ была приготовлена изысканная закуска. Принцъ со своимъ штабомъ занялъ свое мѣсто, и бригада производила почти до шести часовъ разныя эволюціи и учащенную стрѣльбу. Ген. Блюхеръ, король и принцъ прусскіе и иностранные генералы, повидимому, весьма были заинтересованы общимъ устройствомъ этой бригады. Подъ конецъ былъ осмотрѣнъ Royal Repository, составляющій огромное депо, и, послѣ подробнаго осмотра, они отправились въ каретахъ въ городъ, при королевскомъ салютѣ; обѣдали у принца Стаффорда.

Оксфордъ, іюня 14-го. Въ $\frac{1}{2}$ 11-го утра прибылъ принцъ регентъ и былъ принятъ въ полномъ парадѣ. Около часа спустя, Александръ со своею любезною и образованною сестрою показался въ открытой коляскѣ принца регента, запряженной простою почтовою четвернею. Императоръ былъ одѣтъ въ простомъ синемъ платьѣ, безъ пудры въ волосахъ, и не переставалъ шляпою кланяться публикѣ весьма благосклонно по всему протяженію Highst. Императоръ и сестра его проѣхали въ Мертонъ-колледжъ, гдѣ ихъ принялъ директоръ и проводилъ въ красиво убранные покои.

Іюня 15-го. Еще до восьми часовъ дамскія мѣста въ театрѣ, гдѣ 600 мѣстъ, были всѣ заняты; въ переднемъ ряду, непосредственно за августѣйшими особами, помѣщалось общество леди Греноаль (Grenouilles). Верхняя галлерей и оркестръ помѣщали не менѣе девятисотъ студентовъ и бакалавровъ. Въ партерѣ (arba) — магистры, юристы и др. и посторонніе по билетамъ. Около десяти часовъ главная дверь театра была отворена. Д-ръ Крошекъ на органѣ, съ аккомпаниментомъ всего оркестра, игралъ маршъ въ Occasional Overture; но, по желанію герцогини Ольденбургской, музыка умолкла незадолго до входа процессіи въ театръ.

Наконецъ, на порогѣ появились съ непокрытыми головами принцъ регентъ, предшествуемый прокурорами, вице-канцлеромъ и канцлеромъ (въ такомъ порядкѣ они шли) и въ одну минуту со всѣхъ сторонъ поднялись громы рукоплесканій. Вслѣдъ за е. к. высочествомъ шли императоръ и за нимъ король прусскій, оба въ одѣяніи доктора правъ. За ними слѣдомъ герцогиня Ольденбургская, сопровождаемая герцогомъ Йоркскимъ; русскіе и иностранные принцы и сановники, всѣ почетные члены университета, председатели палатъ и доктора заключали это великолѣпное и единственное шествіе. Рукоплесканія продолжались долго послѣ того, какъ они заняли мѣста, и собраніе отъ двухъ до трехъ тысячъ человекъ оставалось стоя, пока принцъ громко изъявилъ желаніе, объявленное послѣ него канцлеромъ, что е. к. высочество желаетъ, чтобы сѣли. Невозможно описать общаго эффекта зрѣлища. Выше остальныхъ членовъ университета, слѣва отъ принца, сидѣлъ канцлеръ въ черной мантии съ золотомъ и длинною отдѣлкою изъ великолѣпнѣйшихъ кружевъ. На одной высотѣ съ канцлеромъ, справа, сидѣла герцогиня Ольденбургская, въ простомъ бѣломъ атласномъ платьѣ, безъ всякаго украшенія на головѣ. Еще выше, чѣмъ всѣ они, сидѣли три государя на великолѣпныхъ креслахъ пунцоваго бархата съ золотомъ, имѣя подъ ногами такія-же скамьи. Надъ кресломъ принца регента былъ султанъ изъ золотыхъ

перевъ и вся платформа съ этими пятью сѣдалищами была обита пунцовымъ бархатомъ. Какъ только водворилось молчаніе, канцлеръ открылъ засѣданіе со свойственнымъ ему достоинствомъ. Восхищеніе собранія не имѣло предѣла; нѣсколько времени порядокъ не могъ быть возстановленъ, пока имена принца регента, Александра, Фридриха, герц. Ольденбургской, герцога Юркскаго и канцлера были поочередно и внятно провозглашаемы съ верхней галлерей и покрываемы взрывами одобренія. При этомъ высокія особы поочередно вставали и кланялись. Въ это время народный ораторъ явился на трибунѣ и оттуда обратился къ регенту и августѣйшимъ гостямъ съ латинскою рѣчью, которая, кромѣ чистоты и изящества слога, имѣла и всю силу выраженій, которая такъ свойственна г. Крове (Crove) и за которую онъ такъ давно славится. Его кор. высочество почтилъ эту рѣчь особеннымъ замѣтнымъ вниманіемъ. Потомъ д-ръ Филлиморъ (Phillimore), профессоръ гражданскаго права, произнесъ панегирикъ двумъ великимъ монархамъ, по случаю поднесенія имъ дипломовъ на званіе докторовъ гражданскаго права, въ которое они были возведены. При семъ канцлеръ отдалъ дипломъ императора двумъ прокторамъ, съ приказаніемъ поднести его е. имп. величеству, что и было исполнено. То-же было сдѣлано и для короля прусскаго. Потомъ канцлеръ предложилъ ученую степень (diploma degree) для герц. Веллингтона и почетныя степени (honorary degrees) кн. Меттерниху, первому министру императора австрійскаго, гр. Ливену, русскому посланнику, и князю Блюхеру. Три послѣдніе были немедленно введены и представлены королямъ профессоромъ гражданскаго права. Латинскія рѣчи д-ра Филлимора, при представленіи cadaго кандидата, были чрезвычайно классичны, но особенно эффектна и умѣстна была та, которую онъ рекомендовалъ доблестнаго Блюхера университету; она была безпреставно прерываема самыми громкими одобреніями; шумъ рукоплесканій продолжался нѣсколько времени уже и послѣ того, какъ маститый воинъ, послѣ многократныхъ поклоновъ собранію, принцу и своему государю, занялъ назначенное ему мѣсто. Потомъ были прочтены восемь поздравительныхъ адресовъ въ стихахъ, двѣ греческія оды, одна латинская и пять англійскихъ. Потомъ канцлеръ закрылъ засѣданіе и шествіе вышло изъ театра въ томъ-же порядкѣ, какъ вошло.

Принцъ регентъ, въ сопровожденіи союзныхъ государей и ихъ свитъ, удостоилъ оксфордское общество (Corporation of Oxford) посѣщеніемъ ихъ совѣтной палаты. Дума усталила всю городскую залу скамьями для 600 зрителей, отдѣливъ рѣшетками проходъ, застлан-

ный коврами для шествія процессіи. При входѣ шествія въ палату совѣта, дворянинъ Еліасъ Таунтонъ (Elias Taunton), секретарь думы (town clerk) прочелъ принцу регенту всеподданнѣйшій адресъ, который е. к. высочество принялъ весьма милостиво и по окончаніи коего онъ пожаловалъ ему званіе кавалера. То-же отличіе было пожаловано и городскому головѣ, нынѣ сэру Іосифу Локкѣ (Joseph Lock). Потомъ объявлена почетная вольность города; это предложеніе было поддержано императоромъ россійскимъ, королемъ прусскимъ, наслѣднымъ принцемъ Оранскимъ, пр. Мекленбургскимъ, кн. Меттернихомъ, кн. Блюхеромъ и многими другими знаменитыми особами. Въ часъ августѣйшіе посѣтители, въ сопровожденіи канцлера и лорда Сидмута (Sidmouth, одного изъ кураторовъ) посѣтили обсерваторію. Въ два часа имѣли изящный завтракъ въ колледжѣ All Soul. Вскорѣ затѣмъ императоръ россійскій, король прусскій и ихъ свита выѣхали въ поѣздку въ Бленгеймъ и Стовъ (Stowe).

16-го іюня. Императоръ, герцогиня Ольденбургская и король прусскій, со свитою, возвратились изъ Бленгейма въ пять и выѣхали въ Лондонъ.

17-го іюня. Императоръ съ герцогинею возвратился вчера утромъ, между двумя и тремя часами утра, изъ Оксфорда въ отель Путтне; они ѣхали въ открытомъ экипажѣ и на возвратномъ пути въ Лондонъ были застигнуты грозою; несмотря на то, государь, по обѣщанію, немедленно переодѣвшись въ отелѣ, отправился на балъ графини Джерзей (Jersey), гдѣ онъ оставался до шести часовъ.

Вставъ въ десять, въ половинѣ двѣнадцатаго съ лордомъ Ярмутъ отправился въ St. Paul, гдѣ видѣлъ годичное собраніе нѣсколькихъ тысячъ призрѣнныхъ дѣтей разныхъ приходовъ столицы.

Вечеромъ ихъ императорское и королевское величества обѣдали у лорда Кастлеро: тутъ-же были привцы Прусскіе, Оранскій, Виртембергскій, Метернихъ, Гарденбергъ, герцогиня Іоркская, герцогъ Іоркскій, Кларенскій, Кентскій, Суссексъ, Кембриджскій, Саксенъ-Веймарскій и Орлеанскій, графъ и графиня Ливенъ и др. Въ половинѣ одиннадцатаго государи отправились въ Друри-лэнь (Drury lane) и были приняты распорядителемъ съ такою-же церемоніею, какая бываетъ при посѣщеніи театра нашимъ монархомъ. При пѣвнн „God save the King“ императоръ сердечно присоединился къ хору и при концѣ, также какъ и прусскій король, усердно хлопалъ. Послѣ театра, оба государя отправились къ маркизѣ Гертфордъ

18-го іюня оставался императоръ до половины шестаго утра; въ одиннадцатъ осматривалъ военный приютъ (для дѣтей воиновъ,

убитыхъ на войнѣ) и госпиталь Chelsea, вмѣстѣ съ герцогомъ Ольденбургскимъ и лордомъ Ярмутъ и свитою; оттуда ѣздили въ госпиталь Гринвичъ, въ обсерваторію. По возвращеніи въ отель Путтне, принималъ двухъ джентльменовъ-американцевъ, недавно прибывшихъ изъ Америки.

Въ восемь часовъ вмѣстѣ съ герцогинею Ольденбургскою былъ въ Сити на обѣдѣ въ Merchants Tailors hall. Вмѣсто принца регента первое мѣсто занималъ герцогъ Йоркскій. Обѣдъ кончился въ одиннадцать часовъ. Оттуда въ половинѣ двѣнадцатаго прибыли въ театръ Ковентъ Гарденъ.

20-го іюня, въ субботу. Императоръ и великая княгиня не выѣзжали до четырехъ часовъ по причинѣ дождя и тогда поѣхали въ парадной каретѣ регента въ Guild hall (Гильдъ голъ). Король прусскій ѣхалъ въ каретѣ регента. Торжественное шествіе; возвращеніе съ факелами. Изъ Сити императоръ и герцогиня заѣхали къ лорду Катгарту (Catheart).

Въ воскресенье, вскорѣ послѣ десяти, императоръ и великая княгиня были въ Вельбекѣ, въ русской церкви. Оттуда въ половинѣ двѣнадцатаго отправились на митингъ общества друзей (обыкновенно называемыхъ квакерами) въ Peters court S. Martine's Lane, гдѣ оставались около часа; по возвращеніи въ отель Путтне, у нихъ былъ приемъ разныхъ лицъ въ парадныхъ придворныхъ платьяхъ. Около трехъ часовъ императоръ съ герцогинею поѣхали къ принцессѣ Шарлотѣ, Warwick house, пробыли полчаса; оттуда въ Чисвикъ къ герцогу Девонширскому; возвратились въ отель Путтне въ семь часовъ; въ десять часовъ вечера оба ѣздили въ Carlton house, для свиданія съ ея величествомъ на раутѣ.

Обѣдали въ Guild hall'ѣ. Изъ русскихъ на обѣдѣ были: Гагаринъ, Щербатовъ, Чарторійскій, кн. и княгиня Волконскіе, ген. Платовъ, Толстой, Чернышевъ, Воронцовъ, Барклай-де-Толли, Потемкинъ.

22-го іюня. Вчера утромъ императоръ вышелъ инкогнито изъ отеля Путтне и нѣсколько времени разговаривалъ на улицѣ съ гр. Ярмутъ, прежде чѣмъ народъ, его ожидавшій, узналъ его; потомъ со своимъ адъютантомъ и проч. отправился верхомъ на смотръ въ Гайдъ паркъ (войска болѣе 12-ти тысячъ человекъ).

Обѣдали императоръ и великая княгиня у себя въ три часа въ отель Путтне. Въ десять поѣхали на празднество въ White club (Бѣлый клубъ) въ домѣ Берлингтона. Императоръ танцевалъ. Въ комнатѣ, гдѣ августѣйшія особы ужинали, на стѣнѣ былъ панорамическій видъ пріѣзда ихъ въ Дувръ. Ужинъ начался въ два

часа; на немъ присутствовало 2,500 человекъ; императоръ вскорѣ подалъ примѣръ первый вставъ изъ-за стола, и танцевалъ до восхода солнца, между пятью и шестью часами; возвратились въ отель въ половинѣ седьмого.

Въ понедѣльникъ, отказавшись отъ обѣда у герцога Кембриджскаго за многими другими приглашеніями, августѣйшія лица были на вечерѣ, раутѣ и концертѣ съ девяти часовъ до половины одиннадцатаго, откуда поѣхали на празднество въ White club.

Вторникъ. Послѣ завтрака приѣмъ депутаціи общества друзей, съ адресомъ и нѣсколькими книгами, излагающими ихъ религіозныя понятія.

Принимали визиты герц. Йоркскаго, Кентскаго и Глочестерскаго, принцессы Шарлотты, принца Оранскаго, кн. Меттерниха и др. Ихъ вводилъ къ императору великій маршалъ. Вечеромъ государь обѣдалъ у графа Ливена.

Во вторникъ были представлены регенту герцогъ Ольденбургскій и наслѣдный принцъ Виртембергскій.

23-го іюня. Императоръ и герцогиня легли вчера не ранѣе трехъ часовъ утра; встали въ восемь. Они благодарили хозяина отеля г. Эзедье (Eseudier) и черезъ почт. Смирнова священника церкви въ Бельбинъ. Императоръ послалъ госножѣ Эзедье богатую брошку. Гр. Орловъ, гр. Воронцова, бар. Николаи, посл. Фаншо и множество другихъ русскихъ, остающихся въ Англии, прощались съ государемъ, по обычаю ихъ—цѣлуясь съ нимъ. Ровно въ девять часовъ государь, великая княгиня, герцогъ Ольденбургскій и пр. Виртембергскій сѣли въ открытый экипажъ принца регента и поѣхали при громкихъ ура столпившихся посѣтителей. Они поѣхали въ лондонскую тюрьму (Tower); по данному общанію захватили на канатную фабрику Тернера, хотя и не успѣли осмотрѣть ее. Въ двѣнадцать переѣхали Лондонскій мостъ, завтракали въ Соомбewood, загородномъ домѣ графа Ливерпуля на пути въ Портсмуть; тамъ встрѣтились съ королемъ прусскимъ.

24-го іюня. Въ Портсмуть приѣхалъ принцъ регентъ въ среду въ пять часовъ пополудни. Императоръ и король не успѣли къ обѣду принца регента.

25-го іюня. Въ половинѣ десятаго принцъ регентъ съ герцогомъ Йоркскимъ заѣхалъ за императоромъ и королемъ и оттуда прошли около одиннадцати часовъ къ королевской пристани, гдѣ всѣ суда, подъ командою адмирала флота, герцога Кларенскаго, ожидали ихъ. На кораблѣ „Impregnable“ Александръ Павловичъ присутствовалъ при раздачѣ грога въ 12-ть часовъ; узнавъ, что

въ немъ одна часть рома разбавлена шестью частями воды, выпилъ матроскую порцію и заставилъ выпить и сестру; у матросовъ сѣлъ за обѣдъ и далъ денегъ (то-же дѣлалъ и при переправѣ изъ Дувра, давъ 50 ф. стер.).

Закуска на кораблѣ; за хозяина былъ адмиралъ Блэквудъ. Въ восемь часовъ большой пиръ, данный регентомъ на пятнадцать человѣкъ.

27-го іюня. Рано утромъ пр. регентъ, герц. Іоркскій, король прусскій съ разными германскими принцами и множествомъ знатныхъ лицъ отправились къ императору Александру (at Commissioner grey's house), откуда отправились для осмотра разныхъ заведеній для построения и починки кораблей, въ запасные магазины канатнаго заведенія, мѣдиплавильнаго завода и пр. и пр.

Принцъ регентъ съ королевскими принцами прусскими сѣли на яхту „Royal sovereign“, императоръ Александръ съ герц. Кларенскимъ на „Impregnable“. Флотъ состоялъ изъ пятнадцати линейныхъ кораблей и почти столькихъ-же фрегатовъ, вытанувшихся на семь или восемь миль передъ островомъ Вайтъ (Wight). Послѣ салюта они снялись съ якоря и пустились въ путь при свѣжѣмъ с.-в. вѣтрѣ. Впереди плылъ „Royal Sovereign“, а за флотомъ слѣдовало до двухъ сотъ разныхъ судовъ. Около пяти часовъ всѣ августѣйшія лица съ „Royal Sovereign“ пріѣхали на „Impregnable“, который поднялъ королевскій флагъ къ императору Александру. Передніе корабли ушли на двѣнадцать миль; имъ велѣно возвратиться. Въ половинѣ восьмага императоръ, король, регентъ и принцы сѣли на отдѣльные катера и возвратились при салютахъ въ Портсмутъ, при пальбѣ съ батарей разныхъ укрѣпленій. По возвращеніи, регентъ засталъ у себя герцога Веллингтона; между восемью и девятью часами обѣдъ у регента.

Въ субботу смотръ семи тысячъ человѣкъ. Сошедъ съ лошадей, всѣ посѣтители отправились въ Goodwood на завтракъ къ герцогу Ричмондъ, оттуда въ 6-ть часовъ на обѣдъ въ Petworth къ Эгремонту.

Императоръ и король между 11 и 12 часами отправились въ Брейтонъ. Принцъ регентъ остался ночевать у Эгремонта.

27-го іюня. Императоръ по прибытіи въ Дувръ сядетъ на корабль „Чародѣйка“ (Magicienne), куда перенесъ свой флагъ герц. Кларенскій; кор. прусскій на „Язонъ“ поѣдетъ въ Кале подъ флагомъ адм. Блэквуда. Корабль „Нимфы“ (The Nymphen) предназначенъ для свиты.

5-го іюля. Императоръ прибылъ въ Антверпенъ 29-го іюня.

Примѣчаніе. Напечатанныя выше выдержки изъ англійскихъ газетъ о пребываніи въ 1814 году императора Александра I въ Англии—сдѣланы покойнымъ Юріемъ Васильевичемъ Толстымъ въ бытность его въ Англии, въ теченіе двухъ недѣль, въ 1867-мъ году. „Болѣзнь моего мужа, писала редактору „Русской Старины“, 14-го февраля 1878 г., вдова покойнаго Юрія Васильевича, нынѣ также покойная, графиня Елена Толстая, затѣмъ наше путешествіе за-границу воспрепятствовали Юрію Васильевичу сообщить, какъ онъ того желалъ, означенныя выдержки для декабрьской книги „Русской Старины“ (въ которой были собраны матеріалы къ жизнеописанію Александра I). Графиня тогда-же, 18-го февраля 1878 года, передала въ редакцію „Р. Ст.“ этотъ трудъ, который теперь, четырнадцать лѣтъ спустя, извлекается изъ богатаго архива покойнаго редактора „Р. Ст.“ — М. И. Семевского, какъ матеріалъ, не лишенный историческаго интереса и значенія.

Ред.

КАРЛЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МОДЕРАХЪ

род. 1747 г., † 1819 г.

Биографическій очеркъ.

Въ 1819 г. скончался въ С.-Петербургѣ тайный совѣтникъ, сенаторъ и почетный опекунъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Карлъ Ѳедоровичъ Модерахъ. Несмотря на то, что личность покойнаго была изъ числа выдающихся и заслуги его немаловажны, до сихъ поръ о немъ не появлялось ни воспоминаній, ни сколько-нибудь обстоятельной его биографіи, между тѣмъ у его внуки Варвары Александровны Модерахъ сохранилось нѣсколько указовъ и рескриптовъ къ ея дѣду, за собственноручною подписью императрицы Екатерины II, императоровъ Павла и Александра I и императрицы Маріи Ѳедоровны,—указовъ довольно интересныхъ какъ для характеристики служебной дѣятельности К. Ѳ. Модераха и отношеній къ нему царственныхъ лицъ и какъ любопытный памятникъ нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій того времени.

Эти документы, а также небольшая записка о личности Модераха, появившаяся 1858 г. въ «Сѣверной Пчелѣ», и воспоминанія его внуки, любезно сообщившей въ ред. „Р. Ст.“ помянутые документы, послужили матеріаломъ для извѣстѣющей замѣтки о служебной дѣятельности этого государственнаго человѣка.

Карлъ Ѳедоровичъ Модерахъ, сынъ члена академіи наукъ Ѳ. Модераха, родился въ С.-Петербургѣ, 27-го сентября 1747 года; получивъ отличное образованіе, развившее его блистательныя природныя дарованія, онъ поступилъ въ 1764 г. на службу, инженернымъ офицеромъ, подъ начальство знаменитаго генерала Баура и былъ однимъ изъ строителей великолѣпныхъ зданій, коими украсилась столица въ царствованіе императрицы Екатерины II; между прочимъ принималъ участіе въ постройкѣ Большаго (каменнаго) театра, одѣжъ берега Фонтанки и Екатерининскаго канала гранитною мостовою, соорудилъ на нихъ всѣ мосты и съ умѣніемъ и вкусомъ построилъ много другихъ зданій.

Въ 1783—1789 гг., Модерахъ, уже въ чинѣ подполковника, находился при водяныхъ работахъ и, по свидѣтельству тогдашняго его начальника, генералъ-прокурора вв. Вяземскаго, «исправлялъ оныя по части его не

только съ похвальнымъ прилежаніемъ и раченіемъ, но и со отиѣвнымъ всегда попеченіемъ о сохраненіи казеннаго интереса»; «чрезъ все время трудами, ревностію, расторопностію, а не менѣе того и самымъ знаніемъ, соотвѣствующимъ чину его (Модераха), будучи совершенно доволенъ», кн. Виземскій „неоднократно о томъ всеподданнѣйше доносилъ ея и. в. императрицѣ Екатеринѣ II“; во вниманіе къ столь лестному о немъ отзыву начальства, Карлъ Федоровичъ былъ произведенъ въ 1789 г. въ полковники, а въ ноябрѣ того-же года ему былъ пожалованъ, за 25-лѣтнюю службу въ офицерскихъ чинахъ, Георгіевскій крестъ 4-й степени.

Въ слѣдующемъ, 1790 году, инженеръ-полковникъ Модерахъ былъ уволенъ, по прошенію, въ отставку и перешелъ на службу въ гражданское вѣдомство, будучи назначенъ губернаторомъ въ Пермь.

Дѣятельность свою на этомъ новомъ поприщѣ онъ ознаменовалъ замѣчательною распорядительностію и даже въ кратковременное царствованіе императора Павла успѣлъ обратить на себя вниманіе правительства энергичными мѣрами, принятыми имъ при усмиреніи забунтовавшихся крестьянъ въ деревнѣ Всеволожскаго, за что удостоился слѣдующаго собственноручнаго рескрипта императора Павла I, даннаго 12-го февраля 1797 г. въ Спб.:

«Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Модерахъ, усматривая изъ донесеній вашихъ благоразумныя распоряженія, вами учиненныя, по случаю бывшихъ въ деревнѣ Всеволожскаго неустройства, объявляемъ вамъ за сіе монаршее наше благоволеніе, пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ».

Весьма успѣшны были также мѣры, принятыя Модерахомъ для предупрежденія дальнѣйшаго развитія эпидемической болѣзни рогатаго скота, обнаружившейся въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ Пермской губ. въ 1797 г. Дѣятельность его по управленію губерніею была награждена въ 1799 г. пожалованіемъ ему ордена св. Анны 2-й степени.

Весьма любопытными для характеристики предшествовавшаго царствованія и какъ свидѣтельство о неусыпномъ стараніи молодого императора заглазить несправедливныя кары, постигшія нѣкоторыхъ личностей въ послѣдніе годы царствованія Павла I, являются указы на имя «тайнаго совѣтника и пермскаго гражданскаго губернатора Модераха», данныя императоромъ Александромъ I тотчасъ по вступленіи на престолъ; по смыслу этихъ указовъ, освобождалась «отъ каторжной работы» масса лицъ, сосланныхъ въ Пермскую губернію при покойномъ императорѣ, съ дозволеніемъ этимъ лицамъ немедленно возвратиться къ прежнему мѣсту жительства «въ ихъ дома» или «къ родственникамъ». Таковое разрѣшеніе, при освобожденіи отъ каторжной работы, служить лучшимъ доказательствомъ, въ какой степени были виновны эти лица.

Изъ приводимыхъ вслѣдъ за симъ указовъ видно также къ какимъ разнообразнымъ слоямъ общества принадлежали эти ссыльные и какъ велико было ихъ число, такъ какъ по одному только указу отъ 17-го марта 1801 г. ихъ повелѣно было возвратити изъ Пермской губерніи 50 человекъ.

Въ С.-Петербургѣ, 17-го марта 1801 г.

«Господинъ тайный совѣтникъ и пермскій гражданскій губернаторъ Модерахъ. Находящихся въ Екатеринбургѣ въ работѣ духоборцевъ губерній: Слободской-Украинской однодворцевъ девятнадцать, да Новороссійской крестьянъ тридцать одного человѣка мужеска и женска пола, повелѣваемъ освободить и отпустить въ ихъ селенія, отправа гражданскимъ губернаторамъ первыхъ слободскому - украинскому Зильбергарнишу, а послѣднихъ новороссійскому Николеву, снесаясь какъ съ оными о приѣзѣ и водвореніи въ ихъ прежнихъ жительствовахъ, такъ и съ другими лежащихъ по пути губерній и провожаніи ихъ отъ мѣста до мѣста. Препываемъ впрочемъ вамъ благосклонны Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 15-го 1801 г.

«Господинъ тайный совѣтникъ, пермскій гражданскій губернаторъ Модерахъ. Бывшихъ смотрителя тираспольскаго магазейна провіантмейстера 9-го класса Радуловича, Нижегородскаго мускетерскаго полка поручика Волкова и вознесенскаго магазейна смотрителя 13-го класса Ковалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства, въ силу конфирмаціи, въ 1799 г. послѣдовавшей, сосланныхъ въ Екатеринбургъ въ каторжную работу, всемілостивѣйше повелѣваемъ освободить отъ оной и дозволить имъ возвратиться въ ихъ дома или къ родственникамъ, снабдивъ для пропуска ихъ и безпрепятственнаго пребыванія надлежащими видами. Препываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Александръ».

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 19-го 1801 г.

«Господинъ тайный совѣтникъ, пермскій гражданскій губернаторъ Модерахъ. Бывшихъ лейбъ-гренадерскаго полку капитана Шевкина и штабъ-капитана Санницкаго, по силѣ конфирмаціи, генваря 31 дня 1799 года, сосланныхъ въ Екатеринбургъ въ работу, повелѣваю: освободить отъ оной, дозволить имъ возвратиться въ дома ихъ или къ родственникамъ, снабдивъ для пропуска ихъ и свободнаго жительства надлежащими видами. Препываю впрочемъ вамъ благосклонный. Александръ».

Отдавая полную справедливость «усердію къ службѣ и трудамъ» Модераха по управленію вѣренной имъ губерніи, которые были подтверждены въ 1801 г. сенатскою ревизією, произведенною сенаторомъ Селифонтовымъ ¹⁾, императоръ Александръ I пожаловалъ ему послѣдовательно, въ награду, орденъ св. Анны 1-й ст. (въ 1802 г.), прибавку къ получаемому имъ содержанию 200 р. столовыхъ денегъ въ мѣсяцъ (въ 1803 г.), брилліантовые знаки ордена св. Анны 1-й степени (въ 1704 г.) и, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1804 г. назначилъ его пермскимъ и вятскимъ генералъ-губернаторомъ.

¹⁾ Дѣдъ нынѣшняго государственнаго дѣятеля, сенатора и д. тайн. сов. Н. Н. Селифонтова.

Въ этомъ новомъ званіи Е. Ѳ. Модерахъ оставилъ по себѣ въ край неизгладимую память любовью къ порядку, строгимъ правосудіемъ и безпристрастіемъ; живымъ памятникомъ его дѣятельности служатъ до сихъ поръ дороги въ этихъ губерніяхъ, которыя, до принятія имъ должности генераль-губернатора, были въ самомъ плохомъ состояніи и, только благодаря его неусыпнымъ трудамъ и заботливости, при весьма скудныхъ средствахъ, доведены были до удивительной степени совершенства. Дороги эти тянутся почти на 900 верстъ по всему направленію отъ Перми до Вятской губерніи, соединяя Россію торговую съ Сибирью, китайскими и киргизскими владѣніями, и имѣли въ свое время громадное значеніе для Пермскаго горнаго края; благодаря этимъ усовершенствованнымъ путямъ сообщенія, сырыя произведенія горныхъ заводовъ могли быстрѣе и легче доставляться къ судоходнымъ рѣкамъ.

При немъ-же начаты, въ 1805 г., работы по проведенію Сѣверо-Екатерининскаго канала, и Модерахъ, какъ старый и опытный инженеръ, принявъ въ этомъ сооруженіи живое участіе; заботясь, какъ всегда, о выгодахъ казны онъ вошелъ съ представленіемъ о разрѣшеніи ему производить работы по сооруженію этого канала хозяйственнымъ образомъ.

«Усматривая изъ отношенія вашего къ главному директору водныхъ коммуникацій, что вы почитаете выгодиѣе для казны производить въѣренныи вамъ работы Сѣверо-Екатерининскаго канала хозяйственнымъ образомъ, не допуская къ тому особыхъ подрядчиковъ», говорится въ указѣ, данномъ по этому случаю на имя генераль-губернатора, отъ 23-го ноября 1806 г., за собственноручною подписью императора Александра I, «я въ семъ уваженіи позволяю вамъ руководствоваться сею мѣрою, не ограничиваясь обрадами, въ подобныхъ случаяхъ соблюдаемыми, и увѣдомляя о семъ главному директору военныхъ коммуникацій; мнѣ пріятно быть въ полной увѣренности, что опытъ и извѣданное усердіе ваше на пользу службы доставятъ вамъ всѣ способы привести къ успѣшному окончанію сіе дѣло».

Ревизія, произведенная въ Пермской губ. въ 1806 г. сенаторомъ графомъ Головинымъ, послужила поводомъ къ изъясненію Модераху конаршей привѣтальности и благоволенія за «успѣшное теченіе дѣлъ по губернскому правленію и особенное вниманіе къ скорому рѣшенію дѣлъ о колодежникахъ въ мѣстахъ, ему подчиненныхъ, дѣятельность городской и земской полиціи, устройство дорогъ, распорядокъ земскихъ повинностей, безостановочное движеніе казенныхъ сборовъ и исправное состояніе запасныхъ сельскихъ магазейновъ и заведеній приказа общественнаго призрѣнія»¹⁾.

По представленію Модераха, была уважена просьба вятскаго городского общества о постройкѣ черезъ р. Вятку, при самомъ городѣ, плавучаго моста,

¹⁾ Указъ, данный императоромъ Александромъ I на имя пермскаго и вятскаго генераль-губернатора 18-го ноября 1806 г., въ мѣстечкѣ Кшижановицы, что въ Моравіи.

который доставилъ обывателямъ «сообщеніе несравненно удобнѣйшее и безопаснѣйшее, нежели перевозъ», дотогдѣ на этомъ мѣстѣ существовавшій; такъ какъ городъ не имѣлъ достаточно средствъ для этого капитальнаго сооруженія, то былъ учрежденъ съ проходящихъ и съ проѣзжающихъ по оному денежный сборъ, въ размѣрѣ «одной деньги съ пѣшаго, одной копѣйки съ ѣдущаго въ телѣгѣ или дрожкахъ на 1 лошади, двухъ копѣекъ съ повозки на 2 или 3 лошадахъ, съ коляски или кареты парюю по 4, а четверней по 5 копѣекъ». Сборъ этотъ для обывателей не былъ обременителенъ, «какъ по утѣренности его, такъ и потому, что и за перевезъ ранѣе производилась плата»; такимъ образомъ, Вятка, благодаря этой мѣрѣ, обогатилась однимъ полезнымъ сооруженіемъ, безъ обремененія государственной и городской казны на его сооруженіе.

Видя недостатокъ въ Пермской губерніи въ хорошихъ и утѣльныхъ ремесленникахъ, генералъ-губернаторъ предложилъ, въ 1806 г., «оставлять при рабочемъ домѣ приказа общественнаго призрѣнія, въ Перми, для производства разныхъ издѣлій, до 50 человекъ изъ отсылаемыхъ на поселеніе въ Сибирь за маловажныя вины», что и было ему разрѣшено, а нѣсколько лѣтъ спустя, по его-же представленію, повелѣно, «для наполненія ремесленниками нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ Пермской губерніи, нуждающихся въ оныхъ», отдѣлять изъ числа этихъ 50 человекъ «нужное въ эти города число ремесленниковъ», по усмотрѣнію генералъ-губернатора, «изъ тѣхъ оставляемыхъ въ Перми маловажныхъ преступниковъ, кон поведеніемъ и трудолюбіемъ своимъ заслуживать будутъ дозволеніе завестись собственнымъ хозяйствомъ, отвода имъ въ тѣхъ городахъ, куда они назначены будутъ, мѣста и оказывая имъ, смотря по ремеслу, денежную ссуду». «Дѣтямъ-же оныхъ ремесленниковъ, не участвовавшимъ въ преступленіяхъ отцовъ своихъ, позволять записываться въ цехи и другія свойственныя званію ихъ состоянія, по правиламъ, въ законахъ предписаннымъ»¹⁾.

Такимъ образомъ въ губерніи завелись искусные ремесленники, и тѣ изъ преступниковъ, которые хотѣли вернуться къ честной, трудовой жизни, получили къ тому полную возможность.

Весьма важнымъ, для оцѣнки взгляда правительства на служебную дѣятельность и нравственныя качества К. Ф. Модераха, является указъ, данный ему отъ 28-го ноября 1806 года, по случаю преобразованій по горному вѣдомству; въ силу проекта о новомъ горномъ положеніи, утвержденного 13-го іюля 1806 г., главный надзоръ по управленію этою частью соединялся въ одномъ лицѣ съ управляющимъ гражданскою частью въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились горныя заводы.

«Поелику вѣрными вамъ губерніи изобилуютъ болѣе прочихъ губерній

¹⁾ Указъ пермскому и вятскому генералъ-губернатору отъ 26-го января 1811 года.

горными заводами, говорится въ этомъ указѣ, то и означенное положеніе главнѣйше до оныѣ относится.

«Отличное ваше служеніе, нами замѣченное, обращаетъ по справедливости на васъ наше благоволеніе и мы всемилоостивѣйше опредѣляемъ васъ, на основаніи утвержденнаго нами горнаго положенія, начальникомъ сей части; будучи начальникомъ сей части, можете вы употреблять и мундиръ горный, когда заблагоразсудите.

«Извѣстная намъ ваша ревность къ службѣ и дѣятельность по дѣламъ удостовѣряетъ насъ, что и сіи дѣла, подъ главнымъ вашимъ начальствомъ, пойдутъ наилучшимъ образомъ и что горное положеніе доставитъ всю ту пользу, которой мы отъ него ожидаемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ должности въ ономъ опредѣлены, отвѣтственность возложена на извѣстныхъ лица и надзоръ по всѣмъ частямъ установленъ надлежащимъ образомъ. Главнѣйшее ваше попеченіе по сей части будетъ состоять въ томъ, чтобъ согласить ее съ гражданскою по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ по сіе время встрѣчалось столько затрудненій. Конечно, могутъ и нынѣ естрѣтиться нѣкоторыя неудобства, но мы ожидаемъ отъ испытаннаго вашего благонамѣренія, коимъ вы одушевляетесь во всѣхъ дѣяніяхъ по службѣ, что вы найдете сіи неудобства и затрудненія для того только, чтобъ вашими начальническими распоряженіями отвратить ихъ и заимѣтить на будущее время для постановленія правилъ къ совершенному оныхъ уничтоженію. По дѣламъ, до васъ входящимъ, вы, конечно, не оставите всякаго побуждать въ ревностному прохожденію своей должности. Опытами дознанная ваша справедливость по службѣ, приверженность къ оной, попеченіе о вѣрныхъ вамъ частяхъ и благосклонность къ подчиненнымъ, будутъ служить всякому изъ служащихъ подъ вашимъ начальствомъ по сей части примѣромъ и произведутъ въ нихъ ту довѣренность и единодушіе, которые между подчиненнымъ и начальникомъ для пользы службы, необходимо нужны. Сей новый подвигъ, на васъ возлагаемый, даетъ вамъ новое право на нашу признательность и благоволеніе, съ которымъ пребываемъ вамъ благосклонны. Александръ».

Какъ видно, правительство обратило въ это время особенное вниманіе на то, чтобы поднять и упрочить горную промышленность, «составляющую одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственнаго и народнаго богатства» Россіи, такъ какъ вслѣдъ за вышеупомянутомъ преобразованіи по управленію горнымъ вѣдомствомъ, были учреждены, «для скорѣйшаго обревизованія по казеннымъ горнымъ заводамъ книгъ, документовъ и отчетовъ, накопившихся въ большомъ числѣ съ 1797 по 1806 годъ», «пять ревизійныхъ столовъ, изъ коихъ четыре при заводахъ Екатеринбургскихъ, Гороблагодатскихъ, Пермскихъ и Банковскихъ-Богословскихъ, а пятый, для повѣрки краткихъ отчетовъ, при пермскомъ горномъ правленіи», причемъ генералъ-губернатору предписывалось «имѣть всеобщее наблюденіе, дабы чиновники, на

конѣ показанное обрѣзисованіе стетовъ возложено будетъ, употребляли все-возможное раченіе о успѣшнѣйшемъ, колико возможно, окончаніи сего дѣла.

Въ 1808 г. возникло дѣло о неповиновеніи мастеровыхъ на заводахъ наследника Турчанинова; причиною ихъ буйства было «принужденіе ихъ къ работамъ въ отиѣненные бывшіе праздничные дни»; воинская команда, посланная для возстановленія порядка, была ими опрокинута; потребовалось послать на заводы новый отрядъ. Тѣмъ временемъ сама владѣлица заводовъ, «убѣдясь изъ просьбу, освободила ихъ отъ работъ въ эти отиѣненные бывшіе праздничные дни» и, такимъ образомъ, волненіе улеглось; но подобное рѣшеніе вопроса не согласовалось съ мнѣніемъ правительства, которое считало, что «требованія непокорныхъ къ отиѣну сдѣланныхъ отъ правительства поставленій ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приемы въ уваженіе, такъ какъ частное удовлетвореніе ихъ, безъ сомнѣнія, послужитъ впродъ и другимъ примѣромъ соблазна», поэтому генералъ-губернатору было предписано «привести сихъ неповинующихся въ надлежащій порядокъ, не допуская, во снисхожденію къ просьбамъ ихъ, нарушенія въ постановленіи о праздничныхъ дняхъ, которое должно быть ими исполнено», расположивъ съ этою цѣлю на этихъ заводахъ достаточное число воинской команды, и взыскать во строгости законовъ со всѣхъ тѣхъ, кто покусится уклониться отъ предписаннаго повиновенія».

При производствѣ слѣдствія о причинахъ пожара, вспыхнувшего 18-го мая 1810 г. на Камскоужевскомъ оружейномъ заводѣ, причемъ «сгорѣло казенныхъ и обывательскихъ домовъ и имущества слишкомъ на 220,000 рублей, генералъ-губернатору было повелѣно «войти въ разсмотрѣніе настоящаго положенія и хозяйственнаго распорядка по всѣмъ частямъ завода и обнаружить по какимъ причинамъ заводъ сей, при только важныхъ на учрежденіе его пожертвованіяхъ казны и при настоящемъ числѣ чиновниковъ и мастеровыхъ, оставался доннынѣ почти безъ всякаго дѣйствія и не только не соответствовать цѣли своего заведенія, но едва-ли приступилъ еще къ дѣлу оружія»¹⁾.

Эти заботы правительства о горныхъ заводахъ и строгія мѣры, которыя оно считало нужнымъ принять для искорененія ввѣдрившихся въ нихъ злоупотребленій, свидѣтельствуютъ о томъ, какое значеніе придавалось въ то время поднятію горной промышленности въ краѣ, который, въ силу естественныхъ условий, являлся центромъ горнозаводской дѣятельности. Энергичный, неутомимый и безукоризненно честный генералъ-губернаторъ явился дѣятельнымъ и наиболее подходящимъ исполнителемъ намѣреній правительства, и его «долговременная и усердная служба» была оцѣнена по достоинству: уже по оставленіи имъ должности главнаго начальника края, К. Ф. Модерахъ получилъ въ награду «особыхъ трудовъ, оказанныхъ имъ въ бытность пермскимъ и вятскимъ генералъ-губернаторомъ и по управленію имъ горно-

¹⁾ Указъ 7-го іюля 1810 г.

частью въ тамошнемъ краѣ» и въ знакъ «особаго монаршаго благоволенія» въ вѣчное и потомственное владѣніе двѣ тысячи десятинъ земли. при ниже-слѣдующемъ указѣ правительствующему сенату, данномъ въ С.-Петербургѣ 10-го марта 1812 года:

«Тайному совѣтнику сенатору Модераху, въ вознагражденіе усердной службы и отличныхъ трудовъ, оказанныхъ имъ въ бытность перискинъ и вятскихъ генераль-губернаторомъ, всеишествоваше пожаловали мы въ вѣчное и потомственное владѣніе изъ свободныхъ казенныхъ земель, состоящихъ въ Ватской губерніи, двѣ тысячи десятинъ, по его избранію, объ отдачѣ конизъ и имѣть правительствующій сенатъ учинить надлежащее распоряженіе».

Въ 1812 г. Карлъ Федоровичъ былъ членомъ комиссіи, учрежденной въ Москвѣ, для водворенія въ ней какъ наружнаго, такъ и внутренняго порядка, по изгнаніи непріятеля.

Въ 1816 г., императоръ Александръ Павловичъ, желая привести въ благоустройство новоприобрѣтленную Бессарабскую область, обратилъ вниманіе на Модераха; по этому предмету возникла интересная переписка между Модерахомъ и статсъ-секретаремъ графъ Каподистрія, употреблявшимъ, по волѣ государя, всѣ средства и способы, чтобы склонить его къ принятію званія наѣстника бессарабскаго. Модерахъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не согласился принять на себя должность, которой не надѣялся исполнить, какъ того ожидалъ государь и какъ требовала собственная его совѣсть. Онъ рѣшительно отказался отъ громкаго званія наѣстника, но принялъ съ радостью предложеніе императрицы Маріи Федоровны быть ея помощникомъ и исполнителемъ ея благихъ наѣбрений въ служеніи обществу, въ должности почетнаго опекуна опекунскаго совѣта, а затѣмъ и завѣдующаго хозяйственною частью с.-петербургскаго воспитательнаго дома. При назначеніи своемъ на эту должность, Модерахъ получилъ слѣдующія весьма для него лестныя шесыма императрицы Маріи Федоровны.

Въ С.-Петербургѣ, августа 28-го дня 1818 г.

«Карлъ Федоровичъ! Отличное мое мнѣніе о вашихъ правилахъ и образѣ мыслей побудило меня испросить согласіе императора, любезнѣйшаго моего сына, на опредѣленіе васъ въ почетные члены с.-петербургскаго опекунскаго совѣта и его величество совершенно изволилъ одобрить мой выборъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ пріемля васъ подъ мое начальство, я совершенно увѣрена, что вы усердіемъ своимъ болѣе и болѣе потщитесь обратить на себя мое уваженіе и истинное доброжелательство, съ каковымъ я прсываю вамъ благосклонно. Марія».

Въ С.-Петербургѣ, января 1-го дня 1819 г.

«Карлъ Федоровичъ! Г. почетный опекунъ кн. Шаховскій неоднократно просилъ меня, во уваженіе многихъ другихъ его занятій, уволить его отъ управленія воспитательнымъ домомъ, по части хозяйства и питомцевъ. Имѣвъ

уже случай теперь видѣть, колико вы оправдываете довѣріе, побудившее меня къ избранію васъ въ почетные опекуны, и будучи тѣмъ удостовѣрена, что управленіе толико важной части, каковы хозяйственная и деревенская экспедиціи, не могу ввѣрить лучшимъ рукамъ, какъ вашимъ, я рѣшилась удовлетворить прошеніе кн. Шаховскаго и управленіе оныхъ экспедицій возложить на васъ, о чемъ и дано мною опекунскому совѣту повелѣніе. Я въ полной мѣрѣ увѣрена, что усердіе ваше и ревностное и неизмѣнное ежедневное попеченіе о препоручаемыхъ вамъ питомцахъ соотвѣтствовать будетъ моей довѣренности и что вы будете доставлять мнѣ пріятные случаи, для изъявленія моей признательности и совершеннаго доброжелательства, съ каковыми я пребываю вамъ благосклонною. Марія».

Неусыпно заботясь о нравственномъ и умственномъ развитіи питомцевъ тѣхъ заведеній, коиъ она состояла покровительницею, императрица Марія Ѳеодоровна, вскорѣ по назначеніи Модераха завѣдующимъ Воспитательнымъ домомъ, дала ему указанія насчетъ введенія для воспитанниковъ новаго метода обученія.

«Карлъ Ѳеодоровичъ, пишетъ императрица 18-го апрѣля 1819 г., по усмотрѣніи теперь хорошаго успѣха заведенія у воспитанницъ здѣшняго (с.-петербургскаго) Воспитательнаго дома ланкастеровой методы ученія, я прошу васъ приступить немедленно къ заведенію того-же образа взаимнаго ученія и для воспитанниковъ, приглашая къ тому извѣстнаго по ревности къ сему дѣлу коллежскаго ассессора Греча. Назначая для сего ученія часы въ разныя для обоекъ половъ времена, тотъ-же устроенный уже соотвѣтственно сему покой можетъ, при соблюденіи надлежащихъ предосторожностей, служить также для воспитанниковъ. Препоручая сіе вашему попеченію, я съ истиннымъ доброжелательствомъ пребываю впрочемъ вамъ благосклонною. Марія».

Къ сожалѣнію, дѣятельный и добросовѣстный труженникъ и ревностный исполнитель благихъ предначертаній императрицы, въ ея заботахъ о петербургскомъ воспитательномъ домѣ, К. Ѳ. Модерахъ не долго имѣлъ возможность посвятить свои силы этому заведенію: годъ спустя, послѣ назначенія почетнымъ опекуномъ, его не стало; но своею распорядительностію, попеченіемъ о ввѣренныхъ ему питомцахъ и добрымъ сердцемъ онъ и въ этотъ короткій срокъ оставилъ о себѣ добрую память.

В. В. Тимошукъ.

АДМИРАЛЪ ОАДДЕЙ ОАДДЕВИЧЪ БЕЛЛИНГСАУЗЕНЪ

р. 1778 г., † 1852 г.

Во время пребыванія вдовы адмирала Беллингсаузена въ Висбаденѣ, ей понадобилась книга, которая не находилась въ продажѣ, причѣмъ ей сообщили, что существовавшая еще тогда герцогская Нассауская библіотека, вѣроятно, не откажетъ ей въ одолженіи этой книги. Прибывши въ библіотеку, она случайно застала тамъ цѣлое засѣданіе по управленію оной и когда она, назвавши свою фамилію, на вопросъ, не въ родствѣ-ли она со знаменитымъ русскимъ мореплавателемъ, отвѣтила, что она его вдова, то все собраніе встало и выразило ей свое уваженіе къ памяти и трудамъ ея покойнаго мужа.

Привожу этотъ случай въ доказательство того, какое придають за-границею значеніе имени Беллингсаузена, этого замѣчательнаго на поприщѣ землевѣдѣнія русскаго дѣятеля, между тѣмъ, какъ у насъ въ Россіи, кромѣ моряковъ и специалистовъ ученыхъ, рѣдко встрѣчаются люди, слыхавшіе что-либо о заслугахъ какъ его, такъ и цѣлаго ряда другихъ знаменитыхъ русскихъ моряковъ, на долю которыхъ выпала, главнымъ образомъ, трудная задача описывать и изслѣдовать неприступныя сѣверныя и южныя полярныя страны.

Передавая печати рассказы о Беллингсаузенѣ, я полагаю, что они въ настоящее время, сорокъ лѣтъ послѣ его смерти, возбуждаютъ интересъ не только моряковъ, но и всѣхъ просвѣщенныхъ читателей къ одному изъ наиболѣе выдающихся людей въ исторіи морскихъ открытій и исторіи нашего флота.

При составленіи ихъ я руководствовался, главнымъ образомъ, его собственными разсказами, твердо запечатлѣвшимися въ мою, хотя и состарѣвшейся, памяти. Кромѣ того мною выписано изъ его собственнаго путешествія въ антарктическое полярное море, изъ вышедшей въ 1877 году брошюры о немъ адмирала Ѳ. Д. Нордмана, изъ симпатичной статьи о немъ г-на М. Меншикова, помѣщенной въ критико-біографическомъ словарѣ Венгерова, изъ сообщенія о немъ знаменитаго географа Петерманна, изъ статей русскаго и нѣмецкаго энциклопедическихъ лексиконовъ Брокгауза, изъ нѣмецкаго энциклопедическаго лексикона (Майера и изъ другихъ источниковъ.

Баронъ П. Г.

I.

Адмиралъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллингсгаузенъ родился въ 1778 году, на островѣ Эзелѣ, въ имѣніи, принадлежавшемъ его отцу, дворянину древняго рода.

Первые годы своей жизни онъ провелъ частію въ деревнѣ, частію въ городѣ Аренсбургѣ, на о. Эзелѣ. Уже въ десятилѣтнемъ возрастѣ онъ былъ опредѣленъ въ Морской кадетскій корпусъ, находившійся тогда въ Кронштадтѣ, въ томъ самомъ строеніи, гдѣ впоследствии помѣщался Штурманскій корпусъ, а потомъ Техническое училище.

Когда Беллингсгаузенъ поступилъ въ корпусъ, онъ русскаго языка вовсе не зналъ, но, не имѣя въ Кронштадтѣ ни родственниковъ, ни знакомыхъ, онъ скоро выучился русскому языку, забывъ почти нѣмецкій, такъ что, по выходѣ изъ корпуса, онъ въ совершенствѣ усвоилъ себѣ русскій языкъ, который такимъ образомъ сдѣлался его роднымъ языкомъ. Кромѣ того, Беллингсгаузенъ, уже бывши офицеромъ, ознакомился съ англійскимъ языкомъ.

Воспитаніе того времени было въ Морскомъ корпусѣ, какъ вообще и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, весьма суровое. По словамъ Беллингсгаузена, съ кадетами обращались не какъ съ воспитанниками, а болѣе какъ съ преступниками.

Тогдашній корпусъ представлялъ особый малый міръ тьмы. Все было сурово и грязно; чтобы не замерзнуть въ спальняхъ, воспитанники замѣняли выбитыя въ окнахъ стекла подушками и таскали ночью изъ Адмиралтейства дрова.

Хотя программа преподаваемыхъ наукъ была весьма пространная, и въ нее входили даже нравственная философія, правовѣдѣніе,

итальянскій и латинскій языки, но въ сущности болѣе основательно проходились только математика и навигацкія науки, подъ руководствомъ невѣжественныхъ учителей, требовавшихъ заучиванія уроковъ наизусть отъ слова до слова, а на прочіе предметы почти не обращалось вниманія, за невозможностію отыскать сколько-нибудь порядочныхъ учителей и за скудностію опредѣленнаго имъ въ тѣ времена содержанія. Тѣмъ не менѣе, корпусъ, въ которомъ онъ провелъ восемь лѣтъ дѣтства и отрочества, остался для Беллинсгаузена пріятнымъ воспоминаніемъ.

Уже съ 16-ти-лѣтняго возраста онъ участвовалъ въ большихъ плаваніяхъ, а эти плаванія, въ тѣ парусныя времена, не имѣли ничего общаго съ теперешними: это было своего рода подвижничество, исполненное лишеній, борьбы съ природою и своеобразной поэзіи.

Произведенный въ 1797 году въ мичманы, онъ былъ назначенъ въ ревелскую эскадру. Въ этомъ городѣ онъ зимовалъ шесть лѣтъ вмѣстѣ съ тремя товарищами по корпусу, и хотя онъ не имѣлъ никакихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ тогдашняго скуднаго жалованія, тѣмъ не менѣе оставилъ этотъ городъ безъ долговъ.

Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ въ плаваніи на судахъ разныхъ ранговъ, а зимніе употреблялъ, съ необыкновеннымъ для молодыхъ людей того времени рвеніемъ, на усовершенствованіе себя во всѣхъ навигацескихъ наукахъ, черезъ что онъ обратилъ на себя особое вниманіе тогдашняго вліятельнаго адмирала Ханькова, по настоящему требованію котораго онъ былъ назначенъ мичманомъ на фрегатъ „Надежда“ для перваго кругосвѣтнаго плаванія русскихъ.

Во время этого славнаго трехлѣтняго кругосвѣтнаго путешествія, обезсмертившаго имя Крузенштерна, извѣстнаго безчисленными изслѣдованіями многихъ странъ свѣта по разнымъ отраслямъ наукъ, на долю молодаго Беллинсгаузена выпали всѣ картографическія работы, которыя, касаясь большею частію странъ, до того времени почти неизвѣстныхъ или никѣмъ не описанныхъ, обратили на себя общій интересъ науки.

Назначенный въ 1809 году командиромъ корвета „Мельпомена“, Беллинсгаузенъ въ томъ-же году участвовалъ въ Балтійскомъ портѣ въ, печальной памяти, военномъ совѣтѣ, состоявшемся на кораблѣ адмирала Ханькова, причемъ Беллинсгаузенъ принадлежалъ къ меньшинству членовъ, совѣтовавшихъ предложить англичанамъ сраженіе въ открытомъ морѣ. Затѣмъ Беллинсгаузенъ въ томъ-же году крейсировалъ до поздней осени въ Финскомъ

заливѣ, между островами Гогландомъ и Сескаромъ для наблюденія за англійскою эскадрою, державшеюся почти все лѣто около Гогланда.

Въ 1811 году онъ былъ назначенъ командиромъ гребной флотиліи въ Ригѣ, а въ 1812 г. переведенъ въ Черное море командиромъ фрегата „Минерва“, которымъ командовалъ до 1818 года, а потомъ фрегатомъ „Флора“, причемъ ему было поручено гидрографическое описаніе береговъ Чернаго моря, но этого порученія онъ не окончилъ, за назначеніемъ его начальникомъ экспедиціи въ Южное полярное море.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 года императоръ Александръ I, по собственному своему благоусмотрѣнію и единственно съ цѣлью научныхъ открытій, приказалъ отправить два отряда—одинъ къ южному, а другой къ сѣверному поясамъ. Первому приказано осмотрѣть тѣ части южнаго полярнаго океана, въ которомъ никто еще не бывалъ а въ мѣстахъ, уже открытыхъ другими мореплавателями, провѣрить сдѣланныя ими изслѣдованія. Насколько второму изъ сихъ отрядовъ не удалось принести какую-либо пользу наукѣ, настолько первы изъ нихъ, открывъ множество до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ острововъ, обогатилъ науку свѣдѣніями о южномъ полушаріи.

Сначала предположено было ввѣрить начальство надъ эти отрядомъ извѣстному моряку, капитану перваго ранга Макару Ивановичу Ратманову, который вмѣстѣ съ этимъ долженъ былъ командовать шлюпомъ „Востокъ“, а командиромъ другаго корабля отряда, вновь выстроеннаго транспорта „Ладога“, переименованнаго въ шлюпъ „Мирный“, былъ назначенъ лейтенантъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ, знаменитый впослѣдствіи адмиралъ, прославившійся возрожденіемъ и устройствомъ Черноморскаго флота.

Получивъ это назначеніе уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 г. Лазаревъ, со свойственною ему опытностію, немедленно потребовалъ отъ государственной адмиралтействъ-коллегіи надлежащаго исправленія своего корабля и, получивши на то согласіе коллегіи, онъ, для собственнымъ наблюденіемъ своимъ, удвоилъ все внутреннее устройство шлюпа, а главное, обшилъ всю подводную часть двойною обшивкою, черезъ что бывший транспортъ сдѣлался довольно быстрымъ морскимъ судномъ, которое, хотя и осталось дурнымъ докомъ, но скрѣпленіемъ своимъ было достаточно приспособлено къ предстоявшей ему борьбѣ съ океаномъ и льдами.

Не въ такомъ видѣ суждено было шлюпу „Востокъ“ отправиться въ путь. Командиръ его, Ратмановъ, только-что потерявшій зрѣніе у Скагена, получилъ назначеніе свое въ Копенгагенѣ, гдѣ онъ лежалъ одержимый тяжкою болѣзнію и потому, отказавшись

въ принятіи начальства надъ отрядомъ, просилъ морскаго министра маркиза де-Траверзе назначить на его мѣсто Беллинггаузена, съ которымъ онъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе подъ начальствомъ Крузенштерна. Такимъ образомъ, Беллинггаузенъ изъ Чернаго моря прибылъ въ Кронштадтъ только въ послѣднихъ числахъ мая 1819 года.

Такъ какъ до пріѣзда его со стороны порта не было принято никакихъ мѣръ къ скрѣпленію осиротѣвшаго шлюпа „Востокъ“, только-что построеннаго изъ сыраго сосноваго лѣса, то Беллинггаузену, въ виду скорого выхода изъ Кронштадта, необходимаго для того, чтобы послѣтъ въ южныя страны къ наступленію тамъ лѣта, не представлялось въ такой короткій срокъ возможности предпринять болѣе капитальныхъ работъ для скрѣпленія своего корабля и для болѣе тщательнаго приготовленія его къ такому опасному плаванію, а потому онъ довольствовался уменьшеніемъ рангоута, поразившаго его своею вышиною и самыми необходимыми скрѣпленіями, причемъ большая часть этихъ работъ была сдѣлана впослѣдствіи, подъ парусами.

Довозательствомъ изъ какого дурнаго матеріала былъ построенъ шлюпъ „Востокъ“ служить то, что въ первое-же плаваніе въ Южномъ океанѣ открылась сильная течъ и когда, во время бури во льдахъ, должны были осмотрѣть деревянный румпель ¹⁾, то половина конца его отъ гнилости осталась въ гнѣздѣ руля, а, при второмъ плаваніи въ южный океанъ, течъ уже дошла до того, что слышно было журчаніе воды, просачивавшейся въ корабль около носовой части.

На такомъ кораблѣ Беллинггаузенъ проплавалъ два года въ океанахъ и дважды совершилъ свои изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ.

Тѣмъ не менѣе, „Востокъ“ былъ порядочный ходокъ, между тѣмъ, какъ „Мирный“, бывшій „Транспортъ“ и построенный единственно для перевозки грузовъ, принадлежалъ къ самымъ дурнымъ ходакамъ.

О такомъ неравенствѣ обоихъ шлюповъ Беллинггаузенъ выражается въ описаніи своего путешествія (стр. 219), что, при всемъ искусствѣ и попечительствѣ М. П. Лазарева, оно производило громадное неудобство, препятствуя на каждомъ шагѣ успѣшному плаванію, ибо въ виду инструкціи, воспрещавшей разлучаться, Беллинггаузенъ часто лишался случаевъ проникать далѣе къ югу, теряя время въ поджиданіи или отыскиванія своего товарища.

¹⁾ Рычагъ, вкладываемый въ вершину руля и служащій для управленія имъ.

Оставивъ 4-го іюля 1819 г. Кронштадтъ и вышедши 22-го ноября изъ Рио-Жанейро, отрядъ достигъ острова Георгія 15-го декабря и, держась около него 16-го и 17-го декабря, исправилъ и дополнилъ опись восточнаго берега острова, произведенную, за 20 лѣтъ тому назадъ, Кукомъ; 20-го декабря отрядъ въ широтѣ 56° уже встрѣтился впервые съ плавающими ледяными горами, ограждающими въ видѣ страшныхъ исполиновъ непроницаемую тайну антарктическихъ странъ; 22-го и 23-го декабря въ широтѣ около 56° и зап. долготѣ 27° открыты три неизвѣстныхъ до того времени острова, названные первые два по фамиліямъ офицеровъ шлюпа „Востокъ“, Завадовскаго и Лѣскова, а третій Высокимъ, которымъ было дано общее названіе острововъ маркиза де-Траверзе, тогдашняго морскаго министра.

На островѣ Завадовскаго находился вулканъ, извергавшій густые смрадныя пары.

21-го января 1820 года Беллингсгаузенъ достигъ южной широты $69^{\circ} 25'$ при $1^{\circ} 11'$ зап. долготы, южнѣе чего до него никто не доходилъ.

Пробираясь затѣмъ въ востокъ между плавающими ледяными полями и горами, при температурѣ около и ниже точки замерзанія, въ не прекращающейся борьбѣ со страшными бурями, мятелями, непроницаемыми туманами и дождями, Беллингсгаузенъ обошелъ вдоль раіона постоянныхъ непроницаемыхъ тогда льдовъ въ южной широтѣ между 70° и 60° до 124° вост. долготы и, отпустивши 5-го марта шлюпъ „Мирный“, онъ до 15-го марта еще держался около льдовъ, послѣ чего направилъ курсъ въ меньшія широты и послѣ 130-ти-дневнаго утомительнаго и опаснаго плаванія, прибылъ въ портъ Джексонъ, находящійся противъ города Сиднея въ Южной Австраліи.

Чтобы познакомить читателей съ характеромъ ужасовъ этого плаванія, дѣлаемъ краткую выписку изъ путешествія Беллингсгаузена (стр. 229), въ которой описывается плаваніе шлюпа 9-го марта, дающую понятіе о всемъ плаваніи со дня вступленія кораблей въ большія широты, съ тою только разницею, что ежедневныя непогоды сопровождались большею частью еще снѣгомъ, дождями и туманами:

„Въ пять часовъ утра порвало всѣ паруса, кромѣ фокъ-стакселя ¹⁾, который я привазалъ скорѣе спустить, дабы имѣть хотя одинъ

¹⁾ Нижній передній парусъ.

дѣлѣн парусъ на всякій случай. Буря ревѣла, волны подымались до необычайной высоты; море какъ будто смѣшалось съ воздухомъ, ревъ бури и трескъ частей шлюпа заглушали все.

Оставшись совершенно безъ парусовъ, на произволь свирѣпствовавшей бури, мы утѣшались только тѣмъ, что не встрѣчали льдовъ, но въ 8 часовъ съ передней части палубы закричали: „ледяныя горы впереди“; это извѣстіе поразило всѣхъ ужасомъ. Вида, что насъ несло на одну изъ льдинъ, я приказалъ поднять уцѣлѣвшій передній парусъ и положить руль на вѣтеръ, на бортъ, но это не произвело желаемого дѣйствія; между тѣмъ, одну льдину пронесло подъ кормою, а другая неслась прямо на середину шлюпа и мы ожидали неминуемаго удара, но, къ счастью, огромная волна, вышедшая изъ-подъ шлюпа, отодвинула льдину на нѣсколько сажень и пронесла ее у самой кормы. При столкновеніи, льдина эта неминуема проломила-бы бортъ“.

Оставшись въ портѣ Джексонѣ, куда скоро прибылъ и Лазаревъ для отдыха послѣ такого труднаго и долгаго плаванія и для исправленія значительныхъ и многочисленныхъ поврежденій шлюповъ, отрядъ снялся 8-го мая 1820 года съ якоря и по невозможности плаванія въ южныхъ широтахъ, по причинѣ наступившей тамъ зимы, направился на изысканія въ Тихій океанъ, для чего Беллингсгаузенъ избралъ путь сѣвернѣе Новой Зеландіи, въ мѣста, въ то время менѣе извѣстныя, а именно, въ часть океана, расположенную между названнымъ Роговейномъ: „Сердитымъ моремъ“ и открытымъ Бугенвилемъ архипелагомъ, названнымъ имъ: „Опаснымъ“, одни наименованія которыхъ заставляли мореплавателей того времени избѣгать эти мѣста, и потому, по малоизвѣстности ихъ, предполагалось скорѣе всего сдѣлать тамъ новыя открытія.

Предположеніе это не обмануло его, ибо съ 8-го по 19-е іюля были открыты въ ю. ш. отъ 15—17° и въ в. д. отъ 213—219° дѣлѣн архипелагъ коралловыхъ, обитаемыхъ и не заселенныхъ острововъ, пространствомъ до 50 верстъ въ длину, а именно: Моллеръ, Аракчеевъ, князь Волконскій, Барклай де-Толли, Ермоловъ, князь Голицевъ-Кутузовъ, генералъ Раевскій, графъ Остенъ-Сакенъ, адмиралъ Чичаговъ, графъ Милорадовичъ, графъ Витгенштейнъ и адмиралъ Грейгъ, которымъ Беллингсгаузенъ далъ общее наименованіе острововъ Россіанъ.

Прибывъ 22-го іюля въ Отанти, Беллингсгаузенъ 27-го іюля отправился на новыя изысканія и открылъ 31-го іюля въ ю. ш. 15° и в. д. 211° островъ, названный имъ въ честь товарища его, командира „Мирнаго“, „Лазаревымъ“, затѣмъ 3-го августа былъ открытъ

островъ „Востокъ“ и 8-го августа въ ю. ш. 10° и в. д. 199° островъ „Великій Князь Александръ“. Отсюда Беллинггаузенъ направился обратно въ портъ Джексонъ и, провѣряя въ пути описанія и мѣсто-нахожденіе многихъ острововъ, открытыхъ до него другими мореплавателями, 19-го августа открылъ еще два неизвѣстныхъ до того времени острова въ ю. ш. 21° и в. д. 181°, названные имъ по фамиліямъ сопровождавшихъ его астронома Симанова, вѣдущаго знаменитаго профессора казанскаго университета, и живописца Михайлова, а 9-го сентября отрядъ опять бросилъ якорь въ портъ Джексонъ, гдѣ снова необходимо было подвергнуть расшатавшіеся корабли весьма капитальному исправленію.

Свободное время употреблялось тамъ на астрономическія наблюденія, провѣрку хронометровъ и компасовъ и на другія научныя занятія.

Весьма замѣчательны собранныя тогда Беллинггаузеномъ подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ англійскимъ правительствомъ управленія краемъ и объ учрежденіи колоній для ссыльныхъ, которыя въ настоящее время, по истеченіи 70 лѣтъ, въ виду предпріятого нами заселенія острова Сахалина ссыльными, представляютъ особый интересъ. Такимъ-же образомъ Беллинггаузенъ весьма живо описалъ бытъ и нравы какъ туземныхъ дикихъ, такъ и пришлаго европейскаго населенія.

31-го октября 1820 года отрядъ снова снялся съ якоря и, починивши насколько было возможно свои утлые корабли, отправился опять въ неизвѣстныя ледяныя страны Южнаго океана.

Уже 8-го ноября въ носовой части шлюпа „Востокъ“, какъ выше упомянуто, оказалась сильная течь, но тѣмъ не менѣе Беллинггаузенъ, слѣдуя, какъ онъ выражался, „принципу своему“, что „отважность иногда ведетъ къ успѣхамъ“ (стр. 157, II часть), овъ продолжалъ путь для достиженія поставленной себѣ цѣли.

Миновавъ островъ Макварія 20-го ноября, корабли, утромъ 28-го ноября, въ широтѣ 62 и в. д. 164° встрѣтили цѣрвыя плавающія ледяныя горы, а къ вечеру уже увидѣли къ югу сплошной ледъ, заграждавшій путь къ югу и заставившій экспедицію держаться болѣе восточнаго курса.

Съ этихъ поръ начались опять страданія прошлогодняго плаванія между льдами, при температурѣ нѣсколькихъ градусовъ ниже точки замерзанія, съ тѣми-же страшными бурями, вьюгами, туманами, но съ тою разницею, что на шлюпѣ „Востокъ“, еще болѣе расшатавшемся, течь съ каждымъ днемъ увеличивалась.

Пробираясь такимъ образомъ въ широтѣ между 62° и 70°, между плавающими льдинами и ледяными пространствами, о присутствіи коихъ отважные пловцы ночью и во время тумановъ узнавали только отъ гула разбивающихся о нихъ буруновъ, и рискуя такимъ образомъ, въ продолженіе всего плаванія, ежечасно подвергнуться безслѣдной гибели, Беллингсгаузенъ, въ западной долготѣ 92°, достигъ 11-го января наибольшей широты 69°57', и вскорѣ раздался на шлюпѣ радостный крикъ: „берегъ!“, который оказался довольно значительнымъ островомъ, названнымъ Беллингсгаузеномъ именемъ основателя русскаго флота, Петра I. Та-же радость распространилась въ отрядѣ и вознаградила отважныхъ моряковъ, когда 17-го января, въ широтѣ 68°29' и долготѣ западной 73° повторились тѣ-же крики радости и открытъ былъ берегъ, принятый Беллингсгаузеномъ, по величинѣ занимаемаго имъ пространства, за материкъ и названный имъ именемъ виновника экспедиціи: берегомъ императора Александра I-го.

Такимъ образомъ Беллингсгаузенъ первый опровергъ мнѣніе Кука, что въ южныхъ полярныхъ странахъ нѣтъ земли.

Получивъ во время пребыванія въ портѣ Джексонѣ отъ нашего посланника при португальскомъ дворѣ барона Тейля сообщеніе, что южнѣ Огненной земли былъ открытъ капитаномъ китобойнаго корабля Смитомъ материкъ, оказавшійся впоследствии островомъ, названнымъ имъ Южнымъ Шетландомъ ¹⁾, Беллингсгаузенъ направилъ плаваніе свое въ тѣ мѣста и открылъ 25-го января, въ широтѣ 63° и такой-же западной долготѣ, три острова, названныхъ имъ Бородино, Малый Ярославецъ, а третій, изъ благодарности за сообщенныя свѣдѣнія, островомъ Тейля.

На слѣдующій день опять были открыты пять острововъ, принадлежащіе къ тому-же архипелагу, названные Смоленскъ, Березина, Полоцкъ, Лейпцигъ и Ватерлоо, а 26-го января Камень Елена. 28-го января, въ широтѣ 61° 41' и долготѣ 58" опять были открыты три малые острова, названные: „Трехъ братьевъ“, и нѣсколько западнѣ ихъ четвертый, названный „Рожновымъ“. Въ тотъ-же день „Востокъ“ едва не разбился о неизвѣстный до того времени подводный рифъ. На слѣдующій день опять были открыты три острова, названные фамиліями адмираловъ: Мордвинова, Михайлова и Шишкова. 30-го января настала страшная буря, отъ которой „Востокъ“ окончательно потекъ и расшатался до такой степени, что дальнѣйшее плаваніе на немъ становилось опаснымъ, вслѣдствіе

¹⁾ Вѣроятно, видѣнный уже въ 1599 году Дикъ-Шеритомъ (Der Erd-ball und seine Wunder, Zimmermann, 1883 г.).

чего Беллингсгаузенъ взялъ курсъ на сѣверъ и 27-го февраля 1821 г. прибылъ послѣ, четырехмѣсячнаго плаванія, въ Рио-Жанейро, гдѣ за необходимыми починками оставался до 22-го апрѣля. Въ это время тамъ совершался переворотъ въ управленіи вслѣдствіе того, что португальскій король Іоаннъ IV, превратившій въ 1807 г. Рио-Жанейро въ свою столицу, далъ Португаліи и Бразиліи конституцію и возвратился въ Лиссабонъ, а потому посланникъ нашъ, баронъ Тейль, воспользовался предложеніемъ Беллингсгаузена и отправился съ нимъ въ Лиссабонъ, откуда отрядъ, послѣ двухгодоваго путешествія, не останавливаясь нигдѣ, прибылъ 24-го іюня 1821 г. въ Кронштадтъ, пробывъ 527 дней подъ парусами и проплывъ въ это время восемьдесятъ шесть съ половиною тысячъ верстъ, т. е. пространство въ $2\frac{1}{4}$ раза болѣе окружности земнаго шара.

Въ продолженіе этого плаванія открыты двадцать девять острововъ, изъ которыхъ въ южномъ полярномъ поясѣ—два, а именно, Петра I и Александра I, южнѣе которыхъ до того времени не были извѣстны никакія земли и острова; въ южномъ умѣренномъ восьмь и девятнадцать въ жаркомъ поясѣ; кромѣ того, открыты—одна коралловая мель и нѣсколько подводныхъ рифовъ и мелей.

Беллингсгаузенъ никогда не смотрѣлъ на совершенный имъ подвигъ какъ на нѣчто выходящее изъ ряда обыкновенныхъ событий, а считалъ его простымъ исполненіемъ своего долга, принесшимъ нѣкоторую пользу наукѣ.

Императоръ Александръ I щедрыми наградами вполне доказалъ ему свое благоволеніе, но величайшею наградою для Беллингсгаузена былъ милостивый приемъ государя, пожелавшаго узнать устно отъ него самого подробности его подвига.

Въ собственномъ кабинетѣ его, въ Царско-сельскомъ дворцѣ, принялъ его императоръ и со свойственною ему любезностію, очаровавшею всю Европу, сказалъ ему, улыбаясь и указывая на стулъ: „вы вернулись изъ далекаго путешествія и вѣрно устали, садитесь, капитанъ“. Часы эти остались незабвенными въ памяти почтеннаго старца, который часто вспоминалъ и рассказывалъ объ этомъ.

Черезъ три года Беллингсгаузенъ представилъ адмиралтейскому департаменту описаніе своего путешествія со всѣми картами и рисунками, но дѣло объ этомъ было оставлено безъ движенія—и только въ 1827 г., по открытіи морскаго ученаго комитета, Беллингсгаузенъ снова просилъ объ изданіи его сочиненія, отказываясь даже отъ авторскаго права. Комитетъ нашель, что „можетъ случиться и едва-ли уже не случилось, что учиненныя капитаномъ

Беллинггаузенномъ обрѣтеніи, по неизвѣстности оныхъ, послужать къ чести иностранныхъ, а не нашихъ мореплавателей“.

По высочайшему повелѣнію императора Николѣя I было назначено изъ кабинета его величества 10,840 рублей ¹⁾ на изданіе сочиненія Беллинггаузена съ тѣмъ, чтобы оно было обращено въ пользу автора; такимъ образомъ въ 1831 г. вышло въ свѣтъ „Двукратныя изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и плаваніе вокругъ свѣта въ продолженіе 1819, 1820 и 1821 годовъ, совершенныя на шлюпѣ „Востокъ“ и „Мирный“, подъ начальствомъ капитана Беллинггаузена, командира шлюпа „Востокъ“.

Изданіе въ видѣ двухъ роскошныхъ томовъ in 4°, съ атласомъ изъ 19 картъ и 44-хъ литографированныхъ рисунковъ, печаталось въ типографіи Глазунова и вышло въ числѣ 600 экземпляровъ. Въ настоящее время оно представляетъ библиографическую рѣдкость. Несмотря на нѣсколько устарѣвшій языкъ, оно читается и теперь съ большимъ интересомъ, какъ всякое „первое“ путешествіе въ неизвѣстные до того края. Случайный недостатокъ натуралиста въ этой экспедиціи частью вознаграждается описаніемъ непосредственныхъ наблюденій надъ природою и величественными явленіями полярнаго міра и описаніемъ незнакомыхъ морскихъ животныхъ, птицъ, рыбъ и туземцевъ.

Глубокая религіозность и теплота души Беллинггаузена, соединенныя съ неустрашимостью, прекрасныя отношенія начальствующихъ и подчиненныхъ (за всѣ два года кругосвѣтнаго путешествія ни одинъ матросъ не былъ наказанъ тѣлесно,—это въ ту-то эпоху безпощаднаго дранья!), постоянное попеченіе о здоровьѣ экипажа, увѣчывающееся полнымъ успѣхомъ, мирныя и даже идиллическія отношенія къ дикарямъ,—все это придаетъ путешествію отпечатокъ особенно симпатичный ²⁾.

Путешествіе это въ такой славѣ въ ученомъ мірѣ Европы, что Джемсъ Россъ, въ описаніи путешествія своего 1841 г., постоянно называетъ нашего покойнаго адмирала „неустрашимый Беллинггаузенъ“ (the intrepid B.).

Англійскій картографъ Аросмитъ, въ своемъ позднѣйшемъ изданіи всесвѣтной меркаторской карты, нанесъ на оную только пути кругосвѣтныхъ плавателей: Кука, Беллинггаузена, Дюрвиля, Бискоя, Росса и Кемпа.

Вотъ что говоритъ о Беллинггаузенѣ знаменитый, авторитетный

¹⁾ 38,000 рублей ассигн.

²⁾ М. Мешниковъ, „Критико-біографическій лексиконъ Венгерова“.

нѣмецкій географъ, докторъ А. Петерманнъ, въ статьѣ своей объ обязанности для Германіи отпривить экспедицію къ сѣверному полюсу для изслѣдованія центральнаго арктическаго пространства (Mittheilungen aus Justus Perthas geographischer Anstalt, 16 Ergänzungsheft. Gotha, 1865, Die Erforschung der arktischen Central-Region durch eine deutsche Nordfahrt, стр. 5):

„Къ націямъ, которыя до сихъ поръ оказали наибольшія услуги арктической и антарктической географіи, слѣдуетъ прежде всего причислить англичанъ, которые дѣйствительно оказали на этомъ поприщѣ необычайные усилія и принесли величайшія жертвы; за ними слѣдуютъ русскіе, французы, американцы, голландцы, шведы, норвежцы и датчане; всѣ они отправляли экспедиціи, болѣе или менѣе научныя, къ сѣверному и южному полюсамъ, только мы одни, нѣмцы, никого не послали. Почти всѣ эти экспедиціи были отправляемы не съ матеріальными цѣлями, а лишь для пользы науки, и обошлись навѣрное болѣе ста милліоновъ талеровъ, причемъ онѣ не только прославили свои націи, но послужили тоже къ образованію и къ развитію ихъ морскаго дѣла.

Самымъ достойнымъ примѣромъ для Германіи слѣдуетъ поставить одну изъ этихъ многочисленныхъ экспедицій, а именно русскую, подъ начальствомъ капитана Беллингсгаузена.

Послѣ Вѣнскаго конгресса 1815-го года императоръ Александръ I, этотъ не только энергичный и сильный, но мудрый и просвѣщенный государь, первый изъ всѣхъ монарховъ Европы остановившій порывы завоевателя свѣта, отправилъ цѣлый рядъ научныхъ морскихъ экспедицій, послужившихъ къ неувядаемой славѣ Россіи, съ которыми по высоконаучному смыслу и блистательному исполненію едва-ли могутъ сравниться другія націи.

Имена русскихъ мореплавателей Крузенштерна, Коцебу, Литке, Врангеля и Анжу являются звѣздами первой величины на географическомъ небосклонѣ. Къ этимъ экспедиціямъ слѣдуетъ причислить и открытія Беллингсгаузена въ антарктическихъ моряхъ. Еще можно допустить, что Россія направляла свои изысканія къ сѣверному полюсу, не только съ одною научною цѣлью, но такъ-же и для матеріальныхъ выгодъ, таковы экспедиція къ Шницбергеноу, въ Сибирское Ледовитое море, въ Беринговъ проливъ, въ Восточную Азію и въ Сѣверо-Западную Америку; но этого невозможно допустить относительно русскихъ кругосвѣтныхъ путешествій и плаваній въ южномъ полушаріи, которыя уже представляютъ высоконаучную заслугу; плаваніе же, направленное прямо къ южному полюсу, дѣлаетъ русскому научному стремленію величайшую честь

и особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда знаменитый англійскій мореплаватель Кукъ убѣдилъ весь свѣтъ, что приблизиться къ южному полюсу дальше, чѣмъ сдѣлалъ онъ, нѣтъ никакой возможности, что за рубежемъ, котораго достигъ онъ, нѣтъ ничего примѣчательнаго, нечего искать и нечего открывать. Этому-то много значительному рѣшенію величайшаго мореплавателя своего времени, осмѣлялся пойти наперекоръ русскій капитанъ Беллингсгаузенъ, плывшій прямо изъ Балтійскаго моря къ обрисованному Кукомъ самыми мрачными красками поприщу величайшихъ трудностей и невозможностей. И что-же! Ему вопліѣ удалось опровергнуть мнѣніе Кука и приблизиться на протяженіи 250° долготы ближе къ южному полюсу, чѣмъ англійскій предшественникъ его.

На моей картѣ проложены пути Кука и Беллингсгаузена и по исчисленію моему, площадь, лежащая между этими двумя путями и приобщенная Беллингсгаузеномъ къ изслѣдованнымъ Кукомъ пространствамъ, равняется 214,000 нѣмецкимъ квадратнымъ милямъ.

Заслуги Беллингсгаузена до сихъ поръ еще не были оцѣнены во всемъ ихъ значеніи. Ни одинъ мореплаватель послѣ него не изслѣдовалъ такого громаднаго пространства поверхности земнаго шара, какъ онъ.

Большая французская экспедиція Дюрвиля (d'Urville) въ 1838—1840 гг. приобщила къ количеству изысканныхъ пространствъ земли только 3.200, большая американская экспедиція Уилькеса (Wilkes) только 12,000, а всѣ англійскія: Уедделя, (Weddell) Биское, Кемпъ, Баллени, Россъ и Муръ (Moore) съ 1828 по 1845-ый годъ вмѣстѣ 123,000 нѣмецкихъ квадратныхъ миль.

Но эта наименьшая заслуга Беллингсгаузена. Важнѣе всего то, что онъ безстрашно поправилъ созданный за 50 лѣтъ передъ тѣмъ такимъ великимъ человѣкомъ, какъ Кукъ, крѣпко вкоренившійся предрасудокъ. Это составляетъ дѣйствительно успѣхъ и великій подвигъ, а потому Беллингсгаузенъ въ этомъ отношеніи долженъ быть поставленъ на ряду съ Колумбомъ, Магелланомъ, Джемсомъ Россъ и другими мореплавателями, не обратившими вниманія на созданныя ихъ предшественниками затрудненія и воображаемыя невозможности, но шедшими своею самостоятельною дорогою, разрушая всякія преграды и достигшими своихъ цѣлей, создавая каждый разъ въ исторіи морскихъ открытій важную эпоху.

Вотъ чего не достааетъ Германіи для изысканій арктическаго центральнаго пространства,—свободнаго отъ предрасудковъ мужа, каковы были Беллингсгаузенъ или Джемсъ-Россъ.

Найдется - ли у насъ въ Германіи такой мужъ?... Неужели

Германія не приметъ на себя у сѣвернаго полюса ту-же роль, которую такъ блистательно исполнила Россія у южнаго полюса“.

II.

По возвращеніи изъ плаванія Беллингсгаузенъ продолжалъ строевую службу и съ 1821 года послѣдовательно былъ назначаемъ командиромъ 15-го флотскаго экипажа, исправляющимъ должности цейхмейстера и дежурнаго генерала.

Въ 1826 году онъ былъ назначенъ начальникомъ отряда, состоявшаго изъ корабля „Константинъ“ и фрегата „Елена“, для практическаго плаванія съ гвардейскимъ экипажемъ въ Средиземномъ морѣ, и, произведенный во время этого плаванія въ контръ-адмирала, онъ, по возвращеніи въ 1827 году, былъ назначенъ командиромъ этого экипажа, съ которымъ онъ въ 1828 году отпрѣвился сухимъ путемъ въ Турцію, для принятія участія въ начавшейся тогда турецкой войнѣ.

Достигши, безъ выдающихся дѣлъ съ непріателемъ, города Коварны, экипажъ былъ перемѣщенъ, для комплектованія корабельныхъ командъ, на корабли Черноморскаго флота, блокировавшаго тогда, подъ начальствомъ адмирала Самуила Алексѣевича Грейга, крѣпость Варну.

Имѣя свой флагъ на кораблѣ „Пармень“, Беллингсгаузенъ съ 13 по 21 сентября принималъ выдающееся участіе при обстрѣливаніи крѣпости, стараясь всегда поражать ее залпами, цѣлыми лаганами на самомъ близкомъ разстояніи.

Въ слѣдующемъ 1829 году Беллингсгаузенъ съ 12-го апрѣля по 13-ое ноября находился съ командуемымъ имъ гвардейскимъ экипажемъ на кораблѣ „Парижъ“ подъ флагомъ того-же адмирала Грейга. Походъ этотъ, по бездѣйствію своему, остался въ недоброй памяти у Беллингсгаузена, который, при пылкости и отважности своей, не могъ примириться съ тѣмъ, что флотъ нашъ, вмѣсто того, чтобы напасть въ Босфоръ на малочисленную непріятельскую эскадру, состоявшую изъ остатковъ послѣ Наваринскаго погрома, оставалась все время почти на Сизопольскомъ рейдѣ, довольствуясь, посредствомъ посылаемыхъ крейсеровъ, лишь наблюденіемъ за непріателемъ и очередною посылкою нѣсколькихъ кораблей въ кратковременное крейсерованіе.

Кромѣ этого, нѣкоторыя части флота имѣли незначительныя дѣла у городовъ Мезембри, Мидіи и Инадѣ, а крейсера наши овладѣли нѣкоторыми призами, состоящими изъ мелкихъ коммерческихъ судовъ.

Самымъ-же радостнымъ событіемъ долговременнаго бездѣйствія нашей эскадры былъ геройскій подвигъ маленькаго брига „Меркурій“ подъ командою славнаго Козарскаго.

Находясь въ первыхъ числахъ мая въ крейсерствѣ близъ входа въ Босфоръ, онъ послѣ густаго тумана очутился на самомъ близкомъ разстояніи между двумя турецкими линейными кораблями, обсыпавшими его своими тяжелыми снарядами, но „Меркурій“, отстрѣливаясь своею мелкою артиллеріею, воспользовался совершеннымъ безвѣтріемъ и ушелъ отъ нихъ на веслахъ, прибывъ прострѣленный, какъ рѣшето, въ Сизополь съ вѣстію о выходѣ турокъ въ море. Обстоятельство это подтвердилось грустнымъ извѣстіемъ о катастрофѣ съ фрегатомъ „Рафаилъ“, который, находясь въ крейсерствѣ на высотѣ Требизонда, около того-же времени былъ взятъ тою-же турецкою эскадрою, о которой донесъ Козарскій.

Этотъ фрегатъ, еще много лѣтъ спустя, лежалъ въ Золотомъ Рогѣ, въ видѣ трофея.

Посланный, по полученіи печальнаго извѣстія о „Рафаилѣ“, отрядъ контръ-адмирала Ивана Семеновича Скаловскаго для отысканія турецкой эскадры, конечно, не нашелъ ея, а довольствовался сожженіемъ въ Требизондѣ новаго, еще не вооруженнаго, турецкаго шестидесяти-пушечнаго корабля.

Находясь на одномъ кораблѣ съ начальникомъ флота, Беллингсгаузенъ, какъ вполне знакомый съ Босфоромъ, неоднократно высказывалъ ему свое мнѣніе относительно нападенія на турокъ въ самомъ Босфорѣ, обративъ главныя силы флота на пресловутыя турецкія береговыя укрѣпленія, а остальные на вступленіе въ бой съ незначительною турецкою эскадрою; но предложеніе это, къ крайнему огорченію его, всегда отклонялось въ виду риска, сопряженнаго съ такимъ предпріятіемъ, отъ котораго, въ случаѣ неуспѣха могла-бы послѣдовать гибель всего флота.

Конечно, такой выводъ не былъ согласенъ съ вышеупомянутымъ тезисомъ Беллингсгаузена, что „отважность иногда ведетъ къ успѣхамъ“,—и потому онъ еще въ старости выражалъ твердое убѣжденіе свое, что рѣшительное нападеніе на турецкій флотъ имѣло-бы полнѣйшіе шансы на успѣхъ.

Прибывъ 13-го ноября въ Севастополь и окончивши кампанію, гвардейскій экипажъ, вскорѣ отправился сухимъ путемъ въ Петербургъ, но самъ Беллингсгаузенъ остался въ Севастополѣ для исполненія возложеннаго на него изслѣдованія разныхъ безпорядковъ и злоупотребленій по управленію Черноморскимъ флотомъ и

такимъ образомъ онъ неожиданно попалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ придуманную тогда севастопольскую чуму, которая, по его мнѣнію, никогда въ дѣйствительности тамъ не существовала и выражалась только тѣмъ, что всѣхъ покойниковъ, отъ какой-бы болѣзни они не умерли, даже женщинъ, умершихъ въ родахъ, увозили по ночамъ нарочно опредѣленными для этого людьми, вымазанными дегтемъ (моргусами) для преданія ихъ землѣ, даже не на кладбищахъ.

Самое-же губельное послѣдствіе опрометчиваго признанія Севастополя зачумленнымъ было объявленіе города въ карантинъ и строгое оцѣпленіе его со всѣхъ сторонъ.

Тяжесть этой мѣры, лишившая немущихъ жителей Матроской Слободы загородныхъ заработковъ и вообще средствъ къ жизни, возбудила страшный бунтъ, вспыхнувшій весной 1830 года, вечеромъ того самого дня, когда Беллингсгаузенъ, по окончаніи возложеннаго на него слѣдственнаго производства, уже перебрался со своимъ семействомъ въ карантинъ для высиживания въ немъ шести недѣль.

Доказательствомъ-же того, что чума въ городѣ вовсе не существовала, Беллингсгаузеномъ приводилось то обстоятельство, что, когда на пятый день послѣ бунта, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ лично прибылъ въ Севастополь, то онъ немедленно въ тотъ-же самый день приказалъ снять карантинъ и отъ мнимой чумы не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ изуродованныхъ труповъ коменданта генераль-маіора Столыпина и другихъ жертвъ разъяренной толпы и равно труповъ разстрѣленныхъ и застѣченныхъ бунтовщиковъ.

6-го декабря 1830 года Беллингсгаузенъ былъ произведенъ въ вице-адмирала и при воспослѣдовавшемъ тогда раздѣленіи Балтійскаго флота на три дивизіи, былъ назначенъ начальникомъ 2-й флотской дивизіи, которая во время девятилѣтняго его командованія отличалась исполненіемъ сложныхъ эволюцій, причемъ Беллингсгаузенъ со свойственнымъ ему терпѣніемъ и любовью къ дѣлу достигъ значительныхъ результатовъ въ усовершенствованіи офицеровъ и нижнихъ чиновъ, какъ въ парусныхъ работахъ и ученіяхъ, такъ и въ артиллерійской службѣ.

Къ тому-же времени относится изданное въ 1839 году морскимъ ученымъ комитетомъ сочиненіе его: „о прицѣпленіи орудій на морѣ, съ таблицею элеваций“. Это единственное, въ своемъ родѣ, сочиненіе, потребовавшее много усидчиваго труда, оцѣнивалось весьма высоко тогдашними знатоками дѣла, когда наука

артиллеріи, а въ особенности морской, не достигла настоящаго уровня своего.

15-го іюля 1839 года Беллинггаузенъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта и Кронштадтскимъ военнымъ губернаторомъ.

Нелишне вспомнить здѣсь вкратцѣ о тогдашнемъ устройствѣ флотовъ и балтійскаго въ особенности.

Главное управленіе находилось въ Петербургѣ и состояло изъ начальника главнаго морскаго штаба князя Александра Сергѣевича Меншикова, не бывшаго никогда морякомъ, его канцеляріи и цѣлаго ряда департаментовъ: инспекторскаго, кораблестроительнаго, комиссаріатскаго, артиллерійскаго, гидрографическаго, медицинскаго, аудиторіатскаго и корабельныхъ лѣсовъ. Кромѣ того, существовалъ еще адмиралтействъ-совѣтъ, который въ то время не имѣлъ особеннаго вліянія на дѣла флота, а служилъ болѣе формальною инстанціею для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ и утвержденія разныхъ представленій.

Какъ выше изложено, въ балтійскомъ флотѣ находились три дивизіи, состоящія каждая изъ девяти экипажей по 1.000 человекъ; въ каждой изъ этихъ дивизій были причислены по девяти кораблей отъ 74 до 120 пушекъ, по шести болшему частію 44-хъ пушечныхъ фрегатовъ и до 12-ти мелкихъ судовъ, какъ-то: корветовъ, бриговъ, шхунъ, тендеровъ, люгеровъ и нѣсколько мелкихъ пароходовъ; кромѣ того въ сороковыхъ годахъ были построены шесть колесныхъ боевыхъ пароходовъ. Всѣ эти суда, кромѣ малаго числа заказанныхъ за-границею и въ Финляндіи, строились въ Петербургѣ на адмиралтейскихъ и охтенскихъ верфяхъ и въ Архангельскѣ подъ непосредственнымъ надзоромъ главнаго морскаго начальства и кораблестроительнаго департамента, безъ всякаго участія главнаго командира кронштадтскаго порта.

По чисто бюрократическому устройству этихъ учрежденій, качества кораблей оказывались весьма неудовлетворительными, особенно по причинѣ полнаго отсутствія въ адмиралтействахъ запасовъ корабельныхъ лѣсовъ, вслѣдствіе чего корабли строились изъ совершенно сыраго лѣса и еще отъ недостатка сколько-нибудь знакомыхъ съ моремъ строителей. Неудивительно поэтому, что корабли, относительно долговѣчности, крѣпости и мореходныхъ качествъ, находились въ весьма плохомъ состояніи, между тѣмъ какъ главнымъ условіемъ для всякаго флота какъ въ настоящее время, такъ и тогда составляли быстроходные, крѣпкіе, обладающіе морскими качествами корабли.

Линейный корабль, служившій въ то время, безъ капитальной починки, у всѣхъ націй отъ 25-ти до 30-ти лѣтъ, никогда не служилъ у насъ болѣе десяти лѣтъ, послѣ чего, если онъ до этого срока неокончательно сгнилъ или развалился, ему предстояла еще тимбировка ¹⁾ въ кронштадтскихъ докахъ.

Со времени вступленія Беллингсгаузена въ должность главнаго командира, онъ при широкихъ познаніяхъ и по честному отношенію своему къ дѣлу, постоянно указывалъ князю Меншикову на всѣ эти неурядицы, но послѣдній, страшась, главнымъ образомъ, испрошенія увеличенія морскаго бюджета и понимавшій весьма мало въ морскомъ дѣлѣ, склонялся болѣе къ совѣтамъ своихъ канцелярскихъ и департаментскихъ дѣятелей, вслѣдствіе чего вліяніе Беллингсгаузена на кораблестроеніе ограничивалось только тимбировкою кораблей въ Кронштадтѣ. Эти работы производились всегда подъ личнымъ его надзоромъ, а потому и корабельная архитектура въ балтійскомъ флотѣ, во время управленія его Кронштадтскимъ портомъ, за исключеніемъ употребленнаго дурнаго лѣснаго матеріала, сдѣлала большіе шаги впередъ и тимбировавшіеся корабли получали, по его указаніямъ, щегольскія формы, восхищавшія не только русскихъ, но и иностранныхъ моряковъ.

Кромѣ того, Беллингсгаузенъ произвелъ нѣкоторые интересные и весьма удавшіеся въ финансовомъ отношеніи опыты построенія новыхъ мелкихъ судовъ изъ уцѣлѣвшихъ частей старыхъ кораблей и фрегатвъ.

Въ началѣ управленія Беллингсгаузенемъ Кронштадтскимъ портомъ, въ адмиралтействѣ не находилось никакихъ запасовъ лѣса и корабли тимбировались изъ сырыхъ бревенъ, пригнанныхъ въ Кронштадтъ въ плотахъ, передъ самымъ окончаніемъ навигаціи.

Случалось даже, что по нераспорядительности главнаго петербургскаго управленія, сырые бревна возились изъ Петербурга въ Кронштадтъ по льду, гужемъ, и только впоследствии, за нѣсколько лѣтъ до смерти Беллингсгаузена, кронштадтское адмиралтейство по настоятельнымъ представленіямъ и требованіямъ его, стало наполняться болѣе значительнымъ запасомъ лѣса.

Въ совсѣмъ иномъ положеніи находился черноморскій флотъ, къ которому, по отдаленности его отъ Петербурга и за отсутствіемъ тогда удобныхъ сообщеній, невозможно было примѣнить во всей силѣ вредное вліяніе централизаціи управленія и потому необходимы были предоставить начальнику его адмиралу М. П. Лаза-

¹⁾ Капитальная починка, равнявшаяся почти постройкѣ новаго корабля съ употребленіемъ малаго числа уцѣлѣвшихъ частей прежняго корабля.

реву, какъ главному командиру Николаевскаго порта, въ которомъ корабли строились, болѣе значительный просторъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ пріемѣ поставленныхъ на флотъ матеріаловъ, послѣдствіемъ чего было блистательное положеніе кораблей черноморскаго флота, построенныхъ не подъ бюрократическимъ рутиннымъ надзоромъ, разныхъ департаментовъ и строителей, а подъ наблюденіемъ опытнаго и ученаго адмирала, по новѣйшимъ образцамъ и притомъ не изъ сыраго сосноваго, а изъ сухаго дубоваго лѣса.

Стѣдую постоянно за развитіемъ корабельной архитектуры у другихъ націй, Беллинсгаузенъ, при отличавшемъ его передовомъ направленіи, въ концѣ сороковыхъ годовъ постоянно убѣждалъ князя Меншикова въ необходимости введенія и у насъ, наравнѣ съ другими морскими націями, пароваго линейнаго флота, но встрѣчалъ у князя въ этомъ полнѣйшій отпоръ, основанный на сомнѣніи въ пользѣ такой реформы и на значительныхъ расходахъ, сопряженныхъ съ нею. Тѣмъ не менѣе за годъ или два до смерти Беллинсгаузена, былъ построенъ винтовой фрегатъ „Архимедъ“, который въ первомъ-же плаваніи потерпѣлъ крушеніе, и затѣмъ пріступлено было къ постройкѣ одного корабля съ паровымъ двигателемъ.

Весьма вѣроятно, что если-бы своевременно послѣдовали настоятельными представленіямъ Беллинсгаузена о снабженіи кораблей паровыми двигателями, то нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, въ 1854 году, не пришлось-бы нашему балтійскому флоту играть такую скромную роль за стѣнами Кронштадта, блокированнаго англо-французскою эскадрою.

Съ 1841 года Беллинсгаузенъ почти ежегодно по 1851 годъ начальствовалъ надъ флотомъ въ составѣ двухъ дивизій въ числѣ до 40 вымпеловъ и, плавая по тѣсному фарватеру Финскаго залива и въ Балтійскомъ морѣ, довелъ балтійскій флотъ до высокой степени совершенства въ морскихъ эволюціяхъ и маневрированіи парусами и пушками.

Недаромъ императоръ Николай I называлъ Беллинсгаузена — мастеромъ своего дѣла.

При этомъ чувство чести, долга и боевое образованіе были развиты между чинами балтійскаго флота не менѣе, чѣмъ у черноморскихъ товарищей ихъ, что вполне доказано при представлявшихся имъ рѣдкихъ случаяхъ отличиться, а именно, при защитѣ въ 1855 году Свеаборга, когда наша эскадра, состоявшая изъ нѣсколькихъ кораблей, выдержала жестокой огонь въ четверо сильнѣйшаго непріятельскаго флота и заставила его уйти съ весьма

значительными поврежденіями, и въ Петропавловскомъ портѣ, когда славный Изыльметьевъ съ горстью нашихъ храбрецовъ отразилъ грозную соединенную непріятельскую эскадру адмирала Паркера, застрѣлившись на слѣдующій день.

Особенныя заботы Беллингсгаузенъ обращалъ на улучшеніе быта его любимцевъ матросовъ, съ прекрасными качествами которыхъ онъ въ особенности познакомился во время долгихъ плаваній своихъ въ дальнихъ частяхъ свѣта.

Въ то время, когда сѣкли вездѣ, не только въ арміи и во флотѣ и по судебнымъ приговорамъ, но сѣкли и народъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ, онъ былъ врагъ тѣлесныхъ наказаній и преслѣдовалъ ихъ особенно строго, когда они употреблялись не за проступки и преступленія, а при ученіяхъ; „это, говаривалъ онъ, доказываетъ только постыдную лѣнь самого начальника, ибо вмѣсто того, чтобы дѣйствительно быть учителемъ и съ терпѣніемъ заставлять повторять одинъ или нѣсколько разъ неудовлетворительно исполненныя работы или упражненія, онъ полагаетъ скорѣе достигнуть исполненія своихъ требованій сѣченіемъ“.

Нѣкоторые спеціалисты по части сѣченія, подражая черно-морскимъ порядкамъ, примѣняли его даже коллективно, т. е. сѣкли поголовно, человѣкъ по 20 и 30, за оплошность одного или нѣсколькихъ.

Не менѣе Беллингсгаузенъ заботился о здоровьѣ и улучшеніи пищи нижнихъ чиновъ.

Въ то время матросы, находясь на берегу, получали обыкновенный солдатскій паекъ, въ который тогда мясная порція вовсе не входила, и на морѣ имъ отпускалась заготовленная комиссаріатскимъ департаментомъ морская провизія отличавшаяся отъ сухопутной не всегда доброкачественными ржаными сухарями; кромѣ того, отпускались не хорошо приготовленная солонина, топленое коровье масло, горохъ, ячневая и гречневая крупа. По несоотвѣтственности этой провизіи съ продолжительными плаваніями подъ парусами, продолжавшимися обыкновенно въ открытомъ морѣ до двухъ мѣсяцевъ, на флотѣ иногда развивалась цынга въ значительныхъ размѣрахъ.

Служившіе тогда на корабляхъ въ эскадрахъ навѣрное помнятъ въ хорошую погоду свистъ бодмана: „цынготныхъ наверхъ!“ Послѣ чего несчастныя жертвы бережливости высшаго начальства, опухшія и покрытыя синими пятнами, выползали на четверинкахъ или выносились на верхнюю палубу, для дышанія чистымъ воздухомъ. При первой возможности, эти несчастные отсылались въ

Кронштадтъ, гдѣ большая часть изъ нихъ погибала въ госпиталѣ отъ недостатка деревенскаго живительнаго воздуха.

Для противодѣйствія этой страшной болѣзни, зачатки которой развивались у матросовъ уже на берегу отъ дурной пищи и отъ тѣсныхъ помѣщеній въ сырыхъ казармахъ, въ которыхъ находились скученными болѣе 25,000 человекъ, Беллинггаузенъ не довольствовался формальными представленіями по начальству, а принималъ самостоятельно весьма дѣятельную инициативу, требуя отъ ближнихъ начальниковъ бдительнаго наблюденія за пищею нижнихъ чиновъ, въ чемъ онъ лично удостовѣрялся частыми посѣщеніями кухонъ и казармъ.

Кромѣ того, онъ для этой-же цѣли устроилъ, съ высочайшаго разрѣшенія, на гласисѣ крѣпости огороды для нижнихъ чиновъ.

По его-же представленіямъ, морская провизія значительно улучшилась печеніемъ сухарей и изготовленіемъ солонины въ Кронштадтѣ самими командами кораблей и увеличеніемъ морской матроской порціи квашенною капустою, а впоследствии, во время исправленія должности начальника главнаго морскаго штаба генералъ-адъютантомъ Василиемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, относившимся вообще весьма сочувственно къ представленіямъ Беллинггаузена, радости его не было конца, когда императоръ Николай I повелѣлъ отпустить я на берегу нижнимъ чинамъ флота значительную мясную порцію.

Кромѣ того, для противодѣйствія цынги и улучшенія воздуха въ Кронштадтѣ, лишенномъ почти всякой растительности, по представленіямъ Беллинггаузена, были устроены на огромныхъ пустопорожнихъ мѣстахъ скверы, а въ 1845 году, на дачѣ, купленной по его-же представленію, для морскаго вѣдомства близъ Ораніенбаума, былъ устроенъ цѣлый барачный лазаретъ на 600 человекъ, не только для цынготныхъ, но и для всѣхъ реконвалесцентовъ кронштадтскаго госпиталя.

На этой дачѣ, для скорѣйшаго помѣщенія въ ней въ томъ-же 1845 году больныхъ, подъ личнымъ наблюденіемъ Беллинггаузена, были устроены за баснословно дешевую цѣну большія палатки, замѣненные впоследствии, по мѣрѣ возможности, бревенчатыми бараками. Однако, и палатки уже принесли громадную услугу, когда въ 1847 году съ пришедшей изъ крейсерства въ Нѣмецкомъ морѣ дивизіи свезли 512 больныхъ цынгою, изъ которыхъ, благодаря живительному деревенскому воздуху умерло только два человека.

Въ 1843 году Беллинггаузенъ былъ произведенъ въ адмиралы, а 1-го мая 1847 г., въ день пятидесятилѣтія службы его въ офи-

перскихъ чинахъ, высочайшимъ приказомъ по флоту онъ былъ назначенъ состоять при особѣ его императорскаго величества, причемъ императоръ Николай I удостоилъ его слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ отъ 1-го мая 1847 г.

„Ѡаддей Ѡаддеевичъ, въ ознаменованіе совершенной признательности моей къ неутомимой и всегда полезной службѣ вашей, я, при совершившемся нынѣ пятидесятилѣтн дѣятельнаго служенія вашего, жалуя вамъ вензелевое изображеніе имени моего на эполеты. Мнѣ особенно пріятно, въ этотъ достопамятный для васъ день, вновь увѣрить васъ, что заслуги ваши дадутъ вамъ полное право на постоянную мою къ вамъ благосклонность. Николай“.

Отличіе это въ настоящее время болѣе не существуетъ и, насколько помню, оно было дано въ царствованіе императора Николая I-го только Беллингсгаузену и ген.-отъ инф. кн. Шаховскому.

Усердный почитатель навигацкой и географической литературы, Беллингсгаузенъ слѣдилъ на всѣхъ языкахъ за всѣми новыми явленіями въ области морскихъ наукъ.

Его любви къ просвѣщенію обязанъ флотъ основаніемъ крошадтской бібліотеки, нынѣ одной изъ самыхъ богатѣйшихъ во всей Россіи, и хотя онъ дожилъ лишь до двадцатилѣтняго существованія этого полезнаго учрежденія, тѣмъ не менѣе онъ и въ этотъ короткій срокъ успѣлъ увидѣть плоды своего благотворнаго насажденія. Библіотека эта, наполненная уже тогда книгами по всѣмъ отраслямъ литературы на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, сдѣлалась источникомъ просвѣщенія для большей части молодыхъ офицеровъ, нашедшихъ въ чтеніи достойное препровожденіе времени, замѣнившее прежній разгулъ и поставившее морскаго офицера на ту высокую ступень интеллектуальнаго развитія, которую онъ въ настоящее время занимаетъ во мнѣніи всей образованной Россіи.

Любовь его ко всему полезному, а особенно ко всему, что касалась морскаго искусства, была постоянна.

Самое живое участіе принималъ онъ въ снаряженіи судовъ для дальняго плаванія, содѣйствуя хорошему и скорому снабженію ихъ со стороны порта и давая командирамъ полезные совѣты, основанные на свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ двукратныхъ кругосвѣтныхъ плаваніяхъ и болѣе чѣмъ полувѣковой опытности.

Въ особенности интересовала его экспедиція знаменитаго впоследствии вице-адмирала Геннадія Ивановича Невельскаго, отправлявшагося въ моря, части которыхъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ были описаны самимъ Беллингсгаузеномъ, во время плаванія

его съ Крузенштерномъ. Беллинггаузенъ снабдилъ его всѣми составленными имъ самимъ картами тѣхъ морей.

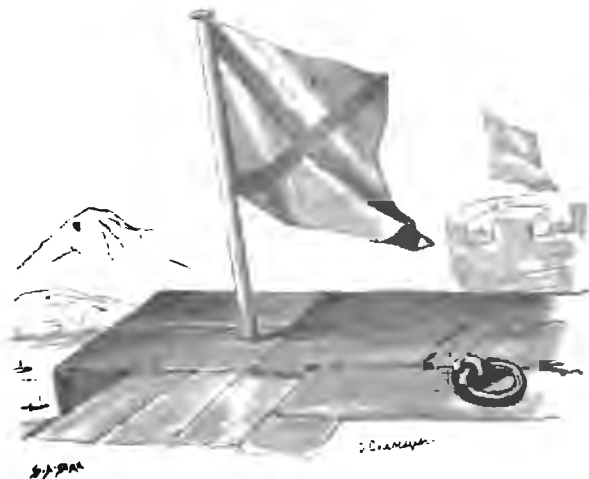
Легко доступный для каждаго, при ровности характера, приемъ его всегда былъ ласковый и достойный, чѣмъ онъ приобрѣлъ себѣ общую любовь какъ подчиненныхъ, такъ и знакомыхъ.

Проведши изъ семидесяти трехъ лѣтъ своей жизни—тринадцать съ половиною лѣтъ на морѣ, щедро надѣленный природою здоровьемъ, онъ умѣренною и дѣятельною жизнью сохранилъ его до глубокой старости и умеръ 13-го января 1852 года.

Участіе къ покойному было общее и выразилось со стороны офицеровъ тѣмъ, что они, несмотря на жестокую мятежь и стужу, несли гробъ знаменитаго любимаго начальника отъ церкви до самой могилы, на разстояніи почти трехъ верстъ.

Любовь и уваженіе къ нему его подчиненныхъ и признаніе заслугъ покойнаго другими слоями общества выразились особенно, когда въ 1870 году, съ высочайшаго разрѣшенія, ему былъ сооруженъ въ Кронштадтѣ, на созданномъ имъ противъ морскаго соборнаго скверѣ, прекрасный памятникъ, изъ однихъ только добровольныхъ пожертвованій, представляющій бронзовую фигуру славнаго мореплавателя во весь ростъ.

Баронъ П. Г.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ІВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

1757—1835 гг.

Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX вѣка.

V¹⁾.

Въ противоположность „Бесѣдъ“ и академіи, гдѣ пріютились отживающіе свой вѣкъ представители литературной старины, въ 1815 году молодые писатели пушкинскаго кружка основали свое „ученое общество „Арзамасъ“. Безвкусіе и педантизмъ „Бесѣды“ и академіи доставляли „арзамасцамъ“ неистощимый матеріалъ для насмѣшекъ, шутокъ и эпиграммъ; „Бесѣду“ величали „Словесницею“, бесѣдистовъ и академиковъ — халдеями; каждый изъ новыхъ членовъ „Арзамаса“ долженъ былъ, вмѣсто вступительной рѣчи, прославить кого-нибудь изъ халдеевъ; сохранилось извѣстіе, что Жуковский въ своей вступительной рѣчи „восхвалялъ“ гр. Хвостова; но, къ сожалѣнію, эта рѣчь до сихъ поръ не напечатана и неизвѣстно даже, сохранилась-ли она гдѣ-нибудь. Басни Хвостова, по словамъ кн. Вяземскаго²⁾, были въ „Арзамасѣ“ настояною и пстѣшною книгою; Жуковский, вообще отличавшійся умѣньемъ отыскивать такого рода сочиненія и составлять на нихъ смѣхотворныя пародіи, всегда держалъ эти басни при себѣ и нерѣдко чер-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, стр. 569—589; т. LXXV, стр. 71—101.

²⁾ „Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 473.

паль въ нихъ свои „арзамасскія“ вдохновенія. Сохранилось нѣсколько забавныхъ пародій на эти басни, сочиненныхъ въ „Арзамасѣ“; онѣ составленъ большею частью, изъ стиховъ самого же гр. Хвостова. Тамъ-же сочинена была слѣдующая надпись къ его портрету:

„Се Росска флакка зракъ! Се тотъ, кто, какъ и онъ,
Ввыспрь быстро, какъ птица царь, несъ звукъ на Геликонъ;
Се ликъ одъ, притчъ творца, музъ читателя Хвостова,
Кой поле испестрилъ Россійска красна слова“.

Въ одномъ изъ стихотвореній Жуковского читаемъ:

„Нашъ поэтъ Пестовъ,
Неутомимый ткачъ стиховъ
И Аполлоновъ жрецъ упрямый

. о приемахъ разсуждалъ,
Свои творенья величалъ,
Лишь древнихъ сравнивалъ съ собою...“¹⁾.

Онъ-же, описывая муки Парнаскаго ада въ посланіи своемъ къ Воейкову (1814 г.), представляетъ гр. Хвостова въ видѣ древняго Танталя:

„Вотъ Хвостовъ
Межъ огромными ушами,
Какъ Танталя среди плодовъ
Съ непрочтенными стихами.
Хочетъ ихъ читать ушамъ,
Но—лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать просторъ стихамъ,—
Уши разомъ всѣ свернутся!“²⁾.

Другіе члены „Арзамаса“ также писали забавныя эпиграммы на гр. Хвостова или сочиняли пародіи на его стихи. Батюшковъ воспѣлъ его вмѣстѣ съ прочими членами „Бесѣды“ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Хвала, читателей тиранъ,
Хвостовъ неутомимый!
Стихи твои, какъ барабанъ,
Для уха нестерпимы.
Летаетъ онъ и тамъ и сямъ,

¹⁾ Соч. Жуковского, изд. 1869 г., т. IV, стр. 483: „Плачь надъ Пиндаромъ“.

²⁾ Сочр. 1856 г., т. 60, отд. V, стр. 50.

Повсюду волкомъ рыщетъ,
 Пускаетъ притчей въ тылъ врагамъ,
 Стихами въ уши свищетъ.
 Онъ за поэму—прочъ идуть;
 За оду—засыпаютъ;
 Лишь за посланье—всѣ бѣгутъ
 И уши затыкаютъ!¹⁾

Еще раньше, въ 1813 году, Батюшковъ предсказалъ литературную судьбу гр. Хвостова, сказавъ о немъ въ письмѣ къ Н. ф. Грамматину, что онъ „пишетъ 40 лѣтъ и не знаетъ грамоты, пишетъ безпрестанно, и своимъ безславіемъ славенъ будетъ въ позднѣйшемъ потомствѣ“. Въ разныхъ стихотвореніяхъ Пушкина нашъ писатель является подъ именами Свистова, Хлыстова, Визгова и проч. Въ посланіи „Моему Аристарху“ (1816 г.) Пушкинъ говоритъ о немъ:

„Конюшій дряхлаго Пегаса,
 Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
 Служитель старенькій Парнасса,
 Родитель старенькихъ стиховъ
 И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
 И сказочекъ довольно скучныхъ“.

Въ стихотвореніи „Христосъ воскресъ“ (1816 г.) встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее пожеланіе:

„Да не воскреснуть отъ забвенья
 И Николевъ, поэтъ покойный,
 И непокойный графъ Хвостовъ“.

Наконецъ, Пушкину-же приписывается „Ода его с—ству графу Д. И. Хвостову“, написанная, вѣроятно, около 1824 г. и снабженная многословными примѣчаніями, пародирующими примѣчанія Хвостова къ собственнымъ своимъ произведеніямъ. Ода эта состоитъ изъ четырехъ строфъ и начинается такъ:

„Султанъ ярится. Кровь Элады
 И рѣзво скачетъ, и кипитъ.
 Открылись грекамъ древни влады,
 Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Циттъ...“

¹⁾ Пѣвецъ въ Бесѣдѣ Славенороссовъ“.

²⁾ Библиогр. Зап., II (1839 г.), 322.

Въ Грецію явился Байронъ; но „недугъ быстропарный“ свелъ его въ могилу; потому Пушкинъ зоветъ Хвостова занять мѣсто Байрона:

„Онъ лордъ—графъ ты! Поэты оба!
 Се, мнится, явне сходство есть—
 Никакъ! Ты съ вѣрною супругой
 Подъ бременемъ судьбы упругой
 Живешь въ любви—и, наконецъ,
 Глубокъ онъ,—но единообразенъ!
 А ты глубокъ, игривъ и разенъ—
 И въ шалостяхъ ты впрямъ пѣвецъ“.

Изъ прочихъ членовъ „Арзамаса“ всего болѣе потѣшался надъ Хвостовымъ А. Ф. Воейковъ. Извѣстный куплетъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“:

„Ты-ль, Хвостовъ? къ нему вошедши,
 Я вскричалъ: тебѣ-ль здѣсь быть?
 Ты дуракъ--не сумасшедшій,
 Не съ чего тебѣ сходить!“
 „Въ Буало я смѣсль убавилъ,
 „Лафонтена я убилъ
 „И Расина обезславилъ!“
 Быстро онъ проговорилъ“¹⁾.

былъ только началомъ самаго безпощаднаго глумленія надъ бѣднымъ стихотворцемъ. Позже Воейковъ прибавилъ къ своему „Сумасшедшему Дому“ „Женское отдѣленіе“, гдѣ не пощадилъ и жены гр. Дмитрія Ивановича, ни въ чемъ неповинной. Въ своемъ „Парнасскомъ календарѣ“²⁾ онъ помѣстилъ Хвостова съ такимъ опредѣленіемъ: „оберъ-дубяна Феба въ рангѣ провинціального секретаря. Обучаетъ иппокренскихъ лягушекъ квакать и барахтаться въ грязи“. Несмотря на это, Воейковъ, вообще отличавшійся безцеремонностью, съ которою онъ переходилъ изъ одной партіи въ другую и принимался бранить то, чѣмъ наканунѣ восхищался, нисколько не затрудняясь, обращался къ гр. Хвостову съ разнаго рода просьбами, когда содѣйствіе сенатора могло помочь ему выйти изъ затрудненія. Напримѣръ, въ 1820 году, въ бытность свою профессоромъ русской словесности въ дерптскомъ университетѣ, Воейковъ имѣлъ въ сенатѣ тяжebное дѣло. Увѣренный, что стbитъ

¹⁾ „Русск. Старина“, изд. 1874 г., т. IX, стр. 590—591.

²⁾ Тамъ-же, стр. 614.

только польстить сенатору-стихотворцу, чтобы заставить его дѣйствовать въ свою пользу, онъ обращается къ Хвостову съ слѣдующимъ письмомъ:

„М. г. графъ Д. И.! И вашему с—ству было-бы пріятнѣе, и мнѣ полезнѣе, если-бъ я, какъ малоопытный поэтъ, осмѣлился испрашивать отъ васъ, какъ отъ поэта увѣнчаннаго, наставленій въ стихотворствѣ или принести мою сердечную благодарность за то наслажденіе, которое доставили вы мнѣ посланіемъ къ Ломоносову—новымъ превосходнымъ произведеніемъ пера вашего; но Провидѣнію угодно расположить иначе, и я, противъ воли, долженъ терзать избалованный сладкогласными стихами слухъ вашъ варварскимъ языкомъ страпчихъ и подъячихъ“...

Изложивъ ходъ дѣла, Воейковъ заключаетъ письмо такъ-же, какъ началъ его:

„Сіятельныйѣйшій графъ! Я не требую отъ васъ ни милости, ни снисхожденія къ ученику вашему въ поэзіи и къ академическому вашему товарищу; но требую строгаго, неумытнаго правосудія!.. Дайте мнѣ слово, что вы будете присутствовать во время слушанія моего дѣла—и я буду совершенно спокоенъ. Съ высокимъ уваженіемъ и глубокою преданностью и пр. Александръ Воейковъ“

Гр. Хвостовъ, однако, не забывалъ насмѣшекъ Воейкова, и отмѣтилъ въ своемъ реестрѣ полученныхъ писемъ: „Письмо о приказномъ дѣлѣ, въ коемъ письмѣ, послѣ сочиненія своего „Дома сумасшедшихъ“, не стыдится меня называть учителемъ своимъ въ поэзіи. Извѣстно, что мы другъ другу ни въ учителя, ни въ ученики не годимся. Вотъ для чего я и сохранилъ сіе письмо“.

Тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ Воейкову, что, по своему обыкновенію, будетъ защищать справедливую сторону силою законовъ. Воейковъ, благодаря за это обѣщаніе, прибавляетъ:

„Теперь сдѣлавшись смѣлѣе, я покорнѣйше прошу позволить мнѣ иногда писать къ вамъ объ отечественной словесности, присылать вамъ мои опыты стихотворныя, требовать вашихъ совѣтовъ, спрашивать вашего мнѣнія. Но только-ли? Въ университетской здѣшной и въ моей собственной библіотекѣ есть всѣ ваши сочиненія; не благоудно-ли вамъ будетъ дополнить ихъ „Посланиемъ къ Ломоносову“ на русскомъ и французскомъ языкахъ? Мы примемъ сіе за самый лестный знакъ вашего благорасположенія“.

Гр. Хвостовъ называетъ это письмо „столь-же подлымъ, какъ и первое“, однако, въ одномъ изъ своихъ посланій хвалитъ Воейкова, говоря, что

„Онъ на каеандрѣ свѣтъ, кустъ розовый въ садахъ,
„Противоборцамъ онъ въ журналѣ бичъ и страхъ“.

Вскорѣ у него завязалась переписка съ Воейковымъ, котораго онъ всетаки побаивался, какъ пересмѣшника, а потому и старался быть съ нимъ любезнѣе. Вскорѣ затѣмъ Воейковъ переѣхалъ въ Петербургъ и издалъ многотомное „Собраніе образцовыхъ сочиненій“. Здѣсь помѣщено было много плохихъ стиховъ, но изъ сочиненій гр. Хвостова не было взято ни строчки. Это, конечно, сильно огорчило нашего стихотворца; но опасеніе насмѣшекъ со стороны Воейкова заставляло его сдерживаться. Между тѣмъ, въ 1827 г., Воейковъ началъ издавать новый журналъ „Славянинъ“ и опять обратился къ обиженному имъ поэту за содѣйствіемъ:

„Имѣю честь препроводить къ в. с—ву 10 билетовъ на Славянина (такъ пишетъ онъ 14-го февраля 1827 г.): осмѣлюсь напомнить вамъ, что въ теченіе семи большихъ годовъ это первая моя до васъ покорнѣйшая просьба, и то вынужденная страстью восторжествовать надъ нѣмецкимъ пуделемъ и польскимъ псомъ ¹⁾ и извиняемая вашимъ предупредительнымъ вызовомъ.

„Вы, съ грѣхомъ пополамъ, распространяли пуховый журналъ Дамскій; а мой будетъ гораздо, гораздо лучше; итакъ, замолвивъ за него словечко друзьямъ вашимъ, любителямъ отечественнаго чтенія, вы будете только справедливы. А гдѣ-же, какъ не у васъ, искать справедливости противъ притѣсненій иноземцевъ?“

И гр. Хвостовъ подписывался на новый журналъ и разсылалъ билеты своимъ высокопоставленнымъ знакомцамъ; когда-же ему хотѣлось, въ вознагражденіе за содѣйствіе издателю, помѣстить въ журналѣ свои стихи, тогда онъ получалъ отъ Воейкова письма въ родѣ слѣдующаго:

„Любезнѣйшій графъ Анакреонъ Тибулловичъ! Вчерашній день, вечеромъ, у меня былъ Жуковскій, Карлгофъ, А. С. Пушкинъ, князь П. А. Вяземскій, много военныхъ генераловъ и отличныхъ писателей, когда принесли мнѣ превосходнѣйшее стихотвореніе ваше на русскую одежду придворныхъ дамъ. Я поспѣшилъ раздѣлить съ своими гостями небесное наслажденіе поэзіи. Всѣ были съ восторгъ—и громкія рукоплесканія и гулъ одобренія долго не умолкали. Юношескій жаръ, пламенная любовь къ отечеству и огонь поэзіи соединены въ сихъ куплетахъ. Хвала вамъ, честь и слава, ура!

„Давъ в. с—ву отчетъ сей, прибавлю глубочайшее мое прискорбіе о томъ, что сіе знаменитое произведеніе анакреонтическаго

¹⁾ Подъ этими названіями нужно разумѣть Пезаровіуса и Булгарина, съ которыми Воейковъ имѣлъ большія непріятности изъ-за „Русскаго Ивалида“.

пера вашего не можетъ быть у меня напечатано, поелику всѣ листки на нынѣшній годъ уже оттиснуты“.

Товарищъ Воейкова по изданію „Сына Отечества“, Гречъ, также не пропускалъ удобнаго случая посмѣяться надъ нашимъ стихотворцемъ. Въ „Біографіи“ подробно говорится объ отношеніяхъ гр. Хвостова къ Гречу:

„Авторъ нашъ, несмотря на чувствительность свою, не могъ долгое время питать досады. Онъ скоро забывалъ неудовольствія, причиняемыя ему другими, а особливо литературныя, и всегда готовъ былъ, чему есть многіе опыты, не только къ ласковому обращенію, но даже оказывать пособія своимъ зояламъ. Не послѣднимъ тому примѣромъ служатъ и издатель „Сына Отечества“, который различными способами старался вывести изъ терпѣнія нашего автора, и все безуспѣшно. Клепалъ, будто-бы онъ (т. е. Хвостовъ) румянилъ и одѣвалъ актера, чтобы сдѣлать его болѣе похожимъ на издателя „Сына Отечества“, на коего 1818 г. сочинена комедія однимъ молодымъ человѣкомъ, Борисомъ Федоровымъ, называемая „Ханжа“. Графъ Хвостовъ оставался въ собственномъ ему, по всѣмъ отношеніямъ, похвальномъ равнодушіи и молчаніи. Журналистъ сей личности, кои цензура не пропускала, вздумалъ въ убранствѣ похвалы при письмахъ своихъ сообщать автору для убѣжденія на одобреніе гг. цензоровъ (sic.). Сочинитель нашъ два раза отшучивался, возвращая его гостинцы; наконецъ, письмо съ таковыми-же не позволительными затѣями онъ возвратилъ товарищу его въ журналѣ А. Ф. Воейкову съ просьбою, чтобы онъ его именовъ запретилъ г. журналисту обременять автора таковыми грамотками“.

Письмо это, однако-же, находится въ бумагахъ гр. Хвостова, хотя при немъ и нѣтъ той статьи, которую Гречъ хотѣлъ напечатать. Вотъ оно:

„Перечитывая различные журналы истегающаго 1820 года, съ удовольствіемъ остановился я на статьяхъ „Невскаго зрителя“, и вознамѣрился сказать о семъ изданіи нѣсколько словъ въ первомъ номерѣ „Сына Отечества“ на 1821 годъ; но такъ какъ я долженъ при семъ случаѣ упомянуть о в. с — вѣ, то и считаю долгомъ испросить на то вашего соизволенія. Строгая цензура, шадя скромность авторовъ, не позволяетъ журналамъ называть ихъ по именамъ. Смѣю-ли утрудить в. с—во покорною просьбою о препровожденіи прилагаемаго при семъ листка къ цензору, чтобы онъ зналъ, что вамъ эти выраженія не противны? Если-же в. с — ву не угодно сдѣлать сіе, то я долженъ буду отказаться отъ удоволь-

ствія напечатать сіи строки и ограничиться однимъ желаніемъ сказать сіи слова, внушенныя истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію, съ коими и пр. Николай Гречъ“.

Но гр. Хвостовъ, какъ выше сказано, угадалъ истину въ статьѣ Греча и сдѣлалъ на этомъ письмѣ слѣдующую отмѣтку:

„Выраженія Греча были обо мнѣ ироническія, надуто-похвальные. Ему хотѣлось, чтобъ я подписалъ самому себѣ непомѣрную похвалу и выше себя поставилъ Державина. Я этого не сдѣлалъ, отвѣчалъ ему рѣзко“.

Изъ этого письма, между прочимъ, видно, что гр. Хвостовъ иногда прибѣгалъ къ содѣйствію цензуры, чтобы изъавить себя отъ насмѣшекъ. Не даромъ онъ аккуратно посылалъ свои сочиненія Вирукову, Красовскому и др. О послѣднемъ въ бумагахъ нашего стихотворца сохранился интересный анекдотъ, рисующій тогдашніе литературные нравы.

„Статскій совѣтникъ, цензоръ и кавалеръ Александръ Ивановичъ Красовскій ¹⁾, извѣстенъ каждому по трусливому своему характеру, по эниграммѣ кн. Вяземскаго и посланіями, въ которыхъ его изобразилъ Александръ Пушкинъ. Я самъ, если-бы хотѣлъ, много могъ-бы каррикатурнаго о немъ прибавить. Онъ просматривалъ мой „Родовой Ковшъ“, „Русскіе Мореходцы“, „Науку о стихотворствѣ“ и др., и, не взирая на уваженіе его ко мнѣ, почти при каждомъ стихѣ мечталъ видѣть оскорбленіе вѣры или престола, или двора. Сей непростительно осмотрительный чловѣкъ, самъ недавно чуть-чуть не попалъ въ бѣду, и, сколько мнѣ кажется, безвинно. Онъ пропустилъ „Пѣснь Новгородцевъ“, стихотвореніе Н. М. Языкова (см. „Сѣв. Пчелу“ 1825 г., май, № 60). Злоумышленіе, подстрекаемое злорѣчіемъ, разгласило, что въ этой пѣснѣ, подъ именемъ древнихъ новгородцевъ, намекается на лица и обстоятельства нынѣшняго времени. Сего довольно: министръ народнаго просвѣщенія (Шишковъ) и военный генералъ-губернаторъ (Милорадовичъ) требовали отвѣта у цензора. Онъ славно отдѣлался: вчера, 7-го іюля (1825 г.), самъ читалъ мнѣ отвѣтъ, поданный имъ Александру Семеновичу (Шихову) и письмо, по сему-же случаю писанное къ правителю его собственной канцеляріи князю Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову. Отвѣтъ прекрасный, я доволенъ, что его прочелъ и что имѣю случай хоть нѣсколько оправдать Красовскаго. Отвѣтъ сей написанъ благо-

¹⁾ Подробная біографія его помѣщена въ „Русск. Стар.“, изд. 1874 г., т. IX.

родно и просто. Онъй безъ желчи, съ должнымъ почтеніемъ къ начальству, обличаетъ оное и безъ упрековъ показываетъ свою справедливость. Красовскій доказалъ выписками изъ „Исторіи Карамзина“ и другихъ лѣтописателей, также изъ „Пролога“, что содержаніе „Пѣсни Новгородцевъ“ Языкова есть историческое, и что точно рать Суздальскаго великаго князя Андрея Боголюбскаго была ослѣплена такъ, что воины, въ мракѣ ничего не выдавшіе, поражали другъ друга. Въ сей-то пѣснѣ, по мнѣнію злокозненныхъ толкователей, находился намекъ на Новгородъ нынѣшній и на извѣстнаго вельможу (Аракчеева). Красовскій выпискою изъ Канона Богоматери ясно доказалъ, что въ одобренномъ имъ стихотвореніи стихотворецъ повѣствуетъ о XII столѣтіи и касается собственно до лица Андрея Боголюбскаго, слѣдственно, происшествіе историческаго содержанія, всѣмъ русскимъ и Европѣ извѣстное и ежегодно славимое на день Знаменія Богоматери, оправдываетъ совершенно пѣснопѣвца и цензора и не можетъ быть растолковано въ худую сторону. Второе нападеніе или вопросъ заключается въ томъ, для чего въ упоминаемой пѣснѣ Языкова языкъ не XII столѣтія, а нынѣшняго времени? Красовскій и тутъ мастерски отдѣлался, сказавъ, что пѣснь Игоря (сочиненіе Бояна) была предложена на нашъ языкъ многими сочинителями недавно въ стихи и прозу, на нынѣшнее разговорное нарѣчіе, объясняя, что первый оной прелгатель былъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Шишковъ, и также въ свое время предложена синодальнымъ оберъ-прокуроромъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Я-бы на сей вопросъ коротко и ясно заключилъ словами велерѣчиваго Тредьяковскаго, что языкъ славянскій тяжело нынѣ слышится ушамъ нашимъ. И подлинно, въ наше время никто не станетъ читать стиховъ, написанныхъ языкомъ XII столѣтія“.

Несмотря на неудачи въ своихъ замыслахъ насчетъ графа Хвостова, Гречъ еще разъ попытался одурачить добродушнаго поэта—и на этотъ разъ планъ его удался. 29-го сентября 1821 г. онъ написалъ графу слѣдующее письмо:

„М. г. гр. Д. И. Позвольте мнѣ утрудить ваше с—во покорнѣйшею просьбою, которая состоитъ въ слѣдующемъ: я составляю „Исторію російской литературы“, въ которую входятъ біографіи знаменитыхъ нашихъ писателей. Смѣю-ли всепокорнѣйше просить васъ о благосклонномъ сообщеніи мнѣ о жизни и трудахъ вашихъ для внесенія въ мою исторію, которая безъ сего не будетъ полна и достаточна. Мнѣ желательно было-бы имѣть свѣдѣнія о мѣстѣ и времени вашего рожденія и воспитанія, обзорніе вашей службы

отечеству и музамъ, т. е. хронологическое исчисленіе вашихъ сочиненій. Если ваши занятія не позволяютъ вамъ удѣлить досуга на удовлетвореніе сей моей покорнѣйшей просьбы, то сдѣлайте одолженіе, укажите, по крайней мѣрѣ, вѣрные источники, изъ которыхъ-бы я могъ почерпнуть. Но я не сомнѣваюсь въ вашемъ благосклонномъ снисхожденіи, и въ ожиданіи исполненія моей докучливой просьбы, остаюсь и пр. Н. Гречъ.

„P. S. Сія Исторія войдетъ въ мою учебную книгу російской словесности“.

Гр. Хвостовъ, конечно, желая попасть въ число „знаменитыхъ писателей“, послалъ Гречу автобиографическую записку; но въ изданной Гречемъ книгѣ ему пришлось прочесть о себѣ слѣдующія строки:

„Графъ Д. И. началъ писать стихи около 1779 года и донныи неумышленно продолжаетъ бесѣдовать съ музами во всѣхъ родахъ поэзіи. Въ молодости своей писалъ онъ комедіи прозою и стихами; но потомъ поэзія лирическая, дидактическая и переводы французскихъ классическихъ поэтовъ сдѣлались главными предметами его занятій: трудно рѣшить, въ которомъ родѣ онъ превосходитъ, нежели въ прочихъ. Полное собраніе признанныхъ имъ сочиненій и переводовъ напечатано въ 1818 г. въ П—бургѣ въ 4 томахъ... Многія російскія и иностранныя общества приняли сего писателя въ свои члены; разныя его стихотворенія переведены на иностранныя языки; безпристрастные критики въ отечественныхъ и чужеземныхъ журналахъ превозносили сего пѣвца и предсказывали ему безсмертіе“¹⁾.

Этотъ отзывъ такъ огорчилъ нашего поэта, что онъ до самой своей смерти не могъ забыть о тяжелой обидѣ, нанесенной ему Гречемъ, несмотря на то, что скоро помирился съ нимъ и даже опять сталъ посылать ему свои стихи, которыхъ тотъ, разумѣется, не печаталъ. Въ бумагахъ гр. Хвостова осталось нѣсколько замѣтокъ о книгѣ Греча; по своему обыкновенію, гр. Хвостовъ повѣрялъ свои тайныя мысли бумагѣ, не рѣшаясь высказывать ихъ вслухъ, чтобы не подвергнуться еще болѣе сильнымъ нападкамъ со стороны „зоиловъ“. Вотъ, напр., собственноручная его „Выписка изъ Греча о графѣ Хвостовѣ: „трудно рѣшить, въ какомъ родѣ онъ болѣе успѣлъ или превосходить“. Такъ говоритъ г. Гречъ. Если это эпиграмма, то она въ учебной книгѣ и исторіи о словесности не у мѣста. Если подлинно г. авторъ затрудняется, то можно помочь его жалкому положенію. Можетъ быть,

¹⁾ Опытъ крит. ист. русск. лит., Спб. 1822 г., стр. 212—213.

г. Гречъ не осмѣливается помѣстить гр. Хвостова въ число нашихъ лириковъ или баснописцевъ, то безбоязненно можетъ включить его въ число дидактизовъ: онъ полное имѣетъ на сіе право по количеству его посланій, по разнообразію оныхъ. также по плавности мыслей и по чистотѣ слога. Не мудрено, кажется, рѣшить, что посланіе его о баснѣ можетъ дать ему непостыдное мѣсто на Парнасѣ, тѣмъ болѣе, что о родѣ басни забыли по грѣхамъ законодатели вкуса Горацій и Буало. Къ сему посланію должно причислить и посланіе объ оперѣ и множество другихъ. Впрочемъ, гр. Хвостовъ имѣетъ полное право по заслугамъ своимъ требовать парнасской грамоты за переводъ Буало „Науки Стихотворной“, а потомъ—въ сравненіи только съ современниками—за переводъ Андромахи“.

Гораздо позже, въ 1828 году, онъ писалъ А. В. Складовскому:

„Гречъ выпускаетъ ложную систему, совершенно опровергающую корень языка нашего, и хвалитъ только тѣхъ, кого онъ любитъ или кого боится. Уже всѣ иностранцы расчукали его зловерное толкованіе и презрѣли его науку. Посмотрите, напримѣръ, мою біографію; что вы по одной объ упоминаемомъ авторѣ заключить можете? Иной подумаетъ, что онъ меня хвалитъ, а иной—и, кажется, съ большею справедливостью—что бранитъ. Вотъ и вся книга въ такомъ-же пристрастномъ и неосновательномъ духѣ писана“.

Другіе журналисты того времени обыкновенно молчали о графѣ Хвостовѣ и старались только о томъ, чтобы, благодаря его за стихотворныя присылки, находить благовидные предлоги для возвращенія ихъ автору, а если и печатали иногда его стихи, то только въ крайнемъ случаѣ, не желая окончательно разобидѣть старика. Сколько разъ ему приходилось заискивать, унижаться, кланяться людямъ, которые надъ нимъ-же смѣялись, и сколько разъ онъ долженъ былъ съ грустью отмѣчать въ черновой книгѣ противъ того или другаго стихотворенія: „несмотря на усиленные просьбы, ни въ одномъ журналѣ не напечатано—выдать отдѣльно“.

Особенное неудовольствіе возбуждалъ въ немъ, какъ и во всѣхъ его кліентахъ, издатель „Московского Телеграфа“—Н. А. Полевой. Сначала гр. Хвостовъ посылалъ ему свои стихи для напечатанія въ „Телеграфѣ“; но Полевой умѣлъ отдѣльваться отъ него не хуже другихъ, такъ что ни одной строчки гр. Хвостова въ „Телеграфѣ“ не попадало, кромѣ тѣхъ выписокъ изъ его сочиненій, которыя иногда приводились въ комическихъ рецензіяхъ. Эти рецензіи до того разсердили гр. Хвостова, что онъ чуть не официально жаловался на Полеваго попечителю московскаго универ-

ситета и сталъ называть издателя „Телеграфа“ не иначе, какъ „злымъ пасквилянтомъ“. Клиенты графа всё, болѣе или менѣе, жаловались ему на Полеваго; вниманіе иублики къ „Телеграфу“ и дѣльное направленіе этого журнала были не по сердцу многимъ журналистамъ, лишившимся изъ-за него значительной доли подписчиковъ и не умѣвшимъ соперничать съ „Телеграфомъ“ серьезностію и интересомъ содержанія. Князь Шаликовъ ненавидѣлъ Полеваго за модныя картинки, прилагавшіяся къ каждой книжкѣ „Телеграфа“, видя въ этомъ нарушеніе мнимой привилегіи „Дамскаго Журнала“; Макаровъ видѣлъ въ немъ развратителя нравовъ; вообще всё бездарные представители литературнаго застоя, къ которымъ принадлежали по большей части клиенты гр. Хвостова, вмѣстѣ съ наиболѣе видными изъ послѣднихъ „классиковъ“, употребляли всё усилія, чтобы повредить „Телеграфу“ и его издателю въ литературѣ, осыпали его самыми грубыми и плоскими насмѣшками и часто пускали входъ вовсе не литературныя средства, лишь-бы унижить и оскорбить противника. Макаровъ, кн. Шаликовъ, Дялинъ и др. старательно сообщаютъ своему меценату — гр. Хвостову всё литературныя слетни, касающіяся Полеваго и его сотрудниковъ, и стараются втянуть старика въ журнальную полемику, въ родѣ той, какую постоянно велъ съ „Телеграфомъ“ Макаровъ, подвизавшійся въ „Дамскомъ Журналѣ“ подъ различными псевдонимами, мужскими и женскими, вѣроятно, для того, чтобы показать, что у Полеваго очень много противниковъ (напр. Старый словотолькъ, Житель Кудрина, Быстрицкій, Залыбѣдскій, Рязанка, Анна Перевитская и пр.). Но гр. Хвостовъ, по своему обыкновенію, велъ эту полемику не печатно, а письменно — въ своихъ записныхъ тетрадяхъ и письмахъ къ своимъ, друзьямъ; онъ сохранялъ всё письма, гдѣ говорилось о Полевомъ, и такихъ писемъ набралось немало; всё они заключаютъ въ себѣ брань и слетни на новый журналъ. Вотъ, напр., выдержки изъ писемъ Макарова:

„Литературныя отношенія у насъ, по милости Полеваго, въ самомъ бранномъ положеніи. Не понимаю, кто даетъ ему право такъ оскорбительно браниться, и притомъ безъ пощадъ лицъ? Впрочемъ, брань есть профитъ его, и безъ брани весь журналъ его будетъ недѣйствительнымъ...“

„...Полевой, руководимый Вяземскимъ и другими, преданными сильной партіи Вяземскаго, не докончивши еще старой канонады, открылъ, какъ водится съ нимъ, весьма рѣшительную новую, и первый залпъ уткнулъ въ трудолюбіе Каченовскаго

грозить и другимъ многимъ, и низкая полемика, кажется, и на сей годъ будетъ въ своей тарелкѣ. Жаль старика Каченовскаго, человѣка истинно ученаго; но подведя и его подъ насмѣшку, въ нынѣшнемъ расположеніи умовъ нашихъ книжечетовъ, и ему могутъ сдѣлать неприятность и большой уронъ журналу вазенному и такому журнальному патриарху, каковымъ должно почестъ умный и ученый „Вѣстникъ Европы“.

Другой корреспондентъ гр. Хвостова, Петръ Лялинъ, немилосердно ругающій Полеваго, въ то-же время справедливо замѣчаетъ, что противникамъ „Телеграфа“ хочется убавить число подписчиковъ на этотъ журналъ, и потому всѣ стараются, какъ рой пчелъ, жалить Полеваго, вынимающаго у нихъ медъ, не принявъ въ соображеніе, что непрерывныя нападенія и рѣзкія выходы ненависти, подобно аукціонному торгу, набиваютъ цѣну лицу или вещи“.

Кромѣ личныхъ причинъ неудовольствія на Полеваго, графъ Хвостовъ раздѣлялъ и общую ненависть въ „Телеграфу“ стараго литературнаго лагеря, для котораго слово „романтизмъ“ было синонимомъ государственнаго преступленія, а Полевой, какъ главный представитель новой теоріи въ критикѣ, являлся въ видѣ страшнаго злодѣя. Время, когда явился „Телеграфъ“ (1825 г.), было временемъ жаркой борьбы классическаго направленія въ литературѣ съ романтическимъ. Новое направленіе выдвинуло блестящія молодыя силы; старое все болѣе и болѣе сознавало свою несостоятельность и всѣми силами старалось отстоять свое положеніе въ литературѣ. Старая, уже забытая, борьба изъ-за слога теперь возобновилась, принявъ другія формы и болѣе обширные размѣры. Какъ прежде, такъ и теперь, литературные консерваторы не отступали ни передъ какими средствами, ни передъ какими обвиненіями, лишь-бы сломишь своихъ противниковъ. Въ бумагахъ гр. Хвостова сохранилось довольно много замѣтокъ о новой литературной „модѣ“—замѣтокъ, весьма характерныхъ, какъ выраженіе мнѣній не одного только гр. Хвостова, но цѣлаго литературнаго лагеря, въ которому онъ принадлежалъ. Нѣкоторые изъ представителей классицизма въ письмахъ своихъ къ гр. Хвостову съ достаточною ясностью высказываютъ свой взглядъ на романтическую поэзію:

„Скажите, ради Бога, пишетъ кн. Н. А. Цертелевъ, долго-ли будутъ потчевать насъ безстыдствомъ и таинственностью? Долго-ли самозванцы-небожители будутъ говорить языкомъ, котораго смертные не понимаютъ, а боги не хотятъ слушать? Что будетъ съ нашею литературою, если этотъ вкусъ еще нѣсколько лѣтъ процарствуетъ?... Не знаю чѣмъ ваше сіят—во теперь занимаетесь; а

доброе сдѣлали-бы дѣло, если-бы напомнили сынамъ огня и вдохновенья, что они бредятъ. Многіе были-бы вамъ благодарны; приходитъ до бѣды:

Не знаешь, право, что начать,
Кому въ поэзіи нль провъ подражать?...

Главный представитель стараго направленія на поприщѣ критики, Мерзляковъ, писалъ гр. Хвостову (27-го апрѣля 1825 г.):

„Что дѣлать, ваше сіят — во! — мы не принадлежимъ уже къ нынѣшнему вѣку, ибо у насъ, благодаря какой-то очаровательной нѣмецкой шалости, что недѣля, то новый вѣкъ литературы, и что авторъ, то новый преобразователь языка!—и вмѣстѣ новые роды, и новые законы для сочиненій!... но важная задача еще не рѣшена: чтѣ отъ нынѣшнихъ романтиковъ приобрѣли языкъ нашъ, поэзія, вкусъ, и особенно нравственность (въ поэмахъ Цыганъ, Разбойниковъ и Чернецовъ!!!) и чтѣ они теряютъ или уже потеряли!... Мы умремъ спокойно и отрадно, сіятельнѣйшій графъ, потому что видѣли великихъ пѣснопѣвцевъ, умѣли любить ихъ и имъ удивляться:—не знаю, увѣрена-ли самая большая часть изъ нынѣшнихъ партизановъ-литераторовъ въ томъ, что они переживутъ свою моду и свою славу, ибо она почти ни на чемъ не основана“.

Въ 1827 г., одинъ изъ молодыхъ представителей новой школы, извѣстный поэтъ Н. М. Языковъ, напечаталъ въ „Славянинѣ“ Воейкова (ч. III, стр. 388 — 390) „Посланіе графу Хвостову“, начинающееся стихами:

„Почтенный старецъ Аполлона!
Какъ счастливъ ты: давнымъ давно
Въ тѣнистыхъ рощахъ Гелікона
Тебѣ гулять позволено...“

Здѣсь онъ сравниваетъ себя съ Хвостовымъ и говоритъ, что молодость и неопытность свели его съ истиннаго пути на путь романтизма, а потому онъ и проситъ уроковъ у стараго пѣвца:

„О, научи меня, Хвостовъ!
Отречься буйнаго союза
Тѣхъ утомительныхъ пѣвцовъ,
Чья—недостойная боговъ —
У Касталійскихъ береговъ
Шальная вольничаетъ муза.
Дай мнѣ классическій совѣтъ
Свой умъ настроить величаво —

Да увѣнчаюсь доброй славой
Я на Парнассѣ нашихъ лѣтъ*.

Гр. Хвостовъ тотчасъ-же напечаталъ въ томъ-же журналѣ (ч. IV, стр. 30—32) отвѣтъ на это посланіе:

„Прими, восторга сынъ, поэтъ,
Которому я благодаренъ.
Прими классическій совѣтъ;
Онъ простодушенъ, не коваренъ...

Представь премудрость на престолѣ,
Греми Екаторины мечъ.
На Альпы стая, когда Суворовъ,
Герой молніеносныхъ взоровъ,
Вѣщаль устами грома рѣчь.
Пускай афинявъ басни, драки
Отринулъ вкусъ безмѣрно строгъ.
Представь Эдипа жалкій рокъ
Отъ рукъ свирѣпаго Шемяки...

Цой рѣзвой юности игры
И хороводы, и пиры;
Пусть пробка съ потолокомъ сраантсѣ;
Веселый тѣша уголокъ,
Гдѣ въ чистомъ хрусталѣ струнтсѣ
Вина шипящаго потокъ.
Пѣвецъ! постигни цѣль искусства,
Славь добродѣтели потокъ,
Страстямъ, пороку дай урокъ;
Тебѣ любви высокой чувства
Откроютъ истины предѣлъ,
Гдѣ Пиндаръ бралъ запасы стрѣлъ.
Языковъ! не проси совѣта
У старика глубокихъ лѣтъ,
Но если вужень—вотъ совѣтъ:
Въ десницу взявъ доспѣхъ поэта,
Напрасно время не губи,
Въ обителяхъ и музъ, и свѣта
Совѣтодателя любн“.

Копіи съ посланія Языкова и съ своего отвѣта гр. Хвостовъ разослалъ всѣмъ своимъ знакомымъ, и получилъ много хвалебныхъ писемъ. Вотъ какъ, напр., отзывается объ этой стихотворной перепискѣ Александръ Абрамовичъ Волковъ (авторъ поэмы „Освобожденная Москва“, и пр.):

„Вы выиграли самую трудную побѣду: вы обратили къ православію раскольника, т. е. романтика, какимъ былъ г. Языковъ.

Честь и слава прекрасному таланту вашему! Такая побѣда при нынѣшнемъ грѣховномъ направленіи словесности есть торжество всѣхъ благомыслящихъ людей! Дай Богъ, чтобы и впредь сіе чаще случалось! И мы тогда, хотя въ шутку, будемъ припѣвать: нашего полку прибыло, прибыло!“

Другой корреспондентъ гр. Хвостова, Евгенийъ Ив. Лялинъ, заходить въ своемъ восторгѣ еще дальше: „Посланіе къ вамъ Языкова (писать онъ) прекрасно, но не столько по стихамъ, какъ по принятому имъ намѣренію отказаться отъ ереси романтизма, къ чему его, конечно, принудили блистательные успѣхи очаровательной классической музы вашей... Могущество истиннаго гения смиряетъ разрушительную власть времени и смѣлость эгоизма литературныхъ реформаторовъ, увлекающихъ ложнымъ свѣтомъ своимъ малодушную неопытность новичковъ Парнасса къ заслуженнымъ укоризнамъ безпристрастныхъ современниковъ и неумолимому забвенію правосуднаго потомства. Но, почтенный бардъ! если васъ не утомила ваша слава, то перунамъ музы вашей еще предстоитъ славное обращеніе къ истиннымъ догматамъ нашей литературы и главнаго ренегата-романтика, своенравіе коего слишкомъ далеко увело за границы свободы, дарованной ему снисхожденіемъ критики и предубѣжденіемъ вѣрующихъ въ одно только новое, въ число коихъ можно безъ грѣха включить большую часть и нашихъ калужскихъ идолопоклонниковъ, съ головами, вскруженными котильономъ и распаленными мазурками, безпрестанно бредящихъ одними только выученными панегириками недавно появившемуся Онѣгину, едва-ли переживущему тлѣніе тѣхъ листовъ, коимъ своеволіе поэта ввѣрило столько ошибокъ противъ языка и грамматики, сколько нужно къ убѣжденію потомства въ незнаніи автора падежей и склоненій“.

Еще раньше Языкова, въ 1821 г., другой поэтъ—К. Ѳ. Рыльевъ посвятилъ гр. Хвостову слѣдующее стихотвореніе:

Переводчику Андромахи.

(На случай пятаго изданія перевода сей прекрасной расиновой трагедіи).

Пусть современники красота не постигаютъ,
 Которыми ведѣ твои стихи блестятъ;
 Пускай отъ зависти ихъ даже не читаютъ
 И имъ забвеніемъ грозятъ!
 Хвостовъ! будь твердъ и не страшись забвенья:
 Твой славный переводъ Расниа, Буало,

Въ награду за труды и дивное терпѣнье,
 Врагамъ, завистникамъ на ало,
 Вѣнцемъ безсмертія вѣнчалъ твое чело.
 Такъ, такъ; твои стихотворенья
 Въ потомствѣ будутъ все читать,
 И слезы сожалѣнья
 За претерпѣнныя гоненья
 На мавзолей твой проливать¹⁾.

Гр. Хвостовъ замѣчаетъ: „прекрасно; но ополченіе злоловъ и даже невниманіе современниковъ не есть гоненіе. Гонимы были Тассъ, Галилей и другіе. Г. Рылѣевъ напечаталъ сіи стихи съ перемѣнами (см. „Сынъ Отечества“ того времени)²⁾, что лица мои смѣшны. Я примѣчаніе о семъ помѣстилъ въ примѣчаніяхъ къ одному изъ моихъ посланій. Рылѣевъ былъ еще тогда не на воздухѣ, и сказалъ, прочтя мое замѣчаніе: „Я пошутилъ, а ваше замѣчаніе пойдетъ въ потомство“. Въ отвѣтъ ему отвѣчать надобно было:

„Потомства не страшись—его ты не увидишь!“

Перемѣны въ „Сынѣ Отечества“ состояли въ слѣдующемъ: послѣ перваго куплета прибавленъ еще одинъ куплетъ:

„Не вѣрь зламъ симъ: они шиятъ изъ праха;
 Ни дарованія, ни вкусъ имъ не даны,
 Коль Герміона, Пирръ, Орестъ твой, Андромаха
 Имъ кажутся смѣшны“.

А въ послѣднемъ куплетѣ выпущенъ стихъ „За претерпѣнныя гоненія“. Примѣчаніе, о которомъ говоритъ гр. Хвостовъ, находится во II томѣ его сочиненій, изд. 1821 г., стр. I.III: „Нескромные хвалители (говорится здѣсь) найдутъ вездѣ мѣсто къ привѣтствію; иные даже превозносили автора за то, что лица въ Андромахѣ его перевода инымъ казались смѣшны, и что многіе его не читаютъ“.

Итакъ, гр. Хвостовъ принялъ эти стихи за панегирикъ „нескромнаго хвалителя“; между тѣмъ, всякій читатель, знакомый съ литературною дѣятельностью Рылѣева, увидитъ, что это не болѣе, какъ шутка надъ наивнымъ стихотворцемъ, написанная его-же языкомъ. Отрывки изъ стихотвореній Хвостова, гдѣ говорится о

¹⁾ Это стихотвореніе, не вошедшее въ собраніе сочиненій Рылѣева, сохранено въ бумагахъ гр. Хвостова. Оно напечатано на отдѣльномъ полуплестѣ синей бумаги съ полною подписью автора: „Кондратій Рылѣевъ“.

²⁾ „Сынъ Отеч.“ 1821 г., ч. 6), № 15, стр. 35—36 (безъ подписи).

зоналах, могут служить достаточнымъ подтвержденіемъ этого заключенія; на то-же указываетъ и самое помѣщеніе стиховъ Рылѣва въ журналѣ Греча и Воейкова, наиболѣе потѣшавшихся надъ гр. Хвостовымъ и нерѣдко сочинявшихъ ему ироническіе панегирики. Стихи Рылѣва просто пародируютъ отзывы самого Хвостова о своихъ произведеніяхъ.

Оставаясь до конца жизни вѣрнымъ послѣдователемъ правилъ классической поэтики, гр. Хвостовъ постоянно ратовалъ противъ „нововводителей“; въ обширныхъ примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ онъ оставилъ образцы своихъ апологій стараго направленія и нападокъ на новое; всего-же болѣе такихъ замѣчаній и отзывовъ находится въ письмахъ и запискахъ. Литературные взгляды гр. Хвостова, конечно, странны и смѣшны; но не слѣдуетъ забывать, что основная точка зрѣнія нашего писателя раздѣлялась цѣлою литературною и общественною партією, считавшею въ своихъ рядахъ такихъ личностей, которыя имѣли большой вѣсъ если не въ литературѣ, то въ другихъ сферахъ; потому смѣшная сторона этихъ взглядовъ нерѣдко представляется очень невеселюю...

Основной тонъ литературныхъ мнѣній гр. Хвостова высказанъ имъ въ слѣдующей замѣткѣ о самомъ себѣ:

„Семидесятилѣтній поэтъ, котораго публика не читаетъ и не знаетъ по невниманію къ произведеніямъ изящныхъ искусствъ, а иные безъ толку бранятъ и гонятъ за то, что гдѣвецъ Кубры (т. е. я) вооружается на романтиковъ, которые не довольно что испортили въ словесности вкусъ и языкъ, портятъ нравы, вселяя въ мысли и сердца безначаліе и развратъ“.

Вотъ что говоритъ онъ о Пушкинѣ:

„Я читалъ съ удовольствіемъ книгу, на сихъ дняхъ появившуюся, подъ названіемъ „Стихотворенія Александра Пушкина“. Въ ней таланта много, остроты довольно, блеску еще болѣе; а шутки часто плоски или подлы. „Сожженное письмо“—образцовое произведеніе, достойное Тибулла и Проперція. „Ненастный день потухъ...“ день проходитъ, кончается, исчезаетъ, а не тухнетъ. „Андрей Шенье—прекрасная пьеса; прекрасный языкъ, и сколько чувства! Жаль, что она вышла вскорѣ послѣ 14-го декабря и оттого инымъ показаться можетъ зажигательною. „Русалка“—пьеса безъ цѣли и очень соблазнительная. Кто спорить, что поэзія Пушкина легка и пріятна, но часто лишена благонаравія? Здѣсь монахъ, не взирая на строгость правилъ и обѣтовъ своего званія, прельстился молодою дѣвушкою. „Гробъ Анакреона“ --тоже; но, по крайней мѣрѣ, Анакреонъ-многобожникъ и слыветъ 2,000 лѣтъ

сластолюбивымъ развратникомъ. „Черная шаль“. Виновать, я врагъ этой модной шали. Цѣль ея—убиство, для молодого и нѣжнаго поэта она слишкомъ кровава. Происшествіе гнусное и нѣтъ ни одного благороднаго характера. Заключаю, что нѣтъ статьи „Къ морю“ и „Наполеонъ“ не нравятся. Писаны во вкусъ думъ Рылѣева, хотя слогъ не столько холоденъ и менѣе натянутъ. Автору, говорящему о величествѣ и ужасѣ моря, попались на ложку Байронъ и Наполеонъ. О послѣднемъ похвала не кстати. Онъ врагъ человѣчества и превозносимой свободы. Если Пушкинъ восхищается его гениемъ, то что такое гений безъ добраго сердца?“ „Послание къ Дельвигу“¹⁾. Это сочиненіе, если принять его даже и въ мистическомъ смыслѣ, никуда не годится. Что за связъ! Чтобы убѣдить современника нашего Дельвига, что онъ, упражняясь въ стихотворствѣ, оскорбляетъ дѣдушку своего, давно умершаго барона-рыцаря,—на что этого дѣдушку описывать глупымъ гордецомъ? а всего непростительнѣе — на что семинаристовъ или студентовъ, напоивъ пьяными, отправить на кладбище, подкупить сторожа, вырыть дѣдушки поэта — барона остатки плотянныя, сдѣлать изъ онаго скелеть, подвергнуть суду законовъ сторожа, погубить его, а сей скелеть, когда студентъ принужденъ былъ переселиться въ другой городъ, продавать по частямъ! Мнѣ очень жаль, что Пушкинъ сочинитель сего глупаго, можно сказать, посланія. Оно такъ непотребно, что если-бы стихи были прекраснѣйшіе, лучше Виргилиевыхъ, то и тогда-бы не годились никуда“.

„Графъ Нулинъ“. Поэма это или романъ въ стихахъ, или сказка—читатели сами разсудятъ; по мнѣнію моему, стихи въ стихотвореніи „Нулинъ“ и прозаическіе и гораздо слабѣе, нежели въ другихъ сочиненіяхъ Пушкина, и даже слабѣе Онѣгина“.

Интересно также сужденіе гр. Хвостова о „Горе отъ ума“:

„Комедія писана, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ, прекрасно; слогъ чистъ, правленъ и свободенъ. Остроты много; не менѣе я нашель живописи и сходства въ описаніи лицъ. Но все сіе относится только, такъ сказать, къ неловкости свѣтскаго общежитія и суть странности свѣтскія, а не пороки, т. е. не ханжество, не скупость и не злословіе, и слѣдственно комедія выходитъ, какъ „Недоросль“ Фонвизина, временная, т. е. поражающая недостатки, приличныя одному времени по духу и обстоятельствамъ и воспитанію того столѣтія. Комедія сія имѣла въ журналахъ много превозносителей и много хулителей. Послѣдніе на вопросъ, для чего ея не печат-

¹⁾ „Прими сей черепъ, Дельвигъ...“

тають, скажуть вмѣстѣ съ г. М. Дмитріевымъ, что нѣтъ ни одного благонамѣреннаго лица. Нельзя, чтобы въ цѣломъ обществѣ не случилось порядочнаго человѣка, который-бы предостерегалъ другихъ отъ шалостей, вѣтренности или разврата. Въ комедіи Грибоѣдова всѣ лица чудакъ. Чацкій только злословець. Дѣйствіе во всю комедію спитъ, лица только-что разговариваютъ, хотя часто, какъ выше сказано, живо, умно, остро и забавно. Но характеры всѣ общіе: Софья Павловна, въ которую такъ влюбленъ Чацкій, столько развращенна, что недостойна быть на театрѣ. Грибоѣдовъ много отважился, что въ лицѣ благородной дѣвушки осмѣлился ее вывести на сцену... Нужно лицо въ комедіи, которое-бы интересовало, т. е. заманивало всѣхъ зрителей, и на которомъ-бы вертѣлись, какъ на оси, всѣ приключенія театральнаго завязки или романа. А Фамусовъ, Софья Павловна, Молчалинъ к самъ Чацкій едва-ли кого интересовать будутъ. Вообще повторить надобно, что въ цѣлой комедіи дѣйствія викакого нѣтъ, также и характеровъ“.

Но всего любопытнѣе мнѣнія гр. Хвостова о критикѣ. Разсматривая эти мнѣнія, необходимо имѣть въ виду, что въ эпоху господства ложно-классическаго направленія критика была преимущественно формальная, т. е. обращала вниманіе не на внутреннее содержаніе даннаго литературнаго произведенія и отношеніе его къ современной дѣйствительности, а на внѣшнюю оболочку мысли—на языкъ и слогъ, грамматическую правильность рѣчи, условную структуру стиха, даже на опечатки. Содержаніе являлось на второмъ планѣ, оособенно въ произведеніяхъ поэтическихъ; но и оно при этомъ подчинялось подробно разработаннымъ и строго опредѣленнымъ правиламъ пѣтики. Въ каждомъ произведеніи должны были находиться извѣстные признаки, на основаніи которыхъ оно подводилось подъ одну изъ безчисленныхъ категорій, на которыя дробилась „наука стихотворная“. Задача критика состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы указать достоинства и недостатки формы даннаго произведенія и затѣмъ отнести его къ тому или другому роду или виду. Всякая другая критика во времена гр. Хвостова считалась профанаціею искусства; вотъ одна изъ причинъ рѣзкихъ ванадокъ на „Телеграфъ“, явившейся органомъ новыхъ идей, противоположныхъ обычнымъ правиламъ Буало и Баттѣ. Другой критики гр. Хвостовъ и не признавалъ, и не понималъ, какъ и всѣ представители консервативнаго направленія въ тогдашней литературѣ. Кромѣ того, въ его сужденіяхъ о критикѣ ясно видно личное раздраженіе на ироническіе отзывы объ-его собственныхъ произведеніяхъ. „Я люблю критику, говоритъ онъ, проповѣды-

валъ и торжественно утверждаю, что доколѣ не будетъ критики, дотолаѣ не будетъ у насъ пѣвцовъ. Критика не есть зомльство; всѣ знаютъ, что я кроткій человекъ, удаляюся сваровъ, гнушаюся зомлями; но критику всегда себѣ за честь поставлю. Система моя въ поэзіи — духъ, сила, подражаніе природѣ, удаленіе жеманства. Я почитаю поэта вдохновеннымъ, до недостатковъ его мнѣ дѣла нѣтъ; образцовый долженъ самъ для себя наблюдать чистоту, подражая въ семь случаѣхъ Виргилію и Расину: они образецъ возможнаго совершенства“.

Мнѣнія гр. Хвостова о критикѣ вообще и о своихъ критикахъ въ особенности (надо замѣтить, что печатныхъ критикъ на его сочиненія очень немного; всего больше рукописныхъ эпиграммъ, которыя скоро доходили по назначенію и распространялись въ обществѣ); всего подробнѣе изложены въ его „біографіи“. Здѣсь, между прочимъ, говорится:

„Свойство гр. Хвостова самое кроткое, что открываетъ вся его жизнь домашняя и всѣ тѣ, кои имѣли съ нимъ сношеніе. Онъ весьма равнодушно сносилъ многія неприятели, поставя себѣ правиломъ, что для благополучія въ обществѣ надобно ближнимъ многое прощать. Но равнодушіе сіе, толикую дѣлающее честь мудролюбцу, всегда ли было свойствомъ поэта? Къ сожалѣнію — нѣтъ. Отрицать нельзя, что насмѣшки, сатиры, пасквили, дѣйствуя на легкомысленную часть публики, крайне его огорчали. Правда, что будучи всегда управляемъ разсудкомъ, рѣдко отвѣтствовалъ на колкости, издаваемые въ журналахъ, увидя, что нападки ихъ есть вражда, а цѣль — уловить для корысти вниманіе публики насчетъ извѣстнаго человека или писателя. И потому нерѣдко твердилъ стихи Крылова:

„Знать моська та сильна,
Что лаеъ на слова“.

„Вражда сія имѣетъ свой хотя и не похвальный источникъ: гр. Хвостовъ, любя страстно словесность и поэзію, увидѣлъ, что молодые писатели, по слѣповѣрію къ нѣкоторымъ иностраннымъ образцамъ, отступя отъ своихъ предшественниковъ, каковыми онъ полагалъ относительно вкуса Хераскова, Богдановича и друг., и даже нарушая правила разсудка и вкуса, въ короткое время наводнили Парнассъ нашъ слезами, вздохами и, наконецъ, появились не только изнѣженные стихи, но и жеманныя мысли. Сіе самое побудило нашего автора послѣдовать въ стихахъ похвальному примѣру въ прозѣ почтеннѣйшаго Шишкова и ополчиться на

тѣ нелѣпости (хотя кротко, не именуя никогда лицъ и не выстав-
ляя даже стиховъ)... Модные стихотворцы скоро составили заго-
воръ, коего главная статья, по словамъ Мольера, была та, что
кромѣ ихъ и друзей ихъ никто другой ума имѣть не мо-
жетъ. Безчисленная толпа подражателей къ нимъ присовокупилась;
всѣ на Пиндѣ стали томиться, воздыхать, всѣ другъ друга стали
превозносить похвалами, а тѣхъ писателей, кои слѣдовали прави-
ламъ разсудка, осыпать ругательствомъ. Журналисты, слѣдуя по-
хвальнымъ побужденіямъ своимъ, возрадовались счастливому вре-
мени и пустились вѣнчать лаврами большею частью тѣхъ, кои
портили и поэзію, и языкъ и кои, черпая безъ разбора изъ книж-
наго и разговорнаго источника, попирая словопроизводство и слово-
удареніе, получали титуло очистителей языка. Вотъ отчего въ нѣко-
торыхъ журналахъ глубокое молчаніе о твореніяхъ нашего автора,
а вѣрѣдка, иногда, подпускалась мнимая аттическая соль и личная
колкость! Вотъ отчего въ Пантеонахъ, образцовыхъ сочиненіяхъ
и проч. нѣтъ ни строчки, принадлежащей гр. Хвостову! Вотъ отчего
эпиграммы на переводъ „Науки стихотворной“, который одинъ
достаточно принести довольноую честь каждому сочинителю! Вотъ
отчего нѣкоторые писатели того времени заключали: „мудрено
сказать въ которомъ родѣ гр. Хвостовъ болѣе успѣлъ“, хотя, не
говоря о другихъ родахъ, статьи, забытыя законодателемъ фран-
цузскаго Парнасса: о баснѣ и объ оперѣ — даютъ нашему автору
непостыдное мѣсто въ числѣ поэтовъ-дидактиковъ. Цѣнители сіи
не заботились о томъ, хорошій-ли стихотворецъ гр. Хвостовъ, а
только присягали ложному вкусу и своимъ видамъ не хвалить его.
Ихъ дѣло было знать, что онъ не модный писатель, сего уже до-
вольно. Сія зараза такъ сильно была вкоренена, что въ одномъ
училищѣ начальникъ подвергъ наказанію ученика за то, что онъ
читалъ на экзаменѣ стихи гр. Хвостова, а не наперсниковъ моды.

„Гр. Хвостовъ всегда былъ готовъ искренно любить и уважать
питомца музъ безъ зависти и лести къ отличнымъ или средствен-
нымъ дарованіямъ каждаго. Примѣчанія при его сочиненіяхъ дока-
зать могутъ, сколько онъ заботился что-либо упомянуть къ чести
поэтовъ современныхъ и вмѣстѣ удивляясь постояннымъ на него
нападкамъ и молчанію насчетъ его трудовъ, говаривалъ: можно не
читать худаго поэта, хулить его музу, смѣяться надъ его стихами,
даже и въ печати, только пристойнымъ образомъ; но ненавидѣть
безъ причины, кажется, не за что!

„Заслуги его на русскомъ Парнассѣ суть: ревность обратить
писателей къ природѣ и древнимъ образцамъ. Онъ отъ каждаго

стихотворства всегда требовалъ особеннаго чувства и воображенія. Онъ самъ есть примѣръ плавности вообще, т. е. слога и мыслей. Правила Попія о критикѣ и собственныя посланія о притчѣ и оперѣ и правила, имъ самимъ въ его твореніяхъ разсыпанныя, увѣряютъ всѣхъ, что онъ первый направилъ поэзію въ Россіи правилами и образцами на ту благородную цѣль, для каковой она сотворена; нравственность, дары поэта, критика, языкъ и звучность были его отголоски. Изъ чего видно, что авторъ нашъ первый проповѣдовалъ и первый въ нашемъ отечествѣ водворилъ благоразумную критику“.

Изъ этого видно, что наивный стихотворецъ дошелъ до такого самоинѣнія, что сталъ считать себя преобразователемъ литературы, и что всего забавнѣе — именно въ такое время, когда въ нашей литературѣ дѣйствительно совершалось преобразование, причѣмъ имени гр. Хвостова серьезно никто и не произносилъ. Но въ своемъ комическомъ увлеченіи онъ заходитъ еще дальше и пишетъ длинную записку „по случаю восшествія на престолъ императора Николая Павловича и объ мятежѣ, случившемся 14-го декабря 1825 года“, въ которой объясняетъ все дѣло развратомъ въ литературѣ и прямо называетъ революціонерами всѣхъ тѣхъ, которые не хвалили его сочиненій. Вотъ содержаніе этой записки: сначала гр. Хвостовъ распространяется о французской революціи, прибавляя, что онъ всегда былъ чуждъ этой заразы и всегда громилъ крамольниковъ въ своихъ сочиненіяхъ. Причина французской революціи, по его мнѣнію, заключается въ корыстолюбіи, властолюбіи и жаднѣ чужаго достоянія, а средствомъ для осуществленія коварныхъ замысловъ служила развращенная словесность. Переходя затѣмъ къ Россіи, онъ видитъ здѣсь совершенно аналогичное явленіе: „если у меня спросятъ, говоритъ онъ, съ котораго времени сіе зло появилось въ Россіи?—отвѣтствую, что съ семидесятихъ годовъ прошедшаго столѣтія; но тогда оно было въ колыбели: пустословіе, игра ума, ополчающаяся затѣйливо на древнія нѣкоторыя заблужденія и обычаи.... Не имѣя ни права, ни способовъ разсуждать о ходѣ, распространеніи и политическомъ наитіи зловреднаго началія въ любезномъ отечествѣ нашемъ, буду только говорить о явныхъ примѣтахъ, разсѣваемыхъ (не взирая на строгость цензуры) въ ежедневныхъ, еженедѣльныхъ и мѣсячныхъ листочкахъ.

„Словесность есть самое удобное средство къ разлитію въ обществомъ понятій, разрушающихъ всѣ основанія истинной мудрости, и тѣмъ болѣе, что она, представляя вещи съ одной часто стороны, удобно можетъ по наружности невиннымъ разсужденіемъ, хотя и

безъ всякихъ доказательствъ, поколебать въ слабыхъ сердцахъ истинныя начала вѣры, совѣсти и разсудка; словесность, о которой я могу разсуждать по сорокалѣтнему упражненію въ оной и по многимъ опытамъ съ нѣкоторою основательностію, какое у насъ въ послѣднія десять лѣтъ минувшаго столѣтія имѣеть направленіе? Какая цѣль нашей поэзіи, какія правила ея, и есть-ли въ оной критика? Простые отвѣты на всѣ сіи вопросы легко удостовѣрятъ cadaго безпристрастнаго читателя, что послѣ Ломоносова и нѣкоторыхъ въ маломъ числѣ его послѣдователей большая часть нашихъ поэтовъ, по счастливому изреченію моему въ одномъ посланіи:

„Всѣ пишемъ какъ хотимъ, шутя надъ Аполлономъ“.

Тѣ поэты, коихъ я разумѣю, осмѣлятся-ли представить благородный характеръ въ избираемыхъ ими предметахъ и лицахъ? покажутъ-ли въ нихъ чувства и поступки, могущіе возвысить душу читателя и склонить его къ подражанію въ общественной, частной и приватной жизни великимъ примѣрамъ? Правило поэзіи—три единства—подъ именемъ педантизма нововводителями совершенно искореняются. Изящная природа, изображающая въ полной красотѣ высокую мысль, высокое дѣяніе или чувство, замѣняется какою-то общею природою и часто привлекаетъ состраданіе читателя на героя-преступника. Сколько лирическихъ сочиненій и мелочныхъ поэмъ, представляющихъ намъ кровавые плоды развращенныхъ сердець! Сочиненія, могущія попадаться въ руки прелестныхъ женщинъ, приучаютъ ихъ, такъ сказать, къ окровавленному потоку мрачныхъ думъ. Преступники, разбойники и подобныя содержанія на зло изящной природѣ составляютъ въ наше время предметъ поэмъ не—эпическихъ. Изъ чего ясно слѣдуетъ (?), что цѣль поэзіи, со временъ Аристотеля донынѣ, должна служить наклоненіемъ къ добродѣтели и благоправію; но цѣль нововводителей совсѣмъ другая, именно—приготовленіе умовъ и сердець къ разрушенію всякаго порядка. Я спрашиваю: совершенно-ли переѣнился въ наши времена языкъ Ломоносова? не тѣмъ-же-ли языкомъ изображаютъ свои мысли всѣ наши писатели? Какая нужда раздѣлять времена нашей поэзіи на разныя эпохи, и что всего лукавѣе—отдѣлять языкъ русскій отъ славянскаго? не для того-ли, чтобы яснѣе представить для cadaго состоянія и лица на первомъ, какъ всякому понятномъ, языкѣ свои заблужденія и найти соучастниковъ? На что переѣнять языкъ? на что уничтожать роды поэзіи и отвергать правила единства и изящной при-

роды?—Прибавимъ о критикѣ. Сія знаменитая наука, толико полезная въ образованіи вкуса и даже просвѣщенія вообще,—въ какихъ она рукахъ находится? И что такое въ нашей словесности критика?

„Смѣло можно сказать, что неблагонамѣренные люди и журналисты завоевали у насъ критику и создали изъ оной или гнусную сатиру на иныхъ писателей, или панегирикъ модныхъ авторовъ. При разборѣ сочиненія не спрашивается—какая цѣль онаго, какія лицамъ приданы свойства, чувствованія и мысли. Часто похваляются разсужденія, мысли и чувствованія высокія въ устахъ преступниковъ. Стараются все, на правилахъ основанное, искоренять... Не ясно-ли, что сужденія словесности нашей и самый даже языкъ съ 1790 года имѣютъ свою особенную цѣль, удаленную отъ цѣли словесности, т. е. отъ пользы нравственной, распространенія вкуса и ощененія правильнаго языка?

„Не пристойно мнѣ говорить о самомъ себѣ, о моихъ слабыхъ дарованіяхъ и о посылныхъ произведеніяхъ; но, въ подтвержденіе предлагаемаго мною довода о томъ, что цѣль поэзіи и цѣль нововводителей совершенно различны, имѣю право сказать, что они сами дѣлаютъ предполагаемое мною раздѣленіе. Болѣе тридцати лѣтъ находясь членомъ Россійской академіи, издавъ 4 тома стихотвореній въ опредѣленныхъ родахъ, кои они называютъ классическою поэзію, никогда и ни въ какихъ журналахъ не было отгоска о моихъ произведеніяхъ. Въ журналахъ, въ обзорѣняхъ литературы при альманахахъ, имя мое едва-ли находится. Въ одной учебной книгѣ хотя упоминается обо мнѣ, но съ нѣкоторою насмѣшкою, именно, что нѣкоторые обѣщаютъ мнѣ безсмертіе. Впрочемъ, и здѣсь говорится только, и то мимоходомъ, о родѣ моихъ стихотвореній, а не опредѣляется ни мало о степени достоинства оныхъ и не упоминается вообще о недостаткахъ... Нѣтъ нужды извлекать молчаніе въ журналахъ (?) или краткія и часто язвительныя упоминанія о новыхъ хорошихъ моихъ сочиненіяхъ. Я все сіе исчисляю для показанія, сколько нововводители удалены были отъ прямой цѣли словесности, и потому нѣтъ нужды напоминать объ эпиграммахъ, которыя съ торжествующимъ удовольствіемъ отступники порядка и въ самой словесности рассыпали.

„Желаю убѣдить питомцевъ музъ, что неистовыя ополченія на А. С. Шишкова, знаменитаго благодѣтеля русской словесности, на меня и на другихъ почтенныхъ по авторству собратій, не иное что въ виду имѣли, какъ цѣль безначалія, препятствующую разсматривать и видѣть достоинства въ тѣхъ людяхъ, кои не могли по совѣсти. разсудку и опытамъ быть ихъ соучастниками“.

Подъ колецъ своей жизни гр. Хвостовъ, по просьбѣ С. Н. Глинки и кня. Шаликова, принялъ подъ свое покровительство бѣднаго слѣпаго поэта Н. М. Шатрова (1765—1841), автора духовныхъ стихотвореній, съ которымъ онъ былъ знакомъ уже давно. Въ 1831 г. онъ предложилъ Россійской академіи издать сочиненіе Шатрова, предоставивъ выручку отъ ихъ продажи въ пользу автора. Съ этихъ поръ начинается его переписка съ Шатровымъ, интересная какъ обменъ мыслей двухъ представителей отжившаго свое время литературнаго направленія. Въ первомъ письмѣ (писанномъ рукою С. Н. Глинки) Шатровъ говоритъ:

„По собственному побужденію души своей, вы приняли участіе въ произведеніяхъ моихъ и въ горестномъ жребіи бѣднаго слѣпца. Если въ стихотвореніяхъ моихъ есть нѣкоторое достоинство, то неслестно скажу, что я обязанъ тѣмъ умнымъ бесѣдамъ, когда у Ф. Г. Карина собирались вы, Николаевъ и Горчаковъ. А если въ псалмахъ моихъ сохраненъ отпечатокъ псалмовъ Давидовыхъ, то тѣмъ единственно обязанъ вашимъ псалмамъ, въ которыхъ безъ измѣненія духа священнаго пѣснопѣвца, дышетъ живое его вдохновеніе. Ж. Б. Руссо поднесъ-бы вамъ лавры свои“.

При этомъ приложено два небольшихъ стихотворенія. Вотъ одно изъ нихъ:

„Слѣпой читалъ Хвостова,
И вотъ Хвостову судъ слѣпова:
Хвостовъ въ забвенье не падеть,
Но, какъ пѣвецъ давно извѣстный,
Сложивъ съ себя покровъ тѣлесный,
Пазъ время въ вѣчность перейдетъ“.

Въ концѣ 1831 г. С. Н. Глинка писалъ гр. Хвостову: „Слѣпца Шатрова стихи отпечатаны. Надняхъ препровожу ихъ къ вамъ. Онъ восхищенъ вашимъ псалмомъ и будетъ отвѣчать звуками лирическими.“

„Россійская академія увѣнчала серебряною медалью зрячаго крестьянина Слѣпушкина; какая-бы была для нея слава, еслибъ она хотя такую-же медалью наградила слѣпаго нашего поэта-ветерана! Шатровъ тѣмъ достойнѣе вниманья, что онъ, не зная никакого иностраннаго языка, умѣетъ выражать величественнѣйшія мысли. Суворовъ покровительствовалъ Кострову; вы, графъ,—вы племянникъ безсмертнаго героя! Итакъ, въ рѣчи животворной предложите о Шатровѣ въ первомъ засѣданіи, и, по примѣру вашего незабвеннаго дяди, будьте покровителемъ Шатрова! Рѣчь ваша о коренномъ русскомъ поэтѣ будетъ изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ въ запискахъ академіи“.

Гр. Хвостовъ, однако, не говорилъ этой рѣчи, а просто написалъ Шишкову, прося его помочь бѣдному поэту. По ходатайству Шишкова, сочиненія Шатрова поднесены были государю и поэтъ получилъ два перстня; объ этой наградѣ извѣстили гр. Хвостова С. Н. Глинка и кн. Шаликовъ; послѣдній пользуется этимъ случаемъ, чтобы замолвить словечко и за себя:

„Montrez-moi mon rival—et je cours l'embrasser...

вотъ вашъ девизъ,—такъ сказалъ Вольтеръ и такъ вы поступили съ слѣпымъ лирикомъ. Не скрою послѣ этого мысль, свергнувшую въ головѣ моей при столь великодушномъ желаніи моего благодѣтеля дѣлать добро, чтобы и я удостоился что-либо получить отъ царскихъ щедротъ. Благотворное присутствіе Николая простиралось на бѣднаго Петра единственно по тому всеобщему восторгу, который былъ живо чувствуемъ и его вѣрноподданническимъ сердцемъ; что-же касается до прочаго, то вѣдь васъ не было здѣсь; а у меня въ цѣломъ мірѣ нѣтъ другаго мецената! Итакъ, мелькнувшая мысль состоитъ въ томъ, чтобы снова прибѣгнуть къ моему единственному покровителю: не найдется-ли имъ средство къ поднесенію императрицѣ моего журнала, нѣкогда имѣвшаго подобное счастье по вашему благодѣянію! Слабая, дрожащая рука можетъ только присовокупить: преданнѣйшій навѣки душою и сердцемъ вашему с—ству Шаликовъ“.

Кн. Шаликовъ не ошибся въ своихъ расчетахъ: „меценать“ выхлопоталъ ему богатый перстень, а Шатрову—золотую медаль отъ Россійской академіи. Но сочиненія Шатрова въ продажѣ шли очень плохо: „мои стихотворенія не въ большомъ уваженіи у журналистовъ“, пишетъ онъ гр. Хвостову, и съ грустью прибавляетъ:

„Время мастеровъ промчалось
И немного ихъ осталось:
Только меценать—Шишковъ,
Дмитріевъ, Крыловъ, Жуковский,
Да почтеннѣйшій Хвостовъ!“

Такимъ образомъ, даже Пушкинъ въ 1832 г. не удостоился чести попасть въ число „мастеровъ“ и въ этомъ Шатровъ, съ своей точки зрѣнія, былъ правъ: въ Пушкинѣ всѣ классики видѣли своего главнаго врага, главу новаго романтизма. Не даромъ Шатровъ собирался писать Шишкову посланіе

„О растлѣніи стиховъ,
О паденіи классицизма,
О возстаніи романтизма
И о языкѣ боговъ“.

Гр. Хвостовъ, радуясь такому намѣренію слѣпнаго поэта, пишетъ

ему длинное письмо на тему: „Порча вкуса въ нашей словесности дошла до крайней степени; мы близко варварства“. Шатровъ вторитъ ему стихами:

„Всѣ таланты какъ упали,
Всѣ восторги какъ пропали,
Отъ свирѣли до трубы!“

Переписка продолжается въ томъ-же тонѣ взаимныхъ жалобъ и сожалѣній о „добромъ старомъ времени“, когда въ литературѣ не было еще „модной заразы“. Наконецъ, у Шатрова вырывается грустное сознание человѣка, чувствующаго, что онъ пережилъ самъ себя:

„Все мое время—наше прошло“.

Это давно слѣдовало понять и гр. Хвостову.

VI.

Въ продолженіе своей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности гр. Хвостовъ постоянно вращался въ обществѣ извѣстныхъ писателей; онъ былъ знакомъ почти со всѣми замѣчательными дѣятелями русской литературы конца XVIII и начала XIX вѣка; кромѣ того, по рассказамъ старшихъ своихъ современниковъ, зналъ многое и о такихъ писателяхъ, которыхъ уже не засталъ въ живыхъ. При такихъ благоприятныхъ условіяхъ у него естественно явилась мысль заняться исторіею русской литературы—мысль, въ первое время выразившаяся въ планѣ словаря русскихъ писателей или, вѣрнѣе, дополненій и поправокъ къ извѣстному словарю Новикова. Задавшись этою цѣлью, гр. Хвостовъ въ 1801 и 1802 гг. началъ собирать біографіи русскихъ писателей, что ему сдѣлать было не особенно трудно,—стоило только обратиться за содѣйствіемъ къ своимъ многочисленнымъ знакомымъ. Многіе изъ нихъ сообщали ему біографическія свѣдѣнія какъ о себѣ лично, такъ и о другихъ, живыхъ или умершихъ, писателяхъ. Въ числѣ лицъ, доставившихъ ему такіе матеріалы, встрѣчаемъ имена гр. А. И. Мусина-Пушкина, Т. С. Мальгина, архимандрита Евгенія (Болховитинова, впоследствии митрополита кievскаго) и др. ¹⁾ Последній самъ давно уже занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи русской литературы, а потому гр. Хвостовъ, начавшій съ 1804 г. изданіе журнала „Другъ Просвѣщенія“, предложилъ ему придать своимъ замѣткамъ словарную форму и помѣщать въ по-

¹⁾ Библиогр. Записки, II (1859), 238—251.

вомъ журналѣ біографіи русскихъ писателей въ алфавитномъ порядкѣ. Евгений охотно согласился на это предложеніе, и въ продолженіе трехъ лѣтъ успѣлъ напечатать въ „Другѣ Просвѣщенія“ 298 біографій (отъ А до К), въ числѣ которыхъ немало сообщенныхъ ему гр. Хвостовымъ. Дальнѣйшая судьба словаря Евгенія извѣстна: въ 1818 былъ изданъ словарь духовныхъ писателей; въ 1827 это изданіе было повторено; словарь писателей свѣтскихъ оставался неизданнымъ до 1845 года. Это обстоятельство, вѣроятно, и побудило гр. Хвостова въ 1826 г. снова приняться за составленіе словаря; въ это время онъ писалъ А. А. Писареву, прося его доставить свою біографію: „нѣсколько просвѣщенныхъ людей намѣреваются издать словарь русскихъ писателей, и доставили уже мнѣ множество записокъ; но что сіи записки значать? Онѣ, по большей части, оглашаютъ только то чины, то произведенія нашихъ прозаиковъ и стихотворцевъ или незаслуженныя ими похвалы, а чаще ругательство пристрастныхъ журналистовъ. Мнѣ совсѣмъ не то надобно, именно: мѣсто и время рожденія автора, послѣдній его чинъ въ военной или гражданской службѣ, почести литературныя и списокъ сочиненій, если можно—по годамъ, и когда и гдѣ напечатаны“.

Съ подобными-же просьбами гр. Хвостовъ обращался къ И. Н. Дмитріеву, кн. Шаликову, Городчанинову, Перевозчикову и др. Въ бумагахъ его осталась слѣдующая замѣтка:

„19 марта 1826 г. въ собраніи Общества о Словарѣ ¹⁾ гр. Д. И. Хвостовъ объяснилъ, что намѣреніе общества не то, чтобы составить жизнеописаніе каждаго сочинителя въ стихахъ или въ прозѣ. Не взирая на примѣръ г. Греча въ учебной книгѣ его, раздѣленіе словесности на эпохи и на степени, мнѣ кажется, излишне. Въ поприщѣ семъ вси бо текутъ, единъ-же пріемлетъ почести. Вотъ опредѣленіе, справедливо обращенное къ нашему подвигу или намѣренію. Описаніе трудовъ каждаго сочинителя достаточно покажетъ степень его достоинства и славы. Особливо должно быть осторожну относительно живыхъ. Кто будетъ имѣть дерзость сказать живому и даже напечатать, что такой-то противъ такого-то второстепенный? Оставьте сіе „Сыну Отечества“, „Сѣверной Пчелѣ“ и ихъ собратіямъ. Мнѣ кажется, что раздѣленіе на степени при жизни обидно; писатели суть родъ раздражительный (*irritabile genus vatum*)“.

Въ то-же время въ „Дамскомъ Журналѣ“ (№ 9, стр. 121) на-

¹⁾ Кто были члены этого общества, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

печатано было объявление, приглашавшее писателей и лицъ, имѣющихъ возможность сообщить біографическія свѣдѣнія о какомъ-либо писателѣ, доставлять свои записки „Обществу для составленія словаря русскихъ писателей“. Князь Шаликовъ, напечатавъ это объявление, писалъ своему меценату:

„Отъ души поздравляю моего Иракла литературы съ предприемлемымъ новымъ подвигомъ, и отъ сердца желаю счастливѣйшаго совершенія, блистательнѣйшаго увѣнчанія!... Но что скажу о себѣ? Біографія моя не представитъ ничего интереснаго: родился тогда-то, учился тамъ-то, служилъ тамъ-то, тѣмъ-то—и аминь. О слабахъ трудахъ моихъ есть нѣчто въ учебныхъ книгахъ—и довольно. Но чести, не знаю, что могу доставить для вашего словаря, въ которомъ, между прочимъ, такъ лестно было-бы для меня видѣть имя свое! Перенесите меня изъ Гречевой кладовой въ свою хранилищу, и я заживу въ ней баринкомъ!... Уголокъ, вами мнѣ отведенный, былъ-бы для меня многимъ, многимъ, и стоилъ-бы самой роскошной гостиной!“

Однако, это предпріятіе не осуществилось, вѣроятно, потому, что самъ графъ Хвостовъ скоро его оставилъ. Въ его бумагахъ осталось нѣсколько матеріаловъ для предполагаемаго словаря; но ихъ не такъ много, какъ слѣдовало-бы ожидать. Первое мѣсто между ними занимаетъ большая переплетенная тетрадь, въ которой переписанъ словарь Новикова съ бѣлыми страницами для дополненій и съ нѣкоторыми вставками. Изъ этихъ вставокъ заслуживаютъ вниманія собственноручно написанные гр. Хвостовымъ отзывы о Рубанѣ и о самомъ себѣ: „Рубанъ, Василій Григорьевичъ, род. 1739 г. (слѣдуетъ выписка изъ Новикова). Онъ имѣлъ искусство преобразить Пипокрену въ струи Пактоловы. Онъ не иначе восходилъ на Парнасъ, какъ для прославленія богатыхъ и знаменитыхъ особъ. Болѣе-же всего обогатился надгробіями, что и подало случай къ слѣдующей надгробной надписи:

Здѣсь Рубанъ погребенъ; онъ для науки жилъ;
Надгробописецъ бывъ, надгробье заслужилъ“.

„Хвостовъ, графъ, Д. И., тайный совѣтникъ и кавалеръ св. Анны 1-й степени, членъ Росс. Имп. Академіи, человекъ, имѣющій разумъ и дарованія, достаточныя свѣдѣнія и просвѣщеніе, приобрѣтенное большимъ и успѣшнымъ чтеніемъ книгъ, что доказывается всѣми его сочиненіями, а особливо нравственными одами. Также онъ сочинилъ болѣе 200 притчей, изданныхъ въ Спб., 1802 года, въ которыхъ пристойная сему роду простота и разговоръ искусно совокуплены съ богатствами стихотворнаго воображенія и

духа. Онъ перевелъ Расиновы трагедіи „Андромаха“ и „Ифигенія“ первая напечатана въ Спб. 1794 года. Сочинилъ комедію Легковѣрный въ 3 д. въ прозѣ, „Руской Парижанецъ“ въ 3 д. въ стихахъ“, и пр. и пр.

Кромѣ этого черноваго словаря, есть еще нѣсколько отдѣльныхъ біографій, написанныхъ самимъ гр. Хвостовымъ, и нѣсколько краткихъ автобіографическихъ записокъ, доставленныхъ ему знакомыми писателями. Въ приготовленной для словаря біографіи Державина есть нѣсколько интересныхъ замѣчаній.

„Сей достопамятный въ лирическомъ родѣ поэтъ родился утѣшить Россію послѣ Ломоносова; жаль только, что мало имѣлъ времени украсить російскую словесность безсмертными произведеніями своими. Занимая важныя мѣста и званія въ правительствѣ въ продолженіе трехъ царствъ, онъ не всегда могъ посвящать таланты свои лирѣ... Всякій, кто имѣлъ обращеніе пріятельское съ Гавриила Романовичемъ, удостовѣрится можетъ, что крылатый умъ и душа его были всегда въ движеніи, посреди даже шумнаго общества (?). Извѣстныя по преданію стишки, написанныя въ пріятельской бесѣдѣ однимъ изъ его знакомыхъ, когда Д. былъ еще экзекуторомъ 1-го департамента сената, это доказываютъ:

„Въ сенатѣ должностью, а духомъ въ ратномъ полѣ

Снаружи холодець, безпечень, простачекъ,
Но огненный внутри и мыслями высокъ;
Иль съ Пинадаромъ летить, или на стулѣ спать,
Или какъ вихрь бурюетъ“.

Сии письменные стишки, на бумагу положенные безъ приуготовленія и отдѣлки, схватили, однакожь, справедливо портретъ Д. Они, должно быть, сочинены около 1780 года, при самой зарѣ еще славы Д. Сей поэтъ въ молодости своей много писалъ, даже будучи унтеръ-офицеромъ л.-гв. Преображенскаго полка. Двое его сотоварищей ночью на часахъ предалися объятіямъ Морфея. Сіе юношѣ, рожденному поэтомъ, подало случай написать стихотвореніе, изъ коего на памяти у многихъ современниковъ остались первая двѣ строки:

„Одни несчастны—плачевная минута!—
Заснули на часахъ Ватурины и Плохута“

„Есть очень много стихотвореній Г. Р., которыя онъ писалъ въ молодости; но публика объ нихъ не знаетъ: они принесены, по благоразумію поэта, въ жертву Аполлону или находятся въ рукописи у тѣхъ любителей, которые безъ толку и разбору любятъ собирать все то, что было написано, особливо подъ вывѣскою знаменитаго человѣка“, и пр.

Наконецъ, въ бумагахъ гр. Хвостова есть одно письмо, изъ котораго видно, что нѣкто Шлунъ, въ продолженіе 25 лѣтъ, составлялъ біографическій словарь русскихъ ученыхъ, писателей и писательницъ. Вдова его, при посредствѣ А. В. Терещенко, предлагала гр. Хвостову приобрести этотъ словарь за 500 р., и часть рукописей Шлуна была у графа для просмотра; но, кажется, онъ не купилъ ихъ; по крайней мѣрѣ, въ бумагахъ его никакихъ указаній на дальнѣйшую судьбу этого словаря не находится, и вообще неизвѣстно чтоъ случилось съ этимъ интереснымъ трудомъ.

Кромѣ словаря, гр. Хвостовъ задумывалъ издать большой сборникъ подъ заглавіемъ „Записки о словесности“. „Собираю запасы для исторіи словесности нашей, за которую журналистъ Гречъ такъ неудачно и такъ несчастливо взялся“, говоритъ онъ въ письмѣ къ митрополиту Евгенію. Въ составъ этого сборника должна была войти большая часть такъ называемой „ученой переписки“ графа, разборъ его сочиненій, имъ самимъ составленный, анекдоты о писателяхъ, шутки, эпиграммы и пр., и пр. такъ что если-бы этотъ планъ осуществился, то мы имѣли-бы одну изъ наиболѣе курьезныхъ книгъ, когда-либо выходившихъ въ свѣтъ. Но графу Хвостову въ то время, когда онъ задумалъ издать свои „Записки“, было уже 70 лѣтъ, потому этотъ сборникъ не былъ составленъ, хотя въ рукописяхъ графа отмѣчены и пронумерованы всѣ статьи, назначавшіяся для помѣщенія въ „Запискахъ о словесности“.

Изъ переписки гр. Хвостова видно также, что онъ хотѣлъ заняться біографіею Суворова, для которой имѣлъ много матеріаловъ; но затѣмъ, вѣроятно, передалъ эти матеріалы кому-нибудь другому, потому что въ его бумагахъ остались только копія съ писемъ Суворова, давно уже напечатанныхъ.

VII.

6-го марта 1825 года, архангельскій епископъ Неофитъ, давнишній знакомый гр. Хвостова, писалъ ему:

„При вступленіи на епархію, когда я узрѣлъ мѣсто рожденія великаго Ломоносова, тотчасъ родилась во мнѣ мысль о сооруженіи ему памятника въ самомъ городѣ Архангельскѣ, гдѣ разные иностранцы, взирая на памятникъ, могутъ оживлять въ воображеніи своемъ генія російской поэзіи. По временамъ сію мысль отрывалъ многимъ гражданамъ, но безъ всякаго со стороны ихъ исполненія. Наконецъ, когда случайно повторилъ то-же въ бесѣдѣ съ г. гражд-

данскимъ губернаторомъ. то онъ принялъ сіе съ удовольствіемъ, что я замѣтивъ, на другой-же день сдѣлалъ къ нему письменное отношеніе и просилъ его предложить о семъ градскому обществу. Съ согласія г. генераль-губернатора, онъ немедля собралъ общество, и по предложеніи собрано въ краткое время до 4,000 руб.; между прочимъ. собирается еще сумма по уѣздамъ, какъ со свѣтской, такъ и съ духовной стороны. Еще купецъ устюгскій Алексѣевъ обѣщалъ собрать въ Устюгѣ до 1,000 р. Прошу васъ споспѣшествовать къ сему дѣлу ходатайствомъ вашимъ о сборѣ суммы съ ученаго сословія. Г. генераль-губернаторъ отнесся о семъ къ г. министру народнаго просвѣщенія, между прочимъ, и о рисункѣ на предполагаемый монументъ“.

Гр. Хвостовъ охотно взялся за это дѣло и сталъ усердно хлопотать о подпискѣ на памятникъ. Генераль-губернаторъ архангельскій и вологодскій, Степанъ Ивановичъ Микицкій, писалъ ему:

„Преосв. архіерей Неофитъ извѣстилъ меня о намѣреніи в. с.—ва споспѣшествовать намъ въ дѣлѣ предполагаемаго здѣсь памятника покойному Ломоносову. Поспѣшая принести в. с.—ву искреннѣйшую благодарность за столь лестное для насъ участіе ваше, имѣю честь вамъ, м. г., изъяснить, что о намѣреніи нашемъ соорудить здѣсь памятникъ Ломоносову довелъ я до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія, и до полученія отъ его высокопр.—ства разрѣшенія, открыть формально подписку припошеніямъ считаю неприличнымъ. Но какъ в. с. изволили изъяснить намъ желаніе ваше содѣйствовать сему дѣлу, то на первый случай прошу покорнѣйше оказать оное ходатайствомъ вашимъ у почтеннаго нашего министра Александра Семеновича¹⁾ по сдѣланному отъ меня его в.-пр.—ству представленію, ибо желанія наши соорудить памятникъ Ломоносову хотя и усердны, но одни наши приношенія будутъ недостаточны, а потому и испрашиваемъ дозволенія открыть общую подписку“.

По ходатайству гр. Хвостова, бывшаго въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Шишковымъ. высочайшее разрѣшеніе на подписку было получено очень скоро, въ концѣ марта того-же 1825 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ еп. Неофитъ увѣдомилъ гр. Хвостова; что у гражданскаго губернатора находится уже до 6,000 р. сбора на памятникъ; гр. Хвостовъ составилъ объявленіе о подпискѣ и разослалъ его въ разные журналы; Шишковъ обратился къ президенту академіи художествъ А. Н. Оленину съ просьбою рекомендовать художника, который могъ-бы взяться за исполненіе памятника. Оленинъ указалъ на старика-скульптора Ив. Петров. Мартоса, извѣст-

¹⁾ Шишкова.

наго памятникомъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ, — и Мартосъ дѣлательно принялся за работу. Въ слѣдующемъ году былъ уже готовъ и представленъ на высочайшее утвержденіе проектъ памятника, записанный у гр. Хвостова:

„Художникъ представляетъ Ломоносова стоящимъ на сѣверномъ полушаріи; начертанное имя „Холмогоръ“ напоминаетъ о мѣстѣ рожденія знаменитѣйшаго поэта Россіи. Положеніе фигуры выражаетъ изумленіе, которымъ пораженъ онъ, взирая на великое сѣверное сіяніе. Въ восторгѣ духа своего поэтъ желаетъ воспѣть величіе Божіе и принимаетъ лиру, подносимую ему гениемъ поэзіи. Вотъ минута, избранная для статуи Ломоносову, минута вдохновенія, прозвѣдшаго безсмертные стихи:

„Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ.
Какъ мала искра въ вѣчномъ лѣдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣломъ какъ перо огнѣ—
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мыслями утомленъ“.

„Вензловое на лирѣ имя императрицы Елизаветы Петровны означаетъ, что Ломоносовъ былъ пѣвецъ счастливаго ея царствованія“.

Въ бумагахъ гр. Хвостова находится много свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ. Видно, что подписка шла не особенно успѣшно. По смѣтѣ Мартоса, исполненіе памятника изъ бронзы, безъ перевозки и постановки на мѣстѣ должно было обойтись въ 47,000 р.; императоръ Николай Павловичъ пожертвовалъ 5,000 р., графъ Сем. Ром. Воронцовъ (дѣдъ котораго поставилъ памятникъ надъ могилою Ломоносова въ Александро-Невской лаврѣ)—2,000, академія наукъ и руссійская академія — по 1,000 р., московскій университетъ и его округъ (по предложенію попечителя А. А. Писарева) — 679 руб. Въ числѣ жертвователей находятся: А. Ф. Малиновскій (25 р.), Ф. Ф. Кокешкинъ (25 р.), майоръ Василій Пушкинъ (25 р.), титулярный совѣтникъ Иванъ Пущинъ (5 р.). Архангельскій гражданскій губернаторъ. Ян. Фед. Гаяскау, въ іюли 1827 г. писалъ гр. Хвостову, что „пожертвованія для великаго Ломоносова совсѣмъ прекратились; для совершенія ему памятника не достаетъ около 20 тысячъ рублей. Собранныя деньги отданы въ банкъ. И потому (прибавляетъ онъ) ежели вы, господа поэты, не возбудите въ публикѣ горячаго желанія дополнить недостающую сумму, то начатое дѣло придется оставить до тѣхъ поръ, пока деньги, находящіяся въ банкѣ, отъ приумноженія процентами дозволятъ приступить къ исполненію“. Гр. Хвостовъ, желая помочь дѣлу, въ которомъ онъ принималъ такое участіе, сдѣлалъ довольно оригинальное

пожертвованіе: онъ написалъ оду слишкомъ въ 200 стиховъ „На памятникъ Ломоносову“ и выручку отъ ея распродажи пожертвовалъ на этотъ памятникъ. Выручка оказалась болѣе 3,000 р. Разумѣется, многіе покупали оду не ради ея самой, а ради той цѣли, на которую назначена была выручка; напр., въ списокъ покупателей встрѣчаются имена президента академіи наукъ, гр. С. С. Уварова (100 р.), попечителя харьковскаго университета А. А. Перовскаго (100 р.), А. Н. Оленина (25 р.) и др.; но покупатели находились и другимъ способомъ: напр., учебный комитетъ харьковскаго университета предписалъ кievской дирекціи училищъ пригласить училищныхъ чиновниковъ на полученіе оды гр. Хвостова по 2 р. 50 к. за экземпляръ; такое-же распоряженіе сдѣлалъ попечитель казанскаго учебнаго округа—Магницкій и московскаго—Писаревъ; поэтому нѣтъ ничего особенно удивительнаго въ томъ, что всѣ экземпляры оды гр. Хвостова были распроданы, чего никогда не случалось съ другими его сочиненіями. Сборъ пожертвованій продолжался три года съ половиною; наконецъ, 15-го декабря 1828 г. гр. Хвостовъ получилъ отъ Мартоса слѣдующее письмо:

„Къ в. с—ву, какъ ревнителю славы Ломоносова, идущему по путямъ его и извѣстному пѣснопѣвцу, спѣшу съ вѣстію, что памятникъ родоначальника нашихъ поэтовъ—совершенъ. Вчера происходили расплавка металла и самое отлитіе группы изъ бронзы. Это исполнено чрезвычайно счастливо — и я раздѣляю радость мою съ вами, м. г., какъ съ однимъ изъ первѣйшихъ и усерднѣйшихъ участниковъ въ предпріятіи сооруженія памятника“.

Копію съ этого письма гр. Хвостовъ сообщилъ Шишкову, съ просьбою „предложить российской академіи о избраніи въ почетные члены оной справедливо славимаго Мартоса“. Просьба эта была исполнена.

П. О. Морозовъ.

1876 г.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ХРУЩОВЪ

род. 1806 г., † 1875 г.

Выдержки изъ его писемъ 1853—1859 гг. ¹⁾.

„Хрущовъ лучшій генералъ изъ тѣхъ, какихъ я только зналъ при оборонѣ Севастополя“.

Отзывъ кн. А. С. Меншикова.

В

Севастополь, 30-го марта 1854 г.

ойска, предназначенныя для обороны Крыма, начинаютъ подходить; вчера явились въ Севастополь гусары и весь городъ выбѣжалъ смотрѣть на нихъ, потому что здѣсь кавалеріи никогда не было. Около половины апрѣля ожидаютъ пѣхотную бригаду и тогда, вѣроятно, мы станемъ лагеремъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ весны и дуютъ сильныя вѣтры. Надняхъ я сдѣлалъ довольно большую прогулку верхомъ по всѣмъ окрестностямъ Севастополя, чтобы знать мѣстность для движенія съ войскомъ, и мнѣ пришлось ѣздить по чрезвычайно крутымъ горамъ.

Здѣсь и прежде было все дорого, а теперь цѣна еще болѣе возвысилась, особенно на фуражъ и говядину. Вчера гусары покупали сѣно по рублю серебромъ за пудъ; овесъ продаютъ дороже пяти рублей четверть. Я посылаю за сѣномъ за 50 верстъ; скоро выгдѣ не будетъ сѣна. Въ прежніе годы здѣсь въ половинѣ апрѣля косили траву, теперь-же и признаковъ нѣтъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, іюнь, стр. 593—607.

Севастополь, 6-го апрѣля 1854 г.

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ напечатано телеграфическое извѣстіе изъ-за-границы, что Англія объявила намъ войну и Франція считаетъ себя въ войнѣ съ нами послѣ прекращенія дипломатическихъ сношеній. Ихъ непріязненные дѣйствія уже обозначились: надняхъ подошелъ къ Севастополю пароходъ-фрегатъ, который захватилъ купеческое судно, снялъ съ него людей, испортилъ снасти и пустилъ на волю вѣтра.

За пароходомъ тотчасъ-же погнались, но онъ успѣлъ ускользнуть, потому что стихъ вѣтеръ. Англичане сдѣлали залпъ по нашему фрегату; наши отвѣтили. По дальности разстоянія снаряды не могли достигнуть. Единственное желаніе всѣхъ и моряковъ и пѣхотинцевъ встрѣтиться съ этими подлецами лицомъ къ лицу и поколотить ихъ.

Севастополь, 13-го апрѣля 1854 г.

... Въ воскресенье пришелъ первый эшелонъ егерской бригады 17-й дивизіи и надняхъ придетъ вся бригада. Послѣ стоянки въ Москвѣ и русскихъ губерніяхъ имъ не понравится жизнь въ Севастополѣ, гдѣ надобно платить до 1½ руб. сер. за пудъ сѣна.

Ты пишешь, мой другъ Наташа, что черезъ Тулу проѣзжалъ какой-то офицеръ съ депешами объ истребленіи 30-ти англійскихъ и французскихъ судовъ нашими моряками. Это совершенная дичь, нашъ флотъ я не думалъ трогаться изъ Севастополя.

Надняхъ распространились здѣсь непріятные слухи, что соединенный флотъ подошелъ къ Одессѣ и что, будто, стрѣляли по нашимъ батареямъ; но какъ официальныхъ извѣстій по сему предмету еще нѣтъ, то я не могу ручаться за вѣрность молвы.

Въ субботу, на страстной недѣлѣ, пріѣхалъ сюда генераль-отъ-инфантеріи князь Горчаковъ, бывший генераль-губернаторъ Западной Сибири и командиръ тамошняго корпуса. Онъ принятъ вновь на службу и государь назначилъ его въ распоряженіе князя Меншикова, а свѣтлѣйшій, кажется, посылаетъ Горчакова въ Θεодосію. Въ фельетонѣ одного изъ послѣднихъ номеровъ „Русскаго Инвалида“ напечатана интересная статья подъ заглавіемъ „Два проклятія Наполеона I“. Обратите вниманіе на эту статью.

Не помню, благодарилъ-ли я тебя, мой другъ Наташа, за корпію, которую я получилъ. Если мнѣ случится быть раненымъ, то эта корпія, приготовленная твоими руками, облегчитъ мои страданія лучше всякихъ лекарствъ.

г. Севастополь, 20-го апрѣля 1854 г.

Вы вѣрно знаете, друзья мои, что передъ праздникомъ соединенные флоты явились подъ Одессою и сдѣлали нелѣпныя предложенія г. Сакену о выдачѣ имъ купеческихъ судовъ; потомъ пострѣляли въ одну батарею, сдѣлали попытку на Пересыпь, которая не имѣла никакого результата, и удалились отъ Одессы. По дорогѣ зашли къ Евпаторіи и, наконецъ, въ прошлую пятницу явились предъ Севастополемъ. Два дня крейсировали очень близко, а теперь находятся въ виду херсонесскаго маяка.

Имѣютъ-ли непріатели какую-либо опредѣлительную цѣль, такъ-ли прогуливаются по Черному морю—мы не знаемъ. Конечно, флотъ нашъ не трогается изъ бухты, ибо непріатель гораздо сильнѣе.

На прошлой недѣлѣ я обѣдалъ у князя и его свѣтлость самъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ для передачи нѣкоторыхъ приказаній. Обращеніе его со мною очень любезно и онъ всегда вазываетъ меня по имени. Сказалъ однажды, что въ числѣ принадлежащихъ ему деревень есть Хрущовка.

Прощайте, друзья мои, сейчасъ пріѣдетъ ко мнѣ начальникъ дивизіи, чтобы ѣхать вмѣстѣ для осмотра нѣкоторыхъ позицій и выбора мѣста для лагеря по направленію къ херсонесскому маяку.

Лагерь близъ Севастополя, 27-го апрѣля 1854 г.

Осада Севастополя соединенными флотами продолжается, только корабли отошли нѣсколько далѣе и видны по временамъ за херсонесскимъ маякомъ. Столкновеній никакихъ не было. Надняхъ пароходы подходили довольно близко къ Балаклавѣ и произвели у насъ небольшую тревогу.

24-го числа, по приказанію князя, мой полкъ вышелъ въ лагерь и расположился на трехъ позиціяхъ для охраненія бухты отъ Севастополя до херсонесскаго маяка на протяженіи 10 или 12 верстъ. У меня теперь 4 орудія, но надняхъ будетъ 12. Я самъ стою при двухъ баталіонахъ на среднемъ пунктѣ.

Я всякую минуту готовъ сняться съ позиціи и выступить куда потребуется надобность. Къ сожалѣнію, надобно полагать, что англо-французы не осмѣлятся напасть на Севастополь.

Лагерь около Севастополя, 4-го мая 1854 г.

...Последніе три дня мы не видали флотовъ, но надобно думать, что корабли не въ дальнемъ разстояніи отъ Севастополя, ибо по ночамъ слышны глухіе выстрѣлы, вѣроятно, сигнальные. Вчера

развѣся слухъ, что около береговъ Одессы сожгли англійскій пароходъ-фрегатъ, который ударился о камень противъ одной изъ нашихъ батарей; весь экипажъ взятъ. Если слухъ справедливъ, то красные мундиры находятся уже въ нашихъ рукахъ. Дай Богъ поболѣе.

Зная изъ прежнихъ писемъ, что англо-французскій флотъ блокируетъ Севастополь, вы, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ и боязнью ожидаете моихъ писемъ, но мы совершенно покойны и теряемъ всякую надежду подраться съ непріателемъ. Это всѣхъ насъ огорчаетъ.

Лагерь близъ Севастополя, 11-го мая 1854 г.

....Несмотря на блокированіе Севастополя, нашъ пароходъ „Эльборусъ“ успѣлъ притти сюда изъ Николаева. О бомбардированіи Одессы въ страстную субботу вы знаете уже изъ газеты; послѣ того одинъ пароходъ фрегатъ, осматривая берега, пошелъ на мель и спустилъ флагъ. Такимъ образомъ у насъ теперь въ плѣну 250 англичанъ, въ числѣ коихъ 24 офицера. У капитана оторвало ногу.

Въ первый разъ красные мундиры попались въ плѣнъ къ русскимъ. Говорятъ, что англійскій адмиралъ Дундасъ смѣненъ и назначенъ другой, что между англичанами и французами въ Константинополь разногласіе и прочее.

Лагерь близъ Севастополя, 25-го мая 1854 г.

.... Непрїательскіе флоты не являются предъ Севастополемъ и мы достовѣрно не знаемъ гдѣ они теперь. Пишутъ, что адмиралы отложили до времени бомбардированіе Севастополя. Съ Дуная не имѣемъ особенныхъ извѣстій. Силистрія обложена и, кажется, осаждается.

Лагерь близъ Севастополя, 1-го іюня 1854 г.

Третьяго дня, въ Троицу, явились на нашихъ водахъ три непрїательскихъ парохода-фрегата, прошли мимо самыхъ бухтъ, вблизи которыхъ стоятъ баталіоны моего полка, и, не доходя до большой Севастопольской бухты, повернулись назадъ.

Тогда уже смеркалось; погода была прекрасная. Въ лагерь играла музыка, пѣли пѣсни и проч. Судя по разстоянію, надобно думать, что съ непрїательскихъ пароходовъ видѣли насъ и даже слышали, что мы весело проводимъ время. Съ наступленіемъ ночи они ушли, а между тѣмъ ночью-же вышли семь нашихъ пароходовъ, но нигдѣ уже не встрѣтили непрїателя.

Вчера утромъ я былъ въ городѣ и видѣлъ оконченныя недавно Айвазовскимъ двѣ картины Синопскаго сраженія въ большомъ размѣрѣ. Картины превосходны и представляютъ два момента сраженія.

Лагерь близъ Севастополя, 8-го іюня 1854 г.

.... 3-го іюля мы были свидѣтелями небольшого морскаго сраженія между шестью нашими пароходами и тремя батарейными пароходами союзниковъ. Какъ стрѣляли съ дальнихъ дистанцій, то большаго вреда не сдѣлали ни судамъ, ни людямъ.

Изъ нашихъ оторвало ногу мичману Скорятину и двухъ офицеровъ контузило, три унт.-офицера ранены.

Лагерь близъ Севастополя, 18-го іюня 1854 г.

.... Иностранныя газеты болтаютъ, что нечестивые союзники не оставляютъ своего намѣренія атаковать Севастополь съ моря и сухаго пути, но, Богъ знаетъ, рѣшатся-ли они на такое дерзкое предпріятіе.

Надняхъ князь дѣлалъ моему полку небольшой маневръ.

Нашими противниками были гусары; а завтра или послѣзавтра дѣлаетъ смотръ полку.

Лагерь близъ Севастополя, 21-го іюня 1854 г.

.... Въ теченіе этой недѣли у насъ не было никакихъ новостей, то есть соединенные флоты не подходили къ намъ, кромѣ нѣсколькихъ пароходовъ, которые постоянно крейсируютъ по Черному морю. При настоящихъ обстоятельствахъ, когда наши войска отступаютъ отъ Дуная въ Молдавію, можно ожидать, что англо-французы сдѣлаютъ какую-либо попытку на Крымъ.

Положительныхъ и вѣрныхъ извѣстій съ Дуная мы не имѣемъ и не знаемъ еще: рѣшились-ли коварные нѣмцы дѣйствовать противъ насъ.

Лагерь близъ Севастополя, 9-го іюля 1854 г.

.... Отъ насъ былъ посланъ хорошій ходокъ пароходъ „Эльборусъ“ для развѣдыванія о непріятелѣ. Это порученіе возложено было на кап.-лейт. Попова, который доходилъ почти до Босфора, захватилъ два турецкихъ купеческихъ судна, сжегъ ихъ и провезъ нѣсколькихъ человѣкъ; остальныхъ людей отпустилъ на лодкахъ.

Потомъ посланъ былъ другой пароходъ „Владиміръ“ къ Днѣстровскому лиману. Вчера вечеромъ онъ возвратился, но я еще не знаю что онъ сдѣлалъ и что видѣлъ.

Изъ княжествъ нѣтъ положительныхъ извѣстій гдѣ именно расположились наши войска послѣ отступленія отъ Дуная. Говорятъ, что австрійцы вступили уже въ Валахию. Вопросъ еще не рѣшенъ—будутъ-ли они за насъ или противъ насъ.

Здѣсь разнесся слухъ, что нашу бригаду хотятъ перевести въ Θεодосію и Керчь, но эта молва не подтверждается.

Бивакъ у с. Бурлюка, 5-го сентября 1854 г., 11 час. вечера.

Наконецъ, друзья мои, давно ожидаемые гости прибыли къ намъ. Первое извѣстіе о появленіи флота получено 1-го числа утромъ, а вечеромъ опредѣлилось, что флотъ, въ огромномъ числѣ судовъ, сталъ верстахъ въ 20-ти отъ Евнаторіи, противъ с. Саки и Кокмюгомъ. Тамъ нашихъ войскъ не было, а потому 2-го и 3-го чиселъ высажены непріятельскія войска безпрепятственно, въ числѣ около 50 т. Тамъ, по крайней мѣрѣ, показываютъ 11 французовъ, захваченныхъ казаками на фуражировкѣ. Есть и кавалерія—до 3 тыс.

Князь немедленно распорядился сосредоточеніемъ войскъ нашихъ у Бурлюка на отличной позиціи. Мой полкъ получилъ приказаніе выступить 2-го числа послѣ обѣда, а на другой день къ полудню я былъ уже на мѣстѣ, сдѣлавъ болѣе 40 верстъ; большую часть ночи шелъ сильный дождь. Теперь здѣсь находится 39 баталіоновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи и 10 батарей. Всего приблизительно подъ оружіемъ до 30 т. пѣхоты, 2 т. кавалеріи и 80 орудій. Завтра ожидаемъ еще изъ Θεодосіи 2 баталіона, полкъ казаковъ и батарею артиллеріи. Непріятельскій лагерь отъ насъ въ 20 или 22 верстахъ; флотъ виденъ какъ на ладони—дѣльный дѣсь мачтъ.

До сихъ поръ непріатели ничего не предпринимали, мы также, ибо занимаемъ превосходную оборонительную позицію.

Сегодня я, какъ дежурный по войскамъ, былъ утромъ у князя и онъ пригласилъ меня съ собою на рекогносцировку. Мы ѣздили верстъ за 8 впередъ и видѣли ясно непріятельскій лагерь. Передъ вечеромъ я также ѣздилъ съ княземъ по занимаемой нами позиціи. Его свѣтлость былъ очень веселъ, много говорилъ со мною и между разговоромъ спросилъ (въ первый разъ): „а что, адмиралъ нишетъ-ли къ вамъ?“ Я отвѣчалъ, что получаю письма очень часто и что онъ весьма интересуется чѣмъ у насъ дѣлается, прибавя — здѣсь ему все родное. „Прошу васъ, сказалъ князь, передать ему мой усердный поклонъ“. Я поблагодарилъ свѣтлѣйшаго за вниманіе. Письмо это пишу къ вамъ на барабанѣ. Если будетъ что-либо новаго къ утру, то сообщу...

Прощайте, друзья мои, благословите меня на бой, который

надобно ожидать въ непродолжительномъ времени, если, разумѣется, англо-французы сдѣлали высадку не для шутокъ.

Бивакъ на позиціи у д. Бурлюка на Алмѣ.

7-го сентября, около 10 часовъ утра, непріатели показались на высотахъ въ семи верстахъ отъ насъ въ большихъ силахъ. Кавалерія съ конноартиллеріею завязала дѣло часу въ четвертомъ пополудни, которое ограничилось перестрѣлкой изъ орудій и небольшою атакою, причѣмъ взятъ въ плѣнъ полковникъ французскаго генеральнаго штаба. Потеря у насъ самая незначительная. Пѣхота не принимала участія въ дѣлѣ. Всѣ непріательскія войска провели ночь на занятой ими позиціи, разложивъ большіе огни. Весь день и ночь непріательскіе пароходы стояли у занимаемыхъ нами высотъ близъ самаго берега и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но снаряды не долетали. Ночь мы провели покойно.

10-го сентября. Лагерь на прежнемъ мѣстѣ у Камышевой бухты.

8-го числа, около 10 часовъ утра, непріатели начали наступленіе на нашъ фронтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали высаживать войска съ пароходовъ за нашимъ лѣвымъ флангомъ. Вскорѣ завязался сильный бой на всѣхъ пунктахъ; пароходы поддерживали высадившія войска непрерывнымъ огнемъ изъ своихъ орудій. Какъ нашъ лѣвый флангъ былъ слабъ, то онъ не могъ держаться и началъ отступленіе. Правый флангъ и центръ долго удерживались на своихъ позиціяхъ и обратили въ бѣгство колонну, хотѣвшую перейти черезъ мостъ на Алмѣ; но войска, будучи сильно поражаемы изъ большихъ орудій и въ особенности выстрѣлами изъ штуцеровъ, которыхъ у непріателей очень много, и видя отступленіе лѣваго фланга и обходное движеніе, также стали отступать. У насъ довольно значительная потеря, но и у непріателей не менѣе того; доказательствомъ тому служитъ то, что они почти не преслѣдовали насъ. Мой полкъ, находясь въ резервѣ, не вступалъ въ бой, хотя былъ нѣкоторое время подъ жестокимъ огнемъ; у меня убитыхъ и раненыхъ до 25 человекъ.

9-го числа продолжалось отступленіе до высотъ позади Инкермана. Оба дня при отступленіи мой полкъ находился въ арріергардѣ съ 16 орудіями, но непріатель не тревожилъ меня. Сегодня всѣ сосредоточились на южной сторонѣ города, а меня послали занять прежнія позиціи у бухтъ.

.... Не знаю, скоро-ли дойдетъ до васъ это письмо, ибо не знаю, свободна-ли симферопольская дорога.

14-го сентября. На р. Бельбекѣ д. Отарви.

Мы вышли 12-го числа изъ Севастополя и вчера пришли сюда: непріятель занялъ высоты Бельбека и мы уже не имѣемъ сообщенія съ Севастополемъ. Скоро тронемся къ Качѣ.

Бивакъ предъ Севастополемъ, 19-го сентября 1854 г.

Мое послѣднее письмо было отъ 13-го числа съ позиціи на р. Бельбекѣ. На другой день мы передвинулись къ Бахчисарав. Послѣ того я имѣлъ порученіе отъ князя сдѣлать усиленную рекогносцировку съ 6 баталіонами къ Черной рѣчкѣ, но я не встрѣтилъ непріятеля, который сосредоточилъ всѣ свои силы на южной сторонѣ, занявъ Балаклаву и высадивъ тамъ войска. Съ сѣверной стороны всѣ убрались, но зато съ южной совершенно обложены. До сихъ поръ непріятели еще не предпринимали ничего противъ города, но завтра или послѣзавтра, вѣроятно, начнутъ дѣйствовать. Вчера мы пришли на сѣверную сторону бухты и такимъ образомъ сообщеніе съ городомъ восстановлено. Чтò будетъ далѣе—не знаю, но всѣ желаютъ скорѣе вновь подраться съ непріателемъ. Вотъ уже 17 дней, что я живу на бивакахъ....

Позиція противъ ст. Бельбекъ, 22-го сентября 1854 г.

.... Для усиленія гарнизона въ Севастополь введено 14 баталіоновъ, слѣдовательно, съ моряками тамъ будетъ около 30 тысячъ. Остальныя войска заняли позиціи отъ Бельбека до Инкермана. Князь Меншиковъ и князь Горчаковъ расположились при командующей мною бригадѣ (я командую временно Волынскимъ и Мясскимъ полками) и оба очень любезны со мною. Въ эти дни непріятели ничего важнаго не предпринимали, но говорятъ, что они приготавливаются къ правильной осадѣ. Мы находимся теперь въ довольно выгодномъ положеніи, ибо сообщаемся съ городомъ и симферопольская дорога въ нашихъ рукахъ. Напротивъ, по моему мнѣнію, Сентъ-Арно сдѣлалъ большую ошибку, переведя армию на южную сторону. Къ намъ идутъ подкрѣпленія изъ Россіи: въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца будутъ уже въ Крыму одна дивизія кавалеріи и 12-я пѣхотная г. Липранди.

Позиція у ст. Бельбекъ, 23-го сентября 1854 г.

Непріятели строятъ батареи и приготавливаются къ серьезной осадѣ. Распространился слухъ, что ихъ главнокомандующій С.-Арно умеръ и Канроберъ принялъ начальство надъ войсками. Подкрѣпленія къ намъ слѣдуютъ быстро.

Позиція на Бельбекѣ, 30-го сентября 1854 г.

.... Въ эти дни непріятели ничего особеннаго не предпринимали. Изъ города стрѣляютъ иногда по ихъ работамъ и пароходамъ, которые близко подходят. Главнокомандующій С. Арно дѣйствительно умеръ. Непріятели имѣютъ большой недостатокъ въ водѣ и фуражѣ; у насъ-же всего довольно. Теперь ожидаемъ только подкрѣпленій.

Позиція при ст. Бельбекѣ, 3-го октября 1854 г.

.... Надняхъ сынъ князя Меншикова поѣхалъ въ Петербургъ; къ намъ пріѣхало нѣсколько флигель-адъютантовъ. Старикъ князь неутомимъ и безпрестанно бываетъ на конѣ. Наши войска ни въ чемъ не нуждаются.

Позиція при ст. Бельбекѣ, 6-го октября 1854 г.

3-го и 4-го сентября непріятели ничего особеннаго не предпринимали, но зато 5-е число будетъ памятно въ лѣтописяхъ военной исторіи, по огромному числу снарядовъ, выпущенныхъ съ обеихъ сторонъ. Съ 6-ти часовъ утра началась сильнѣйшая канонада, съ сухаго пути, а съ часу пополудни присоединилось къ оной бомбардированіе съ моря. Итакъ, съ 6-ти часовъ утра до 6-ти вечера, т. е. до сумерекъ, страшная пальба не умолкала. Разумѣется, и наши какъ сухопутныя, такъ и береговыя батареи дѣйствовали также безъ умолку.

Во все это время были иногда секунды, когда огонь прекращался, но цѣлой минуты рѣшительно не было. Вся окрестность была покрыта дымомъ. Мы съ своей позиціи могли видѣть все, не будучи подъ выстрѣлами.

Непріятельскіе корабли, наиболѣе французскіе, числомъ до 20-ти, смѣло подходили къ входу въ бухту и производили страшный огонь. Я полагаю, что имъ крѣпко досталось отъ нашихъ фортовъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что два корабли потоплены, но достоверность этого нельзя утверждать.

Къ удивленію, наши береговые форты и всѣ батареи потерпѣли очень мало и во все время не умолкали; наиболѣе досталось Константиновской батарее, какъ самой крайней. Потеря въ людяхъ также весьма незначительна, всего убитыхъ и раненыхъ до 500 чел.; въ городѣ не сожжено ни одного дома. Итакъ непріятели могли убѣдиться, что Севастополь трудно бомбардировать какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути. Къ общему сожалѣнію, смертельно раненъ въ ногу ген.-ад. Корниловъ, принимавшій самое дѣятельное

участіе въ оборонѣ города. Черезъ нѣсколько часовъ онъ умеръ. У кап. Скоробогатаго оторвало обѣ ноги; онъ также умеръ.

Сегодня все было спокойно и только изрѣдка стрѣляли по батареямъ.

Позиція у ст. Вельбекъ, 9 го октября 1854 г.

.... 7-го, 8-го и сегодня канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась безумолку. Конечно, поврежденія въ городѣ есть, какъ равно и небольшая потеря въ людяхъ, но это ничего не значитъ. Всѣ наши батареи цѣлы и продолжаютъ дѣйствовать. Войска не имѣютъ ни въ чемъ недостатка. Большая часть дамъ выѣхала изъ города.

Позиція на высотахъ предъ Инкерманомъ, 15-го октября 1854 г.

Въ этотъ день на нашемъ лѣвомъ флангѣ, между Червоу рѣчкою и Балаклавою, было славное дѣло, и непріатели много потерпѣли, въ особенности англійская кавалерія. Взято нашими три редута и 11 орудій. Въ этомъ дѣлѣ участвовала 12-я дивизія Липранди и часть 16-й. Мнѣ-же порученъ былъ авангардный отрядъ, стоящій у спуска къ Инкерману (три баталіона съ 20 орудіями), слѣдовательно, я не могъ участвовать въ дѣлѣ. Высоты по другую сторону Инкермана занимаютъ непріатели. Я и теперь тутъ нахожусь; весь городъ и большая часть непріательской позиціи у меня передъ глазами.

Надняхъ должны прибыть къ намъ 10-я и 11-я дивизія и тогда мы будемъ имѣть возможность атаковать непріателя серьезнымъ образомъ. Городъ и непріательскія батареи продолжаютъ почти ежеминутно мѣняться чугунными гостинцами; по ночамъ выстрѣлы слышны изрѣдка; флотъ, послѣ неудачной канонады 5-го числа, стоитъ въ почтительномъ отдаленіи.

.... Слухи, сообщенные вамъ братомъ насчетъ Волынскаго полка, не совсѣмъ справедливы, ибо въ буквальномъ смыслѣ слова онъ не былъ въ дѣлѣ 8-го сентября, но, находясь подъ сильными выстрѣлами, сохранилъ при отступленіи полный порядокъ и послѣ прикрывалъ общее отступленіе.

Севастополь, 21-го октября 1854 г.

Третьяго дня мой полкъ вступилъ въ Севастополь и занялъ бастионъ № 4, что противъ бульвара.

Севастополь, 25-го октября 1854 г.

.... До сихъ поръ Богъ хранить меня отъ непріятельскихъ бомбъ, ядеръ и пуль, которыя ежеминутно свистятъ надъ моею головою. Я провожу ночь на бастионѣ, а день на бивакахъ близъ театра. Вчера сдѣлано было нападеніе на англійскія батареи, устроенныя противъ корабельной. Дѣло было жаркое и непріятелямъ крѣпко досталось; впрочемъ, и у насъ была потеря.

Севастополь, 28-го октября 1854 г.

.... Наши дѣла, друзья мои, послѣ послѣдняго письма нисколько не измѣнились. Непріатели попрежнему стрѣляютъ въ наши батареи и городъ, мы взаимно отвѣчаемъ имъ. Всевышній хранить меня до сихъ поръ. О пріѣздѣ великихъ князей я писалъ въ вамъ. Они живутъ на сѣверной сторонѣ и принимаютъ большое участіе въ раненыхъ.

Къ сожалѣнію, погода у насъ стоитъ теплая и тихая, иногда только бываютъ дожди.

Севастополь, 1-го ноября 1854 г.

У насъ началась осенняя погода, дождь и грязь. Конечно, и для насъ это не совсѣмъ пріятно, но для нашихъ непріятелей это гораздо чувствительнѣе. Жаль только, что нѣтъ еще морозовъ и бурь.

Въ военномъ отношеніи наше положеніе нисколько не измѣнилось въ послѣдніе дни и непріатели ничего особеннаго не предприняли; они стрѣляютъ рѣже прежняго, особенно по ночамъ.

Вчера великіе князья были въ городѣ и слушали обѣдню. Ихъ высочества желали-бы посѣтить нашъ бастионъ и другія батареи, но главнокомандующій не допускаетъ ихъ до этого, и весьма справедливо. О намѣреніяхъ непріятелей намъ ничего неизвѣстно: рѣшатся-ли они штурмовать городъ или уберутся во-свои; одною же бомбардировкою ничего не сдѣлаютъ, ибо съ 5-го октября пустили несмѣтное число всякаго рода снарядовъ, а наши батареи и городъ здравствуютъ попрежнему. Все, что испортятъ днемъ, починятъ ночью.

Севастополь, 4-го ноября 1854 г.

.... Я попрежнему нахожусь съ своимъ полкомъ на бастионѣ № 4. Третьяго дня была сильная буря, отъ которой пострадало до 10 непріятельскихъ судовъ, изъ коихъ одинъ фрегатъ. Дай Богъ, чтобы подобныя бури случались чаще.

Несмотря на всё неудобства жизни, мое здоровье хорошо и Богъ спасаетъ меня отъ непріятельскихъ бомбъ, ядеръ и штурдеровъ.

Севастополь, 8-го ноября 1854 г.

Мой полкъ смѣнили съ бастиона и поставили въ резервъ, чтобы немного оправиться. Такимъ образомъ, послѣ 19-ти-дневной бивачной жизни, подъ непрерывнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей, я спалъ прошлую ночь на хорошей квартирѣ, въ удаленіи отъ бомбъ, ядеръ и пуль. Англо-французы продолжаютъ рыть траншеи, но ничего важнаго противъ города не предпринимаютъ.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ бурю 2-го ноября у нихъ погубло до 30 судовъ, въ томъ числѣ два корабля, нѣсколько фрегатовъ и пароходовъ...

Севастополь, 11-го ноября 1854 г.

... Черезъ нѣсколько дней я снова займу бастионъ съ своимъ полкомъ. Непріатели ничего новаго не предпринимали въ послѣдніе дни и мы находимся въ неизвѣстности: останутся-ли они здѣсь зимовать или отправятся во-свои. Послѣднее было-бы гораздо благоразумнѣе съ ихъ стороны. Забавны толки провинціальныхъ политиковъ-воиновъ, о которыхъ ты пишешь ко мнѣ, любезный другъ Борисъ Петровичъ. Я совершенно согласенъ съ тобою, что эти толки, по крайней мѣрѣ, есть результатъ общей любви къ славѣ и успѣху нашего оружія.

Погода у насъ стоитъ довольно теплая, но дождь идетъ почти ежедневно; море покойно.

Великіе князья живутъ попрежнему при главной квартирѣ на сѣверной сторонѣ. Ихъ высочества посѣщаютъ часто госпиталь и перевязочный пунктъ и доставляютъ истинное утѣшеніе раненымъ.

Севастополь, 17-го ноября 1854 г.

... Мы продолжаемъ приводить въ оборонительное состояніе городъ; непріатели, повидимому, не хотятъ убираться отсюда. Дезертиры говорятъ о намѣреніи штурмовать городъ и даже назначили нѣкоторыя числа, которыя прошли весьма покойно.

Мнѣ кажется, что они будутъ такъ благоразумны, что не рѣшатся на такое отважное и рискованное предпріятіе.

Къ сожалѣнію, погода у насъ стоитъ довольно теплая и нѣтъ бурь.

Въ прошлое воскресенье великіе князья, послѣ обѣдни, здоровались съ людьми моего полка и благодарили ихъ за службу отъ имени государя. Со мною также сказали нѣсколько словъ.

Севастополь, 23-го ноября 1854 г.

Съ 19-го ноября мой полкъ опять занимаетъ бастионъ № 4-го, но на этотъ разъ мы пробудемъ здѣсь недолго. Теперь здѣсь гораздо покойнѣе, чѣмъ прежде, ибо непріатели менѣе стрѣляютъ. Въ ночь на 21 число мои охотники, въ числѣ 50 человекъ, дѣлали вылазку на непріятельскія работы и тамъ перекололи болѣе 30 человекъ. Повидимому, непріатели не располагаютъ убираться отсюда, несмотря на весьма дурную погоду и болѣзни въ ихъ войскахъ. Вчера прибылъ въ главную квартиру ген. Сакенъ. Говорятъ, что онъ назначается командиромъ 4-го корпуса, вмѣсто Даненберга.

Севастополь, 30-го ноября 1854 г.

Одна новость—перемѣна начальника въ Севастополь: вмѣсто Миллера назначенъ новый командиръ 4-го корпуса ген. Остенъ-Сакенъ; этотъ генералъ извѣстенъ своими военными дарованіями, дѣятельностію и благочестіемъ.

Послѣ недѣльнаго отдыха на квартирѣ, я завтра опять отправляюсь на бастионъ № 4-го на недѣлю.

Севастополь, декабря 1854 г.

Сегодня великіе князья уѣзжаютъ изъ Севастополя въ Петербургъ; но обѣщаютъ снова возвратиться сюда, если осада продолжится. Ихъ высочества своимъ присутствіемъ оживляли войска и облегчали страданія раненыхъ.

Третьяго дня я снова вступилъ на бастионъ; съ жизнью на бастионѣ я совершенно свыкся, какъ равно и мои солдаты. Труды аванпостной службы и непріятности дурной погоды для насъ ничего не значать.

Письмо это пишу къ вамъ изъ маленькой землянки, въ которой я помѣщаюсь съ начальникомъ артиллеріи 4-го бастиона капит. 1-го ранга Кутровымъ; его сегодня смѣнитъ к.-адм. Юхоринъ.

Севастополь, 14-го декабря 1854 г.

.... Семидневный терминъ (отъ 1-го до 8-го числа) на бастионѣ я отстоялъ благополучно и Богъ хранилъ меня отъ пуль и прочихъ гадостей. Завтра полкъ опять идетъ на бастионъ на семь дней. Государь очень милостивъ къ севастопольскому гарнизону; наднахъ объявлено въ приказѣ, что его величество, принимая во вниманіе труды наши, приказалъ считать намъ мѣсяцъ за годъ службы.

Мы ожидаемъ новыхъ подкрѣпленій и въ томъ числѣ егерскую бригаду нашей дивизіи.

Севастополь, 17-го декабря 1854 г.

Третьяго дня я снова занялъ бастіонъ съ своимъ полкомъ на недѣлю. Тамъ я устроилъ для себя и своего штаба славную блиндированную землянку, которую не должна пробить бомба.

Перестрѣлка наша съ французами продолжается попрежнему, въ особенности очень часто угощаемъ другъ друга бомбами и штуцерными пулями.

Переметчики продолжаютъ говорить о намѣреніяхъ непріятеля штурмовать городъ, но эту пѣсню мы давно уже слышимъ; впрочемъ, готовы каждую минуту встрѣтить непріятеля....

Севастополь, 31-го декабря 1854 г.

Сегодня оканчивается старый годъ и завтра наступаетъ новый; что-то онъ принесетъ намъ хорошаго, друзья мои? Будемъ-ли мы всё здоровы, будемъ-ли мы имѣть случай видѣться между собой? На старый, лично, я не могу пожаловаться, ибо былъ все время здоровъ, несмотря на всё трудности и опасности настоящей жизни, и въ этомъ году получилъ чинъ, который въ военномъ званіи очень важенъ.

Будущее-же извѣстно одному Богу; возложимъ на Него все наше упованіе.

Третьяго дня я снова занялъ бастіонъ съ своимъ полкомъ на недѣлю и здѣсь встрѣчу новый годъ. Въ настоящее время непріятели беспокоятъ насъ менѣе своими выстрѣлами и не предпринимаютъ никакихъ новыхъ работъ, но не думаютъ убираться отсюда. Отъ нихъ ежедневно являются дезертиры и нѣкоторые съ отмороженными ногами, хотя морозовъ еще не было....

Севастополь, 7-го января 1855 г.

Третьяго дня вечеромъ мой полкъ смѣнился съ бастіона и теперь я могу немного отдохнуть.

Въ ночь со 2-го на 3-е число сдѣлана была отъ насъ вылазка, въ которой участвовало моихъ 250 и матросовъ 100 человекъ. Эти вылазки въ небольшомъ числѣ людей дѣлаются для того, чтобы непріятеля держать въ постоянномъ страхѣ и готовности, что, разумѣется, его очень утомляетъ. Наши славно поработали штыкомъ въ непріятельскихъ траншеяхъ, перекололи много французовъ, привели 5 человекъ и принесли 35 ружей. Главнокомандующій остался доволенъ и при этомъ случаѣ весьма лестно отозвался о моемъ полкѣ и лично обо мнѣ.

Съ началомъ новаго года у насъ выпалъ довольно большой

свѣтъ и начались морозы, которые доходили до 12°, но со вчерашняго дня сдѣлалась оттепель....

Говорятъ, что князь сдѣлалъ представленіе къ военному министру о назначеніи меня бригаднымъ командиромъ въ 16-ю дивизію. Если государь согласится на это, то мнѣ предстоить скоро сдача полка.

Севастополь, бастионъ № 4-й, 14-го января 1855 г.

У насъ въ послѣдніе дни распространились слухи о возможности скораго мира; дай Богъ, чтобы слухи были справедливы. Великихъ князей ожидаютъ сюда завтра или послѣзавтра.

Севастополь, 25-го января 1855 г.

... Я разстался съ 4-мъ баталіономъ и расположился съ полкомъ на Корабельной для охраненія 3-го и 4-го отдѣленій. Противъ этихъ частей непріатели почти вовсе не стрѣляютъ. Нѣсколько дней порадовали насъ морозы, но теперь опять грязь.

Севастополь, 1 го февраля 1855 г.

Наше положеніе нисколько не измѣнилось, ни мы, ни непріатели не предпринимаютъ ничего серіознаго; впрочемъ, въ это время года трудно дѣйствовать. У насъ послѣ небольшихъ морозовъ, которые продолжались нѣсколько дней, опять началась оттепель и грязь страшная. Что касается лично до меня, то я теперь имѣю весьма удобную квартиру и мы не имѣемъ ни въ чемъ недостатка. Солдаты имѣютъ ежедневно водку и говядину. Изъ газетъ вы знаете, что въ Вѣнѣ трактуютъ о мирѣ, но, Богъ знаетъ, чѣмъ окончатся эти переговоры. На добросовѣстность англійскаго министерства нельзя полагаться, да и со всѣми европейскими государствами надо трактовать, держа наготовѣ камень въ рукѣ.

Севастополь, 8-го февраля 1855 г.

Въ Севастополѣ идутъ дѣла попрежнему; въ послѣднюю недѣлю непріатели ничего не предпринимали, но теперь все вниманіе обращено на Эвпаторію, гдѣ собранъ довольно значительный корпусъ турецкихъ войскъ. Надняхъ была слышна тамъ канонада и говорятъ, что турокъ сильно поколотили. Предъ Эвпаторією находится 8-я дивизія князя Урусова, Азовскій полкъ и драгунская дивизія Врангеля.

Пѣхотою командуетъ нашъ землякъ ген.-л. Хрулевъ.

Въ прошлую ночь подулъ сѣверный вѣтеръ и выпалъ небольшой

снѣгъ, при морозѣ до 3-хъ градусовъ. Подобная погода не совсѣмъ нравится нашимъ врагамъ.

Мы имѣли надежду на Австрію, но изъ послѣднихъ газетъ видно, что на нее нельзя полагаться; за то Пруссія и весь германскій союзъ не хотятъ слѣдовать низкой австрійской политикѣ.

Я назначенъ командиромъ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи.

Севастополь, 15-го февраля 1855 г.

Поздравьте меня съ побѣдою, друзья мои, и съ тѣмъ, что я остался живъ и невредимъ. Въ ночь съ 9-го на 10-е число мнѣ поручено было занять позицію за Килень-балкою и устроить тамъ редутъ. Непріятель не тревожилъ меня какъ въ эту ночь, такъ и 10-го и 11-го чиселъ, но съ 11-го на 12-е, въ два часа ночи, отборныя французскія войска сдѣлали стремительную атаку на занятую мною позицію. Редутъ еще не былъ готовъ и я не имѣлъ ни одной пушки.

Волинцы, съ которыми я долженъ вскорѣ разстаться, встрѣтили французовъ огнемъ и штыкомъ. Страшный рукопашный бой продолжался около часу; кончилось тѣмъ, что отбили нападеніе на всѣхъ пунктахъ и непріятель, въ совершенномъ разстройствѣ, ретировался въ свои траншеи. Множество труповъ осталось на полѣ сраженія. Подробности вы прочтете въ газетахъ и я вамъ сообщу когда буду имѣть болѣе свободнаго времени; теперь-же вовсе не имѣю онаго. Я былъ въ большой опасности, но Богъ хранилъ меня.

Великіе князья и главнокомандующій осыпали меня благодарностію и его свѣтлость выразилъ, что это первое лучшее дѣло въ Крыму.

Севастополь, 18-го февраля 1855 г.

Въ дополненіе увѣдомленія моего о дѣлѣ, бывшемъ съ 11-го на 12-е февраля, посылаю къ вамъ, друзья мои, приказы ген.-ад. Сакена и князя Меншикова. Донесеніе объ этомъ дѣлѣ отправлено въ Петербургъ, вмѣстѣ съ подробнымъ донесеніемъ о бомбардированіи Эвпаторіи, подъ начальствомъ ген.-лейт. Хрулева. Обратите вниманіе на созвучіе нашихъ фамилій и на то, что оба туляки. Особенныхъ новостей у насъ нѣтъ.

Чувствуя себя нездоровымъ отъ напряженія и простуды, я рѣшился пробить нѣсколько дней на квартирѣ, чтобы укрѣпиться въ силахъ.

Погода у насъ испортилась: то дождь, то изморозь и небольшой снѣгъ.

О назначеніи новаго полковаго командира нѣтъ еще въ приказахъ, а мнѣ желательно скорѣе сдать полкъ, хотя расстаюсь съ сожалѣніемъ съ храбрымъ полкомъ...

Приказъ главнокомандующаго сухопутными и морскими силами въ Крыму

12-го февраля 1855 г. № 48.

Товарищи! Воздвигаемый нами, во неоконченный еще редутъ, между Георгіевскою и Кизень-балкою, доставилъ уже случай нѣкоторымъ изъ нашихъ сослуживцевъ помѣряться съ врагомъ въ упорномъ бою и порадовать всѣхъ насъ блистательнымъ успѣхомъ!

Въ минувшую ночь отборное непріятельское войско, изъ зуавовъ, венсенскихъ стрѣлковъ, морскаго баталіона и другихъ охотниковъ, составившихъ значительный отрядъ, съ полевой артиллеріею въ резервѣ, стремительною атакою на неоконченный еще работы задумали сбить насъ съ избранной нами для редута мѣстности.

Храбрые товарищи наши четырехъ баталіоновъ Волынскаго пѣхотнаго полка и трехъ баталіоновъ Селенгинскаго, равно какъ и Черноморскіе пластуны встрѣтили ихъ батальнымъ огнемъ и ударили въ штыки!

Съ отчаяніемъ и упорствомъ три раза французы повторали своей натискъ.

Штыки и рукопашный бой порѣшили дѣло! Непритель съ значительною потерю, въ особенности офицеровъ, коихъ найдено у одного только два редута 8 убитыми и 4 ранеными, былъ отброшенъ въ бѣгство къ своей позиціи. Относя такой достопадный отпоръ отчаяннаго непріятельскаго покушенія къ храбрости, хладнокровію и распорядительности общаго начальника войскъ, въ редутъ находившихся, ген.-маіора Хрущова, мнѣ искренно пріятно поздравить его съ подвигомъ молодецкаго дѣла, въ которомъ всѣ вѣренныя ему чины оправдали ожиданіе государя императора.

Объявляю ген.-маіору Хрущову мою душевную признательность, равно командиру Селенгинскаго полка полковн. Сабашинскому, мужественно содѣйствовавшему успѣху, а также и всѣмъ гг. офицерамъ, съ честью и достойно исполнившимъ свой долгъ, нижнимъ-же чинамъ—мое русское солдатское спасибо.

По чинамъ для выдачи молодцамъ 25 знаковъ отличія воиннаго ордена, ожидаю дальнѣйшихъ представленій объ оказавшихъ особенные подвиги какъ гг. офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, чтобы достойно наградить ихъ и свидѣтельствовать о заслугахъ ихъ предъ государемъ императоромъ.

Объ успѣшномъ отпорѣ этому дѣлаю навѣстнымъ по всѣмъ вѣреннымъ мнѣ войскамъ.

Ген.-ад. кн. Меншиковъ.

Приказъ по Севастопольскому гарнизону

13-го февраля 1855 г. № 31.

Вчера, въ 2 часа ночи, французскими войсками произведенъ былъ приступъ на едва начатый постройкою редутъ между Троицкою и Килень-балками.

Находились на работахъ первые три баталіона Селевгинскаго полка, въ прикрытіи работъ Волянской полкъ, въ завалахъ 36 пластуновъ 8-го черноморскаго баталіона.

Отрядомъ начальствовавъ ген.-маіоръ Хруцовъ, который показалъ сколько храбрости и спокойствія, столько и распорядительности.

Быстрота атаки французовъ, въ темную ночь, безъ выстрѣла, была изумительна; они сражались героями.

Бдительныя и неустрашимыя войска наши встрѣтили непріятеля батальнымъ огнемъ явъ-за туровъ начатаго редута и мелкой траншеи, и тотчасъ-же пустили въ работу русскій штыкъ.

Рукопашный бой длился около часу, грозный русскій штыкъ въ рукахъ удалцовъ нашихъ одолѣлъ отборныя французскія войска и осуществилъ отъѣвъ 12-го февраля: натискъ, загнавъ непріятеля въ Троицкій оврагъ, откуда онъ отступилъ послѣшно въ свои траншеи.

До ста французскихъ тѣлъ остались въ нашихъ рукахъ, большею частію нѣстныхъ молодцовъ вуавовъ, въ числѣ коихъ 8 офицеровъ. Въ плѣнъ взято: капитановъ 2, поручиковъ и подпоручиковъ 3, нижнихъ чиновъ 19.

Слава Подателю благъ, благословившему наше оружіе!

Его свѣтлость г. главнокомандующій, оцѣнившій вполне подвигъ, прислалъ предварительно въ отрядъ два ордена св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ и 25 знаковъ отличія военнаго ордена, для возложенія на болѣе отличившихся. Съ полнымъ сочувствіемъ повдвизаю съ побѣдою начальника отряда ген.-маіора Хруцова и всѣхъ его сподвижниковъ, добросовѣстно подвизавшихся за вѣру, царя и отечество. Извѣщая ввѣреннаго моему начальству войска Севастопольскаго гарнизона, предписываю приказъ сей прочесть во всѣхъ баталіонахъ, ротахъ и эскадронахъ.

Ген.-ад. баронъ Остенъ-Сакенъ.

Севастополь, 25-го февраля 1855 г.

Въ отношеніяхъ нашихъ съ непріятелемъ у насъ особенныхъ новостей нѣтъ, но съ наступленіемъ хорошей погоды они ожили и надобно предполагать, что скоро предпримуть что-либо, а что именно, трудно угадать. Весьма большая-же новость заключается въ томъ, что нашъ главнокомандующій, по разстроенному здоровью, уѣхалъ въ Симферополь, предоставя командованіе войсками ген.-ад. Сакену; а сегодня распространился слухъ, что къ намъ будетъ скоро главнокомандующій южною арміею кн. (Мих. Дм.)

Горчаковъ. Также уѣхали отсюда великіе князья, получа извѣстіе о болѣзни императрицы.

Вотъ все, что я могу сообщить вамъ, друзья мои, на этотъ разъ. Послѣ неудачной попытки овладѣть занятою нами позиціею за Килеп-балкою, непріятели ничего не предпринимали. Тамъ у насъ два редута почти готовы и вооружены. Они названы Волинскимъ и Селенгинскимъ.

О назначеніи мнѣ преемника еще нѣтъ высочайшаго приказа, а потому я продолжаю командовать Волинскимъ полкомъ.

Севастополь, 3-го марта 1855 г.

Горестное извѣстіе о кончинѣ нашего любимаго великаго государя получено въ Севастополь вечеромъ, 28-го февраля. На другой день всѣ войска присягнули новому императору, а вчера совершена была панихида по усопшемъ. Почти для всѣхъ эта печальная вѣсть была совершенно неожиданна: весьма немногіе знали за нѣсколько дней о тяжелой болѣзни государя, но надѣялись, что Богъ сохранить его драгоцѣнную жизнь для счастья Россіи.

Всевышній не внялъ нашимъ мольбамъ,—покоримся съ христіанскимъ смиреніемъ Его святому Промыслу.

Князь Меншиковъ уѣхалъ въ Николаевъ, а новый главнокомандующій еще не пріѣзжалъ; мы ожидаемъ его со дня на день.

Мы дѣлаемъ новый редутъ предъ Корнилова бастиономъ. Видя, что это новое укрѣпленіе будетъ наносить большой вредъ непріятельмъ, они обратили на него сильный огонь, а вчера, послѣ захождения солнца, пробовали два раза атаковать его, но должны были отступить съ большимъ уропомъ. Можетъ быть, въ нынѣшнюю ночь еще попытаютъ счастья. Подъ Эвпаторіею два эскадрона кавалеріи и четыре сотни казаковъ обратили въ бѣгство восемь турецкихъ эскадроновъ. Дай Богъ, чтобы съ нашей легкой руки нигдѣ не удавалось нечестивымъ союзникамъ...

Севастополь, 12-го марта 1855 г.

Вчера Севастопольскій гарнизонъ понесъ большую потерю: непріятельское ядро оторвало голову у контръ-адмирала Истомина, который съ сентября мѣсяца командовалъ 4-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи и жилъ постоянно на Корнилова бастионѣ.

Истоминъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и энергическихъ защитниковъ Севастополя. Сегодня тѣло его предадутъ землѣ съ надлежащими почестями.

Въ ночь съ 5-го на 6-е марта, одинъ изъ моихъ (т. е. волин-

скихъ) баталіоновъ былъ опять въ схваткѣ съ непріателемъ, который хотѣлъ сбить нашу цѣпь и овладѣть ложементами предъ Корнилова бастиономъ. Повидимому, французы очень гнѣваются, что мы построили три новыхъ редута и что ихъ попытки сбить насъ и воспрепятствовать работѣ не удаются. Чтобы излить свой гнѣвъ, они бросаютъ въ городъ множество ракетъ, бомбъ и ядеръ.

Вчера увѣдомили меня изъ штаба, что государь пожаловалъ мнѣ орденъ св. Анны 1-й степени. Награда большая, ибо я недавно произведенъ въ генералы и не имѣю Станислава 1-й ст. и Владимира 3-й ст.

Нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ дѣлѣ съ 11-го на 12-е февраля, по рублю серебромъ и по три Георг. креста на роту.

О назначеніи мнѣ преемника нѣтъ еще въ приказѣ, а потому я продолжаю командовать Волынскимъ полкомъ.

Новаго главнокомандующаго князя Горчакова ожидаютъ сегодня вечеромъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ Н. И. КУЛИКОВА.

Петербургскіе театры въ 1820—1830-хъ годахъ.

А. М. Гедесонъ. — Р. М. Зотовъ.

М ослѣ превосходнаго директора императорскихъ театровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина (подробно описаннаго въ моихъ московскихъ воспоминаніяхъ), А. М. Гедесонъ, по праву, долженъ считаться вторымъ и послѣднимъ. Слѣдовавшіе за нимъ директора были одинъ другаго неспособнѣе и хуже.

Кромѣ умѣнья управлять разнообразными сценами и улучшать ихъ, Александръ Михайловичъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ во многихъ другихъ отношеніяхъ: умный, энергичный, трудолюбивый, настойчивый, притомъ онъ былъ ловокъ и находчивъ до виртуозности. При воспоминаніи о немъ придется много говорить, а потому прежде опишемъ подчиненныхъ ему лицъ театральной администраціи, какъ доставшихся ему отъ прежняго директора князя Гагарина, такъ и самимъ имъ опредѣленныхъ.

Управляющій конторою театровъ Александръ Дмитр. Кирѣевъ не стоитъ и малаго воспоминанія въ отношеніи искусства и театра, но замѣчателенъ какъ одинъ изъ родоначальниковъ новаго поколѣнія—людей наживы. Этотъ господинъ памятенъ произведенною надъ нимъ самимъ метаморфозою: онъ, вступая на службу, явился къ директору во фракѣ пріятеля своего актера Брянскаго, а вышелъ изъ службы помѣщикомъ, домовладѣльцемъ и капиталистомъ!

Ведя умно и ловко конторскіе счета и расчеты съ подрядчиками, изъ коихъ англійскій магазинъ занималъ первенствующее мѣсто, особенно при блестящихъ роскошью балетныхъ обстановкахъ,

управляющій конторою Кирѣевъ умѣлъ въ этой мутной водѣ рыбу ловить. Впрочемъ, онъ обогащался еще большими процессами, которые умѣло, ловко быстро и навѣрняка выигрывалъ посредствомъ итальянскаго пѣнія. Онъ устраивалъ у себя разъ въ недѣлю вечера съ итальянцами, куда приглашались сановники изъ сената, юстиціи, прокуроры, предсѣдатель палаты, даже мелкіе чины изъ дѣловыхъ людей. Многимъ и тогда казалось страннымъ, какъ въ человѣку, не любившему, не знавшему музыки, первоклассные артисты являлись веселить даромъ даровую публику? Но эти многіе не разсудили того, что эти артисты получали аккуратно десятки тысячъ изъ конторы, начальникомъ которой былъ эксплуатировавшій ихъ господинъ; кромѣ того иностранцы, сами по себѣ, народъ вѣжливый и благодарный. Такъ вотъ каковъ былъ русскій театральнй администраторъ: онъ искусству не принесъ ни малѣйшей пользы и не служилъ ему, но заставлялъ искусство служить своимъ цѣлямъ.

Начальникомъ репертуарной части былъ въ то время Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ,—замѣчательная личность, литераторъ и переводчикъ—онъ перевелъ для русской сцены множество комедій, драмъ и оперъ; романистъ—въ то время вся Россія читала его романы; аккуратнѣйшій человѣкъ и чиновникъ, отличавшійся особеннымъ умѣньемъ управлять труппою русскихъ артистовъ; наконецъ, воинъ—онъ въ 1812-мъ году своею охотою пошелъ въ ополченіе.

Не имѣя ничего родового или благопріобрѣтеннаго, онъ трудился неутомимо до самой смерти, содержалъ большое семейство и сумѣлъ дать дѣтямъ прекрасное образованіе. Мы не знаемъ предковъ Зотова, но, судя по лицу, онъ долженъ былъ быть не русскаго происхожденія, а монгольскаго: совершенно круглый обликъ лица, маленькіе прищуренные глаза, выдавшіяся скулы, желтосѣрый цвѣтъ лица... Но обратимся въ его театральнй службѣ. Онъ тамъ былъ на своемъ мѣстѣ; его всѣ артисты уважали или, лучше сказать, боялись. Р. М. Зотовъ, при грубой выходѣ талантливыхъ актеровъ или актрисъ, не горячился, не кричалъ, но потихоньку, да полегоньку умѣлъ при удобныхъ случаяхъ отомстить, проучить и показать заносчивымъ свою силу.

Черезъ это онъ держалъ первачей въ приличной субординаціи. При всемъ томъ Рафаилъ Михайловичъ былъ человѣкъ терпѣливый, хладнокровный, тихій и спокойный, а, между тѣмъ, настойчивый и твердый: онъ отлично зналъ характеры артистовъ и не поддавался имъ ни въ чемъ.

Мы приведемъ его столкновеніе съ актеромъ Толченовымъ и спросимъ: какъ-бы нынѣшніе заправила поступили съ расходившимся трагикомъ, когда онъ, передъ началомъ спектакля, рѣшительно объявилъ, что не будетъ играть. Толченковъ, трагическій злодѣй, игралъ подобныя роли не иначе какъ въ красномъ трико, и вдругъ, о ужасъ! красное трико понадобилось въ другомъ какомъ-то театрѣ, а ему приготовили голубое или сѣрое! Обиженный, оскорбленный трагикъ изъ себя выходитъ; ругаетъ портныхъ, кричитъ на режиссера, что онъ своего дѣла не знаетъ, съ умысломъ роиаетъ хорошія піесы...

„Я въ такомъ видѣ играть не буду! Къ чорту это тряпье!“—и бросаетъ въ портнаго трико.

—Однако, поторопитесь, Павелъ Ивановичъ, говоритъ режиссеръ: скоро начало, а вы до поднятія занавѣса должны лежать на сценѣ!

—Не лягу! Гдѣ начальникъ репертуара? Гдѣ Рафаилъ Михайловичъ?

—Тамъ, на сценѣ, только что пріѣхалъ, уходя говоритъ режиссеръ.

—Одѣвайте скорѣй! Я съ нимъ объяснюсь! кричитъ, торопливо одѣваясь, взволнованный трагикъ.

Выйдя быстро изъ уборной и подходя къ Зотову, говоритъ рѣшительно:

— Рафаилъ Михайловичъ! Я въ такомъ искаженномъ видѣ играть не буду!

—Не играйте, прехладнокровно отвѣчаетъ начальникъ; потомъ обратясь къ режиссеру: увертюру!

—Какъ увертюру? Я вамъ говорю серьезно, что такимъ голубкомъ я на сцену не выйду!

—Не выходите!

—Мѣсто, мѣсто, господа! Сейчасъ кончится увертюра! кричитъ режиссеръ... Зотовъ съ другими идетъ со сцены. Толченковъ, заградивъ ему дорогу, говоритъ скоро: что-же это за безпорядки! Я иду въ уборную раздѣваться!

— Идите и раздѣвайтесь!

— И уйду домой!

— Уѣзжайте!

— Да вѣдь я начинаю піесу, я долженъ лежать на сценѣ!

— И ляжете...

— Да вы слышите-ли: ни лежать, ни играть я не хочу!

— Какъ хотите!

Зотовъ скрывается за кулисы, режиссеръ даетъ знакъ къ поднятію занавѣса, и въ то-же мгновеніе—огромный тучный злодѣй со всего размаху шлепается на полъ.

Рафаилъ Михайловичъ какъ романистъ плохо зналъ сердца людей, но какъ управляющій труппою онъ отлично зналъ актеровъ, съ которыми умѣлъ легко справиться и ладить.

Новый директоръ А. М. Геденовъ сначала обходился съ Зотовымъ деликатно, потомъ во всемъ противорѣчилъ ему: отминая его распоряженія по назначенію спектаклей или ролей, а разъ страшно скомпрометировалъ его. Трагикъ В. А. Каратыгинъ и супруга его, талантливые и уважаемые артисты, сколько ни просили начальника репертуарной части о новой декорации и нѣсколькихъ новыхъ костюмахъ для своей бенефисной пьесы, онъ постоянно отказывалъ имъ именемъ директора, котораго увѣрилъ, что требуемые расходы вовсе не нужны, да и самыя пьесы не стоятъ ихъ. Каратыгины рѣшились сами просить директора... вошли въ кабинетъ... Зотовъ за ними. Директоръ на всѣ ихъ горячія просьбы отказывалъ, наконецъ, на докучливость ихъ сказалъ: „Да и пьеса у васъ выбрана въ бенефисъ плохая, на которую не стоитъ дѣлать расходы!“

— Извините, генераль, но мы имѣемъ сценическую опытность и дурной пьесы не возьмемъ въ бенефисъ, отвѣчала съ достоинствомъ Александра Михайловна.

— Я самъ не читалъ, а вотъ Рафаилъ Михайловичъ мнѣ объ этомъ сказалъ.

Гордо и съ упрекомъ взглянувъ на Зотова, умная артистка сказала:

— Теперь мы настоятельно просимъ, умоляемъ ваше превосходительство разрѣшить постановку пьесы и ручаемся за успѣхъ и за множество полныхъ сборовъ: тогда вы сами увидите, какую ложь доносить вамъ,—и прибавила со слезами: неужели мы не заслуживаемъ вашего вниманія?

А гдѣ слезы, тамъ А. М. Геденовъ самъ не свой.

— Извольте, извольте, я все разрѣшаю. Рафаилъ Михайловичъ, представьте мнѣ монтировку пьесы.

Тутъ Василій Андреевичъ, какъ трагикъ, не могъ воздержаться отъ сценической выходки и, въ знакъ благодарности, ляпнулъ нижеслѣдующую тираду:

— Вы, ваше превосходительство, поистинѣ, благодѣтельный начальникъ и добрѣйшій человекъ! Не даромъ мы съ женою вездѣ кричали, что подъ вашимъ управленіемъ процвѣтетъ русская сцена! Вы такой директоръ! такой начальникъ!

Гедеоновъ, нахмурился съ видимымъ неудовольствіемъ, вдругъ сразу перебилъ его:

— Полноте, Василій Андреевичъ! А я навѣрно знаю, что вы и Александра Михайловна, со вступленія моего въ должность и до сихъ поръ, вездѣ ругаете меня, даже обоихъ сыновей моихъ, ничего вамъ не сдѣлавшихъ!

— Какъ!... что? Возможно-ли?... Это ложь, клевета! Клянемся Богомъ, честью, всѣмъ святымъ... Кто, кто взвелъ на насъ эту гнусную, подлую ложь? возопили отчаянными голосами пораженные артисты.

— Мнѣ сказалъ это почтенный человѣкъ.

— Кто? кто? Ради Бога, не скрывайте гнуснаго клеветника, умоляемъ васъ, скажите...

— Да нечего умолять: все это сказалъ—Рафаилъ Михайловичъ.

И что-же? Мертвая тишина. Трагики, съ трагическою походкою и презрѣннымъ взглядомъ на доносчика, гордо вышли изъ кабинета, а за ними и доносчикъ въ канцелярію.

Какъ ни силенъ былъ начальникъ репертуара при прежнихъ директорахъ, Гедеоновъ, допуская до себя артистовъ, отъ первыхъ до послѣднихъ, крѣпко тѣмъ ослабилъ силу Зотова. Притомъ, противодействуя всѣмъ его распоряженіямъ, онъ довелъ подчиненнаго къ добровольному выходу изъ службы... но бывшій ополченецъ послалъ бывшему начальнику вызовъ на дуэль... Впрочемъ, это было уже описано,—знаемъ, что директоръ отказалъ ему отъ мѣста и отказался отъ дуэли.

Надо сказать, что на это мѣсто у директора былъ готовъ излюбленный человѣкъ, прожигавшій наслѣдство отца, бывшаго варшавскаго банкира; добродушный хлѣбосоль, охотникъ до перекидыванія картъ налѣво и направо, до чего имѣлъ охоту и директоръ, почему сей послѣдній и предложилъ ему служить подъ своимъ начальствомъ. Впослѣдствіи, этотъ человѣкъ, по театру и по связямъ со знатью и съ капиталистами, былъ извѣстенъ всему Петербургу.

Это былъ начальникъ репертуарной части Александръ Львовичъ Неваховичъ.

Александръ Львовичъ Неваховичъ.

Во всеоружіи знанія европейскихъ языковъ, что необходимо начальнику репертуара, А. Л. Неваховичъ, особенно въ субботы, когда составлялся недѣльный репертуаръ, былъ на своемъ мѣстѣ. Сидя въ канцеляріи директора за столомъ и принимая отъ режиссеровъ всѣхъ труппъ рапортички съ назначеніемъ спектаклей на слѣдующую недѣлю, онъ въ большой разграфированный листъ вписывалъ репертуаръ на французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ языкахъ, а драматическія и балетныя — на русскомъ. Зато, кромѣ этого, никакимъ театромъ не занимался и только утопалъ въ итальянскомъ мірѣ, гдѣ влюбился въ пѣвицу Ассандри, на которой, оставивъ театральную службу, женился.

По театральнымъ воспоминаніямъ о немъ насчетъ служенія искусству, какъ и о г. Кирѣевѣ, говорить нечего; но какъ о человѣкѣ замѣчательномъ по добротѣ, по любезности, по веселому, беззаботному нраву, скажемъ нѣсколько словъ. Его зналъ весь интеллигентный міръ Петербурга, а никто никогда не видалъ его печальнымъ, задумчивымъ или съ кѣмъ-нибудь поссорившимся. Проматавъ все отцовское, онъ при казенной квартирѣ и скудномъ жалованіи жилъ всегда по-барски: обѣдалъ дома непременно съ гостями; дѣтей воспиталъ прекрасно; самъ дожилъ до чина надворнаго совѣтника, а старшій сынъ его, Левъ Александровичъ, умеръ еще въ молодости въ генеральскомъ чинѣ; второй сынъ, Николай Александровичъ, морякъ, увѣнчанный орденами русскими и всевозможными иностранными, счастливо служилъ по морскому вѣдомству; а какъ третій вышелъ неудачникъ, онъ отправилъ его въ Ташкентъ. Конечно, у Александра Львовича были дѣла, постороннія отъ службы: какъ выше замѣчено, онъ имѣлъ сношенія съ банкирами, капиталистами и съ лицами, высоко стоящими по служебной іерархіи.. такъ что молва носилась, когда иностранцы пріѣзжали искать концессіи на желѣзной дорогѣ, имъ указывали на Александра Львовича: „вотъ черезъ этого господина можете устроить свои дѣла!“ Въ Петербургѣ онъ былъ особенно популяренъ, благодаря юмористическому таланту брата своего, Михаила Львовича, извѣстнаго издателя „Ералаша“, гдѣ Александръ Львовичъ фигурировалъ въ разныхъ смѣшныхъ положеніяхъ: то ѣдущимъ по Невскому въ коляскѣ, съ поднятою шляпою, раскланивающимся на всѣ стороны, то скачущимъ на извозчикѣ по всему земному шару и выдающимъ визитныя карточки.

Послѣдніе года жизни А. Л. Неваховичъ поселился въ Берлинѣ, гдѣ и скончался.

П. С. Федоровъ. — А. И. Храповицкій.

По выходѣ Неваховича въ отставку, должность начальника репертуара временно исполнялъ секретарь директора — Е. М. Семеновъ..., но скоро былъ смѣненъ министромъ, а на его мѣсто и на мѣсто управляющаго театральнымъ училищемъ былъ назначенъ Павелъ Степановичъ Федоровъ, ясно доказавшій пословицу: „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосеть!“ У молодого аристократа К* умерла молодая жена, дочь важнаго сановника, и на панихидѣ, между плачущими родными и печальными знакомыми, находился господинъ, неутѣшно плакавшій, такъ что отецъ покойной спросилъ у К*: кто это такой добрый и чувствительный человекъ?

— Мой пріятель по театру, переводчикъ водевилей..., впрочемъ, онъ вашъ подчиненный, служить въ управляемомъ вами вѣдомствѣ.—И вотъ, еще при Гедеоновѣ, упомянутый сановникъ тогда-же далъ пріятелю своего зятя два видныя мѣста: какъ драматургу — начальство репертуарной части, а какъ человекъ чувствительнаго сердца ввѣрилъ воспитаніе дѣтей, т. е. назначилъ начальникомъ театральнаго училища.

Теперь, прежде чѣмъ подробно изложить дѣянія превосходнаго директора, какимъ былъ лѣтъ тридцать А. М. Гедеоновъ, мы должны поговорить о нѣкоторыхъ помощникахъ администраціи. Тогда значеніе режиссеровъ какъ за-границею у насъ въ Россіи было не мыслимо: наши режиссеры только съ піесомъ въ рукахъ напоминали актерамъ о выходахъ на сцену, піесъ не обставляли, ролей не назначали, зато при каждой труппѣ были инспекторы, тоже ничего не понимавшіе при постановкѣ пьесъ. У французовъ отставной актеръ Мезьеръ, у нѣмцевъ почтенный старецъ Гельмерсенъ, у русской труппы А. И. Храповицкій; они были, какъ кварталные надзиратели, приставлены, чтобы смотрѣть за порядкомъ и тишиною между мелкими авторами. Въ паденіи иностранныхъ труппъ отчасти были виноваты эти инспекторы; но при Храповицкомъ русская драматическая труппа процвѣтала. Нигдѣ, даже въ Парижѣ, не было сцены, соединившей великіе и разнообразныя таланты во всѣхъ родахъ искусства, какъ въ Петербургѣ. Довольно назвать мужей и женъ, каковы были: Каратыгины, Бряскіе, Сосницкіе или — незамѣнимая В. И. Асенкова:

Офелія, Корделія, Дѣвушка-гусарь, юнкеръ въ водевилѣ „Гусарская стоянка“, съ граціозною женственностію въ первыхъ роляхъ и съ мужскими ухватками и манерами — въ мундирахъ. Подобно ей былъ удивительный талантъ, игравшій въ операхъ и водевиляхъ молодыхъ и старыхъ. Это Н. С. Дюръ. А три сестры Самоиловы, Мартыновъ, Максимовъ, Григорьевъ, Каратыгинъ 2-й; потомъ выпущенные изъ школы: Леонидовъ, талантливый трагикъ, и Марковецкій, замѣчательный комикъ; наконецъ, Нильскій и Сазоновъ, какъ послѣднія произведенія театральнаго училища... Зато провинція обогатила казенныя сцены талантами, какъ Давидовъ, Савина, Варламовъ и много другихъ.

Хотя Храповицкій, по образованію и по уму, не могъ содѣйствовать такому счастливому сочетанію талантовъ, а театръ онъ обожалъ, каждый день бывалъ на репетиціяхъ, но въ постановку пьесъ не мѣшался, сознавая свою недостаточность въ образованіи. А какъ новыя пьесы шли только въ бенефисы, то бенефицианты, съ товарищами, съ авторами и переводчиками, сами составляли ихъ. Кромѣ любви къ сценѣ, Александръ Ивановичъ и самъ былъ великій трагикъ, по крайней мѣрѣ, считалъ себя таковымъ.

Онъ былъ женатъ на богатой вдовѣ, имѣвшей двухъ сыновей; они не любили его и только изъ уваженія къ матери не дурачили, хотя иногда и подтрунивали надъ нимъ. Разъ за обѣдомъ они спросили его:

— А что, Александръ Ивановичъ, Асенкова отвѣчаетъ вамъ?

— Какъ-же не отвѣчать, когда я спрошу о чемъ-нибудь. Возразилъ онъ съ философскою серьезностію.

— Да мы не о томъ спрашиваемъ: въ театрѣ всѣ говорятъ, что вы ухаживаете за нею.

— И за нею и за другими мужчинами и женщинами съ талантами ухаживаю: это мой долгъ, моя обязанность!

— И будто на объясненіе въ любви она сказала, что вамъ красный носъ ей не нравится...

— Этого никогда не было, отвѣчаетъ Храповицкій тѣмъ-же хладнокровнымъ тономъ,—но тутъ супруга вступилась и разбранила сыновей.

Считая мужа великимъ талантомъ, она съ удовольствіемъ дозволяла въ своемъ домѣ устраивать домашніе спектакли, на которые собиралась даровая многочисленная публика и, въ угоду хозяйкѣ, награждала трагика громкими рукоплесканіями и вызовами.

Въ первый спектакль шелъ Гамлетъ, передѣланный Дюссомъ изъ Шекспира, гдѣ принцъ датскій, при первомъ появленіи на

сцену, дрожа всѣмъ тѣломъ, у сердца держать урну, въ которой прахъ отца. Объ игрѣ Александра Ивановича лучше всѣхъ отзывался его камердинеръ Петръ, принесшій на другой день за кулисы казенный экземпляръ пьесы, въ то время какъ вчерашній Гамлетъ отдыхалъ дома, разъ въ жизни не являсь на репетицію.

— Ну что, Петруша, какъ баринъ игралъ Гамлета? спрашивали актеры.

— Наичудесно! Каратыгина вашего за поясъ заткнуть! Вѣдь баринъ, передъ выходомъ на сцену, такую производитъ штуку, какой никто изъ васъ не придумаетъ!

— Что-же, что такое?

— А то, какъ раскипятить, разгорячить себя передъ выходомъ...

— Какъ-же? Любопытно!

— Вотъ, примѣрно, вчера: я передъ нимъ держу питье и платокъ... вдругъ онъ говоритъ: „Петръ! Приготовься, дѣлай, что велю...“ Немного погодя и закричалъ: „Петръ, обругай меня!“ „Что-съ? Вы, баринъ, дуракъ...“ Не успѣлъ я кончить, какъ онъ правою рукою смазалъ меня по щекамъ, крича: „А! Ты ругаться!.. Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!...“ Да въ ту-же минуту трепещущими ногами и съ дрожащимъ тѣломъ вылетѣлъ на сцену! Публика заорала! Ну, кто изъ васъ это сдѣлаеть? Такъ сумѣеть разгорячить себя.

— Никто, отвѣчали, смѣясь актеры. Да у насъ и жаровни, въ родѣ тебя, нѣтъ и не бываетъ.

Онъ на своемъ театрѣ сыгралъ нѣсколько ролей... Надоѣли пасынкамъ эти драмы и трагедіи... Они просили дать въ концѣ спектакля комедію или водевильчикъ, въ которомъ и они, и друзья, и знакомыя барышни будутъ участвовать.

— Невозможно! Это значить профанировать искусство!

— Но вѣдь вы назначаете-же въ Александровскомъ театрѣ всегда послѣ драмы и трагедіи веселыя пьески?

— То простой, народный театръ... а у насъ благородный.

Ну, хорошо-же! Мы тебѣ зададимъ благородство съ интермедію нашего сочиненія, подумали повѣсьм. А въ это время репетировалась уже драма „Желѣзная маска“.

Послѣ 4 дѣйствія, Храповицкій, въ уборной снявъ маску, легъ въ спальнѣ отдохнуть; въ это время шалуны пасынки сажею вымазали внутренность маски. Можете вообразить, когда въ концѣ пятаго дѣйствія является король и, желая увѣриться—точно-ли заключенный имѣеть съ нимъ сходство въ лицѣ, повелѣваетъ снять съ него маску... Ужасъ! Передъ публикою не то арапъ, не то чортъ, когда, по набѣленному лицу, отъ пота текли черныя полосы... Взрывъ

хохота! Но все умолкло, когда хозяйка въ страшномъ гнѣвѣ закричала: „опустите занавѣсъ! Бѣги, бѣги, Александръ, въ уборную... взгляни въ зеркало, на что ты похожъ!“

Занавѣсъ опустили. Гости изъ уваженія къ хозяйкѣ удержались отъ смѣха и торопились уйти... Но только вышли на улицу, начался неумолкаемый хохотъ по всѣмъ дорогамъ, даже на Невскомъ проспектѣ. Прохожіе сочли ихъ за сумасшедшихъ!

Это былъ послѣдній благородный театръ съ участіемъ А. И. Храповицкаго...

Хотя виновныхъ не открыли, но подозрѣніе пало на пасмыковъ.

Александръ Михайловичъ Гедеоновъ.

Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи; въ лѣта мужества, перейдя въ штатскую службу, сдѣлался постояннымъ жителемъ Москвы, гдѣ однажды держалъ итальянскую оперу. Служилъ онъ въ кремлевской экспедиціи, подъ главнымъ начальствомъ старика вельможи Николая Борисовича Юсупова, который, сдѣлавъ его своимъ помощникомъ, предоставилъ управленіе всѣми дѣлами въ его руки. Юсуповъ требовалъ только одного отъ своего любимца, чтобы онъ сидѣлъ съ нимъ въ ложѣ, абонированной на русскіе спектакли. Посвящая вечера такому сидѣнію, Гедеоновъ днемъ управлялъ вѣрственнымъ ему вѣдомствомъ, довольно важнымъ, по нѣкоторымъ отношеніямъ—самовластно и безраздѣльно. Особливо при посѣщеніи государемъ и царскою фамиліею Москвы, самъ министръ двора князь П. М. Волконскій, постоянно съ нимъ сообщаясь, замѣтилъ его и полюбилъ какъ умнаго и ловкаго дѣятеля.

Въ концѣ 1820-хъ или въ началѣ 1830-хъ годовъ, государь Николай Павловичъ пріѣхалъ въ Москву и, по обыкновенію, назначилъ у себя день обѣда для московскихъ сановниковъ и для пріѣзжихъ высшихъ лицъ, и поручилъ министру пригласить гостей.

П. М. Волконскій съ Гедеоновымъ сдѣлали списокъ избранныхъ, разослали приглашенія, а къ генералъ-губернатору отправился съ приглашеніемъ Петръ Михайловичъ самъ; заставъ у него двухъ проѣзжавшихъ черезъ Москву петербургскихъ сановниковъ, пригласилъ и ихъ къ царскому обѣду. Утромъ, въ день обѣда, государь потребовалъ списокъ приглашенныхъ и когда министръ взявъ оный отъ Гедеонова, подалъ его государю, вдругъ раздался сердитый голосъ Николая Павловича, когда онъ увидѣлъ въ числѣ приглашенныхъ одного генерала, котораго онъ терпѣть не могъ.

— Это что? Откуда ты выкопалъ эту развалину? И какъ ты смѣлъ включить его въ число моихъ гостей? кричалъ государь.

Министръ оправдывался нечаянною встрѣчею съ нимъ у князя Голицына.

— Такъ обѣдай-же съ нимъ самъ, а я хоть очень хотѣлъ видѣть московскихъ гостей, но буду обѣдать одинъ въ кабинетѣ.

Министръ, озадаченный такимъ неожиданнымъ результатомъ, взволнованный, блѣдный, удрученный, вышелъ отъ государя и встрѣтилъ Гедеонова, который сразу замѣтилъ странную перемену въ немъ и съ невольнымъ участіемъ сказалъ:

— Осмѣлюсь спросить, чтó съ вами, ваше сіятельство?

— Ахъ, любезный Гедеоновъ... я самый несчастный человѣкъ: во всю мою жизнь я не былъ въ такомъ безвыходномъ положеніи. При этомъ онъ разсказалъ все, что произошло у него съ государемъ. Гедеоновъ, подумавъ, сказалъ:

— Ваше сіятельство, позвольте мнѣ дѣйствовать, и я избавлю васъ отъ этой непріятности. Я сдѣлаю такъ, что непріятный гость самъ откажется и ни вамъ, никому никакой непріятности не будетъ!

— Какъ-же ты это сдѣлаешь?

— Теперь позвольте не объяснять моего намѣренія, но головою отвѣчаю, что непріятный для государя гость къ обѣду не явится, и все кончится благополучно къ вашему спокойствію.

— Послушай, Александръ Михайловичъ, если все такъ кончится, я вѣкъ не забуду такой услуги и сумѣю отблагодарить за нее, кончилъ князь, пожавъ съ чувствомъ руку умнаго подчиненнаго.

Гедеоновъ, раскланявшись съ министромъ, сейчасъ принялся за исполненіе придуманнаго имъ плана.

У него былъ на примѣтѣ придворный лакей, ловкій, способный на всѣ руки. Объяснивъ ему слегка въ чемъ дѣло, Гедеоновъ сказалъ, „какъ только начнется приѣздъ гостей къ обѣду, я съ бумагами сяду при входѣ въ залъ у окна, выходящаго къ подъѣзду, а ты стой у стола, на которомъ чернильница и перья. Когда подъѣдетъ означенный гость—я кашлянну, чтобы ты приготовился, а когда онъ будетъ входить сюда, я крикну: черниль и перо! Ты бросишься со всѣхъ ногъ, споткнешься и, падая на старика, обольешь чернилами его панталоны.

Все по сказанному и случилось. Гедеоновъ, вскочивъ съ бранью и крикомъ, начинаетъ бить неловкаго лакея, таскать за волосы такъ, что добрый сановникъ сжалился, вступился и сталъ уговаривать строгаго начальника, а лакей валяется въ ногахъ, прося прощенія.

— Не бей, не бей! Полно, Александръ Михайловичъ, я его прощаю, а ты перестань драться! Скажи Петру Михайловичу, чтобы извинилъ меня передъ государемъ, что я не по своей винѣ не буду на обѣдѣ.

Старикъ уѣхалъ. Обѣдъ прошелъ блистательно. Государь былъ веселъ.

Вскорѣ послѣ этого, дѣйствительный статскій совѣтникъ Геденовъ былъ назначенъ директоромъ императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Прежде описанія его директорской дѣятельности, повончимъ съ его интересною характеристикю какъ человѣка умнаго, притомъ въ высшей степени ловкаго, находчиваго, но не скрытнаго, даже любившаго рассказывать и близкимъ и подчиненнымъ свои хитрыя продѣлки. Напримѣръ, когда государь Николай Павловичъ, уѣзжая за-границу, оставилъ правленіе наслѣднику цесаревичу, жившему въ это лѣто съ семействомъ въ Петергофѣ, тогда всѣ съ докладами ѣздили туда. Дубельтъ и Геденовъ однажды отправились въ Петергофъ, но Геденовъ скоро вернулся въ канцелярію, хохоча и крича: „какъ я надулъ Дубельта!“ При этомъ онъ рассказалъ намъ слѣдующее.

„Подѣзжая къ Петергофу, видимъ мы въ коляскѣ катающихся съ генераломъ царскихъ дѣтей. Вдругъ изъ воротъ выѣхала фура съ огромнымъ котломъ: лошадь испугалась, бросилась въ канаву, коляска правыми колесами погрузилась туда-же и бокомъ повалилась на другую сторону канавы. Мы съ Дубельтомъ перелѣзли черезъ канаву и вытащили августѣйшихъ дѣтей на дорожку. Генераль спросилъ насъ: „зачѣмъ вы пріѣхали? Наслѣдникъ цесаревича ночевалъ въ Петербургѣ. Чтобы не испугать его высочество телеграммою или письмомъ, прошу васъ, господа, заѣхать въ Анничковъ дворецъ и доложить государю о неприятомъ случаѣ, а главное о благополучномъ исходѣ его“.

Въ это время августѣйшія дѣти весело смѣялись.

— Вы слышите, господа? продолжалъ генераль. Доложите-же государю наслѣднику, что все благополучно.

Мы поѣхали обратно. Не доѣзжая Анничкова дворца, Дубельтъ спустилъ меня у площади Александровскаго театра.

— Дойди, пожалуйста, пѣшкомъ, а я скорѣе переодѣнусь и явлюсь съ извѣстіемъ къ государю наслѣднику.

Я какъ былъ грязный—прямо во дворецъ, прежде всего извинился передъ цесаревичемъ и успокоилъ его насчетъ дѣтей, рассказавъ ему все. Наслѣдникъ благодарилъ меня и удостоилъ подать мнѣ руку.

Въ эту минуту входитъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ...

„Знаю, знаю все и благодарю!“, говоритъ ему наслѣдникъ цесаревичъ.

Я, раскланявшись, уходилъ... Дубельтъ злобно взглянулъ на мое грязное платье, а я съ улыбкою любовался его чистенькимъ голу-бымъ мундиромъ...“.

А. М. Геденовъ—какъ директоръ императорскихъ театровъ.

Назначенный, по выбору и рекомендаціи министра двора П. М. Волконскаго, директоромъ, Александръ Михайловичъ вполнѣ оправдалъ назначеніе министра.

Всѣ сцены были въ упадкѣ, только русская драматическая труппа блистала талантами, хотя и не имѣла хорошаго репертуара. Русская опера едва дышала, балетъ со старыми хореографическими созданіями Дидло не привлекалъ публику, да и самъ Дидло въ то время отъ старости впалъ въ дѣтство. Французская и нѣмецкая труппы ничего не предъявляли замѣчательнаго, исключая двухъ, трехъ талантовъ.

Обозрѣвъ все, сообразивъ такое незавидное поприще для будущей своей дѣятельности, А. М. Геденовъ пришелъ къ тому результату, что, кромѣ субсидій отъ двора, дирекціи самой надо поднять одну за другою сцену, собрать контрибуцію съ публики, т. е. увеличить сборы, начавъ блестящею постановкою балетовъ, которые въ такой обстановкѣ понравились Государю Николаю Павловичу въ 1820-хъ годахъ въ Москвѣ при директорствѣ Ѳ. Ѳ. Кошкина, что тогда-же Геденовъ, москвичъ, замѣтилъ и наматалъ себѣ на усъ.

Онъ такъ усердно принялся за балетное дѣло, что самъ присутствовалъ въ танцевальныхъ классахъ, и въ короткое время у него балетъ, особливо съ пріѣздомъ Тальони, превзошелъ всѣ европейскіе театры, что засвидѣтельствовали всѣ знатоки и путешественники.

Съ чего-же онъ придумалъ начать обогащеніе дирекціи? Съ бывшей въ загонѣ нѣмецкой труппы, гдѣ, впрочемъ, артисты были съ голосами, распѣвали легкія оперетки, а главное—къ этой семьѣ актеровъ принадлежалъ выдающійся, превосходный талантъ и пѣвецъ Голландъ!

Въ это время на парижской и на всѣхъ европейскихъ сценахъ производила фуроръ опера Обера и Скриба: „Нѣмая въ Портичи“, постановка которой на русской оперной сценѣ была немыслима

по революціонному свому элементу... Что-же дѣлаеть предприимчивый директоръ? Онъ задумаль, во что-бы то ни стало, хотя на нѣмецкомъ языкѣ, поставить эту оперу въ Петербургѣ. Много было съ его стороны хлопотъ, исканій, просьбъ.

Сначала онъ обратился къ министру двора, какъ избравшему его въ директоры, представляя ему выгоды обогащеніемъ театральной кассы; напрасно униженно просилъ поддержать начало его службы блистательною обстановкою оперы... Князь Петръ Михайловичъ рѣшительно сказалъ:

„Эта ужасная опера въ Россіи невозможна и докладывать объ этомъ государю я не смѣю!“

Александръ Михайловичъ, какъ умница, пріѣхавъ въ Петербургъ на службу, первымъ долгомъ себѣ поставилъ сдружиться съ начальникомъ III отдѣленія, Л. В. Дубельтомъ... и они стали закадычными друзьями! Оба хитрые, оба умные (практически), оба слабые къ слабому полу, они, по пословицѣ, какъ „два рыбака узнали другъ друга изъ далека“, и укрѣпили дружбу рукомоиствомъ: Александръ Михайловичъ открылъ ему доступъ въ театральное училище, куда по вечерамъ тотъ заѣзжалъ на чай къ надзирательницѣ, Румянцевой. гдѣ будто нечаянно встрѣчался съ воспитанницею Дашиговою...

Зато и Леонтій Васильевичъ платилъ ему важными услугами: первое, доставилъ ему свиданіе съ своимъ патрономъ Бенкендорфомъ насчетъ запрещаемой оперы и тутъ-же увѣрилъ вѣрившаго ему начальника, что ничего опаснаго не будетъ, даже и быть не можетъ, отъ представленія „Нѣмой въ Портичи“ на нѣмецкомъ языкѣ и ручался въ этомъ головою! Тогда Бенкендорфъ, принявъ ласково просьбу директора, обѣщаль, переговоривъ съ министромъ двора, испросить разрѣшеніе на постановку оперы у государя Николая Павловича. И вотъ въ одно прекрасное (для директора) утро, съ сіяющимъ радостью лицомъ, вбѣгаетъ къ нему Дубельтъ и вричать: „посылай либретто въ цензуру подъ другимъ названіемъ, а „Нѣмую въ Портичи“ запрещаютъ!“

Директоръ, довольный и веселый, острить: „я назову ее „Нѣмая въ Порчѣ!“

— „А какъ по либретто имя „Нѣмой?“

„Фенелла“.

— „Чего лучше... вотъ и назовемъ оперу „Фенелла“ ... согласенъ?“

— Еще-бы! Какъ ни зови, лишь хлѣбомъ корми..., а „Фенелла“ прокормить дирекцію не одинъ годъ!

Наконецъ, опера Скриба и Обера, поставленная съ великолѣпными декораціями, костюмами, съ огнедышащею горюю, при отличномъ хорѣ и превосходной игрѣ дѣйствующихъ лицъ, съ блестящимъ небывалымъ успѣхомъ была представлена на императорской нѣмецкой сценѣ.

Въ главной роли Мазаньелло, по игрѣ и пѣнію, неподражаемъ былъ знаменитый актеръ и пѣвецъ Голландъ.

Фенеллу играла воспитанница театральнаго училища Марія Дмитриевна Новицкая, высокая, стройная красавица, превосходная пантомимка.

Она, какъ и Голландъ, много способствовала успѣху оперы.

Всего замѣчательнѣе былъ ансамбль въ игрѣ и дѣйствіи хора: кромѣ вновь принятыхъ въ составъ хора, вступили хористы-добровольцы, не только второстепенные актеры нѣмецкой драматической труппы, даже и заслуженный и пожилой уже тогда артистъ Видманъ.

Вотъ эти-то господа, занявъ первую линію хора, до того дѣйствовали своею одушевленною игрою на прочихъ хористовъ, что сцена народнаго мятѣжа производила потрясающій эффектъ на публику.

Никогда, ни прежде, ни послѣ, даже до сихъ поръ, не было въ Россіи подобнаго театральнаго представленія: не только у Петербурга закружилась голова, но и у старушки Москвы въ головѣ зашумѣло! Молодежь тамошняя, имѣвшая хоть небольшія средства проѣхать въ дилижансахъ, не говоря о богатыхъ, спѣшила въ Петербургъ посмотрѣть „Фенеллу“... Даже такіе философы, какъ С. Т. Аксаковъ и сынъ его, Константинъ Сергѣевичъ, увлеклись стремленіемъ общаго потока! Да и вся интеллигентная Россія перебывала на представленіи взволновавшей всѣхъ оперы.

Театральная касса обогащалась.

Кромѣ того, русская драматическая труппа, при вступленіи въ директорство А. М. Гедеонова, блистала великими талантами на всѣ амплуа и дѣлала большіе денежные сборы.

Директоръ отказывалъ во всемъ для приличной постановки пьесъ на сценѣ Александровскаго театра, а съ удовольствіемъ пользовался ея сборами, поддерживая оными дефицитъ французской труппы и умножая расходы балета.

Потомъ и французская труппа при Гедеоновѣ сдѣлалась превосходною, особенно, когда онъ ангажировалъ мужа и жену Алланъ, Бурбье, Вольнисъ, Арну-Плесси и много другихъ. А всего удивительнѣе его выборъ двухъ молодыхъ актеровъ, замѣченныхъ имъ въ Парижѣ, еще въ небольшихъ роляхъ, когда они только начинали

свое сценическое поприще. У насъ онъ, совершенствуясь годъ отъ года, сдѣлались любимцами публики, такъ что, по окончаніи службы въ Петербургѣ, ихъ съ распростертыми объятіями приняли въ парижскій театръ, въ Мольеровъ домъ, т. е. въ первый французскій театръ.

Эти превосходные артисты были Брессанъ и Бертонъ.

Не знаемъ навѣрное—директоръ-ли пригласилъ въ Петербургъ знаменитаго Рубини или онъ самъ, по совѣту друга своего М. Ю. Вельегорскаго, пріѣхалъ усладить нашу сѣверную столицу.

Рубини, первый въ мірѣ пѣвецъ, добрый, снисходительный, деликатный (какими и подобаетъ быть великимъ людямъ и театрамъ), онъ охотно согласился пѣть и играть съ тогдашнею нашею примаданною, М. М. Степановою. Потому при Александрѣ Михайловичѣ долго держалась превосходная итальянская опера. Да, повторяемъ, кромѣ бывшаго московскаго директора Ф. Ф. Кокочкина, А. М. Гедеоновъ былъ первый, а судя по слѣдующимъ за нимъ, съ увѣренностью можно сказать—и послѣдній хорошій директоръ русскихъ театровъ!

Иванъ Ивановичъ и Елена Яковлевна Сосницкіе.

По всей справедливости, первымъ и несравненнымъ актеромъ долженъ считаться Иванъ Ивановичъ Сосницкій, первый заговорившій со сцены человѣческимъ, натуральнымъ языкомъ. До него было много величайшихъ талантовъ, каковъ Дмитревскій, Яковлевъ, Зловъ, Шушеринъ, Каменогорскій, Екатерина Семеновна Семенова и другіе актеры и актрисы; но всѣ они, слѣдя современной имъ рутинѣ въ подражаніи французскимъ знаменитостямъ, предавались изысканной, ненатуральной декламации, которую впоследствии прозвали драматическою ходульною игрою. Во Франціи первый сбросилъ съ себя эту рутину и заговорилъ по-человѣчески гениальный Тальма, а у насъ Сосницкій.

Красивый, стройный, съ выразительнымъ и игривымъ лицомъ, съ пріятною и хитрою улыбкою, съ живыми и умными глазами, онъ превосходно игралъ роли молодыхъ людей—франтовъ, гвардейскихъ офицеровъ, знаменитыхъ баръ и забубенныхъ повѣсь. Слѣдя за современными ему выдающимися личностями, по прекраснымъ военнымъ и свѣтскимъ манерамъ, по франтовству въ нарядахъ, какъ, напримѣръ, одѣвался извѣстный первый франтъ того времени графъ Соллогубъ (отецъ В. А. Соллогуба), Иванъ Ивано-

вичъ и самъ со сцены сдѣлался авторитетомъ въ одеждѣ, въ манерѣ, въ ловкости, какъ свѣтской, такъ и гвардейской молодежи.

А какъ неподражаемо танцевалъ онъ мазурку! Многие изъ знати брали у него уроки танцевъ.

Это былъ любимецъ всей петербургской публики, пріятель извѣстныхъ писателей: Пушкина, Хмельницкаго и другихъ. Гречъ и Булгаринъ постоянно и безвозмездно присылали ему „Сѣверную Пчелу“.

Въ началѣ 1820-хъ годовъ, онъ пріѣхалъ на, такъ нынѣ глупо называемые, гастроли—и вся Москва восхищалась его талантомъ и полюбила его, несмотря на то, что у нея былъ овой любимецъ, не менѣе талантливый на томъ-же амплу—А. М. Сабуровъ. А что удивительно и рѣдко бываетъ: сценическіе соперники—во всю жизнь были искренними друзьями.

Какъ человекъ, Сосницкій былъ добръ, ласковъ, внимателенъ ко всѣмъ, особенно къ молодымъ начинающимъ талантамъ: училъ, совѣтывалъ, поддерживалъ ихъ. А какой онъ былъ радушный хлѣбосоль! Кто изъ товарищей не пользовался его обѣдами! Кто чаще обѣдалъ у него, тѣхъ онъ больше любилъ, вѣря, что и они изъ любви къ нему это дѣлаютъ; а, между тѣмъ, самая трапеза Ивана Ивановича была вкусная и изысканная.

Иногда онъ задавалъ пиры избраннымъ писателямъ: Гоголю, Хмельницкому и другимъ. А извѣстнаго мавра-трагика Олдриджа онъ такъ угощалъ среди русскихъ артистовъ, съ содѣйствіемъ красавицы-актрисы Е. В. Владиміровой, что пламенный мавръ чуть съ ума не сошелъ отъ нея! Первый восторгъ, когда она заговорила съ нимъ по-англійски, переводила ему привѣтствія, остроты, шутки товарищей; второй восторгъ—отъ ея искусной, прелестной игры на фортепіано, а при пѣніи ея, особенно когда она пропѣла англійскую пѣсню, третій восторгъ пламеннаго Олдриджа былъ неудержимъ: онъ влюбился въ Елизавету Васильевну, падалъ передъ ней на колѣни, цѣловалъ руки, провожалъ ее до квартиры и чуть насильно не вломялся въ онаю....

Къ вину Иванъ Ивановичъ не былъ пристрастенъ, но на пирушкахъ перепивалъ всѣхъ.

Съ женщинами Сосницкій особенно былъ счастливъ... Много у него было близкихъ знакомствъ, о которыхъ узнавали нечаянно, случайно, но самъ онъ никогда не хвастался своими побѣдами, хотя иногда было чѣмъ похвастать.

Одна дурная склонность была въ немъ—къ картамъ: проживая все и дѣлая долги, онъ надѣялся обогатиться выигрышемъ въ банкъ—и постоянно проигрывалъ.

Жена его, Елена Яковлевна, красавица и талантливая актриса. Неизвѣстно, какъ они жили въ началѣ брака, но скоро разошлись на разныя половины; жили своевольно, но дружно и не разлучались до смерти.

Она была кокетка, любила, чтобы всѣ влюблялись въ нее и ухаживали за нею, а сама была холодна. Пушкинъ сразу понялъ ее и написалъ ей въ альбомѣ стихи, которые, разбирая въ настоящее время, удивляешься, какъ въ 4 строкахъ онъ сумѣлъ выразить всю ея характеристику: влюбленныхъ въ нее назвалъ дураками, да и не обращающихъ вниманія на ея очаровательныя улыбки, на огненные глазки—тоже. Вотъ стихи:

Е. Я. Сосницкой.

Вы соединить могли, съ холодною сердечной,
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
Кто любитъ васъ, тотъ глупъ, конечно,
Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

А. Пушкинъ.

Елена Яковлевна прекрасно играла молодыхъ женщинъ, потомъ знатныхъ дамъ, наконецъ, перешла на роли комическихъ старухъ. А въ комедіи Бомарше: „Женитьба Фигаро“, какъ мужъ, такъ и она были неподражаемы Фигаро и Сусанна, и въ этихъ роляхъ превосходили французскихъ артистовъ.

Василій Андреевичъ и Александра Михайловна Каратыгины.

Славный былъ трагическій актеръ В. А. Каратыгинъ! Высокаго роста, красивый и очень талантливый. Всѣ эти преимущества онъ наследовалъ отъ отца, но не отъ роднаго, бывшаго режиссера драматической труппы, г. Каратыгина, а отъ знаменитаго трагика Алексѣя Семеновича Яковлева. Постоянно играя съ женою режиссера страстныхъ любовниковъ, они и въ жизни воспламенились страстью. Связь ихъ продолжалась нѣсколько лѣтъ, и что удивительно—ни для кого она тогда не была тайною! Пишущему рассказывалъ покойный историкъ А. В. Висковатовъ, какъ онъ еще кадетомъ часто видалъ, какъ къ его дядѣ, переводчику Дюсисова Гамлета, вечеромъ, на чай, пріѣзжали Яковлевъ и Каратыгина, въ видѣ мужа и жены.

А почтенный артистъ, старикъ Г. И. Жебелевъ, полюбившій меня и давшій мнѣ много матеріала изъ жизни Алексѣя Семеновича, когда я писалъ драму „Актеръ Яковлевъ“, рассказывалъ, что 12-ти-лѣтній Василій Андреевичъ, пріѣзжавшій съ матерью за кулисы, при выходѣ Яковлева изъ уборной на сцену, подходилъ къ нему, цѣлуя ему руку и говоря: „здравствуйте, папенька“. Странныя были времена! Впрочемъ, Яковлева такъ цѣнили и уважали всѣ за талантъ и за славу, что ему многое позволялось.

Теперь обратимся къ сценической дѣятельности В. А. Каратыгина. Не было добросовѣстнѣе, усерднѣе, старательнѣе Василя Андреевича по отношенію къ искусству!

Бывало, на репетиціяхъ нѣкоторые изъ артистовъ едва разбирая роль читаютъ, а Каратыгинъ уже наизусть свою выучилъ. Много ролей у него было съ выдающимся, превосходнымъ исполненіемъ: „Миръ“, „Людовикъ XI“ и другіе.

Гамлета игралъ старательно, съ любовію, но по его колоссальному росту, грубому, громкому и неприятному голосу, эта роль не шла къ нему.

Притомъ онъ, въ противоположность Сосницкому, говорилъ естественно вообще, хотя игралъ хорошо, но, какъ говорится, ходульно! Съ тою-же вычурностію игралъ онъ и въ комедіяхъ Мариво, а въ Чацкомъ онъ, просто, былъ каррикатурентъ!

Каратыгинъ во всѣхъ роляхъ было одинаковъ, однообразенъ... Впрочемъ, зато его рутинныя выходки и возгласы служили забавою товарищамъ; мы, говоря объ А. М. Максимовѣ, приведемъ пресмѣшной примѣръ.

Въ Гамлетѣ, Василій Андреевичъ проситъ брата Петра Андреевича: „Ты, Петь, повыше кончи фразу: „государь великій былъ онъ!!.“ А самъ, какъ по нотамъ, съ высокаго до низкаго тона, продолжалъ такъ: „Человѣкъ онъ былъ! Изъ всѣхъ людей намъ не видать такого человѣка!“

Точно также и въ „Игроктъ“: когда Брянскій, игравшій Варнера, говоритъ объ убитомъ, Каратыгинъ, зажимая ему ротъ, кричить: „молчи! молчи!“ Слѣдующую фразу онъ и Брянскаго проситъ возвысить тонъ: „такъ это ты?“ „Не я! А бѣдность и отчаяніе!!!“ И такимъ манеромъ, онъ много заученныхъ мѣстъ неизмѣнно повторялъ по разъ избранной рутинѣ! Но несмотря на эти смѣшныя и глупыя выходки, онъ былъ талантливый, почтенный артистъ и любимецъ Александринской публики.

Какъ человѣка, его можно судить за крайнюю скупость! Перевезя свой единственный комодъ къ богатой невѣстѣ, А. М. Коло-

совой, и сдѣлавшись мужемъ ея, онъ, вмѣстѣ съ нею, накопилъ значительный капиталъ, которымъ не пользовался при жизни и рано умеръ. При его артистической фигурѣ, крѣпкомъ сложеніи и постоянномъ здоровьи, онъ поколебалъ свой организмъ отъ страха при смерти актрисы Гусевой во время спектакля!

Съ тѣхъ поръ, чувствуя себя сначала душевно больнымъ, потомъ и тѣлесно, но, по скупости, вмѣсто того, чтобы обратиться къ хорошему доктору, пригласилъ театральнаго не доктора, а лѣкаря, мальчишку, служившаго при дирекціи за право посѣщать даромъ спектакли.

Этотъ юноша, Чернявскій, даромъ практиковался и надъ богатымъ Василюмъ Андреевичемъ!

Когда-же ему дѣлалось все хуже да хуже, больной вспомнилъ, что на обѣдѣ у Жукова, три года тому назадъ, одинъ изъ гостей, расхваливая доктора, вручилъ Каратыгину карточку своего эскулапа. Василий Андреевичъ на всякій случай положилъ ее въ карманъ фраза, а теперь, по случаю опасной болѣзни, вспомнилъ, вынувъ оную, и пригласилъ гомеопата, который и уложилъ его въ могилу!

Какъ ни жалко вспомнить о ранней кончинѣ славнаго артиста, а нельзя безъ смѣха говорить о его и жены его скупости. Любимецъ публики любилъ обѣды, пиры и всѣ угощенія у другихъ, а у себя дома никого не принималъ во время трапезы. Такъ какъ нашихъ знаменитыхъ артистовъ посѣщали значительныя особы, то лакей какому-нибудь звѣздоносцу или военному генералу не осмѣливался отказать и отворялъ дверь въ гостиную. Хозяйка, Александра Михайловна, выскакивая изъ-за обѣда, занимала гостя разговоромъ, пока муженекъ доканчивалъ трапезу; когда-же онъ выходилъ въ гостиную, голодная женушка уходила въ столовую, на простывшую уже пищу.

Мужъ и жена Брменіе.

Яковъ Григорьевичъ Брянскій былъ превосходный артистъ на своемъ амплуа (злѣдѣвъ), такъ-же хорошо игралъ императоровъ и королей съ своею благородною физиономіею.

Въ комедіи Шаховскаго „Эзопъ“ онъ отлично игралъ и читалъ басни, въ Эсмеральдѣ типично изображалъ урода Квазимодо, а въ Онѣгинѣ нельзя найти лучшаго мужа Татьяны, „важнаго генерала“.

Зать его Панаевъ помогаль ему переводить „Отелло“, прекрасно имъ сыграннаго. Голось у него звучный, серебряный, выговоръ чистый и ясный.

Супруга его, Анна Матвѣевна, красивая женщина, но не талантливая актриса, была только прилична въ нѣкоторыхъ роляхъ. Какъ человекъ, Брянскій былъ стоическаго нрава, не любилъ, да и не зналъ закулисныхъ интригъ, любилъ охоту, ловко стрѣлялъ изъ ружья и изъ лука.

Величкинъ.

Переутрировавшійся комикъ, любимецъ „райской“ публики, вѣчный хлопотунъ, совершенный типъ Льва Гурыча Синичкина, при опредѣленіи на сцену дочки.

И. О. Дюръ.

Вотъ молодой артистъ, съ великими способностями во всѣхъ родахъ сценическаго искусства! Онъ превосходно игралъ въ комедіяхъ, драмахъ, водевиляхъ, даже въ операхъ. Главное амплуа— молодыхъ франтовъ, повѣсь и даже стариковъ. Лучшія его роли Жювіала въ опереткѣ перевода Ленскаго: „Стряпчій подъ столъ“ и въ опереткѣ соч. Шнейдера, передѣланной на русскіе нравы Ѡ. А. Кони подъ названіемъ: „Студентъ-артистъ, хористъ и аферистъ“. Честный, правдолюбивый человекъ, стройный, красивый танцоръ и музыкантъ, онъ былъ любимцемъ публики и нелюбимцемъ директора, когда женился на красавицѣ Новицкой (знаменитой Фенеллѣ), за которою началъ было волокитство сладострастный начальникъ. Раннюю кончину Николая Осиповича оплакивали и товарищи и публика.

Александръ Астафьевичъ Мартыновъ.

Это былъ гениальный самородокъ. Напрасно приписываетъ себѣ П. А. Каратыгинъ, въ своихъ запискахъ, будто онъ открылъ эту драгоценную жемчужину... До 1837 года Мартыновъ игралъ съ Воротниковымъ Мирошку (въ интермедіи Филатка и Мирошка), да вторья и третьестепенныя роли комическихъ стариковъ, а при вступленіи на службу новаго режиссера, оцѣнившаго сразу Мартынова, онъ перешелъ къ лучшимъ ролямъ.

Напримѣръ, Сосницкій, какъ первый комикъ, по праву игралъ въ новой піесѣ „Отецъ дебютантки“, переведенной для него Р. М. Зотовымъ, а въ то-же время въ Москвѣ для Живокини Д. Т. Ленскій передѣлалъ эту самую комедію въ водевилъ на русскіе нравы, подъ названіемъ: „Левъ Гурычъ Синичкинъ“. Сосницкому слѣдовало и въ Петербургѣ играть роль Синичкина, но режиссеръ, взявъ піесу въ свой бенефисъ, назначилъ оную Мартынову. И какой вышелъ великолѣпный Левъ Гурычъ! Съ тѣхъ поръ всѣ первыя комическія роли принадлежали ему. Какъ онъ былъ хорошъ франтомъ Приндикомъ въ 3-хъ-актномъ водевилѣ Ленскаго: „Въ людяхъ ангель—не жена“. Режиссеръ просилъ В. Р. Зотова перевести Мольерова „Мѣщанина во дворянствѣ“ для Мартынова, а доктора В. И. Орлова (автора „Гусарской стаянки“) Мольера-же „Скупаго“, который больше подходилъ къ Мартынову, чѣмъ къ Щепкину. Онъ былъ превосходенъ въ роли Гарпагона!

Слѣдившій за нимъ другъ его и товарищъ режиссеръ еще въ Синичкинѣ замѣтилъ, хотя въ комически-драматической сценѣ, настоящую драматическую жилку, и въ свой бенефисъ, въ драмѣ П. П. Каменскаго „Гаррикъ“, назначилъ ему роль ламповщика, съ чувствомъ защищавшаго сестру свою, притѣсняемую актрису. Въ Москвѣ эту роль игралъ Садовскій, вызывая за драматизмъ рукоплесканія публики, и потомъ появился его гравированный портретъ въ этой роли., а бѣдный Мартыновъ, хотя и игралъ такъ-же хорошо, но Александринская публика, судя его по прежнимъ ролямъ, за неподдѣльное чувство платила ему смѣхомъ. Александръ Астафьевичъ такъ огорчился, что бранился и плакалъ! Незадолго до ранней кончины своей, онъ превосходно сыгралъ драматическую роль въ драмѣ Чернышева „Отецъ семейства“; въ послѣдней онъ возвысился до трагическаго паюоса. Тогда только публика поняла его могучій талантъ!

Какъ человѣкъ, Александръ Астафьевичъ, съ дѣтства до ранней кончины, былъ пренесчастный человѣкъ.

Жизнь, радость и счастье только на сценѣ не разлучались съ нимъ.

Бѣдный его отецъ, изъ кучи дѣтей, по протекціи отдалъ его въ театральное училище, гдѣ онъ, не получа никакого образованія, былъ выпущенъ на маленькое жалованье, которымъ и поддерживалъ свою бѣдную семью.

Съ 1837 года, отличась на сценѣ, онъ получилъ прибавку жалованья, которою добрый папаша завладѣлъ вполнѣ.

Тутъ слабохарактерный Саша, имѣя нужду въ приличной одеждѣ, рѣшился, наконецъ, переѣхать на вольную квартиру. Отецъ началъ съ нимъ тяжбу, кончившуюся тихо третейскимъ судомъ.

Мартыновъ былъ женатъ на дочери балетнаго Шелихова—Маріи Павловнѣ. Расточительная хозяйка любила устраивать балы, вечера или обѣды, съ фазанами, устрицами и дорогими винами! Страсть къ вину сгубила великаго артиста. Здоровье было плохое, долговъ много, денегъ не хватало, такъ что Мартыновъ, имѣя за плечами пятерыхъ дѣтей и массу долговъ, поѣхалъ уже съ совершенно надорваннымъ здоровьемъ на югъ Россіи зарабатывать деньги. Съ нимъ поѣхалъ А. Н. Островскій и привезъ трупъ гениальнаго артиста-страдальца! Тысячи народа провожали въ могилу любимца своего! А въ бенефисъ, данный дирекцію семейству покойнаго, любовь публики выразилась въ восторженныхъ аплодисментахъ первому пѣвцу итальянской оперы, г. Тамберлику, котораго заставляли нѣсколько разъ повторять прекрасно и съ глубокимъ чувствомъ выраженныя имъ на русскомъ языкѣ чувства въ воспоминаніе о великомъ актерѣ. Музыка выбрана самимъ Тамберликомъ изъ любимаго имъ романса „Ея ужъ нѣтъ“, а стихи передѣланы однимъ изъ драматическихъ писателей.

Вотъ стихи, передѣланные въ память Мартынова:

Его ужъ нѣтъ! (bis) любимца славы,
 Кто такъ искусство уважалъ;
 Кто научалъ родные нравы,
 Кто самъ творилъ, не подражалъ.
 Его ужъ нѣтъ, любимца славы:
 Цвѣтокъ безвременно увялъ!

Тебя ужъ нѣтъ (bis), ты взята могилою!
 Мы покоряемся судьбѣ...
 Но ты на вѣкъ, таланта силою,
 Зажегъ въ сердцахъ любовь къ себѣ!
 Тебя ужъ нѣтъ, товарищъ милый,
 Но память вѣчная тебѣ!

Алексѣй Михайловичъ Максимовъ.

Съ Мартыновымъ многіе изъ публики искали знакомства, приглашали его къ себѣ, а вмѣстѣ и пріятелей своихъ, воображая, что онъ потѣшитъ всѣхъ... но увя! Нашъ комикъ былъ неразговорчивъ, серьезенъ и наводилъ только скуку!

Вотъ А. М. Максимовъ, товарищъ и сверстникъ его, напротивъ, веселый, забавный, болтувъ, шутникъ, былъ совершенно противоположнаго нрава и, поистинѣ, назывался душою общества. Откровенный въ разсказахъ о своихъ кутежахъ и запояхъ, онъ не щадилъ самого себя и не стыдился повѣствовать о нихъ! И удивительное дѣло: пьянствуя до бѣлой горячки, какъ говорится, до чортиковъ, онъ, вначалѣ Великаго поста, вдругъ какъ-бы перерождался: усердно молился и говѣлъ, такъ какъ былъ очень религіозенъ. Актеръ онъ былъ прекрасный на амплуа первыхъ любовниковъ, повѣстъ, знатныхъ баръ и офицеровъ. Ловкій, развязный, въ костюмахъ и подъ румянами казался даже хорошенькимъ, не смотря на страшную его худобу.

Лучшія его роли въ комедіяхъ: „Клевета“, „Минутное заблужденіе“. „Горе отъ ума“, „Воспитанникъ любви“; также во многихъ водевиляхъ, а въ комедійкѣ: „Которая изъ двухъ?“ онъ былъ, просто, неподражаемъ. Въ жизни добродушіе и откровенность Алексѣя Михайловича доходили до наивности.

Однажды, на актерскомъ подъездѣ Александринскаго театра стоялъ Максимовъ. вмѣстѣ съ другими, дожидаясь казенной кареты. Когда капельдинеръ прокричалъ: „подавай экипажъ Линской, Самойловой!“, въ это время отъ Чернышева моста приближались похоронныя пустыя дроги. П. А. Каратыгинъ и закричалъ дрогамъ: „подавай экипажъ Максимова“. Онъ первый больше всѣхъ смѣялся и никогда не обижался на разныя выходы товарищей.

Мы съ нимъ были въ гостяхъ у одного богача, вмѣстѣ съ И. П. Липранди. Иванъ Петровичъ Липранди, въ первый разъ видя Максимова въ обществѣ, заинтересовался имъ, спрашивалъ его о многомъ, а подъ конецъ вечера, при слѣдующемъ разсказѣ Максимова о себѣ, хохоталъ до упаду.

„Когда я, разсказывалъ Максимовъ, послѣ пьянства велъ себя трезво, жена любовалась мною, но вотъ я снова закутилъ, скрываясь отъ нея... и, поздно ночью, освѣживъ себя сельтерскою, даже простою водою, являлся какъ ни въ чемъ не бывало. А разъ, нагрузившись до-нельзя и все-таки желая обмануть ее, я началъ раздѣваться, аккуратно укладывая на стулья платье; потомъ сталъ на колѣни передъ образами и усердно молился, съ земными поклонами; потомъ какъ праведный хочу лечь въ постель,—жена, хохоча, говорить: „да сними шляпу-то, не забудь!“

Въ именины актрисы Е. И. Гусевой приглашались молодые артисты обоого пола къ именинному пирогу и къ обѣду. У старушки весело бывало. Новый молодой режиссеръ (пишущій эти

строки) тоже былъ приглашенъ, и вмѣстѣ съ Максимовымъ отъ Александринскаго театра въ Коломну должны были идти съ имениннѣмъ пѣшкомъ, такъ какъ у обоихъ денегъ гроша не было.

У именинницы была и М. Д. Дюръ, за которою режиссеръ волочился: заигрывая, вырвалъ у нея носовой платокъ на память; она, кокетничая, начала отнимать и, когда онъ незамѣтно передалъ платокъ Максиму, она принялась обыскивать похитителя. Тутъ Марья Дмитриевна серьезно и строго сказала: „не дурачьтесь, отдайте платокъ; тамъ въ узелкѣ завязана 5-ти рублевая ассигнація извозчику за карету“.

Переглядѣвъ и ей показавъ всѣ концы платка, мы ничего не нашли: узелка съ ассигнаціею не оказалось. Она, сорвавъ съ меня часы, смѣясь, сказала: „если извозчикъ не повѣритъ мнѣ въ долгъ до завтра, я оставляю ему въ залогъ часы!“

Когда поздно ночью гости расходились, Максимовъ переважно закричалъ: „Извозчики!“; тотъ подлетѣлъ.

— Садись, бѣдняга-режиссеръ.

— Да вѣдь у тебя денегъ нѣтъ?

— А синенькая изъ бѣлаго платочка?

Режиссеръ не успѣлъ воскликнуть: „такъ это ты похитилъ деньги?“, какъ Максимовъ перебилъ его, подражая тону и извѣстной нотѣ В. А. Каратыгина.

— „Не я, но бѣдность и отчаяніе!“

Много о немъ анекдотовъ, много проказъ... но забудемъ эти мелочи жизни и пожелаемъ мира душѣ Алексѣя, славнаго артиста и превосходнаго человѣка!

Н. И. Куликовъ.

Артисты императорскихъ русскихъ театровъ

въ С.-Петербургѣ

въ 1858 г.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г., т. LXXIII, книга январь, былъ помѣщенъ снимокъ съ фотографической группы старѣйшихъ артистовъ императорскаго русскаго драматическаго театра, снявшихъ съ себя, въ двухъ группахъ, портреты въ извѣстной петербургской фотографіи г. Денъера, въ 1858 г., для гастролировавшаго въ этомъ году въ С.-Петербургѣ знаменитаго артиста-мавра Айръ-Ольриджи.

Къ настоящей, августовской, книгѣ „Русской Старины“ мы прилагаемъ фототипическій снимокъ, исполненный въ мастерской фирмы „Шереръ и Набгольцъ“ въ Москвѣ, съ другой фотографіи-группы, также снятой по желанію Айръ-Ольриджи въ 1858 г., въ которую вошли слѣдующіе артисты императорскаго русскаго драматическаго театра: М. Максимовъ, И. И. Сосницкій, А. А. Алексѣевъ, П. А. Каратыгинъ, П. Е. Чернышевъ, И. Ѳ. Горбуновъ, П. И. Григорьевъ и П. И. Малышевъ.

Ред.

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ.

«Законъ ступаетъся произволу, а уваженіе къ праву личности замѣняется пренебреженіемъ къ нему»¹⁾.

Бываютъ такіе историческіе моменты, когда возобновеніе въ памяти картинъ «добраго стараго времени» получаетъ не только исторической, но и живой современной интересъ. Въ такіа эпохи мрачное прошлое, вмѣсто того, чтобы быть урокомъ для современниковъ, показывающимъ корни общественныхъ золъ, является, вопреки исторической логикѣ, идеаломъ; о немъ вздыхаютъ, его рисуютъ свѣтлыми красками и стараются реабилитировать.

Для такого перемѣщенія идеаловъ изъ области будущаго въ прошедшее необходимо позабыть реальное содержаніе картинъ „добраго стараго времени“ и замѣнить ихъ фантастическими представленіями о хорошихъ порядкахъ и добрыхъ нравахъ, будто-бы процвѣтавшихъ на почвѣ крѣпостныхъ отношеній.

Въ такое время, когда старческая мысль отыскиваетъ идеалы въ прошедшемъ, какъ нельзя болѣе кстати вспомнить старину, смести архивную пылъ съ картинъ „добраго стараго времени“ и показать ихъ всѣмъ, вздыхающимъ о старинѣ.

Но какія именно картины необходимы для этой выставки? Изображенія писателей-художниковъ не годятся—ихъ могутъ заподозрить въ фантастичности. Историческія наслѣдованія могутъ быть названы тенденціозными. Въ данномъ случаѣ нужны картины протокольнаго характера, удостовѣренныя такимъ

¹⁾ Предложеніе П. Н. Клушина херсонскому губ. правленію 23-го марта 1862 года.

лицомъ, котораго нельзя заподозрить ни въ увлеченіи фантазією, ни въ тенденціозности.

Такимъ именно бытописателемъ старины является Павелъ Николаевичъ Глушинъ, бывший въ шестидесятыхъ годахъ (съ 1861 года) херсонскимъ губернаторомъ, затѣмъ управляющимъ гражданскою частью на Кавказѣ и сенаторомъ. Его оригинальныя „предложенія“ херсонскому губернскому правленію дають рядъ яркихъ картинъ „добраго стараго времени“. Эти „предложенія“ были результатомъ ревизіи вѣсть присутственныхъ мѣстъ, произведенной Глушинымъ; они изложены дословно въ печатныхъ циркулярахъ, указахъ херсонскаго губернскаго правленія и сохранились въ нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Херсонской губерніи; въ другихъ-же они или уничтожены, или проданы на вѣсь вѣсть съ массою „дѣлъ“, признанныхъ подлежащими уничтоженію.

Фактическая часть упомянутыхъ „предложеній“ чрезвычайно богата. Все, найденное при ревизіи, описано со всѣми подробностями, съ цитатами подлинныхъ выраженій чиновниковъ, оправдывавшихся въ обнаруженныхъ ревизією беззаконіяхъ. Описанія найденныхъ беспорядковъ перемежаются біографическими свѣдѣніями о нѣкоторыхъ чиновникахъ, характеристиками ихъ служебной дѣятельности и юмористическими замѣчаниями.

Читая „предложенія“ Глушина, невольно вспоминаешь упреки, которые дѣлались Гоголю за тенденціозность и утрировку изображенныхъ имъ типовъ: въ „предложеніяхъ“ Глушина являются дѣйствующія лица: „Ревизора“, „Мертвыхъ душъ“ и повѣсти „О томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Вспоминается и другой упрекъ Гоголю, почему онъ не изобразилъ ни одного добродѣтельнаго чиновника — ихъ не было, они были невозможны, и если появлялся рѣдкій экземпляръ чиновника, который пытался дѣйствовать по закону, то его выживали изъ службы и были даже случаи официальныхъ распоряженій не слушаться такого еретика-чиновника ¹⁾).

Изложеніемъ фактовъ Глушинъ не ограничивался въ своихъ предложеніяхъ. Онъ указывалъ причины зла и средства для его устраненія. При изслѣдованіи причинъ найденнаго имъ „разстройства“, онъ не былъ поверхностнымъ наблюдателемъ, который, видя нарушеніе закона, полагаетъ, что

¹⁾ Указавъ на то, что непремѣнный засѣдатель трипольскаго земскаго суда И — во „давалъ дѣлопроизводству правильное законное направленіе“, заступая въ разное время должность исправника, Глушинъ говоритъ: „нельзя не подвигаться, что бывший исправникъ распоряженіямъ этимъ не только не сочувствовалъ, но даже разъ далъ предложеніе, воспрепятствующее суду руководствоваться началами, указываемыми непремѣннымъ засѣдателемъ“. Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года, № 1830.

зло заключается въ данномъ лицѣ и что, слѣдовательно, съ удаленіемъ его отъ службы, теченіе дѣлъ пойдетъ по руслу закона. Клушинъ безъ снисхожденія увольнял чиновниковъ, признанныхъ имъ негодными для службы ¹⁾, а другихъ заставлялъ учить законы ²⁾; но онъ понималъ и указывалъ, что зло беззаконія заключалось не въ отдельныхъ личностяхъ, не желающихъ знать закона, а въ общемъ строѣ до-реформенной администраціи. Пораженный безурядицею во всѣхъ функціяхъ нераздѣльныхъ въ то время суда и администраціи, Клушинъ обывалъ въ своихъ „предложеніяхъ“ корень этого зла.

Такимъ образомъ, „предложенія“ Клушина даютъ не только яркія картины „добраго стараго времени“, но и критику его основъ.

Чтеніе подъ рядъ упоминаемыхъ документовъ производитъ впечатлѣніе калейдоскопа, въ которомъ интересные факты смѣиваются характеристиками лицъ и критическихъ замѣчаній. Устранивъ множество не шибующихъ теперь интереса подробностей, мы сгруппируемъ этотъ богатый матеріалъ въ нѣсколько главъ, чтобы придать наибольшую рельефность частямъ той картины „добраго стараго времени“, которую изобразилъ Клушинъ.

Мы начнемъ съ типичныхъ лицъ, встрѣченныхъ имъ при ревизіи.

¹⁾ По поводу этихъ увольненій, Клушинъ говоритъ, что ему „пришлось встрѣтить не только отстаиваніе застарѣлыхъ идей о службѣ и азбучныхъ ея пониманій, но даже затѣитъ сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ охотниковъ проводить вездѣ свое мнѣніе къ устраняемымъ по безполезности чиновникамъ, то, говорятъ, „бѣднымъ“, то—„семейнымъ“, то—„по-своему знакомымъ съ дѣломъ“ и, слѣдовательно, „вызывающимъ снисхожденіе“. Опора такого мнѣнія кроется, конечно, въ томъ весьма поверхностномъ взглядѣ на вещи, который никакъ не можетъ служить мѣриломъ насущныхъ потребностей цѣлаго общества и въ которомъ привычки гуманнаго начала не имѣютъ здѣсь мѣста снисходить злоупотребляющей или безпечно прозябающей на казенный счетъ личности чиновника ради его нуждъ и многочисленнаго потомства, въ то время, когда отъ направленія его страдаетъ дѣлая масса людей, обращающихся за помощью къ правительству, изъ которыхъ многіе, безъ сомнѣнія, при многочисленнѣйшихъ семействахъ и при совершенномъ отсутствіи средствъ къ пропитанію, обречены на болѣе тяжкія испытанія—это было-бы полное пренебреженіе къ юридической логикѣ и къ самымъ простымъ запросамъ о всестороннемъ развитіи общественной дѣятельности“. Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

²⁾ Въ указѣ херсонскаго губернскаго правленія 28-го декабря 1861 года за № 10196 перечислены лица, прикомандированныя къ губернскому правленію „для узнанія закона“.

I.

Чиновники, описанные Клушинымъ въ его предложеніяхъ, имѣли одну общую черту „добраго стараго времени“: невѣдѣніе закона и нежеланіе ниъ руководствоваться. У каждаго свой законъ — собственное усмотрѣніе. Служба для нихъ только средство для полученія жалованья отъ правительства и даней отъ обывателя. Усток такого порядка казались имъ неизмѣнными и они не вѣрили, чтобы ходъ дѣлъ „по старинѣ“, какъ выразился одинъ неправникъ, могъ измѣниться.

Вступавъ въ должность губернатора, Клушинъ предложилъ губернскому правленію предупредить всѣхъ, кого слѣдуетъ, о предстоящей ревизіи, и губернское правленіе особымъ циркуляромъ „о водвореніи законности и правильнаго теченія дѣлъ предписало всѣмъ подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ и лицамъ съ тѣмъ, чтобы до предстоящей ревизіи озаботились приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ неправильностей, какія могутъ оказаться“.

Но чиновники взглянули на это предупрежденіе какъ на острастку, сдѣланную для видимости, и „водворенія законности и правильнаго теченія дѣлъ“ сдѣлано не было. Затѣмъ, послѣ осмотра присутственныхъ мѣстъ въ Одессѣ и Очаковѣ, Клушинъ пріостановился дальнѣйшею ревизіею и губернское правленіе сообщило о замѣчаніяхъ губернатора всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ „на тотъ конецъ, чтобы до предстоящей ревизіи его превосходительства въ прочіихъ уѣздахъ Херсонской губерніи озаботились приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ несправностей, какія могутъ оказаться“. (Указъ губ. правл. 28-го декабря 1861 г., № 10196). Но и это напоминаніе было только „пріобщено къ дѣлу“. Затѣмъ, послѣ ревизіи херсонскихъ магистрата и сиротскаго суда, Клушинъ снова пріостанавливается дальнѣйшею ревизіею, видя, что „нѣкоторые присутственныя мѣста не только сколько-нибудь не поправились, но даже не заявили никакой попытки къ исправленію дѣлъ“. Затѣмъ уже „предваряеть, что неисправныя и безпечныя неминуемо будутъ предаваемы суду и удаляемы по 3 п. 1239 ст. III т., такъ какъ предварительно употребленныя средства оказываются неэффективными и на личныя его превосходительства самыя убѣдительныя просьбы, ни настоянія, ни указанія, циркулярами губернскаго правленія переданныя, ни послѣдствія ревизіи одесскихъ и очаковскихъ присутственныхъ мѣстъ не ведутъ къ желаемой цѣли“. (Указъ губ. правл. 8 марта 1862 г.).

Въ Одесскомъ уѣздѣ Клушинъ встрѣтилъ исправника Кар—ва, который жилъ въ свое удовольствіе и службою не занимался. Онъ ни разу не ревизовалъ дѣлопроизводства станovýchъ приставовъ, которое, вслѣдствіе этого, „безпрепятственно пршло въ разстрой“. Клушинъ говоритъ, что

„на вопросъ о причинѣ такихъ упущеній, исправникъ г. Кар—въ чисто-сердечно отозвался, что онъ „не зналъ этого порядка“ и, слѣдовательно, чтеніемъ законовъ никогда не занимался. При встрѣчѣ со многими несправностями суда, г. Кар—въ разъяснял причину ихъ тѣмъ-же отвѣтомъ или еще другимъ не менѣе откровеннымъ: „у насъ велось по старинкѣ“. Такъ собственными словами онъ обличалъ тѣсный кругъ своихъ служебныхъ знаній и неумѣіе оправдывать свое назначеніе, почему и слѣдовало-бы его устранить отъ должности, но какъ распоряженіе это предупреждено при семъ прилагаемымъ прошеніемъ г. Кар—ва объ увольненіи его въ отставку, то губернскому правленію предстоитъ поспѣшить удовлетворить такое желаніе, что, впрочемъ, не должно изъять его отъ отвѣтственности, если по дальнѣйшимъ соображеніямъ онъ будетъ подлежать за безпорядки въ судѣ ¹⁾).

Подобныхъ-же исправниковъ Клушинъ встрѣтилъ въ Херсонскомъ и Ананьевскомъ уѣздахъ.

Херсонскій исправникъ „не выказался попеченіемъ по завѣдыванію уѣздомъ, гдѣ, по ст. 2293 ст. о зем. пов., не распределены даже съ должною правильностью станціонные пункты и разгонъ лошадей производится безъ установленныхъ билетовъ, замѣняемыхъ доброю волею всякаго полицейскаго лица“. „Въ чемъ именно заключалась дѣятельность исправника по уѣзду земскій судъ находится въ положительной бездѣлности, потому что онъ, по ст. 2741 т. II, никогда замѣчаній своихъ суду не передавалъ. Настольные реестры становыхъ приставовъ исправникомъ не только еженеделѣно, но никогда не свидѣтельствовались и, такимъ образомъ, строгость контроля за приставами замѣнялась дремотою и забвеніемъ законъ со стороны того, къ инициативѣ кого она непосредственно относилась ²⁾).

Ананьевскій исправникъ „въ теченіе восьмилѣтняго служебнаго поприща“, ни разу не обривизовалъ дѣйствій становыхъ приставовъ. „Такая неисполнительность своихъ обязанностей, говоритъ Клушинъ, главнымъ дѣятелемъ ананьевской земской полиціи г. Нов—изъ убавкала, въ свою очередь, дѣятельность приставовъ, не пробуждая ихъ изъ летаргій, въ которой исполненіе долга казалось какимъ-то темнымъ отвлеченіемъ, а занимаемая должность являлась только какъ средство для жизни ³⁾).

Въ тому-же типу бездѣйствующихъ принадлежалъ и ананьевскій городничій Гаг—е. Въ его отчетностяхъ дѣла и бумаги „показывались и обозначались въ цифрахъ, поставленныхъ наугадъ и безъ сознанія. Множество дѣлъ заброшено въ архивъ, откуда въ послѣднее время извлечена уже громадная масса неразрѣшеннаго производства; нѣкоторыя дѣла утеряны.

¹⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года, № 10672.

²⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

³⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года, № 1830.

Городничій дѣла держалъ на дому и, при переводѣ его въ Тирасполь, хаотическую груду ихъ привезъ въ полицію, не сдавъ какъ должно¹⁾.

По прїѣздѣ на ту-же должность въ Тирасполь, онъ „совершенно отрѣшилъ себя отъ знакомства съ дѣлами и потому о характерѣ личной его дѣятельности ни слова прознести не предстоитъ. Насколько онъ внимателенъ къ дѣламъ, это лучше всего можно заключить изъ разговора съ нимъ по дѣлу о взятомъ безъ письменнаго вида крестьянинѣ Гудкѣ, гдѣ онъ высказалъ, что этого дѣла не знаетъ, и въ причину неознакомленія съ нимъ поставилъ то, что „дѣло 1855 г. далеко ужь очень“. Основанія таковой логики отыскать не трудно...“²⁾.

Но зато для прїятелей городничій Гаг — е готовъ былъ не исполнять распоряженій губернскаго начальства. „Такъ, напримѣръ, по дѣлу о взысканіи штрафа съ управляющаго тираспольскою питейною конторою за непредставленіе въ свое время ярлыковъ, взысканіе это полиціею отлагается за отъѣздомъ управляющаго, несмотря на то, что отъѣзды эти нѣсколько разъ уже отвергнуты казенною палатою, приказывающею взыскать деньги; такимъ образомъ, для г. городничаго голосъ управляющаго питейною конторою былъ почему-то слышиѣе, чѣмъ голосъ губернскаго административнаго учрежденія“³⁾.

У этого городничаго былъ письмоводитель М—скій, „человѣкъ, не годящійся для службы“. Его устранили отъ должности, но онъ, говоритъ Клушинъ, „вмѣсто того, чтобы получить должное возмездіе, беретъ жалованье, и съ прошлаго года прѣспокойно поживаетъ въ деревнѣ, ничего не дѣлая“⁴⁾.

Городничій въ Новогоріевскѣ Пост — съ откровенно заявилъ Блушину, что онъ „въ дѣла не виѣшивается, потому что для этого есть письмоводитель, а такъ какъ онъ плохъ, то и дѣла плохо идутъ“. Письмоводитель былъ уволенъ и во время слѣдующей ревизіи въ 1863 г., когда Клушинъ замѣтилъ, что „есть улучшеніе сравнительно съ прошлымъ“, то городничій добродушно отвѣтилъ: „я докладывалъ вашему превосходительству при прошлой ревизіи, что нужно было письмоводителя переимѣнить: все отъ него зависитъ“.

Херсонскій уѣздный судъ состоялъ изъ большихъ судей. „Члены суда, говоритъ Клушинъ, (крошъ и. д. уѣзднаго судьи Соч—ва и и. д. секретаря Т—скаго) въ дѣятельности онаго вовсе не принимали участія: судья Б—новъ подверженъ хроническому недугу, засѣдатель Нев—скому также часто не здоровилось, засѣдатель Б—новскій тоже часто хворалъ или отсут-

¹⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 г., № 1830.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Тамъ-же.

ствоваъ, будто-бы по порученіямъ дворянской опеки, къ концу, однако-же, имъ не приведеннымъ, и по случаю исправленія имъ должности судебного слѣдователя, въ продолженіе которой рапортовался большимъ, и ознаменовалъ ее лишь взятіемъ содержанія судебного слѣдователя“¹⁾.

Члену одесскаго уѣзднаго суда К—ру, завѣдывавшему дѣлопроизводствомъ одесской дворянской опеки, послѣдняя, „по постановленію въ 1859 г., пробовала поручить повѣрку на мѣстѣ имѣнія князя Гагарина, но и эта проба не удалась: г. К—ръ до сихъ поръ (1861 г.) не выполнялъ распоряженія и хотя нерѣдко оставлялъ присутствіе суда подъ предлогомъ выѣзда изъ города по дѣламъ опеки, но ровно ничего не сдѣлалъ“²⁾.

Секретарь одесскаго уѣзднаго суда, на вопросъ Клушина о причинахъ недоставленія срочныхъ вѣдомостей, „отозвался, что доставленіе разныхъ отъ суда свѣдѣній слѣдуетъ обыкновенно по особымъ требованіямъ и распоряженіямъ, какъ будто для соблюденія всего того, что велитъ законъ, нужны еще особыя напоминанія. Такой отзывъ, впрочемъ, при разныхъ случаяхъ во время ревизіи пришлось слушать не отъ одного секретаря уѣзднаго суда,— и это ясно доказываетъ какъ должностныя лица мало знакомы съ законоположеніями и какъ мало они желаютъ изучать ихъ“³⁾.

При такомъ взглядѣ на службу, на способности чиновниковъ къ служебнымъ обязанностямъ не обращалось вниманія и на нѣкоторыхъ мѣстахъ сидѣли дряхлые старцы. Такъ, напримѣръ, въ херсонской городской полиціи: „изстари оставшуюся должность казначея отправляетъ чиновникъ Бунчукъ, пребывавъ въ таковой весьма почтенное число лѣтъ, начиная съ 1824 г. Для него назначенъ особый столъ съ отдѣльнымъ настольнымъ и другими документами, произвольно называемый вексельнымъ. Его превосходительство говоритъ произвольно, потому что дѣйствія по заемнымъ обязательствамъ должны сосредоточиться въ одномъ и томъ-же столѣ исполнительномъ. Въ особой комнатѣ, гдѣ изстари засѣлъ Бунчукъ для особой сферы дѣлопроизводства, находится шкафъ съ оригинальною надписью: „казначейская для храненія вексельныхъ дѣлъ и документовъ“, гдѣ дѣйствительно (противно 217 ст. II т.) и покоятся грудой помянутыя обязательства, не имѣя обертокъ съ надписями, къ какимъ дѣламъ они относятся“⁴⁾.

Въ тираспольскомъ земскомъ судѣ Клушинъ нашелъ „удрученнаго старостью секретаря г. Бал—го“⁵⁾. Въ тираспольскомъ магистратѣ уголовными дѣлами завѣдывалъ „малограмотный бургомистръ-столоначальникъ, принад-

1) Предложеніе 23-го марта 1862 г.

2) Предложеніе 23-го ноября 1861 г.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же.

5) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 г.

лежащій къ числу тѣхъ типовъ, нравственные силы которыхъ не задѣты и тѣмъ образованія. При такихъ давнихъ остается обратить вниманіе особенно на то, что на такую жалкую обстановку магистрата не обратилъ вниманія номинальный блюститель правосудія г. уѣздный стряпчій Лвт—новъ и что секретарь Конст—въ, занимающій эту должность съ 1844 года, не только не сознавалъ ея и не домогался измѣненія порядка въ дѣлопроизводствѣ, но тоже, видимо, сочувствовалъ ей, будучи не стѣсненнымъ среди такой круговой безсознательности хозяйничать по-своему, дѣлая что вздумаетъ, какъ въ отношеніи къ дѣламъ, такъ и въ отношеніи къ служащимъ¹⁾.

Членъ очаковской городской ратуши, завѣдывавшій дѣлопроизводствомъ, былъ „вовсе безграмотенъ“²⁾.

Письмоводитель одесской дворянской опеки, по аттестациіи Клушина, „болѣе безосновательно говорилъ, нежели соответственъ своему посту; о дѣлахъ опеки не составилъ себѣ никакого понятія, которое цѣлостно предоставилъ на долю вольнонаемнаго писца; отдалъ даже въ распоряженіе его ключъ отъ дѣла и при ревизіи поручилъ ему составленіе потребованныхъ свѣдѣній, самъ уйдя домой, какъ будто не его касалось дѣло“³⁾.

Члены присутствій дѣлами не занимались, предоставляя веденіе ихъ секретарямъ, даже писцамъ, а сами ограничивались подписываніемъ того, „что имъ поднесутъ“. Такъ, въ херсонской городской полиціи, говоритъ Клушинъ, „направленіе дѣлъ и бумагъ весьма часто ложно, что происходитъ преимущественно оттого, что распоряженія на вступившихъ бумагахъ дѣлаются писцами, которыми они заносятся также и въ настольные. Присутствіе-же совершенно отрѣшило себя отъ этой обязанности, принимая на себя трудъ только все подписывать, что ему поднесутъ“⁴⁾.

Въ тираспольской градской полиціи „занятія дѣлами странно распределены между канцелярскими служащими, облеченными полиціею въ санъ выдуманныхъ столоначальниковъ, руководимыхъ письмоводителемъ. Въ довершеніе такого распределенія, отъ полиціи совершенно отдѣлился своею дѣятельностью, въ противность ст. 4149—4165 т. II, помощникъ городничего Ва—въ, ведущій свое дѣлопроизводство по тѣмъ-же особо заведеннымъ документамъ, какіе предназначаются обыкновенно для присутственнаго шѣста“⁵⁾.

Въ тираспольскомъ уѣздномъ судѣ канцелярскими служащими „исполняется неподлежащій трудъ членовъ писать резолюціи въ настольныхъ, воз-

¹⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

²⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 г.

³⁾ Тамъ-же.

⁴⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

⁵⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

лагаемый на нихъ, какъ засѣдатель За—скій промолвился, „потому что они лучше знаютъ дѣла“¹⁾).

Въ одесскомъ земскомъ судѣ „множество постановленій подписано только секретаремъ или лишь непремѣннымъ членомъ, а исправникомъ, въ силу выясненныхъ уже взглядовъ его на службу, не подписано ни одного постановленія; такимъ образомъ, слѣдствъ его дѣятельности совершенно не видно ни въ судѣ, ни по исполненію обязанностей въ уѣздѣ“²⁾).

Въ херсонскомъ земскомъ судѣ «постановленія пишутся рукою писцовъ и притомъ часто весьма нетолково; подписываются они или однимъ членомъ или только исправникомъ»³⁾).

Въ херсонскомъ магистратѣ «въ настольныхъ реестрахъ резолюціи пишутся даже писцами»⁴⁾).

Въ херсонской дворянской опецѣ свидѣтельствованіе суммъ «ограничивалось часто подписомъ одного члена, а г. предводитель дворянства при свидѣтельствovanіи никогда не былъ»⁵⁾).

Въ аваньевской дворянской опецѣ «при свидѣтельствovanіи книгъ г. уѣздный предводитель дворянства не участвуетъ, въ основаніе чего ставится то, что «этого не велось прежде». По поводу такого объясненія Клушинъ замѣтилъ: «законъ не изглаживалъ этой мысли и въ старину, а если она не осуществлялась иногда и не осуществляется подчасъ теперь въ дѣйствительности, то этотъ обычай, кажется, подлежитъ измѣненію». «Въ настольномъ реестрѣ резолюціи пишутся писцами. О выѣздѣ г. предводителя дворянства изъ города и о пріѣздѣ его журналовъ въ опецѣ не составляется и такимъ образомъ эти выѣзды и пріѣзды происходятъ совершенно по домашнему, келейно»⁶⁾).

II.

Дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ велись «по старинкѣ»; секретари и писцы, не спѣша, писали ненужныя бумаги и развлекались бесѣдами съ посѣтителями и сторожами⁷⁾. По поводу этихъ бесѣдъ состоялся даже указъ губернскаго правленія (8-го марта 1862 г.), въ которомъ, между прочимъ, сказано: «приказали: вышности магистрата (херсонскаго) придать свойствен-

¹⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 г.

²⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

³⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

⁴⁾ Предложеніе 13 го февраля 1862 года.

⁵⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

⁶⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

⁷⁾ Сторожемъ въ херсонскомъ земскомъ судѣ „была баба“.

ную присутственному мѣсту обстановку ¹⁾, вывести, такимъ образомъ, оный изъ незавиднаго положенія сельской избы и прекратить для просителей свободный входъ въ присутствіе и бесѣду въ канцеляріи съ служащими, которыми напомнить, что цѣль ихъ службы заключается въ усердныхъ занятіяхъ, а не въ праздномъ, непріятномъ для нихъ препровожденіи времени въ прихожей комнатѣ вмѣстѣ со сторожами».

Медленность движенія дѣлъ иллюстрируется въ предложеніяхъ Глушина многочисленными фактами, изъ которыхъ приводимъ слѣдующіе, наиболѣе характерные.

Въ херсонскомъ уѣздномъ судѣ найдены неоконченныя дѣла «о содержащихся арестантахъ Киченкѣ и Блюшниченкѣ, начавшіяся въ 1832 году». «О дѣлахъ прежнихъ лѣтъ, которыхъ у приставовъ наберется вдоволь, судъ не имѣетъ понятія и думаетъ нынѣ только затребовать о нихъ вѣдомости» ²⁾.

Въ херсонскомъ земскомъ судѣ, по словамъ Глушина, «медленность въ исполненіи поступающихъ разныхъ требованій разительная и судъ хорошъ ужь тѣмъ, что степень своего вниманія не уменьшаетъ, не увеличиваетъ какъ въ отношеніи къ сообщеніямъ равныхъ мѣстъ, такъ и въ отношеніи къ приказаніямъ начальства. Медленность, многосложность и, вообще, не-правильность дѣлопроизводства въ земскомъ судѣ зависятъ преимущественно отъ причинъ, самими-же имъ порождаемыхъ и заключающихся въ лѣности скоро просматривать дѣла и соображать ихъ съ закономъ, да въ недостаткѣ практичности и вѣрности взгляда на возникающіе вопросы. Такимъ образомъ, вступающія въ судъ бумаги передаются приставамъ не въ подлинникѣ, какъ велѣно 2594 ст. II т., а въ копіяхъ или въ особыхъ предписаніяхъ, на что употребляется огромный и въ то-же время ненужный трудъ» ³⁾.

Въ аманьевской градской полиціи было найдено Глушинымъ «тянущееся съ 1839 года дѣло о неприписанныхъ ни въ какое званіе Липецкомъ и Пасицелѣвъ объ окончаніи котораго приставу 1-го стана подтверждалось 69 разъ, и дѣло о взводимомъ на крестьянина Николайскаго крестьяниномъ Со-

¹⁾ Въ шкапу, находившемся въ присутствіи магистрата, какъ видно изъ акта 30-го января 1862 года, оказались: „1) остатки костей съ мертвцаго ребенка, отысканные въ погребѣ солдатики Ульяны Бѣлясовой; 2) вещи, найденныя у солдатки Волѣхонкиной, принадлежащія протоіерею Перепелицыну; 3) разныя мелкія вещи, отысканныя у арестанта Петра Калашникова; 4) клещи, принадлежащія привозной Свято-Духовской церкви; 5) крючекъ, по дѣлу о нанесеніи рядовымъ Жуковымъ мѣщанину Соколову побоевъ; 6) желѣзный винтъ, найденный при обыскѣ оберъ-офицера сына Семенова; 7) опечатанный тючекъ съ желѣзными вещами, невѣдомо кому принадлежащій“ (Предл. 13-го февр. 1862 г.).

²⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

³⁾ Тамъ-же.

колюшкою поступкъ, начавшееся съ 1843 г., объ окончаніи котораго подтверждалось тому-же приставу 19 разъ. Подтверженія эти отозвались какъ гласъ вопіющаго въ пустынь, и не мало не засотили бывшихъ тутъ въ разные годы приставовъ исполнять приказаніе¹⁾.

Дѣло о припискѣ къ Троицкому селенію крестьянина Табака, начавшееся еще въ 1846 году, представлено въ одесскій уѣздный судъ для претворенія, на основаніи 172 ст. XV т., только нынѣ (въ 1861 году). Въ томъ-же судѣ дѣла, производящіяся болѣе 10 лѣтъ, разъ въ годъ въ извѣстность не приводятся, несмотря на то, что ихъ наберется вдоволь²⁾.

Для иллюстраціи характера дѣлопроизводства тыраспольскаго магистрата Клушинъ приводитъ слѣдующіе примѣры:

«Растянутое на 500 листахъ дѣло по начавшемуся въ 1839 году иску мѣщанина Болесникова объ отобраніи отъ купцовъ Поляковыхъ его наследственнаго сада, завершилось журналомъ 15-го марта 1855 года, по которому сообщено въ земскій судъ объ оцѣнкѣ сада, о скорѣйшемъ исполненіи чего судъ побуждался предупрежденіемъ, что на дѣло это обращено вниманіе сената. Но это вниманіе, какъ оказывается, вовсе не занимало самый магистратъ, со стороны котораго пресѣклись затѣмъ всякія дѣйствія. Къ дѣлу о взысканіи мѣщаниномъ Розновскимъ денегъ съ мячикъ своей, начавшемуся въ 1846 году, по журналу 11-го августа 1858 года, затребованы свѣдѣнія отъ сиротскаго суда и дополненіе отъ градокой полиціи. Исполненіе въ эти мѣста, надобно замѣтить, послѣдовало 30-го іюля 1859 года, т. е. черезъ годъ!! Отвѣтъ отъ сиротскаго суда не доставленъ до сихъ поръ, несмотря на то, что судъ помѣщается въ сосѣдней къ присутствію магистрата комнатѣ и дѣлами его принялъ на себя обязанность завѣдывать магистрата-же секретарь г. Константиновъ и, слѣдовательно, свѣдѣніе могло быть взято не только скоро, но даже безъ всякой переписки³⁾.

Подобная-же медленность въ сношеніи съ сиротскимъ судомъ оказалась «по возникшему въ 1843 году дѣлу о взысканіи съ купца Старикова за содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей 737 руб. 37 коп., къ которому затребованное по журналу 7-го марта 1861 года свѣдѣніе судъ доставилъ только при отношеніи 16-го марта нынѣшняго года (1862), полученномъ черезъ порогъ одной комнаты въ другую 22-го марта, т. е. черезъ четыре дня»⁴⁾.

Въ одесскомъ уѣздномъ судѣ «наблюденіе за спѣшнымъ исполненіемъ требованій, въ ожиданіи которыхъ остаются дѣла, слабо. Такъ, по дѣлу объ

¹⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

²⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

³⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

⁴⁾ Тамъ-же.

имущество помещиков Бороваевыхъ, одесскому земскому суду сдѣлано послѣднее подтвержденіе 21-го іюля 1856 года. Такихъ случаевъ, по которымъ повторенія не было съ 1854, 1857, 1858 и 1859 годовъ, множество»¹⁾. Дѣло объ оставшемся имуществѣ чиновника Шостака, начавшееся съ 1857 г., «заброшено безъ всякаго вниманія, что, въ совокупности со многими другими подобными случаями, превосходно характеризуетъ и обозначаетъ степень заботы о дѣлахъ, которымъ, вмѣсто спѣшнаго исхода, ожидаемаго интересами частныхъ лицъ, суждено неопредѣленное время оставаться въ застоѣ, вслѣдствіе нерадѣнія лицъ служащихъ, порождая, такимъ образомъ, справедливый ропотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ошибочный взглядъ на правительственныя учрежденія»²⁾.

Въ одесскомъ земскомъ судѣ дѣло по претензіи чиновницы Костровской къ еврею Юджевичу началось съ 1850 года, завершается пересылкою его между одесскою градскою полицією и земскимъ судомъ, въ противность 125, 134 ст. II т. и 285 ст. XV т. 2 ч. Теперь по этому дѣлу заготовлена особая записка, по которой оно опять отсылается въ одесскую полицію. Дѣло о неисправностяхъ почтовыхъ станцій по Вознесенскому тракту и о грубостяхъ полковнику Траскину содержателемъ станціи, впрочемъ Лейбовичемъ началось еще въ 1851 году съ распоряженія бывшаго въ то время начальника губерніи земскому исправнику, который въ 1856 году донесъ губернатору объ исправленіи неурядковъ на станціяхъ, а этотъ послѣдній въ 1857 году передалъ дѣло на распоряженіе губернскаго правленія. Правленіе-же, продержавъ его безъ всякой надобности пять лѣтъ (!!!) при указѣ, за № 4836, въ вышнѣмъ году прислало въ земскій судъ будто-бы на основаніи 8 и 22 п. 2529 ст. II т. Впрочемъ, о медленности въ дѣйствіяхъ земскаго суда говорить нечего: она, вообще, разительна и проявляется не въ отдѣльныхъ только какихъ-нибудь случаяхъ, а составляетъ основной принципъ въ области разстроеннаго и совершенно запутаннаго дѣлопроизводства одесской земской полиціи»³⁾.

Изъ числа „многихъ дѣлъ, неосновательно производящихся“ въ херсонскомъ земскомъ судѣ, Клушинъ отмѣчаетъ „дѣло, возникшее въ 1858 году, по объявленію херсонской мѣщанинѣ Червяченковой о воровствѣ у нея будто-бы женщиною Татаренковою 150 р. Предъявленіе помянутого иска не сопровождалось никакими доказательствами, между тѣмъ Татаренкова попала въ тюремный замокъ, но какъ это случилось, по какому поводу, на основаніи какого акта, этого изъ дѣла и извлечь нельзя»⁴⁾.

1) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.

4) Предложеніе 23-го марта 1862 года

Во время поѣздки Клушина на ревизию коллежскій совѣтникъ Линке обратился къ нему съ просьбою ускорить движеніе дѣла, находившагося съ 1857 года въ губерскомъ правленіи, о взысканіи съ помѣщицы Кондратьевой 1,200 рублей. По справкѣ объ этомъ дѣлѣ оказалось, что „послѣдній предѣлъ его заключается въ постановленіи правленія 29-го сентября, по коему рѣшено: „поставить на видѣ бобринецкому земскому суду медленность въ исполненіи ожидаемаго отъ него къ дѣлу дополненія, съ обязательствомъ доставить его въ двѣ недѣли, о чемъ донести правительствующему сенату“. Постановленіе это не было исполнено до послѣднихъ чиселъ ноября, т. е. въ теченіе многихъ двухнедѣльныхъ сроковъ, несмотря на бывшую многочисленность вольнонаемныхъ писцовъ, что вполне доказываетъ не пользу отъ нихъ, а только вредъ, и если-бы не было обращено вниманія на дѣло, то, вѣроятно, покой его долго-бы еще не былъ нарушенъ. Изъ такого положенія дѣла ясно рождается вопросъ: чѣмъ разгравичить, какою особою мѣрою опредѣлить теперь неаккуратность земскаго суда съ забывчивостью самого губернскаго правленія и какъ помирить медленность этого послѣдняго, на исполненіе журналовъ котораго 929 ст. 2 т. полагается конечный трехдневный срокъ, съ рѣзкимъ распоряженіемъ въ отношеніи къ суду?.. На это можетъ быть только тотъ одинъ отвѣтъ, что такой порядокъ вещей требуетъ перерожденія, въ которомъ рутинна и бумажный механизмъ должны будутъ уступить мѣсто смыслу и правильности“¹⁾.

Въ григоріопольской градской полиціи „дѣло по не обусловленному должною формою и не сопровождаемому доказательствами прошенію мѣщанина Урсуга объ обидѣ дочери его солдатомъ Бараномъ напрасно длится съ 1857 года, да и обвиняемый ушелъ уже въ войска и гдѣ теперь—неизвѣстно. Два дѣла о воровствѣ лѣса въ имѣніи Старыхъ Дубоссарахъ, возникшія по объявленіямъ управителя, совершенно бездоказательны“²⁾.

Ревизія 1863 года въ бобринецкой городской полиціи обнаружила, что дѣло о взысканіи съ купца Мистюшина убытковъ за перебраніе межи началось съ 1853 года „съ безграмотнаго и незаконнаго составленія объявленія“ и не было еще окончено въ 1863 году, и что „дѣло о взысканіи съ купца Корвиска 1,400 р., вмѣсто должныхъ мѣропріятій, наполнено ни къ чему не идущими отзывами и распоряженіями о приводѣ къ присягѣ, несмотря на строгій запретъ закона такъ дѣйствовать въ исковыхъ дѣлахъ. Хроника подобныхъ дѣлъ, обличая круговоротъ всѣхъ дѣлъ въ полиціи, даетъ полное основаніе судить о докладныхъ реестрахъ, переполненныхъ машинальными резолюціями, возбуждающими безцѣльную и безысходную переписку и имѣю-

¹⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

²⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

щими въ основаніи своемъ исключительно смысла какъ-нибудь сбыть съ рукъ бумагу, да очистить номеръ“.

Въ елисаветградской градской полиціи тоже оказалась „ненужная отписка и, вообще, недостатокъ стремленія избѣгать письменности“.

Елисаветградскій магистратъ писалъ по дѣлу мѣщанъ Сергіенковыхъ въ александрійскій земскій судъ 11 разъ, а по дѣлу мѣщанина Гольберга въ херсонскую городскую полицію 16 разъ. О „понужденіа“ названныхъ мѣстъ въ отвѣтахъ писано было въ херсонское губернское правленіе по первому дѣлу тоже 11 разъ, по второму—16.

Для характеристики наклонности тянуть ненужныя дѣла, Клушнинъ приводитъ слѣдующій фактъ. „Судебный слѣдователь 22-го августа 1863 года просилъ елисаветградскій магистратъ прекратить дѣло, начавшееся 30-го марта 1862 года по объявленію отставнаго рядоваго, хлопотавшаго о возвращеніи домой скрывшейся, будто-бы, по случаю беременности дочери мѣщанина Пр — ка Хан, когущей, будто-бы, совершить дѣтубійство. Доносъ по наслышкѣ, предположеніе безъ доказательствъ, сдѣланные чуть не полтора года назадъ, за которое время преступный фактъ могъ-бы уже объясниться — все это говорило лишь за дрянное направленіе доносчика и за основательность ходатайства слѣдователя о прекращеніи дѣла; но магистратъ отвѣчалъ мнѣніемъ противорѣчивымъ и рѣшилъ продолжать дѣло“.

О дѣлопроизводствѣ у становыхъ приставовъ одесскаго уѣзда Клушнинъ замѣтилъ слѣдующее: „медленность слѣдственныхъ дѣлъ, начатыхъ еще до изданія устава о судебныхъ слѣдователяхъ, далеко переходить опредѣленный 139 ст. XV т. ч. 2 мѣсячный срокъ. По дѣламъ просительскимъ прошенія, для объявленія заключеній кому слѣдуетъ, пересылаются изъ одного мѣста въ другое, рождая данную нить ненужной письменности. Начинаются дѣла по такимъ жалобамъ и доносамъ, по которымъ, какъ по бездоказательнымъ, на основаніи 38 и 58 ст. XV т., не слѣдуетъ возбуждать производства. Дѣла о личныхъ обидахъ начинаются неуказаннымъ въ законѣ порядкомъ. Дѣла по частнымъ безспорнымъ документамъ попустому тянутся чрезвычайно какъ долго, сопровождаемыя огромнымъ, ни къ чему не ведущимъ письменнымъ производствомъ. Отстапенія въ этихъ дѣлахъ особенно велики и часты, въ ущербъ кредиторамъ и справедливыхъ претендентовъ“¹⁾.

Бездѣтельность чиновниковъ и „ненужная отписка“ простирались и на дѣла по взысканію недоимокъ.

„Ничтожное количество исполненныхъ порученій, замѣчаетъ Клушнинъ, лучше всего говорить за степень дѣятельности чиновниковъ ананьевской земской полиціи, воплотившихся въ лѣви и бездѣйствіи. Эта лѣви и

¹⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

это бездѣйствіе еще ярче выкажутся, если упомянуть здѣсь о ходѣ одного изъ самыхъ важныхъ вопросовъ касающихся полицейской дѣятельности, а именно, вопросы о взысканіи недоимокъ: къ 1-му января 1862 года ихъ было 101,556 руб. 26 коп., къ этому прибавляется еще новый окладъ 64,239 руб. 36¹/₂ коп., а взыскано въ теченіе нынѣшняго только 14,169 руб. 43³/₄ коп., къ прошлому-же 1861 году недоимки оставалось 100,832 руб. 10¹/₂ коп. Такія данныя, конечно, отнимаютъ у гг. чиновниковъ земской полиціи всякое основаніе оправдываться и произносить слово за свое усердіе, потому что противъ силы цифръ возраженія быть не можетъ¹⁾.

Въ одесскомъ земскомъ судѣ „всѣ дѣйствія по этому важному предмету (взысканію недоимокъ) завершались посылкою доставляемыхъ изъ казначейства выписокъ о недоимкахъ къ одному станному приставу съ тѣмъ, чтобы тотъ, списавъ для себя копіи, подлинныя передавалъ другому, а этотъ третьему, тѣмъ и кончалось сіе дѣло... Свѣдѣній, требуемыхъ § 38, т. III сборн. циркуляровъ мн. в. д., о положеніи и благосостояніи плательщиковъ, не существуетъ. Таково было равнодушіе къ важнѣйшему вопросу, какимъ представляется вопросъ о недоимкахъ, и нельзя не подивиться подобному застою этого вопроса, тѣмъ болѣе, что съ нимъ тѣсно связаны интересы губернскихъ чиновниковъ, по ст. 553 т. V уст. под., за беззаботливость свою рискующихъ матеріальными лишеніями“²⁾.

Въ Херсонскомъ уѣздѣ, по словамъ Клушина, „главною причиною медленности и неуспѣха во взысканіи ихъ—вѣдомство казенной палаты. Уѣздное казначейство вѣдомостей о недоимкахъ, по ст. 2692 т. II, не доставляло в только при усиленныхъ настояніяхъ послало, въ декабрѣ мѣсяцѣ, князю реестръ недоимкамъ, и то такой невѣрный, что появленіе его въ судѣ отозвалось большими недоразумѣніями. Въ реестрѣ этомъ показаны, во-первыхъ, имѣнія съ такими фамиліями владѣльцевъ, каковыхъ вовсе уже не существуетъ. Во-вторыхъ, въ реестрахъ о недоимкахъ, составленныхъ въ казначействѣ, проглядываетъ нерѣдко замѣчательное противорѣчіе другимъ собственнымъ же его даннымъ. Противорѣчія эти и желанія добиться толка заставляли пристава 2-го стана лично для разъясненія дѣла быть въ казначействѣ, на замѣтки котораго, какъ онъ объяснилъ, г. бухгалтеръ Соляниковъ отозвался: „вы нашихъ счетовъ не знаете!“ Дѣйствительно, въ такомъ видѣ понять нельзя, потому казначейству необходимо слѣдуетъ привести эти счета въ такое положеніе, чтобы ихъ уразумѣть могъ всякій“³⁾

¹⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

²⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

³⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

Въ 1863 году Клушинъ писалъ, что „уѣздныя казначейства хронически и вредно продолжаютъ страдать безпорядкомъ въ дѣлѣ веденія документовъ податнымъ недоимкамъ и ставить полицію въ такое безысходное положеніе, что отъ нея никакъ не будетъ зависѣть поставить это дѣло на лады. Цифры показываютъ не истину, а набросаны невниманіемъ казначействъ. Количество недоимокъ въ присылаемыхъ полиціи реестрахъ, окладныхъ листахъ и квитанціяхъ разнствуетъ въ большихъ размѣрахъ. Недоимка, падающая на помѣщиковъ, не отдѣлена отъ недоимки крестьянъ со второй половины 1861 года. На многихъ крестьянахъ, отказавшихся отъ земли и получившихъ увольнительныя свидѣтельства, казначейства все-таки насчитываютъ на нихъ подати и прочія повинности на прежнія общества“¹⁾.

Для раскладки земскихъ повинностей не было необходимыхъ данныхъ: статистическія свѣдѣнія, доставляемая полиціею, не были никакой реальной цѣнности, а являлись плодомъ фантазіи. Въ засѣданіи губернскаго статистическаго комитета 7-го декабря 1861 года Клушинъ заявилъ: „убѣдившись въ невозможности собирать вѣрныя статистическія свѣдѣнія о губерніи чрезъ городскія и земскія полиціи, я призналъ совершенно необходимымъ для достиженія цѣли измѣнить существующій порядокъ собранія статистическихъ свѣдѣній чрезъ полиціи и намѣренъ поручить секретарю комитета составить новый проектъ собранія свѣдѣній“. А въ протоколѣ статистическаго комитета 21-го января 1862 года, подъ предсѣдательствомъ Клушина, рассмотрѣннаго доставленныя отъ полиціи статистическія свѣдѣнія, сказано: „принимая во вниманіе совершенную невозможность составить необходимыя для комитета земскихъ повинностей свѣдѣнія, статистическій комитетъ полагаетъ: въ настоящее время относительно смѣты, на трехлѣтіе съ 1863 года возложенную на комитетъ по настоящему предмету обязанность, по совершенной невозможности исполнить, оставить безъ исполненія, предоставивъ комитету земскихъ повинностей руководствоваться, если только онъ признаетъ возможнымъ, собранными уже свѣдѣніями“.

Закончакъ эту главу предписаніемъ Клушина²⁾, показывающимъ какъ неэффективны были все его старанія возбудить дѣятельность полиціи по взысканію недоимокъ. „Двадцать циркуляровъ, говорится въ этомъ предписаніи, въ которыхъ истощены все средства увѣщаній, просьбъ, привели къ тому результату, что государь императоръ, рассматривая годовой отчетъ мой, изволилъ написать: „обратить вниманіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ на такое увеличеніе недоимокъ“. Если отъ дня полученія этой бумаги до 1-го декабря не будутъ взысканы все

¹⁾ Предложеніе 16-го сентября 1863 года.

²⁾ Отъ 30-го іюля 1863 года за № 14.

безъ исключенія недонки, то 1-е декабря будетъ днемъ грустнаго окончанія служебной дѣятельности всѣхъ лицъ, не възыскавшихъ ея“.

Но и этотъ грозный циркуляръ не подѣйствовалъ: къ 1-му января 1865 года, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ назначеннаго въ немъ срока, недонка въ губерніи составляла 161,416 руб. 8³/₄ коп. ¹⁾.

И. С.

[ОКОНЧАНІЕ СЛѢДУЕТЪ].

¹⁾ Всенгоднавіишій отчетъ о состояніи Херсонской губерніи за 1864 г.

ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЯГО ВѢТА XVIII-го ВѢКА ¹⁾.

Рассказы по подлиннымъ дѣламъ.

Возмущеніе крестьянъ помѣщика Арсеньева

1724 г.

Возмущеніяхъ помѣщичьихъ крестьянъ при Петрѣ Великомъ сохранилось только одно извѣстіе, въ Полн. Собр. Зак., когда въ 1713 г., крестьяне царя Арчила Вахтангеевича въ селѣ Лысковѣ, Нижегородскаго уѣзда; ростовскаго архіерея въ селѣ Порѣчьѣ, Ростовскаго уѣзда; иноземца Вахрамея Меллера Вышегородской волости, Верейскаго уѣзда; бобыли Воскресенскаго монастыря, что на Истрѣ, и подмонастырнаго села Вознесенскаго «учинились вышеписаннымъ владѣльцамъ своимъ ослушны и отъ нихъ отложались» ²⁾. Изъ велѣно было «бить кнутомъ».

Дальнѣйшія изысканія въ архивахъ, конечно, обнаружатъ нѣсколько случаевъ, подобныхъ указанному. Даже въ Царевokokшайскомъ уѣздѣ, гдѣ, по 1-й ревизіи 1722 года, было крестьянъ помѣщичьихъ всего 26 душъ ³⁾, они, случалось, открыто возставали противъ своихъ господъ. Доказательствомъ тому служить предлагаемый нами читателямъ документъ.

«Указъ его величества императора и самодержца всероссійскаго, въ Царевokokшайскъ, къ судебному комиссару г-ну Гравеву. Сего марта 9-го дня 1724-го году былъ челомъ его императорскому величеству, а въ свѣдѣнскій канцелярій мазору и свѣдѣнскій провинціи воеводѣ Тимошею Юрьевичу Сухо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXV, стр. 225—237.

²⁾ П. С. З., собр., т. V. Имен. ук. 24-го апрѣля, № 2668.

дольскому съ товарищи морскаго флота гардимаринеръ Алексѣй Петровъ, сынъ Арсеньевъ, подалъ челобитную, въ которой написано: въ нынѣшнемъ-де 1724-мъ году, въ прошедшемъ январѣ мѣсяцѣ, былъ-де онъ въ Царевоккшайскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ отца своего Петра Ережеева, въ деревнѣ Крутомъ-Врагѣ, и изъ той деревни крестьяне отца его, не похоти быть ему въ послушаніи, а именно, Григорій Булыгинъ съ дѣтьми: съ Савельемъ, съ Герасимомъ, съ Максимомъ, умысла изъ той помянутой деревни ушли и присовокупя къ себѣ другихъ дворповыхъ крестьянъ того-жъ помянутаго уѣзду, а которыхъ сель и кто нияны въ собраніи были и хотѣли его убить до смерти ¹⁾. И какъ-де прибылъ въ городъ Царевоккшайскъ и усмотря-де ихъ такое собраніе, что они за нѣмъ жались, и онъ-де, Арсеньевъ, ушелъ отъ нихъ во время литургіи, въ соборную церковь. И чтобъ о сыску оныхъ крестьянъ учинить рѣшеніе. И сего-жъ марта вышеписаннаго числа, по указу его императорскаго величества и по приказу канцеляріи Свіязской провинціи, велѣно противъ означеннаго прошенія о всемъ изслѣдовать въ Царевоккшайску и о томъ послать къ тебѣ указъ. И какъ ты сей его императорскаго величества указъ получишь, и тебѣ-бъ о вышеписанномъ о всемъ изслѣдовать подлинно, и что по изслѣдствіи учинено будетъ, о томъ въ Свіязскъ, къ мазору и воеводѣ Тимоею Юрьевичу Суходольскому съ товарищи писать». Слѣдуютъ подписи мазора Суходольскаго и капитана Долбилова, секретаря Федора Андреева и канцеляриста Ивана Петрова. Далѣе подписи сбоку: «марта дня году 1724 г. Пошляны 25 копеекъ съ полуденгой 1-й взяты и въ приодъ записаны». Указъ писанъ на листѣ съ гербовыми клеймами по обоямъ полудлстамъ. На второмъ изъ нихъ поимѣта: «№ 6 объявленъ марта въ 22-го дня 1724 году. Записать въ столбъ, а показанныхъ крестьянъ сыскать и въ чемъ надлежитъ допросить, а въ Свіязскъ отвѣтствовать».

Производства по указу намъ не случилось встрѣтить; но уже подача жалобы Арсеньевыхъ, безъ всякой ея повѣрки, указываетъ на то, что тогдашнія нормальныя отношенія между крестьянами и сыномъ ихъ помѣщика были нарушены.

¹⁾ См. статью мою „Статистическое обозрѣніе народонаселенія Царевоккшайскаго уѣзда, по бывшимъ народнымъ переписямъ“. „Каз. губ. Вѣд.“ 1858 г. № 1, 7, часть неоф.

²⁾ Повидимому, въ подлинникѣ, послѣ этихъ словъ слѣдовало быть указанію на присоединившихся къ крестьянамъ Арсеньева дворповыхъ, или хотя упоминаніе, что свѣдѣніе это находится въ жалобѣ, но оно, по ошибкѣ писца, тамъ пропущено.

Торговля вольными людьми

въ XVIII в.

екабря 30-го 1791 года въ городъ Рославль, Смоленскаго нагѣстничества, пріѣхали двое неизвѣстныхъ людей. Одинъ еще молодой человекъ, а другой уже пожилой.

Они остановились у питейнаго дома и начали тамъ пьянствовать. Рославльцамъ люди эти показались подозрительными, въ особенности младшій. Онъ былъ лѣтъ 20-ти, называлъ себя дворяниномъ, но по волосамъ на головѣ можно было думать, что не задолго до того подвергался бритью при отдачѣ въ рекруты. Едва пріѣзжіе успѣли потомъ вѣзхать на квартиру, какъ были взяты и представлены къ городничему.

Пожилой былъ Федотъ Гавриловъ, крестьянинъ изъ деревни Волковичей, брянской помѣщицы, ротмистрши Екатерины Судейкиной. Молодой оказался недорослемъ изъ дворянъ, Прокофіемъ Ивановичемъ Лосинскимъ, изъ села Незнанова, Рославльской округи, находящагося верстахъ въ 8-ми отъ деревни Волковичей.

Прокофій Ивановичъ, въ 1791 году, разъ чуть было не удавилъ подпояскою жену свою. Его-же мать жаловалась на это. Лосинскій былъ отвезенъ въ рославльскій нижній земскій судъ; впрочемъ, дѣло не имѣло надлежащаго хода. Не было въ Лосинскомъ и разборчивости въ приобрѣтеніи средствъ для жизни. Въ этомъ-же году, еще до случая покушенія на жизнь жены, онъ похитилъ у корнета Домашнева 70 рублей ассигнаціями и 5 рублей мѣдною монетою. По жалобѣ Домашнева, Лосинскій былъ допрошенъ, сознался въ кражѣ и возвратилъ деньги; тѣмъ дѣло и кончилось.

У городничаго Лосинскій высказалъ слѣдующее.

Весною 1791-го-же года, въ домѣ дворянки Анисьи Толпыгиной, Прокофій Ивановичъ познакомился съ брянскимъ дворяниномъ Львомъ Григорьевичемъ Судейкинымъ. 25-ти лѣтній Судейкинъ былъ уволенный изъ Суздальскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ, состоянія никакого не имѣлъ и жилъ у матери своей Екатерины Судейкиной; впрочемъ, онъ рѣдко находилъ дома, а больше развѣжжалъ по своему промыслу—подыскивалъ охотниковъ изъ свободныхъ людей и продавалъ ихъ за своихъ собственныхныхъ для по-

ставки въ рекруты. Въ этомъ дѣлѣ ближайшимъ помощникомъ его былъ 24-хъ лѣтній недоросль изъ дворянъ Семенъ Толпыга.

Судейкину и Толпыгѣ, хотя и не вдругъ, удалось свануть Лосинскаго продаться въ рекруты. Договорились, чтобы изъ денегъ, которыя получатся отъ продажи Лосинскаго, дать ему половину; остальные должны были идти въ пользу продавцовъ. Въ первой половинѣ августа Судейкинъ и Толпыга пріѣхали ночью въ Незнаново и тайкомъ отъ семьи увезли Лосинскаго съ собою въ Орелъ. Здѣсь Судейкинъ выдалъ Прокофья Ивановича за своего двороваго Ефима Иванова и продалъ за триста рублей повѣренному помѣщику Орлова. Отдѣлчикъ отъ Судейкина, дворовый помѣщика Вородовицына Осипъ Воробаевъ, приковалъ Лосинскаго къ себѣ за ногу и свезъ въ рекрутское присутствіе. Тамъ ему забрили лобъ.

Всего только четыре дня прослужилъ принятый въ рекруты Лосинскій. Тотъ-же Воробаевъ взялъ его съ часовъ при магазинѣ и свезъ къ Судейкину. Забриту выдали пять рублей, остальные-же деньги Судейкинъ и Толпыга обѣщались отдать, когда у него заростетъ лобъ и увезли его въ село Жабово, Брянской округи, къ помѣщику майору Ефиму Алексѣевичу Савину. У Савина Лосинскій пробылъ четыре дня и потомъ, по порученію Судейкина, уѣхалъ въ Смоленскъ къ зятю своему, отставному корнету Егору Кубышкину, чтобы склонить зятя подготовить также охотниковъ продать себя въ рекруты.

У зятя Лосинскій пробылъ до третьей недѣли рождественскаго поста, пока немного подросли волосы на лбу и, заручившись обѣщаніемъ Кубышкина найти охотниковъ, перебрался въ Рославльскую округу къ Судейкиной, а потомъ опять къ Савину. Въ это время самъ Судейкинъ и Савинъ уѣзжали въ городъ Орелъ для продажи въ рекруты трехъ человекъ; изъ нихъ одинъ былъ церковникъ изъ села Разрытаго и двое жителей Мглинской округи. Одного изъ послѣднихъ Судейкинъ продалъ за 375 рублей повѣренному ген.-аншефа Мих. Фед. Каменскаго, подъ именемъ бѣжавшаго крестьянина своей матери, Матвѣя Давыдова, а повѣренный сдалъ его въ рекруты за вотчину; другой выломалъ себѣ ногу. Его также представляли въ рекруты за вотчину Каменскаго, но онъ не былъ принятъ и возвращенъ съ выбитымъ затылкомъ. Третьяго, церковника, Судейкинъ пьяный за что-то побилъ и церковникъ бѣжалъ, вмѣстѣ съ поступившимъ въ рекруты подъ именемъ Давыдова.

Воротаясь послѣ этой не совсѣмъ-удачной операціи домой, Судейкинъ и Савинъ отправили Лосинскаго опять къ зятю его Кубышкину, за обѣщанными охотниками. Но на этотъ разъ поѣздка Лосинскаго оказалась неудачна. Мы уже рассказали, какъ онъ и подволчикъ его, Федотъ Гавриловъ, были задержаны въ городѣ Рославлѣ.

Судейкинъ и прочіе, оговоренные Лосинскимъ, не только не сознались, но,

поначалу, даже отрицались отъ знакомства съ нимъ. Самъ Лосинскій хотя и не разъ на очныхъ ставкахъ съ оговоренными утверждалъ расказъ свой, но потомъ заявилъ, что онъ выдумалъ все на Судейкина по злости, молодости своей и незнанію законовъ, что не только не былъ забрать въ рекруты, но даже не находился въ Орлѣ во время рекрутскаго набора.

Въ началѣ іюня 1792 года Судейкинъ и Лосинскій бѣжали изъ рославльскаго городническаго правленія, но въ слѣдующемъ-же мѣсяцѣ пойманы. Лосинскій объяснялъ, что его подговорили на побѣгъ Судейкинъ и Толпыга, оставшіяся на свободѣ. Оба они говорили Лосинскому, что еще кого-нибудь подговорять поступить въ рекруты, сдадутъ его въ Курскѣ, потомъ уѣдутъ въ Кіевъ, изъ него за-границу, поступать въ польскую службу, а тамъ уже никакъ ихъ не сыщутъ.

Сильною уликою противъ Судейкина послужили свѣдѣнія изъ крѣпостныхъ книгъ. Оказалось, что Судейкинъ продавалъ въ равное время людей, доставшихся, будто-бы, по наслѣдству отъ матери, которая была жива. Въ 1790 году онъ продалъ князю Щербатову крестьянскаго сына Игната Федотова; въ 1791-мъ,—того-же Федотова опять князю Щербатову, дворяваго Ефима Иванова маіору Орлову и снова Игната Федотова генералу Каменскому.

Справка съ дѣлами рекрутскаго присутствія подтвердила, что купленные отъ Судейкина люди сданы были въ рекруты новыми ихъ помѣщичьями, а между тѣмъ люди, именами которыхъ пользовался Судейкинъ, оставались на лицо при его матери.

Въ Рославлѣ и по Клинской округѣ производилось дѣло о такой-же продажѣ корнетомъ Бряновымъ священническаго сына Петра Злагковскаго Этотъ Златковскій обнаружилъ, что въ 1791 году Судейкинъ подговорилъ малороссійскаго мѣщанина казака Матвѣя Придѣда и продалъ его въ Орлѣ приказчику Каменскаго за собственнаго крестьянина Федотова, а потомъ, по сдачѣ Придѣда въ рекруты, вывезъ его изъ Орла и отпустилъ.

Долго тянулось дѣло за справками и неотысканіемъ нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ. Наконецъ, 8-го января 1797 года, орловская палата уголовнаго суда рассматривала его и признала Лосинскаго и Судейкина подлежащими лишенію дворянскаго достоинства, чина, который имѣлъ Судейкинъ, и сослать на поселеніе. Въ опредѣленіи своемъ палата назвала поступокъ недоросля изъ дворянъ Лосинскаго, дозволившаго подложно продать себя въ рекруты, произведеннымъ «изъ одного глупскаго, дворянину неприличнаго, паче-же весьма законопротивнаго на злопріобрѣтеніе денегъ попользованія».

Палата признала также, что крестьянинъ Федотъ Гавриловъ зналъ о продажѣ людей Судейкинымъ и не довелъ, за что заслуживалъ-бы наказанія, но такъ онъ принадлежитъ матери Судейкина, а «по ней и ему, Судейкину, подвластный, то и вѣроятно, что онъ объ ономъ молчать принужденъ»

былъ изъ непосредственнаго къ Судейкину подобострастія, чего, въ правильномъ разсужденіи и въ уваженіи, что извѣтажъ таковыхъ людей, какъ Гавриловъ, на господъ своихъ, опрочъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлахъ вѣрять не велѣно» — опредѣлила освободить Гаврилова отъ наказанія и отъ дати помѣщичѣ.

Судейкину и корнета Кубышкина палата освободила отъ суда по недостатку доказательствъ. Дворянинъ Толпыга, майоръ Савинъ и прочіе пособники преступниковъ остались неотысанными. Палата распорядилась, чтобы, по розысканіи они отосланы были для сужденія въ уѣздный судъ.

Изъ разсказа нашего читатель легко можетъ убѣдиться, что въ исходѣ XVIII вѣка продажа вольныхъ людей за своихъ собственныхъ, для отдачи ихъ въ рекруты, была значительно развита между дворянами. Между охотниками продаваться такимъ образомъ встрѣчались даже дворяне.

Что-же было причиною, что такого рода занятіе было тогда въ обычаѣ? Неразвитость чувства чести въ средѣ мелкаго дворянства, нужда въ деньгахъ и неразборчивость въ средствахъ къ приобрѣтенію ихъ, допущеніе у крѣпостныхъ дѣлъ совершенія актовъ на продажу безъ предварительнаго удостовѣренія о дѣйствительной принадлежности продавцу предмета продажи. При этомъ легкая возможность дать способъ къ побѣгу изъ службы забриту въ рекруты и укрыть его въ помѣстьѣ поддерживала въ продавшемся надежду на повтореніе этой операціи или, по крайней мѣрѣ, на то, что ему не придется долго остаться солдатомъ; а запрещеніе принимать въ рекруты вольнонаемныхъ оставляло охотникамъ на это только одно средство — дозволить продавать себя подъ видомъ крѣпостныхъ и давало дворянамъ хотя и незаконный, но выгодный промыселъ.

Продажа вольныхъ людей за собственныхъ случалась и гораздо рѣже. Въ 1727-мъ году государственная военная коллегія писала въ губернскія канцеляріи ¹⁾:

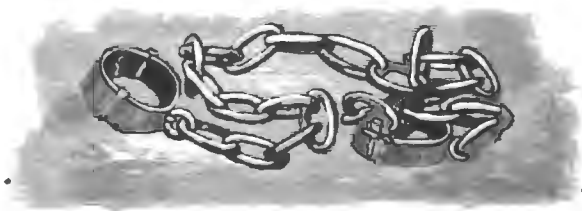
«Въ нынѣшнемъ 1727 году, февраля 21-го дня, въ военную коллегію, въ доношеніи Ярославской провинціи изъ воеводской канцеляріи написано: въ 1726 году московскаго драгунскаго шквадрона драгунъ Петръ Лехчановъ продалъ подлогомъ вѣсто двороваго своего человѣка, для отдачи въ рекруты, вочины генерала-мазора князь Ивана Борятинскаго Ярославскаго уѣзду деревни Тарвопова крестьянину Василью Дементьеву, отпущеннаго отъ ярославскаго помѣщика Ивана Внукова двороваго человѣка Никифора Чемаева, который допросомъ показалъ, что онъ въ Ярославлѣ, въ канцеляріи свидѣтельства душъ, въ 1723-мъ году, явился и сказку о себѣ подалъ, а въ подушной окладъ не положенъ, а въ 1726-мъ году нанялся у онаго Лех-

¹⁾ Изъ указа воронежской губернской канцеляріи 26-го іюня 1727 года воеводѣ Елецкой провинціи Кутузову.

чанова въ рекруты, назався по наученію его, Лехчанова, дворовымъ его человѣкомъ, и для той отдачи онъ, Лехчановъ, продалъ его оному крестьянину Дементіеву, отъ котораго по той продажѣ былъ для отдачи въ рекруты и объявленъ. И оный Лехчановъ былъ сысканъ и допросомъ-же показалъ, что онъ тое подложную продажу учинилъ, и за то держанъ былъ въ ярославской воеводской канцеляріи подъ карауломъ и изъ-подъ караула бѣжалъ и въ Ярославль-жъ пойманъ. По которой поимкѣ сказалъ за собою слово и дѣло и изъ Ярославля посланъ былъ для изслѣдованія въ Москву подъ карауломъ, и на дорогѣ у караульныхъ незнаемые люди отбили. И по указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти ея императорскаго величества, военная коллегія приказали: „вышесозначеннаго Никифора Чемаева, котораго драгунъ Лехчановъ продалъ подложно генерала-мавора князя Британскаго крестьянину Василью Дементіеву, а отъ него объявленъ для отдачи въ рекруты, принять обрѣтающимся въ той провинціи офицеромъ для опредѣленія въ солдаты и отослать въ полкъ для того, показалъ онъ, Чемаевъ, допросомъ свободнымъ себя человѣкомъ, а изъ канцеляріи свидѣтельства душъ Санктпетербургской губерніи взять извѣстіе, оной Чемаевъ при свидѣтельствѣ душъ отъ кого являть-ли или собою явился и что о себѣ въ сказкѣ показалъ, и какое объ немъ рѣшеніе учинено, а драгуна Лехчанова, который оного Чемаева подложно продалъ, въ губерніяхъ и провинціяхъ сыскивать, и гдѣ сысканъ будетъ, оттуда выслать его въ Москву, въ военную контору за крѣпкимъ карауломъ, а изъ конторы для изслѣдованія отослать въ Преображенской приказъ, а какъ оттуда свободитца, тогда въ подложной отдачѣ оного человѣка изслѣдовать, надлежащее рѣшеніе учинять по указу“.

Здѣсь, по всей вѣроятности, вольноотпущенный Чемаевъ потому проданъ въ рекруты подъ видомъ крѣпостнаго, что онъ былъ прописной по ревизіи и не только не имѣлъ право лично наняться за другаго, но по закону самъ подлежалъ зачисленію въ рекруты. (П. С. З. Т. VII, 4145, п. 10, 4318, п. 3, 4335).

А. Пупаревъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всё книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ отсылки при этомъ денегъ и получать книги по почте съ наложеніемъ платежа.

Амновъ, Ф. д-ръ. Гигіена беременности. Обязанности матери. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Спб. Ц. 1 р.

Апановъ, д-ръ. Абастуманъ и его дѣлбное значеніе. Тифл., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Афанасьевъ, М., д-ръ мед. По поводу азиатской холеры, ея предупрежденія и леченія. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.

Биографическая бібліотека Ф. Павленкова: Беранже.—М. М. Сперанскій. Съ портретами. Спб., 1891 г. Ц. кажд. кн. 25 к.

Беродинъ, Н. Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Буаатовъ, П. Н. Какъ уберечься отъ холеры? Спб., 1892 г. Ц. 10 к.

Бураловскій, С. Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина. Новгородъ, 1892 г. Ц. 80 к.

Бюхнеръ, Людвигъ, проф. Искусство долго жить (макробиотика). По современ. научнымъ даннымъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Василевскій, полк. Руководство для штабъ-офицеровъ и капитановъ, подвергающихся испытанію при зачисленіи въ кандидаты на должности уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ. 3-е изд. Спб., 1892 г. Ц. 5 р.

Веберъ, К. Мукомольное дѣло. 2-е перераб. и значительно дополн. изданіе. Спб., 1892 г. Ц. съ атласомъ 10 р.

Виларе, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ редакціею проф. И. Р. Тарханова. Вып. 4-й. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

* Владиміровъ, П. В. Первые русскія писательницы XVIII вѣка и участіе русской женщины въ развитіи народной словесности и древне-русской письменности. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

„Въ добрый путь“. Заграничный справочный календарь на 1892—93 гг. Изданіе «Русскаго Братства» въ Берлинѣ. Берлинъ, 1892 г. Ц. 2 р.

Галаишъ, М. И., д-ръ. О холерѣ. Общедоступное разъясненіе жѣръ противъ нея, личныхъ и общественныхъ. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.

Гинтервальднеръ, І. М. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Перев. подъ редакц. и съ приложеніемъ статьи профес. Э. Ю. Петри «Антропологическія коллекціи и наблюденія». Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

* Гоголь, Н. В., и его новыя біографы. (По поводу книги г. Шенрока. «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I. Москва, 1892) Ф. А. Витберга. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Гольмстенъ, д-ръ. Съ предисл. професс. П. Здонаура. Холера. Предохранительныя

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

КАТАЛОГЪ КНИЖН. МАГАЗИНА „РУССКАЯ СТАРИНА“ (ПРИЛОЖ. ИЗД. 1892 Г.). VIII

мѣры въ домахъ и семьяхъ. Изд. 2-е. 1892. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Григорьевъ, Н. И. Мѣры для борьбы съ холерою. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

Didon, Я. P. Исусъ Христосъ. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

* Древнее русское знаменное пѣніе и о разумномъ его исполненіи. Составилъ Ново-Аеоновскаго Симона-Кананитскаго монастыря монахъ Иннокентій, Спб., 1890 г. Ц. 25 к.

Муневскій, Б., д-ръ. Предупрежденіе и леченіе холеры у дѣтей. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

* Жунъ, В. Н. Что такое холера и какъ отъ нея уберечься. Популярный очеркъ съ 6-ю рис. холерныхъ бациллъ. Ц. 15 к.

Зоя, Э. Погромъ (La Débâcle). Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Ириотенко, А. П. Пришла весна,—пришла красна! (Иллюстр. естественно-научная библиотека. II). Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

* Ляленфельдъ, В. К. Пояснительная записка по поводу дѣятельности и намѣченныхъ цѣлей Высочайше утвержденного товарищества для производства и примѣненія огнеупорнаго состава Ѳ. Г. Бабаева. Спб., 1892 г.

Липскій, А. А. Голодъ и вызываемыя имъ болѣзни. Спб., 1892 г. Ц. 35 к.

Magagnolo, prof. Азіатская холера. 2-е русск. издан. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* Мариуполь и его окрестности. Изданіе почетнаго понечителя Д. Ал. Хараджаева. Мариуполь, 1892 г.

Михневичъ, Н. П. Военно-историческіе примѣры. Издан. 3-е, исправл. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Между Сциллой и Харибдой. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

* Настольная книга для народа. Подъ редакціею И. П. Хрущова; въ четырехъ отдѣлахъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Сто» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шагремъ коленкоромъ—80 коп., сабьяннокорешковій—50 коп.

Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Старинъ» безъ малѣйшаго замедленія.

* Памятникъ древней письменности.

Слово о погибелѣ русскія земли. найденный памятникъ литографированъ вѣва. Сообщеніе Хрусаво Лопарова. 1892 г., Ц. 50 к.

Паченинъ, В. Е., д-ръ. Что дѣлать холерѣ. Спб., 1892 г. Ц. 15 к.

Перль, Л. Реформа пассажироваго рифовъ. Изслѣдованіе. Спб., 1892 г.

Пирлингъ, Павелъ. Россія и Царское бракосочетаніе въ Иванъ III и Софія Палеологъ. Ц. 1 р. 50 к.

Попровскій, Е. А. Русскія вижныя игры. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Прессъ, А. А. Защита жизни и рабочихъ на фабрикахъ и 2-й. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

* Путешествіе академика Гильдъ по Слободско-Украинской губерводъ и предисловіе М. Н.

прим. Д. И. Багагва. Харьковъ,

* Родословная дворянъ Савелон тожество Андроса). Л. М. С. Москва Ц. 75 к.

* Розенблюмъ, В. Н. Въ борьбѣ дерою. Воспоминанія и совѣты, ные на 46-ти лѣтнемъ личномъ врача, практикующаго въ С.-Пе Спб., 1884 г. Ц. 40 к.

* Смоленскій, П. О., д-ръ. Проще общедоступные способы наглядн оцѣнки добродѣтели припасовъ, воздуха, воды, жилища. Съ 60 рис. въ текстѣ. Второе Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Спутникъ охотника. Иллюстр. книга-календарь для охотниковъ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

«Стоглавъ». Иллюстрированный даръ на 1893 годъ. Спб. Ц. 35 к.

Всела и т.д. Всеобщая география. Энциклопедия Т. VI. С.-Петербург. Надание картографического свидетельства А. Ильина. 1892. (Второе издание).

Превосходно составленный и выданный VI томъ труда г. Энциклопедии долженъ нести для насъ особый интересъ, такъ какъ содержитъ въ себя описание Азиатской Россіи и средне-азиатскихъ земель. Вся книга (700 страницъ) раздѣлена на отдѣльные четыре отдѣла: 1) общая характеристика Азіи, 2) Казахскій край, 3) Арало-Каспійская низменность. Русскій Туркестанъ, независимая Туркменія, Хива, Бухара, страна по рѣкѣ Оксусу, 4) Сибирь. Надание украсено 62 рис., но иллюстраціи своему не оригинальности несутъ ничего интереснаго; къ нему приложены три карты.

Обзоръ Закаспійской области на 1891 г. С.-Петербургъ. 1892.

Небольшая брошюра эта, представляющая лишь сборникъ официальныхъ документовъ, а потому довольно сухая, невпечатлѣтельна, такъ не несетъ, какъ оригиналы разсужденія. Всего дванадцать лѣтъ тому назадъ обширная страна къ востоку отъ Каспія представляла лишь одну пустыню, служившую ареной для разбоевъ, грабежей и несчастныхъ происшествій полу-варварской жизни. Скитавшія и отшельничующія племена туркменъ господствовали въ ней безконтрольно. Теперь та-же страна перешла къ развитымъ путямъ, соединившимъ средне-азиатскіе владѣнія съ моремъ, оживившимъ торговлю и промышленность. Обшира гражданственности и европейской культуры несутъ уже давать ростки, и нѣтъ сомнѣній, что теперь вконецъ-наконецъ десяткомъ лѣтъ край этотъ совершенно изменитъ свою первобытную организацию.

И. С. Листовскій. Историческіе итоги. С.-Петербургъ. 1892.

Книга эта представляетъ собою блестящее исследование славянофильскаго мировоззрѣнія и даже-бы обвинительнаго акта противъ германской расы. Собственно говоря, это—коммюникація, составленная изъ всѣхъ сочиненій, написанныхъ въ подобномъ же духѣ. Особенно резко открытымъ отношеніемъ къ намъ Пруссія в ея отремленіе, подъ впечатленіемъ дружбы къ Россіи, постынно эксплуатировать послѣднюю и продать ей.

При той тенденціозности, съ которою составлена книга г. Листовскаго, нельзя

удивляться, что многіе изъ его „историческихъ итоговъ“ отражаютъ натуру, малопристрастную и яркими пристрастіями. Но, вѣдь съ тѣмъ, въ кругу эту вносимы в таѣ, неподходящіе событіямъ, факты, изъ отношеній къ намъ Германія (особенно Пруссія), которыхъ умалить въ виду нѣльзя не слѣдуетъ и съ которыми нѣльзя не считаться. Въ этомъ смыслѣ трудъ г. Листовскаго не лишенъ поучительности.

Дорожная записка на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 гг. Археологическаго Палладию. С.-Петербургъ. 1853.

Въ 1847 г. о Палладіи прозвѣла черномонголію по тѣмъ названіямъ почтового тракта, по новой и до тѣхъ поръ русскимъ и другимъ европейцамъ совершенно неизвѣстной дорогѣ. Второй дневникъ о Палладіи составленъ имъ былъ въ 1859 г., когда онъ во второй разъ возвращался изъ Пекина въ Россію. Дневникъ этотъ, представляющій собою отрывочныя записки, такъ не несетъ нѣтъ большой научной интересъ. Особенно любопытнымъ значащимъ участкомъ автора о развалинахъ древнихъ городовъ въ Монголіи и объ его походахъ по р. Керулену. Введеніе къ дневнику написано докторомъ Бретшнейдеромъ, а заглавіемъ на датскомъ 1817 г.—профессоромъ А. М. Подедальемъ.

По Египту и Палестинѣ. Путевыя записки Е. Ф. Карташова. С.-Петербургъ. 1892.

О Египтѣ и Палестинѣ не невозможно было написать столько уже было написано разныхъ научныхъ сочиненій: географическихъ, историческихъ, этнографическихъ и т. п., что сообщить какихъ-либо новыхъ свѣдѣній объ этихъ странахъ было-бы довольно трудно. Впрочемъ, авторъ нѣсколько научныхъ цѣляхъ, при составленіи своей книги, и не забавался. По собственному его вѣдѣнію, онъ несетъ лишь подѣлиться съ читателемъ впечатлѣніемъ турнета, впервые посетившаго эти историческия страны, во многихъ отношеніяхъ столь близкія сердцу каждому изъ насъ. Тѣ, которымъ мало приходилось читать о землѣ египетской и о современномъ ея положеніи общехристіанскихъ святыхъ въ Палестинѣ, не безъ удовольствія ознакомятся съ ними въ живомъ и довольно обстоятельномъ повѣствованіи г. Карташова.

И. О.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городовыхъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦИНАКРЯНИНА (бывшій Мелье и К°). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, или книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Котэлъ Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглобина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подольскую, близъ Екатеринбургскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ биографіямъ достойнѣйшихъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовнаго и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобиографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Статьи о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Ряды словъ

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія издаванія журналовъ:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (10 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (51 экз.), съ портретами, 6 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (28 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (53 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (27 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кв. изд. второе (50 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (59 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій. СЕНТЯБРЬ.

1892 годъ

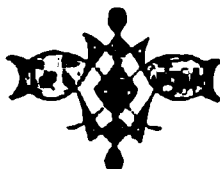
СОДЕРЖАНИЕ.

I. Воспоминанія о польскомъ воеводѣ въ войнѣ 1830—1831 гг. А. Э. Редавиа	303	VIII. Яковъ Васильевичъ Толмачевъ, ординарный профессоръ снб. университета, 1778—1873 гг. Автобиографическая записка	64
II. Императорскій московскій университетъ въ университетѣ Николая Пролоретича Третьякова, 1789—1830 гг. Главы VI—VII.	323	IX. Воспоминанія о Николаѣ Николаевичѣ Порогѣвѣ. Глава I. Сочин. С. Н. Кулабѣв	71
III. Путешествіе въ Францію и Италію. (Омичаніе). Руниски изъ собранія С. А. Песторанскаго	554	X. Путешествіе въ Норвегію Н. М. Соловьева, 1770—1778 гг. Дополненіе къ исторіи русск. открытія въ Восточныхъ оловѣ. Ча. I—II. Сочин. П. Н. Оглоблина	74
IV. Александръ Петровичъ Хрущовъ, 1806—1875 гг. Выдержка изъ его записокъ 1853—1859 гг.	593	XI. Холера въ С.-Петербурѣ въ 1830 г.: 1) Русская повѣсть о безпорадкахъ въ городѣ. — 2) Письмо Д. П. Сабонова	78
V. Доброе старое время. Ча. III—V (Омичаніе). Сочин. П. С.	615	XII. Матеріалы и записки На чина Екатерины II (763) П. С. Турганова, письма его къ Н. А. Гиршарну, 1844 г. (1832) — А. Д. Кирьевъ (767). — П. М. Пржевальскій и Н. П. Рязанскій (768). — Поэзія (768)	
VI. Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 гг. В. М. Вонляринскаго. (Омичаніе).	631	XIII. Библиографическій листокъ (забортки).	
VII. Изъ записокъ объ Южной Болгаріи въ время окупанія ея русскими войсками въ 1878—1879 гг. и о выдававшихся событіяхъ въ владѣніяхъ Болгарскихъ. Сочин. П. С. Никольскаго.	685		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портреты И. М. Прозовальскаго и В. М. Роборовскаго. Гравированіе художника И. П. Маташова.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ над. 1892 г.

Изданіе 1892 г. „Русскую Старину“ над. 1891 г. (Детское 13 экз.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова, Екатерининскій каналъ, д. № 80.

9192.

IX-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1892 г.

Значение герmano-французской войны 1870—71 гг. в истории военного искусства. Критико-историческое исследование. Часть I. Стратегия. Составил генерального штаба подполковник Н. Михневичъ. С.-Петербургъ, 1892 г. Ц. 3 руб.

Въ введении къ своему труду, авторъ, напоминая о томъ, что задача военного искусства состоитъ въ проведеніи непреложныхъ законовъ войны въ жизнь, т. е. въ практическомъ приложеніи ихъ, при данныхъ условіяхъ обстановки, указываетъ на необходимость возможно подробно изучать современную войну, повечию, серьезно оглядываясь на предыдущія эпохи. Изъ послѣднихъ войнъ, говоритъ г. Михневичъ, наибольшее значеніе и пользу въ этомъ отношеніи имѣетъ герmano-французская война 1870—71 гг. Она представляетъ собою особенно благоприятное для наблюдателя явленіе: въ ней столкнулись два равносильныхъ и равнокультурныхъ народа; многіе думали, что побѣда останется на сторонѣ Франціи и, вдругъ, совершенно неожиданно, «ей въ теченіе нѣсколькихъ дѣсятевъ нанесена былъ совершенный и страшный разгромъ». Причину побѣды ищетъ авторъ оправдываетъ превосходствомъ ихъ военной системы. При равныхъ, повидному, культурныхъ условіяхъ, серьезный политическій строй Германіи вызвалъ къ жизни больше силъ какъ финансовыхъ, въ числѣ солдатъ, такъ и интеллигентныхъ, въ лицѣ команднаго элемента, чѣмъ и нанесъ страшное поражение противнику.

Постоящій трудъ (такъ говоритъ авторъ въ заключеніи своего введенія) не представляеть послѣдовательнаго описанія событій войны 1870—71 гг.; онъ преслѣдуетъ другую цѣль: въ немъ будетъ представлено, по возможности, систематическое исследование вопросовъ стратегіи и тактики, на основаніи опыта этой войны. При исследованіи каждаго вопроса предложена принципиальная его часть, а потомъ, на призракахъ изъ этой войны, мысленны способы приложенія этихъ принциповъ, при современныхъ условіяхъ; чтобы корректаровать выводы, приводятся примеры рѣшеній тѣхъ-же вопросовъ въ другихъ войнахъ. Задѣвшись этому цѣлю, естественно придетъ къ раздѣленію труда

на двѣ главныя части: стратегіи и тактики. Въ порядкѣ изложенія онъ попросить вытѣснѣть въ виду, во имениности, издержать программу этихъ отраслей военной науки, принятой въ имперіи. Наученіе войны 1870—71 гг. принятому предположенію должно имѣть, въ концѣ концовъ, значеніе в исторіи военного искусства.

Заключая эти слова введенья своему труду, авторъ, въ общихъ, но рѣзкихъ чертахъ оправдываетъ условія жизни на войнѣ, предписывая имъ тѣмъ же Леономъ, Стронниемъ и Клаузевицемъ, вѣкъ уже переходить въ разсужденіи об 1870—71 гг. въ стратегическомъ отношеніи которое и составляетъ 1-ю часть ина названнаго сочиненія.

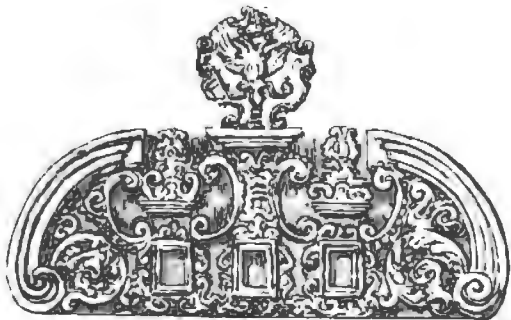
По богатству содержания, книга г. Михневича представляеть несомнѣнно ценный вкладъ въ нашу военную литературу. Размѣривать ее можно не только читателю и церству, вообще, но и преподавателю военныхъ наукъ. Надо къ этому прибавить что она, какъ иная подобная ей далеко не страдаетъ сузостью изложенія и, напротивъ, написана языкомъ яснымъ и увлекательнымъ.

Книжка и труды М. П. Погодина Николай Барсукова. Книга шестая. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Подобно пяти предшествующимъ, шестая часть замѣчательнаго труда г. Барсукова отаичается редкою ясностью и замѣчательностью. Въ ней описаны труды Погодина въ 1841—1842 годахъ, эпоху возникновенія его журнала «Милитантъ», просуществовавшаго только но, на первыхъ порахъ, въобразивъ благосклонное вниманіе военныхъ административныхъ сферъ. Авторъ проводитъ эту тему черезъ цѣлую галерею современниковъ, пользовавшихся известностью тогдашней учености и литературности въ Россіи и состоявшихъ въ близкомъ или дальнемъ отношеніи къ Погодину. За и понятія известной части военныхъ научно-литературнаго кружка сороковыхъ годовъ воспроизводитъ передъ нами въ ихъ образѣхъ и выдѣляетъ характерныя черты какъ въ дневникѣ Погодина, такъ и въ перепискѣ его съ разнородными лицами. Весьма интересно также описаніе

Полковник

ВОСПОМИНАНІЯ А. Л. ЗЕЛАНДА

О ПОЛЬСКОМЪ ВОСТАНІИ И ВОЙНѢ

1830—1831 гг.

Почитывая иногда съ большимъ интересомъ журналъ „Русская Старина“, мнѣ пришла охота привести въ порядокъ хранившіяся у меня замѣтки о приключеніяхъ со мною и впечатлѣніяхъ со дня возмущенія въ Варшавѣ въ 1830 г. до выѣзда моего изъ Польши въ 1833 г. Не до того мнѣ было въ то время, чтобы вести записки; я дѣлалъ замѣтки, выписки, и списывалъ, если попадется что замѣчательное.

По преклонности лѣтъ и разстроеному слишкомъ 46-тилѣтнею службою здоровью, я вынужденъ оставить нынѣ службу, и вотъ время позволяетъ мнѣ заняться описаніемъ впечатлѣній давно минувшихъ лѣтъ, въ надеждѣ, что безыскусственный рассказъ мой, при незначительномъ, можетъ быть, историческомъ интересѣ его, все-таки можетъ заинтересовать читателей. Я сошелъ со сцены, живу преимущественно прошлымъ, и занятіе это доставить мнѣ самому пріятныя воспоминанія объ очаровательныхъ дняхъ беззаботной молодости, о разгульной походной жизни, о дружескихъ бесѣдахъ у пылающихъ костровъ и объ опасностяхъ, которыхъ мы тогда не замѣчали, увлекаясь мечтами о геройскихъ подвигахъ и предстоявшихъ наградахъ.

Возмущеніе 1830 и война 1831 годовъ такъ обстоятельно описаны въ переведенномъ впослѣдствіи на русскій языкъ сочиненіи Смита, что нѣтъ надобности въ подробномъ изложеніи хода событій. Такой трудъ мнѣ не по силамъ; я-бы желалъ передать только то, что самъ пережилъ въ то время или слышалъ отъ другихъ. Смитъ грѣшитъ въ одномъ: онъ, какъ землякъ графа Дибича, отстаиваетъ его сколько есть силъ, и не знаю почему сильно довѣряетъ реляціямъ, а кому неизвѣстно, что онѣ сочиняются и, по большей части, далеко уклоняются отъ истины. Читалъ я первыя двѣ части Смита въ 1840-хъ годахъ; а напечатаны онѣ въ Берлинѣ въ 1839 году. Помнится мнѣ, я не нашелъ одного обстоятельства въ сочиненіи этомъ, которое, по своему значенію, безъ сомнѣнія, повліяло на успѣхъ возстанія. Вотъ въ чемъ дѣло: изъ Литовскаго корпуса и изъ Гренадерскаго отряда, расположенныхъ по границѣ Царства Польскаго, православные переведены были, въ началѣ 1820-хъ годовъ, въ наши войска внутри имперіи, а изъ нихъ уроженцы Польши границъ 1772 года поступили въ составъ Литовскаго и части резервнаго корпусовъ. Вслѣдствіе такого административнаго распоряженія, эти войска, за исключеніемъ артиллеріи, красовавшіяся, какъ и польскія войска, желтыми воротниками и отворотами, составляли какъ-бы часть польской арміи. Русской рѣчи между офицерами не было слышно,—все ихъ знаніе русскаго языка ограничивалось изученіемъ командныхъ словъ. Въ артиллеріи этого перемѣщенія не было, и хорошо сдѣлали. У насъ были поляки и между офицерами, но они составляли между собою особыя кружки и говорили по-польски, а съ нами вообще, въ квартирѣ-же командира роты въ особенности—всѣ говорили по-русски. До 1829 г. въ нашихъ ротахъ гренадерской бригады было почти три комплекта офицеровъ, составлявшихъ партіи: польскую и не польскую, пребывавшія не всегда въ добромъ согласіи. Иногда ссоры выходили изъ пустяковъ. Помнится мнѣ, какъ кто-то, полшутя, разъ замѣтилъ, что у поляковъ нѣтъ чести — и страшный споръ чуть не кончился дракою; а провозшелъ онъ вотъ изъ чего: на польскомъ языкѣ есть честность (почцивосць), но слово „честь“ замѣняется латинскимъ „honor“, слѣдовательно оно позаимствовано.

Литовскій корпусъ имѣлъ одну уланскую, двѣ пѣхотныя дивизіи и батальонъ саперъ. Въ каждой пѣхотной дивизіи было

4 полка пѣхотныхъ и два егерскихъ съ комплектными батальонами, не такъ какъ въ настоящее время. Въ Бѣлостокской области были расположены два гренадерскихъ и одинъ карабинерный полки, входившіе въ составъ резервнаго корпуса съ гвардіею варшавскаго. Понятно, такія силы, при обстоятельствахъ выше изложенныхъ, представляли значительный шансъ заговорщикамъ. Конечно, поляки—не охотники здраво обсуждать шансы: они бросаются въ объятія революціи хронически. Наполеонъ I долго водилъ ихъ за носъ обѣщаніями золотыхъ горъ, но, наконецъ, въ 1813 году, когда самому пришлось плохо, онъ объявилъ присланной изъ Варшавы депутаціи слѣдующую непреклонную истину: „votre nation porte sa ruine dans son caractère“.

I.

Возмущеніе въ Варшавѣ

Я служилъ съ роднымъ братомъ, Иваномъ Львовичемъ, Литовской гренадерской бригады въ 1-й батарейной ротѣ, квартировавшей Бѣлостокской области въ г. Соколѣ. Незабвенный братъ и другъ мой скончался въ началѣ 1850 г., въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба.

Осенью 1830 г. я былъ командированъ, вмѣстѣ съ подпоручикомъ Драчевскимъ, отъ 2-й легкой роты, въ школу юнкеровъ артиллеріи и саперъ, собираемой на зиму въ Варшавѣ, куда и прибыли мы въ началѣ октября. Школою командовалъ полковникъ польскихъ войскъ, и изъ числа 7-ми оберъ-офицеровъ, для очереднаго дежурства, насъ только трое было русскихъ. Сильно стали поговаривать о существующемъ заговорѣ и ожидаемомъ возмущеніи; нерѣдко подбрасывались угрозы и пасквили къ Бельведеру, въ которомъ жилъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, наконецъ прибыли объявленіе объ отдачѣ его съ новаго года въ наймы. Польскіе офицеры косо на насъ поглядывали, не давали дороги при встрѣчѣ на узкихъ городскихъ тротуарахъ и мы несутя стали совѣщаться о средствахъ защиты, если-бы возстаніе, какъ полагаютъ надо было, вспыхнуло-бы ночью. Занимали мы съ Драчевскимъ квартиру на Фрета улицѣ, въ 4-мъ этажѣ обывательскаго дома; подниматься

приходилось по узенькой лѣстницѣ. Наверху въ сѣняхъ, около перилъ лѣстницы, хранились аккуратно въ равныя полѣнья напеленныя дрова. Въ такомъ видѣ дрова заготовлялись и отпускались въ Варшавѣ всѣмъ чевамъ, получавшимъ квартирныя деньги или квартиры въ натурѣ. Порѣшили мы, если на насъ нападутъ, забрасывать непріятеля дровами, а потомъ пустить въ дѣло бывшее у насъ оружіе, а именно: охотничье ружье, два пистолета и полусабли, уже отпущенныя. Литовскій корпусъ сталъ готовиться въ походъ, какъ говорили, въ Бельгію. Артиллерія затруднялась въ закупкѣ лошадей по военному положенію, почему нашъ ротный командиръ, полковникъ баронъ Ренне, раскомандировалъ офицеровъ въ разныя стороны для закупки лошадей, и въ томъ числѣ моего брата въ Варшаву. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что войска въ Варшавѣ не нуждались въ лошадяхъ, такъ какъ они постоянно оставались на военномъ положеніи. Братъ мой прибылъ въ Варшаву за двѣ недѣли до возстанія, остановился, конечно, у насъ и, купивъ своихъ 20 лошадей, 16-го ноября получилъ приказаніе представить ихъ на смотръ начальнику артиллеріи, генералъ-маіору Герштенцвейгу, 18-го числа, для чего дали ему 4-хъ человекъ польской конной артиллеріи, чтобы лошадей подстричь и вычистить.

Въ воскресенье, 15-го ноября, былъ отказанъ церковный парадъ, а потомъ и разводъ. Это тѣмъ болѣе всѣхъ удивило, что погода была хорошая и даже подмерзло. Говорили, что его высочество получилъ извѣстіе отъ государя императора о предстоящемъ возстаніи и что по этому предмету происходило совѣщаніе. Предлагали снять съ оружія въ арсеналѣ штыки и курки, и если не потопить въ Вислѣ, то, по крайней мѣрѣ, отвезти куда-нибудь; но цесаревичъ, къ несчастію, не захотѣлъ принять подобной мѣры: онъ не могъ предположить, чтобы возстаніе могло принять грозныя размѣры, когда, по его убѣжденію, въ числѣ начальства войскъ не было соучастниковъ въ заговорѣ. Къ счастью моему, я отдежурилъ въ понедѣльникъ 16-го ноября, а во вторникъ, т. е. въ день возстанія, дежурилъ въ школѣ польскій саперъ. Меня, Драчевскаго и брата моего пригласили въ этотъ день на вечеръ къ одному офицеру Волинскаго полка, состоявшему при отдѣленіи кантонистовъ въ Александрійскихъ казармахъ, гдѣ нынѣ цитадель. Братъ отказался, потому что

предположилъ въ этотъ вечеръ приготовиться въ дорогу, дабы на другой день тотчасъ послѣ смотра выступить съ лошадьми. Мы-же съ Драчевскимъ, принявъ приглашеніе, часовъ въ семь вечера усѣлись съ прочими гостями козырять. Насъ тутъ было человѣкъ 12, но играло 8 человѣкъ, за двумя столами, въ вистъ. Денегъ взялъ я съ собою всего 4 рубля серебряныхъ, для того, чтобы отмѣчать партіи, какъ въ старину дѣлалось.

Въ 9-мъ часу входитъ квартировавшій съ нашимъ хозяиномъ офицеръ Волынскаго-же полка и, найдя насъ спозвоино игравшими, громко свазалъ: „господа, посмотрите что въ городѣ дѣлается! Я едва ушелъ изъ театра. Спасибо Хлопицкому: онъ своею благо-родною рѣшительностію положительно спасъ отъ плѣна всѣхъ русскихъ, бывшихъ въ театрѣ. Началось съ того, что изъ боковаго входа вошелъ въ театръ отставной 8-го линейнаго полка подпоручикъ Добровольскій въ мундирѣ конно-артиллерійскомъ, съ саблею наголо, и заревѣлъ, конечно, по-польски: „поляки, къ оружію, русскіе насъ рѣжутъ!“ Всѣ встали со своихъ мѣстъ, въ томъ числѣ и ротмистръ Безобразовъ, адъютантъ цесаревича; сядѣлъ онъ въ крайнемъ креслѣ около того мѣста, гдѣ вошелъ Добровольскій; поднявшись, онъ вскинулъ на плечи шинель и направился къ выходу, но Добровольскій его дерзко остановилъ, а Безобразовъ толкнулъ его такъ сильно въ плечо, что тотъ отшатнулся и очистилъ дорогу къ выходу; насъ не выпускали; мы бросились на сцену; но и тутъ были солдаты 4-го линейнаго полка, которыхъ Хлопицкій насилу урезонилъ“. Разсказъ этотъ насъ немало озадачилъ, а партнеръ мой, 30-тилѣтній юнкеръ польскаго гренадерскаго полка (родня какого-то писателя, человѣкъ очень образованный), спросилъ по-польски—можетъ-ли онъ дать честное слово, что все это такъ? Офицеръ отвѣтилъ ему по-русски: „поди и полюбуйся,—въ улицахъ бѣготня, давка и стрѣльба для возбужденія пьяной сволочи; арсеналь освѣщенъ пожаромъ сосѣднаго строенія, а здѣсь на дворѣ полки вышли въ строй и заражаютъ ружья“. Тутъ всѣ поднялись, чтобы обратиться какъ Богъ поможетъ, а товарищъ мой по выпуску изъ корпуса Литовскаго полка, Андрей Одинцевъ—всегда веселый и беззаботный, не шуга предложилъ кончить роберъ, но братъ его, Алексѣй (впослѣдствіи губернаторъ въ Нижнемъ Новгородѣ), и всѣ прочіе вziali за шляпы, отыскали свои шинели и поспѣшили

убратся. На дворѣ мы дѣйствительно увидѣли, что Литовскій и польскій Гренадерскій полки въ строю заряжаютъ ружья. Въ городѣ была страшная кутерьма, пробратся домой не было надежды и не для чего было рисковать попасть въ лапы пьяной толпы, которая не прочь щегольнуть дешевою храбростію. Мы съ Драчевскимъ применили въ Литовскому полку, который, вѣроятно по предварительному распоряженію, вмѣстѣ съ Гренадерскимъ пошелъ на Марсовое поле. Командиръ полка, генералъ-маіоръ Энгельманъ, взять въ плѣнъ на пути къ полку; команду принялъ старшій полковникъ Грабе. На Марсовомъ полѣ мы не останавливались, но пошли дальше по направленію къ арсеналу, съ тѣмъ, чтобы его отстоять, но встрѣтился намъ командиръ этой бригады, польскій генералъ Жемирскій, крича по-польски: „куда идете? Князь приказалъ стоять и ждать приказаній“. Грабе, чтобы исполнить приказаніе своего начальника, повернулъ полкъ; намъ-же казалось, что онъ могъ его, какъ поляка, послушаться, и, вѣроятно, мы-бы отстояли арсеналъ, въ которомъ хранилось 30,000 разнаго оружія; нельзя-же было не принять въ соображеніе, что распоряженіе, Жемирскимъ переданное, сдѣлано заблаговременно, когда нельзя было предвидѣть обстоятельствъ, отрывшихся въ моментъ самаго возстанія.

Полки поставлены въ баталіонныя колонны, фронтомъ по направленію къ казармамъ Волинскаго полка, слѣдовательно Гренадерскій, какъ второй полкъ въ бригадѣ, сталъ на лѣвомъ флангѣ, т. е. къ сторонѣ городской. Жемирскій, не слѣзая съ коня, отъ него не отходилъ, уговаривая быть вѣрными и ожидать спокойно приказаній цесаревича.

Морозную ночь провелъ я на землѣ, завернувшись въ шинель, вѣтромъ подбитую; а голову, за немѣніемъ фуражки, завернулъ въ кашинъ. Я сильно продрогъ и не могъ заснуть. Провизіи у насъ никакой не было; воды нельзя было добыть, а меня томила жажда. Литовскій полкъ посылалъ въ городъ патрули съ заряженными ружьями, но стрѣлять было запрещено (вѣроятно Жемирскимъ). Патрули приводили плѣнныхъ, но возвращались съ ранеными и потеряли убитымъ юнкера князя Оболенскаго. Этихъ плѣнныхъ направляли въ волинскія казармы, гдѣ ихъ до другаго вечера накопилось до 600 человекъ. Въ числѣ плѣнныхъ былъ полякъ гнуснаго вида, долго стрѣлявшій въ насъ

изъ окна углового дома, и когда его, наконецъ, отыскали и къ намъ привели, онъ упалъ на колѣна и клялся всѣми святыми, что стрѣлялъ не онъ.

При нашей школѣ были для учебныхъ занятій четыре шести-фунтовыя пушки съ зарядными ящиками. По предварительному распоряженію, для этихъ орудій назначены были лошади и прислуга изъ артиллеристовъ 24-й и 25-й бригадъ, присланныхъ въ учебныя команды; ящики были укомплектованы зарядами. Орудія эти тотчасъ прибыли къ волынскимъ казармамъ, а по прибытіи Литовскаго полка намъ съ Драчевскимъ дали одно изъ этихъ орудій, которое мы зарядили ядромъ и навели вдоль улицы по направленію къ арсеналу, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности послать ядро—другое, и уже послѣ зарядить картечью.

Въ числѣ офицеровъ Литовскаго полка, съ которыми я здѣсь познакомился, были полковники: Бибииковъ и Пущинъ,—последствіемъ первый былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса, а послѣдній командовалъ Дворянскимъ полкомъ.

Около полуночи Гренадерскій полкъ, за исключеніемъ гренадерскаго взвода перваго баталіона, передъ которымъ стоялъ въ это время Жемирскій, съ крикомъ ура бросился въ городъ, чтобы пристать къ мятежникамъ. Неистовства въ Варшавѣ возрастали; бездомная сволочь рыскала вооруженная по городу; молодежь бѣсновалась, рубила и стрѣляла наобумъ, но конюводы не дремали и работали по задуманному плану. Въ первую же ночь умерщвлено семь польскихъ генераловъ, не успѣвшихъ принять начальство и участіе въ мятежѣ; въ числѣ сихъ жертвъ преданности дѣлу порядка были всѣми любимые генераль-отъ-артиллеріи Гауке и генераль-отъ-инфантеріи Потоцкій.

На слѣдующій день все-таки не чѣмъ было утолить голодъ и я чувствовалъ себя весьма не хорошо; чтобы утолить хотя жажду, я подъ вечеръ рѣшился примкнуть къ первой партіи плѣнныхъ и съ нею пробраться въ казармамъ. Съ жаждою принялся я пить воду безъ отдыха, такъ что караульный офицеръ вынужденъ былъ отнять у меня ковшъ, потомъ уложилъ на скамейку и прикрылъ солдатскими шинелями. Не знаю долго-ли пролежалъ я, но то вѣрно, что не могъ ни согрѣться, ни заснуть, какъ подошелъ ко мнѣ тотъ-же офицеръ со словами: «вставайте, мы ретируемся, ваши уже ушли». Вскочить и пуститься бѣгомъ

догнать Литовскій полкъ было дѣломъ минуты, и это усиленное движеніе меня нѣсколько согрѣло. Сдѣлали мы обходъ и соединились на Мокотовскомъ полѣ съ кавалерією. Силы меня совершенно оставили: не разбирая мѣста, бросился я на землю и пролежалъ ночь, дрожа отъ холода въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Далеко до разсвѣта подошелъ ко мнѣ солдатикъ и говоритъ: „ваше благородіе, не угодно-ли похлебать горячаго?“ и съ тѣмъ вмѣстѣ подалъ манерочную крышку съ проткнутою чрезъ уши палочкою. Я подвинулся въ солдатскому кружку, почерпнулъ изъ котла этого горячаго и, поднеши импровизированную ложку въ губамъ, сильно ожегся. Съ трудомъ пропустилъ я нѣсколько глотковъ этого снадобья, чтобы только не обидѣть добрыхъ солдатъ. Похлебка была болѣе чѣмъ отвратительна, да иначе и быть не могла: они сварили въ котлѣ кусокъ баранины изъ добытой на фуражировкѣ и вмѣсто соли положили въ котель пороху. Поблагодаривъ за угощеніе, пошелъ отыскивать учебныя орудія, которыя, какъ оказалось, применили къ 5-ой батарейной ротѣ, прибывшей не знаю въ какое именно время изъ Гурн-Кальваріи. Меня тотчасъ отправили на фуражировку, напоивши сперва чаемъ; команда моя рыскала долго по предмѣстью, съѣстнаго добыто мало, но зато дровъ и соломы захватили сколько могли. Прогулка эта меня нѣсколько обогрѣла, но потомъ я опять сталъ зябнуть, и могла-ли легкая шинель грѣть уже простуженнаго и въ такое время года? Товарищи сожалѣли обо мнѣ, но помочь не могли; около полудня казначей Литовскаго полка, поручикъ Малиновскій, прислалъ мнѣ мундиръ унтеръ-офицера его полка, котораго, какъ мнѣ сказали, цесаревичъ приказалъ разстрѣлять за какую-то покражу въ оставленномъ Бельведерѣ. Обрадованный подаркомъ, я надѣлъ мундиръ сверхъ сюртука.

Конечно, я прежде всего, примкнувъ къ артиллеріи, полюбостествовалъ узнать чтоъ случилось съ великимъ княземъ. Рассказывали различно, но суть въ томъ, что онъ, чудесно спасенный находчивостію командира Фризе, удалился изъ Бельведера съ княгинею Ловичъ и своими приближенными, и провелъ эту страшную ночь за городомъ на дачѣ челоуѣка преданнаго. Напротивъ того, ждавшіе въ пріемной пробужденія его высочества генералъ Жандръ и вице-президентъ Любовицкій пали жертвами. Послѣдній былъ тотчасъ заколотъ ворвавшимися въ

приемную подпоручиками, а Жандръ успѣлъ скрыться и спустился по другой лѣстницѣ во дворъ, гдѣ его тотчасъ растерзали. Не знаю, но думаю, что домъ, въ которомъ пріютился цесаревичъ, былъ по близости Мокотовской заставы, такъ что онъ могъ быть охраняемъ карауломъ отъ отряда.

Распоряженіе мятежниковъ напасть врасплохъ на нашу гвардейскую конно-артиллерійскую роту въ Скерневицахъ—не было выполнено; никто изъ отдѣльныхъ начальниковъ за это дѣло не взялся, чѣмъ доказывается несогласіе въ распоряженіяхъ коноводовъ. Гербель благополучно пришелъ съ ротою на Мокотово.

19-го ноября явился Хлопицкій и принялъ на себя званіе главнокомандующаго польской арміи.

Его высочество сообщилъ совѣту желаніе видѣться съ членами, чтобы узнать о требованіяхъ націи. Делегатамъ поручено просить возвращенія конституціи, присоединенія польско-россійскихъ губерній, узнать о намѣреніяхъ цесаревича и предписано ли Литовскому корпусу вступить въ Царство Польское?

Прибывшая депутація получила слѣдующее письменное заявленіе:

1. Его высочество не имѣетъ намѣренія нападать на городъ войсками, подъ его начальствомъ состоящими, а въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій онъ обязуется за 48 часовъ извѣстить о томъ правительство.

2. Его высочество принимаетъ на себя ходатайство у его императорскаго величества короля милосерднаго забыть о всемъ случившемся.

3. Его высочество не давалъ повелѣнія Литовскому корпусу вступить въ Царство Польское.

4. Плѣнные будутъ освобождены.

Вскорѣ совѣтъ правленія замѣненъ временнымъ правительствомъ, которому его высочество предъ выступленіемъ отправилъ другое объявленіе:

„Позволяю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ вѣрными, соединиться со своими“.

„Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ столицы. Надѣюсь на великодушіе польской націи; я увѣренъ, что войска мои на походѣ въ границамъ имперіи не будутъ тревожны“.

„Охранность всѣхъ зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ, оставшихся въ плѣну, я ввѣрю покровительству сей-же націи“.

Содержаніе этихъ документовъ неприятно поражаетъ. Почему-же мы не обмѣнялись плѣнными?

Было при насъ польскихъ войскъ, оставшихся какъ-бы вѣрными: полкъ конно-егерскій, съ небольшимъ взводомъ гренадерскаго полка, 4 орудія конной артиллеріи, заблудившіяся какъ-то, и, наконецъ, офицерскій караулъ 4-го линейнаго полка, который, не уступая своего поста, вается у замка, былъ сбитъ и, отстрѣливаясь, отступилъ къ Бельведеру. Этотъ караулъ не былъ возвращенъ полякамъ; онъ оставался все время кампаніи при Литовскомъ полеу, а офицеръ впоследствии награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.

21-го ноября вступили мы въ Гуры, и Хлопицкій разослалъ повелѣніе не преграждать отступленія его высочеству къ границамъ имперіи. Провожалъ насъ одинъ дивизионъ конно-егерскаго полка, составлявшій бригаду съ нашимъ Уланскимъ, подъ командою нашего генерала Пенхержевскаго.

Надо согласиться, что положеніе наше въ это время было незавидное: мятежники, въ 4 дня станувъ свои войска, весьма усилились, нашъ-же отрядъ состоялъ изъ 5—6 тысячъ и 28-ми орудій, но пѣхота разстрѣляла до половины свои патроны, а продовольствія у насъ не было; наконецъ, мы находились на лѣвомъ берегу Вислы, гдѣ въ то время не было крѣпости.

Въ Гурѣ, гдѣ имѣла постоянныя квартиры 5-я батарейная рота, дали мнѣ изъ ротнаго лазарета пестрый халатъ на паклѣ вмѣсто ваты. Я его надѣлъ сверхъ унтеръ-офицерскаго мундира и въ такомъ шутовскомъ нарядѣ, сидя на слѣдующемъ переходѣ на лафетѣ орудія, отдалъ честь его высочеству, обгонявшему отрядъ. Конечно, нарядъ мой поражалъ своею оригинальнію: халата нельзя скрыть, воротникъ съ унтеръ-офицерскимъ серебрянымъ галуномъ былъ виденъ, султанъ со шляпы потерянъ при первой суматохѣ въ Варшавѣ, а ножны полусабли до половины обгорѣли на бивакахъ; въ тому слѣдуетъ замѣтить, что я во все это время не имѣлъ случая умыться и фізіономія закоптѣла отъ бивачнаго огня какъ у трубочиста. Въ этомъ-то положеніи мнѣ еще завидовали офицеры пѣшихъ полковъ въ томъ, что я

могъ садиться на орудійный лафетъ, а они въ первые дни возмущенія износили свои щегольскіе сапоги и принуждены были заворачивать ноги кто въ чемъ могъ. Чтобы объяснить это быстрое уничтоженіе сапогъ, я долженъ сказать, что въ Варшавѣ носили, по тогдашней модѣ, сапоги безъ ранта, на тончайшей подошвѣ, а калошъ военные въ то время еще не употребляли.

На третьемъ переходѣ, во время привала, двое изъ нашихъ артиллеристовъ пошли въ деревню искать хлѣба, но возвратились съ пустыми руками: передовые нашего-же отряда забрали все, что было, кромѣ немолотой ржи. Не мало всѣ смутились, такъ какъ въ этотъ день мы ничего не ѣли, и почти съ завистью поглядывали на солдатъ, застававшихъ хлѣбомъ, еще изъ Варшавы вынесеннымъ. Хорошие солдаты замѣтили о чемъ у насъ шла рѣчь и подали намъ горбушку хлѣба, оволо трехъ фунтовъ, которымъ семь человѣкъ братски подѣлились. Съ какимъ аппетитомъ мы свой хлѣбъ съѣли—пойметъ только тотъ, кому случилось съ недѣлю голодать; но что значать 3 фунта хлѣба на 7 человѣкъ голодныхъ? Стоимъ и бесѣдуемъ о своемъ горѣ, не имѣя даже возможности покурить и тѣмъ заглушить голодъ; одинъ только Драчевскій не брезгалъ махоркою и часто подходилъ то къ одному, то къ другому съ просьбою дать покурить. Въ это время подходитъ ко мнѣ 5-й батарейной роты прапорщикъ Янчевскій съ приказаніемъ бригаднаго командира исправлять должность бригаднаго адъютанта, вмѣсто подпоручика Головина, взятаго въ штабъ его высочества для пополненія числа старшихъ адъютантовъ, изъ которыхъ нѣкоторые задержаны были въ Варшавѣ. Я засталъ барона Корфа за завтракомъ, получилъ приказаніе находиться при немъ и приглашеніе закусить.

Ген. Корфъ, какъ это прежде было, командовалъ въ то-же время и 5-ю батарейною ротою, слѣдовательно, проходя чрезъ Гуры, имѣлъ возможность запасти все, что нужно. Не знаю почему выборъ его палъ на меня, когда рота была богата гвардейскими офицерами; правда, между ними было много поляковъ, плохо даже объяснявшихся по-русски, но меня онъ все-таки мало зналъ. Такимъ образомъ, судьба свела меня съ генераломъ, при которомъ пришлось мнѣ прослужить почти три года. Онъ былъ большаго роста, худощавъ, держался прямо, дома всегда растегнуть, внѣ дома непременно застегнуть на всѣ пуговицы

и крючки, и всегда при полусаблѣ; надо замѣтить, что въ то время воротники были очень высокіе, до четырехъ крючковъ, и верхніе для удобства не всегда застегивались. Генералъ былъ права чрезвычайно вроткаго, добръ, привѣтливъ, всегда вѣжливъ, а по службѣ былъ усерденъ и исполнительенъ до педантизма, — надо было видѣть до какой степени простиралась его нерѣшительность, когда по измѣнившимся обстоятельствамъ нельзя было сейчасъ-жѣ исполнить какого-либо письменнаго повелѣнія, а для донесенія не доставало времени. Баронъ Корфъ кончилъ свое земное поприще въ званіи члена государственнаго совѣта.

На пути изъ м. Ричевала по обыкновенію отрядъ нашъ растянулся по разнымъ путямъ, для удобнѣйшаго продовольствія, но ядро отряда составлялъ обозъ его высочества, заключавшійся въ большомъ числѣ экипажей. Въ одной каретѣ ѣхала княгиня Ловичъ. Впереди и позади всей этой вереницы экипажей слѣдовали по два эскадрона Подольскаго кирасирскаго полка и въ хвостѣ наша пѣшая артиллерія въ числѣ 16-ти орудій. Вдругъ разнесся слухъ, будто аріергардъ нашъ атакованъ. Адъютантовъ всѣхъ разослали для полученія свѣдѣній, а между тѣмъ подошли мы къ Козеницамъ, гдѣ экипажи были выстроены на рынкѣ въ колонну. Контръ-адмиралу Колзавову поручено занять княгиню, дабы она не замѣтила тревоги. Вправо изъ мѣстечка тянулась дорога, кажется, къ Радомъ. На лѣвой сторонѣ этой дороги поставлены были наши 16 орудій, а съ правой — кирасары; болѣе подъ рукой ничего не было. Какъ бригадный адъютантъ, я былъ уже верхомъ на хорошей лошади генерала, на которой всю кампанію послѣ сдѣлалъ. Корфъ послалъ меня по шоссе до пригорка посмотреть не видать-ли чего. Доскакавъ до мѣста, мнѣ указаннаго, я замѣтилъ на разстояніи до 400 сажень, вправо, по опушкѣ лѣса, танувшуюся пѣхоту и призналъ ее за Волинскій полкъ; я также спѣшно возвратился и передалъ это Корфу. Его высочество, интересуясь, конечно, узнать что я тамъ увидѣлъ, подѣхалъ къ намъ и спросилъ меня — точно-ли я въ этомъ увѣренъ, что это Волинскій полкъ? Я объявилъ, что могъ рассмотреть темные воротники и на киверахъ еловыя вѣтки (весь нашъ отрядъ имѣлъ такіа вѣтки для отличія отъ польскихъ войскъ). Адъютанты стали возвращаться и донесли о фальшивой тревогѣ; недоразумѣніе произошло оттого, что бывший въ хвостѣ дивизіонъ

конно-егерей окружилъ любимаго своего начальника генерала Пенхержевскаго, проводившаго свою супругу до арьергарда, такъ какъ она по болѣзни пожелала возвратиться въ Варшаву.

Первый нашъ ночлегъ подъ крышею былъ въ Пулавахъ, гдѣ мы имѣли дневку по случаю устройства переправы чрезъ Вислу. Въ первую ночь мы, артиллерійсты, вышедшіе изъ Варшавы безъ всего, улеглись въ шинеляхъ, а сорочки отдали хозяйкѣ вымытъ. Она принесла ихъ утромъ вымытыми безъ мыла и не катанными. Драчевскій добылъ у хозяина бритву, но только началъ брить свою жесткую бороду, какъ бросилъ бритву; она, дѣйствительно, была до того тупа, что и я не рѣшился приступить къ операціи бритья. До сихъ поръ мы лишены были удовольствія курить, но здѣсь въ Пулавахъ можно было кое-чѣмъ обзавестись. Я купилъ себѣ простенькую трубку и табуку. Сигары въ то время мало употреблялись, а въ Польшѣ ихъ и достать нельзя было; выѣшнія-же папиросы появились только около 1840 года. Сказали, что идетъ почта въ Россію; на всякій случай увѣдомилъ я отца своего, что живъ и здоровъ, но что участь брата мнѣ неизвѣстна; письмо запечаталъ пуговицею скюртука, и оно дошло по адресу. Въ Пулавахъ цесаревичъ посѣтилъ княгиню Чарторижскую, покровительницу всѣхъ заговоровъ, сынъ которой былъ уже членомъ временнаго въ Варшавѣ правительства. Вотъ какую занялъ должность любимецъ покойнаго императора Александра I, числившійся въ то-же время членомъ нашего государственнаго совѣта; но императоръ Николай, кажется, въ январѣ уволилъ его въ чистую отставку. Повсемѣстно принятая кокарда красовалась на шапкахъ прислуги княгини.

Покуда не перешли границы, мы знали все, что въ Варшавѣ дѣлалось. Откуда, какъ, но „Варшавскій Курьеръ“ ходилъ у насъ по рукамъ. Изъ него мы узнали, что Хлопицкій настоятельнымъ требованіемъ диктаторства достигъ этого назначенія 23-го числа, и тогда онъ отправилъ князя Любецкаго и графа Езерскаго къ государю императору съ донесеніемъ о всемъ совершившемся и съ вѣрноподданнѣйшимъ испрашиваніемъ возвращенія конституціи Царству и дарованія подобной-же польско-россійскимъ губерніямъ, съ изъявленіемъ собственныхъ чувствъ преданности. Онъ не срывалъ ни отъ кого, что дѣйствуетъ какъ вѣрноподданный короля своего. Онъ продолжалъ совершать опредѣленія прави-

тельства именемъ его величества; послалъ графа Замойскаго къ командиру Литовскаго корпуса барону Розену съ объявленіемъ, что по случаю отъѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ расчетъ на водвореніе спокойствія безъ употребленія оружія, онъ надѣется, что не будетъ со стороны его никакихъ военныхъ дѣйствій. Всѣ нижніе чины, оставшіеся въ Варшавѣ плѣнными, въ томъ числѣ денщики мой и Драчевскаго, отведены, по приказанію Хлопицкаго, въ Брестъ-Литовскъ, корпуса ветерановъ капитаномъ Косинскимъ, для передачи ихъ русскимъ властямъ. Странно, мы, оставляя волинскія казармы, оставили тамъ 600 плѣнныхъ, набранныхъ во время стоянки на Мокотовскомъ полѣ, и отдали ихъ такъ, безъ обмѣна на нашихъ плѣнныхъ.

Хлопицкій запретилъ приступать къ какимъ-либо мѣрамъ для поднятія литовскихъ провинцій и объявилъ прибывшимъ депутатамъ, что у него нѣтъ ни одного патрона въ ихъ услугамъ. Видя развитіе своеволія и несогласій, спутниковъ анархій, онъ проникъ будущее и вознамѣрился привести все въ нормальное положеніе не оружіемъ, а подчиненіемъ себѣ своихъ соотчичей.

Изъ Пулавъ пошли мы, 25-го ноября, на Куровъ и Любартовъ, дабы удалиться отъ Люблина, гдѣ былъ штабъ уланской дивизіи и стоялъ одинъ полкъ. Переходъ былъ великъ и мы потому болѣе утомились, что шли весьма труднымъ проселкомъ, съ особенною поспѣшностію, для избѣжанія встрѣчь съ мятежниками, о движеніи которыхъ носились слухи. Полагали мы выйти у Бяла на брестское шоссе, но на основаніи новыхъ слуховъ свернули и направились на Влодаву.

Когда мы подошли къ границѣ, разстались съ нами адъютанты его высочества графъ Замойскій и полковникъ Турно, которые сочли долгомъ проводить своего высокаго начальника. Остался при отрядѣ одинъ генералъ Рожнецкій, начальникъ тайной полиціи, чловѣкъ, котораго вся нація ненавидѣла. За поимку этой личности объявлена была значительная награда. При проходѣ чрезъ мѣстечки, евреи, падкіе на деньги, указывали пальцами на Рожнецкаго, произнося въ полголоса: „Da ist er, da ist der Rosnetzki“. Онъ, чтобы вѣрнѣе перебраться чрезъ границу, нарядился въ мундиръ простаго улана, и присоединился къ квартирерамъ того-же полка, и такимъ образомъ днемъ раньше отряда перешелъ границу. Мы перешли Бугъ изъ Влодавы во Влодавку 2-го декабря.

На первомъ переходѣ изъ Влодавки, проходя селеніе, назначенное для ночлега главной квартиры, я зашелъ въ дежурство, чтобы списать приказъ на слѣдующій день. Артиллеріи слѣдовало пройти еще 4 версты. Я вошелъ въ большую комнату, гдѣ помѣстили дежурство, и замѣтилъ сидѣвшихъ въ дальномъ углу у стола, при одной свѣчѣ, генерала Герштенцвейга (исправляя должность дежурнаго генерала вмѣсто оставшагося въ плѣну Кривцова) и дежурнаго штабъ-офицера полковника Свѣчина, занятыхъ составленіемъ диспозиціи на слѣдующій день. Генералъ спросилъ: кто тамъ? и когда я назвалъ себя, онъ сказалъ Свѣчину: „вотъ кто,—нечего намъ голову ломать“, и, обернувшись ко мнѣ, продолжалъ громче: „Рейбницъ (начальникъ 25-й дивизіи) задержалъ во Владимірѣ капитана Колыско съ ремонтомъ; вы ѣдете туда принять этотъ ремонтъ“.—„Слушаюсь, ваше превосходительство, но позвольте мнѣ списать приказъ на завтра и доставить его моему генералу“.—„Это мы сами сдѣлаемъ, а вы поѣдете какъ только бумаги поспѣютъ“. Я сѣлъ въ уголокъ и, въ ожиданіи бумагъ, заснулъ. Часа чрезъ два Даніилъ Александровичъ вручилъ мнѣ предписаніе его высочества Рейбницу, подорожную и 5 червонцевъ, но сказалъ, что этихъ денегъ будетъ до Владиміра, болѣе дать не можетъ за неимѣніемъ денегъ, а на проводъ ремонта могу употребить деньги, которыя найдутся у Колыско; самъ онъ пусть остается во Владимірѣ подъ надзоромъ, онъ намъ не нуженъ,—„и такъ съ Богомъ, вы насъ застанете или въ Высоко-Литовскѣ или въ Брестъ-Литовскѣ“. Въ помощь мнѣ дали фейерверкера 24-й бригады. Вышелъ я на крыльцо и нахожу пару воловъ, съ проводникомъ. Костюмъ мой оставался все тотъ-же, и въ этомъ-то шутовскомъ нарядѣ пришлось ѣхать по подорожной на волахъ. Усѣлись мы въ крестьянскую повозку, употребляемую также для вывоза навоза въ поле, а проводникъ, шествуя возлѣ воловъ, правилъ безъ возжей командными словами: „лыска, цобъ“ и проч., но все его краснорѣчіе и понуканье ни къ чему не служило; волы шли ровнымъ шагомъ и дали мнѣ возможность отлично выспаться.

На слѣдующій день, часа въ 4 пополудни, вѣхалъ я въ какую-то деревню съ панскимъ дворомъ; явился войтъ, но объявилъ, что и тутъ лошадей нѣтъ, а воловъ онъ мнѣ тотчасъ дастъ. Тащившись уже 15 часовъ на волахъ, ѣзда эта мнѣ на-

дѣла, и я упросилъ войта сходить во дворъ, попросить у господъ лошадей до первой станціи, а прогоны обѣщаль уплатить впередъ. Онъ возвратился съ отвѣтомъ, что меня просять господъ пожаловать къ нимъ. Я приказалъ извиниться, такъ какъ я по причинѣ своего костюма не могу показаться; а мнѣ отвѣтили, что сынъ хозяйки только что прибылъ изъ отряда, и имъ все извѣстно, почему еще разъ настоятельно меня къ себѣ просятъ. Надо было уступить. Сбросивъ съ себя шлафрокъ и мундиръ унтеръ-офицерскій, я въ португезъ и легкой шинели пошелъ во дворъ, гдѣ былъ встрѣченъ на крыльцѣ Литовскаго полка прапорщикомъ Оберномъ, съ которымъ уже познакомился на бивакахъ. Мать и сестра его приняли меня весьма радушно, уговорили остаться ночевать и обѣщались на утро отправить на своихъ лошадяхъ до ближайшей почтовой станціи. Трудно было отказаться отъ такого пріятнаго приглашенія; мы провели вечеръ пріятно, бесѣдовали о томъ и другомъ, а дамы пѣли разные романсы. Послѣ сытнаго ужина разошлись всѣ по своимъ комнатамъ; въ назначенной мнѣ спальнѣ нашелъ я чистое для себя бѣлье, изъ котораго взялъ только пару носковъ, такъ какъ мои почти уничтожились. Можно себѣ представить какъ я провелъ эту ночь, поужинавъ хорошо и въ роскошной постелѣ. Рано утромъ, поблагодаривши хозяевъ за ласковый пріемъ, сѣлъ я въ экипажъ со своимъ спутникомъ, и скоро выѣхали на почтовый трактъ изъ Бреста на Владиміръ. Передалъ я дорогою фейерверкеру, что давали мнѣ чистое бѣлье, но что я посоветился его взять, а между тѣмъ холстинковая сорочка моя совсѣмъ расползлась. Онъ предложилъ мнѣ одну рубаху, изъ числа хранящихся въ его ранцѣ; не хотѣлось мнѣ взять ее даромъ,—я убѣдилъ его взять съ меня 50 копеекъ съ придачею моихъ-же лоскутьевъ. На слѣдующей станціи, куда запрягали лошадей, я имѣлъ величайшее удовольствіе надѣть хотя солдатскую, но чистую рубаху. Да, это удовольствіе пойметъ вполне тотъ, кому случалось три недѣли походной жизни не смѣнять бѣлья.

Къ вечеру нашелъ я на одной станціи необыкновенную чистоту, предъ крыльцомъ чисто подметено и посыпано пескомъ. Смотритель мнѣ объявилъ, что ждетъ принца Виртембергскаго изъ Люблина, гдѣ онъ пребывалъ въ качествѣ начальника улан-

своей дивизіи польскихъ войскъ. Конечно, онъ переѣхалъ границу въ Устилугѣ. Не успѣли подать мнѣ лошадей, какъ подъѣхала карета принца. Узнавши отъ смотрителя о проѣздѣ офицера изъ отряда его высочества, онъ приказалъ попросить меня къ себѣ. Я вышелъ въ португезъ съ непокрытою головою, чтобы скрыть несчастный свой нарядъ. Въ каретѣ съ принцемъ сидѣла какая-то дама. По желанію его высочества, рассказалъ я все, что зналъ. Принцъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторые вопросы и, наконецъ, извиняясь въ томъ, что задержалъ меня, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «теперь мы съ вами знакомы; если вамъ когда что понадобится, обратитесь ко мнѣ». Я какъ умѣлъ благодарилъ за вниманіе, и карета помчалась на свѣжихъ лошадяхъ, а я поспѣшилъ въ комнату обогрѣться. Рассказывали впоследствии, что принца выпустили изъ Люблина послѣ даннаго имъ слова не воевать противъ своихъ, а между тѣмъ онъ во время кампаніи состоялъ при нашей арміи, вступилъ съ войсками въ Пулавы и потребовалъ у княгини Чарторижской какое-то наслѣдство. Она отказалась принять принца, но онъ вошелъ уже не какъ родственникъ, а какъ генералъ русской арміи. Княгиня приняла его, конечно, дурно и объявила, что все имущество отдано на алтарь отечества. Какъ-бы то ни было, но принцъ послѣ войны удалился за-границу, и протекція моя лопнула какъ мыльный пузырь.

По прибытіи во Владиміръ, я тотчасъ отправился къ генералу Рейбницу. Онъ съ своимъ семействомъ и адъютантами сидѣлъ за обѣдомъ, и когда доложили обо мнѣ, онъ вышелъ въ приемную. Узнавши —кто и откуда я, онъ сказалъ: «вы давно не обѣдали и, конечно, не откажетесь отъ тарелки горячихъ щей, а послѣ расскажете намъ свои приключенія». Отдохнувши послѣ обѣда, я приступилъ къ приему ремонта. Колыско служилъ въ польской конной артиллеріи; человекъ былъ онъ пожилой, больной, но патріотъ до фанатизма. По его просьбѣ рассказалъ я кое-что, такъ чтобы гусей не раздражить; слушалъ онъ молча, но съ большимъ вниманіемъ. Передалъ онъ мнѣ одного унтеръ-офицера, 10 человекъ рядовыхъ, 59 лошадей и весьма мало денегъ, такъ что я опасался встрѣтить затрудненія въ проводѣ ремонта до мѣста назначенія.

Морозовъ уже не было и я засталъ здѣсь распутицу и грязь,

о которой до того и не слышалъ. Всѣ улицы вмѣстѣ представляли какой-то резервуаръ жидкой лоснящейся грязи отъ 4 до 8 вершковъ глубины, окаймленный деревянными тротуарами. Сообщеніе по этимъ панелямъ возможно, но при переходѣ чрезъ улицу человекъ небывалый станеть втупиць. Жители мѣстные во время распутицы вооружаются высокими сапогами, которые, при помощи прикрѣпленныхъ къ нимъ петель, придерживаются руками, чтобы не потерять ихъ въ грязи. Приступая къ такому шествію, подбираютъ сперва верхнюю одежду. Вечеромъ, для съѣзда и развѣзда офицеровъ, собирающихся у кого-либо провести вмѣстѣ время, нанимается что-то въ родѣ телги, везомой двумя волами. Сообщеніе оригинальное, но зато головы не сломаешь и не такъ испачкаешься.

Опасался я, чтобы поляки мои, по близости границы, не дали тяги съ лошадьми, и потому старался на ночлегахъ разстанавливать лошадей по многимъ небольшимъ конюшнямъ, а самъ съ фейерверкеромъ наблюдалъ, чтобы поляки не сходились. Засталъ я главную квартиру отряда въ Высоко-Литовскѣ, гдѣ и сдалъ людей и лошадей въ 5-ую батареиную роту. Поляковъ отправили во внутрь имперіи, а лошадей представилъ я на другой-же день его высочеству на смотръ. Князь спросилъ меня—я-ли привелъ ремонтъ, а потомъ, осмотрѣвъ внимательно лошадей, сказалъ: «спасибо, лошади хороши и въ тѣлахъ».

Здѣсь получилъ я пріятное извѣстіе, что оставшіяся въ плѣну нашъ дивизіонный начальникъ генераль-лейтенантъ Рихтеръ, какъ старшій въ чинѣ, представилъ его высочеству списокъ плѣнными офицерамъ, и донесъ, между прочимъ, что у подпоручика Зеланда отняты искупленные имъ лошади и оставшіяся деньги, а самъ онъ находится въ плѣну. Извѣстіе это меня весьма порадовало: по крайней мѣрѣ, я зналъ, что братъ мой живъ, а Хлопцкій приметъ мѣры для безопасности плѣнныхъ.

Во время моего отсутствія нашихъ артиллеристовъ разослали по своимъ бригадамъ. Меня одного оставилъ Корфъ, въ качествѣ бригаднаго адъютанта или, пожалуй, исправляющимъ эту должность при немъ, начальникъ артиллеріи. Впрочемъ, дѣло не въ степени должности,—онѣ всѣ были довольно миниатюрны, а вотъ въ чемъ: его высочество, по сердечной добротѣ, давалъ всѣмъ служившимъ при немъ въ Варшавѣ, изъ своей шкатулки, штабъ-

офицерамъ по 5 и оберъ-офицерамъ по 2 руб. серебра въ сутки столовыхъ. Эти деньги имѣли въ то время большое значеніе. Когда же тронулись изъ Варшавы, денегъ у него не было, всё тѣ-же лица получали столъ изъ кухни цесаревича, сервировала обѣдъ каждому въ своей квартирѣ придворная прислуга, приносящая и бѣлье столовое и серебро, все съ гербомъ его высочества. Корфъ, какъ начальникъ артиллеріи, вѣроятно по случаю походнаго времени, получалъ также столъ, а съ ними я—ужь не знаю по какому праву.

Изъ Петербурга прислано намъ, по варшавскому положенію, не взычетъ, годовое жалованье и выслуженное третное, такъ что я вдругъ получилъ около 175 голландскихъ червонцевъ. При такихъ средствахъ слѣдовало позаботиться объ обмундировкѣ. Я поѣхалъ въ Гродно; проѣздомъ взялъ въ Соколѣ изъ оставленнаго тамъ моего имущества новое шитье на мундиръ и нѣсколько необходимаго бѣлья. Командировка моя въ Варшаву могла продолжаться не далѣе весны, а потому выѣхалъ я изъ Соколы налегкѣ, и оставилъ все въ домѣ инвалиднаго начальника капитана Калиновскаго.

Въ 8 верстахъ за Бѣлостокомъ я нашелъ свою роту въ м. Васиѣковѣ, на тѣсныхъ квартирахъ. Приятно было встрѣтиться съ сослуживцами, но время было дорого. Я взялъ съ собою оставшагося въ ротѣ денщика брата моего, сдѣлалъ въ Гроднѣ обмундировку, нѣкогоря закупки и поспѣшилъ въ Брестовицы (семь миль отъ Гродна), главную квартиру его высочества, куда отрядъ нашъ, между тѣмъ, уже прибылъ и расположился въ окрестностяхъ на тѣсныхъ квартирахъ.

Въ Гродно уже съѣзжалась главная квартира дѣйствующей арміи; по прибытіи-же туда главнокомандующаго, графъ Дибичъ не замедлилъ сдѣлать визитъ его высочеству въ Брестовицахъ. Къ пріѣзду поставленъ почетный караулъ отъ Волынскаго полка, и цесаревичъ встрѣтилъ Дибича у себя на крыльцѣ съ графнымъ рапортомъ. Дибичъ поцѣловалъ его въ звѣзду, удивился благовидности караула, чего никакъ не ожидалъ при обстоятельствахъ оставленія Варшавы, и они вошли въ комнату. Все это было при мнѣ, но что было дальше—не знаю. Говорили, что Дибичъ спросилъ князя—чѣмъ онъ желаетъ командовать, но тотъ сказалъ, что кромѣ своего отряда ничѣмъ командовать не желаетъ; потомъ

будто заговорили о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и Дибичъ будто-бы выразился такъ, что польскую армію можно забросать шапками, и онъ рассчитываетъ время кампаніи по числу переходовъ до Варшавы. Если такъ дѣйствительно было, то отзывъ такой не могъ понравиться вел. князю, командовавшему польскою арміею 15 лѣтъ. Какъ-бы то ни было, но послѣ сего свиданія отношеніи вел. князя къ Дибичу измѣнились, въ чемъ имѣли мы случаи убѣждаться.

До насъ дошелъ слухъ, что четыре офицера Самогитскаго полка передались полякамъ, застрѣливши своего ротнаго командира капитана Челова, единственнаго въ полку православнаго, за то, будто, что онъ не отдалъ имъ принятаго на роту жалованья. Они хотѣли переманить роту Челова чрезъ границу, но одинъ унтеръ-офицеръ догадался въ чемъ дѣло и открылъ товарищамъ измѣну офицеровъ. Господа эти назывались: Попроцкій, Сузинъ, Барскій и Скульскій. При полковомъ штабѣ Самогитскаго полка въ Бѣльскѣ собирали на зиму юнкеровъ съ трехъ полковъ; въ этой школѣ былъ я три зимы сряду для обученія юнкеровъ разной премудрости. Попроцкаго я лично зналъ, но онъ произведенъ въ этотъ полкъ изъ юнкеровъ Волынскаго полка; прочіе трое были моими учениками; изъ числа этихъ измѣнниковъ трое пропали безъ вѣсти, но Скульскій былъ въ числѣ сумасбродовъ, вошедшихъ въ 1832 году въ границы Царства для завоеванія Польши; долго бродилъ онъ, его преслѣдовали и, наконецъ, нашли въ трубѣ камня, въ домѣ его отца, помѣщика около Кнышина; болѣе года судили его въ Гроднѣ и тамъ-же казнили разстрѣляніемъ въ 1833 году. Конечно, на офицеровъ Литовскаго корпуса нельзя было положиться, и поэтому въ самомъ началѣ всѣ ненадежные переведены въ Москву, въ 4-й пѣхотный корпусъ, а взаимѣнъ ихъ прислали другихъ изъ гвардіи, съ назначеніемъ ихъ командирами ротъ.

Въ половинѣ января пріѣхалъ въ намъ начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи—ген.-адъютантъ Сухозанетъ, предупредивши насъ о своемъ пріѣздѣ и о томъ, чтобы артиллерию не собирать. Иванъ Онуфріевичъ имѣлъ репутацію начальника тяжелаго, по мы, служившіе подъ начальствомъ цесаревича, знали его только по слухамъ. Собрались въ дежурствѣ и стали по старшинству. Дежурный генераль Герстенцвейгъ, начальникъ

артиллеріи баронъ Корфъ, командиръ 5-й батареинной роты полковникъ баронъ Корфъ, командиръ 3-ей конной роты полковникъ Гербель, старшій офицеръ 5-ой батар. роты капитанъ баронъ Розенъ, командовавшій четырьмя учебными орудіями, и, наконецъ, на лѣвомъ флангѣ вашъ низжайшій слуга. Сухозанетъ вошелъ, Герштенцвейгъ встрѣтилъ его съ рапортомъ и представилъ всѣхъ по порядку. Онъ обратился къ намъ съ рѣчью краткою, но энергическою, требуя точнаго исполненія всѣхъ его приказаній, отнюдь не умничая, не рассуждая, и въ заключеніе сказавъ, что не оставитъ безъ вниманія усердной службы, но за малѣйшее невниманіе— „прошу извинить, да вы слышали о Сухозанетѣ“. Какова рекомендація!

При выступленіи изъ Гуры 5-го баталіона къ возмущившейся Варшавѣ, Корфъ отправилъ свою жену съ сыновьями къ ея отцу, пану Красозскому, проживавшему въ своемъ имѣніи Сандомирскаго воеводства. По прибытіи отряда нашего въ Брестовицы, Корфъ выхлопоталъ пропускной видъ крѣпостному своему человеку и послалъ его къ женѣ съ письмомъ, приглашая ее пріѣхать къ нему для свиданія. Марія Осиповна была женщина со свѣтскимъ образованіемъ, малая, симпатичная, но только повуда не тронута чувствительная ея струна—патріотизмъ. Этой статьи въ ея присугсвіи нельзя было затрогивать; она приходила въ иступленіе, и фанатизмъ польки-патріотки влагалъ въ ея уста рѣчи, противныя здравому смыслу. По этойто причинѣ, полагаю, Корфъ хотѣлъ ее только выманить изъ Царства Польскаго. Она мужа своего любила, а потому не замедлила пріѣхать, взявъ съ собою старшаго сына, Ивана, лѣтъ, можетъ быть, четырехъ; а какъ младшій, Юзефъ, слишкомъ еще былъ малъ, оставила его у своего отца. Когда пришло намъ время выступить въ походъ, она полагала возвратиться къ отцу, но Корфъ объявилъ, что воспослѣдовалъ строжайшій приказъ никого не выпускать за границу Царства, и сколько онъ ни хлопоталъ—ничего не могъ сдѣлать. Слезь было много, но покориться судьбѣ надо было, и она поѣхала въ имѣніе матери Корфа, въ Салу, около Нарвы. Положеніе ея было, конечно, незавидное: у старухи четыре сына находились въ дѣйствующей арміи, газеты читались съ жадностію и побѣдамъ нашимъ рукоплескали.

Предъ выступленіемъ отряда, камердинеръ доложилъ великому

ввязю о приказѣ по арміи, чтобы гг. генералы и адъютанты нѣмѣли шляпы безъ султановъ, въ клеенкѣ и носили ихъ съ пола; но цесаревичъ свазалъ, чтобы шляпы не зашивать, вынулъ султанъ, и надѣлъ ее по формѣ. Примѣру сему послѣдовалъ начальникъ штаба, генераль-отъ-инфантеріи графъ Курута. Онъ не только всею душою былъ преданъ цесаревичу, но, можно сказать, боготворилъ его. Пережилъ онъ вел. князя около года, и какъ вѣрный другъ и преданный слуга похороненъ въ Стрѣльнѣ.

Между тѣмъ дѣла въ Польшѣ направились къ перевыву 42-хъ-дневнаго диктаторскаго правленія, нѣмѣвшего сильное вліяніе на замедленіе всѣхъ приготовленій къ войнѣ. Хлопицкаго лкбили и уважали, но рѣшительныя мѣры, діаметрально противоположныя влеченіямъ возмущившейся націи, отъ которой не могло ускользнуть истинное его намѣреніе — не допустить до окончателнаго разрыва съ Россією, возстановили противъ него общественное мнѣніе. Раздраженіе усилилось съ возвращеніемъ въ повый годъ Езерскаго, привезшаго письмо графа Грабовскаго къ Хлопицкому о томъ, что его величество, благодаря его за преданность, требуетъ безусловнаго исполненія прокламаціи, обнародованной 6-го декабря.

Не могу не помѣстить здѣсь содержанія замѣчательной бесѣды государя императора съ гр. Езерскимъ, какъ онъ самъ представилъ ее сейму, послѣ чего она появилась въ „Варшавскомъ Курьерѣ“.

14-го декабря вечеромъ Езерскій былъ принятъ въ присутствіи гр. Бенкендорфа. Государь изъяснилъ свое сожалѣніе о событіяхъ варшавскихъ и сказалъ:

— „Этого я не ожидалъ; я любилъ поляковъ и полагалъ быть взаимно любимымъ... Могъ-ли я предвидѣть, продолжалъ государь, что войско польское, которое я такъ высоко цѣнилъ, честь и вѣрность коего равнялись его отвагѣ, таило въ груди зародышъ измѣны? Въ солдатахъ, умерщвляющихъ посѣдѣвшихъ своихъ начальниковъ, отказавшихся отъ знамени, чести, поправшихъ дисциплину и распространившихъ страхъ и смутеніе на городскихъ улицахъ, могу-ли я узнать воиновъ, всегда отличавшихся вѣрностью? На нихъ я рассчитывалъ въ случаѣ опасности; въ войнѣ со всякою европейскою державою они составляли-бы мой авангардъ. Законъ чести и обычай народовъ

клеймятъ того позоромъ, кто оставляетъ свое знамя и измѣняетъ присягѣ. Сколь неограниченна была моя довѣренность, столь ужасна измѣна; я долженъ наказать зачинщиковъ толикихъ бѣдствій, но желалъ-бы пламенно, чтобы сама Польша очистилась отъ преступленія нѣкоторыхъ ея сыновъ противъ меня и своего отечества. Пусть водворятъ порядокъ, откроютъ преступниковъ, съ тѣмъ, чтобы съ нихъ взыскать, и тогда пусть явятся ко мнѣ съ полною довѣренностью дѣтей къ отцу, которому предоставлено право миловать. Исполненіе сего условія меня-бы чрезвычайно порадовало. На народныхъ представителяхъ лежитъ обязанность, опираясь на законы, взыскать за нарушеніе порядка, чтобы меня избавить отъ сей непріятной обязанности. Пусть предадутъ суду преступниковъ и самый легкій приговоръ послужитъ доказательствомъ, что они желаютъ взыскать за нарушеніе святости закона. Число провинившихся покуда невелико, бѣльшая часть войска не обнаружила измѣны, а 4-й полкъ, школа подпрапорщиковъ и саперный баталіонъ могутъ въ сраженіяхъ смыть свой проступокъ. Взгляните на моихъ гвардейцевъ, возставшихъ при вступленіи моемъ на престолъ,—они нынѣ наперерывъ стараются мнѣ доказать свою преданность, и я имъ вполне довѣряю. Неужели я такъ страшенъ, такъ непримиримъ? Вы видѣли какъ я поступилъ съ весьма многими, принявшими участіе въ происшествіяхъ 1825 г.?"

Тутъ Езерскій замѣтилъ, что бѣльшая часть народа и войска не участвуетъ въ дерзкомъ предпріятіи горсти молодежи и что, по стеченію обстоятельствъ, народъ вынужденъ былъ принять настоящее положеніе.

— „Совершенно въ порядкѣ, возразилъ государь, что граждане вначалѣ вооружились и учредили національную гвардію для защиты своей собственности; но я не могу объяснить себѣ настоящее положеніе и вооруженіе всего Царства, новую конскрипцію и другія приготовленія къ войнѣ. Противъ кого вооружаются? Что означаютъ подкинутыя въ моихъ провинціяхъ прокламаціи, чтобы разстроить порядокъ и соблазнить моихъ солдатъ? Какъ согласить все это съ чувствами преданности ко мнѣ?"

Послѣ сихъ вопросовъ, Езерскій приписалъ все страху, овладѣвшему всѣми, нечаянною событія. „Страхъ этотъ, продолжалъ онъ, при чувствахъ общей опасности соединилъ всѣхъ и

онъ можетъ быть устранивъ только милостивыми словами монарха“. Осторожно намекнулъ онъ на желаніе націи: соединеніе польско-россійскихъ провинцій съ Царствомъ.

— „Я король польскій и хочу имъ остаться; никогда не соглашусь на предложеніе, требующее отъ меня уступокъ, въ особенности, когда онѣ требуются въ моментъ возстанія съ оружіемъ въ рукахъ. Сдѣлавъ это, я-бы забылъ священный долгъ, возложенный на меня Провидѣніемъ. Пусть мнѣ повѣрять, — я не желаю, чтобы безвинный пострадалъ за виновнаго. Представьте себя на моемъ мѣстѣ: могу-ли я, законный король моихъ подданныхъ, входить съ ними въ унижительные переговоры? Могу-ли допустить, чтобы они мнѣ указывали условія, на которыхъ желаютъ мнѣ подчиниться? Если-бы я былъ ничѣмъ болѣе, какъ королемъ польскимъ, я-бы теперь находился посреди васъ, но какъ императоръ Россіи я связанъ и не могу упускать изъ вида честь и достоинство монархіи. Я отнюдь не буду торопиться. Скажите мнѣ — какимъ образомъ устроить это дѣло такъ, чтобы принятая мѣра была достойна польскаго короля, который въ то-же время—императоръ россійскій,—болѣе я ничего не требую. Одно мое желаніе—затруднительность настоящаго положенія устроить самими поляками; посему я-бы желалъ имѣть здѣсь совѣтъ изъ сенаторовъ, депутатовъ и подданныхъ преданныхъ и достойныхъ уваженія“.

Потомъ государь сказалъ, что всѣ находящіеся въ Россіи сенаторы Царства Польскаго созваны въ Петербургъ, почему повторяетъ свое желаніе, чтобы поляки сами подвергли взысканію тѣхъ, которые довели ихъ до крайней гибели.

„Я не хочу самъ наказывать, но поляки должны знать, что я непремѣнно требую удовлетворенія. Возможно-ли мнѣ все забыть? Могу-ли я не видѣть того, что произошло? Развѣ не было смертоубійствъ? Не оскорбленъ развѣ братъ мой? И по вашимъ законамъ — принявшіе въ мятежъ участіе сдѣлались государственными преступниками. Наконецъ, отъ меня требуютъ возвращенія присоединенныхъ къ имперіи польскихъ провинцій; этого я никакъ не ожидалъ, и угрозами нельзя достигнуть невозможнаго. Могу-ли я — изъ состоящихъ подъ скипетромъ моимъ народовъ сдѣлать одному добро насчетъ другаго?“

Езерскій, видя нелѣпость своего заявленія, смѣшался и не

зналъ что отвѣчать; онъ извинился неопытностью въ политическихъ дѣлахъ, умолялъ государя забыть прошедшее и дать свободу своему великодушію.

— „Я издалъ манифестъ, сказалъ государь, онъ указываетъ мое намѣреніе относительно Польши, онъ указываетъ на какихъ условіяхъ вы меня увидѣть можете посреди васъ. Если непредвидимыя обстоятельства затруднятъ исполненіе нѣкоторыхъ его условій, то охотно соглашусь на уступку“.

Наконецъ, государь сказалъ, что онъ, какъ король польскій, обязанъ подавить мятежъ и наказать преступниковъ; до сихъ поръ не надія, но только нѣкоторые измѣнники заслужили его неудовольствіе; но если она вооружится противъ него и сразится съ его войсками, то собственные-же пушечные выстрѣлы уничтожатъ Польшу.

Когда послѣ сего подалъ Езерскій письменный докладъ, въ которомъ изложены неудовольствія и требованія поляковъ, императоръ написалъ на немъ карандашемъ: „Я не измѣнилъ своей присягѣ; я исполняю свято всѣ свои обязанности въ отношеніи Царства, наслѣдованнаго мною отъ брата, со всѣми условіями конституціи, которую онъ по доброй волѣ призналъ приличною. Народъ измѣнилъ своей присягѣ и я, если пожелаю, могу считать себя свободнымъ отъ данной народу присяги. При всемъ томъ я этого не сдѣлалъ; вотъ все, что могу теперь сказать; поступить иначе было-бы съ моей стороны непростительною и бесполезною слабостью и никто не въ состояніи меня къ тому побудить. Пусть положатся на меня и они будутъ счастливы; слова монарха, чувствующаго достоинство чести, заслуживаютъ довѣрія“.

Такъ кончилась аудіенція, на которой государь откровенно высказалъ свое мнѣніе; но впослѣдствіи, послѣ акта детроизаціи и когда начались военныя дѣйствія, онъ при случаѣ такъ выразился: „я-бы сохранилъ конституцію польскую ради даннаго слова, и положеніе мое было-бы крайне затруднительно; но теперь они развязали мнѣ руки и упростили дѣло, разорвавъ своевольно хартію“.

Езерскій возвратился въ Варшаву, какъ я уже имѣлъ случай сказать, въ новый годъ. Сеймъ былъ открытъ 7-го января, а на слѣдующій день вечеромъ, до избранія Радзивида,

Солтыкъ сдѣлалъ предложеніе о сверженіи дома Романовыхъ съ польскаго престола. Предложеніе принято молчаніемъ и положено пренія о немъ отложить. На сеймѣ 13-го января были сообщены извѣстія изъ Петербурга и Езерскій разсказалъ результатъ своего посольства. Шумъ и гвалтъ поднялись страшные; его упрекали въ малодушіи, даже называли измѣнникомъ. „Господа, возразилъ Езерскій, негодовать здѣсь въ Варшавѣ на императора или говорить съ нимъ самимъ въ Петербургѣ — совсѣмъ не одно и то-же“. Наконецъ, всталъ маршалъ сейма графъ Островскій и сказалъ: „судя по извѣстіямъ, до насъ дошедшимъ, и прокламаціямъ фельд-маршала Дибича, безъ войны нельзя намъ достигнуть цѣли; не будетъ-ли довольно по привычкѣ или по страху считать Николая королемъ нашимъ; мы связаны только тою присягою, которую съ незапамятныхъ временъ давали однимъ свободно избираемымъ королямъ; посему предлагаю начать пренія по предложенію Солтыка“. Братъ маршала, начальникъ національной гвардіи, поддержалъ предложеніе своего брата рѣчью. Воловскій предложилъ провозгласить независимость націи. Ледоховскій первый всталъ и во весь голосъ заревѣлъ: „довольно Николаю быть королемъ нашимъ!“ Депутаты встали съ своихъ мѣстъ и кричали наперерывъ: „Николай намъ не король!“ Присутствовавшіе въ залѣ и на хорахъ подхватили тотъ-же крикъ. Болѣе разсудительные были этимъ рѣшеніемъ поражены. Чарторижскій опустилъ глаза и былъ смущенъ. Одинъ Езерскій имѣлъ отвагу напомнить сейму законъ, по которому всякое предложеніе должно быть предварительно разсмотрѣно въ комиссіяхъ и тогда уже быть представлено сейму; но на него не обращаютъ вниманія, и поручаютъ секретарю сената написать декретъ детронизаціи. Вотъ его содержаніе:

„Нація польская единодушно на сеймѣ заявила, что она независима и имѣетъ право предложить корону польскую тому, кого считаетъ достойнымъ и въ комъ она увѣрена будетъ, что онъ пребудетъ вѣренъ присягѣ и сохранить права ея“.

Приверженцы революціи требовали, чтобы всѣ сенаторы и депутаты тотчасъ подписали актъ. Многіе его подписали очерта голову, а бѣльшая часть изъ боязни. Итакъ всѣ вмѣстѣ приняли актъ, который бѣльшею частію націи не былъ одобренъ. Въ тотъ-же

день отслужили панихиду по жертвамъ возстанія 14-го декабря 1825 года. Впереди процессіи, проходившей по этому случаю по городу, несли французскую трехцвѣтную кокарду, какъ эмблему революціи.

Сеймъ еще дурилъ, переливая изъ пустаго въ порожнее, какъ вдругъ поразило его громомъ извѣстіе: „русскіе перешли границу“.

20-го января Дибичъ перенесъ свою главную квартиру въ Бѣлостокъ. Мы выступили 21-го при 25-ти градусахъ мороза Снѣгу было такъ много, что артиллерія при большихъ усиліяхъ сдѣлала въ первый день 6 верстъ, переночевала въ лѣсу, пришла днемъ позже въ Бѣлостокъ, и такимъ образомъ потеряла дневку. Главная остановка состояла въ томъ, что, по мѣстному обычаю, въ деревняхъ вѣзды и выѣзды охраняются воротами; изгородь и ворота занесены были сугробами, которые надо было расчищать для прохода артиллеріи. Вообще эти два перехода до Бѣлостока были крайне затруднительны: ѣздовые слѣзали, чтобы ногъ не отморозить, стремена заворачивали кто чѣмъ могъ, но ноги страдали, что пришлось мнѣ самому испытать. Въ Бѣлостокѣ его высочество сдѣлалъ визитъ графу Дибичу. При выступленіи камердинеръ Кохановскій подалъ цесаревичу шляпу въ клеенкѣ, и на вопросъ: „что это такое?“ онъ доложилъ, что это на основаніи приказа по арміи. Вел. князь и Курута оставили шляпы въ клеенкѣ, но все-таки надѣли по формѣ. Говорили будто Кохановскій предварительно сказалъ графу, что зашьетъ имъ обоимъ шляпы, ибо всѣ прочіе какъ люди, а они одни въ колпакахъ.

Армія, въ числѣ 100 тысячъ, безъ сопротивленія перешла, 24-го и 25-го чиселъ января, границы Царства въ разныхъ пунктахъ отъ Ковна до Устилуга. Нашъ отрядъ слѣдовалъ черезъ Высоко-Мазовецкѣ, Нуръ въ Соколову. Тутъ Герштенцевейгъ подалъ цесаревичу 15-ти-дневный рапортъ, о состояніи войскъ для подписи. Великій князь, взглянувъ на рапортъ, спросилъ — „что это такое?“ и на отвѣтъ, что это графной рапортъ составленный по формѣ, разосланной при приказѣ по арміи, сказалъ: „это чушь, написать такъ, какъ у меня въ Варшавѣ было“.

До самаго Сѣдлеца, куда мы вступили 2-го февраля, почти не видать было жителей. Они до того были науганы, что всѣ

кромѣ больныхъ и дряхлыхъ стариковъ гдѣ-то скрывались. Передовымъ войскамъ нашимъ подбрасывались значки съ надписью на польскомъ и русскомъ языкахъ: „за нашу и вашу свободу“.

Армія польская отступала повсемѣстно, какъ будто желала для отпора сосредоточиться подъ Варшавою; однако-же, ее достигали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и у насъ завязалось, 5 го февраля дѣло подъ Калушинымъ, въ которомъ участвовали наши 4 учебныя орудія, почему и мы съ Корфомъ туда поспѣшили. Здѣсь я впервые ознакомился со свистомъ пуль и артиллерійскихъ снарядовъ. Его высочество вѣхалъ на возвышеніе и былъ зрителемъ сего дѣла, окончившагося съ наступленіемъ ночи; непріятелю удалось отступить къ Минску. Мы съ Корфомъ возвратились къ своему мѣсту около Сѣдлеца едва къ полуночи. Въ этотъ день выпало мнѣ сдѣлать верхомъ 70 верстъ. На слѣдующій день пришли въ Минскъ, а авангардъ былъ уже въ Дембе-Велке. 7-го числа было большое авангардное дѣло подъ Вавромъ, въ которомъ главное участіе принялъ 1-й пѣхотный корпусъ. Со стороны непріятеля распоряжался Хлопицкій, а съ нашей стороны самъ главнокомандующій. Наши заняли Вавръ и Выгоду, и Дибичъ съ Толемъ возвратились въ Милосну, въ 12-ти верстахъ отъ Варшавы. Въ дѣлѣ подъ Вавромъ раненъ вартечью въ пятку Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ. Ногу ему отняли неудачно или онъ поторопился ухватъ, но въ Брестѣ пришлось ногу отнять повыше. Когда эта вѣсть дошла до начальника артиллеріи 2-й арміи, генерала-отъ-артиллеріи Яшвиля, онъ, говорятъ, сказалъ: „называютъ-же поляковъ безмозглыми, а они такой выдумали порошокъ, что и Сухозанета достала“. Надобно знать, что Сухозанетъ, будучи адъютантомъ Яшвиля, сдѣлалъ свою карьеру.

Въ этотъ день пришли мы въ Дембе-Велке. Дорогою Корфъ узналъ, что Сухозанетъ утромъ еще отдалъ въ 5 ую батар. роту плѣннаго ракетника, котораго, какъ оказалось, командиръ роты полковникъ Корфъ сдалъ въ первую попавшуюся на встрѣчу партію плѣнныхъ. Генералъ былъ недоволенъ распоряженіемъ своего брата и, назначивъ мнѣ гондлангера на лошади, приказалъ нагнать партію и возвратитъ плѣннаго. Партію нагналъ я въ Калушияѣ, посадилъ ракетника на лошадь моего гондлангера и возвратался съ нимъ къ отряду, далеко за полночь, сдѣ-

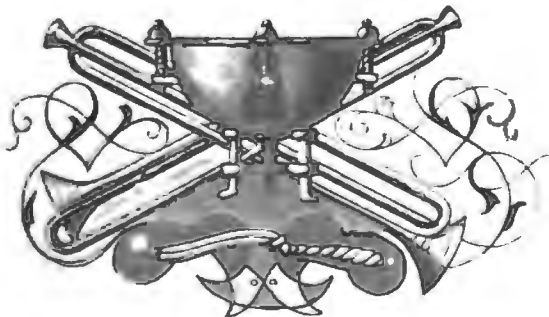
лавъ въ этотъ день болѣе 75-ти верстѣ. Корфъ не спалъ; онъ лежалъ съ газетою въ рукахъ, поджидая моего возвращенія. Поляки отдали опять въ роту, но когда справились что съ нимъ дѣлать, приказали сдать въ первую партію плѣнныхъ, такъ какъ Сухозанетъ раненъ и никому неизвѣстно—почему онъ его задержалъ. Итакъ весь мой трудъ былъ напрасенъ.

8-го числа пришли въ Милосну, гдѣ Корфъ, за неимѣніемъ помѣщенія, расположился бивакомъ около дома, въ которомъ помѣщалось управленіе артиллеріею арміи. Начальникомъ всей артиллеріи былъ князь Горчаковъ.

Мнѣ сказали, что въ одной избѣ лежитъ убитый подъ Вавромъ адъютантъ Сухозанета гвардейской артиллеріи—поручикъ Лукинъ, сынъ извѣстаго моряка-силача временъ Еватерины II. Я нашелъ его лежавшимъ на скамейкѣ въ сорочкѣ съ прострѣленною грудью. На досугъ осмотрѣлъ я поле сраженія подъ Вавромъ. На непривычнаго видъ неочищеннаго поля сраженія производитъ непріятное впечатлѣніе. Наши были уже прибраны, но непріятельскихъ тѣлъ лежало множество. Мрачный день навелъ на нихъ синеватую блѣдность; всѣ были въ однѣхъ сорочкахъ, принявшихъ синій цвѣтъ отъ маркаго сукна синихъ польскихъ мундировъ. Видѣть убитыхъ поляковъ въ одеждѣ можно было только во время сраженія, но нѣсколько спустя всегда находились охотники снимать съ нихъ все, за исключеніемъ одной сорочки. Безъ сорочки я не видѣлъ ни одного трупа.

А. Л. Зеландъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Письмо его къ И. А. Гончарову.

Суббота, 14-го (26-го) марта 1864 г. Парижъ, Rue de Rivoli, 210.

Любезнѣйшій Иванъ Александровичъ, я третьяго дня добрался досюда и пользуюсь первою свободною минутою, чтобы написать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вашу послѣднюю записку. Если вы порадовались моему приѣзду, потому что онъ положилъ конецъ возникшему между нами недоразумѣнью, то и я съ своей стороны не менѣе васъ порадовался возобновенію дружескихъ отношеній съ человѣкомъ, къ которому, не говоря уже объ уваженіи къ его таланту, я стою очень близко, въ силу общаго прошедшаго, однородности стремленій и многихъ другихъ причинъ. Мы вѣдь тоже немножко съ вами послѣдніе могикане. Повторяю, я душевно радъ тому, что чувствую снова вашу руку въ моей, и съ удовольствіемъ думаю объ общанномъ вами посѣщеніи меня въ Базель.

Благодарю васъ за помѣщеніе статейки въ „Голосъ“ будьте такъ добры, не забудьте „Сѣверной Почты“, а если это уже сдѣлано—примите мое спасибо.

Я остаюсь здѣсь около пяти недѣль и очень мнѣ было-бы пріятно получить отъ васъ письмо. Мнѣ приходится немедленно засѣсть за статью о Шекспирѣ, которая, если будетъ найдена удобною, прочтется въ день его годовщины. Сообщите какія вы найдете интересными новости. Не продернула-ли меня „Искра“ за мое летаніе? Появилась-ли „Эпоха“? Что происходитъ въ университетѣ? Здѣсь умы заняты послѣдними, весьма радикальными выборами; но о Польшѣ ни слуху, ни духу: c'est, какъ говорятъ французы, une question coulée; даже не совѣмъ прилично упоминать о ней, какъ о прошлогоднемъ нарядѣ. Впрочемъ, я еще не успѣлъ почти ни съ кѣмъ видѣться: просидѣлъ часа два съ Меримэ.

Пока, прощайте; крѣпко и дружески жму вашу руку и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Сообщ. А. Н. Гончаровъ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

въ воспоминаніяхъ Михаила Прохоровича Третьякова

1799—1830.

VI ¹⁾.

Теперь обращаюсь я къ университетскому благородному пансіону и начальнику его, прославленному едва-ли не до послѣднихъ (?) земли отечественной, Ан. А. Прокоповичу-Антонскому. Пансіонъ, какъ уже извѣстно, былъ основанъ прежнимъ университетскимъ начальствомъ въ 1779 г., для образованія благороднаго юношества и, какъ единственное въ то время заведеніе, скоро пріобрѣлъ большую извѣстность и славу. Ученье въ пансіонѣ было гимназическое, приспособленное къ свѣтскому общежитію. Антонскій, управляя пансіономъ съ 1791 г., умѣлъ мастерски угождать батюшкамъ и матушкамъ, ввѣрившимъ ему своихъ дѣтей. До 1805 г. пансіонъ находился въ полномъ распоряженіи Антонскаго какъ по ученой части, такъ и по хозяйственной, но въ этомъ году незабвенный попечитель М. Н. Муравьевъ далъ пансіону особый уставъ и сблизилъ это заведеніе съ университетомъ. По новому уставу пансіонеры, кончившіе курсъ пансіонскаго ученія, имѣли право слушать въ университетѣ профессорскія

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXV, іюль, стр. 105—131; августъ, стр. 307—345.

лекцій и получать по экзамену ученые степени, да и хозяйственная часть пансіона поступила въ завѣдываніе правленія университета. Кромѣ того всѣ воспитанники были обязаны въ воскресные и праздничные дни слушать въ университетской церкви божественную литургію. Этотъ новый и по всей справедливости отличный порядокъ не нравился Антонскому, ибо поставлялъ его въ зависимость университетскаго совѣта и правленія; да и ббольшая часть батюшекъ-аристократовъ были недовольны тѣмъ, что младыя отрасли ихъ должны вступать въ сотоварищество студентовъ разнаго званія. Такъ продолжалось до 1818 г. Въ этомъ году Антонскій, пользуясь полною довѣренностію попечителя кн. Оболенскаго, убѣдилъ его дать пансіону другое устройство по всѣмъ частямъ. Положили ввести въ курсъ ученія чтеніе профессорскихъ лекцій, кромѣ медицинскихъ; пансіонерамъ, отличившимся успѣхами въ наукахъ и поведеніи, предоставить классные чины отъ 14-го до 10-го класса включительно и освободить ихъ отъ экзамена при производствѣ въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника; учредить новую должность директора пансіона, которую и принялъ на себя Антонскій; открыть для производства дѣлъ пансіонскихъ особое независимое отъ университета правленіе, и, наконецъ соорудить въ зданіи пансіона церковь. Долго министръ не соглашался на эти нововведенія; однако-же, по настойчивой просьбѣ попечителя, испросилъ на все высочайшее утвержденіе. Такимъ образомъ пансіонъ преобразовался въ сокращенный университетъ. Къ чему-же послужило такое преобразование? О, ко многому: и дѣти, и ихъ родители, и наставники—всѣ достигли до прекрасной цѣли: первые получаютъ за деньги важныя права при вступленіи въ службу, а послѣдніе . . . , я зналъ, да и всѣмъ было извѣстно, что инспекторъ пансіона Д. и помощникъ его Чернявскій, племянникъ Антонскаго, имѣли у себя въ комнатахъ отъ 10-ти до 15-ти чел. воспитанниковъ за условленную плату. Эти воспитанники какъ-то лучше успѣвали въ ученіи и получали за то первыя награды. То-же дѣлали и надзиратели, только въ маломъ видѣ. Бываетъ-же время, когда и черное принимается за бѣлое. Такъ и въ настоящемъ случаѣ Антонскій увѣрилъ попечителя, что всѣ поименованныя выше лица заслуживаютъ благодарность отъ начальства за излишніе труды ихъ по надзору за избранными ими воспитанниками.

Въ 1818 г., генваря 9-го, кн. Оболенскій всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны первой степени, а въ апрѣлѣ 1819 г.—тайнымъ совѣтникомъ. И мое усердіе къ службѣ не осталось безъ должнаго воздаянія: въ февралѣ 1818 г. я получилъ отъ государя императора брилліантовый перстень, а 26-го февраля 1820 г.—орденъ Св. Анны 3-ей степени.

Воспоминанія дѣла давно прошедшія, я считаю не излишнимъ связать здѣсь, что министръ нашъ кн. А. Н. Голицынъ, пользуясь полнымъ довѣріемъ къ себѣ государя императора, учреждалъ въ Россіи разныя религіозныя и благотворительныя общества; покровительствовалъ масонамъ; поощрялъ ихъ къ изданію масонскихъ книгъ и дружески бесѣдовалъ со всѣми явившимися къ нему сектаторами. Однажды, въ которомъ году не упомяну, явились къ кн. Оболенскому двое квакеровъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ кн. Александра Николаевича. Князь Оболенскій принялъ ихъ самымъ пріятливымъ образомъ и пригласилъ за свою трапезу. Самъ кн. Оболенскій не зналъ по-англійски; но зато супруга князя, Софья Павловна, хорошо владѣла англійскимъ языкомъ и за обѣдомъ вела съ квакерами общій разговоръ весьма удовлетворительно.

Я зналъ, что кн. Оболенскій находился въ дружеской связи съ кн. Голицынымъ; зналъ, что они часто вели между собою собственноручную переписку; но что они писали другъ къ другу? Разумѣется, я не могъ читать писемъ кн. Голицына, но нѣкоторыя письма кн. Оболенскаго имѣлъ случай бѣгло просматривать. Въ нихъ нерѣдко упоминалось имя Фотія, архимандрита новгородскаго Юрьевскаго монастыря, приверженца гр. Аракчеева, и имя Филарета, впоследствии митрополита московскаго, довѣренной особы кн. Голицына. Умный архимандритъ новгородскаго монастыря, Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружбою Аракчеева, преданностію и золотомъ графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душою заговора противъ князя.

Тайно поддержанный и митрополитомъ Серафимомъ, онъ слѣдилъ за преподаваемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ и вопилъ противъ неправославнаго, даже нехристіанскаго, направленія, которое оно принимаетъ. Три человѣка, находившіеся подъ начальствомъ Голицына и имъ облагодѣтельствованные—Магниц-

вій, Руничъ и Кавелинъ, имѣли также связи съ противниками его и втайнѣ строили ему ковы.

Когда все было готово, когда все назрѣло, одною книжкой, изданною библейскимъ обществомъ и пропущенною цензурою, какъ увѣрили меня, нанесенъ рѣшительный ударъ Голицыну. Въ ней, между прочимъ, сказано было, будто Спаситель нашъ, прежде земли, воплощался уже въ другихъ мірахъ и что у Богоматери, исключая Его, были другія дѣти отъ Іосифа.

Я не понималъ тогда, какимъ образомъ Фотій и Филаретъ обратили на себя вниманіе моего начальника. Между тѣмъ, судя по многимъ обстоятельствамъ, можно было заключать, что кн. Оболенскій принадлежалъ къ какому-либо масонскому обществу; но такое заключеніе мое оказалось впоследствии времени ошибочнымъ, ибо когда, по высочайшей волѣ, взяты были отъ всѣхъ чиновниковъ московскаго учебнаго округа подписки, устранившія ихъ отъ тайныхъ обществъ, тогда кн. Оболенскій письменно увѣрилъ, что онъ ни къ какому тайному обществу не принадлежитъ.

Что-же заставляло князя дѣйствовать въ пользу масоновъ? Однажды цензоръ Цвѣтаевъ усумнился въ одобреніи къ напечатанію книги „Тоска по отчизнѣ“. Кн. Оболенскій, узнавъ объ этомъ, далъ цензурному комитету предложеніе пропустить означенную книгу, что и было исполнено. Другой случай еще болѣе замѣчательнъ: чиновникъ Борисовъ, пріобрѣвшій право на нѣкоторыя книги извѣстнаго въ свое время масона Новикова, представилъ кн. Оболенскому рѣдкій экземпляръ изданной Новиковымъ книги „Божественная метафизика“ и испрашивалъ дозволеніе на напечатаніе ея новымъ изданіемъ. Кн. Оболенскій доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія министра и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что еще рано выпускать въ свѣтъ подобныя книги.

Въ началѣ 1819 г. кн. Оболенскій, находясь въ С.-Петербургѣ по дѣламъ московскаго учебнаго округа, получилъ отъ министра официальное увѣдомленіе, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: запретить напечатанную не долго передъ тѣмъ книгу „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, сочиненія Евстафія Станевича; цензурою цензурнаго комитета, учрежденнаго при с.-петербургской духовной

академіи, архимандриту Иннокентію, одобвившему ту книгу къ напечатанію, сдѣлать выговоръ; а сочинителя Станевича выслать изъ С.-Петербурга въ 24 часа. Я находился въ то время съ княземъ Оболенскимъ въ С.-Петербургѣ и слышалъ отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ, заслуживавшихъ вѣроятія, что, по выходѣ означенной книги въ свѣтъ, она разсмотрѣна была вторично ректоромъ с.-петербургской духовной академіи, Филаретомъ, и признана имъ для православной церкви вредною, о чемъ и было доведено министромъ до высочайшаго свѣдѣнія. Послѣ этого происшествія, архимандритъ Иннокентій возведенъ былъ, 2-го марта 1819 г., въ санъ епископа пензенскаго и саратовскаго, а 10-го октября того-же года скончался. Весьма жаль, что въ описаніи жизни преосвященнаго, изданномъ въ 1821 г., не сказано ни одного слова о сдѣланномъ ему выговорѣ за одобреніе книги Станевича и о тѣхъ интригахъ, которыя, вѣроятно, пущены были въ ходъ къ ея запрещенію, ибо извѣстно было, что Иннокентій, будучи ректоромъ с.-петербургской семинаріи, находился въ числѣ особъ, приближенныхъ къ князю Голицыну, пользовался его расположеніемъ и довѣріемъ такъ, что 1817 г. апрѣля 7-го сдѣланъ былъ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Филаретомъ, членомъ главнаго правленія училищъ. Что-же заставило кн. Голицына удалить изъ С.-Петербурга Иннокентія, уже слабаго и больнаго? Не то-ли, что онъ покровительствовалъ Фотію? Впрочемъ, замѣчательно, въ высшей степени, что та-же самая книга „Плачь на гробѣ младенца о безсмертіи души“, по увольненіи кн. Голицына отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, подвергнута была вновь разсмотрѣнію духовной цензуры, одобрена ею, и, по высочайшему повелѣнію, напечатана вторымъ изданіемъ. На заглавномъ листѣ ея выставлено одобреніе и перваго цензора, архимандрита Иннокентія,— слѣдовательно, онъ былъ правъ.

. Лѣтомъ 1819 года я находился съ кн. Оболенскимъ при осмотрѣ учебныхъ заведеній Ярославской и Костромской губерній, а въ 1821 г.—калужской, тульской и рязанской гимназій. Ласковое и, можно сказать, дружеское обращеніе князя со всѣми учащими и учащимися поселило въ сердцахъ ихъ искреннюю къ нему любовь и уваженіе, тѣмъ болѣе, что никто изъ прежнихъ попечителей не удостоивалъ посѣщеніемъ своимъ ни одной

отдаленной отъ Москвы гимназіи и училища московскаго учебнаго округа.

Проѣхавъ изъ г. Рязани, въ сопровожденіи тамошняго директора училищъ, Ивана Михайловича Татарина, въ село Любучи, Зарайскаго уѣзда, для осмотра вновь отертыаго въ этомъ селѣ, по плану и распоряженію кн. Оболенскаго, училища, подъ названіемъ „Ларинскаго“, и при немъ сельскаго общественнаго банка на капиталъ, пожертвованный нѣкогда бывшимъ крестьяниномъ того села Ларинымъ, — мы встрѣчены были торжественно, близъ училищнаго дома, едва-ли не всѣми жителями села Любучъ, съ хлѣбомъ и солью. Благодарность ихъ къ кн. Оболенскому за труды его по открытію въ селѣ Любучахъ училища и банка была столь велика, что многіе изъ крестьянъ, со слезами на глазахъ, цѣловали руки князя, плѣнниваго ихъ всѣхъ ласковымъ своимъ обхожденіемъ. Замѣчательно, что мы ужинали и почевали въ домѣ крестьянина Ларина, родственника того незабвеннаго Ларина, который оказалъ родинѣ своей, осмѣливаюсь сказать, царское благодѣяніе.

Кромѣ поѣздки по губерніямъ, я четыре раза былъ съ кн. Оболенскимъ въ С.-Петербургѣ, по дѣламъ московскаго учебнаго округа, гдѣ исправлялъ сверхъ своей должности и должность младшаго письмоводителя, безъ всякаго за то вознагражденія. Однажды кн. Оболенскій взялъ меня съ собою къ нашему министру, кн. Александру Николаевичу Голицыну, со многими бумагами, планами и смѣтами предполагаемыхъ въ московскомъ университетѣ построекъ. Войдя съ княземъ Оболенскимъ въ обширный кабинетъ министра, ожидавшаго уже тамъ кн. Оболенскаго, я, по данному мнѣ отъ него заранѣе приказанію, разложилъ на министерскомъ столѣ всѣ привезенныя нами бумаги. Въ это время, кн. Оболенскій, какъ благородный начальникъ, отрекомендовалъ меня князю Александру Николаевичу съ самой лучшей стороны.

Князь Александръ Николаевичъ, взглянувъ на меня, изволилъ сказать: „я незнакомъ съ нимъ“. Послѣ таковаго высоконачальническаго привѣта кн. Оболенскій далъ мнѣ знакъ, чтобы я вышелъ изъ кабинета, что и было мною исполнено.

И прежде я не понималъ, и теперь не понимаю связанныхъ мнѣ княземъ Александромъ Николаевичемъ словъ, что онъ не-

знакомъ со мною. Ужъ не то-ли они значать, что я не принадлежалъ къ тайному масонскому обществу?

Въ 1823 г. министр, кн. Голицынъ, по ходатайству добраго начальника нашего кн. Оболенскаго, испросилъ у государя императора дозволеніе на поднесеніе е. в. докладной записки о награжденіи орденами трехъ только чиновниковъ московскаго учебнаго округа, особенно отличающихся на служебномъ поприщѣ, а именно: ректора московскаго университета Провоповича-Антонскаго—орденомъ святаго Анны первой степени; директора училищъ Ярославской губерніи Абатурова—орденомъ св. Анны второй степени, и меня—орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра четвертой степени. Эти награды кн. Оболенскій считалъ столь вѣрными, что уже заранѣе поздравлялъ насъ съ высоко монаршею милостію. Но человекъ предполагаетъ и часто ошибается въ своемъ предположеніи. Такъ случилось и съ назначенными намъ наградами. Кн. Голицынъ, представляя государю императору докладъ для высочайшаго утвержденія, получилъ отъ е. в. неожиданное повелѣніе передать этотъ докладъ на разсмотрѣніе въ комитетъ министровъ. Хотя же комитетъ и призналъ насъ достойными испрашиваемыхъ начальствомъ наградъ, но передалъ это дѣло, по тогдашнему порядку, гр. Аравчеву для представленія государю императору, чего Аравчевъ не сдѣлалъ, дѣйствуя уже съ архимандритомъ Фотіемъ и другими особами противъ кн. Голицына. Такимъ образомъ, представленіе о нашихъ наградахъ, одобренное комитетомъ министровъ, осталось безъ окончательнаго утвержденія и предано забвенію.

Лѣтомъ 1824 г., въ деревнѣ, кн. Оболенскій неожиданно поздравилъ меня съ новымъ министромъ, объясняя далѣе, что кн. Голицынъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, что духовныя дѣла поступили попрежнему въ вѣдѣніе святѣйшаго синода и что министромъ народнаго просвѣщенія утвержденъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. Это извѣстіе очень огорчило меня, ибо я зналъ, что кн. Оболенскій не захочетъ долго служить съ такимъ начальникомъ, который не принадлежалъ къ Голицынской партіи. Впрочемъ, князь, зимою того-же 1824 г., ѣздилъ со мною въ С.-Петербургъ, познакомился съ Шиховымъ и, повидимому, остался имъ доволенъ; но, возвратясь

въ Москву, послалъ къ нему, Шишкову, 10-го февраля 1825 г., собственноручное письмо, коимъ просилъ увольненія отъ службы. На это письмо Шишковъ, отъ 26-го того-же февраля, прислалъ кн. Оболенскому слѣдующій отвѣтъ:

„По письму вашего сіятельства, отъ 10-го сего февраля, я имѣлъ счастье докладывать государю императору объ увольненіи васъ, по желанію вашему, отъ службы. Е. в. благоугодно, чтобы вы оставались въ званіи попечителя московскаго учебнаго округа впредь до избранія на ваше мѣсто другаго попечителя.

„Извѣщая васъ, милостивый государь мой, о такомъ высочайшемъ соизволеніи, присовокупляю, что государь императоръ, по уваженію предстательства вашего, высочайшимъ указомъ, въ 22-й день сего февраля на мое имя даннымъ, всемилостивѣйше повелѣлъ письмоводителямъ вашимъ, титулярнымъ совѣтникамъ Третьякову и Персону производить въ пенсіонъ: первому по тысячѣ, а послѣднему по пятисотъ рублей въ годъ изъ процентовъ съ капитала, составляемаго для пенсій чиновникамъ типографіи московскаго университета.

„Копію съ таковаго указа, для надлежащаго по оному исполненія, получите вы при особомъ офиціальномъ отношеніи. Съ совершеннымъ почтеніемъ и т. д. А. Шишковъ“.

Эта великая, высокомонаршая милость весьма много обрадовала кн. Оболенскаго и, въ особенности меня, получившаго вѣрный кусокъ насущнаго хлѣба по самую смерть; радость моя еще болѣе увеличилась отъ того, что князь остался на своемъ мѣстѣ и, можетъ быть, на долгое время. Въ такой пріятной для меня надеждѣ, князь, въ началѣ августа того-же 1825 г., получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія, Шишкова, увѣдомленіе, что, высочайшимъ указомъ отъ 19-го іюля, его сіятельство уволенъ отъ должности попечителя московскаго учебнаго округа и что на его мѣсто опредѣленъ отставной генераль-маіоръ Писаревъ. Я могъ замѣтить, что кн. Оболенскій не ожидалъ столь скорого рѣшенія на увольненіе отъ службы и притомъ безъ изьявленія ему высокомонаршаго благоволенія за свыше восьмилѣтнюю усердную службу его въ должности попечителя московскаго учебнаго округа, что относилъ къ интригамъ Шишкова, и былъ очень огорченъ его несправедливостію. Августа 12-го князь прекратилъ сношенія свои съ университетомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжест-

венно благодарилъ всѣхъ профессоровъ и, въ особенности, ректора за отличную и полезную службу ихъ во все время бытности его попечителемъ московскаго учебнаго округа. Члены совѣта, признательные къ князю за кроткое и благодѣтельное правленіе его для всѣхъ вообще чиновниковъ, избрали его единогласно почетнымъ членомъ московскаго университета и представили его сіятельству дипломъ на это званіе. Не забудемъ того, что кн. Оболенскій начальствовалъ надъ университетомъ въ такое время, когда попечители другихъ университетовъ: с.-петербургскаго—Руничъ и казанскаго—Магницкій открыли во ввѣренныхъ имъ университетахъ что-то похожее на инвизицію и гнали многихъ профессоровъ безъ всякаго милосердія. Не забудемъ и того, что кн. Оболенскій, пользуясь довѣріемъ въ себѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, кн. Голицына, умѣлъ оградить московскій университетъ отъ всѣхъ злыхъ навѣтовъ и нареканій, такъ что никто изъ профессоровъ не получилъ въ то время отъ высшаго начальства никакого замѣчанія насчетъ ученыхъ трудовъ своихъ; а, напротивъ того, многіе изъ профессоровъ, по ходатайству кн. Оболенскаго, были награждены чинами и орденами.

Итакъ, совѣтъ университета достойно и праведно избралъ кн. Оболенскаго почетнымъ членомъ московскаго университета.

Прощаясь со мною, кн. благодарилъ меня за успѣшное и вполне удовлетворительное стараніе мое по многотрудной должности старшаго письмоводителя канцеляріи попечителя московскаго учебнаго округа, и увѣрилъ, что онъ никогда не забудетъ меня, въ чемъ и выдалъ мнѣ аттестатъ. Теперь, слѣдуя долгу чести и благодарности, я поставляю себѣ пріятнѣйшею обязанностью рассказать здѣсь объ одномъ рѣдкомъ и великодушномъ поступкѣ со мною достопочтеннаго начальника моего: всѣмъ извѣстно было, что князь, съ дозволенія министра, проживалъ каждое лѣто въ подмосковномъ селѣ своемъ до глубокой осени. Сначала правилась мнѣ деревенская жизнь, но послѣ, а особливо въ дурную осеннюю погоду, я скучалъ иногда деревенскимъ однообразіемъ, что не укрылось отъ пронизательныхъ взоровъ начальника моего. Однажды князь, окончивъ со мною дѣла, до службы касающіяся, обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: „я замѣчаю, любезный другъ, по лицу твоему, что ты недово-

лень мною; если такъ, то ты воленъ оставить меня и перемѣнить службу“.

Не ожидая такого привѣта, я смѣшался, поклонился князю и вышелъ отъ него. Лишь только пришелъ я въ свою комнату, какъ князь потребовалъ меня опять къ себѣ и, ласково встрѣтивъ, сказалъ: „извини меня, любезный другъ, что я огорчилъ тебя; забудемъ прошедшее и останемся попрежнему друзьями!“

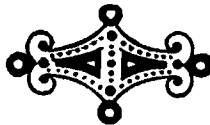
Съ этимъ словомъ князь обнялъ меня и разцѣловалъ. Слезы благодарности хлынули тогда изъ глазъ моихъ и оставили во мнѣ сладостное воспоминаніе о столь рѣдкомъ и великодушномъ поступкѣ со мною благороднаго князя.

Въ деревнѣ кн. Андрей Петровичъ проводилъ время какъ русскій баринъ и православный христіанинъ. Онъ вставалъ отъ сна довольно рано, уходилъ въ свой кабинетъ, выпивалъ тамъ чашку чая, выслушивалъ приказчика о ходѣ полевыхъ работъ и, наконецъ, часовъ въ восемь призывалъ меня для письменныхъ занятій по службѣ. Послѣ того князь, побесѣдовавъ нѣкоторое время съ семействомъ своимъ, отправлялся на поля, правя самъ бойкимъ иноходцемъ. Въ часъ пополудни обѣдалъ, потомъ отдыхалъ, однако-же, не долго. Въ пять или шесть часовъ ѣздилъ на охоту, разумѣется, въ хорошую погоду; въ 9 часовъ ужиналъ, а въ 10 ложился спать. Такъ проводилъ время почтенный князь Андрей Петровичъ въ подмосковномъ селѣ своемъ Троицкомъ—Ордынцѣ то-жъ. Весьма часто пріѣзжали въ князю братья его и сестры и гостили у него сколько имъ было угодно. Въ числѣ прочихъ посѣтителей находились: генералъ Муромцевъ, большой говорунъ, и нѣкто Митрофановъ, постоянно проживавшій въ лѣтнее время у князя и всегда сопутствовавшій ему на охоту. Бывали и другія особы: кн. Павелъ Павловичъ Гагаринъ, братъ супруги князя Андрея Петровича; кн. Сергій Ивановичъ Гагаринъ, великій агрономъ и скряга; кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій, съ красивою и пребойкою супругою своею. Вѣроятно, что кн. Андрей Петровичъ находился въ родствѣ съ кн. Вяземскимъ по матери своей изъ дому князей Вяземскихъ, и что по этому родству былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Карамзинымъ—женатымъ на побочной сестрѣ кн. Вяземскаго, а равноѣрно и съ другомъ Карамзина, Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, посѣтившимъ, вѣжета, два раза князя

Андрея Петровича въ сельскомъ уединеніи его. По вліанію этихъ-то замѣчательныхъ лицъ на кн. Оболенскаго опредѣленъ былъ въ 1817 г. въ службу университетской типографіи помощникомъ издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ извѣстный въ Москвѣ любитель прекраснаго пола кн. Петръ Ивановичъ Шаликовъ; а директоръ училищъ Костромской губерніи, Грамотинъ, пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-ой степени.

Кромѣ означенныхъ выше особъ, пріѣзжалъ иногда обѣдать въ князю гр. Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, проживавшій въ великолѣпномъ селѣ своемъ Семеновскомъ, Отрада то-жъ, въ 25-ти верстахъ отъ имѣнія кн. Оболенскаго. Графъ Орловъ,—вельможа временъ Екатерины Второй, былъ родной братъ извѣстнаго нѣкогда смѣлаго временщика гр. Алексѣя Орлова, но уже устарѣлый и сгорбившійся. При гр. Владимірѣ Орловѣ всегда находился докторъ: сперва Генива, а потомъ Маслениковъ. Замѣчательно, что графъ во время обѣда вставалъ нѣсколько разъ изъ-за стола, выходилъ съ рюмкою вина въ другую комнату и тамъ медленно выпивалъ вино.

Но самымъ замѣчательнымъ посѣтителемъ кн. Оболенскаго былъ, какъ-то лѣтомъ, многоизвѣстный митрополитъ московскій Филаретъ. Онъ, бывши въ Коломнѣ, проѣхалъ оттуда проселочною дорогою въ княжое село, находившееся близъ серпуховской дороги, вѣроятно—по приглашенію князя. Само собою разумѣется, что высокопреосвященный владыко былъ встрѣченъ священникомъ съ крестомъ и святою водою; осматривалъ церковь и, откушавъ у князя, отправился въ Подольскъ. Мнѣ очень досадно было на то, что я, сидя за обѣдомъ въ отдаленіи отъ митрополита и князя, не могъ слышать ихъ разговора.

VII.

Генераль-маіоръ Писаревъ.—Милостивое его ко мнѣ отношеніе.—Инцидентъ на обѣдѣ у попечителя.—Ревпія фл.-ад. гр. Строгонова.—Пріѣздъ государя для коронаціи.—Удаленіе Прокоповича-Антонскаго отъ управленія пансіономъ.—Стихи студента Полежаева.—Посѣщеніе университета государемъ.—Соборная церковь въ с. Грузино.—Достопримѣчательности с. Грузина.

Возвратясь отъ вв. Оболенскаго въ Москву, я послѣдшилъ къ новому начальнику московскаго учебнаго округа, генераль-маіору Александру Александровичу Писареву, съ дѣлами попечительской канцеляріи. Его превос—во, припявъ меня очень милостиво и благосклонно, вошелъ со мною въ продолжительный разговоръ по разнымъ предметамъ, касающимся до университета и его учебнаго округа, обнадежилъ меня въ своемъ покровительствѣ, приглашалъ за свою трапезу и далъ мнѣ право расходывать 4.000 р., опредѣленные на содержаніе канцеляріи попечителя, что вв. Оболенскій дѣлалъ лично самъ. Однимъ словомъ, я былъ въ восторгѣ отъ новаго начальнииа.

Писаревъ давно уже славился въ ученомъ свѣтѣ разными сочиненіями; былъ предсѣдателемъ общества исторіи и древностей россійскихъ и членомъ россійской академіи; отличался дѣятельностію; любилъ блеснуть порядкомъ, чистотою, и, вступивъ въ должность попечителя московскаго учебнаго округа, занялся личнымъ осмотромъ университета, благороднаго пансіона, типографіи, гимназіи и училищъ; посѣщаль профессорскія лекціи, и обратилъ особенное вниманіе свое на казенныхъ студентовъ, ихъ жилия комнаты, пицу и одежду.

Писаревъ, по какому-то непонятному для меня обстоятельству, бралъ меня всегда съ собою; приказывалъ мнѣ записывать дѣланныя имъ въ разныхъ мѣстахъ замѣчанія и представлять ему о нихъ краткія замѣтки. Я сталъ на виду у всѣхъ чиновниковъ; всѣ смотрѣли на меня какъ на перваго любимца Писарева и тогда уже жало зависти и клеветы начало пускаться въ меня, ядовитыя стрѣлы свои. Въ такомъ новомъ, трудномъ для меня, положеніи я не зналъ кому мнѣ болѣе угождать: Писареву-ли, требовавшему отъ меня по всѣмъ дѣламъ точныхъ и вѣрныхъ объясненій, или профессорамъ и другимъ чиновникамъ? Слѣдуя долгу чести и совѣсти, я избралъ себѣ прямую

дорогу, говорилъ начальнику правду-матку, и всемѣрно старался, чтобы онъ дѣйствовалъ во всѣхъ случаяхъ сообразно съ уставомъ университета и предписаніями начальства. Сначала дѣла наши шли какъ нельзя лучше; но вскорѣ я убѣдился, что Писаревъ отличался легкомысліемъ, насмѣшливостію, красноречіемъ; охотно выслушивалъ всѣхъ и каждаго; обѣщала просителямъ золотыя горы и забывалъ про свои обѣщанія. Явились льстецы, ласкатели—и пошла потѣха.

Хотя Писаревъ и пользовался добрымъ къ себѣ расположеніемъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ директоромъ министерскаго департамента Языковымъ, но, при всемъ томъ, ему, т. е. Писареву, не было опредѣлено ни жалованья по должности попечителя, ни даже столовыхъ денегъ, производившихся прежнимъ попечителемъ: Голенищеву-Кутузову и кн. Оболенскому по 3,600 руб. въ годъ. Несмотря на это, Писаревъ съ помощью тещи своей, генеральши Дурасовой, завелъ у себя зимою по воскреснымъ днямъ довольно многолюдныя обѣды, на которые являлись нѣкоторые изъ профессоровъ и другія особы разныхъ отгѣнковъ. На этихъ-же обѣдахъ находились по очереди по два студента казеннаго содержанія и по два воспитанника университетскаго благороднаго пансіона. Они собирались у меня на квартирѣ въ университетскомъ домѣ и вмѣстѣ со мною отправлялись къ е. пр—ству въ присылаемой отъ него ко мнѣ, въ извѣстное время, четверомѣстной каретѣ. Однажды, въ воскресный день, Писаревъ оставилъ у себя обѣдать пришедшаго къ нему по какому-то дѣлу извѣстнаго тогда въ ученое мѣрѣ литератора, купца, Николая Алексѣевича Полеваго. Лишь только сѣли мы за столъ, какъ явился въ столовую запыхавшійся отъ усталости кн. Петръ Ивановичъ Шаликовъ, но, увидя сидѣвшаго за столомъ Полеваго, сказалъ довольно громко, что онъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ купчишкою, повернулъ назадъ, и скрылся изъ глазъ удивленнаго хозяина и хозяйки дома. Надобно знать, что Шаликовъ находился въ службѣ въ университетской типографіи, слѣдовательно былъ подъ начальствомъ Писарева. Какова-же дерзость подчиненнаго передъ своимъ начальникомъ!

Въ маѣ мѣсяцѣ 1826 г. осматривалъ университетъ, по высо-

чайшему повелѣнію новаго государя, флигель-адъютантъ е. в. гр. Сергій Григорьевичъ Строгоновъ. Случилось такъ, что въ это самое время профессоръ Давыдовъ читалъ вступительную лекцію свою „О возможности философіи какъ науки“. Графъ Строгоновъ, выслушавъ лекцію, запретилъ дальнѣйшее чтеніе объ этомъ предметѣ. Такое неожиданное распоряженіе флигель-адъютанта гр. Строгонова произвело на всѣхъ членовъ университета сильное впечатлѣніе. Впрочемъ, я имѣю причину полагать, что Писаревъ имѣлъ отъ директора Языкова свѣдѣніе о томъ, что бывшій министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія вн. А. Н. Голицынъ въ 1825 г. доносилъ императору Александру I-му, что открытое распространеніе философіи въ университетахъ ввергаетъ въ близкую опасность и церковь Господню и отечественное правленіе, а потому умолялъ государя уничтожить это зловредное ученіе въ самомъ его началѣ. Но при всемъ томъ Писареву не было извѣстно—этимъ-ли донесеніемъ руководствовался гр. Строгоновъ или чѣмъ-либо другимъ, а равно и о томъ, въ какомъ видѣ описалъ онъ государю все, касающееся до университета, ибо въ скоромъ времени пронеслась въ Москвѣ молва, что Писаревъ будетъ уволенъ отъ должности попечителя и на мѣсто его поступитъ графъ Строгоновъ.

Профессоръ Давыдовъ, лишившись внезапно каедръ философіи, былъ назначенъ попечителемъ въ преподаванію, на время, высшей математики съ жалованьемъ, получаемымъ имъ по каедрѣ философіи; министръ Шиховъ, отъ 27-го августа, утвердилъ такое назначеніе. Но совѣтъ университета, по вторичномъ уже предписаніи министра, допустилъ Давыдова до преподаванія студентамъ высшей алгебры. Въ этомъ дѣлѣ, продолжавшемся цѣлый годъ, интриговалъ въ совѣтѣ университета профессоръ математики Щепкинъ, подозрѣвавшій, что Давыдовъ, покровительствуемый Писаревымъ, вытѣснитъ его, Щепкина, и вовсе изъ университета. Съ этого времени Щепкинъ обрушился на меня своимъ гнѣвомъ за то, что будто-бы я увлекалъ Писарева на сторону Давыдова во вредъ его, Щепкина ¹⁾.

¹⁾ Давыдовъ занялъ въ 1831 г. каедру русской словесности, оправдывшюся ковчиною проф. Мерзлякова. Казалось-бы, что Щепкинъ долженъ былъ быть доволенъ;—такимъ образомъ, онъ набавился отъ своего соперника;

Когда Москва ожидала съ нетерпѣніемъ новаго государя для священнаго коронованія и готовилась встрѣтить е. и. в. торжественнымъ образомъ, тогда и Писаревъ прилагалъ все стараніе свое къ приведенію университета и подвѣдомственныхъ ему училищъ въ блестящій видъ. Справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторые изъ профессоровъ весьма неохотно помогали Писареву въ его распоряженіяхъ и даже подшучивали надъ ними. Въ такомъ-то положеніи университетскихъ дѣлъ изволилъ прибыть въ Москву государь императоръ, съ высочайшею фамиліею и со всѣми министрами, въ числѣ которыхъ находился и нашъ престарѣлый министръ А. С. Шишковъ. По предварительному соглашенію съ Писаревымъ, Шишковъ остановился въ томъ-же домѣ, въ которомъ жилъ и Писаревъ, съ директоромъ канцеляріи своей, вн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, и писмоводителями: Сербиновичемъ и Семеновымъ. Осмотрѣвъ университетъ и благородный пансіонъ, Шишковъ или, вѣрнѣе сказать, вн. Ширинскій-Шихматовъ, остался доволенъ первымъ, а въ послѣднемъ ничто ему не понравилось. Такая неожиданная непріятность заставила директора пансіона, заслуженнаго профессора Прокоповича-Антонскаго, удалиться отъ показанной должности. Князь Ширинскій и Перовскій убѣдили Шишкова и Писарева опредѣлить директоромъ пансіона начальника университетской типографіи Курбатова, женатаго на сестрѣ Перовскаго (побочной дочери бывшаго министра графа Разумовскаго), человѣка, не занимавшагося никогда воспитаніемъ юношества. Къ большому еще удивленію, оставили Курбатова и начальникомъ типографіи, что превышало уже власть министра, ибо на соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ должностей слѣдовало испросить высочайшее соизволеніе. Не ясно-ли послѣ таковаго дѣйствія Шишкова, что онъ допускалъ приближенныхъ своихъ дѣлать изъ себя что имъ было угодно.

За нѣсколько дней до священнаго коронованія государя императора, Шишковъ поручилъ Писареву сдѣлать ему представленіе о награжденіи самаго ограниченнаго числа чиновни-

но, при всемъ томъ, къ удивленію всѣхъ членовъ университета, онъ въ 1833 г. оставилъ вовсе университетъ и поступилъ учителемъ математики въ московскую гимназію. М. Т.

ковъ московскаго учебнаго округа. Писаревъ назначалъ мнѣ орденъ св. Владимира 4-й степени, къ которому я уже былъ представляемъ отъ прежняго попечителя, но одинъ изъ писемоводителей министра присовѣтовалъ мнѣ просить слѣдующаго чина въ томъ предположеніи, что орденъ долженъ выйти по прежнему представленію. Итакъ, я рекомендованъ былъ къ чину коллежскаго ассессора въ числѣ шести только чиновниковъ московскаго учебнаго округа, которымъ испрашиваемы были другія награды. Писареву назначалъ министръ орденъ св. Владимира 2-й степени. Мы полагали навѣрное, что удостоимся высочайшею милости, но скоро, однако-жъ, узнали, что государь не соблаговолилъ утвердить доклада министра о нашихъ наградахъ. Къ вящему прискорбію и министра и попечителя, кто-то изъ добрыхъ людей представилъ государю стихи студента Александра Полежаева, подъ названіемъ „Сашка“. Это стихотвореніе не что иное, какъ подражаніе Онѣгину Пушкипа, самое грязное и развратное, въ которомъ помѣщено нѣсколько стиховъ противъ самодержавнаго правленія въ Россіи. Полежаевъ—побочный сынъ богатаго барина; воспитывался въ Москвѣ въ частномъ пансіонѣ, а оттуда поступилъ въ университетъ студентомъ при прежнемъ попечителѣ кн. Оболенскомъ и жилъ на хлѣбахъ у одного чиновника въ университетскомъ домѣ. Полежаевъ былъ взятъ подъ стражу и представленъ государю императору, по его повелѣнію. Его вел., по словамъ Полежаева, приказалъ ему прочесть предъ собою противозаконныя стихи, и, видя раскаяніе своевольнаго юноши, назначилъ его въ военную службу на Кавказъ, съ выслугою. Надобно знать, что въ то время строго наблюдали за университетомъ и даже о шалостяхъ гимназистовъ при купаньѣ на Москвѣ рѣкѣ доведено было до высочайшаго свѣдѣнія; притомъ-же ни министръ нашъ, ни попечитель не имѣли счастья пользоваться довѣріемъ къ себѣ его вел. Этого мало: въ Москвѣ разсѣяны были слухи, что Писаревъ даже разстроилъ университетъ по всѣмъ частямъ. Я имѣю причину думать, что въ такомъ безславіи Писарева принимали дѣятельное участіе: прежній министръ кн. А. Н. Голицынъ, ставшій при новомъ государѣ первымъ царедворцемъ, и другъ его кн. А. П. Оболенскій. Они оба не жаловали ни Шишкова, ни Писарева, какъ приверженцевъ гр. Аракчеева.

Государь императоръ, послѣ священнаго коронаванія, началъ осматривать разныя заведенія, въ Москвѣ находящіяся. Полагали навѣрное, что е. в. осчастливитъ и университетъ милостивымъ посвѣщеніемъ своимъ, но когда и въ какое время? Писаревъ, желая встрѣтить государя приличнымъ образомъ, учредилъ въ университетѣ дежурство изъ двухъ очередныхъ профессоровъ; но эти ученые мужи роптали и тяготились благоразумными мѣрами начальника своего. Тогда Писаревъ самъ началъ просиживать въ университетѣ до 4-хъ часовъ пополудни и вполнѣ достигнулъ своей цѣли. 27-го сентября государь изволилъ прибыть въ университетъ. Писаревъ, какъ будто нечаянно тутъ случившійся, встрѣтилъ е. в. на парадномъ крыльцѣ. Удивленный такою встрѣчею, государь сказалъ Писареву:

„Вы меня ждали?“

— „Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Писаревъ, я нахожусь здѣсь по дѣламъ службы“.

Государь прошелъ въ столовую казенныхъ студентовъ, отвѣдывалъ ихъ кушанье, и, вступивъ въ большую аудиторію, замѣтилъ тамъ сторожа, почивавшаго сладкимъ сномъ. Писаревъ воспользовался этимъ случаемъ и, указывая на сторожа, доложилъ государю: „вотъ вѣрное доказательство того, что мы васъ не ждали“.

Его величество, осмотрѣвъ музей, прошелъ оттуда въ верхній этажъ въ студенческія комнаты. Хотя Писаревъ и успѣлъ въ самое короткое время обмундировать студентовъ на счетъ ихъ жалованья и устроилъ для нихъ прекрасную столовую и кухню, но постели студентскія, по недостатку денежныхъ средствъ, не были еще приведены въ должный порядокъ и представляли непріятное для глазъ разнообразіе. Къ счастью Писарева, государь отдернулъ одѣяло именно съ той кровати, на которой лежалъ довольно изрядный тюфякъ, съ чистою простынею. Замѣтивъ, что близъ Писарева находился кто-то въ университетскомъ мундирѣ, государь спросилъ: „какой это чиновникъ?“

„Инспекторъ казенныхъ студентовъ, адъютантъ Тихоновичъ“, отвѣчалъ Писаревъ.

— „Такъ послать его въ Петербургъ для изученія устройства въ тамошнихъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ“, изволилъ сказать государь и отбылъ изъ университета.

При этомъ случаѣ за нужное считаю изъяснить, что директоръ медицинскаго института профессоръ Мудровъ не участвовалъ въ распоряженіяхъ Писарева по устройству казенныхъ студентовъ, а все до этого предмета касающееся возложено было Писаревымъ на помощника Мудрова, адъюнта Тихоновича, употребившаго особенную дѣятельность и благоразуміе при исполненіи распоряженій Писарева, а чрезъ то и снискавшаго себѣ полное его благорасположеніе.

Адъюнктъ Тихоновичъ, осмотрѣвъ въ С.-Петербургѣ военно-учебныя заведенія, привезъ оттуда рисунки всѣмъ вещамъ и описанія существующаго въ тѣхъ заведеніяхъ порядка. Писаревъ приступилъ немедленно къ новому устройству студентскихъ комнатъ и всего, до студентовъ касающагося, а также и воспитанниковъ благороднаго пансіона, что продолжалось около года, подъ бдительнымъ надзоромъ самого Писарева и избранныхъ имъ до того чиновниковъ. 2-го декабря 1827 г. Писаревъ представилъ министру, для поднесенія государю императору, подробный отчетъ по означенному предмету и ходатайствовалъ о награжденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и меня знаками отличія. Не получая отъ министра болѣе мѣсяца отвѣта на представленіе свое, Писаревъ, въ половинѣ января 1828 г., самъ отправился въ С.-Петербургъ, взявъ съ собою меня и магистра Васильева. Тамъ прожили мы два мѣсяца, справлялись, хлопотали, ожидали всякій день царскаго рѣшенія на представленіе Писарева, и, не дождавшись, выѣхали изъ Петербурга съ пустыми карманами. Со станціи Чудово мы направили путь свой въ село Грузино въ гр. Ал. Андр. Араччееву. Остановясь въ прекрасной сельской гостинницѣ, Писаревъ послѣдилъ къ графу, уже извѣщенному о пріѣздѣ въ Грузино какъ самого Писарева, такъ и двухъ чиновниковъ, при немъ находившихся, а я съ товарищемъ начали хлопотать объ обѣдѣ. Въ это время явился къ намъ служитель графа и именемъ его просилъ насъ пожаловать къ его сіятельству. Переодѣвшись въ вицъ-мундиры, мы вступили въ домъ знаменитаго вельможи. Графъ, въ сопровожденіи Писарева, встрѣтилъ насъ въ пріемной комнатѣ, и, узнавъ наши чины и фамиліи, обошелся съ нами съ удивительною благосклонностію.

„Не угодно-ли вамъ, господа, осмотрѣть теперь-же мой домъ

и церковь, а послѣ пожаловать ко мнѣ обѣдать“, сказалъ намъ графъ.

Отблагодаривъ его сіятельство за милостивый его приѣмъ, мы, сопровождаемые вѣжливымъ проводникомъ, осмотрѣли все достопримѣчательное въ домѣ графа и вступили въ соборную церковь во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. Эта великолѣпная церковь снабжена богатѣйшею церковною утварью, украшена прекрасною живописью и краснорѣчиво вѣщаетъ потомству о благодарныхъ чувствованіяхъ гр. Аракчеева къ благодѣлательствовавшимъ ему государямъ. Тамъ въ придѣлѣ на правой сторонѣ, мы увидѣли памятникъ, воздвигнутый графомъ офицерамъ грендерскаго полка его имени, павшимъ со славою за отечество на поляхъ кровавыхъ битвъ; а на лѣвой сторонѣ—мраморный бюстъ императора Павла I съ надписью: „сердце чисто и духъ правъ предъ Тобою“. Противъ этого памятника изготовлена могила для самого гр. Аракчеева, покрытая надгробнымъ камнемъ съ слѣдующею надписью: „на семь мѣстѣ положено тѣло новгородскаго дворянина графа Ал. Андр. Аракчеева, родившагося 1769 г. сентября 23-го, умершаго...“; и прибавлены достопримѣчательныя слова: „да пребудетъ и по смерти прахъ мой у подножія твоего“, то-есть императора Павла I. Нѣсколько далѣе хранится въ превосходномъ футлярѣ подъ стекломъ мундиръ императора Александра I, присланный графу отъ нынѣшняго государя (Николая I). Пройдя въ главную церковь, глазамъ нашимъ представились два портрета: свѣтлѣйшаго князя А. М. Меншикова, перваго владѣльца села Грузина, и гр. Аракчеева, получившаго Грузино отъ щедротъ императора Павла I. Смотри на портреты этихъ знаменитыхъ временщиковъ, рожденныхъ въ бѣдности, а потомъ возвеличенныхъ и прославленныхъ, пользовавшихся въ разное время неограниченнымъ довѣріемъ къ себѣ русскихъ самодержцевъ, я вспомнилъ слова премудраго Соломона: „суета суетъ и всяческая суета“.

Возвратясь изъ церкви къ графу, мы увидѣли у него человѣкъ двѣнадцать гостей, въ числѣ которыхъ находился морской офицеръ съ женою. Графъ, получивъ докладъ, что кушанье поставлено, пригласилъ всѣхъ насъ въ столовую, посадилъ подлѣ себя по правую сторону жену моряка, а по лѣвую Писарева. Во время обѣда, графъ любезничалъ съ женою моряка; разговаривалъ

съ Писаревымъ и другими гостями; былъ весель, привѣтливъ и каждаго изъ насъ спрашивалъ: „не угодно-ли вамъ такого-то вина?“, получивъ въ отвѣтъ: „пожалуйте“, графъ наливалъ самъ вино и передавалъ гостямъ чрезъ красиваго мальчика, одѣтаго по-руски. По окончаніи обѣда, всѣ гости раскланались гостепріимному хозяину и разъѣхались. Писаревъ хотѣлъ сдѣлать тоже, но графъ пригласилъ его и насъ въ церковь, самъ вынималъ изъ шкафовъ церковныя вещи, въ числѣ которыхъ находились сосуды высокой работы, вылитые изъ золота въ Парижѣ, по заказу и усердію графа, и, наконецъ, подвелъ насъ къ стеклянному футляру, въ которомъ хранится мундиръ Александра Благословеннаго; вынулъ этотъ мундиръ, поцѣловалъ его, и сквозь слезы сказалъ: „этотъ мундиръ принадлежалъ моему благодѣтелю, великому изъ владыкъ земныхъ и добрѣйшему изъ людей!“ Въ эту минуту я смотрѣлъ съ восторгомъ на благороднаго графа, столь великодушно чтущаго память добраго русскаго царя. Графъ дозволилъ и намъ облобызать драгоценный мундиръ, а послѣ положилъ его въ футляръ.

Осмотрѣвъ церковь и всѣ богатства ея, графъ ввелъ насъ въ особое отдѣленіе, въ которомъ онъ, никѣмъ невидимый, присутствуетъ во время божественной службы, и шутя сказалъ: „здѣсь мы, ужь вѣрно, всѣ православныя“, т. е. между нами нѣтъ масоновъ.

Въ этомъ отдѣленіи мы замѣтили нѣсколько церковныхъ книгъ и древнее паникадило, найденное въ землѣ при постройкѣ зданій для военныхъ поселеній. Писаревъ, какъ знатокъ русской старины, объяснилъ графу свое мнѣніе объ этомъ паникадилѣ и вызвался прислать въ Грузино „Труды общества исторіи и древностей російскихъ“, что принято графомъ съ удовольствіемъ и признательностью. Изъ церкви провелъ насъ графъ къ рѣкѣ Волхову. На берегу этой рѣвки, подъ прочнымъ шатромъ, хранится лодка, на которой императоръ Александръ съ графами Аракчеевымъ и Толстымъ изволилъ нѣкогда плавать по Волхову, что обозначено на самой лодкѣ металлическими литерами. Наконецъ, Писаревъ, отблагодаривъ графа за его гостепріимство, сталъ прощаться съ нимъ. Я и товарищъ мой сняли съ себя въ это время фуражки и въ почтительномъ отдаленіи готовились засвидѣтельствовать графу и нашу сердечную благодар-

ность за высокую честь, оказанную имъ намъ, малозначущимъ чиновникамъ. Графъ, взглянувъ на насъ, изволилъ сказать: „господа, накройте“, и потомъ продолжалъ: „если вамъ случится когда-нибудь ѣхать въ Петербургъ по дѣламъ службы или по своимъ надобностямъ, то прошу васъ не забыть меня; я буду вамъ радъ!“

Мы отвѣсили графу по низкому поклону и увѣрили его, что поставимъ себѣ за особенную честь исполнить его приказаніе. Такъ оставили мы Грузино и покатили въ Москву Бѣловаменную. Дорогою много думъ тѣснилось въ головѣ моей про Аракчеева, имя котораго гремѣло по всей Руси и многими повторялось съ ненавистью и презрѣніемъ.

М. П. Третьяковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Поѣздка по Франціи и Италіи.

(Рукопись въ собраніи С. Д. Похторацкаго).

Недоумѣніе ¹⁾.

Malum consilium est quod mutari
non potest.

Время купанья и леченья на эвсскихъ водахъ миновало; вечера стали темнѣе, холоднѣе; снѣгъ напудрилъ вершины горъ; вольные и промышленники стали мало по малу разѣзжаться; наконецъ, и я собрался. Мы отправились вмѣстѣ съ однимъ французомъ, который жилъ со мною въ одномъ домѣ; онъ все торопилъ меня, а я все медлилъ, и когда мы сѣли въ карету, онъ съ восхищеніемъ сказалъ: „enfin, nous voilà partis; nous emportons les clefs d'Aix!“ ²⁾. И дѣйствительно, кажется, мы выѣхали послѣдніе. Причиною-же тому было, что одинъ лозанскій помѣщикъ явѣрилъ мнѣ любопытную рукопись, написанную г. де-Портетцомъ, въ коей часто упоминается о Ж.-Ж. Руссо. Авторъ манускрипта зналъ его, былъ съ нимъ въ сношеніяхъ и ненавидѣлъ его отъ всего сердца. Я списалъ большую часть достойнаго примѣчанія и впоследствии

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1892 г. LXXV, стр. 256—299.

²⁾ Наконецъ-то, мы уѣхали; мы увозимъ съ собою ключи Экса.

сообщу все читателямъ. Французъ, съ коимъ я отправился, назывался г. де-Больё; онъ былъ самый эксцентрическій человекъ, легковѣренъ до чрезвычайности, слѣдовательно, способный къ мистификаціи. Онъ писалъ журналъ своего путешествія, который, по возвращеніи въ Парижъ, безъ жалости къ публикѣ, предалъ печати подъ заглавіемъ: „*Rélation véridique d'un voyage en Allemagne, en Suisse et en Italie*“¹⁾). Прошу читателей извинить, ежели я сдѣлаю маленькое отступленіе; но оно мнѣ необходимо, чтобы дать понятіе о характерѣ моего спутника и о странностяхъ этого, между прочимъ, добрейшаго человека.

Еще въ прошломъ 18.. году встрѣтился я съ г. де-Больё въ Ахенѣ и потомъ въ Спа и въ Брюсселѣ, гдѣ мы видѣлись съ нимъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ежедневно и почти ежеминутно. Во время пребыванія моего въ Ахенѣ, пріѣхалъ туда полковникъ Густавсонъ (бывшій король шведскій) и остановился въ гостинницѣ „Чернаго орла“, гдѣ я жилъ. Онъ пріѣхалъ на имперіалѣ дилижанса одинъ, безъ лакея, и занималъ маленькую комнатку или, какъ говорится у насъ въ Россіи, номеръ, рядомъ со мною; обѣдалъ-же онъ почти всякій день за общимъ столомъ. Г. Больё, который жилъ въ другомъ трактирѣ, узнавъ о прибытіи столь замѣчательной особы, просилъ меня занять для него мѣсто за нашимъ столомъ, что я исполнилъ; но, на бѣду его, полковникъ Густавсонъ въ этотъ день обѣдалъ за-городомъ.

Товарищъ и землякъ мой Молоствовъ любилъ часто издѣваться надъ французскимъ туристомъ и увѣрилъ его, что сидѣвшій подлѣ него голландскій генералъ былъ эксъ-шведскій король; между тѣмъ, этотъ генералъ слылъ въ нашемъ обществѣ за великаго пустомелю и даже нѣсколько помѣшаннымъ. Надо было видѣть, съ какимъ любопытствомъ г. Больё вслушивался въ малѣйшіе разговоры своего словоохотнаго сосѣда, какъ онъ въ него вглядывался, съ какимъ подобострастіемъ ему услуживалъ и какъ усердно вносилъ въ свою записную книжку всякое слово, произнесенное голландскимъ генераломъ. Я помню, между прочимъ, что когда подали десертъ, мнимый король, замѣтивъ, что персики и абрикосы были не зрѣлые, сказалъ: „о, если-бы я былъ королемъ! (sic), я-бы издалъ законъ, въ силу коего про-

¹⁾ „Правдивое описаніе путешествія по Германіи, Швейцаріи и Италіи“.

давцы незрѣлыхъ овощей и фруктовъ подвергались-бы равному наказанію, какъ и отравители (empoisonneurs), и приговорилъ-бы ихъ объѣдаться этими самыми незрѣлыми фруктами“

— „Слышите-ли, шепнулъ мнѣ на ухо Больё, какъ е. в. разсуждаетъ? какія мудрыя изреченія, государственныя идеи невольно проскакиваютъ изъ самыхъ простыхъ его разговоровъ!“

Мнѣ стало совѣстно, что мы ввели шутя бѣднаго Больё въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что онъ намѣревался напечатать свои путевыя записки, и я рѣшился на другой день отереть ему истину; но французъ не хотѣлъ вѣрить и полагалъ, напротивъ, что я этотъ разъ намѣренъ его мистифицировать и показать ему другаго гостя за короля, въ чемъ товарищъ мой М..... его увѣрилъ.

„Я знаю васъ, сказалъ онъ, вы не разъ надо мною подшучивали; вы, вѣроятно, намѣрены свести меня съ какимъ-нибудь мистификаторомъ, котораго вы пожелаете въ шведскіе короли, и надѣетесь, что я дамъ въ обманъ, напишу нелѣпости и проч.“

Всѣ мои усилія были тщетны, Больё издалъ книжку свою и помѣстилъ въ ней подробный отчетъ всего того, что говорилъ мнимый полковникъ Густавсонъ; „et voilà comment on écrit l'histoire!“¹⁾

Но вотъ мы отправились съ нимъ въ Шамбери. Онъ долженъ былъ ѣхать въ Туринъ; я же былъ въ недоумѣніи и не рѣшался куда направить путь: воды эвесскія возвратили мнѣ здоровье, въ деньгахъ у меня не было недостатка, особенныхъ дѣлъ никакихъ. Теперь мнѣ предстояли три дороги: 1) я хотѣлъ объѣхать всю южную и юго-западную Францію и возвратиться скорѣе въ Парижъ, куда манили меня двухъ-лѣтняя привычка и наслажденія всякаго рода; 2) мнѣ хотѣлось посѣтить Швейцарію; 3) я имѣлъ также желаніе переѣхать Альпы, такъ что хотя-бы могъ сказать, что я видѣлъ Италію. Долго думалъ я и не рѣшался. Больё приставалъ ко мнѣ болѣе и болѣе. Наконецъ, пошли мы объѣдать à table d'hôte. Со мною рядомъ сидѣлъ докторъ Д..... изъ Турина; мы съ нимъ разговаривались и я узналъ отъ него, что короткій знакомый и хорошій

¹⁾ И вотъ какаго образомъ пишется исторія.

пріятель мой Шереметевъ пріѣхалъ въ Туринъ; я тотчасъ-же рѣшилъ отправиться туда, чтобы взглянуть хотя на одинъ итальянскій городъ.

Переѣздъ черезъ Монъ-Сени нѣсколько насъ утомилъ. Мы переѣзжали черезъ густое облако, такъ что не видать было ни зги; карета, хотя всѣ окна были подняты, наполнилась сырою мглою и мы промокли до костей. Одинъ г. Больё восхищался этимъ мокрымъ зрѣлищемъ и, подобно Иксіону, облеченный въ облако, еще привѣтствовалъ мглу прозою и стихами. Добравшись до вершины, мы нашли густой снѣгъ; въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ замѣтили слѣды животныхъ, что и напомнило мнѣ пороши роднаго края; я вздохнулъ, и вздохъ мой смѣшался съ воздухомъ въ 8 градусовъ мороза. Но картина внезапно измѣнилась, когда мы стали спускаться на другую сторону горы: воздухъ безпрестанно становился теплѣе, и мы съ восхищеніемъ глядѣли на развивающіяся передъ нами богатые и плодоносныя нивы Піемонта.

Съ нами ѣхалъ итальянецъ, родомъ изъ Модены, старый воинъ, который изгнанъ былъ изъ отечества вслѣдствіе политическихъ происшествій и провелъ 10 лѣтъ на чужбинѣ; нынѣ, получивъ помилованіе, возвращался. Съ какимъ чувствомъ удовольствія смотрѣлъ онъ на южный край; какъ онъ наслаждался родною природою! Слезы орошали посѣдѣвшіе въ изгнаніи усы и онъ съ жаромъ восклицалъ: „Italia, Italia! o tu, cui fea la sorte, donno infelice di bellezza! Sai men bella, ma piu forte!“ и пр.

На другой день пріѣхали мы въ Туринъ.

Туринъ.

„Vous êtes Persan! — Comment est-il possible d'être Persan?“

Montesquieu, Lettres Persannes.

Не взирая на вѣковыя сношенія Россіи съ южною Европою, на умножающееся ежегодно число всероссійскихъ туристовъ и даже на итальянскій походъ Суворова, русскій все еще иногда бываетъ предметомъ невѣжественнаго любопытства итальянцевъ: на него глядятъ какъ на рѣдкое животное, на которое приходятъ смотрѣть, заплативъ 5 су за входъ. Я испыталъ это въ Туринѣ: лишь только узнали, что я русскій, всѣ взоры обрати-

лись на меня, табакерка, фуляръ, записная книжка, особенно-же кошелекъ; а также фуражка моя, хотя и купленная въ Парижѣ, казалась имъ необыкновеннымъ произведеніемъ московской промышленности; подюжины смуглыхъ фигуръ обоего пола вперили на меня глухие взоры. Французъ, хотя одѣтъ былъ почти шуткомъ, не обращалъ на себя никакого вниманія; всѣ почести безсмысленнаго любопытства предоставлены были мнѣ. За столомъ находились двѣ женщины, нѣсколько обывателей и офицеровъ, въ особенности сіи послѣдніе выпялили на меня очи и закидали самыми плоскими вопросами. Я былъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа и отвѣчалъ коротко, сухо и колко.

Вопросъ. Далеко-ли отсюда до Сибири?

Отвѣтъ. 33,333 мили и 3 трети.

В. Ёдятъ-ли у васъ хлѣбъ, цыплятъ, спаржу и пр.?

О. Нѣтъ, не ёдятъ, а кормятъ ими иностранцевъ и поросятъ

В. Говорятъ, что казаки ваши ёдятъ салыныя свѣчи?

О. Да, но приправляютъ ихъ піемонтскими трюфелями.

В. Вашъ языкъ долженъ быть похожъ на турецкій?

О. Не столько на турецкій, какъ на готтентотскій.

Но я не стану болѣе надобдать читателямъ этимъ вздоромъ скажу только, что, не дождавшись конца ужина, я схватилъ длинную шапку въ охапку, бѣжалъ опрометью изъ столовой и заперся въ своей комнатѣ.

Пріяель мой, Шереметевъ, поѣхалъ, къ досадѣ моей, на охоту недѣли на двѣ, и я сталъ помышлять, какъ-бы мнѣ обратиться изъ этого скучнаго города, гдѣ улицы разрисованы съ приторною регулярностью шахматной доски, а жители показались мнѣ сущими пѣшками.

Вечеромъ отправился я въ театръ Кариньяно, гдѣ давали „Семирамиду“. Зала темная, грязная, но зато просторная. Тутъ произошелъ маленький инцидентъ: одинъ англичанинъ надѣлъ шляпу во время антракта и не хотѣлъ снять ее, не взирая на увѣщеванія полицейскаго офицера, который, потерявъ терпѣніе, сшибъ ее съ головы его. Англичанинъ ударилъ полицейскаго, за что его хотѣли вывести, но онъ началъ боксировать противъ трехъ рачителей покоя и подбилъ имъ порядочно глаза и зубы; однакожъ, наконецъ, былъ выведенъ. Этотъ бой напомнилъ мнѣ происшествіе, случившееся въ присутствіи моемъ, за годъ передъ

симвъ, тоже въ театрѣ и тоже съ англичанами. Такъ какъ я не пишу путешествія въ Италію назаказъ, а передаю все, что мнѣ приходитъ въ голову, то и прошу читателей не прогнѣваться, ежели я изъ Италіи перенесусь въ Бельгію.

Въ Брюсселѣ, въ театрѣ „du Parc“, французскіе актеры играли водевилъ, названіи коего не упомяну. Тутъ есть одна сцена, въ которой актеръ прибѣгаетъ и объявляетъ другому, что пріятель ихъ бросился изъ окошка и упалъ на проходящаго „Человѣка?“ спросилъ другой актеръ.— „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, на англичанина“. Эта шутка не понравилась тремъ великобританцамъ, которые, отобѣдавъ изобильно въ трактирѣ Belle vue, пришли въ театръ для прохладженія жара, причиненнаго отъ испытанаго ими шампанскаго; они начали свистать, топать, кричать и бушевать, бельгійцы стали унимать ихъ и—началась потѣха! Большинство голосовъ партера преодолѣло ихъ свистки и нѣсколько зрителей, схвативъ одного изъ англичанъ, болѣе всѣхъ бушевавшаго, понесли его къ дверямъ. Въ это время водворилась нѣкоторая тишина. Джонъ-Буля подняли за ноги, рыжая и раскраснѣвшаяся отъ гнѣва и вина голова его господствовала надъ всею публикою; тутъ онъ произнесъ громкимъ голосомъ и исковерканнымъ французскимъ языкомъ слѣдующій спичъ: „если между вами есть хотя одинъ человѣкъ не трусъ, то я буду ждать его завтра въ гостинницѣ Belle vue, отъ 7-ми часовъ утра до 2-хъ пополудни!“

Съ симъ словомъ бросилъ онъ имъ въ головы съ дюжину визитныхъ карточекъ; буйнаго англичанина унесли. На другой день онъ приклеилъ къ двери своей квартиры бумагу, на которой написалъ, что онъ тутъ и ждетъ дерзкихъ обидѣвшихъ его. Никто не пришелъ! и въ тотъ-же вечеръ англичане отправились торжественно въ театръ, озираясь какъ леопарды; но никто не подошелъ къ нимъ.

Переодѣтая красавица.

Сударыня, барыня, садѣте со мной
рядомъ;

Сударыня, барыня, удостойте взгля-
домъ.

Прочь, прочь, отойди, какой беспо-
койный!

Русская пѣсня.

Я сидѣлъ погруженнымъ въ тяжелую думу и не рѣшался куда мнѣ направить путь. Если человѣкъ, не начертавъ себѣ предварительнаго плана, хочетъ вдругъ рѣшиться на неопредѣленный вояжъ, какое-то беспокойство обыкновенно овладѣваетъ имъ: то надо переждать погоду, то увѣдомить своихъ, то записаться тѣмъ-то. Такъ размышлялъ я, но, вспомнивъ итальянскую поговорку: „*chi guarda ad ogni pivola, non fu mai viaggio*“, я нѣсколько приободрился. Въ эту минуту постучался кто-то въ дверь; она отворилась и ко мнѣ вошелъ смуглый ветурино; онъ вздохнулъ, сталъ кашлять, и воздухъ заразился чесночными испареніями. „Я пришелъ къ вамъ съ предложеніемъ, сказалъ онъ, отъ молодаго падуйскаго студента, живущаго подъ вами; онъ ѣдетъ въ Миланъ и желаетъ имѣть сопутникомъ человѣка вашихъ лѣтъ, который могъ-бы защитить его отъ обидъ; онъ предпочитаетъ иностранца и военнаго, вы-же, говорятъ, гвардейскій капитанъ; онъ нанимаетъ всю карету и предлагаетъ даже заплатить за ваше мѣсто; такимъ образомъ вы можете даромъ ѣхать въ Миланъ.“

Подумавъ нѣсколько, я отвѣчалъ, что, можетъ быть, соглашусь на это предложеніе, но платить намѣренъ самъ за себя. Прежде-же всего желаю познакомиться съ его студентомъ. Что-жъ, думалъ я, почему не съѣздить въ Миланъ, можетъ быть тамъ люди лучше и городъ веселѣе, чѣмъ здѣсь. Посмотрю, ежели падуискій студентъ скромный и порядочный мальчикъ, недоумѣніе мое разсѣется и я поѣду въ Миланъ! Ветурино вышелъ и черезъ часъ возвратился, приглашая сойти внизъ къ студенту. При первомъ взглядѣ юноша опустилъ прекрасные глаза, покраснѣлъ и молчалъ. Но какъ описать вамъ восхищеніе мое? „*Chi mi dara la voce e le parole convenienti a si gentil*

suggetto?“, когда я замѣтилъ, что мнимый студентъ былъ не что иное какъ очень пригоженькая молодая дама лѣтъ семнадцати.

Да, я долженъ признаться, что подобной красоты я мало встрѣчалъ въ моей жизни! Я былъ внѣ себя отъ радости. Вскорѣ вступилъ съ нею въ разговоръ; мало по малу она сдѣлалась смѣлѣе. „Меня зовутъ Юлій, сказала она; дядя мой долженъ былъ проводить меня до Милана, но онъ опасно занемогъ и остался въ деревнѣ; я-же долженъ спѣшить, а ѣхать одному страшно! Мнѣ сказали въ домѣ, что вы человѣкъ скромный и благовоспитанный, а потому я рѣшился просить васъ быть моимъ покровителемъ“.

Съ восхищеніемъ принялъ я предложеніе прелестнаго студента и спѣшилъ приготовляться къ отъѣзду, назначенному на завтрашній день, по утру въ 5 часовъ. Цѣлую ночь не смыкалъ я глазъ; таинственный спутникъ или спутница моя овладѣла моимъ воображеніемъ и въ 4 часа я уже былъ на ногахъ, а въ 5 въ каретѣ съ прелестнымъ товарищемъ. Трактирщикъ, провожая насъ, сардонически улыбался, поглядывая то на меня, то на мнимаго юношу.

Первыя минуты по вступленіи нашемъ въ карету прошли почти въ молчаніи. Спутница моя сѣла какъ можно далѣе отъ меня и на вопросы мои отвѣчала, потупя глаза, моносилабами ¹⁾. Я долго любовался на прекрасную ея наружность; наконецъ, ободрился и сказалъ: „г-нъ студентъ! вы, кажется, боитесь меня; напрасно! я малый добрый, не обижу васъ и не дамъ въ обиду. Сядьте со мной рядомъ, взгляните на меня или удостойте взглядомъ“.

При сихъ словахъ взялъ ее за руку. Отдернувъ ее, она отвѣчала хотя, не совсѣмъ точно, словами пѣсни: „Прочь, прочь отойди! какой безпкойный!“; но почти въ этомъ смыслѣ, увѣряя однако-же, что отнюдь не боится меня. Черезъ четверть часа, мнѣ удалось разсмѣшить ее какимъ-то полновѣснымъ галлицизмомъ, и она ободрилась.

„Позвольте спросить—отъ чего у васъ такіе длинные волосы?“; сказалъ я, надо будетъ ихъ обрѣзать, а не то васъ примутъ за переодѣтую дѣвицу.

¹⁾ Односложно.

— У насъ въ университетѣ такой обычай, всѣ студенты носить предлинные ловоны“.

„А у насъ на Руси обычай, когда двое мужчинъ знакомятся, то они обнимаются“.

Сказавъ это, я было подвинулся, чтобы похристосоваться съ нею, но моя плутовка ловко отвернулась, примолвивъ со смѣхомъ: „я не русскій студентъ“.

„Ну право, я начинаю думать, что вы замаскированная дѣвица; если-бъ вы были дѣйствительно мальчикъ, то съ какою стати краснѣть и отворачиваться“.

Но эта застѣнчивость не долго продолжалась; Юлія или Джулія была веселаго и рѣзваго нрава и скоро привыкла; однако-жъ, все-таки упорно настаивала, что она мальчикъ. Такимъ образомъ приѣхали мы весьма поздно въ Версель, гдѣ довольно весело отужинали. Тутъ случилось еще нѣкоторое затрудненіе. Одна, посредственной красоты и довольно молодая французенка, ѣхавшая въ другой каретѣ, присоединилась къ нашему ужины и пристала къ намъ съ просьбою, чтобы мы взяли ее въ нашу карету.

„Мы сидимъ шестеро въ ужасной тѣснотѣ и ни одинъ изъ товарищей моихъ не говоритъ по-французски“, сказала она. Джулія сначала потупила свои прекрасные глаза и не хотѣла никакъ согласиться, но французенка такъ приступила къ ней, что она чуть было не уступила, тогда я рѣшительно объявилъ, что пересяду въ ту карету. Французенка обратилась ко мнѣ и начала говорить мнѣ такія нѣжности, что во всякомъ-бы другомъ случаѣ я-бы растаялъ; но я имѣлъ въ виду слишкомъ интересную и оригинальную интригу съ однимъ изъ прелестнѣйшихъ существъ въ мірѣ и остался непоколебимъ, несмотря на то, что французенка намекала мнѣ, что я останусь очень доволенъ ею, что она наградитъ меня, но я отказалъ наотрѣзъ: „Timeo Gallico et dona ferenti“.

Насъ хотѣли помѣстить, какъ всегда водится, для ночлега въ одномъ покоѣ, но студентъ рѣшительно отказался ночевать со мною въ одной комнатѣ. Я просилъ, умолялъ, сердился, угрожалъ, но увы! ничто не помогло. Она велѣла приготовить себѣ постель въ другой комнатѣ, рядомъ со мною. Я сталъ передъ дверью, долго не пускалъ ее, надѣясь, что выпитое за ужиномъ

вино послужить мнѣ посредникомъ для одержанія побѣды; заклиналъ ее самыми нѣжными выраженіями: *ragole di ammollire un cog di sasso!* Но жестокая красавица оттолкнула меня, ринулась поспѣшно въ комнату свою, заперлась и начала смѣяться надо мною, припѣвая извѣстный припѣвъ изъ оперы „*Il Barbieri di Seviglia*“—*Buona sera!*

Съ неизъяснимою досадою закурилъ я сигарку, принялся писать свой журналъ и началъ слѣдующими словами: „Теперь я вполнѣ понимаю жестокія страданія Тантала“, но перо вертѣлось въ рукахъ моихъ, я чувствовалъ судорожныя движенія въ пальцахъ; въ головѣ моей происходилъ какой-то шумъ, сердце мое билось сильно, удары его были какъ удары молота; казалось, оно хотѣло вырваться изъ груди моей. Словомъ сказать, я находился въ такомъ странномъ пароксизмѣ, что не могу описать его. Я помышлялъ уже винуть упрямаго ребенка; во всякомъ случаѣ, рѣшился на другой день пострадать ее, объявивъ, что я ѣду обратно въ Туринъ.... Вдругъ слышу вздохи, стenanія.... они увеличиваются ежеминутно; я сталъ вслушиваться,—стоны продолжаются, по временамъ красавица моя вдругъ вспрыгивала со стукомъ и всерывивала: „*Maledizione!*“ Подозрѣвая какія-нибудь плутни, я хранилъ молчаніе. Однакоже стenanія продолжались все болѣе и болѣе и превратились, наконецъ, въ сущіе вопли. Между тѣмъ настала глубокая ночь; колоколъ на башнѣ каедральной церкви Св. Евсевія прогудѣлъ полночь! Глубокая тишина царствовала окрестъ; лишь только слышны были вопли моей прелестной сосѣдки и, наконецъ, услышалъ я настоящіе визги и рыданья! Я потерялъ терпѣніе, быстро вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ двери. Вдругъ слышу жалкій голосъ Юліи, обращенный ко мнѣ: *Signore, Signore, venite qui,—gli stivale, gli stivale!*

Я поспѣшилъ, — дверь отворилась и — что-жъ увидѣлъ я? Прелестную Юлію полураздѣтую, обливающуюся слезами и почти изнемогшую: она въ первый разъ въ жизни надѣла сапоги и узкіе, дорогою миньютюрныя ножки ея распухли и она никакъ не могла разуться; сапогъ остановился, не подаваясь ни взадъ, ни впередъ, притомъ-же сдѣлались судороги и послѣ неописаннаго мученія, она принуждена была прибѣгнуть къ моей помощи..... Тутъ сважу я какъ Іорикъ въ „Сантимен-

тальномъ путешествіи“ Стерна, въ самомъ концѣ послѣдней главы:

So that when I stretch'd out my hand,
I caught hold of the young lady's!

Минуты истиннаго наслажденія.

Прекрасный день, счастливый день!
И солнце, и любовь!

Баронъ Дельвигъ.

„Утро вечера мудренѣе“, сказалъ какой-то мудрецъ; но относительно меня эта поговорка оказалась несправедливою. Я провелъ вечеръ самый мудреный, утро-же было вовсе не трудное. Едва стало разсвѣтать, какъ мы уже отправились далѣе къ Навару. Прелестный день благопріятствовалъ намъ: „Pauga soave e l'alba rugiudosa“ смѣнилась блестящимъ солнцемъ, освѣщающимъ одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстоположеній въ Европѣ! Лишь только мы усѣлись, Юлія, бросивъ на меня очаровательные и томные взгляды, стала мнѣ рассказывать, что она только что четыре мѣсяца тому назадъ какъ вышла замужъ за пожилаго, хвораго офицера, служащаго въ карабинерахъ; невинный бракъ ея не измѣнилъ ни въ чемъ ея существа. Родители ея, люди недостаточные, требовали этого замужества, и она пожертвовала собою, соединясь на вѣки съ человѣкомъ ей антипатичнымъ (antipatico); хотя, впрочемъ, онъ добръ, невзыскателенъ и оставляетъ ее въ покоѣ. Она отправилась въ Туринъ для полученія суммы денегъ, послѣ выигранной тяжбы, и возвращается пакн къ своимъ пенатамъ; мужъ ждетъ ее съ нетерпѣніемъ въ Миланѣ, но болѣе ждетъ денегъ. Она одѣлась въ мужское платье потому, что, ѣдучи изъ Милана въ одеждѣ своего пола, она вытерпѣла много непріятностей отъ молодыхъ людей, ей сопутствовавшихъ. Къ чему она присовокупила: „я спѣшила, потому что мужъ мой ждетъ меня; а теперь мнѣ такъ весело съ вами, что мнѣ хотѣлось-бы сдѣлаться жертвою какого-нибудь происшествія, чтобы замедлить наше путешествіе“.

Присемъ, она громко расхохоталась, восклицая: „sono una pazza! tradire il mio marito,—o!“

Что-жъ мудренаго? Мужъ ея, по словамъ ея, былъ вдвое

старше меня, притомъ-же калѣва; а она почти вдвое моложе меня: средняя пропорція имѣла наклоненіе въ мою сторону. На вопросъ мой: „какого права ея мужъ?“ она отвѣчала:

— „Cesta tedesca!“

„Жалѣю о тебѣ, сказалъ я, Italiano tedescato e un diavolo incranato!“

— „О, нѣтъ, возразила она, онъ добрякъ (buona pasta), хотя тяжелъ и скучень (fastidioso, seccatore)“.

Я не буду описывать какъ мила, рѣзва, забавна была Юлія, какъ превосходно и нѣжно она пѣла; скажу только, что цѣль нашего путешествія быстро приближалась и меня это жестоко огорчало. Милая Юлія, желая утѣшить меня, сказала: „если ты дѣйствительно влюбленъ въ меня, то вернемся назадъ въ Туринъ; я напишу моему старѣйку, что я занемогла, и мы проживемъ тамъ нѣсколько времени“.

Но вдругъ остановилась и воскликнула: „О, io insanita!“

Къ сумеркамъ, при звонѣ Ave Maria, притащились мы въ Навару и остановились въ гостинницѣ „Трехъ королей“¹⁾. Ветурино предлагалъ вести, не останавливаясь до Милана, но мы разсудили за благо отвергнуть его лукавое предложеніе.

Доселѣ Юлія была весела, какъ весенняя птичка, но мысль о скоромъ приближеніи къ домашнему крову печалила ее, какъ ребенка: старый мужъ, грозный мужъ стережетъ приѣздъ ея у порога гостинницы. Съ разсвѣтомъ опять отправились мы далѣе, когда-же вдали забѣлѣлись узорчатые мраморы миланскаго собора, сердце ея сильно затрепетало,—изъ рѣзвой нимфы сдѣлалась она грустною Мадонною:

„И вдругъ, картина явѣнилась!
У милой слезка покатилась
Изъ лѣваго ея глаза, —
Катилася, катилася
На щеки въ ямки поселилась,
Какъ будто въ лужицѣ вода!“

Когда мы подъѣзжали къ Буфалоро, Юлія увидѣла на дорогѣ довольно пожилую женщину, шедшую пѣшкомъ въ Миланъ;

¹⁾ Ich sah den Himmel offen,
Und auf Erden war mein Hoffen.

она остановила ее и предложила мѣсто съ нами въ каретѣ; тутъ мы условились съ нею, сдѣлавъ ей приличный подарокъ, что она въ Миланѣ будетъ утверждать, что она ѣхала съ нами отъ самаго Турина. Жестокая печаль овладѣла нами и сопровождала насъ до самыхъ воротъ трактира, подъ вывѣскою „Мальтійскаго креста“. Вдругъ, изъ-за дверей какой-то старичекъ, въ военномъ мундирѣ, лѣтъ за шестьдесятъ, съ клюкою въ рукѣ, высунулъ раздвѣтшіе два... глаза; сѣдые усы его зацѣтинились отъ радости и онъ бросился обнимать Юлію. О, несправедливый рокъ! думалъ я, этотъ кощей обладаетъ юною красотою; эта поблекшая полынъ опутала едва распустившуюся розу!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ изліяніи супружеской нѣжности и непродолжительнаго разговора тихомолкомъ между ними съ поглядываніемъ на меня, счастливый старикъ обратился ко мнѣ; я, видимо, смѣшался какъ воръ, пойманный въ покражѣ, и даже жалѣлъ, что не наострилъ лыжи, какъ вдругъ пожилой и неуклюжій ветеранъ воскликнулъ: „Grazia tante, signor capitano!“ Съ сими словами сталъ онъ меня благодарить въ самыхъ трогательнѣйшихъ выраженіяхъ за покровительство, оказанное мною молодой его супругѣ, и взялъ съ меня обѣщаніе посѣщать его, причемъ громко хохоталъ, полагая, что я, въ самомъ дѣлѣ, принималъ жену его за студента, и торжественно объявилъ мнѣ, что я ѣхалъ не съ мальчикомъ, а съ женщиною, его супругою. Я былъ весьма тронутъ изъясненіями нѣжнаго мужа и удостовѣрился, что добрыя дѣла никогда не остаются безъ возмездія.

Миланъ.

Früh schon ist mein Lauf beschlossen,
Doch das Glück hab'ich genossen,
Und das schönste Loos war mein!

Три раза старался я оставить Миланъ и каждый разъ отлагалъ мое намѣреніе. Надлежало разстаться съ... добрымъ мужемъ Юліи, который полюбилъ меня безъ всякаго милосердія. Почтенный старикъ оказывалъ мнѣ всевозможныя услуги изъ благодарности за ласки мои или, какъ онъ называлъ, милости мои къ его женѣ. Онъ угощалъ меня театромъ, пользуясь ло-

жею маркиза Литты, покровителя его; каждый вечеръ посѣщаль я театръ Ла-Скала и для меня оставляли мѣсто въ этой ложѣ. Остерегаясь, однако-же, изъяслять слишкомъ живо милости мои прелестной супругѣ его, я въ публикѣ обходился съ нею холодно...

Однажды, какъ-то разговаривая съ Юліею, я не замѣтилъ, что старецъ подерался къ намъ, и говорилъ ей: "ты, *mia sagina, adorabile amica*" и проч. Обернувшись съ нѣкоторымъ смущеніемъ, увидѣлъ я глупо улыбающуюся, морщинами исчерченную, фигуру его. Не знаю, вслушался-ли онъ или нѣтъ въ нашъ разговоръ, но онъ сказалъ добродушно: „продолжайте, мои милые“.

„Представьте себѣ, пробормоталъ я, что я до сихъ поръ не могу отвыкнуть, мнѣ все кажется, что г-жа Сантини—мальчикъ и иногда забываюсь и обожусь съ нею, какъ съ ученикомъ“.

— „*Tanto meglio!*“¹⁾ промолвилъ добрый калѣка.

Я не хотѣлъ было упоминать фамиліи этой несимметрической четы, но такъ какъ она вырвалась изъ-подъ пера моего, то пусть останется и будетъ извѣстна читателямъ. Впрочемъ, какое дѣло, что она называлась такъ или инако. Ей-бы слѣдовало называться: *la diva!* и даже по-русски: диво! Не странно-ли, когда подумаешь, что все это произошло, какъ говорятъ французы, *à propos de bottes!*

Добрый супругъ Юліи водилъ меня также въ *Casino di san Paolo*, родъ англійскаго клуба, и, словомъ сказать, вымышлялъ всякаго рода удовольствія, чтобы угостить меня. Но разнообразіе увеселеній не разсѣвало мрачности моей; образъ Юліи безпрестанно представлялся воображенію моему; словомъ сказать, я былъ очарованъ, я пылалъ обворожительною любовью къ ней. Черезъ нѣсколько дней послѣ приѣзда нашего, однажды, рано по утру, явилось ко мнѣ, какъ лучъ утренней зари, обожаемое существо. Юлія опять со мною! Мужъ ея отправленъ былъ по службѣ въ Монца, гдѣ долженъ былъ провести сутки. Юлія, послѣ горькихъ слезъ, объявила мнѣ, что она рѣшилась оставить мужа и бѣжать со мною. Сначала я было рѣшился и хотѣлъ согласиться на предложеніе ея; пылая страсть волновала мои чувства и внушала мнѣ мысли несообразныя съ моими правилами. Но, въ счастію, послѣ долгой борьбы, разсудокъ одер-

¹⁾ Тѣмъ лучше.

жалъ верхъ. Я сказалъ Юліи, что съѣзжу только въ Венецію по необходимымъ дѣламъ, возвращусь скоро назадъ, и мы потомъ придумаемъ средства никогда болѣе не разлучаться. Она упала въ обморокъ...

Разлука была отчаянная!..

Но задерну завѣсу! Я не намѣренъ писать романъ, хотя встрѣча моя съ Юліею, послѣдствія ея — переписка наша, вторичное свиданіе... потомъ ужасное событіе... могли-бы служить матеріалами самому интересному и даже ужасному роману. Но не мнѣ суждено описывать этотъ трогательный эпизодъ моей жизни; я не въ силахъ исполнить этой обязанности: одно воспоминаніе о сихъ сладкихъ и блаженныхъ минутахъ, за коими послѣдовали мгновенно тяжкія горести, приводитъ меня въ трепетъ и повергаетъ въ неизяснимую печаль. Данте справедливо и превосходно выразилъ это чувство:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria!

Лжець.

If any of the company entertain a doubt
of my veracity, I shall only say to such:
I pity their want of faith!

Baron Munchhausen.

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Миланѣ, я рѣшился съѣздить въ Комо и потомъ опять возвратиться туда. Morgenstunde hatt Gold im Munde ¹⁾, говорятъ трудолюбивые нѣмцы, а вовсе нетрудолюбивые итальянцы, держась также сей поговорки, безщадно будятъ насъ въ 4 часа утра: „Signore! la vitura e pronta!“, кричитъ нашъ автомедонъ въ ту минуту, когда сладчайшій сонъ разнѣживаетъ насъ и мы обязаны изъ теплой постели переходить въ холодную карету. Но какъ быть! Когда рѣшился странствовать по чужбинѣ, то надо подчиняться чужимъ обычаямъ безъ ропота.

¹⁾ Утро — хорошій совѣтчикъ.

Въ каретѣ съ нами сидѣлъ лекарь ирландецъ, который въ прошломъ году путешествовалъ въ Россіи,—былъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Нижнемъ. Сначала сталъ онъ молотъ ужасный вздоръ о Россіи и рассказывалъ множество нелѣпныхъ анекдотовъ, не зная къ какой націи я принадлежалъ. Но онъ мнѣ показался еще забавнѣе, когда, узнавъ, что я русскій, началъ воздерживаться отъ болтовни; замѣтно было, что языкъ его чесался, что ему чрезвычайно хотѣлось полгать, но, смотря на меня, онъ нямся и вралъ нескладно,—онъ видѣлъ во мнѣ живую улику и поглядывалъ на меня весьма жалко, какъ будто прося мени задремать. Я сжалился надъ нимъ и притворился спящимъ. Полагая, что я заснулъ глубокимъ сномъ, путешественникъ нашъ началъ опять врать безъ всякаго милосердія. Между прочимъ рассказывалъ, что на границѣ отняли у него книги, въ числѣ коихъ одну подъ заглавіемъ: „Des différentes constitutions du corp humain“ ¹⁾, а другую: „Captivité de S. M. Catholique“ ²⁾,—первую какъ политическую, а вторую—какъ богословскую. Я еще не мѣшалъ ему забавляться по той причинѣ, что это легко могло случиться, ибо таможенные досмотрщики не суть члены академіи,—и кто не безгрѣшенъ! Но онъ продолжалъ и утверждалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ подалъ прошеніе первому лорду, chief justice, на главнаго директора таможи и что русскій милордъ послалъ за главнымъ директоромъ; сей послѣдній явился въ лентѣ и въ орденахъ. Lord chief justice безщадно разругалъ его, велѣлъ возвратить книги, а директора высѣчь кнутомъ. Дурно произнося французскій языкъ, великобританскій врачъ или вралъ сказалъ: „Il lui fit donner le poouth“; извѣстно, что англичане не выговариваютъ к передъ буквою и.

Я чуть было не расхохотался и хотѣлъ было проснуться, чтобы вывести лекаря на чистую воду. Но спустилъ ему этотъ разъ и онъ продолжалъ; распространяясь насчетъ строгости русскихъ начальниковъ, онъ присовокупилъ: „когда я проѣзжалъ мимо Варшавы, въ этотъ день производились маневры всему гарнизону, подъ ружьемъ было 100,000 человекъ!!! Глав-

¹⁾ „О различномъ строеніи человѣческаго тѣла“.

²⁾ „Плѣненіе папы“.

ный начальникъ, замѣтя, что одинъ солдатъ дурно исправлялъ свою обязанность, бранилъ его нѣсколько разъ, билъ его, но видя, что солдатъ продолжаетъ худо дѣйствовать, подѣлкалъ къ нему и застрѣлилъ его изъ пистолета! Солдата отнесли хоронить, а маневры продолжались попрежнему, какъ будто ни въ чемъ не бывало!“

Тутъ я не вытерпѣлъ, поднялъ бодро голову и остановилъ на немъ мой взоръ! Лекаръ вздрогнулъ и, казалось, хотѣлъ сказать мнѣ какъ въ Шекспировскомъ Мавбетѣ: „Thou art too like the spirit of Banquo down!“ ¹⁾ Я съ нѣкоторымъ жаромъ сталъ ему доказывать несообразность его словъ и хотя онъ увѣрялъ меня, что былъ всему этому очевидцемъ, я доказалъ ему, что слова его—сухая и бессмысленная ложь.

„Какое довѣріе могутъ имѣть къ вамъ больные ваши, возразилъ я,—докторъ долженъ всегда держаться святой истины и я увѣренъ, что ежели кто изъ насъ здѣсь занеможетъ, то вашимъ совѣтамъ никто не послѣдуетъ. Вы, сударь, лечите больныхъ, жизнь ихъ бываетъ въ вашихъ рукахъ. Подумайте, какъ страшно имѣть дѣло съ лекаремъ-лжецомъ. Что-жъ касается до меня, еслибъ я былъ при смерти, то не принялъ-бы вашихъ пилюль!“

Грустно подумать, что иностранцы, посѣщающіе Россію, въ числѣ коихъ есть даже люди умные и образованные, по большей части смотрятъ на нашъ край съ неправильной точки зрѣнія. Главная причина этого заблужденія, мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, что они пріѣзжаютъ въ Россію съ своими предубѣжденіями, съ своими понятіями объ общественномъ составѣ, о нравахъ и проч.: пріѣхавъ въ Петербургъ, они находятъ подражаніе европейскимъ обычаямъ, но неусовершенствованное, и судятъ сравнительно, полагая, что все недовершенное—дурно. Еслибъ Россія имѣла свое собственное просвѣщеніе, тогда-бы европейскіе странствователи судили-бы о ней не сравнительно и были-бы, вѣроятно, снисходительнѣе.

Какъ-бы то ни было, а съ сей минуты нашъ товарищъ, хотя и не переставалъ вовсе лгать, но не касался, по крайней мѣрѣ, нравственности и характера русскихъ; ложь его обратилась къ матеріальнымъ предметамъ, хотя онъ все поглядывалъ на меня съ недовѣрчивостью, какъ на тѣнь Банко. Между прочими чуде-

¹⁾ Ты слишкомъ похожъ на тѣнь Банко,—и проч.

сами сообщили онъ намъ слѣдующее: „монументъ Петра Великаго стоитъ на такой высокой скалѣ, что онъ кажется маленькою куклою; скала-же эта вдвое больше и выше театра La Scala“. Однажды на дорогѣ отъ Петербурга до Москвы настигъ его такой холодъ, что онъ, подъѣхавъ къ почтовому двору, спросилъ чашку кофе, не выходя изъ кареты; но когда ему поднесли чашку, кофе отъ сильной стужи обратился въ кусокъ льда, не смотря на то, что онъ находился только въ пяти шагахъ отъ почтоваго двора. Мы подъѣзжали къ мосту на рѣкѣ Аадѣ и я хотѣлъ ему сказать:

„Вотъ видишь-ли чрезъ рѣку этотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ, онъ кажется и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лечь ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ,
До половины не дойдетъ,
Провалится и упадетъ!“

Но я довольствовался, пожавъ плечами, примолвить: „Eh voilà comment on écrit l'histoire!“¹⁾

Въ Левко остановились мы въ гостиницѣ подѣ вывѣскою: „Albergo di tre gemelle“. По-русски можно-бы сказать трехъ близнецовъ, но по-итальянски *gemello* и по-французски *jumeau* означаетъ двойственность, а не тройственность; а потому вывѣска и показалась мнѣ неправильною. Вообще я не люблю останавливаться въ трактирахъ подѣ нелѣпыми названіями; мнѣ все кажется, что безсмыслие вывѣсокъ отражается на хозяинѣ и на прислугѣ. Впрочемъ, нѣтъ правила безъ исключенія: я зналъ одну даму въ Москвѣ; она купила фортепіано у мастера, который на вывѣскѣ своей надписалъ: такой-то (имени этого чудака не упомяну) фортепіанистъ и роялистъ; но за всѣмъ тѣмъ она купила превосходное фортепіано-рояль и осталась имъ очень довольна. По этому случаю припомню, что въ той-же столицѣ была лавка, въ которой продавались шкатулки; въ Россіи называютъ шкатулки по-французски „*chatouilles*“, разумѣется, тѣ только, которые говорятъ языкомъ французскимъ, смѣшаннымъ съ нижегородскимъ, потому что французы не по-

¹⁾ И вотъ какъ пишутъ исторію.

нимаютъ слова „chatouille“, а употребляютъ слово „nécessaire“. Хозяинъ этой лавки начерталъ на вывѣскѣ слѣдующую надпись: „X... marchand de nécessaires et chatouilleur de S. M. l'Impératrice des français“¹⁾).

З а к л ю ч е н і е .

Non puo far meglio, per distrarsi degl'impacci e dalle inquietudini, che viaggiar l'Italia.

Lettera di Ganganelli,

Симъ заключаю первую часть моихъ дорожныхъ приключеній. Я оставилъ Миланъ съ душевною горестью и въ ужасномъ волненіи.

Сердце мое изнывало; ничто не утѣшало меня, и впечатлѣніе, которое прелестное небо Италіи производитъ на людей сѣвера, притуплялось; очаровательныя (для другихъ) картины южной природы тяготили меня, мнѣ было душно! Я досадовалъ на великолѣпныя ландшафты роскошной природы, на ароматическій воздухъ, на гармоническое и громкое пѣніе птицъ и на радостныя восклицанія моихъ товарищей. Все окрестъ меня веселось, какъ будто на зло мнѣ, забавляясь моею горестью: „Au banquet de la vie infortuné convive“²⁾. Я одинъ сидѣлъ, потупя взоръ, и испускалъ глубокіе вздохи. Случалось-ли вамъ когда-нибудь, любезные друзья, во время глубокой печали, свѣдающей васъ, попасть внезапно и поневолѣ на великолѣпный пиръ, гдѣ все радуется, наслаждается, поетъ, кричитъ, хохочетъ и шумитъ—кромѣ васъ? О! вѣрно многіе читатели мои въ теченіе жизни своей бывали въ подобномъ положеніи, и эти читатели поймутъ меня.

Старинный истинный пріятель и землякъ мой, котораго я печально встрѣтилъ въ Миланѣ, силою (силою дружбы) вывезъ меня изъ этого города и мы отправились въ обществѣ соотчичей

¹⁾ Торговецъ сессесерами и chatouilleur (шкатулочникъ, но по французски chatouiller значитъ не шкатулка, а щекотать) ея вел. императрицы Франціи.

²⁾ Злополучный гость на живенномъ пиру.

въ Венецію. Несмотря на душевныя страданія мои, я пораженъ былъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ Венеціи: „la quale e appunto come un vasto naviglio, che si riposa tranquillamente sull'acque“. Мы въѣхали въ этотъ единственный городъ въ прекрасный вечеръ, на гондолѣ изъ фузины. Пробывъ около трехъ недѣль въ Венеціи, мы отправились черезъ Феррару въ Болонь, гдѣ осмотрѣвъ все любопытное, поѣхали во Флоренцію. Здѣсь провели мы мѣсяцъ среди шумныхъ удовольствій: „maghem minui, dologem pop rotui“.

Въ Римѣ ожидало насъ торжество юбилея. Многія тысячи богомольцевъ стекались со всѣхъ предѣловъ Италіи, покрывали всѣ пути, ведущіе въ столицѣ католическаго міра. Чудесный городъ сей истинно восхитилъ меня. Въ первое пребываніе мое здѣсь я провелъ пѣтый мѣсяцъ въ обзорѣни половины достопамятныхъ предметовъ; а на возвратномъ пути посвятилъ еще мѣсяцъ окончанію обзорѣни какъ города, такъ и окрестностей его. Потомъ пустились мы по знаменитой *via Appia* въ Неаполь, гдѣ я пробылъ три мѣсяца, и такъ полюбилъ волшебную Паренону, что еслибъ важныя обстоятельства не требовали моего отъѣзда, я-бы прожилъ въ немъ неопредѣленное время. Изъ Неаполя поѣхалъ я одинъ опять черезъ Римъ во Флоренцію, гдѣ я прожилъ въ уединеніи и блаженствѣ пять недѣль... съ кѣмъ я тамъ встрѣтился—умолчу! Что произошло послѣ сихъ пятинедѣльныхъ наслажденій—останется также тайною моего сердца... Скажу только, что послѣ печальнаго происшествія, котораго описать я не въ силахъ и отъ котораго до нынѣ, при воспоминаніи, содрогается мое сердце, я впалъ въ жестокую болѣзнь; жизненныя силы мои истощались ежедневно; я видѣлъ приближавшуюся смерть и призывалъ ее, а она минула меня, и судьбѣ не угодно было этотъ разъ сдвинуть меня со свѣта; она опредѣлила мнѣ скитаться еще по волнующемуся міру съ душею, въ которую уже заронилось зерно скорби! Но я брошу покрывало на сей тяжкій періодъ жизни моей!...

...Пролежавъ шесть недѣль въ горячкѣ, я, наконецъ, отправился въ Пизу. Тутъ силы мои скоро совершенно возстановились и я направилъ путь мой въ Геную, гдѣ, проживъ около мѣсяца, поплылъ въ Ниццу, а оттуда въ Тулонъ, Марсель, Нимъ, Арль, Авиньонъ, и, объѣхавъ большую часть южной

Франціи, черезъ Ліонъ возвратился въ Парижъ. Вторую половину путешествія моего совершилъ я въ печальномъ расположеніи духа, а потому и не передаю ее вамъ, любезные друзья мои! Но посвящаю вамъ отчетъ всего того, что произошло со мною на пути моемъ отъ Парижа до Милана; прочтите съ снисхожденіемъ эти пустыя записки мои:

„Посвятить имъ полчаса,
Улыбнитесь мнѣ въ отраду;
Въ нихъ большія чудеса,
Только очень мало складу!“

Эпизодъ (изъ второй части). Страшныя похищенія.

Madness often bubbles truths, which
make wisdom wonder.

Walter Scott.

Разскажу происшествіе, случившееся со мною на пути изъ Флоренціи въ Геную. Оно принадлежитъ ко 2-й части моихъ записокъ, относящихся къ южной Италіи, къ несчастію затерянныхъ; а такъ какъ событіе это произвело на меня чрезвычайное впечатлѣніе, то я рѣшился составить его вновь на память.

Въ Sestri di Levante я помѣстился покойно одинъ въ купѣ дилижанса, намѣреваясь предаться глубокому сну. На дворѣ смеркалось. Я зѣвалъ, маялся и мечталъ о положеніи человѣка, находящагося въ совершенномъ уединеніи, чуждаго страстей, непричастнаго столкновеніямъ, пересудамъ, раздорамъ и житейскимъ волненіямъ: „въ пустынныхъ мѣстахъ будь самъ своимъ міромъ“, такъ выражается Тибуллъ; и дѣйствительно, когда не съ кѣмъ сообщаться, размышленія въ нашей головѣ встрѣчаютъ противорѣчія или соглашенія, какъ будто споришь съ кѣмъ-нибудь; такъ объяснилъ Фихте разсужденіе свое объ „Ich und nicht ich“, ясно доказывающій человѣческій дуализмъ, — созерцательныя и страдательныя способности, духовныя и тѣлесныя расположенія человѣческаго состава: „quiconque se suffit à lui même, ne veut nuire à qui que se soit“¹⁾, говоритъ философъ

¹⁾ Тотъ, кто довольствуется самимъ собою, не желаетъ никому вредить.

мнѣ антипатичный,—чудакъ Жанъ-Жакъ; но не взирая на чувства мои къ нему, я часто съ нимъ соглашаюсь, и въ этомъ случаѣ также раздѣляю его мнѣніе, чувствуя вполне сколь одиночество бываетъ иногда усладительно: „дайте волю, волю, волю—и не надо счастья мнѣ“. (Лермонтовъ).

Между тѣмъ, карета вдругъ остановилась, ко мнѣ въ купѣ взошелъ человекъ похожій на знаменитаго виртуоза Паганини, лѣтъ за сорокъ, весьма блѣдный, съ нечесанными длинными черными волосами, всклокоченною бородою, какъ будто испуганный, встревоженный; онъ занялъ мѣсто рядомъ со мною. Посмотрѣвъ мнѣ пристально въ глаза, онъ какъ будто оцупалъ меня; привосновеніе его произвело во мнѣ электрическое сотрясеніе. Когда-же онъ усѣлся и дилижансъ двинулся впередъ, онъ хриплымъ голосомъ извинился, что нарушилъ мое спокойствіе. Вскорѣ потомъ вступилъ въ разговоръ, говорилъ бѣгло, отрывисто и изложилъ съ откровенностію всѣ случаи странной и страшной его жизни: „Имя мое Leopold Malefico, родомъ я изъ Аяціо (Корсика), и не даромъ судьба нарекла меня такимъ мрачнымъ именемъ, ибо на все семейство наше наложено небесное проклятiе. Отецъ мой самый добрѣйшій и честнѣйшій человекъ, отъ самаго рожденія до гробовой доски былъ подъ вліяніемъ людской ненависти и жертвою злобы враговъ своихъ. Мать моя, самая кроткая, цѣломудренная и добродѣтельная женщина, испытала самыя ужаснѣйшія горести.

„Она жила въ уединенномъ замкѣ, въ окрестностяхъ Monte Rotondo. Мужъ ея, капитанъ корабля, графъ Антоніо Малефико, бывалъ въ частыхъ и долговременныхъ отсутствіяхъ. Однажды когда онъ находился болѣе полугода въ морѣ съ кораблемъ своимъ, а жена его, обожавшая своего мужа, женщина замѣчательной красоты, проводила печальные дни, оплакивая долгое отсутствіе возлюбленнаго мужа и свое одиночество, въ одну необыкновенно бурную ночь страшныя предчувствія и видѣнія преслѣдовали ея воображеніе. Какъ вдругъ, въ полночь, шайка разбойниковъ вторглась въ ея обитель. Большая часть служителей и служанокъ была убита; домъ разграбленъ. Что-жь сталося съ нею? Атаманъ, пораженный красотой ея, взялъ подъ свою защиту... насильственнымъ образомъ обезчестилъ несчастную графиню! Окрестные жители, встревоженные успѣвшею

бѣжать изъ замка женщиною, разогнали шайку и взяли въ плѣнъ многихъ разбойниковъ, въ томъ числѣ и атамана, который былъ приговоренъ на вѣчныя галеры.

„Вскорѣ потомъ мужъ возвратился; преступленіе атамана хранили отъ него въ глубокой тайнѣ. Однако-жъ мужъ замѣчалъ въ женѣ какое-то странное настроеніе; какъ будто умственные силы ея слабѣли, разстраивались и, наконецъ, послѣ 9-ти мѣсяцевъ, считая отъ происшествія и 8-ми мѣсяцевъ отъ возвращенія графа, жена его разрѣшилась отъ бремени сыномъ; этотъ сынъ имѣетъ честь съ вами бесѣдовать“.

Тутъ началъ онъ рассказывать злополучныя приключенія отца своего и собственные свои: непрерывныя неудачи, непреодолимыя бѣдствія и, наконецъ, жалостную кончину его. Между тѣмъ, молодой человѣкъ росъ въ непрерывныхъ горестяхъ и въ постоянныхъ неудачахъ. На 22-мъ году онъ страстно влюбился въ юную прелестную Лору, которую онъ называлъ небеснымъ ангеломъ за красоту ея, умъ и сердце. Они страстно обожали другъ друга. День брака былъ назначенъ; казалось, что всѣ бѣдствія прекратятся и жизнь возобновится счастьемъ; но..... „L'avare Achéon ne lâche pas sa proie!“¹⁾ Вдругъ бѣдная Лора занемогла; женихъ ухаживалъ за нею бдительно, не покидалъ почти ни на секунду. Докторъ предписалъ ей порошокъ, и когда Леопольдъ поднесъ ей оный, уговаривая принять, Лора вскрикнула съ ужасомъ и отказалась отъ лекарства, говоря, что она чувствуетъ себя совершенно здоровою и что порошокъ погубить ее; но Малефино сталъ убѣдительно и со слезами просить ее такъ, что Лора рѣшилась, наконецъ, принять порошокъ. Затѣмъ послѣдовали ужасныя конвульсіи. И что-жъ? О горесть невыразимая! Малефино въ торопяхъ ошибся и далъ ей мышьяку!!! Бѣдняжка скончалась въ жестокихъ мученіяхъ.

Никакое перо не въ состояніи начертать отчаяніе жениха; онъ упалъ въ обморокъ, пролежалъ въ безчувственномъ состояніи нѣсколько сутокъ, и когда пришелъ въ себя, заболѣлъ бѣлою горячкою; въ бреду и бѣшенствѣ провелъ онъ около 4-хъ мѣсяцевъ. Къ несчастію, смерть миновала его. Глубокая неизъяснимая горестъ оковала всѣ его умственные и нравственные силы.

¹⁾ Скупой Ахеронъ не упускаетъ своей добычи.

Онъ помышлялъ объ одномъ— умереть! и послѣдовать за предметомъ страстной любви своей; онъ призывалъ смерть ежеминутно и, наконецъ, рѣшился застрѣлиться. Отправясь ночью въ садъ съ заряженнымъ пистолетомъ, приставилъ его ко лбу, пистолеть скользнулъ, выстрѣлъ принялъ другое направленіе, онъ упалъ въ обморокъ, а пуля убила спящаго отца его!!! Малефико былъ арестованъ, сужденъ какъ отцеубійца и въ заточеніи встрѣтился съ настоящимъ отцемъ своимъ— атаманомъ. Тутъ началъ онъ рассказывать приводящія въ содроганіе проществія... Я воздержусь описывать подробности этого разсказа который разстроилъ меня чрезвычайно. Довольно того, что описано мною вкратцѣ, чтобы служить канвою романисту; онъ можетъ составить изъ дѣйствительныхъ происшествій приводящій въ ужасъ романъ.

„Однимъ словомъ, продолжалъ мой спутникъ, по подробномъ разсмотрѣніи моего дѣла и послѣ долговременнаго мучительнаго заточенія, судъ оправдалъ меня. Но невидимая судьба, какъ незримый палачъ, казнить меня постоянною безжалостною ежеминутною пыткою. Тѣнь законнаго отца— благодѣтеля моего и тѣнь злосчастной Лоры преслѣдуютъ меня денно и ношно. Я хотѣлъ кончить жизнь въ монастырѣ, но въ уединеніи страшныя призраки терзали меня еще болѣе. Нынѣ-же намѣренъ я объѣхать весь свѣтъ, но и тутъ тѣни родныхъ убиенныхъ не оставляютъ меня“.

При сихъ словахъ онъ вскрикнулъ съ ревомъ: „surgiti mortui! Представьте себѣ,— продолжалъ онъ, что если-бы я сидѣлъ здѣсь одинъ, то непременно на вашемъ мѣстѣ явилось-бы привидѣніе, не осязаемое, а видимое, съ горькою улыбкою и страшнымъ кровавымъ взглядомъ. Мнѣ кажется, что я уже вижу его обликъ, ожидающій отсутствія вашего, чтобы занять это мѣсто“.

Съ этими словами невыразимый ужасъ объялъ меня, дрожь пробѣжала по спинѣ моей, волосы встали дыбомъ и холодный потъ выступилъ на лбу моемъ. Оправаясь нѣсколько, я объявилъ ему дрожащимъ голосомъ, что, въ сожалѣнію, долженъ буду разстаться съ нимъ въ Рапало. Онъ началъ слезно умолять меня остаться, хотѣлъ сопровождать меня всюду, на что я никакъ не соглашался, а совѣтовалъ ему нанять кого-нибудь, хоть вродѣ дядьки. На это онъ возражалъ, что ему нуженъ

человѣкъ, который внушалъ-бы ему симпатію, въ противномъ случаѣ онъ впадаетъ въ хандру, одурѣніе или бѣшенство.

„Я этому помочь не въ силахъ“, отвѣчалъ я, оживленный радостью отъ приближенія нашего къ станціи, коей огни уже ярко мелькали; хотя я весьма затруднился при мысли что мнѣ будетъ дѣлать среди ночи въ маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ нивогда почти не останавливаются путешественники. Но вотъ мы уже въ Рапало; какъ вдругъ Малефико возопилъ дивнымъ голосомъ: „Не пуцу! я васъ не пуцу!“

Тутъ я самъ пришелъ въ бѣшенство: „dietro! miserabile pazzo!“ (прочь! гнусный сумасшедшій!), закричалъ я въ свою очередь и, видя, что онъ съ упорствомъ рѣшился удержать меня, я схватилъ пистолеть, которымъ запасся въ Террачинѣ, хотя онъ не былъ заряженъ, и навелъ его на него; онъ - же открылъ грудь свою, крича: „стрѣляйте, избавьте меня отъ ненавистной жизни, а свѣтъ отъ безмозглаго несчастливца!“

Уф! дилижансъ, наконецъ, остановился; кондукторъ отдалъ моего спутника двумъ карабинерамъ, онъ-же удаляясь сдѣлалъ мнѣ страшную гримасу и погрозилъ перстомъ.

Я снова занялъ свое мѣсто. Но повѣрить-ли читатель, что мнѣ во все время мерещился несчастный, мнѣ казалось, что онъ сидитъ на прежнемъ мѣстѣ и продолжаетъ грозить мнѣ пальцемъ: я закрывалъ глаза, отворачивался, закуталъ голову въ шинель и все, кажется, слышалъ голосъ и прикосновеніе его. Въ ужасѣ я даже рѣшился было высочить изъ кареты и бѣжать куда глаза укажутъ; сдѣлавъ одно сильное движеніе, я наткнулся на страшнаго сосѣда и закричалъ во всю мочь. Онъ взялъ меня за руки и спросилъ: „не больны-ли вы?“

Говорившій со мною былъ совершенно другой человѣкъ, который усѣлся на мѣсто сумасшедшаго, чего я въ смятеніи не замѣтилъ. Тутъ все объяснилось и мы доѣхали благополучно до Генуи, хотя не могу не признаться, что образъ и голосъ сумасшедшаго преслѣдовали меня всю остальную часть ночи.

Отрывки.

(Изъ второй части, которую слѣдуетъ привести въ систематическій порядокъ).

Вскорѣ по прибытіи моемъ во Флоренцію, я узналъ, что Ламартинъ занимаетъ мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ французской миссіи. Маркизь де-ла-Мезонфоръ, (старый петербургскій мой знакомый), нынѣ французскій посланникъ при Тосканскомъ дворѣ, находится въ отпуску; Ламартинъ-же, служа при немъ секретаремъ, въ отсутствіе маркиза управляетъ миссіею. Надо полагать, что дипломатическая переписка французской миссіи не очень многосложна, потому что талантливый *chargé d'affaires* успѣлъ перевести поэму лорда Байрона „Child Harold“. Въ этой поэмѣ Байронъ жестоко порицаетъ итальянцевъ, а переведшій ее оставилъ всѣ порицанія британскаго поэта во всей ихъ силѣ. Между прочимъ, одна изъ главъ поэмы оканчивается двустихіемъ:

„Je vais chercher ailleurs (pardonne, ombre Romaine!)
Des hommes et non pas de la poussière humaine!“

Вслѣдъ за появленіемъ перевода, полковникъ Пепе, изгнанникъ неаполитанскій, напечаталъ брошюру, въ которой онъ напалъ безпощадно на Ламартина, упрекая его въ неблагодарности къ Италіи, идѣ его приняли съ блестящимъ гостепріимствомъ и радушіемъ. Брошюра заключала въ себѣ, притомъ, обидныя для французскаго поэта выраженія, что и заставило Ламартина вызвать Пепе на дуэль. Пепе отвѣчалъ, что онъ изгнанникъ, не имѣетъ шпаги и драться поэтому не можетъ; тогда Ламартинъ, лежавшій въ постелѣ въ сильной лихорадкѣ, послалъ ему шпагу. На другой день они дрались,—Ламартинъ былъ раненъ въ плечо; перевязавъ рану, онъ тотчасъ-же поспѣшилъ къ вел. герцогу, палъ предъ нимъ на колѣни и просилъ не преслѣдовать Пепе и оставить его въ покоѣ, возлагая на себя всю вину этого поединка. Великій герцогъ былъ тронутъ рыцарскимъ поступкомъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который тутъ-же послѣ усиленной просьбы изнемогъ и упалъ въ обморокъ. Публика послѣдовала чувствамъ своего государя и рукоплес-

кала великодушному поступку Ламартина. Этотъ необыкновенныхъ дарованій человѣкъ имѣетъ свои странности, болѣе отъ честолюбія происходящія. Рожденный съ огромнымъ состояніемъ и получившій за женою англичанкою значительное приданое, онъ все промоталъ и теперь принужденъ, на 73-мъ году своей жизни, просить, такъ сказать, милостыню у своихъ согражданъ подобно Велисарію, какъ онъ себя называетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ оказалъ великія услуги Франціи, особенно въ 1848 г., когда онъ былъ членомъ временнаго правленія и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ отвратилъ своимъ краснорѣчіемъ звѣрскія покушенія ярыхъ республиканцевъ. Кто не помнитъ его рѣчи, преисполненной самоотверженія и высокаго чувства, когда онъ съ энергіею отвергъ предложеніе депутаціи, пришедшей къ нему съ краснымъ знаменемъ; если помню, онъ сказалъ, между прочимъ: „Le drapeau tricolore a porté la gloire française d'un bout de l'univers à l'autre; tandis que le drapeau rouge a traîné dans le sang et dans la boue.“¹⁾ Онъ требовалъ также уничтоженія смертной казни за политическія преступленія. Словомъ, его называли громовымъ отводомъ временнаго правленія тогдашней республики. Теперь посмотримъ на обратную сторону. Какъ политическій человѣкъ, онъ во многомъ не безгрѣшенъ. Жена его получала значительную пенсію отъ королевы Викторіи, и покуда продолжали платить эту пенсію, Ламартинъ въ рѣчахъ своихъ и писаніяхъ проповѣдывалъ союзъ съ Англіею и бралъ сторону этой державы. Вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, выдача пенсіи прекратилась, и съ тѣхъ поръ поэтъ-ораторъ сталъ смотрѣть на Англію Юпитеромъ-громовержцемъ и нападалъ на нее безъ всякаго милосердія.

Далѣе, въ послѣдніе годы царствованія Луи-Филиппа, онъ составилъ заговоръ и сталъ во главѣ орлеанской партіи, какъ вдругъ вспыхнула революція 1848 г. и преобразила орлеаниста, бывшаго легитимиста—въ республиканца. Но что всего презрительнѣе, это то, что когда герцогиня Орлеанская бросилась къ Ламартину, въ поздній часъ, вечеромъ того страшнаго дня, когда дѣти ея исчезли въ буйной толпѣ въ камерѣ депутатовъ и

¹⁾ Трехцвѣтное знамя, возвѣщая славу французскаго имени, развѣвалось во всѣхъ частяхъ свѣта, красное - же знамя влячилось въ крови и въ грязи.

пропадали безъ вѣсти, а она сама оставалась безъ прибѣжища, подверженная опасности и умоляя его оказать ей покровительство и отыскать пропавшихъ юныхъ принцевъ, гордый трибунъ принялъ ее холодно и сурово и даже не просилъ сѣсть.

„Vous arrivez trop tard“¹⁾, сказалъ онъ ей суровымъ тономъ. Вотъ какъ политическія страсти заглушаютъ самые благородные порывы! Какъ-бы то ни было, а кто былъ виновникомъ его раззоренія? Онъ самъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Проживая въ двухъ своихъ помѣстьяхъ S-t Point Milly, въ Бургондіи, съ неслыханнымъ великолѣпіемъ, расточительностію и безрасчетливостію, онъ положилъ начало своему раззоренію.

Слава Шатобриана и лорда Байрона побудила его ѣхать на востокъ. Онъ на свой счетъ купилъ и снарядилъ корабль съ роскошью принца; расточалъ великоцѣнные подарки владѣльцамъ въ Сиріи, Палестинѣ и проч. Ему сопутствовали жена и единственная дочь; эта послѣдняя, 14-тилѣтняя прелестная дѣвица, утомленная путешествіемъ и климатомъ, скончалась въ Байрутѣ. Я встрѣчался съ нимъ и посѣщалъ его въ 1840-хъ годахъ. Однажды, находясь на вечерѣ у Эмилиа де Жирарденъ, поздравилъ я его съ сочиненіемъ отличной поэмы его „Жоселенъ“ („Jocelyn“), причемъ, однако-же, рѣшился сказать ему, что я не совсемъ понялъ смыслъ нѣкоторыхъ его стиховъ; вспомнивъ наше свиданіе въ Эксѣ, онъ воскликнулъ: „Oh! c'est encore mon censeur, c'est mon Caton russe!“²⁾. На что я возразилъ: „Quand l'oracle de Delphe rendait ses prophéties, les communs des mortels les trouvaient souvent incompréhensibles!“ — „C'est bon, c'est bon, mon aimable professeur, mais dites moi, combien de fois avez vous lu mon Jocelyn?“ — „Une seule fois“, отвѣчалъ я. „Eh bien, en ce cas-là, je n'en suis pas surpris, puisque moi-même, je ne l'ai bien compris qu'après l'avoir lu trois fois“³⁾. Когда я про-

¹⁾ Вы пришли слишкомъ поздно.

²⁾ Ахъ, это мой цензоръ, мой русскій Катонъ!

³⁾ Когда дельфійскій оракулъ нарекалъ свои пророчества, обыкновенные смертные находили нѣ часто непонятными.

„Хорошо, хорошо, любезный профессоръ, а скажите-ка, сколько разъ прочли вы моего Жослена“ — „Одинъ разъ“, отвѣчалъ я. „Въ такомъ случаѣ, меня это не удивляетъ, такъ какъ я самъ понялъ его хорошенько только прочитавъ три раза“.

силъ его растолковать мнѣ это странное для меня объясненіе, онъ сказалъ мнѣ, что писать стихи по вдохновенію (d'inspiration) и только по многократномъ прочтеніи вникаетъ въ полный смыслъ идей, созданныхъ его воображеніемъ.

Многіе ошибочно полагаютъ, что итальянцы народъ самый набожный, въ чемъ я не согласенъ. Проживши между ними болѣе года, я удостовѣрился, что въ религиозныхъ понятіяхъ ихъ видно болѣе суевѣрія, нежели истинной вѣры, даже въ самомъ Римѣ, гдѣ высокоумѣріе кардиналовъ и монсиніоровъ и льготы, коими они пользуются, внушаютъ болѣе негодованія и зависти, чѣмъ уваженія. Кавалеръ Фридрихъ Висконти говорилъ мнѣ въ Римѣ, что богослуженіе папы, его благословеніе съ балкона Ватикана дѣйствуютъ на народъ какъ зрѣлище, какъ театральное представленіе, а отнюдь не какъ духовный актъ. Онъ слышалъ самъ, и не однажды, между народомъ, падающимъ ницъ на площади при благословеніи св. отца, произносящихъ непотребныя ругательскія слова. Многіе въ простонародіи не знаютъ ни одного кардинала по имени; нѣкоторые даже и самого папу (Льва XII) называютъ все еще Піемъ VII-мъ. Странно, что іерархическіе чины духовенства отличаются чулками: простой аббатъ имѣетъ черные чулки; сдѣлавшись монсиніоромъ (прелатомъ), обувается въ фіолетовые; дослужившись до кардинала, является въ красныхъ чулкахъ и, наконецъ, папа носить бѣлые.

Смертныя наказанія иногда бываютъ ужасны. Я помню, въ Римѣ однажды казнили несчастнаго, который засталъ съ женою своею духовную особу, погнался за нимъ съ огромнымъ полѣномъ въ видѣ палицы и, догнавъ, сталъ бить его, покуда тотъ не испустилъ духа. Онъ приговоренъ быть казненнымъ такимъ же образомъ „legge di taglione“. На плаццо (piazza di scellegate) палачъ началъ надъ нимъ эту варварскую язекуцію. При первомъ ударѣ мнѣ сдѣлалось дурно, я вышелъ изъ толпы и пошелъ отдыхать по сосѣдству на Monte-Pincio, но и тутъ вопли страждущаго доходили до моего слуха, и я убрался домой. Народъ, особенно женщины, изъявляетъ вслухъ сожалѣніе о

казнимомъ преступникѣ, и чѣмъ болѣе онъ учинилъ преступленій, тѣмъ болѣе о немъ сожалѣютъ, потому что на томъ свѣтѣ будетъ ему хуже. Впрочемъ, папа, по обычаю, никогда не приноситъ смертнаго приговора. Вотъ какъ это дѣлается: римскій губернаторъ приноситъ къ его святѣйшеству приговоръ роты (*ruota, — tribunale*) и, прочтя его, стоитъ передъ нимъ полчаса; если святой отецъ въ продолженіе этого времени сохранить молчаніе, то значить приговоръ подтвержденъ; буде-же онъ чуть проговорится, тогда преступникъ помилованъ. Забавно, что когда губернаторъ желаетъ прощенія осужденнаго, онъ всячески старается заставить папу заговорить; онъ иногда прибѣгаетъ даже къ смѣшнымъ разговорамъ, тѣлодвиженіямъ и гримасамъ. Ну, не фарсъ-ли это? Впрочемъ, взявъ во вниманіе характеръ народа и фанатизмъ духовенства, надо-бы скорѣе удивляться, что религиозное суевѣріе не укореняется и не распространяется болѣе въ Италіи.

Уваженіе къ папѣ и престижъ его власти часъ отъ часу, видимо, слабѣютъ, хотя настоящій Наполеонъ (III) болѣе благоговѣетъ передъ нимъ, нежели дядя его, Наполеонъ I-й. Сей послѣдній велѣлъ безъ церемоніи арестовать Пія VII въ самомъ Ватиканѣ. Генералъ Радѣ схватилъ его за шиворотъ, стащилъ съ престола и посадилъ въ карету между двумя жандармами, которые привезли его въ Фонтенебло; тутъ содержали его какъ преступника, лишали всякаго комфорта, такъ что преосвященный владыка самъ штопалъ свои красные чулки. Наполеонъ I, желая вознаградить ген. Радѣ за этотъ подвигъ, возвелъ его въ дворянское достоинство, съ титуломъ барона; причемъ самъ нарисовалъ ему гербъ съ эссордомъ: „*La raison détrônant la chimère*“¹⁾.

Въ Англіи, особенно въ Шотландіи, чуждой вліянію католицизма, неискоренимое суевѣріе господствуетъ во всѣхъ вѣсѣсахъ общества. Въ воскресенье, всѣ увеселенія, кромѣ пьянства, прекращаются; во всей Англіи въ этотъ день ѣдятъ черствый хлѣбъ и сама королева подчиняется обычаю не ѣсть свѣжаго хлѣба. Журналы не появляются въ воскресные дни, почта не

¹⁾ Разумъ, низвергающій съ престола химеру.

принимаетъ писемъ, а въ Шотландіи самыя желѣзныя дороги прекращаютъ свое движеніе. Когда герцогъ Гамильтонъ былъ при смерти боленъ, дочь его, маркиза Дугласъ, предлагала огромныя суммы дирекціи желѣзныхъ дорогъ въ Глазговѣ, чтобы поспѣть къ умирающему отцу; но директоръ пребылъ неумолимъ, страшась самъ сдѣлаться предметомъ народнаго гнѣва, и маркиза не застала уже отца своего въ живыхъ.

Такъ называемый „пороховой заговоръ“ противъ парламента, когда лордъ Перси съ іезуитами намѣревался взорвать парламентъ на воздухъ въ 1605 г., 5-го ноября, посредствомъ слуги Перси Гаія Фовкса (Guy Fowwks), который впоследствии оказался испанскимъ капитаномъ, до сего времени торжествуется сожженіемъ бумлы Guy Fowwks'а. Парламентъ всякое 5-е ноября съ церемоніею сходитъ въ погребъ парламентскаго зданія и очень серьезно осматриваетъ всѣ углы, чтобы удостовѣриться нѣтъ-ли гдѣ спрятаннаго пороха. Чучело Фовкса, при многочисленной толпѣ народа, при дивныхъ восклицаніяхъ, предается сожженію. Однако-же, это чучело обыкновенно изображаетъ какое-нибудь политическое лицо враждебное Англии, большею частію папу; въ послѣднія-же времена часто доставалось Наполеону и другимъ царствующимъ особамъ, не пользующимся благоволеніемъ милаго народа британскаго. Но перейдемъ къ Италіи. Тамъ съ религіозными понятіями народа смѣшиваются весьма странныя и даже смѣшныя предразсудки. Такъ, напримеръ, когда кровь св. Януарія въ Неаполитанскомъ соборѣ не шипитъ, то это предвѣщаетъ великія бѣдствія. Когда священникъ выноситъ сосудъ съ кровью этого святаго и если химическій составъ, посредствомъ коего приводятъ кровь въ волненіе, не возымѣлъ еще ожидаемаго дѣйствія, народъ начинаетъ гнѣваться, кричать, бѣсноваться и ругаетъ св. Януарія самыми площадными и непотребными выраженіями, доходя до неистовства. Но лишь только кровь закипитъ, картина внезапно перемѣняется, народъ падаетъ ницъ и преклоняетъ колѣна, восклицая: „O santo santissimo Gennaro!“

У насъ былъ ветурино, который везъ насъ изъ Милана во Флоренцію, ужасный разбойникъ наружностію и нравомъ. Когда мулы его везли дурно, онъ начиналъ ихъ ругать самою безбожною бранью и доходилъ до иступленія, кусалъ ихъ за уши и

проч. Я помню, однажды онъ кричалъ во всю мочь: „Madona fatulla!“ и потомъ прибавлялъ, чтобы не сомнѣвались какую мадону онъ разумѣлъ: „ma veга, ma santa, ma santissima!“ Я видѣлъ процесію въ Vomero, близъ Неаполя, въ день Пасхи: это сущая комедія-фарсъ! Куклы въ ростъ человѣческой, представляющія Іоанна Крестителя, св. Марію Магдаличу и еще другія (несутся въ процессіи). Кукла, представляющая Богородицу, покрыта съ головы до ногъ покрываломъ; люди, несущіе сіи куклы, бѣгаютъ взадъ да впередъ, наконецъ, является Іисусъ Христосъ, несомый двумя лазаронами, которые бѣгутъ опрометью, и когда Іисусъ приближается къ Богородицѣ, покрывало падаетъ и изъ-подъ него вылетаетъ множество птичекъ и голубей; тѣмъ кончается представленіе при громкомъ одобреніи зрителей. Въ Палермо та-же процесія, въ память св. Розалии, достойна смѣха и вызываетъ непріятное чувство...

Въ Миланѣ, гдѣ нѣкоторые обстоятельства заставили меня прожить долѣе, нежели я предполагалъ, мнѣ удалось ознакомиться нѣсколько съ обычаями того края. Люди, принадлежащіе къ высшему кругу, весьма милы, обходительны и даже наивны и откровенны; но притомъ иные весьма недовѣрчивы, что должно приписать опасенію австрійской полиціи, которая тяготѣетъ надъ всею публичною и домашнею жизнью. Если вы имѣли несчастіе возбудить подозрѣніе полиціи, то неотвязный сыщикъ слѣдитъ за вами, какъ мрачная тѣнь. Случится-ли, что вамъ нужно ѣхать куда-нибудь, таинственный лазутчикъ беретъ мѣсто въ томъ-же дилижансѣ или въ каретѣ, въ которую вы садитесь, для пріятной компаніи и прилипаетъ къ вамъ какъ банный листъ, останавливается въ той-же гостинницѣ и слѣдитъ за вами всюду. Я зналъ одного миланца, котораго полицейскій агентъ проводилъ до самой Вѣны и тамъ передалъ директору полиціи, хотя онъ оказался впоследствии невиннымъ и благо-

мыслящимъ. Даже дамы занимаются здѣсь этимъ ремесломъ, чуть-ли не ловчѣе непригожаго пола. Жаль, что прекрасный полъ упражняется такими гнусными художествами, разочаровывающими въ ихъ прелести!

Особенно въ Миланѣ, гдѣ онѣ обворожительны красотою, граціею и какимъ-то наивнымъ добросердечіемъ. Во всей Италіи не встрѣчалъ я такой очаровательной отвретенности, какъ въ Ломбардіи; не понимаю, какъ нѣмецкій элементъ не испортилъ этой простодушной прелести. Каждая замужняя миланка, по прошествіи года брачнаго сожителства съ законнымъ супругомъ или послѣ рожденія перваго сына, беретъ любовника и публично проводитъ съ нимъ время почти неразлучно. Если же которая изъ нихъ, особенно молодая и пригожая, не имѣетъ любовника въ условленный срокъ, то надъ нею смѣются и смотрять съ жалостью. Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ (князь Мих. *), во Флоренціи, былъ въ любовной связи съ маркизою В., которая вскорѣ родила сына. Вся аристократическая компанія города пріѣзжала публично и церемонно поздравлять князя * съ новорожденнымъ и, кажется, будто, самъ маркизь, мужъ родившей, былъ въ числѣ поздравителей. Правда, князь былъ чрезвычайно богатъ и отъ него ожидали великія и богатыя милости въ пользу новорожденнаго отрока. Эти обычаи, кажется, не оставляютъ нѣкоторыхъ итальянцевъ и въ чужихъ странахъ. Я помню, что когда-то въ Москвѣ жилъ великолѣпный тузъ, богатѣйшій князь той-же фамиліи, жилъ, жилъ да прожилъ два огромныхъ имѣнія и, наконецъ, продалъ жену графу **, послѣ чего пошелъ почти по міру. Въ то время, когда онъ былъ чрезвычайно богатъ (имѣя слишкомъ 20 тысячъ душъ), онъ содержалъ г-жу Джуліани, жену итальянскаго музыканта. Однажды, въ какомъ-то обществѣ говорили о чрезвычайной расточительности и щедрости кн. А. Н. *, Джуліани, доказывая противное, сказалъ: „Le prince * est oune ladre, il me donne si peu et cependant mon premier est de lui“ ¹⁾.

Здѣшнія дамы никогда не ревнуютъ мужей, а ревнуютъ любовниковъ и между влюбленными происходятъ здѣсь иногда

¹⁾ Князь *—скряга, онъ мнѣ даетъ такъ мало, а, между тѣмъ, мой первый ребенокъ его.

трагическіе случаи. Одна юная и пригожая графиня, замѣтя на балѣ, что любовникъ ея, французскій полковникъ Малербъ, волочился за другою, уѣхала домой въ бѣшенствѣ. На другой день, рано по утру, будятъ полковника и подаютъ ему письмо, въ которомъ его вызываютъ на поединокъ за неизвѣстную обиду; во имя оскорбленной чести пазначаютъ ему немедленно пріѣхать съ секундантами и пистолетами въ казино „Яблоровъ“, гдѣ обыкновенно происходятъ дуэли. Полковникъ тотчасъ-же посылаетъ за пріятелемъ и отправляется съ нимъ въ назначенное мѣсто. Въ казино находятъ они очень маленькаго человѣка, закутаннаго въ плащъ. Секундантъ этого малютки изъявляетъ желаніе друга своего и говоритъ: „пистолеты заряжены, 12 шаговъ измѣрены“.

Когда-же пришлось стрѣлять, варликъ принужденъ былъ подойти ближе къ полковнику, который, взглянувъ на него съ любопытствомъ, въ изумленіи узнаетъ графиню Теодолинду, свою любовницу. Онъ хочетъ обратить все это въ шутку, но Теодолинда отвѣчаетъ ему съ презрѣніемъ. Онъ хочетъ подойти ближе, она наводитъ на него пистолеть и съ яростью кричитъ: „трусъ, если ты ступишь одинъ шагъ, я выстрѣлю по тебѣ и положу тебя на мѣсть!“

Секундантъ сталъ ей объяснять, что „она вызвала, слѣдовательно право стрѣлять принадлежитъ вызванному“.

„Я не виновата, что онъ робѣетъ!“, и обратясь къ Малербу: „Извергъ! ты причинилъ мнѣ смертельное оскорбленіе! Если ты находишь, что бой неравенъ, вѣта комъ случай—зарядимъ одинъ пистолеть и бросимъ жребій, я не хочу возвратиться въ Миланъ живою или хочу застрѣлить тебя—и потомъ привезти лично моей соперницѣ извѣстіе о твоей смерти. Я могла-бы предать тебя винжалу посредствомъ брави. Но вы, иностранцы, сейчасъ-же начнете кричать, что италіянки убійцы!“

Бѣдная дуэлистка была вскорѣ обезоружена и силою посажена въ карету, гдѣ она упала въ обморокъ и въ такомъ положеніи привезена въ свой палацо. Личная храбрость этой красавицы заставила французскаго полковника просить перевода изъ Милана, во избѣжаніе скандала.

Женщины въ Италіи вообще, и особенно ломбардскія, милы, страстны, нѣжны, вспыльчивы и ревнивы. Я во всей Италіи не

встрѣчалъ такихъ прелестныхъ дѣвицъ и дамъ какъ въ Миланѣ. Въ Неаполѣ, въ Венеціи, особенно-же въ Палермо и вообще въ Сициліи есть множество прелестныхъ женщинъ, — онѣ также любятъ страстно; однако, кровь африканская не допускаетъ сладкой нѣжности, а лишь бурную, ярую, неистовую страсть, болѣе соответствующую мужчинѣ. Что-же касается Венеціи, тамъ преобладаетъ особенный типъ, какое-то смѣшеніе миланскаго съ сицилійскимъ.

Большая часть мужчинъ не ревнива къ законнымъ ихъ сожительницамъ. Въ аристократическомъ кругу многіе женятся изъ расчета и послѣ рожденія перваго наслѣдника спѣшатъ эмансипировать своихъ женъ, чтобы самимъ волочиться за чужими женами. Тѣ-же, которыя остаются вѣрными своимъ супругамъ, дѣлаются предметомъ насмѣшекъ публики; что особенно бываетъ обидно дамамъ, ибо подъ этими насмѣшками подразумѣвается, что она, дескать, недовольно красива, недовольно мила и умна, чтобы найти себѣ обожателя.

Графъ де Сень-Марсонъ, бывшій другъ короля Карла-Алберта, которому онъ всею жертвовалъ, когда тотъ былъ принцемъ Кариньянъ, но потомъ, по воцареніи своего царственнаго друга, былъ приговоренъ имъ и кончилъ жизнь въ изгнаніи, — гр. де С. Марсонъ рассказывалъ намъ происшествіе, которое нѣкоторые приписывали англійскому лорду, но которое, по свидѣтельству графа, произошло съ пиемонтскимъ маркизомъ П***, коротко ему знакомымъ. Въ одинъ прекрасный, а можетъ быть и мрачный, вечеръ маркизь, возвратясь неожиданно домой безъ доклада, отправился прямо въ будуаръ жены своей. Приближаясь, онъ замѣтилъ въ измѣнническомъ зеркалѣ маркизу „dans le simple appareil d'une beauté qu'on arrache au sommeil“... и вмѣстѣ съ нею счастливаго обожателя и закадычнаго друга маркиза П***. Въ такомъ случаѣ, что-бы сдѣлалъ оскорбленный мужъ— французъ, русскій и даже нѣмецъ?—онъ сталь-бы бѣситься, шумѣть, бить, и, можетъ быть, предалъ-бы позорной смерти вѣроломную жену и ея обольстителя; англичанинъ-же потащилъ-бы въ суду, въ common laws, за преступный разговоръ— „criminal conversation“.—Ни чуть не бывало! Не показавъ ни малѣйшаго гнѣва, маркизь подошелъ къ зеркалу, сталь поправлять взмятое жабо, громко каплялъ, чтобы дать время счастливому обожателю

скрыться въ уборную. Когда-жъ все было спрятано, маркизь подошелъ къ женѣ своей, чуть живой отъ страха, и сказалъ ей хладнокровно: „какъ вы неосторожны! не заперли даже двери; ну если-бы посторонній или слуга взошелъ-бы вмѣсто меня“...

Впрочемъ, хотя весьма рѣдко, бываютъ и мужья, ревнивые до неистовства. Одинъ миланскій графъ служитъ этому примѣромъ. Жена его была одна изъ прелестнѣйшихъ дамъ миланскаго двора при принцѣ Евгени Богарне, графиня Антонія N. N. Всѣ восхищались ея красотою и любезностію; скромность и цѣломудріе ея ставили въ примѣръ прочимъ дамамъ. Однако-же, и она, наконецъ, не устояла противъ оболъщенной князя де-ла С — на и забыла клятву о вѣрности, данную мужу своему за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Горничная, которая, по неосторожности фаворита, была въ секретѣ ихъ интимности, открыла все мужу. Графъ рѣшился отомстить ужаснымъ образомъ невѣрной женѣ и ея обожателю. Онъ нашелъ средство проникнуть въ одну больницу и съ намѣреніемъ отравилъ себя въ ней гнусною болѣзною, которая перешла и къ его женѣ, а самъ, нѣсколько дней спустя, отправился въ Туринъ къ извѣстнѣйшему врачу, чтобы вылечиться и дать свободу влюбленнымъ. Хитрая служанка успѣшила извѣстить князя объ отъѣздѣ мужа. Онъ летитъ къ прелестной Антоніи.... Послѣдствія пагубной и постыдной мести раздраженнаго мужа были мгновенны и ужасны....

Новая протѣла.

На пути моемъ изъ Рима во Флоренцію я сидѣлъ въ дилижансѣ съ пятью особами; въ томъ числѣ были три дамы, двѣ рѣзвыя, очень юныя, дѣвѣцы, которыя надоѣдали намъ порядочно хохотомъ, пѣніемъ, дерзостію и безпрестанными движеніями. Весьма удивляло меня и нѣмца-доктора, моего сосѣда, что эти не дозрѣвшія дѣвчонки, дочери почтмейстера ближней станціи, хотя выказывали нѣкоторое воспитаніе, безпрестанно приправляли къ своей болтовнѣ восклицаніе: „cazzo“. Какъ-бы то ни было, я не обращалъ вниманія на молодыхъ повѣсь, а вперилъ взоръ на одну изъ дамъ, синіору Чечилію; это была чрезвычайно при-

гожая женщина, лѣтъ 25-ти, со скромною, задумчивою наружностью рафаэлевой Мадоны; она читала со вниманіемъ молитвенникъ и объявила, что она вдова. Я сталъ за нею ухаживать и глядѣлъ хладнокровно на проказы двухъ дѣвчонокъ. Только однажды во всю дорогу она улыбнулась и показала рядъ зубовъ, бѣлыхъ какъ перлы, исправивъ со сладкою улыбкою смѣшную ошибку, сдѣланную мною на итальянскомъ языкѣ.

По прибытіи во Флоренцію, мы остановились въ одномъ и томъ-же трактирѣ; съ трудомъ, однако-же, подружился, а на третій день или ночь мы совершенно сблизились. Она сдѣлалась нѣжною, пламенною, но, разставаясь со мною, замаливала грѣхи свои съ колѣнопреклоненіемъ и слезами. Я уже собирался ѣхать съ нею въ Геную, какъ вдругъ на четвертый день прихожу къ ней, стучусь,—она не отпираетъ и не отвѣчаетъ. Изумленіе мое было чрезвычайно и я рѣшился стать часовымъ у дверей ея. Не подозрѣвая моего присутствія, она отворила дверь и я порхнулъ къ ней въ комнату. Но, представьте мое удивленіе,—Цецилія съ гнѣвомъ оттолкнула меня! Я сталъ приставать, она погрозила мнѣ кинжаломъ.

„Умѣрьте гнѣвъ вашъ, сказалъ я скромно; если вы подозрѣваете меня, я могу оправдаться“, и, дѣйствительно, у меня не было на совѣсти никакой продѣлки; она мнѣ чрезвычайно нравилась и я не помышлялъ о другихъ. Наконецъ, дѣло объяснилось: доселѣ она не знала кто я, и считала меня за француза, но посѣтившій ее по утру аббатъ открылъ ей, что я русскій, и съ тѣхъ поръ она возненавидѣла меня.

„О, Боже мой!“ воскликнула она въ какомъ-то бѣшенствѣ, „какой непростительный, огромный грѣхъ я сотворила!—любить расколника (uno scismatico). О! я никогда не замолю такого тяжкаго грѣха, душа моя пойдетъ прямо въ адъ!“

Тутъ горячія и изобильныя слезы полились изъ прелестныхъ ея очей. Всѣ мои моленія были тщетны; она объявила мнѣ, что не можетъ глядѣть на меня безъ отвращенія, совѣсть терзаетъ ее. Я было приступилъ къ ней въ великомъ азартѣ, но острый кинжалъ, рѣшительно на меня направленный, заставилъ меня отступить.

Наконецъ, она сказала мнѣ довольно покойно: „мнѣ нужно погрузиться въ размышленія (raccogliarmi in spirito) и испро-

силье помилованія отъ Бога“. Потомъ присовокупила: „приходите часа черезъ три; можетъ быть, св. Мадона отпустить мнѣ прегрѣшеніе мое невольное,—о, очень невольное преступленіе!“

Я удалился въ отчаяніи, надѣясь, однако-же, что размышленія разсвѣятъ этотъ пагубный предрасудокъ. Но, увѣ, надежды мои были напрасны: она скрылась неизвѣстно куда!

Джетатура.

Странный предрасудокъ джетатуры заражаетъ всю Италію; причеъ замѣчательно то, что онъ имѣетъ болѣе силы на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, такъ что, приближался къ теплой полосѣ, онъ обнаруживается чаще и, наконецъ, въ Неаполѣ дѣлается почти всеобщимъ. Существуетъ цѣлая книга, сочиненная извѣстнымъ Николаемъ Волиа: „Della Gettatura“, гдѣ онъ доказываетъ основательность этого повѣрья: Юлій Цесарь, Цицеронъ, Виргилій и величайшіе мудрецы древности вѣрили въ джетатуру. Между многими доказательствами, авторъ основываетъ свое мнѣніе на способности нѣкотораго рода змѣи, которая, глядя на поющую птицу, однимъ взоромъ съ дерева притягиваетъ ее въ свою пасть.

Въ Неаполѣ всѣ, даже умные люди, вооружены рожками, большею частью кораловыми; они носятъ ихъ на часовой цѣпочкѣ, на булавкѣ, кольцѣ и проч. Чтобы разсвѣять очарованіе, надо направить остріе рожка на человѣка, подозрѣваемаго въ „cattivo occhio“. У насъ тоже между народомъ существуетъ суевѣріе, хотя не въ таковой степени; у насъ говорятъ: „сглазилъ таковой-то“, и просто отплеиваются отъ чародѣя. Король Фердинандъ, прадѣдъ нынѣ царствующаго Франциска II, прозванный Назоне, по причинѣ длиннаго носа, до крайней степени вѣрилъ джетатурѣ. Когда онъ давалъ аудіенціи, то не иначе входилъ въ залу, какъ вооруженный огромнымъ кораловымъ охранительнымъ двурожіемъ и направлялъ его на всѣхъ предстоявшихъ; часто случалось ему наткнуться на такіе быстрые глаза, что рога трепетали въ его перстахъ, тогда онъ немедленно оборачивался и обращался въ бѣгство. Вотъ еще случай, упомянутый въ этой книжкѣ. Въ 1824 году, Донъ Іо, директоръ

музея въ Портичи, слылъ джетаторомъ. Онъ просилъ и долго домогался аудіенціи у короля, который, страшась его бѣдоваго ока, въ продолженіе 8-ми лѣтъ отказывалъ упорно и не хотѣлъ принимать его. Наконецъ, друзья дона Іо и сама королева (или, лучше сказать, La Вгассіана) убѣдительно упростили его принять директора музея. Аудіенція продолжалась 20 минутъ: король былъ во все время въ тревожномъ состояніи; вертѣлъ во время всей аудіенціи охранительные рога, и что-же?—въ слѣдующую ночь онъ умеръ отъ удара.

К О Н Е Ц Ъ .

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ХРУЦОВЪ

род. 1806 г., † 1875 г.

Выдержки изъ его писемъ 1853—1859 гг. ¹⁾.

„Хруцовъ лучшій генералъ изъ тѣхъ,
какихъ я только звалъ при оборонѣ
Севастополя“.

Отзывъ кн. А. С. Меншикова.

Севастополь, 11-го марта 1855 г.

Въ нынѣшнюю ночь было также славное дѣло: наши выгнали французовъ изъ трехъ траншей и нанесли имъ большой уронъ; я не участвовалъ въ дѣлѣ.

Князь Горчаковъ прибылъ сюда и вступилъ въ командованіе войсками, сдѣлавъ пріятствіе защитникамъ Севастополя весьма лестнымъ приказомъ. Командиромъ Волынскаго полка назначенъ изъ Житомирскаго егерскаго полка Лушковъ, который не прибылъ еще сюда.

Севастополь, 18-го марта 1855 г.

.... Неисправны почты; послѣднія газеты изъ Петербурга мы имѣемъ только отъ 16-го февраля, тогда какъ прежде получали на десятый день.

Кажется, я писалъ о дѣлѣ, бывшемъ въ ночь съ 10-го на 11-е марта; послѣ того ничего особеннаго не происходило; кромѣ непрерывной перестрѣлки съ непріателемъ, мы постоянно угощаемъ другъ друга бомбами, ядрами и пулями.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, июнь, стр. 593—607; т. LXXV, августъ, стр. 431—450.

Вѣнскіе переговоры должны скоро опредѣлить: быть-ли миру или большой войнѣ. Говорятъ, что нынѣ англичане и даже самъ воитель Пальмерстонъ склонны болѣе, чѣмъ французы, къ миру. Въ Вѣнѣ трактуютъ, а мы продолжаемъ драться—такъ и слѣдуетъ. Подкрѣпленія, направленныя новымъ главнокомандующимъ, идутъ къ намъ.

Мой преемникъ, полковникъ Лушковъ, до сихъ поръ не пріѣхалъ, а потому я продолжаю командовать Волынскимъ полкомъ.

Вотъ скоро годъ, что нечестивые союзники Порты начали свои непріязненные дѣйствія противъ Россіи бомбардированіемъ Одессы и седьмой мѣсяцъ, какъ она у насъ въ гостяхъ....

Севастополь, 24-го марта 1855 г.

....Французы продолжаютъ сильно стрѣлять на новые редуты и Корнилова бастіонъ; мы платимъ имъ тѣмъ-же.

Что они предпримутъ для успокоенія своей военной чести—трудно опредѣлить. Попытки ихъ приблизиться къ нашимъ укрѣпленіямъ правильною атакою не удаются, бросятся на отчаянный штурмъ слишкомъ рискованно и они уже имѣли нѣсколько случаевъ испытать что значитъ русскій штыкъ; перенести войну въ поле—надобно много войска и другихъ средствъ. А между тѣмъ наши подкрѣпленія приближаются и мы скоро будемъ усилены слишкомъ двумя дивизіями.

Корреспонденты изъ арміи, чтобы сколько-нибудь успокоить публику, прибѣгаютъ къ наглой лжи. Напримѣръ, пишутъ, что въ ночь съ 11-го на 12-е февраля (о моемъ дѣлѣ) французы взяли вооруженный пушками редутъ, срыли его до основанія и даже овладѣли Малаховымъ курганомъ. Подобная ложь ниже всякой критики и должна заставить краснѣть самихъ французовъ.

Первые три дня Страстной недѣли мнѣ удалось отговѣть и вчера я пріобщился Св. Таинъ.

Надняхъ, къ общему сожалѣнію, убитъ храбрый капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ, сынъ генераль-адъютанта.

Севастополь, 28-го марта 1855 г. 5 час. пополудни.

Въ пятницу на Страстной недѣлѣ, пользуясь порученіемъ, даннымъ мнѣ на сѣверную сторону, я ѣздилъ на Бельбекъ и подышалъ немного свѣжимъ воздухомъ, послѣ пятимѣсячнаго карантинна въ Севастополѣ; тамъ видѣлся со старымъ и новымъ дивизионными начальниками ген. Моллеромъ и Жабокрицкимъ; перваго я не видѣлъ съ декабря, а послѣдняго съ октября прошлаго года, не-

смотря на разстояніе 8-ми верстъ. Въ этотъ-же день прибылъ мой преемникъ, и я уже не команду полкомъ.

Не знаю только, когда онъ приметъ его совершенно и дастъ мнѣ квитанцію. Въ субботу Волинскій полкъ перевели на первое отдѣленіе оборонительной линіи, и я переѣхалъ съ Корабельной на прежнюю свою квартиру, которая находится вблизи Николаевской батареи.

Въ воскресенье у заутрени былъ въ соборѣ, гдѣ познакомился съ начальникомъ штаба ген.-ад. Коцебу, который представилъ меня главнокомандующему. Все представленіе заключалось въ словахъ: „это генераль Хрущовъ“.

Князь Горчаковъ обошелся со мною ласково и спрашивалъ о прежней службѣ, потомъ подошелъ ко мнѣ другой разъ и спросилъ: „какой бригады я командиръ?“

Разгавливался у ген. Сакена и потомъ разгавливались у меня всѣ волинцы.

Въ 11-ть часовъ ѣздилъ на сѣверную сторону къ дежурному генералу Ушакову и начальнику штаба. Онъ просилъ меня отъ имени князя Горчакова скорѣе сдать полкъ, потому что главнокомандующій имѣетъ въ виду дать мнѣ какое-то порученіе. Сакенъ объявилъ мнѣ то-же самое. Не знаю и даже не догадываюсь въ чемъ будетъ заключаться это порученіе.

Говорятъ, что на первый день праздника посадили въ траншеи турокъ. Въ этотъ день, хотя была пальба, но довольно умѣренная; но зато сегодня съ пяти часовъ утра началась сильнѣйшая канонада по всей линіи. При большомъ дождѣ и самой ненастной погодѣ она продолжалась до полдня; послѣ 12 часовъ огонь немного ослабѣлъ, но несовершенно прекратился. Посмотримъ что-то будетъ завтра, не имѣютъ-ли непріатели намѣренія испытать приступъ?

29-го марта, 6 часовъ утра.

Ночь прошла благополучно и съ разсвѣтомъ не обнаружилось намѣреній непріателя приступить къ чему-либо рѣшительному; пальба съ батареей умѣренная.

Письмо ваше, друзья мои, я получилъ, изъ котораго вижу, что вы посылаете ко мнѣ звѣзду. Благодарю васъ, но напрасно вы это сдѣлали: мнѣ прислали металлическую звѣзду, а въ другой рѣшительно нѣтъ никакой надобности. За корпію также благодарю, пока Богъ хранилъ меня отъ бомбъ и другой сволочи. Газеты и частная молва общають скорый миръ; но мы продолжаемъ драться и слушать ежеминутно раскаты выстрѣловъ....

Севастополь, 4-го апрѣля 1855 г.

Сегодня восьмой день, что проклятые французы бомбардируютъ Севастополь съ сухаго пути и только изрѣдка ночью подходятъ пароходъ и бросаетъ разомъ нѣсколько бомбъ и ракетъ. Въ послѣдніе два дня канонада была слабѣе прежнихъ дней. Если взять въ соображеніе число пускаемыхъ ими снарядовъ, то потеря у насъ не велика и къ утру всѣ батареи бывають въ полной исправности. Замѣтно, что наши подбивають много орудій на непріятельскихъ батареяхъ. Въ прошлую ночь французы взорвали фугасъ передъ 4-мъ бастиономъ, который не причинилъ намъ никакого вреда.

Вчера сдалъ совершенно полкъ и получилъ квантанцію; теперь я свободенъ. Сегодня ѣздилъ являться къ дивизионному и корпусному командирамъ въ Горгунъ и на Мекензіеву гору и завтра вступлю въ командованіе бригадою.

У насъ продолжаютъ говорить о мирѣ, но здѣсь непріатели болѣе чѣмъ когда-либо, обнаруживаютъ враждебныя дѣйствія противъ насъ....

Полки моей бригады находятся теперь въ Севастополѣ, только на разныхъ дистанціяхъ. Мой преемникъ, полковникъ Лушковъ, черезъ нѣсколько дней послѣ своего прибытія, раненъ пулею въ правую руку. Пока не видно опасности, посмотримъ что будетъ далѣе.

5-го апрѣля, утро.

Эту ночь я не былъ разбуженъ непріятельскими выстрѣлами и теперь почти нѣтъ пальбы. Сильный туманъ.

Севастополь, 7-го апрѣля 1855 г.

Сегодня порадовали меня пріятнымъ извѣстіемъ, что братъ Степанъ Петровичъ произведенъ въ адмирала, вмѣстѣ съ Лишной (?) и Нахимовымъ. Послѣдній многихъ обогналъ, но онъ вполне заслужилъ эту награду своею храбростію, дѣятельностію и распорядительностію.

Вчера хотя бомбардировка продолжалась, но слабѣе прежняго. а сегодня почти не было пальбы. Прошлую ночь наши тихонько подползли къ воронкѣ, образовавшейся отъ взрыва непріятельскихъ фугасовъ противъ 4-го бастиона, гдѣ засѣло до 200 французовъ, и почти всѣхъ перекололи.

О дальнѣйшихъ намѣреніяхъ непріателя мы ничего не знаемъ, но, повидимому, они не рѣшаются на штурмъ; работы свои противъ 4-го и 5-го бастионовъ продолжаютъ. Сегодня дѣлали движеніе къ

Чоргуну, но это должно быть одна рекогносцировка. Подробностей оной я еще не знаю.

Пока я не имѣю никакого особеннаго назначенія кромѣ командованія бригадою, которая расположена въ Севастополѣ на 1-мъ и 3-мъ отдѣленіи оборонительной линіи. Я еще не успѣлъ ознакомиться съ своею новою частью.

8-го апрѣля.

Ночь провели мы довольно покойно и теперь огонь съ непріятельскихъ батарей весьма слабый.

О вѣнскихъ конференціяхъ здѣсь разные слухи; одни говорятъ, что переговоры прерваны по случаю неумѣстныхъ требованій Франціи и что Австрія объявляетъ себя нейтральною; другіе-же толкуютъ, что конференціи продолжаются.

Въ скоромъ времени вопросъ мира или войны долженъ рѣшиться.

Севастополь, 15-го апрѣля 1855 г.

Французы прекратили бомбардированіе Севастополя и теперь пальба производится обыкновенная, иногда чаще, иногда рѣже. Новыхъ намѣреній своихъ непріятель не обнаруживаетъ. Въ газетахъ осаду Севастополя называютъ осадю Трои,—дѣйствительно она безконечна.

У насъ передъ 5-мъ бастіономъ было нѣсколько ложементовъ, гдѣ помѣщались штуцерные. На Святой недѣлѣ французы заняли ихъ и срыли; а какъ видно, намѣреніе ихъ приблизиться отъ своихъ траншей къ этой мѣстности и сдѣлать тамъ осѣдлость, и какъ съ оной они могли-бы наносить намъ большой вредъ, то главнокомандующій лично приказалъ мнѣ занять эту мѣстность и, во что-бы то ни стало, устроить тамъ ложементы. Въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля, я вполне исполнилъ приказаніе князя, не будучи слишкомъ тревожимъ непріателемъ.

Въ продолженіе дня французы употребляли всѣ усилія, чтобы разрушить наши работы ядрами, и отчасти успѣли въ этомъ. На слѣдующую ночь мнѣ велѣно исправить ихъ, построить новыя и отбросить непріятеля въ случаѣ атаки. Для этого въ моемъ распоряженіи было пять баталіоновъ, т. е. съ небольшимъ 2,000 человекъ.

Съ наступленіемъ сумерокъ, лишь только часть моего отряда стала подходить къ ложементамъ, какъ непріятель бросился на нихъ изъ своихъ траншей и занялъ оныя, ибо войска не заняли еще своихъ мѣстъ; но черезъ 10 минутъ мы ихъ выбили оттуда. Французы пробовали нѣсколько разъ атаковать насъ, но безъ

успѣха и, наконецъ, вступили въ свои траншеи. Въ гнѣвѣ на свою неудачу и зная, что прикрытіе наше расположено на открытой мѣстности, французы открыли убійственный ружейный огонь изъ всѣхъ ближайшихъ траншей, и этотъ огонь продолжался до разсвѣта, то есть около восьми часовъ сряду, что, однако-жъ, намъ не воспрепятствовало исправить разрушенные ложементы и построить новые. Такимъ образомъ, я исполнилъ приказаніе главнокомандующаго: занялъ мѣстность, устроилъ ложементы и отбросилъ непріятеля. Наша потеря заключалась до 350 человекъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 13 офицеровъ. И на этотъ разъ Богъ сохранилъ меня, а мы были подъ градомъ пуль....

Севастополь, 18-го апрѣля 1855 г.

Несмотря на всю болтовню газетъ, кажется, нѣтъ надежды на миръ, потому что представители западныхъ державъ осмѣливаются предлагать весьма унижительныя условія. Итакъ, возложивъ упованіе на Бога, будемъ драться со всѣмъ Западомъ, если это будетъ нужно.

Политика Австріи для меня совершенно непонятна.

Разсказываютъ, что на конференціи 29-го марта Буркене сказалъ, что въ настоящую минуту Севастополь сбиваютъ (guser), намекая на счетъ начатой бомбардировки. Титовъ, улыбнувшись, отвѣчалъ: „Вамъ, конечно, извѣстно свойство бороды: чѣмъ чаще ее брѣютъ, тѣмъ она скорѣе растетъ“.

Вчера главнокомандующій пригласилъ меня обѣдать и благодарилъ за исполненіе послѣдняго порученія.

Князь и начальникъ штаба Коцебу показали ко мнѣ много вниманія. Надняхъ флигель-адъютантъ привезъ изъ Петербурга Сакену графское достоинство, а князю Васильчикову (начальнику штаба гарнизона) и Тотлебену (начальнику инженеровъ) генеральскіе чины.

Я получилъ совершенно неожиданно письмо отъ Ростовцева. Вотъ начало онаго:

„Съ истиннымъ удовольствіемъ узналъ я о блистательномъ подвигѣ вашемъ. Мнѣ очень пріятно поздравить васъ, какъ бывшаго сослуживца, и съ отличіемъ, вами оказаннымъ, и съ царскою милостію, этимъ отличіемъ заслуженною“.

Вотъ мой отвѣтъ г. Ростовцеву:

„Обязательное письмо вашего пр—ва, отъ 23-го марта, я имѣлъ честь получить вчера и спѣшу принести вамъ мою душевную благодарность за вашу память обо мнѣ и милостивое расположеніе,

которымъ вы удостоивали меня прежде, когда я служилъ подъ вашимъ начальствомъ, и удостоиваете нынѣ.

„Исполнивъ только свой долгъ, я слишкомъ уже награжденъ милостію царя и вниманіемъ ко мнѣ моего начальства въ арміи; а память и поздравленіе бывшаго столь многоуважаемаго начальника еще увеличили награду, ибо я осмѣливаюсь принять это какъ дань моимъ слабымъ заслугамъ и трудамъ на другомъ поприщѣ, подъ вашимъ просвѣщеннымъ руководствомъ.

„Позвольте мнѣ льстить себя надеждою, что вы не лишите меня и впредь своего благосклоннаго вниманія, а также позвольте поздравить ваше пр—во съ назначеніемъ васъ начальникомъ главнаго штаба его вел—ва и членомъ Государственнаго совѣта. Эти высшія назначенія дадутъ болѣе обширный кругъ вашей неутомимой дѣятельности и вашимъ добрымъ намѣреніямъ, которыя всегда клонились и будутъ клониться на пользу нашего любезнаго отечества и во славу обожаемаго Государя. Да дастъ вамъ Всевышній силу и крѣпость оставаться на долгое время вѣрнымъ и ближайшимъ исполнителемъ благихъ намѣреній его величества. Надняхъ главнокомандующій поручилъ мнѣ занять мѣстность впереди нашихъ укрѣпленій, построить тамъ ложементы и отстоять ихъ въ случаѣ нападенія непріятеля. Съ помощью Божіею, я исполнилъ съ точностію приказаніе князя. И на этотъ разъ Господь сохранилъ меня отъ непріятельскихъ пуль и ядеръ, которыми французы, по отбитіи ихъ, осыпали ввѣренный мнѣ отрядъ изъ своихъ траншей въ теченіе цѣлой ночи“.

19-го апрѣля въ теченіе ночи ничего особеннаго не случилось.

Инкерманскія высоты на сѣверной сторонѣ Севастополя. 25-го апрѣля 1855 г.

Вотъ уже третій день, что я здѣсь живу въ палаткѣ и дышу свѣжимъ воздухомъ. Можете себѣ представить, друзья мои, какъ мнѣ отрадно здѣсь послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Севастополѣ. Отсюда я вижу весь городъ, слышу выстрѣлы, но они не достигаютъ до нашей позиціи. Главнокомандующій, имѣя въ виду, что занимающій Инкерманскія высоты ген.-лейт. Липранди долженъ отойти отсюда, въ случаѣ движенія непріятеля отъ Козлова или другихъ мѣстъ сѣверной стороны, приказалъ мнѣ ознакомиться съ этою мѣстностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному вниманію ко мнѣ, хотѣлъ доставить мнѣ возможность отдохнуть немного послѣ трудовъ севастопольской жизни, о чемъ князь мнѣ лично объявлялъ. Вотъ по какому случаю я нахожусь здѣсь, а на долго-ли? не знаю.

Вчера я объѣзжалъ всю здѣшнюю позицію и осматрѣлъ всѣ подступы отъ долины Черной рѣчки, а сегодня ѣздилъ на Мекензиеву гору къ корпусному командиру, брату главнокомандующаго. Онъ, а также графъ Сакенъ, ко мнѣ очень внимательны.

Неприятель 19-го числа овладѣлъ нашими ложементами, которые я построилъ 11-го и 12-го числа, что можно было предвидѣть, ибо французскія траншеи слишкомъ близки къ намъ. Жаль, но что-жъ дѣлать,—въ войнѣ безъ неудачъ нельзя обойтись. Впрочемъ, это не составляетъ большой важности.

Прощайте, друзья мои, хотѣлъ-бы еще побесѣдовать съ вами, но писать очень трудно безъ стола.

... Говорятъ, что въ Наполеона стрѣляли въ Парижѣ, но, къ сожалѣнiю, не убили этого авантюриста.

Позиція на Инкерманскихъ высотахъ, 28-го апрѣля 1855 г.

Въ прошлую ночь была сильная пальба противъ 4 и 5 бастіоновъ, но я еще не имѣю свѣденiя о причинѣ этой пальбы.

Завтра будетъ недѣля, что я живу здѣсь безъ особенныхъ занятiй по службѣ и пока нѣтъ слуховъ, чтобы г. Липранди выступилъ отсюда съ своею дивизiею, хотя ему приказано быть готовымъ всякую минуту. Живу я въ палаткѣ, черезъ которую дождь не проникаетъ.

Сегодня ровно тридцать лѣтъ, какъ я произведенъ въ офицеры, а кто прослужилъ 30 лѣтъ, того можно назвать почти старикомъ,— время идетъ очень быстро.

Иностранныя газеты наполнены предположенiями о результатѣ вѣнскихъ конференцiй, но по всему видно, что они не могутъ окончиться въ пользу мира. Начинаютъ уже говорить о дѣйствилахъ съ другихъ пунктовъ, оставя отрядъ предъ Севастополемъ въ оборонительномъ положенiи, но я не вполне этому вѣрю, тѣмъ болѣе, что неприятели продолжаютъ свои осадныя работы противъ нашихъ укрѣпленiй.

Инкерманскiя высоты, 6-го мая 1855 г.

Распространился слухъ, что часть неприятельскаго войска сажается на корабли для дѣйствiя съ сѣверной стороны, но эта молва не подтвердилась, а потому генераль Липранди остается по прежнему на Инкерманѣ. Я живу также здѣсь безъ особенныхъ занятiй по службѣ и полагаю, что въ скоромъ времени мнѣ приважутъ возвратиться въ Севастополь, ибо тамъ оба поля моей бригады.

По извѣстiямъ изъ Вѣны, нѣтъ никакой надежды на миръ, не

смотря на то, что общественное мнѣніе во Франціи и Англіи противъ этой войны. Надобно желать, чтобы во Франціи сдѣлалась революція и чтобы отправили куда-нибудь авантюриста-императора. Во французской арміи подъ Севастополемъ также общее неудовольствие, такъ показываютъ всѣ дезертиры, которые являются къ намъ ежедневно.

Послѣ трехдневныхъ дождей, у насъ начались сильныя жары, что въ палаткѣ очень чувствительно.

Позиція у Чоргуна, 11-го мая 1855 г.

8-го числа главнокомандующій лично приказалъ мнѣ отправиться въ Чоргунъ для командованія тамошнимъ отрядомъ вмѣсто г.-л. Жабокрицкаго, который отозванъ къ своей дивизіи, расположенной въ Севастополѣ. Въ тотъ-же вечеръ я поѣхалъ туда, но былъ удержанъ на ночь въ Черкезъ-Корменѣ корпуснымъ командиромъ, братомъ главнокомандующаго, а 9-го утромъ прибылъ въ Чоргунъ, осмотрѣвъ по пути дороги, по которымъ предполагается отступать моему отряду въ случаѣ наступленія непріятеля въ значительныхъ силахъ.

Отрядъ мой состоитъ изъ полка пѣхоты, легіона греческихъ волонтеровъ, стрѣлковой роты, дивизиона артиллеріи, дивизиона гусаръ и полка казаковъ. Сверхъ того, въ моемъ-же вѣдѣніи состоятъ два полка казаковъ, расположенныхъ въ Байдарахъ и на южномъ берегу.

Позиція у Чоргуна весьма важная и требуетъ большой бдительности.

Вчера и сегодня я осматривалъ съ аванпостовъ всю непріятельскую позицію, а также и свою. Непріятельская на Сапуязъ-горѣ и передъ Балаклавою сильно укрѣплена и почти недоступна для нападенія. Сегодня донесли мнѣ изъ Байдаръ, что до 60 париходовъ и парусныхъ судовъ прошло по направленію къ Ялтѣ, а куда именно они направляются — до сихъ поръ неизвѣстно. Надѣюсь получить ночью донесеніе изъ Ялты.

.... Въ ночь на 11-е мая французы атаквали шесть разъ наши траншеи предъ 6-мъ бастиономъ и каждый разъ были отбиты. Ихъ потеря до 4 тысячъ.

Позиція близъ Чоргуна, 16-го мая 1855 г.

Я писалъ отъ 11-го числа, что непріятельскій флотъ проходилъ мимо южныхъ береговъ Крыма. Теперь извѣстно, что высажено 25,000 въ Керчь и говорятъ, что сдѣлана высадка около

Ялты, но послѣднее недостоверно. Какія-же непріятель имѣеть дальнѣйшія намѣренія—мы не знаемъ, а у насъ вотъ что случилось.

13-го, рано утромъ, непріятельская кавалерія, болѣе 12-ти эскадроновъ, съ конно-артиллеріею, перешла на рыхляхъ черезъ каменный мостъ на Черной рѣчкѣ (въ 2-хъ верстахъ отъ Чоргуна), съ намѣреніемъ окружить стоящій недалеко оттуда нашъ баталіонъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ ударила на двѣ сотни казаковъ и эскадронъ гусаръ.

Кавалерія наша выдержала славно атаку превосходящихъ силъ, а баталіонъ встрѣтилъ баталіоннымъ огнемъ и, отстрѣливаясь, отступилъ на гору. Въ то-же время огромная масса пѣхоты, около 40,000, развернулась по долинѣ Черной рѣчки. Видя, что непріятель имѣеть намѣреніе обойти нашу позицію съ обѣихъ фланговъ и какъ цѣль моего отряда была только наблюдательная, то я велѣлъ отступать и занялъ позицію въ 3-хъ верстахъ отъ Чоргуна, гдѣ и нынѣ нахожусь; мои аванпосты на высотахъ Чоргуна. Если непріятель предприметъ обходное движеніе, то я буду отодвигаться до Королезскаго ущелья, и тамъ уже остановлюсь.

Писать на бивакахъ довольно трудно, а потому прошу извинить, что я окончу письмо.

Позиція близъ Чоргуна, 21-го мая 1855 г.

Съ 16-го числа у насъ ничего особеннаго не происходило. Иногда по ночамъ непріятель тревожитъ насъ, переводя на правую сторону Черной рѣчки нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и эскадроновъ кавалеріи, но все ограничивалось перестрѣлкою съ казачьими аванпостами. Конечно, во все это время мы должны стоять въ полной готовности. Итакъ, всѣ ночи я провожу одѣтымъ и почти безъ сна.

Третьяго дня главнокомандующій осматривалъ наши позиціи на Бельбекѣ и въ Королезскомъ ущельѣ. Князь вызывалъ меня туда, чтобы отдать нѣкоторыя приказанія насчетъ отступленія моего въ случаѣ движенія непріятеля.

Вчера три парохода подошли къ Алушѣ и высаживали туда до 200 турокъ, чтобы набрать зелени. Мы сохраняемъ свои сообщенія съ южнымъ берегомъ.

На Бельбекѣ, 29-го мая.

Четырнадцать ночей, проведенныхъ безъ сна, въ буквальномъ смыслѣ слова, не могли не имѣть вліянія на мое здоровье, а потому 26-го числа я подалъ рапортъ о болѣзни и на другой день вече-

ромъ, передавъ начальство надъ отрядомъ ген.-л. Бельгарду, отправился на Бельбекъ, что на большой дорогѣ, близъ бывшей почтовой станціи, въ трехъ верстахъ отъ Инкерманскихъ высотъ, гдѣ нынѣ расположена главная квартира.

Здѣсь хорошій воздухъ и большой садъ. Дней десять или двѣ недѣли отдыха могутъ возстановить и укрѣпить мои силы, и тогда я снова явлюсь на службу.

Новый французскій главнокомандующій Пелисье дѣйствуетъ съ большою энергіею, чѣмъ Канроберъ. 26-го числа, около пяти часовъ пополудни, послѣ жестокаго двухдневнаго бомбардированія, непріатели въ большихъ силахъ атаковали наши отдѣльные редуты Волинскій, Селенгинскій и Камчатскій. Въ нихъ были небольшіе гарнизоны, а потому не могли долго держаться противъ огромныхъ силъ непріателя, но непріателямъ обошлось не дешево овладѣніе этими редутами,—они понесли огромную потерю и намъ досталось до 300 человекъ плѣнныхъ. Всѣ наши главные укрѣпленія цѣлы и войска готовы встрѣтить непріателя, когда онъ вздумаетъ атаковать Малаховъ курганъ или 3-й бастионъ. Бомбардированіе Корабельной продолжается.

На Бельбекѣ, 2-го іюня 1855 г.

.... Непріатель укрѣпляется на занятыхъ имъ редутахъ 26-го мая, но еще не дѣйствуетъ съ нихъ. Въ послѣдніе дни огонь съ его батарей очень слабый.

Чистый воздухъ, прогулка по садамъ и свободная отъ служебныхъ занятій жизнь укрѣпляютъ мое здоровье. Надѣюсь, что черезъ короткое время я буду въ состояніи явиться вновь на службу, куда прикажутъ. Мой бывший полкъ совершенно разстроенъ по случаю большой убыли въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ, а потому надняхъ его вывели на сѣверную сторону. Мой преемникъ умеръ отъ раны; вновь назначенный штабъ-офицеръ также долженъ умереть сегодня или завтра. Не знаю, кто теперь будетъ назначенъ. Моя бригада, командованіе которою я передалъ старшему изъ полковыхъ командировъ при отъѣздѣ изъ Севастополя въ концѣ апрѣля, находится теперь въ Корабельной части.

На Бельбекѣ, 8-го іюня 1855 г.

Поздравляю васъ, друзья мои, съ славною побѣдою, о которой, вѣроятно, дошло уже до васъ извѣстіе чрезъ курьера, посланнаго въ Петербургъ или, лучше сказать, дойдетъ прежде полученія этого письма. Непріатель, занавъ 26-го мая наши передовыя укрѣпленія, полагалъ, что можетъ идти на штурмъ главныхъ укрѣпленій

5-го іюня онъ произвелъ сильнѣйшую бомбардировку, а 6-го съ разсвѣтомъ двинулъ свои колонны на приступъ: на 1-й и 2-й бастионы шли французы и турки, на доковую балку французы и на 3-й бастионъ англичане, но наши славныя батареи и наши храбрыя войска, съ помощью Всевышняго, отбили непріятеля на всѣхъ пунктахъ. Онъ понесъ огромную потерю убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Наша потеря незначительна. Командовалъ войсками на Корабельной ген.-л. Хрулевъ, которому честь и слава.

Воображаю, какъ сконфужены непріятели и въ особенности Пелисье, на котораго полагали столько надеждъ и онъ самъ вѣрилъ въ несомнѣнный успѣхъ. Что-то онъ теперь предприметъ? Наши войска ободрились и выросли. Надняхъ мы ожидаемъ подкрѣпленій до 40 баталіоновъ.

Австрія объявила себя рѣшительно нейтральною и теперь намъ нѣтъ надобности держать много войскъ на западной границѣ.

Здоровье мое поправилось, т. е. я укрѣпился въ силахъ, и если не будетъ хуже, завтра явлюсь вновь на службу. Не знаю, куда мнѣ прикажутъ ѣхать: въ Севастополь, къ своей бригадѣ, или дадутъ другое назначеніе....

На Бельбекѣ, 13-го іюня 1855 г.

.... 9-го числа я являлся къ корпусному командиру, а сегодня былъ у главнокомандующаго по его приказанію. Князь принималъ меня хорошо и велѣлъ ѣхать къ своей бригадѣ въ Севастополь.

Отрядъ, которымъ я командовалъ до 27-го числа мая, отступилъ въ Королезъ, слѣдовательно прежнее мѣсто упразднилось—и слава Богу. Завтра я прощусь съ Бельбекомъ, гдѣ прожилъ болѣе двухъ недѣль очень покойно, и явлюсь къ графу Сакену.

Послѣ неудачнаго штурма непріятель до сихъ поръ не принимаетъ ничего серьезнаго и пальба въ Севастополѣ довольно слабая.

Впрочемъ, дезертиры показываютъ, что Пелисье не оставляетъ своего намѣренія штурмовать вновь городъ. Говорятъ, что войско его ненавидитъ.

Севастополь, 17-го іюня 1855 г.

14-го числа утромъ я перебрался снова въ Севастополь, гдѣ не былъ около семи недѣль. Графъ Сакенъ приказалъ мнѣ находиться на первомъ отдѣленіи оборонительной линіи подъ начальствомъ г. Семякина, бывшаго начальника штаба при князѣ Меншиковѣ. Теперь я живу въ блиндажѣ около 6-го бастиона; помѣщеніе довольно покойное отъ навѣсныхъ выстрѣловъ.

Пока непріятель не предпринимаетъ ничего серьезнаго и стрѣльба съ его батарей весьма слабая...

Севастополь, 22-го іюня 1855 г.

Я живу попрежнему очень покойно въ блиндажѣ около бастиона № 6-го. Мнѣ порученъ первый участокъ 1-го отдѣленія, а второй—князю Воронцову, который надняхъ прибылъ сюда изъ Петербурга для командованія егерскою бригадою 14-й дивизіи.

Непріятель не предпринимаетъ ничего важнаго, работы въ траншеяхъ продолжаютъ, огонь довольно слабый.

Въ первой половинѣ іюня къ намъ будутъ 4-я и 5-я дивизіи и до 20 дружинъ ополченія. Главнокомандующій англійскихъ войскъ лордъ Рагланъ умеръ отъ холеры. Слухъ о смѣнѣ Пелисье не подтвердился.

Вчера привезли изъ Петербурга награды старшимъ лицамъ за отбитіе штурма 6-го іюня.

Главнокомандующій сдѣланъ шефомъ полка, Сажень получилъ аренду, Васильчиковъ и Тотлебенъ—Георгія 3-й степ., Хрулевъ—Владимира 2-й степ., Семякинъ—въ генераль-лейтенанты и проч.

Севастополь, 29-го іюня 1855 г.

... Вчера, въ 6 часовъ вечера, на бастионѣ Корнилова раненъ пулею въ голову доблестный защитникъ Севастополя адмиралъ Нахимовъ. Рана опасная и наврядъ онъ будетъ спасенъ. Весь севастопольскій гарнизонъ смотрѣлъ на Павла Степановича съ благоговѣніемъ и полною довѣренностью, а потому его потеря незамѣнима. Всѣ въ большомъ уныніи.

Въ послѣдніе дни непріятель стрѣлялъ съ своихъ батарей сильнѣе прежняго, но особеннаго вреда не наноситъ. Меня назначили помощникомъ начальника праваго фланга оборонительной линіи, т. е. перваго и втораго отдѣленія.

Севастополь, 6-го іюля 1855 г.

П. С. Нахимовъ скончался 30-го іюня, не приходя въ чувства, а 1-го іюля его похоронили вмѣстѣ съ Лазаревымъ, Корниловымъ и Истоминымъ. Главнокомандующій и весь Севастополь провожали его съ душевнымъ сожалѣніемъ.

По части военной у насъ нѣтъ ничего новаго и нельзя опредѣлить истинныхъ намѣреній непріятели.

Я попрежнему живу въ блиндажѣ на оборонительной линіи съ однимъ полковымъ командиромъ, двумя флотскими штабъ-офи-

перами и своимъ ординарцемъ и, благодаря Бога, здоровъ. Бомбы, ядра и пули часто падаютъ около нашего дворца, но мы привыкли уже не обращать на нихъ никакого вниманія. По ночамъ спитъ мало, а днемъ сколько угодно.

... По достовѣрнымъ слухамъ, отъ Петербурга къ намъ, т. е. въ 6-й корпусъ, назначается новый корпусный командиръ ген.-л. Липранди вмѣсто кн. Горчакова, брата главнокомандующаго.

Севастополь, 13-го іюля 1855 г.

... Дезертиры показывали, что сегодня должна открыться бомбардировка, но пока ничего нѣтъ. По ночамъ непріатели продолжаютъ бросать къ намъ множество бомбъ, гранатъ и ядеръ, но они не причиняютъ большого урона. Что будетъ впереди—не знаемъ, ожидаемыя къ намъ подкрѣпленія еще не прибыли.

Привыкнуть можно ко всему, такимъ образомъ и мы привыкли къ бастионной жизни. По вечерамъ собирается довольно большое общество около нашихъ блиндажей, гдѣ за стаканомъ чаю мы толкуемъ о всякой всячинѣ, смотря на полетъ бомбъ, которыя перелетаютъ черезъ наши головы, иногда весьма красивыми букетами. Такъ проходитъ вечеръ и цѣлая ночь.

Вы знаете, что у насъ мѣсяцъ считается годомъ, слѣдовательно мы уже довольно постарѣли; я имѣю лишнихъ семь лѣтъ, другіе-же имѣютъ болѣе десяти.

14-е іюля.

Въ продолженіе ночи ничего особеннаго не случилось.

Севастополь, 20-го іюля 1855 г.

... Та-же жизнь на бастионахъ, та-же перестрѣлка между нами и непріателемъ. Въ послѣдніе дни большіе дожди, а потому грязно ходить по батареямъ.

Севастополь, 27-го іюля 1855 г.

... Я живу попрежнему въ блиндажѣ и провожу время довольно хорошо. У насъ прекрасный бульваръ для прогулокъ по непрерывному ряду батарей оборонительной линіи и всегда есть большое общество.

22-го мы обѣдали въ редутѣ у князя Воронцова, а на другой день у начальника 1-го отдѣленія Зорина по случаю ихъ именинъ. Желательно, чтобы мнѣ не пришлось праздновать здѣсь свои именины. Надняхъ надобно ожидать бомбардированія и потому, можетъ быть, штурма. Впрочемъ, къ намъ прибыли двѣ дивизіи, 4-я и 5-я, и потому мы имѣемъ возможность предупредить непріа-

теля своимъ наступленіемъ на Черную рѣчку. Я говорю только: имѣемъ возможность, а будетъ то, что разсудитъ и прикажетъ главнокомандующій.

Надняхъ умеръ послѣ кратковременной болѣзни К. А. Вукотичъ, бывшій дежурный штабъ-офицеръ черноморскаго флота. Онъ жилъ до сихъ поръ въ Севастополѣ и завѣдывалъ перевязочнымъ пунктомъ.

Севастополь, 3-го августа 1855 г.

... Мы полагали, что сегодня для именинъ императора французы откроютъ бомбардировку, но оной не было. Флотъ салютовалъ и украсился флагами. Мое будущее письмо, вѣроятно, будетъ интереснѣе.

Третьяго дня князь Воронцовъ и я проходили по одной изъ переднихъ батарей. Штуперная пуля, пролетѣвъ черезъ мою голову, ранила князя въ високъ, но не тронула черепа. Такую-же рану получилъ Нахимовъ, только двумя линіями глубже. Рана Воронцова не опасна

Севастополь, 8-го августа 1855 г.

4-го августа, въ день моего рожденія, главнокомандующій дѣлалъ наступленіе съ Мекензиевой горы на Черную рѣчку, но какъ наши войска встрѣтили сильное сопротивленіе, то князь не нашелъ возможнымъ продолжать наступленіе. 12-я дивизія, бывшая впереди, показала геройскую храбрость и, разумѣется, много потерпѣла.

Къ сожалѣнію, у насъ убиты генераль-адъютанты: командиръ 3-го корпуса Реаль и директоръ канцеляріи военнаго министра Вревскій, а также нач. штаба 3-го корпуса Веймарнъ.

Мы готовы были сдѣлать вылазку изъ города, но она была отмѣнена. 5-го числа непріятель началъ бомбардировать бастіоны Корабельной стороны. Канонада продолжается до сихъ поръ, но нѣсколько слабѣе, чѣмъ прежде. Бастіоны городской части, гдѣ я нахожусь, пока не бомбардируются, хотя, по обыкновенію, по ночамъ непріятель и на нихъ пускаетъ много бомбъ. Надняхъ, къ намъ прибыла часть курскаго ополченія....

Севастополь, 11-го августа 1855 г.

...Слѣдствіемъ бомбардировки 5-го августа не было штурма и она уже прекратилась.

Впрочемъ, по временамъ, непріятели открываютъ сильную канонаду по разнымъ бастіонамъ. Сегодня, съ разсвѣтомъ, мы подорвали миною мортирную батарею. Взрывъ былъ очень удаченъ и, полагаю, нанесъ много вреда французамъ.

Севастополь, 17-го августа 1855 г.

...Неприятель продолжает усиленно свои работы противъ бастіоновъ Корабельной части. Въ прошлую ночь мы удачными выстрѣлами взорвали пороховой погребъ на бывшемъ Камчатскомъ люнетѣ.

Мостъ черезъ сѣверную бухту оконченъ и съ 16-го числа началось движеніе по оному. Длина его 450 сажень, ширина же достаточна для проѣзда двухъ повозокъ. Непріатели съ большимъ неудовольствіемъ смотрятъ на этотъ мостъ и бросаютъ по направленію онаго много бомбъ, но до сихъ поръ они не причинили никакого вреда. Сегодня я въ первый разъ проѣхалъ верхомъ черезъ мостъ, чтобы быть на Константиновской и другихъ сѣверныхъ батареяхъ, откуда прекрасно видны неприяТЕЛЬСКІЯ работы за Карантинною бухтою. Кажется, они стараются устроить около древняго Херсонеса батарею для дѣйствія по рейду.

Разумѣется, она будетъ обстрѣливаться нашими сѣверными батареями и № 10. Время провожу я попрежнему.

Сегодня прибылъ въ намъ въ блиндажъ пятый сожигатель, флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій. Около нашего блиндажа падаетъ очень много бомбъ, но, благодаря Бога, на него ни одна еще не упала. Впрочемъ, мы въ полной увѣренности, что бомба не пробьетъ его.

Севастополь, 24-го августа 1855 г.

...Въ іюні мѣсяцѣ произведено было пять полковниковъ въ генералъ-маіоры, со старшинствомъ съ 24-го октября прошлаго года, а какъ я произведенъ былъ 6-го декабря, безъ старшинства, то они всѣ стали по спискамъ выше меня.

По этому случаю, по рапорту моему, главнокомандующій входилъ съ представленіемъ въ Петербургъ и, надняхъ, мнѣ дали старшинство съ 8-го сентября, то есть съ Алминской битвы.

До сего числа у насъ ничего особеннаго не было, канонада открывалась по временамъ на короткое время и, въ особенности, съ наступленіемъ сумерокъ; сегодня же утромъ, въ 5¹/₂ часовъ, вдругъ открылась сильная канонада по всей оборонительной линіи; ядра и бомбы летаютъ по всѣмъ направленіямъ.

Дезертиры говорятъ, что отъ взрыва пороховаго погреба на бывшемъ Камчатскомъ редутѣ французы потеряли до 500 человекъ, нѣсколько офицеровъ и двухъ генераловъ.

25-го августа.

Сегодня утромъ не успѣлъ отправить письма, потому что съ ночи до полдня оставался на 4-мъ бастіонѣ. Непріатели продолжаютъ упорную канонаду и, по временамъ, стрѣляютъ залпомъ изъ

всѣхъ батарей. До сихъ поръ мы думали, что штурмъ будетъ на Корабельную, а теперь находимся въ недоумѣніи, ибо 1-е и 2-е отдѣленія бомбардируются сильнѣе. Завтра годовщина Бородинской битвы—не предпримуть-ли непріатели что-нибудь по этому случаю?

26-го августа, 8 час. утра.

Наше положеніе не измѣнилось; бомбардировка продолжается.

На сѣверной сторонѣ Севастополя, 29-го августа 1855 г.

День Бородинской годовщины окончился благополучно, а 27-го, около полудня, непріатель, послѣ жестокой канонады, бросился въ огромныхъ силахъ на бастионы Корабельной стороны; 2-й и 3-й удержались, но бастионъ Корнилова взятъ. Выбить оттуда непріателя не могли, несмотря на всѣ усилія нашихъ войскъ.

Около трехъ часовъ пополудни, французы бросились изъ своихъ траншей на лѣвый флангъ 1-го отдѣленія. ген.-л. Семякинъ тотчасъ-же послалъ меня принять начальство надъ этимъ флангомъ. Французы успѣли занять часть редута Шварца, но ихъ въ скоромъ времени выбили оттуда; изъ рвовъ-же 5-го бастиона и люнета Бѣлкина они не могли взобраться на валъ. Къ 4¹/₂ часамъ бой на нашемъ флангѣ окончился. Непріатель понесъ большую потерю, убѣжалъ въ свои траншеи и не рѣшился возобновить атаки; около 500 тѣлъ осталось на площади редута и во рвахъ нашихъ укрѣпленій; взято въ плѣнъ 1 шт.-офицеръ и 9 об.-офиц. На Корабельной ранены генералы: Хрулевъ, Мартинау и Лысенко, убитъ Юферовъ и взятъ въ плѣнъ Бунау (на Малаховомъ курганѣ). Главнокомандующій, считая бесполезнымъ тратить болѣе войска для удержанія Севастополя, потому что ключъ позиціи—Малаховъ курганъ былъ въ рукахъ у непріателя, приказалъ въ теченіе ночи оставить городъ. Выходъ изъ онаго на сѣверную сторону совершенъ въ отличномъ порядкѣ по мосту и на пароходахъ. Около 7 час. утра Севастополь былъ уже пустъ и горѣлъ во всѣхъ мѣстахъ. Пороховые погреба и главныя батареи взорваны.

Мнѣ, съ тремя полками, поручено было оставаться у баррикады городской части для прикрытія отступленія, но непріатель не преслѣдовалъ насъ. Я перешелъ послѣднимъ черезъ мостъ. Корабли потоплены.

Графъ Сакенъ оставался все время и, прощаясь со мною, сказалъ:

„Благодарю васъ за прекрасную службу въ Севастополь“.

Сейчасъ отправляюсь къ своей бригадѣ на Мекензіеву гору.

Позиція на Мекензія, 31-го августа 1855 года.

29-го числа я поѣхалъ въ своей бригадѣ на Мекензіеву гору и на дорогѣ узналъ, что главнокомандующій поручаетъ мнѣ временно 16-ю дивизію, въ командованіе которой я уже вступилъ.

Говорятъ, что князь хочетъ представить меня въ утвержденію командующимъ дивизією, но наврядъ это можно будетъ сдѣлать, ибо почти всѣ бригадные командиры старше меня.

Въ день своихъ именинъ я обѣдалъ, по случаю полковаго праздника, въ одномъ изъ полковъ своей дивизіи, и насъ все время мочилъ дождь.

Погода у насъ стоитъ холодная и ненастная.

Ожидаемъ что предприметъ непріятель: останется-ли онъ на прежней позиціи, предприметъ-ли наступленіе на насъ (что, впрочемъ, сомнительно), перенесетъ-ли военныя дѣйствія на другой пунктъ или, наконецъ, уберется совсѣмъ на зиму въ Турцію? Всѣ эти вопросы насъ очень интересуютъ.

По случаю новаго назначенія и по причинѣ разстройства полковъ дивизіи, которая, впрочемъ, отлично вела себя въ Севастополѣ, мнѣ много хлопотъ. Во всей дивизіи въ настоящую минуту вмѣсто слѣдуемыхъ быть 16-ти тысячъ штыковъ, не набирается и 4-хъ тысячъ. Зато эти люди славно обстрѣлены.

Говорятъ, что Пелисье раненъ.

Сѣверное укрѣпленіе, 5-го сентября 1855 года.

Я пробылъ на Мекензіевой горѣ, командуя 16-ю дивизією, только три дня. Главнокомандующій, желая, чтобы войска, расположенная на сѣверной сторонѣ, были подъ моимъ начальствомъ, поручилъ мнѣ командованіе 12-ю дивизією и велѣлъ жить въ сѣверномъ укрѣпленіи. Теперь подъ моимъ вѣдѣніемъ состоитъ еще 10-я дивизія и 4 дружины курскаго ополченія. Мы занимаемся устройствомъ береговыхъ батарей по бухтѣ. Пока непріятель не стрѣляетъ по насъ.

Кажется, г. Липранди хлопочетъ, чтобы меня возвратили въ 6-й корпусъ.

Къ 8-му числу ожидаютъ генераль-адмирала въ Николаевѣ и даже говорятъ, что самъ царь будетъ сюда.

... Я живу въ комнатѣ и пока очень покойно, то есть до тѣхъ поръ, пока непріятель не предприметъ бомбардировки, а это можетъ случиться очень скоро.

Мы всѣ въ ожиданіи что начнетъ Пелисье; намѣренія непріятеля еще не разгаданы.

Нѣкоторое время мы лишены возможности получать скоро письма и газеты, потому что почтамъ переведенъ въ Бакчисарай.

Сѣверное укрѣпленіе, 13-го сентября 1855 года.

Непріятель началъ послѣ 6-го сентября пускать къ намъ много бомбъ. Я попрежнему команду 12-ю дивизією и другими войсками, расположенными на сѣверной сторонѣ.

Главновоекомандующій переходитъ завтра въ Королезъ, а большая часть главной квартиры—въ Бакчисарай.

Сегодня или завтра ожидаютъ государя въ Николаевѣ. Великій князь Константинъ Николаевичъ пріѣхалъ уже туда.

На сѣверной сторонѣ Севастополя, 19-го сентября 1855 г.

... Я попрежнему живу на сѣверной сторонѣ, но только не въ укрѣпленіи, а въ палаткѣ, и команду здѣсь войсками. Въ нынѣшнемъ году холодное время наступило ранѣе, чѣмъ въ прошломъ году, въ особенности ночи очень холодны; а какъ еще не опредѣлено останемся-ли мы здѣсь на зиму, то и не приступаемъ къ постройкѣ землянокъ. Впрочемъ, это обстоятельство должно скоро опредѣлиться. Послѣ отправленія послѣдняго письма здѣсь не произошло ничего важнаго; непріятель ничѣмъ не обнаруживаетъ своихъ намѣреній. Только противъ лѣваго фланга нашей позиціи разрабатываетъ дорогу отъ Уркусты черезъ перевалъ къ Елисалѣ, но по трудности пути нельзя думать, чтобы непріятель предпринялъ наступленіе съ той стороны.

Генераль-адмираль требуетъ въ Николаевѣ большую часть оставшихся здѣсь моряковъ и такимъ образомъ, можетъ быть, уѣдетъ отсюда Памфиловъ.

По послѣднимъ слухамъ, государь прибылъ въ Николаевъ и потребовалъ туда Васильчикова и Тотлебена, которые получили званіе генераль-адъютантовъ. Другихъ новостей изъ Николаева не имѣемъ.

Позиція близь сѣвернаго укрѣпленія, 25-го сентября 1855 года.

Что предприметъ въ нынѣшнемъ году непріятель и предприметъ-ли онъ что-либо серіозное—мы не можемъ опредѣлить. По сѣверной сторонѣ онъ стрѣляетъ нѣсколько слабѣе прежняго; до моей палатки бомбы не долетаютъ. По случаю скорого наступленія осени надобно подумать о постройкѣ землянки.

Позиція близь Мекензін, 1-го октября 1855 года.

... Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи, что непріятельскій флотъ въ числѣ 54-хъ винтовыхъ судовъ вышелъ изъ Камышевой бухты и 27-го числа остановился предъ Одесскою.

Видно было, что флотъ бралъ войска, слѣдовательно имѣютъ намѣреніе гдѣ-нибудь высадить оныя, а гдѣ именно—до сихъ поръ не опредѣлилось. Флотъ стоитъ передъ Одессою и до сихъ поръ ничего не предпринимаетъ. Очень натурально, что это обстоятельство насъ очень интересуетъ.

Вечеромъ 27-го числа мнѣ приказано было перейти съ 12-ю дивизіею на промежуточную позицію между Инкерманскими высотами и Мекензіею, гдѣ я и теперь нахожусь; но, вѣроятно, не надолго останусь здѣсь. Тутъ покойнѣе, чѣмъ на сѣверной сторонѣ.

2-го октября.

Говорятъ, что флотъ попрежнему стоитъ подъ Одессою.

Вчера я былъ на полковомъ праздникѣ въ Углицкомъ полку. гдѣ полковой командиръ угостилъ насъ на широкую руку. Сегодня осматривалъ авангардную позицію Мекензіевой горы, откуда прекрасно видно расположеніе непріятеля за р. Черною.

Позиція близъ Мекензи, 7-го октября 1855 года.

Сегодня вечеромъ я получилъ предписаніе перейти завтра съ 12-ю дивизіею на Бельбекъ къ д. Зеленкой, но полагаю, что тамъ не останется долго дивизія,—опять куда-нибудь передвинуть.

Я былъ представленъ къ брилліантовой саблѣ и Георгію 3-го класса, но говорятъ, что мнѣ дали только первую награду.

Впрочемъ, графъ Сакенъ хочетъ ходатайствовать, чтобы дали и вторую.

Надняхъ я обѣдалъ у графа и онъ сказалъ мнѣ, что В. А. Метлинъ назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, а капитанъ 1-го ранга Будаковъ—начальникомъ штаба. О высадкѣ непріятелей у Кинбурна и о взятіи этой крѣпости вы, полагаю, слышали. Никакихъ подробностей этого дѣла я не знаю.

На нашъ лѣвый флангъ непріятель не напираетъ болѣе и отодвинулся на перевалъ изъ Байдарской долины. Я слышалъ, что тульское ополченіе уже въ Крыму, но не знаю гдѣ именно ихъ остановили.

Къ командуемой мною дивизіи прикомандированы три дружины, но только курскаго ополченія. Люди очень хорошіе, а офицеры плохіе. Несмотря на представленіе графа въ главномъ штабѣ арміи, находятъ затрудненіе представить меня къ утвержденію командующимъ дивизіею, ибо есть много старшихъ.

Позиція на Качѣ, близъ Бакчисарая, 13-го октября 1855 года.

8-го числа мы перешли на Бельбекъ, а 11-го на Качу. Войска сосредоточили около Бакчисарая потому, что непріятель выходилъ изъ Евпаторіи въ значительныхъ силахъ, но какъ онъ

снова отошелъ къ Евпаторіи, то часть войскъ возвратили къ Бельбеку, а 12-я дивизія, какъ равно 10-я и 14-я оставлены около Бакчисарая. Мы сегодня только передвинемся на правый берегъ Качи. Нами командуетъ графъ Сакенъ, а тѣми войсками, которыя расположены противъ Севастополя и Черной рѣчки, г. Сухозанетъ.

Главнокомандующій со своимъ штабомъ перешелъ вчера въ Бакчисарай.

Позиція у д. Токмыль, 19-го октября 1855 года.

Я уже писалъ къ вамъ, друзья мои, что затруднятся утвердить меня командующимъ дивизіею, такъ и случилось. Главнокомандующій не могъ обойти нѣкоторыхъ изъ старшихъ генераловъ и назначилъ князя Химшеева; я же долженъ отправиться къ своей бригадѣ, которая стоитъ на Мекензіевой горѣ. Но какъ Химшеевъ не прибылъ, а дивизіи велѣно выступить въ евпаторійскій отрядъ къ г. Шабельскому, то я повелъ оную. Сегодня я передалъ команду и завтра поѣду въ Симферополь на одинъ день, а потомъ на Мекензію.

Третьяго дня я благодарилъ главнокомандующаго и графа Сакена за брилліантовую саблю. Послѣдній сказалъ мнѣ, что представлялъ вновь меня къ Георгію 3-го класса на основаніи статута и изъявилъ сожалѣніе въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, что не оставили меня у него въ корпусѣ начальникомъ дивизіи.

20 октября.

Сегодня утромъ я пріѣхалъ въ Симферополь и едва могъ найти одну грязную комнату на постояломъ дворѣ.

Позиція на Мекензіи, 25-го октября 1855 года.

На другой день пріѣзда своего въ Симферополь я отправился обратно на Качу и переночевалъ тамъ, 22-го числа прибылъ на Мекензіеву гору къ своей бригадѣ. Въ Симферополѣ сдѣлалъ нѣсколько покупокъ и поручилъ одному купцу, торгующему офицерскими вещами, выписать для меня для всегдашней носки саблю со стразами, вмѣсто брилліантовъ, а также звѣзду и крестъ съ мечами (Анны 1-ст.).

Корпусный командиръ Липранди встрѣтилъ меня, какъ всегда, очень ласково.

Нашъ корпусъ предположено въ концѣ будущаго мѣсяца вывести въ Россію, для формированія, но меня не хотятъ отпустить отсюда и, вѣроятно, переведутъ въ другую дивизію.

Конечно, мнѣ-бы очень хотѣлось немного отдохнуть послѣ годичныхъ трудовъ и опасностей, но въ военное время надобно служить

тамъ, гдѣ прикажутъ. Пока французы не предпринимаютъ никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій и даже оставили Кивбурнъ и Байдарскую долину.

Хорошо, если-бы въ теченіе зимы Англія поссорилась съ Франціею, въ чему есть много причинъ, или вспыхнула-бы во Франціи революція.

Позиція на Мекензін, 29-го октября 1855 г.

Надняхъ мы узнали, что государь прїѣдетъ въ Крымъ и, разумеется, всѣ были очень обрадованы. Дѣйствительно, его вел—о прибылъ вчера въ Бакчисарай, а сегодня осматривалъ позиціи и войска на сѣверной, Инкерманѣ и Мекензін. Государь нѣсколько разъ благодарилъ офицеровъ и солдатъ за ихъ службу въ Севастополѣ. Ко мнѣ показавъ особенное вниманіе, два раза подаль руку и поцѣловалъ, сказавъ:

„Благодарю тебя за все“.

Войска приняли государя съ восторгомъ. Съ нимъ были великіе князья Николай и Михаилъ. Ихъ высочества обратились ко мнѣ какъ къ старому знакомому, спрашивали здоровъ-ли я, цѣлъ-ли я. Мое новое назначеніе командиромъ 2-й бригады 9-й дивизіи состоялось (полка фельдмаршала и кн. Горчакова).

Высочайшій приказъ послѣдовалъ 20-го числа. Теперь я ожидаю приказанія отправиться на Бельбекъ въ д. Зеленкой.

Завтра и послѣ-завтра государь осматриваетъ войска на другихъ позиціяхъ. Не знаю, придется-ли мнѣ увидѣть еще разъ государя. то есть здѣсь въ Крыму.

Непріатели ничего не предпринимаютъ и мы стоимъ покойно. Погода у насъ прекрасная, но надобно ожидать, что скоро начнутся дожди.

А. П. Хрущовъ.

ДОБРОЕ СТАРОЕ ВРЕМЯ

«Закомъ ступешивается производомъ,
а уваженіе къ праву личности замѣ-
няется пренебреженіемъ къ нему».

III¹⁾.

Изложеніе безпорядковъ, найденныхъ при ревизіи, Клушинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождаетъ краткою характеристикою общаго впечатлѣнія, произведеннаго на него тѣмъ или другимъ присутственнымъ мѣстомъ. Такъ, обзорнiю дѣлопроизводства херсонскаго магистрата, въ которомъ „старинное канцелярское выраженіе „апробовали“ вмѣсто „слушали“ составляетъ принадлежность многихъ журналовъ“, Клушинъ предпосылаетъ слѣдующее замѣчаніе:

„Приступая къ очерку дѣятельности магистрата, я прежде всего не могу не выразить при этомъ впечатлѣнія, вынесеннаго изъ встрѣчи съ тою неподвижностью и съ тѣмъ пагубнымъ направленіемъ тутъ дѣлъ, предъ которыми умолкаетъ живое слово и возмущается всякое доброе чувство: совершенное непониманіе обязанностей, отсутствіе сознанія долга, невѣрная точка зрѣнія, запутывающая всякое дѣло, пренебреженіе къ чужому праву, ищущему въ судѣ для себя охраны и защиты—вотъ главные задатки воззрѣнія лицъ, по несчастію входившихъ въ черту этого присутственнаго мѣста. Какъ могло длиться на такихъ началахъ его существованіе? Это вопросъ, разрѣшеніе котораго остается замѣнить теперь лишь удивленіемъ, да скорбью о прошломъ“²⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXXV, стр. 479—495.

²⁾ Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

Движеніе дѣлъ въ херсонскомъ магистратѣ „совершенно не подчиняется опредѣленнымъ для судебного мѣста обрядамъ, а хранятъ въ себѣ отпечатокъ какой-то своеобразной домашности и патриархальности“ ¹⁾.

Въ херсонскомъ земскомъ судѣ „заводятся дѣла совершенно вздорныя, какъ и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи, а, между, тѣмъ, отовсюду слышишь ложный ропотъ на кучу занятій, мѣшающихъ будто-бы держать дѣлопроизводство въ должномъ строѣ. Допускаются земскимъ судомъ весьма дружелюбныя отношенія съ помѣщачьими экономіями, которыя съ требованіями по своимъ нуждамъ обращаются на простой бумагѣ, да еще занумеровывая ихъ на подобіе правительственныхъ учрежденій, напримѣръ, какъ экономія помѣщика Энгельгарда, просившая такимъ образомъ земскій судъ раздѣлаться съ ушедшими съ полевыхъ занятій работниками... Въ земскомъ судѣ законъ ступшевается произволомъ, а уваженіе къ праву личности замѣняется пренебреженіемъ къ нему“. Въ заключеніе описаній беспорядковъ херсонскаго земскаго суда, Клушинъ замѣчаетъ: „пора снять плѣсень дѣдовскихъ обычаевъ, заквашенныхъ старообрядческою манерою плодить дѣла ради какихъ-нибудь цѣлей или бессознательно“ ²⁾.

Въ ананьевскомъ земскомъ судѣ „логика замѣняется неизвѣстно откуда позаимствованными жемудрствованіями, а законъ—предосудительнымъ произволомъ“ ³⁾.

Одесскій земскій судъ „на каждомъ шагѣ обязывается или въ важномъ упущеніи, или въ страшной невнимательности“ ⁴⁾.

„Очеркъ херсонской городской полиціи, говоритъ Клушинъ, можно обозначить весьма въ немногихъ словахъ: внѣшность ея отличается грязноватостью, а внутреннее содержаніе дѣлъ—разстроено и принятымъ за основаніе правиломъ дѣйствовать спуста рукава. Въ такой рамѣ находится тутъ блѣдная картина дѣлопроизводства, въ коемъ отступленіе отъ порядка и даже самыхъ обыкновенныхъ обрядовъ весьма тождественны земскому суду, но только еще ярче выдаются“ ⁵⁾.

О губернскомъ правленіи Клушинъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

„Губернское правленіе обладаетъ удивительнымъ умѣньемъ задерживать дѣла какъ у себя, такъ и у подчиненныхъ мѣстъ и лицъ, при ревизіи которыхъ пришлось встрѣтить такое множество беспорядковъ, происшедшихъ исключительно отъ беззаботности и бездѣйствія губернскаго правленія, что выяснять ихъ приходится не иначе какъ въ особой вѣдомости... Губернское

¹⁾ Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

²⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

³⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

⁴⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

⁵⁾ Предложеніе 23-го марта 1863 года.

правление тщательно соперничает съ низшими мѣстами въ дѣлѣ соревнованія за безурядицу“¹⁾.

„Правленіе не считаетъ для себя обязательными ежегодныя напоминанія низшаго присутственнаго мѣста и по предосудительному обычаю также не исключаетъ себя изъ круговой поруки за бездѣйствіе“²⁾

Обратимся теперь къ характернымъ подробностямъ безпорядковъ, найденныхъ Клушинымъ.

Въ херсонскомъ магистратѣ „число уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ по отчетностямъ показано было только 204, а бумагъ 4,412; но это, какъ объяснится ниже, только самый скудный процентъ относительно числа ихъ дѣйствительно существующаго и недобросовѣстно скрываемаго магистратомъ, Перечень уголовныхъ дѣлъ, обозначенный въ настольномъ 1861 года, заключается въ цифрѣ 221. Изъ этого числа 117 дѣлъ перенесены въ настольный нынѣшняго года; такимъ образомъ, 104 дѣла исключены изъ отчетности и считаются рѣшенными въ 1861 году; но на самомъ дѣлѣ оказывается, что большая половина изъ нихъ, т. е. болѣе 50-ти, возвращены въ разные мѣста еще для дополненія и въ противность закону, постановленному въ 293 и 285 ст. XV-го т. ч. 2 и 125 и 134 ст. т. II ч. 2; другая-же половина ихъ дѣйствительно получила окончаніе, но надобно замѣтить, что эту половину составляютъ лишь тѣ, не требующія широкихъ умозрѣній, дѣла, которыя вызывали легкія заключенія въ родѣ такихъ, чтобы „присчитать кого-нибудь къ мѣщанству“, „окончить производство за мировою сдѣлкой“ или „на основаніи 172 ст. XV т. ч. 1“. Дѣла-же, по существу своему важныя, лежатъ себѣ преспокойно, и никто не хочетъ взяться за нихъ и дѣльно разрѣшить. Этотъ печальный образчикъ можно принять за весьма точный регуляторъ для опредѣленія характера всего дѣлопроизводства, всѣ частныя случаи несправильности и медленности въ которомъ перечислить нѣтъ возможности, потому что для этого понадобилась-бы цѣлая стопка бумагъ“.

„Время еще теряется здѣсь на соблюденіе страннаго, непостижимо откуда заимствованнаго, обычая заводить отдѣльныя отъ каждаго дѣла переписки, идущія подъ названіемъ „осгатовъ дѣлъ“, формируемыя изъ разныхъ требующихъ и не требующихъ исполненія бумагъ и черновыхъ, составляемыхъ изъ дѣлъ, записокъ, независимо отъ тѣхъ, которыя находятся при подлинныхъ производствахъ. Насколько излишенъ такой трудъ, это въ силахъ рассудить всякій, ищущій въ правительственномъ мѣстѣ не фабрику бумагоуничтоженія, а извѣстную предназначенную ему цѣль. За веденіемъ такого мжепорядка трудился столоначальникъ уголовного стола Мор—скій, ставившій

¹⁾ Предложеніе 2-го апрѣля 1862 года.

²⁾ Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

причиною всѣхъ упущеній „вучу занятій“, и тогда-же успѣвавшій употреблять время на ябедническія прошенія“.

„Какъ ни великъ и какъ ни важенъ описанный хаосъ въ дѣлопроизводствѣ херсонскаго магистрата, но это только одна его половина. Цифра, опредѣляющая здѣсь число нерѣшенныхъ дѣлъ, далеко не вѣрна и много изъ нихъ заброшено въ архивъ, но еще большее множество такихъ покоится въ шкафахъ при столахъ. Такъ, на полкахъ шкафа при уголовномъ столѣ расположенъ рядъ столповъ съ надписями: „дѣла не исполненныя“ или: „дѣла, готавшіяся на ревизію“ съ 1848 года, т. е. съ года поступления на должность столоначальника Мор—скаго, которыя изъ отчетности исключены, и никто не знаетъ не только сущности ихъ, но даже численности. То-же встрѣчается въ столѣ гражданскомъ. Кипа разныхъ актовъ, вынутыхъ неизвѣстно изъ какихъ дѣлъ и хранящихся въ секретарскомъ столѣ, а также 734 векселя, разбросанныхъ тамъ и сямъ въ присутствіи и по канцеляріи, не записанныхъ, согласно 217 ст. т. II, по счету, по которымъ дѣла утратились изъ вида, объясняютъ иѣкоторымъ образомъ, хотя приблизительно, число гражданскихъ дѣлъ и въ то-же время ихъ направленіе“¹⁾.

„Дѣлопроизводство тираспольскаго магистрата положеніемъ своимъ живо напоминаетъ дѣлопроизводство магистрата херсонскаго. Роспись нерѣшеннымъ дѣламъ доведена только до 1849 года. Число дѣлъ ко времени ревизіи считалось гражданскихъ 46, а уголовныхъ 165, изъ которыхъ 12 арестантскихъ съ 18 заключенными въ тюрьму преступниками. Но это количество дѣлъ вовсе невѣрно, потому что кромѣ ихъ помѣщаются въ шкалахъ еще фоліанты не числящагося по отчетности дѣлопроизводства. Кромѣ того, часть подобныхъ производствъ старинныхъ годовъ, начиная съ 1826 года, переиѣшана съ дѣлами сиротскаго суда и хранится въ крѣпко стянутыхъ запечатанныхъ связкахъ, ускользнувшихъ отъ всякой заботы о нихъ. Эти-то факты и напоминаютъ положеніе херсонскаго магистрата, выражая собою не перечень простыхъ канцелярскихъ упущеній или какихъ-нибудь обрядовъ дѣлопроизводства, а полнѣйшее пренебреженіе къ обязанностямъ судебного мѣста, какое, не оправдывая сообщенной ему закономъ идеи, дѣлается, такимъ образомъ, складочнымъ пунктомъ тысячъ стопъ исписанной бумаги, обращающейся въ истлѣвшій хламъ, глядя на который по неволѣ рождается скорбь о безцѣльно истраченномъ трудѣ и негодованіе на безпечныхъ неисполнителей служебнаго долга, ставившихъ службу за ремесло, изъ коего извлекалось лишь удовлетвореніе личнымъ интересамъ... Мѣсто не позволяетъ здѣсь выяснитъ безурядицу еще многихъ другихъ дѣлъ, а потому остается здѣсь безъ всякаго преувеличенія выразить, что всѣ они подвержены горестной участи полнаго застоя и безхарактерности, исключаящей всякую мысль о правиль-

¹⁾ Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

ности судебного взгляда. По настольному реестру слѣдственнымъ дѣламъ, записаннымъ въ числѣ 170, въ графѣ рѣшенія дѣлъ пришлось найти только 4 отиѣтки, и то содержащія въ себѣ тѣ, нисколько не обличающія дѣятельности, свѣдѣнія, что одно дѣло о воровствѣ бродягою Запорожниковымъ лошади отослано въ одесскій земскій судъ, другое о подсудимомъ за воровство Бены возвращено къ слѣдователю; третье—о глухонѣмой Куцюзой передано въ уѣздный судъ и только четвертое, и то пустое, о воровствѣ у чумаковъ 4 мѣшковъ овса и 2 мѣшковъ сухарей, рѣшено. Противъ другихъ дѣлъ въ графѣ рѣшенія видѣется или обыкновенная, пользующаяся въ здѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ авторитетомъ, отиѣтка: „должено присутствію къ разсмотрѣнію“, или „составляется выписка“, о которой совѣмъ еще не задумано и т. п.“¹⁾.

„Одесскій земскій судъ „количество дѣлъ и бумагъ опредѣлилъ ко времени ревизіи 3,675 и 13,302; но несмотря на такую громадность этихъ цифръ, ихъ все-таки нужно считать совершенно гадательными, потому что въ судѣ не ведется вовсе ни наряда по отчетности о дѣлахъ, ни росписи перѣписаннымъ дѣламъ, требуемой 119 ст. 2 т., а все завершается наглядностію, и самъ судъ, незнакомый съ правильною отчетностію (ст. 235, 236, 909 Ц-го т.), пребываетъ въ невѣдѣніи въ отношеніи къ громадѣ находящагося на отвѣтственности его дѣлопроизводства, текущаго безъ всякаго порядка. Безсвязность его и гадательность сказанныхъ цифръ вполнѣ уясняются и подтверждаются тѣмъ, что въ послѣднюю пору поднято 104 дѣла прежняго времени, забытыхъ и безъ вниманія заброшенныхъ въ шкафахъ, и еще цѣлая груда такихъ дѣлъ лежитъ на полкахъ архива, поджидая разбора... Изъ постановленія того-же суда о производствѣ слѣдствія по дѣлу объ утонувшей въ Днѣстрѣ крестьянкѣ Фроловой открылась весьма замѣчательная вещь: имъ заключено: „объ утонувшей крестьянкѣ Фроловой увѣдомить начальника инвалидной команды“. Основаніемъ этого увѣдомленія, какъ оказалось, былъ указъ херсонскаго губернскаго правленія отъ 31-го мая 1858 г. за № 6449, по которому полиція обязывалась о всѣхъ происшествіяхъ извѣщать военное вѣдомство. Оригинальность такого обязательства заставила обратиться къ соображенію дѣла въ правленіи. Оказалось, что командиръ херсонскаго баталіона въ 1858 году просилъ распоряженія губернскаго правленія о доставленіи полиціями начальникамъ инвалидныхъ командъ свѣдѣній о всѣхъ происшествіяхъ, а правленіе не замедлило выполнить это безусловное требованіе, не сообразивъ съ своей стороны буквальнаго смысла 486 и 487 ст. собранія постановленій изъ приказовъ по отдѣльному корпусу внутренней стражи, на основаніи которыхъ начальникамъ инвалидныхъ командъ слѣдуетъ сообщать только о происшествіяхъ, имѣющихъ связь съ военнымъ вѣдомствомъ“²⁾

¹⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

²⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

Въ херсонскомъ земскомъ судѣ „дается неправильное теченіе объявленіямъ частныхъ лицъ, подобно объявленію коллежскаго совѣтника Бѣльева о побѣгѣ служившаго у него крестьянина Дубровина, возбудившему нелѣпѣйшую переписку, переходившую къ становымъ приставамъ, въ херсонскую градскую полицію, ко всѣмъ частнымъ приставамъ, потомъ въ другія разныя мѣста и, наконецъ, побывавшую въ полиціи варшавской. Все это творилось совершенно машинально, безъ всякаго основанія, а ради только удовлетворенія брошенной на почву этой переписки пустой идеи, чтобъ отыскать разбѣжающаго Бѣльева для объявленія ему о неотысканіи Дубровина“¹⁾.

Въ аманьевскомъ земскомъ судѣ „всякій полученный указъ облагается отдѣльною оберткою съ названіемъ „дѣло“, тогда какъ указы и предписанія, не касающіяся какихъ-либо производствъ, должны составлять особый годовой нарядъ, равнымъ образомъ какъ и другія бумаги, не требующія исполненія. Принятіе на себя судомъ дѣлъ не подлежащихъ довершенію въ общей массѣ безурядицу ихъ. Такъ, 7-го февраля на свою заботу судъ принялъ высылку для расчета съ питетною каторою проживающаго въ другой губерніи, а именно въ городѣ Балтѣ, дворянина Быковскаго, выразивъ, такимъ образомъ, хотя незаконное, но зато полюбѣвшее сочувствіе къ просьбѣ ацизнаго управляющаго, адресованной даже на простой бумагѣ, вѣроятно, при совершенномъ упованіи на осуществившуюся въ самомъ дѣлѣ снисходительность суда среди домашнихъ обычаевъ дѣлопроизводства“.

„Содержать дѣла внѣ порядочности и законности помогаетъ здѣсь незнакомство съ законами; нежеланіе читать ихъ доказывается тѣмъ, что при ревизіи, лежація въ присутственномъ шкафѣ, нѣкоторыя книги были еще не разрѣзаны и покрыты пылью, обнаруживающею непримечаніе къ нимъ рукъ человѣческихъ; незаслушанные циркуляры по ревизіямъ и предварительные передъ оной—довершаютъ это убѣжденіе“²⁾.

Въ херсонскомъ уѣздномъ судѣ „изъ числа остающихся нерѣшенныхъ дѣлъ большую часть составляютъ дѣла старыя, изъ которыхъ многія замѣчательны по своей громадности, такъ что простираются отъ нѣсколькихъ сотенъ до тысячи и болѣе листовъ, писанныхъ притомъ самымъ безтолковымъ слогомъ, блѣдными чернилами, неразборчивымъ почеркомъ, и произведены съ удивительными упущеніями и отступленіями отъ законнаго порядка. О старыхъ сѣдственно-уголовныхъ дѣлахъ не арестантамихъ нужно замѣтить еще, что отличительный признакъ ихъ заключается въ ничтожности поводовъ къ началію, въ бездоказательствѣ обвиненій и въ неимѣніи виновныхъ, каковы дѣла о происшествіяхъ. Дѣла этихъ категорій большая часть; скоро закончить ихъ суду особенно мѣшаютъ принятые обряды составленія докладныхъ записокъ и изложенія мнѣній суда со всѣми подробностями обстоятельствъ

¹⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

²⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

дѣлъ, въ существѣ не необходимыми. Другое обыкновеніе, существующее въ судѣ, также вѣскольکو отелоняеть трудъ служащихъ отъ дѣйствительно нужнаго,—это обыкновеніе заслушивать всякую бумагу журналомъ, тогда какъ, по смыслу ст. 180 т. II, журналы составляются собственно по тѣмъ входящимъ бумагамъ, которыя требуютъ исполненія, а о тѣхъ, которыя слѣдуютъ для приобщенія къ дѣламъ, ничего не говорится и, слѣдовательно, ихъ записывать совершенно достаточно лишь въ настольномъ реестрѣ¹⁾.

Въ азаньевскомъ уѣздномъ судѣ „цифру, опредѣляющую число дѣлъ въ судѣ, нѣрѣдко увеличивали дѣла, неправильно возникшія въ административныхъ вѣстанціяхъ. Какъ на образецъ въ этомъ родѣ можно указать на возникшее въ 1858 г. дѣло объ оскорбленіяхъ жены подполковника Куз — ва помѣщикомъ Вер — скимъ, потому что дѣло возымѣло неправильное движеніе отъ высшаго пункта губернскаго управленія. Г-жа Куз — ва о сказанномъ случаѣ обратилась съ прошеніемъ къ командиру своднаго кавалерійскаго корпуса, который, видя неумѣстность подачи жалобы, препроводилъ ее, 12-го декабря того года, за № 11,938, на распоряженіе управлявшаго тогда губерніею, разумѣется на распоряженіе законное, которое, по точному смыслу закона (ст. 2, 7 и 42 т. XV), имѣя въ виду исковой вопросъ, должно было завершить отказомъ въ просьбѣ, съ указаніемъ куда надлежало обратиться, но вмѣсто того просьба эта, вмѣ всякаго порядка, препровождена была на заключеніе г. уѣзднаго предводителя дворянства для того, что „не признаеть-ли онъ нужнымъ, чтобы о поступкахъ Вер — скаго произведено было формальное слѣдствіе“. Г. предводитель необходимость эту, повидимому, созналъ, такъ какъ слѣдствіе производилось и, въ довершеніе безполезности его, кончилось широмъ²⁾.

Въ одесскомъ уѣздномъ судѣ «общую отличительную черту дѣлъ составляетъ удивительная массивность ихъ, формировавшаяся подъ тяготѣніемъ невѣрнаго взгляда на слѣдопроизводство, утолщаемое непужными приѣмами слѣдователей или расцетливыхъ, или неопытныхъ, или невнимательныхъ къ закону и къ потребности даннаго для разслѣдованія вопроса. Впрочемъ, это общій недостатокъ, общая вина прошедшаго и давнопредшаго»³⁾.

«Дѣлопроизводство у приставовъ 1 и 2 становъ Херсонскаго уѣзда, подчиняясь направленію земскаго суда, поневолѣ приближается къ условіямъ дѣлопроизводства этого послѣдняго, который, какъ уже раяѣ было замѣчено, при лѣности внимательно разсматривать вступившія бумаги, безцѣльно передаетъ таковыя для какаго-вѣбудъ неопредѣленнаго исполненія приставу, имѣя лишь въ виду сбыть ихъ съ рукъ. О характерѣ старыхъ дѣлъ у приставовъ много говорить нечего: онъ выражается преимущественно въ неподвиж-

¹⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

²⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

³⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

пости вхъ. Чтобы судить, насколько онъ интересенъ, я приведу здѣсь примѣръ, одинъ изъ многихъ подобныхъ. Земскимъ судомъ въ 1852 году поручено приставу 2 стана произвести слѣдствіе о найденномъ въ степи мертвомъ тѣлѣ неизвѣстнаго человѣка, о чемъ извѣстилъ командиръ 9 кавалерійскаго округа 15 августа того года; это сообщеніе командира въ распоряженіе земскаго суда составляло до сихъ поръ все производство и нѣтъ даже въ виду, какъ распорядились съ мертвымъ тѣломъ. На четвертой и въ то-же время на послѣдней страницѣ этого дѣла рельефируются слѣдующія заключительныя и весьма занимательныя надписи, сдѣланныя въ разные годы явившимися приставами: «Въ семь дѣлъ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Спановскій. — «Въ семь дѣлъ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Волковъ. — «Въ семь дѣлъ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Банковский. — «Въ семь дѣлъ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Ниценко. — «Въ семь дѣлъ перенумерованныхъ 4 листа». Приставъ Козьменко. Увѣренія, правда, очень убѣдительныя, но странно, какъ могли они убавливать контроль начальства» ¹⁾).

Дѣлопроизводство у становыхъ приставовъ одесскаго уѣзда, «какъ безраздѣльное съ дѣйствіями земскаго суда, стоитъ подъ однимъ уровнемъ съ дѣлопроизводствомъ этого послѣдняго. Ни разу не подвергнувшееся ревнѣи земскаго исправника, оно при этой безконтрольности успѣло прійти въ такой хаосъ, что о немъ трудно составить опредѣленное понятіе. При совершенномъ отсутствіи отчетности о дѣлахъ и бумагахъ (вопреки 2648, 235, 236 и 909 ст. II т.), пристава не могли даже объяснить положительно сколько у нихъ дѣлъ и бумагъ и приблизительно опредѣляли ихъ: ²⁾).

«Въ соотношеніяхъ херсонской полиціи съ частными приставами вкралась вообще удивительная ненормальность, которая и составляетъ именно главную причину безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ, путаницы его и множества входящихъ и исходящихъ нумеровъ, расплосенныхъ до громадныхъ цифръ. За пружину въ этихъ отношеніяхъ принята губительная для дѣла письменность, которой мысль закона въ полиціи-то особенно и не допускаетъ. Всякое порученіе пристава дается не иначе, какъ по особой бумагѣ, а отъ него часто подобнымъ-же образомъ сообщается квартальному надзирателю и такимъ-же путемъ возвращается опять обратно. Тогда какъ, по 4149, 4150 и 4169 ст. II т., частные пристава обязаны обыкновенно являться въ полицію для личнаго доклада дѣлъ, всякій по своей части, а не къ полицмейстеру на домъ для утреннихъ салютацій, какой порядокъ заведенъ здѣсь безъ всякаго основанія и пользы».

Собразивъ все подробности дѣлопроизводства у частныхъ приставовъ г. Херсона, оказывается, что оно вращается въ области тѣхъ-же непоряд-

¹⁾ Предложеніе 23 марта 1862 года.

²⁾ Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

ковъ, какіе описаны въ дѣлопроизводствѣ самой полиціи и отражается чуть не на каждомъ изъ дѣлъ, начавшихся, какъ въ прежніе годы, такъ и въ послѣднее время» ¹⁾).

Въ григоріопольской городской полиціи «постановленія въ настоящихъ заключаются нерѣдко въ выраженіи «пріобщить къ поточной перепискѣ», которая есть не что иное, какъ называемый въ законѣ нарядъ бумагъ, не требующихъ исполненія. Эти дѣла и переписки, подъ оригинальнымъ, неуясненнымъ названіемъ поточныхъ, ведутся, впрочемъ, почти во всѣхъ обречивозаванныхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ которыхъ потокъ слѣдственныхъ дѣлъ, безцѣльно и незаконно начатыхъ, даетъ гораздо болѣе основанія принять имя поточныхъ этимъ послѣднимъ» ²⁾).

Въ сословныхъ учрежденіяхъ, дворянскихъ опекахъ, Клушинъ обнаружилъ полное пренебреженіе къ интересамъ опекаемыхъ и заботливость объ интересахъ опекуновъ, которыхъ дворянскія опеки не подвергали законной отвѣтственности за неисполненіе ихъ обязанностей. По поводу этого Клушину было прямо высказано, что опекуны для того и принимаютъ на себя эту обязанность, чтобы не исполнять закона, и что если ихъ будутъ подвергать законной отвѣтственности, то никто не захочетъ быть опекуномъ.

Вотъ что объ этомъ говоритъ Клушинъ:

«Наблюденія за дѣйствіями опекуновъ заключаются въ сношеніяхъ чрезъ полиційскія учрежденія, на которыя такой трудъ законъ обязательно вовсе не возлагаетъ, полагая для неисправныхъ опекуновъ мѣры, указанныя въ 288 и 290 ст. X т. ч. I. Обычай задолжать полицію подобною, не предполагаемою закономъ, многосложною и притомъ совершенно бесполезною перепискою существуетъ во всѣхъ опекахъ и сиротскихъ судахъ губерній, почему губернскому правленію слѣдуетъ распорядиться о прекращеніи его, замѣнивъ оный законными распоряженіями о преданіи опекуновъ суду и о засеквестрованіи собственныхъ ихъ имѣній. Такихъ распоряженій, вездѣ говорить, избѣгаютъ, особенно потому, что послѣ этого никто опекунскихъ обязанностей принимать на себя не будетъ. Но имѣніе это такъ слабо, что согласиться съ нимъ вовсе нѣтъ вѣрнаго основанія, такъ какъ всякому лицу, правомъ на себя обязанности опекуна съ намѣреніемъ честно ихъ выполнить, нечего страшиться преслѣдованія закона; если-же кто такимъ намѣреніемъ не проникнуть, то дѣйствительно лучше ихъ на себя не брать, и въ этомъ разѣ преданіе суду или потеря своей собственности есть не что иное, какъ заслуженная кара, которую нужно всегда предвидѣть. Изъ этого слѣдуетъ, что причины отсутствія сказанныхъ распоряженій кроются въ другихъ данныхъ, допускающихъ дѣла весьма съ непріятною обстановкою, подобныя, напримѣръ, дѣлу по имѣнію умершаго помѣщика Аврамова. Опекунъ Кардамитчъ, какъ

¹⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

²⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

открыто формальнымъ слѣдствіемъ изъ его отчетности, разорилъ ивѣніе продажею разной движимости, рогатаго скота и лошадей, почему слѣдователь сдѣлалъ представленіе въ херсонское губернское правленіе о наложеніи запрещенія на ивѣніе опекуна Кардамича и членовъ опеки, но въ этомъ почему-то ему въ мартѣ мѣсяцѣ сего года было отказано¹⁾.

«Беззаботность одесской дворянской опеки въ отношеніи къ находящимся на распоряженіи ея дѣламъ, жалкое положеніе этихъ послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жалкое положеніе опекаемыхъ ивѣній, ярко выразилась при разсмотрѣніи дѣлъ въ подлинникѣ. Бумаги, входящія въ составъ ихъ, не подшиты, разбросаны какъ пришлось, описей нѣтъ. Повѣрка ивѣній въ натурѣ не производится и такимъ образомъ они отданы на долю случаевъ и произвола, потому что отчеты опекунами не доставляются не только свое- временно каждый годъ, по 286 и 237 ст. X т. I ч., но даже по нѣсколько лѣтъ, а опека на это не обращаетъ никакого вниманія, суду опекуновъ не передаетъ, по 290 ст., нищество ихъ не секвеструетъ, исполненія обязательствъ, возлагаемыхъ на нее 251 и 256 ст. въ отношеніи къ малолѣтнимъ и къ опекунамъ, на себя не беретъ».

Не входя затѣмъ въ пространное перечисленіе недоставленныхъ отчетовъ, нужно только сказать, что ихъ за послѣдніе 1858, 1859 и 1860 гг., а равнымъ образомъ за разные прежніе годы, доставлено очень много. Таково неутѣшительное положеніе считающихся въ большомъ количествѣ дѣлъ одесской дворянской опеки, лежащихъ въ завѣдуемомъ вольнонаемнымъ писцомъ шкафу, какъ будто поконченныя. Положеніе это тѣмъ менѣе извинительно потому, что вопросы, относящіеся до опеки, слишкомъ важны и должны считаться священными въ воззрѣніи тѣхъ, чьей заботы они касаются, такъ какъ съ ними исключительно связаны живые существенные интересы сиротъ и разныхъ, часто малолѣтнихъ, членовъ общества, обреченныхъ такимъ образомъ на страданіе и испытывающихъ тяжелый гнетъ бездѣйствія опеки и безопасности, а можетъ быть и преступнаго произвола опекуновъ²⁾.

Въ ананьевскую дворянскую опеку «отчеты опекунами не доставляются. Понужденіе опекуновъ къ своимъ обязанностямъ заключается не въ ивѣріяхъ, указанныхъ закономъ (т. X, ч. I, ст. 290, 251 и 256), а въ отпискѣ предписаніями, вовсе не ведущими къ дѣлу и равнодушно встрѣчаемыми опекунами. Замѣчательную сторону дѣлъ по ивѣніямъ малолѣтнихъ составляетъ отсутствіе метрическихъ свидѣтельствъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые ивѣнія неумѣстно остаются въ опекѣ въ то время, когда дѣла наследниковъ дозволяютъ имъ не только избраніе попечительства, но и снятіе опекунства³⁾.

По поводу предупрежденія опекуновъ херсонскою дворянскою опекою о томъ, что на ихъ ивѣнія будетъ наложенъ секвестръ въ случаѣ непредстав-

1) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

2) Предложеніе 23-го ноября 1861 года.

3) Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

ления отчетовъ по опека́мъ, Клушинъ замѣтилъ: «предупрежденіе это едва-ли не будетъ одно изъ тѣхъ подобныхъ предупрежденій, которыя сыплются обыкновенно очень щедро, а все таки ничего не дѣлается или, если дѣлается, то слишкомъ вяло. Мѣры - же, вызываемыя 290 ст. X т. ч. I, не принимаются, тогда какъ незаботливость опекуновъ давно-бы уже требовала примѣнить ихъ къ дѣлу. Дѣла въ опека́хъ свосвременно не оканчиваются. Такъ дѣло по управленію имѣніемъ наслѣдниковъ князя Баратаева, которымъ лѣта позволяютъ уже замѣнить опеку попечительствомъ и которые требованія такого рода не заявляютъ» ¹⁾).

О равнодушій предводителя дворянства къ дѣламъ опеки было упомянуто выше, въ концѣ первой главы.

Въ херсонскомъ сиротскомъ судѣ былъ тотъ-же непорядокъ, какъ и въ дворянскихъ опекахъ. Вотъ что говоритъ Клушинъ объ этомъ судѣ.

«Дѣла, своеобразность которыхъ заключается въ удивительной толщинѣ, образовавшейся среди пустой переписки, представляютъ собою наборъ бумагъ безъ описей, не скрѣпленныхъ и не приводящихъ производство ни къ какимъ результатамъ. Отчеты опекунами представляются не только несвоевременно, по ст. 280 и 287 т. X ч. I, но по многимъ изъ нихъ взрѣдка или даже никогда. Къ правильному теченію дѣлъ равно ни съ чьей стороны заботы не видно. Градской голова, по 4560 ст. II т., предѣдательствующій въ судѣ, чуждъ всякаго внимательства въ нихъ. Гражданская палата, по праву, предоставленному ей 288 ст. X ч. I, никакого вліянія не оказываетъ» ²⁾).

IV.

Въ предложеніяхъ Клушина нерѣдки указанія на то, какими незаконными доходами существовали дореформенные чиновники и какъ организовано было въ присутственныхъ мѣстахъ вазокрадство съ одной стороны и взиманіе даней съ другой.

Мы уже видѣли, какъ покровительствовали дворянскія опеки и сиротскій судъ наживѣ опекуновъ насчетъ опекаемыхъ сиротъ. Въ этой главѣ мы приведемъ указанія Клушина на доходы полиціи и на незаконное веденіе хозяйственныхъ дѣлъ приказомъ общественнаго призрѣвія.

Становые приставы получали отъ обывателей такіе большіе доходы, что не брали своего жалованья. Клушинъ узналъ объ этомъ при ревизіи одесскаго земскаго суда. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ.

«Въ книгѣ штатныхъ суммъ къ 1861 г. перенесена сумма въ 1,137 р.

¹⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

²⁾ Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

10³/₄ к., странно составившихся, между прочимъ, изъ невыданнаго въ разное время жалованья становымъ приставамъ и сельскимъ заседателямъ, послѣднимъ будто потому, что они не являлись на службу, за что, однако-жь, судъ не подвергалъ ихъ тѣмъ взыскаііямъ, которые вынуждаютъ на себя уклоняющіеся отъ долга“.

„Обстоятельство это достойно особеннаго вниманія: оно ясно выражаетъ, какъ мало нныя гг. становые пристава нуждались въ слѣдовавшей имъ удовлетвореніи со стороны казны и, считая такимъ образомъ себя въ отношеніи въ ней не слишкомъ обязанными, жили безъ заботы быть исправными по службѣ, что, конечно, входило въ одну изъ причинъ тѣхъ безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ, которые встрѣчаются теперь на каждомъ шагѣ. Земскому-же суду никогда не приходило на мысль возбудить этотъ вопросъ и дать почувствовать подвѣдомственнымъ чиновникамъ, что правительство вовсе, въ свою очередь, не нуждается также въ лицахъ, которыя, сложа руки и не отвѣчая пѣли, лишь напрасно занимаютъ служебныя посты“¹⁾.

„Книги для записки обывательскихъ подвождъ, полагаемой 229 ст. IV т. уст. о зем. пов., ни въ судѣ, ни у приставовъ не ведется и нѣтъ станціонныхъ пунктовъ для земской гоньбы, въ каковыхъ, будто-бы, тутъ, по объясненію присутствующихъ, не чувствуется надобности, такъ какъ квартиры всѣхъ приставовъ расположены вблизи почтовыхъ станцій, черезъ каковыя и получаютъ слѣдующіе имъ пакеты, между тѣмъ, упускаются изъ виду послыки нарочныхъ, препровожденіе изъ селеній арестантовъ, разъѣзды полицейскихъ чиновниковъ по дѣламъ службы и разные экстренные поряды. При разъясненіи этого вопроса г. старшій заседатель высказалъ, что „на наемъ лошадей при судѣ деньги отпускаются; но лошади все таки не содержатся, а вмѣсто того подрядчикъ платитъ исправнику по 50-ти руб. въ мѣсяцъ на усиленіе средствъ канцеляріи“²⁾.

При ревизіи денежныхъ книгъ въ одесскомъ земскомъ судѣ оказалось, что „въ книгу переходящихъ суммъ изъ 1861 году перешло изъ прежнихъ книгъ 6,560 руб. 29¹/₄ коп.; эта сумма составлялась съ давняго времени по улучшенію суда дѣлать о вступающихъ деньгахъ своевременныя распоряженія въ отсылкѣ ихъ куда слѣдовало. Деньги, тутъ значащіяся, вписаны на приходъ не рѣдко безъ постановленія суда. Бумаги, при которыхъ онѣ присланы, остаются не разрѣшенными еще съ 1841 г. и, образовавъ толстыя кучи, остаются заброшенными въ шкафахъ и архивѣ. Объ отступленіяхъ противъ счетнаго устава въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, и говорить нечего; дѣлать можно сказать, что она представляетъ собою не законный денежный документъ присутственнаго мѣста, а домашнюю памятную книжку. Многія переходящія

¹⁾ Предложеніе 23-го поября 1861 года.

²⁾ Тамъ-же.

суммы, слѣдовавшія къ выдачѣ или отсылкѣ по принадлежности и, по ст. 218 т. II, въ приказъ общественнаго призрѣнія, хранятся въ судѣ десятки лѣтъ“¹⁾).

Въ херсонскомъ магистратѣ „много обязательствъ и наличныхъ денегъ, слѣдовавшихъ къ отсылкѣ, не разосланы (ст. 285) и большею частью дѣла, по нимъ возникшія, утратившись изъ виду, при ревизіи не найдены; однихъ билетовъ кредитныхъ установленій, задержанныхъ съ 1842 г., 182 на 20,133 руб. 36 к.“²⁾).

Въ дубоссарской городской полиціи „въ книгѣ штатныхъ суммъ за февраль мѣсяць въ свѣдѣтельствѣ заключено, что въ февралѣ прихода и расхода не было, изъ документовъ-же открыто, что г. приставомъ Васильевымъ 17-го января получено изъ дубоссарской ратуши слѣдующее нижнимъ чинамъ полиціи и пожарной командѣ за 1861 годъ жалованье, за обмундированіе и провіантъ 243 руб. 82¼ коп. и доставленные ему изъ тираспольскаго уѣзднаго казначейства 3-го февраля, чрезъ чиновницу 8-го класса Степаниду Македонцеву, на содержаніе полиціи на январскую треть 65 р. 35 к.“³⁾).

Осмотръ пожарной команды въ Херсонѣ показалъ, что и по этой статьѣ полиціи не упустила случая воспользоуваться. Клашину было представлено „50 человекъ нижнихъ чиновъ, обмундированныхъ въ разныхъ костюмахъ, несмотря на то, что въ прошломъ году 20-го декабря купецъ Келлеръ, принимая на себя по контракту поставку аммуничныхъ вещей, обязался представить матеріалъ для оныхъ не позже одного мѣсяца съ заключенія контракта и хотя получалъ квитанціи въ доставленіи матеріала, но объ этихъ квитанціяхъ едва-ли нельзя сказать только то, что бумага все торпится. Во всѣхъ 4-хъ трубахъ рукава испорчены, пропуская течь цѣлыми струями.

Люди къ дѣйствіямъ на пожарахъ совсѣмъ не приучены, отличаются удивительною вяlostію и безтолковостію относительно своего дѣла“⁴⁾).

Приказъ общественнаго призрѣнія, какъ извѣстно, завѣдывалъ благотворительными учрежденіями: больницами и богадѣльнями; но состояніе тѣхъ и другихъ было, какъ мы сейчасъ увидимъ, ужасное, потому что вниманіе приказа общественнаго призрѣнія было направлено совсѣмъ въ другую сторону.

Вотъ, наприимѣръ, какова была аваньевская больница. При входѣ въ нее, Клашину нашель „грудю грязнаго бѣлья, только-что снятаго больными, и возлѣ, на сквозномъ вѣтру, больного, не успѣвашаго еще совершить, по случаю пріѣзда начальника губерніи, общаго переодѣванія. Воздухъ въ больни цѣ спертый и пропитанный зловоніями; на окнахъ, полахъ, стѣнахъ—грязь,

¹⁾ Предложеніе 23-го ноябра 1861 года.

²⁾ Предложеніе 13-го февраля 1862 года.

³⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

⁴⁾ Предложеніе 23-го марта 1862 года.

паутина, пауки и пыль; бѣлье на больныхъ и койкахъ въ сальныхъ пятнахъ и отвратительно грязное; тюфяки старые въ заплаткахъ; отсутствіе всякой заботливости о сохраненіи чистоты и предоставленіи больнымъ возможныхъ удобствъ разительно¹⁾.

Больница въ Бериславѣ, „хотя помѣщеніе удобно, но содержится грязно; воздухъ въ больничныхъ камерахъ невыносимо тяжело-удушливъ; бѣлье на больныхъ дурно вымыто и частью вовсе не мытое; тюфяки залезалые съ переперитою соломой, пропитанные разными нечистотами, заражаютъ воздухъ въ палатахъ; суконныя одѣяла положены, какъ видно, только на показъ; при встряхиваніи ихъ наполнилась комната облаками пыли. Нѣтъ вниманія ни состраданія къ больнымъ какъ отъ самого доктора, такъ и отъ смотрителя вмѣстѣ съ фельдшеромъ“²⁾.

Объ александрійской больницѣ начальника александрійской уѣздовой команды сдѣлалъ слѣдующій отзывъ: „посѣщая больницу, я находилъ постоянно больныхъ одѣтыми въ такое платье, въ какомъ ни въ рѣдко приходилось видѣть нищихъ, а именно: халаты въ лохмотьяхъ, рубахи въ заплаткахъ, а подштанники и чулки до того ветхи, что ихъ нельзя уже починить, и нельзя съ точностью опредѣлить, были-ли они шиты изъ холста или изъ кусочковъ ветхихъ тряпокъ“³⁾.

Въ дубоссарской больницѣ „видна нечистота и неисправность во многихъ мѣстахъ, труба кухни выведена и низко чрезъ это, отъ накопленія въ ней дыма, дымитъ чрезвычайно въ кухни и даже въ больничной палатѣ. Больные тифозною горячкою помѣщаются вмѣстѣ съ больными другой, легкой болѣзнию. Постельное бѣлье грязно. Въ комнатахъ воздухъ спертый“⁴⁾.

Больница въ Тирасполѣ, назначенная для больныхъ арестантовъ, „держится весьма нечисто и неопратно. Помѣщеніе для кухни, отдѣльное въ особомъ флигелѣ, грязно въ высшей степени и съ угрожающимъ обвалиться потолкомъ, съ котораго падали клочки разнаго хлама въ готовившееся кушанье. Въ ней разбросана была обувь, заготовленная для больныхъ. Бѣлье на больныхъ грязно и не всегда выдается“⁵⁾.

Богадѣльня въ Бобринцѣ: „воздухъ въ комнатахъ спертый; бѣлье для прирѣзаемыхъ часто, потому что его надѣли за часъ передъ ревизією; снятое бѣлье, найденное подъ тюфяками, до того грязно, что издаетъ зловоніе. Богадѣльню завѣдуетъ какой-то мѣщанинъ, не признающій уничтоженія

¹⁾ Предложеніе 5-го декабря 1864 года.

²⁾ Предложеніе 15-го іюня 1862 года.

³⁾ Рапортъ начальника алекс. уѣздн. команды городовому врачу, 21-го февраля 1865 г., за № 187.

⁴⁾ Предложеніе 20-го апрѣля 1862 года.

⁵⁾ Тамъ-же.

тѣлеснаго наказанія и потому въ отношеніи прирѣваемыхъ употребляющій гулачную расправу¹⁾.

При ревизіи бобринецкой больницы, Клушинъ обратилъ вниманіе на контрактъ по продовольствію больницы, заключенный приказомъ общественнаго прирѣвнїа.

«Поразительная неумѣренность цѣнъ говоритъ Клушинъ²⁾, допущенная при заключеніи контракта, лучше всего обличаетъ отсутствіе заботы приказа къ сохраненію казеннаго интереса, и что странно, такъ это то, что особенно пониженную цѣну встрѣчаемъ на предметы, рѣже употребляемые, а на предметы постоянно нужные—цѣну особенно высокую. Такъ, фунтъ чаю, никогда не требуемаго, стоитъ 1 рубль, т. е. такая ничтожная цѣба, какая въ Херсонской губерніи считается баснословіемъ; напротивъ, стоимость курицы, въ коей почти каждый день бываетъ запросъ, заключается въ 50 коп., вмѣсто обыкновенной цѣны ея въ Бобринцѣ 20 коп. и ниже. Въ этой-то несообразности цѣнъ на предметы нужные и ненужные и кроется оптическій обманъ, заставляющій подрядную систему поставки матеріаловъ для больницы считать выгодною. Но болѣе всего здѣсь интересна стоимость мытья больничнаго бѣлья, въ прошломъ году простиравшаяся на сумму 825 р. 24 к. (больныхъ было 4—10 человекъ). Въ нынѣшнемъ году за мытье его заплачено въ январѣ 107 р. 90¹/₂ к., въ февралѣ 144 р. 79 к., въ мартѣ 145 р. 63 к., въ апрѣлѣ 148 р. 11 к., т. е. въ размѣрахъ, постоянно увеличивающихся и, повидимому, предвѣщающихъ къ концу года расходъ на этотъ предметъ еще въ болѣешемъ количествѣ, чѣмъ въ прошедшемъ году. Бросающаяся съ перваго взгляда невѣроятность и баснословность такихъ цѣнъ, за которыя можно произвести не мытье бѣлья, а сдѣлать новый весьма значительный запасъ его, заставили меня убѣдиться на мѣстѣ въ дѣйствительности расхода, упадающаго здѣсь на описываемый предметъ. Оказалось, что нанятая повѣренныи поставщика Юлоса прачка получаетъ за мытье бѣлья ежемѣсячно по 5 р., слѣдовательно въ годъ 60 руб. Добавляя къ этому на мыло и другія непредвидимыя надобности еще 100 руб., составитъ 160 руб. и это уже слишкомъ расточительно. Вычитая эту сумму изъ израсходованныхъ въ 1861 г. 825 р. 24 к., оказывается, что 665 р. 24 к. получаютъ поставщикомъ или Богъ знаетъ еще кѣмъ совершенно задаромъ въ видѣ неслыханныхъ во всѣхъ коммерческихъ операціяхъ процента болѣе чѣмъ 4 рубля на 1 рубль. Явленіе это представляется видимымъ злоупотребленіемъ. Злоупотребленіе это приказу выяснить почему-то не хотѣлось и этимъ однимъ уже превосходно характеризуется его направленіе».

Вслѣдствіе этой записки Клушина, бывшій генераль-губернаторъ Коцебу,

¹⁾ Въ запискѣ, представленной генераль-губернатору.

²⁾ Тамъ-же.

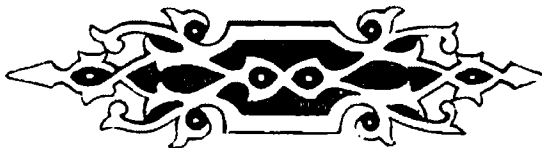
въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ въ херсонскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, высказалъ мнѣніе, что «слѣдвало-бы по этому дѣлу произвести формальное слѣдствіе, но если принять во вниманіе, что слѣдствіе это, вѣроятно, затянется на весьма долгое время и не обнаружитъ законныхъ доказательствъ многихъ злоупотребленій. ибо почти всё они такого рода, что съ точностью оцѣнить ихъ можно было только въ самое время ихъ совершенія, можно ограничиться строгими выговорами чиновникамъ». Съ этимъ мнѣніемъ, какъ видно изъ увѣдомленія генералъ-губернатора херсонскому губернатору отъ 28 іюля 1863 года, за № 7211,—согласился и министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь Валуевъ.

V.

Таковы картины «добраго стараго времени», когда администрація представляла такую «сильную власть», предъ которою законъ былъ безславенъ. Клушнинъ, возмущаясь тѣмъ, что во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ «законъ ступшевывается произволомъ, а уваженіе къ праву личности занята пренебреженіемъ къ нему», принималъ строжайшія мѣры для устраненія беззаконія и убѣдился, что всё онѣ не дѣйствительны и что только введеніе новаго принципа въ народное хозяйство можетъ дать ему прогрессивный ходъ. Онъ высказалъ это при открытіи пераго херсонскаго губернскаго земскаго собранія.

«Настоящая администрація, сказалъ Клушнинъ, не могла развить силы губерніи и направить ихъ къ болѣе полезнымъ цѣлямъ, потому что не было равноправности мѣстностей, сословій и отдѣльныхъ лицъ на благосостояніе. Необходимо отрѣшиться отъ идеи, что представитель города, вѣдомства или сословія можетъ оправдать свое полномочіе и заслужить признательность избравшей его среды, отстаивая исключительныя выгоды своего вѣрителя, хотя-бы и въ ущербъ общимъ интересамъ. Такія кажушіяся выгоды составляютъ въ сущности конечную потерю для всего края. Часть населенія, отягощаемая свыше силъ, бѣднѣетъ и не можетъ быть прочнымъ звеномъ въ цѣпи общей жизненной дѣятельности страны, не говоря уже о нравственномъ разладѣ, возникающемъ отъ сознанія неравенства».

И. С.

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА О ВОЙНѢ 1877—1878 ГГ.

VI ¹⁾.

Изъ Казаньки въ Филиппополь.

ано утромъ 3-го января позвали меня къ главнокомандующему.

„Съ 27-го декабря я не имѣю извѣстій отъ ген. Гурко, сказалъ мнѣ великій князь: поѣзжай въ нему, онъ двигается отъ Софіи на Татарь-Базарджикъ, поздравь его съ производствомъ въ генералы отъ кавалеріи, и передай, чтобъ онъ торопился итти на Филиппополь, а что я форсированнымъ маршемъ пойду на Херманли и надѣюсь отрѣзать отступление арміи Сулеймана-паши на Адрианополь. Пойди въ Левицкому, онъ тебѣ передастъ бумаги и укажетъ какъ лучше ѣхать“.

Я велѣлъ немедленно сѣдлатъ и поспѣшилъ явиться къ генералу Левицкому.

„Если вы отправитесь на Габрово, Ловчу и Орханіе, сказалъ мнѣ генераль, то вы проѣдете очень долго. Я вамъ совѣтую воспользоваться южнымъ скатомъ Балканъ, двинуться на Калоферъ, войти въ связь съ разѣздами колонны генерала Карцева, который спустился черезъ Траяновъ переваль, и затѣмъ уже пробираться далѣе въ ген. Гурко: онъ долженъ быть

¹⁾ Въ майской и июльской книгахъ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г. мы помѣстили первыя пять главъ изъ воспоминаній В. М. Вонлярларскаго о войнѣ 1877—1878 гг., засимъ, въ виду значительной обширности этихъ записокъ, редація принуждена была выпустить изъ нихъ нѣсколько послѣдующихъ главъ и въ настоящей книгѣ „Русской Старинѣ“ перейти прямо къ заключительнымъ главамъ Воспоминаній.

Ред.

недалеко отъ Татаръ-Базарджика. Впрочемъ, дѣлайте какъ хотите. Сколько вамъ дать казаковъ?»

Я посмотрѣлъ на карту и рѣшилъ, что, дѣйствительно, выгоднѣе ѣхать на Калоферъ, такъ какъ туда вело шоссе, по которому можно было ориентироваться; объѣзжать кругомъ взадъ бы у меня дня четыре или пять, а въ это время много-бы утекло воды.

Я попросилъ дать мнѣ двухъ добродѣтельныхъ казаковъ, и часа въ 4 дня съ денщикомъ и въячною лошадыю пустился въ путь.

Была чудная погода. На фруктовыхъ деревьяхъ уже были почки; чувствовалась въ воздухѣ ранняя южная весна. Я ѣхалъ бойко, желая скорѣе добраться до Калофера, вблизи котораго надѣялся встрѣтить разѣзды генерала Карцева, а затѣмъ уже слѣдовать далѣе вмѣстѣ съ ними.

Прекрасное шоссе вело все время долиною рѣки Тунджи. направо и впереди грозно рисовались Балканы, а налѣво вдали виднѣлись отроги Малыхъ Балканъ. Въ сторонѣ отъ дороги я видѣлъ нѣсколько деревень, но ни черезъ одну изъ нихъ не пришлось мнѣ проѣзжать вплоть до Малко Села, небольшой деревни у самага подножія Калоферскаго Балкана.

Здѣсь я рѣшилъ передохнуть съ полчаса и поискать нѣтъ-ли проводника, который, въ случаѣ надобности, могъ-бы провести меня горными тропинками. Мы поѣхали осмотрѣть деревню, которая оказалась совершенно пустою. Кто были ея прежніе обитатели? Мирные-ли братушки или-же турки, которые, узнавъ о плѣненіи арміи Вессель-паши, поспѣшили удалиться, боясь наказанія за всѣ злодѣяства, совершенныя надъ болгарами послѣ перваго набѣга генерала Гурко за Балканы?

Наконецъ, въ одной изъ хатъ мы увидѣли свѣтъ, крайнему обрадовались и поспѣшили къ ней подъѣхать. Я велѣлъ вѣстовому постучаться, но вмѣсто отвѣта огонь потухъ. Мы принялись выламывать дверь, которая скоро поддалась, и передъ нами предстали фигуры двухъ испуганныхъ братушекъ. Они, какъ оказалось, сами только-что прибыли на свое прежнее пепелище, покинутое ими еще въ іюлѣ, и не разобрали въ темнотѣ кто мы такіе: русскіе или турки. Между ними нашелся проводникъ; но ни осла, ни лошади у него не было, и ему пришлось идти пѣшкомъ. Дѣлать было нечего: лучше пѣшій, чѣмъ никого.

Луна уже взошла; начало морозить, когда мы выѣхали изъ Малко Села. Проводникъ произвелъ на насъ самое скверное впечатлѣніе: онъ былъ безъ носу. Гдѣ и какъ онъ его потерялъ,— я не освѣдомлялся, но эта отвратительная рожа при лунномъ освѣщеніи была поразительно похожа на вѣдму. Братушки сообщили намъ, что нигдѣ русскихъ войскъ не видали, но слышали орудійные выстрѣлы въ сторонѣ Трайна. Мы шагомъ двигались впередъ; по сторонамъ шоссе тянулись поля, которыя смѣнялись фруктовыми садами. Тишина была полная: казалось, что не только люди, но и все живое бѣжало изъ этой опустошенной мѣстности. Вдругъ, направо, шагахъ въ 200-хъ, завидѣли мы мышкующую лисицу.

„Не къ добру это“, услышалъ я за собою разговоръ моего денщика въ вѣстовыми; люди на меня очень косились: они, очевидно, желали, чтобы я остался переночевать въ деревнѣ, а не ѣхалъ ночью дальше въ горы. Я-же дѣлалъ это изъ принятой снаровки ѣхать по незнакомой и опасной мѣстности именно ночью, особенно, если былъ проводникъ. Турки не любили разѣзжать по ночамъ, и потому я находилъ, что подобное движеніе въ темнотѣ самое благоразумное.

Вскорѣ шоссе стало подниматься изгибами въ гору; мѣстность была замѣчательно красива: направо высился Калоферскій Балканъ, налѣво, ввизу, ревѣла бурнымъ потокомъ Тунджа, которая здѣсь прорыла себѣ путь въ долину. Вездѣ былъ снѣгъ, и только къ югу чернѣли голыя верхушки скалъ, согрѣтыя за день лучами весенняго солнца. Рѣка эта, повидимому, никогда не замерзаетъ, благодаря своему страшно быстрому теченію; она пѣнилась межъ камней, и серебряныя брызги сливались съ яркою бѣлизною снѣга. Кругомъ все было дико, глухо, и эта дивная картина освѣщалась луною, которая ярко блестѣла на морозѣ и придавала всей окружающей мѣстности какой-то фантастическій колоритъ.

Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе, и ѣхать по застывшему шоссе было невозможно скользко. Мы еле-еле поспѣвали шагомъ за проводникомъ, который, къ нашему удивленію, очень мало скользилъ: онъ, повидимому, былъ настоящій горецъ. На подошвѣ его лаптей была привязана желѣзная полоса, въ видѣ креста, что-то среднее между вонькомъ и поло-

зомъ. Я только теперь замѣтилъ у него это остроумное приспособленіе, чтобъ подыматься по гололедицѣ въ гору. Если-бы онъ былъ верхомъ на ослѣ, то значительно замедлилъ-бы наше движеніе, такъ какъ часто-бы отъ насъ отставалъ.

Наконецъ, ровно въ полночь достигли мы Калофера. Этотъ еще недавно цвѣтущій городъ былъ весь въ развалинахъ; въ немъ, какъ говорится въ св. Писаніи, не оставалось камня на камнѣ. Скверно было ѣхать по пустыннымъ улицамъ, гдѣ не только человѣческой души, но даже и собаки не было: все какъ будто вымерло. Вотъ развалины церкви, далѣе какая-то площадь... и все пусто, все безмолвно. Только топотъ нашихъ коней нарушалъ эту страшную тишину, и звонко раздавались удары подковъ по мерзлой дорогѣ. Обстановка была настоль таинственна и жутка, что я даже забылъ о непріятелѣ. Безносый проводникъ, какъ будто нарочно, привелъ насъ въ такое мѣсто, чтобъ показать всю тщетность мірской суеты.

Дѣло въ томъ, что во время перваго набѣга генерала Гурко за Балканы, болгары были увѣрены, что мы скоро займемъ Константинополь, возмугились, вырѣзали въ Калоферѣ все турецкое населеніе и разграбили ихъ дома. Вслѣдъ затѣмъ, когда генералъ долженъ былъ отступить, то турки заняли снова этотъ городъ и, въ свою очередь, вырѣзали всѣхъ болгаръ и раззорили ихъ жилища: „око за око!“

Когда мы проѣхали черезъ эти развалины, передъ нами открылась дивная панорама долины р. Хіюпса, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Надо замѣтить, что Калоферскій Балванъ—самая красивая и суровая часть этого горнаго хребта. Но некогда было восхищаться красотами природы. Шоссе поворачивало налѣво внизъ; проводникъ утомился, шелъ весьма медленно и тормозилъ наше движеніе. Я рѣшилъ его бросить, такъ какъ впередъ было видно на много верстъ, и поѣхалъ далѣе подъ гору. Холодъ сталъ настолько силенъ, что я чувствовалъ его сквозъ бурку и полушубокъ; было, по крайней мѣрѣ, градусовъ 17 мороза. Несмотря на ужасную гололедицу, мы довольно быстро спустились въ долину и рысью двинулись по дорогѣ. Вскорѣ намъ стали попадаться мертвыя тѣла, одѣтыя въ синія куртки; это, вѣроятно, были раненые турецкіе солдаты, которые бѣжали отъ отряда ген. Карцева, занявшаго Траянъ. Смерть

сразила ихъ на пути. Почти всё лежали головами на югъ; они, очевидно, бѣжали и ползли, пока хватало силъ, опасаясь попасться въ плѣнъ, а затѣмъ такъ и застыли на морозѣ.

Въ верстахъ 5-ти отъ подножія горъ видѣлось селеніе, къ которому подъ угломъ тянулась еще какая-то дорога. Я остановился и при свѣтѣ фонаря (который имѣлъ всегда съ собою во вьюкѣ) разсмотрѣлъ на картѣ, что это должна быть деревня Лнджа-Кіой. Крайне любопытно было знать кѣмъ занято это селеніе. Налѣво и направо отъ шоссе тянулись рисовыя поля,— я, чтобы миновать деревню, попробовалъ пробраться по нимъ, но они оказались такими вязкими, что и думать было нечего ѣхать иначе, какъ по дорогѣ. Оставалось продолжать движеніе впередъ на-авось, что мы и сдѣлали. Селеніе оказалось совершенно пустымъ, и мы на полныхъ рысяхъ его пролетѣли. Вскорѣ завидѣли мы снова деревню, которая, судя по картѣ, должна была быть Чукурлу, и на этотъ разъ кое-гдѣ свѣтились огоньки. Положеніе становилось серьезнымъ. Внимательно вглядываясь въ темноту, мы стали съ большою осторожностью шагомъ подвигаться къ деревнѣ и вскорѣ, къ удивленію и общей радости, наткнулись на нашего солдатака часовато. Никогда, кажется я не былъ такъ радъ увидѣть сѣрую солдатскую шинель, какъ въ эту критическую минуту. На мое счастье, я нашелъ въ Чукурлу стрѣлковую роту, которая шла въ авангардѣ колонны ген. Карцева и заночсвала въ этой деревнѣ.

Командиръ роты, къ сожалѣнію, не могъ дать мнѣ никакихъ свѣдѣній, гдѣ находится кавалерія ген. Карцева, но сообщилъ, что наванунѣ были слышны пушечныя выстрѣлы немного западнѣ Филиппополя. Я почему-то вдругъ получилъ увѣренность, что это было приближеніе арміи генерала Гурко къ Филиппополю.

Кони мои утомились: я сдѣлалъ уже 70 верстъ; впереди предстоялъ еще далекій путь, и притомъ надо было не попасться въ руки отступающимъ туркамъ, а потому я рѣшилъ заночевать въ Чукурлу, чтобы продолжать движеніе на разсвѣтѣ. Я забрался въ какую-то пустую болгарскую хату, разостлалъ на полу бурку и часа два отдохнулъ. Мой заботливый денщикъ какимъ-то чутьемъ находилъ сѣно, онъ раздобылъ его и теперь, и наши проголодавшіеся кони съ жадностью набросились на кормъ. Поутру мы пустились далѣе. Хотя до Филиппополя оставалось

болѣе 40 верстѣ, но пушечные выстрѣлы доносились къ намъ довольно ясно.

Отъѣхавъ верстѣ 15 или 20 отъ Чукурлу, мы нагнали нашу пѣхотную часть — это была колонна графа Комаровскаго. Я подѣхалъ къ нему, рассказалъ откуда и куда ѣду и спросилъ, не можетъ-ли онъ мнѣ указать гдѣ въ настоящее время находится генералъ Гурко. Графъ мнѣ объяснилъ, что его бригада не входитъ въ составъ Балканской арміи, а подчинена генералу Карцеву, что онъ не идетъ самъ на Филиппополь, но согласно диспозиціи сворачиваетъ вскорѣ къ востоку, на Чирпанъ.

„Я вамъ совѣтую ѣхать прямо на Филиппополь, прибавилъ онъ, уже второй день въ той сторонѣ слышна канонада. Да вотъ, встати, захватите, пожалуйста, съ собою турецкаго парламентаря съ двумя рядовыми, которыхъ мнѣ приказали туда препроводить. Въ моемъ распоряженіи кавалеристовъ нѣтъ, и мнѣ не съ кѣмъ ихъ отправить“.

Я долженъ былъ на это согласиться, забралъ съ собою турокъ и рысью пустился далѣе. Мой отрядъ теперь значительно усилился и состоялъ изъ двухъ казаковъ, денщика и трехъ турокъ. Парламентарь, какъ оказалось, былъ медикъ, житель Филиппополя; онъ довольно сносно говорилъ по-французски и объяснилъ мнѣ, что попалъ въ армію совершенно случайно, противъ своей воли, и никакихъ воинственныхъ наклонностей не имѣетъ. Онъ жаловался мнѣ, что страшно усталъ, и умолялъ ѣхать шагомъ. Что дѣлать, я долженъ былъ исполнить его просьбу, и это значительно меня задержало. Наконецъ, увидѣли мы Филиппополь и вскорѣ прибыли къ рѣкѣ Марицѣ, которая отдѣляетъ предмѣстья отъ самаго города. Мостъ былъ разрушенъ турками при отступленіи, и вездѣ вокругъ копошились наши солдатики, наскоро устраивая переходъ на возлахъ.

Оказалось, что ген. Гурко только-что вступилъ въ городъ. Я прибылъ въ Филиппополь ровно въ 2 часа дня, т. е. черезъ 22 часа послѣ отъѣзда изъ Казанлыка, въ теченіе которыхъ сдѣлалъ болѣе 110-ти верстѣ. При отправленіи я рассчитывалъ войти въ связь съ кавалеріею генерала Карцева и пробраться къ Татаръ-Базарджику, близъ котораго, по даннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, долженъ былъ встрѣтить генерала Гурко, но на дѣлѣ никакихъ разъѣздовъ не встрѣтилъ. Мнѣ удалось, сверхъ всякаго

чайнїя, найти генерала въ Филиппополѣ, спустя два часа послѣ того, какъ онъ туда прибылъ; но онъ пришелъ съ запада, а я съ сѣвера.

Однако, парламентаръ меня страшно связалъ. Я не могъ его оставить на произволъ судьбы, рѣшилъ спѣшиться, поручилъ конвойныхъ турокъ моему денщику и самъ поспѣшилъ съ медикомъ въ городъ, по только-что набросаннымъ черезъ рѣку мосткамъ. Не безъ труда нашелъ я квартиру генерала. Мой парламентаръ то и дѣло останавливался на пути разговаривать съ знакомыми и, очевидно, былъ въ восторгѣ вернуться благополучно домой. Я ему объявилъ, что за него отвѣчаю, что буду принужденъ принять строгія мѣры, если онъ будетъ отъ меня отставать, и радъ былъ довести его въ комендантское управленіе, куда не безъ труда и сдалъ. Наконецъ, явился я къ генералу Гурко.

„Какъ вы сюда попали?“, обратился ко мнѣ генералъ, который отъ Ихтимана до Филиппополя шелъ форсированными маршами и крайне былъ удивленъ появленію ординарца главнокомандующаго.

Я отвѣчалъ, что прїѣхалъ случайно, на выстрѣлы, но что, собственно, я былъ отправленъ изъ Казанлыка на Татаръ-Базарджикъ; что великій князь давно уже не имѣлъ отъ него извѣстій и крайне интересуется тѣмъ, что дѣлается въ Балканской арміи. Затѣмъ, я передалъ ему поздравленіе съ производствомъ въ генералы отъ кавалеріи, сообщилъ о плѣненіи всей арміи Весель-паши, о предполагаемомъ движеніи великаго князя на Адрианопольское шоссе, и испросилъ дальнѣйшихъ распоряженій.

„Останьтесь при мнѣ, отвѣтилъ генералъ: я немедленно пошлю къ главнокомандующему моего ординарца ротмистра Свалона. Сколько у васъ конвоя? По какой дорогѣ вы ѣхали?“

Я отвѣчалъ, что всегда ѣзжу съ 2-мя вѣстовыми и слѣдовалъ черезъ Калоферъ.

Затѣмъ, я былъ отпущенъ, поспѣшилъ вернуться съ моими лошадьми, довольно хорошо переправился въ бродъ черезъ р. Марицу и прїютился у знакомыхъ ординарцевъ генерала Гурко.

Здѣсь я услышалъ подробности лихаго набѣга на Филиппополь капитана л.-гв. драгунскаго полка Бурагѣ, который наканунѣ ночью вѣхалъ съ своимъ эскадрономъ въ городъ и заставилъ

начальствовавшихъ въ немъ нашей такъ поспѣшно обратиться въ бѣгство, что они даже оставили на столѣ только-что поданный для нихъ ужинъ: это было какъ нельзя болѣе встать проголодавшимся офицерамъ. Бурато вѣхалъ съ пѣсенниками впереди, такъ самоувѣренно и смѣло, что турки приняли его за авангардъ всей нашей арміи, а, между тѣмъ, это была лишь рекогносцировка.

Филиппополь очень красиво расположенъ на р. Марицѣ; къ сѣверу вплоть до Балканъ растилается плодородная равнина, а къ югу возвышаются отроги Малыхъ Балканъ. Узкія улицы имѣютъ крутые спуски и по нимъ, во время гололедицы, ѣздить верхомъ довольно трудно. Здѣсь я убѣдился, что мой некованный на заднія ноги донецъ ¹⁾ гораздо лучше шель по льду, чѣмъ другія кованные лошади, при этомъ его замѣчательно крѣпкія копыта нисколько не пострадали отъ дальней ѣзды.

Наконецъ, 5-го января позвалъ меня генералъ Гурко и объявилъ, что на слѣдующій день я буду отправленъ къ великому князю.

6-го поутру я явился въ штабъ за бумагами, но мнѣ сказали, что раньше 2-хъ часовъ онѣ готовы не будутъ. Тогда я, не долго думая, велѣлъ денщику съ однимъ вѣстовымъ и вьючною лошадейю немедленно ѣхать въ Чукурлу и тамъ выкормить лошадей, чтобъ дать мнѣ возможность доѣхать до великаго князя, не отдыхая, на перемѣнной лошади.

Только въ 3-мъ часу позвали меня къ генералу.

„Доложите великому князю, обратился онъ ко мнѣ, что армія Сулеймана-паши совершенно разсѣяна; намъ достались подъ Филиппополемъ съ бою 49 орудій и, кромѣ того, около 60-ти орудій, оставленныхъ непріателемъ въ горахъ, захвачены кавалерією генерала Скобелева 1-го; турки въ безпорядкѣ отступили за Деспото-Дагъ. Сегодня я разставляю почту на Эски-Загру, чтобы войти въ связь съ главною квартирою. Я нашель въ городѣ крайне незначительные склады провіанта, у булочниковъ муки хватить только на 4 дня. 4-го и 5-го января мы потеряли въ бою 4-хъ офицеровъ убитыми и 15 ранеными, въ

¹⁾ Это былъ новый конь, приобретенный мною въ кавказской бригадѣ. еще въ Боготѣ, на смѣну бурато, котораго я бросилъ послѣ поѣздки 19-іюля въ Вѣду съ донесеніемъ въ-подъ Плевны.

томъ числѣ командиръ Преображенскаго полка князь Н. Н. Оболенскій раненъ въ ногу, а полковникъ того-же полка баронъ Стрезовъ смертельно. Литовскій полкъ болѣе другихъ пострадалъ, за то взявъ у неприятеля 23 орудія. 7-го января, если турки не помѣшаютъ, 2-ая гвардейская кавалерійская дивизія будетъ у Херманли. Ранѣе 10-го января не тронусь изъ Филиппополя, по случаю крайняго утомленія войскъ. Считаю движеніе колонны ген. Карцева на Чирпанъ неосновательнымъ. Доложите главнокомандующему, что я прошу прислать интендантскихъ чиновниковъ для устройства продовольственной части. Когда вы думаете быть въ Казанлыкъ?"

„Завтра“, отвѣчалъ я.

„Нѣтъ, ужъ вы постарайтесь раненько dospѣть къ великому князю“, добавилъ генераль, отпуская меня.

Въ 4 часа дня получилъ я изъ штаба бумаги и пустился въ путь. По дорогѣ я долженъ былъ еще захватить къ раненому кн. Оболенскому, который просилъ меня отправить телеграмму и письмо женѣ въ Петербургъ. Многіе другіе офицеры надавали мнѣ также массу телеграммъ и писемъ въ Россію; я уѣхалъ нагруженный, какъ настоящій почтарь, и только въ 5 часовъ пополудни выбрался, наконецъ, съ моимъ вѣстовымъ изъ города. Была тихая, теплая погода, я бойко поѣхалъ впередъ, рассчитывая въ Чукурлу пересѣсть на свѣжую лошадь и съ другимъ вѣстовымъ немедленно двинуться далѣе. На дорогѣ попадались мнѣ группы вооруженныхъ болгаръ, которые, вѣроятно, собрались на мародерство или просто искали своихъ бывшихъ угнетателей, желая, въ свою очередь, поживиться на ихъ счетъ.

Вскорѣ стемнѣло. Въ 9-мъ часу вечера я шелъ крупною рысью и вдругъ замѣтилъ впереди подъ мостомъ какихъ-то людей, которые отъ меня прятались. Были-ли это мародеры братушки или бѣглецы турки—это ихъ знаетъ; объѣзжать было некуда, я ускорилъ ходу и благополучно проѣхалъ черезъ мостъ.

Во время войны мы какъ-то легко относились къ подобнымъ путешествіямъ самъ-другъ съ вѣстовымъ, но теперь, когда прошло 12 лѣтъ, и я хладнокровно объ этомъ думаю, то положительно не понимаю, какъ все это сходило намъ благополучно съ рукъ. Солдатскій образецъ меня, должно быть, хранилъ.

Въ 10-мъ часу я прибылъ въ Чукурлу, сдѣлавъ 40 верстъ

въ 4 часа съ небольшимъ, и, къ моему удовольствію, нашелъ тамъ Тычинскаго съ выворвленными и отдохнувшими лошадьми. Въ котелкѣ уже варилась курица съ рисомъ, которую проворный денщикъ гдѣ-то раздобылъ. Я возилъ съ собою во въюгахъ котелокъ, соль, сухари и рисъ, курицъ мы находили вездѣ и поваръ мой угощалъ меня преисправно куринымъ бульономъ. Теперь я, быть можетъ, не сталь-бы ѣсть подобной похлебки, но тогда она казалась мнѣ твореніемъ самого Вателя.

На мое горе, заводная лошадь расковалась и потеряла подкову, а запасной не было, такъ какъ ее пришлось изтратить въ Филиппополѣ. Это обстоятельство меня ужасно раздосадовало, пришлось передохнуть часокъ; тѣмъ временемъ я поужиналъ и даже минутъ на 15 успѣлъ заснуть. Затѣмъ я сѣлъ на моего стараго донца, который пришелъ подъ денщикомомъ, взялъ другаго вѣстоваго и поспѣшилъ на Казанлыкъ; а Тычинскому велѣлъ отдохнуть и шагомъ добираться до главной вартыры.

Мы довольно бойко поѣхали и вскорѣ прибыли къ подножію Балванъ. Погода рѣзко перемѣнилась; вмѣсто чудной теплой весенней погоды, съ которою я выѣхалъ изъ Филиппополя, стало снова морозить. Поднялся вѣтеръ, который прохватывалъ меня насквозь. Гололедица была страшная: мы еле поднимались по гладкой, какъ стекло, обледенѣвшей поверхности шоссе. Во время подъема я хотѣлъ дать лошадямъ вздохнуть, но не могъ простоять на мѣстѣ и пяти минутъ, боясь простудить лошадей: вѣтеръ буквально пронизывалъ до костей. Чтобы облегчить спину лошадямъ, я съ версту прошелъ цѣшкомъ, а затѣмъ опять верхомъ потянулся далѣе. Снова пришлось мнѣ проѣхать черезъ пустынный Калоферъ и увидѣть чудную картину ревущаго подъ ногами горнаго потока. Здѣсь я далъ отдохнуть лошадямъ минутъ десять и на разсвѣтѣ уже былъ въ виду Малко Села. Лучи восходящаго солнца стали насъ немного согрѣвать; я далъ еще разъ пыхнуть конямъ и, помня привязаніе генерала Гурко доспѣть пораньше къ великому князю, надалъ ходу и въ 9 часовъ утра былъ въ Казанлыкѣ, сдѣлавъ 110 верстъ въ 16 часовъ.

Немедленно явился я къ главнокомандующему, доложилъ какъ и гдѣ нашелъ генерала Гурко, и передалъ буквально его слова.

„Въ котормъ-же часу ты выѣхалъ изъ Филиппополя?“ спросилъ меня великій князь.

Я отвѣчалъ, что въ 5 часовъ пополудни.

„Не можетъ быть, это ужъ слишкомъ скоро“, возразилъ главнокомандующій.

„Извольте, ваше высочество, справиться на пакетъ штаба, на котормъ помѣченъ часъ, когда мнѣ его вручили“, отвѣчалъ я.

„Ну, ловко-же, дай я тебя поцѣлую“, добавилъ великій князь: „пойди и расскажи объ этомъ начальнику штаба“.

Дѣйствительно, по времени это самая быстрая моя поѣздка. Въ мирное время можно проѣхать и скорѣе, но при лучшихъ условіяхъ. Я выѣхалъ изъ Филиппополя въ растергнутомъ пальто, въ полную оттепель, переправлялся черезъ Балканы въ сильнѣйшую стужу, болѣе 15°, по страшной гололедицѣ, и тѣмъ не менѣе мой донецъ пришелъ довольно свѣжо, а черезъ три дня опять уже былъ подъ вьюкомъ.

Вечеромъ того-же дня прибылъ въ Казанлыкъ и Тычинскій. Этотъ человекъ, съ виду угрюмый и молчаливый, былъ замѣчательно расторопнѣе, и я никогда не боялся, что онъ заблудится или отъ меня отстанетъ.

VII.

Адрианопись.—Занятіе перемирія.

На другой день по возвращеніи моемъ изъ Филиппополя, прибылъ изъ Петербурга Н. В. Клайгельсъ, привезъ мнѣ письма отъ родныхъ и массу новостей. Вотъ уже десятый мѣсяцъ, какъ я разстался со своими, и мнѣ было крайне пріятно услышать отъ него что дѣлается дома. Но не долго пришлось намъ отдыхать. Вскорѣ была получена телеграмма, что 9-го января Адрианополь занятъ ген. Струковымъ, который съ летучимъ отрядомъ шелъ впередъ форсированнымъ маршемъ. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ прибыли въ Казанлыкъ Намыкъ-паша и Серверъ-паша, въ качествѣ парламентеровъ, просить великаго князя заключить перемиріе.

Главнокомандующій отвѣчалъ имъ, что можетъ согласиться

только на миръ, испросивъ на то разрѣшеніе государя, на перемиріе-же не согласенъ. Не желая терять времени, его высочество велѣлъ всѣмъ войскамъ быстрыми маршами двигаться впередъ; главная квартира получила предписаніе идти на Херманли. Не помню навѣрно, но, кажется, выступленіе наше изъ Казанлыка было назначено на 10-е или 11-е января.

Въ тотъ моментъ, когда мы уже сѣли въ верхомъ, вбѣгаетъ ко мнѣ Максимъ и заявляетъ, что кучеръ нашъ бѣжалъ, захвативъ между прочимъ съ собою на память револьверъ Клайгельса, сѣдло и кое-что изъ вещей. Меня страшно взорвалъ этотъ поступокъ болгарина; случилось то, что я предвидѣлъ, и въ самый неудобный для насъ моментъ. Но дѣлать было нечего; я велѣлъ уложить побольше платья и бѣлья во въюки и предоставилъ Максиму распорядиться какъ онъ хочетъ; я былъ увѣренъ, что невыносимый характеръ моего камердинера былъ одною изъ главныхъ причинъ побѣга нашего возницы, но отъ этого было не легче.

„Совѣтую тебѣ не отставать отъ обозовъ главной квартиры, сказалъ я Максиму, а то тебя никто искать не будетъ, да корми хорошенько лошадей; если застрянешь одинъ по дорогѣ, тебя, пожалуй, еще ограбятъ или убьютъ“.

Затѣмъ мы съ Клайгельсомъ сѣли на коней и уѣхали съ нашими денщиками, оставивъ сконфуженнаго Максима на произволь судьбы; иначе мы поступить не могли: кто-же дабы намъ теперь челоуѣка, и притомъ это было прекраснымъ наказаніемъ за постоянное ворчаніе и сварливость старика.

Къ довершенію благополучія, на первомъ-же ночлегѣ мы увидѣли знакомое объявленіе: „Гг. адъютанты и ординарцы довольствуются по усмотрѣнію“. Это уже было совѣмъ скверно, хуже чѣмъ въ командировкѣ. Тамъ ѣдешь одинъ, всегда найдешь и курицу и фуражъ, а здѣсь шла вся главная квартира и дивизионъ казаковъ, которые высылали квартирьеровъ: поживиться уже было нечѣмъ.

Съ нами вмѣстѣ ѣхали и паши-парламентеры, которымъ великій князь предложилъ слѣдовать при главной квартирѣ, впредь до полученія отвѣта отъ государя—на какихъ условіяхъ можетъ быть подписанъ миръ.

Когда имъ объявили о занятіи Адрианополя, то на глазахъ бѣднаго Намыка заблестали слезы:

„Maintenant tout est perdu! Nous sommes à votre merci“, сказалъ онъ.

Вскорѣ прибыли мы въ Херманли, на станцію желѣзной дороги; великому князю составили поѣздъ, мы немедленно двинулись далѣе и 14-го января, около 2-хъ часовъ дня, прибыли въ Адрианополь, гдѣ его императорское высочество былъ встрѣченъ ген. Гурко. Быстро выгрузили мы лошадей, сѣли верхомъ и послѣдовали за великимъ княземъ, который торжественно въѣхалъ во вторую столицу Турецкой имперіи. При въѣздѣ въ городъ были устроены триумфальныя арки; депутація отъ жителей, съ духовенствомъ во главѣ, привѣтствовала главнокомандующаго. Не только болгары и греки, но даже турки весьма радушно насъ встрѣтили. Въ окнахъ висѣли ковры, шали—городъ принялъ совершенно праздничный видъ.

„Штабъ-ротмистръ Лярскій“, подозвалъ меня ген. Гурко: „я слышалъ, что вы очень быстро доставили мое донесеніе великому князю въ Казанлыкъ“.

„Такъ точно, ваше высочество, я прибылъ въ главнокомандующему въ 10-мъ часу утра“.

„Ну, это скоро, молодцемъ“, добавилъ, обыкновенно не щедрый на похвалу, генераль, протягивая мнѣ руку.

Мы пріѣхали прямо въ конакъ, т. е. домъ губернатора. Это большое каменное двухъ-этажное зданіе съ высокими комнатами напоминаетъ наши провинціальныя присутственныя мѣста или дома дворянства.

Намъ съ Клайгельсомъ отвели тутъ-же грязную комнату, что-то въ родѣ архивной, въ которой почти всѣ стекла были выбиты, и двери не затворялись. Кто не желалъ воспользоваться этимъ удобнымъ помѣщеніемъ, могъ искать себѣ квартиру на волѣ. Мы разсыпались по городу. Я съ товарищемъ княземъ П. С. Оболенскимъ набрелъ на какой-то трактиръ, который былъ переполненъ офицерами всѣхъ родовъ оружія. Съ трудомъ добились мы чего-нибудь поѣсть и затѣмъ обратились къ греку-слугѣ, прося его указать гдѣ-бы могли переночевать. Услужливый грекъ вызвался исполнить наше желаніе и привелъ насъ по узкимъ закоулкамъ въ какой-то домъ. Хозяйка, еврейка, приняла насъ съ большою предупредительностью и помѣстила въ комнатѣ, въ которой уже были два офицера: одинъ — телеграфистъ, а другой—чиновникъ военнаго вѣдомства.

Мы очень утомились за послѣдніе дни и потому немедленно завалились спать на какихъ-то жесткихъ скамейкахъ, носившихъ громкое названіе дивановъ.

Не успѣли мы заснуть, какъ послышался стукъ въ входную дверь, говоръ, хохоть... Черезчуръ сообразительный проводникъ, оказалось, помѣстилъ насъ въ такой домъ, въ который мы вовсе не желали попасть. Несмотря на шумъ, который повторялся еще нѣсколько разъ, мы все-таки скоро захрапѣли. Но недолго суждено было намъ спокойно отдыхать. Ночью слышимъ мы крики: „gewalt! gewalt!“ Вбѣгаетъ наша хозяйка въ одномъ бѣльѣ, съ распущенными волосами и, коверкая слова, на всѣхъ европейскихъ языкахъ старается намъ что-то объяснить. Видя что ея старанія напрасны, что мы все-таки ее не понимаемъ, она отдергиваетъ съ окна занавѣсъ... На темномъ фонѣ ночи рѣзко выдѣлялось багровое зарево пожара. Слышался отдаленный шумъ суматохи и ружейная перекатная пальба... Живо вспомнилось 4-ое дѣйствіе изъ оперы „Гугеноты“. Иллюзія была бы полная, если-бы Валентина не была безобразна, какъ всѣ семь смертныхъ грѣховъ вмѣстѣ.

Однако, что-же это значило? Не атакуютъ-ли насъ турки? Мы всѣ четверо вскочили на ноги и стали обсуждать, что дѣлать. Въ незнакомомъ городѣ, версты за полторы отъ конака, гдѣ находился великій князь, мы врядъ-ли и нашли-бы ночью туда дорогу. Посовѣтовавшись между собою, мы рѣшили выгнать хозяйку изъ комнаты и продолжали спать до утра, а тамъ будетъ видно. Вотъ что значить усталость и какая-то удивительная безпечность, которая является послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія на войнѣ.

На слѣдующій день мы узнали причину пожара и ружейной трескотни.

Л.-гв. Московскій пѣхотный полкъ занялъ за городомъ оставленные турками казармы, въ которыхъ всѣ окна были выбиты. Было довольно холодно, солдатики расположились въ обонхъ этажахъ и разложили огонь въ каминахъ, которые у турокъ устраиваются почти на полу. Отъ неосторожности полкъ загорѣлся, люди въ беспорядкѣ бросились бѣжать и оставили массу патронташей и амуницію въ горящихъ залахъ. Патроны начали лопаться отъ жару и произвели ту страшную трескотню, которую

мы слышали ночью. Грохотъ увеличился еще отъ того, что на востокъ вообще принято возвѣщать о пожарѣ выстрѣлами: жители, увидѣвъ зарево, начали палить на улицахъ; а такъ какъ у всѣхъ почти оказались ружья, заряженные пулями, то подобные пожарные сигналы были небезопасны для проходящихъ, и многіе изъ любопытныхъ, которые бросились на улицу узнать въ чемъ дѣло, поплатились за свою излишнюю любознательность.

Это могло-бы случиться и съ нами, еслибы мы побѣжали ночью въ бонаку, а потому принятое нами рѣшеніе, ждать до утра, оказалось самымъ благоразумнымъ.

Тѣмъ временемъ наши войска, не останавливаясь, двигались впередъ къ Константинополю. Главнокомандующій, несмотря на присутствіе парламентаровъ, торопился продвинуться какъ можно далѣе, пока не имѣлъ еще приказаній отъ государя заключить миръ.

Здѣсь мы впервые столкнулись съ дипломатіею, этимъ новымъ врагомъ, который впоследствии безъ боя отнялъ у насъ почти все взятое у непріятеля съ такими трудами и лишеніями. Пришло извѣстіе о появленіи англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ, этого перваго акта ужасной траги-комедіи, которая кончилась берлинскимъ договоромъ.

Появленіе просвѣщенныхъ мореплавателей ни на минуту не остановило движенія нашихъ войскъ къ Константинополю. 16-я пѣхотн. дивизія, подъ начальствомъ ген. Скобелева 2-го, продвинулась до Чорлу; Демотика была занята кавалерійскимъ разъѣздомъ, подъ командою поручика Миллера; а колонна генерала Чернозубова шла на Дюмурджинъ къ Эгейскому морю. Наконецъ, пришло приказаніе остановиться и заключить перемиріе.

19-го января 1878 года перемиріе было подписано. Главнокомандующій вышелъ въ обѣденную залу, куда собралась вся главная квартира и почти всѣ начальники частей, громко объявилъ объ этомъ и поздравилъ съ окончаніемъ войны. Оглушительное ура покрыло слова великаго князя, музыка заиграла гимнъ. Воодушевленіе и восторгъ были всеобщіе, хотя всякому изъ насъ хотѣлось торжественно войти въ Константинополь; но радость, что кончились всѣ лишенія и тревоги, была, кажется, еще сильнѣе. Въ этотъ-же вечеръ устроилась товарищеская

попойка, которая приняла грандіозные размѣры. Не мало было выпито разнаго вина подъ звуки пѣсенъ терскихъ казаковъ государева конвоя, я, какъ пишутъ въ оффиціальныхъ рецензіяхъ, „дружеская бесѣда длилась далеко за полночь“. Не грѣхъ было отвести душу послѣ столькихъ мѣсяцевъ строгой жизни. Какую мы вели въ главной квартирѣ, свято выполняя приказъ великаго князя, данный намъ въ Кишиневѣ.

Надо сказать, что еще 15-го января мы съ Клайгельсомъ переѣхали въ прекрасный домъ, покинутый турками, бѣжавшими при приближеніи нашихъ войскъ. Это было очень хорошее, чистое, уютное помѣщеніе, гдѣ мы отлично устроились сами и размѣстили лошадей. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали мы фургона и, наконецъ, къ нашему удовольствію, услышали, что обозы главной квартиры пришли въ Адрианополь. Мы пошли искать нашъ ковчегъ и наткнулись на слѣдующую картину. На улицѣ стоялъ фургонъ, запряженный заморенными лошадьми, и на облучкѣ, бросивъ возжи, сидѣлъ повязанный бѣлымъ платкомъ Максимъ, въ ожиданіи, что его кто-нибудь выручитъ и укажетъ, гдѣ его господа. У него была такая смѣшная, жалостная фигура, что мы даже не имѣли силъ его ругать, хотя лошади пришли въ ужасномъ видѣ: не кормленныя, еле живыя и безъ одной подковы. Мы велѣли ему ѣхать за собою, провели до нашего жилища и, въ сущности, благословляли судьбу, что онъ все-таки добрался до Адрианополя.

Миръ долженъ былъ быть вскорѣ заключенъ, въ фургонѣ мы болѣе не нуждались, а потому поручили Максиму распродать весь нашъ перевозочный скарбъ и упряжныхъ лошадей.

Свободнаго времени было очень много. Мы почти каждый день бродили по городу, осматривали мечети; нѣсколько разъ я заходилъ на базаръ, гдѣ купилъ себѣ хорошихъ восточныхъ ковровъ и даже лазилъ на минаретъ мечети „Султанъ Селимъ“, откуда открывался дивный видъ на окрестности. Ѣздилъ также я городъ осматривать редуты, которые турки настроили, чтобъ встрѣтить насъ какъ слѣдуетъ. Эти укрѣпленія были прекрасны, и не поторопись главнокомандующій двигаться впередъ изъ Казаньки форсированными маршами, а займись онъ дипломатическими переговорами съ Намыкъ-пашею—мы-бы встрѣтили здѣсь, пожалуй, вторую Плевну.

Не мѣ судить что сдѣлала потомъ наша дипломатія, какую она извлекла пользу изо всѣхъ нашихъ побѣдъ; но не могу не констатировать факта, что мы шли впередъ вплоть до полученія приказанія изъ Петербурга остановиться.

Однако, мы скоро осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Адрианополя и стали скучать отъ бездѣйствія. Боевая жизнь, полная интереса, держала постоянно въ напряженіи наши нервы; зато теперь наступила реакція, и намъ не на шутку захотѣлось домой.

Желая какъ-нибудь убить время, я принялъ предложеніе завѣдующаго награднымъ отдѣленіемъ полевого штаба дѣйствующей арміи позаняться тамъ въ качествѣ волонтера и, дѣйствительно, повозился съ наградными списками.

Въ главной квартирѣ было не мало спортсменовъ; въ томъ числѣ — одинъ жандармскій полковникъ, баронъ Г., довольно удачно охотившійся и часто поставлявшій для личнаго стола великаго князя дичь, которая составляла, конечно, большое лакомство. Иногда въ такихъ случаяхъ жаркое для его высочества готовилось въ его юртѣ подъ наблюденіемъ покойнаго Д. И. Скобелева, который очень любилъ заниматься кулинарнымъ искусствомъ и, надо отдать ему справедливость, былъ замѣчательный знатокъ гастрономіи.

Черезъ барона Г. мы узнали, что въ окрестностяхъ Адрианополя, въ горахъ, прекрасная охота на олени и кабановъ. Нашелся какой-то грекъ, который вызывался устроить облаву и отвѣчалъ за успѣхъ. Тогда мы обратились къ великому князю Николаю Николаевичу Младшему, просили его принять нашу затѣю подъ свое покровительство и исходатайствовать разрѣшеніе великаго князя отправиться на охоту. Согласіе главнокомандующаго воспослѣдовало, и мы дѣятельно принялись за приготовленія. Впередъ были посланы, подъ предводительствомъ барона Г. и грека-охотника, наши денщики съ лошадьми и человекъ 20 казаковъ, которые должны были пройти 50 верстъ до охотничьяго дома какого-то паши, ожидать тамъ нашего пріѣзда и приготовить народъ для загона. Для великаго князя Николая Николаевича Младшаго со свитою, состоявшею изъ 8-ми офицеровъ, были приготовлены двѣ большія коляски четверками, и послана была на половину дороги подстава лошадей.

Въ самую минуту отъѣзда всѣ наши предположенія чуть не рухнули.

Съ 19-го января, т. е. со дня заключенія перемирія, наши дипломаты вели нескончаемые переговоры съ уполномоченными пашами. Хитрые азіаты надѣялись на вмѣшательство Европы и замѣчательно ловко тянули дѣло, а тѣмъ временемъ укрѣпляли Константинополь. Видя, что это можетъ окончиться плохо, и не желая давать туркамъ возможности настроить редуты, которые пришлось-бы потомъ брать силою, великій князь пошелъ на рѣшительный шагъ. Онъ изъявилъ султану желаніе перевести главную квартиру дѣйствующей арміи къ Константинополю, чтобы быть ближе къ Блистательной Портѣ и тѣмъ облегчить и ускорить переговоры. Не знаю, какъ было принято это предложеніе султаномъ, но фактъ тотъ, что великій князь получилъ приглашеніе пріѣхать въ Санъ-Стефано со всею главною квартирою.

„Вы можете, ребята, ѣхать“, объявилъ намъ великій князь, но знайте, что послѣ завтра, рано утромъ, мы выступаемъ изъ Адрианополя, смотрите, не опоздайте вернуться“.

Эти слова заставили насъ призадуматься; но все равно наши денщики уже отправились впередъ, жаль было пропустить случай хорошо поохотиться, и мы рѣшили все-таки ѣхать.

9-го февраля, поутру, была чудная погода; солнце ярко, свѣтило, еще лучше настраивая наше и безъ того прекрасное расположеніе духа; въ двухъ коляскахъ выѣхали мы изъ Адрианополя; хорошая дорога вела садами и обработанными полями, все было въ цвѣту. Весело болтая, незамѣтно добрались мы до подставы; перемѣнивъ лошадей, мы двинулись далѣе по такой-же открытой и ровной мѣстности.

Да гдѣ-же горы и лѣса? спрашивали мы другъ друга; вѣдь, тутъ не кабанамъ водиться, а куропаткамъ.

Наконецъ, завидѣли мы контуры холмовъ и въ сумерки только подѣхали къ горамъ. Довольно узкая проселочная дорога извилинами подымалась по лѣсной чащѣ. Солнце уже давно сѣло, и наступила совершенная темнота. Вскорѣ появились мѣстные жители, арнауцы, вооруженные съ ногъ до головы, которые желали привѣтствовать великаго князя и расположились потому шпалерами по обѣ стороны дороги. Красивыя, смуглыя

лица, эффектные національные костюмы, кой-гдѣ разложенные въ лѣсу костры придавали весьма много оригинальности нашей поѣздкѣ. Наконецъ, еще черезъ часъ мы пріѣхали на поляну, гдѣ находился охотничій домъ, и нашли уже тамъ барона Г., казаковъ, нашихъ денщиковъ и человѣкъ 700 вооруженныхъ жителей. Мы очутились въ 50 верстахъ слишкомъ отъ Адрианополя, въ мѣстности, гдѣ никогда русскихъ войскъ не бывало; населеніе въ этихъ горахъ мусульманское, состоящее изъ арнаутовъ и помаковъ, т. е. отуречившихся, принявшихъ мусульманство, болгарь.

Увидя всю эту толпу, вооруженную съ ногъ до головы, мы стали побаиваться за отвѣтственность, которую несли передъ главнокомандующимъ, увлекши его сына на охоту. Въ виду того, что весь отрядъ нашъ состоялъ только изъ 10 офицеровъ, 25 казаковъ и денщиковъ, мы велѣли греку объявить народу, что никто изъ нихъ не можетъ участвовать на облавѣ вооруженный, и предложить имъ поутру сложить всю амуницію въ кучу. Сами-же мы помѣстились на почлегъ въ охотничьемъ домѣ, поставили часовыхъ съ заряженными ружьями и прилегли отдохнуть совершенно одѣтыми и готовыми вскочить по тревогѣ. Однако, ночь прошла благополучно; чудное утро, перспектива хорошей охоты, чашка горячаго кофе заставили насъ мигомъ позабыть всѣ тревоги и огасенія.

Разговоры велись какъ дома, въ Россіи: какъ заводить людей, откуда нагонять и т. п. неизбѣжныя соображенія, безъ которыхъ не обходится ни одна облава. Мы кинули жребій, и мнѣ приходилось стоять слѣва отъ великаго князя.

Къ сожалѣнію, изъ 700 человѣкъ загонщиковъ осталось только человѣкъ 400, такъ какъ не всѣ согласились положить оружіе, обидѣлись и отказались участвовать въ облавѣ. Что дѣлать, надо было удовольствоваться тѣми, которые остались налицо.

Всѣ пошли пѣшкомъ по лѣсной тропинкѣ. Громады дубы смѣнялись букомъ, а затѣмъ на вершинѣ горы попадались сплошныя хвойныя насажденія; это были, кажется, лиственницы или кедры.

Насъ вскорѣ остановили, разставили на номера и стали

заводить народъ. Густыя заросли, находившіяся передо мною, лишали меня возможности видѣть далѣе 20-ти шаговъ, но мѣсто было хорошее, и я надѣялся стрѣлять по звѣрю.

Наконецъ, раздались крики, загонъ тронулся; я взвелъ курки и, притаивъ дыханіе, сталъ ждать, пристально вглядываясь въ чащу и прислушиваясь къ малѣйшему шороху. Вдругъ, сзади меня вдали раздался выстрѣлъ, и я услышалъ знакомый свистъ пули; затѣмъ, немного погодя—еще и еще... Я хотѣлъ броситься къ великому князю, который стоялъ отъ меня въ 70-ти шагахъ, но въ это время хрустнули сухія вѣтви, и что-то большое черное полѣзло на меня изъ чащи. Охотничья страсть взяла верхъ, я замеръ и не сразу могъ разглядѣть какой идетъ на меня звѣрь: что-то въ родѣ слона или бизона, и вдругъ появляется передо мною во всей своей красотѣ огромный черный буйволъ! Мнѣ стало и обидно и смѣшно...

Дѣло въ томъ, что турки такъ поспѣшно бѣжали при приближеніи нашихъ войскъ, что распустили по лѣсамъ массу скота, который бродилъ безъ хозяевъ и почти одичалъ. Одинъ изъ подобныхъ полу-дикихъ эземпляровъ вышелъ теперь на меня. Съ буйволами я былъ уже хорошо знакомъ, такъ какъ и въ Горномъ Студнѣ моя палатка была разбита по сосѣдству съ хлѣвомъ, и я сразу узналъ это полезное животное, которое такъ любятъ и цѣнятъ болгары.

Такъ въ тотъ загонъ я болѣе ничего и не видалъ. Когда мы сошлись къ великому князю, то причина выстрѣловъ, которые я слышалъ у себя въ тылу, объяснилась: тѣ жители, которые не согласились положить оружіе и ушли домой, желали, вѣроятно, испортить намъ охоту и стрѣляли по тѣмъ мѣстамъ, куда мы должны были итти для послѣдующихъ загоновъ.

Этотъ маневръ имъ, къ сожалѣнію, удался. Мы сдѣлали 4 или 5 загоновъ и только одному изъ насъ, ротм. Цурѣкову, удалось стрѣлять по стаду кабановъ, остальные не сдѣлали ни одного выстрѣла; за то мы вдоволь налюбовались дивною мѣстностью, и вообще прекрасно провели время.

Однако, надо было торопиться возвращеніемъ въ главную квартиру; мы вскорѣ послѣ полудня кончили охоту и поспѣшили въ Адрианополь, куда и прибыли часовъ въ 9 или 10 вечера.

XIII.

Санъ-Стефано. — Константинополь. — Заключение мира. — Возвращеніе въ Петербургъ.

По возвращеніи въ Адрианополь, мы узнали, что на другой день, въ 7 ч. утра, должны уже быть на желѣзной дорогѣ, что лошади наши съ денщиками ѣдутъ съ нами, а обозъ съ вещами будетъ отправленъ впоследствии.

Вмѣсто отдыха, пришлось укладываться въюки и отдавать приказанія Максиму относительно его дальнѣйшаго передвиженія. Въ 7 часовъ утра, 11-го февраля, я уже былъ на станціи и самъ нагрузилъ своихъ 3-хъ лошадей; впопыхахъ я не успѣлъ выйти изъ товарнаго вагона, поѣздъ тронулся, и первый перергонъ я такъ и проѣхалъ.

Куда мы собственно направлялись, т. е. въ Санъ-Стефано или въ Константинополь, никто изъ насъ не зналъ: это хранилось въ тайнѣ.

„Не знаете-ли, куда мы ѣдемъ?“ обратился я къ одному изъ генераловъ, состоявшихъ при великомъ князѣ.

„Знаю, душа моя, только одно, что ѣдемъ впередъ, но куда и какъ насъ будутъ принимать—цѣпами или пулями,—совершенно неизвѣстно“, отвѣчала шутливо генераль.

Къ вечеру пріѣхали мы въ Чатаджу, гдѣ были встрѣчены почетнымъ карауломъ отъ 16-й пѣхотной дивизіи и М. Д. Скобелевымъ, отъ котораго великій князь принялъ рапортъ. Это былъ нашъ передовой постъ,—въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда уже находилась непріятельская цѣпь.

Вслѣдствіе недоразумѣнія или, быть можетъ, умышленно, турки отказались пропустить нашъ поѣздъ далѣе, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не имѣютъ распоряженія отъ сераскиріата.

Тогда случился весьма интересный фактъ. Главнокомандующій позвалъ къ себѣ Намыкъ-пашу и объявилъ ему ультиматумъ: если поѣздъ не будетъ пропущенъ добровольно, то онъ, великій князь, придетъ въ Константинополь съ боемъ. Паша немедленно телеграфировалъ объ этомъ султану.

Часа 2 или 3 прождали мы въ Чатаджѣ и, наконецъ, получили отвѣтъ, что можемъ безпрепятственно продолжать движеніе. Главнокомандующій съ ограниченнымъ числомъ свиты двинулся впередъ и явился, такимъ образомъ, авангардомъ всей арміи.

12-го февраля, утромъ, прибыли мы въ Санъ-Стефано. Погода была чудная, было даже жарко, пахло моремъ. Мы вышли изъ вагона и сѣли верхомъ; нѣсколько генераловъ, челоуѣкъ 10 офицеровъ и я, какъ дежурный, послѣдовали за великимъ княземъ. Мегметъ-Али-паша и Реуфъ-паша привѣтствовали его высочество, который милостиво протянулъ имъ руку и затѣмъ вѣхалъ въ Санъ-Стефано. Оба турецкіе главнокомандующіе пошли пѣшкомъ у стремени великаго князя, составляя триумфальное шествіе на подобіе тѣхъ, какими римскій сенатъ награждалъ своихъ полководцевъ за одержанныя побѣды.

Мы прибыли, такимъ образомъ, на площадь, гдѣ его высочество останóвился въ отведенномъ для него домѣ, принадлежавшемъ нѣкоему армянину Дадіану.

Главнокомандующій вскорѣ отпустилъ пашей и отправился верхомъ полюбоваться видомъ на Константинополь. Яркое южное солнце красиво освѣщало мраморную лазурь моря. Масса зеленыхъ водорослей, которыя просвѣчиваютъ сквозь воду, дѣйствительно, оправдываютъ названіе этого моря: „Мраморнымъ“. Вдали растіался Константинополь со множествомъ минаретовъ. Св. Софія была видна очень хорошо, и его высочество, который уже бывалъ въ Константинополѣ, указалъ мнѣ на этотъ древній византійскій памятникъ; при этомъ онъ снялъ шапку и перекрестился, всѣ послѣдовали его примѣру. Наконецъ, довелось русской рати снова дойти до стѣнъ Царьграда. Такимъ образомъ, завоеваніе было довершено мирнымъ путемъ, и только благодаря личной инициативѣ и энергіи великаго князя.

Возвращаясь въ Санъ-Стефано, мы наткнулись на турецкій кавалерійскій разъѣздъ, который еще не успѣлъ отступить до нашего пріѣзда; онъ отдалъ честь великому князю.

Каждый день, подъ видомъ почетнаго конвола главнокомандующаго, стали подбывать наши войска, и вскорѣ въблизи Константинополя сосредоточились довольно внушительныя силы.

которыя и заставили турокъ согласиться на всѣ условія Санъ-Стефанскаго мира.

Оставаясь наша армія въ Адрианополѣ—еще надолго затянулись-бы наши переговоры съ Портою.

Мы помѣстились съ Клайгельсомъ въ маленькомъ домикѣ, а лошадей намъ удалось пристроить въ конюшнѣ какого-то англичанина на берегу моря, откуда открывался дивный видъ. Между конюшнею и взморьемъ былъ роскошный садъ, такъ что наши кони послѣ Богота попали какъ въ земной рай.

Въ день прибытія въ Санъ-Стефано, насъ предупредили, что султанъ просилъ главнокомандующаго отпускать офицеровъ въ Константинополь не иначе, какъ въ статскомъ платьѣ, такъ какъ масса всякаго бѣглаго народа собралась въ городѣ, и полиція не въ силахъ предупредить могущіе возникнуть безпорядки фанатизированной черни, при видѣ русскихъ офицеровъ въ формѣ.

Я узналъ, что Д. И. Скобелевъ I-й съ нѣсколькими офицерами собирался въ Константинополь. Желая попасть вмѣстѣ съ ними, я пошелъ искать портнаго и нашелъ какого-то жида, у котораго купилъ готовое платье. Очень элегантно были мы одѣты. Напримѣръ: Дмитрій Ивановичъ былъ въ генеральскихъ чакчирахъ въ сапоги, полшубкѣ и мягкой пуховой шляпѣ—это называлось статскимъ платьемъ. Не лучше одѣлись и остальные офицеры, которыхъ нельзя было не узнать за версту по загорѣлымъ небритымъ лицамъ: мистификація была немислима. Мы отправились по желѣзной дорогѣ и менѣе, чѣмъ черезъ часъ, были въ Константинополѣ. Съ вокзала мы пошли пѣшкомъ по мосту черезъ Золотой рогъ; множество кайковъ, беззвучно помахивая веслами, какъ чайки крыльями, сновали по этому рукаву Босфора. На улицахъ толпилась масса народу; всѣ смотрѣли на насъ съ большимъ любопытствомъ, но никакой непріязни не изъявляли. Съ какимъ наслажденіемъ мы зашли во французскій ресторанъ и по-европейски позавтракали — давно мы такъ не ѣли! Нашъ аппетитъ привелъ въ восторгъ француза повара. Затѣмъ мы пошли смотрѣть достопримѣчательности города и очутились передъ дворцомъ „Долма Бахче“.

„Господа, пойдите смотрѣть дворецъ“, сказалъ кто-то изъ насъ.

Всѣ охотно на это согласились и подошли къ воротамъ. У насъ спросили имена и предложили пообождать, такъ какъ должны были, какъ обазалось, доложить объ этомъ самому султану. Узнавъ, вѣроятно, что между нами генераль Скобелевъ, повелитель правовѣрныхъ прислалъ немедленно своего адъютанта съ приказомъ дать намъ возможность все осмотрѣть. Насъ повели по дворцовымъ заламъ, убраннымъ весьма роскошно, по европейски, за исключеніемъ нѣсколькихъ, въ которыхъ по восточному обычаю были только диваны. Затѣмъ насъ пригласили въ аудіенцъ-залу, гдѣ обыкновенно принимаютъ пословъ, и просили сѣсть. Странно было видѣть въ подобной роскошной обстановкѣ наши ужасные маскарадные костюмы; я думаю, ннеогда ни ранѣе, ни послѣ насъ, эта зала не видала подобныхъ джентльменовъ. Вскорѣ появилось цѣлое шествіе придворной прислуги, въ роскошно расшитыхъ ливреяхъ, съ кофѣ и трубками. Каждому изъ насъ подали маленькую золотую чашку, осыпанную драгоценными камнями; затѣмъ одинъ изъ негровъ подавъ трубку съ громаднымъ янтарнымъ мундштукомъ, украшеннымъ брилліантами, а другой, преклонивъ колѣно, зажегъ ее бумажнымъ фитилемъ: все это было весьма чинно, съ достоинствомъ исполнено, и напоминало сцену изъ арабскихъ сказокъ. Затѣмъ мы поблагодарили флигель-адъютанта за оказанную намъ честь и, вернувшись въ Санъ-Стефано, доложили объ этомъ великому князю.

17-го февраля было назначено отрядное ученіе всѣмъ войскамъ, сосредоточившимся близъ Константинополя. Это ученіе съ пальбою произвело страшный переполохъ между жителями, которые полагали, что мы намѣреваемся нарушить перемиріе. Носились слухи, что наши слишкомъ затягиваютъ переговоры и что этотъ маневръ былъ сдѣланъ съ цѣлью принудить ихъ быть податливѣе. Наконецъ, мы узнали, что миръ будетъ объявленъ 19-го февраля, на парадѣ.

Къ 2-мъ часамъ дня всѣ войска были собраны на равнинѣ близъ Санъ-Стефано. Но хитрые и медленные во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ турки продолжали тянуть дѣло и не подписывали мира, увертываясь и придираясь къ мелочамъ. Такъ войска простояли подъ ружьемъ до 5-ти часовъ вечера. Всѣ были

увѣрены, что если договоръ подписанъ не будетъ, то мы пойдемъ на Константинополь штурмомъ. Въ 6-мъ часу великій князь сѣлъ на коня и шагомъ направился къ войскамъ. На пути догналъ васъ, въ коляскѣ, ген.-адъютантъ Н. П. Игнатьевъ и доложилъ его императорскому высочеству, что миръ подписанъ. Великій князь снялъ фуражку и перекрестился, что сдѣлали и всѣ присутствующіе. Затѣмъ главнокомандующій галопомъ поскакалъ къ войскамъ, которыя встрѣтили его, какъ всегда, громкимъ, неумолкаемымъ ура. Великій князь объѣхалъ ряды, остановился на срединѣ плаца, далъ знакъ рукою прервать клики и скомандовалъ:

„Гг. офицеры,—ко мнѣ!“

Мигомъ густая толпа окружила главнокомандующаго, который произнесъ при этомъ слѣдующія знаменательныя слова:

„Господь помогъ намъ окончить святое дѣло, и окончить его славно. Не себѣ я это приписываю, а вамъ. Что вы храбры, это еще не ставлю вамъ въ заслугу, такъ какъ русскому человѣку присуще быть храбрымъ. Но вы преодолѣли труднѣйшія препятствія, прославили тѣмъ себя на весь міръ и доказали на дѣлѣ, что лучше каждый изъ васъ ляжетъ, но выполнить возложенное на него приказаніе. Я это зналъ и потому ихъ и отдавалъ. Я въ васъ не ошибся! Я шапку передъ вами снимаю“.

При этомъ великій князь снялъ фуражку и наклонилъ голову до шеи лошади.

Въ отвѣтъ на эти милостивыя слова, какъ одинъ крикъ, вырвалось у всей собранной арміи ура, которое долго гремѣло и разносилось по окрестности. Окружавшіе главнокомандующаго офицеры пробовали даже поднять его на руки съ конемъ. Солдаты надѣли шапки на штыки и потрясали ими, другіе бросали ихъ на воздухъ — восторгъ былъ такой, что у многихъ наворачивались слезы. Его высочество объѣхалъ снова всѣ части, при неумолкаемыхъ восторженныхъ кликахъ. Затѣмъ онъ остановился на срединѣ, гдѣ былъ приготовленъ аналой и ожидало духовенство въ полномъ облаченіи. Великій князь нѣсколько разъ подавалъ знакъ прекратить ура, но съ большимъ трудомъ удалось офицерамъ остановить солдатъ и водворить, наконецъ, тишину.

„Помолимся-же Господу Богу, даровавшему намъ побѣду надъ врагомъ“, сказалъ великій князь.

„На молитву, шапки долой!“ скомандовалъ его императорское высочество, и начался молебень.

Когда протодіаконъ провозгласилъ: „паки и паки преклонше колѣна, Господу помолимся“, и вся армія стала на колѣни, то не только турки, зрители, но даже англичане опустили и преклонили головы.

Послѣ провозглашенія многолѣтія „побѣдоносному всероссійскому воинству“, артиллерія салютовала и, по знаку великаго князя, всѣ шапки полетѣли вверхъ; снова грянуло ура, и на этотъ разъ съ такою силою, что, я думаю, было слышно въ самомъ Константинополѣ.

Затѣмъ войска построились къ церемоніальному маршу; не совсѣмъ стройно, но за то весело, дивнымъ, широкимъ, развязнымъ шагомъ проходили части. Это уже не былъ мирный смотръ: прострѣленные шинели, прожженные на Балканахъ у костровъ, черныя небритыя лица: все носило слѣды недавнихъ лишеній и трудовъ. Но, несмотря на разорванную одежду и почти полное отсутствіе сапогъ, что это было за войско!... Съ этими героями можно было смѣло итти впередъ; черезъ 2 часа Царьградъ былъ-бы нашъ, и передъ совершившимся фактомъ преклонилась бы удивленная Европа!

Вскорѣ намъ разрѣшили ѣздить въ Константинополь въ военной формѣ, и мы рѣдкій день пропускали, чтобы не побывать въ городѣ, хотя на малое время. Вопреки опасеніямъ Влістательной Порты, турки относились къ намъ весьма благодушно. Мы ходили всюду безъ револьверовъ; посѣщали въ одпочку самыя глухіе закоулки Стамбула, и не было примѣра какого-либо оскорбленія или непріязненной выходки со стороны населенія.

Рестораны и кафе-шантанъ, съ отдѣльною комнатою для рюлетки, открыли гостепримныя двери нашему офицерству, которое искало случая истратить все полученное за кампанію жалованье, оставшееся цѣлымъ, такъ какъ положительно некуда было его издержать во время похода.

„Ich bin der kleine Postillon“ насъ положительно преслѣдовало. Здѣсь, какъ и въ Плоэшти, его играли ежедневно во всѣхъ садахъ и кабакахъ и т. п. заведеніяхъ. Офицерство веселилось, но безобразій не было; трудно было только удержаться отъ столкновеній съ англичанами - офицерами въ статскомъ платьѣ, которые держали себя вызывающе и крайне нахально.

Однако, всѣ эти развлечения вскорѣ порядочно намъ надоѣли. Когда же домой? думалось каждому изъ насъ. Разнесся слухъ, что вскорѣ прибудетъ ген. Тотлебенъ, приметъ отъ великаго князя командованіе, и мы вернемся въ Петербургъ.

14-го марта состоялось свиданіе главнокомандующаго съ султаномъ. Уже давно объ этомъ поговаривали, но, вѣроятно, особня дипломатическія соображенія заставляли оттягивать это посѣщеніе.

Намъ было приказано одѣтъ, въ первый разъ за всю войну, полную парадную форму, буде таковая еще имѣлась налицо. Каждый изъ насъ приодѣлся, пообчистился и, такимъ образомъ, свита его высочества приняла должный блистательный видъ.

При отличной погодѣ, на „Ливадіи“ и „Константинѣ“ тронулись мы изъ Санъ-Стефано, прошли мимо турецкихъ броненосцевъ, стоявшихъ у входа въ Босфоръ, и бросили якорь противъ „Долма-Бахче“. Великій князь высадился съ его и. в. великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ и нѣсколькими генералами въ „Долма-Бахче“ и былъ принятъ въ этомъ дворцѣ султаномъ съ особою торжественностью. Тѣмъ временемъ вся остальная свита, которая была очень велика, такъ какъ въ ней находились всѣ начальники частей, переѣхала напротивъ, на азіатскій берегъ, въ бѣлый мраморный дворецъ „Бейлербей“, предоставленный въ распоряженіе его императорскаго высочества для принятія султана въ отвѣтной аудіенціи. Туда прибылъ съ нами почетный караулъ отъ гвард. флотскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыки, и сталъ правымъ флангомъ къ Босфору у входа во дворецъ. Противъ него расположился турецкій почетный караулъ изъ дворцовой роты и пажей султана.

Вскорѣ на военномъ катерѣ причалилъ къ пристани великій князь.

„Смирно, на плечо! слушай, на кра-улъ!“ раздалась русская команда.

„Ась-дуръ, селямъ-дуръ!“ скомандовали турки и отдали одновременно честь.

Главномандующій поздоровался съ моряками, обошелъ ряды обоихъ карауловъ, затѣмъ прослѣдовалъ во дворець, гдѣ выбралъ залу для пріема, и вскорѣ вернулся на пристань, чтобы встрѣтить султана съ подобающими почестями.

Спустя минутъ пять, плавно причалилъ къ „Бейлербею“ катеръ краснаго дерева съ золоченою рубкою. По личной командѣ великаго князя, оба караула и русскій и турецкій отдали честь; паша музыка заиграла походъ.

Султанъ, маленькаго роста, худощавый человѣкъ, въ черномъ однобортномъ суконномъ суртугѣ, съ бриллиантовыми звѣздами на груди, въ красной фескѣ, высадился на берегъ и рядомъ съ нашимъ великимъ княземъ направился къ парадному дворцовому крыльцу.

Величественная осанка главнокомандующаго какъ будто конфузила повелителя правовѣрныхъ, который смотрѣлъ на все кажимъ-то потухшимъ взоромъ.

Проходя мимо свиты, его высочество представилъ всѣхъ насъ султану, причемъ Абдуль - Гамидъ прикладывалъ по восточному обычаю руку къ груди и ко лбу. Мы были удивлены своеобразнымъ турецкимъ придворнымъ этикетомъ. Когда султанъ подымался съ великимъ княземъ по лѣстницѣ, то впереди нихъ шелъ задомъ церемоніймейстеръ, ни разу не смѣя повернуться спиною къ своему повелителю; вѣроятно, долго надо практиковаться въ подобной эквилибристикѣ, чтобы не спотынуться и не упасть. Аудіенція продлилась минутъ двадцать. Султанъ, какъ оказалось, никакъ не ожидалъ такого радушнаго, блестящаго пріема и былъ совершенно очарованъ любезностью великаго князя.

На обратномъ слѣдованіи къ пристани, его величество былъ замѣтно веселѣе. Когда онъ вернулся на свой катеръ, то, вѣроятно, ему жаль стало расставаться такъ скоро съ великимъ княземъ. Онъ вышелъ изъ своей рубки и, вопреки намѣченному церемоніалу, просилъ главнокомандующаго сѣсть съ нимъ на катеръ.

„Съ большою охотою“, отвѣчалъ великій князь: „Николаша“, обратился онъ къ сыну, „садись со мною; Дерфельденъ, и ты тоже“, добавилъ его высочество дежурному адъютанту.

Итакъ, побѣдитель и побѣжденный поплыли вмѣстѣ по Босфору въ знакъ полнаго примиренія.

Вслѣдъ затѣмъ „Константинъ“ взялъ начальниковъ частей и почетный караулъ и ушелъ обратно въ Санъ-Стефано. „Ливадія“ осталась на якорѣ въ Золотомъ Рогѣ, и на ней ночевалъ великій князь съ частью свиты, а остальнымъ было разрѣшено провести ночь въ Константинополѣ. На слѣдующій день главнокомандующій осматривалъ конюшни султана, причемъ получилъ въ подарокъ семь чудныхъ арабскихъ жеребцовъ.

Великій князь, большой знатокъ и любитель лошадей, долго и внимательно смотрѣлъ на выводку. Оттуда, въ парадной коляскѣ султана, его высочество прослѣдовалъ на завтракъ къ германскому посланнику, князю Рейссу, а послѣ ѣздилъ на могилу султана Абдуль-Азиса, съ которымъ былъ лично знакомъ со времени путешествія въ Иерусалимъ, еще задолго до войны.

На турокъ произвело отрадное впечатлѣнiе, что великій князь, несмотря на то, что явился въ Константинополь побѣдителемъ, такъ сердечно отнесся къ праху покойнаго султана. Онъ снискалъ къ себѣ этимъ общее уваженіе мусульманъ.

И забылъ сказать, что со времени взятія Адрианополя все турецкое населеніе поднялось и, съ семействами и имуществомъ, бѣжало въ Константинополь. Ихъ размѣстили по всѣмъ мечетямъ и ежедневно переправляли большими партіями на азіатскій берегъ; но все-таки трудно было лѣнливымъ, неповоротливымъ турецкимъ чиновникамъ справиться съ такою массою годнаго народа.

Блистательная Порта обратилась къ великому князю съ просьбою дозволить этимъ бѣглецамъ возвратиться обратно на свои мѣста. Его высочество изъявилъ на то согласіе, и была составлена особая комиссія, въ которую вошли съ нашей стороны: драгоманъ Н. Д. Макѣвъ, одинъ чиновникъ отъ гражданскаго управленія Болгаріи Оленинъ и я, какъ докладчикъ главнокомандующаго и военный агентъ, а со стороны турокъ: Саликъ-паша, Насухи-бей, Оханесъ-ефенди и Насибъ-ефенди.

Съ этою комиссіею я провозился съ 1-го по 15-ое апрѣля. Не буду описывать всѣхъ скучныхъ подробностей нашихъ ежедневныхъ засѣданій; я имѣлъ возможность познакомиться при этомъ съ турецкими приемами администраціи: они такъ томительно вяли и медленны, что просто выводили иногда изъ терпѣнія: Мы собирались то въ Санъ-Стефано, то въ Константинополь; намъ удалось, наконецъ, наладить это дѣло довольно хорошо, и ежедневно стали отправлять на родину цѣлые поѣзда и транспорты этихъ несчастныхъ бѣглецовъ.

Однажды Макъевъ передалъ намъ приглашеніе въ обѣду отъ имени Саликъ-паши, который жилъ въ Скутари, въ собственной роскошной виллѣ. Мы съ большимъ удовольствіемъ согласились на любезное предложеніе и были рады случаю попробовать настоящей турецкой кухни.

Обѣдъ былъ назначенъ въ 4 часа, и мы съ Оленнымъ аккуратно пріѣхали за Макъевымъ въ помѣщеніе русскаго консульства въ Константинополь.

„Что вы такъ рано?“, встрѣтилъ насъ Н. Д.: „да это невозможно! По восточному обычаю пріѣзжать обѣдать въ назначенный часъ — верхъ безтактности; мы должны опоздать, по крайней мѣрѣ, на часъ или полтора: чѣмъ важнѣе гости, тѣмъ они должны долѣе заставить себя ждать“.

Почтенный драгоманъ былъ большой знатокъ Востока, мы ему безусловно подчинились и просидѣли въ зданіи консульства, чтобы набраться должной важности. Какъ перевезъ пасъ на азіатскій берегъ. Красиво рисовалась башня Леандра; граціозно рѣзвились на водѣ дельфины, выскакивая иногда совершенно на воздухъ; была дивная погода.

Всякій разъ, какъ приходилось переѣзжать Босфоръ, невольно брало раздумье: неужели это благодатное мѣсто нивогда не будетъ въ нашихъ рукахъ?!

Мы высадились на берегъ и были встрѣчены людьми паши, которые опроретью бросились бѣжать въ гору, чтобы предупредить о нашемъ прибытіи. Черезъ 5 минутъ мы уже были у гостепріимнаго хозяина. Столъ былъ сервированъ по-европейски, но зато составъ обѣда былъ совершенно турецкій: блюдъ была

масса, рисъ фигурировалъ во всѣхъ видахъ; какъ особое лакомство подавали молодого, почти поворожденнаго, жаренаго барашка, который былъ удивительно пѣженъ и вкусенъ.

Весьма радушно, чисто по восточному, насъ угощали, но обѣдъ тянулся невозможно долго—мы просидѣли за столомъ часа два; бесѣда велась на французскомъ языкѣ; Оханесь-ефенди изъяснялся на немъ довольно хорошо, а П. Д. служилъ намъ переводчикомъ для разговоровъ съ Саликъ-пашею, который былъ истый турокъ стараго закала и ни слова ни на одномъ языкѣ, кромѣ роднаго, не говорилъ.

15-го апрѣля, въ страстную субботу, прибылъ въ главную квартиру ген.-адъют. Тотлебень. Въ этотъ день, вечеромъ, великій князь получилъ телеграмму отъ государя, съ извѣстіемъ о возведеніи его въ званіе фельдмаршала.

Въ маленькой греческой церкви встрѣтили мы Свѣтлый праздникъ. Заутреню совершалъ греческій архіерей въ сослуженіи съ духовникомъ великаго князя, пѣлъ хоръ походныхъ пѣвчихъ. Во время крестнаго хода мы, адъютанты и ординарцы, несли образа; бѣлая хоругвь главнокомандующаго съ надписью: „Съ нами Богъ“ входила въ составъ шествія.

Торжественно раздалось пѣніе „Христось Воскресе“ почти подъ стѣнами Царьграда, въ виду св. Софіи. Послѣ обѣдни великій князь христосовался со всѣмъ штабомъ, и затѣмъ мы весело разгавлялись. Носились слухи, что мы завтра или послѣзавтра уѣзжаемъ въ Петербургъ. Я прошу извиненія, что часто употребляю выраженіе: „носились слухи“; оно понятно только тому, кто бывалъ самъ въ свитѣ: никогда ничего положительнаго неизвѣстно, всегда все остается въ формѣ предположенія, а затѣмъ рѣшеніе вѣходитъ вдругъ, внезапно, и вотъ причина, почему приходится все время быть начеку.

Дѣйствительно, на слѣдующій день намъ было объявлено, что 17-го апрѣля мы отправимся на „Эрекликъ“ въ Одессу, а главнокомандующій выйдетъ вслѣдъ за нами нѣсколькими часами позже на „Ливадію“ съ начальникомъ штаба и адъютантами. Я побѣждалъ прощаться съ товарищами по комиссіи и въ хлопотахъ не попалъ на смотръ всей арміи, который происходилъ 17-го апрѣля близъ Санъ-Стефано. На этомъ парадѣ

войска прощались со своимъ главнокомандующимъ; картина какъ говорили очевидцы, была въ высшей степени трогательна, войска горячо любили великаго князя, и воодушевленіе было таково, что произвело на всѣхъ присутствующихъ неизгладимое впечатлѣніе. На суровыхъ, загорѣлыхъ лицахъ балканскихъ и плевенскихъ героев блистали слезы.

Въ тотъ день я чуть не утонулъ въ Мраморномъ морѣ. Возвращаясь отъ Саликъ-паши домой, я увидѣлъ на набережной товарища ротмистра Бенкендорфа.

„Куда ты ѣдешь“, обратился я къ нему, когда тотъ садился въ каякъ, дожидавшій его у пристани.

„Да вотъ, хочу посмотрѣть отведенныя для насъ каюты на „Эрекливъ“, поѣдемъ вмѣстѣ“, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Я послѣшилъ воспользоваться его предложеніемъ и спрыгнулъ въ каякъ.

„Ну, это напрасно ты такъ прыгаешь“, замѣтилъ Бенкендорфъ, любитель морскаго и рѣчнаго спорта: „продавишь, пожалуй, дно“.

Затѣмъ мы отвалили; четыре сильныхъ турка налегли на весла, и мы стали скользить по морю, направляясь къ пароходу, который стоялъ на якорѣ почти въ верстѣ отъ берега.

Вдругъ наши гребцы начали съ безпокойствомъ болтать по своему, стараясь намъ что-то объяснить. Оказалось, что, я, дѣйствительно, продавилъ шпорою дно каяка, и онъ сталъ наполняться водою.

Мы велѣли немедленно повернуть къ берегу и еле успѣли добраться; каякъ затонулъ уже на мелкомъ мѣстѣ.

17-го вечеромъ мы покинули Санъ-Стефано. Максимъ отправился со мною, а Тычипскій съ лошадьми долженъ былъ слѣдовать вмѣстѣ съ лошадьми великаго князя.

Мы бросили якорь въ Константинополь, взяли какія-то бумаги изъ нашего консульства и затѣмъ поплыли по Босфору.

Этотъ проливъ, окаймленный съ обѣихъ сторонъ горами, покрытыми роскошною растительностью, въ которой бѣлѣютъ загородные дворцы и виллы всего знатнаго населенія Констан-

тивополя, дѣйствительно, оправдываетъ свою репутацію красоты. Я много путешествовалъ по Европѣ, бывалъ на Рейнѣ, но живописнѣе ничего не видалъ.

Вскорѣ прошли мы рядъ турецкихъ укрѣпленій, защищающихъ входъ въ Босфоръ, и вышли въ открытое море. Была чудная, тихая погода. „Эреклиевъ“, плавно покачиваясь, понесъ насъ къ берегамъ Россіи. Насъ ѣхало человекъ 14 ординарцевъ, мы жились во время похода, было что вспомнить, много разъ бывали вмѣстѣ въ разныхъ передѣлкахъ. Это путешествіе не было похоже на то, какъ мы ѣхали въ Кишиневъ. Разговоръ и тутъ не умолкалъ, но это были все воспоминанія, все было, а уже не плоды фантазіи:

„Бойцы вспоминають миновашіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рублились они“.

не приминулъ вернуть Евреинновъ.

У насъ составился уже давно офицерскій хоръ, и послѣ обѣда долго разносились по морю наши пѣсни. Мы привезли съ собою громадный репертуаръ чисто военныхъ пѣсенъ, который впоследствии съ успѣхомъ замѣнилъ массу фабричныхъ сочиненій, которыя пѣвались въ войскахъ.

Меня предупреждали, что лихорадка моя вернется, если я поѣду по водѣ. Я объ этомъ забылъ, такъ какъ уже 5-й мѣсяцъ былъ совсѣмъ здоровъ.

Къ вечеру я почувствовалъ головную боль, приписалъ ее усталости и легъ спать ранѣе другихъ; но это оказался приступъ лихорадки, который меня свалилъ разомъ съ ногъ. Я промучился всю ночь. Поутру, благодаря заботамъ товарищей, меня перевезли съ парохода прямо въ свитскій вагонъ на станцію желѣзной дороги.

Я слышалъ, какъ во снѣ, восторженное ура, которое провозжало главнокомандующаго. Такъ провалялся я два дня и только послѣ Бреста вышелъ изъ вагона.

„Ну что, Володя?“ обратился ко мнѣ великій князь: „и ты сегодня вылѣзъ; однако, ты порядочно похудѣлъ“.

Болгарская лихорадка имѣетъ удивительное свойство въ

одинъ день такъ перевернуть весь организмъ, что походишь на человѣка, только-что перенесшаго самую тяжелую болѣзнь.

22-го апрѣля прибыли мы въ Петербургъ. Я вернулся въ полкъ; а затѣмъ, 28-го ноября 1878 года, имѣлъ счастье быть назначеннымъ адъютантомъ къ его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу Старшему.

В. М. Воилярскій.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ОБЪ ЮЖНОЙ БОЛГАРІИ

за время окупаци ея русскими войсками въ 1878 — 1879 гг.
и о послѣдующихъ событіяхъ въ княжествѣ Болгарскомъ ¹⁾).

Въ Филиппополѣ или, по-болгарски, Пловдивѣ нами введено было гражданское управленіе въ началѣ февраля 1878 года, такъ какъ только 3-го февраля состоялось, по приказу августѣйшаго главнокомандующаго, назначеніе генеральнаго штаба полковника Шецелева губернаторомъ, а меня вице-губернаторомъ, послѣ чего существовавшее тамъ, до нашего пріѣзда, военное управленіе подъ начальствомъ военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта А. Д. Столынина, было упразднено.

Тамъ сформированы были совѣты: городской, соотвѣтствующій нашему городскому общественному управленію, судебный, замѣняющій окружный судъ, и окружной совѣтъ; въ родѣ нашей губернской земской управы. Въ члены этихъ учреждений, равно и въ предсѣдатели таковыхъ назначены были мѣстные, весьма интеллигентные, болгары. Изъ состоявшихъ-же при губернаторѣ офицеровъ, преимущественно гвардейцевъ ²⁾, были назначены: полицей-

¹⁾ Автору настоящихъ замѣтокъ принадлежитъ также другая статья о Болгаріи — „Болгарское ополченіе и его сформированіе въ 1875—1879 гг.“, напечатанная въ „Русской Старинѣ“ изд. 1889 г., т. LXII, стр. 135—159; изд. 1890 г., т. LXVI, стр. 413—437.

Ред.

²⁾ Множество гвардейскихъ офицеровъ было прикомандировано къ гражданскому управленію, по ходатайству князя Черкаскаго, считавшихся кандидатами на гражданскія должности, именно, окружныхъ начальниковъ и полицеймейстеровъ въ городахъ, съ цѣлью избѣгнуть вызова чиновниковъ изъ Россіи, коихъ князь Черкасскій не считалъ вполне благонадѣжными, между тѣмъ какъ въ гвардейскихъ офицерахъ онъ видѣлъ идеалъ честности.

И. С. И.

43*

мейстерами въ городѣ и окружными начальниками по округамъ, соотвѣтствующимъ нашимъ уѣздамъ. Въ это время еще не было въ Пловдивѣ самыхъ почетныхъ и самыхъ интеллигентныхъ гражданъ, какъ, напримѣръ: Гешевыхъ, д-ра Чуманова, Якима Груева и др. Всѣ эти лица, еще съ половины 1876 года, находились въ Константинополѣ, куда они переѣхали какъ въ болѣе безопасное для своей жизни мѣсто, такъ какъ въ это время въ Филиппополѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ въ южной Болгаріи, турки своими свирѣпствами доходили до бѣшенства, по поводу проявившихся тамъ кое-гдѣ у болгаръ національныхъ движеній. Множество передовыхъ болгаръ, по одному простому подозрѣнію въ участіи въ національныхъ движеніяхъ,—хотя можно сказать, что въ то время и не было ни одного интеллигентнаго болгарина, который не думалъ объ освобожденіи Болгаріи отъ турецкаго владычества,—было повѣшено, какъ, напримѣръ, въ Филиппополѣ, Карловъ¹⁾, Калоферъ, Казанлыкѣ, Ески-Загрѣ, Сливнѣ, Ямболѣ и др., такъ и въ селеніяхъ. Это было страшное время, время ужасовъ и небывалаго террора!... Во всѣхъ городахъ главныя улицы и площади въ продолженіе 1876 года почти не освобождались отъ труповъ повѣшенныхъ болгаръ. Надѣвала петлю на шею этимъ несчастнымъ людямъ, турки приговаривали имъ: „вы ожидали прихода русскихъ гяуровъ, такъ пусть-же они и снимутъ васъ съ висѣлицы“.

Вѣжавшіе въ Константинополѣ болгары осуждены были на такую-же участь, но ея они избѣгли только благодаря участію иностранныхъ консуловъ, способствовавшихъ имъ уйти съ мѣста жительства, особенно Гешевымъ, которые долго сидѣли въ тюрьмѣ въ Филиппополѣ и со дня на день ожидалось повѣшеніе ихъ; спасены-же оны были только энергичнымъ вѣшательствомъ англійскаго посла въ Константинополѣ, знавшаго молодыхъ Гешевыхъ какъ англійскихъ воспитанниковъ.

Масса такихъ-же вліятельныхъ и интеллигентныхъ болгаръ была сослана въ разныя мѣста въ Азіи, особенно въ Діарбекиръ, откуда оставшіеся еще въ живыхъ, такъ какъ множество ихъ тамъ погибло, измученные, были возвращены только послѣ заключенія знаменательнаго Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, по требованію августѣйшаго главнокомандующаго²⁾.

¹⁾ Въ этомъ городѣ почти-что всѣ мужчины были перевѣшаны. Одрѣхъ только вдовъ бѣдныхъ и можно было видѣть тамъ въ 1878 году.

И. С. И.

²⁾ Многіе сторонники сербовъ упрекали болгаръ въ томъ, что оны не возстали противъ турокъ въ то время, когда сербы открыли свой бой съ Турціею:

Филиппополь—это самый интеллигентный городъ, жители котораго, встаети сказать, отличаются замѣчательнымъ гостеприимствомъ ¹⁾. Еще въ 1840-хъ годахъ туда ѣздила молодежь изъ Сѣверной Болгаріи для изученія старо-греческаго языка, впоследствии-же этотъ самый городъ, который еще въ то, не такъ далекое, время чуть-ли не слылъ за греческій городъ ²⁾, сдѣлался центромъ лучшихъ интеллигентныхъ силъ Южной Болгаріи. Здѣсь впервые возродилась мысль о восстановленіи своей духовной іерархіи, и лучшими представителями этого національнаго дѣла были южные болгары.

Въ это именно время, т. е. въ началѣ февраля (1878 г.), когда наши побѣдоносныя войска, во главѣ съ доблестнымъ августѣйшимъ главнокомандующимъ, стояли уже подъ стѣнами Константинополя и съ минуты на минуту ожидалось занятіе этого ключа восточнаго вопроса, болгары, хотя и не сомнѣвались въ освобожденіи своего отечества, съ нетерпѣніемъ ожидали заключенія мира и, главное, того, въ какихъ границахъ будетъ восстановлена многострадальная Болгарія. Вся надежда возлагалась въ этомъ случаѣ на одного изъ виновниковъ освободительной войны, бывшаго російскаго посла при Оттоманской Портѣ—гр. Н. П. Игнатъева, на его знаніе Болгаріи, тѣмъ болѣе, что незадолго до заключенія мира онъ собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о границахъ великой Болгаріи ³⁾. Наконецъ,

но почему же сербы не воспользовались тѣмъ движеніемъ, которое болгары начали еще въ апрѣлѣ въ Южной Болгаріи? Нужно замѣтить, что почва въ Болгаріи въ то время была отлично подготовлена объѣхавшими ее не разъ въ качествѣ политическихъ апостоловъ молодыми болгарами, принимавшими участіе въ національныхъ движеніяхъ.

¹⁾ Я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное мною тамъ, и гостеприимство многихъ, особенно Цока Коблышкова и семейства Пешевой, въ домѣ коихъ я имѣлъ квартиру: въ началѣ у первого, а затѣмъ, до выѣзда моего въ Сливну, въ домѣ второй. Чистота вообще въ домахъ обращаетъ на себя особенное вниманіе. Здѣсь выдѣляются шелковыя кружева чрезвычайной изящной работы.

²⁾ Вѣдь было-же время, и это не такъ давно, именно въ 1840-хъ годахъ, когда болѣе богатые болгары, занимавшіе видное положеніе, выдавали себя за грековъ, чтобы этакимъ, съ одной стороны, такъ сказать, выдѣлится себя отъ другихъ своихъ горожанъ, а съ другой—пользоваться расположеніемъ турокъ. Даже многіе изъ переселившихся въ Россію болгаръ слыли за нѣжинскихъ грековъ.

³⁾ Одесское болгарское настоятельство или, лучше сказать, олицетворяющій его Н. Х. Палоузовъ, такъ какъ онъ одинъ только и работалъ и давалъ инициативу по болгарскимъ дѣламъ, представилъ гр. Н. П. Игнатъеву всѣ свѣдѣнія о границахъ Болгаріи.

И. С. И.

настало достославное въ исторіи Россіи и Болгаріи 19-е февраля, когда заключенъ былъ знаменательный С.-Стефанскій договоръ, образовавшій ту именно Болгарію, на которую болгары на этотъ разъ и рассчитывали. Трудно описать торжество болгаръ, особенно болгаръ передовыхъ, интеллигентныхъ, тѣхъ именно болгаръ, которые не мало горькихъ испытаній перенесли, не мало жертвъ видѣли въ свою жизнь и не мало поработали за великое дѣло освобожденія своего отечества... Ликованія съ каждымъ днемъ усиливались въ Филиппополѣ, факельное шествіе по улицамъ, особенно передъ квартирами полковника Шепелева, какъ губернатора, мою, какъ вице-губернатора, генерала А. Д. Столыпина, восхвалія „да живѣй нашъ царь-избавитель Александръ Николаевичъ, да живѣй великая Россія, да живѣй августѣйшій главнокомандующій, да живѣй Наслѣдникъ Цесаревичъ, генералъ Игнатъевъ“ и проч... не умолкали ни днемъ ни ночью въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Дѣйствительно, это было слишкомъ знаменательное время, это было такое великое событіе, что нельзя было не восторгаться имъ, какъ и чувствами возрожденнаго народа. Сверженіе такого ига, которое тяготѣло надъ этимъ народомъ почти пятьсотъ лѣтъ—это есть, постигъ, величайшее событіе... Даже несчастные турки, оставшіеся въ Филиппополѣ, проникались какъ будто-бы этою радостью своихъ недавнихъ еще гяуровъ и какъ-бы готовы были присоединиться тоже къ этому торжеству. Такія великія событія, дѣйствительно, только вѣками совершаются...

Но вскорѣ послѣ этого великаго, историческаго 19-го февраля разносится роковая вѣсть, что западной Европѣ не понравился этотъ договоръ и что она зоветъ Россію въ Берлинъ на пересмотръ его.. Нужно было видѣть озлобленіе болгаръ противъ Англіи, которую они, кажется, зубами готовы были растерзать. Англіискій делегатъ боялся показаться на улицу отъ одного стыда за столь вопіющее направленіе политики такого просвѣщеннаго народа, какъ англійскій. Болгары раньше еще знакомы были съ этимъ направленіемъ англійской политики: за годъ передъ тѣмъ, именно въ 1876 году, леди Страндфордъ, жена извѣстнаго англійскаго посла въ Константинополѣ въ 1860-хъ годахъ, посѣтила много городовъ и селеній въ южной Болгаріи, вникала тамъ во все, была въ школахъ и церквахъ, предлагала богатые подарки на училища, отъ которыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ даже отказывались, причемъ вездѣ увѣряла болгаръ, что Россія ничего хорошаго не въ состояніи сдѣлать для нихъ, совѣтовала имъ поэтому не рассчитывать на Россію, которая имѣетъ одни только завоевательные виды, и что лучше нѣтъ

держаться турецкаго правительства. Конечно, эта туркофилка не только-что ни въ чемъ не успѣла, но, напротивъ, еще болѣе озлобляла болгаръ противъ Англіи ¹⁾).

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1878 года я поѣхалъ по губерніи, чтобы ближе познакомиться съ несчастнымъ положеніемъ разореннаго болгарскаго населенія и чѣмъ-либо помочь его горю. Первый городъ, куда я пріѣхалъ въ день моего выѣзда—это былъ Карлово. Здѣсь не столько пострадали дома, сколько мужчины, которыхъ турки успѣли перевѣшать. Вѣдь въ этомъ несчастномъ городѣ почти-что не осталось мужчинъ, такъ что Карлово состояло изъ однѣхъ только несчастныхъ вдовъ, болѣею частью нуждавшихся въ насущномъ кускѣ хлѣба, такъ какъ турки, уходя изъ этого города, съ наступленіемъ русскихъ войскъ, ограбили у нихъ все имущество. Меня обступила масса голодныхъ женщинъ и дѣтей: „помогнете, умираемъ отъ гладь“, взывали онѣ ко мнѣ. Я сдѣлалъ все, что было въ моихъ рукахъ. именно распорядился выдать изъ суммъ, состоявшихся въ вѣдѣніи городскаго совѣта, 10 тыс. франковъ, да тысячу четвертей хлѣба. Калоферъ, лучшій изъ городовъ, оказался безъ жителей, такъ какъ они бѣжали и не успѣли еще возвратиться, но болѣшая часть его разорена, церкви и школы до половины были разрушены. Казанлыкъ — это прекраснѣйшій городъ, производящій розовое масло на сотни тысячъ рублей, также разоренъ, но болѣшая часть жителей была уже на мѣстахъ. Въ то время здѣсь состоялъ окружнымъ начальникомъ гвардіи полковникъ Домети. Самыми несчастными и разоренными городами оказались Ески-Загра и Ени-Загра. Болѣе 1,000 женщинъ и дѣтей явилось ко мнѣ въ Ески-Загрѣ съ рыданіемъ помочь имъ и спасти ихъ отъ голодной смерти. Къ счастью, въ городскомъ совѣтѣ оказалось до 25-ти тыс. франковъ, которые я распорядился роздать бѣднымъ и выдать имъ изъ магазина слишкомъ 1000 четвертей пшеницы. Въ Ени-Загрѣ я сдѣлалъ то-же самое, но тамъ оказалось только около 8,000 франковъ и около 500 четвертей пшеницы. Въ Ески-Загрѣ всѣ церкви, училища и лучшія зданія были разорены. Здѣсь дѣло учебное было поставлено отлично. Въ этомъ городѣ существовало что-то около 10-ти

¹⁾ Нужно только сопоставить это время тѣмъ грустнымъ событіямъ, слѣдовавшимъ одно за другимъ послѣ филиппопольскаго переворота 6-го сентября 1885 г., чтобы видѣть, насколько обстоятельства переработали политику. Вѣдь страхъ беретъ, вспоминая объ этихъ потрясающихъ событіяхъ, которыя такъ рѣзко переиначили на Востокѣ политическія роли...

И. С. И.

училищъ мужскихъ и женскихъ и всё они содержались на общественныя деньги, учительницы были мѣстныя болгарки, получившія образованіе въ Прагѣ. Этотъ городъ снабжалъ учительницами всё женскія училища въ другихъ городахъ Болгаріи. Меня не мало поражало то обстоятельство, что въ это именно время, когда городъ былъ разоренъ, когда оставалась масса несчастныхъ голодныхъ семействъ, въ нѣсколькихъ частныхъ домахъ были открыты училища, въ которыхъ я нашелъ не мало учившихся дѣтей. Всѣ почти богатые болгары здѣсь были окончательно разорены. Когда въ іюлѣ 1877 года нахлынула орда Сулеймана, въ количествѣ болѣе 40 тысячъ турокъ, болгары, уходя-язъ своихъ домовъ, не успѣвали даже деньги свои захватить, а тѣ, которые могли захватить свои деньги, то, когда были застигнуты турками, бросали на дорогу цѣлыя мѣшечки съ золотомъ. Много людей было здѣсь перерѣзано въ роковой день 19-го іюля, когда началось отступленіе отряда генерала Гурки, хотя и не малая масса другихъ была спасена въ этотъ день, благодаря геройской защитѣ браваго болгарскаго ополченія. Турокъ ни въ городахъ, за исключеніемъ Филиппополя, гдѣ осталось нѣсколько семействъ ¹⁾, ни въ селеніяхъ во всей южной Болгаріи не осталось, такъ какъ всё они еще за нѣсколько дней до занятія нашими войсками края, ушли съ ограбленнымъ у болгаръ имуществомъ, которое, впрочемъ, у нихъ частью отбито было нашими передовыми отрядами, а частью они сами побросали, не имѣя возможности тащить его съ собою, а тѣмъ болѣе рогатый скотъ. Большая часть этого имущества была растаскана кѣмъ попало, но значительная часть его попадала въ руки интендантскихъ чиновниковъ. Все-же, что попало въ распоряженіе городскихъ и окружныхъ совѣтовъ, было продано ²⁾ съ аукціона и вырученныя отъ этого деньги составляли особенный запасной капиталъ, изъ котораго впоследствии приходилось оказывать пособіе бѣднымъ жителямъ, не исключая и турокъ.

¹⁾ Это были такіе турки изъ богатыхъ и вліятельныхъ, которые рассчитывали на защиту со стороны вліятельныхъ-же филиппопольскихъ болгаръ. Однако, двое изъ этихъ турокъ, одинъ по имени, кажется, Арифъ-Ефенди, не избѣгли горькой участи: обнаружено было, что они участвовали въ злодѣйствахъ до прихода нашихъ войскъ, поэтому, по распоряженію императорскаго комиссара, въ августѣ 1878 года они были арестованы и долго содержались въ тюрьмѣ, потомъ были приговорены къ смертной казни.

²⁾ Въ вѣдѣніи филиппопольскаго городского совѣта было весьма цѣнное имущество, хотя съ аукціона продавалось за безцѣнокъ. Были замѣчательной работы ковры, женское бѣлье, особенно изящной работы шелковыя рубахи, которыя носятъ турчанки, также было громадное количество мѣдной посуды и проч.

Движимое имущество бѣжавшихъ турокъ, въ особенности такое, какое подвергалось порчѣ, также продавалось, но выручавшіяся отъ такого имущества деньги записывались на приходъ по книгамъ переходящихъ и принадлежащихъ разнымъ лицамъ суммъ, а затѣмъ впоследствии, когда собственники такого имущества—турки—возвращались, то они получали вырученныя отъ продажи его деньги. Что-же касается до недвижимаго имущества, принадлежавшаго бѣжавшимъ туркамъ, то таковое возвращалось имъ только по представленіи ими документальныхъ доказательствъ о принадлежности имъ такового, какъ, напр.: водяныя и мукомольныя мельницы, чефлики, т. е. помѣстья съ постройками, виноградныя сады, дома и проч. ¹⁾).

Гражданское управленіе, все еще остававшееся въ С.-Стефанѣ, со смертію высокоавторитетнаго кн. В. А. Черкаскаго, въ виду ожидавшагося упраздненія его и назначенія императорскаго комиссара, находясь почти на исходѣ, теряло значеніе и даже энергію, тѣмъ болѣе, что временный его представитель оставался во все это время въ неизвѣстности относительно будущаго своего положенія, т. е. останется или нѣтъ въ управленіи императорскаго комиссара ²⁾. Вотъ почему и дѣла наши по вѣдомству гражданскому, можно сказать, до прибытія князя А. М. Дондукова-Корсакова и сформированія его управленія были въ полнѣйшемъ застоѣ ³⁾. Болгары все это время не переставали тревожиться слухами о предстоящемъ берлинскомъ конгрессѣ, о предполагавшемся уменьшеніи срока окупациі, объ уменьшеніи территоріи и пр.

¹⁾ Возвращеніе этого рода имущества представляло не мало затрудненій потому что турки владѣли недвижимыми имуществами безъ всякихъ рѣшительно документовъ, и когда пришлось разбирать процессы по этому предмету, то въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что эти имущества въ разныя времена были захвачены у болгаръ турками по праву сильного.

²⁾ Впрочемъ, эта неизвѣстность разъяснилась тотчасъ-же по прибытіи въ С.-Стефано князя А. М. Дондукова-Корсакова: въ обнародованномъ спискѣ лицъ, предназначенныхъ княземъ въ его управленіе, онъ не значился, послѣ чего онъ такъ поспѣшно выѣхалъ изъ С.-Стефано, что почти никто изъ его сослуживцевъ не успѣлъ пожелать ему счастливой дороги. Такимъ образомъ пріятныя надежды исчезли.

³⁾ Одинъ весьма крупный вопросъ, возбужденный относительно Бѣловскихъ лѣсовъ въ филиппопольской губерніи по претензіи къ компаніи Гирта, съ которымъ Филиппопольскій губернаторъ обращался къ заступавшему мѣсто завѣдывающаго гражданскими дѣлами, остался въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи.

Пріѣздъ въ С.-Стефано императорскаго комиссара нѣсколько успокоилъ болгаръ. Въ Филиппополѣ, въ началѣ мая, начались приготовления къ приему кн. А. М. Дондукова-Корсакова. Самый лучший домъ въ Филиппополѣ, именно домъ доктора Рашко, былъ назначенъ городскимъ совѣтомъ подъ помѣщеніе князя.

Филиппопольскій губернаторъ былъ вызванъ въ С.-Стефано императорскимъ комиссаромъ, а я управлялъ губерніею. Наконецъ, послѣдовалъ и самый пріѣздъ князя комиссара. Встрѣча была необыкновенно торжественная и вполне соответствовала знаменательному времени. Улицы и дома до самаго вокзала были украшены флагами и дорогами коврами, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ были воздвигнуты великолѣпныя арки съ надписями: „да живѣй Царь-Избавитель, добръ дошелъ княже“. По пути отъ вокзала, въ разныхъ мѣстахъ, семь депутацій ожидали съ адресами: первую депутацію на перонѣ вокзала составляли предсѣдатель и члены городского совѣта, привѣтствовавшіе князя и поднесшіе ему на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ и соль; вторую депутацію въ залѣ вокзала составлялъ филиппопольскій митрополитъ Цонаретъ, съ викаріемъ своимъ, Гервасіемъ; третью депутацію представлялъ греческій митрополитъ съ своимъ духовенствомъ; четвертую депутацію представлялъ католическій епископъ; пятую—составляли почетнѣйшіе греки, шестую—ученики съ учителями, затѣмъ армяне и турки, послѣднюю-же депутацію представляло женское училище, во главѣ съ своею учительницею Еленою Георгіевою. Вотъ одной этой учительницѣ и удалось ¹⁾ привѣтствовать князя комиссара прочувствованною рѣчью, приведшею его въ восторгъ. Вотъ приблизительно какъ записана была мною въ мою памятную книжку сущность этой рѣчи: „Ваше высочайшее! Не только мы, взрослые, знакомые съ исторіею нашего многострадалнаго отечества, знающіе его славное прошлое, видѣвшіе и его злополучія, его великія, перу не поддающіяся страданія, насилія, глубоко цѣнимъ великое благодѣяніе, оказанное намъ славнымъ Царемъ-Избавителемъ, но и эти дѣти, только что начинающія читать и писать, чувствуютъ его и вмѣстѣ съ нами проникнуты глубочайшимъ благоговѣніемъ и благодарностью къ его императорскому величеству царю, матери-Россіи и храбрымъ воинамъ, кровью своею освободившимъ нашу, нынѣ уже счастливѣйшую, родину. Въ вашей свѣтлости мы видимъ царскаго избранника, который устроитъ нашу Болгарію такъ, чтобы она никогда болѣе не возвращалась

¹⁾ Каждая изъ всѣхъ означенныхъ депутацій начинала привѣтственную рѣчь, но сбивалась отъ овладѣвавшей ею робости. И. С. И.

въ то тяжелое положеніе, отъ котораго избавлена столь большими жертвами... Да живѣй Царь-Избавитель, да живѣй вся Россія, да живѣй и его избранникъ князь комиссаръ!⁴

Длинною, прочувствованною рѣчью привѣтствовалъ князя Александра Михайловича и экзархъ болгарскій, блаженный Іосифъ, въ церкви св. Богородицы, послѣ совершенія молебствія о здравіи государя императора.

Кн. Дондуковъ-Корсаковъ сразу произвелъ прекрасное впечатлѣніе на болгаръ, и симпатіи ихъ къ нему стали съ каждымъ днемъ усиливаться. Мягкое и всегда ровное со всѣми обращеніе князя, его необыкновенная доступность, чрезвычайная простота, его симпатичный, да притомъ необыкновенно живой характеръ—какъ разъ пришлись по вкусу болгаръ, которые, всегда въ восторгѣ отъ него, не разъ на рукахъ подымали его на ура¹).

Такимъ образомъ, тревожное положеніе болгаръ съ пріѣздомъ императорскаго избранника превратилось пока въ весьма хорошее расположеніе духа подъ влияніемъ хорошихъ впечатлѣній, которыя новое управленіе производило на болгаръ; они даже перестали вѣрить слухамъ о предполагаемомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, хотя, впоследствии, какъ мы увидимъ дальше, слишкомъ много пришлось убѣждать ихъ подчиниться этому жестокому рѣшенію европейскаго ареопага.

Въ концѣ мая 1878 г. образовалось центральное управленіе російскаго императорскаго комиссара такимъ образомъ, что при князѣ комиссарѣ состоялъ совѣтъ изъ шести членовъ, изъ коихъ одинъ управлялъ канцеляріею и дипломатическою частью императорскаго комиссара, другой—военнымъ отдѣломъ, третій—отдѣломъ внутреннихъ дѣлъ, четвертый—отдѣломъ финансовъ, пятый—отдѣломъ юстиціи и шестой—отдѣломъ народнаго просвѣщенія. Въ Филиппополѣ тогда составила международная коммиссія, которая занята была выработаніемъ органическаго устава для такъ названной Восточной Румелии.

Вслѣдъ за обнародованіемъ условій берлинскаго договора послѣдовало и номинальное раздѣленіе высшей власти, представителями которой стали: въ сѣверной Болгаріи, изъ которой образовалось

¹) У князя комиссара, какъ въ Филиппополѣ, пока тамъ оставалось его управленіе, такъ, потомъ, и въ Софіи, обѣдало каждый день не менѣе 20 лицъ изъ состоявшихъ въ его управленіи. Управленіе императорскаго комиссара и завѣдывавшаго гражданскими дѣлами кн. В. А. Черкаскаго, а тѣмъ болѣе заступавшаго нѣкоторое время мѣсто послѣдняго, послѣ его смерти, представляло громадный контрастъ.

болгарское княжество, императорскій російскій комиссаръ, въ лицѣ князя А. М. Дондукова-Корсакова, въ южной-же, забалканской, Болгаріи, окрещенной въ „Восточную Румелию“, генераль-губернаторъ, въ лицѣ генераль-лейтенанта А. Д. Столыпина, съ резиденціями: перваго въ Софіи, а втораго въ Филиппополѣ; но общими дѣлами въ обѣихъ половинѣхъ Болгаріи руководилъ императорскій комиссаръ не только de jure, но и de facto.

Что касается Македоніи, входившей въ составъ С.-Стефанской Болгаріи, для которой были предназначены какъ губернаторы, такъ и окружные начальники, въ лицѣ гвардейскихъ офицеровъ, состоявшихъ при софійскомъ губернаторѣ, со дня на день ожидавшіе приказанія, чтобы двинуться къ мѣстамъ назначеній, — то проекты реформъ, т. е. распространеніе нашего гражданскаго управленія въ этой части Болгаріи, остались только въ идеѣ ¹⁾.

Реформы въ Болгаріи—устройство гражданскаго управленія, образованіе такъ названнаго земскаго войска и пр.—предполагалось произвести, по заранѣ составленному плану, въ два года, но состоявшійся къ этому времени берлинскій договоръ совершенно парализировалъ и измѣнилъ эти проекты такъ, что всю эту работу нужно было совершить въ назначенный этимъ договоромъ краткій срокъ нашей окупаціи, именно всего въ девять мѣсяцевъ.

Войско считалось первою необходимостью въ освобожденномъ краѣ, въ видахъ охраненія въ немъ порядка и безопасности, поэтому къ этой отрасли организаціи приступлено было прежде всего и съ наибольшею энергіею. Изданы были въ скоромъ времени и правила отбыванія воинской повинности ²⁾, по которымъ она стала обязательною для всего населенія отъ 20 до 30 лѣтъ, безъ различія вѣры и національности, а срокъ дѣйствительной службы определенъ двухгодичный. Въ началѣ іюля того-же 1878 года приступлено уже было къ призыву 20,400 болгаръ, изъ коихъ 3,000 человекъ обращены были на укомплектованіе существовавшихъ дружинъ болгарскаго ополченія до тысячнаго состава каждая, а изъ другихъ 17,400 человекъ должны были быть сформированы новыя пѣшія дружины, сотни и артиллерійскія роты (батареи) болгарскаго земскаго войска, въ составъ котораго вошли слѣдующія части въ 5-ти ниженазванныхъ санджакахъ или губерніяхъ:

¹⁾ Въ то время никто, кажется, не считалъ не болгарскою этой части Македоніи.

²⁾ Въ это время осуществилось и это желаніе Болгаріи, которое за время управленія князя В. А. Черкаскаго, какъ извѣстно, было отвергнуто.

Въ Софійскомъ санджакѣ:

Симоковская пѣшая дружина № 4, Орханейская № 5, Софійская конная сотня № 1, артиллерійская рота (батарея) № 1.

Въ Видинскомъ санджакѣ:

Ломъ-паланская пѣшая дружина № 7, Враченская № 8, Видинская конная сотня № 2, артиллерійская рота (батарея) № 2.

Въ Тырновскомъ санджакѣ:

Сельвелійская пѣшая дружина № 10, Ловчинская № 11, Тырновская конная сотня № 3, артиллерійская рота (батарея) № 3.

Въ Руцукскомъ санджакѣ:

Руцукская пѣшая дружина № 14, Плевенская № 16, Разградская № 17, Силистрийская № 18, Руцукская конная сотня № 4, артиллерійская рота (батарея) № 4.

Въ Филиппопольскомъ санджакѣ:

Пловдивская пѣшая дружина № 21, Татаръ-базарджикская № 22, Хаскюйская № 25, Пловдивская конная сотня № 5, артиллерійская рота (батарея) № 5.

Въ Сливенскомъ санджакѣ:

Бургасская пѣшая дружина № 28, Сливенская конная сотня № 6, артиллерійская рота (батарея) № 6.

Всего 15 пѣшихъ дружинъ, 6 конныхъ сотенъ и 6 артиллерійскихъ ротъ (батарей)¹⁾.

За послѣдовавшими затѣмъ, въ теченіе времени до открытія перваго народнаго собранія, т. е. учредительнаго, нѣкоторыми измѣненіями, болгарское войско состояло изъ 21 пѣшей дружины, 8 батарей артиллеріи, 4 конныхъ сотенъ, одной саперной строевой учебной роты и одной роты осадной артиллеріи, т. е. численность болгарскаго войска къ концу 1878 г. простиралась до 21,000 болгаръ-воиновъ. Русскій-же кадръ для этой численности составлялъ: 394 офицера, въ томъ числѣ, впрочемъ, 135 оберъ-офицеровъ болгарскаго происхожденія и 2,694 русскихъ нижнихъ чина.

Важно то, что въ такое чрезвычайно короткое время можно было составить войско такой численности, какъ 21,000 человекъ, но еще важнѣе то, что, менѣе чѣмъ въ 6 мѣсяцевъ, можно было образовать изъ этого сыраго матеріала войско, котораго нельзя было различить по строю и по знанію службы отъ войска, существу-

¹⁾ Части эти сформированы въ составѣ: дружины въ 1,000 человекъ каждая, сотня въ 150 и батарея въ 250. И. С. И.

щаго десятии лѣтъ. Еще болѣе убѣждаетъ въ замѣчательной способности болгаръ къ военной службѣ и то обстоятельство, что въ первый годъ открытія въ Софіи военнаго училища, по плану русскихъ военныхъ училищъ, съ преподаваніемъ притомъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, сразу явилось въ Софію 250 такихъ молодыхъ болгаръ, изъ которыхъ туда могли поступить: 100 чело-вѣкъ въ старшій классъ, а 150 въ младшій, такъ что къ маю 1879 г. 100 молодыхъ болгаръ выпущено было въ офицеры и назначены въ разныя части болгарскаго войска, а остальные 150 выпущены были уже въ маѣ слѣдующаго 1880 г. офицерами - же, съ назначеніемъ ихъ также въ разныя части болгарскаго войска. Да, кромѣ того, съ высочайшаго соизволенія, отправлено было изъ Болгаріи въ елисаветградское кавалерійское юнкерское училище 90 молодыхъ болгаръ и 42 въ разныя школы: техническую, широтехническую (въ Петербургѣ) и оружейную (въ Тулѣ) ¹⁾. Дѣло военное въ Болгаріи, такимъ образомъ, сразу поставлено было хорошо и, въ этомъ отношеніи, нельзя не признать за княземъ Александромъ Михайловичемъ Дондуковымъ-Корсаковымъ великой заслуги.

Къ этому времени императорскій комиссаръ, въ видахъ составленія запаснаго капитала на нужды княжества ²⁾, счелъ за благо продать въ однѣ руки, именно какому-то французскому негодіанту. Маршалу, дежму, т. е. десятую часть со всѣхъ произведеній Забалканской Болгаріи, т. е. такъ называемой Восточной Румелии, за довольно крупненькую сумму, хотя впослѣдствіи эта продажа оказалась очень невыгодною, такъ какъ, до сдачи дежмы, цѣны на зерно, особенно на ячмень и овесъ, поднялись очень высоко, почти до 13 франк. за четверть, между тѣмъ какъ четверть этого продукта была продана чуть-ли не вчетверо дешевле. Эта невыгода выразилась еще и въ томъ, что дежда была продана съ доставкою отъ населенія на пунеты, довольно отдаленные для селеній, какъ въ Енизагру, Ямболъ и Бургасъ и т. д. Между тѣмъ, въ это время, когда нужно было свозить зерно на помянутые пункты, пошли дожди

¹⁾ Изъ этихъ, вышедшихъ изъ софійскаго военнаго училища въ 1879 и 1880—1881 годахъ, болгарскихъ офицеровъ, спустя немного времени, поступило въ академію генеральнаго штаба, артиллерійскую, инженерную и артиллерійскую нѣсколько чело-вѣкъ и окончили тамъ полный курсъ съ замѣчательными успѣхами.

²⁾ Благодаря такой неусыпной заботливости князя А. М. Дондукова-Корсакова, въ кассѣ княжества онъ оставилъ, съ упраздненіемъ русскаго управленія, слишкомъ 20 милліоновъ франковъ наличныхъ средствъ.

и развилась такая грязь, что четыре пары воловъ мѣстной мелкой породы едва тащили возъ съ 20 пудами груза.

Главное несчастье состояло еще и въ томъ, что рогатый скотъ остался въ населеніи въ крайне ограниченномъ количествѣ, поэтому населеніе готово было просто на просто подарить всю эту дежму, лишь-бы не требовать отъ него такихъ жертвъ, какъ доставки таковой. За четверть овса покупщикъ, напр., платилъ не дороже 3-хъ франковъ, а доставка въ то время стоила вдвое дороже. По поводу этой доставки были большія затрудненія, да и не мало неприятностей пришлось испытать всѣмъ властямъ, которыя никакъ не могли исполнять одно за другимъ получавшихся строгихъ предписаній отъ главнаго центрального управленія о немедленной доставкѣ дежмы по назначенію, по недостатку въ населеніи перевозочныхъ средствъ. Были командированы по разнымъ округамъ чиновники, какъ для ознакомленія съ доставкой, такъ и для содѣйствія по этому дѣлу, но противъ невозможности идти было немислимо. По этому предмету получились весьма интересные отчеты отъ г. П. Славейкова, состоявшаго тогда при мнѣ чиновникомъ особыхъ порученій и имѣвшаго порученіе содѣйствовать болѣе успѣшной доставкѣ хлѣба, въ виду постоянныхъ протестовъ со стороны антрепренера.

Въ сѣверной Болгаріи въ это время шла подготовительная работа по составленію проекта конституціи для имѣвшаго образоваться Болгарскаго княжества. Предварительно, князь комиссаръ пожелалъ знать мнѣніе болѣе интеллигентныхъ и передовыхъ болгаръ о той формѣ правленія, какая наиболѣе отвѣчала-бы современному духу и направленію болгарскаго народа. Составленный имъ затѣмъ проектъ конституціи былъ, какъ извѣстно, представленъ на воззрѣніе нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, а потомъ внесенъ на разсмотрѣніе учредительнаго собранія, долженствовавшаго, въ силу берлинскаго трактата, образоваться изъ такъ названныхъ „именитыхъ болгаръ“¹⁾ въ Тырновѣ, которые частью были выбраны, а частью назначены императорскимъ комиссаромъ. Это-же самое собраніе должно было избрать и избрало князя болгарскаго изъ предложенныхъ ему кандидатовъ.

Шумные и ярые дебаты по разсмотрѣнію внесеннаго императорскимъ комиссаромъ въ это собраніе проекта конституціи извѣстны.

¹⁾ Въ это время въ Болгаріи болгаръ можно было раздѣлить на двѣ категоріи, а, пожалуй, и на три, именно: болгаръ интеллигентныхъ, болгаръ богатыхъ и на болгаръ простыхъ сельчанъ, такъ какъ въ Болгаріи никакихъ сословій не существовало и не существуетъ.

И. С. И.

Еще въ этомъ собраніи изъ депутатовъ образовались двѣ непріязненные между собою партіи: либеральная и консервативная, изъ которыхъ первая восторжествовала тѣмъ, что проектъ конституціи былъ совершенно измѣненъ и расширенъ до той формы либеральности, какой не представляла и не представляетъ на континентѣ Европы ни одна изъ державъ, существующихъ сотни лѣтъ на конституціонныхъ началахъ. Во главѣ этой партіи, т. е. либеральной, стояли, какъ извѣстно: Цанковъ, Караяеловъ, Балабановъ и др., а въ консервативной: Д. Грековъ, Бурмовъ, Начевичъ и др.

Въ южной-же Болгаріи, въ виду того, что, въ силу берлинскаго трактата, Оттоманская Порта имѣла право занимать проходы въ Балканахъ своими гарнизонами и что, стало быть, эта страна, наибольше пострадавшая и изъ-за которой и начата была война, не только-что должна была остаться турецкою провинціею, но и грозила ей опасность со стороны турокъ,—приводились въ исполненіе задуманные проекты относительно повсемѣстнаго образованія гимнастическихъ обществъ, осуществленію коихъ способствовалъ оставленный для населенія запасъ ружей Крика до 80,000 штукъ съ громаднымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ. Это дѣло попало въ руки слишкомъ выдававшася въ то время военнаго и въ высшей степени симпатичнаго авторитета и поэтому оно доведено было до такихъ результатовъ, какихъ, кажется, отъ него никто и ожидать не могъ. М. Д. Скобелевъ, этотъ незабвенный и для Болгаріи доблестный генералъ сдѣлалъ чудеса въ этомъ дѣлѣ. Онъ усилилъ энергію въ болгарахъ и внушилъ имъ увѣренность въ силѣ народа образованіемъ гимнастическихъ обществъ. Такія общества должны были составить и составили каждый городъ и каждое селеніе, т. е. болгары отъ 20-ти до 60-тилѣтняго возраста въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селеніи должны были войти въ составъ такихъ обществъ, такъ что оставленные 80,000 ружей Крика сразу получили надлежащее примѣненіе. Назначены были офицеры-инструкторы для обученія болгаръ военнымъ приѣмамъ и, главнымъ образомъ, стрѣльбѣ. Два раза въ недѣлю всѣ болгары въ городахъ и селеніяхъ отъ 20-ти до 60-тилѣтняго возраста обязательно выходили на ученіе, такъ что въ эти дни въ городахъ и въ селеніяхъ все пустѣло, такъ какъ другіе возрасты и женщины шли туда-же, чтобы любоваться рыцарствомъ своихъ людей. Часто зывались на одинъ пунктъ по нѣсколько тысячъ гимнастовъ съ своимъ продовольствіемъ на два—три дня для маневровъ. Въ это время они занимались и земляными работами, копали рвы, воздвигали редуты, строили курганы, часто подъ проливнымъ дождемъ,

никогда не было случая, чтобы кто-либо изъ нихъ бросилъ работу и ушелъ-бы домой. Все это дѣлалось съ неизмѣрною любовью. Этимъ дѣломъ лично руководилъ генераль Скобелевъ, часто проводившій съ гимнастами по два—три дня въ полѣ. Подготовка болгаръ къ самозащитѣ составляла идею генерала и онъ-же въ это дѣло вложилъ всю душу свою. Корпусъ, которымъ онъ командовалъ, его совѣтъ уже въ это время не занималъ, такъ какъ русскія войска, говорилъ онъ, исполнили свою миссію, завоевавши край. Теперь намъ нужно поставить свое дѣло такъ, чтобы вся Европа убѣдилась, что берлинскій трактатъ, составляющій не болѣе какъ одну насмѣшку Западу надъ Россією, не заставитъ болгаръ подчиниться туркамъ. И дѣйствительно онъ этого достигъ. Южные болгары, по крайней мѣрѣ, усвоили себѣ все необходимое для самозащиты, а главное—въ стрѣльбѣ они сдѣлали замѣчательные успѣхи, именно они достигли того, что слишкомъ 70% выстрѣловъ попадали въ цѣль.

Такимъ образомъ, при увѣренности въ своемъ правѣ на отдѣльное, независимое отъ турокъ, существованіе, 80,000 ружей придавали важнымъ болгарамъ слишкомъ большую силу, такъ что они рѣшили не допустить ни одного тура въ свою территорию, а въ случаѣ наплыва ихъ—вооруженною силою отбить ихъ и вообще драться до послѣдней капли крови за свою независимость.

Подъ вліяніемъ такого глубокаго сознанія своего права и своей силы, при своемъ сильномъ стремленіи къ объединенію, южные болгары не замедлили высказать свой протестъ берлинскому рѣшенію, какъ только приступлено было къ исполненію. Вслѣдъ за послѣдовавшимъ раздѣленіемъ власти между императорскимъ русскімъ комиссаромъ въ Сѣверной Болгаріи и генераль-губернаторомъ въ Южной-восточной Румелии, приступлено было, прежде всего, къ передачѣ въ вѣдѣніе назначеннаго Оттоманскою Портою директора финансовъ денежной части, что выразилось въ началѣ въ распоряженіи генераль-губернатора въ томъ, чтобы русскія власти вносили въ мѣстные казначейства доходы, съ тѣмъ, что изъ этихъ казначействъ они могли брать только назначенный имъ на содержаніе денежный кредитъ, такъ что денежная часть de facto считалась уже въ вѣдѣніи этого директора финансовъ, которому каждую недѣлю посылались вѣдомости о состояніи казначействъ. Такимъ образомъ, этотъ директоръ, какимъ былъ назначенъ нѣмецъ нѣкто Шмидтъ, живя въ Филиппополѣ и получая еженедѣльно вѣдомости, зналъ о состояніи этой части. Но ему вздумалось предпринять поѣздку по всѣмъ городамъ Восточной Румелии для фактиче-

скаго приѣма въ свое вѣдѣніе казначействъ, не сообразивъ, что этимъ онъ произведетъ непріятное впечатлѣніе на населеніе, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе стало волноваться, узнавъ, что окупація снимается и русское управленіе будетъ замѣнено управленіемъ, подвѣдомственнымъ новому генералъ-губернатору, который имѣлъ быть назначенъ Портою, хотя населенію заранѣе было извѣстно, что такимъ генералъ-губернаторомъ будетъ назначенъ Алеко-паша или князь Богориди, ведущій свою генеалогію изъ болгаръ гор. Котла ¹⁾). Но трудно было успокоить болгаръ Южной Болгаріи тѣмъ, что они болѣе не возвратятся въ то тяжелое положеніе, въ которомъ находились до этой войны съ Турціею: имъ мерещились турки съ тѣми жестокостями, съ какими они истребили все населеніе бѣднаго Батава, Перущицы и др. мѣстъ въ 1876 г. и Ески и Ени-Загры въ 1877 г., послѣ отступленія генерала Гурко съ своимъ передовымъ отрядомъ изъ предѣловъ Южной Болгаріи, поэтому болгары повсемѣстно стали готовиться къ бою съ турками. „Всѣ мы скорѣе костью ляжемъ, вездѣ говорили они, чѣмъ допустимъ, чтобы хотя одинъ турокъ сталъ на обгавленную нашу кровью нашу родную землю“. Въ началѣ власти не придавали ровно никакого значенія этимъ протестамъ и даже не считали болгаръ настолько отважными для того, чтобы допустить, что они способны предпринять что-либо серьезное. Но вскорѣ протестъ болгаръ принялъ слишкомъ серьезный характеръ и генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Столыпинъ, почти наканунѣ окончанія окупаціи и упраздненія русскаго гражданскаго управленія, поставленъ былъ между двухъ огней: или усмирять болгаръ посредствомъ войскъ или-же исполнить ихъ требованіе удаленіемъ изъ предѣловъ Южной Болгаріи директора финансовъ Шмидта.

¹⁾ Алеко-паша или князь Богориди — это братъ бывшаго каймагана Молдавіи до соединенія ея съ Валахіею въ 1857 г., сынъ знаменитаго князя самосскаго Богориди, происходящаго изъ болгаръ гор. Котла въ Балканахъ. Это былъ самый высшій сановникъ двухъ-грехъ султановъ, много хорошаго сдѣлавшій для Болгаріи. По назначеніи его генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи, депутація отъ Филиппополя встрѣтила князя Богориди, уже ѣхавшаго въ Филиппополь въ качествѣ генералъ-губернатора, на станціи Сеймены и заявила ему, что болгарское населеніе иначе не приметъ его какъ въ болгарской шапкѣ на головѣ, между тѣмъ какъ онъ ѣхалъ въ турецкой фескѣ, такъ что феску онъ бросилъ, но не надѣвая и шапки: наконецъ, подѣбавая къ Филиппополю, онъ рѣшился насунуть на свою голову доставленную ему болгарскую барашковую шапку и тѣмъ успокоилъ болгаръ, которые привѣтствовали его на вокзалѣ въ Филиппополь. И. С. И.

котораго болгары называли турецкимъ пашею. Тѣмъ не менѣе, Шмидтъ не былъ остановленъ отъ своей поѣздки по Сливенской губерніи, начальникомъ которой я состоялъ въ это время. Приѣздъ членовъ финансоваго комитета въ Ени-Загру 29-го ноября 1878 г., состоявшій изъ австро-венгерскаго и англійскаго комиссаровъ и директора этого комитета Шмидта, вызвалъ крупный протестъ со стороны всего населенія г. Ени-Загры и самого Ени Загрскаго округа. Какъ только члены этого комитета приступили къ провѣркѣ и приему кассы казначейства, менѣе чѣмъ въ продолженіе одного—двухъ часовъ времени, зданіе окружнаго управленія, гдѣ помѣщалось казначейство, было окружено густою массою болгаръ, число которыхъ въ вечеру составляло болѣе 5 тысячъ обою пола. Въ одинъ голосъ эта масса народа кричала: „вы пришли брать нашу кассу послѣ того, когда мы разорены, остались нищими, голодающими, а не тогда, когда намъ нужна была помощь противъ тиранства,—нѣтъ, денегъ своихъ вамъ мы не дадимъ, убирайтесь сами къ туркамъ. Берлинскихъ судовъ вашихъ мы не признаемъ“ и т. п. Послѣ такихъ угрозъ со стороны населенія, готоваго разорвать на куски всякаго, кто навязывалъ имъ прошлое, этимъ господамъ ничего не оставалось, какъ убраться обратно въ Филиппополь, съ полнымъ сознаниемъ въ душѣ основательности протеста до крайности разореннаго населенія. Этотъ безпорядокъ, который не могъ быть ни предусмотрѣнъ, ни предупрежденъ мѣстными властями, имѣлъ своимъ результатомъ циркулярное предписаніе генераль-губернатора Восточной Румелии, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „гг. окружнымъ начальникамъ должно быть извѣстно, что г. Шмидтъ назначенъ директоромъ финансовъ Восточной Румелии не по распоряженію Порты Оттоманской, а по единогласному постановленію европейской комиссіи, въ составъ коей входятъ и русскіе делегаты: полковникъ Шепелевъ и князь Целетелевъ, а потому назначеніе это состоялось съ согласія нашего правительства, и сопротивленіе распоряженіямъ г. Шмидта и новаго финансоваго управленія будетъ почитаемо какъ сопротивленіе русской власти“... За распоряженіями въ такомъ-же строгомъ духѣ недостатка не было, тѣмъ не менѣе, однако, населеніе проявляло свои протесты въ болѣе серьезной формѣ, въ особенности-же въ Сливнѣ, а въ Карнабатѣ чуть не убили одного еврей-подрядчика, человѣка весьма интеллигентнаго, котораго населеніе приняло за Шмидта, такъ что несчастный этотъ человѣкъ спасъ свою жизнь только бѣгствомъ, хотя въ Айдосѣ, куда изъ Карнабата было сообщено о немъ по телеграфу, порядкомъ досталось ему.

Предъ вечеромъ 25-го февраля 1879 года прїѣхалъ въ Сливно изъ Адрианополя, на обратномъ уже пути въ Россію, главнокомандующій генераль-адъютантъ Э. И. Тотлебенъ. Встрѣча была устроена ему чрезвычайно торжественная и сердечная: при вѣздѣ въ городъ стояли весьма изящно устроенныя триумфальныя ворота съ надписями: съ одной стороны: „да живѣй нашъ Царь-Избавитель“, съ другой: „да здравствуетъ доблестный главнокомандующій, славный защитникъ севастопольскій и герой плевненскій“. По главной же улицѣ до самаго дома, гдѣ я, въ качествѣ сливенскаго губернатора, духовенство, во главѣ съ сливенскимъ митрополитомъ Серафимомъ, городской и окружной совѣты, окружной и апелляціонный судъ во всемъ составѣ, встрѣтили генераль-адъютанта Э. И. Тотлебена, коему хлѣбъ-соль поднесъ городской кметъ ¹⁾ и гдѣ устроенъ былъ прїемъ главнокомандующему,—выстроены были шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы болгарскіе гимнасты съ ружьями въ боевомъ порядкѣ, числомъ около пяти тысячъ человекъ, которые стройностью своею и своимъ воодушевленіемъ, видимо, привели въ восторгъ генераль-адъютанта Э. И. Тотлебена, которому на его энергичное привѣтствіе „здорово братцы“—въ одинъ голосъ чисто по-солдатски отвѣтили: „здравія желаемъ вашему высокопревосходительству“. Вечеромъ въ тотъ-же день городъ Сливно далъ торжественный обѣдъ въ честь главнокомандующаго, на которомъ было болѣе 200 человекъ. На этомъ обѣдѣ первый тостъ за здравіе Государя Императора провозгласилъ генераль-адъютантъ Тотлебенъ, второй тостъ за здравіе Цесаревича Наслѣдника провозгласилъ я, какъ сливенскій губернаторъ, а сливенскій кметъ провозгласилъ тостъ за здравіе главнокомандующаго генераль-адъютанта Тотлебена. Все время за обѣдомъ Эдуардъ Ивановичъ былъ необыкновенно веселъ и въ прекрасномъ расположеніи духа; съ бокаломъ въ рукѣ онъ пожелалъ процвѣтанія городу Сливно и всей Южной и Сѣверной Болгаріи, „которыя уже считаются, сказалъ онъ, и останутся, я увѣренъ, повторилъ онъ, свободными навсегда“.

Проводы генераль-адъютанта Тотлебена на другой день утромъ, 24-го февраля, были необыкновенно сердечны и торжественны ²⁾: сливенскія болгарки, узнавъ, что главнокомандующему

¹⁾ Городской голова.

²⁾ Во время проѣзда генераль-адъютанта Тотлебена, послѣ назначенія его главнокомандующимъ, отъ Бургаса въ Адрианополь, по пути ему устраивались населеніемъ весьма торжественныя встрѣчи, а въ с. Истралъджѣ,

нравятся болгарскія домашнія издѣлія, наперерывъ шли и подносили ему свои ручныя работы, которыя Эдуардъ Ивановичъ очень благосклонно и съ удовольствіемъ принималъ и, благодаря, говорилъ: „издѣлія эти навсегда сохранять въ моей памяти эти драгоценныя болгарскія мѣста, съ которыми я всю жизнь не разстался-бы, если-бы это отъ меня зависѣло“. Съ самаго ранняго утра слишкомъ десять тысячъ гимнастовъ - болгарскихъ воиновъ стояли густыми шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой имѣлъ проѣхать главнокомандующій. Проѣзжая по этой улицѣ, долго и пристально всматривался въ этихъ новоспеченныхъ болгарскихъ воиновъ, видимо любясь ими, и, здороваясь съ ними, генераль-адъютантъ Тотлебенъ съ большою увѣренностью произнесъ, обращаясь къ представителямъ города: „ну, братцы-болгары, имѣя такую національную гвардію, вамъ уже нечего болѣе страшиться за судьбу вашей Болгаріи, вы сами сможете ее отстоять“. — „Да живѣй Царь-Освободитель, да здравствуетъ его главнокомандующій“, затрепало въ воздухѣ въ одинъ голосъ...

Но вслѣдъ за проводами главнокомандующаго, оставившаго населеніе въ самомъ лучшемъ настроеніи, началась и разыгралась весьма неприятная исторія. Проводивши главнокомандующаго за городъ, я возвратился въ свою канцелярію и усѣлся за письменный свой столъ, такъ какъ за однѣ эти сутки накопилось не мало бумагъ. Спустя часъ времени послѣ этого, ко мнѣ подходитъ управлявшій моею канцеляріею и просить меня взглянуть въ окно,

пока переменяли лошадей, устроенъ былъ молодежью національный болгарскій танецъ, на которомъ красовались молодыя болгарки въ своихъ чрезвычайно живописныхъ нарядахъ, чѣмъ онѣ обратили на себя вниманіе Эдуарда Ивановича, который очень расхвалилъ ихъ. Въ Ямболѣ былъ устроенъ городомъ въ честь главнокомандующаго торжественный обѣдъ, на которомъ представители населенія предложили многочисленныя тосты за здравіе Государя Императора, Государя Наслѣдника, всей Россіи и доблестнаго главнокомандующаго; затѣмъ я, проводивши Эдуарда Ивановича и попрощавшись съ нимъ, отправился въ Сливно. На другой день явилась ко мнѣ депутація отъ с. Истральджи и просила меня отправить генераль-адъютанту Тотлебену два женскихъ костюма, которые подносить его высокопревосходительству обществу этого селенія. Принявъ эти костюмы, я тотъ-же часъ отправилъ ихъ съ предсѣдателемъ ямбольскаго окружнаго совѣта Станчовымъ къ генераль-адъютанту Тотлебену въ Адрианополь при письмѣ и отъ него я на другой день получалъ телеграмму, въ которой онъ благодарилъ общество с. Истральджи за память. „Эти прекрасныя живописныя костюмы, говорилось въ этой телеграммѣ, я отправлю своимъ дочерямъ, которыя ими будутъ восхищены“.

чтобы видѣть разгуливающую толпу народа на улицѣ и на площади. Сначала мнѣ показалось, что народъ толпится еще по улицѣ послѣ проводъ главнокомандующаго, поэтому, не обративъ никакого на это вниманія, я взялся вновь за свою работу. Но затѣмъ моментально вбѣжалъ ко мнѣ въ кабинетъ полицеймейстеръ съ докладомъ, что народъ узналъ, что Шмидтъ почевалъ въ Ямболѣ и оттуда уже направился въ Сливно, чтобы принять кассу, поэтому потянулъ массажи по дорогѣ къ Ямболю на встрѣчу Шмидту и что онъ предупреждаетъ о грозящей опасности. Въ виду этого, я поручилъ сливенскому вице-губернатору Римскому-Корсакову отправиться по направлею къ Ямболю и принять мѣры къ удаленію массъ народа съ дороги, внушивъ людямъ, что нарушеніемъ порядка они навлекутъ на себя отвѣтственность; поѣхать туда-же для внушенія народу о томъ-же благосклонно предложилъ свои услуги сливенскій митрополитъ Серафимъ, затѣмъ и я самъ отправился туда-же верхомъ. Но, по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ по дорогѣ къ Ямболю, болгары, замѣчая меня издали, какъ-бы исчезали съ дороги и, повидимому, толпа все болѣе и болѣе уменьшалась, между тѣмъ, какъ оказалось, толпы сходили съ дороги, но тутъ-же не далеко отъ нея прятались за буграми въ полѣ, наконецъ, издали задался верхомъ на всемъ скаку вице-губернаторъ Римскій-Корсаковъ и доложилъ мнѣ, что когда за нѣсколько верстъ отъ Ямболя показался ѣхавшій въ экипажѣ въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и жандармовъ Шмидтъ, то разъяренная масса народа болѣе 10 тысячъ человекъ устремилась къ его экипажу, бросая въ ту сторону камнями, такъ что въ виду этой опасности Шмидтъ моментально повернулъ обратно, и хотя онъ его и догналъ, но не могъ совѣтовать ему ѣхать въ Сливно, потому что убѣдился, что его жизни грозитъ серьезная опасность: одни въ толпѣ, говорилъ Римскій-Корсаковъ, кричали, что это турецкій паша, другіе называютъ его англичаниномъ, третьи нѣмцемъ и т. п. Боясь за судьбу Шмидта въ Ямболѣ, гдѣ населеніе не въ лучшемъ настроеніи находилось по отношенію къ нему, я вновь предложилъ вице-губернатору Римскому-Корсакову поспѣвать обратно и, догнавъ Шмидта, оказать ему содѣйствіе къ поѣздкѣ обратно въ Филиппополь. Тамъ въ Ямболѣ также многочисленная толпа поджидала приѣзда Шмидта, какъ оказалось, но она пріутихла, когда г. Римскій-Корсаковъ, догнавшій Шмидта и вмѣстѣ съ нимъ въ экипажѣ ѣхавшій, увѣрилъ людей, что Шмидтъ не коснется казначейства и уѣдетъ въ Филиппополь, куда онъ и отправился послѣ того, когда и начальникъ этапнаго отдѣла генераль-

маіоръ Тихменевъ заявилъ ему, Шмидту, категорически, что ни одного русскаго солдата онъ не дастъ на усмиреніе болгаръ, потому что русскія войска пришли освободить, но не усмирать болгаръ и т. п.

Казалось-бы, что этотъ нахальный человѣкъ долженъ-бы былъ уже угомониться послѣ всей этой исторіи, тѣмъ болѣе, когда въ тому я донесъ генераль-губернатору Восточной Румелии о томъ, что выѣздъ Шмидта изъ Филиппополя, безъ сопровожденія его значительными войсками—немыслимъ, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ можетъ полатиться жизнью, и что снаряжать русскія войска для охраны Шмидта, желающаго разѣзжать по области по прихоти и даже далеко не съ доброю цѣлью, и тѣмъ давать поводъ къ вооруженному столкновенію ихъ съ болгарами—было-бы неумѣстно, тѣмъ болѣе теперь, наканунѣ окончанія окупаціи и упраздненія русскаго военно-гражданскаго управленія, когда мы должны оставить хорошее воспоминаніе о себѣ въ населеніи во всѣхъ отношеніяхъ. Но Шмидтъ имѣлъ въ своей головѣ иную цѣль: рискованными поѣздками своими по Южной Болгаріи онъ добивался безпорядковъ и даже цѣлыхъ проишествій, чтобы затѣмъ показать причиною всему этому русскія власти и требовать, такимъ образомъ, скорѣйшаго упраздненія русскаго и введенія новаго управленія. Такъ это и вышло. Спустя нѣсколько дней послѣ этого, Шмидтъ рѣшается пуститься черезъ Ямболъ въ Сливно, но въ этотъ разъ уже подъ личною охраною самого генераль-губернатора Восточной Румелии и въ сопровожденіи делегатовъ англійскаго и австрійскаго. Это было такимъ образомъ: получаю я изъ Филиппополя отъ генераль-лейтенанта А. Д. Столыпина телеграмму, извѣщающую меня о томъ, что онъ выѣзжаетъ въ Ямболъ по дѣламъ службы, куда я и поспѣшилъ въ тотъ-же день вечеромъ, такъ что на другой день утромъ я уже встрѣтилъ его въ Ямболѣ на станціи желѣзной дороги. Выходя изъ вагона, Аркадій Дмитріевичъ представилъ мнѣ Шмидта и при этомъ спросилъ: „что вы на это скажете?“ Вопросъ этотъ я понялъ въ томъ смыслѣ—не предстоитъ-ли опасности для Шмидта? Вслѣдъ затѣмъ онъ прибавилъ: „вѣдь Шмидта я везу въ Сливно“—„Очень жаль“, отвѣтилъ я ему.—„Почему?“, спросилъ Аркадій Дмитріевичъ.—„А потому, отвѣтилъ я, что мы будемъ имѣть съ нимъ большія затрудненія“.—„Ну, пусть братушки попробуютъ, такъ я съ ними раздѣляюсь по-своему“. Сказано и сдѣлано.

Отъ станціи желѣзной дороги мы отправились въ трехъ экипажахъ въ Сливно. При выѣздѣ въ городъ тамъ было все населеніе, во главѣ съ городскимъ управленіемъ, для встрѣчи генераль-губернатора,

о прїѣздѣ котораго я телеграфировалъ изъ Ямбола еще наканунѣ. На этомъ мѣстѣ была поставлена триумфальная арка, съ одною только надписью на ней: „Да живѣй нашъ Царь-Избавитель и вся Россія“. Надо полагать, народъ не зналъ, что въ свѣтѣ генераль-губернатора находится знаменитый герой дня. Генераль-лейтенантъ Столыпинъ съ Шмидтомъ и делегатами австрійскимъ и англійскимъ заѣхали ко мнѣ на мою квартиру, помѣщавшуюся въ грандіозномъ двухъ-этажномъ домѣ какого-то сливенскаго, уже не существовавшаго на свѣтѣ, турецкаго паши, имѣвшемъ съ одной и другой стороны прекрасный садъ съ бьющими фонтанами, который, по своему положенію, господствовалъ надъ всѣмъ городомъ. Спустилась послѣ нашего прїѣзда, когда только-что успѣли завтракать. влетѣлъ ко мнѣ сливенскій полицеймейстеръ и доложилъ мнѣ, что толпа народа «окружила этотъ домъ и хотя онъ, полицеймейстеръ, принималъ мѣры къ удаленію толпы, явившейся съ демонстративными цѣлями, но толпа не только-что не удаляется, но постепенно все увеличивается, изъ чего я уже заключилъ, что народъ пронюхалъ о существованіи между нами Шмидта. Моментально я отправился къ воротамъ и, къ удивленію моему, я увидѣлъ густую массу народа кругомъ дома по обѣимъ улицамъ. „Что вамъ нужно?“ спросилъ я по-болгарски близко стоявшихъ ко мнѣ болгаръ. „Мы слышали, раздался голосъ, что съ генераль-губернаторомъ къ вамъ прїѣхалъ какой-то турецкій паша или англичанинъ, чтобы взять нашу кассу, мы его не желаемъ и просимъ его изъ Сливно удалить“. Какъ я ни разъяснялъ этой толпѣ, что сегодня прїѣхалъ сюда генераль-губернаторъ, въ сопровожденіи англійскаго и австрійскаго делегатовъ европейской комиссіи и съ директоромъ финансоваго комитета Шмидтомъ, что Шмидтъ не турецкій паша, а членъ этой комиссіи, назначенный на эту должность съ вѣдома и согласія русскаго правительства, и просилъ разойтись по своимъ мѣстамъ, но толпа не расходилась и, убѣдившись въ невозможности удаленія ея, я поставленъ былъ въ необходимость возвратиться, доложить генераль-лейтенанту Столыпину объ этомъ случаѣ: „Какъ, вы не могли удалить эту толпу!“, крикнулъ генераль. Затѣмъ, моментально поднявшись съ мѣста, онъ пустился черезъ садъ къ воротамъ, за которыми и я послѣдовалъ. Выйдя на улицу и подойдя очень близко къ толпѣ, генераль весьма энергично потребовалъ, чтобы она немедленно разошлась по своимъ домамъ, но когда толпа даже съ мѣста не пошевельнулась. генераль, еще ближе ставъ къ толпѣ и, указывая на себя, сказалъ: „Знаете-ли вы, что я—русскій генераль, поставленный здѣсь

государемъ императоромъ?" Въ отвѣтъ на это раздались общіе голоса: „да живѣй русскій Вѣлнй Царь, нашъ избавитель и покровитель, урра!“, причеъ шапки полетѣли на воздухъ. Затѣмъ въ толпѣ послышались голоса: „Шмидта не желаемъ, пусть онъ изъ нашей земли удаляется!“ Сильно взволнованный этимъ, генераль Столыпинъ бросилъ толпу и, возвратившись въ комнату, составилъ лично и послалъ въ городъ Мустафу-пашу телеграмму командовавшему 4-мъ корпусомъ генералу Скобелеву, прося его немедленнаго прїѣзда въ Сливну. Но генераль Скобелевъ, заранѣе предвидѣвшій эту исторію, уклонился отъ прїѣзда, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ, что по особо важнымъ дѣламъ онъ ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ оставить Мустафу-пашу, такъ какъ населеніе находится въ возбужденномъ состояніи и можетъ возникнуть кровавое столкновение между болгарами и турками ¹⁾. Толпа, между тѣмъ, все больше и больше увеличиваясь, на другой день превышала уже 20 тыс. душъ обоого пола, стала бить въ набатъ, ночи проводила на улицѣ у разведенныхъ ею костровъ, словомъ, дѣло стало принимать большіе и серьезные размѣры. Генераль Духонинъ, начальникъ штаба расположеннаго въ Сливнѣ и въ окрестностяхъ его корпуса, также уклонился отъ исполненія требованія генерала Столыпина, чтобы силою войскъ разогнать толпу, боясь кроваваго столкновения съ народомъ, который мы пришли освободить, сказалъ генераль Духонинъ, но не драться съ нимъ и тѣмъ оставлять въ немъ дурныя воспоминанія... Наконецъ, разогнать изъ Сливны многочисленную эту толпу отважно принялъ на себя полковникъ Кисляковъ, но, однако, болгарскія дружинныя войска, силою которыхъ онъ взялся вытѣснить болгаръ, по его командѣ только прошли по улицамъ, не тронувъ ни одного болгарина изъ толпы, которая стала разгуливать по всѣмъ улицамъ еще съ большими ликованіями, дружно распѣвая:

Русскій царь е на зема та
Най великѣ отъ всички прѣвъ,

¹⁾ Этого съ нетерпѣніемъ ожидалъ незабвенный М. Д. Скобелевъ, по крайней мѣрѣ, онъ, не переставая, говорилъ, что русское оружіе не удовлетворено, что намъ нужно возобновить дѣло и завять Константинополь, хотя-бы даже только на 24 часа, чѣмъ подчиниться такъ злу уровившему нашъ военный авторитетъ берлинскому трактату. Онъ духомъ потрясенъ былъ, когда получилъ послѣднее рѣшительное приказаніе во чтобы-то ни стало выступить изъ г. Мустафы-паши, а потомъ и изъ всей Восточной Румелии, такъ какъ съ этимъ исчезала всякая надежда на новые подвиги, составлявшіе его единственную мечту... Да кто, въ самомъ дѣлѣ, не былъ потрясенъ результатами этой знаменательной побѣдоносной войны?.. И. С. И.

Руссити ся наша братья,
 Наша плоть и наша кровьъ,
 Ты бяди ни покровитель
 И защитникъ и спаситель.
 О! държавный русскій царь,
 Урра! Здравствуй, царь,
 Православный господарь,
 Урра! Здравствуй, царь,
 Урра! Урра! Урра! Здравствуй, царь!

* *

Кать Россія вѣма втора,
 Тѣй могуща на свѣта,
 Тя е наша та подпора,
 Тя е наша та высота.
 Ты бяди ни покровитель и пр.

* *

Русска сила, русска воля,
 Русска кровьъ и русскія плоть
 Ще избавятъ отъ неволя
 Нашій подпалый народъ.
 Ты бяди ни покровитель, и пр.

Домъ, въ которомъ остановился генераль-губернаторъ съ делегатами и со Шмидтомъ, былъ положительно въ осадномъ положеніи. На телеграмму, посланную генераломъ Столыпинимъ генераль-адъютанту Тотлебену въ Варну 28-го февраля объ этомъ упорномъ сопротивленіи болгарскаго населенія распоряженіямъ Шмидта, послѣдовалъ отвѣтъ: „проѣзжая третьяго дня черезъ Сливно, я вышелъ болгарское населеніе въ самомъ лучшемъ благорасположеніи духа, повтому я считаю причиною того положенія, о которомъ вы сообщаете мнѣ, безтактность самого Шмидта“. Когда прошло трое сутокъ и дѣло къ лучшему не подвинулось, генераль Столыпинъ обратился ко мнѣ съ такимъ приказаніемъ: „распорядитесь, чтобы доставлена была сюда троечная вибитка, а я дамъ одинъ взводъ казаковъ и пусть Шмидтъ убирается немедленно въ Ени-Загру, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Филиппополь“. Все это было сдѣлано и въ семь часовъ вечера Шмидтъ въ сопровожденіи взвода казаковъ убрался въ Ени-Загру. На другой день, утромъ, явился ко мнѣ сливенскій полицеймейстеръ съ докладомъ, что разгуливавшая по сливенскимъ улицамъ 20-тысячная толпа до одного человека исчезла, такъ что всѣ улицы, которыя еще наканунѣ были атакованы густыми массами народа, были совершенно уже пустыя. Слава Богу, что этимъ дѣло кончилось. Генераль-губернаторъ, однако, не спѣшилъ съ своимъ выѣздомъ, такъ какъ онъ счелъ нужнымъ приготовить и издать приказъ, чтобы за допущеніе этихъ беспорядковъ

поставить на видъ губернской и мѣстной администраціи. Насколько это было умѣстно или неумѣстно, можно судить по вышеприведенной телеграммѣ генераль-адъютанта Э. И. Тотлебена, такъ какъ въ ней, какъ нельзя лучше, указаны виновные въ этомъ дѣлѣ ¹⁾. Дальнѣйшія волненія, распространявшіяся по всей области Восточной Румелии, давали себя чувствовать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Населеніе стало уже открыто заявлять мѣстнымъ властямъ, что оно не подчинится добровольно берлинскому трактату, разъединившему его съ остальною Болгаріею, съ которою оно всегда было связано, даже во все время турецкаго владычества. Между тѣмъ, русскія войска стали выступать и русское гражданское управленіе начало замѣняться болгарскимъ управленіемъ, по крайней мѣрѣ, префекты, окружные начальники и полицеймейстеры въ городахъ были уже предназначены ²⁾. Русскимъ властямъ и войскамъ долѣе нельзя было оставаться въ странѣ, въ виду окончанія опредѣленнаго берлинскимъ трактатомъ срока окупаціи, вслѣдствіе чего одинъ за другимъ шли приказы о выступленіи, но въ то-же время нельзя было рѣшиться на оставленіе края при такомъ чрезмѣрно тревожномъ состояніи населенія. Нужно было явиться на помощь и въ этомъ положеніи. Довольно было одного мощнаго слова Царя-Освободителя, переданнаго народу, по порученію его величества, генераль-адъютантомъ Н. Н. Обручевымъ, чтобы успокоить его.

¹⁾ За завтракомъ у меня, за которымъ сидѣли генераль Столыпинъ, делегаты австрійскій и англійскій, директоръ финансоваго комитета Шмидтъ и я, мною получена была изъ Карнабата отъ предсѣдателя окружнаго совѣта, Попова, телеграмма, въ которой онъ сообщилъ мнѣ, что русскій полковникъ проѣзжалъ черезъ Карнабатъ съ какимъ-то штатскимъ, прилично одѣтымъ, господиномъ и, шутя, сказалъ одному мальчику въ домѣ, гдѣ онъ остановился, что его компаньонъ Шмидтъ—тотъ самый Шмидтъ, котораго народъ въ Сливѣ разсыкиваетъ. Мальчикъ принялъ за чистую монету эту шутку, побѣждалъ къ отцу своему и сказалъ-ему объ этомъ, а тотъ далъ знать другимъ и, такимъ образомъ, моментально сбѣжалась дѣлая толпа народа, бросившаяся на мнимаго Шмидта, а, въ сущности, это былъ какой-то подрячникъ-еврей, такъ что, несмотря на увѣренія полковника, что это вовсе не Шмидтъ, что это онъ сказалъ шутя, толпа растерзала-бы его, если-бы онъ не успѣлъ бѣжать.

²⁾ Я самъ получилъ отъ генераль-губернатора конфиденціальное письмо, въ которомъ онъ просилъ меня сообщить ему откровенно: желаю-ли я остаться на службѣ въ Болгаріи и въ такомъ случаѣ подать въ отставку отъ русской службы. „Нисколько не желая вліять на васъ по этому вопросу, сказано было далѣе въ письмѣ генерала Столыпина, я не могу скрыть передъ вами моего убѣжденія, что вы, по своему сочувствію и по своей опытности, принесли-бы не малую пользу Болгаріи, оставшись здѣсь на службѣ“.

И. С. И.

5-го апрѣля 1879 г. прїѣхалъ въ Сливно ген. Обручевъ¹⁾ и въ тотъ-же день отъ его имени были приглашены почетнѣйшіе и вліятельные граждане г. Сливны, съ которыми Н. Н. Обручевъ вступилъ въ бесѣду, продолжавшуюся цѣлыхъ два часа....

Отвѣтомъ на авторитетную и полную энергіи рѣчь ген. Обручева, произведшую на слушателей — сливенскихъ почетныхъ болгаръ — самое успокоительное дѣйствіе, были дружныя и сердечныя восклицанія: „да живѣй на многая и многая лѣта нашъ Царь-Освободитель, да здравствуетъ и его посланникъ генералъ Обручевъ“.

Такимъ образомъ, самый энергическій и самый воинственный городъ Сливно²⁾ изъявилъ согласіе подчиниться берлинскому ареопагу только въ виду священной для болгаръ воли Царя-Избавителя. Нечего и говорить, что такъ поступили и всѣ другіе города Южной Болгаріи, которые посѣтилъ ген.-адъют. Обручевъ.

При вѣздѣ въ г. Ени-Загру 6-го того-же апрѣля, ген. Обручева съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ предсѣдатель окружнаго совѣта Столян Сивковъ и произнесъ по-болгарски слѣдующее привѣтствіе: „позвольте поднести вашему высокопревосходительству отъ гор. Ени-Загры и его округа хлѣбъ-соль, въ знакъ нашей вѣчной глубочайшей благодарности, которою преисполнено населеніе къ братскому русскому народу и Царю-Освободителю за столь великія жертвы, принесенныя для нашего освобожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ просить васъ доложить его величеству, что его священное имя съ чувствами благоговѣнія будетъ произноситься нами и нашими поколѣніями и переходить въ нашемъ потомствѣ изъ рода въ родъ“. Здѣсь генералъ Обручевъ сдѣлалъ нѣкоторое денежное пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ³⁾.

¹⁾ Квартира его устроена была у меня въ домѣ, который я тамъ занималъ, и въ его честь данъ былъ большой обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ пребывавшіе въ то время въ Сливнѣ генералы и штабъ-офицеры, представители мѣстныхъ судебныхъ и общественныхъ учрежденій и почетнѣйшіе граждане.

²⁾ Сливно не разъ поднималъ знамя за свободу отечества. Еще въ 1828 г., когда уже отступали русскія войска, по заключеніи адрианопольскаго мира, Сливно, узнавъ, что по этому трактату никакихъ привилегій не выговорено для Болгаріи, началъ было серьезное патріотическое дѣло, но оно не получило большаго развитія въ слѣдствіе того, что главнокомандующій соотвѣтствовалъ сливенцамъ приостановить свое возстаніе, такъ какъ оно является уже неумѣстнымъ и неудобнымъ послѣ того, когда русскія войска еще оставались въ краѣ. У сливенцевъ всегда на первомъ планѣ стояли патріотическія цѣли, которыя они высказывали всегда дѣломъ... И. С. И.

³⁾ Въ самомъ несчастномъ положеніи находились Ени-Загра и Ески-Загра, въ коихъ болѣе чѣмъ на половину мужское населеніе было перерѣ-

По возвращеніи въ Сливну, ген.-ад. Обручевъ смотрѣлъ болгарскихъ гимнастовъ, собранныхъ изъ Сливны и окрестностей его въ значительномъ числѣ. Послѣ нѣкоторыхъ маневровъ, по командѣ генерала М. Д. Скобелева, началась стрѣльба изъ ружей Кринка, которая, по результатамъ своимъ, обратила на себя особенное вниманіе Н. Н. Обручева, изумленнаго прекрасными успѣхами гимнастовъ, какъ по части маневрированія, такъ и по части стрѣльбы, дававшей слишкомъ 70 проц. Свои впечатлѣнія генераль Обручевъ занесъ въ свою памятную книжку.

Вслѣдъ затѣмъ Ник. Ник. Обручевъ выѣхалъ въ Бургасъ, посѣтивъ по пути Карнабатъ и Айдосъ. Изъ Бургаса, гдѣ генераль также бесѣдовалъ съ гражданами и убѣдилъ ихъ въ необходимости помириться съ своимъ положеніемъ, онъ, въ сопровожденіи полковника А. А. Шепелева, отплылъ на пароходѣ въ Яту для доклада о положеніи дѣлъ въ Восточной Румелии императору Александру II.

Откланявшись на пароходѣ генералу Обручеву, я отправился въ Сливно, гдѣ, спустя нѣсколько дней, я получилъ телеграмму отъ императорскаго комиссара съ увѣдомленіемъ о назначеніи меня губернаторомъ въ Русчукъ, куда мнѣ предлагалось немедленно отправиться. Въ это время въ Сливнѣ уже находился и прибывшій туда, назначенный сливенскимъ префектомъ, по органическому уставу Восточной Румелии, шумленскій болгаринъ Тодоръ Икономовъ. Онъ явился ко мнѣ въ какой-то импровизированной имъ самимъ формѣ, съ черкесскою шашкою черезъ плечо, и просилъ моего распоряженія о сдачѣ ему дѣлъ сливенскаго губернаторства. Этотъ самый Тодоръ Икономовъ впоследствии игралъ въ сферѣ партійныхъ интригъ довольно видную, но въ то-же время и слишкомъ двусмысленную, роль, переходя отъ одной партіи къ другой и перемѣняя свое направленіе. Впрочемъ, такую ролью не одинъ Икономовъ отличался, а и многіе другіе изъ политическихъ людей Болгаріи. Къ этому времени прибылъ въ Сливно и генераль-губернаторъ Восточной Румелии, генераль-лейтенантъ Столыпинъ, который присутствовалъ на молебствіи и водосвятіи, совершенныхъ сливенскимъ митрополитомъ, при освященіи площади, отведенной городскимъ совѣтомъ, по моему настоянію, подъ постройку зданія для сливенской реальной гимназіи, учрежденной, годъ тому назадъ, по моему-же ходатайству¹⁾.

зано турками, послѣ отступленія генерала Гурко съ отрядомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1878 года.

¹⁾ На это дѣло мною переданы были городскому совѣту разные остатки на сумму слишкомъ 100 тысячъ франковъ. **И. С. И.**

За все время существованія нашего гражданскаго управленія въ Южной и Сѣверной Болгаріи издавались, кажется, двѣ—три мѣстныя газеты, въ томъ числѣ одна въ г. Сливнѣ подъ названіемъ „Знамя“, подъ редакцію мѣстнаго врача гомеопата Мирковича.

Путь свой на Русукъ я рѣшилъ совершить черезъ Балканы, именно, черезъ Котель, Ески-Джумаю, Разградъ и т. д., но такъ какъ въ то время эти мѣста представлялись не совсѣмъ еще безопасными, то, по распоряженію генераль-лейтенанта Столыпина, мнѣ данъ былъ взводъ казаковъ для сопровожденія до Ески-Джумаи. Выѣхалъ я 20-го мая изъ Сливны, представители коего, какъ и многихъ другихъ городовъ Сливенской губерніи, готовили мнѣ сюрпризъ: въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, въ очаровательной рощѣ, ожидали моего пріѣзда всѣ первенствующіе граждане, во главѣ съ сливенскимъ митрополитомъ высокопресвященнымъ Серафимомъ. Тамъ за угощеніями и за бокаломъ мѣстнаго сливенскаго вина, мнѣ поднесли покрытый сотнями подписей, въ прекрасномъ бархатномъ переплетѣ, адресъ, въ которомъ выражена скорбь населенія за оставленіе мною края и благодарность за мою къ нему любовь. Еще разъ сердечно попрощавшись съ Сливенскою губерніею, въ лицѣ первенствующихъ болгарь-патріотовъ и высокопресвященнаго Серафима, я пустился въ путь, которому благопріятствовала прелестная майская погода. Эти необычайно сердечныя, полныя симпатій, проводы еще болѣе тронули и безъ того разстроенныя мои чувства: меня еще болѣе стала мучить мысль, почему я не согласился остаться въ этой столь близкой моему сердцу странѣ, чтобы послужить ей, пока силы дадутъ мнѣ возможность. Моего глубокаго грустнаго настроенія не въ состояніи были измѣнить даже и прелестныя мѣста Балкановъ по пути къ Котлу и Эски-Джумаи, которыя такъ хороши, такъ очаровательны, что, кажется, въ состояніи были-бы усладить чувства самаго грустнаго человѣка.

Въ Котлѣ я знакомыхъ не имѣлъ, тѣмъ не менѣе мнѣ была сдѣлана честь встрѣчей при вѣздѣ въ городъ со стороны представителей его, заранѣе, вѣроятно, извѣщенныхъ сливенцами о времени моего пріѣзда въ Котель. Здѣсь я переночевалъ въ домѣ, въ который привезъ меня городской кметъ. Этотъ городъ извѣстенъ своими домашними издѣльями, какъ, напримѣръ, особой ткани коврами, домашними сукнами, равно какъ овецодами, имѣвшими свои громадныя стада овецъ въ Добруджѣ; онъ далъ нѣсколько болгарскихъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, родоначальника князей Богориди, писателя и замѣчательнаго политическаго дѣятеля Раковскаго, генерала Кишельскаго и нѣкоторыхъ другихъ, принесшихъ не малую долю пользы дѣлу возрожденія болгарскаго народа.

Въ Русукуъ я прїѣхалъ на третїй день, т. е. вечеромъ 22-го мая, и былъ встрѣченъ тамъ на станціи желѣзной дороги полицеймейстеромъ, извѣщеннымъ мною изъ Разграда о своемъ слѣдованіи, но оказалось, что ни генераль Акимовъ, бывшїй тамъ до того губернаторомъ, ни полицеймейстеръ не имѣли никакихъ свѣдѣній о томъ, что я назначенъ русукускимъ губернаторомъ, такъ какъ приказъ императорскаго комиссара князя Дондукова-Корсакова объ этомъ назначеніи, состоявшїйся 18-го числа того мая мѣсяца, еще не былъ тамъ полученъ, такъ что, только спусти нѣсколько дней послѣ моего прїѣзда, я вступилъ въ должность русукускаго губернатора. Первымъ моимъ долгомъ послѣ этого, было посѣтить митрополита, знакомство съ которымъ меня тѣмъ болѣе интересовало, такъ какъ о высокопреосвященномъ Григорїи я многое слышалъ про и contra. Какъ оказалось, это — человекъ вполне современный въ томъ смыслѣ, что онъ всегда шелъ по теченію, т. е. сообразно окружавшимъ его обстоятельствамъ, да едва-ли иначе онъ могъ-бы существовать въ Русукуѣ, гдѣ то и дѣло, что въ то время вѣшали то того, то другаго болгарина за дѣйствїя и стремленїя къ политической свободѣ отечества. Положеніе всякаго выдававшагося болгарина и тѣмъ болѣе, такого высокопоставленнаго духовнаго лица, какимъ былъ русукускїй высокопреосвященный Григорїй, было самое небезопасное, такъ какъ достаточно было одного малѣйшаго подозрѣнїя, чтобы попасть въ руки такого свирѣпаго турка, какимъ былъ въ то время извѣстный Митхадъ-паша, ни во что не ставившїй жизнь всякаго болгарина. Я не сомнѣваюсь, что высокопреосвященный Григорїй, судя по его объясненїямъ, дѣйствительно, не отказывался помочь всякому въ его горѣ тамъ, гдѣ была возможность, но были случаи, когда онъ не рѣшался даже слово замолвить о такихъ несчастныхъ болгаряхъ, которыхъ, по обнаруженнымъ ихъ политическимъ дѣяніямъ, ожидала уже висѣлица, такъ какъ въ его ходатайствѣ, во всѣхъ такихъ случаяхъ, усмотрѣли-бы солидарность его съ такими лицами. Я, по крайней мѣрѣ, видѣлъ въ немъ выдающїйся умъ и любовь къ своей паствѣ и къ Болгарїи, войска-же русскїя онъ всегда встрѣчалъ и провожалъ весьма сочувственно, что выражалось въ его прекрасныхъ рѣчахъ, которыя не разъ я имѣлъ удовольствїе слышать.

По заведенному обычаю, на другой день послѣ моего вступленїя въ управленїе губернію, являлись ко мнѣ съ визитами всѣ пребывавшіе въ Русукуѣ иностранные консулы: англїйскїй, французскїй, итальянскїй, австро-венгерскїй, германскїй, греческїй, персидскїй и румынскїй. Какъ ни любезны были всѣ эти господа, но

существовавшія съ Оттоманскою Портою капитуляціи, обязательныя и для Болгарскаго княжества, давали большой просторъ ихъ вѣдательствамъ. Менѣе разборчивымъ и сдержаннымъ въ своихъ требованіяхъ, даже по частнымъ дѣламъ, являлся представитель республиканскаго правительства—французскій консулъ. Онъ официально требовалъ заставить турка-домовладѣльца продолжить ему наемъ своего дома, такъ какъ въ этомъ турокъ отказывалъ ему, а потомъ также официально требовалъ объ удаденіи русскаго офицера изъ дома, въ которомъ онъ имѣлъ квартиру по отводу, на томъ основаніи, что этотъ домъ онъ хочетъ нанять для своего помѣщенія.

На первыхъ-же порахъ моего пріѣзда нужно было приступить къ распоряженіямъ по устройству пріема князя болгарскаго, прібытіе котораго ожидалось въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Руцукъ, гдѣ не такъ давно свирѣпствовалъ извѣстный Митхадъ-паша, терроризировавшій было Дунайскій вилаетъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе украшался и принималъ праздничный видъ, готовясь встрѣтить перваго своего избранника на вновь возстановленный силою русскаго оружія престолъ болгарскій. Все съ каждымъ днемъ приходило въ восторженное состояніе. Руцукскія дамы шли наперерывъ одна другой въ стремленіяхъ представиться въ лучшихъ нарядахъ и выразить свои чувства восторга и радости первому своему князю: однѣ готовили рѣчи свои на французскомъ языкѣ, другія на нѣмецкомъ, третьи на своемъ національномъ и, въ концѣ концовъ, одна только дѣвица Петковичъ осчастливилась рѣчью на французскомъ языкѣ привѣтствовать князя Александра на руцукскомъ вокзалѣ.

Принцъ Александръ Батенбергъ прібылъ въ Руцукъ около 3-хъ часовъ дня 21-го іюня, въ сопровожденіи русскаго императорскаго комиссара, ѣздившаго на встрѣчу ему на морѣ при слѣдованіи его на пароходѣ изъ Константинополя, а изъ Бриндизи принца сопровождалъ полковникъ А. А. Шенелеръ, оставшійся впоследствии при немъ. въ качествѣ совѣтника. Послѣ выхода принца изъ вагона, первымъ я былъ представленъ ему императорскимъ комиссаромъ, затѣмъ ему поднесенъ былъ на серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль представителемъ города Руцука, послѣ чего дѣвица Петковичъ отъ имени дамскаго общества привѣтствовала князя рѣчью на французскомъ языкѣ. Отсюда принцъ верхомъ на лошади, въ сопровожденіи имп. комиссара и всего населенія Руцука, отправился въ соборъ, гдѣ руцукскій митрополитъ совершилъ молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и его избраннику принцу Александру Батенбергу, причемъ привѣтствовалъ

его прочувствованною патриотическою рѣчью; изъ собора князь отправился въ приготовленное для него помѣщеніе, изящно убранный. Народъ ликовалъ отъ восторженныхъ чувствъ радости. Въ 7-мъ часу былъ сервированъ обѣдъ на 40 персонъ, въ числѣ коихъ былъ нашъ генеральный консулъ въ Бухарестѣ г. Якобсонъ и князь Кантакузенъ изъ Бухареста, въ качествѣ частнаго лица по личному знакомству съ принцемъ. Первый тостъ за принца, по желанію императорскаго комиссара, предложенъ былъ мною. Въ этотъ день подана была одна просьба принцу дочерью содержавшагося въ тюрьмѣ мѣстнаго болгарина Стефановича, по разрѣшеніе просьбы этой было отложено до прибытія принца въ Софію, такъ какъ до принесенія имъ присяги на вѣрность конституціи считалось не удобнымъ милованіе. На другой день, въ 8 часовъ утра, послѣдовала выѣздъ принца изъ Рущука въ Тырново, гдѣ онъ долженъ былъ выполнить присягу въ народномъ собраніи. За 10 верстъ отъ Рущука, именно въ Бѣлѣ, сервированъ былъ принцу завтракъ. По дорогѣ отъ Рущука до Бѣлы и далѣе до самаго Тырнова народъ всюду встрѣчалъ принца привѣтствіями.

Выѣздъ болгарскаго князя въ Тырново, эту древнюю столицу болгарскихъ царей, былъ самый торжественный. Представители города съ духовенствомъ, во главѣ тырновскаго митрополита Климента, встрѣтили князя за нѣсколько верстъ отъ города. Трудно описать все то, что происходило въ этотъ день и послѣ того въ древней болгарской столицѣ: не было ни одной живой души какъ здѣсь, гдѣ, пять почти столѣтій тому назадъ, пало царство болгарское, такъ и во всей Болгаріи, которая не была-бы проникнута восторженными чувствами радости. На другой день князь въ народномъ собраніи торжественно, въ присутствіи представителей иностранныхъ державъ, принесъ на болгарскомъ языкѣ присягу на вѣрность конституціи. Затѣмъ на третій день состоялся его выѣздъ въ новую болгарскую столицу Софію, гдѣ немедленно составлено было первое болгарское министерство, въ составъ котораго вошли: *Ө.*-Бурмовъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ совѣта министровъ, *М.* Балабанъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ, *Д.* Грековъ—юстиціи, *Д.* Начевичъ—финансовъ и *Генчовъ*—народнаго просвѣщенія.

Этому министерству заранѣе можно было предсказать близкій конецъ, въ виду того, что не вошедшіе въ составъ его представители либеральной партіи: *Д.* Цанковъ и *П.* Каравеловъ, самолюбіе коихъ этимъ крѣпко было задѣто, не могли забыть нанесеннаго имъ оскорбленія. Они не могли переварить не столько Бурмова, став-

шаго изъ недавняго обыкновеннаго эконома русской больницы при русскомъ посольствѣ въ Константинополь министромъ внутреннихъ дѣлъ и президентомъ совѣта министровъ, сколько Д. Грекова, ставшаго министромъ юстиціи. Агитаціи противъ этого министерства начались съ самого момента его образованія, проявлявшіяся на шумныхъ митингахъ. На первомъ-же состоявшемся народномъ собраніи это министерство, за объявленіемъ ему недовѣрія, провалилось весьма скандально. Новое министерство сформировалось съ Д. Цанковымъ во главѣ, въ составъ котораго вошелъ и П. Каравеловъ, хотя онъ былъ далеко несимпатиченъ¹⁾ Цанкову человѣкъ. Тѣмъ не менѣе борьба партій не уменьшалась и страсти бушевали. Конституція въ рукахъ отважныхъ вожаковъ служила только средствомъ для вербовки партизановъ. Кто больше кричалъ за неприкосновенность конституціи, тотъ вдоволь приобреталъ этихъ партизановъ и не по днямъ, а по часамъ усиливалъ свое вліяніе. Были такіе приверженцы конституціи, которые еще во второмъ народномъ собраніи стали возбуждать неудовольствіе противъ князя за нарушеніе будто-бы имъ конституціи, выражавшееся, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что онъ именовался не тѣмъ титуломъ, какой ему присвоенъ по конституціи, именно „свѣтлостью“, а „высочествомъ“. Какъ ни убѣждали ихъ другіе, что титулъ „свѣтлость“ былъ-бы присвоенъ князю болгарскому даже тогда, если-бы онъ былъ изъ простыхъ смертныхъ, въ родѣ первыхъ сербскихъ князей, какъ Кара-Георгій, Милошъ, Михайлъ и др., а вѣдь принцъ Батенбергъ уже по роду своему стоитъ выше „свѣтлости“ и имѣетъ титулъ „высочество“, и что если-бы Богъ помогъ болгарскому народу видѣть на престолѣ болгарскомъ „величество“, то это только возвысило-бы авторитетъ болгарскаго народа,—эти ярые поборники оставались непреклонны въ своихъ взглядахъ, что титулованіе князя высочествомъ, а не свѣтлостью, есть нарушеніе конституціи...

¹⁾ Этотъ несимпатичный человѣкъ агитировалъ въ народѣ противъ русскихъ болгаръ и открыто, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывался противъ русскаго вліянія въ Болгаріи. Если принцъ Александръ Батенбергъ проявился передъ Россією и такъ печально кончилъ, то этимъ достигнувъ его несчастіемъ онъ обязанъ этому человѣку, предпочитавшему играть двусмысленную роль во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Такъ отзывался о немъ покойный И. С. Аксаковъ.

И. С. И.

При такомъ положеніи страны, когда министромъ-президентомъ могъ стать даже недавній больничный экономъ,—борьба изъ-за министерскаго кресла никогда, конечно, не прекратится.

Если-бы можно было предвидѣть всѣ тѣ послѣдствія, съ которыми пришлось нынѣ встрѣчаться, то, конечно, можетъ быть, придумали бы какія-либо мѣры къ предупрежденію ихъ. Но, къ сожалѣнію, сильные того времени въ будущее этой страны не заглядывали; они не задавались даже мыслью, что русскіе устроители судьбы освобожденнаго народа скоро покинутъ страну, которая ближе стоитъ въ географическомъ отношеніи къ державамъ, не симпатизирующимъ усиленію вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ; они принимали за чистую монету все то, что въ то время представлялось имъ въ глаза,—словомъ, они вѣрили всему тому, чему вѣрить не слѣдовало. Удивительно-ли послѣ этого, что эти лица повѣрили тому, что появленіе въ Плоэштахъ князя Э. Богориди имѣетъ политическое значеніе, и усмотрѣли въ знакомствѣ его съ нѣкоторыми болгарами намѣреніе со стороны послѣднихъ выдвинуть его въ кандидаты на болгарскій престолъ, въ то время, когда трудно еще вѣрилось въ возможность освобожденія Болгаріи. Между тѣмъ, какъ въ то время не было ни единого болгарина по сю и по ту сторону Балкановъ, который-бы не ждалъ отъ русскаго царя не только освобожденія его отечества, но и устройства его, по усмотрѣнію этого-же Бѣлаго русскаго Царя. Всякія заявленія болгаръ, съ которыми они являлись, напр., въ Кишиневѣ или въ Плоэштахъ къ кн. Черкасскому, выражали одно лишь желаніе оказать содѣйствіе къ успѣшному веденію дѣла, начатаго во имя правды и освобожденія народа великодушнымъ русскимъ царемъ.

Въ великихъ дѣлахъ не обходилось и не обходится безъ ошибокъ, а тѣмъ болѣе и безъ недоразумѣній. Въ нынѣшнихъ-же отношеніяхъ между Болгаріею и Россіею существуетъ одно только недоразумѣніе, которое слѣдуетъ считать временнымъ и неестественнымъ. Во всякомъ случаѣ, болгарскій народъ сохранилъ и всецѣло во вѣки вѣковъ безусловно сохранить чувства глубокой благодарности къ Россіи за столь великое ея благодѣяніе—освобожденіе и политическое ея возрожденіе. Онъ дорожитъ Россіею, потому что безъ ея оружія онъ никогда не могъ быть освобож-

день, какъ и безъ ея покровительства цѣлость Болгаріи—немыслима. Я глубоко вѣрю, что Россіи съ Болгаріею въ авангардѣ предстоитъ еще исполненіе великаго историческаго подвига на Востокѣ. Дай-же Богъ, чтобы скорѣе возстановились между этими братскими народами тѣ-же тѣсныя, сердечныя, духовныя связи, которыя еще не такъ давно возбуждали зависть всего Запада.

12-го декабря 1891 г.
Кишиневъ.

Ив. С. Ивановъ.

ЯКОВЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТОЛМАЧЕВЪ,

ординарный профессоръ Спб. университета,

род. 6-го октября 1779 г., умеръ 18-го января 1873 г.

Автобиографическая записка.

I.

Родился я 6-го октября 1779 года, въ слободѣ Лиццахъ, Харьковской губерніи и Харьковскаго уѣзда, въ которой при церкви Рождества Христова отецъ мой былъ двѣнадцать лѣтъ причетникомъ-дьячкомъ. Прадѣдъ-же мой былъ дворянинъ, переселившійся изъ села Толмачевки, отстоящаго въ разстояніи около двухъ верстъ отъ города Курска, въ село Тишки, Харьковскаго уѣзда, съ частью своихъ крестьянъ, и, вступивъ въ духовное званіе, сдѣлался священникомъ. Родоначальникъ фамиліи дворянъ Толмачевыхъ былъ, вѣроятно, толмачъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, упоминаемый въ Исторіи Карамзина.

Первые четыре года моего дѣтства прошли безсознательно для меня. Помню только, что, будучи еще трехъ или четырехъ лѣтъ, я ходилъ иногда къ своему дѣду, отцу моей матери, гажиточному и грамотному крестьянину. Когда я проходилъ черезъ другія дальнія деревни, жители сбѣгались смотрѣть на меня какъ на нѣкоторое чудо. Въ эти четыре года, не помню какъ и когда, началъ я учиться грамотѣ; но въ пять или шесть лѣтъ я зналъ уже на память весь почти Часословъ и Псалтирь, которыми въ тогдашнее время, по большей части, начиналось и оканчивалось первѣдое воспитаніе дѣтей. Изъ сихъ книгъ весьма много назидательнаго сохранила память моя во все теченіе моей долговременной жизни.

Послѣ четырехъ или пяти лѣтъ моего дѣтства оставшіяся воспоминанія весьма неутѣшительны: напримѣръ, я имѣлъ обыкновенною забавою лазить на высокія деревья и вынимать яйца изъ птичьихъ гнѣздъ или ходить по карнизу вокругъ церкви, держась одною рукою за зонтины, а другою доставая воробьиныя гнѣзда. Деревня, мѣсто жительства простаго необразованнаго народа. ежедневно подавала мнѣ случай знакомиться съ сельскими ребятишками, которые мало по малу приучили меня бѣгать вмѣстѣ съ ними по улицамъ, дѣлать грубыя ихъ игры и забавы, лазить въ чужіе сады и огороды, гдѣ пойманный, къ своему несчастію, возвращался я домой или безъ рубашки или съ рубцами на тѣлѣ. Въ такихъ занятіяхъ ученіе не приходило мнѣ на умъ. Съ семилѣтняго возраста и началъ уже ходить изъ найма на чужую работу. Въ продолженіе лѣтняго времени я ходилъ полоть бакши и за работу получалъ по шести копеекъ въ день мелкою монетою. Эти деньги отдавалъ я своей матери въ пособіе. Товарищество съ дѣтьми малороссіянъ и сообщество въ работахъ съ ними имѣли то полезное для меня послѣдствіе, что я выучился хорошо говорить помалороссійски. Дома я говорилъ по-русски съ отцемъ и матерью, которые были великоруссы. Знаніе малороссійскаго нарѣчія нынѣ помогаетъ мнѣ иногда при этимологическихъ изслѣдованіяхъ словъ языка русскаго.

Въ 1789 году отецъ мой былъ посвященъ въ священническій санъ въ сосѣднее бѣдное и малолюдное село Борщево. По своему безкорыстію онъ не имѣлъ почти никакого дохода и, будучи крайне бѣденъ, во всю свою жизнь не имѣлъ наемныхъ ни работниковъ, ни работницъ, исключая поденщиковъ, нанимаемыхъ иногда въ крайнихъ случаяхъ. Мои отецъ и мать сами трудились, а вмѣстѣ съ ними и всѣ дѣти. Однако, состояніе его теперь значительно улучшилось въ сравненіи съ прежнимъ. Прежде церковное поле отстояло отъ его дома около двѣнадцати верстъ и онъ мало занимался земледѣліемъ; но въ селѣ Борщевѣ оно было подъ рукою. Онъ началъ воздѣлывать свою часть церковнаго поля; вмѣстѣ съ нимъ и я началъ трудиться: пахать, косить, молотить, жать и т. д. По близости лѣса, возлѣ отцовскаго дома, я носилъ дрова большею частью на себѣ, особливо когда у отца не было лошади, и занимался всѣми сельскими работами, слѣды которыхъ остались доселѣ въ разныхъ признакахъ на моемъ тѣлѣ: на головѣ, на рукахъ, на пальцахъ, на ногахъ. Случалось нерѣдко, что я цѣлый день, въ зимнее время, въ одной рубашкѣ, стоя въ снѣгу по колѣни, въ лаптяхъ своей работы, рубилъ дрова въ лѣсу и не зналъ

никакой простуды; а въ лѣтнее время, окопавъ полусгнившіе пни дубовыхъ деревьевъ и взваливъ ихъ на себя, сносилъ ихъ съ горы домой. Если въ лѣсу встрѣчались мнѣ деревца, обращающія мое вниманіе какою-нибудь своею климатическою рѣдкостью, я пересаживалъ ихъ въ отцовскій огородъ. Такіе труды принесли мнѣ въ жизни ту пользу, что укрѣпили мои тѣлесныя силы, приучили къ терпѣнію, къ труду и дѣятельности. Справедливо сказалъ Virgilій: *Labor omnia vincit. Improbus et duris in rebus egestus*. Въ селѣ Борщевѣ была небольшая деревянная церковь, въ которой я въ воскресные и праздничные дни обыкновенно читалъ и пѣлъ и клирошъ и лазилъ нерѣдко звонить на колокольню; за все эт крестьяне очень любили меня. Въ дни Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія рано утромъ я обыкновенно обходилъ весь приходъ съ поздравленіями, и за поздравленія приобрѣталъ иногда сумму денегъ до пятидесяти копеекъ.

Когда я былъ уже тринадцати лѣтъ, открылась при церкви села Борщова вакантное пономарское мѣсто. Имѣя въ мысляхъ примѣръ отца, который прежде былъ причетникомъ, я рѣшился искать сего мѣста и пошелъ въ Бѣлгородъ просить архіерея объ опредѣленіи меня на это вакантное мѣсто, но въ моему горю одинъ изъ стариковъ, лишенныхъ священства, того-же села, упредилъ меня и занялъ сіе мѣсто.

Наступилъ мнѣ четырнадцатый годъ. Я началъ думать о своемъ будущемъ положеніи. Въ это время отъ духовнаго начальства предписано было понуждать отцовъ отдавать дѣтей своихъ въ училища. И я на четырнадцатомъ году былъ отданъ для образованія въ харьковскій коллегіумъ, въ которомъ обучались тогда преимущественно дѣти духовныхъ лицъ, нѣкоторыхъ купцовъ и дворянъ. Въ первый годъ ученія, живя на квартирѣ на отцовскомъ, крайне бѣдномъ, содержаніи, я былъ ввѣренъ отцомъ частному надзору студента философіи Тишинскаго, который остался памятенъ мнѣ доселѣ только тѣмъ, что всегда сердился, когда я составлялъ маленькія тетрадки и вписывалъ въ нихъ латинскія слова и фразы. Тетрадки мои онъ иногда съ негодованіемъ рвалъ и бросалъ въ огонь.

На другой годъ моего ученія въ коллегіумѣ, я былъ принятъ, по уваженію моего поведенія и успѣховъ въ ученіи, на казенное содержаніе въ число бѣдныхъ учениковъ, жившихъ въ бурсѣ. Бурса того времени, находившаяся при харьковскомъ коллегіумѣ, была одноэтажное каменное строеніе, ни внутри, ни снаружи не бѣленое; она имѣла два поперечныхъ коридора, въ которыхъ по правую

и по лѣвую сторону было по двѣ обширныхъ комнаты. Въ четырехъ комнатахъ къ югу жили воспитанники, числомъ до шестидесяти и болѣе человѣкъ. Въ этихъ комнатахъ у стѣнъ были пристроены лавки, на которыхъ ученики высшихъ классовъ спали, а низшихъ классовъ ученики спали на полу. Больные лежали на лавкахъ вмѣстѣ между здоровыми. Больницы и кроватей въ бурсѣ вовсе не было. Однако, во все время ученія моего въ коллегіумѣ, въ теченіе пяти лѣтъ, не было ни одного умершаго ученика изъ числа семи-или восьмисотъ учившихся въ коллегіумѣ. О лекаряхъ и аптекахъ не было и помину. Комнаты въ зимнее время рѣдко отапливались. По недостатку дровъ возрастнѣйшіе воспитанники ходили иногда ночью на рѣку Лопать и съ мостовъ снимали мосто-вицы и ими отапливали комнаты.

Содержаніе воспитанникамъ было крайне бѣдное. Начальство не давало имъ ни бѣлья, ни одежды, ни обуви. Они ходили во всемъ своемъ одѣяніи, и лѣтомъ и зимою по большей части въ одной и той-же одеждѣ. Всегдашней пищею ихъ были, въ обѣдъ постыя щи, ржаной хлѣбъ и сухари; въ ужинъ, гречневья голушки, величиною каждая почти въ полфунта.

Образъ жизни воспитанниковъ былъ весьма трудный и тягостный. Они строго обязаны были вставать очень рано и каждый день, въ шестомъ часу утра, идти въ коллегіумъ учиться греческому языку. Разстояніе бурсы отъ коллегіума было около версты Мостовой и тротуаровъ въ то время еще нигдѣ не было въ городѣ Харьковѣ. Въ зимнее время ученики принуждены были ходить въ классы на лекціи греческаго языка ночью по дорогѣ, иногда за-навшей глубокимъ снѣгомъ. Въ коллегіумѣ отъ самаго начала его постройки никогда не существовало ни одной печи. Чернила замерзали въ классахъ отъ холода и мы, желая написать что-нибудь, нагрѣвали чернильницы за пазухою теплотою тѣла.

Въ харьковскомъ коллегіумѣ въ низшихъ классахъ исключительно почти преподавались одни древніе языки: латинскій и греческій. Въ два года я сдѣлалъ такіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на третій годъ порядочно понимать латинскихъ классиковъ. А третій годъ, находясь въ классѣ пятники, я прочелъ, сколько помню: Разговоры Эразма Роттердамскаго, какую-то священную исторію на латинскомъ языкѣ и Саллюстія: „Bellum Catilinarium et Jugurthinum, и приобрѣлъ уже почетную извѣстность между учениками, своими сверстниками; родители нѣкоторыхъ изъ нихъ просили меня пояснять дѣтямъ ихъ уроки и платили мнѣ за годъ трудовъ по рублю и по два рубля. Первые деньги, получен-

ныя мною за трудъ, употребилъ я на покупку платья для своей матери.

Четвертый и пятый годы моего учебнаго курса посвящены были риторикѣ, которой учились мы по книжкѣ Бургія на латинскомъ языкѣ и по книжкѣ Лежея, котораго латинскія рѣчи служили намъ образцами для подражанія и сочиненія рѣчей, также на языкѣ латинскомъ. Чтеніемъ русскихъ книгъ и русскою литературою мало мы занимались, потому что книжныхъ лавокъ еще не было въ Харьковѣ, а у частныхъ лицъ книги были большою рѣдкостью. Мнѣ памятно и теперь—съ какою жадностью студенты читали Полиціона и Бову-Королевича, перехватывая ихъ другъ у друга.

Четыре года жизни, проведенные въ харьковской бурсѣ и ознаменованные темными картинами бѣдности, доставляютъ мнѣ часто пріятныя воспоминанія,—какъ я, сидя въ уголѣ на лавкѣ, закрывшись занавѣскою, училъ латинскія слова изъ Геслерова лексикона желая весь лексиконъ выучить наизусть. Какъ я, просидѣвъ за полночь при тусклой свѣчѣ, поставленной на крышкѣ сундучка, вслѣдствіе неимѣнія подсвѣчника, засыпалъ сидя, а догорѣвшая свѣча портила крышку сундучка, а иногда и близъ лежавшія вещи

Въ 1799 г. указомъ святѣйшаго синода велѣно было начальствамъ духовныхъ семинарій черезъ каждые два года посылать въ академію по два ученика, для образованія и потомъ занятія учительскихъ мѣстъ въ семинаріяхъ. Для этой цѣли я и другой ученикъ, по окончаніи риторическаго курса, были посланы въ кievскую академію продолжать науки. Въ этомъ одномъ изъ древнѣйшихъ высшихъ училищъ провелъ я четыре года съ большою пользою. Многіе того времени наставники академіи учились и образовались въ московскомъ университетѣ, а нѣкоторые —за-границею, въ чужихъ краяхъ.

Учащіяся въ академіи отличались хорошею нравственностью и благородствомъ обхожденія, которое въ другихъ духовныхъ училищахъ того времени было, сколько мнѣ извѣстно, довольно грубо.

Обучаясь въ академіи и зная цѣль своего назначенія, я старался, такъ сказать, всему выучиться; преимущественно-же я посвящалъ свое время изученію языковъ: греческаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и англійскаго. Кромѣ этихъ языковъ, въ теченіе четырехлѣтняго академическаго курса, я занимался философіею и богословіемъ, — науками, преподаваемыми въ то время въ академіи на латинскомъ языкѣ. Математическія лекціи, преподаваемые въ академіи двумя учителями чистой и прикладной математики, не могли удовлетворять меня. Я рѣшился

самъ, безъ помощи учителя, пройти всѣ части математики. Полный курсъ Вейдлера на латинскомъ языкѣ послужилъ мнѣ первымъ основаніемъ моихъ математическихъ познаній, которыя пополнялъ я, при преподаваніи въ Харьковѣ въ званіи учителя, въ Петербургѣ въ званіи профессора, сочиненіями извѣстныхъ математиковъ. Другія познанія, какъ, на примѣръ, географическія, историческія и политическія, входящія въ кругъ умственного образованія, приобрѣтались мною чтеніемъ. Я любилъ читать преимущественно философскія сочиненія, основанныя на естественномъ, здоровомъ умѣ, а не на школьныхъ того времени затѣйливыхъ системахъ. Наибогѣе читалъ я французскихъ и нѣмецкихъ писателей, проводя надъ чтеніемъ книгъ дни и ночи. Такъ, на примѣръ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прочелъ я двадцать шесть огромныхъ томовъ in quarto древней и римской исторіи Роллена и четыре тома исторіи Кривьера о первыхъ римскихъ императорахъ. При академическомъ домѣ, занимаемомъ бѣдными учениками, былъ залъ для бібліотеки, состоявшей изъ многихъ полезныхъ и занимательныхъ книгъ; я пользовался ими, особенно читалъ много путешествій. Я прочелъ, сколько помню, тридцать шесть томовъ „Всемирнаго путешественника“ двадцать томовъ морскихъ путешествій, также путешествія Кука, Вальяна и другихъ путешественниковъ позднѣйшаго времени. Между книгами сей бібліотеки я нашелъ на русскомъ языкѣ сочиненіе Роллена: „Способъ учить и учиться“. Прочитывая его, я узналъ, что одинъ французскій литераторъ выучилъ на память всего Вергилія на латинскомъ языкѣ, а другой выучилъ и Вергилія на латинскомъ и Гомера на греческомъ языкѣ. Это чтеніе возбуждало во мнѣ сильное желаніе подражать имъ. Я началъ учить наизусть Вергилія. Круглый годъ почти я занимался имъ, посвящая всякій день одинъ вечерній часъ на выучиваніе ста стиховъ; въ четверть часа я прочитывалъ ихъ, а въ три четверти часа выучивалъ. Выученные стихи цвѣторялъ я всегда почти когда шелъ изъ квартиры въ академію на лекціи. Начиная съ перваго стиха, я могъ прочитывать безостановочно на память: Буколики, Георгіки и двѣ пѣсни Энеиды. Лѣтомъ, въ хорошіе весенніе и осенніе дни, любимымъ мѣстомъ моихъ занятій былъ Крещатикъ, на которомъ часто, съ первыми лучами восходящаго солнца, являлся я съ Вергиліемъ въ рукахъ.

Окончивъ Вергилія, желалъ я выучить и „Иліаду“ Гомера, но разнообразіе діалектовъ, огромность поэмы и близость оканчиваемаго мною академическаго курса были причиною, что я оставилъ въ самомъ началѣ это предпріятіе, выучивши нѣсколько стиховъ

Иліады. Нынѣ, однако, при этимологическихъ изслѣдованіяхъ, я извлекаю нѣкоторую пользу изъ діалектовъ Гомера и получилъ то убѣжденіе, что греческій языкъ его времени имѣлъ большое сближеніе съ кореннымъ языкомъ славянскихъ нарѣчій.

Я также занимался сочиненіями рѣчей духовнаго содержанія и переводами съ иностранныхъ языковъ. Съ нѣмецкаго языка я перевелъ стихами „Geistliche Lieder“ Геллерта и „Bestimmung des Menschen“ Шпалдинга; съ французскаго языка: „Contrat social“ Жанъ-Жака Руссо и „Загробную переписку“ какого-то неизвѣстнаго писателя. Всѣ эти сочиненія остались въ рукописяхъ ненапечатанными.

Двѣнадцать человѣкъ, прибывшіе въ академію изъ шести семнарій, составляли особое, такъ сказать, между учащимися общество, подъ именемъ кандидатовъ. Мы помѣщены были на жителство въ академическомъ зданіи, на берегу Днѣпра; имѣли общій столъ и общую прислугу. Дружба молодости соединяла всѣхъ насъ единомышленнымъ, радостнымъ чувствомъ юной жизни. Живя вмѣстѣ, мы, большею частью, вмѣстѣ дѣлали и свои прогулки. Пользуясь близостью Днѣпра, мы нерѣдко по водамъ его развѣзжались на большихъ лодкахъ, переплывали на другой берегъ, гуляли по долинѣ между кустами ошины, пользуясь ихъ ягодами, или, во время широкихъ разливовъ Днѣпра, переплывали пространную долину до отдаленныхъ селеній, единственно для того, чтобы напиться молока. Во время одного подобнаго плаванія случилось съ нами страшное приключеніе, оставшееся въ числѣ незабвенныхъ воспоминаній. Оставивъ Кіевоподольскій берегъ Днѣпра, достигали уже мы до половины пространства разлившихся водъ, имѣя въ виду желанный противоположный берегъ, какъ вдругъ набѣжавшая туча съ бурнымъ вѣтромъ взволновала воды и наша лодка быстротою теченія понеслась по пѣнистымъ волнамъ вдоль Днѣпра, несмотря на всѣ усилія гребцовъ. Веселіе и смѣхъ измѣнились на вопль и плачь нѣкоторыхъ между нами, болѣе оробѣвшихъ. Я помню, какъ мы переплывали черезъ вершины потонувшихъ деревъ и хватались за нихъ, чтобы удержаться. Наконецъ, буря нѣсколько затихла и мы достигли противоположнаго берега, спустясь внизъ по рѣкѣ верстъ около шести.

Мѣстами одиночныхъ моихъ прогулокъ были Крещатикъ и Царскій садъ, куда я, вставши очень рано, лѣтомъ, весною и осенью, въ свободные свѣтлые дни обыкновенно ходилъ по деревянной полусгнившей мостовой узкой улицы, недалеко отъ береговъ Днѣпра, между деревянными ветхими домиками, гдѣ все еще спало. На высотахъ Крещатика часто я наслаждался живописною картиною

восходящаго солнца. Пространная заднѣпровская равнина, озаряемая лучами утренняго солнца, представляла тихій, очаровательный и величественный видъ, какого послѣ нигдѣ не случилось мнѣ видѣть. Во время осеннихъ утреннихъ прогулокъ я имѣлъ привычку взявши бѣлый хлѣбъ, ходить на Крещатику и тамъ завтракать, пользуясь ягодами съ шелковичныхъ деревьевъ, или, гуляя по тропинкамъ въ Царскомъ саду, отдыхать на ложѣ благовонныхъ ореховыхъ и кленовыхъ листьевъ. Воспоминаніе о сихъ прогулкахъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ моей молодой жизни и нынѣ, въ глубокой старости, съ пріятностью иногда переноситъ мои мысли въ похождения прошедшей, невозвратной юности. Четырехлѣтнее время, проведенное мною въ Кіевѣ, было самымъ пріятнымъ періодомъ въ моей жизни.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1803 года я оставилъ Кіевъ. Нѣсколько человекъ товарищей, кандидатовъ, сопровождали меня за рѣку Днѣпръ, по плывучему мосту его, и, на его берегу посидѣвъ посмѣявшись и поплакавъ, простились мы навѣки. Послѣ того я уже никого изъ нихъ не видалъ.

II.

Въ 1803 г., по окончаніи академическаго курса наукъ, я возвратился изъ Кіева въ Харьковъ. Начальство коллегіума опредѣлило меня учителемъ пѣтики, математики, греческаго, латинскаго и французскаго языковъ и назначило мнѣ жалованья сто восемьдесятъ рублей за пятьдесятъ два часа преподаванія сихъ предметовъ въ недѣлю. Такое скудное жалованье рѣшился я дополнять содержаніемъ и обученіемъ пансіонеровъ изъ дворянскихъ дѣтей, съ которыми я, послѣ классныхъ занятій, часто принужденъ былъ заниматься до глубокой ночи.

Въ пѣтическомъ классѣ назначена была учебною книгою „Пѣтика Аполлоса“, изданная въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Языкъ, слогъ и стихи, приводимые въ ней для примѣра, были весьма устарѣлые. Я составилъ для учениковъ новое учебное руководство, подъ названіемъ „Русская поэзія“, которое книгопродавецъ Глазуновъ напечаталъ въ Москвѣ въ 1805 г. Въ 1806 г., по распоряженію начальства, я обязанъ былъ, вмѣсто пѣтики, преподавать въ высшемъ классѣ риторику, съ полученіемъ жалованья трехсотъ рублей и оставаясь въ то-же время учителемъ математики и французскаго языка. Въ это время составлена мною для учениковъ высшихъ классовъ французская грамматика, которой было напечатано

четыре изданія, одно послѣ другаго, въ Москвѣ, книгопродавцемъ Глазуновымъ. Кромѣ того, еще въ 1805 г., переведено мною съ нѣмецкаго языка и напечатано въ Харьковѣ сочиненіе Мендельсона „Von der Unkörperlichkeit der Seele“, подъ русскимъ названіемъ „О духовномъ свойствѣ души человѣческой“. Это сочиненіе я, по напечатаніи, посвятилъ харьковскому епископу Христофору Сулимѣ, который очень любилъ меня и много благодѣтельствовалъ моему отцу и тѣмъ родственникамъ моимъ, за которыхъ я имѣлъ случаи ходатайствовать передъ нимъ. Сей архипастырь былъ первымъ епископомъ въ харьковской епархіи и отличался высокимъ благородствомъ и добротой души. Однажды, онъ посовѣтовалъ мнѣ снести экземпляръ этого сочиненія ректору университета, Рижскому, котораго странный пріемъ, сдѣланный мнѣ, остался доселѣ въ мозги памяти. По докладѣ обо мнѣ, когда я вошелъ въ комнату, Рижскій сидѣлъ въ креслѣ и что-то писалъ; оглянувшись на меня, продолжалъ писать и написанное мараль. Прошло нѣсколько минутъ; наконецъ, встаетъ, подходитъ ко мнѣ, съ гордымъ видомъ школьнаго педагога, беретъ книжку и, не сказавъ ни слова, уходитъ. Вскорѣ послѣ этого случилось мнѣ опять быть у преосвященнаго Христофора и у него я встрѣтилъ того-же Рижскаго, который посовѣтовалъ мнѣ тутъ вновь перевести для гимназій харьковскаго учебнаго округа съ латинскаго языка: логику, метафизику и нравственную философію Баумейстера. Я перевелъ и книгопродавецъ Глазуновъ напечаталъ ихъ въ Москвѣ.

Съ этого времени положеніе мое, въ хозяйственномъ отношеніи, постепенно улучшалось. Получая жалованья по званію учителя, плату за ученіе и воспитаніе пансіонеровъ, небольшой доходъ отъ сочиненій и продажи нѣкоторыхъ книгъ, я имѣлъ достаточныя средства и могъ прилично жить въ Харьковѣ и отцу помогать въ его деревенскомъ быту и въ содержаніи семейства. Я купилъ отцу у одного помѣщика домъ, который былъ перевезенъ въ село Борцово и устроенъ сообразно съ требованіями сельскаго быта. Купилъ я и себѣ, у другаго помѣщика, также домъ въ двадцати верстахъ отъ города и, перевезши его, построилъ въ саду на возвышенности, называемой Холодною горою, между садами помѣщика Квитки и купца Карпова. Стоялъ онъ на прелестнѣйшемъ мѣстоположеніи: городъ Харьковъ весь почти былъ въ виду; рѣка Харьковъ протекала вблизи, а изъ-подъ возвышенности, въ немногихъ саженахъ отъ воротъ дома, вытекалъ широкимъ ручьемъ обильный источникъ чистой холодной воды, по ту и другую сторону котораго была зеленѣющая лужайка.

Молодые лѣта всегда почти доставляютъ человѣку на старости пріятныя воспоминанія о себѣ. Несмотря на многочисленныя тяжелыя труды моей харьковской жизни, мнѣ пріятно теперь вспомнить о тѣхъ дружескихъ бесѣдахъ своихъ сослуживцевъ, которые своимъ чистосердечіемъ, откровенностію и остроуміемъ оживляли эти бесѣды. Въ сихъ бесѣдахъ, во время особенныхъ пріятныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, во время празднованья именинъ, нерѣдко принимали участіе духовныя лица, а иногда удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ преосвященный Христофоръ Сулима, бывшій, какъ я упоминалъ выше, первымъ епископомъ харьковской епархіи, потомокъ древней фамиліи графовъ Сольмсовъ, поступившій въ монашество изъ военныхъ офицеровъ,—человѣкъ образованный, умный, добрый, архипастырь примѣрно благодѣтельный.

Пріятно мнѣ также вспоминать и о томъ, какъ я въ лѣтнее свободное время посѣщалъ своего отца и въ жаркіе дни отдыхалъ подъ тѣнію вѣтвистыхъ яблоней, выросшихъ изъ тѣхъ зернышковъ, которыя я садилъ, будучи еще восьми или девяти лѣтъ, и выросшіе стебельки высаживалъ и пересаживалъ нѣсколько разъ на другія мѣста. Затѣмъ въ каникулярные дни точно также весьма пріятно проводилъ свободное время въ сежействахъ тѣхъ помѣщиковъ, дѣти которыхъ или учились у меня или были пансіонерами. Дома ихъ были пріятными для моего отдохновенія послѣ школьныхъ трудовъ.

Въ 1808 году блаженной памяти митрополитъ Амвросій предложилъ комиссіи духовныхъ училищъ вызвать меня изъ харьковскаго коллегіума, а іеродіакона Филарета, по указанію ректора академіи, изъ московской Сергіевской семинаріи для занятія учительскихъ мѣстъ въ с.-петербургской академіи и семинаріи послѣ новаго преобразованія оныхъ. Меня, вѣроятно, митрополитъ Амвросій предложилъ вызвать по рекомендаціи Н. Н. Бантышъ-Каменскаго имѣвшаго въ то время, по учебной части, сношенія съ весьма многими лицами высшаго духовнаго начальства. По напечатаніи сочиненія Мендельсона въ 1806 году „О духовномъ свойствѣ души человѣческой“, я послалъ ему въ Москву одинъ экземпляръ, за который онъ благодарилъ меня письмомъ, въ коемъ, между прочимъ, было сказано имъ: „это сочиненіе не всякому по зубамъ“.

Въ началѣ 1809 года, во исполненіе указа святѣйшаго синода, я прибылъ въ Петербургъ и въ половинѣ января мѣсяца явился къ митрополиту Амвросію, а потомъ пошелъ къ ректору академіи, архимандриту Евграфу, у котораго изъ боковой комнаты вышелъ ко мнѣ іеродіаконъ Филаретъ, прибывшій прежде меня въ Петербургъ, и спросилъ у меня мою фамилію. Его смиренный видъ произ-

велъ во мнѣ какое-то темное весьма непріятное чувство, которое, какъ впоследствии время объяснилось мнѣ, было таинственно-пророческое чувство души, предвѣщавшее мнѣ большія непріятности въ будущихъ моихъ сношеніяхъ съ Филаретомъ какъ по службѣ, такъ и по разнымъ случаямъ въ моей жизни.

Академія и семинарія помѣщались въ то время въ Невскомъ монастырѣ. По приказанію митрополита, назначены мнѣ были двѣ комнаты для жительства въ томъ зданіи, гдѣ помѣщались студенты и нѣкоторые преподаватели академіи. Четыре года я жилъ въ сихъ комнатахъ, не выходя почти изъ монастыря до января мѣсяца 1813 года, до того времени, когда я женился.

Помѣщеніе жительства преподавателей академіи и семинарии было вообще стѣснительное. Это и нѣкоторыя другія причины, по прошествіи времени, побудили насъ, по примѣру монаховъ, имѣть общую трапезу. Мы сходились вмѣстѣ обѣдать и ужинать въ одну комнату; служившую намъ и кухней и столовою. Участниками этой общей трапезы были: инспекторъ студентовъ архимандритъ Іона, бывший потомъ митрополитомъ Грузин, іеромонахъ Евгеній, впоследствии бывший архіепископъ ярославскій, іеромонахъ Леонидъ, бѣдственный переводчикъ Ансильона, бывшаго причиною его смерти, Филаретъ, сдѣлавшійся уже въ это время іеромонахомъ, потомъ митрополитомъ московскимъ, Теофанъ, бывший архимандритъ Донскаго монастыря, переведенный потомъ въ Лютиковъ монастырь по несчастному приключенію въ его управленіи монастыремъ, и, наконецъ, я, бывший рас орядитель общей трапезы.

Въ скоромъ времени по прибытіи въ С.-Петербургъ, былъ я опредѣленъ комиссіею духовныхъ училищъ преподавателемъ русской словесности и математики въ семинаріи; въ академіи-же профессорскія катедры уже были заняты лицами, прежде меня прибывшими въ академію. Во время полученія указа святѣйшаго синода я не былъ въ Харьковѣ и не былъ извѣщенъ объ этомъ, ибо, пользуясь сво^бодными праздничными днями Рождества Христова, Новаго года и Крещенія, я посѣщалъ и гостилъ у знакомыхъ помѣщиковъ Изюмскаго уѣзда.

Іюля 4-го дня возложена была на меня должность конференцъ-секретаря академіи и академическаго окружнаго и внутренняго правленія. Дѣла сихъ трехъ управленій мало оставляли мнѣ времени для литературныхъ занятій. Теченіе ихъ еще болѣе затруднялось новостію преобразования училищъ, перемежною дѣйствующихъ лицъ и интригами.

Духовныя училища зависѣли прежде отъ власти епархіальныхъ

архіереевъ, которые распоряжались ими по своему благоусмотрѣнію. Въ ихъ управленіи не было ни единства, ни единообразія. По введеніи новыхъ уставовъ въ семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ, возникли, по новости ихъ, многія сомнѣнія и недоразумѣнія, по которымъ училищныя начальства требовали поясненій и разрѣшеній отъ академическаго правленія. По множеству училищъ, входившихъ въ округъ академическаго управления, такихъ требованій и дѣлъ было очень много. Съ переменною ректоровъ академіи, положеніе дѣлъ и затрудненія въ управленіи измѣнялись. Первый ректоръ академіи, архимандритъ Евграфъ Платоновъ, былъ человѣкъ весьма благоразумный, опытный въ управленіи, справедливый и твердаго характера. Онъ любилъ меня и помогалъ мнѣ совѣтами и своими распоряженіями въ дѣлахъ затруднительныхъ. Въ ноябрѣ 1810 года, въ вечеру, я былъ у него съ дѣлами, долго бесѣдовалъ и пилъ чай съ нимъ. На другой день, рано утромъ, пришелъ я къ нему и спрашиваю келейника: „Всталъ-ли ректоръ?“ Келейникъ молча указываетъ мнѣ на него, сидѣвшаго въ кабинетѣ на софѣ въ видѣ человѣка, погруженнаго въ размышленіе. Въ прошедшую ночь смерть прекратила жизнь ему. На мѣсто его опредѣленъ ректоромъ архимандритъ Сергій, человѣкъ слабого характера и малоопытный въ дѣлахъ управленія. При докладахъ и объясненіяхъ текущихъ дѣлъ въ правленіи, по новости ихъ для него, случалось нерѣдко мнѣ входить съ нимъ въ словопренія, чѣмъ онъ крайне огорчался и сдѣлался, наконецъ, весьма неблагорасположеннымъ ко мнѣ. Но въ 1813 году онъ былъ посвященъ въ архіерейскій санъ и уѣхалъ въ Кострому на епархію, а его мѣсто въ академіи занялъ архимандритъ Филаретъ Дроздовъ.

III.

Никто, можетъ быть, не имѣлъ столько случаевъ проникать за монашеское покрывало скрытнаго характера Филаретова и свойствъ его души, сколько я имѣлъ ихъ въ теченіе шести лѣтъ, служа съ нимъ вмѣстѣ сначала въ семинаріи, потомъ въ академіи. Сердце онъ имѣлъ холодное; правиломъ его было дѣлать свое—*πραττειν τὰ ἑαυτοῦ*, что почиталось доблестью человѣка у древнихъ греческихъ философовъ, о которыхъ Платонъ говоритъ въ своемъ Хормидѣ. Въ теченіе шести лѣтъ я не видѣлъ ни одного добраго дѣла, сдѣланнаго имъ своему ближнему по движенію и по чистому чувству христіанской любви. Умъ у Филарета былъ проникательный, даль-

новидный, постоянно отвлеченный отъ всего того, что не вело къ предполагаемой имъ цѣли, къ достиженію коей, предусматривая препятствія, устранялъ ихъ предварительно. Всѣ движенія ума и сердца его исходили изъ центра собственной личности и изъ сферы его дѣйствій возвращались къ центру той-же самоличности. Филаретъ, будучи еще архимандритомъ, имѣлъ уже цѣлю своихъ стремленій московскую митрополию. Предвидя на пути своего быстро возвышенія препятствіе себѣ въ епископѣ Августинѣ, викаріи митрополита Платона и даровитомъ проповѣдникѣ, онъ, при удобныхъ случаяхъ, старался очернить его, представляя его человѣкомъ будто-бы преданнымъ излишествамъ. Мнѣ случалось лично слышать и видѣть какъ онъ мимически представлялъ Августина—какъ Августина тоненькимъ голоскомъ приказывалъ келейнику подавать пуншу.

Во время кончины митрополита Платона, Филаретъ былъ еще архимандритомъ. Августину, викарію Платона, святѣйшій синодъ повелѣлъ продолжать управленіе московскою митрополіею и при семъ случаѣ возвелъ епископа Августина въ степень архіепископа, но архіепископа не московскаго, а уѣзднаго дмитровскаго. Такого событія въ исторіи русской іерархіи еще не бывало, чтобы епископовъ за ихъ заслуги жаловали въ санъ уѣздныхъ архіепископовъ. Августинъ былъ знаменитый проповѣдникъ своего времени, краснорѣчивый и вдохновенный витія.

Скоро послѣ сего случилось мнѣ быть у ректора академіи Филарета съ дѣлами для подписки ихъ и въ разговорѣ съ нимъ коснуться до Августинова повышенія въ архіепископы. Филаретъ отвѣчалъ мнѣ съ выраженіемъ явнаго удовольствія на лицѣ: „Да, Августинъ перескочилъ черезъ канаву, да ноги замаралъ“.

Филаретъ за свои дѣла и заслуги, самыя обыкновенныя, получилъ награды самыя необыкновенныя и самымъ необыкновеннымъ образомъ: будучи архимандритомъ, получилъ архіерейскую панагію, украшенную брилліантами; будучи также въ санѣ архимандрита получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, не имѣвъ прежде никакихъ орденовъ. Сказавши двѣ или три проповѣди въ домовоі церкви своего покровителя, добрѣйшаго и благодѣтельнѣйшаго князя А. Н. Голицына, онъ успѣлъ исходатайствовать своему отцу наперсникъ брилліантовый крестъ въ награду не за какія-либо заслуги, но за проповѣди его сына, о каковомъ обстоятельстве, какъ о рѣдкомъ событіи, было обнародовано въ газетахъ, въ коихъ сказано, что эта награда дана отцу за проповѣди сына. Проповѣди Филарета холодны: въ нихъ нѣтъ чувства, нѣтъ сердца; въ нихъ

острый умъ играетъ, такъ сказать, до усталости словами, соединяя и противопоставляя ихъ разными извитіями; въ нихъ нѣтъ той духовно-жизненной силы христіанскаго чувства, которою ораторъ увлекаетъ сердца своихъ слушателей.

Филаретъ имѣлъ грудь слабую и голосъ невзвучный, отзвывавшійся нѣсколько носовымъ произношеніемъ, а потому декламація его какъ въ произношеніи рѣчей, такъ и въ классныхъ чтеніяхъ лекцій не могла производить особеннаго впечатлѣнія въ слушателей. Это и было случайнымъ началомъ и одною изъ причинъ его неблагоприятнаго расположенія ко мнѣ. Случилось, что онъ въ началѣ службы своей въ Невской семинаріи преподавалъ нѣсколько времени русскую словесность, а потомъ я замѣтилъ его. Ученики, какъ это обыкновенно бываетъ, говоря объ его и моемъ образѣ преподаванія лекцій, дѣлали и распространяли свои отзывы неблагоприятныя для честолюбія Филарета. Съ этихъ поръ началъ я замѣчать въ Филаретѣ, во время общихъ нашихъ сходокъ для трапезованія въ обѣдъ и ужинъ, чувство какой-то неприязненности, отклонявшей его отъ собесѣдованія со мною. Сего чувства явно не обнаруживалъ онъ противъ меня, зная и видя, что митрополитъ Амвросій и рязанскій архіепископъ Теофилактъ, два главныхъ дѣятеля и члена духовныхъ училищъ, особенно покровительствовали мнѣ, самъ же еще онъ не стоялъ на уготовляемомъ пути повышеній, покровительствуемый силою могущества князя Голицына. Но когда онъ вступилъ на сей путь, сдѣлавшись ректоромъ академіи, онъ началъ открыто дѣйствовать противъ меня. Сперва началъ словесно жаловаться кн. Голицыну, что я препятствую ему управлять академіею: эта жалоба значила, что я смиренію его смиренно не поклоняюсь, высокому уму его не удивляюсь; потомъ началъ письменно дѣлать доносы на меня, не пропуская самыхъ ничтожныхъ случаевъ для обвиненія. Такъ, напримѣръ, однажды пиसेць по ошибкѣ въ бумагѣ, посланной ему для подписи мною, вмѣсто словъ „Смоленской семинаріи“, написалъ „Могилевской семинаріи“. Филаретъ, возвративъ бумагу, прислалъ въ академическое правленіе письменный обвинительный актъ противъ меня, что я небрежно наблюдаю за дѣлами. Сей доносъ и другіе подобныя остались для меня безъ послѣдствій. Но при окончаніи перваго академическаго курса, онъ получилъ благоприятный случай для себя достигнуть цѣли своего недоброжелательства ко мнѣ—вытѣснить меня изъ академіи и семинаріи. Онъ былъ назначенъ экзаменаторомъ моихъ учениковъ по классу русской словесности, преподаваемой мною въ семинаріи. По окончаніи экзамена, Филаретъ допесъ академическому правленію:

1) что мои ученики мало занимались своими сочиненіями, которыхъ было только сорокъ у каждаго ученика въ теченіе года; 2) что они не сочиняли большихъ рѣчей и 3) что студенты академіи, окончивающіе курсъ наукъ, скоро могутъ замѣнить меня съ лучшимъ успѣхомъ въ преподаваніи. По полученіи сего доноса въ академическомъ правленіи, я возразилъ противъ втораго пункта и объявилъ, что ученики сочиняли большія рѣчи. Филаретъ сказалъ: „Зачѣмъ-же вы не показали мнѣ ихъ?“—„Зачѣмъ-же вы не спросили?“ отвѣчалъ я. — „Это не моя обязанность“, былъ его отвѣтъ. Скоро послѣ сего я оставилъ семинарію и академію и опредѣлился на службу по военному министерству въ аудиторіатскій департаментъ. Послѣ моего увольненія, въ скоромъ времени уволены были изъ семинаріи и другіе профессора, вызванные и опредѣленные комиссією духовныхъ дѣлъ, и замѣнены студентами академіи. Изъ уволенныхъ одинъ, профессоръ Ивановъ, былъ послѣ екатеринославскимъ губернаторомъ, другой, профессоръ греческаго языка Вороновъ, поступилъ на службу въ канцелярію графа Аракчеева. Послѣдняя школьная сцена, бывшая у Воронова съ Филаретомъ, былъ споръ во время экзамена учениковъ изъ греческаго языка о значеніи глагола ἀτάω. Въ разгарѣ спора послали на-домъ за греко-латинскимъ лексикономъ и, по справкѣ, оказалось, что Вороновъ правильно понималъ значеніе греческаго глагола ἀτάω. Филаретъ, чувствуя неприличіе этой школьной сцены, обратился къ ученикамъ и приказалъ не выносить за порогъ бывшаго спора.

Въ послѣдніе два года моего служенія по духовному вѣдомству я началъ составлять „Правила словесности“ и для опыта въ 1813 г. напечаталъ одну первую часть оныхъ, желая предварительно узнать какъ они по учебнымъ заведеніямъ будутъ приняты. Въ теченіе года 1,500 экземпляровъ разошлись большею частью по семинаріямъ. Въ 1814 г. я напечаталъ вторымъ изданіемъ эту первую часть, въ количествѣ также 1,500 экземпляровъ, но въ это время предписано было комиссією духовныхъ училищъ, гдѣ Филаретъ уже былъ членомъ, чтобы семинарскія правленія не покупали никакихъ книгъ, не испросивъ предварительно на покупку оныхъ позволенія отъ комиссіи. Я расчелъ, что это постановленіе комиссіи было направлено противъ моего сочиненія, о которомъ Филаретъ отзывался невыгодно и студентамъ академіи, говоря съ обычнымъ своимъ словозвѣтіемъ: „Эти правила требуютъ еще правилъ“. Это было одною изъ причинъ, почему я, напечатавъ четыре части „Правилъ словесности“, въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ, не сталъ повторять болѣе изданіе оныхъ; преимущественно-же

причиною было то, что самое содержаніе правилъ, выборъ примѣровъ, духъ церковнаго краснорѣчія, постепенность науки и системы ея были соображены въ семъ моемъ сочиненіи съ свойствомъ и цѣлю образованія воспитанниковъ въ духовныхъ училищахъ.

Въ 1814 г. опредѣлился было я на службу въ аудиторіатскій департаментъ, но еще нѣсколько времени занимался дѣлами академическаго правленія. Митрополитъ Амвросій весьма любилъ меня и оказывалъ мнѣ большое довѣріе. Когда являлся я къ нему для подписи бумагъ и журналовъ, онъ обыкновенно спрашивалъ меня: „что тамъ, есть-ли что-нибудь?“ Я указывалъ ему на статьи журнала, заслуживающія вниманія его, или отвѣчалъ: „нѣтъ ничего, ваше высокопреосвященство“, и онъ подписывалъ не читавши. Пользуясь благопріятными случаями докладовъ, я не пропускалъ и сдѣлать добро лицамъ извѣстнымъ ученостью и жизнію своею. При открывавшихся вакансіяхъ начальническихъ или ученыхъ мѣстъ въ академическомъ округѣ, я старался дѣлать указанія митрополиту Амвросію на таковыхъ лицъ для замѣщенія вакансій. Болѣе полвѣка прошло уже, а воспоминанія о сихъ докладахъ, о добротѣ и благорасположеніи ко мнѣ мудраго архипастыря—часто приходятъ мнѣ на умъ, съ отраднымъ чувствомъ для сердца. Одно изъ самыхъ пріятнѣйшихъ воспоминаній осталось для меня, когда онъ однажды, въ лѣтнее время, въ десять часовъ вечера прислалъ келейника за мною и сбѣявилъ мнѣ: „Сегодня, сказалъ онъ, мы положили въ синодѣ вызвать въ здѣшнюю академію изъ тобольской семинаріи инспекторомъ студентовъ твоего Филарета“, который впоследствии былъ кievскимъ митрополитомъ. Слово „твоего“, употребленное митрополитомъ Амвросіемъ, служитъ доказательствомъ, что онъ считалъ меня Филарету или родственникомъ, или другомъ, или бывшимъ сослуживцемъ, но я зналъ Филарета только по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ П. Н. Турчанинова, который былъ знакомъ съ Филаретомъ въ Орлѣ и не разъ рассказывалъ мнѣ о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ отъ тамошняго епархіальнаго архіерея Досифея, въ бытность свою ректоромъ семинаріи.

Но съ сими пріятными воспоминаніями приходятъ мнѣ иногда на умъ и прискорбное событіе, отъ соучастія въ коемъ предохранило меня святое Провидѣніе. Однажды митрополитъ Амвросій, при моемъ докладѣ бумагъ ему, вручилъ мнѣ „Эстетическія разсужденія“ Ансильона, переведенныя студентами академіи подъ руководствомъ рязанскаго архіепископа Феофилакта и профессора эстетики, покровительствованнаго имъ, архимандрита Леонида, съ тѣмъ, чтобы я написалъ на это сочиненіе критику. Не отказываясь и не говоря

ня слова, я взялъ книгу, поклонился и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени митрополитъ Амвросій спросилъ меня, написалъ-ли я критику? „По множеству дѣлъ въ правленіи, отвѣчалъ я ему, не успѣлъ я еще заняться ею“.

Черезъ два мѣсяца послѣ сего появилась напечатанная критика Филарета на Ансильона. Въ опроверженіе этой критики архіепископъ Феофилактъ и архимандритъ Леонидъ написали весьма основательную антикритику. Послали въ типографію напечатать; напечатали нѣсколько листовъ, но, печатая послѣдній листъ, получили повелѣніе прекратить печатаніе антикритики и не выпускать въ свѣтъ листовъ напечатанныхъ, а Леонида велѣно удалить изъ академіи. Неожиданный ударъ врага-соперника такъ сильно поразилъ его, что онъ впалъ въ глубокое отчаяніе и чрезъ три дня сошелъ въ могилу. Жаль мнѣ бѣднаго Леонида! Его келія была смежною съ моею, и онъ почти каждый день посѣщалъ меня.

Подобныхъ событій, горестныхъ для воспоминанія, можно было бы не мало привести изъ шестилѣтняго періода моей служебной жизни вмѣстѣ съ Филаретомъ, но я не намѣренъ теперь описывать ихъ, предоставляя это будущему времени.

Въ юнѣ мѣсяцѣ 1814 г., когда я уже изнемогалъ въ силахъ подъ бременемъ непріятныхъ академическихъ и аудиторіатскихъ дѣлъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ квартиру извѣстный поэтъ и патріотъ Василій Васильевичъ Капнистъ. Прежде онъ былъ незнакомъ лично мнѣ. Его посѣщеніе я считалъ всегда и теперь считаю дѣломъ Божьяго Промысла, избавившаго меня изъ омута монашескихъ интригъ и суетъ. Капнистъ пріѣзжалъ предложить: не желаю-ли я опредѣлиться секретаремъ къ министру народнаго просвѣщенія — графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому.

IV.

Опредѣлившись въ званіе секретаря къ особѣ министра, я считался на службѣ въ главномъ правленіи училищъ. Графъ Разумовскій и по характеру, и по уму, и по качествамъ сердца былъ истинный вельможа, во всемъ значеніи сего слова. Служа при немъ, я имѣлъ довольно свободнаго времени, которымъ пользуясь, составилъ третью и четвертую часть „Правилъ словесности“.

До 1816 года въ главномъ педагогическомъ институтѣ не было кафедръ для преподаванія русской словесности, которую И. Н. Мартыновъ преподавалъ вмѣстѣ съ эстетикою, какъ часть сей

науки. По важности предмета, министръ графъ Разумовскій почелъ нужнымъ испросить высочайшее соизволеніе прибавить къ штату главнаго педагогическаго института новую кафедру русской словесности и меня опредѣлить профессоромъ по сей кафедрѣ.

Въ 1816 году и потомъ въ слѣдующіе годы главное занятіе мое было преподаваніе русской словесности въ педагогическомъ институтѣ; въ промежутокъ этого времени былъ я, между прочимъ, членомъ ученаго комитета при императорскомъ человеколюбивомъ обществѣ, вмѣстѣ съ надворными совѣтниками: Блудовымъ и Лавскимъ, изъ коихъ первый былъ потомъ графомъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта, второй—графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. По прошествіи одного года, я выбылъ изъ комитета и оставилъ редакцію журнала, издаваемого симъ комитетомъ, которая возложена была на меня, какъ на члена. Въ свободные же часы дня я былъ преподавателемъ русской словесности возрастнымъ юношамъ и дѣвцамъ первыхъ домовъ знаменитѣйшихъ фамилій: Строгоновыхъ, Волконскихъ, Васильчиковыхъ, Бибиковыхъ и другихъ; а въ ночные-же часы посѣщали мои домашнія лекціи многіе даровитѣйшіе и образованнѣйшіе офицеры гвардіи. Съ душевнымъ удовольствіемъ я теперь вспоминаю о нихъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались извѣстными своими заслугами отечеству, какъ имена: пяти родныхъ братьевъ Шиповыхъ—Сергія, Ивана, Александра, Дмитрія, Николая Павловичей и двоюроднаго брата ихъ Алексія Ивановича, имена Муравьевыхъ—Карскаго и Амурскаго, Бурцова, Николая Николаевича Анненкова, Павла Николаевича Игнатьева, Ладыгина, адмирала Рикорда; съ грустью вспоминаю несчастныхъ: Пестеля, двухъ братьевъ Муравьевыхъ—Апостоля, князя Оболенскаго и другихъ.

Кромѣ ночныхъ домашнихъ чтеній о русской словесности, я желалъ имѣть публичныя чтенія и публиковалъ о моемъ намѣреніи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; но бывший тогда директоръ департамента Поповъ, призвавъ меня, воспретилъ какъ дѣло опасное, именуя мое намѣреніе гордостью и киченіемъ духа. Другой подобнаго рода памятный случай былъ со мною, когда я, въ 1818 и 1819 годахъ, исправлялъ должность цензора печатныхъ книгъ. Однажды министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, призвалъ меня и говоритъ, что государь императоръ вчерашній день сдѣлалъ ему замѣчаніе, а министры въ комитетѣ ожесточенно напали на него за напечатанную статью въ журналѣ Яценкова: „Духъ Журналовъ“, въ которой говорится, что нынѣ всѣ народы требуютъ конституціи. Князь такъ былъ снисходителенъ, говоря со мною, что я не почелъ нужнымъ въ свое оправданіе сказать ему, что Яценковъ печатаетъ

въ своемъ журналѣ безъ моего одобренія, не желая подвергнуть его строгой отвѣтственности за ложную подпись моего имени. „Впередъ, сказалъ князь, приносите ко мнѣ на разсмотрѣнїе подобныя статьи; Уварову не показывайте.—я лучше знаю духъ нынѣшней политики, нежели онъ“.—Я поклонился князю и ушелъ.

Злая судьба еще разъ доставила мнѣ случай, по выходѣ изъ духовнаго вѣдомства, испытать долготѣнее чувство неблагорасположенія Филарета ко мнѣ. Въ 1818 году былъ я членомъ и редакторомъ журнала въ ученомъ комитетѣ Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ которомъ совѣтъ былъ также членомъ и Филаретъ. Я былъ представленъ отъ комитета совѣту къ награжденію орденомъ св. Владиміра 4-й степени за труды по редакціи журнала. Филаретъ, вставъ съ мѣста, воодушевленнымъ краснорѣчіемъ своимъ убѣдиль членовъ совѣта, что награждать за дѣла человѣколюбія не должно, потому что публика можетъ подумать, говорить онъ, что мы служимъ человѣколюбію изъ корыстныхъ видовъ, а не изъ чистыхъ побужденій сердца. По окончаніи года я оставилъ комитетъ и редакцію журнала. Бывшій помощникъ мой по редакціи журнала Авксентій Павловичъ Гевличъ, докторъ харьковскаго университета, человѣкъ умнѣйшій, добрѣйшій и честнѣйшій, принялъ на себя обязанность редактора журнала и чрезъ два мѣсяца получилъ за редакцію онаго орденъ св. Владиміра 4-й степени. По благородству души онъ былъ столько великодушень, что, получивши орденъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру благодарить меня, говоря: „я пришелъ благодарить васъ; я получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени за ваши труды по изданію журнала“. Такая доброта души выше всѣхъ похвалъ. Впослѣдствіи А. П. Гевличъ былъ сенаторомъ.

Кромѣ оскорбленнаго чувства несправедливостью, была еще другая причина, побудившая меня оставить комитетъ. По уставу комитета всѣ члены обязаны были прочитывать статьи, назначаемыя къ печатанію въ журналѣ. Членами комитета были: я, коллежскій совѣтникъ Влудовъ и надворный совѣтникъ Ланской; предсѣдателемъ-же сего комитета былъ баронъ Фитингофъ, зять извѣстной придворной графини Ливенъ. Онъ, пользуясь покровительствомъ лицъ, близкихъ къ особѣ государя императора Александра I-го, представлялъ его величеству каждую ежемѣсячно выходившую книжку журнала, которая всегда была принимаема благосклонно и милостиво. Такая милость государя побудила барона Фитингофа представить меня совѣту Императорскаго человѣколюбиваго общества къ наградѣ за труды по изданію журнала, но, какъ я упоминалъ, въ наградѣ мнѣ было отказано, благодаря нерасположенію ко мнѣ

Филарета. Приступая къ печатанію первой книжки журнала, получилъ я для напечатанія статью, подъ заглавіемъ „О цѣли челоуѣколюбивыхъ обществъ“, присланную мнѣ отъ барона Фитингофа и никѣмъ не подписанную, такъ что я не зналъ: переводъ-ли это былъ или подлинное чье-либо сочиненіе. Последствія показали, что эта статья была переводъ г. Блудова съ французскаго языка, заимствованный изъ сочиненія Стурдзы. Печатаая эту статью, я поправилъ въ одномъ мѣстѣ текстъ изъ св. писанія, неправильно переведенный, въ другомъ перемѣнилъ нѣсколько словъ для избѣжанія какофоніи. Блудовъ, увлеченный сильнымъ раздраженіемъ самолюбиваго и честолюбиваго характера, прибѣжалъ ко мнѣ въ квартиру; но, не заставъ меня дома, долго шумѣлъ и стучалъ о полъ суковатымъ костьюемъ, называвшимся тогда „с'est droit de l'homme“. Черезъ нѣсколько дней, въ засѣданіи комитета, Блудовъ потребовалъ, чтобы во второй печатаемой книжкѣ журнала мои поправки были припечатаны подъ названіемъ „errata“, что и было сдѣлано мною по его желанію. Но г. Блудовъ не удовольствовался исполненіемъ своего этого желанія. На основаніи комитетскаго устава, я обязанъ былъ каждую статью, назначаемую къ печатанію въ журналъ, посылать предварительно членамъ комитета для прочтенія и одобренія. На посылаемыхъ статьяхъ г. Блудовъ писалъ на мой счетъ такія колкія критики, которыя крайне оскорбляли меня и разстраивали расположеніе духа. Съ этихъ поръ, особливо въ бытность свою товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова, онъ много мнѣ вредилъ.

Въ 1819 году главный педагогическій институтъ преобразованъ и переименованъ въ университетъ. Профессора, занимавшіе каѳедры въ педагогическомъ институтѣ, остались тѣ-же, къ числу коихъ прибавлено нѣсколько новыхъ преподавателей. Мнѣ попрежнему назначено было преподавать русскую словесность. По новому положенію университета были въ немъ два начальника: ректоръ—по части учебной, и директоръ—по части экономической и по управленію. Первую должность занималъ профессоръ Балугіанскій, вторую дѣйствительный статскій совѣтникъ Кавелинъ. Неудобства, встрѣчавшіяся въ такомъ двойномъ управленіи, побудили начальство значительно измѣнить и дополнить уставъ университета. Это дѣло поручено было директору Кавелину и ректору Балугіанскому, профессору многосторонне-ученому, съ которыми я также участвовалъ въ семь дѣлъ въ званіи редактора.

Вскорѣ по учрежденіи университета, нѣкоторые профессора образомъ своихъ мыслей и преподаванія, несогласнымъ съ видами правительства, вынудили начальство исключить ихъ изъ универ-

тета; по сему случаю мнѣ велѣно было, кромѣ русской словесности, преподавать въ университетѣ и философію, которую я преподавалъ, какъ ниже будетъ показано, до управленія Шишкова министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Въ 1820 году я былъ назначенъ исправляющимъ должность инспектора въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ въ 1817 году при главномъ педагогическомъ институтѣ. Съ 1817-го по 1820 годъ пансіонъ, по непростительной безпечности и по незнанію своего дѣла начальствующими въ ономъ, былъ доведенъ до чрезвычайныхъ безпорядковъ и до безобразія во всѣхъ отношеніяхъ. Почитая неумѣстнымъ и неприятнымъ описывать и вспоминать о нихъ, приведу въ доказательство явнаго разстройства въ пансіонѣ одно только то, что изъ числа ста человекъ воспитанниковъ, находившихся въ немъ по штату, исключено въ 1818 году за дурное поведеніе сорокъ пять воспитанниковъ, а въ 1819 году сорокъ семь. Двукратно я отказывался отъ предлагаемой мнѣ инспекторской должности, не надѣясь исправить усилившіяся безпорядки въ пансіонѣ, наконецъ, согласился, уважая просьбу директора пансіона г. Кавелина, много благодѣтельствовавшего мнѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) принять исправленіе должности инспектора съ наименованіемъ исправляющимъ должность; 2) оставить за мною квартиру, занимаемую моимъ семействомъ въ зданіи университета на Васильевскомъ островѣ; 3) предоставить мнѣ учебную и воспитательную часть въ полное распоряженіе, безъ вмѣшательства директора въ дѣло воспитанія. Когда эти условія были приняты, я вступилъ въ управленіе пансіономъ, переимѣнилъ всѣхъ гувернеровъ и нѣкоторыхъ учителей, устроилъ во всемъ новый порядокъ и въ теченіе всего моего управленія не имѣлъ ни малѣйшаго неудовольствія со стороны воспитанниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не оставилъ пансіона не кончивши курса и не получивши по уставу права на чинъ 10-го или 12-го класса. За возстановленіе порядка и устройства въ пансіонѣ я награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Непрестанныя усилія напряженной дѣятельности сначала подѣйствовали было на мое здоровье, но съ теченіе времени, послѣдовательно возстановляемый порядокъ постепенно облегчалъ мнѣ трудность управленія я, наконецъ, многодѣльные занятія обратились мнѣ въ привычку. Въ это время, какъ пансіонъ доведенъ былъ мною до настоящаго благоустройства, Руничъ исправляющій должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, заблагоразсудилъ въ угодность директору департамента, дѣйствительному статскому совѣтнику Попову, служившему въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначить на мое мѣсто его

своака, отставнаго флотскаго лейтенанта Клемента, представивъ министру, что мнѣ неудобно посѣщать свое семейство, находящееся на Васильевскомъ островѣ. Благородный пансіонъ, подъ управленіемъ неопытнаго и неспособнаго къ образованію юношества моряка, опять впалъ въ большое разстройство; Клементъ отставленъ былъ отъ должности и повелѣно было куда не принимать его на службу. Назначенъ былъ новый инспекторъ въ благородный пансіонъ — г. Бенидъ, человѣкъ довольно опытный въ дѣлѣ воспитанія, но пансіонъ былъ доведенъ до такой степени разстройства, что, по распоряженію начальства народнаго просвѣщенія, велѣно было, наконецъ, закрыть пансіонъ и переименовать его въ гимназію.

Въ 1822 году окончилъ я изданіе своего сочиненія „Правила словесности“, начатое въ 1813 году. Многія были причины такого продолжительнаго печатанія. Въ томъ-же году напечаталъ я переводъ „Похвальнаго слова императору Траяну“, сочиненіе Младшаго Плинія, посвятилъ его блаженной и бессмертной памяти императору Александру I и имѣлъ счастье получить за него драгоценный подарокъ отъ божественной и вѣчнопамятной государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Скоро послѣ сего времени случилось, что блаженной памяти императоръ Николай Павловичъ, бывши еще великимъ княземъ и начальникомъ гвардейскаго корпуса, назначилъ меня съ нѣкоторыми другими лицами преподавателемъ въ вновь учрежденной школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и представилъ на высочайшее утвержденіе императору Александру I, который, читая списокъ представленныхъ преподавателей, остановился на моемъ имени и отозвался такъ лестно обо мнѣ, что его императорскому высочеству любопытно было узнать по какому случаю зналъ меня государь императоръ, и для удовлетворенія любопытства своего прислалъ ко мнѣ директора гвардейской школы генерала Годейна спросить меня объ этомъ. Чтобы вѣрнѣе сколько-нибудь дать отвѣтъ, я сказалъ, что государь императоръ недавно наградилъ меня милостиво за посвященіе его имени „Похвальнаго слова императору Траяну“, переведеннаго съ латинскаго языка.

Находясь преподавателемъ военнаго слога въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, я усмотрѣлъ необходимость въ печатномъ руководствѣ такого содержанія, которое могло-бы до нѣкоторой степени удовлетворить вообще слушателей, имѣвшихъ неодинаковыя предварительныя понятія о словесности: иные окончили курсъ университетскаго воспитанія, другіе получили слабое домашнее образованіе. Для юнкеровъ и подпрапорщиковъ и составилъ и напечаталъ сочиненіе, въ трехъ небольшихъ книжкахъ, подъ назва-

ниемъ: „Военное краснорѣчіе“. Въ первой книжкѣ содержатся правила первоначальныхъ словесныхъ сочиненій; во второй—правила, относящіяся до сочиненій военныхъ; въ третьей,—примѣры, заимствованные изъ древнихъ и новыхъ военныхъ писателей. По выходѣ сего моего сочиненія въ свѣтъ, Гречъ и учитель кадетскаго корпуса Талызинъ напечатали, въ 1826 году, критику въ журналѣ „Сынъ Отечества“, весьма пристрастную, на которую я отвѣчалъ тремя брошюрками. Тотъ и другой критику имѣли особенныя причины, побуждавшія ихъ написать критику: Гречъ хотѣлъ отомстить мнѣ за то, что я, бывши членомъ комитета, разсматривавшаго учебныя пособія, не одобрилъ его русской грамматики, представленной имъ комитету для введенія въ число учебныхъ пособій для преподаванія въ училищахъ, а учитель Талызинъ, преподававшій кадетамъ лекціи по своей риторикѣ, не захотѣлъ преподавать словесность по моей книгѣ, по которой велѣно было ему преподавать ее отъ главнаго начальника учебной части корпуса. Онъ хотѣлъ сочиненіемъ критики унижить достоинства моего сочиненія, то перемѣняя мои слоги и вставляя въ текстъ свои собственные, то пропуская нѣкоторыя реченія и извращая смыслъ текста.

Комитетъ, упомянутый выше, составленъ былъ по высочайшему повелѣнію, 1826 года іюня 26 дня, въ началѣ царствованія блаженной памяти премудраго императора Николая I, по министерству народнаго просвѣщенія. Членамъ комитета повелѣно было разсматрѣть учебныя книги, преподаваемыя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Президентомъ-же онаго былъ назначенъ попечитель харьковскаго учебнаго округа Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, человекъ весьма образованный и благороднѣйшаго сердца. Членами были профессора университета: Чижовъ, я, Соколовъ, секретарь російской академіи, и еще одинъ профессоръ. Бѣольшая часть учебныхъ книгъ была отдаваема комитетомъ на разсмотрѣніе мнѣ по преимуществу, какъ профессору словесности,—науки общей съ многими предметами, преподаваемыми въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Пользуясь симъ случаемъ и желая сдѣлать добро нѣкоторымъ ученымъ лицамъ, извѣстнымъ мнѣ своими педагогическими дарованіями и трудами, я старался рекомендовать ихъ комитету, предлагалъ на разсмотрѣніе ихъ сочиненія, которыя и были приняты въ число учебныхъ книгъ, несмотря на интригу нѣкоторыхъ педагоговъ-соискателей. За труды по сему комитету былъ я представленъ къ награждѣ. Высочайшее повелѣніе по сему представленію послѣдовало: представить къ награжденію когда комитетъ исполнитъ свою обязанность и окончитъ дѣла свои. Въ 1837 году комитетомъ были уже разсмотрѣны учебныя книги и пособія и высочайшее

повелѣніе по сему предмету комитетомъ окончательно было исполнено. Но съ 1837 года, въ продолженіе всего управленія министерствомъ, графъ Уваровъ не обращалъ никакого вниманія на существованіе комитета и высочайшее повелѣніе 1828 года о награжденіи меня за труды—оставалось безъ выполненія до вступленія князя Ширинскаго-Шихматова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, который въ 1851 году испросилъ мнѣ высочайшую награду въ 3,000 рублей.

Равнымъ образомъ, по нерасположенію ко мнѣ изъ-за сочиненія Стурдзы—и представленіе его высочества Максимилиана, герцога Лейхтенбергскаго, о награжденіи меня въ слѣдующій чинъ, подавленное графу Уварову, осталось безъ послѣдствій.

Между занятіями по комитету я имѣлъ время перевести съ французскаго языка логику Кизеветера, которая и была принята въ число учебныхъ книгъ, такъ какъ, когда ихъ разсматривали, то нѣкоторыя изъ нихъ признаны были годными для преподаванія, другія замѣнены новыми руководствами, составленными, по порученію комитета, посторонними учеными лицами или членами комитета.

Въ 1825 г. министръ народнаго просвѣщенія, кн. Голицынъ, въ числѣ немногихъ лицъ по учебной части, представилъ меня, помимо комитета министровъ, лично государю императору Александру I къ награжденію орденомъ св. Анны 2-ой степени съ брилліантовыми украшеніями. Высочайшее повелѣніе о награжденіи меня симъ орденомъ передано было для исполненія въ комитетъ министровъ. Въ это самое время, князь Голицынъ уволенъ былъ отъ должности министра. Предсѣдатель комитета министровъ, графъ Аракчеевъ, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что князь Голицынъ, во существовавшему тогда между ними враждебному отношенію, мимо его вѣдѣнія сдѣлалъ представленіе государю о наградѣ чиновниковъ по своему министерству,—не захотѣлъ выполнить высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго о награжденіи чиновниковъ. Онъ отвесилъ къ Шишкову, вновь назначенному министромъ вмѣсто князя Голицына, съ вопросомъ: „какого онъ мнѣнія объ этомъ дѣлѣ?“ Шишковъ отвѣчалъ, что онъ, по недавности вступленія въ министерство, не можетъ дать никакого мнѣнія объ этомъ. Такой отвѣтъ Шишковъ послужилъ графу Аракчееву основаніемъ къ невыполненію высочайшаго повелѣнія о награжденіи меня и, вѣроятно, доставилъ самому Шишкову пріятный случай расплатиться со мною за критику, напечатанную мною въ журналѣ „Сынъ Отечества“ на его „Этимологическія словопроизводства“.

Въ короткое время своего министерства Шишковъ имѣлъ еще одинъ случай оказать мнѣ свое неблагорасположеніе. Удаленны

изъ казанскаго университета, профессоръ Пальминъ, бывший прежде учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, человекъ безъ дарованій и познаній, подалъ просьбу Шишкову объ опредѣленіи вмѣсто меня преподавателемъ философіи въ с.-петербургскомъ университетѣ. Шишковъ, немедля, очень охотно выполнилъ его просьбу. Когда я по сему случаю пришелъ къ Шишкову, онъ сказалъ мнѣ: „у тебя было двѣ кафедры, а Пальминъ былъ безъ мѣста“. Недолго, однако, Пальминъ занималъ профессорское мѣсто въ с.-петербургскомъ университетѣ. Сей неспособный преподаватель подвергся подобной-же участи, какой прежде былъ подверженъ Клементъ, мой преемникъ по благородному пансіону.

Вопросъ о награждѣ меня орденомъ св. Анны снова возникъ по слѣдующему случаю. Послѣ бывшаго экзамена юнкеровъ и подпорщниковъ, генералъ Годейнъ, директоръ школы, человекъ приблизительно доброй души, объявлялъ мнѣ о своемъ желаніи представить меня къ награждѣ орденомъ св. Анны 2-ой степени. Я объявилъ ему, что министръ Голицынъ еще въ 1825 г. представилъ меня къ награжденію симъ орденомъ, но по сіе время представленіе его остается въ комитетѣ министровъ. Годейнъ сказалъ, что завтра-же онъ доложитъ о семъ великому князю. Великій князь доложилъ государю императору и государь приказалъ спросить: „по какой причинѣ дѣло о моемъ награжденіи такъ долго остается въ комитетѣ министровъ безъ разрѣшенія?“ Правитель дѣлъ комитета отвѣчалъ, что оно готово къ докладу его императорскому величеству; но по какой причинѣ долго оставалось дѣло въ комитетѣ онъ умолчалъ. Еще прошелъ годъ въ собираніи справокъ: всѣ-ли, со мною вмѣстѣ представленныя къ наградамъ, находятся въ живыхъ. Наконецъ, въ 1828 г. я удостоился получить орденъ св. Анны, но безъ украшеній.

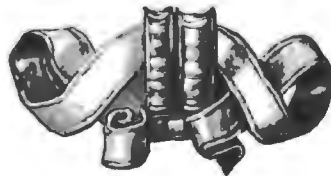
Въ 1826 г. я былъ выбранъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а въ слѣдующемъ, 1827 г., я посланъ былъ визитаторомъ училищъ Калужской и Смоленской губерній, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія. При осмотрѣ калужской гимназіи, оказалось, что директоръ ея, Коандеръ, растратилъ училищныя деньги, болѣе тридцати тысячъ, проигравъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ карты. Въ допущеніи сей растраты директору Коандеру учителя гимназіи подвергались отвѣтственности по правиламъ храненія училищныхъ суммъ. Нищета бѣдныхъ, многосемейныхъ учителей, стѣсненныхъ властью директора, человека хитраго и имѣвшаго сильныя связи, возбудила во мнѣ жалость и рѣшимость по возможности отклонить отъ нихъ вину и защитить ихъ. Директоръ Коандеръ въ тотъ-же вечеръ, какъ я пріѣхалъ въ Калугу, отравился. Калужская палата обвинила и меня въ растратѣ

денегъ, которыя всѣ, почти за нѣсколько лѣтъ до моего прїѣзда, были проиграны въ карты. Правительствующій сенатъ, по разсмотрѣнн дѣла, за неправильное рѣшеніе онаго, возложилъ взыскаііе на судей калужской уголовной палаты.

Въ 1832 г. я былъ уволенъ отъ должности профессора въ университетѣ и оставленъ членомъ вышеупомянутаго комитета, которому повелѣно было разсмотрѣть учебныя книги и пособія. Въ 1839 г. былъ вызванъ изъ деревни, по волѣ блаженной памяти государя императора Николая Павловича, для обученія русскому языку е. и. в. герцога Лейхтенбергскаго. Лекціи, преподанныя ему по особой этимологической системѣ, напечатаны. Въ 1857 г. переведено съ французскаго языка и съ нѣкоторыми перемѣнами напечатано мною сочиненіе Мориссо, подъ названіемъ: „Размысленія христіанина, посвященныя ангелу-хранителю на каждый день въ теченіе мѣсяца“. Въ 1859 г. напечаталъ сочиненіе, подъ названіемъ: „Аналитическая філологія о составѣ и образованіи русскаго языка“, а въ 1861 г. напечаталъ переведенную съ латинскаго языка десятую книгу писемъ Младшаго Плинія, подъ названіемъ: „Переписка Плинія съ императоромъ Траяномъ“. Въ часы свободныя отъ другихъ дѣлъ я занимался симъ авторомъ съ 1805 г., а теперь всѣ сочиненія его приготовлены къ печатанію.

Сверхъ вышеупомянутыхъ трудовъ, сообщалъ я въ нѣкоторые того времени журналы переводныя статьи, особенно съ греческаго и латинскаго языковъ, чаще всего въ журналъ „Древней и Новой Словесности“, о которыхъ „Journal de Débat“ отзывался съ лестною похвалою.

Як. Вас. Толмачевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. ПИРОГОВѢ,

1858—1861 гг.

I.

Въ истекшемъ 1891 г., 23-го ноября, исполнилось десять лѣтъ со времени смерти Н. И. Пирогова. Пользуясь этою годовщиною, я хочу возстановить въ своей памяти и представить вниманію читателей „Русской Старины“ то давно прошедшее время, когда Н. И. былъ попечителемъ кievскаго учебнаго округа, тѣ эпизоды гимназической и университетской жизни того времени, въ которыхъ мнѣ, въ бытность ученикомъ полтавской гимназіи и студентомъ кievскаго университета, приходилось принимать непосредственное участіе и входить въ сношеніе съ Н. И., какъ попечителемъ учебнаго округа. Позволяю себѣ разсчитывать, что пересказъ мой только укрѣпитъ въ читателяхъ то высокое мнѣніе, какое они давно уже составили себѣ о свѣтлой, гуманной, исполненной огромнаго воспитательнаго значенія, гениальной личности знаменитаго хирурга-анатома, профессора, администратора, госпиталиста, клинициста, педагога, публициста, мирового посредника, руководителя футурусами-профессорами, ученаго-новатора, проповѣдника и проводителя въ жизнь плодотворныхъ началъ добра и истины—Н. И. Пирогова.

Послѣдніе годы моего пребыванія въ гимназіи и первые въ университетѣ совпадаютъ съ знаменательнымъ періодомъ развитія самосознанія и обновленія русской общественной жизни въ концѣ 1850-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ. Въ это-же время (1858—1861 гг.) я Н. И. былъ попечителемъ кievскаго учебнаго округа. Указанное общественное направленіе очень живо отражалось на полтавской

гимназіи. Элементы для этого существуютъ всегда и вездѣ, но вызванные общественнымъ пробужденіемъ къ болѣе сознательной жизни они приходятъ въ движеніе, группируются, проявляютъ себя въ какой-нибудь подходящей дѣятельности. Такъ было и въ полтавской гимназіи, и въ учительской средѣ, и въ ученической. Одинъ изъ старыхъ учителей, строгій аскетъ, дѣлившій свое время между учениками и костеломъ, и другой, недавно переведенный въ полтавскую гимназію, человѣкъ большихъ способностей, увлекавшій учениковъ своимъ предметомъ (исторію) и своей личностью,—пользовались глубокимъ уваженіемъ и неограниченнымъ довѣріемъ части учениковъ, съ увлеченіемъ относившейся къ господствовавшему въ то время общественному настроенію и равшейся на работу въ этомъ духѣ. Указанные учителя тоже относились къ намъ съ довѣріемъ и любовью, хотя и съ строгою требовательностью относительно занятій. Къ этимъ двумъ учителямъ применили еще три молодыхъ учителя, и эта группа въ пять человѣкъ была для насъ указаніемъ—гдѣ истина и справедливость въ гимназическихъ дѣлахъ и защитой нашихъ законныхъ ученическихъ интересовъ въ гимназическомъ педагогическомъ совѣтѣ. Такимъ образомъ, прогрессивная, „современная“, какъ тогда называли, группа образовалась въ учительской средѣ. Конечно, и среди учениковъ выдѣлилась группа „современниковъ“, особенно рельефно въ гимназическомъ пансіонѣ, гдѣ наиболѣе выдающихся прогрессистовъ было, конечно совершенно случайно, тоже пять человѣкъ. Явилось и дѣло для этой группы—это устраненіе изъ пансіонской ученической жизни всего грязнаго, грубаго, низкаго, подлаго. Это не могло не затронуть личныхъ интересовъ вліятельныхъ пансіонеровъ, и дѣятельность группы встрѣтила сильную оппозицію въ средѣ самихъ-же пансіонеровъ. И вотъ, въ маленькомъ міркѣ гимназическаго пансіона закипѣла самая заправская партійная борьба. Здѣсь не мѣсто, конечно, изображать ея ходъ, разныя ея перипетіи, хотя она и представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что и въ этомъ микрокосмѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вѣчная борьба Ормузда и Аримана, нравственнаго принципа и личнаго, часто очень искусно маскированнаго, совершенно незаконнаго интереса въ микрокосмѣ. Здѣсь довольно будетъ сказать, что въ числѣ особенностей „современниковъ“ было ихъ стремленіе къ знакомству съ русскою литературою и журналистикою. Все выдающееся въ ней читалось и обсуждалось на субботнихъ литературныхъ ученическихъ вечерахъ. А потому и „Вопросы жизни“ Пирогова сдѣлали намъ извѣстными имя и, отчасти, личность Н. И. И вотъ, въ 1859 г. старшіе наши

товарищи, поступившіе уже въ кievскій университетъ, пишутъ намъ, чтобы мы непремѣнно поступали въ этотъ университетъ, такъ какъ попечителемъ въ Кіевѣ авторъ „Вопросовъ жизни“, а это открывало самыя заманчивыя и свѣтлыя перспективы для педагогическаго дѣла, бывшаго для многихъ изъ насъ цѣлью университетскаго образованія.

Скоро намъ пришлось на себѣ испытать что значить, если во главѣ управленія учебнымъ округомъ стоитъ такой человекъ, какъ Н. И. Пироговъ. Дѣло было такого рода. Способнѣйшій изъ нашихъ товарищей, ученикъ 7-го класса (тогда послѣдняго въ гимназій), пансіонеръ, аспирантъ на золотую медаль, въ бесѣдѣ съ дежурнымъ надзирателемъ въ пансіонѣ, обмѣниваясь остротами, какъ видно, очень ужъ удачно съострилъ надъ неособенно остроумнымъ собесѣдникомъ. Послѣдній обидѣлся и представилъ директору гимназій рапортъ о дерзости пансіонера, будто-бы обозвавшаго его дуракомъ. Директоръ передалъ этотъ рапортъ на рѣшеніе педагогическаго совѣта, постановившаго уволить изъ гимназій нашего товарища, о чемъ директоромъ изготовлено было представленіе попечителю учебнаго округа. Если-бы это постановленіе совѣта было утверждено, то способному ученику закрытъ-бы былъ доступъ въ университетъ. Въ виду того товарищи увольняемаго обратились къ обиженному надзирателю съ просьбою заявить директору, что онъ готовъ окончить миромъ это дѣло. Надзиратель самъ былъ ужъ перады исходу своей жалобы, охотно согласился на такое заявленіе и отправился вмѣстѣ съ нами къ директору просить его не посылать представленія попечителю и, вообще, потушить это дѣло. Но директоръ на это не согласился, и представленіе было отправлено въ Кіевъ. Тогда товарищи увольняемаго послали отъ себя письмо Н. И., прося его принять участіе въ ихъ товарищѣ, хорошемъ и талантливомъ молодомъ человекѣ, совершенно случайно попавшемъ въ большую бѣду. Въ этомъ-же письмѣ былъ выясненъ истинный характеръ всего дѣла и указано на согласіе самого обиженнаго удовольствоваться просьбою товарищей объ извиненіи и не домогаться наказанія. Результатомъ этого письма было дозволеніе увольняемому уволниться по прошенію. Въ августѣ того-же года (1859 г.) этотъ молодой человекъ, вмѣстѣ съ своими одноклассниками по гимназій, держалъ экзаменъ для поступленія въ кievскій университетъ, въ которомъ и былъ выдающимся, по способностямъ и занятіямъ, сначала студентомъ, а потомъ и профессоромъ. Знаменательно, что отъ этого-же студента Николаю Ивановичу пришлось, при прощаніи съ кievскимъ учебнымъ округомъ въ 1861 г., выслушать произведенную

на него сильное впечатлѣніе характеристику его вліянія на гимназистовъ старшихъ классовъ. Вотъ слова этого студента:

„Въ прежнее время одни начальники съ суровою строгостью требовали формальнаго уваженія къ старшимъ и вызывали въ насъ страхъ и вражду; другіе были маниловски мягки и тѣмъ располагали насъ къ неуваженію. Отсутствие гуманныхъ принциповъ и взаимнаго уваженія въ обоихъ случаяхъ вело насъ къ своевольству. Вы внушили начальствующимъ, что возведеніе мелочей въ нравственную обязанность даетъ превратное понятіе о самой нравственности, что уваженіе заслуживается, а не требуется, что оно должно быть взаимно. Вы распространили въ нашихъ гимназіяхъ понятіе о законности. Я былъ въ седьмомъ классѣ, когда начались ваши преобразованія. Въ прежнее время въ высшихъ классахъ непризнанная самостоятельность мальчика проявлялась въ самыхъ уродливыхъ формахъ и вражда къ старшимъ достигала крайнихъ предѣловъ. Когда-же наше начальство стало постепенно проникаться духомъ вашего управленія, когда ученикъ въ недоразумѣніяхъ съ учителемъ сталъ надѣяться когда-нибудь выйти правымъ, въ насъ эта вражда стала стихать. Потому-то мы не враждебно, а съ любовью вспоминаемъ наши послѣдніе школьные годы.

„Я не буду, изъ лести къ вамъ, отрицать вліянія нашихъ лучшихъ наставниковъ, но скажу смѣло, что бѣольшая часть этого вліянія узаконялась и самоотверженно поддерживалась вами. И безъ вашего участія гуманныя начала вошли-бы, конечно, современемъ въ наши гимназіи, но входили-бы неспокойно, насильственно. еще болѣе усилывая вражду къ старшимъ. Между тѣмъ, какъ при вашихъ преобразованіяхъ благія послѣдствія постепенно устанавливавшихся человѣческихъ отношеній между старшими и младшими сказались рано. Еще въ седьмомъ классѣ мы стали преслѣдовать недѣльное молодечество и удерживать нашихъ своевольныхъ товарищей. стали понимать, что начальникъ—представитель закона, а не произвола. И въ ваше управленіе не было такихъ взрывовъ своеволия. какіе помнитъ каждый, помнящій свои прежніе школьные годы. И если вообще здѣшнее юношество теперь ранѣе прежняго сознало, что понятіе о свободѣ необходимо соединяется съ уваженіемъ къ себѣ и другимъ, то оно сознало это именно подъ вліяніемъ нравственнаго порядка, установленнаго вами въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ“. („Сочиненія Н. И. Пирогова“. Томъ 2-й, стр. 543—544).

Вспоминая эту прощальную рѣчь Н. И.—чу, затѣмъ профессурѣ оратора, его ученыя работы и, вообще, его судьбу, нельзя не признать, что слова Н. И. въ его прощальной рѣчи студентамъ кіевскимъ

университета: „если я и не довелъ ни одного изъ васъ до истиннаго счастья, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по своей волѣ, несчастнымъ“, — вполне вѣрны дѣйствительности, какъ это подтвердится и дальѣйшимъ разсказомъ. Въ данномъ случаѣ, гуманно, серьезно, вполне по-человѣчески отнеситесь къ молодому человѣку и просьбѣ его товарищей, Н. И. не закрылъ для него дороги къ истинному счастью, что и могло-бы быть результатомъ традиціоннаго, исключительно формальнаго, начальническаго отношенія къ дѣлу.

Подъ вліяніемъ духа времени, семейныхъ традицій, обаянія личностей и отношенія къ намъ, главнымъ образомъ, двухъ незабвенныхъ учителей полтавской гимназіи, подъ вліяніемъ чтенія и литературныхъ вечеровъ, — въ 6-мъ и 7-мъ классахъ нашей *alma matris* мы переживали тотъ періодъ формированія идеаловъ, характера и личности человѣка, какой переживается молодыми людьми обыкновенно въ университетѣ. Конецъ 1850-хъ годовъ былъ особеннымъ временемъ, когда 15-ти, 16-тилѣтніе юноши имѣли уже, каждый, свое опредѣленное міровозрѣніе и ясно представляли себѣ характеръ своей будущей дѣятельности. Многие остались и поднесъ вѣрны этому характеру, при всемъ разнообразіи ихъ профессій, положенія и, вообще, судьбы. Значительною опорой для сохраненія и развитія указаннаго характера въ университетѣ были профессора: Пл. В. Павловъ, В. Я. Шульгинъ, Н. Хр. Бунге и попечитель Н. И. Пироговъ.

Первымъ дѣломъ, въ которомъ проявилось, по поступленіи въ университетъ, наше стремленіе къ полезной общественной дѣятельности, стремленіе — чѣмъ-нибудь послужить обиженному исторією народу наканунѣ его освобожденія отъ крѣпостной зависимости, — было устройство въ Кіевѣ воскресныхъ школъ. Идея объ этомъ устройствѣ, зародившаяся въ кружкѣ студентовъ изъ полтавской гимназіи, могла осуществиться только при согласіи на это попечителя учебнаго округа и сочувствіи его дѣлу воскресныхъ школъ. Такое именно отношеніе къ нашему предпріятію мы и встрѣтили со стороны Н. И. Изъ его „Дневника“ мы теперь знаемъ и мотивы, руководившіе имъ въ то время, когда онъ далъ согласіе на открытіе въ Кіевѣ воскресныхъ школъ, въ которыхъ преподавателями и руководителями были, главнымъ образомъ, студенты. Распространеніе образованія среди народа въ то время Н. И. считалъ одною изъ самыхъ насущныхъ, а послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, — и самую насущную государственною потребностью. Направленіе-же на это дѣло молодежи того времени, рав-

шейся въ служенію народу, Н. И. считалъ необходимымъ въ виду открытія полезнаго исхода и урегулированія указанныхъ стремленій. Если-бы эта мысль Н. И. получила въ свое время возможность широкаго и повсемѣстнаго примѣненія, многія изъ послѣдующихъ прискорбныхъ явленій нашей эпохи, быть можетъ, были-бы предупреждены. Но Н. И. дѣлалъ чтò могъ, и нѣсколько десятковъ кіевскихъ студентовъ, съ нѣкоторыми горожанами и горожанками обучали по праздникамъ сотни дѣтей и взрослыхъ обоего пола грамотѣ, а грамотныхъ—толковому чтенію, правописанію и арифметикѣ. Разрѣшеніе открытія обусловлено было требованіемъ, чтобы кто-либо изъ профессоровъ принялъ на себя гарантію въ благонадежности учительства студентовъ въ воскресныхъ школахъ. Эту гарантію и принялъ на себя профессоръ русской исторіи П. В. Павловъ, пользовавшійся наибольшимъ довѣріемъ и симпатіями студентовъ, принимавшихъ участіе въ воскресныхъ школахъ, да и вообще своихъ слушателей. Такимъ образомъ, получила возможность существованія первая въ Кіевѣ воскресная школа на Подолѣ, въ помѣщеніи дворянскаго училища. Распорядителемъ въ ней былъ студентъ изъ полтавской гимназіи, впоследствии профессоръ Нѣжинскаго лицея и директоръ кишиневской, бердянской и прилукской гимназій О. Я. Вороной, наиболѣе потрудившійся для осуществленія дѣла въ Кіевѣ. Наблюдателемъ во время ученія былъ смотритель училища, впоследствии директоръ кіевской гимназіи, теперь уже умершій, Слѣпушинъ. Вскорѣ открыта была и женская подольская воскресная школа, распорядителемъ которой былъ студентъ тоже изъ полтавской гимназіи, теперь директоръ 2-й одесской гимназіи К. А. Пятницкій, а преподавательницами нѣкоторыя изъ кіевлянокъ. Потомъ была открыта еще одна воскресная школа на новомъ строеніи, гдѣ занимались студенты изъ черниговской и житомирской гимназій. Средства для пріобрѣтенія учебныхъ пособій и принадлежностей пожертвованы были мѣстными гражданами. Преподавательскій же трудъ былъ, конечно, даровой. Неграмотные обучались двумя студентами въ двухъ группахъ, а грамотные распредѣлялись между остальными, по 4—5 учениковъ на каждаго учителя.

Помню, въ одно осеннее дождливое воскресенье, въ сѣрыхъ поношенныхъ шинеляхъ, явился навѣстить нашу школу Н. И. Пироговъ инспекторъ округа М. В. Туловъ. Походили, послушали, поговорили съ распорядителемъ и ушли, нисколько не помѣшавъ занятіямъ. Это посѣщеніе только утвердило ихъ въ мнѣніи, что воскресныя школы, кромѣ блага, ничего другаго принести не могутъ.

Съ согласія Н. И. Пирогова устроилась въ то время въ Кіевѣ, по

иниціативѣ учителя кievской 1-й гимназіи г. Юркевича, и другое полезное дѣло—даровое приготовленіе въ университетѣ лицъ, не имѣвшихъ средствъ пройти гимназическій курсъ. Эта школа или курсы помѣщались, въ свободное отъ гимназическихъ уроковъ время, въ зданіи 1-й гимназіи. Преподавателями были нѣкоторые учителя гимназіи и, главнымъ образомъ, студенты. Нѣкоторые изъ учениковъ этихъ импровизированныхъ курсовъ и поступили потомъ въ университетъ. Сочувствіе Н. И. этому дѣлу объясняется его взглядомъ на обязательность распространять образованіе во всѣхъ слояхъ общества, куда и гдѣ только есть возможность, и заботиться объ изысканіи средствъ дать эту возможность гдѣ ея нѣтъ. Была затѣмъ открыта студентами и ежедневная школа грамотности, съ цѣлью противодѣйствовать денационализаціи (полонизациі), находившихся въ услуженіи въ Кіевѣ мальчиковъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Въ то время приходилось встрѣчаться съ такимъ явленіемъ, что какой-нибудь изъ этихъ мальчугановъ, одѣтый казачкомъ, съ презрѣніемъ относился къ русской и малорусской рѣчи, какъ къ чему-то низкому, мужицкому, и отвѣчалъ по-польски на вопросы на одномъ изъ указанныхъ языковъ. О полякахъ-же имѣлъ представленіе какъ о высшей, панской, расѣ и относился къ нимъ съ подобострастіемъ. Это, конечно, не могло не обратить на себя вниманія студентовъ малороссовъ и не вызвать съ ихъ стороны противодѣйствія денационализаціи путемъ обученія родному языку и воспитательнаго вліянія въ духѣ уваженія къ своей національности. Стремленіе учиться и учить въ то время было такъ велико, что, и помимо всякихъ школъ и курсовъ, во многихъ студенческихъ квартирахъ можно было встрѣтить обученіе грамотѣ въ одиночку. Квартирантъ студентъ обучалъ прислуживавшаго ему мальчика въ свободное для обоихъ время. Нѣкоторые изъ этихъ студентовъ были впоследствии преподавателями въ отрывшихся въ Кіевѣ курсахъ для подготовки народныхъ учителей. Вообще, въ то время всякій желающій учиться всегда находилъ лицъ, готовыхъ предложить даровое обученіе. Стремленіе послужить дѣлу образованія народа, развитію его самосознанія, развитію чувства уваженія къ себѣ было обычнымъ стремленіемъ учащейся молодежи того времени.

Н. И. Пироговъ „любилъ и уважалъ“ эту молодежь за указанное стремленіе и поддерживалъ осуществленіе въ жизни этого стремленія признавая за каждымъ право уваженія своей національности. А національный вопросъ не могъ не имѣть значенія въ кievскомъ университетѣ того времени, когда поляки, и численно, и по очень

прочной корпоративной организаціи, составляли преобладающій элементъ среди студенчества. Кіевскій университетъ они считали еще своимъ и потому, что онъ былъ открытъ для нихъ, какъ сказалъ императоръ Николай, вмѣсто закрытаго виленскаго. По всѣмъ общестуденческимъ дѣламъ поляки дѣйствовали корпораціею, какъ одинъ человекъ, послѣ предварительнаго обсуждения и рѣшенія каждаго вопроса въ отдѣльномъ совѣщаніи. Это придавало имъ силу и самоувѣренность и вызвало и со стороны студентовъ-малороссовъ (великороссовъ и другихъ національностей было немного среди студентовъ и они, какъ группы, особаго значенія не имѣли) желаніе корпоративной силѣ противопоставить корпорацію. Готовымъ матеріаломъ, изъ котораго могла развиться такая корпорація, были естественныя группы студентовъ по гимназіямъ. Наиболѣе склоннымъ, дѣятельнымъ, обособленнымъ и организованнымъ былъ полтавскій кружокъ. Были и другіе кружки (волинцевъ, черниговцевъ и проч.), слившіеся потомъ въ одну малорусскую группу, въ которой впоследствии присоединились и подтавцы. Для образованія такой корпораціи необходима была извѣстная свобода студенческой жизни, свобода сходокъ, совѣщаній. Въ этомъ отношеніи Н. И. Пироговъ, довѣряя студентамъ, предоставлялъ имъ полную свободу, и, надо сказать никогда не жалѣлъ объ этомъ, такъ какъ за все время его попечительства не было случая, чтобы кто-нибудь злоупотребилъ этимъ довѣріемъ, не оправдалъ его. Напротивъ, во многихъ случаяхъ (о нѣкоторыхъ я буду здѣсь говорить), оно оказалось нравственною силою, не дозволявшею возбужденной какимъ-нибудь происшествіемъ молодежи выйти изъ предѣловъ законности.

Н. И. Пироговъ, признавая большое воспитательное значеніе дѣловой корпоративной организаціи, сочувствовалъ и, даже, содѣйствовалъ ея развитію среди студентовъ кіевского университета. Онъ подарилъ имъ свою бібліотеку, послужившую основаніемъ студенческой бібліотеки, находившейся въ непосредственномъ завѣдываніи избранныхъ студентами-подписчиками бібліотекаря и его помощника. Для помѣщенія бібліотеки, лекторіи и квартиры бібліотекаря и его помощника отведено было особое помѣщеніе въ зданіи университета. Скоро при бібліотекѣ устроилась ссудо-вспомогательная касса, находившаяся тоже въ полномъ распоряженіи студентовъ, при посредствѣ избранныхъ ими изъ своей среды завѣдывающихъ. Всѣ эти выборы, составленіе правилъ и инструкцій, обсужденіе и рѣшеніе разныхъ вопросовъ требовали сходокъ и совѣщаній, которыя, въ большинствѣ случаевъ, и происходили въ большой залѣ лекторіи, а если собраніе было ужъ очень многолюдное (душъ въ 300), тогда

отводилась намъ для этого огромная 1-я аудиторія. Насколько могу припомнить теперь, то, конечно, на этихъ сходкахъ было иногда не безъ крика и шума, не безъ словоизверженія, но, въ результатѣ, все-же онѣ были дѣловыми собраніями, и наши библиотека, касса и другія дѣла велись недурно, какъ желательно, чтобы велись и большія общественныя дѣла. Противъ такихъ студенческихъ общественныхъ дѣлъ слышится еще иногда мнѣніе, что они мѣшаютъ заниматься. На это я долженъ сказать, что намъ они не мѣшали заниматься, основывая это свое утвержденіе на томъ фактѣ, что изъ тогдашняго молтавскаго кружка студентовъ (человѣкъ 20 съ небольшимъ), принимавшаго самое живое участіе во всѣхъ студенческихъ общественныхъ дѣлахъ, вышли извѣстные мнѣ: 3 профессора, инспекторъ учебнаго округа, консерваторъ минералогическаго кабинета (умеръ въ молодости за работою въ кабинетѣ), 2 директора среднихъ учебныхъ заведеній, 2 учителя гимназіи, докторъ, двое умерли студентами; судьба остальныхъ мнѣ неизвѣстна.

При этомъ надо замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ, кромѣ своей профессиональной дѣятельности, являлись и впоследствии или инициаторами, или участниками разныхъ общественныхъ предпріятій народно-просвѣтительнаго характера. И въ этомъ не безъ вліянія оказался тотъ широкій просторъ, который отводилъ этого рода дѣятельности Н. И. Пироговъ во время нашего пребыванія въ университетѣ. Постоянное упражненіе органа всегда содѣйствуетъ его развитію, а отсутствіе упражненія ослабляетъ и, подъ конецъ, атрофируетъ его. Не мудрено, что и въ данномъ случаѣ, стремленіе къ полезной общественной дѣятельности, встрѣтившее въ Н. И. такое содѣйствіе къ осуществленію, не заглохло въ насъ и въ послѣдующей нашей жизни. За это содѣйствіе, за довѣріе, любовь и уваженіе къ учащейся молодежи и она платила Н. И. и довѣріемъ, и любовью, и уваженіемъ, что сказалось (потокомъ прорвалось) при прощаніи съ Н. И., когда онъ оставлялъ постъ попечителя кievскаго учебнаго округа,—но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Такое отношеніе учащихся къ Н. И. Пирогову можно было замѣтить и во время его управленія округомъ, внимательно слѣдя за ходомъ студенческой жизни, такъ какъ поводовъ къ рѣзкому, бросающемуся въ глаза, проявленію этого отношенія въ обыденной университетской жизни не представлялось. Н. И., вообще, не любилъ торжественныхъ церемоній и никогда не собиралъ студентовъ для выслушанія его рѣчей и правоученій. Не имѣя какого-нибудь особеннаго дѣла къ Н. И., можно было кончить университетъ—и не увидѣть попечителя. Въ университетъ онъ приходилъ или на защиты дис-

сертаций, или на пробныя лекціи, или на операціи, но каждое его посѣщеніе ознаменовывалось какимъ-нибудь его замѣчаніемъ, имѣвшимъ вліяніе на существенное измѣненіе—улучшеніе какой-нибудь стороны университетской жизни и составлявшимъ предметъ разговоровъ въ университетѣ. Такъ, напр., посѣтивъ первый разъ защиту диссертации въ кievскомъ университетѣ, онъ замѣтилъ, по окончаніи диспута, что впечатлѣніе защиты на него было такого рода, какъ будто онъ перенесся въ эпоху до Гутенберга, когда еще не существовало его изобрѣтенія. Диссертация въ то время представлялась въ университетъ обыкновенно въ небольшомъ числѣ рукописныхъ экземпляровъ, какой экземпляръ былъ поднесенъ и Н. И. при началѣ защиты. Съ тѣхъ поръ, я не запомню въ Кіевѣ случая защиты рукописной диссертации.

Н. И. Пироговъ цѣнилъ свои слова и безъ результата ихъ не трогалъ. Но когда надобность указывала, онъ не стѣснялся ни говорить, ни слушать говорящихъ (умѣть серьезно слушать—не всякому дано). Н. И. внимательно выслушивалъ и студентовъ и гимназистовъ. Такъ и мнѣ пришлось, скоро послѣ вступленія въ университетъ, осенью 1859 г., быть позваннымъ, вмѣстѣ съ двумя, — тремя другими товарищами изъ полтавской гимназіи, къ Н. И. по слѣдующему дѣлу. Въ томъ году императоръ Александръ II. посѣтивъ полтавскую гимназію, выразилъ свое неудовольствіе по поводу какого-то замѣчнаго имъ непорядка. Бывши въ этомъ-же году въ Кіевѣ, государь не заходилъ въ университетъ. Мы слышали, что и въ Харьковѣ въ университетѣ государь выразилъ студентамъ свое неудовольствіе. По отъѣздѣ государя изъ Кіева, Н. И. предположилъ поѣхать въ Полтаву для ревизіи гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній. Передъ отъѣздомъ онъ позвалъ насъ, чтобы мы ему сообщили что знаемъ о полтавской гимназіи, охарактеризовали ее. Когда мы вошли въ залу, гдѣ на кушеткѣ лежалъ Н. И., читая газету, онъ подозвалъ насъ къ себѣ, не вставая съ кушетки и не бросая газеты. Мы стали рядомъ у его изголовья. Искоса взглянувъ на насъ, Н. И. обратился къ намъ со слѣдующими словами: „умѣ сказали, что вы въ этомъ году окончили полтавскую гимназію и можете познакомить меня съ нею. Скажите что знаете“. Каждый изъ насъ, по очереди, какъ стояли, передалъ какъ умѣлъ, что зналъ, выбирая факты самые характерныя, самые необходимыя для вѣрнаго изображенія дѣйствительности. Къ этому отвѣту Николаю Ивановичу на его вопросъ о полтавской гимназіи мы отнеслись, какъ и теперь вспоминаю, вполне серьезно и добросовѣстно, контролируя друг друга, чтобы не сказать чего-нибудь лишняго. Когда послѣдній изъ

насъ окончилъ свой рассказъ, мы откланялись и ушли, припоминая что каждый изъ насъ говорилъ и провѣряя другъ друга. Не знаю, пригодилась-ли на что-нибудь Н. И. наша характеристика полтавской гимназiи, но увѣренъ, что онъ не пожалѣлъ о своемъ рѣшенiи обратиться къ намъ за свѣдѣнiями.

Въ томъ-же году, мнѣ пришлось еще разъ быть позваннымъ къ Н. И. Пирогову вмѣстѣ съ 9-ю студентами, избранными остальными для переговоровъ съ мѣстнымъ генераль-губернаторомъ, княземъ Васильчиковымъ, по поводу ареста группы кievскихъ студентовъ, перешедшихъ въ томъ-же году изъ харьковскаго университета въ кievскiй. Въ числѣ арестованныхъ были и бывшiе полтавскiе гимназисты. Узнавъ объ арестѣ товарищей, полтавцы рѣшили созвать въ лекторiи сходку студентовъ, что и было исполнено въ тотъ-же день. На сходкѣ (поляки тоже принимали въ ней участiе) рѣшено было послать депутатовъ къ генераль-губернатору не то съ просьбою о ходатайствѣ объ арестованныхъ, не то съ требованiемъ объясненiй по поводу арестовъ (почему аресты производились безъ депутата отъ университета?.. и т. п.). Рѣшили послать 12 депутатовъ: 6 русскихъ и 6 поляковъ. Когда личный составъ депутацiи былъ выясненъ, оказалось, что въ числѣ поляковъ былъ избранъ студентъ извѣстный университетскому начальству не съ благовидной стороны: онъ былъ какъ-то присужденъ университетскимъ судомъ къ наказанiю за участiе въ одномъ грубомъ и жестокомъ дѣлѣ: подкутившiе студенты высѣкли садовника. Николаю Ивановичу это дѣло и его участники были извѣстны. Не желая дискредитировать въ глазахъ начальства дѣло депутацiи изъ-за личнаго ея состава, одинъ депутатъ-малороссъ (распорядитель подольской воскресной школы) предложилъ указанному депутату-поляку выйти изъ состава депутацiи съ тѣмъ, что и предложившiй это то-же выйдетъ, для уравненiя въ депутацiи русскаго и польскаго элементовъ. На томъ и порѣшили и засѣданiе было прервано до возвращенiя депутацiи отъ генераль-губернатора. Депутаты разошлись по домамъ надѣть мундиры, условившись возвратиться въ университетъ, чтобы оттуда уже всѣмъ вмѣстѣ отправиться къ генераль-губернатору. Черезъ полчаса всѣ депутаты были уже налицо въ университетѣ; прочiе студенты тоже не расходились по домамъ. Распространился слухъ, что генераль-губернаторъ знаетъ уже объ избранiи студентами къ нему депутацiи и рѣшилъ не принять ея. Депутаты ужъ выходили изъ университета къ генераль-губернатору, какъ инспекторъ студентовъ пригласилъ двухъ изъ нихъ зайти къ нему и объявилъ, что попечитель, узнавъ о депутацiи, просилъ депутатовъ зайти къ нему. Это

приглашеніе сообщено было остальнымъ депутатамъ и мы отправились къ Н. И. Если память мнѣ не измѣняетъ, мы застали его въ той-же комнатѣ, лежащимъ на той-же кушеткѣ. „Вы, я слышала, обратился къ намъ Н. И., хотите идти къ генераль-губернатору,— я вамъ этого не совѣтую. Передайте посылающимъ васъ, что все, что можно было сдѣлать въ пользу арестованныхъ вашихъ товарищей, я сдѣлала. Вы- же, вашимъ вмѣшательствомъ, можете только повредить и имъ, и университету: его могутъ закрыть. Подумайте объ этомъ, рѣшая что дѣлать, и сообщите вашимъ товарищамъ мой совѣтъ“.

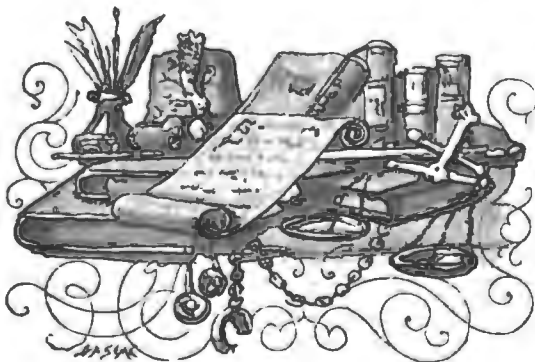
И только. Ни шума, ни крика,— совѣтъ, и только. Но этотъ совѣтъ—та нравственная сила, которая невидимо, безъ звука, управляетъ расходившеюся молодежью и предупреждаетъ большія бѣдствія, въ данномъ случаѣ—вѣроятную гибель не одного человѣка и закрытіе университета. Возвратившись отъ попечителя, мы застали сходку ожидавшихъ насъ студентовъ въ сборной залѣ и сообщили имъ—зачѣмъ насъ звалъ къ себѣ Н. И. Въ отвѣтъ на наше сообщеніе, слышались упреки: „зачѣмъ вы ходили къ попечителю? мы васъ послали къ генераль-губернатору. Депутаты — лисички: побоялись идти къ генераль-губернатору и вильнули хвостомъ къ попечителю!“ и т. п. Мы объявили, что не отказываемся идти къ генераль-губернатору, если сходка, узнавъ о совѣтѣ Н. И., все-же рѣшитъ, чтобы мы шли къ князю. Но, въ виду мнѣнія Н. И., въ виду зависимости отъ нашего рѣшенія судьбы арестованныхъ и университета, мы находили, что не слѣдуетъ вмѣшиваться въ это дѣло. Не зайти-же къ Н. И., когда онъ звалъ насъ къ себѣ, мы не могли изъ уваженія къ его личности, а узнавъ его мнѣніе о нашемъ дѣлѣ, не могли не сообщить совѣта Н. И. пославшимъ насъ, по серьезности и важности значенія этого совѣта. При этомъ, мы повторили, что, все-же, считаемъ себя въ полномъ распоряженіи сходки. Пусть предлагаетъ, кто находитъ это необходимымъ, послать депутацію, и если сходка съ нимъ согласится, мы сейчасъ- же идемъ исполнить возложенное на насъ порученіе. Однако, никто этого не предлагалъ и только слышались возгласы: „ну, теперь это уже поздно. Отчего вы раньше не пошли? Оттого, что трусы!“ и т. п. Сходка разошлась и депутаты пошли разоблачаться. Арестованные были отвезены въ Петербургъ, откуда одни возвращены въ Кіевъ, а другіе разосланы въ разные города сѣверныхъ губерній въ ссылку. Талантливѣйшій и симпатичнѣйшій изъ этихъ молодыхъ людей, Я. Н. Бейманъ, вызвавшій всеобщую любовь и въ мѣстѣ своей ссылки, не выдержалъ климата Архангельской губерніи и умеръ тамъ отъ

чахотки, глубоко опечаливъ этимъ всѣхъ знавшихъ его, а кто зналъ, не могъ его не любить. Предотвратить это печальное событіе и, вообще, улучшить положеніе арестованныхъ мы, конечно, не смогли бы своимъ вмѣшательствомъ, а если не ухудшили его и не вызвали новой исторіи, съ печальными послѣдствіями какъ для себя, такъ и для кіевскаго университета, то этимъ мы обязаны обширному и глубокому знанію природы человѣка, высокой гуманности и педагогическому такту Н. И. И, вообще, во время управленія округомъ Н. И. всѣ, такъ называемыя, университетскія исторіи оканчивались благополучно, такъ какъ онъ не любилъ дѣлать изъ муки слона и всякія вспышки молодежи гасилъ своею необыкновенною выдержанностью, хладнокровіемъ и спокойствіемъ, а не раздувалъ ихъ неумѣстными въ этомъ дѣлѣ горячностью, раздраженіемъ и суетливостью.

Какъ всегда и вездѣ, и на постѣ попечителя — „человѣкъ онъ былъ“, какъ характеризовалъ его въ прощальномъ словѣ профессоръ Шульгинъ.

С. Н. Булаба.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХОЛЕРА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ 1830 г.

Печатаемъ здѣсь два матеріала, относящихся къ посѣтившей въ 1830 г. Петербургъ холерѣ: 1) разсказъ очевидца о безпорядкахъ въ Петербургѣ, вызванныхъ этою страшною гостью, и 2) письмо Дмитрія Петровича Свѣчина, сообщенное въ редакцію его правнукомъ—Леон. Мих. Савеловымъ.

Ред.

Н

I.

Роживши въ Петербургѣ пятнадцать слишкомъ лѣтъ, въ самые цвѣтушіе года моей жизни, когда страсти волнуютъ душу, когда увлеченіямъ нѣтъ границъ, я, какъ живой свидѣтель нѣкоторыхъ событій, вызывавшихъ тогда мое любопытство, на закатѣ лѣтъ жизни, не могу пройти молчаніемъ о томъ времени, когда появилась въ прекрасной столицѣ нашей первая холера. Это было лѣтомъ 1830 года. Не знаю, какъ прокралась она въ Петербургъ, не предъявивъ нигдѣ, какъ водилось тогда, своихъ письменныхъ видовъ о званіи и происхожденіи, и, скрываясь первоначально въ разныхъ подвальныхъ трущобахъ, принялась исподтишка уносить свои жертвы. Народъ, смотря на ея проказы, переносилъ ихъ сначала молча и терпѣливо. Но когда это безпаспортное чудовище обратилось лицомъ къ жителямъ столицы и начало пожирать людей уже безъ различія званія и состоянія, то правительство тотчасъ приняло свои мѣры и распорядилось захватить чудовище живое или мертвое и представить его на судъ всего медицинскаго факультета для допросовъ, откуда и какъ осмѣлилось она распоряжаться жизнью людей въ чужомъ государствѣ.

Между тѣмъ, до поимки ея, озаботились немедленно устроить при частяхъ особня холерныя больницы, завести кареты для перевозки больныхъ, для чего составлены были особня правила и разосланы по городу домовладѣльцамъ для руководства и свѣдѣнія. Жители Петербурга, завидя какъ двигались по улицамъ печальныя колесницы, до того были испуганы и упали духомъ, что торопились выѣздомъ на дачи и въ деревни, находящіяся въ окрестностяхъ столицы, въ которыхъ мѣстами устраивались тоже карантинныя, гдѣ дымомъ отъ горѣвшихъ костровъ хвороста и хвойнаго лѣса окуривали всѣхъ, что и со мною случилось, когда я разъ очутился на берегу Невы у Саратовской колоніи. Нѣмцы въ этомъ отношеніи строги и аккуратны и не позволили раньше исполненія этой процедуры войти въ ихъ дома, когда я со знакомыми, въ числѣ которыхъ былъ и дамскій персоналъ, располагалъ у нихъ выпить чаю. Здѣсь, въ одномъ изъ домовъ, замѣтилъ я ящикъ съ винами и, намѣреваясь купить бутылку, обратился къ хозяину, но онъ сказалъ мнѣ, что вина эти, въ числѣ которыхъ было болѣе всего рому, не продажныя, а заготовлены для предстоящихъ праздниковъ Троицынъ и Духова дней.

Петербургъ въ это время замѣтно опустѣлъ на половину; оставались въ немъ только рабочій классъ людей, котораго прибывало на лѣто изъ провинцій до ста тысячъ, если не больше, мастеровые, да маленькіе служащіе чиновники; но и эти послѣдніе, изъ опасенія страшнаго чудовища холеры, являлись въ канцеляріи и департаменты, чтобы только показать носъ. Торговля шла тихо и вяло. Многіе состоятельные купцы и иностранцы запирали лавки и магазины и уѣзжали съ семействами за городъ подальше. Простой народъ, по темнотѣ своей, не зная происхожденія холеры, думалъ сначала, что это какая-нибудь заграничная знаменитость, примадонна на примѣръ, прибывшая въ Петербургъ потѣшать публику и обирать русскія денежки, на которыя нѣмцы такъ падки; но когда замѣтилъ, что жертвами ея становится болѣе простой народъ, не повѣрилъ на слово холерѣ и, прислушиваясь къ говору неблагонамѣренныхъ личностей, задумавшихъ произвести безпорядокъ, или, какъ говорится, половить рыбу въ мутной водѣ, заглѣлъ другую пѣсню, въ родѣ той, что нѣтъ никакой холеры, что народъ умираетъ отъ отравы, которую подливаютъ и подсыпаютъ то въ воду, то въ растенія на огородахъ, и разувѣрить въ этомъ его было не легко. Это я самъ испыталъ на своей прислугѣ, съ которою ничего не могъ сдѣлать: никакія убѣжденія не помогли мнѣ образумить ее.

Простой народъ, собравшійся на Сѣнной и въ Апраксиномъ

переулкѣ (который назывался тогда Обжорнымъ), какъ говорится загудѣлъ; онъ началъ останавливать холерныя кареты съ больными, слѣдовавшими въ больницы, которыя были ему не понутру и вытаскивая изъ нихъ больныхъ, уносилъ ихъ по домамъ и тѣмъ еще больше распространялъ заразу. Онъ останавливалъ на улицахъ и подозрѣваемые имъ въ отравѣ будто-бы личности, въ особенности если одежда ихъ чѣмъ-нибудь отличалась отъ русскаго костюма, обращая въ особенности вниманіе на бѣлыя шляпы и на пестрые клѣтчатыя шотландскіе плащи, которыя тогда были въ модѣ и молодежь и франты въ нихъ щеголяли. Народъ обыскивалъ у нихъ карманы и—Боже сохрани, если въ карманахъ ихъ находилъ бутылочки съ жидкостью, или порошки. Сначала производилъ онъ съ ними свою кулачную расправу, а потомъ, связавши руки, тащилъ въ полицейское управленіе и сдавалъ его какъ отравителя, пойманнаго съ поличнымъ. Конечно, по осмотрѣ медикомъ этой мнимой отравы, она оказывалась лекарствомъ изъ аптеки, прописаннымъ противу холерныхъ симптомовъ, и эти личности тотчасъ-же были освобождаемы, но помятые бока и синяки заставляли ихъ охать и сидѣть подолгу дома.

Что-же касается до холерныхъ больницъ, устроенныхъ правительствомъ съ благодѣтельною цѣлію, въ особенности для бѣдныхъ людей, то онъ до того пришли простому народу не понутру, что онъ бросился на Сѣнной на больницу, разбилъ стекла въ окнахъ и, ворвавшись во внутренность, схватилъ доктора и набилъ его до того, что онъ вскорѣ отдалъ Богу душу; народъ-же, послѣ этого безобразія розошелся по домамъ, предварительно унеся кровати съ больными по ихъ квартирамъ.

Эта катастрофа до того напугала докторовъ, что они, пока не былъ водворенъ порядокъ, начали прятаться и не сказываться дома. Аптекари тоже опасались за свою жизнь, въ особенности когда узнали, что у Синяго и Харламова мостовъ аптеки подверглись нападенію черни и въ нихъ камнями выбиты были стекла.

Многіе были жертвами холеры отъ того, что не было подано своевременно помощи. Я самъ, живши на дачѣ въ Екатерингофѣ, не разъ испытывалъ на себѣ холерныя симптомы и съ трудомъ могъ застать дома знакомаго мнѣ доктора, который два раза прописывалъ мнѣ свѣжій хорошій бифштексъ и рюмку стараго портвейна, объясняя при этомъ, что не слѣдуетъ морить себя голодомъ и не терять присутствія духа при видѣ двигавшихся по улицамъ холерныхъ каретъ и дрогъ съ покойниками.

Всѣ продѣлки и безобразія простаго народа были въ высшей

Степени оригинальны; мнѣ рассказывали, что въ одномъ изъ кварталовъ города былъ схваченъ, вышедшій изъ аптеки, порядочно одѣтый человѣкъ, у котораго при обыскѣ нашли бутылочки съ какою-то жидкостью и, подозрѣвая въ немъ отравителя, подняли на руки и понесли по улицѣ, на которой была гауптвахта; караульный офицеръ, находясь въ это время на платформѣ, спросилъ: „куда, ребята, тащите вы этого человѣка?“

— „Топить, ваше благородіе, какъ отравителя“, отвѣчали ему.

„Да что вы, ребята, выдумали, сказалъ офицеръ, по нашему сначала слѣдуетъ хорошенько отодрать его, а потомъ ужъ утопить; давайте его мнѣ“.

— „Да и впрямь говорить капитанъ“, сказалъ кто-то изъ толпы, и схваченный былъ переданъ офицеру со словами: „хорошенько отвалийте его, ваше благородіе, а потомъ камень на шею, да и въ воду!“

Жизнь человѣка была на волоскѣ, если-бы караульный офицеръ не увидалъ несчастнаго съ платформы.

Узнавши о печальной катастрофѣ съ больницею на Сѣнной, я въ тотъ-же день вечеромъ, одѣвшись поскромнѣе, отправился изъ любопытства въ Апраксинъ переулокъ пошататься и послушать толковъ простаго народа, который здѣсь постоянно собирался по воскресеніямъ для свиданій со своими земляками. Здѣсь читались письма отъ родныхъ съ поклонами и благословеніями на вѣки нерушимыми отъ матушекъ, бабушекъ и тетюшекъ; здѣсь подрядчиками нанимались рабочія силы, заключались условія и затѣмъ, наговорившись вдоволь, всѣ отправлялись по трактирамъ и харчевнямъ распивать до поту лица чай и отписывать свои отвѣтныя грамоты по деревнямъ съ отправкою денегъ на уплату податей и на выписку паспортовъ. Для этой работы сидѣлъ и ждалъ ихъ уже въ заведеніяхъ особый классъ писакъ и строчилъ по просьбѣ ярославца или костромича на родину отвѣтныя грамоты, какъ двѣ капли воды похожія одна на другую, за что даромъ пилъ чай и получалъ отъ 5-ти до 10-ти коп. за каждую.

Апраксинъ переулокъ, или, какъ иначе называли его въ то время Обжорный, былъ своего рода биржею, гдѣ собирался и бесѣдовалъ простой народъ о дѣлахъ и думахъ своихъ.

Проходя весь вечеръ между этимъ простымъ народомъ въ особаго рода атмосферѣ, отъ которой спасался только набивая носъ нюхательнымъ табакомъ, я нигдѣ не видалъ блюстителей порядка и не замѣтилъ нигдѣ ничего такого, чтобы выходило особенно изъ ряда неблагопристойности, или благочинія, кромѣ звонкаго говора,

который вошелъ въ привычку у деревенскаго люда. Когда-же замѣтилъ, что толпы начали рѣдѣть и расходиться, то и я отправился домой. Слышалъ я при этомъ, что будто-бы отданъ былъ приказъ артиллеріи быть готовою, но ни ея, ни другихъ войскъ я нигдѣ не встрѣчалъ.

На другой день, въ 10-ть часовъ утра, я вышелъ со двора и направилъ путь свой къ Спасской церкви на Сѣнной, въ которой началась обѣдня. Здѣсь я увидѣлъ всю площадь, покрытую простымъ народомъ, гуль котораго слышенъ былъ на далекомъ разстояніи. Но вотъ, часу въ 11-мъ, народъ какъ будто встрепенулся и замеръ, точно электрическій токъ пробѣжалъ: загремѣло въ воздухѣ ура и полетѣли съ головъ шапки. Это былъ пріѣздъ императора Николая Павловича, явившагося среди своего народа поговорить съ нимъ, какъ съ дѣтьми, о безпорядкахъ, которые онъ произвелъ въ прошлый день на Сѣнной и въ другихъ мѣстахъ. Императоръ, остановившись противу церкви, стоя въ коляскѣ, снялъ шляпу и, перекрестившись на церковь, обратился къ народу, окружившему его, съ слѣдующими словами:

— „Православные, что вы дѣлаете? Забыли Бога! Забыли обязанности ваши и производите безпорядки! На колѣни!“

Весь народъ, какъ одинъ человекъ, опустился на колѣни и началъ вѣститься. Затѣмъ, когда государь произнесъ: „Ступайте по домамъ“, толпа моментально начала рѣдѣть, и черезъ полчаса Сѣнная площадь опустѣла.

II.

4-го іюля 1830 года.

Получа письма ваши, друзья мои, я много огорчился и никакъ не умѣлъ рѣшиться утѣшить васъ въ такомъ страшномъ бѣдствіи; тѣмъ болѣе, что всѣ пламенные желанія замерзають дорогою, такъ долго письма наши ходятъ. Между тѣмъ и къ намъ пожаловала гостья, и не одна, а съ такимъ прибавочкомъ, который весь городъ привелъ въ трепетъ, чернь взбунтовала и въ предубѣжденіи, что холеры не суще-

ствуешь, но что полиція хватаетъ на улицахъ людей здоровыхъ и ихъ въ больницахъ отравляютъ ядомъ и даже кладутъ живыхъ въ гроба, кинулась на госпитали и ихъ раззорила, больныхъ выпустила, а многихъ лекарей убила до смерти, и это происходило въ одно время во всѣхъ концахъ города, на Сѣнной, въ Ямской, у Рождества, на Выборгской сторонѣ и на Васильевскомъ островѣ. На другой день пріѣхалъ государь изъ Петергофа и народъ усмирить; но на другой день его посѣщенія сцена перемѣнилась; когда уже всѣ больницы были разрушены, а смертность увеличилась, то народъ вздумалъ, что его отравляютъ ядомъ поляки, начали ихъ хватать на улицахъ, подозрѣвая, что они отравляютъ всѣ съѣстные припасы, квасъ и даже воду. Разставленные во всѣхъ мѣстахъ караулы, гдѣ скопища черня собирались, сколько для успокоенія волненія, столько и для спасенія людей совершенно невинныхъ, тѣхъ, коихъ народъ хваталъ, забирали подъ караулъ и нѣсколько сотенъ отвели въ крѣпость, гдѣ ихъ допрашиваютъ, но что до сихъ поръ открылось — еще неизвѣстно, между тѣмъ двѣ трети города думаютъ, что отравленіе существовало въ самомъ дѣлѣ и еще продолжается; самые глупые рассказы безпрестанно подкрѣпляютъ народъ въ этомъ мнѣніи; эмиграція народа чрезвычайная и, какъ слышно, дорогою умираютъ какъ мухи. Можно ожидать, что холера распространится во всей Россіи.

Здѣсь больныхъ съ 18-го числа уже до 5,000 человекъ, а выздоравливаютъ очень мало, но лечатъ различно: отъ кровопусканія всѣ отстали, одинъ варшавскій докторъ далъ способъ лечить порошкомъ изъ Bismuthi, котораго даютъ 3 грана черезъ два или три часа, смотря по силѣ болѣзни, а руки и ноги трутъ виномъ, настоеннымъ стручковымъ перцемъ, пополамъ съ уксуомъ, и даютъ много пить мяты. Другіе, а больше простой народъ, начинаютъ пить прежде всего парное молоко, когда оное вырветъ, тогда даютъ чашку или двѣ чайныхъ масла деревяннаго и это также вырветъ, то отъ этого смягчающаго средства рвота и поносъ прекращаются. Многіе доктора увѣряютъ, что это средство не дурно, но надобно послѣ всѣхъ этихъ способовъ давать и Bismuthi, который во всякой аптекѣ приготовляютъ уже какъ слѣдуетъ съ сахаромъ.

Изъ нашихъ знакомыхъ отправилась Катерина Николаевна Злавацкая и много знатныхъ баръ: Степанъ Сергѣевичъ Зеленой (?) съ женою, княг. Куракина, Потоцкій, Ланжеронъ, Головлинъ, все старики.

Здѣсь продолжаются всѣ собранія въ департаментахъ и судебныхъ мѣстахъ; даже театры; но скука такая, что нельзя себѣ

вообразить; дворъ въ Петергофѣ и никто туда не попадаетъ безъ двухнедѣльнаго карантина.

Я, какъ вы видите, слава Богу, здоровъ; я сдѣлалъ надъ собою испытаніе, что болѣзнь не прилипчива, по крайней мѣрѣ, не ко всякому: я былъ у многихъ больныхъ, не только ихъ видѣлъ, но и щупалъ; однако, вліяніе воздуха чувствую какъ и другіе. Самое путное средство къ предохраненію есть умѣренность въ пищѣ и питьѣ; всякая зелень, плоды, квасъ очень вредны; я питаюсь почти однимъ бульономъ, изъ котораго дѣлаю кашницу, и пью хлѣбную воду съ сахаромъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашихъ писемъ...

Прощайте. Божіе благословеніе съ вами...

Сообщ. Л. М. Савеловъ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ МОРЕХОДА И. М. СОЛОВЬЕВА

1770—1775 гг.

Эпизодъ изъ исторіи русскихъ открытій въ Восточномъ океанѣ.

I.

Востоčno-сибирскіе мореходы XVIII в.

Заслуги мореходовъ.—Характеристика ихъ.—Промышленныя экспедиціи на Алеутскіе острова.—Путевые записки, журналы и карты мореходовъ.—Мореходъ Соловьевъ и его Записки.

Въ исторіи открытія и присоединенія къ Россіи Алеутскихъ острововъ имя Ивана Максимова Соловьева играетъ не послѣднюю роль. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ предпримчивыхъ „мореходовъ“¹⁾ Восточной Сибири, которые съ половины прошлаго столѣтія²⁾ совершили рядъ промышленныхъ экспедицій на Алеутскіе и другіе острова Восточнаго океана и къ сѣверо-западнымъ берегамъ „большой земли“

¹⁾ „Мореходами“ назывались въ прошломъ столѣтіи въ Сибири собственно штурманы, а иногда командиры частныхъ судовъ. Нерѣдко мореходъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и „передовщикомъ“, т. е. „корабельнымъ приказчикомъ“, завѣдывавшимъ хозяйствомъ и торговлею экспедиціи.

²⁾ Первые свѣдѣнія объ Алеутскихъ островахъ доставлены 2-ой экспедиціею 1741 г. капитанъ-командора Витуса Беринга. Первую промышленную экспедицію на острова совершилъ въ 1745—1746 гг. мореходъ Мих. Неводчиковъ, на суднѣ „Евдокія“.

(какъ называли они материкъ Америки). Имя Соловьева стоитъ рядомъ съ именами Андриана Толстыхъ, Степана Глотова, Афанасія Очередина, Потапа Зайкова, Герасима Прибылова, Евстратія Деларова и другихъ извѣстныхъ мореходовъ XVIII в. Эти „новые“ или „россійскіе аргонавты“, какъ называютъ ихъ Давыдовъ ¹⁾ и Берхъ ²⁾, плавали на купеческихъ судахъ первобытной конструкціи, не удовлетворявшихъ самымъ простымъ требованіямъ удобства и безопасности плаванія ³⁾, притомъ съ слабыми командами („промышленники“), набранными изъ подонковъ населенія восточно-сибирскихъ городовъ, незнакомыми съ морскою службою и непривычными къ ея строгой дисциплинѣ. Несмотря на все это, мореходы смѣло шли въ невѣдомыя имъ моря, перенося многія бѣдствія и отъ малаго знакомства съ искусствомъ мореходства, и отъ дурныхъ гигиеническихъ условій жизни на морѣ и на островахъ, и отъ столкновеній съ дикими туземцами.

Мореходы купеческихъ судовъ набирались изъ лицъ разнаго званія. Чаще всего встрѣчаемъ мореходовъ изъ купцовъ—или самихъ хозяевъ судна, или нанятыхъ ими бывшихъ и разорившихся купцовъ, заявившихъ себя уже раньше нѣкоторымъ знакомствомъ съ моремъ. Напр., извѣстный мореходъ Андрианъ Толстыхъ былъ селенгинскимъ купцомъ, Алексѣй Дружининъ—курскимъ, Нивфоръ Трапезниковъ—иркутскимъ и т. д. Затѣмъ, часто являлись въ роли мореходовъ камчатскіе, охотскіе и якутскіе казаки, рѣже посадскіе люди разныхъ городовъ (извѣстный Евстратій Деларовъ былъ нѣжинскій грекъ) и крестьяне. Иногда-же мореходами бывали и специалисты штурманскаго дѣла: „штурманы“ (извѣстный Потапъ Зайковъ и др.), „подштурманы“ (Аф. Очерединъ, Дм. Полутовъ и др.) и „штурманскіе ученики“, приписанные къ Охотску, Нижнекамчатску и др. портамъ и командированные портовыми властями на купеческія суда. Но и это были специалисты не высокаго разбора, и какой-нибудь опытный мореходъ изъ купцовъ стоялъ не ниже ихъ по морскимъ познаніямъ, а по практической опытности даже превосходилъ ихъ во многихъ отношеніяхъ. Нѣсколько разъ про-

¹⁾ „Двукратное путешествіе въ Америку“ (Спб., 1810), I, 155.

²⁾ См. предисловіе къ „Хронологической исторіи открытія Алеутск. острововъ“ (Спб., 1823).

³⁾ Интересныя свѣдѣнія о невѣроятныхъ морскихъ качествахъ судовъ („шитика“, „шкерботы“, „гукоры“, „боты“ и проч.) восточно-сибирскихъ мореходовъ см. у Берха (стр. 125 и др.), также въ „Ежемѣсчн. сочин. Миллера (1764 г., генварь, стр. 45 и др.).

плававши по бурному Охотскому морю и около каменистых берегов Камчатки, Алеутских и Курильских островов, мореходы настолько основательно изучали эти опасныя мѣста, что въ ихъ помощи нерѣдко прибѣгали въ послѣдствіи даже военныя суда правительственныхъ экспедицій.

Но эта опытность давалась мореходамъ недаромъ. Для пріобрѣтенія ея они проходили тяжелую школу борьбы съ моремъ, гдѣ гибло множество человѣческихъ жизней и непроизводительно тратилась огромная масса труда. Эта борьба тѣмъ тяжелѣе обходилась для нихъ, что они шли на нее не во всеоружіи знанія и опытности, а какъ начинающіе, робкіе ученики. Нельзя поэтому слишкомъ строго относиться къ тѣмъ случаямъ, гдѣ обнаруживалось у нѣкоторыхъ мореходовъ XVIII в. удивительное невѣжество и крайняя наивность въ морскомъ дѣлѣ ¹⁾). Ошибки мореходовъ въполнѣ извинительны, особенно если вспомнимъ, что шли они въ совершенно новыя мѣста, для которыхъ не было ни гидрографическихъ картъ, ни опыта прежнихъ мореплавателей, шли по однимъ догадкамъ, по смѣлкѣ, и немудрено, если это русское „авось“ нерѣдко вело ихъ къ гибели....

Несчастія съ купеческими судами происходили постоянно. Они часто терпѣли поврежденія, а нерѣдко и полныя крушенія отъ постановки судовъ на мель и на подводные камни, отъ неумѣнья управлять парусами, становиться на якорь и т. п., и вообще отъ незнакомства съ океаномъ ²⁾). Берхъ приводитъ нѣсколько случаевъ крушенія судовъ, гдѣ ярко обрисовываются, съ одной стороны, слишкомъ скромныя познанія въ морскомъ дѣлѣ мореходовъ и очень дурныя морскія качества ихъ судовъ, а съ другой стороны—тѣ тяжелыя испытанія, какія приходилось нерѣдко переживать предприимчивымъ промышленникамъ ³⁾).

¹⁾ „Двукратное путешествіе въ Америку“, I, 155—161.

²⁾ Крайнимъ образчикомъ неумѣлости мореходовъ служить извѣстная въ этомъ отношеніи экспедиція подштурмана Вас. Олесова. Выйдя изъ Охотска въ августѣ 1783 г., на суднѣ „Св. Михайлъ“ (компаніи Шелехова и Голыковыхъ), Олесовъ ухитрился плыть до остр. Кадьяка 99 дней, тогда какъ даже при неблагопріятныхъ вѣтрахъ это плаваніе обыкновенно совершалось на парусныхъ судахъ въ 70 дней!.. (См. Берха „Историч. извѣстіе о мѣхов. торговлѣ“, стр. 146). См. также Миллера „Ежегѣс. сочин.“, 1761 г., м. февраль, стр. 47.

³⁾ См., напр., особенно выдающіеся случаи крушенія судовъ мореходовъ Игн. Студенцова и Андр. Толстыхъ (Берхъ, 32—35, 76—78). Послѣдній и погибъ во время плаванія вслѣдствіе неумѣлаго маневра съ судномъ.

Но хотя суда промышленниковъ гибли очень часто, люди таили какъ снѣгъ, промыселъ звѣря не всегда былъ удаченъ и часто приносилъ хозяевамъ предпріятій одни убытки, однако все это не умаляло энергіи мореходовъ и они продолжали стремиться впередъ, постепенно открывая новыя земли и подчиняя ихъ „Россійской державѣ“.

Конечно, въ этомъ стремленіи главную роль играли коммерческія побужденія промышленныхъ компаній восточно-сибирскихъ купцовъ ¹⁾: они снаряжали (главнымъ образомъ въ Нижнекамчатскѣ и Охотскѣ, иногда въ Большерѣцкѣ, Анадырскомъ острогѣ и др.) въ океанъ свои суда съ цѣлью сравнительно легкой и вмѣстѣ съ тѣмъ богатой наживы „мягкою рухлядью“ на островахъ Алеутскихъ и др. Звѣринные промыслы здѣсь были очень богаты въ прошломъ столѣтіи: въ огромномъ количествѣ водились бобры, котики, выдры, сивучи, нерпы, моржи, киты, также лисицы, песцы, росомахи, медвѣди и др. Съ теченіемъ времени количество ихъ, особенно морскихъ животныхъ, постепенно убавлялось. Это происходило не столько отъ избіенія ихъ русскими промышленниками, сколько отъ передвиженія самихъ звѣрей съ Алеутскихъ острововъ въ другія болѣе дикія и привольныя мѣста, гдѣ не могла достать ихъ рука человѣка.

Именно этимъ передвиженіемъ звѣрей и слѣдуетъ объяснить быстрое наступленіе русскихъ отъ Камчатки на юго-востокъ по островамъ океана и до береговъ Америки. Пока звѣри водились въ достаточномъ количествѣ у береговъ Камчатки, промышленники сидѣли здѣсь и не двигались дальше. Завоеватели Камчатки, говоритъ Берхъ ²⁾, нашли на восточномъ берегу полуострова и на ближайшихъ Курильскихъ островахъ множество бобровъ. Но какъ только русскіе стали ихъ сильно преслѣдовать, бобры вдругъ оставили Камчатскіе берега, и въ 1750-хъ годахъ не плавали уже здѣсь ни одинъ бобръ. На Курильскихъ островахъ они держались гораздо долѣе, но и здѣсь, особенно послѣ землетрясенія 1780 г., исчезли затѣмъ совершенно. Промышленникамъ пришлось обратиться на

¹⁾ Въ рассматриваемое время приобрѣли извѣстность своимъ предпріимчивостію слѣд. лица, чаще другихъ посылавшія свои суда на Алеутскіе острова: иркутскій купецъ Никиф. Трапезниковъ, тотемскіе купцы Фед. и Алексѣй Холодильовы, Лальскіе (Вологод. губ.) Вас. и Иванъ Поповы, солонкамскій Ив. Лапинъ, тульскій Аф. Орѣховъ, устюжскій Вас. Шигловъ, тотемскіе Петръ и Григ. Пановы и др.

²⁾ „Историч. извѣстіе о мѣхов. торговлѣ“ 157--139, 141, 143, 152.

востокъ, къ Алеутскому архипелагу. Сначала они занялись промыслами на ближайшихъ островахъ, но постепенное уменьшеніе звѣря заставляло ихъ подвигаться все далѣе и далѣе, такъ что въ 1780-хъ годахъ они уже приблизились къ берегамъ Америки и вскорѣ проникли въ Кенайскій заливъ, Чугатскую губу и дальше ¹⁾).

За все время существованія частныхъ купеческихъ компаній (съ 1743 г. до 1799 г., когда учреждена російско-американская компанія) вывезено ими съ алеутскихъ острововъ мягкой рухляди цѣнностію въ 10^{1/2} милліоновъ рублей, да російско-американскою компаніею добыто съ 1799 г. по 1823 г. мѣховъ на 35^{1/2} милліоновъ. Болѣе половины этого количества мѣховъ пошло въ Китай, чрезъ Кяхту, гдѣ русское правительство получило торговыхъ пошлинъ болѣе 10 мил. рублей. Но кромѣ этого, собственно отъ амурскихъ купцовъ-промышленниковъ казна также имѣла большія выгоды, получая добытый ими ясакъ съ островитянъ и 10-ю часть собственно купеческой добычи мѣхою ²⁾).

Алеутскія промышленныя экспедиціи принесли, однако, пользу не одной промышленности и казнѣ, но и наукѣ. Онѣ знакомили съ новыми странами, открытыми и присоединенными мореходами къ русскому государству. Въ этомъ именно и заключается значительная заслуга мореходовъ восточной Сибири. „Нѣтъ державы, говоритъ Словцовъ ³⁾, которая могла-бы оспаривать наше право перваго открытія острововъ Курильскихъ, Алеутскихъ и берега американскаго, съ шир. 66° до шир. 54°...“. Правда, полное и основательное изученіе этого края принадлежитъ собственно началу текущаго столѣтія и позднѣйшему времени, когда появились труды правительственныхъ экспедицій извѣстныхъ путешественниковъ Сарычева ⁴⁾, Давыдова и Хвостова ⁵⁾, Головинна ⁶⁾ и др., а также труды Шелехова ⁷⁾, Берха ⁸⁾, особенно извѣстнаго миссіо-

) То-же самое замѣчается и въ дальнѣйшей исторіи русскаго движенія въ Америкѣ. Уменьшеніе около 1810 г. боброваго промысла на сѣв.-зап. берегахъ Америки заставило русскихъ обратиться къ Калифорніи (гдѣ въ 1812 г. устроилась извѣстная русская колонія Россъ, на рч. Славянкѣ).

¹⁾ Берха „Ист. изв. о мѣхов. торговлѣ“, 167—169.

²⁾ „Ист. обозрѣніе Сибири“ (изд. 1886 г.), II, 220.

³⁾ „Путеш. по сѣв.-вост. части Сибири, Ледовит. морю и Восточн. океану“ (Спб., 1802), ч. II.

⁴⁾ „Двукратн. путеш. въ Америку“ (Спб., 1810), чч. I и II.

⁵⁾ „Путеш. вокругъ свѣта плюна „Камчатка“ (Спб., 1822). чч. I и II.

⁶⁾ „Россійскаго купца... Гр. Шелехова 1-е странствованіе съ 1783 по 1787 г. изъ Охотска по Восточн. океану къ Американскимъ берегамъ“, съ приложеніемъ „Продолженія странствованія“ (Спб., 1793).

⁷⁾ „Хронолог. исторія открытія Алеутскихъ острововъ“ (Спб., 1823) и др.

нера О. И. Веніаминаова (впослѣдствіи митрополита Иннокентія московскаго ¹⁾) и др. Но первое знакомство ученаго міра съ этими странами началось еще въ прошломъ столѣтіи и именно чрезъ посредство мореходовъ и передовщиковъ промышленныхъ компаній.

Толчекъ къ изученію новаго края дало само правительство, требовавшее отъ мореходовъ составленія обстоятельныхъ путевыхъ журналовъ, для представленія ихъ въ сенатъ. Интересную программу правительственныхъ требованій этнографическаго характера, обращенныхъ къ мореходамъ, представляетъ „указъ“, выданный изъ канцеляріи охотскаго порта купцу Ив. Власову, представителю компаніи (купцовъ Орѣхова, Лапина и Шилова), снарядившей въ 1776 г. на Алеутскіе острова судно „Св. Павелъ“ ²⁾. „Указъ“, подписанный капитанъ-лейтенантомъ Саввою Зубовымъ, предписываетъ, между прочимъ, мореходу судна г. Измайлову и передовщику И. Луканину „отъ островныхъ народовъ извѣдать ласкою“ свѣдѣнія о числѣ острововъ, о количествѣ населенія, о его вѣрѣ, обычаяхъ, характерѣ, пищѣ, платьѣ, торговлѣ, о чужеземныхъ морскихъ судахъ, объ ихъ строеніи и плаваніяхъ, объ оружій и проч. Особенно любопытны вопросы о политической и социальной жизни островитянъ: съ кѣмъ они воюють, какіе народы живутъ въ сосѣдствѣ и каковы отношенія между ними, кому и какъ подчинены островитяне, какіе несутъ налоги въ пользу своихъ правителей, какіе существуютъ у нихъ классы общества? и проч. и проч. Словомъ, программа очень обширная и обстоятельная. Интересенъ еще 10-й вопросъ: „каковъ имъ (островитянамъ) російской народъ пріятенъ кажется и желаютъ-ли впредь съ нимъ видѣться и обхожденіе и торгъ имѣть?“...

Неизвѣстно, насколько удовлетворительно исполнили эту задачу Измайловъ и Луканинъ. Но относительно другихъ моряковъ мы знаемъ, что они довольно удачно справлялись съ этими требованіями правительства, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ путевыя записки и корабельные журналы, сохранившіеся до нашего времени. Мѣстныя сибирскія власти доставляли ихъ въ сенатъ, а отсюда они шли въ академію наукъ и въ адмиралтействъ-коллегію. Академія печатала лучшіе изъ доставленныхъ журналовъ. Такъ, относительно Алеутскихъ острововъ были напечатаны въ „Мѣсяцесловѣ“ 1782 г. журналъ извѣстнаго морехода штурмана Потапа

¹⁾ „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла“ (Спб., 1840), чч. I и II.

²⁾ Берхъ, 45—52.

Зайкова, 1772—79 гг., а въ „Мѣсяцесловѣ“ 1783 г. записки штурманскаго ученика Дм. Полутова, 1772—77 гг.¹⁾ Берхъ упоминаетъ о существованіи еще нѣсколькихъ журналовъ, которыми онъ отчасти пользовался²⁾. Пользовались ими и члены академіи для своихъ ученыхъ работъ³⁾.

Корабельные журналы, доставлявшіеся, главнымъ образомъ, въ адмиралтействъ-коллегію помимо своей научной цѣнности, имѣли немаловажное и практическое значеніе: они служили довольно удовлетворительнымъ руководствомъ для мореплавателей, отправлявшихся въ Восточный океанъ.

Кромѣ корабельныхъ журналовъ, особенную пользу приносили въ практическомъ отношеніи карты, составленныя нѣкоторыми изъ мореходовъ и казаковъ, посылавшихся на купеческихъ судахъ для сбора ясака съ алеутовъ. Берху⁴⁾ извѣстны 4 карты, составленныя въ XVIII в. слѣдующими лицами: 1) казакомъ Савиномъ Пономаревымъ и промышленникомъ тотемскимъ купцомъ Петромъ Шишкинымъ (1758—59 гг.)⁵⁾, 2) извѣстнымъ купцомъ В. И. Шиловымъ (1767 г.), 3) мореходами—„штурманами“ Пот. Зайковымъ (1772—79 гг.), 4) Измайловымъ и Бочаровымъ (1788 г.)

О картѣ Шилова адмиралтействъ-коллегія отозвалась такъ, свѣривши ее съ картою капитана А. Чирикова: хотя карта Шилова „и не можетъ быть почтена за точную и на правилахъ мореплаванія основанную, но для первыхъ началъ довольно изрядную“... Шиловъ былъ награжденъ за карту и вообще за свои промышленныя труды на далекомъ востокѣ золотою медалью и проч.⁶⁾

О картѣ Потапа Зайкова Берхъ говоритъ, что это была первая карта, „которая познакомила сибирскихъ мореплавателей съ истиннымъ положеніемъ острововъ Алеутской гряды“.

Нѣтъ сомнѣній, что и другіе мореходы составляли карты сво-

¹⁾ Берхъ, 87, 94.

²⁾ Ibid., 37, 55—56, 130.

³⁾ Напримѣръ, Ломоносовъ пользовался записками мореходовъ для своего проекта экспедиціи Чичагова 1764 г. (см. А. Соколова „Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“ (Спб., 1854), 142—150 и др.

⁴⁾ Берхъ, 37, 68—72, 90—91, 147—148.

⁵⁾ Объ этой картѣ Шишкина упоминаетъ адмиралъ П. В. Чичаговъ въ своихъ „Запискахъ“ („Русская Старина“, 1886, X, 27); см. также Словцова „Ист. обзор. Сибири“, 11, 217.

⁶⁾ Точно также были награждены золотыми медалями за свою промышленную дѣятельность и другіе восточно-сибирскіе купцы — Аф. Орѣховъ, Ив. Лапинъ, Петръ Пановъ и др.

ихъ открытій и путешествій, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для представленія ихъ правительству. Къ сожалѣнiю, свѣдѣнiй о нихъ не сохранилось.

Мало сохранилось и путевыхъ записокъ и корабельныхъ журналовъ восточно-сибирскихъ мореходовъ. Къ числу этихъ немногихъ уцѣлѣвшихъ записокъ принадлежатъ и хранящiяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиции, среди сенатскихъ дѣлъ прошлаго столѣтiя, записки экспедици морехода Ивана Максимова Соловьева на Алеутскiе острова въ 1770—1775 гг. ¹⁾. Записки представляютъ большой интересъ для исторiи и географiи этого края, еще такъ недавно принадлежавшаго Россiи... Описываемое въ нихъ путешествiе Соловьева было его 2-ю экспедицею на Алеутскiе острова и 45-ю въ ряду извѣстныхъ доселѣ алеутскихъ промышленныхъ экспедицiй прошлаго столѣтiя ²⁾.

Но для уясненiя многихъ событiй и результатовъ этой второй экспедици Соловьева (1770—75 гг.), необходимо предварительно ознакомиться съ его первою экспедицею, очень памятною въ исторiи Алеутскихъ острововъ.

II.

Мореходъ И. М. Соловьевъ.

Память объ И. М. Соловьевѣ, какъ „истребителѣ“ алеутовъ.—Первыя столкновенiя русскихъ съ алеутами.—Жестокость русскихъ промышленниковъ.—Экспедици Бечевина.—Истребленiе алеутами экспедицiй Дружинина, Медвѣдева и др.—„Экспедици мести“, первая экспедици Соловьева (въ 1764—1765 гг.).—Личность Соловьева.—Дальнѣйшiя отношенiя русскихъ къ алеутамъ.

Хотя промышленныя экспедици алеутскихъ мореходовъ принесли немало выгодъ русской торговлѣ и содѣйствовали развитiю географическихъ знанiй, тѣмъ не менѣе эти результаты далеко не искупаютъ тѣхъ жертвъ, какiя понесли здѣсь, съ одной стороны, сами русскiе промышленники, гибнувшiе въ экспедици почти на половину, а съ другой стороны—несчастные алеутскiе инородцы,

¹⁾ См. „Дѣла сената по иностранной коллегiи“ книга № частныя 539, № общiя 4110, дѣло № 13, лл. 237—325. „Дѣло“ носятъ ошибочное заглавiе „о вновь найденныхъ Курильскихъ островахъ“. Но на Курильскихъ островахъ Соловьевъ былъ только мимоходомъ.

²⁾ Берха „Хрон. ист. откр. Алеутск. острововъ“, стр. 2—86.

которымъ такъ тяжело пришлось пострадать во имя интересовъ чуждой имъ русской промышленности и во славу невѣдомыхъ имъ научныхъ знаній...

Въ исторіи отношеній русскихъ къ алеутамъ имя морехода И. М. Соловьева, или „Соловья“, какъ называли его въ свое время ¹⁾, получило очень печальную извѣстность, какъ жестокаго „истребителя алеутовъ“. На его совѣсти лежитъ значительное количество погубленныхъ жизней... Соловьеву (какъ и другимъ мореходамъ прошлаго вѣка) пришлось быть однимъ изъ вольныхъ и невольныхъ орудій того неумолимаго историческаго закона, по которому соприкосновеніе болѣе или менѣе культурнаго народа съ народомъ первобытнымъ всегда влечетъ за собою неизбѣжную борьбу между ними, заканчивающуюся постепеннымъ уменьшеніемъ, а иногда и полнымъ истребленіемъ слабѣйшей народности.

Съ момента знакомства русскихъ промышленниковъ съ населеніемъ Алеутскихъ острововъ послѣднее стало значительно уменьшаться. По нѣкоторымъ даннымъ полагаютъ, что при открытіи русскими Алеутскихъ острововъ, населеніе ихъ простиралось до 25,000 чел. ²⁾. Хотя эта цифра сильно преувеличена ³⁾, но если возьмемъ даже половину ея и сравнимъ съ нынѣшнимъ количествомъ алеутовъ, около 4,600 туземцевъ и до 2,000 креоловъ ⁴⁾, то и тогда увидимъ, что алеуты слишкомъ дорого заплатили за вынужденное знакомство съ русскими...

Одною изъ главныхъ причинъ такого сильнаго и быстрого уменьшенія алеутовъ нельзя не признать вмѣстѣ со многими изслѣдователями именно истребленіе ихъ русскими промышленниками съ 1740-хъ до 1790-хъ годовъ. О. Веніаминовъ говоритъ, что, „по мнѣнію алеутовъ“ (къ которому и онъ примыкаетъ), главными причинами исчезновенія алеутовъ были „междоусобія, русскіе и повѣтрія“. Изъ этихъ трехъ причинъ „самое большее уменьшеніе народонаселенія алеуты приписываютъ русскимъ и именно Соловью или Соловьеву...“ ⁵⁾.

¹⁾ О. Веніаминова „Записки объ о.о. Уналашкинскаго отдѣла“, I, 127, II, 182.

²⁾ „Географич.-статистич. словарь“ П. Семенова, I, 71.

³⁾ Она основана, главнымъ образомъ, на показаніяхъ камчатскихъ и охотскихъ казаковъ, собиравшихъ ясакъ на Алеутскихъ островахъ. Но извѣстно, что казаки всегда преувеличивали количество обласаченнаго ими населенія, „дабы придать болѣе важности своему открытію“ (см. Берха, 55).

⁴⁾ Эти цифры (по тому-же „Словарю“ Семенова) относятся къ 1860 г. и касаются Алеутскихъ острововъ вмѣстѣ съ полуостровомъ Аляскою.

⁵⁾ О. Веніаминовъ, II, 182.

Чтобы понять роль Соловьѣва въ этомъ ужасномъ дѣлѣ, нужно вернуться назадъ, къ первымъ русскимъ экспедиціямъ на Алеутскіе острова. Мирныя отношенія алеутовъ къ русскимъ продолжались недолго. Что именно подало первый поводъ къ раздорамъ: притѣсненія-ли и всякія насилія русскихъ, или стремленія свободныхъ доселѣ алеутовъ освободиться отъ чужаго ига? О. Веніаминъ думаетъ, что здѣсь было и то и другое: „первое, конечно, гораздо вѣроятнѣе, но нельзя совсѣмъ отвергнуть и послѣдняго. Но какъ бы то ни было, первыя непріязненныя дѣйствія были со стороны островитанъ..“¹⁾ Авторъ разумѣетъ здѣсь собственно позднѣйшія крупныя столкновенія алеутовъ съ русскими (истребленіе партій Дружинина и др.). Но первоначальныя сравнительно мелкія стычки обѣихъ сторонъ вызывались чаще русскими, чѣмъ алеутами. Уже первая экспедиція на Алеутскіе острова морехода М. Неводчикова, въ 1745—1746 гг., не обошлась безъ пролитія крови, виновниками которой были именно русскіе, а не алеуты. По возвращеніи судна Неводчикова въ Камчатку, экипажъ его былъ преданъ суду, по донесенію казака Шекурдина (бывшаго на суднѣ для сбора ясака на островахъ), обвинявшаго промышленниковъ въ жестокомъ обращеніи съ алеутами²⁾.

Такъ неблагопріятно началось знакомство русскихъ съ алеутами. Если уже на первыхъ порахъ обѣ стороны не могли поладить между собою, то впослѣдствіи, когда естественно увеличились поводы къ взаимнымъ неудовольствіямъ, столкновенія становились все чаще и чаще, а обоюдныя жертвы дѣлались крупнѣе. Въ началѣ алеутамъ нерѣдко удавались убійства только одиночныхъ русскихъ промышленниковъ или истребленіе небольшихъ партій, удалявшихся для промысловъ и т. п. отъ своихъ судовъ³⁾. Заговоры-же алеутовъ на всеобщее истребленіе русскихъ почти всегда заблаговременно открывались. Не столько осторожность русскихъ, вообще слишкомъ небрежно относившихся къ вопросу о силахъ алеутовъ и слишкомъ много надѣявшихся на себя, сколько отсутствіе единодушія и постоянныя междоусобія алеутовъ, спасали русскихъ отъ поголовнаго истребленія. Но это было именно только на первыхъ порахъ. Впослѣдствіи-же алеуты сумѣли спѣться между собой, найти предводителей общаго дѣла и составить довольно удачныя планы истребленія русскихъ. Это относится къ тому времени,

¹⁾ О Веніаминѣ, II, 187.

²⁾ Берхъ, 8—10.

³⁾ См. подобные случаи—*ibid.*, 18, 34, 39 и др.

когда русскіе успѣли проникнуть на бѣльшую часть Алеутскихъ острововъ и вездѣ вызвали своими дѣйствіями неудовольствія островитянъ. Немудрено, что все населеніе острововъ слилось тогда въ общемъ негодованіи на пришельцевъ, нарушившихъ его покой и свободу, и постаралось отомстить имъ.

А мстить русскимъ промышленникамъ было за что... они обращались съ алеутами самымъ безцеремоннымъ образомъ, иногда просто варварски... Изъ первыхъ промышленныхъ экспедицій особенно жестокими отношеніями къ алеутамъ отличилась экспедиція въ 1760—1762 гг. судна Бечевина „Гавріилъ“¹⁾. Столкновенія русскихъ съ алеутами произошли, главнымъ образомъ, изъ-за того, что первые „учинили насиліе“ надъ алеутскими женщинами. Началась жестокая борьба между обѣими сторонами. Наибольшую жестокость проявило здѣсь самое властное лицо на суднѣ—сержантъ Пушкаревъ, посланный Большерѣцкою канцелярією для сбора ясава съ алеутовъ. Изъ многихъ его варварствъ остановлюсь для примѣра на одномъ—последнемъ. Во время пребыванія судна у Камчатскихъ береговъ (на обратномъ пути), въ Бечевинской гавани, Пушкаревъ однажды отправилъ на берегъ за сборомъ ягодъ 14 алеутокъ, захваченныхъ имъ на островахъ. Вслѣдъ за ними отправился въ лѣсъ и самъ Пушкаревъ. Чтѣ тамъ происходило—неизвѣстно. Но когда пришлось возвращаться на судно, двѣ алеутки скрылись и ушли въ горы. Пушкаревъ разсвирѣпѣлъ и убилъ одну алеутку на мѣстѣ... Остальныя (11 душъ), говоритъ Берхъ, видя такую жестокость, кинулись въ море и утопились!.. Опасаясь, что это злодѣйство откроется, Пушкаревъ прибѣгнулъ къ новому варварству: вернувшись на судно, онъ велѣлъ бросить въ море всѣхъ бывшихъ тамъ алеутовъ (сколько именно—неизвѣстно), кромѣ двухъ толмачей!..

Жестокости промышленниковъ Бечевинской компаніи стали извѣстны правительству, какъ свидѣтельствуется, между прочимъ, вышеупомянутый (см. 1-ю главу) „указъ“ канцеляріи Охотскаго порта, данный въ 1776 г. Ив. Власову. Предписывая командѣ его судна обходиться съ островитянами „съ ласкою и привѣтствіемъ“ и избѣгать „варварскихъ поступковъ, грабежей и отъемовъ насильныхъ“, подъ страхомъ смертной казни, указъ говоритъ, что „Бечевинская компанія, бывшая на Алеутскихъ островахъ, тамошнимъ народомъ неописанныя обиды, разоренія и смертоубійства

¹⁾ Берхъ, 41—45, 50—52.

чинила... "Экипажъ „Гавріила“ былъ преданъ суду (полковника Плениспера).

Вообще правительство не разъ старалось остановить безчестія промышленниковъ и побудить ихъ къ гуманности въ обращеніи съ инородцами. Такъ, въ рескриптѣ имп. Екатерины II, отъ 2-го марта 1766 г., сибирскому губернатору Д. И. Чичерину (по поводу экспедиціи Андрияна Толстѣиха), сказано въ концѣ: „промышленникамъ подтвердить, чтобъ они ласково и безъ малѣйшаго притѣсненія и обмана обходились съ новыми ихъ собратьями, тѣхъ острововъ жителями..“¹⁾ Но понятно, что грубые промышленники, люди очень невысокой нравственности²⁾, не могли проникнуться такимъ человѣчнымъ взглядомъ на алеутскихъ дикарей и продолжали относиться къ нимъ съ прежнимъ варварствомъ. Насилія надъ женщинами, захватъ ихъ и даже увозъ съ острововъ, требованія чрезмѣрнаго ясака, грабежъ звѣриной добычи и даже скуднаго имущества алеутовъ, даровое пользованіе рабочею силою ихъ и пр. и пр., все это продѣлывали русскіе промышленники самымъ безцеремоннымъ образомъ, рассчитывая (и верѣдко очень основательно) на полную безнаказанность.

Едва-ли не самыми частыми поводами къ столкновеніямъ бывали насилія надъ женщинами и требованія ясака. Въ послѣднемъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе экспедиція Афанасья Очередица, на ботѣ „Павель“, въ 1765—1770 гг.³⁾ Жители о. Умнаки сначала приняли русскихъ очень дружѣлюбно, но какъ только Очерединъ занялся о ясакѣ, алеуты тотчасъ переимѣнили свое обращеніе съ русскими, оставшимися здѣсь зимовать. Вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній алеутовъ, русскіе стали терпѣть голодъ и болѣть цынгою. Весною Очерединъ все-таки отрядилъ нѣсколько человѣкъ для сбора ясака на сосѣднихъ островахъ. Ни одинъ изъ посланныхъ не вернулся къ судну... Когда извѣстіе объ этой экспедиціи дошло до Петербурга, Екатерина издала въ 1779 г. именное повелѣніе—не собирать ясака съ Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ...

Всѣ эти поводы къ неудовольствіямъ алеутовъ на русскихъ промышленниковъ скоплялись постепенно и, вызывая сначала сравнительно мелкія столкновенія, разрѣшились, наконецъ, открытыми военными дѣйствіями въ 1761—1762 гг., когда компанія нѣсколь-

¹⁾ Берхъ, 56, 57.

²⁾ Сарычевъ, II, 22—24.

³⁾ Берхъ, 78—8).

ныхъ сибирскихъ купцовъ (Н. Трапезниковъ, В. Поповъ и др.) отправила на Алеутскій архипелагъ 4 судна, подъ командою мореходовъ: курскаго купца Алексѣя Дружинина, штурманскаго ученика Медвѣдева, Ивана Коровина и четвертаго неизвѣстнаго. Изъ 4 судовъ три погибли на островахъ почти со всѣми экипажами, а четвертое судно, хотя и вернулось, но съ очень незначительною добычею ¹⁾).

На этой экспедиціи необходимо нѣсколько остановиться, такъ какъ она имѣетъ близкое отношеніе къ первой экспедиціи И. М. Соловьева.

Вскорѣ по прибытіи судовъ Дружинина и др. на острова, начались столкновенія безцеремонныхъ промышленниковъ съ алеутами. Недовольство на русскихъ все болѣе и болѣе скопилось и вылилось, наконецъ, открытымъ заговоромъ. Искрою, вызвавшею алеутское возстаніе, было, говорить о. Веніаминовъ—наказаніе розгами одного изъ отданныхъ Дружинину аманатовъ, „тоенскаго сына“ ²⁾, что алеутовъ „оскорбило до чрезвычайности...“ Тоены собрались на совѣтъ и порѣшили истребить русскихъ поголовно. Вскорѣ они произвели одновременное нападеніе на разбросанныя партіи русскихъ и почти совсѣмъ ихъ уничтожили. Нѣсколько оставшихся въ живыхъ русскихъ кое-какъ перебивались всю зиму, скрываясь въ пещерахъ о. Уналашки (на которомъ и произошло главное избіеніе дружининской партіи). Они пробыли здѣсь до прихода на о. Умнаку судна И. М. Соловьева, о которомъ извѣстилъ скрывавшихся русскихъ одинъ преданный имъ алеутъ. Только 6 человекъ спаслись изъ всей партіи Дружинина (самъ онъ также погибъ) и были вывезены Соловьевымъ въ Камчатку.

Разказы удѣлѣвшихъ русскихъ, выслушанные командами судна Соловьева и другихъ русскихъ судовъ, случившихся здѣсь (морехода Степана Глотова и др.), вызвали страшный взрывъ негодованія противъ алеутовъ, разрѣшившійся ужасною мстью русскихъ... Преимущественно Соловьеву и Глову, находившимся вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ пострадалъ Дружининъ съ товарищами, „досталось,

¹⁾ Подробности этой несчастной экспедиціи см. у Берха („Хрон. ист. открытія Алеутскихъ острововъ“, 57—62), о. Веніаминова („Записки объ о.о. Уналашкин. отдѣла“, I, 117—131), Давыдова („Дважды. путеш. въ Америку“, II, 107—108) и др.

²⁾ „Тоены“, „тойоны“, якутское слово—старшины селеній, „старосты“, какъ переводитъ Соловьевъ въ своихъ запискахъ.

говорить о Веніаміновѣ, быть отмстителями и слишкомъ немужественными...“¹⁾).

Объ этой соловьевской „экспедиціи мести“ сообщаютъ подробныя свѣдѣнія тѣ-же сочиненія Берха²⁾, о Веніамінова и Давыдова³⁾).

Тобольскій купецъ Иванъ Максимовъ Соловьевъ отправился въ 1764 г. на Алеутскіе острова, въ качествѣ морехода на суднѣ „Петръ и Павелъ“, принадлежавшемъ иркутскому купцу Уледникову, съ экипажемъ въ 68 человекъ. Выйдя 24-го августа изъ устья р. Камчатки, Соловьевъ очень счастливо и скоро дошелъ до о. Умнаки, куда прибылъ 16-го сентября. Не найдя здѣсь удобной якорной стоянки, онъ перешелъ на о. Уналашку, гдѣ сталъ въ Кошигинскомъ заливѣ. Бывая здѣсь еще раньше, Соловьевъ имѣлъ на островѣ знакомыхъ алеутовъ, которые не замедлили рассказать ему о гибели Дружинина, Медвѣдева и др. Алеуты передали также, что тоены трехъ ближайшихъ острововъ порѣшили истреблять всѣхъ русскихъ, пріѣзжающихъ къ нимъ, когда они, раздѣлясь на артели, отправятся на звѣринные промыслы. Это, однако, не испугало Соловьева и онъ собирался разослать свои артели, принимая въ то-же время мѣры къ отмщенію алеутамъ: собиралъ свѣдѣнія о виновныхъ селеніяхъ, устроилъ себѣ крѣпкое зимовье и проч. Не успѣлъ еще онъ вполне приготовиться, какъ алеуты предупредили его и, подъ впечатлѣніемъ недавнихъ побѣдъ надъ русскими, напали на Соловьевское становище. Соловьевъ, готовый каждую минуту къ бою, отразилъ алеутовъ, положивъ на мѣстѣ 100 человекъ, истребилъ ихъ байдары и жилища.

Вскорѣ послѣ этого явились къ Соловьеву промышленники, спасшіеся изъ партіи Дружинина, рассказали о своихъ несчастіяхъ и еще болѣе вооружили русскихъ. Половину людей Соловьевъ оставилъ при суднѣ, а съ другою предпринялъ походъ противъ алеутовъ. Началось, говоритъ Берхъ, „ужасное кровопролитіе: большая часть виновныхъ въ убіеніи россиянь заплатила за сіе жизнью“... Часть алеутовъ, около 300 человекъ, заперлась въ укрѣпленномъ жилищѣ. Соловьевъ сталъ обстрѣливать ихъ, но вида, что этимъ путемъ не выживетъ алеутовъ, заколотившихъ всѣ отверстія и входы, рѣшился на варварскую мѣру: положилъ подъ зданіе въ разныхъ мѣстахъ

¹⁾ Стр. 72—76.

²⁾ Г. II, 187—190, 194.

³⁾ I, 10

кишки, начиненныя порохомя, и поднялъ алеутовъ на воздухъ!.. Уцѣлѣвшихъ при взрывѣ русскіе перестрѣли изъ ружей и посѣкли саблями...

О. Веніаминовъ разсказываетъ такія-же ужасныя вещи. Кромѣ „многихъ частныхъ убійствъ“, Соловьевъ истребилъ цѣлкомъ двѣ байдары унимакскихъ алеутовъ и большую толпу уналашеинцевъ, спасавшихся съ женами и дѣтьми на островѣ Яичномъ (или Орѣшкѣ). Последнее избіеніе „было столь жестоко, что море вокругъ островка сдѣлалось кроваво отъ бросавшихся и бросаемыхъ въ оное“... Особенною жестокостію отличился товарищъ Соловьева, Натрубинъ, который истреблялъ „безоружныхъ и часто совершенно безвинныхъ. И сказываютъ, что самъ Соловьевъ не столько погубилъ алеутовъ, сколько его товарищи, бывшіе на ближайшихъ островахъ“

Впрочемъ, и о самомъ Соловьевѣ о. Веніаминовъ разсказываетъ слѣдующее: въ одномъ селеніи Соловьеву „пришло въ голову испытать: въ которомъ (человѣкѣ) остановится пуля?—и для этого онъ велѣлъ связать вмѣстѣ (т. е. одного за другимъ) 12 человекъ алеутовъ (вѣроятно, не совсѣмъ безвинныхъ) и выстрѣлить въ нихъ изъ штуцера или винтовки. Говорятъ, что пуля остановилась въ девятомъ“... Вообще, многіе алеуты (потомки Соловьевскихъ жертвъ) передавали о. Веніаминову, что русскія партіи Соловьева нерѣдко подстрѣливали алеутовъ „только для потѣхи“, хотя другіе алеуты „совсѣмъ это отвергаютъ“...

Всѣ эти свѣдѣнія о неистовствахъ Соловьевской команды о. Веніаминовъ передаетъ, главнымъ образомъ, со словъ алеутовъ, у которыхъ онъ былъ миссіонеромъ; все это онъ „слышалъ отъ весьма многихъ, отчасти бывшихъ самовидцами или слышавшихъ отъ самыхъ товарищей Соловьева (я еще самъ видѣлъ многихъ алеутовъ изъ тѣхъ, которые видѣли самого Соловьева)“...

Авторъ, понятно, весьма мягко и довѣрчиво относится къ показаніямъ своихъ духовныхъ чадъ, которые невольно преувеличивали прошлыя грѣхи русскихъ. Это была сторона крайне обиженная и слишкомъ много пострадавшая отъ русскихъ: безпристрастнаго отношенія къ послѣднимъ нельзя было ждать отъ алеутовъ, даже при всей ихъ извѣстной симпатіи къ своему любимому наставнику и защитнику-миссіонеру. Во время пребыванія о. Веніаминова на Алеутскихъ островахъ еще не успѣли зажить раны, нанесенныя алеутамъ въ прошломъ русскими промышленниками, еще живы были очевидцы „экспедиціи мести“ и родственники пострадавшихъ тогда лицъ. Старое негодованіе на русскихъ еще не улеглось совершенно и

подсказывало алеутамъ многія напраслины на давнихъ своихъ недруговъ...

Довѣріе о. Веніамінова къ алеутскимъ рассказамъ доходитъ до того, что ему „нисколько не кажется увеличеннымъ число алеутовъ, отправленныхъ на тотъ свѣтъ Соловьевымъ“: по словамъ Давыдова—3,000 душъ, а по Сарычеву — 5,000 душъ!.. Но Берхъ рѣшительно возстаетъ даже противъ первой цифры: „число сіе чрезъ мѣру увеличено“, говоритъ онъ. Въ рассказѣ своемъ Берхъ приводитъ (см. выше) два случая, когда Соловьевъ истребилъ 400 алеутовъ, а затѣмъ о числѣ остальныхъ избитыхъ говоритъ неопредѣленно, но несомнѣнно, что кромѣ этихъ двухъ массовыхъ избіеній Берхъ не знаетъ другихъ подобныхъ случаевъ. Между тѣмъ, онъ бралъ свои свѣдѣнія изъ рассказовъ и записокъ современниковъ Соловьева, знакомыхъ съ нимъ и его дѣятельностію и болѣе безпристрастныхъ, чѣмъ алеуты. Такъ, онъ пользовался въ данномъ случаѣ рассказами извѣстнаго сибирскаго купца-дѣятеля XVIII в., Ивана Савича Лапина, который хорошо зналъ Соловьева (впоследствии служившаго у Лапина), и другихъ очевидцевъ „экспедиціи мести“. Русскіе промышленники того времени не стыдились своихъ варварскихъ отношеній къ алеутамъ и, конечно, Соловьевъ не скрывалъ отъ Лапина всѣхъ подробностей своихъ походовъ на островахъ. Лапинъ, въ свою очередь, хорошо былъ знакомъ съ Берхомъ и точно также не имѣлъ основаній скрывать отъ него правду. Вообще, мнѣ кажется, что хладнокровному и покойному Берху можно болѣе довѣриться въ этомъ вопросѣ, чѣмъ мягкому и сильно увлекающемуся о. Веніамінову, глубоко проникнутому началами христіанской любви къ своимъ бѣднымъ алеутамъ и во имя этой любви иногда погрѣшавшему противъ историческаго безпристрастія...

Что-же за личность была Соловьевъ и насколько именно его нравственнымъ свойствамъ нужно приписать это жестокое истребленіе алеутовъ? О прошломъ Соловьева и о его личности сохранились крайне скудныя данныя, мало уясняющія поставленный вопросъ. Берхъ называетъ Соловьева тобольскимъ купцомъ, какъ и самъ Соловьевъ называетъ себя въ своемъ корабельномъ „журналѣ“. Сенатское дѣло о 2-й экспедиціи Соловьева называетъ его „посадскимъ человѣкомъ“. Конечно, противорѣчія здѣсь нѣтъ: купецъ могъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и посадскимъ человѣкомъ. Какое торговое или другое дѣло велъ онъ въ Tobольскѣ неизвѣстно. Соловьевъ получаетъ извѣстность съ того времени, какъ попалъ въ Охотскъ, гдѣ началъ служить въ разныхъ купеческихъ компаніяхъ

въ качествѣ сначала рядового промышленника, а затѣмъ въ роли передовщика и морехода судовъ. Онъ много разъ плавалъ на Алеутскіе и другіе острова Восточнаго океана. Но изъ всѣхъ его экспедицій извѣстны только двѣ — первая (только-что рассказанная) въ 1764—1765 гг. и вторая въ 1770—75 гг., о которой сохранились нижеприводимыя путевыя записки Соловьева.

Нѣсколько данныхъ для характеристики личности Соловьева сообщаетъ Берхъ со словъ вышеупомянутаго И. С. Лапина. Вотъ подлинныя слова послѣдняго: „многократныя и удачныя походы Соловьева доставляли ему большіе прибыли, но какъ онъ былъ человѣкъ безрасчетный и не всегда трезвый, то въ каждую зиму, проведенную имъ въ Охотскѣ или Камчаткѣ, издерживалъ стяжаніе трехлѣтнихъ трудовъ своихъ и отправлялся въ новое путешествіе съ одними только долгами. Онъ несчастно окончилъ жизнь свою въ Охотскѣ“¹⁾. Добавлю къ этому, что, по даннымъ сенатскаго дѣла о второй экспедиціи Соловьева (см. III главу), послѣдній былъ безграмотенъ. Понятно, что этотъ необразованный, безхарактерный и „не всегда трезвый“ человѣкъ не могъ сдерживать дурныхъ инстинктовъ своихъ людей, набранныхъ изъ самыхъ низменныхъ слоевъ сибирскаго населенія. Недаромъ о. Веніаминовъ говоритъ, что „самъ Соловьевъ не столько погубилъ алеутовъ, сколько его товарищи“²⁾. Этому можно вполнѣ повѣрить, а потому нѣтъ основаній считать Соловьева какимъ-то кровожаднымъ звѣремъ, безцѣльно упивавшимся кровью своихъ жертвъ... Обстоятельства „извиняютъ“ его, и о. Веніаминовъ (стр. 193) и Берхъ (стр. 75—76) оправдываютъ жестокости Соловьевской партіи печальною „необходимостью“ дать „урокъ“ алеутамъ, истребившимъ партію Дружинина и др., и тѣмъ обезпечить русскимъ дальнѣйшее пребываніе на островахъ. И, дѣйствительно, дальнѣйшая исторія алеутскихъ промышленныхъ экспедицій свидѣтельствуетъ, что съ каждымъ годомъ число нападений алеутовъ на русскихъ значительно уменьшается и самый характеръ нападений становится менѣе жестокимъ, а число жертвъ не такъ обильно.

Но все-таки даже сознаніе этой „государственной необходимости“ не можетъ оправдать потоковъ крови, пролитыхъ Соловьевскими промышленниками. Правда, мы знаемъ, что въ рассказахъ объ этомъ ужасномъ для алеутовъ времени есть много преувели-

¹⁾ „Хронол. исторія открытія Алеутскихъ острововъ“, стр. 76.

²⁾ „Записки объ о. о. Уналашкин. отдѣла“, II, 190.

ченнаго. Но если здѣсь существуетъ хотя десятая доля правды, и та ложится позорнымъ пятномъ на памяти Соловьева и его сподвижниковъ...

Такую-же печальную память оставили по себѣ и другія русскія промышленныя партіи, бывшія на Алеутскихъ островахъ вскорѣ послѣ Дружининскаго погрома и въ одно время съ Соловьевымъ. Они отличились не меньшею жестокостью, чѣмъ Соловьевъ. Такъ, извѣстный мореходъ Степанъ Глотовъ „истребилъ почти безъ остатка всѣ селенія“ на южной сторонѣ о. Умнаки и др. ¹⁾ Суда Протасова и Брагина также истребили множество алеутовъ. Особенную жестокость проявили промышленники перваго судна, уничтожившіе на о. Унимакѣ 4 большихъ селенія, гдѣ оставили въ живыхъ только всѣхъ молодыхъ женщинъ и нѣсколько молодыхъ мужчинъ... Подробности этого истребленія, сообщаемыя о. Веніаминовымъ, ужасны: алеутовъ стрѣляли какъ зайцевъ, давили юртами и т. п.

Послѣдующія промышленныя экспедиціи на Алеутскіе острова также „позволяли себѣ иногда крайнія жестокости“ ²⁾. Такъ продолжалось до 1790—93 гг., когда посѣтила острова правительственная экспедиція капитановъ Виллингса и Сарычова ³⁾, положившая предѣлъ всѣмъ ужасамъ, здѣсь совершавшимся. Иркутскій генералъ-губернаторъ поручилъ капитану Виллингсу разслѣдовать доходящія до него разными путями (между прочимъ, по донесенію сержанта Буйлова, находившагся на Алеутскихъ островахъ для сбора ясака) свѣдѣнія о жестокостяхъ русскихъ промышленниковъ. Виллингсъ передалъ разслѣдованіе по этому дѣлу капитану Сарычову, который и производилъ его въ 1790-мъ году на о. Уналашкѣ и др. Алеуты подтвердили справедливость донесеній Буйлова.

Съ этихъ поръ, особенно со времени учрежденія въ 1799 г. російско-американской компаніи, вступившей въ управленіе Алеутскими островами и замѣнившей прежнія частныя промышленныя экспедиціи на острова, положеніе алеутовъ значительно улучшилось во многихъ отношеніяхъ.

Н. Н. Оглоблинъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

¹⁾ О. Веніаминовъ, II, 187—188.

²⁾ Ibid., II, 190—194.

³⁾ Сарычовъ, II, 21 и др.

НА КОНЧИНУ ЕКАТЕРИНЫ II,

урожденной принцессы Ангальтъ-Цербстской, императрицы и самодержицы всероссійской ¹⁾.

Звѣрной Семiramиды уже не существуетъ, и вселенная лишилась, не скажу — величайшей изъ своихъ царицъ, этого было-бы слишкомъ мало, — но величайшаго изъ царей.

О Екатеринѣ, какъ и о многихъ другихъ принцессахъ, говорили, нѣчто ей принадлежало выйти за маршала саксонскаго: тогда участь ея была-бы совсѣмъ иная! Она была-бы женою героя, но, съ его кончиною, она затерялась-бы въ памяти людей. Она была создана для болѣе блестящей сферы и судьба вознесла ее на подобающее мѣсто. Въ теченіе 35 лѣтъ женщина управляла одна со славою величайшею изъ всѣхъ извѣстныхъ имперій: устранила могуществомъ своимъ гордаго влстителя Китая, софа Персіи и всѣ мощныя силы владычества оттоманскаго. Подъ вавтіемъ ея генія русскіе перестали довольствоваться плаваніемъ у печальныхъ береговъ Архангельска, по близости полярнаго полюса, или по тѣсному проливу моря Балтійскаго, или даже по океану, омывающему берега Германіи. Гордая дѣти стѣвера отправились пожнать лавры на югъ, направляя свои пути до столбовъ геркулесовыхъ, до Дарданеллъ; приблизились къ вратамъ Константинополя и заставили содрогнуться султана на его престолѣ; въ то-же время, съ другою сто-

¹⁾ Этотъ панегирикъ, написанный на французскомъ языкѣ, стариннымъ но весьма красивымъ почеркомъ, несомнѣнно принадлежитъ перу какого-нибудь именитаго эмигранта, близкаго къ нашему двору, извѣстнаго лично покойной императрицѣ и ея преемнику—Павлу Петровичу. Подлинникъ сообщенъ редакціи И. Д. Павловскимъ. Ред.

роны, неустрашимыя войска Екатерины низвергали турокъ въ Крыму. Геній этой удивительной жены парилъ не менѣе того и надъ остальною Европою. Никогда и никому лучше ея не были ввѣстны различные интересы державъ и никто не умѣлъ лучше ея соблюдать интересы своей имперіи и своей славы, какъ то свидѣлствуютъ всѣ ея великія дѣянія. Никогда и никто еще не умѣлъ лучше ея отличать дарованія и принимать ихъ къ дѣлу. Восначальники, ею избираемые, казалось, воспринимали мужество вѣстѣ съ возлагаемыми на нихъ порученіями. Войска ея гордились повиновеніемъ женщины; она одна придавала министрамъ своимъ разумнѣе всѣхъ дѣлъ. Она создавала образовывала, одушевляла все, что къ ней приближалось. Щедрость ея равнялась ея генію: расточенія ея благодѣянія несчастливы! Можно было думать, что она обрѣла золотые рудники и алмазные копи въ льдахъ Сибири. Удивленный симъ великодушіемъ, предѣловъ не вѣдавшимъ, одинъ извѣстный нисемець дозволялъ себѣ спросить ее—въ какомъ источникѣ она могла найти толькія сокровища? «Въ моей бережливости», отвѣтствовала ему Екатерина.

Ни единого дня не проводила она безъ отдачи себѣ самой отчета въ своихъ издержкахъ, и щедроты завтрашняго дня соразмѣрятся сбереженному сегодня. Заботы о столь великой имперіи никогда не препятствовали этимъ счетамъ благотворительности; не въ ущербъ вдовы или сироты она упражнялась въ сей высокой добродѣтели: напротивъ, она преимущественно одѣлала вдовъ и сиротъ.

Предоставляемъ рѣзцу исторіи и суду безпристрастнаго потомства достойнѣе прославлять житіе столь блестящее и благодатное, для описанія котораго мы могли-бы снабдить матеріалами будущихъ Тацитоль; но ради любви къ наукамъ мы обязаны бросить нѣсколько цвѣтковъ на могилу Екатерины. Чувство любви къ наукамъ почерпнула она во Франціи, гдѣ пребывала нѣкоторое время вѣстѣ со своею матерью, во дворцѣ Вандомскомъ, близъ Люксембурга: здѣсь видѣла она Фонтенеля, патріарха нашей словесности, и всѣ великіе умы, которыми столица наша еще изобиловала въ то время. Съ тѣхъ поръ, сдѣлавшись обладательницею скипетра Петра Великаго, она со славою посѣдовала по стопамъ такового предшественника. Этотъ безсмертный царь слишкомъ поспѣшилъ принесеніемъ наукъ въ свое царство: науки смутились при видѣ столь великаго варварства, и, пересаженные на почву не подготовленную, онѣ не вкоренились, зачахли. Явилась въ Петербургъ Екатерина—и онѣ освѣжились съ русскою природою: ея великодушіе ихъ воскресило; ея щедроты ихъ поощряютъ, очаровываютъ!

Россія не всегда была варварскою странною: греки водворили въ ней просвѣщеніе и оставили памятники, пришедшіе къ ветхости отъ времени и отъ небреженія невѣжества. Было суждено, чтобы женщина изыскала науки изъ-подъ развалинъ и обломковъ и возгла свѣточъ Прометея въ дикихъ стра-

нахъ. Убѣждая русскихъ, что предки ихъ были люди просвѣщенные, она вселила въ нихъ вкусъ къ наукѣ. Для дарованія имъ образцовъ и учителей она привлекла изъ Парижа въ С.-Петербургъ ученыхъ и художниковъ: прелестныя письма, ея рукою начертанныя, приводили въ восторгъ все, что только тогда было блестящаго въ нашей словесности. Однихъ она посылала свои портреты, украшенные брильянтами; у другихъ, по чувству трогательной деликатности, она покупала ихъ библіотеки, заботливо предоставляя таковыя въ ихъ пользованіе: она благотворила всѣмъ тысячами различными способами. Такимъ образомъ ея столица превратилась, въ наше время, въ отраднѣйшій пріютъ наукъ въ Европѣ; такимъ-то образомъ среди ужасовъ войны, стараніями Екатерины, цвѣли лавры Пермесса; она подала всѣмъ царицамъ единственный примѣръ въ мірѣ, объявляя себя музою наукъ и изящныхъ художествъ.

Для нихъ содѣлала она столько-же, если не болѣе того, что содѣлали Александръ, Августъ, король великій, Медичи и Людовикъ XIV. О, царица Великая, небожь порожденная на славу нашему вѣку, на утѣшеніе намъ въ столь маломъ числѣ великихъ мужей, если-бы кто возмогъ хулить справедливыя сѣтованія мои о твоей утратѣ, то могъ-бы быть лишь варваръ. Души великія всегда одобрятъ сію слабую дань, приносимую мною твоему праху!

Но вы, августѣйшій сынъ ея, нынѣ сидящій на ея престолѣ, вы, коего я имѣлъ счастье лицезрѣть и слышать въ Парижѣ, къ вамъ обращаю я мои безкорыстныя сѣтованія, исторгаемыя изъ сердца моего любовію къ словесности.

Мы видѣли прибытіе ваше во Францію подъ великимъ именемъ графа Сѣвернаго, которымъ вы были наречены самою вашею великою родительницею, ибо каждая мысль ея была проникнута величіемъ: печатка, ею вамъ врученная при отъѣздѣ вашемъ и изображавшая полярную звѣзду, была слѣпкомъ ея генія, точно также какъ и любви вашей къ ней. Вы достойно носили это прекрасное имя графа Сѣвернаго на берегахъ Сены: весь Парижъ восхищался вашей скромности и вашей вѣжливости; весь дворъ былъ въ восторгѣ отъ благородства и изящества, съ которыми вы говорили на нашемъ языкѣ. Помню, какъ вы уѣзжали изъ театра послѣ представленія прелестной трагедіи Расина и глаза ваши были увлажнены слезами: слезы драгоцѣнныя, приносящія не менѣе печали какъ душѣ государя, такъ и чувствительности поэта! О, добродѣтельный повелитель столь обширнаго царства, если когда-либо слабое сіе описаніе достигнетъ рукъ вашихъ, примите благосклонно мою хвалу, ея не внушаетъ ниѣ какой-либо расчетъ человѣческій,—и дозвоьте мнѣ къ сѣтованіямъ по вашей преславной родительницѣ присоединить пожеланіе вамъ: вся Европа обуюна ужасами войны; истощенные и страждущіе народы съ великими воплями просятъ мира. Счастливымъ обладателемъ столь обширной страны, вы можете даровать благо сію міру: силою разума,

силою вашей кроткой власти вы можете обезоружить это множество гордых бойцовъ... Приобщите славу сію къ славѣ, завѣщанной вамъ Екатериною; вѣчное правосудіе обладаетъ великою силою, исходя изъ устъ великаго царя!

Могущественный сынъ Екатерины, дай намъ услышать ея восхитительный глаголь! Мирная слава прославить тебя не менѣе кроваваго лавра войны! Милосердіе тебѣ сродно: воззри съ участіемъ на бѣдствіе людей; будь опять нашею полярною звѣздою, и признательность наша приложитъ послѣдній цвѣтокъ къ твоему вѣнку!

1797 г.

Поправки:

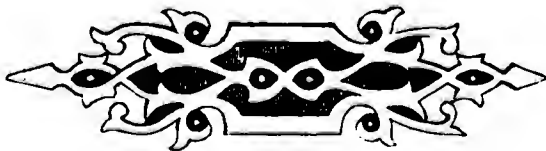
(См. „Рус. Стар.“ изд. 1892 г., книга іюль, статья: гор. Оленскъ, стр. 238—244)

	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стран. 240, сверху 2 строка:	Средне-Калымскъ	Средне-Колымскъ
Тамъ-же, снизу 1-я строка:	роизошла	произошла
Стр. 243, снизу 14-я строка:	почлегахъ	наслегахъ
Тамъ-же, снизу 9-я строка:	Оз. Нюрьбѣ	оз. Нюрьбѣ
	Сунтирѣ	Сунтарѣ

Вездѣ, гдѣ напечатано рѣка Оленскъ, слѣдуетъ читать Оленекъ.

Фр. III.

Въ заголовкахъ статьи, напечатанной въ настоящей, сентябрьской книгѣ „Русской Старины“: „Холера въ С.-Петербургѣ въ 1830 г.“, на оберткѣ и въ текстѣ, стр. 738 и III, вкралась ошибка: напечатано: „въ 1830 г.“, слѣдуетъ читать: „въ 1831 г.“. Такая-же поправка должна быть сдѣлана въ годахъ на стр. 742, предъ письмомъ, и въ колоннѣ-титлахъ означенной статьи.

Александръ Дмитріевичъ Кирѣевъ.

Въ іюльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1890 г. помѣщены Записки Михаила Николаевича Кирѣева, въ которыхъ говорится какъ былъ замученъ въ селѣ Родникахъ Пензенской губерніи нашъ прадѣдъ Михаилъ Михайловичъ Кирѣевъ, о чемъ упоминаетъ и Пушкинъ въ своемъ Пугачевскомъ бунтѣ.

У Кирѣевыхъ были родовыя имѣнія еще тогда, когда существовало Пензенское воеводство. Когда было введено раздѣленіе на губерніи, Кузнецкая округъ отошла отъ Пензенскаго воеводства къ Саратовской губерніи.

Такимъ образомъ, одно изъ родовыхъ имѣній Александра Дмитріевича Кирѣева было въ Пензенской губерніи—упомянутое село Родники, а другое—въ Саратовской губерніи, село Дьячевка, оставленны имъ дѣтямъ.

Изъ чего ясно, что у Александра Дмитріевича Кирѣева были родовыя имѣнія въ двухъ губерніяхъ въ бытность его управляющимъ конторою императорскихъ театровъ.

Софія Александровна Эдлгъ, рожд. Кирѣева.

7-го августа
1892 г.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ И В. И. РОБОРОВСКІЙ.

Замѣтка къ ихъ портретамъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г., книги январь и мартъ, напечатаны были Воспоминанія о знаменитомъ нашемъ путешественникѣ Н. М. Пржевальскомъ, переданныя его ближайшимъ помощникомъ и сподвижникомъ въ его славныхъ экспедиціяхъ, В. И. Роборовскимъ (см. о послѣднемъ автобиографическую замѣтку въ упомянутой январьской книгѣ, стр. 217 и 218), причемъ въ мартовской книгѣ журнала текущаго года было помѣщено изображение Н. М. Пржевальскаго въ гробу и видъ его могилы.

Къ настоящей книгѣ „Русской Старины“ мы прилагаемъ портреты Н. М. Пржевальскаго и В. И. Роборовскаго, гравированные художникомъ И. И. Матюшинымъ.

Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1892 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯВРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Императорскій московскій университетъ въ
въ 1798—1830 гг., въ воспоминаніяхъ Ми-
хаила Прохоровича Третьякова. Главы
I—VII 105--131, 307—345, 533—553
- II. Воспоминанія А. Л. Зеланда о польскомъ
возстаніи и о войнѣ 1830—1831 гг. Гл. I. 503—531
- III. Русскіе достопамятные люди. Запѣтки и вос-
поминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-
Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ лю-
дей русской земли“, Спб., изд. 1847 г., и
нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени.
(Рукопись изъ собранія Сергѣя Дмитріев.
Полторацкаго) 1—47
- IV. Путевыя очерки и воспоминанія. Поѣздка
по Франціи и Италиі. (Рукопись изъ
собранія С. Д. Полторацкаго)
245—296, 554—592
- V. Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Пи-
роговѣ, 1858—1861 гг. Сообщ. С. Н.
Кулябка. 725—737

- VI. Воспоминанія В. М. Вондлярларскаго о войнѣ 1877—1878 гг. Главы VI—VIII (Окончаніе) . 533—664
- VII. Въ Закаспійской области, 1879—1887 гг. Воспоминанія о М. Д. Скобелевѣ врача О. Ф. Гейфельдера . 181—216

Исслѣдованія. — Историческіе и биографическіе очерки. — Переписка. —
 Разказы, матеріалы и записки.

	СТРАН.
I. Дѣло о „смертномъ боѣ“ подьячаго Миклушина, 1709 г. Сообщ. А. Востоковъ	178—180
II. Явочное челобитье холопа на своего боярина, 1709 гг. Сообщ. А. Востоковъ	47—48
III. Изъ помѣщичьяго быта XVIII в. Разказы по подлиннымъ дѣламъ: 1. Смерть помѣщика Савина.—2. Секундъ-маіоръ Ромашовъ и его домоправительница.—3. Секундъ-маіоръ Анненковъ.—4. Возмущеніе крестьянъ помѣщика Арсеньева 1724 года.—5. Торговля вольными людьми въ XVIII в. Сообщ. А. Пупаревъ.	225—237, 496—502
IV. Путевыя записки морехода И. М. Соловьева 1770—1775 гг. Эпизодъ изъ исторіи открытій въ Восточномъ океанѣ. Главы I—II. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.	745—762
V. На кончину Екатерины II, урожденной принцессы Ангальтъ-Цербстской, императрицы и самодержицы всероссійской. Сообщ. И. Д. Павловскій.	- 763—766
VI. Письма императора Павла I къ Н. М. Бердяеву, екатеринославскому военному губернатору, 1796—1797 гг. Сообщ. А. Бердяевъ	49—69
VII. Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, род. въ 1739 г., † 1814 г., и его письмо къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, 1803 г. Сообщ. кн. В. Дабига	297—306

- VIII. Карлъ Ѳеодоровичъ Модерахъ, род. 1747 г.,
† 1819 г. Біографическій очеркъ. Сост. В. В.
Тимошукъ 364—372
- IX. Императоръ Александръ I и король прусскій
въ Англии въ 1814 г. Выдержки изъ англій-
скихъ газетъ Юрія Васильевича Толстаго. 347—363
- X. Станиславъ Романовичъ Лепарскій, комен-
дантъ Нерчинскихъ рудниковъ и Читинскаго
острога, 1759—1838 гг. Біографическій очеркъ.
Сост. Вѣра Тимошукъ. 143—177
- XI. Холера въ С.-Петербурѣ въ 1830 г.: 1. Раз-
сказъ очевидца.—2. Письмо Д. П. Свѣчина,
сообщ. Л. М. Савеловымъ . 738—744
- XII. Указъ изъ правительствующаго сената о на-
блюденіи, чтобы къ статскимъ дѣламъ не
были опредѣляемы люди, не умѣющіе грамотъ,
1831 г. Сообщ. А. Пупаревъ 70
- XIII. Адмиралъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллингау-
зенъ, р. 1778 г., † 1852 г. Сообщ. баронъ П. П.
Гершау 373—395
- XIV. Яковъ Васильевичъ Толмачевъ, ординарный
профессоръ спб. университета, р. 6-го октября
1779 г., † 18-го января 1873 г. Автобіогра-
фическая записка 699—724
- XV. Александръ Петровичъ Хрущовъ, род. 1806 г.,
† 1875 г. Выдержки изъ его писемъ, 1853—
1859 гг. 431—450, 593—614
- XVI. Доброе старое время. Главы III—V. (Окон-
чаніе). Сообщ. И. С. 479—495, 615—630
- XVII. Изъ замѣтокъ объ южной Болгаріи за время
окупаціи ея русскими войсками въ 1878 —
1879 гг. и о послѣдующихъ событіяхъ въ кня-
жествѣ Болгарскомъ. Сообщ. И. С. Ивановъ 665—698
- XVIII. Дмитрій Петровичъ Лебедевъ, 1851—1891 гг.
Сообщ. Е. Некрасова 217—224
- XIX. Къ характеристикѣ его имп. выс. великаго
князя Константина Николаевича, † 13-го
января 1892 г. Сообщ. С. И. К. 346

XX. Городъ Оленскъ. Сообщ. Фр. Шперкъ	238—244
Поправки.	766
XXI. Къ „Запискамъ доктора де-ла-Флиза“. Сообщ. О. А. Рахунковичъ.	180
XXII. Къ статьѣ Е. С. Некрасовой: „Н. А. Герценъ въ перепискѣ съ А. Г. Клиентовой“. Сообщ. Ив. Немолякинъ	224
XXIII. Александръ Дмитріевичъ Кирѣевъ. Замѣтка. Сообщ. Софія Ал. Эллисъ, рожд. Кирѣева	767
XXIV. Н. М. Пржевальскій и В. И. Роборовскій. Замѣтка къ ихъ портретамъ	768

Исторія русской литературы.

I. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, 1757—1836 гг. Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX в. (Окончаніе). Сообщ. П. О. Морозовъ	71—104, 396—430
II. Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Первое изданіе его басенъ, 1809 г. Сообщ. Н. В. Масловичъ.	132—135
III. Харьковскіе баснописцы: Григорій Сковорода, А. Н. Нахимовъ и В. Г. Масловичъ. Сообщ. Н. В. Масловичъ.	136—142
IV. Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ. (См. выше отдѣлъ: Записки и Воспоминанія).	
V. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Письмо его къ И. А. Гончарову, 1864 г. Сообщ. А. Н. Гончаровъ	532

Исторія художествъ.

- I. Театральныя воспоминанія Н. И. Куликова:
петербургскіе театры въ 1820—1830-хъ годахъ 451—477
- II. Артисты императорскихъ русскихъ театровъ
въ С.-Петербургѣ въ 1858 г. Замятка . 478

Портреты.

- I. Портретъ Михаила Дмитриевича Скобелева, † 25-го
іюня 1882 г., съ фотографіи, исполненной 5-го фев-
ралья 1881 г., послѣ штурма Геокъ-Тепе. Гравироваль
художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 1).
- II. Портреты Николая Михайловича Пржевальскаго
и Всеволода Ивановича Роборовскаго. Гравироваль
художникъ И. И. Матюшинъ.
(При стр. 503).
- III. Портретъ-группа артистовъ императорскихъ русскихъ
театровъ въ Спб., въ 1858 г. Фототипическій снимокъ.
(При стр. 245).

Библиографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Императрица Марія Ѳеодоровна (1759 — 1828). Ея біографія.
Сост. К. С. Шумигорскій. Томъ I. Спб. 1892. (На оберткѣ VII-й
книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
2. Очерки Кореи. Составлено по запискамъ М. А. Поджіо. Съ при-
ложеніемъ карты полуостр. Кореи. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
3. Исторія Апшеронскаго полка. 1700—1892 гг. Составилъ А. Богу-
славскій, штабсъ-капитанъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка.
3 тома. Спб. 1892 г. (Тамъ-же).
4. Списки титулованнымъ родамъ и лицамъ Россійской импе-
ріи. Изданіе департамента герольдіи правительствующаго сената.
Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
5. Д. И. Эварницкій. Исторія Запорожскихъ казаковъ. Томъ I.
Съ 22 рисунками. Спб., 1892 г. (На оберткѣ VIII-й книги „Русской
Старины“ изд. 1892 г.).

6. Исторія 13-го лейбъ-гренадерскаго его величества полка за 250 лѣтъ (1642—1892). Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
7. Земля и люди. Всеобщая географія. Элизе Реклю. Томъ VI. С.-Петербургъ. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. (Второе наданіе). 1892 г. (Тамъ-же).
8. Обзоръ Закаспійской области за 1890 г. С.-Петербургъ, 1892 г. (Тамъ-же).
9. И. С. Листовскій. Историческіе итоги. Спб. 1892 г. (Тамъ-же).
10. Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 гг. Архимандрита Палладія. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
11. По Египту и Палестинѣ. Путевыя замѣтки Е. Э. Картавцова Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
12. Значеніе германо-французской войны 1870—71 гг. въ исторіи военнаго искусства. Критико-историческое изслѣдованіе. Часть I. Стратегія. Составилъ ген. штаба полковникъ Н. Михневичъ. Спб., 1892 г. (На оберткѣ IX-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
13. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга шестая. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
14. Бессарабія. Историческое описаніе. Съ высочайшаго соизволенія издаю при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Посмертный выпускъ историч. изданій П. Н. Батюшкова. Спб. 1892. (Тамъ-же).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежешъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

НВ. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ отсылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеннымъ платежемъ.

Аболенскій, В., д-ръ. Самопомощь при азіатской холерѣ. Спб. Ц. 15 к.

Агивъ, А. Сто четыре рисунка къ поэзмѣ Н. В. Гоголя «Мертвыя души». Изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Беранье. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. Ф. Тхоржевскаго. Вып. IV. Тифлисъ. Ц. вып. 20 к.

Булгановъ, Ф. И. Альбомъ русской живописи. Картины и рисунки И. И. Шишкина. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Виларе, А., д-ръ. Энциклопедическій словарь. Переводъ подъ редакціею И. Р. Гарханова. Вып. V. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Волюнскій, С., кн. Художественное наслажденіе и художественное творчество. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Галанскій, М. И. Мѣропріятія противъ холеры русскаго и иностраннаго правительства и ихъ научныя основы. Спб. Ц. 2 р.

Грибоѣдовъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ редак. Арс. И. Введенскаго. Спб., 1892. Ц. 1 р.

Гусевъ, А., проф. Любовь къ людямъ въ ученіи гр. Л. Толстого и его руководителей. Казань, 1892 г. Ц. 60 к.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Спб., 1892 г. Ц. 45. к.

Загоскинъ, Н. П., проф. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань, 1892. Ц. 60 к.

Ивановскій, Н. И. Критическій разборъ ученія безнповцевъ о церкви и таинствахъ. Изд. 2-е. Казань, 1892. Ц. 1 р. 75 к.

***Лабутинъ, И.** Всемирная хронологія. Посobie по курсу всеобщей исторіи. Ц. 10 к. Петроградъ, 1892 г.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ и статьею о Лермонтовѣ К. И. Арабоджяна. 2-е исправл. и доп. изд. съ рпс. Кіевъ. Ц. 1 р.

Лесгафтъ, П. Основы теоретической анатоміи. Ч. I. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Монъ, М., Вр. Холера. Отчего она происходитъ, какъ распространяется и какъ бороться съ нею. М., 1892. Ц. 30 к.

***Масловичъ, Н.** Житейскіе напѣвы. Кулеты.—Напѣвы.—Сцены.—Переводы. Изданіе 2-е. Значительно дополненное. Спб., 1892 г.

Мѣры, предохраняющія отъ заболѣванія холерою, способы дезинфекціи и леченіе. Наставленія медицинскаго совѣта м—ва внутр. дѣлъ. М. Ц. 15 к.

Настольный энциклопедическій словарь. Издан. А. Гарбель и К^о. Вып. 47. М., 1892. Ц. вып. 30 к., на лучш. бум. 40 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Бѣломоры

* Этими знаками отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

и Соловки. Воспоминанія и рассказы. Изд. 4-е. Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Въ огнѣ. Повесть изъ послѣдней русско-турецкой войны. Съ рисунками. Кіевъ. Ц. 1 р.

Новыя правила о пятейной торговлѣ, высочайше утвержденныя 5 мая 1892 г. М. Ц. 30 к.

Новыя правила о порядкѣ представленіи къ чинамъ, орденамъ, медалямъ и пр. высочайш. наградамъ. Спб., 1892. Ц. 25 к.

Оглоблинъ, В. Н. Вода въ красильномъ производствѣ. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Плутаркъ. Сравнительныя жизнеописанія Т. IV, вып. 1-й. Филозаментъ и Титъ Фламиній. (Дешев. Библиотека). Спб. Ц. 15 к.

Повторительный курсъ глазныхъ болѣзней. Кіевъ. Ц. 75 к.

Правила о раздробительн. торговлѣ крѣпкими наитками. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Предохранительныя мѣры и первая помощь при азиатск. холерѣ у дѣтей. Кіевъ. Ц. 10 к.

Рапчешскій, И. Ф., д-ръ. Объ азиатской холерѣ. Двѣ научно-популярныя лекціи. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Риктеръ, Евгений. Соціально-демократическія картины будущаго въ Германіи. Вольное сатирическое подраженіе Бебелю. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высыластъ книги и въ переплетъ. Цѣны переплетовъ: шагреновый съ коленкоромъ—50 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старины» безъ малѣйшаго замедленія.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

АРХИВЪ КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА.

Книга третья, издавшая княземъ Ѳ. А. Куракинѣмъ, подъ редакціею М. И. Семеваго и В. И. Смольянинова.

Съ прилож. портретовъ кн. Бориса Александровича Куракина († 1764 г.) и княгини Елены Степановны Куракиной († 1768 г.).

Книга украшена вишнетками-рисунками почетнаго члена императорской академіи художествъ Ѳ. Г. Солнцева. 1892 г. XIX+438 стр.+XIII.

Цѣна 3 руб., на велевеновой бумагѣ 4 руб.

Складъ изданія въ Надеждинской конторѣ князя Ѳедора Алексѣевича Куракина—гор. Сердобскъ, Саратовской губ.

Сентъ-Меръ-де-Бернардень. Павелъ и Виргинія. Перев. съ франц. Еж. Бекетовой. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к.

Слющъ, Н. Д. Мнемотехника и искусство укрѣплять память. Одесса, 1892 г. Ц. 35 к.

Солосъевъ, Т. Теорія волевыхъ представленій. Отношенія ея къ спеціалн и элеваціи органич. міра. Спб., 1892. Ц. 2 р.

* Труды высочайше учрежденной Рязанской ученой архивн. комиссіи за 1891 г. Изданіи по редакц. правителя дѣла А. И. Селиванова. Т. VI. Рязань, 1892 г.

* Труды Рязанской ученой архивной комиссіи. Т. VII. 1892 г. № 3.

* Холмои народный календарь на 1893 г. Петроградъ, 1892 г.

Царскосальскіи скачки (результаты). Сезонъ 1892 г. Спб. Ц. 20 к.

Цюлковскій, К. Аэроататъ металлическій управлений. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Щербина, В. И. Изъ семейнаго архива. I. Записки Андрея Петровича Рудыковского (1796—1874 г.).—II. Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковского (1784—1851 г.). Кіевъ, 1892 г.

* Щербина, В. И. Кіевскіе воеводы, губернаторы отъ 1654 по 1775 г. Кіевъ, 1892 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣтелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА (бывшій Моляе и К^о). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Бога), Н. Я. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Нижегородцые обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлахъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія в матеріалахъ къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣтелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отамы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, череписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ продажн слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (10 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (51 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (28 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (53 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (27 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (50 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (59 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (43 экз.), съ портретами, 9 руб.

путешествія Погодина по разнымъ сверхъ-крымъ губерніямъ, для ознакомленія съ ихъ древностями и размѣскамія историческія памятники. Вообще, нельзя не сказать, что г. Баруковъ шлоизъ добросовѣстно и умѣло воспользовался находящимися въ его распоряженіи богатѣе матеріалами и что книга его займетъ почетное мѣсто среди историческихъ исследованийъ развитія науки и литературы въ нашемъ отечествѣ.

И. О.

Бессарабія. Историческое описаніе. Съ Высочайшаго соизволенія издаю при министерствѣ внутрен. дѣлъ. Посмертный выпускъ историческихъ изданій П. Н. Батюшкова. Съ 3-мя фототипіями, 53-мя гравюрами и картою. Спб. 1892. 177+95 стр.

Имя Поппея Николаевича Батюшкова давно извѣстно русскому обществу по монументальному его изданію: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ“, первые четыре выпуска котораго, посвященные древностямъ на Волгѣ, вышли еще въ 1866 г., а послѣдующіе: V-я—въ 1872 г., VI-я—въ 1874 г. и послѣдніе два, VII-я и VIII-я, посвященные Холмской Руси—въ 1885 и 1886 гг.

Въ виду того, что „Памятники“, составляя издавіе роскошное и дорогое, печаталось въ ограниченномъ количествѣ и потому не могли имѣть широкаго распространенія, П. Н. Батюшковъ началъ съ 1887 г. другой рядъ изданій по историческому описанію западной Россіи,—болѣе дешевыхъ и потому болѣе доступныхъ большинству читателей. Такъ, въ 1887 г. вышла въ свѣтъ книга „Холмская Русь“, въ 1888 г.—„Волынь“, въ 1890 г.—„Бѣлоруссія и Литва“ и въ 1891 г.—„Подолія“. Только что вышедшій въ свѣтъ многотомный сборникъ „Бессарабія“ началъ печатаніемъ еще при жизни автора, въ концѣ 1891 г., но оконченъ уже послѣ его смерти († 20-го марта 1892 г.) однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ покойнаго—М. П. Городецкимъ.

Тексту историческаго описанія Бессарабіи предпосланы прекрасно составленные академикомъ Л. Н. Жайковымъ біографическія очерки П. Н. Батюшкова, въ которыхъ весьма рельефно очерченъ заслуга его какъ на поприщѣ государственной слу-

бы, такъ и въ области научныхъ его исследованийъ по исторіи восточныхъ владѣній имперіи.

Привѣтствуя появленіе настоящей книги, составляющей такой-же прекрасный вкладъ въ русскую историческую литературу, какъ и всѣ предыдущія изданія, предпринятые П. Н. Батюшковымъ, — пожелаемъ книгѣ самаго широкаго распространенія въ нашемъ отечествѣ, особенно среди учащейся молодежи.

Въ заключеніе нашей благой замѣтки укажемъ здѣсь общее содержаніе главъ, на которыхъ распадается сборникъ: Глава I. Появленіе русскихъ славянъ на историческомъ поприщѣ и въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи до основанія Русскаго государства.—Глава II. Участіе приднѣпровскихъ русскихъ славянъ въ образованіи русскаго государства отъ основанія его до образованія княжествъ Валахія и Молдавіи.—Глава III. Образованіе и расширеніе славяно-румынскихъ княжествъ Валахія и Молдавіи.—Глава IV. Внутреннее состояніе румынскихъ княжествъ, преимущественно Молдавіи: религія, церковь, духовное просвѣщеніе, письменность и національныя отношенія и черты. — Глава V. Отношенія турокъ и татаръ къ Валахіи и Молдавіи и постепенное выдѣленіе изъ нихъ особой области Бессарабіи, непосредственно подчиненной владычеству турокъ.—Глава VI. Событія русскаго народа и государства къ освобожденію Валахія и Молдавіи отъ турецко-татарскаго ига, до воссоединенія Бессарабіи съ Россіей въ 1812 г.—Глава VII. Судьбы Бессарабіи подъ русскими владычествами съ 1812 года и до крымской войны 1853—1855 гг.—Глава VIII. Судьбы Бессарабіи послѣ крымской войны 1853—1855 гг. и до настоящаго времени.

Книга украсена прекрасными портретами царствующаго Государя Императора, также весьма хорошо исполненными портретами покойнаго П. Н. Батюшкова и многими другими, весьма ценными, приложеніями, а именно: портретами и изображеніями историческихъ лицъ, видами и местностей и изданій и разными другими изображеніями. Въ концѣ книги помѣщена хронологическая карта Бессарабійской губерніи.

А. Д.

